АЛЕКСАНДР КОЗИН

НАЙДЕННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

КНИГА ВТОРАЯ

ПРИДЕЛЫ ПОЛЯ КУЛИКОВА

Александр Козин

НАЙДЕННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

Роман

Приделы Поля Куликова

Книга вторая

Я замерзал. Временами открывая глаза, видел летевшие, словно осколки летнего солнца, блестящие листья, капли, обжигающие голое по пояс тело, птиц, косяками уходящих на юг… А к вечеру стал понимать, что ночью возможны заморозки, после которых меня не станет… Я сжал в ладони нательный крест и принялся шептать Иисусову молитву: - *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй мя, грешнаго… Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго…. Господи Иисусе…*

«Хорошо, что не жарко… - вдруг возникла мысль, - Иначе бы мухи, комары, муравьи давно поживились бы мною…».

Я попытался повернуться, оглядеть себя. Раны в плече и бедре вспухли и жгли жарче ледяных капель. Осколок стрелы так и торчал из бедра.

«Даже отходную некому прочитать!» - опять всплеснулась в голове мысль. Но ее перебила другая: - «А кто читал отходную по моим?! Сколько же русичей вот так, без напутствия, отходят в мир иной…!»

- Рановато отходную-то по тебе читать! – вдруг явственно, почти над самым ухом услышал я. И увидел рядом, шагах в пяти от меня, сидящего на бревне, русьского князя, - это легко можно было определить по красному теплому плащу… Неужто, Великого Князя?! Да откуда ж ему взяться в эдакой глуши?! Все понятно: начались предсмертные видения…

- Рано, молвлю, тебе, хоронить себя! – повторил незнакомец.

- Ты кто? - только и смог прохрипеть я. - Если – русьский, помоги стрелу выдернуть… Кровь останови… Что смотришь-то?! Что зубоскалишь?! Саднит…

Князь действительно улыбался. Я пригляделся к нему через силу. Но что это?! На его плече, через дорогой, золоченый доспех и кольчугу сочилась кровь… Да и на бедре было большое темное пятно… Я оглядел себя. И вдруг увидел у себя то же самое, на тех же самых местах…

- Ты – моя душа?! – неуверенно, дрожа, - то ли от холода, то ли от непонятности, - спросил я… - Гляжу ты тоже ранен… Точь-в-точь как я…

- Душа, молвишь? Как тебе сказать? – хмыкнул он. - Я, конечно, не твоя душа… Но пришел тебе помочь… И помогу. А ранен я давно… Очень давно… Только и при самых тяжких ранах, думать надо в первую очередь, - поразмысли-ка ты, о чем? За что ты эти раны получил? Отныне задумайся? Для чего жил и живешь? Вспомни, что читал твой дед по вечерам? Вернись к Отцу!

- Мой отец погиб в отчине! – скрипнул я зубами. - А как я жил? Как все! Был князем, имел жену, детей… - слезы навернулись у меня на глаза. - Была отчинка…

- Да-а… - протянул он. - Отчинка! Она у тебя – от отца земного… И то – не от него, в первую чреду. А Отчина?! Русь?! Она – от Кого?! Что ты для нее сделал?! Впрочем, ты пока не понял… Ну что ж, поймешь… Только… А впрочем, вот и помощь к тебе идет… Как просил… Только сам поразмысли теперь о том, о чем я тебя спросил… Поразмысли на досуге. А мы еще свидимся! Будь здрав, князь…

Он исчез, как исчезает облачко на небосводе. А невдалеке послышались голоса. Я начал нагребать на себя листья, чтобы хоть как-то укрыться… «Неужели они вернулись?!» - стучало в голове. Но тут я узнал русьскую речь, вздохнул. И опять насторожился: - «Откуда здесь нашим взяться?! Да еще и смеются, переговариваясь…».

Я прислушался. Разговаривали несколько человек. Судя по движению, верховые. Я попытался крикнуть, но от боли все поплыло перед глазами и потонуло в густой темноте, разрываемой языками пожара, вспыхнувшего в памяти…

- И-и-и, Афанасий! Да это ж - наш! Глянь, с крестом! – услышал я откуда-то издалека хрипловатый голос.

- Много таких наших, с крестами, поганым служат! – ответил басом кто-то другой.

- Не-е, Афанасий, этот не служит… Глянь, из ноги осколок стрелы торчит. Татарская стрела-то! И на плече рана вспухла… Да жив ли он? – протараторил отрывисто третий. - Ежели упокоился, то по-христиански земле предать надобно.

Лица наклонившихся надо мной мужиков то мутно возникали, то заволакивались тьмою. И я никак не мог толком разглядеть их.

- Ладно, что зря языками молоть! - опять прозвучал басовитый голос. - По-христиански, взять мы его должны… Хотя… А ну, как наведет кого на наш схрон…

- Щас, навел! Он и себя-то не помнит! – опять как бы пробарабанил их собеседник. - Дай ему свой зипунишко, Ляксий! И давай, к седлу привяжем. В схроне матушка Агафья и осколок стрелы вынет, и другие раны подлечит… Эвон, как его разукрасили… Глянь, на спине, на плечах рубцы какие, узорчатые, и лицо – все в синяках. – Ну-ка, милый, поднимайся! Потерпи-потерпи…

Несколько сильных рук подняли меня, усадили в седло и осторожно привязали к нему… Боль прожигала тело. Я до крови прикусил губы. Сзади кто-то вскочил в то же седло…

…Очнулся я от жары. Под собой почувствовал грубо сплетенные толстые ветки, покрытые волчьей шкурой. Такой же точно укрыли и меня. Сквозь прикрытые веки виделась землянка. А то, что по стенам ее вились малые, средние и большие корни, говорило о месте нахождения. Вырыта она под каким-то могучим, вековым деревом. В одной из стен светилось, потрескивая поленьями, углубление очага. Однако, дымно не было. Значит, оборудовали и дымоход…

На грубо сколоченной из березок лавке кто спал, откинув наполовину с себя медвежью шкуру. А у стола рядом с очагом суетилась приземистая, полная старушка. Она достала из очага чугунок, бросила в него, сорвав со стены пучок какой-то травы, поправила дрова. Слила из чугунка отвар в глиняную плошку и повернулась ко мне. Передо мной стояла седая, в паутинке морщинок и со светлыми глазами цвета живого неба баба….

- И-и-и, милый! Пришел-таки в себя! А поди и не помнишь, как рвался, да разметывал всех, когда осколок-то стрелы у тебя из ноги вырывали, - заулыбалась она, - На-ка, испей, касатик! Это – травка целебная. Вмиг на ноги поставит! – заулыбалась она всеми морщинками .

- Ты ведунья? – попытался отмахнуться от нее я, но снова чуть не потерял от боли сознание.

- И-и-и, какая ж я ведунья?! Еще скажи, ведьма, прости, Господи! – перекрестилась она. - Попадья я вдовая… Батюшку, супруга моего, на кол поганые посадили еще годочек назад. За то, что всю церковную утварь, да злато-серебряные ризы со святых икон, сосуды священные закопал и не выдал им…

Она промокнула кончиком платка набежавшие на глаза слезы, перекрестилась и вдруг взметнулась: «Что ж это я, грешница старая! Испей-ка настоя!»

И подняв мою голову, поднесла плошку к губам. Горячая, душистая влага растеклась по всему телу. Боль притупилась.

- Господь все создал во здравие человеку. Каждую былиночку! Да память у нас по грехам нашим замутилась: какая от какого недуга. – приговаривала она, вновь наклоняя к моим губам плошку, после каждого глотка. - Пей-пей, родимый! Все надобно выпить… Травка-то, она, даже которая на первый взгляд ядовитая, всякая от разных хворей… Только ведать надобно, какая и сколько ее для исцеления потребно… И какого недуга… Так Бог сотворил!.. Так вот, сожгли поганые церковку нашу, истбы, хлева, амбары… Кого порубили, кого в полон увели. А меня батюшка благословил в погребе сидеть… Как село зажгли нечестивцы, так сразу и уехали… А тут – ливень! Да какой! Все и затушил… Если б не эта милость Господня, видать по святым молитвам отца Иоанна моего, то сгорела б я, или угорела от дыма. Выбралась! А тут и Афанасий с мужиками приехали. Они на дальнюю охоту ходили. Двух вепрей,

трех лосей, медведя завалили, а уток, гусей, лебедей – не счесть… Да вот только кроме меня и потчевать некого было… Поганые даже всех собак порубили, да на пики насадили, кошек перестреляли… Вот и ушли мы тогда все в лес, - село-то наше на большой дороге стояло… Никогда прежде так не лютовали вороги… А тут, как с цепи сорвались…

«Действительно, - подумал я, - раньше поганые за убийство русьского попа своих же казнили… И церквей не жгли… Что-то в Орде произошло серьезное! Ох, слышал же я на Москве, при дворе Великого Князя… Запамятовал… Боль вспомнить мешает».

В угол землянки откуда-то сверху свалился рослый, наполовину с серебром в бороде, плечистый мужик в кольчуге под полушубком, шеломе, надетым на суконную шапку, с мечом на боку.

- Афанасьюшка! – встрепенулась попадья. - Приехали! А я сей час трапезу соберу. Все как раз готово!

И она кинулась доставать из очага горшки, чугунки, нанизанные на вертело тушки дичи.

- Ну? - подошел ко мне Афанасий. - Мир тебе! Пришел в себя? Гляжу, русьский ты, крещеный… Как величать-то?

- Ляксандром кличут, - ответил я.

- Из чьих ты будешь?

- Из Володимирских…

В это время в землянку ссыпались еще мужиков восемь. Они встали сзади Афанасия и тоже слушали мой рассказ.

- Служить хотелось у Великого Князя Димитрия Иоанновича. Вот и подался на Москву. Взял меня в дружину Великий Князь. Велел за женой, да детками двумя ехать, привезти из отчинки. А я, приехав, одни головешки от терема своего, церкви нашей и всего села застал… Кто? Что? Когда? Никто не мог мне поведать… Но произошло это незадолго моего возвращения в отчину… Следы поганского отряда еще остались на дороге. Поскакал следом… Узнать хотел: хотя бы живы ли? Выкупить, может быть!.. Да на разъезд поганых налетел… Взяли они меня в оборот… Пристроили к полону… Да вот колодки не хватило, так к другому колоднику привязали. Там я своих не увидел… Да и полон большой. А тут не прогуляешься даже на привале. К тому же и раздели почти догола, так, решили, в одних подштанниках не убегу: прохладно уже становилось. Но я бежал. Веревку ночью перетер о колесо телеги и бежал… Они – в погоню. Ранили. Скатился я в овраг, в самую листву. Зарылся. Они и проскакали, не заметив… Одну-то стрелу из плеча вырвал сам. Другая сломалась, когда в овраг скатывался. Полз какое-то время. А как пошел дождь, да похолодало, так силы и оставили… Думал, отхожу уже… Если б Господь вас не послал…

Афанасий, - а он, как я понял, был здесь за старшего, - задумался. Потом сказал: «И-и-и! Да ты княжеского рода?!»

- Князь! – усмехнулся я. - Погорелого двора.

- По моему мужицкому разумению, - покачал он головой, - княжье звание определяется не богатством, сундуками да мехами, мужиками да селами, а отцовским отношением к самим мужикам, сыновьим – к Великому Князю, и службой до смерти Отчине, да вере Православной. Не своей сельской или посадской отчине, а всей земле Русьской!.. Ладно, князь Ляксандр, пока вставай на ноги, - матушка Агафья поможет. А там, дальше, решим…

И обратился к своим: «Давайте молиться и – за трапезу».

Они сели за стол, а я, облегченный от боли горячим настоем, забылся…

Утром Афанасий снова подошел ко мне: «А велик ли числом был отряд поганых, в полоне которого ты шел?»

- Не велик… Всадников пятьсот…

- Слышь, матушка Агафья?! И наше село такой же отряд спалил. Думается мне, что не по ханской, а по своей воле эти разбойники ходят к нам. Что-то у них в орде там не ладится, коли порядка нету…

- И то верно, Афанасьюшка! – ответила попадья, скручивая за прялкой нить. Однако, видно было, что мысли ее далеки от слов. Тут, вдруг вспомнив, вмешался я: «При дворе Великого Князя говорили, что раздор великий в Орде. Сам-то Димитрий Иоаннович братовал с ханом Джанибеком… Митрополит Алексий молитвой исцелил ханшу от слепоты. И та, говорят, крестилась в веру Православную. А тут появился темник Мамай… Лютый, что твой волк! Ни чужих, ни своих не жалеет. Он-то и сеет раздор. Сам ханом стать хочет. Сколько наших в Орде погубил?!»

- А что Москва? – присел на лавку Афанасий.

- У-у! Москва каменный Кремль возводит! – даже сумел улыбнуться я.

- Каменный?! – вскинул брови Афанасий. - Так поганые же запретили любые каменные постройки…

Даже матушка Агафья отвлеклась от своего дела и вскинула на меня глаза.

- Великий Князь Димитрий Иоаннович, как мне сказывали москвичи, только из отроческого возраста вышел, как большой пожар на Москве случился. Почти весь город выгорел… От грошовой свечки… Тут и начал Великий Князь башенки из камня возводить. Мол, дерева мало под Москвой осталось, на стены не хватает. А камня – много. Поганые и не заметили. К тому же Джанибек и не очень-то притеснял нас… А теперь, видимо, поганые ханы да ханыжки грызутся, словно псы, между собой. Опять же – не до нас! – я сам увлекся рассказом.

- Мудер Великий Князь, – крутанул головой Афанасий. - Хоть и молод!

- Его же сам митрополит Алексий наставлял! Да и сейчас не перестает пестовать…

- А ты что скажешь, матушка Агафья? – повернул голову к старушке Афанасий.

- Чему я, худая баба-попадья, могу научить вас?! Щи варить? – потупилась она.

- Ладно-ладно! Таких «худых», да поболе бы нам на Русьскую землю. Глядишь, давно погнали бы поганых… Ты у нас – как молитва супруга твоего приснопамятного отца Иоанна… Царствие ему Небесное! - перекрестился Афанасий. За ним последовали и другие. Как бы отвечая, матушка Агафья вытерла руки о передник, подошла к святому образу, встала на колени и зашептала молитву. Все притихли, изредка повторяя за ней крестное знамение. Наконец попадья поднялась с колен и подошла к столу. Поклонилась на три стороны.

- Простите меня, мужики, и ты, староста Афанасий, и ты, князь Ляксандр! - повернулась она на миг ко мне. - Первая думка после молитвы – от Бога! Потом только враг мутить в голове, да в сердце начинает. Так меня супруг мой, отец Иоанн учил. Так вот и скажу я первую думку, коли велишь, Афанасьюшка. А думка такая. Коли, зная, что в Орде межусобица, Великий Князь решился каменный Кремль возводить для бо-ольшого дела. Готовится он побить поганых… А посему и людям русьским, кто еще родство свое и веру Православную не позабыл, надобно в Москву стекаться… Да послужить вере, Великому Князю и Отчине нашей.

- Дело говоришь, матушка Агафья! – забасил Афанасий. - Я после рассказа князя Ляксандра тоже подумал звать всех на Москву. Хватит нам в лесу, точно звери дикие, хорониться. Итак, зайцами сколько месяцев сидим. Я, к слову, устал заячьим хврстом дрожать! Только мало нас… Да вот, Ляксандр еще слаб…

- Ежели его сам Великий Князь на службу взял, так, узнав, как придем, глядишь, и нас не прогонит. Главное, на поганых по дороге не нарваться! – раздумчиво произнес Алексий.

- Матушка Агафья! – подал голос я. - А сколько ж мне еще валяться?

- И-и-и, милый! – отозвалась попадья. - Ден десяток, пока сможешь наверх выйти, да верхом сесть… И то – саднить раны будут.

- Вытерплю! – выдохнул я.

- Собраться ден десять хватит… - раздумывал Афанасий. Вдруг повернулся к мужикам: «Филиппка! Завтра поезжай к схрону власьевских мужиков. Зови их с нами. Эдак нас вместе с власьевскими полсотни наберется… А пока готовиться будем. Собрать надо все оружие».

- Афанасий! - позвал я. - Не хочу без дела сидеть. Дозволь, хоть стрелы буду готовить. Вы мне только прутья для них, перо, костей на наконечники, да жилы дайте… Бычьи – получше будут…

- Как можно? Ты ж - князь! – возразил Афанасий.

- А в бой с погаными ты меня тоже, как князя, не пустишь? – слабо попробовал улыбнуться я. Староста аж крякнул: «Ну, уел! Будь по-твоему!»

Прошло несколько дней. Все это время было слышно, как снаружи схрона шел дождь. Я сидел, обтачивая под наконечники стрел небольшим кремешком, а потом галькой птичьи, бараньи и свиные кости, положив под них большой плоский камень. Потом привязывал их к прутьям. Наконец, крепил оперения. Когда я в первый раз рано утром вылез наружу через служившее входом дупло в огромном дубе, шел первый, наверное, снег… В тишине отчетливо раздался стук копыт. Я схоронился в дупло. Память живо восстановила самые горькие мгновения из последних месяцев жизни: сгоревшую отчину, трупы отца, матери, селян, пленение, ранения, подготовку к смерти… Однако подскакавшим оказался Филипп, рослый, худой мужик. Он ловко соскочил с коня и спросил: «Князь, не видал Афанасия?»

- Внизу. Недавно приехал, - ответил я, с удовольствием вдыхая свежий, родной, осенний воздух. А через некоторое время из схрона кликнули меня. Я вошел в дупло и спустился почти по отвесным ступеням. Каждый шаг все еще отдавался болью в бедре.

- Во-о-о, сколько стрел князь Ляксандр нам понаделал! – показал Афанасий мужикам несколько связок. – Ить надо ж было каждую косточку обточить, примотать, перыщки закрепить…

- Времени-то сколько было! - отмахнулся я.

- Присядь, князь, – продолжал Афанасий. - Ты, коли брал тебя Димитрий Иоаннович в свою дружину, да, поди, не простым ратником, воинскому делу обучен. Вот и подскажи нам… Идет сейчас по дороге на Москву тысяча поганых… Похоже, гонец знатный грамотку какую везет Великому Князю… Взять бы нам ее…А?

- А зачем, Афанасий? – подумав, заговорил я. - Шум поднимется… Хан тьму пошлет… Опять - разор селам, посадам, а то и городам… Лучше «языка» взять. В лес тысяча не сунется. Они ж – степняки. Леса боятся. А «язык», - не посол, конечно, но и не простой воин, - пропал и пропал… Они ни своих, ни нас не считают. Сколько у нас ратников?

- Да какие ж мы ратники? Мужики! – покрутил головой Афанасий. - Одна ратность – из лука все хорошо бьют! А на мечах?! Отроки из княжьей дружины лучше деревянными махаются…

- А на кулачках как? – улыбнулся я.

- Эт-то – за милую душу! – расплылся в ответной улыбке Афанасий.

- Ну вот и ладно… Где идут поганые сейчас?

- Власьевские сказывают, перехода за два от нас…

- Значит, завтра к вечеру будут здесь… Идут-то они не торопясь… - размышлял я. - А не навестить ли нам их нынче ж ночью? Поглядим, Бог даст, что и сладится. Сколько, говоришь, мы сможем посадить на коней мужиков?

- Не более полусотни, вместе с Власьевскими… – как бы нехотя ответил Афанасий, - Мы проедем их схрон. Филипп говорит, мол, они готовы с нами идти.

- Маловато… Ну что ж, ежели доверяете мне, сбирайтесь. Выходим сейчас! – встал я с лавки. Мужики одобрительно загомонили, поглядывая на Афанасия. А тот все оборачивался на матушку Агафью, перебиравшую свою пряжу…

- Ну что ты на меня зыркаешь, Афанасьюшка? – промолвила она, не поднимая глаз. - Твой-то князь где? В Орде! Кобылий хмель пьет… А как ты ему служил?! Он же отчину отдал на разор!.. Хоть десяток ворогов изведите! И мечей тогда побольше добудете, и стрел, и доспех какой, да и коней опять же, - чтобы о-дву-конь на Москву идти… Веревки ихние добудьте… В хозяйстве пригодятся. Стрелы опять же с железными жалами, а не с костяными… Луки – боевые, а не охотничьи. Панкрата из Власьевки призови, - он по-погански разумеет: сколько раз в Орду ходил по торговым делам.

- Власьевка – село соседнее. - это она уже объясняла мне, пока я натягивал кольчугу. - Тоже пожгли поганые. Только Панкрат всех успел предупредить… Он с ловли возвращался и лесом обогнал разбойников. Там многие спаслись. Кто, – в основном отроковицы, старики, старухи, да женки с малыми детками, - к родне в другие села, да деревни подались, а иные, как и мы, - в лес. Поначалу ими поп ихний, Петр, верховодил. Да вот слег недавно, занедужил. Отвезли его в деревеньку лесную, выхаживают. Сын у него – знатный боец. Еще бороды не брил, а один на медведя ходил! Все к моей Акилинушке приглядывался…

Глаза у матушки опять покраснели, и она промокнула их кончиком платка.

- Да что ж ты за Фома-невера такой?! – вдруг прикрикнула она на Афанасия. - Посылай за конями в овраг! Я – вон лепешек настряпала с желудями, для крепости тела… Ну, что стоишь, Афанасьюшка?

Все исчезли из схрона…

- Дай-ка я тебя благословлю по-матерински, - подошла ко мне матушка Агафья. – Верю я тебе! Глазки у тебя - от живого неба, где нет бесов…

Я не смог после таких слов не опуститься перед ней на колени. Она перекрестила меня широким знамением… И куда только боль и ломота в теле делась?!

В схрон спрыгнул Филипп и протянул мне меч, щит, колчан и лук. Я снарядился. Прихватил стрел, сколько ухватила ладонь. А из-под волчьей шкуры достал стрелу без жала и тут же быстро прикрутил к ней острие, изъятое из моего бедра.

- Накинь-ка полушубок! – окликнула с деланной строгостью меня матушка Агафья. - Чай, не начало лета…

Филипп тем временем сгреб в охапку все стрелы, заготовленные мною, едва обхватив их руками. Довольно хмыкнул и полез наружу.

- На рожон-то не лети там! – погрозила пальцем попадья и тут же горько подперла им щеку.

Мы выехали, – двенадцать всадников. Вскоре к нам присоединились еще мужиков сорок. Особо среди них выделялся статный молодец с только что пробившейся бородкой. Подскакав ко мне, он поклонился: «Будь здрав, князь! Спаси тя Господи! Я – Глеб, сын попа Власьевского».

- Ляксандр, - протянул я руку и ойкнул: его пожатие отозвалось резкой болью в плече.

- Что, рана?

- Да, саднит слегка, - приуменьшил я.

- Бывает… Поведай, что задумал?

- Взять «языка». Не из простых, конечно. Ваш Панкрат разумеет по-ихнему. «Языка» допросим и узнаем: кто и зачем идет, с чем идут… Афанасию сдается, что грамотку какую-то на Москву везут… Всю ж тысячу мы не положим…

- Дело! – кивнул головой Глеб. - А как?

- На месте поглядим, прикинем.

И мы пустили коней вскачь. Я взглянул на колчан Глеба. Там переваливались всего пять стрел. Пришлось приостановиться, чтобы дождаться Афанасия.

- Поделиться бы стрелами надобно с Власьевскими, - предложил я ему.

- Сами могли бы заготовить! – проворчал староста. Но первым выхватил пук из своего колчана и передал какому-то мужику. Я отдал Глебу часть своих.

- Спаси тя Господи! - благодарно улыбнулся он. - Вот удружил-то.

И тут же сам поделился с кем-то из мужиков… Снег изредка переходил в дождь, но волчья шкура, из которой был грубо сшит мой полушубок, спасала и от влаги. Я перекрестился, шепнув: «Спаси, Господи, матушку Агафью».

- Боишься? – услышал я голос незаметно подскакавшего Глеба.

- А ты – нет? – хмыкнул я в ответ.

- Волков бояться - в лес не ходить! Акилинушку мою увели поганые в полон. Мечта у меня – спасти ее или самому сгинуть! А пока – бить их, бить, бить!..

- Горяч ты, Глеб! Впрочем я и сам таков… Ведь не подумал, когда погнался за полоном, в котором, должны бы были идти и жена, и сын, и дочь… Не повтори моих промашек! – улыбнулся я ему.

- Батюшка бает, что бояться надо одного Господа. А что ж бояться, коли Он милостив! – пожал плечами Глеб.

- Матушка моя меня учила, что бояться Бога – значит бояться огорчить его думкой или делом каким…

Снег повалил пушистыми хлопьями. Вдруг утиное кряканье остановило всех нас. Подскакал Филипп.

- Князь Ляксандр и ты, попович, и вы мужики! - громко начал он. - Тысячи три шагов отсюда - до поля. В середину его, на холм поганые ушли. Привал сделали. Сторожу поставили в тысяче шагов от шатров, почти у самой опушки… Бояться в лесу останавливаться… Костры развели. Мясо варят…

- Баранинки захотелось? Или конинки? - засмеялся Афанасий и все подхватили его. Я покрутил головой. На возвышенности, шагах в ста раскинулся вековой рослый дуб.

- Глеб, влезешь на него? – кивнул я головой молодцу.

- А то?! С измальства и не на такие за медом диких пчел лазил, - пожал он плечами и, лихо подскакав, прямо с коня прыгнул на нижнюю ветку трехобхватного великана. Я подъехал следом. А Глеб уже устроился почти на самой верхушке.

- Все вижу..! - раздался его голос, - Похоже из центрального шатра вышел молодец… И не простой, - ежели судить по доспехам… Вскочил на коня… Махнул рукой… Точно, сотник. И вся сотня - уже на конях. К нам двинулись, в нашу сторону… Только зачем?

- А вот это мы сейчас и узнаем! - какая-то веселость напала на меня, и я подмигнул Афанасию. Глебу же крикнул: «Спускайся!»

Когда он был на земле, я спешился и на снегу начертил, где расставить лучников, и как действовать: «Ни один не должен уйти, а сотника – в полон. Это уж твое дело, Глеб! Убитых потом в овраг, присыпал листьями и снегом. И тут же уходим».

- А оружие, кони, кольчуги? – вскинул брови Афанасий…

- Да, ты прав! Но брать только для себя! – согласился я. – Нельзя коней перегружать: с утра трудятся!

Приказ быстро разлетелся по мужикам… Все скрылись в зарослях по обе стороны дороги, встали за деревья или забрались на них.

«Да, начинается новая жизнь!» - согласился в мыслях я и ушел с лоджии. Прочитав вечернее правило, постелил себе на диване и улегся спать. А утром, без четверти девять был в «Главснабе».

Дежурить пришлось опять с молчуном. Но я даже был рад этому. Перечитал очерк об Иванове, подправил стиль, пунктуацию, несколько опечаток. Позвонил Анимаисе и договорился, что приеду в редакцию на следующий день после обеда. Все это время мой напарник стоял, проверяя документы посетителей. Надо было иметь совесть: я сменил его. А вечером, когда закрыл на замок входную дверь, просмотрел несколько номеров «Московского литератора», чтобы понять требования Володи к репортажам… Так, спокойно, безо всяких приключений прошло еще одно мое дежурство. Я не рискнул даже думать, что без приключений скучно: предстоял серьезный день…

Анимаиса сидела за своим письменным столом и что-то судорожно писала.

- Погоди! - кивнула она на мое приветствие. - Срочный материал в номер.

Через пятнадцать минут мы оба были в кабинете заведующего производственным отделом. Тот пробежал глазами материал Анимаисы, довольно хмыкнул и написал в верхнем левом углу: «На машинку и в печать!»… И она вышла из кабинета. Теперь он взялся за мой очерк. Читая, двигал бровями, то улыбался, то хмурился, то хмыкал…

- Ну что? – откинулся он на спинку кресла. – Для первого раза очень даже неплохо. Образно, живо… Хороший язык… Но над этим материалом надо еще поработать. Вот смотри: «не все уважают или… недопонимают…». Если мы это опубликуем, нас действительно не поймут. Не может быть такого в трудовом коллективе передовика производства, орденоносца! Не должно быть! Иванов должен олицетворять свою бригаду. По трудовому коллективу, по тому, как в нем налажены взаимоотношения, читатель, - а это и министр Путей сообщения, и начальник Московской железной дороги и партийные руководители, - будут судить о бригадире. Понимаешь? Вот я и советую начать так: «Поначалу, когда Иванов только задумал разрабатывать свой метод, кое-кто по рутинности своей недопонимал его. Совсем, мол, «запахался» бригадир: еще и после смены остается, опять лезет под вагоны…». Потом ты пишешь о пьянстве… Ну какое может быть пьянство в передовой бригаде? Об этом можно написать, как о случайности: глупой, нелепой… Но и с ней бригадир справился! И вчерашний любитель зелья, - не будем называть имени, - сегодня первый помощник, соратник, так сказать на фронте обработки вагонов… Согласен? И дальше так же, в том же духе. Ты меня понимаешь? А вот с династией у тебя хор-р-ошо получилось! Живо. Да и само начало, заинтересовывает, даже ошеломляет, - прямо-таки профессионально! И во всем очерке надо учитывать политическую конъюнктуру…

Так заведующий отделом «прошелся» по всему тексту.

- Я думаю, получится неплохой очерк. - заключил он и, пожав мне руку, добавил, - А быстро ты его смастерил… Молодец! Иди, работай. Через неделю в это же время жду.

И снова углубился в свои бумаги. А я пошел к Анимаисе. Она предложила кофе. На вопросительный ее взгляд, я пересказал слова заведующего отделом.

-- Поздравляю! – тряхнула она своими пышными волосами. - Он редко кому из внештатников такое говорит. Чаще мягко отказывает.

- Ты считаешь, что это – не мягкий отказ? – усомнился я.

- Нет! Это – стимул для работы! Если доверяешь, оставь мне свой очерк, дома вечером посмотрю, потом выскажу свои предложения, мысли, как конкретно исправить. Я-то ведь стиль требований шефа лучше тебя знаю.

- Кончно-конечно! Я только буду очень благодарен!

- И еще один совет: печатай все материалы в трех экземплярах. Два отдавай в редакцию, а третий - в свой архив.

- Понял… Ну, я пойду?

- Если хочешь, подожди. Я через пятнадцать минут тоже выхожу. Отпросилась пораньше… Пригласили в Дом кино на закрытый просмотр какого-то нашумевшего французского фильма… Надо еще слетать домой, переодеться.

Я подождал. Но на улице она быстро «поймала» такси и укатила. Для чего тогда мне нужно было дожидаться ее?.. Какая-то непонятная досада с долей разочарования ворочалась в сердце.

«А что ты хотел?! С первого раза и - на первую страницу общесоюзной газеты? Ты что, и ходить, и говорить начал с самого рождения?» - мелькнула мысль. «А может быть, и завотделом, и Анимаиса просто отговариваются, чтобы прямо не отказывать?» - перебила ее другая. «Нет, иначе бы он не предложил, как конкретно начать очерк», - спорила первая. «А мне не нравится его требование, чтобы живые люди были такими, какими их хотят видеть руководители!» - не унималась спорщица. «Он учит на классике, что, создав имя, писать свое!» - отрезала первая мысль.

Так, размышляя, я дошел до Тверского бульвара. Но тут резко развернулся и зашагал назад. Только – к храму. До всенощной было еще далеко. Только инокиня Мария стояла перед иконой Спасителя и, опустив глаза, шептала молитву и перебирала четки. Я встал невдалеке от нее и ждал. Вдруг она вздрогнула и, повернув ко мне голову, посмотрела влажными от слез глазами. Улыбнулась. Подошла.

- И-и-и, Александр! Спаси тебя Господи!

Я поклонился, и она поцеловала меня в макушку.

- Здравствуй, матушка! А отец Валерий… - начал было я.

- Уехал он. - перебила она меня. – Будет только в среду. А служить будет новый молодой священник, отец Григорий.

- Матушка, так может быть ты развеешь мои сомнения… Уж очень сильно они накатили на меня.

- Искушения… Ну что я могу, худая инокиня, пояснить тебе, растолковать? Мне учить мужчину не положено.

- Не учить я прошу тебя, матушка Мария, а сказать, что ты думаешь о том.

- Давай-ка, помолимся вместе! Сам знаешь, где двое или трое собрались во имя Господа, там и Он… Глядишь, и меня, старую грешницу, вразумит.

Мы встали на колени. Я повторил за матушкой три поклона, крестное знамение, а она медленно заговорила: - *Дай, Господи, моему недостоинству и рабу Твоему Александру благодать разумения, чтобы распознать нам приятное для Тебя, а для нас полезное, и не только распознать, но и совершить, чтобы не увлекаться и не прилепляться к пустому, чтобы сострадать страдающим и снисходить к грешникам.*

«Как она все верно сказала!» - подумалось мне, и я снова положил три поклона.

- Ну, пойдем! – по-молодому вскинулась с колен матушка Мария. - Расскажи…

Мы сели на длинную лавку как раз напротив иконы Божией Матери Взыскание погибших. Я рассказал все про Алексу, Аллу, их жизнь и гибель… А после и про князя Ляксандра времен святого благоверного Великого Князя Димитрия Донского. Рассказ получился путанным. К тому же, к концу его в храме появились первые прихожане, ожидавшие начала всенощной.

- И-и-и, милый! – покачала головой матушка Мария. - Отец Валерий говорил тебе, помнится, что молятся за тебя предки на небесах… Вот и Алекса с Аллой, похоже жизненный путь свой закончили мученически. По моему разумению не станут бесы учить исповедничеству… И показывают тебе дальние предки сейчас, как ты должен вести себя в похожих ситуациях…

- Да какие же они похожие! – возразил я. - Там войны, сражения, путешествия, другие обычаи, жизнь другая…

- Вчера только отец Валерий говорил об этом на проповеди… Как будто специально для тебя!

- Я вчера дежурил… - вздох сожаления вырвался у меня.

- То-то и оно! А Господь все равно привел в храм. И меня, грешницу, сподобил передать слова священника. Слава Тебе, Господи! И ничего здесь нет странного. Ты лишний раз убедился в Промысле Божием. Так что слушай, брат Александр, что сказал отец Валерий. В древности, в годы первых христиан, люди вообще были либо чище, добрее, честнее нас, независимо от вероисповедания, либо – уже совсем злодеями, без малых остатков совести и стыда. Поэтому и нападения на них были более простыми, что ли, более откровенными, особенно на христиан: войны, моровые язвы, наводнения, засухи, набеги захватчиков, сражения всякие, страшная гибель близких, кровавые казни, убийства… Небесные Ангелы и духи злобы более откровенно проявляли себя с людьми. Да им и нужны были более явные проявления Промысла и воли Божиих, явные чудеса, чтобы привести их, не отравленных ядом хорошей жизни, - или как говорят, цивилизации, - к Истинной вере. Теперь-то все – образованные. Увидят чудо Божие – пытаются объяснить его «с научной точки зрения», как я услышала давеча от семи-восьмилетнего мальчугана. Поэтому и нападения на людей приобрели другой, более скрытный характер: через кино, телевизор, книжки всякие, жен, мужей неверующих, отцов, матерей, братьев, сестер, сотрудников по работе, и просто, через прохожих. Но с тобой, видать, - дело такое, что за душу твою, ой, какая битва идет в том мире. Прости меня, Господи, если что не так говорю. А может статься, что и родовой грех какой искупаешь или проклятие… Трудно тебе… Вот, Господь и попускает искушения, - всяким корявым старикам да волчицам являться. Но заметь! И помощь тут же через вразумление моим Силычем, твоими Алексой, Аллой, Ляксандром посылает: подсказывает через них. Очень Он тебя любит! Теперь бы самому тебе за ум взяться, да постараться не грешить. Грехи свои повспоминать, помолиться, чтоб Господь напомнил забытые, неосознанные… Покаяться в них. И главное здесь, разумею я, - понять взаимосвязь найденного в далеком времени с сегодняшним днем. Почаще молись, прислушивайся к сердцу, к совести. Ведь совесть, как говорит отец Валерий, - совместная весть. С кем? Ангел-то в переводе на русский язык – ве-естник. Вот и попробуй совместить себя со своим Вестником. Только во всех своих делах совмещай! Вера-то, как учит святой Апостол без дел мертва… Прости же меня, ради Христа!

Она, встав лавки, поклонилась мне и добавила: «И все же, уточни, сказанное мной у отца Валерия!»

Я тоже встал и поклонился ей: «Спаси тебя Господи, матушка! Вразумила!»

Хотелось остаться на всенощную, но инокиня Мария неожиданно покачала головой: «Шел бы ты домой! А то не дай Бог в осуждение священника впадешь. Он – молодой еще, неопытный… Служит не так как отец Валерий… Ступай, ступай с Богом. Ангела-Хранителя тебе в дорожку и Покрова Божией матери».

Я послушался. Смеркалось. На Тверском бульваре с лип осыпались листья. Моросил дождь. Ветер был уже холодным и пробирал сквозь куртку. Я поднял воротник и зашагал к дому, обдумывая слова матушки Марии. Вернувшись в тепло, прошел в кабинет, вынул блокнот, сел за машинку и за час напечатал две странички для «Московского литератора». …Утром не надо было никуда спешить. Рабочий телефон Анимаисы упорно отвечал длинными гудками.

«На редакционном задании! – подумал я, - А ведь мог бы сейчас над очерком поработать… И зачем я ей оба экземпляра отдал?!» Однако около одиннадцати Анимаиса позвонила сама и весело спросила: «Ты мог бы сейчас зайти?»

- Хорошо, через полчаса буду, - ответил я. И стал собираться.

В ее кабинете, как всегда, был рабочий безпорядок. Она сделала кофе и уселась в кресло. Замечания и предложения едва вместились в две странички. Мы их

осиливали, на ходу исправляя, вырезая, вклеивая, вписывая… Когда закончили, я почувствовал себя виноватым: время подходило к обеду.

- Я украл у тебя целых три часа работы! – воскликнул я.

- Не переживай! У меня затишье с материалами. А потом, твой очерк все равно будет расписан мне на редактуру. - улыбнулась она. - Иди домой, перепечатывай.

Но по дороге я передумал и спустился в полуподвал «Московского литератора». Володя Шкапский с сигаретой во рту развалился в кресле и листал какую-то рукопись.

- О, старичок! – улыбнулся он, поднимаясь и пожимая руку. - С чем пожаловал?

- Да вот, о нашем выступлении написал, - достал я отпечатанные листы.

- Ты оперативен! Давай, поглядим… - он вчитался в текст. Взял ручку, что-то вычеркнул, вписал два-три слова: «Годится! Беру! У меня как раз столько строк не хватает в следующий номер». Широко улыбнулся, крикнул: «Лена!»

В дверях показалась девушка с распущенными, кое-где слипшимися, безцветными волосами и такими же, сонными глазами.

- Подготовь в печать в следующий номер. И на сегодня ты свободна. – протянул ей мой материал Володя. А меня спросил: «Ну, по пивку?»

- Согласен. Только теперь за мой счет! – улыбнулся я удаче.

- Ты, кстати, учти, у нас гонораров не платят. А вот небольшую денежку ты можешь сорвать, предложив этот же материал в столичный..., как его.., м-м-.., ах да, в «Московский железнодорожник». А потом, расширив, - согласно журналистской этике, - и в «Гудок». Об этом с Женей посоветуйся. У него в «железнодорожнике» есть знакомые. Он там мои стихи о стальных магистралях Союза устраивал… Кстати, ты должен знать, что один и тот же материал ты можешь по закону предлагать в разные редакции, изменив его не менее, чем на тридцать процентов. Если не изменять, то – по восходящей: московская газета, республиканская, союзная, журнал, альманах, книжное издательство. Не изменяют, как правило, только стихи, - объяснял он пока мы шли проходным двором.

В ЦДЛе Володя опять, здороваясь, целовался, а точнее – прикладывался щекой к щеке, с каждым попавшимся навстречу. Шутил, что-то спрашивал, поздравлял с новой книжкой. Я в буфете взял пива, тарталеток с сыром и печеночным паштетом. И вдруг подумал, мол, хорошо, что не постный день.

- Вот-вот! – услышал я сзади скрипучий голос, словно обладатель его прочитал мои мысли, - Здгаствуйте, молодой человек… Александг, кажется?!

Передо мной стоял… Виленович.

- Добрый вечер, - буркнул я, вспомнив привод в милицию. И, обойдя его, подошел к Володе.

- Ох, и хмырь! – налил я пиво в стаканы и рассказал ему, как Виленович сдал нас в отделение. Володя крутанул головой и хмыкнул: - Если честно, я его книжек никогда не видел… Знаю, что он – завсегдатай всех буфетов и рестрана, хотя в списках Московской писательской организации фамилии «Галинин» нет. И вообще, он похож на привидение какое-то, хотя точно знаю, что приведений тоже нет. Но чувствую нутром что-то нездешнее… Тьфу, аж дрожь пошла по телу…

- Согрейся пивком! – попытался пошутить я. Но получилось невесело.

- Я бы сейчас чего покрепче выпил! – залпом осушил стакан Володя и засунул в рот целую тарталетку.

- Давай, возьму! – предложил я.

- Погоди! – пробормотал он, дожевывая. И сам теперь наполнил стаканы. Не успели мы их осушить, как я услышал за спиной скрипучий голос: «Молодые люди! К вам можно пгисоседиться?»

Володя, опустил голову, чтобы спрятать гримасу. А подняв, добродушно улыбнулся: «Старичок! Виленыч! Присаживайся! Пивка выпьешь? Как жизнь молодая?»

- Моя жизнь – вечно молодая! – Виленыч вальяжно положил ногу на ногу и откинул локоть на спинку стула. Потом налил себе в опорожненный на две трети стакан нашего пива и спросил: «А как у вас твогческие успехи?»

- Да так, как-то… - пожал плечами Володя.

- Читал, читал твою подбогку в «Литгоссии»… Неплохие стишата… - говорил он, отцеживая пиво сквозь длинные и желтые, как у лошади, зубы. – Давно хотел поговогить с тобой, Вольдемаг…

- Старичок, ты прости, - перебил его Володя, - Мы тут заскочили на минутку, между делом… Саша, мы опаздываем…

- Ну-ну! - Виленыч вальяжно и, похоже, даже безо всякой обиды, махнул рукой, - Не хотите уважить, выслушать стагика Голицына…

Когда мы вышли из «гадюшника», Володя облегченно покрутил головой и вздохнул: - Пойдем-ка в нижнее кафе, да по соточке коньячку махнем. Видит Бог, не хотел я сегодня ничего крепкого…

Он не дал мне заплатить, судорожно опрокинул рюмку, бросил в рот дольку лимона и заторопил меня: «Пошли-ка отсюда! В привокзальном буфете спокойней было бы…»

Мы вышли в дождь. Володя сразу поймал такси, а мне почему-то посоветовал, не мешкая, отправляться домой. Я уже ничего не хотел, поэтому так и сделал. Дома, сидя на лоджии, пытался сообразить, что - к чему? Но понять так ничего и не смог. Сел за машинку и принялся перепечатывать то, что мы нарезали и наклеили с Анимаисой. Однако, вспомнив, что завтра – на работу, с трудом стал вычитывать вечернее правило, - как будто что-то мешало, сковывало язык… Так бывает, когда колют новокаин перед удалением зуба. Но правило все-таки вычитал… Лежа уже в постели, перебирал в памяти известные мне приключения Ляксандра и не мог найти их аналогии с сегодняшним моим днем… Вспомнил Алексу. И тут никаких аналогий не получалось… Так, незаметно, заснул.

Утром уже позвонил Жене Жмурову, договорился о встрече, чтобы попросить помочь опубликовать материал в «Московском железнодорожнике» и… «понеслось»!

… Два месяца пролетели, как одни сутки. Даже в церковь некогда было сходить. Зато в «Московском железнодорожнике» появилось несколько небольших, в полсотни-сотню строк публикаций о культурно-просветительных мероприятиях на столичном железнодорожном узле. Восемь раз еще переделывал я очерк об Иванове и, наконец-то, его приняли в печать. «Московский литератор» опубликовал мое стихотворение… Дежурства сменялись коротким отдыхом. Он, в свою очередь, - подготовкой очередного журналистского, правда, опять небольшого, материала, поездками в редакции, встречами с Володей, Женей, другими новыми приятелями из литературной среды, вечерами в ЦДЛ, поздними возвращениями домой и… тоской! По чему? Или, может быть, по кому?.. Я не мог понять. Ощущал только то, что для меня действительно началась НОВАЯ ЖИЗНЬ. Ощущал с гордостью!

Отголоски старой жизни, тем не менее, временами давали себя знать. И вот однажды, возвращаясь в троллейбусе домой после выполнения редакционного задания, я сквозь запотевшее стекло вдруг увидел… Наташу. Она шла по Садовому Кольцу в сторону ЦДЛа, обняв обеими руками руку какого-то высокого худощавого кудрявого длинноволосого блондина в дорогом длинном кожаном пальто. Изредка выпрыгивала на шаг вперед, снизу вверх заглядывая ему в глаза. А тот шел спокойно, уверенно, с чувством собственного достоинства, посматривая по сторонам. Только - сверху вниз.

«Интересно, что она ему сейчас говорит? Что всю жизнь ждала его? Что ей так (!) хорошо с ним?..» - я удивился недоброму чувству, вспыхнувшему во мне… И вдруг нестерпимо захотелось ее ласк, поцелуев…

Хорошо, что мне надо было выходить на следующей остановке. Придя домой, я разогрел ужин, попил пива, уселся за машинку. И снова, как часто было в последнее время, меня обожгла мысль: - «В последнее время я забываю что-то очень важное делать!» «Да ладно! Все идет по плану!» - перебила ее другая. «Уж не простудился ли я? Знобит!» - мелькнула третья.

Я больше всего на свете не любил болеть. Уж если простужался, то обязательно так, что температура подскакивала под сорок градусов, все тело нестерпимо ломило и, - самое малое, - трое суток я находился в полуобморочном состоянии. А ведь надо работать! Писать! Ходить на дежурство! Да и кто мне еду будет готовить, просто - чай кипятить?! Сам-то я, по опыту, в таком болезненном состоянии до туалета доходил только «по стеночке».

«В конце-концов, могу я расслабиться. Подлечиться чем-нибудь из бара, - крепеньким…» - вторглась новая мысль.

Я как-то безразлично встал, открыл бар и налил себе граммов двести французского коньяку. Залпом выпил. Закусил конфеткой из импортной коробки, лежавшей здесь же. И тут меня словно взорвало: я налил еще коньяку…«Что ты делаешь?! - вспыхнула в мозгу мысль, - Не помолился! К тому же сегодня – среда!». «Ну и что?» - ответила ей другая. «В ЦДЛ… Она наверняка там!» - врезалась совершенна новая мысль. «Но зачем? – тревожно отозвалась первая, - Давай-ка спать! Расслабился уже!»

Через пятнадцать минут я входил в проходной двор, который выводил почти прямо к подъезду ЦДЛ… И вдруг… почувствовал боль, тошноту, привкус крови и железа во рту… Как-то подсознательно… понял, что… кто-то ударил меня… чем-то тяжелым по голове… Единственное, что я запомнил после этого, - слова, произнесенные надо мной, лежащем в мокром снегу: «Это же - не он! Что ты наделал?! Валим отсюда!» Потом я увидел то возникающие, словно в темном тумане, то расплывающиеся лица милиционеров и людей в белых халатах. Слышал, как они переговаривались.

- Да он же пьяный!

- Нет, мы должны оказать первую помощь в стационарных условиях.

- Давайте, сначала составим протокол.

- А если он умрет в это время?!

- Пить надо меньше…

- У него и не такое уж и сильное опьянение. А вот удар по голове – опасный для жизни. Неизвестно, пробит ли череп…

Я опять провалился в темноту. Увидел Алексу, Аллу, кого-то еще очень-очень знакомого… Только кого, - никак не мог узнать даже по доспехам русского воина… Они смотрели грустно и молча… Потом возникла голова старика-корня. Она хохотала до кровавых слез, которые вытирала рука-корень… Рядом весело подвывала черная волчица… Потом появилась Наташа в ночной рубашке с закрытыми глазами и спросила: - А чего же ты хотел? С нами надо дружить! Вот захочу - и умрешь сейчас…

- Не-ет! - попытался закричать я… И снова провалился в темноту. Потом появился человек в белом халате. Убедившись, что я немного пришел в себя, спросил: «У вас есть родные?»

- Да, - почти одними губами ответил я и ощутил острую боль в затылке.

- Кому-нибудь из них можно позвонить? – протянул он мне мою записную книжку. - Назовите только букву… Ну хорошо, я буду перечислять абонентов, а вы, если согласны, только прикройте глаза.

И он начал читать. Дошел до пометки «Василько, Николай, Мария…»… Словно кто-то мне, почти утонувшему, бросил соломинку. Я прикрыл глаза… Человек в белом халате ушел. Когда я снова открыл глаза, увидел Василько. В авоське у него светились яблоки…

- Как же тебя так угораздило?! – покачал он головой. - Молчи, молчи! Вечером приедет батюшка. Сегодня дежурит верующая медсестра… Отец Валерий соборует тебя…

- Я что, умираю? – слезинка, скатившая по щеке, принесла острую жгучую боль в голове.

- Дурак ты, прости Господи! Соборование – это лекарство! Еще святой Апостол Иаков писал: *Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему…* Ты понял?! - продолжал Василько. - Голова твоя садовая, - молитва веры ис-це-лит! А ты, - «я умираю»! Это бабки-кликуши напридумывали! Только попробуй умереть, в гости можешь тогда не приходить!

Он, улыбаясь, присел на край кровати: «А помнишь, Мария рассказывала про обожженного православного мальчика, у которого нет ни дома, ни семьи: все сгорело. Так вот, он со вчерашнего дня живет у нас».

Мне было больно долго смотреть на Василько. Но какая-то радость наполнила меня. И боль чуть-чуть приутихла. А это тоже было радостью… Потом я снова провалился в темноту. Но сам открыл глаза, когда в палату вошел отец Валерий.

- Долгонько я ждал тебя! – улыбнулся он, заметив мой взгляд. - Но, как видишь, пришлось самому идти… Хочешь ли собороваться?

Я утвердительно прикрыл глаза… За спиной священника стояли Василько, Николай, Мария, какая-то незнакомая мне женщина в белом халате и такой же косынке. Отец Валерий насыпал в больничную тарелку для «первого» гречки, поставил туда семь свечей. Достал и открыл бутылку «Кагора» и вылил несколько капель из нее во флакон с желтой, похожей на масло густой жидкостью… Мне было больно смотреть на все его приготовления… Я закрыл глаза.

- Ох, и взяли его в оборот! - сквозь боль услышал я голос отца Валерия. - Прямо Мамай по душе прошелся… Ладно, давайте начнем.

Я отчетливо слышал молитвы, пение. Чувствовал утишающие боль крестообразные прикосновения чего-то ласкового, мягкого, маслянистого ко лбу, щекам, губам ладоням... По требованию священника тихо называл свое имя…

- Теперь пусть спит. Пойдемте!

Это было последнее, что услышал я и снова провалился в темноту. Утром открыл глаза, ожидая боли. Но ее не было! За окном тихо кружил легкий снег.

«Вот и еще одна зима!» - почему-то подумал я, – «Почему еще одна?»…

Я, Афанасий, Панкрат стояли верховыми в кустах. Мы видели все, но нас с дороги не было видно. Это я проверил, проехав и проглядев внизу вокруг.

- Хорошо, что пошел густой снег: следы наши скроет. – раздумчиво проговорил Афанасий.

- Да, поганые – опытные следопыты! – вторил ему Панкрат. Вот и показались в поле нашего зрения первые всадники. Я сделал знак, чтобы мужики выждали. Прямо над дорогой, на нижней ветке развесистого дуба засел Глеб. Я видел, как он натянул, было, лук… Эх, молодой, нетерпеливый!... Но вот, вся сотня – у нас на виду. Старший что-то громко говорил с толстым стариком.

- О чем это они? – шепотом спросил я у Панкрата.

- Старик говорит, что в лес заходить опасно… Проще доехать до ближайшей деревни, да под страхом смерти выспросить, нет ли поблизости тех, кто напасть

может… Заодно поживиться… А молодой спорит, мол, кому здесь быть… Хочется, мол, впервые поохотиться на Русьской земле… Старик твердит, мол, успеешь своих оленей, да лосей или медведя завалить…

- Медведя они уже нашли! – хмыкнул в рукавицу Афанасий и, выжидающе, глянул на меня.

- Пора! – махнул я здоровой рукой, и полсотни наших стрел достигли своей цели. Среди ордынцев поднялся гвалт… Но не успели они вынуть луки, как вторая половина сотни попадала с коней. Глеб выстрелил в шею старика, проезжавшего как раз под дубом, и рухнул сверху на сотника. Ударил его кулаком по голове… Устроился сзади на крупе его лошадки и ускакал в чащу.

Афанасий крякнул и часть мужиков, подхватив под уздцы по несколько коней, с которых упали убитые ордынцы, повели их в дубраву. Филипп распоряжался убитыми. Их грузили по несколько человек на каждую лошадь. А тех вели к глубокому оврагу, где, свалив поганых и сняв с них наиболее добротные кольчуги, забрасывали листьями и хворостом. Поднялась метель.

- Ах, как Бог сопутствует нам!– весело хлопнул в ладоши Афанасий. И тут же сорвал с правой руки рукавицу и, повернувшись на восток, перекрестился: «Слава Тебе, Господи!»

Мы вернулись на наш кустистый пригорок. Скоро следы крови и копыт были занесены снегом. Подъехав к оврагу, я с удовольствием наблюдал, как мужики по-хозяйски складывали в рогожные кули шеломы, кольчуги, сабли, топорики, ножи и нагружали ими вражеских лошадок.

- Одежду не брать! Грех! – крикнул Афанасий.

- Да что ж мы, - не ведаем что ли, али нехристи какие?! – поднял обиженно от куля лицо Филипп. Алексий стоял над горкой из свернутых арканов и, сдвинув на лоб шапку, почесывал затылок.

- Куда нам их столько? – развел он руками, взглянув на Афанасия и меня.

- Матушка Агафья стираные порты да рубахи на них сушить будет, - засмеялся кто-то из мужиков.

- А что, неплохо бы и нам арканить врага научиться. - как бы в сторону произнес Афанасий. И тут же спросил меня: «Дружинники-то Великого Князя, поди, умеют?»

- Умеют… - ответил я. Тут подскакал Глеб с ордынским сотником. Тот, уже связанный, лежал поперек седла.

- Что ж ты дорогого гостя, словно барана везешь?! – засмеялся Афанасий.

- Вот и везу, словно дорогого гостя. Я-то, видишь, еду, сидя, а он, – лежа! – в тон ему ответил Глеб, спешиваясь и стаскивая поганого с коня на снег. Тот был неподвижен.

- А ты, часом не убил его кулаком? – настороженно спросил Панкрат.

- Да нет. Я ж его легонько. - обнажил ряд белых зубов молодой попович.

- Ты в прошлую зиму лося тоже легонько по лбу хлопнул… Так тот – с копыт, и подох. - вступил в разговор кто-то из Власьевских.

- Так у меня тогда в рукавице гирька была. - оправдывался Глеб.

- Да у тебя вместо кулаков – и есть гири! – вставил со смехом еще кто-то.

- Хватит зубоскалить! Дело делать надобно. – оборвал всех Афанасий, «Приведи-ка его в чувства, Глебушка».

Попович потормошил сотника. Видя, что это не помогает, сбросил с его головы шлем и… отпрянул. Все тоже ахнули, увидев у ордынца… русые, вьющиеся на концах волосы. Глеб, наконец, пришел в себя, набрал большие пригоршни снега и потер сотнику щеки и уши. Тот застонал и открыл глаза. Они были лишь слегка раскосые, но темные. Обведя нас взглядом, он все понял. Попытался приподняться, но, связанный, не смог. И еще раз удивил нас.

- Псы шелудивые! – крикнул он на чистом русьском языке, - Да ваши головы будут на пиках красоваться. А тела сожрут голодные крысы в больших котлах…

- Может быть, дать ему еще разок? – Глеб перевел взгляд с Афанасия на меня.

- Ты считать умеешь? – спросил я.

- А то!

- Вот и посчитай, сколько он гнилых слов о нас и о земле Русьской скажет. Он на это, я вижу, мастак. А за каждое такое слово – удар хлыста по его «благородной» плоти.

- Да за мной отец тьму пришлет сюда, хорьки вы вонючие! – продолжал, ненавидяще глядя на нас, сотник. – Да я из ваших грязных шкур ремней нарежу и сбрую для коня велю сплести…

Я заметил, как у мужиков заходили желваки и сжались кулаки. Они стали смыкать вокруг сотника кольцо…

- Э-э-э! – вмешался Афанасий. Он обошел по внутренней стороне сжимающегося кольца, широко расставленными руками останавливая надвигающихся на сотника мужиков: «Язык мы его поганый и опосля вырвать сможем… Посторонись, посторонись! Глебушка! Завяжи ему глаза. Повезем к схрону, да там, в овражке и потолкуем…»

Мы собрались. Раненных лошадей добили здесь же в овраге.

- Снежком занесет… - объяснял Афанасий. - А там волки, да лисы подчистят… И уж мусор за ними птица подберет.

Тут к нам подскакал власьевский мужик, посланный дозорным.

- Переполох в стане поганых. Там двое, оказывается замешкались, стали догонять сотню, да увидели, что мы в работу ее взяли… Ну и вернулись! Все рассказали своим. - говорил он, тяжело дыша…

- Не пойдут они в такую метель в лес! – покачал головой Панкрат.

- Береженого Бог бережет! – отрезал Афанасий, – Сделаем крюк. А в ту-то глушь, куда пойдем, они точно не сунутся. Туда и тьма побоится идти без надежного проводника.

- А что, неужто среди мужиков бывают такие «надежные»? – удивился я.

- Всяко бывает.., - как-то неопределенно ответил староста, махнув рукой в сторону стана поганых.

Афанасий вел нас через лес невидимыми тропами. Я обернулся. Метель стирала наши следы на снегу. Мы шли уже в темноте. Хотя от снега было посветлее, чем в осенние холодные дождливые ночи. Во всяком случае, дорога была различима шагов на двести. Груженые железом ордынские лошадки устали спотыкаться о сучья, корни и валежник. Они не привыкли к лесным тропам. Их мир – степь… Но привал делать нельзя. Без огня замерзнем. А костры разводить - тоже опасно. Вдруг Афанасий предостерегающе поднял руку. И тут же в ближайшую сосну вонзилась стрела. Афанасий выдернул ее из дерева, оглядел, хмыкнул…

- Илгус! – крикнул он. Из-за темных сосен навстречу нам выехали четверо всадников. Двое из них были на низкорослых ордынских лошадках. Все четверо - облачены в одежды из шкур. Медвежьи головы, завершающие сверху эти облачения служили и шеломами.

- Слава Перуну, Афанасий! – крикнул первый, восседавший на владимирском тяжеловесе.

- И тебе – не хворать, Илгус! – ответил староста громко, а мне шепнул: «Вот язва! Так и норовит подкузьмить со своим язычеством. Здесь в лесах живет его род-племя. У них мы и переночуем. Они вообще-то дружелюбные… Он – князь, вождь у них. Честный, добрый, но… язычник, прости, Господи. Придется поделиться добычей! Но она сторицей окупится».

- Я привез тебе подарки, Илгус! – опять громко сказал Афанасий. - И прошу принять на ночлег.

- Илгус никогда не отказывал путникам в ночлеге. И не за подарки. Поезжайте за мной.

Двое его спутников тут же скрылись в разные стороны от невидимой тропы. Довольно скоро мы подъехали к окруженному дубовым частоколом посаду, затерявшемуся в глухой чаще. Илгус свистнул как-то по-особому, с переливом. Ему ответили, и ворота отворились.

- *Блажен муж, не ходящий на совет нечестивых…* - почему-то вспомнил я. Вспомнил и то, что это – Псалтирь, которую дед читал каждый вечер за большим столом, где собиралась вся наша семья… Так не об этом ли напоминал мне, раненному, замерзающему в лесу, явившийся и растворившийся в никуда, князь в красном великокняжеском плаще? А может быть, не великокняжеском, а… великомученическом? Странные мысли! Я помотал головой, словно лошадь, отгоняющая мух. Но твердо решил не вкушать здесь, у язычников, мяса. Как только наша маленькая дружина въехала, откуда-то подскочили отроки и приняли коней. Посад оказался намного больше, чем виделся со стороны леса.

Мы вошли под крышу. Здесь размещался и скот. Пройдя мимо него, мы оказались в просторной горнице с низким потолком. Тепло размаривало. Илгус сбросил шкуру с широких плеч отроку и пригласил нас присесть на лавки недалеко от печи-лежанки.

- Не волнуйся, Афанасий! Твои односельчане будут спать в тепле. Коней обиходят и накормят. Сейчас принесут ужин и нам. А кто это с тобой? Впервые его вижу… - кивнул он на меня.

- Это – князь Ляксандр. Мы подобрали его в лесу раненного, бежавшего из ордынского полона, - ответил Афанасий. Илгус поклонился. Я ответил тем же.

- И князьям и смердам – одинаково у поганых. Боги прогневались на россов, изменивших им! – покачал он головой.

- Илгус! Я уважаю тебя! И много раз просил не заводить разговоров о вере! – перебил его Афанасий.

- Да-да! Забыл. Не гневайся! – улыбнулся вождь язычников. И тут же нахмурился: «Больно мне за общую Отчину нашу! Разоряют ее поганые! Мало отцы наши порубили степняков…».

- А сколько отцов погибло?! И почему? Жили каждый – сам по себе. Вспомни, как враждовали роды отцов наших между собой! – возразил Афанасий. И продолжал: «А сейчас Великий Князь соединяет разрозненную Отчину, чтобы всем миром побить поганых, раз и навсегда».

- Что-то не очень верится в это, - покачал головой Илгус.

- А зачем он тогда каменный Кремль построил?

- Да ну? Ка-мен-ный!..

- А ты со своим родом засел здесь, как медведь в берлоге…

- Медведь, если проснется… - улыбнулся опять Илгус. В это время две бабы принесли жаренное мясо вепря, перепелов, глухаря, запеченных с кореньями, ржаной хлеб, моченые яблоки с рябиной, кувшин с медом, чаши. Мы перешли к столу.

- Вкушайте! – повел рукой поверх стола Илгус. - И не волнуйтесь: это – не жертвенное.

Он сам налил нам меду и подал с поклоном.

- Будь здрав, князь! Будь здрав, Афанасий! - поднял Илгус чашу. И мы соединили с ней свои. Снова вошли бабы со шкурами в руках и остановились, опустив глаза долу.

- Будете ночевать на лежанке? – спросил Илгус.

- Не-е, на лавке, - мотнул головой Афанасий.

- Я – тоже. - присоединился и я. Илгус махнул рукой, и женщины постелили шкуры, на них – холсты и подушки. Другие шкуры положили сверху, чтобы ими укрыться.

- Скажи мне, Афанасий, - вгрызаясь в лопатку вепря, спросил Илгус, - где ты взял столько коней, оружия?

- Я доверяю тебе. – хитро прищурился староста. - Это – военная добыча. Мы уничтожили сотню поганых. Взяли в полон их начальника… Кстати, он наполовину, похоже, наш, русьский.

- Крыса! – вспыхнул Илгус. Но тут же взял себя в руки: «Увы, много русьских служат ворогу. И что же ты хочешь у него узнать?»

- Что-то замышляют у них в орде. На Москву идет посол с какой-то грамоткой. Но ордынцы все лукавы: в грамотке – одно, а на уме – совсем другое. А мы хотим узнать правду. А с этим – идти на Москву, рассказать Великому Князю. Тем паче, что он уже принял князя Ляксандра на службу. Знает его. Да вот, послал за женкой со чадами. А князь Ляксандр нашел вместо отчинки одни головешки. Да и сам в полон угодил… Хочешь, пойдем с нами?

- Но Великий Князь – христианин!

- Ну и что ж? Его дядя, Симеон Гордый дружно жил с приверженцами твоей веры…

- Да уж, дружно! И вырубил все священные дубы под Москвой! – покачал головой Илгус.

- Но сделал-то это для людей, когда случился пожар. И таким, как мы с тобой, негде было зимовать! Не для своей же утехи! – не унимался Афанасий.Мне оставалось только удивляться, вот уже несколько дней слушая старосту. Обычный мужик! Но не каждый князь богат такой мудростью. От нее и знания! А сама мудрость берет начало в… Православной вере… И откуда у меня с сегодняшней ночи берутся такие мысли?!

Замолчал и Илгус, не зная, что сказать.

- Слушай, а все-таки, пошли с нами на Москву! – вдруг снова вскинулся Афанасий. - Думаю, что и твоя дружина там пригодится.

- Ну, уж нет… Меня здесь поганые не достанут, а род-племя губить не буду! - опять покачал Илгус головой.

- Вот-вот… Ты хулишь князей православных, а сам поступаешь, как некии из них… Вспомни-ка времена, когда каждый, - да и твои единоверцы, - за свой удел дрожали. И если хотел кто из них объединения всех русьских сил, так только под сво-о-оим предводительством. Гордынька, князь! А единая сила всех племен поганых и сломала нас по одному, как по прутику. Так и ты коли будешь сидеть сычом на своем суку, - все одно дойдут когда-нибудь, достанут, изведут! Только помочь тебе уже некому будет, когда все рассуждать станут, как ты. Твои-то думки, как моровая язва с легким ветерком разлетаются по всех Отчине нашей… Уж прости, говорю горько, но то, что думаю. - горячился Афанасий.

- За то и почитаю тебя. - вдруг отозвался Илгус. Наступила тягостная тишина. Илгус встал, прошелся по горнице, до хруста расправил широкие плечи и вдруг обратился ко мне: «Молодец ты, князь! В разговор стариков не встреваешь! А сам-то что сейчас скажешь? Был же на Москве…»

- Был… - задумался я. – А скажу я тебе, хозяин, вот что: к Великому Князю даже некоторые князьки поганых свои дружинки на службу привели. И, как слышал я, славно они служат. Честно!

- А в битве, в главной, не воткнут нож в спину? – положил он руку мне на плечо, наклонился, приблизив лицо к лицу и в упор глядя мне в глаза.

- Бог не выдаст – свинья не съест! - усмехнулся я, не отводя взгляда, – Великий Князь Димитрий Иоаннович мудер не по летам, ведает, кого и куда ставить. Да и советник главный - ему, что отец родной!

- И кто ж у него в главных советниках? – выпрямился Илгус и опять зашагал по горнице

- Да не мучай ты молодого князя! – вмешался Афанасий, сообразив, куда может разговор зайти, - Он еще дней десять назад со стрелой в ноге полз, да и плечо прострелено. Не оправился, покуда, а эвон – в бой повел!

- Ладно! – Илгус опустился на лавку. - Вот тебе мое слово. Молодцы мои проводят вас завтра. Придете на Москву, спросите у Великого Князя, нужна ли ему дружина старого Илгуса с его древней славянской верой. Полторы сотни охотников. А сообщить мне ответ - сам найдешь, как… Скажи-ка мне еще: что с этим полупоганцем делать хочешь?

- Что ж с ним делать?! Выпытать, что задумали поганые. А сам он грозился, что отец его тьму приведет за ним! Знать, не маленький князь в орде. – почесал затылок Афанасий.

- А потом? А если не скажет?

- Ты к чему клонишь, Илгус?

- Разъял бы я его на двух березках… Землю Отчую продал!

- Истории мы его не знаем… Сколько у них таких же служат?! Матери – русьские, а отцы – поганые, насильники…

- Так, может быть, сейчас и спросим? – Илгус недобро усмехнулся.

- Ты – хозяин, тебе и решать. – смутился Афанасий, - А куда ты повелел его поместить?

- Туда, куда положено. В яму, в старый сруб… Оч-чень хочется мне его ругань послушать…

- Схожу за ним, - вскинулся я.

- Да-да, и веди в кузню, князь. Отрок у двери проводит тебя, - кивнул Илгус, - Он, поди, озяб в яме-то! Сейчас согреется.

Отрок вел меня между каких-то построек, куч свеже наколотых дров, скотного двора… Наконец, я увидел крышу истбы, лежащую прямо на земле. Около нее, прыгая на одной ноге и ударяя друг друга плечами, «петушились» Глеб и какой-то местный молодец, под стать нашему поповичу.

- Доставай сотника! - сказал я. А на взгляд местного добавил: «Илгус приказал».

Тот посмотрел на отрока. Он кивнул. Тогда местный молодец влез под крышу и вскоре вытолкнул наружу нашего полонянина. Сотник бледный, озябший, скрученный ордынским же арканом, переводил взгляд с одного на другого…

- Ну что, ремни из наших шкур еще не передумал резать? – хохотнул Глеб.

- Пес! – смерзшимися губами прохрипел ордынец.

- Это отец твой – пес! А ты – еще щенок! – замахнулся попович.

- Глеб! – остановил я его.

- А что он обзывается?! – вытер он нос рукавицей.

- Так научили. – улыбнулся я, - Если б тебя, не дай Бог, младенцем похитили, да научили жить по поганским законам, ты что ж, лучше был бы?! То-то!

- Веди к кузне, - бросил я отроку.

- Зачем в кузню? – насторожился ордынец и даже приостановился. За что и получил от поповича тут же хорошего пинка, от которого чуть не упал.

- Ты ж, поди, озяб? Вот и согреем. В кузне завсегда жарко! – засмеялся Глеб.

- Пытать будете? Так отец тысячу ваших за меня сожжет! – почти крикнул полонянин.

- А толку-то что?! Тебя он, выродок, этим не воскресит! И тебе – прямая дорога в ад! – опять хохотнул Глеб, подталкивая уже рукой сотника.

- Что такое ад?

- Сейчас узнаешь… Дать бы еще разок по басурманской твоей голове… Благодари своего заступника, князя! – Глеб кивнул на меня. Я усмехнулся: «Твоя жизнь, сотник, в твоих же руках. Надеюсь, кровь матери и ее русьское молоко проснутся».

- Вы от меня слова не добьетесь! – буркнул сотник.

- Тогда послушаем твой поросячий визг! – опять засмеялся Глеб, но, поймав мой взгляд, притих.

В просторной, жаркой кузне на лавке сидели Илгус и Афанасий. Здоровенный мужик, очевидно кузнец, стоял у жаровни, в углях которой белела раскаленная заготовка под меч. Двое молодцев сняли с поганого аркан и привязали его руки к крюку, вбитому под самый потолок. Полонянин едва доставал носками сапог до пола.

Афанасий встал, перекрестился, поклонился Илгусу, мне, кузнецу, молодцам, подошел к ордынцу и заговорил: - По-русьски ты разумеешь… Кто ж научил тебя?

- Мать.., - тихо проговорил полонянин и отвернулся, - Зачем спрашиваешь об этом? Какая разница?

- Значит она была русьской… А ты сейчас готовишься ее сродников убивать, жечь, резать на ремни, уводить в полон… Так?

- Я не виноват, что рожден рабыней! – не выдержал ордынец.

- Да, ты не виноват… Но ты предал мать… Мать! – крикнул Афанасий. Но тут же взял себя в руки и тихо продолжал: «Ты проклят! Ведь если б она знала, кого родила на свет, задушила бы тебя собственными руками, когда ты только вышел из утробы! И она знает, кто ты сейчас?»

- Нет. Она умерла, - опустил голову ордынец.

- Ты уже ходил набегом на землю Русьскую?

- Нет.

- Это хорошо. Хорошо и то, что мать ты свою не забыл, - как бы задумавшись и глядя в пол, говорил Афанасий.

- Замолчи! – закричал ордынец, - Я ненавижу вас всех!

Илгус встал: - Да что с ним говорить?! Выродок, он и есть выродок.

- Погоди еще чуток, – тихо попросил Афанасий.

- Ладно, спрашивай, Афанасий, о думках ордынских. Скажет, будет жить. У меня в колодке работать. А нет, - так вон, две березки к разъятию его ждут.

- Успокойся, Илгус! Разъять мы его всегда успеем. Похоже, совесть он не совсем кобыльим хмелем сжег, - положил руку на плечо вождю Афанасий. И продолжал, повернувшись к ордынцу: «Расскажи-ка нам, что происходит сейчас в орде?»

Полонянин отвернулся. На глазах его стояли слезы. Афанасий вздохнул: «Повторяю еще раз: что сейчас происходит в орде? А если не будешь отвечать, мы с князем уйдем отсюда. И тебя будут спрашивать вождь Илгус и кузнец. Ну?!»

- Орда… разделилась. Хан Джанибек убит. По левому берегу Итиля ордой правит Тахтамыш, по правому – дряхлый старик, которым правит темник Мамай. В этом нет никакой тайны. Ваш князь Димитрий знает обо всем…

- А что за грамота, которую везла ваша тысяча на Москву? – спокойно продолжал Афанасий.

- Об увеличении дани. Кроме того, хан Мамай требует, чтобы ваш князь Димитрий привел дружину для участия во взятии Нижнего Новгорода… Но вам-то, рабам, зачем это? Димитрий и так сам все узнает от посла.

- А чего хочет добиться Мамай после взятия Нижнего Новгорода?

- Я не скажу! Я – не предатель! – закричал ордынец.

- Ты?! Ты предал мать! Ее род! Ее народ! Ее Бога! – тем же тоном возразил Афанасий.

- Меня воспитал отец!

- Твой отец изнасиловал твою мать! Оскорбил ее! У нас даже малолетние сыновья Великих Князей брали в руки меч, чтобы защитить мать!

- На отца поднять руку!?

- Он стал твоим отцом на-силь-но, предварительно убив твоих дедов, бабок, теток, дедьев, а, возможно, старших братьев и сестер, их отца, который должен был стать и твоим! – разгорячился Афанасий. – Отец должен любить, понимаешь, любить, а не поступать хуже жеребца в табуне кобылиц. Жену надо любить, чтобы дети любили ее мужа и своего отца! Только любовь может родить любовь. Или тебе это незнакомо?!

- Мамай, - медленно заговорил ордынец, глядя в сторону, - мечтает уничтожить, стереть с лица земли Нижний Новгород… А после этого, окружив, порубить и всю Московскую дружину во главе с Димитрием… А потом идти на Москву.

- Вот и заговорили в тебе кровь и молоко матери! – вздохнул Афанасий, - Смертный грех на тебе для твоего возраста… Нужно искупление. Если хочешь жить, да вернуться в отчину твоих дедов, которые, поди, в гробу переворачиваются, глядя на тебя сверху, поработаешь пока у Илгуса в малой колодке… Откуда родом мать твоя?

- Из-под Рязани, - опять повесил голову бывший сотник.

- Илгус, - повернулся к вождю Афанасий, - прошу тебя, сбереги его.

- Ох! Не верю я ему! Предавший единожды.., - пробормотал тот.

- Покаянную голову меч не сечет… Вот и посмотрим, какая она покаянная. – улыбнулся Афанасий, - А коли предаст, казни немилостиво. Хотя кому здесь нас предавать?! Впрочем, ты сам все ведаешь, поди, не отрок!

- Быть посему! – встряхнул головой Илгус. И тут же обратился к своему молодцу, стоявшему у сруба на стороже: «Ратимимр! На твоей чести сей полонянин. У тебя в истбе и жить будет. Колодку малую надень пока. На ночь привязывай, да приглядывай».

- Как тебя кличут? – спросил бывшего сотника Афанасий.

- Вагич.

- А мать как называла?

- Володимиром, - ответил тихо полонянин. И вдруг в отчаянии замотал головой, стал кусать губы: «Я – грязный пес! Я – предатель!»

- Ты не предатель, сынок! – вздохнул Афанасий. - Ты – блудный сын, вернувшийся в отчий дом… А то, что было – не вина, а беда твоя… Тем более, что и набегах-то ты не успел поучаствовать. Предателей казнят в первую очередь… А ты, видишь, жив.

- Да убери ты эту железку! – прикрикнул он уже на кузнеца, - Перекалишь!

Тот послушно вынул заготовку меча из жаровни и сунул ее в бадью с водой.

Пришла медсестра, принесла таблетки. Потом появился врач. Тот самый, который листал мою записную книжку. Молодой, но уже почему-то седой.

- Ну, как мы себя чувствуем? – спросил он.

- Да вроде как, ничего, - попытался я пожать плечами.

- Голова болит?

- По-моему, нет, - покрутил я шеей и поморщился от боли.

- Вижу-вижу. А принял-то много ли «на грудь» в тот вечер?

- Граммов двести пятьдесят коньяку…

- Ого! Хорошо зарабатываешь…

- Что у меня с головой?

- Травма черепа. Удар совершен тяжелым, вернее всего, железным предметом. Но трещины рентген не показал. А вообще-то, тебе повезло. Будь удар посильнее, не здесь бы лежал, а – в морге. Даже не так, давно бы - в могиле! А так – сотрясение мозга.

Это я – по-простонародному. Кстати, сейчас из милиции придут. Если будут сильно «давить», скажи, что голова разболелась, нажми кнопку звонка. Я приду и прекращу… хм… «свидание».

- И долго мне здесь еще лежать?

- Это зависит от твоего организма.

…Уколы, таблетки, протокол старшего лейтенанта милиции, снова уколы, таблетки… Все сплелось в сплошную карусель, от которой, казалось, голова болит еще больше… Вечером, наконец, появился Василько.

- Ну что ты? Как ты? – весело начал он, складывая в прикроватную тумбочку кефир, сметану, мандарины, яблоки, - Тут Мария рыбки пожарила. Твоя любимая, скумбрия! Тебе сейчас для мозга нужно,,, А все-таки, как же тебя так угораздило? Не задумывался, почему?

- Интересно.., - приподнялся я на локтях.

- Только не подумай, что пришел нотацию тебе читать… Я размышлял и вот к чему пришел: ушел ты из церковной ограды! Когда в последний раз причащался Святых Таин? Вот-вот… Открыл себя для всякой нечисти, вот она и сгустилась над тобой. И подослала к тебе своих людей… А я-то тоже хорош! Прости меня: не стал я тебе напоминать о том, что пора бы в храм пойти. Думал, пусть, мол, Господь сам вразумит. Но не думал, что та-ак вразумит! Прости…

- Ну, а Бог? Почему же Он бросил меня? Отошел? – спросил я.

- Он отошел?! А разве не ты отошел от Него? – вскинулся Василько. - Возомнил, что можешь стать великим журналистом без помощи Божией! Благодарил ли Его за все свои публикации? Заказал ли хоть один благодарственный молебен? Исповедался ли, причастился ли? Ведь на любое важное дело надо идти очищенным от грехов. Так, как в бой ходили наши предки! С чистой, очищенной исповедью и Святым Причастием душой и в чистой рубахе! Ты же идешь к людям. Что ты несешь им? Бога? Или бесов нераскаянных твоих грехов? Что ты слышишь от этих людей? Ведь когда разговаривают два невоцерковленных человека, бесы, сидящие на их плечах, имеют возможность в удобное для них время затыкать собеседникам уши и открывать их. В результате, люди часто слышат совсем не то, что им говорят. Ты, наверное, знаешь, как можно смонтировать магнитофонную пленку, придать при этом словам человека смысл совершенно противоположный сказанному им. Вот отсюда и войны, и конфликты, и ссоры, и разводы в семьях, и все подобное им… Об этом на проповеди батюшка недавно говорил. Но он-то основывается на учении Церкви. В твоем случае, мне кажется, тобой овладел враг. И нашептывает тебе о первостепенной важности всего, чего угодно, - каких-то поездок, встреч… Только не молитвы, не посещения церковной службы, не покаяния, Исповеди и Святого Причастия. О посте я уж не говорю! А ведь наши великие предки любое дело начинали с молитвы. И землю пахали, и летописи писали, и скот пасли, и храмы да дома возводили, и на войну шли, и перед смертью молились…

- И что же теперь делать? – спросил я.

- То, что я сказал: молись, кайся, исповедуй грехи, готовься к Святому Причастию. Ведь то, что случилось с тобой, Господь попустил, дабы ты вернулся в церковную ограду… Любит Он тебя!

- Но я же работал, писал! И между прочим, по благословению батюшки! – заспорил, было, я.

- А ты уверен, что слова тебе не лукашка диктовал? Если Бога, Пречистую Матерь Его, Ангелов, святых не призвать на помощь, нечисть без приглашения является. И в твоем случае, тоже возможен ее диктант. Вон, «Московский комсомолец» в каждой строчке лжет! Понятно, кому его журналисты молятся! Лжецу и отцу лжи! Кстати, я мог бы позвонить твоим коллегам по журналистике, сообщить о том, что лежишь в больнице…

- Да-да! Позвони! Там мне должны гонорары… Небольшие, но все же деньги. – и я продиктовал телефоны Володи, Анимаисы и Жени.

- Слушай, так почему же ты таким выпившим выскочил на улицу? – вдруг спросил он, когда записал. И я рассказал о своих мыслях в тот вечер, после того, как увидел Наташу.

- Ретивое взыграло… Тебе Бога благодарить надо за то, что Он оградил тебя от, возможно, более страшных грехов! Представь, что случилась бы драка с этим блондином! И был бы грех, граничащий с грехом убийства!

- Почему? – удивился я.

- Потому что в драке ты поднимаешь руку на образ Божий… Ты ведь не защитить кого-то хотел?

- А война?!

- Вот-вот. Война – совсем другое дело. Только неразумные, подстрекаемые врагом люди заводят межусобицы. Ты историю лучше меня знать должен. Вспомни, почему на Руси ордынское иго продлилось почти триста лет?! Да-да. Каждый из князей хотел быть самым главным, самым Великим! И поднимал руку на брата. А это – грех, вопиющий на небо об отмщении. И лучшие люди того времени, ставшие святыми, старались строить не себя Великим князем, а строить Великую Святую Русь. Такими были Андрей Боголюбский, Александр Невский, Димитрий Донской…

У меня что-то екнуло в сердце… Василько же продолжал: «Вот такую же межусобицу ты решил устроить и с блондином… А ты знаешь, кто он? Что?»

- Слушай, - перебил я его, - Ты не мог бы принести мне жития этих святых?

- Только если врач разрешит тебе читать, я попрошу у отца Валерия. - пожал плечами Василько. – Но вернемся к нашему разговору. Представим, что Наташа, увидев тебя, прогнала бы своего блондина, а тебя бы утащила снова к себе. Признайся, смог бы ты отказаться от ее ласк в состоянии того опьянения? А? Поехал бы? Самому себе ответь на эти вопросы!

- Не знаю… - опустил я глаза. И честно признался: «Тогда – поехал бы!»

- Вот-вот. И что было бы?! – поджал губы Василько.

- Да-а-а… - протянул я, соображая, что было бы…

- Так что, благодари Бога!

Я перекрестился… И словно какой-то свежей волной обдало меня с головы до ног. Словно целофановая пленка, затянувшая задыхающуюся мою кожу, лопнула и слетела… Вошла молоденькая медсестра.

- Что ж вы так подводите меня? - обиженно надув губки, спросила она у Василько. - Обещали две минуты побыть в палате, только продукты отдать… А сидите уже часа два.

- Ой, простите! – прижал переплетенные пальцы к груди Василько. - Заболтались. А ведь вы не напомнили…

- Вот здорово! Я еще и виновата! – всплеснула она руками. - Все вы, мужики одинаково любите «стрелки» на других, особенно на женщин, «переводить». Вы думаете, что ваш друг – единственный на отделение, или что я персональная его медсестра?! А персональность денежек стоит! Все! Свидание окончено. Будьте здоровы!

- Вот за это пожелание огромное вам человеческое спасибо, - улыбнулся Василько.

- А вам – огромное человеческое «пожалуйста». - ответила уже тоже улыбкой медсестра и отвернулась к столику, чтобы наполнить шприц каким-то лекарством. Василько перекрестил меня за ее спиной и юркнул в дверь.

- Скажите, сестра, неужели у меня все так серьезно? – спросил я.

- Рана большая, но не опасная. Скорее всего, как говорит доктор, у вас к удару железкой прибавилась либо усталость, либо стресс какой-то… А так, я сегодня

слышала, что больше недели вы здесь не задержитесь… Если сотрясение и есть, то, судя по нынешнему состоянию вашего здоровья, - совсем легкое. Поворачивайтесь… - и она шлепнула, безболезненно втыкая в меня иглу шприца.

- А читать мне можно?

- Спросите завтра у доктора, - уже выходя из палаты, бросила она. И действительно, голова почти не болела. Я стал вспоминать молитвы. Но перед глазами возникла Наташа. Глаза ее превращались из серых в зеленые. И она смотрела на меня, злорадно сузив их. У меня в голове зазвенели строчки:

Женщина с глазами рыси
Смотрит вниз – наискосок.
Взгляд безжалостен, как выстрел.
Целит в грудь, а бьет в висок…

«Ерунда какая-то!» - подумал я. Но вдруг пришел к мысли, что не какое-то доброе чувство во мне вызывает ее образ, а обиду, зависть, что-то плотское, греховное, - не меня, мол, выбрала, а другого. Хотя ушел-то я! И это не любовь, а желание, чтобы меня любили…

Возлюби ближнего своего… **Ты возлюби… А я, любя или нет, - неважно! – хочу только, чтобы меня любили. Вот и все мое христианство! Обида на самого себя, горечь от своего несовершенства, а если быть честным, то - от своей греховности, захлестнули меня.**

- Ха-ха-ха! – услышал я и, обернувшись, в западном углу палаты увидел голову старика-корня. Он от смеха дергал подбородком и клевал носом пространство: «Ну, подумай сам! Какой из тебя христианин? Ерунда все это! Придумки заумников, не способных получать удовольствия в жизни! А посмотри на медсестричку. Ты ведь приглянулся ей! Можешь ночью хорошо развлечься, развеяться, расслабиться… Сколько времени уже живешь, как монах! Это же ненормально в твоем возрасте. Так можно и умом повредиться! Хочешь, я помогу? С медсестричкой? Она – не «синий чулок»! Одинокая! Горячая! А?»

Я задумался.

- Ну, решайся! - азартно сверкнула красными глазами голова. И вдруг ее словно ветром сдуло… Передо мной стоял доктор. Незнакомый. Странно было и то, что у всех сестер и врачей в больнице здесь зеленые или белые халаты, штаны, распашонки… А этот был в бордовых. Аккуратно постриженная бородка, чуть удлиненные светлые волосы, вьющиеся на концах, ясные, светлые, цвета живого неба, спокойные голубые глаза… Где же я их видел?! А он присел на стул рядом с моей кроватью. Опустил на мгновение, - ну совсем, как отец Валерий, - глаза вниз, поднял их и заговорил, глядя на меня в упор: «Один офицер, во время войны с Германией в начале этого века, вез пакет из Ставки в штаб армии. Это был приказ о начале наступления по всему фронту. Остановился он на постоялом дворе. Поужинал. Поднялся в свою комнату: утром надо было выезжать затемно. Лег спать. И в это время к нему начала стучаться вдовая дочка хозяина постоялого двора. Понятно – за чем! На дворе – ночь. Все спят… А офицер подумал: «Еду, исповедавшись, причастившись Святых Таин… А согрешу? А потом погибну завтра с этим грехом в наступлении? И куда – потом?!» Так он ей дверь и не открыл. На рассвете офицер доставил пакет в штаб. И тут же был отправлен на передовую. Наступление удалось. Но много солдат, офицеров и даже генералов полегло в том бою. А на нем – ни царапины! На привале он заснул. И явилась ему Царица Небесная. И повела его на поле прошедшего боя. Тела убитых были набросаны одно на другое… Кучи тел! Но среди них Царица Небесная показала на четко очерченное, прямо по контуру человеческого тела, пустое место на земле… «Вот здесь, лежал бы ты, нераскаянный, если б открыл ночью дверь вдовой дочке хозяина постоялого двора. Господь за это даровал тебе жизнь», – сказала Она и исчезла. Вот и подумай, Александр мой дорогой! А ведь это – тоже подвиг! Тоже

победа! Победа офицера во славу не себя, а Христа! Победа над грехом! Наш герой возблагодарил Бога, Пресвятую Богородицу, своего Небесного Покровителя и Ангела-Хранителя за то, что дали сохранить благодать Святого Причастия».

- Спасибо… - сказал я, - А вы кто? Врач?

- Врач-врач… Твой личный и таких, как ты, моих тезок. Ты меня каждый день видишь, - улыбнулся он и ушел в нераскрытую дверь. Но она тут же раскрылась и в палату вошла уже знакомая молоденькая медсестра.

- Укольчик – пропела она. И тут же спросила: «А ты женат?»

- Был, - повернулся я на живот.

- Я тоже была замужем, - вздохнула она, - да пил муж сильно! А дети есть?

- Сын.

- У меня – тоже…

- Простите, я уже засыпал… Голова разболелась… - попытался закончить я разговор. И тут же вскрикнул: «О-о-о!»

Не укол шприца, а медленный, с нажимом, удар зазубренного штык-ножа впился в мое тело.

- Спасибо, - смог только проскрипеть я.

- Не за что! – и дверь в палату захлопнулась. Я выпил таблетки, оставленные медсестрой на тумбочке. И, видимо, под их действием провалился в сон. Смутно помню, как ночью мне делали укол. А утром врач при обходе удивленно вскинул брови: «О, да та ты, мой дорогой, не по дням, а по часам поправляешься. Как в сказке! Удивительно! Если так дело пойдет, то к концу недели мы с тобой распрощаемся. Только с условием – впредь к нам не попадать! Не надо больше травм».

- Доктор, а читать мне можно? - крикнул я ему вслед.

- Читать?... Гм… Попробуй, но до первых признаков головной боли.

После обхода я решил встать, прогуляться по отделению, но тут же был водворен на место немолодой, лет около пятидесяти медсестрой, показавшейся мне очень знакомой. Доведя меня до палаты, она тихо сказала: «Я сегодня в обед позвоню вашему духовнику, и, если он благословит, будете вставать».

«Ага! - вспомнил я. - Она пела, когда отец Валерий соборовал меня».

- Спаси вас Господи! – также тихо ответил я.

В обед она вкатила в палату тележку и, достав с нижней полки плоский термосок, извлекла из него кусок жаренной рыбы. Положив его в тарелку с макаронами, шепнула заговорщически: «Сегодня - среда. Я, узнав, что вы – наш, дома, перед дежурством пожарила. Чтобы пост не нарушать. Ангела за трапезой!»

Во мне проснулся аппетит. Проглотив обед, я почувствовал, что не наелся. Но когда медсестра пришла за грязной посудой, попросить добавки постеснялся. Откинулся на подушки и, вспомнив, что «сон лечит», провалился в его сладкую темноту…

… - Вы только поглядите на него! Сейчас бы стихи писать! А он почивает! Можно подумать, что лавры свои он уже под себя подложил! – ворвался в мое сознание знакомый голос. Я открыл глаза. Передо мной стояли и смеялись Володя и Женя.

- О! Привет! – вскинулся я на локтях.

- Привет-то, привет! – уже серьезно заговорил Володя. - Но ты расскажи, что произошло?

Я кратко рассказал, как было дело: мол, решил сходить в ЦДЛ, а в проходном дворе, которым мы обычно с Володей проходим, получил железякой по голове.

- Рядом с редакцией! Рядом с ЦДЛ! – вскинулся Володя. - Да я всю милицию на ноги поставлю! Связи есть!

- Да, взяли тебя в оборот… - услышал я от Жени, уже знакомую, даже надоевшую фразу. - Но мы тут тебе всякой всячины принесли. И… пять капель!

Женя распахнул пиджак, и я увидел, что из его внутреннего кармана выставляется горлышко фляжки коньяка.

- Стакан-то есть? – шепотом спросил Володя.

- Мужики! – встрепенулся я, - Не знаю, какие лекарства мне дают… При приеме некоторых спиртное-то нельзя…

- Сейчас узнаем! – выкинул вперед вертикально ладонь Володя и вышел. Вскоре он вернулся: «Я честно признался, что у нас на троих двести пятьдесят граммов коньячку. Медсестра сперва закусила губу… Потом Бога вспомнила, среду какую-то… И сказала, чтобы ты пил, как лекарство».

- Что, прямо так и сказала: «как лекарство»? – хохотнул я.

- Ну-у-у.., примерно так! – мотнул головой Володя. А Женя очистил мандаринку и налил в стакан, стоящий около графина с водой, коньяк. Первому дали мне. «Не во грех, а во здравие», - вспомнил я где-то уже слышанные слова. И выпил. Приятное тепло разлилось по телу.

- Будь здрав, боярин! – приподнял свою долю, улыбаясь, Володя. Последним выпил Женя.

- А вообще-то, - начал Володя, дожевывая третью часть мандаринки, - у нас тут возник план захвата ЦДКЖ.

- Он был и раньше! – засмеялся Женя, - Но тут подфартило!

- В будущем году, в августе, - продолжал Володя, - будет какая-то круглая дата Советских железных дорог. Женя придумал, что ты сейчас, - конечно, когда выпишешься отсюда, - объездишь самые сильные коллективы художественной самодеятельности в Москве. Напишешь о них материалы… Но главное: когда в августе начнут съезжаться сюда из провинции, тебе придется попахать! За несколько дней ты должен будешь собрать кучу материала и давать его уже после юбилея. Так у тебя получится безпрерывная подача очерков, эссе, интервью, зарисовок в печать. Не забудь при этом заметить, - как бы в шутку, - редактору, сколько ты им командировочных денег сэкономил. Они оценят!

- Мы уже говорили об этом. - перебил я.

- Говорили-то, говорили. Но без учета круглой даты железных дорог. Этот юбилей – твой ход конем! – продолжал Володя. - Серия очерков – под одной и той же фамилией! Звучит?

Он потряс рукой, словно дирижер, требующий от оркестра триумфа музыки. Я засмеялся.

- Вот, Женя уже и планчик набросал, и программки с историей лучших коллективов Московского железнодорожного узла приложил к нему. Изучи их пока, продумай. - протянул он мне папку, туго набитую бумагами. В это время в дверях показалась медсестра.

- Ну, уважаемые, вы не очень утомили нашего больного? – спросила она и добавила, - А то нам пора укол делать.

- Уходим-уходим! – приподнялся Володя. - Колите его на здоровье! А вам – спокойного дежурства!

«Умеет же он быть обаятельным для всех!» - почти завидуя, подумал я. И после укола я взялся за чтение бумаг, которые принесли Володя с Женей. И странное дело: голова совсем не болела! Так время дошло до ужина, на который я стараниями медсестры опять ел рыбу. А потом я попросил ее: «А у вас, случайно, с собой нет Молитвослова?»

- Есть, миленький! Сейчас принесу. - она вышла и вернулась с зачитанным томиком в самодельной кожаной обложке. Я раскрыл его и… ничего не понял!

- Здесь же… - начал, было, я.

- Ну да, по церковно-славянски, - кивнула медсестра, - Так лучше! Мой батюшка говорит, что это – язык Богообщения.

- И вы понимаете?

- А что ж тут не понимать?

- Но я пока еще не разумею…

- Тогда погоди! Я все свои дела улажу, больных уложу и приду, почитаю правило тебе. Кстати, совсем с твоими гостями забыла сказать: дозвонилась я до батюшки Валерия. Он перезвонил через час и благословил тебя вставать. Ну, я побежала! Еще столько дел!.. - и она исчезла за дверью. А я снова раскрыл папку с бумагами о коллективах художественной самодеятельности Московского железнодорожного узла. Постепенно, как слышалось мне, отделение засыпало. И около полуночи пожилая медсестра вошла в палату, поставила на тумбочку иконку, зажгла свечку и раскрыла Молитвослов. Мне вдруг показалось, что я понимаю каждое слово. Поэтому я не заметил, как все Вечернее правило оказалось прочитано.

После ухода медсестры мне не спалось. Оставалось только удивляться насыщенности сегодняшнего дня. Я снова возвращался к жизни. К новой жизни… Только теперь появилась необходимость в молитве, слова которой проникают в самое сердце. Вот бы научиться так!

Я вышел в коридор. Медсестра сидела за своим столиком и заполняла какие-то бланки.

- Простите, как вас зовут? – спросил я.

- Елисавета Феодосиевна. - подняла она голову, отрываясь от бумаг.

- Вы говорили о языке Богообщения… Я что-то не совсем понял…

- И-и-и, милый! Сначала им был язык ветхих иудеев. Потом, когда они сами себя прокляли, провозгласив, что Кровь Господа нашего Иисуса Христа «на нас и наших детях», то есть на всех их нераскаявшихся потомках, языком Богообщения стал латинский. Но римляне, отойдя от Святого Православия, умертвили этот язык. И тогда Господь выбрал Русь, которая стала Святой! А язык, на котором говорили наши великие, благочестивые предки стал языком Богообщения. Это потом, уже в нашем веке, революционеры провели всякие реформы с языком, - убрали некоторые буквы, «фету», например, «ять», отменили твердый знак в конце слов мужского рода. А ведь он, на духовном уровне, придавал всему мужскому началу твердость духа! Та же «фета» читалась по-разному: в одних случаях, как «эф», в других – «тэ», - в зависимости от того, какие буквы, гласные или согласные окружали ее. Вот и началась великая путаница! Так, например, слово «готфы», - был такой народ в древности, - одни ученые произносили и писали по-прежнему, а другие, поначалу – «готты», а затем и вторую «тэ» выбросили. В *начале было Слово,* - сказано во Священном Писании. Значит слово – живое! Сказал – родил существо! Сказал доброе слово, оно и будет нести добро. Сказал в адрес человека – пустил вслед ему во всех путях – благословение, спасающее, оберегающее от зла. Сказал недоброе слово… А для человека – проклятие! Спаси, Господи! Сколько бесов-то в воздух выпускаем мы, призывая их приставкой «бес»… Бес-полезный – полезный бесу, бес-корыстный – корыстный для беса… И тому подобное. А ведь до семнадцатого года не было такой приставки! Была одна – «без». Слезы на глаза наворачиваются, когда книжечку православную читаю, а там – «бес», да «бес»… А возьмешь подлинники, - до семнадцатого года, - хоть рукописи какой, хоть конспекта, хоть издания, так ни один гимназист начальных классов, я не говорю уже о святых отцах, именно на духовном уровне не смел даже написать эту бесовщину. Прости, Господи! Вот и подумай на досуге. Тут твой приятель, чернявенький такой, курчавый, билет Союза писателей мне показал. Сказал, что и ты – писатель начинающий… Вот потому и говорю все это тебе.

- Да откуда же вы, медсестра, все это знаете? – удивился я.

- И-и-и, милый! – вновь послышалась знакомая интонация матушки Василисы - инокини Марии. - Я закончила филологический факультет Московского

Университета. А бабушка моя, в свое время закончила Смольный… Так вот, влюбилась я с первого взгляда в лейтенанта. А он взял, да и увез меня к месту службы, в Венгрию. Но как началась там заваруха 1956 года, как бежала я до огороженного нашего гарнизона от дома офицерского состава под пулями, в одной ночной рубашке, прижав к себе закутанного в шаль, но уже убитого сыночка моего Мишеньку, так пришлось мне срочно переквалифицироваться в медицинскую сестру. Много наших тогда полегло там! Правда, и многих демократов наши танки поутюжили, прости их, Господи! Переквалифицировалась я и духовно: из комсомолки-атеистки - в православную христианку… Вернувшись в Россию, поступила работать в институт русского языка и литературы. Диссертацию написала… Но тут вдруг все узнали, что я - православная, в церковь хожу… Пришлось мне снова идти поначалу в нянечки, а потом - в медицинские сестры. Ты-то не помнишь, а тогда Хрущев к восьмидесятому году обещал коммунизм построить, а «последнего попа» в клетке зоопарка на всеобщее обозрение выставить…

- А муж ваш, лейтенант? – спросил я, глубоко вздохнув, потому что слушал до этого, затаив дыхание.

- Когда меня в «церковности» обвинили, он уже подполковника получил. Орденоносец! В Генштабе служил. Предложили ему развестись со мной, чтоб мол, не позорить всех жен советских офицеров. Так он, бедный, в политотделе партийный билет сам на стол выложил. Сказал: «Я не вижу за ней вины, кроме желания всем делать добро». Но переживал. До последнего дня работал слесарем в таксопарке. Так, в яме, ремонтируя машину, и умер. Сердце не выдержало. Царствие ему Небесное! Одно утешает: соборовался в Великий пост. Причастился на Пасху. И умер в Светлую Седмицу.

Она достала кружевной платочек и вытерла уголки глаз. А я не знал, что сказать ей в утешение. А может быть, оно совсем и не нужно было!

- Так он поверил в Бога? – наконец, спросил я.

- И-и-и! Еще покрепче, чем я! - улыбнулась грустно Елисавета Феодосиевна.

«Вот про кого очерки писать бы надо!» - подумал я. «Придет время!» - отозвалась другая мысль.

- Ой-ой-ой! Времени-то сколько! Иди-ка, милый спать! Сон – лучшее лекарство! Ангела-Хранителя тебе и Покрова Божией Матери! - перекрестила меня Елисавета Феодосиевна…

- Еще один вопрос. - взмолился я. - Может быть не совсем корректный… Простите… А вы потом замуж не выходили?

- Бог с тобой! Как же можно? Мы ж обвенчались, когда все с нашей новой работой решилось… Да и не могла любить кого-то другого, а значит предать его верность до смерти! А ты давай-ка, все-таки спать! – улыбнулась снова она. И я пошел в курилку.

Рано утром меня, разомлевшего под медвежьей шкурой, разбудил Афанасий: «Хватит нежиться, князь. Пора в дорогу!»

Я встал, плеснул в лицо из ушата, стоящего в углу, холодной воды, встряхнул головой. В дверях стоял Илгус. Он сделал жест, и отрок подал мне новую длинную стеганую рубаху с разрезами по низу спереди, сзади и по бокам. Новая кольчуга что-то невнятно напомнила мне. Мелкие кольца сцепленные незнакомым прежде образом говорили, что скована она не для простого ратника.

- Носить тебе ее, князь, не сносить! Небось, вспомнишь старого Илгуса! - тихо проговорил отрок. Он же помог мне облачиться и во все остальное снаряжение. Вскоре в сопровождении десятка воинов-язычников в медвежьих шкурах небольшой наш отряд вышел за дубовые ворота лесного посада. И, двигаясь довольно медленно, лишь к вечеру были у нашего схрона.

- Князь, - поклонился мне с седла Глеб, - ты когда на Москву пойдешь?

- Один я не иду. А как соберется Афанасий со всеми своими, - взглянул я на старосту, - так и двинемся.

- Надоело нам зимовать здесь. Голодно. Холодно. Завтра, Бог даст, и пойдем. - обвел взглядом всех Афанасий.

- Возьми нас, Власьевских, с собой! – жалобливо посмотрел Глеб.

- Что ж, воины вы добрые! А? Афанасий? – посмотрел опять я на старосту.

- А что Афанасий?! – потупился тот. - Ты – князь, ты и решай! Что в Царстве Небесном, что здесь на земле, даже в самой малой дружине, один господин быть должен. В этом – твердость и неба, и земли, и княжества, и села. А гвалт, да гул, да разноголосье приведут не к единству и силе, а ко греху, да к аду.

- До утра мы не успеем собраться! - жаловался Глеб. - Бабы у нас, да дети малые.

- А когда успеете? – спросил я.

- Завтра к вечеру. А подойдем затемно послезавтра.

- Добро, - кивнул я и взглянул на Афанасия. Тот, одобряя, прикрикнул на Глеба: «Только не тяните долго! Коней ордынских возьми для баб с детьми. Нам своих хватит: рухлядь здесь оставим».

- И-эх! - радостно крикнул Глеб и, развернув коня, скрылся между деревьев. Скоро и все его мужики потерялись из виду. Матушка Агафья собрала на стол так быстро, словно знала, когда мы прибудем. И села, подперев кулачком сморщенную щечку.

Деревянные миски мигом опустели. Выпив плошку меду, я поднялся: «В первую сторожу, Афанасий, пойду я. Мужики приустали. Веди!»

- Да разве ж можно?! Ты ж – князь! - развел он руками.

- Нужно, Афанасий! – поправил я меч на поясе и швырнул в колчан пучок стрел.

Усталость одолевала, но вдруг вспомнился рассказ отца, - с чего бы это и откуда, - как в поход на гордую Тверь Московскую дружину вел Великий Князь Димитрий в десятилетнем возрасте… И превозмогая боль в ноге и плече, дающие о себе знать, я вылез из схрона. Вскочил на коня. Дождался Афанасия. За ним вышли еще трое мужиков. Все они мигом оказались в седлах. И Афанасий повел нас на сторожи. Я легко, встав на седло взобрался на верхнюю ветку дуба, сменив паренька лет семнадцати, и уселся на подстилку из хвои. Когда все исчезли, и я остался один, сон опять начал одолевать. Я тер нос и щеки снегом, двигал руками и ногами специально, чтобы боль хоть немного прогнала дремоту. Но в то же время не упускал из виду окрестности.

Шорох, раздавшийся, казалось, где-то рядом, заставил меня достать стрелу из колчана и наложить ее на лук. «Как в белку!» - усмехнулся я в мыслях.

- Не торопись! – услышал я над самым ухом и вздрогнул. Рядом со мной на ветке стоял русский ратник... Нет! Красный плащ на беличьем меху выдавал его княжеское происхождение. Возникло чувство, что я его уже где-то видел. Или очень похожего. Поэтому как-то даже не удивился его присутствию и спросил: «Почему?»

- А зачем? Это ордынец. Стреляй вот сюда. - и он показал на плечо под ключицей. - Ранишь. Он потеряет сознание. Панкратий выведает, с какой целью ехал. И действительно, - каждый шорох далеко переносится по притихшему лесу, - на поляну выехал поганый. Он испуганно озирался, держа лук наготове.

- Боится! - усмехнулся князь-незнакомец. - Заплутал басурман… Бей уверенно!

И, не понимая, почему, я выстрелил. Ордынец даже не охнул. Конь его вздыбился, но вторая моя стрела попала ему в глаз, и он рухнул на передние колени, а потом повалился на бок.

- Оставь. Сейчас чреда на подходе. Поганый еще долго не придет в себя… - говорил мой собеседник.

- Слушай, по виду ты – князь! – начал, было, я.

- Великий Князь. - поправил он спокойно.

- Тогда, кто же ты? – одна моя рука потянулась к мечу, другая к нательному кресту.

- Кто? Твой тезка! Ты пока еще не ведешь себя, как воин Христов! Это понятно: давно не исповедовался, не причащался Святых Таин. Вот, Господь и послал меня помочь тебе… Гляди! – он указал ладонью в кольчужной перчатке вдаль. Там между деревьев шли ряды ордынцев. Раз, два, три.., тринадцать.., двадцать.., сорок пять… Я сбился со счета.

- Они, не дождавшись побитой вами сотни, пошли, пустив вперед разведку. Одного разведчика, заплутавшего, ты сейчас завалил… Не тревожься, они мимо пройдут. Но я о другом хотел потолковать с тобой. Ты ведь желаешь Отчину от поганых освободить?

- Еще как! – сжал я кулаки, а сам со стыдом подумал. - Только теперь… За жену, за деток… Да я бы всех поганых…

- А ведь не удастся, пока вот так, со ЗЛОБОЙ, да только за сродников, да за малую отчинку кулаки сжимать будешь. Во-первых, любое доброе дело завершается удачно только тогда, когда злоба не переполняет сердце. Посмотри на старые иконы. Хотя бы на лик святого великомученика Георгия Победоносца. Он убивает змия, олицетворяющего зло. А насколько глаза безстрастны! Поэтому он и победил! Так меня учил мой духовник. Во-вторых, кто из святых отцов благословит воина-христианина, горящего страстью злобы? То-то и оно! А уже есть такие отцы, которые благословят на бой с погаными до победы! Скоро ты узнаешь. Поэтому постарайся биться с врагом ради любви!

- Любви?! Это к поганым-то? – невольно вскинулся я.

- Ради любви к Христу, к Церкви нашей Святой, к земле родной – Отчине общей нашей! А с врагами тогда Господь все Сам управит.

- А сам-то ты так бился? – усмехнулся я.

- Много пришлось мне себя самому ломать, чтобы так биться. Но милостию Божией удалось! Запомни, главное – бесстрастность! А она дается только молитвой и постом. За тебя уже много, кто молится там. - показал он рукой на небо. - Так будь же достоин этих святых молитв!

- Толкуешь ты разумно! И все-таки, кто же ты? – я пристально смотрел ему в глаза.

- Твой помощник, князь Александр. А боле не спрашивай!.. Да, еще… Пойдете на Москву, Пронск обходите с левой руки. А то с правой там – та-а-кая засада! Самим вам не справиться! - улыбнулся, потрепал меня по плечу и… растворился в воздухе. Я дернул тем самым плечом, больным, саднящим еще несколько мгновений назад. Но боли не было!

- Вот наваждение! – сорвалось у меня с языка, и я перекрестился. Но душа грелась чувством встречи с кем-то очень близким и родным… Я снова и снова перебирал в памяти разговор с незнакомым князем. Великим Князем в красном плаще… Но откуда он здесь?! В глухом лесу?! Что-то совсем я заплутался в мыслях… Вскоре до меня из кустов донесся птичий свист чреды. Я ответил. К дубу выехал Филипп.

- Охти! Еще одного полонянина взял! Куда ж их нам столько?! Солить, что ли? – засмеялся он, связывая поганого.

- Узнаем, какой дорогой посол пошел, чтобы не пересечься. - хлопнул я по плечу сменщика и вместе с ним взвалил полонянина поперек спины моего коня. Подъехав к схрону, кликнул Афанасия, Панкрата… Мы отвезли ордынца к оврагу, стянули с коня, распутали от аркана руки… И вдруг он, придя в себя, здоровой рукой откуда-то из складок своего халата выхватил нож и бросился на Афанасия. Мне оставалось

только встать между старостой и ордынцем и подставить кинжал. Острие вошло в тело врага по самую рукоять. Он осел, глаза замутились…

- Узнали, что сотня их пропала! Ищут. Послали соглядатая следы высмотреть. – сплюнул в снег Афанасий, выслушав мой рассказ. - Давайте-ка, в лес отвезем, подальше, что ли…

Я вспомнил разговор с незнакомым мне Великим Князем и прислушался к своему сердцу. Злобы не было. Но была какая-то досада… А ведь вроде бы – *за други своя……*

К схрону возвращались молча… А там я сразу же завалился на свою лежанку. На душе было не совсем спокойно, но, в конце концов, усталость взяла свое, и сон опутал меня. Когда я открыл глаза, схрон как бы опустел: на стенах не было полок, не виднелось посуды, шкур, оружия, стоявшего по углам, прялки матушки Агафьи.

- Давай-ка, князюшко, поднимайся. Выходить надобно. Власьевские раньше времени пришли. Там женки как узнали, так насели на своих мужиков. Те – бегом сбираться… Что ж, в самом деле, как зверье в норах залегли. - говорила мне матушка Агафья.

Она кликнула старосту: «Афанасьюшка! Ты бы уж образа святые сам снял. Я-то, хотя и старая, да все ж баба. А эт-то – дело мужицкое!

Тот свалился через дупло вниз. Перед каждой иконой крестился, падал на колени, снимал, целовал, заворачивал каждую в чистый рушник, подаваемый матушкой Агафьей.

- Что ж за спешка? – спросил я Афанасия, натягивая суконную рубаху, на нее кольчугу, пристегивая поручи, а к поясу – меч.

- Да Власьвские раньше пришли! Что ж деток малых, да баб морозить? Сюда-то все не вместятся… Да и самим поскорее хочется…

- Идти надо на Пронск, обходить его с левой руки… - вспомнил я совет Великого Князя на дубе.

- А ты почем знаешь? - Афанасий даже замер на несколько мгновений, повернувшись ко мне.

- Да уж знаю! Коли не веришь, что ж делать? - вздохнул я.

- Что ж не верю?! Я – мужик, ты – князь. Другого мне не надобно. Да и все мы решили с тобой и тебе служить… Уж прости! – поклонился он в пояс.

- Не мне кланяйся, - Христу, Церкви нашей Святой, да Великому Князю, который Отчину собирает. - положил я ему руку на плечо.

- Вот за эти слова, князь, поклон тебе еще один, и спаси тебя Господи! – поклонился он уже в ноги. А когда встал, засуетился: «Опять долгие сборы! А еще говорят, что нищему одеться – только подпоясаться!»

На воздухе отрок подал мне коня.

- Матушка Агафья! - крикнул я. - А ты как же?

- Как все, так и я! – и она по-молодому вскочила в седло. В наш отряд входили еще и пяток татарских арб. Они легче шли по лесу в один-конь. Но кое-кто из баб помоложе все же ехали верхом, даже, прижав к себе младенцев, завернутых в медвежьи и волчьи шкуры. К ночи мы расположились в густом кустарнике, разложив костры в ямах и так прикрыв их большими кусками дубовой, сосновой и осиновой коры, чтобы дым тянуло по низу, в лесную чащобу. Помолились. Потрапезничали. Сон был мерзлый и тревожный. Но все же ночь прошла спокойно. Через несколько таких же привалов Филипп прискакал из дозора с несколькими мужиками из Власьевских и весело сообщил, что с холма уже Пронск виднеется.

- Вроде бы там - все покойно. - добавил он несколько неуверенно.

- Надобно обходить с правой руки! – встрял в разговор Глеб. - Там место поровнее. Арбы быстрее пройдут.

- Князь сказал, что пойдем с левой руки! – отрезал Афанасий.

- Он вам – князь! – вздыбился Глеб. - А Власьевских веду я!

Афанасий взял бороду в кулак, задумался…

- Что ж веди! – только и сказал он. И отошел к своему коню поправить сбрую. Так, нас снова осталось двенадцать человек…

- Пойдем-ка, Афанасий, потолкуем, - обнял я старосту за плечо.

- Поди ж ты! – округлил он глаза, услышав мой рассказ о незнакомом и исчезнувшем Великом Князе, - Уж не сам ли Князь Владимир-Креститель, Красно Солнышко к тебе явился, не Борис ли или Глеб, не твой ли тезка свет Земли Русьской Ляксандр Невский?! Да-а-а, дела!

- Так вот, Афанасий, думаю я, как нам Глеба и всех Власьевских из беды выручить…

- А как мы с такой дружиной?! Ох, надо бы с матушкой Агафьей потолковать.

- Да-к, баба же!

- Не баба, а попадья! – поднял указательный палец вверх Афанасий.

- А что думать-то?! – ответила матушка Агафья, не отрываясь от помешивания варева в котле на костре. - Не думать, а молиться надо! А Господь все устрояет. Коли воля Его на то есть…

Афанасий, бережно достав из мешков на своем седле святые образа Спасителя и Пресвятой Богородицы, укрепил их на ветках ближайшей сосны. А рушники, аккуратно сложив, спрятал за пазуху. Вся «дружина» наша встала на колени прямо в снег. Я удивился: даже кони головы наклонили ниже обычного. Или мне это показалось?

- Ратники! – громко шепнул отрок, стоявший крайним. Там, куда он показывал, двигались верховые. Много! На них были русьские кольчуги, шеломы, теплые плащи, полушубки… На стяге – Спас Нерукотворный…

- Наши! – выдохнул Афанасий. И тут же невдалеке раздался свист и десятка три ратников окружили нас, опустив на уровень груди острия пик и натянув луки.

- Кто такие? – спросил один из них, доспехи и плащ которого выдавали его старшинство.

- Беженцы, - ответил я, снимая шелом и кольчужную перчатку с правой руки. – Я – князь Ляксандр из-под Володимира. А это – мои люди после того, как их село поганые пожгли.

Старший, обернувшись назад, поднял руку. А нам приказал: «Идите за нами».

Афанасий неспешно снял с сосны святые образа, завернул их в рушники и сунул за пазуху, что не ускользнуло от взгляда старшего ратника. Другие подхватили наших коней под уздцы. Пройдя полсотни шагов, мы стояли перед князем под стягом. Он был моих лет, статно сложен. Плащ синего цвета был подбит беличьим мехом. Восседал он в седле спокойно и твердо: еще бы, - не одна сотня ратников была за его спиной. Я на его вопросы ответил то же самое, что и старшему дозора.

- А где ж остальные? Как ты сказал? Власьевские? – недоверчиво спросил он. - Ушли с правой руки обойти Пронск. Я говорил, чтоб шли с левой…

- А почему так решил? – опять усмехнулся он.

- Об этом я могу только тебе одному сказать, когда узнаю, кто ты. - набычился я, исподлобья оглядывая приближенных моего собеседника.

- Величают меня Данила, старший сын князя того самого Пронска, к которому вы подошли… А в гостях у меня ордынский посол, который пожаловался, что на подходе к моему уделу пропала целая сотня его охраны. Вот я, чтобы утешить, - хмыкнул он, - гостя дорогого, вышел с частью своей дружины проведать, кто ж посольскую сотню похитил… Правда, сомневается он: сотник по отцу - знатный ордынец, да от русьской матери-полонянки родился. Так, говорит, в последнее время многие рабы, ставшие у них воинами, либо самочинно разбойничать идут, либо вообще к молодшим князьям на службу уходят… Что ж мне с тобой-то делать?

- А то, что Бог велит! – перекрестился и поднял высоко голову я.

- Горд ты! Да перед своими нам гордиться пора отвыкать… Что ж, будь моим гостем.

- Дозволь, князь Ляксандр, князю Даниле слово молвить? А ты, князь Данила, прости Христа ради! Был бы ты моим князем, к тебе бы первому обратился. - вмешался вдруг Афанасий, который уже вскочил на своего коня, подведенного ратником.

- **Ай! Какие люди у тебя! – засмеялся князь Данила. И спросил: «А для разговора с Великим Князем тоже у своего князя дозволения спрашивать будешь?»**

- Прости меня, неразумного, грешного мужика, князь Данила. - поклонился ему Афанасий, - Я Богу всегда на Литургии молюсь… Да знаю, однако, что угодники святые пониже, а значит, и к нам – поближе. Быстрее моя молитва к ним дойдет. А те уж, коли Господь дозволит, ее до Него донесут. Великий Князь – как бы Божий господин над нами, а вы – как бы угодники его…

- Мудер ты, мужичок! Так что, прости и ты меня, Христа ради! – поклонился в ответ князь Данила.

- Говори, Афанасий, - кивнул я.

- Не время нам гостевать! Гляжу я, ты и сам ведаешь, какая замятня у тебя с правой руки от Пронска творится. Время, стало быть, нам Власьевских-то из беды выручать. - раздумчиво говорил мой староста.

- Да… - вздохнул князь Данила, - Все время последнее в Москве я был. Запустил свой удел, прости, Господи! Батюшка-то мой кровный, князь Пронский, стар стал летами. Руки до всего не доходят. А уж до ратных дел – тем паче… Да вот видно Бог и послал вас напомнить мне горницу чисто от грязи всякой вымести. А с правой руки засел в лесу какой-то выходец с орды, собрал сотен пять-шесть своих, да язычников, - что русьских, что мордвы, что бродников, - да беглых каких. Вот и промышляют на крови христианской.

- Ну что, братия? – обернулся он к своим, - К утру поспеем разбойничков навестить?

- Как прикажешь, князь. - раздались голоса дружинников. И мы быстрым, насколько возможно в лесу, шагом отправились в путь. Вот, сквозь деревья мелькнули на холме золотые кресты храмов Пронска… А мы уходили дальше в лес. Ночь выпала тихая, лунная, звездная… Путь от отражаемого света сверкал снегом. Дружинники рассыпались уступами по сотням. Вскоре вернулась разведка. На коне одного из ратников лежал весь порубленный и стонавший… Глеб.

- Э-эх, буйная твоя головушка! – отер кровь со лба у него спешившийся Афанасий. - Все вы, молодежь, старших, да стариков не слушаете! А пока сами подчиняться не научитесь, не властвовать вам над другими… Рассказать-то можешь чего?

Глеб открыл один глаз, - другой заплыл, - проглотил мед из глиняной фляжки, поданный ему ратником, заговорил: «Налетели на нас неведомо откуда сотни три… Мужиков, да деток, да баб постарше всех порубили и постреляли… А девок, да молодух с собой увели».

И он откинул голову назад… Афанасий приложил ладонь к шее Глеба: «Жив!»

- Везите в город! Да не трясите дорогой! – кивнул двум ратникам князь Данила. - Э-эх, взять бы мне их атамана, разъял бы на березах!

Тихо подъехал еще один дозор. Старший ратник концом стрелы нарисовал на снегу место расположения лагеря разбойников.

- Только надо бы поживее! – добавил он. – Дозорных ихних мы «сняли». Не успели бы хватиться. Многие у них уже хмельны, но не все… Над молодухами нашими, да девками лютуют… Даже из землянок крики слышны…

Князь Данила скрипнул зубами и знаком собрал сотников.

- Ондрей, - обратился он к одному из них, - подойдешь к их стоянке с нашей стороны. И будешь ждать. Я обойду с другой. С одного боку у них река. А чтобы бежать, кроме как под лед им было некуда, с другого боку, на пригорочке станешь ты, князь Ляксандр, с сотней и со своей, - хмыкнул он, - дружинкой… Никого, кроме русьских, в полон не брать. А этих мир судить будет. Ну, с Богом!

И мы разъехались. Мне не повезло. Я не видел битвы… Хотя это скорее было похоже на избиение. Разбойники не успели опомниться, как с двух сторон на них обрушились сотни князей Данилы и Ондрея: в ночи слышались звон оружия, вскрики раненных и умирающих, да всплески огня костров иногда взвивались между деревьями. Десятка полтора разбойников, выскочив в мою строну, тут же наткнулись на стрелы лучников. И повалились на снег… Вдруг прямо на меня выскочил всадник в богатом наборном доспехе. Даже лицо его было прикрыто искусно отлитой маской. Конь тоже был защищен от наших стрел…

«Тут только самострел мог бы помочь!» - подумал я и выхватил меч. Мы схлестнулись. Казалось, силы наши были равны. Но я отчетливо слышал в его придыханиях какие-то непонятные слова, складность которых была похожа на молитву на незнакомом мне языке. Тут и я прошептал: «Господи, помоги!

А в это время на меня буквально сыпались удары вражьего кривого, утолщенного на конце меча. Я таких и не видывал. Уворачиваясь от ударов, я непрестанно шептал: - Господи, помоги! Господи, помилуй!..

Мой противник изловчился и со всей силой попытался мне нанести удар по голове… Да от такого оружия и шелом не спас бы… Во всяком случае долго бы я потом головой мучался… Но почему-то удар прошел вскользь по шелому, дальше по щиту… В голове зашумело… Но я добрым словом помянул матушку Агафью, наделившую меня толстим войлочным, стеганым подшеломником. А враг заносил еще раз свой меч. Но тут аркан, налетевший на моего поединщика, обвил его, сжал и сдернул с коня.

- Мы не успели даже опомниться! – крестился Афанасий, подлетевший ко мне. - Как вы уже схлестнулись. Это не простой воин! Колдун какой-то! Движения, как молнии сверкали!..

- Да какой там колдун?! – досадовал я, снимая с трудом и болью треснувший шелом. И взглянув на него, тут же все-таки подумал: «Силой человеческой так рассечь нельзя!»

Поединщик лежал скрученный, шепча то ли заклинания, то ли проклятья.

- Кто бросил аркан? – крикнул я, взглянув на ратников.

- Я… Прости, князь! – передо мной стоял отрок похожий на сына.

- Как же ты такого кабана с седла-то сдернул? – недоумевал я.

- Это не я. - улыбнулся отрок. - Это сосенка! Я одной рукой бросил аркан, а другой быстро обмотал свободный конец вокруг сосенки. Так что разбойник сам себя сбросил…

- Спаси тебя, Господи! – обнял я его. – Как величать-то?

- Ивашкой, - потупился он.

- Чтоб впредь со мной ездил! – поцеловал я его в макушку. – Ива-а-а-шка!

Подскакал сотник Ондрей с десятком своих ратников.

- Все кончено, князь Ляксандр! – весело крикнул он. Но взглянув на поверженного разбойника и его богатые доспехи, удивленно вскинулся в седле: «Да ты атамана полонил! Ай, молодец!»

- Если б не отрок сей, - кивнул я на Ивашку, - не сидел бы я сейчас в седле, не говорил бы с тобой.

И я протянул князю Ондрею свой шелом.

- Знатный удар! – покачал он головой. - Это ж какой силищей обладать надобно… Ладно вяжите поганого к седлу. И выходим. Князь Данила, поди, заждался нас… Морозит!

Встряхнув головой, я отогнал видение. На часах было около трех часов ночи. «Да, засиделся…» - мелькнула мысль. «А ведь завтра уже мог бы поработать!» - перебила ее другая .Я отправился в палату. Завалившись на койку, мгновенно заснул. А проснулся от… укола.

- Скоро завтрак! - пропела медсестра. - А потом обход.

Врач, осмотрев мою разбинтованную голову, довольно хмыкнул: «Да, на тебе действительно, все заживает, прости, как на кошке. Если ты не против, мы тебя завтра выпишем. Недельку-другую побудешь на больничном по месту прописки. Районный травматолог решит, когда сможешь приступать к работе».

- Доктор! А может быть, лучше вы мне больничный закроете? – возразил я, вспомнив, что спокойнее ездить на дежурства, чем добираться до Щелковской в другой конец Москвы. – Работа у меня такая, что травма не проявит себя…

- Хм… Ну, гляди… Пиши расписку, что просишь закончить стационарный курс лечения и не продолжать его амбулаторно. – ответил он после некоторого раздумья.

Мне захотелось крикнуть «Ур-ра!». Но я сказал: «Спасибо, доктор!»

…А после обеда пришел Женя, опять загруженный яблоками, апельсинами, жареной курицей, бутербродами, кефиром.

- Представляешь, здесь только половина моего! – засмеялся он еще на пороге. - Людмила Петровна, как только узнала, что ты в больнице и что с тобой произошло, сразу отпустила меня… Она как раз только вчера из командировки вернулась… И все наши, и Галина Евсеевна надавали денег на фрукты для тебя… Все охали, да ахали, как тебя это угораздило! А Таня курицу зажарила, бутерброды наготовила…

- Спасибо, брат! Всем им низкий поклон от меня. – чуть было не прослезился я. – Только ведь завтра меня выписывают. Оставь мне пару яблок, апельсин, банан. Вот курочку я, пожалуй, тоже сам съем: соскучился! Здесь же все каши, да паровое…

Женя сел напротив меня: «Мы вчера с Танюшей вечером все рассуждали: почему на тебя за несколько месяцев столько всего навалилось. Так вот, я и подумал: не слишком ли ты в религию ударился? Ведь фанатизм – крайность! Можно верить в Бога и жить обычной жизнью: работать, отдыхать, даже поститься, но не так строго! И совсем не обязательно, например, каждое воскресенье в церковь ходить. Это все – для бабушек, которым нечем больше заняться. А тебе надо подругу завести. Встречаться раз-два в неделю, приглядеться друг к другу, узнать получше… Глядишь - и семья сложится.

- Женя, такая жизнь без Святого Венчания – блуд! – возразил я.

- Да причем здесь блуд?! Сколько людей так живут! И семьи крепкие имеют. Ты меня прости, конечно, но все твои беды от твоего такого отношения к жизни! «Блуд»!.. Саша, я же тебе как друг говорю! Если бы ты был для меня просто приятелем, не стал бы я такие интимные и не очень лицеприятные вещи высказывать. Подумай сам! Кстати, Таня вчера еще одну причину твоих неприятностей предположила: колдовство.

- Колдовство?! - хмыкнул я.

- А что? Очень даже запросто! Ты что ж, не веришь в это? У нас в Лужках колдунов и колдуний всех наперечет знают!

- Да ну?

- Возьми, к примеру, бабу Клаву… У тети Тони, соседки дяди Леши, корова перестала молоко давать… Что она только не делала! А однажды ночью вышла, смотрит, а черная кошка под коровой к вымени присосалась и пьет! Да еще стоит на

задних лапах, а передними вымя мнет, чтобы молоко лучше сочилось. Тетя Тоня схватила полено, да – в кошку. По лапе ей попала. Та зашипела и убежала. А утром тетя Тоня выгнала корову в стадо, смотрит, а баба Клава не выгоняет свою. Та мычит, просится… Тетя Тоня – к ней в избу: не приболела ли соседка-старушка. А баба Клава лежит на лавке, стонет, за руку, обмотанную кровавой тряпкой, держится, качает ее, словно младенца. И как зыркнет на тетю Тоню, по ее словам настоящими кошачьими глазами. А самое главное, тетя Тоня полено свое, которое бросила в кошку, окровавленное увидела перед порогом…

Я перекрестился: «Ну, ты рассказал на ночь глядя! А я считал, что если и есть прислужники темной силы, то – несознательные».

- Скажешь тоже: «не-соз-на-тель-ные»! – усмехнулся Женя, – Был у нас в Лужках другой случай. Я тогда еще из Улан-Удэ приезжал погостить… Лет пятнадцать мне было, или даже поменьше… Брат мой троюродный или еще дальше, Петька, только из армии демобилизовался. Здоровяк! Десантник! Прямо с военкоматовского плаката! Ну и в загул ушел на месяц. По пьянке обесчестил самую некрасивую и завалящую девку из Алешни. А потом с другой загулял, - с первой красавицей всей округи. Испорченная же им Катька, - страшнее ядерной войны! – забеременела! А у Петра свадьба уже намечена! Все чинно: по любви, да по закону! Тут Катька с матерью к бабе Клаве пошли. Вся деревня видела, как шмат сала и сито яиц несли! Что та делала, не знаю… Но когда Петька прощался с холостяцкой жизнью, опять в загул с лужковскими парнями ушел и подрался как-то с Алешкинскими. Разметал всех! Куда тем до десантуры! А возвращаясь домой, проходил мимо Катькиного дома. Тут мать ее – навстречу Петьке. «Замаялся, - говорит ему, - ты, бедненький! На-ка, испей кваску!» Петька-то и выпил! Потом божился, что не соображал, что и делает… С тех пор, однако, переехал к Катьке в дом! И живут они, как кошка с собакой, а детей уже пятерых нарожали. Он ее кроет последними словами… Уходил несколько раз. А жить больше ни с кем, как мужик, не может. И возвращается к Катьке. Вот тебе и «не-соз-на-тель-ные»!

- А невеста-красавица троюродного брата твоего? С ней-то что? - спросил я, придя в себя от того, что слишком отчетливо представил все рассказанное Женей.

- За год высохла и умерла! – вздохнул он.

- Так значит, и ей что-то сделали?

- Значит, сделали. - кивнул Женя.

- Откуда же у нашего народа идет это колдовство?

- Читал я где-то: от язычества. Хотя и были наши давние предки честными добрыми, благородными. Но в стаде-то не без паршивой овцы! И вот, такая паршивая овца, питая зависть или злобу к кому-нибудь, шла к волхву, да не к обычному, а к отступнику, покупала или заражала его злобой, колдовала с ним. А уж как связывалась с нечистью, так и выйти из-под ее власти не могла. Болела, если зла кому-нибудь не делала. И умереть не могла, пока не передаст кому-нибудь свою злую силу. Мать-то бабы Клавы, как рассказывают, долго умереть не могла. Высохла вся. Врачи из Рыбного приезжали, удивлялись, - в чем душа держится. Давно бы уж, мол, умереть должна! А тут внук из Москвы, сын младшего брата бабы Клавы, приехал… Видно ему и передала она все зло свое. Да ее велела привязать себя проволокой к кровати, а на грудь чугунную плиту, на которой в летней кухне готовят, положить. А самого внука выгнала из избы…

- А что ж не стала она передавать свою силу бабе Клаве? – спросил я

- Так ей еще задолго до этого ее бабка передала. Так люди говорят! – вздохнул Женя. И продолжал: «Когда же старуха умирала, все видели, как изба ходуном ходила, из трубы черный дым с пламенем пыхнул, хотя печь в это время не топили… Как все закончилось, зашли люди в избу. Проволока, которой старуха привязана была все изорвана в мелкие кусочки, а плита на груди насквозь прожжена!»

- Как же тогда человеку, попавшему под колдовство, избавиться от него? – спросил я.

- Люди говорят, что к другой бабке, только – к доброй, или к деду такому же ехать надо. Танюша слышала, что в церковь следует идти. Там такой обряд есть: отчитка. А я вот читал недавно, что любой человек обладает экстрасенсорными способностями, что способен сам противостоять, подзаряжаясь из космоса, ставить защиту от злых людей, как бы стекло невидимое.

- Погоди-погоди! Но космос-то Бог сотворил! – потряс я головой.

- Ну, значит от Бога подзаряжаться.., - пожал плечами Женя, - через космос…

- Что-то в твоих методах не стыкуется… Пока не пойму, что.., - теперь помотал головой я.

- Честно, я сам еще толком не разобрался. Я же тебе рассказал только то, что кто-то говорит, что сам слышал, читал… - нахмурился он. – А то, что на Воже много нечисти, так это понятно: какая там битва была! Сколько крови пролито, а вместе с ней и злобы! Вот, как дядя Леша сказывал, от ордынской крови и нечисть завелась. Ордынцы-то кому поклонялись?! Об этом в учебниках написано: огню, кусту и солнцу. Да еще и ханов своих обожествляли. А они, как известно, еще те злодеи были. Где самые изощренные по жестокости пытки? На Востоке!

- Да… Поклонялись твари – вместо Творца! – кивнул я.

- Вот-вот, к тому же там племена разных религий были. Вот и намешалось невесть чего. – подтвердил Женя. – И кто ж знает, каким колдовством они пользовались.

- Женя, ты – историк. А нет ли у Орды связи с Тибетом? – задумался я.

- Не знаю. Мы этого не проходили. Да и зачем? Нам бы свою родную историю изучить! – пожал он плечами. – Ой, засиделся я! Ты давай, как выпишешься, звони! У нас с тобой – большое дело!

Женя ушел. Продукты он, конечно, оставил. «Вот и хорошо, - подумал я, - завтра заступает молоденькая медсестра, мать-одиночка. Оставшиеся фрукты отдам для ее сына».

Я доедал курицу, запивая ее сладким кефиром, когда ко мне в палату заглянула медсестра. Это была женщина лет сорока. Худая, даже какая-то изможденная. Глаза ее были всегда печальны, а под ними – синяки. Уголки губ резко, чуть ли не под прямым углом опущены вниз.

- Вы завтра на выписку?! – то ли спросила, то ли утвердила она, - Значит – выздоравливающий. Тогда помогите мне переложить одного старичка. Его из реанимации доставили. Машина сбила. Много переломов. Другой бы помер давно. А этот еще рассуждать пытается. В чем душа-то держится: кожа да кости?! Звонили, чтоб родственники забрали. А сын на три дня в командировку уехал. Сказал, что отблагодарит, если продержим его это время. А зарплата сами знаете, какая! Санитар опять - во хмелю! Не помощник… Поможете?

Я вымыл и вытер руки и губы: «Ну что ж, пойдемте!»

Мы вошли в другую палату. Взглянув на лицо, видневшееся из-за загипсованных руки и ноги, я невольно вздрогнул: серые с желтизной волосы прилипли к такому же сероватому полулысому черепу. Из под кустистых бровей меня втягивали в себя две черные дырочки глаз, казавшиеся совершенно здоровыми и осмысленными. Затем возникло ощущение, что они вот-вот выпустят в меня две длинные автоматные очереди. Длинный крючковатый нос достигал до выступающего далеко вперед подбородка. «Где-то я видел его!» - возникла мысль. Но память отказывалась подсказывать. Зато вторая мысль успокаивала: «Не обращай внимания! Обычный типаж худощавого, очень старого человека… У него же все болит!»

- А! Хожалочки мои пришли! Спасибо вам! – проскрипел, искривляя серые в голубизну губы в подобии улыбки, старик. …Какой же он был тяжелый! Неверное, от гипса. У меня даже голова заболела после того, как мы перевернули его. Сестра поставила утку, поправила подушку….

- Там, в тумбочке, - фрукты, - проскрипел опять старик, - Угощайтесь! Мне все равно столько не съесть… Умереть бы!

- Спасибо, у меня свои некуда девать! – отказался я.

- Э-э-э, молодой человек! Тебе как раз надо бы витаминчков! – стрельнул он глазами и тут же спрятал их под кустистыми бровями.

- А я угощусь! - вздохнула медсестра, - Зарплата сами знаете какая… Тут на хлеб хватило бы, не то что на фрукты.

И она взяла из тумбочки яблоко, апельсин и гранат. Старик, казалось, заснул. И мы с медсестрой на цыпочках вышли из палаты. Но после ужина, от которого я, естественно отказался, в отделении началась какая-то суета. Медсестра звонила куда-то, кричала, что за такую зарплату она этого делать не обязана… Кто-то пробежал по коридору… Проскрипели колеса носилок-тележки… Я встал, выглянул за дверь. Двое крепких санитаров, врач и еще кто-то выкатывали из палаты старика, накрытого с головой простыней… Мимо меня прошла улыбающаяся медсестра.

- Во! – хмыкнула она, - Захотел помереть – и помер!

- Кто? - уже догадывался я.

- Да старик этот переломанный, которого вы мне перекладывать помогали. - не оборачиваясь уходила она по коридору. - И что я все фрукты не забрала сразу! Во, дура-то! Теперь санитарам достались!

Какое-то неприятное чувство растекалось по всему телу. Я вернулся в палату и увидел… голову старика-корня, слегка покачивающуюся, словно на ветру, в западном углу.

- Много ты потерял сегодня! – хохотнула голова…

- Слушай, я даже в разговор вступать с тобой не собираюсь. - вскинулся я… - Ты же хохотал до кровавых слез, когда мне чуть не проломили череп!

- Ну допустим не до кровавых, а до рубиновых… Чтобы ты собрал эти рубинчики, продал их и купил себе квартиру. - подпер он подбородок существующей отдельно рукой-корнем. – А то, что тебе дали по голове, спасло тебя от более страшного… Но ты ведь все равно не оценишь… Вот яблочка райского не захотел съесть сегодня, чтобы стать могущественным, повелевать людьми, как это сможет теперь медсестра. С яблочком к тебе перешла бы чудесная сила! И мы смогли бы столько великих дел сварганить! А теперь у медсестры и деньги появятся, - это для ее главная нужда… И мужика себе найдет! Но не будем о грустном… Почему, ответь мне, твой Бог не защитил тебя от удара по голове? Почему Он не может дать тебе хорошую квартиру, добрую любящую жену? Наташу мы «проехали»: она уже в следующем чине посвящения. Ее стихия, то есть ее любимого, - Советский спорт! Скоро наши великие спортсмены станут продавать себя с аукциона! И выступать за те клубы, которые больше заплатят! И часто против своих же… Ха-ха-ха! И половина из них станут каббалистами, учеными мудрецами, или, как у вас некоторые недалекие людишки говаривают, колдунами. Но и от этих недалеких людишек есть польза, как от коров или от баранов, - только о двух ногах: они не способны разобраться во всех тонкостях нашего ма-те-ри-а-лиз-ма, боятся нас, а значит, подчиняются нам! Как это было у вас в семнадцатом году… Хочешь, чтобы тебя боялись другие и подчинялись тебе? Тогда если ты сейчас не подчинишься, мы тебя у-ни-что-жим, как подобных тебе в семнадцатом году. А завтра беги, собирай в проходном дворе рубинчики себе на квартиру. Твою!!! Собственную!!! Ни от кого не зависимую!!! Ты ее хозяин! Только ты и никто другой! Ни родители, ни сестра, ни-кто! Мои-то стражи столько времени

охраняли их от ненужных глаз. Они валяются во дворе, но их никто из прохожих не видит. А ты увидишь…

- Меня же спросят, где я их взял, - размышлял я, возмечтав вдруг о собственном жилье.

- Ты скажешь, что получил по голове чем-то тяжелым, когда увидел в раскопанной горшок с камнями. – усмехнулась голова. – Четверти от клада хватит тебе на однокомнатную квартиру улучшенной планировки. Заодно милиции дашь заработать. Им за это премию дадут…

- А если меня таскать начнут: не спрятал ли половину клада? – продолжал раздумывать, сомневаясь, я.

- Успокойся! Там в начальстве у меня свой человек! Я шепну ему то, что надо. – скривила губы подобием улыбки голова-корень.

- А чем я буду тебе обязан? – спросил я.

- О! Сущие пустяки! Напишешь расписочку, что получил от меня то-то и то-то. – безразлично отмахнулась рука.

- А отдавать чем?

- Что ты мелочишься! Прямо миллиметровщик какой-то! Более того, скажу тебе: расписку писать будешь мне в своей новой квартире, с машиной стоящей в гараже, с очаровательной женой в теплой постельке…

- А если не напишу?

- Ну, этого ты просто не сможешь сделать!.. Что, жизнь надоела?

- Так ты и жизни лишить можешь?

- А что? Разве то, что тебе дали по затылку – не доказательство?!

- Что-то темнишь ты по поводу расчета! – покачал я головой.

- Темнит-темнит! – вдруг раздался голос из другого, восточного угла. – Он душу твою затребует взамен, и дела свои грязные, каббалистические, а по-русски – сатанинские, исполнять потребует! Да так, что и сам не заметишь, и не исполнять не сможешь, иначе болеть будешь! Ты что ж, в эту темень уже готов опуститься?!

Я обернулся и увидел знакомого врача в бордовой хирургической спецодежде. Он стоял, спокойно сложив руки на груди, и грустно смотрел на меня. Я вновь обернулся: головы-корня не было.

- Так что ж? Он действительно мог и убить? И Бог бы не заступился? – почти крикнул я.

- Совершив с нечистым сделку, ты отрекаешься от Бога. А зачем ему воин-предатель? Но эта нечисть всполошилась из-за того, что не смогла купит тебя на фрукты, которыми тебе пытался передать свое злое наследие известный московский колдун. Тот не мог умереть… Пытался броситься под машину… Теперь водителя судить будут… А бедная медсестра уже не сможет не делать людям пакости.

- А спасти их, особенно водителя, никак нельзя?

- Небесный покровитель молится за него. Но тут нужна молитва и самого водителя… Без его просьбы о помощи к Богу, он вряд ли избежит тюрьмы. Но и эта мера иногда бывает на пользу. Именно в таких условиях, как в заключении, люди нередко приходят к вере нашей Православной.

- Но почему же ему никто не подскажет?! – не унимался я.

- Это уж, какова будет воля Божия…

- А медсестра?

- На все воля Божия… Она не захотела принять ее там, куда Бог поставил ее по заслугам. Роптала, злилась. Причем злилась до изнеможения! Хулила Бога! - мой собеседник вздохнул и перекрестился. – Может быть, мать вымолит ее, дед-мученик… Он был старостой в церкви. И за то, что отказался вслед за священником сдать церковное имущество чекистам, те утопили обоих в проруби. А жена его вскоре сама вышла замуж за чекиста, отдав дочку – мать медсестры на воспитание бабке со

стороны отца-мученика. Зато внучку, нынешнюю медсестру взяла себе семья чекиста. И воспитала так, как мы ее сейчас видим.

- Это и есть родовое благословение и родовое проклятие?

- Да… Но тебе надо отдыхать. Не забудь, если хочешь, помолиться. И спи.

Он исчез. А я, прочитав краткое правило, перекрестив углы и постель, завалился на кровать и заснул крепким сном…

Утром я с нетерпение ждал выписки. Но сначала был завтрак, от которого я тоже отказался. Съел бутерброды и выпил кофе, оставленные Женей. Потом сходил на перевязку и осмотр. Бинт мне сняли уже совсем, но оставили на выбритом затылке марлевую нашлепку. Наконец, переоделся и подошел к молодой медсестре, чтобы получить документы. Она резко бросила мне выписку из истории болезни, больничный лист, паспорт… А я положил перед ней кулек в фруктами: - Мне вчера принесли. Они не понадобились. Отнесите вашему сыну.

- Вы?.. Мне?.. Сыну?.. Да, зачем?!.. Нам не положено от больных, - вскинула намакияженные, выщипанные в ниточку брови она.

- Не положено - от больных. А это – от уже выписанного, а значит – от здорового. Так что, берите! – улыбнулся я, развернулся, вскинул на плечо спортивную сумку и зашагал к выходу.

Легкий морозец на улице ущипнул за уши. Но я вдохнул его с удовольствием.

- «Ласточка» может стать и каретой Скорой помощи! – послышалось сбоку. А повернувшись, я увидел Василько рядом с раскрытой всеми дверями его машиной. Мы обнялись и обменялись святым целованием.

- Ты же должен быть на работе?! – воскликнул я.

- Подполковник отпустил встретить тебя. - ответил он. И добавил: «Три дня отдыхаешь, и – на пост! Подполковник пока решил в ночь тебя не ставить. Поэтому будешь, как в начале, - со мной подменным и поддежуривать в отделе днем».

- Очень хорошо! Тогда сейчас – к отцу Валерию! – вздохнул я радостно.

- Вот это мне отрадней всего от тебя слышать! – повернул ключ зажигания Василько.

- Князь Ондрей! – крикнул князь Данила Пронский. И когда тот подскакал, молвил: «Пусти-ка вперед десяток своих молодцов. Пусть от моего имени велят пир готовить. Не хочу, не поподчевав посла, разбойничьего атамана ему представить. Да и в вино послу пусть побольше пива подливают».

- Он же один кобылий хмель пьет, - удивился князь Ондрей, поклонившись.

- Этот и винцом не брезгует! Я его давно знаю! – хмыкнул князь Данила. А когда тот уехал, повернулся ко мне: «Вот, у него такая же судьба, как и у тебя, князь Ляксандр. Отправил женку с дочкой, да с малым сынком на Москву, а сам замешкался в Пронске по хозяйству, да по воинским делам. Он у меня главный воевода. Да сгинули где-то в наших лесах домочадцы его. Дочке-то четырнадцать годочков было… Видно, чует он, что это – дело рук разбойничков наших, ныне побитых… Я гляжу, - хмурый. А тут – лучше не подходи… Только ратный приказ понимает… А ты сам когда поведаешь мне, как узнал о наших разбойничках?»

- Прости князь! – поклонился я ему, - Если позволишь, исповедуемся вместе, причастимся из одной чаши, тогда перед служителем Господним все и поведаю.

- Достойный ответ! – поклонился он мне. - Пред Господом все едины!.. А как же тебе с полусотней мужиков удалось сотню поганых воинов истребить?

- Мужички, конечно, не ратники! Но охотнички изрядные! А долго ли две стрелы подряд белке в глаз пустить?.. Вот и получается один выстрел – полусотня. Тут же другой – вторая…

- А кони, оружие, доспех? А убитые?

- Свезли убитых в овраг. Часть коней, что послабее, тут же порезали. Поздоровее – взяли себе. Большую часть и оружия, и доспеха и коней отдали языческому князю Илгусу: пришлось переночевать в его посаде. Оставили у него и сотника. Нашим он оказался, русьским. Собачился поначалу. Но Афанасий вразумил его. Сейчас он – в колодке у Илгуса.

- У Илгуса? – князь Данила усмехнулся. – Добрый он князь и воин. Отчину любит не на словах. Честный. Да вот беда: сердце его пока закрыто для Христа Спасителя нашего. Но с ним на поганых в бой я пошел бы уверенно.

- Да и мне показалось, что князь он добрый. Звали мы его с собой на Москву. А он возьми, да и спроси, мол, нужен ли защитник старой славянской веры князьям Православным?.. Но, говорит, если позовут, приду.

- Ну, утешил ты меня! Если уж лесные язычники на поганых сообща подняться готовы под рукой Великого Князя… Слава Тебе, Господи! – истово перекрестился князь Данила. А вдали уже показались дубовые стены Пронска. Башни его были освещены факельщиками.

- Что за праздник в городе? - спросил я удивленно.

- По случаю приезда посла Мамаева с тысячью без сотни, – усмехнулся князь Данила. И тут же серьезно добавил: «Нас ждут. Гонцы уже сообщили о нашей победе… Ох, как я мечтаю построить каменную крепость! Как в Москве!.. Что, князь Ляксандр, спать хочется?

- Не помешало бы, - признался я.

- Придется потерпеть. Нам предстоит интересное зрелище. Оч-чень интересное! - покачал головой князь Данила. Мы въехали на деревянный мост, в кованные дубовые ворота, проехали под тяжелой решеткой, спущенной на треть. Вторые ворота были сосновыми, но – тоже в железе. Копыта коней гулко стучали по бревенчатой мостовой. Город еще спал. Но у княжьих палат жизнь кипела, как в полдень. Рядом стоял еще один терем, поменьше. Я удивленно приглядывался к нему. Князь Данила, поймав мой взгляд, пояснил: «Не стал я рушить подворье баскаков, хотя их, почитай более полусотни лет нет. Пусть стоит в назидание нашим межусобникам, если таковые еще появятся. Зато, посла можно туда поселить, что не пачкал освященные палаты мои…»

От бывшего подворья к князю подбежал ордынец: - Великий посол почивает еще… А ты, кинязь…

«Тоже мне, великий! – усмехнулся я, - С недобитой тысячей без сотни!»

- Добро. Как пробудится, доложи, что я привел ему разбойника, истребившего вашу сотню, – устало проговорил князь Данила, – И приглашаю великого посла на пир. Не забудь же передать. Все готово. Столы накрыты.

Потом он обернулся к дружине: - Сотникам разоблачиться, одеть княжеское платье и… ждать в моих палатах. Ратникам – отдыхать, кроме первой сотни. Через два часа ее сменит вторая. И так – по чреде. Пойдемте, князья Ондрей и Ляксандр!

- А с этими что делать? – громко спросил один из сотников, указывая на полненных разбойников и освобожденных молодух и девок.

- Разбойники долго грелись нынче… Пусть подостынут на морозце… - распорядился князь Данила, – Атамана – цепями к столбу. Его судить будет посол. А молодух и дев…

- Дозволь, князь, слово молвить? – перебил Данилу низкий грудной голос жены, вышедшей из княжьих палат.

- Говори, душа моя, княгинюшка! – склонил тот голову.

- Все они – несчастные! Силой взятые… - начала она. Недавние полонянки заголосили. Некоторые упали на колени… Подолы рубах многих были в крови… «Дозволь мне их взять к себе, накормить, обогреть по христианским законам. А кто из них – кто, Господь откроет».

- Будь по-твоему, княгинюшка! – кивнул князь Данила и, обняв меня и Ондрея за плечи, увел в свои покои. Там сбежавшиеся отроки помогли снять доспехи, порты, рубаху, сапоги. В большой лохани приводили в себя, обливая то горячей, то ледяной водой, обрядили во все новое, чистое, нарядное. Поднесли квасу на травах. И сон как рукой сняло.

- А где ж моя-то дружинка?! – спохватился я вдруг.

- Не безпокойся, князь! – ответил старший отрок, - Две сотни, а с ними и твои в баню пошли. Это тебе быть готовым надо хоть сейчас на пир с послом поганским пойти…

- Погоди! – перебил я его, - Забыл совсем про попадью, матушку Агафью! Она ж тоже с нами верхом шла…

- Ее княгиня в свои покои увела. Поди, сама моет сейчас в бане. Она у нас добрая. Хоть и молодая, а словно ма-ать родная для любого пронского! – расплылся он в улыбке.

Вбежал ратник легком доспехе.

- Князь кличет! – крикнул он и убежал. Мне на плечи кинули шубу, в руки дали шапку, к поясу пристегнули меч, кинжал и вывели на крыльцо. Князь и ближние уже стояли там. Следом за мной выбежал и Ондрей. Все спустились и, не пройдя даже сотни шагов, подошли к бывшему подворью ордынцев. Там в окружении богато одетых поганцев стоял толстый, постоянно позевывающий посол.

- Ну, что, кинязь Данила? – спросил он, на ломаном русьском языке, - Споймал ли ты тех, кто мое посольство укоротил на сотню? Лучшую сотню!

- Как не споймать для гостя дорогого. У нас ведь как говорят? Для милого дружка и сережку из ушка… Вот он, главарь разбойников, к столбу прикован. Жаркая для него ночка была. Шестью с половиной сотнями верховодил он. Ваш по крови. Тебе, великий посол, и судить его! Но прежде, дозволь пригласить тебя на малый пир. На пустое брюхо-то какая добрая мысль придет? – ответил князь Данила, снял шапку и, по нашему обычаю, поклонился послу. Мы все последовали ему. Поклонились… А мне так захотелось плюнуть…

- Цзы-цзы-цзы! – защелкал языком поганый. – Мудро говоришь, кинязь. Доложу о том великому хану Мамаю. Веди, потчуй!

И он кивнул своим, как бы приглашая за собой. Тех я насчитал около полусотни.

- Ох! Нахлебники! Захребетники! – не выдержав, буркнул я.

- Скоро, скоро, Бог даст, сломаем их хребты! – услышал я рядом шепот князя Ондрея.

- Дай Бог! – слегка повернул я голову в его сторону. А он сжал мою ладонь, лежащую на рукояти меча. После обильной трапезы и такого же возлияния глаза посла посоловели.

- А где женка твоя, кинязь Данила, да другие женки и девки, чтоб потешили меня песнями да плясками? – вдруг спросил он.

- Ох, посол, ох, великий! – покачал головой тот, – лучших женок, да дев наших извел тот разбойник окаянный, что к столбу прикован. А моя княгиня от печали сей хворая лежит.

- Цзы-цзы-цзы! – пощелкал языком посол, - Так он и меня своими разбойными делами веселья лишил. Пойдем же к нему! Воздадим по заслугам!

Он тучно поднялся. Вслед за ним повскакивали с мест и его поганцы.

- Твоя воля, гость дорогой, - закон для меня! – поклонился князь Данила, и все мы вышли из терема.

Посол, заложив короткие, пухлые руки за спину, обошел вокруг столба с прикованным к нему атаманом. Отойдя шагов на десять, вдруг спросил по-русьски: «Ты ли здесь разбойные дела творил? И по приказу ли великого хана Мамая?»

Пленник плюнул в ноги послу: «Пес поганый! Не знаешь, с кем говоришь! Я – потомок Чингисхана! Можешь посмотреть пайцзу на моей шее. И Мамай твой такой же шелудивый пес! В нем нет ни капли крови великого кагана Чингисхана! Имеет ли он права называться ханом? А я все здесь делал по своей, ханской воле!»

Слышно было, как князь Данила облегченно вздохнул.

- Злобен, аки пес!- сказал он громко. Ордынцы, стоящие неподалеку дружно закивали головами.

- Ну, о чем с ним еще говорить?! – аж присел, разведя руками в стороны, посол. И махнул своим воинам. Тут же четверо поганых подскочили к атаману. Сняли с цепи. Двое из них вставили длинное копье в один рукав и вытащили его из другого, как бы распяв. Поставили на колени. Затем двое других на самый верх голеней приговоренного положили тонкое бревно и наступили на него ногами. Другое бревно подвели под поясницу и крепко прижали к ней…

- Хочешь ли что сказать? – спросил посол, уже поднявшийся на крыльцо бывшего подворья.

- Хочу! – прохрипел бывший атаман. – Скоро и Мамаю, и Москве придет конец! Далеко, на вершинах Тибета, мудрецы учат молодых тигров-чингизидов повелевать злыми и добрыми духами. И если бы не твой Мамай, я тоже был бы там! Когда же наши молодые тигры спустятся с гор, ни один, даже самый могучий батыр не сможет выиграть поединок с любым из них. А рати ваши будут разгромлены злыми духами. Добрые же духи будут защищать молодых тигров-чингизидов! Тогда такие, как ты, пес…

- Довольно! – перебил его посол. - Ты слишком много сказал. И я передам твои слова великому хану Мамаю.

Он махнул рукой и ордынцы, державшие за два конца копье, резко дернули его назад. Другие также резко потянули на себя и вперед бревно на уровне посницы… Раздался хруст переломанного позвоночника. Тело бывшего атамана дернулось несколько раз. Рот и глаза широко раскрылись от удивления и боли…

- Кинязь Данила! – лениво кивнул посол, - прикажи эту падаль выкинуть подальше за ворота города… А мы… Нет, что-то я устал… Не люблю казней… Мы пойдем отдыхать… Обед прикажи принести ко мне в покои.

- Для гостя дорого – лучшего барашка! – с улыбкой поклонился князь Данила. Повернувшись же к нам, тихо добавил: «А мы пока со своими изменщиками разберемся».

На площадь вывели человек пятьдесят, закованных в колодки. Возможно, у них и был когда-то свирепый вид… Теперь же они выглядели, как нашкодившие собаки, поджавшие хвосты до самых морд. Да и могло ли быть иначе. На крыльцо выскочили девы и молодухи, освобожденные от их изуверств, а вокруг вчерашних разбойников смыкалось плотное кольцо жителей Пронска, которое ничего хорошего не предвещало… На снег перед крыльцом вынесли княжий судейский трон, покрытый красным ковром, отороченным медвежьим мехом. Ратники с опущенными пиками окружили колодников.

- Ну! – начал князь Данила обращаясь к ним. - Кто из вас ответит мне, сколько вы, крещеные, христианских душ загубили? Деток малых, отроков, отроковиц, жен, мужей, старух, да стариков?

Колодники бросились на колени… Что-то запричитали… Кроме одного. Тот стоял, сощуренным взглядом буравя князя Данилу. Если б в глазах его были стрелы, они уже оказались бы в цели. Вдруг с крыльца к князю бросилась молодуха и упала перед ним на колени.

- Князь-батюшка! Вот он – главный изувер! - показывала она, рыдая, на оставшегося стоять разбойника. - Подручный атамана! Он зарубил безоружных мужа моего, брата молодшего, двух других отроков, да мужиков несколько, трех старух…

На моих глазах, за один миг! На снегу тут же снасильничал двух отроковиц… И тоже убил их… Увидел меня, вырвал из рук живулечку моего, годовалого Николеньку, разрубил его пополам, кинул мордве на съедение… А сам кровь с меча слизывал все время. Ударил меня по голове и утащил в землянку свою… Кабы не ты, быстро бы он наизуверствовался надо мной и зарезал бы, как и других…

- Это правда? – скрипнул зубами князь Данила.

- Ненавижу! – вдруг крикнул колодник треснувшим голосом. – Всех не-на-вижу! Почему ты – князь, а не я? Почему у тебя этот терем, а не у меня?! У-у-у! Не-нави-жу!..

- Да он – бесноватый! – крикнул кто-то из толпы горожан.

В это время, - никто и глазом не успел моргнуть, - князь Ондрей подскочил к сподручнику атамана и быстро заговорил: - Не знаю точно, в твои ли грязные звериные лапы княгинюшка моя, дочка-отроковица, да сыночек младенец попали.. Знаю точно, что сызуверствовал бы ты с ними… А я…

Сверкнул кинжал… И князь Ондрей всадил его разбойнику в сердце по самую рукоять. Потом выхватил меч и двинулся на других колодников. Но ратники сомкнулись на его пути. Князь Ондрей замер на миг, откинув голову с закрытыми глазами. Встряхнул светлыми кудрями. Вложил меч в ножны. Развернулся к князю Даниле и упал перед ним на колени рядом с убитым им разбойником.

- Прости меня, князь! Разум помутился, когда услышал, как этот нелюдь младенца разрубил и на съеденье дикарям бросил. Своего Олега представил… Вели казнить за нарушение княжьего суда, - опустил он голову. Князь Данила встал. Подошел к Ондрею. Поднял его с колен. Обнял за плечо. И громко заговорил: «Друже младенчества и отрочества моего! Соратник и советник мой верный в любом деле! Да как же мне судить тебя, когда всякий в граде нашем знает про горе твое?! Каждый помнит добрый нрав, милосердие твоей княгини Марьюшки, молитвенность ее, и то, что также она и чад твоих пестовала… Мало таких найдется, кто сдержался бы на твоем месте. Покаешься на исповеди. А все мы помолимся за тебя Господу…»

Он вскинул голову и, обернувшись, громко крикнул: «Так ли я рассудил, граждане Пронска?»

Дружный, одобрительный гул толпы вспугнул ворон, голубей и воробьев, засевших на крышах и под стрехами. Князь Данила вернулся на свое место. А ободренный им Ондрей встал рядом со мной. Я нащупал его ладонь и пожал ее. Он благодарно кивнул.

Вдруг, словно волна зашелестела по камням. По толпе прошелся говор: «Владыко! Епископ!..»

Через площадь степенно шел, опираясь на посох, старец-монах с длинной, спадающей до пояса седой бородой. Князь Данила вскочил и первым, когда тот приблизился, склонился под благословение. Епископ перекрестил его, а затем, обеими руками преподал общее благословение всем собравшимся.

- Вот, владыко… - начал, было, князь Данила.

- Знаю, все знаю, чадо. – перебил его тот. - И пришел не за тем, чтобы полюбопытствовать на суд княжий… А затем, чтобы напомнить тебе, что после пролития крови, даже нехристианской, - после каждого боя, - Святая Церковь ждет победителей на покаяние, на исповедь. Вороги – хоть и нехристи, а твари Божии! А ты первым делом пиры устраиваешь, чадо мое дорогое, духовное!..

- Прости меня, владыко! - опять поклонился князь Данила. – Все твои святые наставления я помню не только умом, но и сердцем. И то, что я сам не пришел к тебе для покаяния да исповеди и не привел дружину, говорит лишь о том, что ночной бой не закончен.

- И даже пир, - понизил он голос, усаживая епископа в принесенное отроками кресло, рядом со своим, - продолжение боя. И..., возможно, самое опасное. А сейчас

молю тебя, будь мне наставником в суде. Пред тобою русьские, участвовавшие в убийстве православных христиан… Благослови продолжить княжий суд.

- Бог тебя благословит! – улыбнулся епископ, - Ты у меня мудрое чадо.

- Пусть кто-нибудь из вас, если не считает он себя бывшим христианином, - обратился князь Данила к колодникам, - для начала расскажет об этом несчастном.

И он показал на убитого князем Ондреем злодея. Колодники засуетились и вытолкнули вперед тщедушного, плешивого мужичонку. Тот снял шапку, перекрестился на четыре стороны с земными поклонами, - чем вызвал еще более неодобрительный гул толпы, - и начал: - Прости, князь и ты прости, святый владыко! Сами не помним, как занялись этим богопротивным делом. Но хилым своим умишком раполагаю, что дело все в крови людской…

Мужичок обернулся на других колодников, как бы ища поддержки, а владыко насторожился.

- Продолжай, - кивнул он.

- Когда меня, заплутавшего и замерзающего в лесу, хан Елегдай подобрал, приказал тут же напоить горячем снадобьем… Только потом я понял, что это была кровь человеческая… Но отказаться от нее уже не мог! Прости, Господи! А потом, после каждого удачного разбоя нам в братину Елегдай и этот, - кивнул он на убитого князем Ондреем и сплюнул, - в вино обязательно добавляли из своих фляг что-то, что по вкусу и запаху напоминало кровь. Сам же Елегдай всегда мечом отсекал младенцу, отроку или нетронутой отроковице голову, сливал в кубок кровь и залпом выпивал. То же делал и этот…

- Как ты, сказал, зовут его? – даже привстал князь Данила.

- Да-к, никто ж и не знает… Велел, чтоб звали его Черномардом… Ты, княже, не гляди, что лик его похож на нашенский… Пришлый он… Мы не видали, но креста на нем точно нет.

Князь Данила кивнул, и ратник рванул ворот рубахи убитого. Пошарив за пазухой, отрицательно покачал головой. Вытер ладонь о снег и перекрестился. А тщедушного мужичка тупым концом копья толкнул опять в толпу колодников.

- Что же это, отче? – весь подался с трона к епископу князь Данила.

- Потом поговорим… Суди! – горько усмехнулся епископ.

- Но как?! Господь призывает к милосердию… А хотелось бы их отдать на волю горожан…

- На растерзание? – мотнул головой владыко.

- Как благословишь, отче… - вздохнул князь Данила.

- А так! - поднялся епископ. - Ночью я к ним иереев Божиих пришлю. Они их исповедают, коли те захотят. Тайны исповеди никто разглашать, конечно, не станет… Предложим им Крест и Святое Евангелие для целования. За кого иереи поручатся, тому год в колодке Пронск возводить, стены укреплять, чистоту во граде наводить. А уж коли нет, твоя воля, князь. Даже не воля, а долг перед Богом, перед уделом, порученным тебе волею Его, перед людьми пронскими, данными тебе, как чада – отцу, опять же Господом, чтобы ни один из этих несчастных, - кивнул он на колодников, - Не смог более ни одной души невинной христианской загубить. Здесь иногда и казнь милосерднее для души злодея, нежели помилование: чуть-чуть хотя бы через муки от греха очиститься.

- А когда же мне тогда да дружине моей исповедоваться благословишь? – спросил князь Данила.

- Тебе и сотникам – сегодня после всенощной… А дружинникам – после всех казней. – и епископ снова чинно пошел через площадь.

- Прости, народ православный! – поклонился князь Данила горожанам. - За то, что не дал вам утешить обиды и горечей ваших зрелищем их казни сегодня. Только думается мне, от нашего же зла желание сие. Зло же никогда не победит зла, а только

любовь! Так Христос Спаситель сказал. Дадим же и этим извергам напоследок исповедать веру нашу святую – покаяться. А там – как Господь даст. Разбойников покуда – в ямы!

Народ расходился, рассуждая: кто - одобряя князя, кто - досадуя. Видимо, так много зла сотворили эти изверги, что трудно прощались жителями Пронска.

…В жарко натопленных покоях, отведенных мне, я бросился на ложе и мгновенно погрузился в сон. Мне снилась княгиня, жена моя Елена, когда я впервые увидел ее… Потом вдруг время перескочило, и она на руках с первенцем Георгием провожала меня на охоту… Потом встречала из поездки во Володимир с Ольгой в утробе… И вдруг я увидел ее, уходящей по ромашковому полю в длинной белоснежной рубахе, простоволосую но с венком из дивных, каких-то неземных, цветов на голове… Она изредка оборачивалась ко мне, улыбаясь, махала рукой и шептала, - но я почему-то отчетливо слышал: «Чадушек наших береги!»

Я звал ее, тянул к ней руки, но она растворялась в бело-золото-зеленой ромашковой дымке…

- Княже, княже, пробудись! Ко всенощной звонят! – тряс меня кто-то за плечо. Открыв глаза, я увидел Ивашку.

- Молодец, отрок, что разбудил. - плеснул я в лицо холодной воды. - А ты предупредил Афанасия, всех наших?

- А то,.. - улыбнулся Ивашка, - Только вот не знаю, будет ли матушка Агафья… Нас-то на женскую половину не пускают.

- Сам-то будешь исповедоваться? – расчесывал я волосы.

- Если Господь допустит… - вздохнул он, - Я ведь тоже к смерти атамана причастен.. Да и другого в схронах накопилось…

- Ну-ну, - похлопал я его по плечу, - Господь милостив!

- Александр! Ты что, задремал? – похлопал меня по плечу Василько. – Приехали!

- Да нет. Опять со своими свиделся. – улыбнулся я.

- Ну-у? Расскажи…

- Расскажу! Обязательно. Только потом. А сейчас – к отцу Валерию.

Но его мы в храме не застали. Только что, услышали, что он уехал причащать какого-то тяжко болящего.

- Ждать будешь? – спросил Василько.

- А ты что посоветуешь?

- Давай-ка, помолимся. Там, где двое или трое собрались во имя Христово, там и Он с ними.

В храме я сразу подошел к образу святого благоверного Великого Князя Александра Невского и обомлел: так это же он был доктором в бордовом хирургическом костюме. И сколько же я могу не узнавать его?!

В это время какой-то гвалт, гогот, гортанный смех потряс церковь. Я обернулся и увидел остолбеневшего Василько, а рядом – громко кисюкикали и касюкокали то ли китайцы, то ли корейцы, то ли японцы, одетые в одинаковые лисьи полушубки, такие же треухие шапки. Они щелкали вспышками фотоаппаратов, тыкали пальцами в иконы, подталкивали друг друга. Их возглавляла русская намакияженная блондинка с распущенными волосами, спадающими на такой же полушубок, отчего казалось, что его мех – часть ее тела, только слегка подстриженная. Обута она была в высокие, словно из музея петровских времен, сапоги-ботфорты, под которыми вспыхивали при каждом шаге ярко-желтые обтягивающие джинсы…

К ним подбежала старушка в черном халате, что-то говорила девице, но та лишь хохотала в ответ, переводя иностранным туристам ее слова. Те хохотали вместе

с переводчицей. Меня передернуло. Я подошел к девице и попытался спросить: «Если бы я оказался сейчас в вашей квартире и стал там наводить в ней свои порядки»…

- Ты бы тут же оказался в ближайшем отделении милиции! – перебила она и опять засмеялась.

- Уважаемый! – услышал я над самым ухом, и, обернувшись увидел шкафоподобного парня, одетого в строгий черный костюм и такое же полупальто. - Не мешайте экскурсии наших гостей из компартии дружественной Монголии. Это может иметь для вас печальные последствия…

Он потянулся во внутренний карман полупальто, но я даже не досмотрел, что он достал оттуда, а подошел к главному из «гостей», сдвинувшему шапку на затылок и фотографировал роспись на потолке.

- Do you speck English? – спросил я у него. Тот удивленно обернулся на меня: «Yes…».

- Я полагаю, что по неведению вашему, вы не знаете, что в русских православных храмах мужчины обязаны снимать головные уборы. Извольте же…- продолжал я по-английски.

«Гость» стрельнул в меня темными щелками глаз и вдруг с легким акцентом по-русски ответил: «Я заплатил доллары, чтобы посетить вашу дремучесть и мракобесие. И за дол-ла-ры буду делать так, как считаю для себя нужным. А ты вали отсюда!»

Он плюнул мне под ноги… Нет, не мне под ноги, а на пол храма Божия! Кровь ударила мне в виски, а я - в челюсть ему. Двое других «гостей» бросились ко мне… Пока я загораживался одним от другого, увидел, как Василько врезал ребром ладони по ключице шкафоподобному, развернув его резко к себе, когда тот пытался достать меня кулаком, похожим на хорошую кувалду… Трое «гостей» и шкафоподобный лежали на полу, а нас с Василько скрутил наручниками наряд милиции, как-то странно оказавшийся рядом с храмом…

- Ну, с тобой без приключений не обойдешься! – хмыкнул уже в черном УАЗике Василько и тут же ойкнул, откровенно получив локтем в бок от похожего на шкафоподобного молодого человека, сидящего справа. Я почувствовал подобный удар и услышал слова его автора слева от себя: «Это еще цветочки… Разговоры запрещены…».

Я понял, что сам, как и Василько, сижу между двумя сотрудниками, - только не милиции… Как же я не взглянул в храме на «корочку» того шкафоподобного?! Ну вот, опять антисоветчину припишут… Нас вывели из машины только во дворике старинного московского особняка, отгороженного от улицы глухим кирпичным забором. Завернули руки. Бегом спустили в подвал. И вскоре за мной захлопнулась железная дверь.

Я огляделся. Тусклая лампочка где-то высоко света почти не давала. К серой сырой стене замком были пристегнуты нары. Больше ничего в камере не было. «Сесть бы!» - мелькнула мысль. «Еще сядешь!» ответила ей другая. Я присел на корточки, опершись спиной о стену. «Нет, так можно простудиться!» - почувствовал я холод, растекающийся от нее по позвоночнику. И тут же из-за двери услышал окрик: «Встать! Сидеть не положено!»

Я стал вышагивать по периметру камеры: четыре шага в длину, три в ширину. И вдруг я засмеялся от мысли: «Ну, вот и собственное жилье, о котором мечтал!»

- Молчать! – раздалось из-за двери. Чтобы время шло быстрее, я тал читать стихи шепотом любимые стихи. Сначала Блока:

Никогда не забуду (он был или не был),
Этот вечер, пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре фонари…

Я представлял в мыслях все, о чем читал … И черную розу, и бокал золотого, «как небо аи», и взгляд надменный, и то, как тотчас же «грянули струны, иступленно запели смычки»… Но вот только ту, кто была со мной «всем презрением юным, чуть заметным дрожаньем руки», я представить не смог. Я не знал ее, не видел, не помнил или просто забыл, пропустив мимо взгляда… И все же… Как хорошо, что у меня в армии было свободное время, чтобы заучивать стихи наизусть!

- Ну что? – прервал меня скрипучий голос. Обернувшись на него, я четко увидел голову старика-корня, которая болталась, кривя улыбку, где-то над пристегнутыми нарами.

- Ну что? – повторила она. – Помог тебе твой Александр Невский?! И где?!! В своем же доме! В церкви! Где Бог и святые – хозяева… Они – там. А ты – здесь! И грозит тебе, самое малое, пять лет: избил трех известных монгольских партийных деятелей… И где же был твой покровитель, сказать противно, небесный? И где он сейчас? Ау-у! Александр Не-е-евский!...

- Ну уж если ты меня позвал, пенек трухлявый, - раздалось за моей спиной, - как не явиться!

Я обернулся и увидел в полном княжеском облачении святого благоверного Великого Князя Александра Невского. Прямо с иконы! Как я обрадовался!

- Ухожу, ухожу, ухожу… - проскрипела голова. - Пойду, побалакаю с местными надсмотрщиками.

- Сходи-сходи! – проводил его взглядом мой небесный покровитель. И когда голова исчезла, добавил: «Там его давно святой благоверный князь-мученик Василько Ростовский дожидается».

Он взмахнул рукой и посреди камеры возникла лавка.

- Присядем?- пригласил он.

- А не разорутся опять за дверью? - покосился я на нее.

- Им не до нас! Отдыхают… - неопределенно пожал плечами мой святой…. И продолжал: «А ты – молодец! За Церковь святую нашу этому колдуну хорошо «врезал». Тот и не ожидал такого! Если б конечно мог предположить твой удар, ты бы просто не достал до него. Но, как видишь, Господь поругаем не бывает!»

- А он – колдун? – удивился я.

- О! Еще какой! Он - из тех махатм, которые Мамаю, Тамерлану, Ленину, Гитлеру и прочей нечисти помогали. Которые сейчас их служителя Рериха и всех «рерихнутых» на пьедестал «мировой культуры» поднимают. А какая может быть культура без Бога? Теперь нам надо подумать, как вас с Василько из этих казематов вытащить. Давай-ка, помолимся!

И он опустился на колени. Я – рядом с ним. Скоро, - а может быть, мне это показалось, - он встал и улыбнулся: - О, у нас здесь есть еще один помощник! Жил здесь до семнадцатого года замечательный ученый, профессор, построивший музей, который рядом, за забором. Его большевики расстреляли. Но он – с нами! Ведь праведной жизни был человек! Даже свою домовую церковь устроил. Он нам тут тоже поможет. Сейчас тебя будут спать укладывать. Потом резко поднимут… А что ты думал? Исповедничество – это не только ударить нечестивца, но и пострадать за этот удар! Никаких бумаг не подписывай! Только молись: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!* Губы сомкни, а языком повторяй непрестанно… Храни тебя Господь!..

- Встать! – послышалось за дверью. – Подойти к стене. Руки за голову, ноги шире плеч.

Один надзиратель стоял, играя наручниками, другой отстегнул от стены нары Дверь захлопнулась.

- Спать! – раздалось из-за нее. Но уснуть в таких условиях было трудно. Перед глазами вставали картинки прожитого дня… Но образ святого благоверного

Великого Князя Александра Невского и еще кого-то с умными глазами за стеклами круглых очков, прямым пробором на голове и седой недлинной, но широкой бородой, возникавшие между «картинками» перед сомкнутыми глазами успокаивали… И я все-таки задремал…

- **- Встать! – вдруг услышал я опять. И дверь лязгнула в тон выкрику: «Выходи. Руки назад. Лицом к стене.»**

Щелкнули наручники.

- Вперед! - раздалось сзади. И меня повели. Один конвойный - впереди, другой – сзади. И шли-то мы от силы минут пять, но, словно столетье прошли …

В кабинете, куда меня привели, было сумрачно. За широким столом, заваленном бумагами, сидел пожилой, лысоватый, гладко выбритый человек и в упор, словно целясь из двух пистолетов, смотрел на меня. Кивком пригласил присесть на стул. Конвойный снял с меня наручники и так же кивком был отпущен. Молчание длилось минуты две… За это время я успел разглядеть, что над следователем, или кто он еще там есть, на стене висят портреты Брежнева и Дзержинского… «Иконостас!» - усмехнулся я своей мысли…

- Чему улыбаетесь?! Я бы на вашем месте не улыбаться, а рыдать стал: покушение на руководителя партийно-правительственной делегации дружественной СССР страны, на гостя! Это поболе, чем на «пятерочку» тянет. Политическое дело! – почти не разжимая губ, произнес хозяин кабинета.

- А почему этот «гость» в церкви плюет?! Разве гости, тем более «дружественные»… - начал я и осекся. Вспомнил: «*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!*»...

- Ну что ж, тогда я напишу в протоколе с ваших слов, что оскорблены ваши религиозные чувства. И мы уважаемого во всем мире человека привлечем по статье! – хмыкнул он, явно издеваясь.

- Я этого не говорил! - вскинулся я, но понял, что убеждать этого товарища в чем-то безполезно. Вспомнился такой же, неубеждаемый, из особого отдела в армии…

- *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*!

- А что это у вас с головой? Производственная? А может быть пьяная травма?

- Это к делу не относится.

- К делу твоему сейчас все относится! – повысил он голос, не изменяя выражения лица. – И то, как ты из армии ушел, и то, что твой папочка, поди, сейчас генералу Григорьеву названивает… А ведь он сейчас не в фаворе. Ой, не в фаворе… Как видишь, о нем мы тоже знаем. И знаем о тебе даже то, - ха-ха! – что ты и сам про себя не знаешь…

- Я прошу адвоката…

- Я – тебе и адвокат, и прокурор, и следователь! Захочу, и составлю обвинение в попытке террористического, заметь, политического, акта против одного из руководящих работников коммунистической партии соседней народной республики. А? Как тебе это понравится?

Я стиснул губы: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!»*

- Совсем забил ты парня! - вдруг услышал я добродушный голос сзади и почувствовал чью-то широкую ладонь на своем плече. Из-за моей спины передо мной вырос полноватый, тоже немолодой с глубокими пролысинами в седых волосах и светлыми глазами человек.

- Нельзя же так, Масимыч! – и он снова обернулся ко мне, - Вобщем так, Саша. Я – заместитель начальника районного отдела Московского Управления Комитета Государственной безопасности. Давай, как говорят в Одессе, разойдемся красиво: ты называешь нам название своей церковно-антисоветской организации, ее руководителя, цели, задачи и – свободен!

- Я не понимаю, о какой организации вы говорите! – у меня начала болеть голова, - Я после больницы зашел в церковь… Вдруг вижу людей, которые ведут себя по-хамски… Мужчины даже шапок не сняли. Я подошел к переводчице и попросил, чтобы гости нашей страны уважали нашу культуру, вероисповедание, историю. Она подняла меня на смех. Тогда я подошел к ихнему заводиле и спросил его…

- На каком языке? На хорошем английском? – усмехнулся сидящий за столом.

- Он мне с детства хорошо давался. Вот и изучил… Но позвольте я продолжу. Я попросил самого наглого зарубежного «гостя» вести себя прилично, на что он мне ответил, что за доллары, которые заплатил, будет делать то, что пожелает. И плюнул на пол… А эта церковь, между прочим, одно из мест славы нашего народа в войнах с польским и французскими захватчиками. В Отечественную войну именно в ней собирались пожертвования, которых хватило на танковую колонну *Дмитрий Донской!..*

- Гляди, как «подкован»! Прямо церковно-антисоветский идеолог! Сейчас подведет к тому, что не под руководством Коммунистической партии мы фашистов победили, а под прямым руководством Церкви! – усмехнулся опять сидящий за столом. И опять обратился ко мне: «Вот за эти победы ты и ударил по лицу монгольского товарища?»

- Да, за тех, кто совершил эти победы! За то, что он плюнул в святом месте. А что бы это монгольский товарищ сделал, если бы я плюнул в каком-нибудь их культовом учреждении?

- Мы за их органы не отвечаем… Нам у себя порядок наводить надо! – ответил заместитель начальника отдела, - Ну, на сегодня, я думаю, хватит… Прочитайте протокол и напишите: «С моих слов записано верно». И - подпись.

Я пробежал глазами протокол и увидел, что я «ударил монгольского туриста за то, что тот зашел в русскую церковь…»

- Но я же не так говорил! - вскинулся я.

- Это… все… слюни твои… Важна структура факта, события, - заулыбался заместитель начальника отдела, - Подписывай!

Я вспомнил: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!»*

А вслух сказал: «Этого я подписывать не буду».

- По-моему, твоя травма на голове не дает тебе трезво оценить обстановку… - вкрадчиво заговорил сидящий за столом, - Лучше подпиши. А то ведь мы можем отправить тебя в наш институт нейрохирургии. И там при обследовании травмы введут тебе парочку препаратов, после которых ты, в лучшем случае, будешь, как теленочек, на четвереньках щипать травку на даче у своего папы и под себя ходить, задрав заднюю лапку.

- *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*! – безпрерывно шевелил я языком.

- Ладно, Максимыч, хватит с него на сегодня. – вздохнул заместитель начальника отдела. - Нам еще со вторым заниматься.

Под те же самые выкрики-выстрелы «Встать!», «Руки за спину!», «Лицом к стене!» я вернулся в камеру. «Теперь там Василько пытают!» - возникла мысль. «Это еще не пытают! Все впереди!» - вторила ей вторая. «Помоги ему, Господи, и святой благоверный князь-мученик Василько Ростовский!» - утвердилась над ними третья.

По несколько раз я прочитал молитвы, которые помнил наизусть, и, наконец, спокойно заснул. И тут началась атака… клопов. Я никогда не видел их в таком количестве! «Вот она – настоящая пытка!» - со вздохом подумал я и вскочил с нар. Между набежавшими клопами даже при сумрачном освещении почти не было видно досок нар.

- А ну, лежать! Спать! – лязгнуло из-за двери.

- Да клопы здесь, кусаются! – крикнул я.

- Сейчас мы войдем втроем, и укусы клопов покажутся тебе сладкими поцелуями! – зло хохотнули из-за двери.

Ночь перемежалась головной болью и непрерывным зудом по всему телу от укусов этих мерзких тварей… Глаза смыкались, когда из-за двери раздалась команда: «Встать! Лицом к стене! Руки за голову!».

Опять один надсмотрщик стоял в дверях, а другой пристегивал нару к стене. День оказался не менее жестокой пыткой: ноги подкашивались, - так хотелось спать, в глазах уже к обеду мелькали разноцветные точки, нестерпимо хотелось курить, но духота застревала в горле горечью никотина на плохом фильтре. Однако, к вечеру меня на допрос почему-то не вызвали. Даже ужин из тухлой рыбы забыли дать. Когда же все-таки отстегнули нары, я бросился на них, как на мягкую перину! Правда, через несколько часов, весь искусанный поднялся… Но сидел тихо, давя заползающих на меня с нар клопов.

Утром без всяких окриков и команд раскрылась дверь. В ее проеме стояли незнакомый надсмотрщик, какой-то подполковник и… улыбающийся Василько. Все происшедшее стало похоже на злую сказку, когда подполковник тоже улыбнулся и сказал: «Доброе утро! Пройдемте отсюда!»

И первым зашагал к лестнице, Василько подмигнул мне, - мол, все в порядке и направился за ним. Следом пошел я. Замыкал наше шествие надсмотрщик. Мы шли по коридору, который резко поворачивал вправо. За поворотом слышался громкий разговор и смех.

- А все-таки классно тот парень врезал этому чингизиду. Не очень профессионально, но коротко и жестко! - звучал молодой голос.

- Ты лучше расскажи, как тебе, мастеру спорта, другой чуть ключицу не сломал, – раздался в ответ смех.

- И вы-ру-бил! – подхватил еще один из невидимых собеседников. Подполковник остановил нас жестом. И слушал.

- Ну и вырубил!.. Я просто не ожидал, увидев, как первый прикрылся одним «гостем», а другой «гость» отрабатывал на приятеле какой-то приемчик из восточных единоборств. И сам упал, ударенный головой приятеля.

- Он – его? Ты толком расскажи…

В это время подполковник резко шагнул из-за угла к говорившим, которые стояли, оказывается, под табличкой «Место для курения».

- Товарищи офицеры! – скомандовал молодой сотрудник, в котором я узнал шкафообразного, сопровождавшего монгольских «гостей». Рука его была на перевязи. «Ай, молодец Василько»! – подумал я.

- Товарищи офицеры. - ответил подполковник. – Вот, познакомьтесь. И советую извиниться друг перед другом.

Лицо молодого с рукой на перевязи сотрудника растянулось в добродушной улыбке.

- Простите, мужики! – протянул он ладонь величиной с хорошую совковую лопату. – Но у меня приказ был…

- Да чего там… И ты нас прости! - ответил Василько за двоих. Подполковник тем временем открыл дверь в кабинет рядом с курилкой.

- Прошу… - жестом пригласил он нас с Василько. А в кабинете сказал: «Присядьте, пожалуйста».

Сам он тоже взял стул и уселся верхом, лицом к спинке напротив нас.

- Ну что, ребята, наломали вы дров… И «греметь» бы вам… Но случилась неприятная для всего нашего народа вещь: умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. И Политбюро на своем экстренном заседании, помимо другого, пришло к выводу, что не все решения по поводу наших отношений с Монгольской Народной республикой были верными… Ну, а наши органы, в свою

очередь, решили, что погорячились мы с вами. Поэтому от их лица приношу извинения за доставленные неудобства. Заодно прошу о случившемся с вами не распространяться. В ваш Отдел вневедомственной охраны я позвонил и сказал, что задержаны вы по досадной ошибке… Можете быть свободны.

И он, тоже улыбаясь, протянул руку. Пожимая наши, тихо добавил: «А по моему личному мнению, вы поступили достойно звания русских людей… Еще раз, всего доброго»…

Выйдя за железные ворота тихого глухого особняка, мы с Василько долго стояли и смотрели друг на друга. Шел мокрый снег. Видимо, нам обоим не до конца верилось в такую развязку всей этой истории. Потом мы громко рассмеялись, и Василько кинулся ловить такси… А вскоре за нами захлопнулась дверь квартиры. Навстречу выскочила Мария. Охая, ахая, причитая, всхлипывая, целуя в щеки, она принялась стаскивать с нас куртки, шарфы, шапки. Когда же мы вошли в комнату, увидели там за обеденным столом отца Валерия, матушку Марию, Николая.

- Ну что, воины Христовы, побили очередную вылазку ордынцев? – засмеялся отец Валерий, вставая из-за стола, преподавая благословение и трижды христосуясь.

- А про нас не подумали?! – поднялась вслед матушка Мария. Подойдя к нам, она, прежде чем поцеловать в макушки, трижды любовно постучала по ним своим маленьким, сухоньким кулачком. «Как же она постарела за это короткое время!» - горько подумал я.

- Прежде чем произвести разбор «полетов», - произнес отец Валерий, - марш по очереди в душ, смойте кровь врагов Православия и каторжную пыль.

Пока Василько кряхтел от удовольствия в душе, я через дверь на кухне вышел на балкон покурить. А вернувшись, был окликнут отцом Валерием:

- Я тебе тут кое-какие вещи привез, чтобы ты в своей тюремной робе в доме Святослава не показывался. А эти вещи снимешь. Мария что-то постирает, что-то сдаст в химчистку.

И он показал на раздувшийся чемодан.

- Ой, батюшка! – вскинулся я. - Чуть не забыл. Одежду нашу надо немедленно продезинфицировать! Там в камере – золотая орда клопов!

- Николай! – обернулся Отец Валерий. – Отнеси все на балкон. Там сегодня подморозило.

А потом засмеялся, глядя на меня: «Мне говорили, что вас по «одиночкам» рассадили… А там, оказывается, тепленькая компания была!»

- Отец Валерий оборвал телефоны всех друзей! До Патриарха и начальника Московского Городского Управления КГБ дозвонился! – пояснила матушка Мария.

- Так это вы, батюшка нас вызволили? – встрепенулся я.

- Не я, а Господь! Если уж сам Патриарх и вся, почитай наша церковь молилась за вас… Я вот даже думаю, не поэтому ли и Брежнев умер, чтоб тебя освободить? Ай-ай-ай, нехорошо, Александр! – опять рассмеялся, серьезный секунду назад отец Валерий… Василько вышел из ванной весь сверкающий, чистый. Выбритый, в отутюженной, пахнущей морозцем, рубашке, новых джинсах…

Вот, как в детстве.., и потом..., распахнулись Царские врата… Епископ, иеромонах, иеродиакон, чинно, опустив вниз глаза направились вдоль внутренних стен собора. Запах ладана умиротворял, успокаивал, одновременно мягко отторгал от сердца тоску, печаль, накопившиеся за последнее время. Я вспомнил, как дед объяснял, что каждение знаменует начало творения мира, когда Дух Божий носился над первозданным веществом земли, вдыхая в него жизненную силу…

Слава Святей и Единосущней и Живоначальней Троице…… Приидите поклонимся…

Все это было близко и привычно: рука сама поднимается ко лбу, чинно переходит к плечам и чреву, а тело сгибается в поклоне…

Благослови душе моя Господа! Благословен еси, Господи!.. **Да разве может быть иначе?! Ведь все это живет в каждом русском: князе ли, смерде или чернеце… И так из века в век, из всенощной во всенощную! И нет здесь ни орды, ни ее набегов, ни дани… Ведь живем же!**

«А Елена?! А чада?! А люди мои?!» - мелькнула мысль. «Дед последнего смерда называл домочадцем» - вторила ей вторая. «Что-то я от службы отвлекся!» - перебила их третья. Вот опять! Забыл поклониться епископу с кадилом, предшествуемому иеродиаконом со свечой в большом подсвечнике… Прости, Господи!

Помнится, дед объяснял, что этот выход знаменует уже первых людей. И двери земные – Царские врата – это открытые двери в рай! Для всех!.. Но из-за первородного греха Царские врата закрываются. И все сейчас – на земле. Иеродиакон, знаменуя Адама, стоит перед дверями, плачет и взывает: «*Миром Господу помолимся!*»

Мы и молимся…

- *Блажен мух, не ходящий на совет нечестивых…*

Но я и не ходил на советы нечестивых ордынцев или наших русьских язычников! Я только на княжеских советах был, в храм ходил, когда… дела не мешали…. А в храме разве могут быть нечестивые?!

- *Да исправится молитва моя……*

Но разве я неправильно молюсь? Что там дед говаривал? Ах, да: - Пусть направится молитва моя, как фимиам кадильный, к Тебе, Господи!..

Вот уже и Богородичен спели… А на меня напала зевота. Я опустил голову и трижды перекрестил рот.

- *Свете тихий святыя славы,* – запел хор. Многие прихожане подхватили. А я вспомнил, что это – любимые стихи деда… Но я почему-то вспомнил, как мы с Еленой стояли рядом в нашей маленькой церкви дня через три после свадьбы, и я волновался от света… Нет, лукавлю! От тайного жара, исходящего от нее и чуемого только мной… Какой уж тут «тихий»? Она стояла и плакала. Я удивился тогда! Тронул ее за руку… А Елена, не поворачиваясь всхлипнула шепотом: «Грех нам с тобой думать об этом во время всенощной…».

Мне тогда стало радостно от того, что думки наши совпадают. И стремления – тоже!

…Что-то совсем не слушалась служба. А ведь надо исповедоваться, каяться, плакать!.. А в чем каяться?! В последнее время я ведал одни только скорби, боли, страдания! Не до грехов было! Выжить бы! Да, убивал! Но убивал - врага! Нелюдя! А сколько этот нелюдь честных христиан жизни лишил?! Хотел спасти женку с чадами! В чем же грех? Но даже не узнал, живы ли? Так какие же грехи?! Против меня делали грехи, а не я!

Вон, Ивашка стоит в уголке и плачет! Он-то в чем может быть виноват?! Отрок, потерявший всю родню и ропщущий на себя за то, что «причастен» к убийству нелюдя-атамана… И кем убитого? Своими же! Да я сам бы всем этим колодникам хребты переломил бы! Иуды!

И князь Ондрей стоит в другой стороне, тяжело опустив голову на грудь и прикрыв глаза. По темно-русой короткой бородке скатываются слезинки… Ну, он – понятно, по супруге своей и по деткам тоскует: вот и плачет… А другие сотники что слезы-то пустили? Крайний, - забыл, как зовут, - такую красавицу-жену имеет, деток – мал-мала меньше. Все живехоньки, здоровехоньки… Чего ему-то плакать?! Княжью волю исполняет: не своих, а поганых рубит!..

Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром… **– вдруг врезалось в мой слух. И я укорил себя шепотом: «Прости, Господи! Смотрю по**

сторонам, словно басурманин какой, случайно на службу Православную попавший! Прости, Господи!»

«А ведь слышал, что немало басурман всяких, оказавшихся на наших службах, веру Святую Христианскую принимали! – вспыхнула мысль, - И как служили потом! Не в пример тебе, князь Ляксандр! Ах, прости Господи!» Что-то неправедное творилось в душе моей. И, как учил меня дед, я подошел к большой византийского письма иконе Архистратига Божия Архангела Михаила, покровителя воинов. В честь его и назвали моего деда.

- Святый Архистратиже Божий Архангеле Михаиле, помяни пред Престолом Божиим всех сродников моих! - шептал я. - А меня вразуми! Что, как я должен делать… Душа изнемогает в думках разных, никак не согласующихся между собой… Не то думаю, не то говорю, не то творю! Помоги! Умоли Господа Иисуса Христа обо мне!..

…Медленно, однотонно звучало Шестопсалмие в соборе. Темноту слегка рассеивала свечка в руках дьячка.

- *Господи, что ся умножиша стужающии ми? Мнози восстают на мя…* - читал он. Сколько же восстало на меня?! И говорят, что не спасет меня Господь. Но ведь спас же от полона, от замерзания в лесу, от стрел… Слава Тебе, Господи! Да, я спал! И Русь моя спала в чадной дремоте межусобиц… Господи! Воскресни, спаси меня, жену мою, чад моих, Отчину-Русь! Да будет благословение Твое на нас!

А грехи-то где? Мои грехи?! В чем согрешил? Что самое главное забыл? Забыл то, за что и восстали на меня мнози! Да не за то ли, что забыл Бога?! А дьячок уже читал уже читал: «*Яко беззакония моя презыдоша главу мою…*».

…Вспомнил я, как вечерами раскрывал дед Псалтирь, уча грамоте и письму. Им-то я научился… А вот уразумел ли слова псалмов, внимал ли смыслу, заложенному в них? Не повторял ли грехов Царя Давида? Все-все это было! Так не потому ли и остался на угольках?!

- *Вонми в помощь мою, Господи спасения моего…*

- Прости меня, Господи! Прости грехи! Подскажи, растолкуй каждый!

- *Царь же возвеселится о Бозе, похвалится всяк, клянущийся Им, яко заградишася уста, глаголющих неправедная…*

- Царь?.. Царь!.. Что-то непонятно. Но если это - о Царе Давиде… А если - о Царе Небесном, то и к, может быть ли Руси применимо? Не вспоминается что-то, как мой дед толковал этот псалом…

- *Да внидет пред Тя молитва моя: преклони ухо Твое к молению Моему, яко исполнися зол душа моя, и живот мой аду приближися…* - звучал громкий голос дьячка.

- Да, да, Господи, прости! Плохо и мало я молился Тебе! И домочадцев не заставлял… За то и забрал Ты их, верно…

- *Удалил еси от меня друга и искренняго, и знаемых моих от страстей…*

Слезы текли у меня по бороде. А дьячок, словно боевой клич чеканил: - *Исповедайтеся Господеви, и призывайте имя Его, возвестите во языцех дела Его. Воспойте Ему…*

- А что я один сделаю? Но почему один? Вот еще один грех и мой, и деда, и отца: друг на дружку шли скопом, собирали друзей да сродников, чтоб кого-нибудь одного за клочок земли, рощицу, да сундук мехов, да нитку речного жемчуга души лишить! А на главного супостата – в одиночку вскидывались. И падали словно колосья под серпом, по одному… Прости меня, Господи! И за себя, и за отца, и за деда! Благодарю Тебя, что на Москву, к Димитрию Иоанновичу стопы мои направил!

- *… поучихся во всех делех Твоих, в твореniих руку Твою поучахся. Воздех к Тебе руце мои, душа моя, яко земля безводная Тебе…*

- О, Господи, не оставь, научи и молиться, и каяться и исповедовать грехи свои… Помоги! Дай силы!..

- *Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой…*

- Прости, Господи, но Тебя мне заменили малая отчинка моя, женка, чада, хозяйство, рухлядь, охоты, пиры, распри… Прости, Господи!

И вот, зазвучали кафизмы. Можно было бы присесть на лавку у стены, но ноги словно приросли к полу и одеревенели. Что тяжелое навалилось на меня, тянуло голову, шею, плечи вниз… Я не выдержал этой тяжести, сделал земной поклон. Прошептал, как учила мать, когда жаловался, что не понимаю слова церковной службы или устал: «*Боже, милости буди мне грешному!*»

Тяжесть немного отпустила. И я так и остался стоять на коленях. До самого канона. Но вот оно, самое любимое, отчего в детстве всегда текли слезы, и я прижимался к матери: *«Богородицу и Матерь Света в песнех возвеличим…».*

- К кому только теперь прижаться?! Мать я нашел среди сожженной отчинки с пробитой копьем грудью… А жена?! Только к Тебе, Пресвятая Богородица! Ведь именно Ты, как сказывал дед, усыновила всех нас при Кресте Сына Твоего и Бога нашего. Но как подойти к Тебе, не раскаявшись в грехах. И первый из них: я поднимал оружие на других, усыновленных Тобою. Поднимал в межусобицах! Прости меня, Матерь Божия! Умоли Сына Твоего и Бога моего простить меня!..

Вот и отпуст… Епископ явно устал. Но когда он ушел в Алтарь, большинство молящихся либо остались стоять на своих местах, либо перешли в правый придел собора, где перед большой иконой Спасителя уже все было приготовлено к исповеди.

Туда и прошел, немного времени спустя, владыко. Помолчал, глядя в пол. Обвел глазами собравшихся и заговорил: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа… Дорогие мои! Мы сегодня прослушали, как всегда на утрене, Шестопсалмие… Вспомним же время создания Псалтири… Не напоминает ли история ветхозаветных иудеев наши дни? Да! Увы! Напоминает. Брат шел на брата. Отец – на сына, и сын - на отца! И Саул, и Давид – Цари. То один скрывается где-нибудь в пещере, а другой преследует его, то они меняются местами. Для чего же? С одной целью – убить! Убить единоверца, брата, такого же потомка первого человека, праведного Адама. Сын Авессолом восстает на отца… Льется кровь людская… Но кто же выходит из всего этого победителем? Царь Давид, не пожелавший несколько раз попавшему к нему в руки Саула, убить его? Нет! Победителем выходит Бог! Он через святого Царя-псалмопевца, через его грешную, как и у каждого из нас, жизнь явственно показывает, что любая победа, - ратная ли, душевная ли, даже обыденная, рабочая: на поле, в кузне, при возведении дома, храма, целого города с его укреплениями, - возможна только при уповании на Господа Бога. А упование наше выражается в молитве. Но молитву Бог слышит только после покаяния. Вспомним же! Какими только грехами не гневил Бога Царь Давид! И убийство, и блуд… Однако, облекаясь во вретище, он тут же каялся, плакал… И дал Господь ему благодать собрать единое царство земное, которое должно было стать иконой Царства Небесного. А Царь земной – земная икона Царя Небесного. Так не должно ли и нам последовать святому Царю-псалмопевцу Давиду в покаянии, чтобы и наша Отчина, - не только Пронск, но и вся Русь – стала иконой Царства Небесного под властью единого Великого Князя. Непобедимым было земное царство святого Царя Давида. Пока жители его во главе с царями, – потомками Псалмопевца, - не забыли Царя Небесного. И вкусили новый разор, разруху. Но страшнее всего: они разорили свои души до того, что распяли Сына Божия на Кресте. И была погибель и душ их, и тел, и всего царства… Желаем ли этого мы? Хотим ли повторить смертный грех уже новозаветных иудеев? Упаси нас Господь! Милость Божия безпредельна! Непрощаем только один грех: нераскаянный! И в Новом Завете есть явственный пример тому. Простил Царь Царей разбойника, раскаявшегося на кресте… После всех его грабежей и убийств! Сейчас братия исповедует и тех

разбойников, которых вы захватили ночью. И Бог ведает, какова искренность их покаяния… Но хочется верить, что среди них найдутся последователи благоразумного разбойника на кресте. Однако и вам надобно очиститься покаянием. Негоже, имея в душах нераскаянные грехи, судить грешников, пусть самых страшных… И неужели же мы, именующие себя воинством Христовым, сможем быть мене искренни, честны в покаянии?! Если да, то мы – лицемеры, порождения ехидны, подобные распинателям Господа нашего Иисуса Христа, считавшим себя праведнее всех, даже Его! Да-да, именно так назовет Господь тех, которые не принесут сейчас искреннего покаяния, а завтра, Бог ведает как, будут судить! Но да не будет так!

Епископ повернулся лицом к иконе Спасителя и запел, да-да, именно запел со слезами и вздохами, молитвы перед исповедью. Теперь глаза владыки горели, - куда и усталость девалась?! Движения были неспешными, но твердыми и уверенными, как у мудрого воеводы в бою. И сейчас, казалось, епископ тоже бьется, только с другим врагом.

Я мельком взглянул на князя Данилу и сотников. Слез уже не было. У каждого было сосредоточенное ратоборство с самим собой… А после исповеди сотники, - опытные воины, - отходили с тихой радостью на лицах: враг побежден! Пусть на время… Но побежден. Так вот он - *свете тихий*…

И епископ, казалось, был доволен: кому-то с улыбкой грозил пальцем, кого-то ласково постукивал по лбу крестом, кому-то шептал что-то сокровенное на ухо… Последним передо мной к исповеди стоял князь Данила. Долго говорил он что-то епископу, склонив голову над Святым Евангелием и Крестом. Тот, прикрыв глаза, согласно кивал…

«Мне исповедоваться, а я других разглядываю!» - мелькнула мысль. «В чем исповедоваться-то?!» - перебила ее другая. «Опять?!! - вскинулась первая… Князь Данила отошел весь просветленный. А я подошел к епископу.

- Что-то раньше, чадо, я тебя не видел, - произнес он.

- Немудрено, владыко! Я - впервые в Пронске. – какая-то неведомая ранее радость овладела мной.

- Тогда для начала расскажи о себе. - подбадривающее улыбнулся епископ. – И не смотри на меня с жалостью! Усталость – это воздействие бесовское. От Божиего дела не должно уставать. Рассказывай.

Я старался как можно короче поведать всю свою жизнь. Но когда дошел до возвращения из Москвы, епископ остановил меня: «До этого несчастья, как я мыслю, ты исповедовался?»

- Нет, владыко! – взглянул я в Лик Спасителя, - Не исповедовал я главного греха: участия в межусобицах! Я уже не говорю о том, что плохо молился, каялся, в храм Божий ходил, скорее, по привычке, нежели по зову сердца…

И я начал исповедоваться в том, о чем думал во время чтения Шестопсалмия.

- *Прости, господи!.. Прости, Господи!.. Прости, Господи!* – повторял епископ после каждого моего покаяния в отдельном грехе. Сколько раз проговорил он это, я не сосчитал… Зато видел, как пот выступил на его лице. После разрешительной молитвы он улыбнулся: - Я рад, что ты, чадо, понял мою проповедь. Рад и тому, что у князя Данилы, а значит, и Великого Князя Димитрия Иоанновича появился еще один верный соратник.

- Владыко святый! – прошептал я неуверенно. И, набрав побольше воздуху, тоже шепотом рассказал ему о видении первого и Великого Князей в красных плащах… После моего рассказа епископ повелел: «Постой-ка здесь…»

Он ушел в Алтарь. А я стоял, смотрел на Лик Спасителя и шептал: «Благодарю Тебя, Господи! Слава Тебе, сотворившему вся!..

Появился епископ. С потом на старческом лице смешались слезы, о которых свидетельствовали покрасневшие глаза.

- Так вот, чадо Александр, открылось мне, грешному, в сугубой молитве, что не бес искушал тебя, а помогал тебе во втором случае солнце земли Русьской, благоверный Великий князь Александр Невский. Не все, кто прославлен у Бога, прославлены на земле. Но именно он после Великого Князя страстотерпца Андрея Боголюбского, собравшего северо-восточные земли, начал создавать икону Царства Небесного здесь, а именно Русь, которую смогут назвать Святой. Однако будь осторожен! Враг может явиться в любом образе. Но… об этом разговор еще впереди. Завтра, после Святого Причастия… Про первого же князя, явившегося к тебе раненному, ничего поведать не могу. Ежели призывал он тебя к делам Православным, то это мог быть и кто-нибудь из неведомых нам первых русьских христиан-мучеников…

И он благословил меня. А затем обратился ко всем: «Чада мои любезные! Мы знаем, что молитва каждого – тайна. Но дабы крепче объединиться вам для общего дела, благословляю вечернее правило прочитать здесь, в святом соборе. Вместе!»

Служка вынес малый аналой, и епископ сам начал читать вечерние молитвы. Но начал с трех канонов и правила ко Святому Причастию. Только потом – привычные вечерние молитвы. Но как же читал их епископ! Слова рождались всем существом человеческим. И оживали. И осязались живыми, дышащими, с бьющимися сердцами. Исчезало время и пространство. Было только слово, направленное к Богу Слову. Казалось, что молятся не два-три десятка человек, а весь мир. Молились и сами молитвы, и святые, написавшие их. Казалось, что пролетело лишь мгновение, а вечернее правило было завершено…

- Теперь, - сказал епископ, - я благословляю вас всех отдыхать. А завтра причаститься Святых Христовых Таин.

И он опять ушел в Алтарь. Сотники отправились по своим домам, а князья Данила, Ондрей и я – в княжий терем. Ночью мне опять приснилась Елена. И опять она уходила по ромашковому полю, изредка оборачиваясь, улыбаясь и махая рукой. Перед тем, как растаять в воздухе, она опять мягко сказала: «Береги наших чад!»

И ушла в выросшую ромашковую рощу. А у меня не было сил вернуть ее…

…- Княже, княже, пробуждайся! На службу пора, - тряс меня за плечо Ивашка. – Наши-то, поди, уж все в соборе!

- Умыться… подай! – замотал я головой, стряхивая остатки видения, хотя так хотелось взглянут на Елену еще разок.

В соборе, действительно было уже многолюдно. Я увидел и Афанасия, и матушку Агафью, и Панкрата, и Филиппа… К моему удивлению, были здесь и прихожане, явно вышедшие из орды: их выдавали черты лица. Но они истово крестились, клали поклоны, ставили свечи. Обменявшись святым целованием со своей дружинкой, я подошел к князьям Даниле и Ондрею.

- Как почивалось, князь? – спросил меня хозяин Пронска после святого целования.

- Слава Богу и спаси тебя Господи! – поклонился я.

- После молебна все идем на трапезу к владыке. Ты – тоже. – не допуская возражений продолжал он. - Серьезная беседа будет.

- Как повелишь! – опять поклонился я ему.

- Я повелеваю в битве, да в делах хозяйственных. А здесь мы – братья. Как говорит наш владыко, - члены единого тела Христианской Церкви Православной, глава которой - Сам Господь наш Иисус Христос…

Зычный голос дьячка, начавшего Часы перекрыл гул разговоров и личных молитв в соборе. Князь Данила обернулся ко всем, приложил палец к губам. И мы, повернувшись лицом к Алтарю застыли. Но тут в мою душу хлынуло воспоминание повторившегося сна. «Надо бы спросить у епископа…» - подумал было я, но прервал себя, приказывая слушать дьячка. Однако мысли о сновидении не покидали меня,

громоздились одна на другую, словно льдины во время ледохода. А в душе все бурлило, кипело, стремительно летело куда-то…

- Господи! – шептал я, - Пресвятая Богородица! Архангеле Михаиле! Святой Александр! Ангел-Хранитель! Помогите мне!

- *Благословен Бог наш…* - раздался из-за закрытых Царских врат голос епископа. В ответ хор и все прихожане запели. Не смог молчать и я. Что виделось мне в эти минуты, трудно передать человеческими словами. Меня переполняло какое-то незнакомое прежде чувство. Я был счастлив, как никогда. И, оглядев собравшихся, вдруг почувствовал, - а может быть мне просто показалось, - все единомысленны и единочувственны со мной. Несколько раз к глазам подступали слезы. Но они не были похожи на вчерашние, - обидчивые, а потом покаянные. То же видел я на лицах других! Да какой там Мамай со своими темниками и заморскими советниками сможет устоять против силы чувств, живущих тем, что исходит сейчас из святого Алтаря?! И даже не чувств, а ЕДИНОГО чувства всех людей, собравшихся сейчас в пронском соборе. Вот если б так – по всей Руси! И вдруг я увидел перед глазами всю Отчину: Москву, Володимир, Рязань, Нижний Новгород, Серпухов, Полоцк, Псков, Дебрянск, Ростов, Ярославль и еще много городов, посадов, сел, где под, ставшими внезапно прозрачными, куполами церквей русьские люди сливались в свет, вплетались в еще более яркое свечение, исходящее из святых Алтарей и молитвенным потоком и колокольным звоном неслись вверх, в купола и еще выше…

- *И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим…*

Чей-то голос, совсем не мешая молитве, объяснял мне: «Молитва в сердцах и на словах есть, а в деле пока ее нет. Мы не научились еще прощать ближних. Как же тогда победить врагов? Никак! Пока не научимся оставлять долги должникам нашим, не будет победы».

И снова свет из Алтаря сплетался со светом душ христианских: « *… Во Едину Святую Соборную и Апостольскую…»*

А голос вещал: «Только в Церкви можно спастись и спасти землю Русьскую. Но для этого мало объединения воинского! Нужно объединение покаянное и молитвенное! Покаяние народное уже почти всецело прозвучало. Теперь нужна объединяющая молитва и делание, противное греху, за которое прошло покаяние…».

- Тела и Крови Христовой причащается раб Божий Александр во спасение души и исцеление тела…- услышал я голос епископа и почувствовал во рту… Нет-нет! В душе! Чистоту, Радость, Свет, Любовь! И такие, каких не знал ранее!

- С принятием Святых Таин! – услышал я. Передо мной стояли Афанасий, матушка Агафья, Панкрат, Филипп, Ляксий, Ивашка, князья Данила и Ондрей, другие сотники. Мы все христосовались. И не было ничего сильнее, надежнее прочнее этого объединения! Потому что, как бы услышал я, в нас сейчас – Сам Бог!

Я подумал, что никогда в жизни так не причащался… Разве только… Я увидел свою мать, – совсем молодой, и себя у нее на руках, - совсем маленького. Вокруг меня летали, смеясь и радуясь такие же малыши, только с крылышками, забавляли меня, что-то говорили мне… Не могу вспомнить… Я смеялся… И тогда, приняв из ложечки… (Нет-нет! Я уже тогда знал, что это называется *лжица*) почувствовал на своих щеках поцелуи. Много-много! Это летучие младенцы, ласкаясь, поздравляли меня… Из Алтаря вышли… Да, это был Он. Погладив меня по головке, Он улыбнулся и поцеловал меня в лобик. Указал на меня лучезарной Матери. Та тоже поцеловала меня. Боже! Что это?! Такого не может быть!

«Может-может! – услышал я знакомый голос внутри себя, - Это и есть самое настоящее!»

- С миром изыдем… - прозвучал голос епископа. А после молебна во главе с князем Данилой сотники и я поднялись в покои владыки. Там был накрыт большой стол. Жаренные в сметане караси, копченая стерлядь, осетры, угри, искусно

переложенные яблоками, репой, морковью, луком, капуста, квашения с яблоками, клюквой и брусникой, соленые грузди, белые, рыжики, набитая грибами и гречневой кашей щука. На огромном подносе еще парил зажаренный в яичнице сом, вымоченный в клюквенном соке… Всего и глаз не охватывал, и словами перечислить трудно… Помолившись, епископ поднял свою чашу: «Воздадим же, братия, благодарение и славу Пресвятей Троице, Богу нашему, за то, что собрал нас за этой трапезой после другой – Небесной! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе!»

Епископ едва пригубил, а мы все осушили до дна свои чаши. И принялись за еду. Немного погодя, когда все слегка насытились, владыко заговорил: «А собрал я вас, дорогие чада мои, для разговора, который не должен выходить за эти стены. Все мы знаем, что враг рода человеческого любыми средствами стремится уничтожить нашу Святую Церковь. А поскольку Русь наша – подножие Творца, Удел Пресвятой Богородицы, человеконенавистник стремится уничтожить Отчину нашу. А для достижения этой цели и в первую голову – ее защитников. Как иначе объяснить победы поганых? Их почти трехвековое иго? И здесь – причина – не только в межусобицах князей, в раздробленности уделов. Хотя кто, как не лукавый, нашептывает нам напраслины и клеветы на братьев наших? Есть у врага и верные слуги. Это – чародеи. Именно их колдовством обрели такую силу поганые. Вспомните-ка, что говорил казненный послом атаман-чингизид! Да-да! Про горы Тибет и молодых тигров-чингизидов, обучающихся там повелевать злыми духами…».

- Владыко, прости, но он сказал: «и добрыми»… - перебил кто-то из сотников.

- Добрые духи – это Ангелы! А они могут помогать только христианам. Но уж никак не захватчикам, разбойникам, убийцам и истязателям детей, отроковиц, молодух, стариков и старух. - спокойно ответил епископ. И продолжал: «А я могу утверждать, что хотя орда и разделилась, но у Мамая есть уже такие воины… После бесовских заклинаний они становятся необычайно сильными, не чувствуют боли, усталости… А попросту - ими действуют бесы. Как бы они не пытались убедить нас, что это они управляют духами… Что же мы можем противопоставить этим одержимым ордынцам? Только веру непоколебимую, молитву сердечную, пост, частое покаяние и Святое Причастие. Именно так учит нас Господь и Бог наш Иисус Христос…».

- Эх, разведка у тебя, владыко святый! – улыбнулся князь Данила. - Получше, чем у Великого Князя.

- Моя разведка – не люди умные, ловкие, острые на язык и думки… Моя разведка – духовная. Вот станешь епископом, многое узнаешь… - покачал головой епископ. - Впрочем, у тебя иная судьба! Ты - подвижник в ратном деле! А вот про Великого Князя ты вовремя вспомнил. Собрал я вас, чада мои, чтобы благословить на службу Великому Князю Московскому Димитрию Иоанновичу, собирающему ныне из раздробленных уделов Отчины нашей Великое Царство земное – икону Царства Небесного. Это – путь Отчины нашей на многие века! Долог и труден оный. Один Бог ведает, сколько десятков, а то сотен лет пройдет, пока осуществится сие благое дело. Но тем быстрее оно продвинется, чем больше будет у Великих Князей Московских верных людей. Молю вас! Забудьте дворы, уделы свои, семьи, жен, детей. Забудьте на малое время! Божие дело творит Великий Князь Димитрий Иоаннович. И вы, как православные христиане не имеете права остаться от него в стороне. А будете помощниками в Божием деле, так и Господь не оставит дворы ваши, уделы, семьи. Бог поругаем не бывает! Так даст ли Он быть поруганными своим верным рабам и слугам? Даже если кто и погибнет в этом бою, то погибнет за други своя, а это – самый верный, самый надежный путь в Царство Небесное.

Епископ взглядом обвел всех нас.

- Вот и все, что я хотел поведать вам, братия, и на что благословить. А теперь вкушайте, веселите сердца! – улыбнулся он и поднял свою чашу: «Будьте здравы, князья!»

- Будь здрав, владыко! – хором ответили мы и осушили по второй.

- Дозволь спросить? – поклонился епископу князь Данила. - А что говорят твои иереи, исповедавшие ночью разбойников?

Епископ тяжело вздохнул: «Только за двоих они могут поручиться. Так что суди остальных княжьим судом. А тех двоих отдай мне. Пусть послужат при монастырьке моем».

- Как благословишь, владыко. Тогда завтра – суд! – заключил князь Данила. Трапеза продолжалась недолго. После нее по благословению архиерея мы все отправились отдыхать.

…День закончился. Но спать не хотелось, и я отправился к Афанасию, которого вместе со всеми разместили в людских покоях.

- Ну что, начнем? - благословив стол, заговорил отец Валерий. – Василько и Александр поступили очень правильно с точки зрения нашей святой веры. Скажу более того, они совершили подвиг исповедничества. Но начинать надо было не с этого. Мы, как призывает святой Апостол Павел, должны быть законопослушны. Поэтому сначала надо было переписать данные с удостоверений переводчицы и сотрудника КГБ, позвонить в райисполком, в отдел по делам религии, в райком КПСС, в приемную его третьего секретаря, в районный отдел КГБ, в отделение милиции. И сообщить, что происходит надругательство над чувствами верующих, попросить принять немедленные меры, конечно, узнав фамилии тех, с кем вы говорите по телефону.

- Так они и примут меры! – хмыкнул Василько.

- Безусловно, им хула на веру, что мед в уста! А вот после этого уже можно защищать свою веру, храм Божий, так сказать, подручными средствами. – наставительно произнес священник.

- Батюшка! Да пока бы мы дозванивались, они надругались бы над святынями и укатили бы, - поневоле перебил я.

- А это уже – воля Божия. Не захотел бы Господь, чтобы они уехали, глядишь, и автобус бы сломался! – улыбнулся отец Валерий. И, подумав, продолжал: «Столкнулись вы, дорогие мои, не только с партийным бонзой Монгольской Народной Республики. Вы вступили в схватку с известным колдуном, прошедшим специальную подготовку на Тибете. И в его задачу входило по-колдовскому надругаться над православным храмом, после чего нужно было бы церковь заново освящать, как после того, когда в нее собака забежала».

- А я слышал, что на Тибете только ламы… Вот и Евгений Сидоров писал об этом. – удивился я.

- Твои рассуждения, Александр, прости уж, - суть кухонных интеллигентских разговоров, когда собеседники, забыли свое родство. А именно, Православную тысячелетнюю традицию великих предков. Когда эти несчастные ударяются в так называемый космополитизм и ищут чего-нибудь необычного, - пусть непонятного, таинственного, сверхъестественного, - где-нибудь на стороне. А что сверхъестественного можно найти вне Православия, вне веры и Бога? Только область влияния врага рода человеческого в самых разнообразных его проявлениях. Тем не менее, такие изыски не новы для русской интеллигенции. Были и Блаватская, и Бердяев, и Рерихи, и Гурджиев. Они тоже изыскивали. Но нашли… сатанизм в самом неприкрытом его виде.

Все удивленно вскинули брови. А отец Валерий продолжал: «Да-да. Я не оговорился. Вспомним, что еще в Святом Евангелии враг называется

человеконенавистником. Да? Тогда вопрос: кто, как не человеконенавистники были Ленин и Гитлер? Первый через известного террориста Блюмкина имел прямую связь с Тибетом, послав однажды этого убийцу в исследовательскую экспедицию туда… К слову, если бы тибетские колдуны, или как их ныне пытаются назвать «ламы» действительно были высоко духовны, разве не раскусили бы они, с кем имеют дело, стали бы общаться с этим подонком? Или – сами такие? Другой, Гитлер… Мне отец рассказывал, что когда наши войска в 45-м году штурмовали Рейхсканцелярию, то там валялись немало трупов выходцев из Тибета, одетых в эсэсовскую форму высших чинов… Это как-то совсем не вяжется с фашистской идеологией о чистоте нации. А тем паче о расовой чистоте тех, кто руководит нацией. Так не у тибетцев ли учился бесноватый фюрер?! Теперь вернемся все-таки к нашему «вождю всех времен и народов». Анекдотов про «глаза-то добрые-добрые» мы рассказывать не будем. А вот исторические документы говорят, что с 1917 по 1923 год в России из четырехсот тысяч священнослужителей, - архиереев, иереев, монахов, монахинь, - было уничтожено по приказу Ленина около трехсот тысяч… Да-да, именно он призывал «расстрелять как можно больше попов». В Харькове, когда его освободили белые части, подвал ЧК был по щиколотку заполнен человеческими мозгами, которые выбивали ударом молота по голове. Десятки, если не сотни священников были распяты на Царских вратах своих храмов… Я понимаю, что разговор не к столу, поэтому другие факты опущу. Просто хочется, чтобы вы сделали вывод о человеконенавистничестве тех, кто руководил палачами. А кто руководил руководителями палачей? Тибетские ламы прислали приветственное письмо «махатме Ленину»… Где же их прозорливость, умение в состоянии медитации видеть все, что происходит в мире? Либо это – ложь, либо, - а это вернее всего, - они знали о том, что творят «ленинцы» с Православной Россией и благословляли это, приравнивая словом «махатма» Ленина к себе. Впрочем, здесь было благословение не только лам. У Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа хватает ненавистников. Но Бог поругаем не бывает! А война эта на нашей земле началась не с Ленина, а чуть ли не с Крещения Руси».

- Как это? – удивился Николай.

- Когда Русь наша стала Православной, ненавистники Христа бросили на нее все свои колдовские силы. А как отличить их? Прежде всего, к темным силам относятся те их служители, которые пытаются творить чудеса не именем Господа нашего Иисуса Христа, как это делали святые Апостолы, а «своей», - разумейте, - сатанинской волей. К таким и относятся всякие йоги, ламы, махатмы и другие. Разве они согласны, что только Христос есть путь и дверь в Царство Небесное? Увы, нет! Они говорят о неограниченных человеческих способностях, но на самом деле неограниченность их, как мы опытно знаем, только до предела запрета Божия, Его воли. А где он, этот запрет, в каждом конкретном случае, нам неведомо. Но вернемся к древней Руси. Как только утвердилась у нас вера Православная, так и пошли нападки. Набеги кочевников-идолопоклонников, их подлость и коварство, навеянные бесами, которым они, по сути, поклонялись, разделяли наших князей, развращали их, заражали одержимостью, чем сеяли межусобицы. И губили по одиночке. А почему? Да потому что многие считали: мол, приняли Святое Крещение, а дальше можно жить как раньше: «не становиться фанатиками», - так многие говорят сейчас. Каждый считал себя «великим», - грех гордыни. Каждый хотел себе богатства побольше, власти, вкусностей всяких, мехов, земли… Это – и чревоугодие, и властолюбие, и честолюбие, и сребролюбие! Почти каждый смотрел на чужих жен, - у кого красивее, - прелюбодеяние… В чужие сундуки и закрома – возжелание чужого, зависть. А отсюда подозрительность, злоба, клевета, ненависть, наконец, война, убийства! И порой такие, которые вопияли на небо об отмщении! Оставшимся язычникам только этого и надо было! Общаясь через демонов с колдунами, например, Тибета, сами того не подозревая, они вместе вели духовную войну с Православным Христианством на

Руси. А у нас из духовного сословия только единицы могли противостоять… Нет, даже не противостоять, а отражать их удары на уровне духовном… Это – святители Петр, Алексий Московские, святой преподобный Сергий Радонежский и некоторые ученики его… Я говорю уже о временах ига… А откуда оно берет начало? Не зря же предки наши, кроме слова «татарское» назвали его еще и «монгольским». Не значит ли, что иго имеет прямое отношение к Монголии, к Тибету, где, как известно, полно всяких йогов, махатм и иже с ними… Более того, именно там по мнению некоторых православных историков проходили духовную подготовку батыры Мамая, Тахтамыша и других… Тот же Челубей! Он был колдуном очень высокого градуса посвящения. И действительно, злые духи помогали победить ему самого сильного богатыря… Только - не вооруженного молитвой и Крестом Христовым. Только не духовного богатыря, облаченного в броню схимы! А до этого побеждали и долго! Пока преподобный отче наш Сергий не познал духом их оружие, не послал Александра Пересвета на этот духовный поединок. А у ордынцев, поговаривают, существовал даже свой тайный орден воинов-колдунов. Или что-то вроде этого. Как им могли противостоять русские дружины, где еще с одной стороны были живы языческие предрассудки, а с другой – непомерная гордыня превосходства «рязанцев» над «московитами», «тверичан» над «володимирцами», а уж «вольные» новгородцы вообще ниже плеч своих никого не видели! У каждого самого мелкого князя сердце сжигалось желанием покомандовать всеми, стать Великим Князем, хоть на час? И только по молитвам святых наших Сергия, игумена всея Руси, святителя Алексия, некоторых других безвестных нам, но ведомых Богу, Господь вложил в сердца большинства князей согласие идти под руку Москвы, дал нам такого великого дипломата, говоря современным языком и полководца, как Великий Князь Димитрий Иоаннович Донской. А за князьями и народ потянулся к этому же согласию. И встал на единую молитву. Вот тогда-то и стала возможной победа на поле Куликовом, где столкнулась эта самая единая молитва нашего народа с заклинаниями всего мира, подчиненного демонам. И что же?! После Куликова все вроде бы как успокоились… И сжег Тахтамыш Москву! Следом пришел Тамерлан, войскам которого не было в мире равных. Вновь опомнились люди русские… Тем более, что после Куликовской битвы не успело подрасти новое поколение богатырей, на смену погибшим. Кинулись с молитвой в ноженьки Господу, к Матери Его Пречистой, всем святым, постились, каялись… Вот и проведите параллель со словами Спасителя, про род, побеждаемый только постом и молитвой…

- А все-таки, батюшка, как это преподобный Сергий и святитель Алексий могли духовно видеть то, что творится за десятки тысяч километров? – спросил Николай.

- Для этого, мой дорогой, - на миг задумавшись, ответил отец Валерий, - надо при жизни стяжать благодать Святаго Духа. А это возможно только при святости жизни. Поэтому для нас, грешников, это – тайна за семью печатями! И даже если бы нам попробовал кто-нибудь из святых объяснить ее, мы все равно ничего бы не поняли.

- Как это стяжать? – недоумевала Мария.

- Как стяжал святой преподобный Серафим Саровский и его духоное чадо Мотовилов… Вспомните-ка!

- Значит это – тоже чудо Божие? – зарделась от радости Мария.

- Несомненно! - медленно кивнул отец Валерий. И продолжил: «Вот конкретный пример и частично ответ на твой вопрос, Николай. Ехал как-то из Москвы в Пермь один пока мало известный святой. Проезжая за несколько верст в стороне от Свято-Троицкой Лавры, он остановился, вышел из саней и сделал земной поклон преподобному Сергию. А тот как раз служил в лаврском соборе. Вдруг он приостановил службу, тоже сделал земной поклон, обращаясь по имени к святому, и

сообщил братии, кто и где проехал. Еще один исторический факт: он во время Куликовской битвы молился за упокой только что убиенных русских ратников, называя их всех по именам?! Как он видел за четыре сотни верст? Как он знал имена простых крестьян-ополченцев, или ратников из Смоленска, Дебрянска, Боровска, Серпухова, других сел, посадов, деревень, городов? Духом Святым!

- А с земными представителями темных сил святые при жизни тоже общались? – опять спросил Николай.

- Только не общались, а видели их козни и противостояли им.

- Как же они тогда не предотвратили всякие пакости колдунов? – воскликнула Мария.

- Дорогие мои! Святые и при жизни земной и после успения строго выполняют волю Божию. Они ее знают! Как, - не ведаю! Но ведь благословил преподобный Сергий Великого Князя Димитрия Иоанновича на битву. И более того, передал решение Господа даровать нам победу на поле Куликовом. Обычно же святые молятся Господу, Его Пречистой Матери о решении той или иной проблемы человека, группы людей, народа. И нередко Господь выполняет просьбы, выраженные в молитвах святых, за их верность вере Православной. Иногда Он выполняет и наши прошения, либо, видя нашу веру, верность, попытки бороться со своими страстями, грехами, пусть даже иногда и неудачные, либо для укрепления нас в вере… Я читал где-то, что уже в наше время, то есть перед самой войной, один блестящий царский офицер, неожиданно для всех постригся в монахи, И вот пришлось ему плыть из Китая мимо Индии, по-моему, на Святую Землю. Много всякого народа разных званий, национальностей и сословий было на том пароходе… И вот, когда они зашли в какой-то индийский порт запастись пресной водой, углем, пополнить запас провизии, капитан предложил пассажирам экскурсию к одному местному магу и волшебнику. Все, - а в основном они были европейцы и американцы, - с восторгом согласились взглянуть на эдакую экзотику. Поехал и наш монах. Прибыв на место, они увидели у костра худющего старика и прислуживающего ему мальчишку. И, конечно, цивилизованные господа захотели увидеть чудо. Старик-колдун не отказал… Все увидели в высоких облаках свой пароход, на его палубе самих себя, занимающихся, - каждый, - любимым делом. А наш монах, вдруг, словно по чьему-то приказу, стал беззвучно, одним языком при сомкнутых губах творить Иисусову молитву. И что же? Мираж лопнул, как мыльный пузырь, а колдун повалился на бок, потеряв сознание… Все забезпокоились… Но мальчик-прислужник колдуна, передал, что старик просто устал и просит всех удалиться. Пассажиры парохода двинулись к своим экипажам. Монах напоследок обернулся и увидел… направленный на него ненавидящий взгляд колдуна. Для чего это сделал Господь? Посрамить колдуна в глазах англикан, протестантов, католиков, безбожников? Я думаю, не столько для этого, сколько для укрепления веры монаха и для того, чтобы показать ему силу Иисусовой молитвы. Ну, еще, чтобы монах понял, на какие проделки способна нечистая сила, с которой и пообщался наш бывший блестящий офицер.

-Да-а-а! – протянул Василько.

- Но Боже упаси вас самим вступать в духовную брань с нечистью! Если вдруг случиться нечто похожее, надо только молиться Богу, единственно уповая на Его милость и помощь. Ведь только по Его воле и Ангелы, и святые угодники нам помогают. Бог поругаем не бывает! И это нам доказало исповедничество Александра и Василько, их чудесное освобождение. Однако, следует помнить, что враг захочет отомстить. Поэтому прошу вас о выдержке собранности, бдительности, непрестанной молитве и в ближайшие дни, - а лучше завтра, - причаститься Святых Христовых Таин. Едим мы все равно, как вы заметили сейчас рыбу… Александру, я полагаю, лучше сегодня переночевать здесь, дабы избежать лишних нападений. Вдвоем почитаете Правило. А?

- Как благословишь, отче! – пожал плечами Василько.

- Вот и ладно! – улыбнулся отец Валерий. Но взглянув на часы, воскликнул: «О! Засиделись мы, матушка Мария! А ребятам еще отдохнуть надо, к исповеди и Святому Причастию подготовиться… Давай-ка собираться».

Все уже стояли в прихожей, когда раздался звонок в дверь.

- Это – Митенька! – кинулась открывать дверь Мария. В дверях стоял голубоглазый, светловолосый, худенький мальчик лет семи-восьми с ранцем за плечами.

- Три пятерки! – восторженно крикнул он, но, увидев отца Валерия, чуть не задыхаясь, произнес: «Ба-тюш-ка!»

И ткнулся священнику в рясу.

- Ми-и-тя! – делано-строго произнесла Мария.

- Ой, простите! – сложил мальчик ладони под благословение, – Благословите!

Отец Валерий перекрестил и вдруг, подхватив его под мышки, поднял к самому потолку. Поцеловал. Поставил на пол.

- Так, Митя, - полез он в карман своей широкой рясы и, достав оттуда шоколадку, яблоко и апельсин, протянул мальчику, - Митя - примитя!

- Спаси Господи! – смутился тот…

- Митенька, мыть руки и обедать! Почему так поздно? – строго спросила Мария.

- Мы с ребятами крепость из снега во дворе школы строили, ответил мальчик, стаскивая мокрое пальто и вешая его на низко прикрученный к вешалке крючок.

- Ну, с Богом! Вам еще дите кормить! – целовала всех в макушки инокиня Мария.

- Видишь, твоя комната занята. - улыбнулся мне Василько, когда за батюшкой и монахиней захлопнулась дверь. - Будешь спать в моей - на раскладушке.

И мы отправились туда. По дороге я услышал, как Мария говорила Мите: «Ты сегодня веди себя, пожалуйста потише. А то Василько и дядя Александр приехали… им отдохнуть надо».

- Из тюрьмы? – раздался голос мальчика.

- Да-да…

- Так их отпустили?! Я же говорил, что Бог разберется, и их отпустят. Вот и разобрался! И тюремщикам велел отпустить. Я тогда, как сделаю уроки, тихонько порисую. Ладно, Машенька?

Василько улыбался. Я – тоже… Разобрав раскладушку, я завалился на нее и мгновенно заснул. Без сновидений и видений… Уже стемнело, когда Николай добудился нас: «Не пора ли вам Правило вычитывать? А то скоро опять спать…»

- Правило – так Правило! – бодро вскинулся Василько.

- Сначала ужинать! – раздался из кухни голосок Марии. - Я любимую рыбу Александра пожарила.

Все это было настолько привычно, словно я никогда и не уезжал отсюда…

После Правила, несмотря на все мои опасения, я опять мгновенно заснул. А утром, выходя из дома, спросил у Василько: «Пешком?»

- Ты что?! Мне же сегодня на работу. Итак – опоздаю. Придется из храма звонить, договариваться…

Вскоре на Ленинградском проспекте нас остановил «гаишник». Подошел, приложил руку к шапке, представился и улыбнулся: «Вы превысили скорость… Предъявите документы…»

- Этого не может быть! – заспорил Василько.

- Может-может! Нам поступили новые приборы – радары. Вот, взгляните. - на экране прибора, похожего на пистолет с расширяющемся стволом, светились цифры: «60,5».

- Всего-то на полкилометра в час, - хмыкнул Василько.

- Факт ест факт! – покачал головой лейтенант, - Выйдите из машины и предъявите документы.

- Саш, ты сиди… Начались искушения… - кивнул мне Василько, доставая из кармана куртки, висевшей на крючке за его спиной права и другие бумаги.

- Минуту… - вдруг остановил его «гаишник», отошел от нас метра на четыре на проезжую часть и наставил свой радар на приближающиеся машины. И вдруг раздалась автоматная очередь. «Гаишник» сломался пополам и рухнул на мостовую. Тут же вокруг нас остановились несколько черных «Волг». Из них выскочили молодые люди, одетые одинаково в черные элегантные костюмы, такие же полупальто, в белые сорочки с галстуками. Один из них подбежал к нам, махнул перед Василько какой-то красной книжечкой и буркнул: «Ну чо встал?! Вали отсюда! И поживее!»

Василько выжал газ. А мимо нас под вой сирен и вспышки «мигалок» пролетело несколько черных автомобилей.

- Кто это? - спросил я, не успев даже подумать о случившемся.

- Похоже на правительственный кортеж. На корочке-то «КГБ» было написано.

Я обернулся. Молодые люди укладывали тело «гаишника» в невесть откуда взявшиеся УАЗик… Вскоре мы были в храме. И наперебой рассказывали отцу Валерию о случившемся. Тот перекрестился, прошептал какую-то молитву и пояснил: «Бедняга-«гаишник», должно быть, решил проверить радар на правительственных машинах. А охрана издали приняла прибор за какое-нибудь новое оружие. Тем более, что уже случилась такая попытка расстрелять генсека. И покушавшийся был именно в форме милиционера…. Что-то в последнее время КГБ вас выручать стало… Вину заглаживают.»

Мы все втроем улыбнулись.

- Ладно, – уже серьезно сказал отец Валерий. - Пора начинать службу.

И он ушел в Алтарь. А мы встали под большой иконой Спасителя, перед которой обычно происходила исповедь.

В людской, где я нашел Афанасия и всех своих, было сумрачно. Только над большим столом на поставце горела лучина, при свете которой какой-то старик вслух читал Псалтирь. Каждый занимался своим делом. Матушка Агафья что-то вязала. Афанасий здесь же подшивал валенок. Панкрат вырезал ложку. Филипп точил широкий засапожный нож. Другие бабы занимались кто – шитьем, кто пряжей, а мужики – своими хозяйственными делами. Афанасий, увидев меня, встал. За ним последовали другие.

- Да что вы, в самом деле?! – воспротивился я. - Сидите!

- Княже, каждый должен знать свое место. - поклонился Афанасий. – Вот, к примеру, воробей – не хорохорится перед соколом… Не составляет семью с орлицей. Так и людям должно. Господь поставил каждого на свое место: кого - князем, кого – монахом, а кого – простым смердом… На все воля Божия. И каждый должен выполнять ее «на ять»! Потому как с каждого спросится его, порученное ему одному дело. А полезет смерд в книжное или в княжье дело, - выйдет неразбериха. Захочет женка мужем править – вообще грех. И для нее, и для мужа. А соответственно месту - и почтение. Очень мудро, что ты мужиков почитаешь, любишь… То же самое получаешь и от них, да от Бога, сотворившего всех по Своему образу и подобию. Но тебя поставил Господь князем! Так ты и будь им! Спрашивай, руководи… И прости меня, грешного: не начитываю я тебе, а говорю то, как понимаю. Ведь не зря же и наши и Власьевские, - Царствие им Небесное, - под твою руку пошли Правда последние отошли, - вон, кроме Панкрата, - за что и получили, прости Господи! Крест-то свой, данный Богом, не просто покорно, без ропота нести надо, а с лю-бо-вию к нему.

Ко кресту, ко своему. Так ли я говорю, Олег Силыч? – повернулся он к старику, читавшему Псалтирь.

- Мудер ты, Афанасий! – только и ответил тот, слегка кивнув. Я обнял старосту: «Спаси тебя Господи! Вразумил! А вот скажи мне теперь, как там Глебушка?»

- Лежать ему, голове садовой, не день и не два. Кости задеты, да раны глубоки! – покачал головой Афанасий. - А пожелаешь, так пройдем к нему?

- Да, проститься я хотел… Завтра княжий суд над разбойниками. И сразу после него двигаем на Москву, под руку Великого Князя Димитрия Иоанновича.

- Дело! – отозвался староста, показывая ладонью, куда пройти, чтобы навестить Глеба.

- А вот, пожелаете ли вы, мужички, кольчуги надеть, да ратному делу поучиться? – говорил я, проходя по темному переходу.

- Век живи – век учись! – хмыкнул Афанасий. – А на святое дело – единение Отчины нашей – грех не встать! И здесь всем миром, - что ратиться, что единиться, - надобно поучиться. Такое дело нахрапом не возьмешь... А вот и Глеб…

Мы стояли в малом покое, где на широкой постели лежал попович, весь обмотанный чистой холстиной, на которой кое-где еще выступала кровь. Увидев меня, он вскинулся на локтях, но ойкнул от боли: «Прости меня, княже! Не послушал я тебя…

- Бог простит! – вздохнул я.

- Ты Бога не послушал! – строго встрянул Афанасий. – И Власьевских мужиков из-за этого погубил. Каяться тебе в этом еще и каяться… Когда каждый, вместо кого-то, Богом поставленного, властвовать желает, так и случается… Поверь мне, старику!

- Да каюсь я… Исповедался уж. - резко мотнул головой Глеб и опять поморщился от боли.

- Бог тебя простит! – повторил я. - И я – туда же… Как раны твои?

- Слава Богу, зарастают… Слышал я, что на Москву идете? Завтра?

- Уходим… И тебя я хотел бы там видеть…

- Приду! Обязательно приду! Вот только встану на ноги! – вскинулся он опять, но рухнул на подушки, поморщившись.

- Тогда, будь здрав! – положил я ему руку на плечо.

- Спаси тебя Господи, княже! – в ответе его звучали слезы.

- И тебя! – молвил я, уводя Афанасия под руку в глубь переходов. – Потолковать с тобой хочу… Мужик ты мудрый… Завтра суд княжий. Поди, видал, как князь Ондрей товарища атамана заколол… Боюсь и я завтра не выдержать.

- А что здесь бояться?! Душегубец – он и есть душегубец… Они же все кровью людской опоены. Али не слышал? Человек-то, коли скотскую кровь выпьет, рассудком сдвигается! А тут!

Афанасий, когда мы вышли на двор, вдохнул морозец полной грудью. И заговорил: «Вот мое грубое, греховное, мужицкое слово, князь. Нет, даже не мое… Пророк и псалмопевец Царь Давид говорил: *Проливший кровь, кровию да умрет*… Бог ведает, он ли, кто ли из других пророков, но верно сказано. Однако, коли живы они до сего дня, терпит их Господь! Ладно было бы, кабы князь Данила предложил им на Святом Кресте и Святом Евангелии покаяться… По-христиански… Так ведь, коли выпил человек крови людской, не сможет он покаяться и к Святому кресту приложиться… Вот тут и… конец самый, князь. Такому и голову рубить грехом почитаю… В прорубь его… А там… Тяжко говорить… Твари все же Божии… А там… На все святая воля Господня! На мой-то греховный, мужицкий домысел, - сжег бы я их! Прости, Господи! Чтоб души, хоть через такие страдания спастись на самую малость сподобились. Прости, Господи! Прости и ты, князь! По своему мужицкому недоумию говорю.

- Мудер ты, Афанасий! – опустил я голову, осмысливая сказанное старостой. – Повели-ка нашим сбираться в дорогу… Сдается мне, послезавтра, после суда, даст князь Данила приказ выйти на Москву перед рассветом. Да только теперь другая служба начнется… Все ли готовы? Буду учить вас биться на мечах, да топорах. Пиками, да рогатинами ратиться… Не супротив медведя или вепря, а – такого же воина, у которого – и меч, и топор, и лук со стрелами, и кинжал, и нож… Готов ли, староста?

- Сколь же говорить тебе, князь: век живи, век учись! Да и что, кроме Отчины нашей, Русьской, да Церкви Святой Православной, у нас осталось? Да и у тебя тоже… Хотя сон мне был нонче… Видел тебя… И как бы двое деток, - живулечка и отрок, - к тебе через ромашковое поле бежали… Уж и обнимал ты их! – вдруг смахнул слезу Афанасий. Я опять обнял его: «Спаси тя Бог, староста! На добром слове! Твои бы слова, да Богу - в уши! А женки, часом, не видел?

- Не буду лгать, княже, не видал. – опустил он голову.

- Все одно, спаси тя Господи! – мотнул я головой, вспомнив Елену. – Иди, отдыхай!

- Ивашка ужин принесет! – бросил Афанасий, уже взявшись за дверную скобу.

- Спаси Господи! - кивнул я и побрел к ступеням терема. Однако, не успел я войти в свой покой, как следом влетел Ивашка с большой корзиной снеди. Я съел кусок свинины, запил горячим взваром.

- Пей, княже, пей! Матушка Агафья говорит, что поспать тебе надобно. - приговаривал Ивашка. Душистый напиток окутал своим очарованием. И я… заснул, не раздеваясь.

…Утро началось опять в соборе. Князь Данила молился на коленях. По челу у него струился пот. Князья-сотники, а за ними и я, клали земные поклоны. Епископ с братией на коленях молились в Алтаре. Шутка ли?! Предстояло судить полсотни, большинство из которых, если не все, - душегубцы! А с такими – один разговор: голову долой или - в прорубь…

В заключение Божественной Литургии владыко вышел на амвон и печально молвил: «Сегодня предстоит судить разбойников. Молю тебя, князь Данила, отбрось от себя все страсти, будь горяч в молитве и холоден в приговоре. А самое главное: суди так, чтобы ни один из них не погубил более ни одной христианской души, помятуя, однако, что и у разбойников – души христианские. Все они - крещеные!»

Весь Пронск высыпал на лед руки. Дружинники еще до рассвета пробили широкую прорубь, оградили ее с трех сторон. Теперь перед ней стояли разбойники из русьских. Они явно засиделись в ямах и теперь жались друг к другу, тихо переговариваясь. На лицах их было испуганное ожидание. Князю Даниле прямо на лед постелили ковер, поставили на него судейский трон. Князья-сотники обступили его. Все они были без кольчуг, но при мечах. Казалось бы, все готово… Но князь Данила молча стоял, глядя на разбойников. Наконец из ворот Пронска показались женки, - бывшие полонянки, - возглавляемые княгиней Пронской. Все они были в черных платках. Княгиня, подойдя, перекрестилась на восток и обратилась к епископу, который стоял по правую руку от князя в окружении монашеской братии: «Благослови, владыко!»

- Бог тя благословит, чадо! – ответил тот.

- Благослови и ты, супруг мой! – повернулась с поклоном она к князю Даниле.

- Бог тя благословит! – ответил тот, перекрестив жену. Княгиня повернулась к жителям Пронска: «Все вы знаете, как сто пятьдесят лет назад поганые поступили с детьми наших предков… Помятуя об этом, я обращаюсь к женам, чьи деды, отцы, мужья, братья погибли от рук ордынцев. Могут ли эти, рожденные русьскими бабами быть достойны жизни? Не перевернулись ли в гробах их русьские матери, когда они губили православные души?.. Что делали наши предки с насильниками, мужиками

ли они были или князьями? Независимо от звания разрывали на березах. Достойны ли насильники отроковиц жизни?»

- Не достойны! – выдохнула толпа.

- Посему молю тебя, князь Данила, дозволь бывшим полонянкам свидетельствовать о изуверстве этих несчастных.

Толпа одобрительно загомонила.

- Спаси вас господи! – возвысил голос князь Данила и воссел на судейское место.

- Теперь, - продолжил он громко, – дружинники будут выводить по одному из татей… А вы, полонянки их бывшие, свидетельствуйте о душегубстве.

Двое ратников выдернули из толпы разбойников здорового, рыжего, косоглазого мужика и бросили его на колени перед князем Данилой.

- Зверь! Волк! – раздался звонкий голос, и из толпы бывших полонянок выскочила молодуха с огромными, еще не сошедшими синяками под глазами, - Он, он, зверюга, зарубил тятеньку, троих моих братьев и кровь их с меча слизывал… А меня потом…

- Было это? – спросил князь Данила косоглазого, привстав с судейского места.

- Да я что?... Я… Я… Мне атаман приказывал.., - ткнулся лбом в лед мужик. Князь взглянул на епископа, и тот мягко произнес, обращаясь к обвиняемому: «Хочешь ли покаяться принародно? Поцеловать Святой Крест и Святое Евангелие? И пообещать более не злодействовать?»

- Да-да-да! – завопил косоглазый и на коленях пополз в сторону владыки, державшему в руках большое напрестольное распятие и Священное Писание. Но вдруг на глазах у всех мужика подняло в воздух и отбросило на несколько шагов прочь, в сторону проруби. Он стоял на четвереньках, злобно глядя на епископа и сплевывая в снег розовые капли… Толпа и дружинники ахнули.

- Его не допускает сам Господь! - возвысил голос владыко. И уже четверо дружинников подхватив бывшего разбойника потащили его к бревну, в которое был воткнут большой топор. Но в это время князь Ондрей наклонился к Даниле Пронскому и что-то жарко начал шептать ему на ухо. Князь Данила на мгновенье опустил глаза в лед. Перекрестился. Взглянул на епископа, как бы спрашивая его. Тот кивнул.

- Погодите! – остановив казнь, поднял руку князь Данила, – Следующего – на суд княжий….

Сорок восемь раз повторялось виденное нами. Сорок восемь раз толпа ахала при описании злодейств, свидетельствуемых бывшими полонянками. Вокруг сорока восьми разбойников, уже разделенных, стояли по четыре ратника. Один из татей вскинулся, попытался выхватить у дружинника меч, но тут же был зарублен другим ратником. К нему подбежали шестеро и попытались поднять… Но, к новому удивлению всех, не смогли…

- Тяжки грехи их! – громко пояснил епископ. Князь Данила подал знак. Ратники, обнажив мечи, встали вокруг разбойников. Князь Данила, повернувшись, склонил голову перед епископом. Тот перекрестил его.

- Слово мое княжие – последнее для вас! – громко молвил князь Данила. – Вы – смерды! Возомнили себя воинами! Только оружие свое поднимали против стариков, старух, жен, да детей… Били безоружных, связанных путами мужей… По обычаю русьскому, по правде нашей, – на разъятие бы вас приговорить, к усечению, да в прорубь… Иного быть не может! Как не можете вы, кровопийцы, подойти к Святому Кресту и Евангелию… Видать много кровушки испили. Вопиет она на Небо! Простите меня, Христа ради! Господь даровал мне быть князем и судить вас. Но пожалел злодейство ваше князь Ондрей, у которого вы убили жену и чад. Больше некому… А уж коли возомнили воинами себя, да подняли мечи против братьев и сестер русьских,

будьте ж воинами до конца. Похвастайтесь перед моими дружинниками вашим боевым умением…. Дайте им мечи.

Ратники расширили круг и, ощетинившись пиками в сторону татей, бросили им мечи. Князь Ондрей скинул кафтан, шапку, поцеловал свой Крест, перекрестился. Взглянул на епископа, князя Данилу, княгиню, сотников, бывших полонянок. Обнажил меч и вошел в круг. Ему последовали и другие сотники. У кого-то в руках была секира и короткий засапожный нож, у кого-то – чекан и меч… Мне Афанасий подсунул меч и шестопер. Бывшие разбойники сбились в кучу. Но выхода из из нее у них не было.

- Ну что, ратнички на жен, да малых деток?! - крикнул князь Ондрей, - Нас-то, поди вчетверо меньше. Что ж струхнули? Померяемся силами?!

Я увидел, как косые глаза рыжего мужика вспыхнули красным цветом. Он кинулся всем телом на князя Ондрея, но был остановлен умелым ударом, рассекшим его от плеча до паха. В тот же миг другие тати бросились на нас. В моей памяти, словно вспышка, возникли Елена с детьми. И я вонзил в кого-то меч, потом почувствовал как шестопер ломает кости попытавшемуся нанести мне удар сбоку… И еще, и еще мой клинок входил в мягкое, податливое тело человечье… Только в человечье ли?! Ни жалости, ни чувства греха не было. Было отвращение и брезгливость… Словно бил не людей, а гадов, выползших из болота.

Мы, князья-сотники, кто-то из княжьих дружинников стояли кругом в одних рубахах с еще парящими человеческой кровью мечами, секирами, топорами, кинжалами в руках. Чужая кровь жгла сквозь ткань… А рядом лежали бывшие разбойники… Раненных не было… Князь Данила встал с судейского трона, поклонился нам в пояс, перекрестился: «Спаси вас Господи, братия, за то, что взяли на себя мой грех… Спаси вас Господи! И простите меня».

И побрел к городским воротам. Остальные, - епископ, княгиня с бывшими полонянками, горожане, - последовали за ним. Князь Ондрей содрал через спину с себя окровавленную рубаху. Швырнул ее на утоптанный кровавый снег, подошел к проруби, обмыл тело… Подскочивший отрок накинул ему на плечи шубу. Подобрал брошенный меч. Князь Ондрей пошел за князем Данилой. Все, участвовавшие в сече, сделали то же самое. Вода из проруби обожгла мое голое по пояс тело, но я тут же почувствовал на плечах мягкое тепло шубы… Рядом стоял Ивашка.

- Научи меня, княже, твоему двойному удару назад! – попросил он, потупив взгляд.

- Научу, друг ты мой сердечный! - обнял я его за плечо. - Этому удару меня еще дед учил… И я тебя научу.

Дружинники сбрасывали трупы татей в воду, и те сразу же утягивало под лед. Мы, побившие разбойников, шли к городским воротам. Я догнал князя Ондрея: «А что было полторы сотни лет назад в Пронске?»

- И-и-и! – махнул он рукой и обвел ею городские стены. – Их взять Батый не мог. Так дрались! Все! Женки, отроки, даже дети малые смолу топленую, кипяток, камни носили… Били поганых! Они, вроде как, перемирия запросили… Тогда князь Пронский, Царствие ему Небесное, поставил условие: выпустить деток малых да отроковиц верховыми из города, освободить им проход, дать уйти в леса. Город-то был окружен так, что мышь не проскочит. Поганые согласились… Горожане одели на чад кольчуги свои, шеломы, щиты приторочили спереди, да сзади. Самых малых к седлам привязали. И выпустили за ворота. Поганые поначалу расступились… А потом, когда дети оказались в середине их, - сомкнулись… Всех посекли. А деды, бабки, отцы, матери, старшие видели все это со стен. А поганые потом отсеченные детские головки горожанам показывали… Взяли они тогда Пронск… Никого не пощадили. Но и сами здесь несколько тем потеряли. На смерть стояли горожане.

Князь Ондрей тяжело вздохнул: «Прабабка моей матери… одна спаслась тогда. Ночью из под детских трупиков выползла… Как сквозь стан ордынский проползла, сама не помнила… Все молитву Божией Матери шептала… Бежала зимой в одной рубашонке… Доспехи-то и одежонку с нее поганые с безсознательной содрали… Приют она нашла у лесных язычников… Да их и к вере нашей Православной привела.

Князь Ондрей усмехнулся уже без горечи в уголках рта… А вечером мы опять пошли исповедоваться и каяться. Господи, как же тяжело это было. Все тело жгло, особенно в тех местах, где на него попадала кровь убиенных мною на льду. Владыко тяжело дышал, когда шептал молитву.

- Сорок поклонов сейчас! – строго произнес он мне, - Наступает Рождественский пост. Каждый день по десять поклонов. В среду и пятницу – сухоядение!

- Владыко, мы же в пути на Москву будем! – вставил я.

- Да-да… Тогда благословляю на рыбку… - он сам опустился на колени. И начал класть земные поклоны. Я последовал ему. Ноги ломило… «А ведь завтра – в седло! – мелькнула мысль. – Господи, помоги!»

Дежурств не было. Были только рабочие дни… С утра – легкая зарядка, и, как правило, - весь день в отделе за шашками и читанными-перечитанными журналами. Гонорары кончились. Надо было что-то писать… Но тут напала такая тоска, хоть святых выноси! С Василько я даже не пытался говорить на эту тему… Вроде бы недавно исповедовался, причащался… Вдруг он поставил меня на дневное воскресное дежурство. Здание конторы было старое, гнилое… Штукатурка сыпалась на голову. Охранник-пенсионер пошутил: «Во-он, какой плохой был последний Царь Николай! Всего на шестьдесят лет штукатурку рассчитал, кирпичей загодя не заготовил! И не подумал, что никто здесь капитальный ремонт с семнадцатого года не станет делать»…

- Погоди-погоди! – вскинулся я. - А Днепрогэс, Магнитка?

- И даже в области балета мы впереди планеты всей! – подтанцевал старик.

- Да-а-а… - усмехнулся я.

- В том-то все и дело! Словечко есть современное: мен-та-ли-тет называется. Как русский народ не гноби, а он все равно самим собой остается! Только какой ценой?! Сто двадцать миллионов за полвека! Люди-то живые были!..

- Что несешь-то? Откуда такие цифры?

- Что знаю, то и несу. А ты, поди, - из ученых?

- Ну-у-у, как сказать?..

- Вот-вот, научили вас… родство свое забывать! Это ж надо придумать: родом из октября! Заметь! Не из России!

- Как звать-то вас? - вдруг улыбнувшись, спросил я. Что-то располагало к этому старику. Прямота его, что ли?

- Акакием… Спиридоновичем…

- А меня – Александром. – протянул я руку.

- А ты что усмехнулся? Поди, Гоголя вспомнил? С его Акакием Акакиевичем? А мой-то святой великим мучеником был…

- Так вы – верующий?

- Русский человек не может быть неправославным! Потому, как еще великий пророк наш Феодор Михайлович Достоевский писал, что русский народ без Православия – де-э-эрьмо!

Я раскрыл рот от удивления: мелкий, плешивый старикашка, охранник-пенсионер, рассуждал так, словно профессор какой-нибудь, из академии дипломатического корпуса. А собеседник мой разошелся не на шутку: «Поди, и пионером, и комсомольцем, да и коммунистом был?»

- Выгнали меня из партии! – усмехнулся я.

- Слава Тебе, Господи! – вдруг неожиданно чмокнул меня в макушку Акакий Спиридонович. – А за что?

- Приписали искажение социалистической действительности и аморальный образ жизни.

- По женской части что ли?

- Хм… И это тоже было. Да еще как!

- Ох, искупить бы тебе этот «образ жизни»! Помоги Господи! Поди, офицером был?

- Почему вы так решили?

- Да по осанке твоей сужу.

- Ну и мудр же ты Акакий Спиридонович!

- Это – не мудрость, а опыт жизненный. Поживешь с мое – не то умудришь! А как из армии-то выгнали?

- А вот из армии меня не выгоняли…

- Ну, загибаешь ты! Оттуда офицеру можно только либо через психушку уйти, либо через тюрьму… Ну, можно еще, конечно, комиссоваться, по здоровью…

- Вот так и ушел: по здоровью.

- Поди, папа – большой начальник?

- Слушай с тобой опасно говорить… Ты, часом, не стукач?

- Стукач? – старик засмеялся. – Ты у нашего начальника отдела спроси! Он моему отцу за пивом бегал… А тот с малолетства в милиции служил. Верой, да правдой! Отечеству служил, а не шавкам этим!.. И сколько людей от тюрьмы спас… И в Бога веровал! И посты соблюдал! И Сталин его лично знал и уважал!..

- Ста-алин?!

- Да-да, Сталин! Что вскинулся-то? Поди, наслушался про «культ личности»!

- А что, скажешь, и культа личности не было? Сам же только что про сто двадцать миллионов вспоминал!

- Да, вспоминал! Только не Сталин эту резню устроил в России. Он-то ее как раз и призван был прекратить!.. Только не время говорить о таких вещах! Не пробудился еще наш народ! Но сдается мне, ты и сам додумаешься, доищешься, узнаешь… Пойду-ка я проверю этажи. – вздохнул он и поднялся. А когда вернулся, я спросил: «Что это вы со мной так разоткровенничались на политические темы. Не боитесь? Сейчас все еще сажают «за политику».

- А чего мне бояться. Я свой век отжил… Недуг такой, что – не сегодня-завтра… К тому же, глаза у тебя…

Но в это время в здание вошел Василько. Он привез другого сменного из нашей мобильной бригады. Я простился с Акакием Спиридоновичем, чувствуя какую-то недоговоренность. И от этого – печаль…

- Устал что ли с непривычки? – спросил Василько, когда я уткнулся лицом в боковое стекло «ласточки».

- Интересный дедок! – хмыкнул я.

- Скажешь тоже: «дедок»! Да он - помоложе нашего начальника отдела! – тем же тоном ответил Василько.

- Моложе?!

- Да-да! Только болеет сильно, хотя и виду не подает… На инвалидности он… Вот и кажется старым. Наш подполковник принял Спиридоныча на работу из-за доброй памяти о его отце. Уж и не знаю, что там и как, а начальник наш начинал вместе с ним в уголовном розыске…

- За пивом бегал! – вспомнил я слова старика.

- А хоть и бы за пивом тоже.. Они что ж, не люди, после работы горло промочить?! - пожал плечами Василько. – А почему ты думаешь у нашего подполковника очки с толстыми стеклами? Ранение в голову!

- Люди-люди… - улыбнулся я. - Чудны дела Твои, Господи!

- Воистину!.. Может быть, к нам на ужин заедешь?

- Да нет! Я один побыть хочу, подумать. Потом обязательно расскажу…

Мы распрощались на углу Садового Кольца и Алексея Толстого. Пощипывал морозец, тихо осыпая мелкую снежную пыль с деревьев и крыш. Она опускалась почти незаметно, даже застывала на весу, кружилась в свете уличных фонарей. Дома я сделал кофе и уселся в кресло, хотя прекрасно понимал, что должен отдохнуть. Ведь завтра – понедельник. Надо навестить Анимаиссу в «Гудке», прозвониться и встретиться с Женей, забежать в «Московский литератор» к Володе… И вдруг поймал себя на мысли, что нет больше ни тоски, ни уныния! Мысли упорно крутились вокруг разговора с Акакием Спиридоновичем. Значит, это он вывел меня из недавнего состояния.

«Действительно, как странно получается! – думал я. – Князья, Цари, их слуги в учебниках истории, мягко говоря, нелицеприятны. А как же тогда под их руководством Государство Российское стало едва ли не самой великой державой мира?! Единственно, кто создал образы Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Великого их сподвижников, как выдающихся государственных деятелей, так это – Сталин… Пусть не он сам, пусть по его команде… Но вель – по его! Но это уже - акт мудрости народной и для народа. И после смерти сам оказался политым грязью.

А дальше пошло-поехало. Всякий последующий коммунистический правитель поливал грязью предыдущего. И, если подойти с точки зрения психологии, - убивал веру у народа в авторитет власти, как таковой… Но ведь так в стране могут делать только враги этой страны, этого народа! Вот – договорился, точнее, додумался… Доискался… А что я? Примерно то же самое говорил Святослав.

А не могло ли быть так, что после «красного террора» Сталин решил потихоньку восстановить величие тех, кто творил Россию до семнадцатого года?.. За то и получил! Да и моя мать про него только хорошее говорила… А это – поколение!

К тому же, все остальные, кроме него, нам внушали, что великими, безгрешными, народными любимцами были Маркс, Энгельс, Ленин, Дзержинский, Свердлов и иже с ними… Не про них ли говорил Акакий Спиридонович? Ведь тот же «красный террор» начали именно трое последних… Ох, не об этом бы думать! Сейчас работать надо, заниматься творчеством… Ведь исторических романов писать не собираюсь…»

Я не заметил, как заснул… А проснулся от того, что чашка с недопитым кофе свалилась с подлокотника кресла и разбилась.

«Вот незадача!» - я бросился в кухню за веником и совком. Когда осколки были подметены, вывести темное пятно на бежевом ковре не помогли ни намыленная тряпка, ни уксус…

«А ведь я забыл сделать что-то очень важное!» - мелькнула мысль… «А! Ерунда! Завтра у Анимаиссы узнаю, чем кофе вывести. Она-то – вон какая чистюля! Наверняка присоветует что-нибудь! А теперь – спать!» - перебила ее другая. «Хм! Вот тебе и творчество! И журналистика!» - хихикнула третья. Я вскинулся с кресла и вышел на лоджию покурить. Приоткрыл раму. И услышал разговор на верхнем этаже.

- Ну, как съездил? – спросил басок.

- Блеск! Такие люди! Такие встречи, Такие приемы! Такое раскрепощение! – отвечал бархатный, немного глуховатый баритон.

- Я не об этом!

- Но все основные вопросы решались именно с людьми, именно на встречах, именно на приемах. – вкрадчиво ответил баритон. – Только, может быть, лучше завтра поговорим, в кабинете?

- Поверь, там больше ушей, чем здесь. Прослушку я вырубил. И именно поэтому пригласил тебя «по-ды-шать» на лоджию, пока наши бабы накрывают стол для горячего…

Мне стало противно подслушивать чужой разговор, но вдруг вспомнились слова Святослава о том, что я здесь еще такого насмотрюсь! А басок продолжал: «Петька с верхнего этажа - в Японии… Славка с нижнего - в Штатах. Правда, у него какой-то парень за квартирой присматривает. Но его до сегодняшнего дня не было… Мне наши «боровы» из охраны дома все докладывают. Я же их балую иногда… Ха-ха! То - продуктовым наборчиком. То - коньячком дорогим… То - телефончиком какой-нибудь нашей отработанной девочки. Той же тоже жить надо! Пока олуха какого-нибудь не подцепила. Ха-ха! Ну, ладно, давай к делу. В общих словах. Ты позавчера прилетел, а генерал уже сегодня «собак спустил», что до сих пор еще никакого, даже тезисного отчета нет. Сам знаешь! Сейчас после того, как «бровастый» копыта откинул, каждая минута дорога, не то, что день!»

- Если коротко, то все инструкции выполнены. Договоры о намерениях приняты на «ура». Программы для нас готовятся. Гонорары оговорены: с нашими ценами согласились. Даны и кандидатуры, которые мы должны уже начинать продвигать…

- Кто? «Погонялы» многих я знаю! – перебил басок.

- Карман. Безпалый…

- Их вытаскивать придется. Одного из Ставрополя. Другого – из Свердловска.

- Эти вопросы наши союзники тоже решили…

- Союзники? Ха-ха! Считай: го-спо-да! Кто платит, тот и музыку заказывает. А кто музыку заказывает, то и «танцует»… Ладно. Ты сделал самое главное: провел переговоры о намерениях. Эти-то господа посильнее янки будут. Американосы им сами служат. Но нам надо повыше, чем янки, на ступеньку пирамиды забраться. Швабы-то уже ниже нас… Что-то мне не по себе… Такое ощущение, что кто-то нас слушает…

- Сам же говорил, что некому!

- А вот теперь внутренний голос подсказывает другое… Пойду-ка я, вынесу сюда свой шарик. Он посильнее любого радара.

И дверь хлопнула. Я мало, что понял, но стало страшновато. «Ты же не молился сегодня!» - вдруг вспыхнула мысль, и я бросился в кабинет Святослава, даже не прикрыв раму и дверь на лоджию, и упал на колени. Молитва потекла четко и гладко. «Это Ангел молится… И святой благоверный Великий Князь Александр Невский!» - вспомнил я слова Василько, когда однажды рассказал о такой молитве.

И тут же услышал раздраженный, а потому и громкий голос басовитого: «Чушь какая-то! Бред!.. Что за историческая киношка? Видно стареть я стал… Или слова, настраивающие шар на все окружающее, связанное со слухом, зрением, обонянием и даже техническими средствами, неправильно произнес. Эх, понадеялся на память! Но тибетцы наши не велели записывать… Хотя вроде все правильно! А может быть – от мороза?.. Ну ладно! Если б кто был, шарик показал бы! Пошли, горячее уже подали. Завтра в одиннадцать утра – к генералу, на доклад!..»

«Вот она – сила молитвы!» - мелькнула у меня мысль. «Что за чушь?! Молитвы от чего?» - перебила ее другая. «От нечисти, олицетворенной в разговорах соседей сверху!» - спорила первая. «Опять – чушь! Они могли разговаривать шифром. Здесь же такие люди живут! Тоже мне, Штирлиц!» - издевалась вторая. «А почему же именно Штирлиц? Вот здесь рога и вылезли: ворується мирное молитвенное настроение! Надо бежать к отцу Валерию!» - утвердилась первая. «Может быть, позвонить по телефону прямо сейчас?» - казалось бы, согласилась вторая. «Ага…

Чтобы весь разговор прослушался… - усмехнулась первая. – Сейчас – читать правило и спать! А завтра «боровы» выйдут провожать жильцов в семь утра… Так что надо поставить будильник… Нет… Его могут услышать в квартире наверху… Надо помолиться Ангелу-Хранителю, чтобы разбудил в половине шестого и сразу самому уходить…

Так я и сделал. И действительно ровно в половине шестого открыл глаза, ни в одном из которых сна не было. Чашка кофе и бутерброд с мармеладом взбодрили. Я выскочил из квартиры, хотел бежать к лифту, но … вспомнил, что не включил сигнализацию… Нажал кнопку. И спустился вниз. Но на выходе из подъезда стоял знакомый охранник «Мишенька».

- Смотрю, сигнализация включается… Когда ж вы вернулись? Вчера?

- Привет! Вчера. Только очень поздно.

- И как служба?

- А у вас? У нас, например, не принято задавать подобных вопросов. Любопытство в нашем деле среди сотрудников всегда кажется, мягко говоря, странным. - каким-то не своим, жестким голосом ответил я. И тут же подумал: «Кажется опять влип…».

- Ой, Александр, простите… Это я от… надосыпа… Смена тяжелая была. У многих – гости… Мой товарищ просто забегался, пока я спал. Вот, наверное, и не заметил на пульте, когда вы приехали… А меня будить не стал… В три ночи проснулся… Смотрю на пульте: вы – дома…

- Вот-вот… Я только перед этим и вернулся. - перебил я. – Прости, мне пора…

- А что, машина не придет за вами?

- Опять преступное любопытство?

- Ой, простите… Опять от недосыпа…

- Смотри, Михаил, сообщу в твое управление, если еще раз услышу… - и я хлопнул подъездной дверью. В лицо пахнуло морозом. «Слава Тебе, Господи! Вразумил, как разговаривать!» - мелькнула мысль, – « Да что ж это такое?! Я вроде бы как бы и не знал, что говорить, как говорить… Само говорилось… Ладно. Храм откроют минут через сорок… Пока пройдусь, прочитаю на память правило…». И я пошел, удлиняя путь через Патриаршие, - пока Пионерские, - пруды к метро «Пушкинская», вниз по Горького до улицы Неждановой. И хотя храм был еще закрыт, инокиня Мария большой дюралевой лопатой соскребала снег перед его ступенями.

- Матушка! – кинулся я к ней.

- Чего это ты так рано? – удивилась она.

- Отец Валерий здесь?

- Только что приехал. У себя. Но не пущу. Ему к Божественной Литургии подготовиться надо.

- У меня срочное дело! – настаивал я.

- Что же может быть срочнее службы Богу?! – замотала она головой. И продолжила: «Вот, отстоишь Божественную Литургию со смирением и терпением, а там, глядишь, Господь вразумит. Нельзя священника перед службой безпокоить. Это же – Та-ин-ство!»

Раздражение, недовольство, даже гнев, нетерпение, обида ударили мне в голову. Но я взглянул в глаза матушки Марии, наполненные живым небом и, взяв у нее из рук лопату, стал чистить снег на тротуаре перед храмом. Матушка постояла-постояла, да пошла в калитку, ведущую во двор храма, бросив на ходу: «Лопату поставишь за дверь. Помоги тебе Бог!»

Я энергично стал скребсти снег. Но минут через десять почувствовал, что запыхался.

- Ай-ай-ай! – услышал я голос сбоку. – Разве ж можно так, словно в … штыковую атаку?!

Я обернулся и увидел невысокого худощавого старичка в древнем, но аккуратном габардиновом пальто с потертым по краям и у шеи каракулевым воротником… Обычный старый москвич… Вот только пыжиковая шапка на нем была совершенно новая. Да лицо… Не знакомо ли? Нет, конечно! Не может быть… Вот уж, воистину, старость не красит: красноватые веки и белки глаз придавали такой же цвет и зрачкам. Крючковатый нос с большой выпуклой родинкой, похожей на спелую клюкву, свисал до самого, выдвинутого вперед подбородка…

- Учат вас, молодежь, учат, – продолжал он, ласково забирая у меня из рук лопату, - а вы все равно свое придумываете…

Старик небыстрыми, но точными движениями отбрасывал снег с тротуара. И приговаривал: «Вот и сегодня ночью… Сам ты не знаешь, с кем связался… Если б не я, тебя бы в миг в магическом шарике увидели».

- В магическом шарике? – удивился я.

- Да, есть такой прибор на Тибете… - продолжал по-молодому орудовать лопатой мой собеседник. – Жаль мне тебя стало… Вот и замутил его…

- А вы что, там были?

- Где? На Тибете или на лоджии? – хихикнул он, передвигаясь к самому концу убираемого участка. Я следовал, словно привязанный, за ним. А он продолжал: «Был-был. Нравишься ты мне… Вот и решил спасти… Иначе бы… либо в ванне тебя нашли утонувшего, мол, сердечко не выдержало, либо машиной бы сбило»…

- Как так?

- А вот так, - вздохнул он.

- Спаси вас Господи!

- А-а-а! – вскрикнул вдруг он и исчез…

- Ты с кем это здесь разговариваешь? – услышал я вдруг рядом голос матушки Марии. – И снег не убран!

- Как?! – вскинулся я. – Ведь мы доубирали почти до самого конца!

- С кем доубирали-то?.. Стою я за свечным ящиком. Вбегает одна прихожанка и, наскоро перекрестившись, - ко мне. Там, говорит, друг вашего Василько с лопатой разговаривает. Я – сюда. А ты – и вправду… Пойдем-ка в храм. Я тебе святой водички дам попить.

Я оглянулся вокруг. Действительно, снег лежал нетронутым на всем тротуаре от того места, где я несколько раз скребанул его и почувствовал, что запыхался.

- А как же старичок? – неуверенность дрожала в моем голосе.

- Пойдем-пойдем! – потащила меня матушка Мария за рукав. Она сама перекрестила мне лоб, грудь, плечи. И поднесла к губам полную кофейную чашечку со святой водой. Я выпил ее залпом. И, словно какая-то чешуя сползла с меня. Вот, угораздило!

Я подошел к иконе своего Небесного Покровителя и встал на колени. Читались Часы. Я просил о помощи и вразумлении. Мысли все еще путались, но образ старичка вдруг слился с головой-корнем, так давно не посещавшей меня…

- *Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа*… - зазвучал из Алтаря голос отца Валерия. Всю Божественную Литургию я простоял, как чужой. Не слышал ни возгласов, ни ектений, ни молитв… Автоматически пел *Символ веры* и *Отче наш*… В голове кружилось, перемешиваясь между собой, все случившееся со вчерашнего вечера: диалог на лоджии выше этажом, магический шар, пожилой москвич, похожий на старика-корня и замутивший то ли «прибор» с Тибета, то ли мои мозги… Когда же я, подведенной матушкой Марией к отцу Валерию, рассказал ему все, он вдруг воскликнул: «Молодец! Этот бой ты выиграл! А был почти безнадежным…»

- Почему выиграл? – удивился я, чувствуя, как просветляются мозги.

- Вовремя произнес имя Господа. И, видимо, так искренне, что оно обожгло лукашку, заставило исчезнуть. Только учти, это – до поры! Крепко он за тебя взялся.

Хорошо и то, что ты как бы объединился в себе… Точнее начал объединяться… Давай-ка, ежедневно клади по десять поклончиков… Это, ой, как помогает… На сухоядение тебя поставить, что ли?.. По средам и пятницам?.. Нет. Тебе мозг питать надо. Благословляю на рыбу кроме среды и пятницы… Прости, мне сейчас ехать причащать несколько лежачих болящих. Это – до вечера… А ты, помолясь, давай-ка займись делами журналистскими. Я думаю, что лукашка теперь долго будет зализывать свои обожженные места…

Отец Валерий обернулся и подозвал матушку Марию, отошедшую от нас во время беседы: «Давай-ка, мать, принимайся за сугубую молитву о здравии душевном и телесном раба Божия Александра».

- Батюшка! – как-то по-молодому вскинулась она. - А может быть и мне епитимию? Ведь не увидела, старая грешница, в каком он состоянии, не пустила к тебе…

- Хм… Епитимию? – улыбнулся отец Валерий. - С одной стороны ты правильно сделала. Трудно священнику к Таинству готовиться… А с другой стороны эта встряска Александру пошла на пользу… Так что, не будет тебе епитимии.

Он опять обернулся ко мне: «Ну, с Богом! В путь! А о «шариках» потом поговорим…».

Когда в соборе закончилась ранняя Божественная Литургия и напутственный молебен, было еще темно. Дружинники во главе десятских уже вышли на площадь. Князь Данила все еще выслушивал последние наставления епископа. Сотники в окружении жен, матерей, детей стояли поодаль. Все они оставляли семьи. Только мне, да князю Ондрею не с кем было прощаться. Потому мы и стояли отдельно.

- Ну, что закручинился? - положил он мне руку на плечо.

- Да вспомнил своих, - мотнул я головой.

- Я тоже, - опустил он взгляд. И в это время епископ преподал благословение князю Даниле. А тот, тонко позванивая кольчугой, доспехом и шпорами, опустив голову пошел к выходу из собора. Все направились за ним.

На ступенях собора дети, жены, матери, отцы вновь обступили сотников. А возле дружинников, уже державших под уздцы коней, тоже стояли их домочадцы. Бабы тихонько плакали, дети жались к отцам. Супруга князя Данилы подвела к нему детей. Тот поцеловал их, благословил. Обнял и крепко поцеловал в губы жену. Они благословили друг друга. Княгиня что-то шепотом спросила князя Данилу. Тот кивнул. Она повернулась к дружине: «Жены, матери, сестры, дочери ратников! Не плачьте! Не кручиньтесь! Не на бой смертный пока провожаем мы наших мужей, сынов, братьев, отцов. На службу Отчине нашей – Русьской земле! Церкви Православной! И Великому Князю Димитрию Иоанновичу! Это – тоже подвиг. Радуйтесь! Благословляйте их! И будем молиться за них! Воспитывать чад наших достойными отцов. Это – не крест! Это – радость! Это – благодать Божия!»

И она широким крестом осенила мужа. Потом опустилась перед ним на колени. А когда князь Данила благословил ее, поцеловала ему руку. То же поспешили сделать и остальные жены. Когда же они поднялись с колен, князь Данила поднял руку: «По коням!»

Под тулупами, полушубками, шубами ратников зазвенели кольчуги, доспехи, оружие…. Две сотни выстроились до самых ворот. Они оставались в Пронске. Для защиты его. Дружина вышла из города. И, когда начало светать, мы были уже далеко от него. Морозец немного отпустил и кое-кто расстегнул полушубки, шубы, тулупы. Я и Ондрей ехали рядом с князем Данилой. Вскоре подскакал дозорный.

- По правой дороге с нами сближается отряд мордвы. Несмотря на большой обоз, идут быстро, – доложил он.

- Что им понадобилось на Москве? – пожал плечами князь Ондрей.

- Сколько ратников? – спросил дозорного князь Данила.

- Чуть больше двух сотен, – ответил тот.

- Возьми их в клещи, - обернулся князь Данила к Ондрею. – Узнай, зачем идут на Москву? Твоей сотни хватит?

- А то! Пусти со мной князя Ляксандра, - попросил тот.

- Ради Бога, - пожал плечами князь Данила, - Ежели пожелает…

- С радостью! – вскинулся я. Князь Ондрей съехал на обочину. Свистнул. Поднял руку и пришпорил коня. Сотня пустилась за ним. Снег еще не был глубоким, поэтому скакалось легко. Я вдыхал ветер, усиленный скачкой, и чувство какой-то предстоящей радостной неожиданности охватывало сердце. Наконец, мы выехали на место, где две дороги сходились в одну. Князь Ондрей отдавал распоряжения десятникам, которые тут же отводили своих людей на назначенные места засады.

- Откуда ты так хорошо знаешь этот лес? – спросил я.

- Это ж – моя отчинка, – грустно улыбнулся князь Ондрей. – Сколько здесь охотился! А Марьюшка во-он в том ельничке боровики собирала. Потом мы с ней их на углях пекли…

Глаза его потемнели… Он сначала опустил голову, потом встряхнул ею: « Будем ждать гостей… Не люблю я мордву… Почти все – язычники! И предать готовы своих же. Ну, да что там! Поехали. Мы с тобой и двумя десятками встанем во-он в том соснячке, на пригорке. Оттуда все хорошо видно.

Взошло солнце, игравшее внизу на снегу, словно отроковица… Играло оно и выше, в величественных кронах сосен… Величественных - от этой резкой смены зеленого на белом, от яркого цвета рыжих стволов на фоне снега, усыпавшего холмы, казалось, уходивших вдаль и ввысь…

- Господи! Как Ты велик, если создал такую красоту! Какая же красота должна быть во Царствии Твоем?! – проговорил невольно я, любуясь этим нерукотворным чудом мира. Но тут мои мысли прервал условный звук, напоминающий крик сороки: это дозорный сообщал о приближении мордвы. Все замерли.

Вот показались и мордовские дозорные. Естественно их насторожил взбитый копытами наших коней снег на сходе дорог. Они остановились. Оглянулись. И в этот миг просвистели арканы, спешившие их. Во мгновение ока мордовские дозорные, связанные, вместе с конями были уведены в лес.

Показался основной отряд. Впереди ехал молодой предводитель, очевидно, их князь, окруженный полукольцом лучников. Все они были в кольчугах, с нашитыми на них распиленными поперек копытами лошадей и коров. Поверх них были накинуты кое-как сшитые волчьи шкуры. А на головах, - похожие на наши, только грубо сработанные, - шеломы, натянутые на меховые шапки.

Старший мордвин тоже обратил внимание на взрыхленный копытами снег и поднял руку. Все всадники наложили стрелы на луки. И тут же над их головами просвистели полторы сотни наших стрел.

- Откуда и куда путь держишь, князь мордовский? – зычно крикнул Ондрей.

- Покажись сперва, чтобы поговорить, как ратник с ратником, – ответил молодой мордвин. Князь Ондрей стронул коня.

- Всем оставаться на местах! – негромко проговорил он. – Князь Ляксандр, если что, веди бой…

Он выехал на открытое место. Молодой мордвин сделал знак, и его ратники опустили луки. Он тронул своего коня навстречу князю Ондрею. Съехавшись с ним на расстояние десяти шагов, молодой мордвин перекрестился и вынул из-за пазухи большой нательный крест.

- Я – христианин! Крещен с именем Василий! – громко представился он. – И мои люди тоже – все христиане. Идем мы под руку Великого Московского Князя

Димитрия. Об остальном буду говорить только с ним. А теперь ответь, чьи вы, если ты, однако, честный князь.

- Что ж, искренность твоя похвальна. Мы – люди князя Данилы Пронского… Я – князь Ондрей…

- Брата моего крестного?! – вскинулся молодой мордвин.

- Вот как? Ну что ж, когда мои люди осмотрят твои повозки, ты сможешь доказать, что говоришь правду, встретившись с князем Данилой. И должен понять меня в моей предосторожности… Времена сейчас такие… - покачал головой князь Ондрей.

- В повозках – наши семьи, да отбитый у ордынцев русьский полон. Меня учили, что христианин не имеет права лгать. Смотрите! Проверяйте! - пожал плечами мордовский князь.

- Прикажи всем выйти из повозок! – твердо сказал князь Ондрей. Мордовский князь подал знак. Несколько всадников пустили коней вдоль растянувшихся на дороге арб, что-то громко крича на незнакомом языке. Оттуда высыпали бабы, отроковицы, старики и старухи, которые помогали выйти детям. Все они отошли от повозок на несколько шагов и тихо застыли. Многие крестились, шевеля губами. Князь Ондрей подал знак. Несколько наших ратников принялись осматривать каждую мордовскую повозку. Но все они разводили руками, не находя ничего подозрительного.

- Прикажи развести костры. Женки да дети зазябли. Сейчас подойдет князь Данила. – уже более мягко проговорил князь Ондрей и послал гонца сообщить, что мордва опасности не представляет. Спустя время и князь Данила показался на дороге со своей дружиной.

- Василий! – крикнул он и, подскакав, не слезая с седла обнял мордовского князя. - А мы уж приняли вас за ворога…

- Почти правильно приняли… Но не мы вороги, а дядя. - опустил голову князь Василий. – Потому мы и ушли под руку Москвы. Обиднее всего, что это предательство падет на голову всей мордвы…

- Ладно, - нахмурился князь Данила, - Об этом поговорим потом. А пока присоединяйся к нам. Мы тоже на Москву идем. Большое дело затевается.

- Дай, брат, людям отогреться! – поднял глаза молодой мордвин. – Сколько уж идем без привала.

- Ну что ж. Быть посему! – громко для всех сказал князь Данила. И подал знак на привал. Он видел, с каким удивлением я переводил взгляд с него на мордвина и, усмехаясь, пояснил: «Мой отец побратался с отцом Василия, во Святом Крещении Иоанном, крестил самого Василия… А отца его нашли в лесу с перерезанным горлом. Власть перешла к брату-язычнику, дяде Василия… Вот и вся история. Потому-то мы – крестные братья. Ты-то жил под Володимиром. До Москвы – рукой подать. А Пронск, как и Нижний Новгород – граница с ордой. Они всегда принимали первый удар. Потом – Рязань. А за ними и Володимир»…

На кострах уже кипел талый снег. Кашевары мешали уху из мороженной рыбы, наливали в плошки детям, бабам, старикам, наконец, ратникам. Сотники трапезничали в кругу своих сотен. Так что у костра мы оказались втроем: я, князь Пронский и молодой мордвин.

- Ну и что дядя? – спросил князь Данила, прихлебывая уху. Князь Василий сперва покосился на меня. Но, сообразив, что не стал бы крестный брат задавать ему таких вопросов при посторонних, грустно ответил: «С Мамаем он военный союз заключил».

- Ох! – только и ответил князь Данила. А мордвин продолжал: «Обещался вместе выйти на Нижний Новгород. Я выступил против… Едва ноги унес. Собрав своих людей, пошел к князю Димитрию. Все опасался, как бы погони не было. У меня-

то ратников всего две сотни. Остальные – бабы, старики да дети. Да полон, что отбили еще весной у какой-то шайки ордынцев. Но и в нем – одни бабы, отроки, отроковицы и дети… Не мог я их оставить дяде».

- Жаль мне его, дядю твоего… И Мамай погубит, и Нижегородский князь Димитрий Константинович… Тесть он Великому Князю. Кстати, привыкай так величать его в разговорах. А он не попустит обидеть отца жены. Боюсь, большая сеча предстоит. Не ведаешь ли, когда Мамай на Нижний собрался?

- Слышал, что к лету…

- Да-а-а, - протянул князь Данила, - Не успеть всех собрать для главной битвы! Но на все - воля Божия! Будем поспешать… Собирай, Василий, своих. Уходим.

Скоро пронская дружина, пополненная мордвой, двинулась в путь. Князья Данила, Ондрей, Василий и я ехали по-прежнему впереди. Обоз двигался в середине, окруженный ратниками. И тут нас догнал дозорный из десятки, прикрывавшей сзади.

- Верстах в семи отряд воинов в двести… Похожи на мордву… Но по одежке видны и поганые… Идут быстро, налегке. – выдохнул он. Князь Василий перекрестился: «Слава Тебе. Господи! А ведь это - дядя за мной погоню послал. А Господь послал мне тебя, брат Данила».

- Ну что? – усмехнулся тот. – Шуганешь их, князь Ондрей?

- А то! Князь Ляксандр! Не желаешь ли размяться? – снова повернулся он ко мне.

- С охотой! – я почувствовал, что кровь ударила в голову. Мы с Ондреем развернули коней. Он сделал своим ратникам знак рукой и поскакал назад вдоль обоза. Я – за ним. Кровь во мне бурлила. И вдруг, уже проскакав мимо последней повозки, сзади услышал, - или померещилось?! – голосок дочки Ольгушки: «Тя-а-атенька»!

Я мотнул головой: вот ведь пригрезится… Обернулся. Но конь нес меня уже далеко от обоза. К тому же, повозки загораживались двумя сотнями ратников, скакавшими следом за мной.

- Ну, держитесь, поганые! – скрипнул я зубами. И пришпорил коня… Мы подскакали к месту недавнего привала. Костры, притушенные снегом, еще слегка дымились и ярко чернели.

- Это привлечет их внимание… - раздумывал князь Ондрей. – Они остановятся… А тут – и наши стрелы.

- Ты уверен, что это действительно погоня? – спросил второй сотник.

- Поглядим… - перекрестился князь Ондрей, - Занимаем места, как в последний раз. С Богом!

Дружинники рассыпались по обочине. Невидные за деревьями, они вынули луки. От напряжения затаивалось дыхание. Послышался конский топот… Вот и всадники. Впереди скакали двое.

- Один – точно поганый! – шепнул я князю Ондрею. Тот скривил губы: «А другой – точно мордвин… И я его узнал. Ворог!»

Он достал лук, наложил стрелу и, бросив коня вниз с пригорка сквозь сосняк, на самом выходе из леса, выстрелил на скаку. Подстреленный прямо в глаз мордвин подбросился в седле и откинулся назад, на круп коня. Тут же моя стрела вонзилась в горло ордынцу. Обсыпанные стрелами, преследователи сразу потеряли половину своих. Остальное пролетело, словно охота! Окруженные и сбитые в кучу нашими ратниками мордвины и ордынцы даже выстрелить не могли. Поэтому и сыпались со своих низкорослых лошадок… Скоро все было кончено. Кровь на снегу еще дымилась. Раненных не было ни среди врагов, ни среди наших дружинников. Только первые лежали на покрасневшем снегу, а другие, - мы, - стояли вокруг.

- Хорошая пожива будет у волков и лис… - хохотнул кто-то.

- Собакам – и смерть собачья! – отозвался другой ратник.

Я посмотрел на Ондрея.

- Хоронить некогда! – бросил он, пряча глаза и вскакивая в седло. - Да и земля мерзлая…

И пустил коня вскачь в догонку пронской дружины. Мы все последовали за ним.

- Похоронили? – спросил князь Данила, когда Ондрей рассказал ему все.

- Что ж, у нас вместо мечей лопаты на поясе? – резко ответил тот. Но тут же добавил: «Прости, грешен… Злоба взыграла, месть»…

Князь Данила только покачал головой. Перекрестился…

- В Рязань заходить будем? – спросил я, чтобы хоть как-то снять напряжение. – Мороз-то крепчает…

- Не люблю я Олега Рязанского! – мотнул головой князь Данила. - Ну, да делать нечего. В обозе детки, бабы старики… Им тепло нужно… К тому же Олег в орде сейчас. Поди, кумыс пьет. Думаю, что посадник примет. Соседи все-таки! А вон – и село. В нем ночуем. Посылай Ондрей своих, чтоб распределяли, кого – в какую истбу.

Тот свистнул. Двое десятников подскакали, и вскоре вместе со своими ратниками уже мчали в сторону чернеющих вдали на белом снегу маленькой церквушки и больших добротных пятистенков.

Когда в село вошли мы с обозом, седой с длиннющей бородой старик в накинутом на плечи тулупе уже говорил что-то мужикам и бабам, обступившим его. Последние подбегали к повозкам. Принимали самых маленьких на руки, и, оборачиваясь, звали остальных за собой в истбы. Ратники разводили костры прямо во дворах, доставали съестное, ставили котлы, наполненные водой из колодцев.

Длиннобородый старик подошел к князю Даниле, поклонился в пояс: «А тебя, светлый князь, прошу пожаловать ко мне в истбу. Ее человек на пятнадцать-двадцать хватит… Я – здешний староста. Князя-то нашего убили поганые… Так что мы - как бы и ничейные теперь… Терем княжий сожгли… Женку и деток в полон угнали… А здесь теперь только те, кто успел убежать в лес… Да беженцы из других, пожженных сел, да деревень… Слава Богу, наши истбы не сожгли… Гроза началась… А им, видать, не досуг было».

- Спаси тебя Господи, отец! – положил ему руку на плечо князь Данила. – Баб с детками, да стариков устрой в тепло. А мы потрапезничаем, да, помолившись, прикорнем на сеновалах. А зябко станет, к кострам спустимся.

- Нет-нет! – твердо ответил старик, покачав головой. - Изволь в истбу пройти. Не княжье дело на сеновалах спать. Я и хозяйке своей велел уху ставить. Вы ж с дороги. Так что в пост и рыбки позволительно…. А пожелаешь, так и баньку истопим…. А на баб, деток, да стариков места хватит. Я уж все назначил.

Князь Данила усмехнулся и, кивнув нам, пошел за стариком. Мы последовали за ним. Вдруг Ондрей остановился.

- Князь, - крикнул он, - дозволь мне со своей сотней остаться?

Старик, обернувшись, ответил за князя Данилу: - Ратники, родимый, тоже в истбах ночевать будут. Не на печи, конечно, а на полу. Зато в тепле. Так что, иди за стариком, уважай седину.

Ондрей пожал плечами и пошел с нами. В широкой истбе было жарко. У огромной печи, - человек на десять, - суетилась старуха. Молодая баба накрывала на стол, уже частично заставленный разносолами. Помолившись, все сели. А когда похлебали ухи, да съели по стерлядке, услышали громкий, отрывистый стук в двери. Старик кивнул молодухе, и та побежала открыть.

- Князя Василия просят. – переговорив с кем-то за дверью, сказала она. Тот встал, вышел. Скоро вернулся.

- Князь Данила! Там одна баба из наших что-то непонятное глаголет. А с ней малая из отбитого нами полона. Плачет, кричит «тятя, тятя…». - покачал он головой. Мурашки пробежали по моей спине, а в голову ударила кровь…

- Господи! – обернулся я к образам в красном углу и перекрестился.

- Впусти! – повелел князь Данила.

Первой в истбу вошла полная пожилая баба, за ней молодая мордовка… И не успели они открыть ртов, как из-за их спин выскочила … моя Ольгушка, доченька, вся чумазая, выросшая… Со слезами и криком «Тя-тень-ка!» – бросилась к мне… Я рухнул на колени перед ней, принял в себя ее дрожащее от рыданий тельце, обхватил и заплакал сам… Мы с ней целовали друг друга в щеки, волосы, в глаза, в уши… Она все причитала: «Я тебя сразу признала, когда ты мимо проскакал… Кричала, кричала… Ты обернулся и не увидел… А я кричала… А мне говорили, что обозналась… Где ж ты был родименький?!... Как же нам было без тебя тошнехонько»…

Когда я пришел в себя и обернулся, все стояли перед образами, шевеля губами.

- Прости, князь Данила! И вы братия и хозяева! – поклонился я вставая. – Дочка это моя, полоненная погаными… княжна Ольга!

- Бог простит… Хотя нет в тебе вины перед нами… Дело понятное… Мы на воздух пойдем. Надо поглядеть, как люди устроились. А вы тут поговорите. – встал он, кивая другим. Когда мордовский князь Василий проходил мимо меня, я остановил его, взял за рукав и сделал земной поклон: «Спаси тебя Господи! Теперь должник я твой».

- Да ладно! – поднял он меня. Мы похристосовались. Когда все вышли слезы опять брызнули из моих глаз.

- А где Георгий? – спросил я доченьку, опять прижимая ее к себе и целуя.

- В обозе он. Сейчас в крайней истбе трапезничает. Я ему говорить пока не стала. Боялась, что в самом деле обозналась.. Хворал он сильно, когда.., - она отвела полные слез глаза в сторону. - И если б не мордвины, добили бы его поганые… Едва шел…

- Что «когда»? – опять озноб пробежал по моей спине.

- Когда маменьку … зарубили…. Поганый ордынец на одном из привалов схватил ее и потащил куда-то. Она успела выхватить у него из-за пояса нож и воткнула ему в грудь… Тогда другие подскочили и мечами посекли ее… - зарыдала Ольгушка. А я опустился на пол… Слез не хватало… Перекрестился… Мотнул головой… Стоял на коленях, обнявшись с дочерью. И мы оба молча плакали.

- Ну ладно, ладно. - наконец, немного пришел я в себя и вытер ладонью ее личико. - Будем жить! А маменьке – Царствие Небесное. В ближайшей церкви закажем панихиду.

А у самого сердце, казалось, было порублено мечами, которыми засекли жену. «Не искупить вам этой крови! – врезалась мысль, - Пока последнего ордынца не зарублю, не искупить…»

Я сидел на лавке, обнявшись с дочерью, и мы оба молчали… Молчали о прошлой жизни, об убитых ее деде, и бабке, моих родителях, о зарубленной жене – ее матери… О жизни будущей… Наконец, я отстранил ее, и ласково шлепнув, повелел: «Зови Георгия!»

- Да, тятенька, сей час! – и она выбежала, хлопнув дверью. В истбу вошли князья Данила, Ондрей, Василий, двое сотников и староста.

- Помоги тебе Господи, князь Ляксандр. Укрепи тебя! – вздохнул князь Данила. И тут без стука в дверь влетел Георгий: «Отец!»

- Ты что это? – одернул я угловатого, худого отрока. - Здесь князья стоят! Не учил ли я тебя, как входить?!

- Прости! Дозвольте, князья, с отцом поздравствоваться? – поклонился в пояс он.

И опять в моих глазах стояли слезы. Я взглянул на князя Данилу. Тот улыбнулся. Кивнул.

- Говори, сын, - сдерживаясь, сказал я.

- Маменьку…

- Знаю…

- Я… мне-то что делать?

- Пойди, проверь, задан ли овес нашим коням. - я отвернулся, чтоб сдержать слезы. И продолжал: «Благословишь ли князь Данила выдать отроку колчугу и поставить на обучение?»

Тот улыбнулся: «Бог благословит отрока. Князь Ондрей! Не возьмешь ли в свою сотню?»

- Отроком? С любовью! – отозвался тот, пряча улыбку в усы и бородку. Я подошел к сыну, обнял его. Трижды поцеловал. Перекрестил: «Все знаю. Ступай. Служи».

- Воина растишь? – спросил князь Данила, когда Георгий вышел.

- Воина. - кивнул я. - Защитника Русьской земли.

- Староста! – вдруг вскинулся князь Данила. – Повели-ка княжну Ольгу разместить соответственно чину!

Я благодарно взглянул на него. А он продолжал: - По этому поводу можно и меду выпить. А? Князь Ляксандр! Тебе наливать!

Староста принес полную деревянную братину, увешанную малыми утицами. Мы подняли их.

- Слава Тебе, Господи! – произнес князь Данила.

После трапезы я накинул на плечи шубу, вышел на крыльцо. Постоял, глядя в небо… Где-то там Еленушка… Видит, поди, и радуется… «Вещий сон!» - вспомнилось вдруг.

На столе Анимаиссы в редакции, как всегда был «рабочий безпорядок». Полосы старой верстки были перемешаны с какими-то письмами, рукописями, отпечатанными на редакционных бланках материалами.

- А, это ты? – тряхнула она своими роскошными волосами. – С тебя причитается! Я для тебя такую фактуру нашла! Представляешь?! Сцена! А на ней – бас! Да какой! А это - всего лишь слесарь локомотивного депо! И производственник хороший! А после смены идет в народный оперный театр Центрального Дома Культуры железнодорожников и поет Мельника в «Русалке», Ивана Сусанина, Бориса Годунова, князя Игоря… А? И как раз - по твоей части! Вот. Возьми и проведи какую-нибудь параллель. Поиграй переходами от производства – к самодеятельности и обратно! Ох, и материальчик может получиться! Пальчики оближешь! А самое главное. – здесь как раз то, о чем говорил отец Валерий! Врожденная культура Русского народа!.. Менталитет!

- Можно от тебя позвонить? – перебил я ее.

- Через «девятку»..,- хихикнула Анимаисса, – Девушке?

- Другу! - вскинул я брови. – В ЦДКЖ! Хочу сам узнать все исходные данные: когда ближайшая репетиция и так далее. Как, говоришь, фамилия твоего баса? Антохин?

Я набрал номер телефона информационно-издательского отдела: «Алло! Людмила Петровна? Здравствуйте. Это – Александр. Не забыли? А Женю можно к телефону пригласить? В командировке?! Тогда, может быть, вы поможете мне?»

И я пересказал суть вопроса, по которому звонил. Записал все исходные данные и телефоны репетиционных народного оперного театра. Позвонил туда.

- Оперативно! – всплеснула руками Анимаисса.

- У тебя учусь! – улыбнулся я.

- Льстец! – засмеялась она в ответ. – Но и я могу тебя обрадовать: шеф выписал тебе постоянное удостоверение внештатного корреспондента…

И она достала из ящика стола красную книжечку с золотистыми буквами «ПРЕССА».

- О-о-о! – не нашел я слов.

- Я же говорю: с тебя причитается…

- Пост! Анимаисса!

- Да я же шучу! Отметим все вместе на Рождество…

- Лады! Ну, я побежал…

- С Богом! Только не забудь, что материал – для производственного отдела.

Я уже изучил запутанные коридоры «Гудка» и легко преодолел их лабиринт. Минут через сорок я был в ЦДКЖ. Навестил Галину Евсеевну и весь информационно-издательский отдел. Отрекомендовался, как журналист. Попросил совета. Лидия Петровна и Галина Евсеевна как-то странно переглянулись и посоветовали мне для начала зайти к заместителю директора по художественной части и самодеятельности Якову Михайловичу Шнейдерову.

Я так и сделал. В огромном, – больше директорского, - кабинете, куда я, постучав, зашел, за огромным под стать кабинету столом сидел большой, очень полный, добродушный старик со слегка обвисшими щеками, седой шевелюрой и голубыми маслянистыми, сильно выпученными глазами. «Наверное, базедовая болезнь» - подумал я и представился. Яков Михайлович улыбнулся, но внимательно прочитал мое удостоверение.

- Милости просим! – протянул он руку и энергично для своего грузного телосложения потряс мою.

- Итак, дорогой Александр, - я буду просто, без фамильярности: вы же мне, наверное, во внуки годитесь!.. Итак, позвольте я для начала проведу небольшой экскурс по всем нашим коллективам художественной самодеятельности. И вдруг, - хотя в этом нет особой нужды, - вам захочется написать еще о ком-нибудь. Повторюсь: нам нужды особой нет… Но нашим артистам, художникам, музыкантам будет приятно прочитать о себе на страницах любимого «Гудка». Так вот, здесь у меня на стеллажах, - он обвел рукой свой кабинет, - представлены практически все наши коллективы. И знаете, семьдесят процентов в них – железнодорожники… Запишите-запишите! Это очень красноречивый показатель. Скажу больше: нередки случаи, когда нежелезнодорожник приходит в нашу самодеятельность и после некоторого времени меняет профессию, - идет работать на железную дорогу! Вот, например, иллюстрированные афиши наших народных театров: драматического и оперного. А это – бального танца! Согласитесь, не каждый областной театр может похвастать такими афишами!

Я не успевал, кивая, соглашаться…

- А вот, - развернул он меня, - три лучшие картины наших лучших самодеятельных художников. Как вам это нравится?

С одного холста в золоченой раме на банной полке сидела толстая голая баба… Другая, столь же отталкивающая, - только своей худобой, - стояла спиной к зрителю. Подняв одну руку и плотоядно улыбаясь, другой она хлестала себя по боку веником… Третья стояла боком, низко нагнувшись над тазом, в котором мыла голову. И в тоже время она как-то неестественно поворачивалась к зрителем… задом.

- Картина называется «Русские грации». - пояснил Яков Михайлович. И, закатив глаза, добавил: «Примитивизм похлеще французского. В лучших традициях

лубка! Так сказать, связь времен! А вот портрет дважды Героя Социалистического Труда Семенова. Мастерству нашего самодеятельного живописца сам Налбандян может позавидовать!»

С портрета, каких много в «галереях славы» разных сельских клубов, грустно смотрел старик в новеньком синем мундире, белоснежной рубашке и галстуке. А фоном ему служили стоящие позади паровоз, тепловоз и электровоз.

- А вот еще шедевр, на мой взгляд! – восторженно-добродушно повернул меня за плечо Яков Михайлович… На инкрустированном маленьком, но высоком столике едва помещалась …голова старика-корня, косматый подбородок которого подпирался такой же рукой-корнем. А вокруг его по-змеиному обвилась вырезанная тоже из корня… волчица. Все это было покрыто иссиня-темной морилкой и лаком.

«Вот и свиделись!» - как показалось мне, усмехнулась голова. Внутри у меня все дрогнуло. А Яков Михайлович продолжал: «Каким же надо быть романтиком! Ходить по выходным дням в лес, выискивать, высматривать, потом тащить эдакую тяжесть домой! И вечерами, после смены вытачивать каждый корешок-волосок! Каким художественным чутьем надо обладать, чтобы в грязных корявых корнях увидеть то человеческий лик, то какую-нибудь причудливую зверюшку! Вот какие люди у нас на Советских железных дорогах работают… Не люди! Гиганты! А теперь, Александр, пожалуйте взглянуть на достижения нашей студии технического моделирования. Здесь у меня от первого паровоза Уайта до локомотива будущего.

Он подвел меня к большому макету ландшафта, пересеченного железнодорожными путями, со станциями, тоннелями, мостами, фигурками людей, животных, реками, озерами, рощицами. На путях стояла целая коллекция паровозиков, электоровозиков, тепловозиков, дрезин, вагончиков разных веков. Заметил я и игрушечный бронепоезд времен Гражданской войны с надписью «Товарищ Свердлов»… И вдруг вспомнил, что тезку бронепоезда зовут тоже Яков Михайлович…

- А ведь все работает! – энергично воскликнул хозяин кабинета и нажал какую-то кнопку под макетом. Все модели задвигались, засвистели, запищали колесиками… Опускались и поднимались семафоры, переводились стрелки, из будок, словно кукушки из часов, выскакивали игрушечные стрелочники и заскакивали обратно после того, как очередной поезд проскакивал мимо….

- Да! Вот это мастерство! – искренне восхитился я.

- Пять лет студийцы работали над этой красотой! – похлопал ладонью по краю макета Яков Михайлович. И выключил кнопку. Модели замерли. А он продолжал: «Есть и другие коллективы художественной самодеятельности. Народных инструментов, например, симфонический оркестр, ансамбль баянистов. Я список вам приготовлю».

- Я восхищен, Яков Михайлович! - искренне пробормотал я. – Но у меня конкретное редакционное задание…

- Да-да, я помню. – взял он меня под руку. – Сейчас как раз начинается репетиция. Я просто старался занять ваше драгоценное время. Знаете, у нас такой коллектив культработников! Я вас умоляю! Мы всегда рады гостям и не позволяем им скучать… Пойдемте! Там как раз новую постановку готовят: «Фауста» Гуно! И герой вашего будущего очерка поет Мефистофеля.

Уходя из кабинета, я обернулся на голову старика-корня. И вдруг мне показалось, что она ухмыльнулась, а волчица оскалила зубы…

- И вообще, знаете ли, - говорил Яков Михайлович, ведя меня по коридорам, - символом какого-нибудь коллектива художественной самодеятельности я хочу сделать ту композицию из корней. Помните, - лицо старика и волчица… А называется она «Сказка вечности»… О! Вы вздрогнули! Значит действует. И вы со мной согласны, поддерживаете меня…

Подходя к кулисам, я услышал густой бас: «Сатана там правит бал…»

Красивый, ровный голос!

- Слышите? – шепнул Яков Михайлович, - Прямо – Штоколов! Или Михайлов! А ведь никакой консерватории не кончал! Самородок!

Мы стояли за кулисами и слушали… Вдруг Яков Михайлович встрепенулся. С легкостью невероятной для его грузного тела, захлопал в ладоши и вышел на сцену.

- Стоп! Стоп! Стоп! – закричал он, обращаясь к герою моего будущего очерка. «Я не верю, что ты – нечистая сила! Но неужели трудно ею побыть?! Пойми! Это – сила, которая стремиться делать зло, а делает добро! Это – истинное добро! Это не врач, который приносит боль скальпелем, чтобы исцелить пациента… Это добрый волшебник, целитель, снадобье которого сладко! Так побудь же силой зла! Скажи: «Зло! Я хочу понять, познать, принять тебя!».. Ты прочитал «Фауста» Гете? Что? Ничего не понял? Так вот, я тебе и объясняю…».

- Хотя это – ваша работа, Гаврила Маркович! – крикнул он в незримую темноту зрительного зала. И на сцену поднялся худой и гибкий, высокий старик с яркой бабочкой и тростью.

«Боже мой! – подумал я. - Никогда не встречал таких допотопных господ!»

- Гаврила Маркович! Вы – образованный человек! И ваша обязанность – прочитать «Фауста» нашим артистам, объяснить им их роли… А где Фауст?

- Здесь я, - поднялся, сидевший до сих пор в тени чуть полноватый пожилой человек. Слегка сутулясь, он подошел к Шнейдерову.

- Нет, вы только посмотрите на него! - картинно ссутулился и вогнул внутрь плечи Яков Михайлович. - Ну какой же ты Фауст? Фауст – гордый! Он осознает себя великим ученым! Ал-хи-ми-ком! Ученым, способным из свинца сделать золото, двигать горами силой своего разума. Люди для него – мелкие букашки… Ну скажи, разве придет Мефистофель к мелкой букашке, к какому-нибудь самоуничижающему себя святоше?! Нет! Он придет только гордому человеку, который сумеет, благодаря своей гордости и желанию, стать еще более великим, понять и принять эту великую силу зла!.. Чтобы творить добро! Своим гордым величием осчастливить человечество! И он знает, какое добро нужно человечеству! Зна-а-ет! Знает, что достоин красивой молодой женщины, многих денег и других благ и удовольствий этой жизни. Подумайте все над этим…

Яков Михайлович даже раскраснелся. Достал из кармана и проглотил какую-то таблетку, поморщился.

- Вот она – работа культпросветчиков! – обернулся он ко мне, - До боли в сердце!

Какое-то непонятное, но и не очень доброе чувство возникло во мне. Словно не он, а я проглотил противную пилюлю.

- Так! – повернулся он снова к сцене, - Антохин! Тут к тебе корреспондент из «Гудка». Когда отработаешь, подойди к нему и ответь на все вопросы.

- А вы меня простите! – вновь крутанулся Яков Михайлович ко мне. – Дела, знаете ли! Хотя с другой стороны, вы помогли мне выполнить одну из безчисленных моих обязанностей: проверку и оказание методической помощи коллективам художественной самодеятельности и наиболее талантливым их участникам. Надо не забыть сейчас вписать в отчет… Благодарю.

И он скрылся в темноте кулис.

… - Ну что мне про себя рассказывать? – отвечал мне Вячеслав Викторович Антохин, когда мы после репетиции сидели на банкетке в светлом фойе второго этажа. – Обычный я человек. Самый обыкновенный. Женат. Двое детей. Работаю слесарем в депо. По вечерам и в выходные дни сюда хожу. Пробую петь… Вот и все.

Он опустил глаза в пол, показывая, что и разговор-то можно заканчивать.

- А где ваша жена работает? Как зовут? – спросил я.

- Вера-то? На ТЭЦ, диспетчером. Сутки работает, трое отдыхает. – ответил он как-то даже безучастно.

- А как к вашему творчеству относятся в семье?

- Хм… На спектакли-то они ходить любят. Всю родню и соседей приглашают. А вот, когда прихожу домой поздно, после репетиций, ворчат… - вдруг улыбнулся он, словно вспомнил что-то хорошее.

- Какие роли наиболее любимы вами?

- Очень люблю Ивана Сусанина. Словно в воздух поднимаюсь, когда пою: «Чуют правду…». Князь Игорь, Мельник из «Русалки»… Все они свои, какие-то родные…

- А Мефистофель?

- Ой, только не надо писать об этом… Меня же сожрут здесь! Не нравится мне эта нечисть… Думаю, что бабушка в гробу переворачивается, когда пою. Меня ведь бабушка воспитала. Отец с матерью погибли… Сгинули где-то в лагерях. Накануне ареста отец отвел меня к местному попу, попросил отвезти к бабушке. Та в тридцати километрах от Рязани жила. Вот она меня и воспитывала. Водила в церковь… И даже свою фамилию приписала… Кум в сельсовете работал…

Вдруг голос Антохина как-то странно изменился. Он взглянул на меня. Как-то внутренне сжался: «Да, только потом, когда я в комсомол вступил, понял, что все это - предрассудки… А родителей сейчас реабилитировали. Так что не подумайте чего. Но все равно несуществующую нечисть играть не хочу. Противно… Только все-таки не надо об этом писать».

«Не умеешь ты врать!» - подумал я, но спросил: «А как же слова Якова Михайловича?»

- Это у него… - сценическое… – как-то неуверенно ответил мой собеседник.

- А как вы в народный оперный театр пришли? – переменил я тему.

- Да пел себе и пел. Дома, в гостях – за праздничным столом. У нас в семье все поют. А дочка, Галя, - ей еще десять лет было, - говорит как-то, мол, тебе, папка, только в Большом театре петь. Я тогда чекушку махнул. Ну хмель и ударил в голову… Потом еще пивком лакирнул… А что, говорю, и в опере спою. Утром проснулся, а Вера, Галя и сын Вовка смеются, мол, не раздумал еще в опере петь?! Но тут через несколько дней наших деповчан-передовиков в ЦДКЖ чествовали. Мы – всей семьей сюда. После торжественной части, как водится, - концерт. Выступали, конечно, певцы из народного оперного театра. Гляжу, наша нормировщица Клавдия Федорова Ольгу из «Евгения Онегина» поет. Я – к ней, за кулисы. Прослушал меня Гаврила Маркович. Говорит, мол, тебе и учиться не надо. Голос, говорит, - от Бога. Ну, я раз пришел, другой… Начал репетировать. Втянулся… Вы только про чекушку с пивом не пишите… Я ведь теперь вообще не пью. Ну, разве, после премьеры, граммов двести…

- Не буду, обещаю! – улыбнулся я. – Тут вот Яков Михайлович говорил…

- Ой, не до этого мне всего. - вдруг перебил меня Вячеслав Викторович. - Пою себе и пою. А движения по сцене мне Гаврила Маркович показывает. Я наизусть их и заучиваю. Знаете, когда поешь, кажется, что ничего на свете не надо. Иногда думаю, а не схожу ли я с ума….

- А на работе поете? – спросил, вспомнив про производственность очерка.

- На работе?.. Хм… Иногда. Объявят аврал. И просят мужики спеть, чтобы легче работалось. Особенно когда две смены подряд пахать приходится. Только об этом тоже не надо бы в газету!

- Нет-нет, не безпокойтесь! Давайте договоримся: я когда напишу, обязательно покажу вам. И все неудобоваримые для вас места мы вместе подредактируем? Лады?

- Согласен, – он улыбнулся второй раз за весь разговор.

- А не боитесь, что если Мефистофеля петь откажитесь, то из театра выгонят?

- Боюсь. Поэтому и буду петь. Спою как-нибудь…

«Бедный ты, бедный!» - подумал я и спросил: «Можно мне к вам в депо приехать, посмотреть, как вы работаете. Вы ведь – передовик производства. А мне поручено написать о вас именно для производственного отдела. Пение же ваше – духовная высота человека труда, передовика».

- А что смотреть-то? Работаю себе и работаю, – пожал он плечами. – Впрочем, приезжайте. Это тоже работа. Только ваша…

- Еще один вопрос: почему вам нравятся Иван Сусанин, Князь Игорь? – теперь пристально в его глаза глянул я.

- Простые они. Без выкрутасов. Таких людей и в нашем депо любят… Если кто сам, конечно, не выкрутасничает…

- Русские?! – не выдержал я. Он поднял на меня глаза, пристально посмотрел и вдруг сказал: «Не пойму я что-то тебя, паря! Вроде привел тебя Шнейдер, а говоришь ты… Провоцируешь, что ли? А я – простой работяга, как говорится, пролетарий…»

Я вспыхнул: «Ну уж если я провокатор, то ты просто трус! А ведь Бог-то, давший талант, за трусость и предательство может и отнять его»,

Я встал и, не прощаясь, пошел к выходу. «Что ж я натворил?! – думалось мне, - Не выдержал, сказанул… А он сейчас – к Шнейдерову. А тот – звонить в «Гудок». Да сам я – трус! Что? Неправду сказал? Сказал-то правду. Но разве так, как наставлял отец Валерий?! Горячий, как мальчишка! Ох, работать надо не только с журналистским материалом, но с самим собой»…

…Стрелки часов показывали, что всенощная скоро заканчивается. И я кинулся к отцу Валерию. Он исповедовал перед завтрашней Божественной Литургией. Я старался терпеливо ждать, но именно нетерпение разрывало меня. Кто-то тронул за локоть. Рядом стояла матушка Мария. Глядя на меня своими глазами цвета живого неба, она шепнула: «Молись!»

И отошла в полумрак храма. …Отец Валерий выслушал меня, помолчал, глядя вниз. Потом переспросил: «Вячеслав Викторович, говоришь? Лет сорока пяти-пятидесяти? Из деревни под Рязанью? Не могли так назвать тогда в простонародье младенца. Так называли больше в дворянских, интеллигентских недорасстрелянных семьях… Тем более – Викторович! Темнит он. Не доверяет. А стучать к твоему Шнейдерову не побежит. Сам боится. И правильно трусом ты его назвал. Может быть, пробудится… Хотя и не вина это его, а - беда! Их поколение, определенная часть, особенно если не мужчина, а женщина воспитывала, как начали дрожать с начала репрессий, так до сих пор и дрожат. Мол, вдруг вернутся те времена… За шкуру свою трясутся, а не за душу. А времена те вернутся! Обязательно! Только - с приходом антихриста. Впрочем. Об этом мы еще поговорим… Тебе же я советую съездить к нему в депо. Попросить прощения за «труса». И… прямо объяснить свою позицию. А Шнейдеров твой… Впрочем не будем судить: пост. Доводи дело до конца. Выполняй редакционное задание. Как христианин! Ступай с Богом!»

И благословил он меня. Следующие несколько дней дежурства сменялись перечитыванием «Фауста» Гете, «Слова о полку Игореве», которые я легко нашел в книжных шкафах Святослава. А вот поиск источников «Русалки» с ее Мельником, «Ивана Сусанина» привел меня в библиотеку консерватории, где пришлось воспользоваться своей новенькой красной книжечкой с надписью «ПРЕССА». И если вахтерши при входе, увидев золотистые буквы, чуть ли не вытягивались передо мной, то библиотекарь, - седенькая, маленькая, худенькая старушка, - долго рассматривала мое удостоверение. Потом, поборов усмешку, спросила: «Позвольте полюбопытствовать! Простите меня, старую, за это. Но все-таки мне не совсем понятно, зачем железнодорожной газете «Гудок» понадобились либретто опер?»

- Простите, как вас величать? - свою очередь, спросил я, лихорадочно ища ответ. Ведь объяснять причину моего интереса пришлось бы очень долго. И первое, что пришло мне в голову, это движение языком при сомкнутых губах: «Господи, помоги!»

- Величать меня Агния Вениаминовна. - ответила библиотекарь, как-то странно вглядываясь в меня. – Но вы простите великодушно за глупые женские вопросы… А не могла ли я видеть вас… на улице Неждановой, в… у… у отца Валерия?

- Видели. - улыбнулся я, неожиданно вспомнив, что она присутствовала в храме на общей трапезе. Правда, тогда была в платочке.

- Так что же вы, голубчик?! Я сей же час принесу вам нужные книги! – как-то радостно засуетилась она. – А вы пока устраивайтесь за столиком. Я дам вам старинные издания… Они полезнее. Но, к сожалению, на вынос мы их не даем. Сами понимаете! Издания редкие. Сами понимаете: народ сейчас разный здесь учится, к стыду нашему… Конечно, вам я доверяю полностью. Но порядок должен быть общим для всех!

- Простите, но, по-моему, вы мне не то принесли. - когда вскоре она появилась, взглянул я на обложку толстого фолианта с золотым обрезом. - Здесь написано *Жизнь за Царя*!

- Видите ли, - вдруг поджала сухонькие губы Агния Вениаминовна, - великий русский композитор Михаил Иванович Глинка именно так назвал свою оперу. Более того, в Костроме в свое время стояла колонна, увенчанная бюстом Великого Князя и Царя Михаила Феодоровича Романова, в подножье которой была изваяна фигура нашего национального героя Иоанна Сусанина, стоящего на коленях и накладывающего на себя крестное знамение.

- Простите мою серость, Агния Вениаминовна. - опустил я голову.

- Это не столько вина, сколько беда! – вздохнула библиотекарь. – Еще великий Пушкин сказал, что народ, не знающий своей истории, не имеет будущего…. Работайте с Богом, голубчик.

И она ушла в лабиринт книжно-нотных стеллажей. Я читал. И в моем мозгу, в сердце, во всем существе как бы сдвигались грани вселенной, оси вращения планет… Я поднял глаза. Передо мной сидел давно знакомый мне… Кто? Даже не помню! Он улыбнулся: «Ну вот, пробуждаешься! Если б ты знал, как я счастлив от этого!»

Однако с другой стороны от себя я увидел голову старика-корня. Его отдельно существующая рука делала мне какие-то знаки, а глаза метали красные искры. «Да он отвлекает меня этими примитивными фокусами!» - возникла возмущенная мысль. «Зачем такая глубина для обычного очерка?» - пробивалась сквозь нее другая.

Тот знакомый, близкий, кто сидел напротив, не оборачиваясь, сделал движение рукой: так, не глядя назад или в сторону, походя, закрывают жалюзи на окнах. Голова старика-корня исчезла.

- Работай-работай! – улыбнулся тот, знакомый, близкий. И… тоже исчез.

- Это же другая эпоха! – вспомнив князя Ляксандра, вслух подумал я.

- Что вы сказали? - старушка-библиотекарь, сидя за перегородкой, подняла голову.

- Нет, ничего… Простите, я просто вслух попытался провести аналогию между временами Царя Михаила и князя Димитрия Донского. – мотнул я головой.

- Простите и вы меня, старуху. Но людей надо называть согласно тому, к чему призвал их Господь. Не Царь Михаил, а благоверный Великий Князь и Царь всея Руси Михаил Феодорович. Не князь Димитрий Донской, а благоверный Великий Князь Димитрий Иоаннович Донской. Было бы вам обидно, если б кто-то назвал вас «какой-то имярек», да еще и в уменьшительном, а то и в уничижительным смысле? Вы же знаете: вначале было Слово. Побережнее надо бы со словом-то! Простите меня, старую.

Я сидел над фолиантом, делал какие-то записи, но думал и чувствовал, что рядом живет что-то, еще недоступное… Не за близкого по крови, а за «какого-то» мужика, которого, может быть и не видел никогда. Но который с радостью отдает себя под польские сабли. Откуда ж он знал, что подросток Михаил станет Царем?

- Александр, голубчик! – услышал я вдруг. - Вахтер приходил. Сказал, что все ушли… Мы – последние…

- Ах, простите! – вскинулся я. - Вам давно пора домой… Поздно… Позвольте, я провожу вас.

- Давненько меня никто не провожал! – куталась в старенькую полинявшую чернобурку воротника пальто Агния Вениаминовна. Я молчал. А что мне было ответить? Мы шли в сторону метро «Пушкинская» и прохожие видимо думали, что внук вывел прогуляться бабушку…

- Скажите, голубчик, - говорила Агния Вениаминовна, - открыли вы для себя что-нибудь новое?

- Да! – и вдруг мне захотелось разоткровенничаться. - Но только чувствую, что есть какие-то грани, недоступные для меня.

- Это – грехи. И ваши, и ваших ближних предков. - проговорила она, покачав головой. - Так у всех, - не только у вас. Сколько мы, бедняжки, наворочали?!

- Простите меня, Агния Вениаминовна, - набрался я смелости, - а кто в последний раз провожал вас?

- Мой муж! – вскинула она свое морщинистое личико вверх. - Перед Третьей Отечественной войной…

- Третьей? – удивился я.

- Ну как же, голубчик! – приостановилась от удивления теперь она. - Первая – с Наполеоном и двунадесятью языками. Вторая – с германцем в 1914 году. Третья – с гитлеризмом.

Я опять почувствовал себя двоечником.

- Идите домой, голубчик! – вдруг сказала библиотекарь, когда мы подошли к метро. – Вы устали сегодня! А мне – до Таганки – десять минут… Вам же еще много обдумать сегодня надобно. Да благословит вас Господь!

И она по-молодому сбежала в подземный переход. А я отправился домой. Снег летел и словно стая маленьких, белых птиц, клевал меня мокрыми, колючими искорками, игравшими в свете фонарей. Так же он, наверное, летел и при благоверным Великом Князе Димитрии Иоанновиче.

Дорога шла полем. Колючий мокрый снег обжигал, исклевывая лицо. Я то и дело скакал назад, вдоль растянувшегося обоза: посмотреть, как чувствует себя верхом среди отроков сотни князя Ондрея Георгий, и хорошо ли закуталась в тулуп Ольгушка… Она ехала в той же повозке.

- Не тревожь ты сердце, князь Ляксандр! - наконец не выдержал Василий. – Дочка твоя под присмотром исправной бабы. У нее у самой своих – трое. И без мужика который год наставляет. Не даст зазябнуть и захворать княжне.

…К ночи мы достигли еще одного большого села. Опять к нам выбежал староста, звал в свою истбу. Распределял по другим баб, стариков да деток. Устраивал ратников. Правда – на дворах, сеновалах, в сараях… Князь Ондрей сплюнул на закат солнца: «Не нравится мне этот староста».

- Вот поэтому в его истбе и заночуем. - раздумчиво произнес князь Данила. И добавил: «А ты лучших ратников отправь-ка в дозоры… Князь Василий, кликни кого-нибудь из своих стряпух. Пусть ухи наварят».

Потрапезничали молча. Хотя хозяин-староста, не переставая, причитал, что жизнь пошла совсем никудышная: кто бы не проехал мимо, все либо тихо воруют любое добро, либо силой отбирают! Хоть поганые, хоть свои гонцы, да малые дружинки, отряды… Или просто – разбойники…

- Все нынче так живут, наконец. - отрезал князь Данила. И приказал: «Спать! Завтра затемно уходим».

Все улеглись, не раздеваясь, на сено, расстеленное по полу широкой истбы. Но не успел я задремать, как из сеней послышался какие-то возня и шум. Глаза привыкли к темноте, и видно было, как из-за занавески выскочил староста и кинулся к дверям. Но, распахнув ее, отлетел до самой печи.

- Свет! – крикнул князь Данила.

- Да мы это, князь! Гонца перехватили! – послышался голос Ондрея.

- А ну, хозяин, затепли лучину! – опять прикрикнул князь Данила.

- Сей час, сей час! – голос старосты дрожал. Когда истба осветилась, мы увидели, что перед князем Ондреем и двумя ратниками ничком лежит молодой мужик в тулупе, валенках и треухе.

- Ну? – сел на лавку князь Данила, обращаясь к мужику. – Откуда будешь?

- Местный я, князь! – поднялся на колени тот.

- А куда путь держал?

- …

- Ну, мне плеть достать?

Мужик посмотрел на старосту. Князь Данила перехватил взгляд.

- Так… - тихо, но грозно промолвил он. - Не по твоему ли наказу, староста, ехал он? И куда? К кому?

Глазки старосты забегали…

- Ну?! Что молчишь? - привстал князь Данила, доставая из сапога плеть.

- Прости, князь! – бухнулся тот на колени. - Я ведь смерд подневольный! Велено мне господином моим воеводой Рязанским, наместником, оповещать его, когда обоз какой-нибудь или кто еще с добром идет по нашей дороге… Подневольный я! Не оповещу, так полсела выпороть прикажет. А меня – под лед…

- А что ж он с обозами-то делает? – прищурил глаза князь Данила, глядя в упор на старосту.

- А мне почем знать? – отвернул взгляд тот.

- Врешь! Пес! Забыли, видно, и ты, и твой воевода, что русские и христиане вы! – стукнул князь Данила по лавке втрое сложенной плеткой. За занавеской заголосили бабы… Вдруг одна из них, выскочив, бросилась на колени: «Не губи, кормилец! Житье тяжкое. Есть нечего! Вот и делится воевода тем, что приберет…».

- Как это – приберет? Разбойничает, стало быть? – вскинулся князь Данила. Все молчали. Староста и баба опустили низко головы.

- Где обычно воевода нападает на обозы? - смахнул князь Данила плошки со стола. Встал. Подошел к печи. Достал оттуда уголек. Протянул его старосте: «Рисуй дорогу! Где нас ждет засада?»

- Да какая же засада? У тебя, князь, эвон, сколько сотен… И в Рязани столько не наберется…

- Рисуй!

- Не губи! – ткнулся лбом в пол староста.

- Не губи! - вторила баба! – Все село спалит воевода, если выдадим место то.

- А как я спалю?! Если сейчас нарисуешь, губить не буду… А воеводе твоему это тоже не удастся! - всунул князь Данила в руку старосте уголек.

- Княже! Да что с ним толковать?! Поднимем сейчас все село, да на глазах у всех на березах разъимем иуду. Другие-то тоже ведают место засады. А увидят раъятого старосту, мигом откроют! – шагнул к стоящему на коленях князь Ондрей.

- Не губи!..

- Пощади!..

- Подневольные мы… - кричали выскочившие из-за занавески и попадавшие в ноги князю Даниле молодухи, отроковицы, отроки, дети…

- Что ж, ты ради своего воеводы - и чад своих не пожалеешь? Оставишь их без хозяина? – жестко усмехнулся князь Данила и в полный голос крикнул: «Рисуй на столе дорогу и место засады! Иначе… всех… Все твое иудино отродье!»

- Я нарисую! - подал голос неудавшийся гонец, которого все еще стоящего на коленях держал за плечо ратник.

- Не-ет! Нарисует староста! Вы ему власть над собой доверили. А он вас к Иуде, прямохонько в ад, где предатели обитают, властью своей ведет! Пусть же отвечает.

- Рисуй, тятя! А то и себя, и детей, и внуков, и нас всех погубишь! – крикнула одна молодуха. И все, выкатившиеся из-за занавески, стали вторить ей. Староста перекрестился на образа… А князь Ондрей хмыкнул: «Он, иуда, еще и святой крест на себя накладывает. Поганит! Сколько душ христианских по его доносу загублено!»

Князь Данила зыркнул на него, и тот замолчал. Староста взял уголек и нарисовал на столе кривую линию.

- Это дорога. - пояснял он. - Здесь она разделяется: вправо идет на Рязань. А прямо – на Москву. А вот здесь она спускается в небольшой овраг, оказываясь между холмами, и тут же слегка поворачивает. Деревья частью вырублены. Зато на вершинах схроны поставлены. Даже если из луков стрелять, - толку не будет. Лучников сквозь бревна схронов не достать. А спереди, из-за поворота уже конные нападают. Да сзади – отряд отрезает путь оступления.

- А как подойти к схронам с другой стороны? – спросил князь Данила.

- Трудно! – вздохнул староста. – С другой стороны их волки охраняют… Они потом и убитых пожирают…

- Что несешь? Я сказки про серого волка от бабушки слышал, когда младенчествовал… А теперь вышел из этого возраста! Какие волки? Как они могут охранять? – вскинулся с лавки князь Данила. Вдруг заговорила молодуха. Та, что убеждала отца рисовать: «Люди сказывают, что воевода – воеводой стал обманом, да колдовством. Женка, мол, у него – ведьма. С нечистью водится. А сама черной волчицей оборачиваться умеет. И ворожит… Воевода ее из чужой земли, откуда-то с юга привез… Только вы нас не выдавайте! Ради Христа!»

И молодуха вдруг заплакала она: «Итак детки пропадать в лесу стали, когда по ягоды или по грибы уходят… А иной раз и баба, или мужик не вернуться… Казалось недалеко уйдут… Но даже косточек потом не найти.

- Молчи! – вдруг прикрикнул староста… А издалека явственно послышался волчий вой.

- Свя-свят-свят! С нами Крестная сила… - закрестились, как один хозяева истбы.

- Господи! Услышала!.. Не жить нам теперь! – заголосила молодуха. Князь Данила усмехнулся и молвил помягче уже: «Молиться надо почаще, поститься… Или не ведаешь, что Господь наш Иисус Христос учил, что нечисть всякая молитвой да постом побеждается… Исповедоваться! Причащаться Святых Таин… Давно ль в церкви были?»

- Ой, давно! – всхлипнула молодуха. – Словно сила какая не пускает внутрь…

- Вот-вот, поди, и сама на Святках ворожишь… А этим ты от Бога, Его святой воли и Промысла отрекаешься. Как же Он тебя в Дом Свой пустит? – покачал головой князь Данила. И вновь обратился к старосте: «А тебе, старик, отмаливать, да отмаливать себя и сродников… Видишь, как по твоим грехам бабу Господь в храм не пускает?! Ты же, пособствуя убийцам, сам к этому греху причастен становишься. А там ведь, поди, и детки малые, в обозах-то были?! А их убийство на небо об отмщении вопиет. И отмщение, как говорят святые отцы, может быть до седьмого колена твоего рода. Или не жаль тебе внуков, да правнуков? А ну, как Господь «на нет» весь род твой сведет?! Где поп-то ваш?»

- В Рязань уехал. Воевода его вызвал. Князь-то наш, Олег, который год в орде живет! – как-то отрешенно, опустив голову, говорил староста.

- Ты не путаешь? Воевода вызвал попа или епископ? - сдвинул брови князь Данила.

- Воевода-воевода… Наш отец Григорий к епископу – ни ногой! Тот, говорит он, к бунту призывает против законной ордынской власти. А нам надо каяться, плакать о грехах… Смиряться! И быть довольными этим Божиим наказанием… Потому, как всякая власть - от Бога! Вот и сдружился он с воеводою. А тот ему еще на прокорм добавляет. То шубу, то рясу новую подарит.

- Значит, говоришь, нельзя бунтовать против орды? – спросил, глядя в пол, князь Данила.

- Не я это говорю, а поп Григорий наш… Но, ежели рассудить, в чем-то он и прав. Вот раньше, говорит, самый малый князь с десятком ратников на другого такого же шел. А те, что побольше – вообще воевали не прерываясь… Только бедствовали от этого мы - смерды! А как пришла, говорит, орда, перебила главных драчунов. Ежели ратуют нынче, то только большие князья. А нам что до них… Да и не часто дерутся… Наш-то больший князь Олег – в орде. А в Рязани кто? Э-э-э! – разговорился староста. - А в Рязани, нет, не воевода… В Рязани – наместник из орды! Люди только не знают пока об этом. Воевода же делится с нами за службу. И живем мы мирно! Вот если бы все большие князья, говорит поп Григорий, жили в орде под присмотром Великого Хана, а у нас на столах были бы его наместники, был бы мир по всей земле! А мир, что в семье, что в селе, что в княжестве – главное!

- Погоди-погоди! Как же это поп сдружился с воеводою-разбойником? Да еще с таким, у которого женка – ведьма! – мотнул головой князь Ондрей.

- А я почем знаю? Мы – народ темный! Нам дали попа. Вот он и служит. - пробормотал староста.

- Да! Служит! – встряла опять молодуха. – По большим праздникам! Да все – галопом! А, почитай все дни в Рязани пропадает. У воеводы гостит… Люди говорят, что и его ведьма опоила. Да сейчас всякому колдовству обучает…

- Ох, - тихо вздохнул князь Данила, поворачиваясь к Ондрею, - сдается мне, здесь - не только колдовство… Здесь идет обучение, как христиан православных к вражьей вере привести… Причем, используя Православие! Ладно, потом поговорим.

И теперь громко сказал: «Вот потому и говорю: молиться и поститься вам самим надобно. Чтобы Бог хорошего попа послал!»

Тут снова из сеней послышались шум и возня. Дверь распахнулась и трое дружинников внесли в истбу какого-то молодого мужика. Шуба, порты, валенки его были разодраны, лицо и руки – в крови…

- Вот, князь, подобрали на дороге. Конь его наполовину съеден… Волки, должно быть! Его тоже подгрызли… Но чудно: почему-то в живых оставили! - сказал один из ратников.

- Из язычников, похоже, - наклонился к бедняге князь Ондрей.

А я, приглядевшись, узнал: «Ратимир!»

Мужик приоткрыл глаза и вдруг громко запричитал: «Креститься! Креститься в Христианство хочу! Сей же час! Окажите милосердие! Окрестите в веру Московскую!»

И заплакал…

- Ну-ка! Взвара горячего ему! Да кровь оботрите, перевяжите, где надо! – прикрикнул на баб князь Данила. Те кинулись к Ратимиру, снимая с него обрывки шубы, валенок, вытирая кровь, поднося плошку с горячим питьем и прикладывая к ранам заваренную траву донника. Вскоре молодой язычник пришел в себя. Как оказалось, из его рассказа, скакал он в Москву по повелению своего князя Илгуса. Тот

выведал у полоненного сотника какие-то планы Мамая. Написал грамотку князю Московскому Димитрию…

- Великому Князю… - поправил его Ондрей.

- Да-да, - кивнул Ратимир. И продолжал. Он скакал долго. Поселения обходил стороной. И тут, доскакав до оврага, что в полупереходе, - полудня, - пути отсюда к Москве, на него напали волки. Много! Не меньше полусотни! А то и больше…

- Я вырос в лесу! – удивлялся Ратимир. - Но таких больших стай не видел никогда. И не слыхал, чтобы такие были… Да вместо вожака у них – черная волчица. Злющая! Извивающаяся, словно змеюка! И кровавая пена из рта капает… Окружили они меня… Сколько мог, до последней стрелы отстреливался… Потом рубил: В одной руке – топор, в другой – меч. Тут черная волчица изловчилась и, прыгнув, впилась в горло коня, пропустив все свое тело под его круп, одновременно лапами, раздирая брюхо… Конь рухнул. Я едва успел соскочить, чтобы не быть придавленным им. Ну все, думаю… Волков-то как бы и не поубавилось… Показалось даже, что стало больше. Приостановились… Сужают кольцо вокруг меня… А волчица нацелилась красными глазами прямо в грудь мне. Тут я вспомнил: грамота князя Илгуса зашита в нижнюю рубаху, как раз там, куда смотрит волчица… И взгляд, как у человека, только злобного человека! Ну все, думаю, не выполнил я княжьего повеления! Волки одновременно бросились на меня с разных сторон. Я отмахивался первое время… Они, отскочив, бросались рвать мясо моего коня, но их сменяли новые нападающие. Я терял силы… Едва сбрасывал с себя то одного, то другого… И тут я увидел подбежавшего христианского попа с окровавленным толстым колом в руках. Им он разогнал стаю. Только черная волчица долго не убегала, скалясь и рыча. Тогда поп перекрестил ее. Волчица завизжала и, поджав хвост, исчезла в кустах. А поп подошел ко мне. Сейчас, говорит, за тобой придут. Тебе, говорит, княжью грамоту везти надобно. А это – нешуточное дело. Это – дело всего русьского народа! И веры нашей! И еще, глворит, креститься тебе во Христа надобно!.. Тут он исчез… Я потерял сознание. Оно несколько раз приходило ко мне. И я уже чувствовал, что еду верхом, привязанный к чьей-то спине. Понял, что свои, русьские, везут меня. Окрестите меня во Христа! Ведь это Он спас меня!

Все присутствующие перекрестились.

- А что в грамоте? – спросил князь Данила.

- Не ведаю! Окрестите меня! - снова взмолился.

- Попа здесь нет! – покачал головой князь Данила, – Дождись до приезда в Москву.

- А без попа нельзя? Меня словно жжет что-то! – опустил голову Ратимир.

- Князь Данила! – вмешался я. - А нельзя ли по-мирскому? Ну, как младенцев слабеньких… Когда боятся, что не выживут… А в Москве – уже полностью!

Ратимир поднял глаза на меня: «Князь Ляксандр! Я же помню тебя. Ты же сотника нам привез! Окрести меня, как сказал».

- Да где же? Купели-то нет! – покачал я головой.

- В проруби! – хмыкнул князь Ондрей. Никто не ожидал, что Ратимир вскочит и завопит: «В проруби! В проруби! В проруби!»

- Да зябко же! – покачал головой князь Данила.

- Я завсегда после бани зимой в прорубь прыгаю! – не унимался Ратимир.

Бабы дали ему чистую белую длинную рубаху, валенки, на плечи накинули тулуп. На реке у проруби князь Данила читал на память молитвы. Я – Символ веры… Звонко в ночной тишине звучало:

- Во имя Отца! Аминь! И сына! Аминь! И Святаго Духа! Аминь!

Ратимир выскочил из проруби радостный, какой-то весь светящийся.

- Ты теперь – Роман! – строго сказал я. – И должен уважать, почитать и послушаться мне, своему крестному отцу в изучении Закона Божиего…

Молодуха надела на бывшего Ратмира медный крестик и перекрестила. До нашего выхода из села оставалось недолго. Но заснуть я не мог. Все думал, что ж за поп с окровавленным колом в руках разогнал волков?.. И вдруг!.. Я поднялся. Вышел на крыльцо… Увидев, что дружинник, стоявший на стороже зазяб, вошел в истбу, достал из печи еще неостывший взвар, налил в плошку и отнес ему.

- Спаси тебя Господи, князь, - крякнул он, согреваясь.

- Ты – один? – спросил я.

- Нет, у ворот еще двое.

- Скажи, чтобы кто-нибудь из них нашел и привел ко мне моего старосту Афанасия. Поди, помните старика, с которым я пришел?

- А то!.. Ляксий! – позвал он…

…Афанасий, почесываясь и позевывая, скоро явился.

- Почто звал, княже? – поклонился он, как положено. Я рассказал ему про попа с окровавленным колом в руках, разогнавшего волков.

- Ну-у-у! – крутанул головой Афанасий.

- А где матушка Агафья? – опять спросил я.

- Где ж ей быть? Сперва хотела в монастыре Пронском остаться, постричься в инокини. А потом все-таки решила с нами на Москву идти. Там будет ангельский сан принимать. И прислуживать нашей малой дружинке… В обозе она! – ответил Афанасий.

Утром, после молитвы я повел новокрещенного Романа по селу. Вскоре мы увидели, как у одних ворот Афанасий машет нам рукой. Там, в углу коровника ютились бабы и дети. Среди них была и матушка Агафья. Я вывел ее на двор и попросил Ратимира-Романа пересказать свое приключение и описать внешность попа. Услышав обо всем, матушка заплакала, развернулась, упала на колени прямо в снег, начала креститься: «Слава Тебе Господи! Угодил мой батюшка, супруг мой Тебе! Стал воином Твоим!»

Когда я вернулся во двор старосты, князья Данила и Ондрей стояли на крыльце и тихо беседовали.

- Князь Ляксандр! – поманил меня князь Данила. – Вот тут у нас возник спор: бить разбойников или тихо идти на Москву.

Я не успел ответить, потому что во двор вбежала Ольга. Но остановилась, увидев нас.

- А ну-ка, девица, подойди! – обратился к ней князь Ондрей и поднял ее на руки. Улыбнулся и спросил: - Скажи-ка, милая, как вот нам поступить?

И просто для детского возраста объяснил сложившееся положение. Ольга, задумавшись, сморщила носик. «Славный ты был отец!» - подумал я, но вслух сказал: «Ей-то зачем знать такое?»

- Погодил-погоди! – положил мне руку на плечо князь Данила.

- А что ж тут думать? – вдруг ответила дочка. – Надо отпустить гонца старосты к этому извергу-воеводе, а то он всю деревню пожжет за то, что не предупредили о нашем приходе. Пусть встает в засаде. А мы без него в Рязань придем… А вы, дорогие мои князья, идите прямо к владыке, да все расскажите ему. А там – как Бог даст. Ты же, дядя Данила – князь! Воля – твоя! Шел по дороге, думал идти на Москву, да передумал и свернул на Рязань. И кровь человечью проливать не придется…

- Истина глаголет устами младенца! – смеясь, князь Ондрей подбросил Ольгу вверх.

- Мудро и просто по-детски! – тоже улыбнулся князь Данила. Мы вошли в истбу. Староста и домочадцы стояли на коленях перед образами и молились. Когда за нами хлопнула дверь, все они обернулись.

- Ну, вот что, старик. - проговорил медленно князь Данила. - Посылай гонца к рязанскому воеводе, да пусть разукрасит поярче богатство нашего обоза.

- Да-к, ведь… - начал, было, староста…

- Посылай! – повысил голос князь Данила. - Ваше спасение в этом. А я поступлю по-своему, по-княжьи…

Староста, накинув на плечи тулуп, выскочил из истбы.

- Трапезу накрыть, кормильцы? – подскочила молодуха.

- Накрывай! – ответил князь Данила и сел за стол.

…Ровными рядами, между которыми ехали повозки, выходила дружина из села.

Утром в депо из начальства оказался только председатель профсоюзного комитета.

- Борис Леонидович, - представился он, когда я предъявил свою «ПРЕССУ» и объяснил суть редакционного задания.

- Хороший, добросовестный, непьющий. Примерный семьянин. Активный участник общественной жизни: в народной опере поет. - монотонно характеризовал Антохина председатель профкома.

- А можно мне пройти на его рабочее место? – спросил я.

- Конечно! Я провожу!

Мы шли мимо строений, обходили гудящие локомотивы, какие-то штабеля, огромные ящики, контейнеры, металлические конструкции. Встречавшиеся здоровались с Борисом Леонидовичем. Он всем пожимал руки, похлопывал некоторых по плечу, улыбался, бодрился…

В слесарном цеху я сразу заметил Антохина. Он что-то затачивал за верстаком. Увидев меня, сперва съежился, потом встряхнулся и сразу сказал: «Простите меня… Я, видимо, что-то не так понял в первую нашу встречу».

- Что это за «что-то»? - сдвинул брови Борис Леонидович.

- Нет-нет! Все нормально! Это мой, чисто производственный, журналистский вопрос…

- А… Ну ладно! - вздохнул он. – Не буду мешать. А ты, Викторыч, смотри, впредь все понимай, как надо! Все-таки, товарищ - из прессы! И план сегодня можешь не гнать.

- Пойдемте на воздух, – предложил Антохин.

Мы сидели в беседке, служившей крытой курилкой, и я понимал, что по производственным вопросам у меня не все удачно складывается.

- А вы напишите о наших авралах… Какое-никакое, но все-таки – сражение за честь депо, железных дорог, державы… И главное, практически все деповчане понимают. И если ворчат, то так, для виду. Работают, как для себя. – вдруг сам предложил Вячеслав Викторович. Я понял, что это самый удачный выход. Мы долго проговорили. Я не успевал записывать…

Прощаясь Антохин пожал руку: «Не судите строго. Все равно о моей прошлой жизни, о родителях, бабушке цензура не пропустит. Так что ж говорить об этом?!»

- Я и не сужу! – ответил я и ответил на рукопожатие.

…- А что?! Мне нравится! – воскликнул заведующий производственным отделом «Гудка», пробежав глазами очерк, когда я принес его через неделю. – Давай-ка, Аня, пройдись по стилистике. И – в печать!

Я был счастлив! Мы сидели с Анимаиссой в ее кабинете, пили кофе, когда раздался телефонный звонок.

- Господи! Не может быть! Господи, помоги! – вскинулась она, выслушав кого-то на другом конце провода. Повесив трубку, потемневшим голосом сказала мне: «Отец Валерий в больнице. Инфаркт. Это - Василько звонил».

Я перекрестился: «Как же так?! Здоровяк! Десантник!..»

- Василько ждет нас в храме, на всенощной, чтобы всем помолиться о здравии отца. - продолжила Анимаисса. И за полчаса до начала службы мы с ней уже подходили к нашей церкви. Многие духовные чада, стоя перед входом, бурно обсуждали случившееся.

- Вот, что я думаю. - поднял руку Василько. - Надо всем положить по три земных поклона, попросить при этом отца Григория помолиться в Алтаре. Всем исповедаться и, кто может, завтра причаститься Святых Таин.

Все одобрительно зашумели. И зашли в храм. Молодой священник, стоявший у свечного ящика, заулыбался, увидев в будний день столько прихожан. Выслушав Василько, он опять улыбнулся: «Ну что, мои дорогие, будем молиться вместе. Там, где двое или трое, там и Христос».

- Чему он радуется?! – шепнул я Николаю.

- Сам не пойму, - пожал плечами тот.

- Тому, что может занять место настоятеля! – прошептала Анимаисса.

Как-то вяло и в то же время наспех шла всенощная. А, может быть, я просто грешил на отца Григория, потому что привык к службам более опытного протоиерея Валерия?.. Прости, Господи. Мы стояли в очередь на исповедь. Василько предупредил меня, что жизненно важные вопросы следует задавать только духовнику, а на исповеди с другими священниками каяться, перечисляя грехи, и… все.

Перед нами стояла молодая пара. Женщина все время плакала, а муж ее, скучая, смотрел по сторонам. Во время исповеди, она опустилась на колени и разрыдалась. Отец Григорий зевнул, прикрыв рукой рот. Погладил ее по голове, плечам. Попробовал успокоить. А под конец, перебив, сказал: «Иди и не греши больше».

Мужа ее, разводившего руками и пожимавшего плечами, он внимательно слушал, кивал головой. Но перед тем, как накрыть епитрахилью, вдруг неожиданно громко, - слышали я, Василько, Николай, - напутствовал: - Дорогой мой! Уж ежели блудишь, делай это незаметно для жены. Смотри, как извел ее! И никогда в блуде не признавайся… Держи мир! Мир в семье – самое главное! Кстати, как там насчет машины? Последняя модель? Молодец! Матушка о такой давно мечтает! Спаси тебя Господи…

И прочитал разрешительную молитву… Я развернулся и ушел из очереди. Вышел на мороз. Следом выскочил Василько.

- Дай-ка сигарету! – голос его дрожал. – Этот грех - меньше, чем осудить священника.

Появился Николай.

- Подумать только! – всплеснул и он руками. – На каждом углу кричит, что потомственный иерей, а на блуд благословляет.

- Не осуждай его! – ответил Василько, глубоко затягиваясь, – Давай-ка, брат, водочки сегодня выпьем. Или коньячку?

- А давайте-ка, именно поэтому и не будем, – послышался позади нас голос Марии. Она стояла на самой нижней ступеньке входа в церковь: «Я тоже все слышала. Трудно не осудить. Но это – искушение… И нам ради отца Валерия, ради его жизни, здоровья, надо держаться подальше от грехов. Пост идет. А вы – водочки, коньячку…»

Василько подошел, обнял ее, поцеловал в лоб: «Воительница ты моя Христова! Молодец! Спаси тебя Господи! Отвела от греха».

И он сломал только что закуренную сигарету: «Как вот только теперь исповедоваться и причащаться?!»

- А знаете, - взбодрился и Николай, - читал я недавно, или слышал, что каким бы грешным священник не был, он все равно – только свидетель исповеди. Ведь искренность покаяния ведает один Господь… И Он при частном суде вызывает этого

свидетеля, может быть, со дна ада, чтобы тот засвидетельствовал исповедание грехов… Чистую душу исповедовавшегося Он берет к себе, а свидетеля может и обратно, на дно ада отправить. Да-да, один боговдохновенный батюшка говорил про такого свидетеля, мол наш Гаврила – хоть и «свиное рыло», но благодать священства на нем остается, пока он не извержен из сана.

- Да, - подтвердила Мария, - и я тоже то ли читала, то ли слышала, что если священник недостоин своего сана, то Ангелы Господни проводят Таинство Евхаристии…

- А не переначитались ли вы, богословы мои доморощенные? Не перенаслышались ли? - улыбнулся Василько. – Не знаю, как вы, а я буду исповедоваться только отцу Валерию или тому, кому он благословит. И причащаться – тоже.

- А это уже – попахивает сектантством, – услышали мы голос из-за наших спин.

Перед нами стоял молодой мужчина в серой импортной куртке и спортивной шапочке.

- Простите, что вмешиваюсь в ваш разговор, но вы, – обратился он к Василько, - по-моему мнению, путаете священника, выслушивающего исповедь и являющегося свидетелем оной, и молящего Бога о прощении грехов, с Самим Христом. А вот представьте, что умираете вы где-нибудь в Туруханских лагерях на нарах… И в вашем бараке есть один священник, - такой же заключенный. Он – великий грешник: растратчик, пьяница, блудник и тому подобное. Станете ли вы призывать его для последнего напутствия, если, конечно, он не отлучен от церкви и не извержен из сана?

- Это – исключительный случай! – помотал я головой, вспомнив, что и у стен храма могут появляться лукавые.

- И все же? – настаивал незнакомец.

- А вы кто? – спросил, в свою очередь Василько.

- Такое же творение Божие, как и вы.

- А не будете ли так любезны перекреститься и сказать: *Господи помилуй*!

- С радостью! – и незнакомец… испарился. Мы стояли ошеломленные…

- Чего это вы здесь столпились? – послышался вдруг голос матушки Марии. Всенощная полным ходом идет, так чего же здесь прохлаждаться? Прихожане даже заметили! Что позорите меня?

- Ма! - покачал головой Василько. Отвел ее в сторону и начал что-то объяснять.

- Ну, вот что! - покачала головой матушка Мария. – Слушать ничего не хочу! Если возникли такие вопросы, решить их может только духовник. Вот дождитесь, пока можно будет навестить его, и, если врачи разрешат говорить на такие темы, спросите! А сейчас – марш в храм. Не позорьте меня, старую грешницу.

Мы решили положить по три земных поклона за здоровье отца Валерия перед большой иконой Спасителя и затем вышли из церкви.

- И что теперь делать? – раздумывал по дороге к метро Николай. - Не хочу я к этому попу-новоделу ходить!

- Тебе же сказали, ты не к попу идешь, а к Богу… Мать сказала! Или дождись, чтобы спросить у духовника, - ответила Мария. И вдруг даже остановилась. Приложила ладони к щекам: «А если батюшка, не бай Бог, уйдет от нас? Ну… навсегда…»

- Бог не оставит. – перекрестился Василько. – Даст духовника.

- Василько! – кивнул я на Митю, который широко шагал за руку с Марией, стараясь подноровиться под нас. – А полезно ли ему все это слушать?

- Полезно-полезно! – отозвался Василько, – Пусть сызмальства будет воином Христовым. Таких сейчас даже среди нас, верующих немного наберется. Вон, как бегут к отцу Григорию… Он любой грех прощает… Даже смертный, словно старец какой… А служит-то всего второй год… И духовных чад себе тоже «настругал»… Ла-

а-аскательный батюшка! А духовником-то можно себя объявлять, послужив не менее десяти лет!

- Мой папа тоже всегда спорил с молодым отцом Антонием. - вдруг вставил свое слово Митя. - Тот сразу, когда приехал после смерти отца Иоанна, всем говорил, мол, если подопрет, согреши, потом покаешься… А папа говорил, что это – хула на Святаго Духа…

- А не из-за этих ли споров они с женой сгорели? – тихо спросил я у Василько, имея в виду, конечно, подвиг исповедничества родителей Мити, а со стороны других сил –… поджег.

- Бог ведает. - пожал он плечами. – Да только этот отец Антоний, как Митя рассказывали двух месяцев не прослужил в селе… Сбежал…

- Как так? У них же, как в армии! – недоумевал я.

- Нашел лазейку.., - опять пожал плечами Василько.

«Как ты сам… По болезни!» - съехидничала в моей голове мысль. «Там была другая ситуация» - ответила ей другая. «Тоже – результат идейных разногласий…» - не унималась первая. «Ага! Сколько лет Христианству, и сколько Советской армии, порожденной большевиками?» - утвердилась своим вопросом первая.

- А давайте за здравие отца Валерия молиться все вместе в одно и то же время суток… Я завтра и обзвоню тех из его духовных чад, кого знаю! – предложил Николай.

- Это – дело! – кивнул Василько.

- С нынешнего вечера и начнем. Давайте в двадцать два часа, – поддержала Мария, – и по три поклона.

Мы уже дошли до станции метро «Пушкинская», «Горьковская» и потому распрощались. Я опять спускался по Тверскому бульвару. Потеплело. Шел мягкий пушистый снег. Я снял перчатки, закурил… Так и не надел их, - сунул в карман. Вспомнилось, что дед, - полковник, - надевал перчатки только в самые жгучие морозы.

Вдруг я почувствовал, что в ладонь, опущенную вниз, кто-то горячо дышит… Даже мурашки пошли по коже… Я резко обернулся, и на плечи ко мне упали две огромные собачьи лапы, а в лицо из оскаленной пасти крупной с чрезмерно, как-то по-змеиному, вытянутой телом, черной овчарки, пахнуло смрадом.

- Не пугайтесь, молодой человек, не пугайтесь! Она вас не тронет! – услышал я. Ко мне спешил высокий старик с болтающимся в руке поводком: «Она не тронет вас! Это у нее - признак любви, доброжелательности. Собаки же чувствуют людей. Значит вы – человек добрый!».

И он прикрикнул на собаку: «Ельця! Фу! Ты напугала молодого человека своей любовью!»

Он был похож на постаревшего лет на сорок Шляховского. Овчарка тут же отпрыгнула и дала надеть на себя поводок.

- А вы, должно быть, из церкви идете, со всенощной? – вдруг спросил старик.

- Почему вы так решили? – ответил я вопросом.

- О-о-о! Молодой человек! Я столько прожил на этом свете, что легко отличаю христианина, возвращающегося со службы от любого другого. К тому же вас не так много осталось!

- А я подумал, было, что вы тоже не чужды Православной веры…

- Нет, у меня по-другому сложилась судьба… Но я столько лет терплю. Терпимость должна быть у каждого человека. И терпение… Не так ли учил Христос?..

- Странно! - не унимался я. - Иду от станции метро, а вы решили, что из храма…

- Вы просто проводили своих единомышленников после всенощной, а сами решили пройтись по… бульвару своего детства… - загадочно улыбнулся мой странный собеседник. Я снова взглянул на него. Даже слегка отшатнулся: «Откуда ему известны такие подробности?»

- Вы, должно быть, практикующий психолог? – спросил я.

- И это – тоже! – словно от удовольствия, закатил вверх глаза старик. «Господи! Да где же я его видел?» - сверкнуло у меня в мозгу.

- Бедная Православная Русская Церковь! Сколько простым ее прихожанам пришлось перенести! – продолжал, между тем старик, изредка поддергивая к себе поводок, - А все из-за кого? Из-за архипастырей и пастырей. Зажрались на народных харчах. Рыба-то гниет с головы… Как сейчас помню: попал я как-то на свадьбу. Ну, поели, попили, покричали «горько». А потом плясать пошли. Так поп, что венчал молодых, задрал рясу и – в круг. И давай девок, да баб щупать… Ну как после к такому идти. А ведь было-то это еще до революции. Потому-то и не хожу в церковь. Обратите внимание: на каких машинах архиереи разъезжают! А Сергий Радонежский пешком повсюду ходил. Даже до Москвы! Какая же это Церковь? Да, Ельця?

Собака, семенившая впереди, обернулась и взвизгнула.

- Вон, гляньте, и собака понимает. А ведь тоже - тварь Божия.

Что-то ненастоящее, актерское было в его монологе. И не то, что он говорил. А то, как он говорил. Не с горечью, которая подступила к моему горлу, а с затаенной насмешкой какой-то. Поэтому я даже не пытался что-то обратное доказать, мол, в стаде не без паршивой овцы. Мол, есть такие, про которого вы упомянули, но были и те, кто стал святыми… И сейчас, наверняка, есть, живы еще! И станут святыми! Поэтому, дойдя до Бронной, я попытался распрощаться.

- Ну что вы, что вы?! – воскликнул он. – Хотя я думал, мы с вами до Арбата пройдемся! Вы такой милый собеседник… Надеюсь еще увидимся! Ни пуха, ни пера!

«Эх! Послать бы его по поговорке!» - мелькнула мысль. Я обернулся, но к удивлению своему не увидел ни его, ни собаки. Вернулся на бульвар. На свеже выпавшем снегу виднелась только цепочка моих следов, уходивших вверх по аллее. И тут меня, словно кипятком ошпарило! Собеседник-то мой напоминал … старика-корня! А его черная, с вытянутым по-змеиному телом, овчарка – волчицу! Я поежился, перекрестился и прибавил шагу: завтра опять дежурить…

Когда я вошел в кабинет, на часах было без одной минуты десять… «Эх! Чуть не опоздал на общую молитву о здравии тяжко болящего батюшки!» - обожгла меня мысль. Я сбросил куртку на спинку кресла и встал на колени…

Дружина с обозом шли, не останавливаясь. Перекусывали на ходу краюхами хлеба и вяленой рыбой. Вот и развилка… «Прямо пойдешь – голову потеряешь..!» - вспомнились мне сказки, что рассказывала бабушка. Царствие ей Небесное. Прямая дорога шла к оврагу, где уже, должно быть, стояла засада. Поворот направо, – и до Рязани – рукой подать! Туда мы и направились. Скоро на снегу обозначились многочисленные конские следы, уходящие в виднеющийся справа лес на пригорке. Князь Ондрей показал на них плеткой и хмыкнул: «Всего-то сотен пять-шесть! Уже ждут. Эх, дать бы им сейчас в тыл!»

Князь Данила поежился в воротник шубы и твердо сказал: - Коли решено, менять не будем.

- Да я ничего! – пожал плечами князь Ондрей. – Я так, размышляю вслух…

Вскоре показались башни и стены города, а за ними – и купола церквей с венчавшими их золочеными крестами. Ворота были открыты. Туда-сюда сновали телеги и пешие крестьяне, странники, купцы, коробейники.

- Что у них тут, торговый день, что ли? – удивился я, глядя на груженые сеном, горшками, бочками, другой поклажей сани. Навстречу нам выехал всадник в тяжелом доспехе, очевидно начальник дозора.

- Кто такие? Да еще с такой дружиной, обозом? – крикнул он.

- Сосед ваш, князь Данила Пронский. Идем на Москву по делам торговым. Просим из милости ночлега. – ответил князь Ондрей, выехавший вперед.

- Князя нашего Олега сейчас нет в городе. Наместник-воевода в отлучке… - как бы оправдывался всадник.

- Доложи епископу! Дело у нас - и к нему. Мы и на монастырском дворе переночуем. Знаем странноприимство вашего владыки.

Вдруг из-за спины всадника появился молодой монашек.

- Владыко приглашает вас с братией в свои покои, князь Данила. И для тех, кто в обозе, и для дружины место ночлега всегда найдется в стенах монастыря. – поклонился он.

- Шустрый твой владыко! – громко хмыкнул всадник и, развернувшись, въехал в город…

- Как он может так, про епископа? – удивился князь Василий…

- А ты не слышал рассказ о том, что в Рязани творится? Какой здесь наместник? Рыба-то гниет с головы, – покачал головой князь Данила. Монашек взял под уздцы его коня и пошел к монастырским стенам. Во дворе обители мы спешились.

- Владыко хворает… Давно уж! – опять поклонился монашек. – Но просит оказать христианскую милость: посетить его, болящего. Я проведу вас к нему. А о дружине и обозе братия позаботится.

Мы вместе с сотниками прошли по длинным темным переходам. В широкой горнице за столом в старом подряснике сидел Рязанский епископ и что-то писал на ровном куске телячьей кожи. Мы все вместе сделали по земному поклону.

- Благослови, святый владыко! – обратился к нему князь Данила. Старый епископ поднялся из-за стола. Опираясь на посох, медленно и трудно подошел к нам. На бледном лице выступал пот и играл недужный румянец.

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! – тем не менее говорил он, осеняя каждого из нас широким крестом. Затем вернулся на свое место.

- На Москву путь держите? – тихо спросил он.

- Так, святый владыко. – опять поклонился князь Данила.

- Дело… Большое дело… А вот мы здесь - в разоре… Но, на все воля - Божия. Хочу просить тебя, князь Данила, о милости: передай одну мою грамоту митрополиту Алексию, другую – Великому Князю Димитрию Иоанновичу, – протянул дрожащими руками епископ два свитка.

- Все исполню, святый владыко! А вот что с воеводой вашим делать? – вздохнул он в ответ.

- Разор у нас. Ересь. Чернокнижие. Два заступника у Рязани: святитель Василий да князь-мученик Евпатий Коловрат. Сгорела, стерта с лица земли старая Рязань. Но опять грешат ее жители, переехав по Оке на семьдесят верст и возведя новую. Гордыни много… Забыли, как за разор и гордыню Бог наказал наших прадедов, навел Батыя… И снова Бог отворачивается от нас. А князь Олег наш из Орды не вылезает. Не верю я, что предатель он, супротивник Москвы. Однако, чем разувериться в этих слухах?! Ведь и княгинюшку, и деток поубивали поганые… Ну никак не мог он предать! Не мог! Сам его с малолетства пестовал. Значит мой грех, коли иудой выпестовал…

- Не могу судить, владыко! – сказал князь Данила.

- И то верно. Говорю не для того, чтобы пожаловаться на судьбу. За все благодарю Господа нашего Иисуса Христа! Говорю, как православным людям, дабы оказали милость, разделили мою тяготу по наказу святого святого Апостола Иакова, да помолились за меня грешного, да о спасении души князя Олега. Сердце болит за него, за всех людей рязанских. Тут еще этот… прости, Господи,.. всю власть себе прибрал… Но - не ропщу. На все воля Божия. А что идете под руку Москвы, - Бог вас благословит! Правое дело… На словах и перескажешь Великому Князю, что узнал, да увидел… Простите меня, старика! Немощен я… Хвор… Трапеза вам готова. Баня – тоже. А я пойду, отдохну… Дайте-ка, всех общим благословением…

И епископ, встав, еще раз перекрестил нас обеими руками.

- Грамотки-то не забудь передать, но только им лично, не через бояр. - обернулся он, уходя в низенькую дверь.

- Слушай, князь Данила, а не опоили ли его смертным зельем каким? – вскинулся князь Ондрей, когда епископ ушел.

- Вся братия тоже также грешно думает, – поддержал его монашек, который, оказывается, все это время стоял позади нас.

- Проводи-ка нас, - обратился к нему князь Данила, одновременно делая нам знак поотстать немного. Когда они отошли, монашек что-то тихо и жарко говорил. А князь Данила согласно кивал головой.

В бане задерживаться мы не стали.

- А где наши бабы, детки? – вскинулся вдруг за трапезой князь Василий.

- У нас тут за стеной, ближе к Оке, еще одна стена. За ней – женский монастырь. Всех туда сестры прибрали. Помоют, накормят. Не тревожьте сердец. Вкушайте, – ответил монашек.

Трапеза была постная. Редька, репа, капуста, грибы, квас. Но это – только на первый взгляд. Я поднялся из-за стола таким сытым, словно целого барана один съел, и парой цыплят закусил. То же самое светилось и на лицах остальных. В это время за окнами трапезной, на дворе поднялся какой-то шум. Все насторожились. Вбежал послушник и что зашептал на ухо нашему монашку. Князь Данила обернулся к нему: - Что случилось?

Тот ответил опустив глаза: «Там, на дворе, любимый сотник воеводы тебя, княже, требует видеть».

- Меня?! Требует?! – крутанул головой, хмыкнув, князь Данила. – Не что ж! Пост. Будем смиряться ради Христа…

И пошел на крыльцо. Мы все, конечно, последовали за ним. Выход из покоев епископа уже оцепила сотня князя Ондрея. А по площади гарцевал молодой дружинник в богато украшенных шеломе, доспехе и накинутой на них лисьей шубе.

- Что ты, ратник, имеешь сказать мне, князю Пронскому? – громко крикнул Данила.

- Мой воевода, посадник Рязани Евграф, просил тебя осчастливить его дом и трапезу своим присутствием? – ответил звонким голосом сотник.

- Сегодня поздно! Мы – с дальней дороги. Только что из бани. Завтра, после Божественной Литургии приходи. Проводишь нас к наместнику. – ответил князь Данила.

- Мой воевода передает, что просит прощения за то, что не встретил тебя, князь, как подобает твоему чину. Он на разбойников ходил… Столы завтра будут накрыты! – конь его сорвался с места и вылетел за ворота.

- Пойдете к нему, полезно будет взять с собой святой воды, да при первой возможности, окропить трапезу. – вдруг подал голос монашек, всюду сопровождавший нас.

- Спаси тебя Господи! – дернул головой от изумления князь Данила. А нас спросил: «Все слышали?»

И мы пошли по своим кельям, которые были приготовлены к отдыху. Но не успел я, как показалось, заснуть, Ивашка затормошил меня: - Князь! Пробудись! Звонят!

- Так, устали ж вчера! – зевнул я, поднимаясь.

- А то – другие не устали! – вдруг заворчал он, помогая мне одеться, – И уже все пошли на службу.

- Ты что это себе позволяешь?! – окончательно проснулся я. - Дай-ка лучше холодной воды умыться!

- Прости, князь! Не подумал! – полил он мне из кувшина.

- Думай в другой раз! – постучал я легонько согнутым средним пальцем по его макушке и тут же поцелован в нее: «Молодец! Вовремя разбудил».

Странно было видеть на Божественной Литургии так мало людей в Соборе.

- А где ж прихожане? – вырвалось у меня.

- Спят! – ответил молодой, небедно одетый мужик, стоявший рядом.

- А воевода, сотники, бояре? Купцы?! – удивился я.

- Воевода забыл, когда в последний раз в храме Божием был! – прозвучал ответ. - А рыба гниет с головы. За ней и все остальное. Считай - люди его.

- Княжьи люди! – возразил я.

- Давай молиться! Потом поговорим, ежели пожелаешь. – мотнул он головой. Я посмотрел на него, как князь – на смерда, но промолчал. Промолчал и он, поймав мой взгляд. После Божественной Литургии я задержался на выходе, сойдя со ступенек, желая еще раз взглянуть на моего собеседника. Хотелось поучить его, как подобает разговаривать с князем о княжьих людях. Но он вдруг вышел чуть ли не в обнимку с князем Ондреем. А за ними следовала красивая молодуха, вся облепленная детками – мал-мала меньше. И еще живулечку-грудничка несла она руках.

- Князь Ляксандр! – крикнул Ондрей, - Иди скорей сюда! С кем я тебя познакомлю. Я удивленно поднялся по ступеням.

- Вот! – похлопал по плечу моего недавнего недружелюбного собеседника князь Ондрей. - Это – Игнатий! Лучший во всей округе оружейник! Я специально сюда езживал, чтоб только ему мечи, топоры, кинжалы да колчуги для своей сотни заказать… А мудер-то он как! Мы с ним ночи напролет беседовали.

- А это, - указал он на меня, - князь Ляксандр из-под Володимира, мой соратник.

- Прости, князь, коли дерзко молвил! – поклонился вдруг в пояс Игнатий, - Да не от себя, от святых отцов узнал, что на службе церковной молиться надо, а не разговаривать да осуждать. К тому же, задел ты меня за больное место! Ведь все беды Руси нашей многострадальной – от того, что народ Бога забывает!

- И ты меня прости, Игнатий! – ответно поклонился я. Синие глаза цвета живого неба чистотой своей молча обличили меня в грехе раздражительности, и властолюбия.

- Ну, вот и ладно! – засмеялся князь Ондрей.

- Зайдете вечером на трапезу? – обратился теперь к нам обоим Игнатий.

… - Всем – в терем воеводы! – услышали мы рядом голос князя Данилы.

- Поосторожней там! Этот волк уже всех рязанцев заел, - тихо, только для нас двоих, промолвил Игнатий. – А пуще всего, - воеводихи опасайтесь. Она и опоить может. Нехристь! Волчица черная!

Мы с князем Ондреем переглянулись. Он, поискав кого-то взглядом среди выходящих из собора, кивнул. К нему подбежал один из десятников.

- Будьте наготове, при оружии! Мы все - в тереме воевод. - тихо сказал ему князь Ондрей. Тот согласно кивнул и быстрым шагом удалился. А князь Ондрей повернулся к Игнатию: «Живы будем, Бог даст, и коли князь Данила не накажет выходить сего же дня, придем обязательно… А может быть, и ты с нами на Москву пойдешь? Места в обозе хватит… Там такие оружейники как ты, ой, как нужны!»

- Да куда же мне с таким хозяйством?! – мотнул головой Игнатий на молодуху с детьми. - Хотя давно сидит во мне такая задумка… Бог даст, следом приду.

- С нами-то поспокойнее на большой дороге будет! – убеждал его теперь я.

- А инструмент? Кузня?..

- Что ж, мы тебе кузню купить не поможем? – опять заговорил князь Ондрей. - А инструмент твой да пожитки… неужто на одной телеге не вместятся?

- И-и-эх!.. – покрутил головой Игнатий и оглянулся на жену.

Та улыбнулась: «Куда ты – туда и мы! Господь не оставит!»

…- Князь Ондрей, князь Ляксандр! - раздался голос князя Данилы. Мы обернулись и увидели его и остальных сотников уже верховыми. Ивашка и Георгий держали под уздцы наших коней.

- Готовься! Я пришлю за тобой! – обернулся к Игнатию князь Ондрей. Сбегая со мной по ступеням. Мы взлетели в седла. Пока ехали, князь Данила наказывал: «У этого воеводы ухо надо держать востро. Не напал на дороге. В своем доме может погубить. А велика ли дружина его?»

- Сотен пять-шесть. Но ратники хорошо обученные! – отозвался кто-то из наших сзади.

- Недоброе он задумал! Чует мое сердце! – промолвил еще кто-то из сотников.

- А ты перекрестись! Бог не выдаст – свинья не съест, - хохотнул через плечо князь Данила.

- Бог-то – Бог, да сам не будь плох! – отозвались опять сзади.

Мы въехали в ворота большого терема. Подбежавшие отроки тут же приняли коней. А на крыльце стоял сам хозяин в богатом, красным, золотой парчой шитом кафтане, с намасленными, иссиня-черными, расчесанными на прямой прибор волосами, широкой, но короткой, с седым клоком сбоку бородой. Приземистый, широкий в кости, с пухлым красным носом, близко посаженными маленькими рыжими глазками, он улыбался: «Милости просим! Что же давеча не оповестили о приезде, дорогие гости, соседи любезные?! Столы накрыты».

- И тебе не хворать, воевода известный! – ответил князь Данила, пристально всматриваясь в хозяина. - Шли мы по дороге. Детки, да женки зазябли. Вот и решили прямо на развилке в славный град твой зайти. Обогреться. Передохнуть.

- Соловья баснями не кормят! Пожалуйте к столу! – с застывшей улыбкой поклонился воевода. Из-за его спины выплыла рослая, почти на голову выше его , смуглокожая женка, в шитом жемчугами и другими драгоценными камнями кокошнике и сарафане, в яркой душегрейке, подбитой соболем, с хлебом-солью на подносе и с поклоном поднесла его князю Даниле.

- Не побрезгуйте! Пост нынче. Потому и хлеб постный. Только за морем такой пекут! - молвила она, сверкнув темными глазами и тут же опустив их долу. Князь Данила поцеловал, по обычаю, хлеб, отломил кусочек, обмакнул его в соль и вложил в уста. А каравай, обернувшись, передал князю Ондрею. А тот, – по очереди, - до последнего сотника, который и положил его в суму. Я удивился, когда заметил, что князь Данила, поворачиваясь к Ондрею, вынул кусочек из уст и заложил его за отворот рукава шубы.

- Ну что ж, хозяин, веди в дом. – громко сказал он.

- А что ж твои сотники хлеба-соли не отведали? - удивился воевода.

- Дорога дальняя у нас! В ней и пригодится, чтобы тебя, дорогой хлебосол, добрым словом помянуть. Сам буду вкушать! Таков у меня обычай! – поклонился князь Данила.

- Прости, князь! Забыл от радости, что в чужой монастырь со своим уставом не лезут. – опять поклонился воевода, поворачиваясь боком, чтобы уступить нам дорогу. В большой горнице, стоя вдоль стен, нас встретили шесть сотников. Нарядных в богатых, у всех разного цвета, кафтанах. Только один сидел за столом: худой и старый орыднец…

«Вроде бы баскаков на Руси больше ста лет нет…» - подумал я, глядя на него. А на широком длинном столе возвышался целиком жареный кабан, грудой были навалены утки, гуси, большие куски оленины и медвежатины, лебеди на блюдах стояли, как живые. Была и рыба: стерлядь, осетры, караси в сметане…

- Ничего себе пост! – шепнул князь Ондрей. Я в ответ тихо хмыкнул.

Встав во главе стола, воевода спросил: «Что желают выпить дорогие гости? У меня и медов немеряно! И вина ромейские есть. И свои настойки, наливки».

- Пост нынче, хозяин дорогой! Не заведено у меня в дружине на это время вина, да настойки пить. Но, дабы не обидеть тебя, меда отведаем. И рыбки да грибочков. Ты уж не обессудь! – с поклоном отвечал князь Данила, при этом, исподлобья коротко оглядел горницу, в которую, кроме главной – из сеней, вело еще несколько дверей.

- Слово гостя – закон для хозяина! А вот мы, - повел ладонью вдоль своих сотников воевода, - Что ни день, то - в седло. Почитай – на походе. Разбойники совсем замучили! Людишки жалуются: по лесу проходу нету. Вот и вас вчера я не успел встретить…

- Твой начальник дозора и в город не хотел нас пустить. – усмехнулся князь Данила.

- Его уже выпороли за то! – махнул рукой воевода. – А не хотел, - опять же разбойников опасается… Да что ж мы все за разговорами, да за разговорами… Садитесь, дорогие гости!

- Прости, дорогой хозяин, но принято у меня в дружине молиться перед трапезой. Дозволь исполнить закон? – опять поклонился князь Данила.

- Зачем же самим?! Гостит у меня нынче поп Гришка из села, которое вы последним проезжали. – пожал плечами воевода. И крикнул в сторону дверей: «Эй, кто-нибудь! Позовите сюда попа Григория!»

В горницу откуда-то сбоку вскользнул толстый, лоснящийся жирком на лице и лысом темени, священник. Он склонил голову и как-то сбоку, по-птичьи, взглянул на воеводу, словно ожидал… приказания.

- Ну что смотришь, отец Григорий? – не заставил себя ждать тот. - Благословляй стол!

- Бог, да… - дальше поп пробурчал что-то непонятно и сделал рукой, какое-то движение, видимо обозначающее крест, но ничем не напоминающее его. На пальце у него сверкнул дорогой перстень.

- Пусть и он присядет к столу? – наклонившись к ордынцу промолвил воевода. Поганый лениво кивнул. Поп засуетился и, отбежав к дальнему краю стола сел на стороне рязанских сотников. Им и воеводе тут же налили ромейского. Ордынцу – кумыса. Нам – меду. Поп налил себе сам. Воевода поднялся. Поклонился ордынцу, князю Даниле. И заговорил: «Прежде, чем сказать: «Будьте здравы, дорогие гости», я хочу выпить за здравие царя царей земных, великого хана…»

- Мамая! – разжал сухие губы ордынец.

- Да-да, - продолжал воевода, - с надеждой, что он, наконец, наведет призор на нашей грешной земле, защитит нас, немощных, от распоясавшихся разбойников…

Я услышал, что князь Ондрей, сидевший рядом, не разжимая губ читает тихо *Отче наш*… Так же сосредоточенно смотрели на взятые в руки кубки и другие сотники князя Данилы. Мы встали вслед за рязанцами и, сделав вид, что пригубили, едва коснулись меда губами. Тут я заметил, что князь Ондрей осторожно взметнул взгляд вверх. Я мгновенно посмотрел туда же. Опершись на перила висячего перехода, окаймляющего горницу, стояла женка воеводы и внимательно смотрела на нас, шевеля губами…

- Грех из уст, а не в уста! – громко крякнул поп и вгрызся в кусок кабанятины…

- Благослови, князь Данила, и вы, братия! – неожиданно решительно встал князь Ондрей. – Мы уважаем веру великого хана и народ его. Благодарны и за то, что великий хан уважает нашу веру, - поклонился князь Ондрей ордынцу, - Именно поэтому, - и думаю, высокочтимый посланник орды поддерживает это уважительное отношение великого хана к нашей вере, - позволю выполнить христианский обряд…

И тут же князь Ондрей достал из под кафтана маленькую баклажку и тут же окропил свое блюдо с рыбой и грибами, а также кубок с медом из нее. Ордынец одобрительно усмехнулся в крысиные хвосты своих усов. А все наши сделали то же самое, что и князь Ондрей. Я вскинул взгляд вверх: женка воеводы, закусив губу,

оттолкнулась от перил и ушла куда-то. Когда мы съели по куску рыбы и несколько грибов, князь Данила встал: «Благодарю тебя, воевода, и вас, братья-рязанцы, за трапезу. Но дорога не ждет. Пора нам собираться…»

- А зачем ты, князь такую большую дружину на Москву ведешь? – ответил вопросом воевода.

- А затем, дорогой хозяин, что дела у меня торговые там. Сам же говорил, что разбойники расплодились. Такая же весть и ко мне пришла. Вот и хочу дорогой товар в целости доставить. Дань хочу хорошую великому хану воздать по достоинству его и заслугам. Да и какая ж большая дружина моя? Со мной лишь малая часть ее. Остальные в Пронске остались. И договоренность о численности дружины моей у меня с великим ханом была…

Воевода осекся. Обвел тяжелым взглядом стол.

- В добрый путь тебе, князь. А уж коли что в дороге случится, на меня не пеняй… Кто ж на ночь глядя в путь выходит? И я тебя из Рязани не выгоняю.

Мы встали. Вышли из горницы настороженные. Отроки подвели коней. И мы выехали со двора воеводы…

- В путь! – бросил князь Данила. – Немедля!

Когда мы въехали в ворота монастыря, князь Ондрей кликнул кого-то. Подбежал десятник в полном снаряжении.

- Давай-ка, со своими - на двор к Игнатию-оружейнику. Знаешь, где… Покидайте рухлядь, инструменты в телегу. Сажайте в нее деток, женку и пригоняйте к нашему обозу. Не мешкайте! – озабоченно говорил он.

Князь Данила остановил меня: «Все сборами заняты. Пойдем-ка со мной. Отдадим прощальный поклон владыке.»

Мы вбежали по крутым ступеням. Епископ опять сидел за столом и что-то читал. Увидев нас, поднялся.

- Благослови, владыко! – поклонился князь Данила, – Может быть, с нами на Москву сам пойдешь?

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! – перекрестил его и меня епископ.

- Воевода рязанский - волк! Вот откуда предательство ползет… - крутанул головой князь Данила. «Не волк, а пес шелудивый на ордынской цепи!» - подумал я.

- Спаси его Господи! Вразуми… – выдохнул епископ. – Овцы мои словесные здесь! Куда же я, пастырь, от них деться могу. Вокруг святого места всегда бесы слетаются. Идите с Богом!

Когда мы спускались по лестнице, я спросил: «А причем здесь бесы вокруг святого места?»

Князь Данила пожал плечами: «Я и сам не понял».

Дружина с обозом уходила из Рязани. Князь Данила вынул из-за отворота рукава шубы кусок хлеб-соли и бросил какой-то тощей бездомной собаке. Та подбежала, понюхала и вдруг отскочила от него, как от раскаленного угля. Но к куску подлетел воробей, клюнул… Взлетел… И тут же кубарем упал на землю скрючив вверх лапки…

- Ондрей! - позвал князь Данила, – Давай-ка со своей сотней к оврагу… Только не по дороге, а по следам воеводы, через лес. Посмотри все внимательно. Выйдешь навстречу с зажженными факелами. Поосторожнее там. На рожон не лезь.

- Вряд ли они сейчас пойдут… - сказал я.

- Правильно. Отравить им нас не удалось. А вкусили бы мы ихнего хлеб-соли, дружина и обоз остались бы без «головы»… Вот тогда их можно было бы брать голыми руками. Прямо в Рязани. - говорил князь Данила.

- Неужто пошли бы они на такое? – удивился князь Ондрей.

- А зачем им меня и сотников травить хлебом из «южной земли»?

- Да-а-! – перекрестился князь Ондрей, – Поганские приемчики… Ну, я пошел… Князь Ляксандр! Пойдешь ли со мной?

Я взглянул на Данилу Пронского. Тот, улыбнувшись, кивнул.

Снег летел большими, похожими на белые астры, хлопьями. Из-за ветра казалось, что небо и земля сдвинулись: одно – на восток, другая – на запад и стояли теперь под прямым углом к прежнему своему положению. По Садовому Кольцу транспорт двигался медленнее пешеходов. В голову лезли какие-то нелепые поэтические строки, которые даже запоминать не хотелось. Не радовала и публикация последнего очерка в «Гудке», хотя гонорар мне выписали вполне приличный. На дежурство в «Главснабе» ко мне заехал Василько. Я пожаловался ему на навалившуюся тоску.

- И-и-и! – воскликнул он. - Думаешь, ты один такой?! Это – враг действует. Конец поста… Но ты вспомни, что скоро такой радостный праздник! Рождество Христово! Ты понимаешь, Ро-жде-ство!

- Радостный-то радостный… - отозвался я. - А вот отца Валерия в храме не будет. К этому молодому и подходить не хочется, - опять какое-нибудь «новшество» услышишь.

- А ты не суди! Бог поругаем не бывает! Кстати, ты где разговляться собираешься? Николай и Мария мне все уши прожужжали, чтобы я тебя пригласил. А батюшка благословил вообще собрать всех наших, как обычно на трапезе в храме бывает. Старичок наш доклад подготовил по послушанию о Царской власти.

- Знаешь, Василько, - размышлял я, - а надо ли нам слушать этот доклад без батюшки. Туда ли он направлен? Не уведет ли нас «налево»?

- Я как-то и не подумал… Похоже ты прав. – почесал затылок он. – Надо спросить у батюшки.

- Слушай, а почему бы нам всем вместе седьмого января, сразу после Божественной Литургии не поехать к отцу Валерию в больницу?! Возьмем всяких вкусностей, фруктов, батюшке соку, себе - «Кагору» или чего покрепче. И вместе разговеемся!

- Это – идея. Я с мамой… С матушкой Марией посоветуюсь… Ну, я поехал. Спокойного дежурства!

- Ты поосторожней на дороге. Кольцо почти стоит из-за снегопада. Ангела тебе Хранителя в дорожку. – хлопнул я своей ладонью по его.

Когда он уехал, тоска навалилась снова. Старичок-напарник, как всегда молчал. «Завтра – Новый год!» - мелькнула мысль. «Это же не по Православному календарю! Завтра - все еще пост. И еще потом - неделю!» - перебила ее другая. « Во, здорово! Весь мир, да и большинство православных людей его отмечают. Вон, в церквях даже новогодние молебны служат! Тоже мне, праведник нашелся! Гордынька это! - рассуждала первая. – Можно было бы Жене позвонить, Валере, Володе… Что ж дома одному сидеть?! Пусть Василько не отмечает! Это – его дело. Надо, как он же сам и говорил, воцерковляться из силы в силу. А то враг так отомстить может… Ты же еще не отвык от старой жизни! Не привык к новой. И поэтому в последней можно надорваться…» «В какой новой? Пост! – твердила первая. – Здесь не в чем надрываться!»

Зазвонил телефон.

- Саш, ты? Это – Валера. Как хорошо, что застал тебя. - услышал я в трубке. – Ты где Новый год справляешь?

- М-м-м… Вообще-то нигде…

- Слушай! Тут такое дело… Моя подружка просит пригласить кого-нибудь из хороших мужиков. Ее подружка одна и напросилась к нам на Новый год. Побудь ее

кавалером. А там, глядишь, и понравитесь друг дружке. У тебя же, я знаю, нет никого?..

- М-м-м…, Валера, понимаешь… - мямлил я в трубку. - А Женя? Володя?..

- Женька говорит, мол, Новый год – это семейный праздник. А Володя по традиции со своей Люцией в ЦДЛе празднует… Вообщем, не подведи. Решено. В 22-00 я встречаю тебя у первого вагона от центра на «Автозаводской»…

И в трубке раздались короткие гудки.

«Позвонить и отказаться!» - сверкнула мысль. «А где же братская, мужская любовь?! – перебила ее другая. – Подумаешь! Посидишь, поешь рыбки, салатиков овощных… Выпьешь шампанского, пококетничаешь с девушкой… Тебя же никто с ней в постель не укладывает. Валера просит просто побыть новогоднюю ночь ее кавалером. Всего лишь одну новогоднюю ночь!..»

Дежурство, как пожелал Василько, прошло спокойно. Сменившись, я вышел на улицу. Дворники надрывались, а снег, летевший большими астрами, не прекращался.

«А новогодние подарки?» - возникла мысль. «Шампанского сейчас не достанешь, – поддержала другая, - Можно – и обычного сухого – подарок предмету ухаживания. Бутылка коньяку из бара Святослава – Валере. Коробка конфет оттуда же – его подруге. Вот – и подарки!» «Халявщик! – вмешалась третья мысль, – Сам что ли коньяку и вина купить не можешь? Гонорар-то получил!»

Я поднялся по переулку, перешел Садовое Кольцо и зашел в гастроном «Смоленский». Очереди были более, чем неутешительные. Все толкались, ругались, шикали друг на друга. Очереди обвивали колонны несколькими рядами. У винного отдела почему-то толпились больше женщины. Раздавались визги и крики: - Больше одной в руки не давайте!..

- Куда прешь без очереди?..

- Сама корова!..

Оказалось, что «выкинули» шампанское. Я попытался найти конец очереди, но это было невозможно… Что-то нашло на меня, и я вдруг оказался у окошка кассы. Отдал деньги, получил чек. И тут же передо мной возник прилавок винного отдела. Последней преградой к продавцу были старичок в потертом пальто с каракулевым воротником и такой же шапке-пирожке, с выступающим далеко вперед подбородком и свисающим к нему большим крючковатым носом и молодая красивая женщина в дорогой волчьей шубе и кокетливой шляпке, очень похожая цветом кожи, огромными оливковыми глазами с поволокой и тонкими чертами лица на подругу Шляховского Соню. Вдруг они оттеснились назад и стали объяснять очереди, что этот молодой человек, то есть я, стоял перед ними и просто отошел ненадолго. А старик все громко повторял: - Я ветеран! Имею право без очереди. Но справедливость - есть справедливость…

«Где-то я их видел…» - сверкнула мысль. Но вспоминать и раздумывать времени не было. И я радовался везению.

- Коньяк и шампанское. - протянул я чек продавщице. Получив бутылки, повернулся к неожиданным своим доброжелателям и поблагодарил.

- С наступающим вас Новым годом! – подмигнув, улыбнулась красавица с оливковыми глазами.

- С новым счастьем! – клюнул носом старик. «Вот это – настоящие, старые москвичи!» - мелькнула благодарная мысль…

Троллейбуса долго не было. Люди толпились на остановке. Кто-то прижимал к себе большую елку… А снег все засыпал и засыпал дорогу… Когда же троллейбус подошел, началась опять давка, ругань, похожие на те, что были в гастрономе. Да побольше бы таких, как старик и женщина в очереди! Не было этой злобы. Ведь

праздник! А у людей почему-то нет радости, как в детстве - в ожидании Нового года. Неужели они забыли?..

Каким-то опять непонятным образом я оказался в троллейбусе в числе первых. «Нет, сегодня, определенно, везет. Значит, есть «зеленый свет» на предстоящую встречу Нового года» - мелькнула щекотящая мысль.

И уже через полчаса я уже принимал душ, завтракал, собираясь выспаться… А проснулся около пяти часов вечера. Пообедал… или поужинал. Выпил кофе, погладил костюм, рубашку, галстук… Времени до выхода из дома оставалось больше часа. Я опять заварил кофе и сел за телефон. Обзвонил всех знакомых, поздравлял с Новым годом, с новым счастьем, болтал, наговаривая кучу добрых пожеланий…

«Позвонить родителям…» - вспыхнула мысль. «Нет. Туда и звонить, и приходить надо только с богатым журналистским «багажом», – ответила ей другая.

И я набрал телефон Наташи.

- Алло, - послышался в трубке ее голос.

- Наташа? – спросил я.

- Да. А это кто?

- Саша…

- Простите, вы видимо звоните другой Наташе и ошиблись номером. У меня таких знакомых нет… Дорогой, ты положил шампанское в морозилку? – последние слова явно были обращены не ко мне.

- Все равно, с Новым годом! – сказал я. Но в ответ уже неслись короткие гудки… Я усмехнулся. И тут же спохватился. Будильник показывал четверть десятого. А ведь мне еще одеться надо!

…Тем не менее за пять минут до назначенного времени я стоял на месте встречи с Валерой. Вскоре появился и он.

- Привет, старик! – пожал он мою руку, – Пошли. Нас уже заждались.

Мы перешли какой-то бульвар, плутали между домов и заборов…

- Я тебе не стал говорить адрес, потому что ты все равно бы сам искал очень долго. - говорил на ходу Валера. – Значит план такой: пьем за старый год, встречаем Новый, потом идем на улицу, гуляем, резвимся… Вернемся – опять за стол… А там уж – как получится. Соседка моя по коммуналке уехала к родне. Третья комната вообще пустует. Она у нас общая, для гостей. Там только диван стоит. Двуспаль-ный. Да Эйнштейн со стены подглядывает… Так что… Ну, как получится.

«Стандартная схема греха!» – мелькнула мысль, но я отогнал ее. Снег по Москве летел большими астрами и закруживал все чувства, ощущение времени, пространства….

На шестом этаже лифт остановился. Когда мы вышли из него, дверь из квартиры слева сразу открылась и из нее выпорхнула худенька, словно подросток, но вполне сформировавшаяся в изящные формы женщина в больших модных очках, которые, к слову, ее украшали. Как и платье - в обтяжку. А в дверях стояла наоборот склонная к полноте, но стройная, тоже молодая блондинка, - должно быть, крашеная, - с нарядной прической, огромными зелеными глазами, в вечернем платье, оголяющем руки, плечи, верхнюю часть груди, и пристально, с улыбкой в уголках губ смотрела на нас.

- Валерчик! Мы заждались! – прильнула к другу худенькая. Потом отпрянула и протянула мне руку: «Так вот вы какой, Саша… А я – Вика.»

- А это, - обернулась она, показывая на подругу, - Таня. Знакомьтесь.

Я попытался, как можно галантнее, поцеловать обеим руки, поклониться, но Вика затолкнула нас всех в квартиру и захлопнула за собой дверь.

- С наступающим! – не раздеваясь, произнес я. И протянул Валере - коньяк, Вике – шампанское, Тане – коробку конфет.

- Ой, какая прелесть! – запрыгала, хлопая в ладоши, Вика. - Танюша, давай поменяемся. Ты все равно почти не ешь сладкого. А шампанское любишь.

- Конечно-конечно, – мягким, грудным, чуть низким голосом отозвалась подруга. – только ведь все равно этими конфетами мы будем закусывать шампанское.

- Э-э-э! Вы не очень-то! - вмешался Валера. - Коньяк тоже хорошо конфетами закусывается.

- А вот и не подеретесь! – засмеялась Вика. – Ладно, мальчики! Снимайте ваши куртки, шапки. Саша, можно не разуваться… Я мужу сказала, что еду к маме в Орел, так что у меня будет еще время сделать здесь генеральную уборку.

Я вопросительно и немного ошеломленно взглянул на Валеру, но тот смотрел на Вику. «Интересно, а что соврала мужу Таня?» - подумал я. Вика словно прочитала мои мысли.

- А вот Танюшку никак замуж не выдадим! Хотя невеста она у нас богатенькая, как Буратиночка! – засмеялась она.

- Вика! – вспыхнула Таня.

- Ну ладно, ладно. Это я – к слову. Ой, времени-то – четверть двенадцатого! Давайте-ка, мойте руки и - за стол. Проводим старый год коньячком. Твой подарок, Валерчик, оставим про запас. Достань-ка мой, который я из Еревана привезла… Ой, такая командировка была!.. Мужики за руки хватают, в машину тащат… Хорошо, к нам одного местного инженера приставили… Он все сразу всем объяснял.

Валера разливал коньяк. Вика накладывала всем салатики. Таня, слегка развалившись, чему-то улыбалась уголками губ. От этого на щеках появлялись обаятельные ямочки, особенно, когда она говорила: «Вот и еще один год прошел. Было в нем и хорошее, и плохое. Но, если вдуматься, хорошего всегда больше. Просто мы разучились после детства замечать и ценить его… А помните, как в детстве ожидался Новый год! Самый светлый праздник детства».

«А вот она, оказывается не забыла», - вспомнил я свои дневные мысли.

- Так давайте, выпьем за все хорошее, что было в старом году, за то, чтобы в наступающем замечать и ценить то хорошее, что преподносит нам жизнь! – перебил ее Валера, поднимая рюмку.

Мы все встали. И тут Вика сказала: «А мне этот год принес счастье: я встретила Валеру. Только… только поздновато. Но все равно, мы встретились в этом старом году. И пусть он передаст нас всех вместе Новому году, и чтобы тот не разлучал нас».

Мы сдвинули рюмки. А Вика, отставив по-офицерски локоть в сторону, - все это выглядело комично, - залпом выпила коньяк. Мы последовали за ней. Коньяк был настоящим, - не Московского разлива, - оставляющим специфический вкус: как будто выпил и одновременно закусил шоколадом и лимоном. Его хотелось пить маленькими глотками и запивать крепким кофе. Но в чужой монастырь…

- Саша, а ты так же пил коньяк, когда был офицером? - вдруг спросила Вика, когда все накинулись на салаты. – Ну, в смысле, отставив локоть? Я тут неожиданно подумала: не оскорбила ли я тебя, твою память? Твои чувства?

- Ну что ты?! – засмеялся я, пережевывая оливье. – Так мы, молодые офицеры, пили, когда дурачились. А потом, там было так «хорошо», что я наоборот стараюсь забыть о службе. Нет, конечно, не саму службу, а то, что там было…

- А что было, если не секрет? – спросила Таня.

- А было, как у Грибоедова: «служить бы рад, прислуживаться тошно!» - ответил нехотя я.

- Неужели во всей армии так?

- Нет, конечно. Я по собственной глупости попал в «придворную» дивизию, которую очень часто инспектировал, то есть проверял мой отец. А он человек прямой и честный. Ни борзыми щенками, ни чем другим взяток и даже каких-нибудь подарков не брал. Ну, кое-кому это очень не понравилось. И решили отыграться на

сыне инспектора. А это совершенно противоречило моему представлению об армии, которое сложилось у меня с детства в отдаленных гарнизонах, где служил до Москвы мой отец.

- А что значит «придворная»? - спросила теперь Вика.

- Образцово-показательная. Вот на показательности, а точнее – на показухе, там все и строилось. В том числе - и человеческие отношения.

- А в других гарнизонах – не так? – снова спросила она.

- Нет. Не так… Давайте, не будем… Сегодня – праздник! – опустил я голову, вспоминая, что и сам был слишком максималистом… И во многом – не прав.

- А я думаю, - вступил в разговор Валера, - Что армия была просто не твоим делом. Вон, Володя тебя хвалит, как журналиста. Ты не закончил журфак университета, а чутье, как говорит он, профессиональное. Так и говорит: из него такой журналюга вырастет! А я добавлю – и поэт!

- Давайте, за Сашу и выпьем! – захлопала в ладоши Вика.

- Да что вы, в самом деле! – смутился я.

- Скромность украшает человека, но не всегда! – засмеялась Татьяна. После первой рюмки щеки ее вспыхнули ярким румянцем, глазки замаслились.

Когда мы выпили, Валера встрепенулся: - Да что же мы?! Через пять минут Новый год! Викуся, включай телевизор! Шампанское надо пить под бой Курантов!

Мы все засуетились… Когда с экрана телевизора раздался двенадцатый удар, мы зазвенели сдвинутыми фужерами, поздравили друг друга с Новым годом, с новым счастьем и принялись за еду. Женщины весело щебетали. Еще один фужер шампанского совсем раскрепостил их. Вика ластилась к Валере, а Таня искоса, но часто поглядывала на меня. Я тоже заметил много приятного в ней, чего с первого взгляда и не усмотрел.

- На воздух! На воздух! – прогудел Валера. Глаза его тоже сверкали.

- Вот видишь Танечка, мы вчера гадали с тобой… Все сходится, - о чем-то своем говорила Вика, натягивая сапоги: «Ой, Валерчик, молния не застегивается! Помоги!!

Валера наклонился. Застегнул молнию. И… погладил ногу Вики чуть выше колена: «Ах, эти ножки»!

- Ой, не вгоняй меня в краску, – взвизгнула Вика.

- Я просто Пушкина процитировал! – невозмутимо хмыкнул Валера.

…Наверное, половина жителей восьмиэтажного, восьмиподъездного дома высыпала на улицу. Все раскрасневшиеся, под хмельком, веселые. Крикливые поздравляли встречных с Новым годом, с новым счастьем, что-то пели под гитару, под гармошку, катались с детской деревянной горки, кидались снежками, стреляли пробками из бутылок шампанского… А где-то уже «выясняли отношения» мужчины. Но женщины, сдерживали, уговаривали успокоиться, разойтись…

Вдруг Валера на бегу схватил меня и Таню в охапку и швырнул в снег… Я оказался на ней… Мое лицо было так близко к ее лицу, что в голову ударил запах здорового тела, сдобренный головокружительным ароматом духов… Я, не осознавая того, коснулся губами ее губ… Она ответила легким приближением головы ко мне навстречу. И мы оба вскочили, смеясь, отряхиваясь, отряхивая от снега друг друга.

«Что ты творишь?» - вспыхнула где-то далеко мысль. «Да отстань ты!» - потребовала другая. А дальше мы с Таней кинулись на Валеру с Викой… Началась возня, после которой, все мокрые от снега, мы вернулись домой.

Женщины ушли в ванную и скоро вернулись переодетыми в другие, менее праздничные, но красивые наряды. На столе уже стояли вторые бутылки коньяку и шампанского. По телевизору шел «Голубой огонек», а Вика внесла запеченного в духовке гуся, обложенного яблоками, грибами и картошкой. Когда половина птицы была съедена, Валера вдруг встрепенулся: - Так что ж мы сидим, когда в Останкино

танцуют?! Пойдем-ка, Викуся! А вы, Саша и Таня, тоже поднимайтесь-ка, растрясите гусиный жирок! Ха-ха-ха!

Сначала мы вчетвером ритмично прыгали, а когда началась лирическая песня, Вика обвила шею Валеры руками, и вся, казалось, влилась в него. Я слегка поклонился, как приглашая Таню на танец. Она положила мне руки на плечи. Я ближе притянул ее к себе, и руки тоже сплелись за моей головой. И не думалось уже ни о чем.

- Эй, молодежь! – словно пробудил меня от сна голос Валеры, – Давайте-ка за стол! Еще не все тосты сказаны…

Потом мы с Таней почему-то кричали «горько!» Валере и Вике. И когда те целовались, я повернулся к Татьяне: «А мы что же?»

- Так… сразу? - она опустила глаза.

- «Так сразу» было в снегу. А сейчас уже с использованием имеющегося опыта,… – засмеялся я. И она, обвив рукой мою шею, подставила губы… Потом Валера читал свои стихи, а Вика очарованно смотрела на него. Таня же положила голову мне на плечо. Потом было еще несколько тостов. И когда начало светать, Вика предложила: «Давайте, отдохнем немного, а потом продолжим. У нас еще курица, запеченная на бутылке с кефиром и сухое вино. Ребята, я вам там постелила…»

Валера, выходя по своим делам, толкнул дверь в пустую с разложенной и застеленной свежим бельем диван-кроватью… Не успели мы заснуть, - а может быть, это только показалось, - как в дверь постучали.

- Эй, молодежь, уже пять часов вечера! С Новым годом! – раздался голос Вики. Таня встала, обвернулась простыней, потом накинула халат. Обернулась, наклонилась, поцеловала меня, шепнула: «Мне было очень хорошо! Спасибо!»

И вышла из комнаты. Я вспомнил, что мне тоже было хорошо. Но в эту минуту… В эту минуту, сбив меня с мысли, в комнату вошел Валера заговорщически зашептал: «Ну, ты – гигант! Танька выскочила с мутными от счастья глазами. В ванную пошла. Давай-ка, поднимайся. Курица стынет. И вино киснет».

Я рывком поднялся, оделся, на кухне плеснул в лицо холодной воды и вошел в комнату, где Вика, - тоже в халате, - мурлыкала что-то под нос и расставляла на столе чистые приборы. Валера попросил: «Слушай, дай сигарету! Что-то так захотелось!»

Я протянул ему пачку «Явы» и сказал: «А ведь мне завтра дежурить.»

- Вот и отлично! – отозвалась Вика, - Сейчас пообедаем или поужинаем, - уж и не знаю, - выпьем винца, ты проводишь Танюшу домой, обменяетесь телефончиками и поедешь отдыхать перед дежурством.

…Мы с Татьяной доехали до «Медведково», потом тряслись на автобусе, потом шли пешком… У новенькой девятиэтажки остановились.

- Родители, наверное, заждались. Все окна проглядели насквозь. Поэтому, дальше не провожай! – сказала она и крепко, но коротко поцеловала в губы. Развернулась и побежала к дальнему от нас подъезду.

…Я трясся в автобусе. Казалось, надо бы лениво радоваться: праздник-то прошел так удачно! А тут - тоска, да еще с чувством какой-то непонятно вины… Перед кем?! С Татьяной все вышло с ее согласия… Но про состояние, охватившее меня говорят, мол, кошки на душе скребут.

«А не черная ли волчица?» - возникла откуда-то дурацкая мысль. И поэтому я не обратил на нее внимания. Осмотрелся. В автобусе ехали три или четыре пары, двое подростков и старушка с букетиком подмороженных цветов. Все явно возвращались из новогодних компаний. Усталые и почему-то… нерадостные. Ехали, отвернувшись друг от друга, одинаково кривя губы. В глазах была тоска… Или вина? Но перед кем?

«Слово «кем» - с заглавной буквы!» - возникла мысль. Ерунда какая-то лезет в голову. Переел, наверное… И надо отдохнуть… «А, может быть, мысль про черную волчицу и не дурацкая?» - настойчиво завертелось в голове. Вспомнилось лицо

старика из очереди в гастрономе «Смоленский», что так услужливо втянул меня в очередь. И я легко, словно по «щучьему велению», взял и коньяк и шампанское, когда другие, наверное не один час «давились» за ними… Это же было лицо старика-корня!.. А женщина в дорогой шубке с большими оливковыми глазами?! Она же была с ним заодно!..

«Нет, я точно слишком устал! - успокаивала меня мысль. – Надо же придумать такое! И это про добрых старых москвичей… Додумался…»

Со стен Рязани уже не могли видеть, что одна из пронских сотен сошла с дороги и полем, срезая угол, пошла к оврагу. Только - со стороны леса. На снегу, кроме наших, других следов не было. Значит, прав был князь Данила, разгадав замысел воеводы обезглавить дружину и обоз отравленным хлебом. Мы доскакали до леса, - и там не было признаков продвижения каких-либо всадников. Неужели воевода отступился от своего очередного разбойного плана? Вдруг один из десятников, выехавший в дозор шагов на сто, предостерегающе поднял руку. Сотня встала, как вкопанная. Десятник показал вправо от нас. Впереди между деревьев горели костры, а вокруг них сидели ратники… Мы спешились, подошли поближе, предполагая охватить их полукольцом… А когда приблизились, никого не стало: ни костров, ни людей… Князь Ондрей потряс головой. Он повернулся налево и застыл, показывая туда. Теперь там горели костры и вокруг них сидели в полном воинском облачении ратники… Но как только мы сделали шаг, все снова исчезло. Так повторялось несколько раз.

- Наваждение! – перекрестился князь Ондрей. Все последовали ему. И тут мы увидели, что стоим на самом краю обрыва в глубокий овраг. Один шаг… И если человек, упав с этой кручи, лишь сильно ушибется, то конь уж точно сломает ноги! А что с таким конем делать?! Вся сотня стояла на краю…

- Князь Ондрей! – громко шепнул десятник, показывая ладонью на противоположный склон оврага, уходивший в холм, на вершине которого деревьев уже не было. По нему, на фоне заходящего солнца поблескивая шерстью, словно доспехами, длинной цепочкой поднималась большая стая волков. Во главе их бежала черная волчица. Тело ее был неестественно длинным. Поэтому все движения напоминали змеиные…

- Оборотни! – выдохнул кто-то из дружинников.

- Акстись! – бросил князь Ондрей в ответ. Но еще раз перекрестился. И опять все последовали за ним.

- Надо осмотреться! – как можно спокойнее заставил себя сказать он. – Где же мы находимся? Далеко ли до дороги? И как на нее выходить?

Все с ужасом поняли, что… заплутали. Но каким образом? Почему? Поблизости через овраг не было никаких дорог.

- Идем обратно по нашим следам! – крикнул князь Ондрей. Невозможно было не подивиться тому, как петляли следы сотни, довольно часто пересекая сами себя. Но, в конце концов, мы снова вышли к опасному обрыву. Опытные воины, следопыты стояли, словно дети, вышедшие по грибы и заплутавшие в лесу.

- Отец! Дозволь сказать? – услышал я голос подскакавшего Георгия.

- Говори. - почти отмахнулся я: ну что может посоветовать отрок, не имеющий никакого воинского опыта?!

- Мы тут с Ивашкой посоветовались… Молиться надо… Это явно нечистый водит…

Я взглянул на сына недоверчиво. Но князь Ондрей вдруг крикнул: «На молитву!»

Всадники вновь спешились, преклонили колени прямо на утоптанном снегу…

- *Отче наш*… - загрохотало над оврагом. Начинало смеркаться…

- Вон – просвет! – словно боевой клич кого-то из наших ратников заставил всех встрепенуться. – Дорога!

Оказалось, что мы стоим в двухстах шагах от нее справа. Спустившись с крутого склона, мы столкнулись с остальной дружиной.

- Где вы плутаете? – недовольно произнес князь Данила.

- Идем! Все плохое с Рязанью позади! Но мы сюда еще вернемся. По дороге расскажу. - вздохнул князь Ондрей. Рассвет мы встречали в пути.

- Здесь поворот ко Глебову Городищу, – указал плеткой налево князь Данила, – меньше одного перехода. Князь Глеб верен Москве. У него сможем и отдохнуть. А там, – через Зарайск, - на Москву.

- А почему не прямо? – спросил я.

- По Рязанскому княжеству еще не менее трех переходов, почитай, по вражеской земле! И то, если идти будем быстро… А здесь - всего один. Лучше сделаем крюк. Но идти будем среди своих.

Я теперь понял, откуда растут рога у этой межусобицы: Рязани – против Москвы. Давно орда клинья подбивала под Рязань. Подбила. Князя забрали к себе, а вместо него посадили двигающуюся деревяшку-воеводу, которым управляет орда в союзе с воеводиной женкой…

Дружина с обозом свернула налево. В пологом месте перешла по льду неширокую речку Вожу. И к вечеру мы увидели высокий крутой холм с каменным храмом на вершине. А вскоре - въезжали в ворота, открывшиеся в укрепленном дубовыми стенами валу. Нам навстречу вышел старый, но все еще высокий, статный и даже гибкий, однако широкоплечий князь в накинутой на красную рубаху шубе.

- Спаси тебя Господи! Князь Глеб! – крикнул уже в темноте спешившийся Данила Пронский.

- Слава Богу! Рад видеть тебя, князь Данила! – ответил, улыбаясь, хозяин. Они похристосовались, крепко обнялись.

- О, какое с тобой хозяйство! – оглядел князь Глеб дружину и обоз. И задумался: «Где ж разместить-то вас? Посады под стенами… После большого пожара заново все строим».

- Не волнуй сердца! – махнул рукой князь Данила. – Мои люди привычные. Пронск-то, поди, первым всегда был на пути поганых. Первым и горел… Заметь, - зимой!

И действительно, только теперь заметил я то, чего не усмотрел в сумерках: вокруг городища не было ни одного целого дома. Срубы будущих истб едва доходили до крыш…

- Да-да… - задумался князь Глеб. И вдруг вскинулся по-молодому и крикнул: «Костры развести в городище. Несите большие котлы, рыбу, пшено, гречиху… Воины у костров разместятся. Бабы с детьми, да старые люди – в повозках. А под каждую повозку углей побольше. Только чтоб кто-то один не спал, следил – не загореться бы. Меняйтесь ночью. Как на печи спать будете!»

- Выдумщиком ты был всегда! Таким и остался! – благодарно обнял за плечо старого хозяина князь Данила.

- Онуфрий! – позвал князь Глеб. И сказал подбежавшему мужику: «Собери посадских. Пусть принесут шкур побольше, да съестного чего. Из того, чем я оделил после пожара. Гостей привечать надо в первую очередь.»

- Пойдем, князь, в терем! Сотников возьми с собой,. – обнял он за плечо князя Данилу.

- Сотники должны быть при сотнях…

- Да будут-будут! После трапезы. С дороги и медку горячего не повредит. На травах! – улыбнулся князь Глеб, – Кстати, и дружине твоей – не помешает! Как? Благословишь?

- А не объедим? – усмехнулся по-доброму князь Данила. - Вы ж после пожара!

- Ну-у, как можно?! Для любимого дружка – и сережка из ушка! – засмеялся князь Глеб. И крикнул: «Эй, Ефремка! Прикажи-ка меду выкатить в бочках! Погрейте его! Да так, чтобы всем хватило. Не жалей!»

Он снова повернулся к князю Глебу: «Меду в это лето немеряно было! Не успевали мои бортники. Сам лазил! Ох, и досталось мне от пчел! Дней десять весь опухший ходил. И за то - от княгини досталось… Ну, пойдем-пойдем в горницу!»

Сухонький, бледный иерей медленно, чинно прочитал над трапезой молитву, трижды перекрестил стол и, прежде, чем сесть, поморщился, взявшись за плечо.

- Что это с ним? – спросил тихо князь Данила хозяина.

- Ох! Искушение! А может быть, и чудо Божие… Поехал он на Рязань к епископу. По дороге волки напали… Покусали. Но, странное дело – не съели. Говорит, Матери Божией стал молиться. Вдруг появился поп с окровавленным колом, да и разогнал все зверье.

- Погоди-погоди! Поп с колом?

- Да, а что?

- Ну-ка, Акакий, - кивнул князь Данила одному из сотников, - кликни того новокрещенного, которого на дороге подобрали, волками покусанного…

- Батюшка, - обратился он к иерею, - а ты не поведаешь нам, как дело было? С волками?

Священник встал, перекрестился и начал рассказ: «Наш владыко рязанский – великий молитвенник! Мы-то под ним ходим. Вот и решили мы с князем Глебом подарок на именины сделать ему. Иконку заказали. Рыбки собрали, бочку грибочков беленьких, сукна на ряску, душегреечку… Князь-то десяток ратников со мной посылал. Да я отказался… Ох! Гордыня! Прости, Господи! Говорю: что, мол, я посол какой? Недостойное духовное чадо владыки. Отказался… Поехал. Телега полная, груженая! Быстро даже тройка не тянет! А тут – то дождь, то снег! Распутица… Это еще больше езду мою замедлило. Выехал затемно, а только к вечеру подъехал, к оврагу, за которым поворот на Рязань. Тут-то и началось! Окружили меня волки… Не ведаю, показалось ли мне со страху, на самом ли деле их было более полусотни… Опять грешен… Страха Божиего не имею: волков боюсь… Я гоню тройку! Но куда с такой-то поклажей?! А они прыгают! Я их – крестом! Гляжу, от креста отскакивают. Тут вожачка ихняя, черная такая волчица, длинная такая уродина! Как прыгнет! И сбила меня с телеги… Ну все, думаю, с жизнью земной прощаться надо. И призвал Пречистую Матерь Божию. Гляжу, волки насторожились… Даже вожачка застыла… Только розовая пена из пасти капает. Вдруг появляется батюшка какой-то. Косица наполовину расплетена. Ряска порвана. В руках – кол, длинный такой, толстый и наполовину - в крови. Как он шу-уганул волков-то! Они - аж визжать, что поросята твои стали! Подошел ко мне. Похристосовался, да и говорит: «Езжай, отче с Богом! Да не греши больше!» И назвал грех мой один забытый. Я, как приехал в Рязань, тут же исповедовал его владыке. Прости, Господи!»

Дверь распахнулась и в горницу вошел новокрещенный Ратимир-Роман. Поклонился в пояс: «Кликал меня, князь Данила?»

- Расскажи-ка нам, для князя Глеба и батюшки, как и где волки напали на тебя, да как спасся… - повелел тот. И бывший язычник повторил уже знакомый для многих за столом рассказ.

- А ведомо ли тебе, князь Глеб, что волки эти помогают воеводе рязанскому грабить обозы на дороге именно у этого оврага? – спросил князь Данила.

- Ведомо-ведомо уже! – вздохнул хозяин городища. – Ведомо и то, что женка его и есть черная волчица – оборотень! Прости Господи и помилуй!

- Что ж делать-то?

- Что?.. Поначалу надо главного врага победить! А потом уж и за мелких браться. – крутанул головой князь Глеб. – Ну, что ж мы стоим?! Давайте воздадим хвалу Господу нашему Иисусу Христу за то, что дал свидеться, трапезу эту дозволил вкушать… Не нам, не нам, но имени Твоему, Господи, слава!

И он поднял чашу.

- Слава Тебе, Господи! – выдохнули все, вставая и поднимая чаши с горячим медом.

- Вы не смотрите, что Вожа - малая река. Все, что на столе – из нее, – сказал князь Глеб, надламывая стерлядку. И действительно, какой только рыбы не было на столе! От ершей, запеченных с лисичками до осетров, гордо вздергивающих свои носы между мочеными яблоками и пареной репой…

Вторую чашу мы подняли за здравие Великого Князя Димитрия Иоанновича. Князь Глеб смеялся, вспоминая, как привязывал его, едва вышедшего из младенческого возраста, к седлу, когда ходили на взбунтовавшийся Новгород.

- Но ведь вел он дружину! И вел, как Великий Князь! – с гордостью при этом добавил он.

- Божиим промыслом! – вставил священник.

- Ей, отче! – кивнул князь Глеб. – А в пятнадцать годов Кремль каменный возводить начал. И времечко-то выбрал! Вот уж воистину – Великий!

- И поганых побьет! – улыбнулся князь Данила.

- Побьет-побьет! Дал бы только Господь нам в стороне не остаться! – вступил в разговор князь Ондрей.

Третью чашу осушили за хозяина дома, за его хлебосольство. После нее князь Глеб поднялся: «Просите меня, дорогие гости! Но мне как хозяину долженствует проверить, хорошо ли устроились остальные. Нет ли в чем нужды. А вам, сейчас повелю, постелют здесь, на лавках».

- Э-э-э, нет! - встал князь Данила. - Мы договорились, что сотники будут при сотнях. А я, если благословишь, пойду, сам проверю, как мои люди устроились.

- Ну что ж, тогда пойдем вместе. – улыбнулся князь Глеб. Тут и я встрепенулся: «Князь Данила! Уж коли Бог дал мне быть под твоей рукой, дозволь к дочке, Ольгушке пойти. Нет ей материнской ласки, так быть может, хоть отцовской утешу».

- Ступай, конечно, ступай! Ежели понадобишься, кликну. А может быть, в терем ее? Как-никак – княжна! – ответил он.

- Не-ет! Василий, да и сотники все – тоже князья. Однако в обозе ночевать будут. Пусть и она привыкает! – мотнул я головой.

…Крытые повозки, поставленные вдоль стен с внутренней стороны городища, жили своей жизнью. После обильной горячей трапезы бабы и девки взбивали перины, подушки, встряхивали тулупы, шубы, сгребали под повозки жаркие угли. Дети затевали возню, свои игры…

- Тятя, тятя! – услышал я. Обернулся и едва успел схватить на руки прыгнувшую и чуть не свалившую меня Ольгу.

- Что это ты?! – сказал я делано-строго. – Девица, княжна, а ведешь себя…

- Я соскучилась! – прижалась она ко мне.

- Ну хорошо, ладушка моя, показывай свой терем на колесах. – улыбнулся я, ставя ее на снег.

- А ты что, со мной ночевать будешь? – у нее аж дыхание перехватило.

- С тобой, с тобой! – обнял ее за плечи.

- А тетка Татиана где ж тогда? Она ж – вдовая. Да и детеночков трое!

- А мы от нее подушками отгородимся. Или… щитом моим. - засмеялся я.

- Тогда ладно. Ты хоть кольчугу-то снял? – уже по-хозяйски спросила она.

- Снял, дочка, снял. Здесь нам бояться нечего.

- А Георгий где?

- В сотне. Ему там быть положено.

- Может быть, снести ему чего надобно? Поди, зябко!

- А вот это – не положено! – опять делано-строго сказал я.

- Ох, уж эти мне князья-ратники! – сморщила она носик. И так горько напомнила жену… Я мотнул головой, отгоняя воспоминания, и добавил: «Ну, пойдем теперь мою дружину проведаем».

- У тебя уже и дружина есть?! – приложила она к моей ладони свою щеку.

- Дружина! – хмыкнул я. – Человек десять наберется…

- А я уж подумала… Ой, прости! - опустила дочь голову.

- Ничего-ничего, Ольгонька! Будет и дружина, ежели Бог даст. Не у меня, так у Георгия, или у твоего мужа, – рассуждал я, поглядывая по сторонам.

- Скажешь тоже, «му-у-жа»! Муж – объелся груш! - хмыкнула она.

- Князь Ляксандр, мы – здесь! – услышал я и, обернувшись, увидел Афанасия с большой, дымящейся плошкой в руках, – Ушицы не отведаешь?

- Спаси тебя Господи! Потрапезничал уже, – направился я к нему, – как вы устроились?

- Слава Богу!

Вокруг костра сидели мои спасители с матушкой Агафьей во главе.

- Прости, матушка, совсем про тебя на походе забыл, – поклонился я ей в пояс.

- Бог простит… Ты меня прости! - ответила она поклоном. – Ваше дело - княжье, ратное. Да и сам гляди, при первой возможности вспомнил же!

- Всего ли в достатке? – обратился я ко всем сразу.

- Слава Богу! – ответил за них Афанасий. – А я гляжу, ты, княже, сына с дочуркой нашел? Вот радость-то!

- Да, спаси Господи… А вот жену… убили поганые. Хотели снасильничать. Она не далась. Изрубили!

- Как величали-то? – спросила матушка Агафья.

- Еленой.

Старушка встала, перекрестилась на восток, сделала земной поклон, зашептала. Я услышал только «рабу Твою невинно убиенную Елену во Царствии Твоем!»

- Тятя, я спать хочу! – дернула меня за рукав Ольга.

- Ну, дорогие мои, доброй вам ночи, Ангелов-Хранителей, Покрова Божией Матери ! – поклонился я своей «дружине».

- И тебе, князь, и дочке твоей! – ответили хором мужики. Только матушка Агафья как-то странно посмотрела на меня, перекрестилась и покачала головой…

Все сыпалось из рук. Овощное рагу подгорело. Вместо заварного чайника я залил кипяток в сахарницу. Заварку задел локтем и она вся просыпалась на пол…

«Наваждение какое-то!» - подумал я. Открыл бутылку пива, стоявшую в холодильнике с начала поста. Оно оказалось прокисшим…

«Чего уж там! – всплыла в мозгу мысль, - коли начал грешить, выпью коньячку граммов сто пятьдесят. Надо же выспаться!»

Я прошел в кабинет, открыл бар. В нем, кроме коньяка, стояли и другие бутылки. Среди початых я нашел одну с незнакомым для меня названием «Текила».

«Вот, что я еще не пробовал!» - плотоядно сверкнуло в голове. Понюхал. Пахло приятно. Ого! 45 градусов! Налил рюмку. Залпом выпил. Налил еще одну. Улегся на диван и взял в руки телефон. Набрал номер Татьяны.

- Алло… - услышал я ее голос.

- Разрешите доложить? – попробовал весело начать я. – За время вашего отсутствия проишествий не случилось. Добрался благополучно.

- А, это ты… Я уже засыпала. А что ты сейчас делаешь?

- Сжег свой ужин, просыпал заварку, лежу на диване, пью «Текилу».

- «Текилу»?.. А ты не слишком спиртным увлекаешься?

- Это я, чтобы заснуть поскорее. Тебя же рядом нет!

- Я тоже успела соскучиться… Может быть…

- Мне завтра рано на работу. А у тебя выходной?

- Во всей стране – выходной! Если бы не твоя работа, мы могли бы остаться у Валеры…

- Что ж делать!..

- Ну, тогда спокойной ночи.

- Спокойной ночи.

И в трубке отрывисто и коротко загудело. Какой-то дурацкий разговор получился. А точнее разговора не получилось.

…Днем на дежурстве позвонил Валера: «Слушай, тут твоя Татьяна мне телефон оборвала. Просится переночевать. Ты как?»

- Завтра я меняюсь… Потом в редакцию. Сегодня уже второе, завтра – третье…

- А послезавтра – четвертое, а потом пятое! – засмеялся он. – Ты там не засыпаешь?

- Нет! Думаю. Приеду. Когда тебе будет удобно?..

И – понеслось! Мы с Татьяной поселились у Валеры. Молодая, некрасивая соседка оказалась очень доброжелательной. Даже поставила в «ничейную» комнату старую тумбочку, куда Татьяна сложила постельное белье и какие-то свои вещички. Вечерами мы с Валерой смотрели телевизор. Женщины секретничали на кухне, а может быть, сплетничали. По утрам все уходили на работу, а мы, - Татьяна, оказывается, взяла отгулы, - блаженствовали…

Однажды утром, еще в постели, она сказала: «Все. Сегодня восьмое января. Мои отгулы кончились Мне надо на работу».

«Восьмое!» - обожгло меня, - Вчера же было Рождество Христово! Мы же собирались все вместе к отцу Валерию! А я?!»

- Что с тобой? – чмокнула меня в щеку Татьяна.

- Нет-нет! Ничего…

- Но я же чувствую!

- Нет-нет… - я не находил себе места.

Она встала, накинула халат, вышла из комнаты. А мои глаза встретились с Эйнштейном, показывающим мне язык со стенной фотографии. Сейчас он чем-то вдруг напомнил мне старика-корня…

«Ну что? - казалось, спрашивал он, превращая язык в выступающий вперед подбородок, - И ты еще называешь себя христианином? Не легче ли отступиться? И не будет проблем с совестью?!» «А может быть, жениться на Татьяне? Обвенчаться с ней?» - мелькнула мысль. «А откуда ты знаешь, как она относится к Православию? Да и крещеная ли она? Крестик-то не носит… Да и люблю ли я ее?» - перебила ее другая.

В комнату вошла Татьяна. Прыгнув на меня верхом, начала тормошить: «Ну-ка, вставай, лежебока! Я уже яичницу пожарила, Валеру разбудила!»

И прильнула ко мне всем телом: «Эх, если бы не на работу, я бы тебя…»

- Таня, мне надо серьезно с тобой поговорить! – перебил я.

- Ты что? Собираешься сообщить мне, что где-нибудь под Владимиром у тебя есть жена? – хохотнула она.

- Не женат я… Но устал мучить Валеру нашими ночевками. – мотнул я головой.

- Сказать про тебя, что встал не с той ноги нельзя: ты еще не вставал…. Я тебя не кусала… Так какая же муха это сделала? Скажи только, и я прибью ее! – спрыгнула она с меня.

- Таня, а ты крещеная? – спросил я.

- Че-е-го? – она как-то вся даже осунулась.

- Я спрашиваю: ты крещеная?

- Не… не знаю. У нас в семье об этом как-то вообще не говорят. – пожала плечами она. - А какое это имеет значение? И вообще, я не могу опаздывать на работу! Поднимайся, пойдем завтракать.

Я встал, оделся. Завтракали молча. А в метро я напомнил: «Ты все-таки спроси у родителей, крестили тебя в детстве или нет. Это очень важно для меня. Понимаешь? Надо ведь что-то решать в наших с тобой отношениях. Не можем же мы вечно ночевать у Валеры».

- И что? – опустила она глаза.

- Сегодня вечером ты поговоришь с родителями. Завтра утром я меняюсь с дежурства, а вечером мы где-нибудь встретимся. Давай, на «Пушкинской». Сходим в кафе «Север», я угощу тебя мороженным и шампанским. И мы все подробно обсудим.

- Что обсудим?- не унималась она.

- Нашу дальнейшую жизнь. Нашу с тобой!

- И что же? Если я крещеная, дальнейшая жизнь, наша с тобой, есть? Если не крещеная, дальнейшей жизни нет?! – какое-то незнакомое раздражение закипало в ней.

- Почему же нет? Если ты – не крещеная, крестишься! – попытался я коснуться губами ее щеки.

- А что, для дальнейшей на-шей жизни мое крещение – обязательное условие? – резко дернулась она, отстранившись она от моих губ.

- Да, обязательное! – твердо сказал я.

- Дурак ты и религиозный фанатик! Или очень хитрый и подлый! – вспыхнула она. И, - в эту минуту поезд остановился, - прострелив меня глазами, выскочила из вагона.

Я ехал дальше. Продолжая с ней диалог в уме. Что-то доказывая. И - в поисках того, что же я неправильно сказал… А в «Главснабе» меня ждал Василько.

- Что случилось?! Звоню по телефону – никто не отвечает. Заехал – тебя нет дома. Дежурство прогулял. На Рождественскую службу не пришел. К отцу Валерию в больницу не приехал…

- Дежурство прогулял?! – лихорадочно вспоминал я… И обжегся мыслью о том, что на одно дежурство я действительно не вышел.

- Что случилось, Александр? – продолжал требовать объяснений Василько.

- Пойдем, выйдем на воздух. - вздохнул я.

- Ну, пойдем.

Мы вышли на улицу. Я закурил. И честно рассказал обо всем.

- Да, взяли тебя в оборот! - пробормотал Василько. И тут же добавил: «Но не думаешь ли ты, что я жалеть тебя стану?! Сто граммов на опохмелку налью?!»

- Да причем здесь похмелье?! – вспыхнул я.

- Ладно, - положил он мне руку на плечо, - пойдем.

Мы поднялись по переулку и зашли в пивной зал. Василько отошел к прилавку и скоро вернулся с подносом, на котором стояли стакан с томатным соком, кружка пива, рюмка водки и тарелка, на которой словно покрытые июньской росой, поблескивали бутерброды с ветчиной..

- Я – за рулем. – сказал он. - А тебе можно. Это снимет стресс. Молиться ты сейчас все равно не сможешь. А тебе, я вижу, тяжко. Но ты же – воин Христов. В армии говорят: упал – отжался. А у нас: упал – покайся. Тогда и молитва придет, если Бог даст. Впрочем, я тебе как-то уже говорил, по-моему, об этом… А знаешь, почему я не женюсь?

- Нет, конечно. Ты всегда обрубал эти разговоры. – удивился я и опрокинул в рот рюмку.

Он отхлебнул томатного сока, надкусил бутерброд.

- Ходит к нам в храм одна девушка. Сразу она мне приглянулась. Все - при ней… И я ей – по нраву. Встречаться начали. Но оказалось, что порченная она. Нет, не в том смысле! Прабабка у нее была колдуньей! А умирая, матери моей избранницы передала свое черное искусство. Но та не успела Гале, - так зовут девушку, - передать. Умерла бабка, когда Галя на практике в Крыму работала. Там такая история была! С кровью, ножами, бесовскими явлениями… Одним словом, как захотели мы венчаться, отец Валерий сам благословения не дал. Велел к старцу в Сергиев Посад ехать. Ну, мы поехали. А старец говорит ей: нет, мол, деточка, тебе сперва прабабку, бабку, мать своих вымолить надо. Много они зла людям сделали. Выкупить зло добром надобно. Иначе семьи не будет. Лукашки так просто не отпускают: целый род колдуний! Вот вместе теперь и вымаливаем. Ей-то - особенно тяжело!

- И сколько ж лет вымаливать надо? - спросил я.

- Старец сказал, что Господь знак даст. – вздохнул Василько.

- А какой?

- Если бы знать! Люблю, понимаешь, а вот тяги к ней мужской нет…

- Может быть, в ее появлении и есть знак?

- Бог ведает… Ты допивай пиво, а то на дежурство пора. – осушил он стакан с томатным соком. И добавил: «А рапорт я на тебя за прогул обязан написать. А ты – объяснительную. Но не переживай. В худшем случае, премии лишат. Прости уж».

- Да чего там! Сам ведь виноват! – мотнул я головой.

- Я к чему рассказал тебе о своей любви? – снова заговорил он. - Чтобы ты не «влетел» в такую же историю. Сам понимаешь, что духовных силенок у тебя еще маловато. И пример тому, что забыл с Татьяной своей обо всем на свете, даже о Боге!

- Спаси тебя Господи, брат! – произнес я. И добавил: «А как же ты все-таки, как мужик, терпишь?»

- Подступит иногда, - хоть на стенку лезь! Встану на колени. Помолюсь. Положу поклоны. Господь и помогает. Отпускает… - опустил он голову. Мы спустились по переулку к «Главснабу».

- На, зажуй запах, чтобы никого не вводить в искушение, – протянул он мне мускатный орех, – Ангела-Хранителя тебе и спокойного дежурства.

- Погоди! – остановил я Василько. – А как мне все-таки к батюшке съездить?

- Завтра вечером вместе со мною. Утром рано позвоню. – улыбнулся он, пожимая на прощанье руку.

Поздно вечером позвонила Татьяна.

- Ты знаешь, я, наверное, была не права, - заговорила она, всхлипывая. – Кстати, я узнала: меня бабушка крестила еще совсем маленькой…

- Ну что ж, это замечательно! Значит, мы можем пожениться. Обвенчаться. – улыбнулся я, сразу забыв ее обидные слова в метро.

- По-же-нить-ся? Ты что же, мне предложение делаешь? – как-то заторможено спросила она.

- Ну, предложение по телефону не делают. Послезавтра встретимся, и я скажу все в глаза.

- Ты это серьезно? – в ее голосе звенели и слезы, и радость.

- А ты что, разве против?

- Нет. Но почему тогда послезавтра, а не завтра?

- Потому что завтра у меня очень много дел.

- А каких?..

- Много будешь знать, скоро состаришься. А ты мне нужна молодая… Пойми, милая, не все можно говорить по телефону. К тому же я здесь не один.

- Но я буду скучать… Я уже скучаю! – опять всхлипнула она.

- И что же ты предлагаешь? Потом, когда мы будем вместе, мне и в командировки придется ездить…

- Конечно-конечно… Спокойной тебе ночи, любимый. Я целую тебя!

- Спокойной ночи, дорогая моя ! – чмокнул я в трубку. А вскоре позвонил Василько и назначил время и место встречи, что навестить отца Валерия. А дальше дежурство покатило, как по рельсам. Утром, вернувшись домой, я позавтракал. Выспался, пообедал и, наконец, сел в «ласточку» Василько. По дороге мы купили фруктов. И через полчаса входили в палату к отцу Валерию. Он обнял нас, благословил.

- Батюшка, мне надо покаяться. Срочно! – сразу сказал я.

- Как, прямо здесь? При Василько? - вскинул брови отец Валерий.

- Василько обо всем знает. - в моей душе все скрипело и скребло.

- Ну что ж… - кивнул отец Валерий. И когда я все рассказал, он покачал головой: «Как же тебя на блуд пробивает! Жениться, говоришь? Было бы неплохо, если бы твоя Татьяна ко мне пришла. Пока никакого благословения тебе дать не могу. Надо помолиться, подумать… Но хочу сказать главное: никакого блуда! Никакой близости! Если не выполнишь, наложу строгую епитимию… И все-таки постарайся привести ее ко мне! А в ближайшее время сходи на службу и исповедуй грех блуда отцу Григорию. Подробно ничего не рассказывай. Просто покайся в блуде».

- Ой, батюшка! Не хочется мне к нему даже под благословение подходить…

- Знаю-знаю! Но как говорил один подвижник благочестия нашего времени, мол, наш Гаврила – хоть и свиное рыло, но благодать священства на нем есть. Он ведь просто свидетель, а покаяние примет, - или не примет! – Сам Христос. Можешь даже не причащаться… Хотя и это было бы неплохо. – похлопал меня по плечу отец Валерий. И дальше разговор пошел о более веселых, обыденных вещах.

На следующий день я не смог ничего писать. Из головы не выходили сомнения отца Валерия. «И как мне к нему Татьяну притащить?! Как объяснить ей все?! Ведь она совершенно далека от Православия! Жениться?! А не поспешил ли я? Люблю ли я ее? Ох-ох-ох!» - прожигали меня мысли.

Я взял в руки какую-то книжку, улегся на диван… Но… не читалось. В голове вертелось одно и то же…

«Надо помолиться!» - подсказала мысль. И я схватил молитвослов. Но той молитвы, которую читала как-то инокиня Мария о даровании разумения, в нем не было. Я встал, оделся и минут через двадцать был уже в церкви. Матушка Мария протирала большие подсвечники под иконами. Увидев меня, улыбнулась: «Что ж на Рождество не приходил? Дежурил, поди?!»

- Хуже, матушка, грешил! – честно сказал я, – Вчера отцу Валерию каялся. А кстати, отец Григорий в храме?

- В Алтаре. Сейчас выйти должен. – прикусила губу она.

- Вот и хорошо. Мне надо официально исповедоваться, чтобы епитрахилью накрыли и разрешительную молитву прочитали. Так отец Валерий благословил.

- Пойду, скажу ему. – засеменила она в сумрак храма. И скоро молодой священник вышел бодрой походкой и весело спросил: «Ну-с, с чем пожаловали?»

- С исповедью. – ответил я.

- А почему не на службу, завтра?

- Отец Валерий благословил срочно.

- Воля отца настоятеля – закон! – хихикнул он. И произнес более серьезно: «Ну-с, приступим».

Он зачастил священнические молитвы перед исповедью. Склонившись к аналою, я перечислил блуд, нарушение поста в еде и питии, прогул на работе и все те грехи, которые повторял на всех исповедях, но от которых не мог избавиться. Отец Григорий накрыл меня епитрахилью, проговорил разрешительную молитву и ушел.

Мне немного полегчало. Я подошел к иконе святого благоверного Великого Князя Александра Невского.

- Прости! - сказал я ему, приложившись и поклонившись, – Помоги разобраться в себе, в Татьяне. Помоги убедить ее придти к отцу Валерию. Приведи ее к Православию…

Вечером мы с Татьяной сидели в кафе «Север» и запивали мороженное шампанским и горячим кофе. Выслушав меня, она вспыхнула: «Почему я должна идти к какому-то незнакомому мужику, да еще рассказывать ему свое сокровенное?»

- Это не мужик, а священник! – убеждал я.

- Так что?! Мы свои личные вопросы сами не можем решить? – не унималась она.

- Пойми, брак – это Таинство!

- Я о том же говорю! Поэтому мы не должны посторонних посвящать в наши с тобой тайны. Ну, я понимаю, Вике, Валере, ну, родителям можно что-то рассказать…

- Он будет нас венчать! А перед этим необходимо исповедаться. Рассказать свои грехи… Покаяться в них…

- Да какие там грехи? Откуда?

- Ты что же считаешь себя безгрешной?!

- Конечно! Никого не убила, не ворую, живу с одним любимым мужчиной, честно зарабатываю деньги… В чем грехи-то?

- Тебе надо прочитать одну книжицу. Там все это расписано!

- Нам с тобой, милый, сейчас не до книжек будет. Вика говорит, что подготовка к свадьбе – это больше, чем переезд, а значит больше, чем три пожара! Кстати, когда ты планируешь пойти в ЗАГС подавать заявление?

- Сразу после того, как мы навестим отца Валерия в больнице

- Хорошо, в больницу я с тобой обязательно схожу. Даже фрукты сама куплю. Но о личных делах с твоим попом говорить не буду… Ой, времени-то сколько! Мы к Валере сегодня не поедем… Понимаешь, мне… Ну,.. нельзя… Проводи меня домой.

«Слава Богу!» - подумал я.

По дороге Татьяна нежно льнула ко мне, что-то щебетала… А в метро я рассказал ей об отце Валерии, о том, что он – Герой Советского Союза, бывший майор-десантник…

- Ой! – перебила она меня. – Мой дедушка тоже был полковником! Начинал красным командиром. Потом в ЧК вместе с бабушкой работал. Умер уже ветераном КПСС, Великой Отечественной войны и органов Государственной безопасности.

- Ты же говорила, что тебя бабушка окрестила? – недоуменно спросил я

- Так это – мамина мама. А дедушка, о котором я говорю – папин папа. Я его больше всех любила в детстве. Все выходные у них с бабушкой проводила. Такие чудесные воспоминания! Правда они недолюбливали маминых родителей… Но те – сами виноваты! Вся их жизнь из предрассудков состояла! Бабушка, - мамина мама, - даже в церковь каждое воскресенье ходила! Представляешь, один-единственный выходной, и тот - полдня надо отстоять в церкви! Поэтому и меня очень редко отпускали к этим бабушке и дедушке. – щебетала Татьяна.

«Так вот, откуда такое отношение к священникам и к вере…» - подумал вдруг я.

- Может быть, зайдешь, с родителями познакомишься? – спросила Татьяна, когда мы подошли к ее подъезду.

- Давай, в другой раз. Поздно уже. Завтра – рано на работу, на сутки. - покачал я головой.

- Правильно. Тебе надо отдохнуть! – поцеловала она меня своим коротким крепким поцелуем и вбежала в подъезд.

«Что-то я не то творю! Что-то не то! Но слово-то уже дано… Так что, поздно разворачивать оглобли… - подумал я и зашагал к автобусу…

Я взял две медвежьих шкуры, обнял за плечи дочку сказал: «Ну, веди, показывай свой терем на колесах… Возле повозки, к которой подвела меня Ольга, у костра сидела молодая, склонная к полноте, но этим и милая, мордовка в окружении нескольких ребятишек. Самые маленькие хлебали из глиняных плошек душистую уху с пшенкой, периодически обмакивая в нее краюхи ржаного хлеба. Те, кто постарше и уже съели свою долю, прутиками выкатывали из углей печеную репу и перекидывая с ладони на ладонь, жадно вгрызались в нечищеную почерневшую мякоть.»

- Ангела за трапезой! – весело сказал я. - Ну и кто хозяйка этой повозки?

- Я. – встала мордовка. И тут же затараторила: «Ой, князь, я так рада, что ты нашел своих детей! Ольгонька так переживала все эти дни… Молилась! Говорила, мол, не дай Бог, в бою что-то случится… Ведь только нашла тятеньку! Только бы снова не потерять!»

- Как тебя величать? – перебил я ее.

- По-христиански Татианой. – потупила она взор.

- Так вот, Татиана, позволь мне переночевать в твоей повозке с дочерью. Материнской ласки она не знает… Так хоть как-то, Бог даст, смогу восполнить… - говорил я, но слова терялись и не находились.

- Что ты, что ты, князь?! Подушками отгородишься от нас и спи себе с Богом! Тесно не будет. Да и в тесноте, но не в обиде… - затараторила опять мордовка.

- Вот и славно. Я тут твоим деткам рыбки вяленой да яблочек моченых с княжьего стола принес. Раздели сама.

Дети загалдели, кинулись к гостинцам…

- А ты стели пока. Надо выспаться. Завтра затемно уходим. – сказал я Татиане и почувствовал, что глаза мои слипаются. Когда мы улеглись, я попытался вспомнить слова колыбельной песни, которую пела жена, укладывая спать сперва - Георгия, потом – Ольгу… Но не смог. «Хорош тятенька! – горько признался я себе, – Заменил матернюю ласку дочке!» А Ольга, пригревшись под медвежьей шкурой, уже посапывала. Да и снизу от углей под повозкой шел живительный, усыпляющий жар. «Спаси, Господи, чад моих Георгия и Ольгу!» - подумал я и перекрестился.

- Что, князь, не спится? – услышал я из-за подушек голос Татианы. И промолчал. Начал читать одними губами Иисусову молитву. С нею и заснул. И тут же проснулся от горячих губ, рук, которые, казалось лепили мое лицо, тело под суконной рубахой, всего меня… Я хотел рвануться, но было уже поздно… Я уже не мог оторваться, а мордовка, лежавшая на мне, вся задрожала, сладко выдохнула и откинулась в сторону.

- Спасибо тебе, князь!.. И прости меня!.. Не смогла я выдержать… Поди, уж два года прошло, как Ивана моего убили. То ли зверь дикий, то ли поганые… Однако, принесли его всего окровавленного с охоты. Говорили, мол, медведь… Да не увидела я следов от когтей, когда обмывала. А вот следы от мечей увидела… - горячо и в то же время лениво шептала она из-за подушек. А я не знал, куда деть себя! Ольгонька по-прежнему сладко посапывала рядом… Я встал. Вылез из повозки, натер лицо свеже выпавшим снегом. Увидел, что и Татиана вылезла.

- Прости меня, князь! – бухнулась она мне в ноги…

- Ну что ты?! Что ты?! – поднял я ее. – Ступай-ка спать! Скоро собираться в путь. А где еще ночевать придется, один Бог ведает. Не мучай сердце! Все хорошо было…

Она, непрестанно оборачиваясь на меня, полезла в повозку. А я сгреб побольше углей, подложил их под нее и сел у костра. Внутри меня все гудело и звенело.

«Прости меня, лада моя!» - подумал я, представив лицо жены. И действительно, увидел ее… Она вроде бы сперва нахмурилась, погрозила пальцем, потом улыбнулась, мол, понимаю. Жизнь есть жизнь! Вдруг лицо ее преобразилось в совершенно незнакомый образ. Светлые, слегка вьющиеся волосы спадали на плечи, прикрывая шею и грудь… Зеленые глаза вспыхивали, как снег, отражающий лунный и звездный свет. Тонкий нос с едва обозначившейся горбинкой заканчивался еще более тонкими, почти прозрачными ноздрями. Губы, слегка приоткрывшись обнажали ряд ровных белых зубов…

Я мотнул головой… Видение исчезло. И тут я увидел священника, проходившего по городищу от княжьего терема к церкви.

- Батюшка! - кинулся я к нему. Он остановился, огляделся.

- Батюшка, - продолжал я, - мне надо сей же час исповедаться!

- Что ж такое? – недоумевал он.

- Я – ратник. Совершил грех. А ну, как завтра - в бой!

- Ну что ж. Пойдем, чадо! – поклонился он, показывая ладонью на храм. Двери в церковь легко распахнулись. На коленях молились несколько монахов и монахинь. Все лампады горели. Вместо свечей кое-где трещали лучины. И хотя были они поставлены, как свечи, - не гасли!

- Горят не лучины… Сердца людские пылают любовью к Богу. – должно быть, перехватил мой удивленный взгляд священник. – Потому и не гаснут. Хотя ни одна лучина в таком положении гореть не должна… Ты помолись пока, а я приготовлюсь.

И он ушел в Алтарь. Я преклонил колени. Было сладко… Сколько я простоял так, не помню. Очнулся же от того, что священник прикоснулся к моему плечу: - Пойдем, чадо.

Перед аналоем я все рассказал, ему как было. Он на мгновенье опустил глаза в пол… Пошевелил губами…

- Да, грех блуда есть. Хотя и не намеренный. Прощаю и разрешаю! – накрыл он меня епитрахилью, перекрестил, прочитал молитву. И добавил: «Только не убивайся так сильно. Ты дал княжеское семя! Кто знает, сколько Господь тебе, ратнику, отмерил… Но, ежели Бог благоволит, семя княжеское пойдет в народ по земле Русьской… Впрочем, что это я? Не мне, грешному иерею толковать о сем. Это – великая тайна! А тебе – три земных поклона ежедневно до первой битвы и всю жизнь молиться о здравии рабы Божией… Как ее кличут? Да-да, Татианы. А приберет ее Господь, - так за упокой. Ступай с Богом!»

Я вышел из церкви совершенно новым, словно меня отпарили в бане, нахлестав березовыми и дубовыми вениками, окунули в снег и снова, загнав в парилку, натерли березовой золой, окатили горячей и холодной водой, напоили медовым крепким квасом и теперь выпустили на воздух…

Я подгреб еще углей под повозку и залез внутрь. Услышал тихие всхлипывания Татианы. Переклонился через подушки, чмокнул ее в лоб и тихо сказал: «Ангела тебе Хранителя и Покрова Божией Матери! А в ближайшей церкви сходи на исповедь и покайся. Все хорошо! Но грех – есть грех!»

- Да, князь? Ты, правда, так считаешь? Или просто успокаиваешь меня? – услышал я.

- Считаю-считаю! Спи! – после этого бурчания сон опутал меня… Но, как показалось, через миг я услышал голос Ивашки: «Княже, вставай, пробудись! Все собираются! Выходим!»

Я вскочил. Толкнул в бок Татиану: «Вставай! Выходим!»

Выскочил из повозки. Обтер лицо и шею снегом.

- Слава Тебе, Господи! - выдохнулось у меня. А через час мы уже шли к Зарайску. Ночевали в больших селах, посадах, городах, монастырях. Всюду князя Данилу принимали, как родного. Шутка ли, - бо-ольшой воевода, показавший себя в битвах и два, и четыре года назад…

Когда на привалах я подходил к повозке, в которой ехала Ольга, Татиана, пряча глаза, куда-то убегала. Поэтому мы с дочерью могли подолгу разговаривать. Она показывала мне кукол, которых смастерила сама из тряпок. Правда, опять же - под руководством той же Татианы. А однажды сказала: «Знаешь, тятенька! Мне иногда обидно бывает: тетка Татиана меня балует больше, чем своих детей. А ведь они – тоже сиротиночки…»

Ну что тут было сказать ей?!

…Наконец, вдали, на холмах мы увидели большие белые стены, башни, купола храмов, дымы. Мороз крепчал, но уже не чувствовался: впереди – Москва! Тут и кони пошли бойчее, и люди повеселели!

Задолго до кремлевских стен начались частые деревни, затем, почти без промежутков, - переходящие один в другой, посады. Мордвины все, как по приказу, высунулись из повозок и дивились. Гонцы давно ускакали сообщить Великому Князю о приходе князя Данилы Пронского с дружиной.

Навстречу нам выехал широкий в кости, моих лет, князь с десятком ратников. Мне показалось, что в первый свой приезд сюда видел его среди приближенных к Димитрию Иоанновичу, но память отказывалась служить… Князь Данила между тем, пришпорил коня и отделился от нас. Подскакав друг к другу, москвич и наш вождь, спешившись, поклонились взаимно в пояс и обнялись.

- Князь Володимир! Ну, как вы здесь? – громко приветствовал князь Данила.

- Слава Богу! А ты первый привел дружину! Молодец! С какими вестями пришел? – ответил тот.

- Не только с вестями! – засмеялся князь Данила, - Вот обоз на дороге подобрали. Мордовский. Мой крестный брат, князь Василий ушел из отчины… Вот у кого вести-то!.. Но, чтобы по десять раз одно и то же не переговаривать, все поведаю на совете. Куда только скажешь обоз девать? В нем бабы, дети, старики…

Они оба снова вскочили в седла. Князь Володимир подозвал кого-то из своих. Долго что-то говорил ему. Тот кивнул: «Все исполню.»

Теперь князь Володимир обернулся к нашему: «Поди с дороги голодные? Трапеза, должно быть, уже накрыта…»

- Я с дороги первыми делом в собор хотел бы сходить, молебен благодарственный отслужить. – мотнул головой князь Данила.

- Ну что ж! В собор – так в собор! – кивнул князь Володмир.

На башне красовался образ Спасителя. Мы перекрестились и въехали в Кремль.

- Кто это? Спросил я князя Ондрея, кивнув на князя Володимира. Видел мельком его в свой прошлый приезд, да запамятовал… Но, видать, – старейший князь…

- О! Это – Володиимр Ондреевич Серпуховский-Боровский! Не гляди, что нам ровесник… В народе его уже нарекли Храбрым! Да и сам пользу Отчины любит больше, чем власть… Великим-то князем он должен был стать… Но отказался в пользу Димитрия Иоанновича… Девять лет назад Володимир Ондревич, - пятнадцатилетним еще! - сам водил дружину на Ржев, который захватили литовцы! Посек их в капусту! Да изгнал с позором оттуда!

- Да, что-то слышал об этом! – отозвался я, вспоминая.

А князь Ондрей продолжал: «Семь лет назад Михаил Тверской с шурином своим, литовским князем Ольгердом, пришли Москву брать… Мы тогда ускоренно вышли на помощь… Не успели… Великий Князь Димитрий Иоаннович стал готовить город к обороне. А Володимир Ондреевич собрал большую рать под Перемышлем.

Часть ее должна была пойти на Тверь, а другая, - большая, - ударить в тыл Ольгерду и Михаилу… Ну, Ольгерд, как узнал о том, струхнул! Запросил вечного мира и предложил отдать свою дочь – красавицу Елену за Володимира Ондреевича. Вот только князь Михаил Ляксандрович Тверской не унялся. Горд! Честолюбив! Посчитал, что ежели он - старший в роду, так должен стать Великим Князем… А то, что Димитрию Иоанновичу княжение по наследству от деда и отца досталось, прости, Господи, по гордыньке не доходит… Вот и сходил он два года назад в орду, купил ярлык на Великое Княжение. Разжег опять межусобицу. Ведь кроме Новогорода, Твери и Рязани все под руку Димитрия Иоанновича пришли. Все понимают, что распрями, да дележкой ярлыков Отчину не возродить! Так вот, купил князь Михаил ярлык. Великий Князь и Володимир Ондреевич собрали рать и пришли под Тверь. Вразумил Господь князя Михаила. Понял он, что сила солому ломит и признал старшинство Москвы. Но сколько ж лет, сил, жизней человеческих пришлось положить, чтобы добиться этого единения!»

Я, слушая князя Ондрея, не забывал дивиться красоте теремов, высоте стен, чистоте мощеных бревнами улиц стольного града, нарядам его жителей. Мы подъехали к собору. Князь Данила поднял руку и дал знак спешиться всем. Снял шелом, сделал земной поклон и поднялся по ступеням в собор. У Канона служили панихиду. Сновали служки, монахи. Одному из них князь Володимир Ондреевич что-то шепнул, и тот убежал. А к нам вскоре вышел священник.

- Меня зовут отец Константин. Вы хотите отслужить молебен. Перед Алтарем или приделом? - спросил он.

- Хотелось бы пред Святым Алтарем, отче. – ответил князь Данила. И добавил: «Благодарственный молебен. За благополучное окончание путешествия.»

- Благослови, Господи! – перекрестился священник и ушел облачиться.

Более тысячи голосов подпевали потом ему и диакону: - *«Господи, поми-и-и-луй!»*

И казалось, что голоса эти под сводами собора многократно отзываются где-то в недосягаемой вышине, множатся, взывают… Словно вся земля Русьская, наконец, объединившись, молила Спасителя о помиловании в этой многолетней зависимости от орды. А может быть, это пели Святые Божии Ангелы?! После молебна все мы направились к золоченому ведерку, бросая туда золотые, серебряные, медные монеты. Я в нерешительности остановился…

- Ты что? – подтолкнул меня князь Ондрей.

- Понимаешь, брат, у меня ничего, кроме серебряного нательного креста нет. Даже обручальное кольцо поганые в полоне с пальца содрали. - опустил я голову.

- Это – не беда! – улыбнулся он, взял мою руку, разжал ладонь и всыпал из своей в мою несколько серебряных монет.

- Я отдам! – вырвалось у меня.

- А вот это уж – обязательно! Это – жертва Богу. И ее ты должен принести. Только отдай ее, как бы за меня, в церкви или нищим…

«Может ли быть что-нибудь выше и чище…» - даже в мыслях я не находил подходящих слов: чем еще выразить любовь, дружбу, братство православных христиан…И, не пересчитывая, высыпал монеты в ведерко. При этом прошептал: «Спаси, Господи и помилуй раба Твоего князя Ондрея и меня, грешного со чадами…»

- Теперь - к Великому Князю! – громко сказал Володимир Ондреевич, когда мы вышли из собора.

- Князь Трофим! – позвал князь Данила. – Устрой людей на ночлег. Прикажи обиходить коней. А все остальные сотники, и вы, князья Ляксандр и Василий, пожалуйте со мной.

Димитрий Иоаннович встретил на крыльце своего терема. Статный и простой, в грубой домотканой рубахе, вышитой крестами, утицами, цветами, с тонким кинжалом на поясе, он улыбнулся: «Рад видеть тебя, друже, соратник мой добрый!»

Они обнялись с Данилой Пронским и трижды похристосовались.

- Хорошо ли добрались? – спросил Великий Князь.

- Об это разговор еще предстоит. А так за все – слава Богу! – ответил князь Данила.

- Оголодали с дороги? Стол накрыт. Я никого не стал созывать. Вот только - брат Володимир. Пойдемте в трапезную. О! А кто это с тобой? – увидел меня Великий Князь, – Погоди-погоди… Уж не князь ли Ляксандр! Ты же за княгинюшкой и княжатами своими поехал… Где ж так долго пропадал?

- В полоне ордынском… А княгини моей уже нет на этом свете. Порубили поганые. Всех сродников тоже… Отчинку всю сожгли… Деток, правда, мордовский князь Василий, - указал я на него и опустил голову, - Отбил. Так и свиделся через него с княжатами….

И вдруг кровь ударила мне в голову: а ведь по ладушке моей даже панихиды не заказал… Но тут же спохватился: а на что?

- Горько! Сердцем и душою разделяю твою скорбь, князь. Но будем жить дальше! Пока Бог дает. И это надобно хотя бы потому, что нет в Русьской земле человека, у которого бы не пал от рук поганых кто-нибудь из ближних. Так что, пойдемте в трапезную… - потребив русую, курчавую бородку, вскинулся Димитрий Иоаннович. Я мотнул головой и, подталкиваемый по-доброму князем Ондреем, вошел в терем. Помолившись, сели за стол. Подали горячую лапшу, с сухими боровиками, соленые грузди, моченые, яблоки, пареную репу, брюкву, бруснику….

- Простите, братия! – поднял чашу с квасом Димитрий Иоаннович, - У нас с постом строго. А завтра – Рождественский сочельник. Посему, откушайте, чтоб до разговения хватило. Следующий раз будем вкушать коливо после первой звезды… А ведь как Господь довел?! – вдруг подмигнул весело он. – В самый раз под Рождество Христово довел вас! За Него и выпьем! Слава Тебе, Господи!

У меня помягчело на сердце, а сотники одобрительно зашумели и осушили свои чаши.

- Хорош у тебя квас, Димитрий Иоаннович, забористый! – поднялся князь Данила, – Но позволь, как водится, выпить и за твое здравие!

- Спаси тебя, Господи! – ответил Великий Князь и тоже встал. - Веселие не в хмеле, а в сердце!

Мы все вскочили и дружно пропели *Многая лета.*

Великий князь опустил голову. И после того, как все осушили чаши, проговорил: «Уж и не знаю, сейчас ли обсудить все дела. Или завтра? Или после Рождества?..»

- Дозволь сказать? – спросил князь Данила. – Я так разумею, как учил меня мой духовник: пост – время молитвы и труда. Мои люди устали. Благослови отдохнуть. А завтра соберемся и до ночной службы потрудимся: все обговорим.

- Добро! – кивнул Великий Князь, – Вас проводят по покоям. Князь Володимир, как я понял, устроил уже и дружину и обоз на ночлег?

- Все сделал. – отозвался Володимир Ондреевич.

- Ну, вот и ладно. Ступайте отдыхать… Князь Ляксандр! А где ж княжата твои? – вдруг спросил меня Димитрий Иоаннович.

- Сын, Георгий, - уже отрок, - в сотне князя Ондрея. Так он – с сотней, как положено. А дочка Ольга – в обозе. Значит, тоже устроена!

- А вот это – не дело! Чтобы завтра дочка твоя была представлена Великой Княгине. В моем тереме жить будет, пока ты свой в Москве не поставишь. Ну, храни

тебя Бог! И вас, князья! Доброго вам отдыха. Ангелов-Хранителей! – перекрестил он всех и ушел в боковые двери.

- Устал Великий Князь! – шепнул я Ондрею.

- Как тут не устать?! Быть хозяином и отцом такой земли, такого народа! Это все для нас хиханьки да хаханьки… А он – то из седла не вылезает, то с лесов строительных не сходит, то ночей не спит на беседах – военных советах. А ты бы видел, как он молится! Пот с чела льется! Только что не кровавый… Ведь из пепла землю Русьскую поднимает!..

Мы медленно шли за отроком по переходу терема. Князь Ондрей продолжал: «Ты знаешь, я лукавить не люблю. И скажу, что ни в пример новгородцам или тверичам Великий Князь ни разу не оговорил другого, ни на кого не натравил орду или Литву. А по отношению к черни – ни одного жестокого приговора не вынес. И никто про него противного этому сказать не сможет. Потому, что это – правда! Все он начинает с молитвы и доводит до конца. А сколько князей своей любовью привлек на службу?! Поганые! И те крестятся и служат не за страх, а за совесть!»

- А не держат ли они ножа за спиной? – вдруг вспомнил я слова князя языческого Илгуса.

- Бог не попустит! Верю в это! – отрезал князь Ондрей.

- Ты говоришь так, словно и не выезжал из Москвы. - усмехнулся я.

- Выезжал-выезжал! – засмеялся он. - Но возвращался. Не через Рязань. Бог миловал. Лесом… У меня такие следопыты в сотне есть… Обычно это бывало постом, поздней весной или ранней осенью. А несколько зим провел в Москве…Впрочем, пойдем-ка спать! У нас с тобой на разговоры много времени будет. Приглянулся ты, как я разумею, Великому Князю Димитрию Иоанновичу! Бо-о-льшая служба тебе предстоит! А по заслугам и честь!

- Спаси тебя Господи! – отозвался я.

- Вот твоя горница, князь Ондрей, - вмешался отрок, открывая дверь, - А рядом – твоя, князь Ляксандр…

Ночью мне ничего не снилось. Я лег и, казалось, тут же услышал голос Ивашки, требующий моего пробуждения.

Мы встретились с Татьяной в метро. В одной руке она зажала пучок хилых хризантем, в другой держала авоську с яблоками и мандаринами.

- Вот, - скользнув своими губами по моим, приподняла она руку с фруктами, - как обещала. Заяц трепаться не любит.

- Ну, заяц! - засмеялся и крепко поцеловал ее. Пока мы шли от метро до больницы, она рассуждала: «А что, если поп твой скажет, что жениться тебе на мне нельзя, ты и не женишься?»

- Во-первых, он так и не скажет.., - начал было я.

- Я - не о нем, я - о тебе! - перебила Татьяна.

- Понимаешь, наша Церковь никого насильно не заставляет делать то или другое. И не делать – тоже. Как и сам Господь. - я почувствовал в своем голосе интонации Василько.

- Ой, да знаю я, что Бог есть… Но вся эта церковность – какой-то спектакль! Можно же верить в душе! Зачем эти попы, церкви, обряды, стояние на них?! – не унималась она.

- Чтобы показать Богу, что мы хотим спастись.

- Спастись?! От чего?! Или от кого?!

- Хорошо! Вот ты любила своего дедушку. И каждый выходной бежала к нему. А зачем? Для чего?

- Ну… Мне там было хорошо…

- А у Бога разве хуже? Мы идем в выходные в церковь, как к Отцу, сотворившему нас.

- И ты, окончивший высшее военное инженерно-командное училище, говоришь это?! Что ж твой Бог участвовал в зачатии меня или тебя, или другого кого-нибудь?! Теперь же каждый школьник знает, «откуда дети берутся». - хохотнула она.

- Да нет же… Я просто объяснить тебе всего не могу: знаний не хватает. - горько чувствовал свое безсилие я.

- Знаешь, любимый, давай оставим этот спор, чтобы не поссориться. Я просто вдруг ощутила какое-то раздражение в себе… К тому же, ты ушел от ответа: если вдруг твой поп не разрешит тебе жениться, ты и не женишься на мне?

- Да он уже разрешил! – выдохнул я. – К тому же священники ничего не запрещают. Они просто благословляют, призывая Божией благословение на добрые, с точки зрения веры, дела. Или предостерегают, мол, того-то и того-то делать не полезно, потому что это противоречит закону Божиему. А человек уж сам выбирает, - послушать ему священника или того, кто за левым плечом.

- Ты это о ком?

- О бесах, конечно… К человеку со Святого Крещения приставлен не только Ангел-Хранитель, но и бес-погубитель. Второй - даже с рождения.

- Ох, Саша-Саша! Хватит мне этих сказок про чертей и Ангелов! Ерунда все это! Ну, да, Бог, должно быть, есть, но вот других я что-то не видела!

- А Бога ты видела?

- Послушай! Это, ну… если не мракобесие, то уж такая дремучая темнота, как дедушка говаривал, общенародный похмельный синдром какой-то! Давай, о другом поговорим. А то поссоримся… Я не понимаю, как ты, человек с высшим образованием можешь верить во все это! И все-таки, если батюшка не разрешил бы тебе жениться на мне, ты бы бросил меня?

- Ох, вот теперь, кажется, я начинаю раздражаться… Если бы, да кабы, да во рту росли грибы! - мотнул я головой. - Есть факт не разрешения или запрещения, а бла-го-сло-ве-ния. И что тут говорить еще об этом?!

- Ну, все-все-все! – потянулась она ко мне и чмокнула в щеку. Мы подошли к больнице и вошли в нее молча. Когда заглянули в палату, увидели, что рядом с кроватью сидит матушка Елена.

- Давай подождем, - объяснив все Татьяне, предложил я.

- Красивая у него жена! – восхитилась она. – Да и он – тоже. Увидела бы на улице, подумала бы, что артист какой-то или художник знаменитый! Но уж никак - не поп! Кстати, завтра у меня все эти женские дела заканчиваются. Муж Вики в командировке, и мы можем переночевать у нее…

- Давай потом поговорим! – перебил я, лихорадочно думая, как бы объяснить, что до свадьбы у ничего интимного быть не должно. В это время из палаты вышла матушка Елена, и я, встав, похристосовался с ней.

- Что это ты?! - когда она отдалилась, вспыхнула Татьяна. - Вы что там, в церкви, своей с каждой бабой целуетесь? А может быть и не только?

- Это же святое братское целование! – удивился я.

- Ага! Подвинься, сестра, я лягу. - съязвила она. - Мне не нравится это!

Но тут же изобразила на лице улыбку и вошла в палату.

- О! Дорогие мои! – вскинулся на локтях отец Валерий. - Спаси вас, Господи за то, что пришли! А это, как я понимаю, Татьяна! Ну, садись Танюша! И ты, Александр, возьми стул от стола. Ну, как вы?

- Спаси Господи, батюшка. Слава Богу. Вы-то как? – в ответ спросил я.

- Я-то что? Иду на поправку. Вот уж никогда не думал, что сердечко такой фортель выкинет… Ну, да ладно… Танюша, я хотел поговорить с тобой. Не против? Тогда Александр, прости меня и выйди на минуточку в коридор.

Минуточка растянулась на полчаса. Когда я, услышав приглашение отца Валерия, вошел, то увидел, что Татьяна сидит в слезах и вся красная. А отец Валерий победно улыбается, гладит ее по ладони и приговаривает: «Это хорошо! Это очистительные слезы».

- Ну а как твои творческие дела? – оборотился он ко мне.

- Слава Богу, батюшка! Пишу про один театральный коллектив. Вот только есть смущение. Разговаривал тут с Василько. Так он утверждает, что все, понимаете, все святые отцы заповедовали, мол, в театр ходить – грех!

- И-и-и, милый! – протянул отец Валерий. - Действительно, святители Василий Великий, Иоанн Златоуст писали об этом… Но писали-то они про языческие театры. А у нас в России многовековая традиция православных театров. Еще при государе Иоанне Четвертом Васильевиче Грозной, а то и раньше, в соборах разыгрывали сцены из Священного Писания. Представляешь?! После Божественной Литургии. И это подчас действовало сильнее проповеди. А святитель Димитрий Ростовский сам написал шесть драматических мистерий к Великим праздникам… Ты, Танюша, потерпи! Мы о будущем твоего суженного, а значит о будущем вашей семьи, говорим… Так вот, Александр, все люди находятся в разном духовном возрасте. К примеру, монаху разве нужен театр? Нет. И слава Богу! У него – его, монашеское делание. А вот нам с тобой, погрязшим в немощах, при постоянном воздействии темных сил, скопившихся в Москве, при наших грехах, страстях не будет вредна пьеса, которая взбудоражит ум, сердце, заставит задуматься, повлечет к покаянию, к изменению своей жизни в лучшую сторону, на путь к Богу! И пьесы такие были на Руси. Возьмем хотя бы «Грозу» Островского. Там же показано, как грех измены венчанному мужу, - грех нарушения клятвы Богу при венчании на верность! – влечет к неискупляемому греху самоубийства. И что там какой-то критик-демократ назвал блудницу «лучом света в темном царстве» - лишь осуждение последнему. А у нас были такие драматурги, как Кукольник, Великий Князь Константин Константинович Романов, дядя последнего нашего Царя, да и другие, - просто на память сейчас не приходят их фамилии. Кстати, в библиотеке Святослава есть их произведения, почитай. Вот я и думаю, что именно с этой позиции и должен быть написан твой очередной очерк: к чему спектакли данного самодеятельного театрального коллектива ведут своего зрителя?

- Ну, спаси тебя Господи, батюшка! Растолковал! – воскликнул я.

- Не имеем мы права, - продолжал между тем отец Валерий, - Отказываться от многовековой культуры нашего народа! Я скорблю, когда, например, кто- то из прихожан говорит, что, мол, слушает только церковную музыку… А Чайковский, Мусоргский, Глинка, Римский-Корсаков?! А русские частушки, народные песни? Это – часть, если хочешь, кора, того древа, которая называется жизнью нашего народа. Обдери эту кору с него, - и дерево засохнет! И питается это древо не только чистыми родниковыми подземными водами, но всяким мусором, помоями, навозом. И перерабатывает их в животворящую листву и плоды. Я понятно объяснил?..

… Когда мы вышли из больницы, Татьяна вдруг сказала: «Какой он умница! Какой тонкий психолог! Как мой дедушка! Вот только одно смущает: он – поп! Не во всем, конечно, с ним можно согласиться… Этот религиозный фанатизм… Ему бы в университете преподавать… Или в МГИМО. А он рясу надел. Даже обидно!»

- Умница-то он – Духом Святым! А с тобой, кстати, он о чем говорил? – спросил я.

- Опять ты о своих духах! А со мной он говорил… Ты… Ты у него спроси, о чем. Вы ведь – друзья! – мотнула она головой.

- Мы – не друзья. Мы – как отец и сын.

- Хотела бы я, чтобы у моих детей был такой отец… Без рясы, конечно. – раздумчиво произнесла вдруг она.

- А у тебя? –

- У меня есть отец. И двух отцов не бывает. – отрезала Татьяна.

- У тебя есть физический, кровный отец. А духовный?

- Ой, прости меня. Я домой хочу. Устала. И подумать надо. – опять встряхнула она головой. Я был на седьмом небе от счастья. Моя будущая жена начала задумываться над словами священника.

- А все-таки, - не унимался я, - Ты, как жена, должна мне рассказать, о чем священник говорил с тобой. Ведь после Святого Венчания…

- Венчание? – перебила она, - Да папу инфаркт тюкнет, если узнает, что в церковь зашла! Дедушка-то как раз работал в управлении по борьбе с религией, или как там оно еще называлось, не помню. В ЗАГС, – это понятно! Но венчаться?! Зачем? Вся эта обрядовость, милый, давно устарела! Жить надо проще! Ты еще по воскресным дням в церковь меня потащишь? Единственный выходной! Надо отоспаться, отстираться, отгладиться! А ребенок родится?! Надо здраво рассуждать. – как-то отрывисто, словно под диктовку, тараторила она. А еще мне показалось, что рядом с ней, хотя улица была малолюдна, движется какая-то тень… Действительно, должно быть, померещилось… А Татьяна, между тем, продолжала: «Я еще согласна, там, на Пасху, на Рождество забежать по дороге, на минутку, свечку поставить. Мама всегда так делает. Ха-ха! Отцу говорит, что в магазин пошла или забежит в больной подруге, а сама - в церковь. Но не простаивает же она там часами. Опять же: зачем это вранье?! Все равно, выходит, как ты говоришь, - грех! Да какой там грех? Зачем папу нервировать! Главное – мир в семье!»

- Слушай, хватит кудахтать! – вдруг, невесть откуда, вырвалось у меня.

- Что? Что ты сказал?! – остановилась она и уставилась на меня, сузив глаза.

- Я сказал: хватит кудахтать! – повторил я.

- Так значит, я в твоих глазах - курица?

- Нет. Ты – любимая женщина. Но говоришь сейчас, как безмозглая курица! – я тоже остановился и спокойно и твердо смотрел на нее, – Причем говоришь о таких вещах, о которых не имеешь ни малейшего представления.

- Ну, знаешь!.. Ты, видимо, так решил разрушить наше предстоящее бракосочетание… Оскорблением, скандалом! – буквально задохнулась негодованием она.

- А если ты сейчас позволяешь себе говорить со мной таким тоном, то что будет дальше после бракосочетания? А меня это не устраивает! – повысил в свою очередь голос я.

- Ну… знаешь… - она резко развернулась и пошла прочь. А я не стал догонять. Смотрел, как решительными шагами она уходит. Потом пошел в другую сторону. Куда? А куда глаза глядели. Остановил такси… Назвал адрес: надо было успокоиться и поработать дома.

- Что? Кошки скребут? – вдруг участливо спросил таксист. И добавил: «А ты помолись… сатане. У меня двое детей умирали. Богу молился, - безполезно. А вот ему помолился, мигом поправились. С тех пор и поклоняюсь… Помолись. Поможет.»

- Остановите машину! – потребовал я.

- Нет, дорогой! Не остановлю! Довезу с ветерком! И даже денег не возьму! – крикнул он, не оборачиваясь. – И сам увидишь, как сатана помогает!

Я не знаю тех правил, которых бы он не нарушил. Сзади что сверкало, свистело, скрежетало. Две «Волги» сшиблись «лоб в лоб», при этом одна наехала на другую. А он смеялся: «Я же говорил, с ветерком! И заметь, что мне за это ничего не будет! Слава тебе…»

- А что с теми, кто были в «Волгах»? - ошарашено спросил я, потому что случившееся никак не укладывалось у меня в голове.

- А нам-то что за дело?! – опять, словно рыгнул, засмеялся таксист. – Бог им не помог. А помогает только сатана!

Сзади послышался какой-то шорох. Я обернулся и увидел двух уродливых голых куклят-пупсов с гипертрофированными женскими грудями. Они размахивали трехпалыми ручками, болтали ножками, которые заканчивались копытцами, и весело орали: ***Дурачок, дурачок,***

Ты попал на наш крючок!

- Не обращай на них внимания! Дети еще! Они всегда появляются в самое неподходящее время. Я сам пугался поначалу, а потом подумал, мол, есть пить не просят… Пусть поорут! А ты молодец! – дернул таксист подбородком. – Начинаешь отходить!

- Куда? От кого? – я не мог придти в себя.

- Как от кого? От Распятого! С Танюшкой вот сошелся! А у нее дед знаешь кем был? У-у-у!.. Заместителем самого главного Тучкова, который гнобил всех церковников. Представляешь, какая у нее наследственность?!

- Да никуда я не отошел от Христа! - вдруг крикнул я. Куклята на заднем сиденье притихли. А когда я перекрестился, сдулись как воздушные шары, превратившись в полоски тонкой розовой резины. Но в воздухе запахло, как в общественном туалете, в котором неделю не было уборки.

- Ах, ты так! – таксиста аж подбросило. Он ткнулся головой в потолок машины, резко затормозил и выкинул меня вон из машины. На свежем воздухе туалетный запах витал где-то рядом. Оглядев себя, увидел на своем плече лепешку дерьма… Че-ло-ве-чес-ко-го! Я взял какую-то льдинку и попытался очистить куртку. Вонь осталась. Снегом я вытер пятно… И огляделся… Как же так?! Мы же только что ехали по Москве. А тут – ровная линия шоссе, светившийся в лунном свете снег, и вдоль дороги огромные ели. И нигде ни огонька! Где же я?!

- Господи, помоги! – крикнул я во весь голос.

- Как же поможет… - словно кто-то ответил мне голосом таксиста.

«А тут, возможно, и волки есть!» – вдруг мелькнула мысль. Я оглянулся. Вдалеке на шоссе показались огоньки фар. Ну, слава Богу. Я поднял руку, но машина пронеслась, даже не притормозив.

«Кто же будет ночью посреди леса останавливаться? Естественно, что подумает, мол, ненормальный какой-то или бандит!» - стучало в мозгу. А морозец уже начинал забираться под куртку. Еще несколько машин пролетели мимо, не отреагировав на мое голосование.

«Знать бы хотя бы, где я?» - мелькнула мысль, – «Нет, надо идти до ближайшего указателя километража от Москвы» Так я сделал. Но на столбе едва проглядывалась цифра «4»…

«Нет, это не до Москвы… В лучшем случае, до поворота на нее… Куда же идти, в какую сторону?» - размышлял я. Но, вспомнив, как ехало такси, пошел в противоположную, согреваясь быстрой ходьбой. И вскоре дошел до столба с цифрой «3», а затем и до другого - «2»… И тут увидел, что из-за придорожных елей светят маленькие желтые огоньки.

«Волки!» - обожгло мозг.И действительно, они в этот миг выскочили на дорогу, и, растянувшись полукольцом, начали окружать меня. Впереди всех надвига лась большая черная волчица. Ее тело было неестественно длинным, и при каждом шаге извивалось, словно змеиное.

- Господи! Помоги! – крикнул я во весь голос. Перекрестился. Перекрестил волчью стаю… И тут яркий свет фар из-за моей спины ударил волчице в глаза. Взвизгнули тормоза. Стая метнулась в ели.

- Да, парень, взяли тебя в оборот! услышал я сзади голос. Ко мне подошел водитель остановившихся «Жигулей» с охотничьем ружьем наготове: «Ты откуда?»

- Да вот… Попал сюда самым нелепым образом…

- Вроде бы ты - трезвый! – покачал головой мой спаситель.

- Да уж… А где я?

- Ты что. Не знаешь, что до Егорьевского шоссе здесь два километра, а до Москвы все пятьдесят?

- Сколько?!

- Пятьдесят. Да что с тобой? Ты как бы не в себе? Тебе куда надо-то? В Москву? Ладно, садись, вдвоем веселее… – он развернулся и пошел в сторону машины.

Когда мы свернули на Егорьевское шоссе, я взглянул на часы и увидел: половина четвертого утра.

- Вот видишь, Александр, так бывает, когда идешь против воли Божией! – неожиданно сказал мой спаситель. – Черная волчица на тебя, точнее на род твой, уже много столетий охотится. Только нет на то благословения Божиего по Его велицей милости!.. А с Татьяной у тебя все равно ничего не получится. Разные вы. Главная твоя ошибка заключается в том, что ты ищешь в женщине чувственного, а не духовного. А настоящее чувственное бывает только после духовной близости…

Слова доносились до меня сквозь дремоту, с которой я тщетно старался справится…

- Приехали! – разбудил меня водитель «Жигулей». Машина стояла у моего дома.

- Так быстро! – восхитился я.

- Ты просто заснул… Еще бы, - такое приключение! – улыбнулся как-то по-братски мой спаситель. И прыгнул в машину. А ведь я даже имени его не спросил, чтобы молиться за него. И не заплатил! Вот свинья!

В подъезде «Мишенька» встретил меня вопросом: «Припозднился?»

- Приранился… - ответил я, нажимая кнопку вызова лифта. Взглянул на часы. Они показывали без четверти четыре…

«Сколько?» - обожгла меня мысль…

- Вставай княже! Вставай! Пробудись! Великий Князь тебя к себе требует! – почти кричал Ивашка.

- Как? Ночью? – мотал я, словно лошадь, головой.

- Не ведаю… Прибежал отрок… Говорит, мол, немедля! – продолжал он трясти меня за плечо.

- Да не тряси ты! Пробудился! – дернулся я. Ивашка подал холодной воды, которой я плеснул в лицо. И вскоре входил мимо гридней в великокняжескую горницу. Димитрий Иоаннович сидел один, склонившись над телячьей кожей, расчерченной разными цветами.

- Разумеешь в картах? – спросил он, коротко кивнув на мой поклон.

- Нет, – честно ответил я.

- Не велика мудрость. Быстро постигнешь. Гляди. Вот – земля наша Русьская. Вот – Орда. Вот – Литва. В клещах мы, понимаешь? И надо бы нам ужиком из этих клещей выскользнуть. Разумеешь? Желаю я, чтоб ты стал моим голубком между мной и моими людьми в Литве и в Орде. Одному тебе будут ведомы эти люди. Кроме меня, конечно. Да преподобного Сергия и митрополита нашего. А в полон попадешься, лучше сразу язык откусывай. Тебе будет дадена сейчас сотня лучших ратников-разведчиков. Все владеют Славянским Спасом. Желаешь ли кого в придачу к ним?

- Да. Десяток мужиков, что подобрали меня раненного после побега из полона.

- А не помешают? Ведь не скакать тебе придется, а голубком летать! – пристально посмотрел на меня Великий Князь.

- Обучатся. Я их в бою испытал. Как и они меня.

- Ну что ж. Добро. Бог тебя благословит. Давай-ка, нынче причастимся из одной чаши? Ты как?

- Почту за честь, Государь! – поклонился я.

- Тогда слушай. Вот тебе первое дело: завтра после обедни скачи во Псков. К Ондрею Ольгердовичу. Зови сюда. На Москву, с малой дружиной. А воевода его покуда пусть всю силу собирает. И здесь главное, чтобы князь Литовский, язычник Ягайло ничего не узнал. Он – первый союзник Мамая. Может с запада напасть… Мамай-то сбирается на нас походом идти. Начать желает с Нижнего Новгорода. Собирается все княжеские роды на Русьской земле вырезать, а вместо нас своих князей поставить.

- Я ж к тебе с этой вестью шел. – удивился я.

- Опередили тебя… Храмы Божии начали поганые жечь, да рушить. Такого раньше не было. А все потому, что пришла к ним вера новая. И все царедворцы Мамая уже в вере этой ходят… Наше Православие им – кость в горле. Война у них против веры нашей. Говорят, мол, свя-шен-на-я! Но и она нам на руку: хоть теперь народ наш проснется, захочет объединиться. Успеть бы только к главной битве.

- Но Мамай – всего лишь темник! Он же не потомок Чингиз-хана…

- Потомок - не потомок, а на Нижний идти собирается.

- А что за вера, государь?

Скрипнула дверь. Согбенный старец в простом монашеском облачении вошел в горницу, перекрестился на образа. Великий Князь вскинулся и рухнул пред ним в земном поклоне. Я последовал его примеру.

- Шел из собора, гляжу в окошках твоих свет. Дай, думаю, зайду, благословлю на сон грядущий чадо Димитрия. - перекрестил он Великого Князя широким крестом и повернулся ко мне: - А тебя как величать?

- Ляксандром, святый отче. - ответил я, поднимаясь с колен.

- Это – наш голубок, владыко. – вставил слово Великий Князь.

- А я – грешный митрополит Ляксий. - вздохнул тот.

- Владыко! – заговорил Димитрий Иоаннович. - Ты духом ведаешь. Что за вера новая в орде появилась?

Митрополит покачал головой и заговорил: - Были они, княже, язычниками. Поди, сам помнишь, как солнцу, огню и кусту поклонялись. Да вот, теперь, придумали для них мудрецы из распинателей Господа нашего Иисуса Христа новую веру. Дабы столкнуть с нашей, уничтожить святое Православие. Но ведаю – не бывать тому.

- Вон-а! Как можно-то, оказывается! – невольно вырвалось у меня.

- Хитер бес, – горами колышит, а людьми, что вениками трясет! – перекрестился митрополит и опустился на лавку. Взглянул пристально на меня: «Что ж, князь Ляксандр, новая жизнь для тебя зачинается. Служба! Вере Православной, Государю и Отчине… Готов ли?»

Я наклонил голову: «Благослови, владыко святый!»

Митрополит вдруг по-молодому резко поднялся, подошел и перекрестил меня обеими руками: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! На рожон не лезь. Будь прост, как голубь и мудр, как змея… Пойду я чада… Немощен стал… А ты, Димитрий, коли что, к игумену Сергию ступай… Звал я его преемником своим, да он по величайшему смирению не согласился.»

- Владыко! – вскинулся Великий Князь.

- Да-да! Все под Богом ходим!.. – он наклонился, выходя в низкую дверь.

- Вернемся к делу. - перекрестился Димитрий Иоаннович, когда дверь за митрополитом закрылась. - Вот дорога на Псков, - провел тонким кинжалом по телячьей коже, - Заставы наши стоят здесь, здесь и здесь. Сменные кони для сотни готовы здесь, здесь, здесь и здесь. Дан наказ готовить вам ночлег и трапезу по всей

протяженности дороги. Но подолгу за столами не засиживайтесь. Во Пскове долго не гостите. Сотник – в твоем подчинении.

- Захар! – крикнул Димитрий Иоаннович. - Позови князя Герасима.

- Здесь он, Великий Князь. Давно уж дожидается, – послышался ответ из-за двери. В горницу вошел похожий статью на Глеба-поповича, только постарше, ратник.

- Знакомьтесь, князья. Идти вместе. С литвой стычек избегайте. Ты, князь Герасим, береги князя Ляксандра пуще глаза. Слушайся во всем. Что скажет, почитай, - я сказал.

- Все исполню. Дозволь только нынче из одной чаши с князем Ляксандром причаститься Святых Таин? – поклонился ратник.

- Все причастимся! - улыбнулся Димитрий Иоаннович.

- Будет ли грамота для Ондрея Ольгердовича? – спросил я.

- Завтра дам, после Причастия Святого. А на словах опишешь обстановку в Орде. Да пусть еще и брата своего Володимира зовет. А когда вернешься, в Орду поскачешь.

- В Орду? – откинулся я.

- Да-да, в Орду. Там тоже надо будет кое-с-кем повидаться, да словечком нужным обмолвиться. Идите с Богом, собирайтесь… Да, чуть не забыл. Девица твоя, дочка, все еще на посаде? Князь Герасим, пошли своих, пусть ко мне в терем привезут, на половину Великой Княгини Евдокии.

Тот хрустнул кольчугой и вышел.

- Государь! – обратился я. – Почему мне такое доверие?

- Глаза у тебя чистые, – пристально посмотрел он, – Цвета живого неба. К тому же, ни при моем дворе, ни в Сарае тебя никто не знает.

…Долго читались часы в соборе. Рядом стояли князья Данила и Ондрей. Мне предстояло расстаться с ними. «Выезжаю под Рождество!» горько подумал я, вспомнив, что мечтал провести этот праздник с Ольгой и Георгием, побаловать их подарками… А Татиана? Ведь и ей мог бы уделить немного радости… Мучается бедная, скорбит… Ко мне подошел Афанасий. Мы похристосовались.

- Поедешь со мной? – спросил я тихо.

- Поеду! Коли призовешь. – ответил он.

- А почему не спрашиваешь: куда?

- С тобой-то, князь…

- Ну, хорошо! Собирайтесь. Ежели кто из мужиков не желает, - не неволь!

- Голому собраться – только подпоясаться! – улыбнулся он.

- Тогда ступай! После Божественной Литургии выходим сразу.

- Да неужто?! Не помолившись на дорогу.

- Наша Литургия – служба Великому Князю, Церкви и Отчине! – отрезал я. И он направился к выходу из собора.

Великий Князь Димитрий Иоаннович стоял перед самым Алтарем. Чуть сзади, рядом молилась Великая Княгиня и отрок-княжич. За ними уже стояли все домочадцы. Князь Володимир Ондреевич клал земные поклоны перед огромной, в два человеческих роста иконой Спасителя.

«Уж он-то! Чем он может согрешить, посвятив всю жизнь Великому Княжеству Московскому?!» - вспыхнула в голове мысль… Но тут началась Божественная Литургия, которую служил сам митрополит Алексий. Сотни и сотни людей, сошедшихся в собор, казалось, дышали словами молитв и возгласов, раздававшихся то с амвона, то из Святого Алтаря. У многих текли слезы… «Вот он, - подумалось вдруг, - мой родной Русьский народ, за который я не имею права не положить душу свою. Вот он – Великий Князь с Семьей своей, поставленный Богом и сейчас, выполняя Его волю, душу свою полагающий за Церковь святую и Отчину нашу и

детей своих – подданных. Вот она – Великая Княгиня Евдокия, матушка земли Русьской, чей лик не знает красок, так распространившихся среди княгинь и боярынь, мать княжичей воспитанных ею быть готовыми на смерть, лишь бы выполнить волю отца земного, а значит - Отца Небесного. Вот они – князя Данила, Володимир, Ондрей, Герасим, другие, многие незнакомые, чтущие за честь погибнуть за общую Отчину нашу, Православие, Великого Князя… Нет-нет… Все в другом порядке: за Православие, Великого Князя и Отчину! – так в Святом Евангелии. Господи! Какое же это счастье – быть русьским!»

Все пошли ко Святому Причастию: Великий Князь Димитрий Иоаннович, Великая Княгиня Евдокия, княжата… Но что это?! Вслед за ними к чаше шла… моя погибшая ладушка, княгиня Елена. Облаченная в блистающий одежды, в сверкающем венце, она подошла к Чаше, причастилась Святых Таин, обернулась… Улыбнулась. Да так, словно сама причастила меня. И … вошла в Алтарь.

- Ты видел? – вздохнул тихо митрополит Алексий, причащая меня, – Вот и будь достоин этого.

Мы все столкнулись на ступенях, выходящих из собора.

- А вот и наш князь Ляксандр! – весело обнял меня князь Ондрей, - С принятием Святых Таин.

Данила Пронский последовал ему. Подбежали Георгий и Ольга. Замешкались…

- Дозвольте к тятеньке слово молвить? - зазвенел ее голосок, - Тятенька, тятенька, меня в терем к Великой Княгине взяли! Там так хорошо, тепло! А девочки какие! Добрые, дружные! Правда у многих отцы погибли… Но ты-то жив!

- Девочка моя, живулечка! – поднял я ее на руки, – Я уезжаю, далеко! Прямо сейчас. И да благословит вас Господь!

Я опустил ее. Перекрестил. Прижал к груди голову Георгия. Благословил и его.

- Князь Ондрей, присмотри за ними, ежели что…

- Я же говорил, что тебе бо-оль-шая служба предстоит, - хохотнул тот, – А Георгия твоего, да Ольгу мы не оставим.

- Не оставим, будь покоен! – кивнул князь Данила.

- Тятенька! Что? Прямо сейчас?! Скоро же Рождество Христово! – встряла Ольга.

- А ты не перебивай, когда взрослые беседу ведут! – погрозил я пальцем, сдерживая слезы. И тут же услышал сзади голос князя Герасима: «Князь Ляксандр! Пора».

Обернувшись, увидел его в полном боевом облачении. А рядом с ним стоял отрок, придерживающих двух оседланных коней.

- Простите меня князья Данила и Ондрей! – сделал я каждому по поясному поклону.

- Бог простит, и мы туда же. Ты нас прости! - ответили они.

- И вы, чада, простите! – поклонился Георгию и Ольге.

- И ты нас! – за обоих ответила дочка, припав на колени и уже пустив слезу.

… К вечеру мы достигли первой подмосковной заставы.

- Великокняжеская служба! – зычно крикнул князь Герасим, осаждая коня перед выбежавшим хозяином постоялого двора и раскрыл кольчужную перчатку, в которой блеснул золотой кругляшек.

- Сотню коней, еды, горячего сбитня! Ни вина, ни меду! – продолжал он, – Через час мы должны выйти. А тебе, князь Ляксандр, надо бы в доспех облачиться. Впереди леса, Волок Ламский, потом Ржев… Как там сейчас? Можем либо на разбойников налететь, либо на литовские засады.

- Ну что ж, оно и попривычней! – улыбнулся я. Азарт гонки поборол усталость, когда мы наскоро перекусили. К тому же, свежие кони несли нас по уезженной дороге, светящейся под луной снегом. Вперед вышли дозорные. Но вскоре вернулись.

- Князья, - обратился старший к нам, - На холме за лесом - костры. Много! Мы близко подходить не стали. Береженого Бог бережет.

- Пойди и узнай! Что за костры, чьи? – прикрикнул князь Герасим.

- Как велишь! - развернул коня старший и десяток дозорных ускакал. А мы перешли на тихий шаг.

- Я слышал, у тебя жену поганые зарубили? – вдруг спросил князь Герасим.

- Да, Царствие ей Небесное! – перекрестился я.

- А у меня сестра - в полоне… Уже доподлинно узнал, что даже родила от какого князька… Всех бы порубил! Не могу сердца умирить!

- Молись!

- Молюсь…

- А что владыко Алексий говорит?

- Говорит, что вымаливать надо… Прапрадед мой больно сильно лютовал в межусобицу… За то, должно быть, и отмщение Божие…

- Да, нагрешили мы… Но Бог милостив!

- Как ты это сказал… Вроде бы обычные слова, которые не раз слышал. Но ты так их сказал, словно травку целебную на рану положил…

- Это – не я. Это – Господь через меня….

Подскакал дозор. Старший доложил: «Литва. Язычники. Мясо жрут. От запаха аж с души воротит…»

- Сколько их? – спросил князь Герасим.

- Поболе тысячи.

- Не сладим… Надо обходить. Но что они здесь делают? Под самой-то Москвой?

- А не взять ли «языка»? – предложил я.

- Да, хорошо бы… Но, знаешь, князь Ляксандр, я привык послушаться. Полагаю, что дело у нас поважней какой-то тысячи литвинов… Полагаю, лучше обойти лесом. А?

- Прости, брат. Ты прав. Обходим, – кивнул я.

- Только ближнюю заставу предупредить надо! – вдруг вскинулся он и, подозвав кого-то из ратников, что-то тихо приказал. Тот поскакал в противоположную нашему движению сторону. А мы свернули с дороги в лес.

«Надо же! Как могло так получиться?! В половине четвертого я был за пятьдесят километров от Москвы, а через пятнадцать(!) минут – уже дома! К тому же по городу – не меньше двадцати километров»… - не вмещалось у меня в голове и не давало покоя!

Я случайно взглянул на икону святого благоверного Великого Князя Александра Невского и вдруг в его лике нашел сходство с моим спасителем от волчьей стаи. Тут же, - с дрожью, - припомнил другое сходство: таксиста со стариком-корнем. Только первый был помоложе!

«Что это я, собственно?! Старик-корень… Таксист… старше или моложе… Все они бесы на одну рожу!...» - я даже рассмеялся, случайно получившейся рифме. Спать мне оставалось два-три часа. Прочитав Серафимово правило, я прямо в одежде рухнул на диван. Разбудил меня телефонный звонок, разорвавший утро в унисон с будильником, стрелки которого показывали семь утра.

- Что с тобой случилось? – услышал я в трубке голос Татьяны. – Я всю ночь не сплю. В последний раз звонила тебе в два часа. Уже все больницы и морги обзвонила. Никогда не прощу себе, что так рассталась с тобой… А может быть, ты был у другой женщины?! Что ты молчишь?

- Я слушаю тебя! Ты же не даешь даже слова вставить, - окончательно сбросив сон, ответил я.

- Опять я закудахтала? – сердито спросила она. – Нехорошо все-таки любимую женщину называть курицей… Или, может быть, я уже - не любимая? Ой, что-то я опять разошлась. Я думала и решила, что нам не помешает венчаться. Кстати, ты не забыл, что вечером идем в гости к Вике?

- Да-да, не забыл… Я перезвоню тебе… В обед…

«А зачем, собственно, я заводил будильник? – мелькнула мысль, - На работу сегодня не идти… А вот работа-то меня и может выручить!»

Я набрал номер телефона Василько. Услышав его голос, почти закричал: «Ты не мог бы заехать ко мне перед работой?»

- Что-то случилось? – озаботился Василько.

- Пока нет. Но может случиться! Это – не по телефону.

- Хорошо. Через час буду.

- Я жду тебя на улице у подъезда.

Заварив двойной кофе и проглотив бутерброд с сыром, я сдернул с вешалки куртку… Но от нее шел устойчивый запах дерьма. Пришлось одевать старую. А эту, заскочив на ходу в ванную, - замачивать в густом растворе стирального порошка.

Старая куртка выглядела не лучшим образом. Но более или менее прилично. В ней я и вышел. Минут пять попрыгал на морозце, ожидая Василько. В теплой машине мы похристосовались.

- Понимаешь, батюшка запретил всякий интим с Татьяной… - сбивчиво начал объяснять я.

- Это ты - про ту, с которой пропустил Рождество? – усмехнулся Василько.

- Да-да. Так вот, она зовет вечером к подруге с ночевкой… А как я могу ослушаться духовника?! Вот тут мне и пришла в голову идея: ты меня ставишь на дежурство, на внеочередное… И послушание выполню, и ей врать не придется…

- Плохо, что уже сейчас она не понимает тебя, - размышлял Василько, покачав головой, - Боюсь, что до свадьбы тебе придется дежурить безсменно… Неужели ты не можешь все ей объяснить?

- Она и слушать не станет… Может быть, это – мой подвиг, мой крест – воцерковить жену.

- Крестоносец ты наш, подвижник… Тебе бы самому сперва покрепче воцерковится! – опять покачал он головой. - Прости. Все мы невоцерковленные… Как бы она тебя не развоцерковила… Ну да ладно, чего для брата не сделаешь. Слушай, а не уехать ли тебе сегодня в командировку? На неделю? В бригаде, сопровождающей груз, как раз не хватает одного!

- Куда? – обрадовался я.

- В Минск.

- О! Спаси тебя Господи! – обнял я Василько. И мы поехали в отдел. Пока знакомился с выездной бригадой, получал командировочные, время подошло к обеду. Позвонил Татьяне. И когда сообщил, пожалев, что не увижу ее, услышал слезы в голосе: «Ну что ж… Работа есть работа… Знать бы, я б тебе бутербродов наготовила, курицу бы зажарила… Как приедешь, сразу позвони. В любое время. Я буду скучать… А можно, я тебя провожу?»

- Ну что ты, милая?! Я ведь не на войну уезжаю. Мы едем с грузом. Машины уходят с территории завода. В восемь вечера. Мне еще куртку надо успеть постирать… - каким-то оправдывающимся тоном объяснял я. И сам на себя злился.

- В следующий раз куртки, рубашки, белье будешь отдавать на стирку мне! – вдруг твердо, безо всякой слезливости, заявила Татьяна.

- Как скажешь. Ну, я полетел. Целую!

- Я тоже. И возвращайся поскорее. Муж у Вики не часто в командировки уезжает.

Я вздохнул. Мотнул головой. И повесил трубку. «Что будем придумывать в следующий раз?» - мелькнула мысль. «Зачем что-то придумывать?! Надо попытаться

все объяснить. Убедить еще раз. В конце концов, если любит, поймет!» - ответила ей другая. И я успокоился. Забежал домой, щеткой отдраил куртку. Трижды прополоскал. Слабый запах все еще оставался. Тогда я повесил куртку на лоджии. Подставив под стекающую с нее воду тазик. Приготовил в дорогу бутерброды, термос с кофе. И вскоре ехал с Василько и еще тремя охранниками к заводу. Там нас уже ждали двое милиционеров с десантными автоматами в чехлах. Они сели в первую и последнюю машины, а мы, попрощавшись с Василько, запрыгнули в кабины остальных четырех.

…Москва осталась позади. Серая лента очищенного от снега шоссе уходила то вверх, то вниз. Меня тянуло в сон. И скоро я выпил больше половины термоса. Водитель, - молодой кудрявый мужик, - от кофе отказался.

- Я по чаю специализируюсь, - хохотнул он, - а ты пей, на меня не смотри.

- Часто так ездить приходится? – поинтересовался я.

- Часто. Наш завод с Минском – в одной упряжке. Мы делаем для них изделия всякие, а они монтируют целые агрегаты.

- Секретные что ли?

- Да не очень… Если бы были секретные, нас бы солдаты сопровождали. Давай не будем об этом. Я подписку давал. – мотнул он головой.

- Слушай, а было, что на вас нападали? – не унимался я.

Он хохотнул: «Не-ет! Нападений не было! Да и кому в центре такой державы нападать?! Один раз, когда мы ехали в сопровождении солдат, - спереди БТР и такой же сзади, а за первым – ГАЗик с майором… Так вот, нас сперва какая-то «Волга» «пасла». Долго шла за нами. Мы-то шли не больше семидесяти. Могла бы обогнать на пустом ночном шоссе. Я сперва подумал, мол, КГБэшники. Потом вдруг – вжик, и ушла вперед. Со мной-то рядом сидел сержант с автоматом и рацией. Слышу, по ней майор командует, мол, внимание, всем быть начеку. Ну что, идем дальше. Вдруг видим: милицейский УАЗик нам дорогу перегородил. А перед ним четверо милиционеров с автоматами. Старший жезлом махает, мол, остановитесь. А голос майора по рации приказывает всем снять автоматы с предохранителей, дослать патрон в патронник и продолжать движение. А «Ласточке», - это позывной у головного БТРа, - убрать УАЗик с дороги. Я хоть и шел третьим или четвертым в колонне, а видел, как БТР опрокинул УАЗик в кювет. Потом слышу: вертолеты - над нами. Глянул, а они полетели в сторону, где УАЗик остался. Майор потом сказал, что это учения были. А нам та-а-акую премию всем отвалили! Семейные путевки, - безплатные! – в Крым дали».

- А у тебя, случайно, на капоте красного железного флажка с буквами «ФПС» не было? – усмехнулся я.

- Как же?! Нам их всегда ставят, когда солдаты сопровождают… А что они означают?

- Фельдегерьская почтовая служба! – ответил я, – С таким флажком, особенно в колонне, тебя никакой гаишник не имеет права тормознуть.

- Откуда ты знаешь?

- Сам с таким флажком в армии ездил.

- Так ты - тоже водила?

- Нет, я был офицером. А у нас рядом с водителями только офицеры сидели. А ты где служил?

- Я-то? Под Смоленском. Возил начальника административно-хозяйственной части. Недолго, правда, всего год. Вот жизнь была: за полгода дважды в отпуске побывал. После последнего справку привез, мол, жена на сносях вторым ребенком. А через месяц пришла телеграмма, что дочка родилась. Она как раз за девять месяцев до этого приезжала ко мне с моей сестрой. Ну, меня через три дня и демобилизовали. Хороший мужик был этот начальник АХЧ: не задержал! А сейчас у меня уже трое:

сын, дочка и сын. А чего еще человеку надо?! От завода дали трехкомнатную квартиру: проходную из окна видать. Зарплата хорошая. Плюс – командировочные, ночные, праздничные продуктовые наборы… Правда, семью редко вижу. Воспитывать детей некогда. Но моя Антонина дома за двоих тянет. Хотела работать, да я не пустил: пусть детей воспитывает. Она у меня - старой крестьянской закалки! Ну, фордыбачит иногда, как всякая баба… Но я позволяю, смеюсь про себя. А тут что удумала?! Говорит, мол, церкви стали открывать, пора к вере дедов возвращаться… Я-то в этом ничего не понимаю. Семья была, как семья… Советская… Утром все – рано на работу. После нее – телевизор. А в нем – какие народные песни? Только дрын-дрын… Она иконы повесила. Правда, в спальне, в зале, где гости бывают, я не позволил. Вот еще: позориться! Может быть, я зря тебе все это рассказываю? Неинтересно?

- Почему? Я сам об этом же не раз думал. - пожал я плечами.

- Слушал я, слушал, когда Антонина мне про церковь и Бога рассказывала, да ничего не понял. Так, какой-то треп бабий, - мотнул он головой.

- Ну, ты же не сразу и говорить, и ходить начал.

- Да-а-а… Это точно, хотя сужу обо всем по своим детям.

- Вот и начинай с самого начала. Сходи в церковь, поговори со священником. Ведь чтобы судить, как, например, хорошо или плохо в Крыму отдыхать, надо съездить и самому отдохнуть. Увидеть, на себе испытать, что хорошо, что плохо. Надо приспособиться к тамошним, пусть даже санаторным порядкам. О «дикарях» - и говорить нечего! – вдруг медленно произнес я. – А чтобы оценить, приспособиться к этим порядкам, нужно узнать их, даже – познать, а значит – изучить. Я не прав?

- Похоже, что прав… Ты, оказывается, умный мужик. Ну, понятно, - высшее образование. Кстати, мы скоро пройдем полпути. А даже не познакомились. Я – Сергей. - улыбнулся он.

- А меня зовут Александр, - пожал я его локоть. – И высшее образование здесь - ни при чем.

Сергей замолчал. Должно быть, задумался. А меня опять поклонило в сон.

- Ты подремли. Когда меня в сон поклонит, я тебя разбужу, поговорим, – посоветовал он.

Габаритные красные огоньки идущего впереди «Урала» вдруг напомнили мне глаза волков, и сон как рукой сняло.

- А знаешь что, Сергей, - вдруг воскликнул я, - Не спать, так не спать всему экипажу. Мы ведь – экипаж! А давай-ка, споем. Ты какие народные песни знаешь?

- Народные?! – даже вскинулся он, – Меня народным песням как-то не особо обучали. А вот у Антонины есть любимая…

- На Муромской доро-ожке стояли три сосны… - затянул он вдруг чистым, нетронутым цивилизацией тенором.

- Прощался со мной ми-илый до бу-удущей весны… - подхватил я. Так мы, радуясь непонятно чему, пели. Потом начал я: «Степь, да степь кругом, путь далек лежит…»

И вдруг Сергей подхватил. Мы, - на два голоса, - допели! И опять начинал я: «Динь-динь-динь, колокольчик звенит…», «Когда б имел зла-а-тые горы…», «Что стоишь, качаясь, то-онкая рябина». Сергей каждый раз подхватывал и допевал песню до конца.

- Ну вот, а говорил, что не знаешь народных! – засмеялся я, легко, чтобы не мешать управлять машиной, похлопав его по плечу.

- Да, ты знаешь, удивительно! Ведь не знал, действительно не пел, даже не подпевал, когда мои друзья и подружки Антонины на праздники приходили… Не мог вспомнить что-то… Вспомнить? Не понимаю! Считал, что не знаю!.. Ну, ты, Саня, даешь! Как будто какой-то тумблер в моей голове включил. Представляешь, даже

дочка Антонине подпевает… А я?! – говорил он, похлопывая радостно ладонями по рулю.

Машины стали появляться навстречу почаще. Попутки то и дело обгоняли нашу колонну. Я посмотрел на часы и спросил: «А что? Смоленск уже проехали?»

- Давно! – хохотнул Сергей. – Шли-то по окружной. Вот – Красное, граница с Белоруссией. Пришли вовремя.

Наша колонна катила, не останавливаясь. И поэтому, должно быть, когда полностью рассвело, мы въезжали в Минск. Даже окраины поражали в нем чистотой и порядком. Наконец, тем, что и при отсутствии машин люди на красный и на желтый свет не перебегали дорогу, а терпеливо ожидали зеленого сигнала светофора. Лица минчан были спокойны и улыбчивы, словно им только что сообщили какую-то очень личную, радостную новость.

Мы так и доехали окраинами до завода. Перед его воротами нас попросили выйти из машин. Милиционеры зашли в проходную, а к нам, вневедомственным охранникам, подошел молодой человек и, «акая», сообщил: «Машины разгрузят не скоро. Потом проверять все будут. Пойдемте, я провожу вас в общежитие. Это в двух шагах отсюда. Отдохните, пообедайте, потом поужинайте. Там в низу столовая. А я завтра покажу вам наш Минск».

Действительно, до общежития мы дошли за пять минут. Все отправились обедать, а я рухнул на кровать и сразу заснул. Разбудил меня Сергей. На улице уже было темно. На столе стояли тарелки, накрытые другими.

- Я тут тебе белорусских драников принес, салатик, пару котлеток. Отличная у них столовая! Готовят, почти как дома! - весело докладывал он.

- А ты что, не отдыхал? - стряхнул я с себя сон.

- Почему? Прикорнул полтора часика. Сходил в столовую, поужинал, тебе прихватил… Давай, поешь. А то у соседей наш Михась небольшой столик накрывает. Он со своим джентльменским набором пришел: литр «Беловежской пущи» и литр «Зубровки»… И сало - до-маш-нее! С чесночком!

- Кто такой Михась?

- Да КГБешник заводской. Ну, тот, который нас сюда провожал.

- «Зубровки»? А что, мы завтра не едем?

- Едем послезавтра в ночь. Там с нашим грузом какая-то заминка… Не по нашей вине, конечно. А к тому же, два литра – на тринадцать человек! Это ж только губы намочить. По сто пятьдесят граммов. Да и закуска – самое то! Завтра утром еще пивка белорусского попьем. А с обеда уже – ни капли. Давай-давай, поднимайся!

- Эх, сейчас бы душ принять! – потянулся я, хрустнув всеми костями.

- Это можно, только у соседей. У нас сидячая ванна снята… Там такая дыра зияет: метр на метр, и труба посередине торчит… Дежурная долго извинялась, мол, прорвало прямо перед нашим приездом. А завтра, когда мы пойдем на экскурсию по городу, обещала все отремонтировать.

Я в это время натягивал брюки, застегивал рубашку, надевал пуловер.

- Не будем соседей безпокоить. Сейчас ополосну лицо холодной водой и пойдем за стол. Отнесем туда и драники наши и котлеты и салатик. Спасибо тебе за заботу, Серега! – хлопнул я его по плечу. В дверь постучали и в приоткрывшейся щели показалась голова нашего белорусского гида-КГБэшника Михася.

- Ну что ж вы, мужики? Долго! Все только вас ждут! – озабочено «проакал» он.

- Заходи, я только лицо ополосну, – повторил я, открывая дверь в совмещенный санузел. И отпрянул. Как-то уж очень зловеще зияла дыра в полу. А из нее торчала широкая ржавая труба для слива.

- Ах! Тетки-тетки! – покачал головой Михась. – Ведь обещались к утру поставить ванну.

Он заглянул в трубу и отпрянул. А из нее показалась маленькая … змеиная голова. Она поднялась на расширяющемся теле на метр, глядя на нас холодными желтыми глазами с черными, безконечно глубокими спиралями зрачков и приоткрыла пасть. Мы инстинктивно выскочили из санузла и захлопнули дверь. Отбежали в глубь комнаты. Но голова, а за ней и тело, сплющившись, скользили сквозь узкую щель под дверью. По мере выползания тело, с причудливым черно-желтым орнаментом на спине и гнойно-салатовым животом, утолщалось. Змея вползла в комнату. Обвилась вокруг стола и стула, поднялась надо мною, расширяя пасть, которая вскоре стала способна заглотить мою голову. А тело все выползало из-под двери. Часть его, которая ближе к голове, обвило мою поднятую для защиты руку. Сквозь шерсть пуловера я почувствовал обжигающе-ледяное прикосновение. А из раскрытый красной пасти пахнуло так, что, - как я анализировал потом, - сероводород тухлых яиц показался бы самыми дорогими, лучшими духами.

- Господи!.. – вдруг вспомнив, прошептал я почти онемевшими губами. Змея вздрогнула и слегка отпрянула. А тут очнулся от оцепенения, - или змеиного гипноза, - Михась. Он выхватил откуда-то большой охотничий перочинный нож и, мгновенно открыв его, схватив змею у самой головы, нанес им несколько быстрых, крест-накрест ударов. Вскоре голова змеи болталась на тонком лоскутке кожи. Михась перерезал и его. Но когда он это делал, мне вдруг показалось, что за его спиной стоят какие-то молодые люди в блестящих одеждах и водят его руками.

«Должно быть - от стресса!» - мелькнула мысль.

Длинное змеиное тело билось, извивалось судорожными кольцами, разбрызгивая черную кровь на стены, потолок, постели, на стол, на нас. Но я заметил, что ни одной капли не попадало никуда, потому что легкие, непонятно откуда берущиеся облачка принимали эту гадость на себя. Или это казалось опять же от стресса? Голова змеи отлетевшая на стол, открывала и закрывала пасть, лежа между тарелок.

- Да-а-а, - протянул Михась, - взяли нас в оборот! Но никак не возьму в толк: откуда эта пакость в Минске, в канализации, да еще зимой. Вызову-ка я наряд.

Он достал карманную рацию. Но тут мы все заметили, что змеиное тело медленно и тихо втягивается назад в щель под дверью, ведущей в санузел.

- Э-э-з, нет! – крикнул Михась. – Ее упускать нельзя!

И наступил на тело. Но тут же отлетел в изголовье моей кровати. А тело втянулось в ванную… Сергей сидел, забившись в угол, словно окаменел. Михась мотнул головой и кинулся в санузел. Я – за ним. А за мной – очнувшийся, но все еще какой-то заторможенный Сергей. В ванной мы успели увидеть только самый кончик обрубка змеиного тела, скрывшегося в сливной трубе.

Когда мы вернулись в комнату, с удивлением увидели там грязного небритого старика в драном ватнике, таких же штанах, и кирзовых стоптанных сапогах. Он хитро и даже с презрением, сузив близко посаженные маленькие мутные глаза, смотрел на нас. Подбородок его выступал далеко вперед, а красный нос картошкой из-за своей неестественной величины почти доставал до него.

- Что вы здесь делаете? – строго спросил Михась.

- А вот сейчас узнаете! - скрипнул старик и достал из-за спины тоже… змею, которая, казалось, извлекалась у него сзади из-под телогрейки. Он держал ее двумя пальцами около головы, как держат котят, высоко поднимая на собой. Но головы, собственно, и не было. Был шар, который, увеличиваясь, вдруг раскрылся, как бы разорвался. Внутри его образовалась черная дыра, расширяющаяся по мере надутия головы. Я увидел внутри этой разрастающейся дыры воронку, уходящую в безконечность. И, казалось, затягивающую в себя.

И снова я, - нет, кто-то во мне, - прошептал: «Господи, помилуй! Господи, помоги!»

- Ух ты какой! – взвизгнул старикашка. - А мне и не сказали, что ты это знаешь! Говорили, что только подходишь к этому…

И он вместе со своей змеей вдруг превратился в дым от дешевых вонючих сигарет. Мы стояли просто ошарашенные. Первым нарушил молчание Михась: «Если бы мне кто-то рассказал, что видел такое, я подумал бы, что он предварительно выпил четверть самогона, настоянного на курином помете… Но я в последний раз самогонку пил в отпуске, на дне рождения у тестя, под Могилевом, полгода назад. Да и то - из чистой пшеницы, на клюкве настоянную. Не стала же бы теща родню дурью поить…»

- А почему на курином помете? – спросил, не поворачивая головы, тихо Сергей.

- Я же говорю: дурь! Это хапуги последние так делают на продажу. Такая самогонка не веселит, не пьянит, а дурит!

- А может, это была нечистая сила? – опять каменным голосом спросил Сергей.

- Что-о-о?! – попробовал засмеяться Михась. – В цивилизованной столице Белоруссии?! У нас, конечно, ходят байки, что где-то в Пинских болотах живут еще колдуны и колдуньи, оборотни, лешие, водяные и русалки… Не видел, не знаю… Но чтобы в Минске!.. Впрочем, погоди-ка… Сегодня как раз дежурит бабка родом оттуда, из Пинского района… Надо бы заняться ею. Завтра же рапорт напишу.

- Знаешь что, Михась, - вмешался я, немного придя в себя, хотя внутри еще все мелко дрожало, - не пиши. Сходи-ка лучше в церковь.

- Да ты что?! Меня из училища, с последнего курса, выгонят, если узнают. Я же здесь, на заводе, в первом отделе преддипломную стажеровку прохожу… Но как тогда все это действительно объяснить? С научной точки зрения?

Он взглянул на часы, мотнул головой, поднес их к уху. Потом спросил: «Который сейчас час?»

- Если точно, - восемнадцать часов пятьдесят шесть минут. - ответил немножко оживший Сергей, взглянув на свои, В обед проверял.

- Да-да… И – на моих… - задумчиво проговорил Михась и опустился безсильно на стул. – Нич-ч-чего не понимаю… Я зашел к вам ровно в восемнадцать пятьдесят пять. Значит все, что мы видели, произошло за одну минуту. Гипнозу я не поддаюсь. Коллективных галлюцинаций, да еще с действиями, не бывает. Что же тогда все это?!

Он помолчал. Потом вскочил: «Так, пошли!»

Мы подошли к вахтерше. Та поначалу, хитро прищурившись, вдруг откинула голову, удивленно взглянула на нас, особенно на меня…

- Вы почему не выполнили распоряжения начальника первого отдела? – грозно спросил ее Михась. - Почему в аварийную комнату наших гостей заселили? Так, немедленно давайте ключ от другой.

- Свободных нет! – забормотала вахтерша. – Только на женском этаже!

- Как это нет?! А двухкомнатный номер для руководящего состава?

- Я не имею права. А если ночью приедет кто?

- До завтрашнего дня не приедет. Я знаю. А вы немедленно вызывайте аварийную бригаду, и чтобы к утру санузел был отремонтирован. Иначе в рапорте напишу о вас, как о саботажнице! И в двадцать четыре часа улетите из Минска в свои Пинские болота!

Бедная бабка затряслась, заплакала, стала просить прощения, дала ключ… Хорошо, что мы не успели еще разобрать свои нехитрые пожитки. Прихватив их, направились к двери.

- А где голова? – вдруг остановился Михась. Мы обернулись, огляделись, но головы на столе не было.

- А я хотел вещественное доказательство оставить… – пожал плечами Михась. И мы зашли к нашим сослуживцам, сговорившись ничего о случившемся им не рассказывать.

- Ну, сколько вас можно ждать?! - воскликнул один из милиционеров. – Сало хорошо тогда, когда оно еще не разморожено!

- И водка теплая тоже противна! – подхватил другой. Наши охранники и водители засмеялись.

- Мы просто перенесли вещи Саши и Сергея в другую комнату. Представляете, сам не проследил, так их в аварийную заселили. Пришлось ноздри вахтерше прочистить. – попробовал улыбнуться Михась.

- То-то вы такие зеленые! - опять засмеялся кто-то из водителей.

- Это мы от тоски по той зелененькой, которая в бутылки налита. - ответил уже окончательно пришедший в себя Сергей.

Наше застолье закончилось поздно. Мы проводили Михася до машины, которая ждала на улице и вернулись по комнатам. Но сон не шел.

- Что ты обо всем этом думаешь? – спросил я в темноте, чувствуя, что Сергей на койке, отделенной от меня столом, тоже не спит.

- Ты знаешь, я вообще-то не робкого десятка. Но когда этих удавов увидел, думал, что умру. Почувствовал, что волосы на голове шевелятся. А сейчас вспомнил, как мне моя Антонина про нечистую силу читала… Ей какая-то бабулька в церкви дореволюционную книжку дала на неделю. Нет, надо изучать церковные науки… Хотя с другой стороны, поздновато уже учиться. - рассуждал он. И вдруг добавил: «А я ведь понял, что ты начинал шепотом молиться. Неужели же это так помогает?»

- Еще как помогает! Вот, послушай, я прочитаю краткое вечернее молитвенное правило.

Когда я закончил, Сергей вдруг сказал: «Ты знаешь, вся окаменелость прошла! А ведь даже водкой не снималась».

«Чистая у тебя душа!» - подумал я. А вслух сказал: «Давай спать! Спокойной ночи».

Кони едва шли, проваливаясь по брюхо в снег. Но другого пути не было. А тут, как назло, тучи заволокли небо: по звездам направление определить было невозможно. Да и по другим приметам тоже: лес утопал в темноте. Князь Герасим волновался от безсилия найти верную дорогу.

- Может быть, ночь проведем в лесу? – предложил он.

- Замерзнем! – ответил я. – А костры разводить нельзя.

За нашими с ним плечами угрюмо молчала вся сотня.

- Что же делать? – князь Герасим сдвинул на затылок шелом и потер лоб. В это время на миг выглянула луна.

- Наше движение - на северо-запад… - раздумчиво произнес князь Герасим. И показал рукой: «Взгляни на сосны. Север там. Мы шли с востока. Ветки-то растут гуще на южной стороне стволов. Значит, иди надо во-он туда.»

- Мы спускаемся в низину. Тут мы едва различаем сосны, а там их почти нет, да и не видны они… - раздумывал я.

- Ох! Святой преподобный Герасим! Помоги, ради Христа! – перекрестился сотник. – Давай пока двигаться на запад по краю низины, а там, глядишь, и посветлее станет.

И мы опять пошли. И опять кони проваливались по брюхо в снег. Вдруг князь Герасим остановился, поднял руку, останавливая других, показал вперед. Там, вдалеке, между деревьями то вспыхивал, то притухал отблеск костра.

- Неужто, и здесь - литва? – шепнул он и сделал знак стоявшему в двух шагах от него десятнику. Когда тот поравнялся, сказал ему: «Костерок видишь? Тихонько посмотри со своими, не литва ли?»

Сотня застыла. Но вскоре начала стынуть и от мороза. Ратников видно не было, а огненные отблески время от времени взвивались по стволам сосен. Наконец, появился десятник.

- Монахи! Наши, русьские. Человек семь. Греются у костра. - отдышавшись доложил он.

- Не семь, а восемь. Богородичное число! – вдруг раздался рядом голос. - Мир вам, чада.

Перед нами стоял старичок в легкой скуфейке и драном армячишке, из-под которого виднелся подрясник. Князь Герасим спрыгнул с коня и с поклоном подошел под благословение.

- Бог тебя благословит, чадо мое дорогое, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. – перекрестил его старец. – А вам, чада, - мое общее благословение! Что, заплутали? А зачем с дороги сошли?

- Отче, там – литва! Больше тысячи! А у нас всего сотня. Да дело у нас - Великокняжеское, безотлагательное. – объяснял князь Герасим.

- Нет там Литвы! – вдруг покачал головой монах. – Но на десятника не гневайся. Не его вина. Враг рода человеческого путает. А десятник твой - добрый ратник! Вспомни-ка, сколько раз он ворога перехитривал?! Сколько на засады нарывался, но всегда уходил, и дело, данное ему, выполнял! А лукавый? Так он и тебе очи застить может. Ох-ох-ох! Силен бес, горами колышет, а людьми, что вениками трясет! Ступайте по своим следам обратно до дороги. И идите по ней с Богом. Да вот гонца своего пуще берегите! – кивнул он вдруг на меня, - Кабы чего дурного не вышло.

Вдруг кони наши, захрипев, шарахнулись от монаха. А из-за его спины вышел… лев. Настоящий! Ну, совсем такой, на Володимирском гербе и на княжеском стяге.

- Не пугайтесь, не пугайтесь! Он совсем безобидный, как ослик! – замахал руками старец. И повернувшись ко льву, погладив его, покачал головой: «Что ж ты добрых людей пугаешь, коников ихних? Ай-ай-ай! Лежал бы себе у костра, да грел старые кости».

Лев, опустив голову, развернулся и побрел в сторону всполохов.

- Отче, - обратился к монаху князь Герасим, - а не боязно одним-то в лесу, зимой?

- Почему ж одним? С нами Бог! И вы с Богом ступайте!

- Откуда он узнал, что ты гонец? – пожал плечами князь Герасим, когда мы снова выехали на дорогу. – Чудно!

- А почему тебе не показалось чудным, когда на Русьской земле, зимой, в мороз появился лев? – хмыкнул я, сам недоумевая.

- И то - правда! Лев… Зимой… В Русьской земле.., - опять пожал плечами князь Герасим.

- А что ты сказал перед тем, как увидел костер? – вдруг неожиданно для самого себя спросил я.

- А я помню?

- А ты вспомни!..

… Далеко за полночь на полном скаку мы приблизились ко Ржеву. Там нашли трапезу, ночлег, отдых. От усталости все молчали. И сразу завалились спать в представленных Ржевским князем покоях. А утром, еще до света, снова были в пути. Удивительно, но до самого Пскова прошли безо всяких происшествий и недоразумений. Не по молитвам ли того старца со львом?

Город предстал перед нами старым, закаленным, испытанным и поседевшим в боях кремлем: толстые стены из грубого камня, тянущиеся неохватно для взгляда, башни с крышами, повторяющими русьские шеломы ратников, а в центре – духовный воевода – Троицкий собор. Князь Герасим сказал, что его возвела еще святая равноапостольная Великая Княгиня Ольга. В воротах нас встречали воины, целиком закованные в железные панцири, облегающий их, словно кожа.

- Это ж - тяжесть какая! - вырвалось у меня. – Не повернуться, не нагнуться, даже ножку в рукопашном бою поставить противнику нельзя…

- Кованая рать! – мотнул головой князь Герасим. - Против ее конной атаки трудно, почти невозможно устоять. Личная дружина князя Ондрея Ольгердовича Полоцкого. Вот ведь как Господь устрояет: сколько с отцом и дядей против нас ходил, а все одно под руку Москвы пришел. Воевода он опытный. Хотя в юности так опростоволосился. Его отец поставил наместником Пскова, когда Ондрею пятнадцать годков было. А тут орден напал. Не помню: то ли Ливонский, то ли Тевтонский. Так юный наместник при таких стенах да башнях не смог оборону построить. Изгнали его тогда псковитяне со стола. А вот теперь, как видишь, приняли с радостью. Да и сам он не тот стал. Доставалось от него потом и тевтонам, и ливонцам. Да и нам - тоже, что греха таить…

Навстречу из городских ворот выехал кованный ратник в ярко разукрашенном доспехе с перьями на шеломе. Его сопровождали еще пятеро - таких же.

- Кто такие? Откуда и куда путь держите? – спросил он, подняв железную маску шелома на лоб.

- Князья Ляксандр и Герасим с сотней. Пришли к князю Ондрею Ольгердовичу. – ответил я не очень громко, но твердо. И добавил, как наставлял Димитрий Иоаннович: «Из-подо Ржева. Этими словами и доложи.»

Старший кованый ратник вроде даже как бы смутился, чуть повернул голову. И подняв руку, слегка двинул ею. Тут же один из сопровождавших его развернул коня и ускакал в город. А мы остались на своих местах.

Вскоре посланный вернулся и что-то сказал старшему. Тот опять смутился, мотнул тяжело головой, поклонился и произнес: «Пожалуйте ко князю Ондрею Ольгердовичу.»

Ратники расступились, и мы въехали по подъемному мосту в широкие ворота. Нас сопровождал только старший ратник. Проезжая мимо Троицкого собора, он первым снял шелом и перекрестился.

«Свой! – вздохнул я, - Не гляди, что - кованный».

На крыльце резного терема нас уже ожидал князь в накинутой на плече дорогой собольей шубе. Мы спешились и, поклонившись ему, поднялись на крыльцо. Я достал из-за пазухи грамоту и отдал. Пока Ондрей Ольгердович читал, я успел разглядеть его. Немолодой, лет пятидесяти с проседью посреди пышных каштановых волос, подчеркивающей благородство, статный, высокий, сильный, бойкий в движениях до хруста в суставах, он с первого взгляда вчитывался в грамоту, время от времени отводя глаза в сторону, словно обдумывая прочитанное.

- А на словах есть что? – спросил он прочитав.

- Да, - ответил я.

- Пройдем в горницу. - показал он рукой на дверь. И тут же крикнул кому-то: «Сотню гостей устроить, попарить в бане, накормить. Коней обиходить.»

В тереме князь Ондрей Ольгердович сразу провел нас в молельный покой.

- Полагаю, такая беседа будет благоприятной после совместной молитвы перед святыми образами. - повел он рукой в сторону богатого иконостаса. И первым опустился на колени. Мы с князем Герасимом последовали за ним.

Господи Иисусе Христе Сыне Божий!* – перекрестился хозяин Пскова, - *Ты бо рекл еси пречитстыми усты Твоими: «Аминь глаголю вам, яко аще двое от вас совещаются на земли всякой вещи, ее же аще просите, будете иметь от Отца Моего, иже на небесех; где же два или трое собрались во имя Мое, ту есмь Аз посреде их». Непреложны слова Твоя, Господи, милосердие Твое безприкладно и человеколюбию Твоему несть конца. Сего ради молим Тя: даруй нам, рабом Твоим Ондрею, Ляксандру и Герасиму, согласившимся просить Тя послужить Церкви Твоей святой, Отчине нашей не за страх, а за совесть, найти мудрые решения в беседе и делах наших, исполнения

нашего прошения. Но обаче не якоже мы хотим, но якоже Ты. Да будет во веки воля Твоя. Аминь.

- Ну а теперь, - когда мы встали, продолжал князь Ондрей Ольгердович, - перейдем к делу. Что поручил передать на словах Великий Князь Димитрий?

Он опустился на простую лавку напротив иконостаса и жестом пригласил нас присесть рядом.

- Что ж, буду собираться. - раздумчиво пощипывая бородку, ответил он после моих слов, – Однако и здесь дел столько, что и за год не управиться. Надо укрепить Псковскую землю от сводного брата моего Ягайлы. Так и норовит этот язычник чужим поживиться. А ты, князь Ляксандр, передай Великому Князю, что Ягайла с Мамаем заключил тайный военный союз и собирается вместе с ним в клещи землю Русьскую взять. Хотя, возможно, Димитрий Иоаннович и знает уже об этом: ведомо мне, что у него есть свои люди в Орде. Но все равно, мои слова лишь подтвердят возможность удара нам в спину со стороны Ягайлы в решающей битве. А сейчас отдыхайте. Отрок проводит вас. Обед принесут вам в покои. А к ужину прошу на мою трапезу.

- Спаси Господи, князь, - поклонился я, – нам бы - в баньку. Завтра – в обратный путь.

- Великий Князь повелел возвращаться не мешкая. - добавил князь Герасим.

- Уже истоплена. - улыбнулся Ондрей Ольгердович. - Пойдемте.

Мы от души попарились. И уснули, как убитые, в своих покоях. Уже было темно, когда Ивашка разбудил меня: «Вставай, княже, хозяин просит к столу».

Я поднялся, умылся талой водой, поданной отроком. Снарядился. И вышел за Ивашкой. Ко мне присоединился князь Герасим. В трапезной, обильно уставленной всякими яствами уже сидели князь Ондрей Ольгердович, княгиня, священник, несколько, как я понял, самых приближенных князей и бояр.

- Ну что ж, коли все в сборе, помолимся! - встал священник и, поклонившись нам, представился: «Я - отец Василий, княжий духовник».

После молитвы мы уселись за стол. И вскоре насытились, как мне казалось, на всю обратную дорогу.

- Снеточков наших псковских отведайте. - приговаривала княгиня. - Таких, поди, нигде нет!

- Ну и как там Москва? – неожиданно спросил отец Василий. Я удивленно вскинул на него взгляд. Но князь Ондрей Ольгердович кивнул: «Говори-говори, здесь все свои».

- Каменный Кремль возводится. Рати готовятся к походу. Многие князья уже Москве. Ждут только приказа к выходу на Нижний. – рассказывал я.

- Вот-вот. - перебил отец Василий. – Господь, конечно, каждое слово учитывает, за которое говорящий даст ответ на Страшном Суде. Но здесь это слово должно быть все-таки закреплено докончальной грамотой Великого Князя Димитрия Иоанновича и ответной грамотой князя Ондрея Ольгердовича, дабы с оными и предстать на Суд Божий. И суметь доказать, что вся вражда забыта. Ведь то, что написано пером, не вырубишь топором.

- Прости, отче, но нет у меня поручительства решать вопросы о таких грамотах. А слова твои, просьбу, пожелание передам Великому Князю. – поклонился я.

- Спаси тебя Господи на том. – вступил в разговор князь Ондрей Ольгердович. – Передай также Димитрию Иоанновичу, что послал я гонца к брату моему Володимиру в Трубчевск, дабы присоединялся к нашему союзу. Он, я ведаю, давно хотел под руку Москвы.

- Слава Тебе, Господи! – перекрестился князь Герасим. - Любо мне видеть, как сбирается земля Русьская на супостата.

- Да уж! Пора! – поддержал его отец Василий. – Время общего покаяния прошло. Епитимию Божию земля Русьская отработала. Пора сбрасывать с себя иго ворога. Бог-то – Бог, да сам не будь плох… А личное покаяние – это дело ежедневное. Бог ждет после покаяния дел противоположных совершенному греху. А что противоположно межусобицам? Только единение и братская любовь между князьями. И слава Богу, - они появились. Пришла пора, каявшись в личных грехах, всем миром молиться о даровании победы над ордой и вразумлении всей Русьской земли на дальнейшее жительство под властью Богом поставленного единого Великого Князя Московского. Едина власть на Небе – Царя царей. Такова должна быть она и на земле Русьской.

- Аминь! – хором ответили все сидящие за столом. Я восхищенно смотрел на победный блеск в глазах отца Василия, вспоминая свои думки, которые не мог бы так правильно и кратко высказать словами. А про покаяние я вообще не мог сказать. Такое можно молвить только духовному человеку. И молвить – опять же правильно. Я взглянул на князя Герасима и на лице его увидел подтверждение моего восхищения.

- Вкушайте снеточки… - опять вставила княгиня. Князь Ондрей Ольгердович посмотрел на нее с любовью и снисхождением. И произнес: «Только единение в вере Православной спасет нас! И от орденов, и от орды.»

Болярин, сидевший до сих пор молча за столом, вдруг сказал: «Вот ведь как занятно получается: орден, орда – враги наши, враги Православия. И три их первые буквы одинаковые».

- Это наш книжник, князь Феодор, ученый человек! – улыбнулся князь Ондрей Ольгердович. – Во всех словах находит занятность.

- В начале было СЛОВО! - поднял вверх указательный палец отец Василий. – А коли так, то князь Феодор прав… Просто мы, по греховности своей, разучились понимать значение, направленность, силу слова…

- Какой же я ученый?! – покраснел вдруг князь Феодор. - Мне еще учиться и учиться. Давно бы в монастырь ушел. Там – ученость! Но вот сперва от поганых и орденов Отчину очистить хочу!

- Очищать можно и молитвою, и монашеским подвигом, и развитием учености в Отчине! – наставительно покачал головой отец Василий.

- Отче! Отче! Ты мне лучшего сотника не смущай! – вскинулся вдруг князь Ондрей Ольгердович. - Он прав: разобьем поганых, и вольному - воля. Пусть постригается в монахи.

- Ох, чадо, чадо! – покачал головой отец Василий.

- Прости, отче! – смутился и князь Ондрей Ольгердович.

- Бог простит. И я – туда же! – улыбнулся священник. Когда трапеза подошла к концу, князь Ондрей Ольгердович хлопнул в ладоши. Отрок внес и передал ему диковинный самострел и колчан с железными короткими стрелами.

- Вот, - протянул мне их хозяин стола, - прошу передать мой подарок Великому Князю Димитрию Иоанновичу. Пробивает кованный доспех, не то что кольчугу.

- А не соблаговолишь ли показать? – восхищенно почесал затылок князь Герасим.

- Брат Феодор, покажи! – кивнул Ондрей Ольгердович. Болярин встал, накрутил винт, положил в ложе стрелу, подошел к противоположной стене горницы, поднял и прислонил к ней толстую лавку. Отошел к другой стене. Слегка прицелился и выстрелил. Стрела насквозь пробила доску и почти наполовину вошла в бревенчатую стену.

Князь Феодор смущенно взглянул на Ондрея Ольгердовича. Тот засмеялся: «Ладно, ладно! Отроки потом вытащат! Присядем на посошок.»

- И вам мои подарки! – встал вдруг отец Василий. – Святые образа.

Он вынул из холщовой сумы две небольших иконы: «Вот это – святой преподобный Герасим Иоарданский. Наш иконописец ходил во Святую Землю и сделал там этот список».

Он передал образ князю Герасиму. Тот принял, приложился, вгляделся и отпрянул лицом: «Господи! Князь Ляксандр! Не этого ли монаха мы в лесу встретили?»

- Точно! – воскликнул я, едва взглянув. Холодок пробежал у меня по спине. С иконы на меня смотрел знакомый старец, а у ног его примостился лев.

- Что такое? – вскинул брови отец Василий. И князь Герасим сбивчиво и путано рассказал о нашем приключении на дороге во Псков.

- Славен Бог во святых своих! – перекрестился отец Василий. А за ним – и все остальные.

- А тебе, князь Ляксандр, - повернулся он ко мне, - уж не знаю, почему Господь направил руку мою выбрать редкий образ Готфских мучеников трехсот двадцать, в церкви сожженных. О них известно немного: там были Вафусий и Верк пресвитеры, Арпила монах, миряне Сила Сигн, Реас, Игафракс, мирянки Анна, Лариса, королева-вдова Алла, Уирко, Анимаиса, Гаафа, царица Готфская, дочь ее Дуклида и иные. Может быть, и какой Александр там был, не ведаю. Прости уж меня, грешного.

Приняв святой образ, я приложился к нему и спрятал за пазуху.

- И от нас с княгиней и боярами примите. - снова хлопнул в ладоши князь Ондрей Ольгердович. Отрок внес на бархатной подушечке два изящных кинжала. Протягивая их, хозяин Пскова добавил: «Ведь вы такой подарок для меня привезли, что не мог я остаться в долгу».

Мы с князем Герасимом поклонились и тут же прицепили кинжалы к поясам. Выпив по последней чаше меда, возблагодарили Господа и хозяев за трапезу и ушли в свои покои.

Веселый, бодрый, румяный от мороза Михась ввалился к нам рано утром: - Хлопцы! Собирайтесь! Я поведу вас на обзорную экскурсию по родному городу-герою Минску! Давайте, быстро! Позавтракаем в буфете.

И он ушел будить остальных. Мы быстро умылись, оделись, заправили койки и через полчаса дожевывали бутерброды, запивая их крепким кофе.

- Я думаю, что пешком пройтись по морозцу будет полезно для здоровья! – весело заключил наш завтрак Михась. И снова на улицах я увидел жизнерадостные, добрые, красивые лица жителей Минска. Они торопились по своим делам. А мы прогулочным шагом направились к центру города.

- Вот и кончаются новые районы. - жарко жестикулировал Михась. - Старый город начинается Минским кафедральным собором. Хотя старого города почти не осталось. Фашисты практически все разбомбили или взорвали. Но мы отстроились! А вы, кстати, знаете, что на территорию нескольких областей Белоруссии за всю войну не ступила нога фашистов. Там даже на сельсоветах всегда висели красные флаги. Фашисты бомбить особенно не рисковали: их тут же колхозные зенитки сбивали. Зато они отыгрались на Хатыни и других селах и деревнях…

Мы поравнялись с кафедральным собором. Там, как я понял, шла служба. На лавочках вдоль забора сидели молодые женщины и бабушки с маленькими детьми. «Наверное, причащать пришли. Ждут теперь, чтобы малыши службе не мешали», - подумал я.

А Михась вдруг закашлялся, покраснел, побагровел, схватился за грудь, как-то сломался даже пополам. И если б мы не подхватили его, упал бы. Сидя на лавочке, он все кашлял, кашлял, кашлял… А в короткие промежутки между приступами, заставлявшими его сгибаться, почти доставая лицом колен, пытался объяснить. Скорее - самому себе:

- Да что ж… эт-то… такое?! Отродясь… подобного… не случалось! Все … горит … внутри… от жив-вота до… горла!

Сидевшая на другом конце лавочки старушка с девочкой лет пяти вдруг встала и обратилась к Сергею: «Сынок! Пригляди за внучкой! Я сейчас твоему товарищу лекарство принесу».

И она ушла в собор. Но вскоре появилась, бережно, словно птенца, сжимая ладонях маленькую чашечку.

- Выпей, сынок, водички, - полегчает. - «акала» она, как все белорусы, обращаясь к Михасю. Тот опрокинул чашечку залпом, словно водку. А старушка попыталась незаметно перекрестить его. И действительно, кашель утих. На лицо стал возвращаться здоровый цвет.

- Спасибо, матушка! – поднял Михась взгляд на старушку. - И сам не знаю, что это напало на меня… Никогда такого раньше не было…

- В храм Божий почаще надо ходить! – по-доброму покачала она головой. И ушла снова в собор, видимо, отнести чашечку. А вернувшись, взяла внучку за руку: - Пойдем Настасьюшка, сейчас *Отче наш* петь будут… Будьте здоровы, сынки! Храни вас Бог! Но Россию вы спасете только тогда, когда объединитесь в Православии. Под Россией я разумею и Белоруссию тоже…

И поклонилась нам.

- Не пойму я, какая связь между кашлем и Православием?! – пожал плечами Михась.

- Мужики! – обратился я к милиционерам и остальным нашим. - Вон там, на взгорке, вроде, как, пивной бар. Займите столик. А мы с Серегой Михася приведем, когда окончательно придет в себя. Похоже, обзорная экскурсия отменяется. А когда они, развернувшись, зашагали в указанном мной направлении, я встал и перекрестился на собор. Сергей неумело повторил за мной.

- Знаешь, Михась, какая мысль пришла мне в голову? – начал я закурив.

- Ну? – отозвался он все еще хриплым голосом.

- Ты не забыл вчерашних змей? И то, что вахтерша имеет к ним какое-то отношение, как будущий гэбист, а значит и психолог, тоже не будешь отрицать?

- Не буду. - покрутил головой Михась. И тут вмешался Сергий: «Но чтобы как-то наколдовать на человека, как говорит моя жена Антонина, нужна фотография!»

- Да. - кивнул я. И вспомнил свои разговоры с Женей и Василько на эту тему: «Или вещь. Какую вещь ты мог оставить вчера в колдовском номере общежития?»

- Да вроде бы все при мне… - неуверенно пожал плечами Михась. - Погоди-погоди… Нож!

Он начал хлопать себя по карманам, рыться в них, и, наконец, заключил: «Точно, ножоставил!»

- Вот она-то, вахтерша, прости Господи, через этот нож и могла тебе устроить приступ! – тихо, но твердо сказал я.

- Да я ее.., - попытался вскочить Михась.

- Погоди! Нож, конечно, надо забрать. Но после этого окропить его святой водой. Давай, поступим так: мы с Сергеем сейчас пойдем в собор. Закажем о твоем здравии молебен, попросим для тебя бутылочку святой воды… - медленно говорил я.

- А что? Поможет что ли? – перебивая, хмыкнул Михась.

- Так тебе же только что помогло! – засмеялся я.

- Это значит, я пил святую воду? Хор-р-рош молодой коммунист! – мотнул он головой и тут же кашлянул. Испуганно взглянул на нас: «Ладно, идите, несите, только побыстрее!»

- Твое полное имя Михаил? - спросил я.

- Да, Михаил. – кивнул он, как-то сникнув и отведя глаза.

- Ты – крещеный?

- В Белоруссии нет некрещеных. Разве только какие-нибудь приезжие… - скривил он губы.

Мы с Сергеем зашли в собор. Начиналось Святое Причастие. Но записку, в которой мы помянули и Михася, и своих близких, и себя, все-таки приняли.

- Все крещеные? – строго спросила молодая женщина за свечным ящиком.

- Все-все. - кивнул я. – Только мы хотим еще заказать водосвятный молебен Архистратигу Божиему Архангелу Михаилу.

Женщина взглянула на меня не без удивления.

- И еще дайте три свечи, - продолжал я, - и подскажите, где у вас иконы святого благоверного Великого Князя Александра Невского и святого преподобного Сергия Радонежского? И еще, окажите милосердие, - мы сами из Москвы, в Минске впервые, на улице наш товарищ. Ему стало плохо. Тут матушка за водичкой святой для него приходила. Так вот, не могли бы вы найти бутылочку поменьше и налить в нее святой воды, чтобы он с собой взял?

- Сейчас, милые, - засуетилась вдруг женщина, - идите пока к иконам, по левой стороне, сами увидите. А я водички налью.

Мы поставили свечи, взяли воду, перекрестились и вышли.

- Как будто после суток за рулем, свежего воздуха в церкви вдохнул! – признался вдруг Сергей, спускаясь по ступенькам собора. Михась нетерпеливо дожидался нас.

- Что-то вы долго! – буркнул он.

- А ты что, безпокоишься, что мужики все пиво выпьют? – засмеялся я.

- Нет. Безпокоюсь, что меня здесь кто-то из наших увидит. - признался он.

- Ну и скажешь, что проводил обзорную экскурсию, а нам в туалет захотелось, после пива. Ближайший же - только рядом с собором. Вот и дожидался. – предложил Сергей.

- Не люблю я врать! – мотнул головой Михась.

- Ну и не ври. Скажи тогда, что мы решили осмотреть собор. В Москве – вон, сколько экскурсантов по храмам водят! И давайте, пойдем пить знаменитое белорусское пиво! – взял я обоих за локти. А оно действительно было отменным! Но, выпив по паре кружек, мы все же решили осмотреть Минск. Милиционеры, правда, заходили почти в каждый промтоварный магазин. И мы подолгу ждали их. Зато Сергей заразительно хохотал, когда прочитал: «Театр лялек».

- Ну и что здесь смешного? – недоумевал Михась. - «Ляльки» по-белорусски означает «куклы». Вот и получается «Театр кукол». Эх, приехали бы вы летом! Я бы вас и в Хатынь свозил, и в Беловежскую пущу. Там у меня один знакомый старик-пасечник живет, старый партизан! И охота там! И рыбалка! И мед!..

Город нам понравился. Но милиционеры, обвешанные всякими свертками, коробками, наотрез отказались зайти в какой-нибудь музей. И все равно, из-за этих промтоварных магазинов мы только к вечеру вернулись в общежитие.

За столиком вахтерши сидела моложавая, болезненно полная женщина. Выдав нам ключи, она обратилась к Михасю: «Вам просили передать, вы забыли перочинный нож в аварийной комнате. Там, кстати, все уже отремонтировано».

- А кто просил передать? – прищурил глаза Михась.

- Рабочий. – был ответ.

Нож из рук вахтерши взял я, опустил его в карман, где у меня уже был открыт флакончик со святой водой. И вот так, в кармане окропил, одним языком, прошептав: «*Во имя Отца и Сына и Святаго Духа*».

А потом передал мокрый нож Михасю. Тот благодарно посмотрел на меня и, попрощавшись со всеми, уехал. Милиционеры, заговорщически подмигивая, позвали всех в свою комнату, где на стол выставили сразу две бутылки «Беловежской пущи». Водители отказались. А я и другие охранники оказались не против. Тут же на столе

появились и кровяная колбаса, и сало, и соленые огурчики… Щедрые ребята – милиционеры. Но пилось мне почему-то безо всякого удовольствия. Поэтому, когда достали карты, я ушел к себе. Там Сергей и пожилой водитель расставляли шахматы, - уже, видимо, в который раз. Я же прилег, отвернулся к стене, прочитал вечернее правило, и задремал…

Мне снилась Москва, обиженное, все в слезах лицо Татьяны… Странно, за все это время я даже ни разу не вспомнил о ней! «Нехорошо! Надо будет позвонить завтра… И купить какой-нибудь сувенир», - подумалось во сне.

На следующий день все, кроме водителей, отправились пить пиво в знакомый уже бар. После обеда спали. А вечером стояли у ворот завода, ожидая, пока выгонят наши машины.

Подошел Михась, как всегда веселый и румяный. Отвел меня в сторону. Сказал: «Представь себе, жена поверила про змей… И про то, как старушка та сказала, что пора почаще в церковь ходить… Только как мне это со службой совместить?»

- А ты думаешь ты один такой в органах? – усмехнулся я. – Сходи, а лучше поезжай куда-нибудь в глушь, к старенькому священнику. А еще лучше - в монастырь, посоветуйся… А еще, начинай молиться. Бог все управит! А сам подумал: «Как я могу советовать что-то, когда в себе еще не могу разобраться, разгрести всю свою грязь, в своих грехах покаяться? Прости, Господи!»

Михась улыбнулся и протянул мне листок бумаги: «Будешь в Минске, звони, заходи! Я и жена, - она знает, что ты спас меня, - всегда будем рады. Здесь адрес и телефон».

- Михаил, спас тебя не я, а Господь. И еще, по милости Божией – святой Архистратиг Божий и Архангел Михаил, твой Небесный Покровитель. Вот их и благодари! – пожал я ему руку.

Через час огни Минска скрылись позади, в ночи. Татьяне я так и не позвонил. Сувенира тоже не купил. «Ну и свинья!» - подумал я про себя.

- О чем задумался? – спросил весело Сергей, не отрывая взгляда от дороги.

- Да так, знаешь, мысли путаются. А ты что такой веселый?

- Как же?! Домой! Увижу Антонину свою, деток! Вот и гостинцы им везу. Эх, жаль, забыл тебе показать. Представляешь, в Минске вещи, что мужские, что женские, что детские - раза в полтора дешевле, чем в Москве. Вот и набрал! Я теперь своих только в белорусскую одежду и обувь одеваю и обуваю. И представь, - не хуже импортной! Но самое главное: качество здесь намного лучше, чем у нас. И даже – за рубежом. Тут как-то даже мысль возникла: переехать жить в Белоруссию…

- А ты не узнавал, зарплаты здесь такие же, как в Москве? А вдруг – меньше? Ведь не зря ж говорят: где родился, там и пригодился… Здесь наверняка, в чем-то хуже, чем в Москве: есть свои «плюсы», а есть и свои «минусы».

- Да-а-а! Об этом я как-то не подумал… Мудер ты! Это действительно так по жизни. Что от добра добро искать? Слушай, а ты в какую церковь в Москве ходишь?

- *В Воскресение словущее*, на улице Неждановой. А что?

- А метро там какое?

- Можно дойти с «Пушкинской», «Горьковской», «Площади революции», «Площади Свердлова», «Проспекта Маркса». Она - как раз между ними.

- Знаешь. У меня вся неделя выходная. Попробую Антонину свою уговорить вместе в твою церковь в воскресенье съездить. Это как раз по нашей ветке: живем на «Сходненской». Если ты такой умный, думаю, поп тамошний еще умнее. Может быть, разъяснит мне все…

- У нас - замечательный батюшка! Бывший майор, десантник, Герой Советского Союза.

Сергей даже присвистнул: «Ничего себе! Вот уж никогда бы не подумал, что такие попы бывают. Я-то считал, что там все – поповские дети. Династия, так сказать…»

- И такие есть. У нас один из семьи священника молодой батюшка служит. Но мы к нему не ходим.

- Это почему же?

- Да так… Наш-то пока каждого не выслушает, никогда не уйдет из храма. И совет даст. У него опыт жизненный - ой-ой-ой какой! А к тому же он не работает, а слу-жит! Чувствуешь разницу?

- Мудрено что-то… Ну да ладно, ничего, разберусь, как ты приговариваешь, коли Бог даст. А детей можно с собой взять?

- Нужно! Ты что, в Минске не видел, сколько их в соборе?

- Слушай, запиши мой телефон. Ручка, блокнот есть? Тогда диктую… Позвони в субботу. Контрольный звонок, так сказать. Подумать только! Еще три дня назад скажи мне кто-нибудь, что я в церковь нестерпимо захочу, я в лицо этому человеку рассмеялся бы!

- Господь ведет!

- А вот расскажи мне про Бога!

- Ох, и задал ты мне задачку! Бог, Он – непознаваем. Понимаешь? Поэтому и Сына Своего Единородного, Иисуса Христа, на землю послал, чтобы люди как бы ощутили Бога, а самое главное то, что они созданы по образу и подобию Его. Да вот, образ-то мы храним, а вот подобие, - безгрешность! – ну никак не получается!

- Эт-то точно! Выпьешь после командировки с ребятами лишку, а потом утром так стыдно перед Антониной и детками! Не знаешь, куда глаза деть!

- А жена-то ругает?

- Да в том-то и дело, что нет! Даже сходит утром в магазин, пивка купит. А в обед и сто граммов нальет. Если, конечно, на следующий день не надо за баранку. А вот глаза – грустные-грустные! И дети тоже такие притихшие весь день ходят. Не шумят, не балуются…

- Повезло тебе! – вздохнул я.

- Что правда, то правда! Мы ведь с ней еще в школе подружились. Хотя поцеловал я ее в первый раз после выпускного вечера, когда под утро провожал домой. Она теперь, вспоминая, смеется. Говорит, мол, если бы на выпускном не выпила шампанского, ни за что бы не дала себя поцеловать. Тогда же и предложил жениться. Сказал, что люблю ее с первого класса. Ох, как она смеялась! А потом вдруг и говорит, мол, я тоже люблю тебя с первого класса. Поэтому, мол, согласна выйти замуж. Я после этого в школе ДОСААФ учился на шофера. А она вскоре и первенца нашего родила. А потом я в армию ушел. Что было дальше, я тебе рассказывал. А у тебя есть жена или девушка?

- Жена была. Развелись. Еще когда я в армии служил. А женщина?.. Даже и сам не знаю… Есть она у меня или нет…

- Понятно… Говорят, первая жена от Бога, а вторая… Ой, прости, что-то я не то сказал. Найдешь ты себе жену! Обязательно найдешь!.. А что у тебя с этой не ладится? Если не секрет, конечно.

- Да какой секрет? Не хочет она ни в церковь ходить, ни венчаться, а вот в ЗАГС – согласна. Вот и представь, какая жизнь будет?! Я в воскресенье – в церковь, а она – куда? К тому же подружка у нее, - лучшая! – замужем, а бегает к моему другу. Он, правда, тоже неверующий…

- Да, проблема! – покрутил головой Сергей. И вдруг весело добавил: «А вдруг у нее, как у меня, в один миг тяга к церкви появится? Увидит змей, каких мы видели, и побежит, как миленькая».

- Твои бы слова, да - Богу в уши! А вдруг нет? Здесь на «авось» рассчитывать нельзя. Сам понимаешь, семья – дело серьезное! Я уж раз обжегся!

- Что, изменяла?

- В том-то и дело, что первым я начал! Не понимали друг друга. И оба гордые. Не хотели ни в чем друг другу уступить. Молодые были! А под конец уехала она диплом защищать в другой город, на полгода. А когда приехала, аборт сделала от однокурсника.

- А ты откуда узнал?

- А врач, который делал аборт, моим приятелем был. Она этого не знала. Он и рассказал… Из мужской солидарности. Впрочем правильно сделал. Жизнь у нас все одно не получалась.

- Да, дела! Это все из-за того, что баб распустили идеологи наши. А у меня Антонина воспитана так, что в семье один хозяин – муж! А если и поспорит когда, то все равно - по-моему сделает. Нет, конечно, когда она дело говорит в хозяйских, женских проблемах, я соглашаюсь с ее мнением.

- Вот видишь, ты, не зная ничего о вере, живешь по-христиански. Господь наш Иисус Христос заповедал, что муж – для жены, все одно, что Он – для Церкви. Так что вам с Антониной и детьми сам Бог велел в церковь идти! И не мешкая.

- Теперь этот вопрос решен однозначно! – кивнул Сергей, улыбаясь чему-то. И вдруг встрепенулся: - Подъезжаем к Смоленску.

Потом мы снова, почти до самой Москвы пели песни. А прибыли в первопрестольную около полудня. Прощаясь, Сергей напомнил: «Не забудь позвонить в субботу».

Ночью меня разбудил Ивашка. За его спиной стоял князь Феодор.

- Мир тебе, князь Ляксандр! – поклонился он.

- И тебе, брат! - вскочил я и ответил поклоном.

- Князь Ондрей Ольгердович просит немедля пожаловать к нему в покои. Князя Герасима я уже позвал. – продолжал он. Вид у него был озабоченным.

- Что-то случилось? – тревога передалась и мне.

- Пойдем, и все узнаешь. – жестом он пригласил за собой.

У князя Ондрея Ольгердовича уже сидели отец Василий, несколько сотников и боляр. В дверях я столкнулся с князем Герасимом, и оба вошли в покои, поклонившись собравшимся.

- На Москву собрались? – хмуро спросил князь Ондрей Ольгердович.

- Да! - я удивленно пожал плечами.

- Припозднились мы… Только что дальние дозоры сообщили, что разъезды брата моего сводного, Ягайлы перекрыли все дороги на Москву… Что он замышляет? Не по нраву ему пришлось, что я Полоцк оставил, из-под его руки ушел. Но как он догадался о моем желании Великому Князю служить?

- Так он же – язычник! – подал голос отец Василий. - Вызвал жрецов своих. Те – злых духов. А уж эта нечисть радехонька распрю, да раздор новый разжечь, чтобы души христианские сгубить… Нечисть и подсказала.

- А велики ли дозоры? – спросил князь Герасим.

- Да уж не меньше, чем по сотне! – отозвался князь Ондрей Ольгердович. – Княжество-то литовское, почитай, от моря до моря. Посему и силы ратной много. И как быть-то, не ведаю даже…

- Да-а-а! Дело-то великокняжеское! Здесь головой рисковать, на рожон лезть – не резон. – словно прочитав мысли моего сотника, вставил князь Феодор. Князь Ондрей Ольгердович опустил глаза в телячью кожу, где был изукрашена карта Псковской земли.

- Дозволь слово молвить? – встал один из боляр.

- Говори, Ермолай. – кивнул хозяин Пскова.

- Перекрыли-то они дороги на Москву. Так? А на Великий Новогород? Думка моя такова: послать для начала сильный разъезд в его направлении. Разведать. А потом гонцов наших хоть немного сопроводить двумя-тремя сотнями. Крюк, конечно, немалый… Но есть ли другой выход? Пока не вижу.

- Первая часть задумки князя Ермолая верная, по моему разумению. - заговорил раздумчиво князь Феодор, пощипывая короткую бородку. – А вот две-три сотни сопровождения?.. Слишком много. Заметно. Знаем же все, что во Пскове есть соглядатаи ягайловы! Мигом донесут. Да и уходить надо не по Новогородской дороге, а по Московской, чтобы все видели. При этом создать шум в городе, мол, мы – москвичи, мол, уходим нынче на Москву. Выйти, чтобы все видели. А поприща за два от Пскова резко свернуть на север. В сей же час - в разные стороны от города пустить по сотне, якобы обычные разъезды… А разъезды эти, - две-три сотни, - объединятся в условленном месте и вместе пойдут на север. Там, недалеко от Пскова дождутся наших гостей. Для их же прикрытия. Береженного Бог бережет. А вам, князья Ляксандр и Герасим, денек обождать придется.

- Дело говорите, князья! – кивнул Ондрей Ольгердович.

- Есть у меня один охотничек… - опять заговорил князь Ермолай. – Он округу, как свою ладонь знает. С Московской дороги проведет гостей наших через лес мигом.

- Добро. - опять кивнул князь Ондрей Ольгердович. – Дело великокняжеское. Посему, первую сотню поведешь ты, князь Феодор. Снаряжайся сей же час. Выйдешь в южные ворота. А ты, князь Никита, час спустя, выйдешь на запад. Вот здесь, - ткнул он в телячью кожу, - Вы встретитесь. И вот здесь будете ждать наших гостей. Твои дружинники, князь Герасим, пусть сегодня погуляют по торгу, покричат, мол, скоро дома будем, мол, дорожка-то прямая… А ты, князь Ермолай, гляди, кто из города верхом поскачет. Приметь. Но перехватывать не надо. Когда ж соглядатай вернется, глаз не спускать. Разведай, - с кем знается. Всех вместе иудушек и возьмем.

Князь Ондрей Ольгердович повернулся к отцу Василию: «Благослови, отче?»

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! - широко перекрестил тот всех. И тут же добавил: «А молебен напутственный начнем прямо сейчас. Пойдемте в собор».

Гулко улетали в своды собора и, казалось, в самые небеса наши прошения: *Господи, помилуй*! И отзывались сверху, словно Ангелы подпевали нам. А может быть, так оно и было? Да. Конечно!

Полдня мы с князем Герасимом, как и большинство наших дружинников толкались на торге. Изображали себя под хмельком. Торговались, выбирали гостинцы для родных и близких. Я купил Ольгушке нитку крупного речного жемчуга, а Георгию – красивые сапожки с мехом внутри…

- Ну, как там Москва? – услышали мы вопрос одного купца двум нашим ратникам. Те, взглянув на нас, хмельно засмеялись: «А что Москва? Не лучше Пскова! А вот товар у вас на торгу - получше Московского…»

- Сколько скинешь за серьги-то? Молодой женке гостинец привезти хочу! – встрял третий, только что подошедший дружинник.

- Так неужто скупиться будешь для молодой женки-то?! А ну, как она для тебя ночью поскупится? – засмеялся купец.

- Ладно, уговорил, пересчитывай. - бросил монеты дружинник на блюдо, стоявшее на прилавке.

- Слушай. - вдруг шепнул мне князь Герасим. – Только нее оборачивайся. Потом осторожно посмотришь. У лавки с платками рыжий мужичонка стоит. Я давно его приметил. Считай от самых княжьих палат за нами бежал.

- Ну, уговорил ты меня, князь! Еще по одной чаше меда мы с тобой выпьем! – совсем по-хмельному громко сказал я, хлопнув сотника по плечу, и быстро кинул взгляд, куда он указал. Там стоял рыжий, худой, неопрятно одетый мужик с

маленькими юркими глазками, крючковатым носом, почти достающим до выступающего вперед подбородка, покрытого жиденькой бороденкой. А я продолжал: «Все равно сегодня на Москву. Дорожка сквозная, ровненькая! Все выветрится…»

Мужичонка замер, прислушиваясь. А я тихо добавил: «Как бы его князю Ермолаю показать?»

Сотник мой хитро улыбнулся. Крякнул: «Глянь, какие платочки! Прямо для моей дочки!»

И в развалку, неверным шагом направился к нужному прилавку. Там он как бы завалился на рыжего, чуть было не пригнув его к земле. Вскинулся! Подбоченился! И прикрикнул: «Как смеешь ты, смерд, толкать князя?! Так-то у вас принято гостей величать? Да еще и смерду по отношению к князю!»

Мужичок попятился, шаря глазками по сторонам и причитая: «Да я... Никак нет… добрый князь… Я бы не посмел толкнуть…»

- Ах, да ты еще лгать мне здесь будешь?! Скажешь еще, что это я тебя толкнул?! – еще громче заговорил князь Герасим.

- Нет-нет… Я не лгу… Это не ты меня… Это… это… - мужичок попытался юркнуть в узкий проход между прилавками, но оказался зажат двумя нашими дружинниками.

- Ведите его к князю Ондрею Ольгердовичу! – кивнул им головой сотник. А проходя мимо меня, шепнул: «Поспеши в терем, объясни все. А самое главное, чтобы князь Ермолай взглянул на этого хорька.»

Толпа любопытным псковитян окружила влекомого дружинниками мужичка и поспешила к терему. Но как может спешить толпа? Поэтому я намного быстрее оказался у общей цели. И, слава Богу, уже на крыльце столкнулся с князем Ермолаем. Рассказав о соглядатае, поспешил опять - в приближающуюся толпу.

Князь Ондрей Ольгердович, сопровождаемый приближенными, вышел на крыльцо в накинутой на плечи шубе. Князь Герасим поклонился ему: «Светлый князь, Ондрей Ольгердович! Рассуди! Подохожу к лавке с платками, перед возвращением в Москву - дочке платок купить, - а этот смерд толкается.»

Хозяин Пскова сдвинул брови: «Почто гостя, да еще и князя толкнул? Неужто такая давка у лавки была?»

Мужичок упал на колени: «Князь-батюшка, смилуйся! Не толкал я… Он…»

- Что-о-о?! – стукнул кулаком по перилам крыльца Ондрей Ольгердович, - По-твоему выходит, что князь лжет?

- Ой, нет-нет, не лжет…

- Так, значит, ты толкнул?

- Ой, видно ненароком… Если толкнул… Не заметил…

В толпе и на крыльце дружно засмеялись.

- Кто ты сам, и чем занимаешься? Житель Пскова? – продолжал допытываться Ондрей Ольгердович.

- Да нет, светлый князь. Приезжий я. С юга. По торговым делам здесь.

- А чем торгуешь?

- Да всем помаленьку. Да не шибко торговля идет…

- Вот что, князь Герасим, - медленно произнес Ондрей Ольгердович, - ты – гость града Пскова, и мой – тоже. Твое слово гостя для меня – закон. Предоставляю тебе судить. А ты, смерд, на колени перед князем! Проси прощенья! Где ж это видано, чтобы во славном граде, во Пскове, гостей обижали. Да еще пришлые какие-то. А ты часом не басурман?.. Да и как обижали?! Смерд – князя. И какого князя?! Он привез согласие Московского Великого Князя на военный союз, если Литва или орден какой опять полезут. Что ж мы, так пособников наших встречать будем? А, граждане Пскова? Каюсь, хотел пока повременить сообщать вам об этом. Но, видно, воля Божия иная, благодаря этому пришлому. На колени перед князем, смерд!

Мужичок пополз на коленях к моему сотнику: «Князь-батюшка! Прости меня окаянного Христа ради! Бес попутал… Прости!»

- Ну ладно, - махнул рукой тот, - если только ради Христа! Я – отходчивый!

Он поднялся по ступеням в терем. А князь Ондрей Ольгердович обратился к толпе: «Вот это – по-христиански! Прости – и тебя Господь простит!»

Толпа весело и шумно стала расходиться.

- Ну и разыграли вы балаган, князья, прости Господи! – покачал головой отец Василий, когда мы все со смехом вошли в горницу и собрались за столом. Не было только князя Ермолая. Но вот и он шумно вошел, снял шапку, перекрестился на образа, поклонился всем и выдохнул: «Как в воду вы смотрели, гости наши дорогие, московские! Только что этот сморчок вылетел верхом на Московскую дорогу. Сам видел с башни. Зато мои люди знают теперь, где и у кого он останавливался. Сейчас брать хозяина дома не будем. Приглядимся. Но что занятно? Конь-то под соглядатаем – не для простого смерда. Не у каждого князя я такого холеного скакуна видел…»

- Клюнул карась! – потер руки князь Герасим. Все снова заулыбались. Но Князь Феодор вдруг сказал: «Плохо, что пришлось раскрыться о нашем военном союзе с Москвой…»

- Нет, дорогой мой сотничек, - вскинулся князь Ондрей Ольгердович, – Да, таились мы раньше. Но ворог-то все одно узнал! Полгодом - раньше, полгодом – позже… Зато теперь вряд ли брат мой сводный Ягайло двинется на Псков. Поди, уже завтра знать будет, что за нами – Москва! Что Русь – протянулась, не менее его княжества! И не военный союз, дорогие мои, это, а признание Димитрия Иоанновича старшим над нами. Но иного пути нет!

- Аминь! – пронесся по горнице выдох всех собравшихся.

Перед дорогой нас знатно накормили, да с собой припасов дали. И все пошло по княжьей задумке. Выйдя из града по Московской дороге, когда белокаменные стены скрылись из глаз, мы резко свернули в лес на север. Повалил густой снег. Но проводник-охотник правил конем спокойно и уверенно. За ночь мы пересекли две дороги, ведущие из Пскова. И снова шли лесом. Рассветало. Вдруг наш проводник остановился. Поднял руку. Повертел головой…

- Что? – спросил его князь Герасим. Тот прижал рукавицу к губам и шепотом произнес: - Запах костра.

Я носом втянул воздух, но ничего не почуял. По лицу князя Герасима можно было судить о том же.

- Почудилось? – усмехнулся он.

- Не-ет! Во-он там, - указал проводник рукой вперед, - проходит дорога, ведущая к посаду одного малого литовского старого князя. Он, хоть и язычник, бежав от Ягайлы, выпросил у Ондрея Ольгердовича землю. Быстро поставил посад. Живет мирно. Торгует пушниной, рыбой, - озер-то здесь много, - медом опять же, дегтем… Но почему, зачем ему костер разводит у дороги, когда до посада – рукой подать? Или это – литовский дозор сюда дошел?

- А нам надо пересекать эту дорогу? – спросил я.

- Да. По следующей вы должны уже идти навстречу князьям Феодору и Никите. Они ждут в ближайшем укрепленном посаде. К полудню мы должны успеть дойти до этой, последней дороги. А до посада – полдня перехода, – продолжал принюхиваться проводник. И как бы рассуждая сам с собой, добавил: «Тысячи две шагов до костра. Не больше…»

- Ты хочешь сказать, что не пройдем через дорогу незамеченными? – спросил князь Герасим.

- Может статься и так, - был ответ, - если на дозор нарвемся. Хотя вряд ли… Там немного костров.

- И это ты унюхал?! – удивился князь Герасим.

- Дело нехитрое…- раздумывал проводник, – Дозволь предложить?

- Говори.

- Чужие здесь. Вернее всего Литва. Но почему такой малый разъезд? На сотню вашу такой бы не послали. Так что, полагаю, что не по ваши души. Сдается мне, князь старый удрал от Ягайлы или от кого-то из его воевод не просто так. Распря там была какая-то: я краем уха слышал, но не дослушал – не мое это дело. А ведь плетью обуха не перешибешь. Так не случилось ли, что и здесь обух плеть нашел? Дай мне десяток? Я в разведку схожу.

Герасим взглянул на меня.

- А другой выход есть? – спросил я проводника. Он покачал головой: «Литовское княжество здесь сразу за озером, два конных перехода. А может статься, что это и разъезд основную силу дожидается. А ну, как нарвемся?»

- Тогда делать нечего. Разведка действительно нужна в любом случае. Посылай! – повернулся я к князю Герасиму. И добавил: «Схожу-ка с ними и я…»

- Ты что? - вскинулся тот. - Ты не себе, не своей удали принадлежишь, а великокняжескому делу. И нечего на рожон лезть!

- Ты прав, брат! – вздохнул я.

… Когда разведка вернулась, мы узнали, что у костров точно сидят литовские язычники. Ратники. Двое из них в кованых доспехах…

- Один, как петух разукрашенный. А на шлеме – рога, прости Господи! – рассказывал проводник. Всего - не больше пятидесяти. Но вооружены - до зубов. С ними были старый князь беженец, княгиня, двое сыновей отроков, – мол, они связаны, без шуб… Еще кто-то весь в крови лежал на снегу без движений… А дочка ихняя, - молодая княгиня, - к дереву привязана. Тот, что на петуха похож, все кричал на нее, спрашивал, мол, решилась ли ты или нет? Она молчала. Тогда он после каждого повторения своего вопроса перерезал горло старику, потом - старой княгине, потом по очереди - отрокам-княжатам. Молодая княгиня плакала. А он ей кричал, мол, все равно моей будешь, хоть на одну ночь! А потом с колодкой на шее за свиньями ходить велю… Видите, князья, я был прав: распря там. От нее и бежал старый князь. А ведь у молодой княгини и муж уже был. Не он ли убитый лежал на снегу? Господи, помилуй! Всю семью! Безоружных, связанных…

- А где ж тогда остальные из посада? - спросил князь Герасим.

- Да посад у них был – одно название. Толком частокол возвести не успели. Челяди – тоже человек тридцать с детьми… Поди, всех порезали… Одно слово – язычники! - горько махнул рукой проводник.

- А посад сожгли… - вдруг вспомнил я свою отчинку.

- Не-ет, - покачал головой проводник, – наши псковские заставы такой дым увидели бы! А эти ироды прекрасно знают, что перехватить их труда не составило бы любой сотне.

- Ну что? – я пристально глядел на князя Герасима. Тот насупился. Помолчал. Потом ответил: - Твоей головой рисковать не могу… А вот сам разомнусь… Чтоб связанным, да горло перерезать?! Такого даже поганые не творят… Из-за блуда! Нет, не дело…

Он махнул рукой и тотчас к нему подскакали десятники. Проводник начертил на снегу план местности. А князь Герасим сказал, что и как каждый десяток делает.

Язычники не ожидали такого внезапного удара. Все они сидели или стояли у костров без шеломов, надеясь на сторожу, которую наши дружинники быстро сняли. А потому половина их упала в несколько мгновений со стрелами в головах. Часть других посекла мечами полусотня, возглавляемая князем Герасимом. Он лично зарубил одного из закованных в доспех, того, который постарше. Тот и боевой топор не успел схватить. Только похожий на петуха, какой-то крикливо смазливый, стоял

окруженный нашими ратниками и ошалело смотрел на них. Конечно, он просто не мог понять, откуда мы могли здесь взяться.

…Меня, прикрытого кольцом десятка, князь Герасим оставил на опушке, в мелком ельнике. «Петух» наконец, взял себя в руки.

- Русьские свиньи! - сплюнул он в снег.

- Что-о-о?! – спрыгнул с коня князь Герасим и двинулся на «петуха».

- Нет-нет, ничего… - пробормотал тот, вроде бы испугавшись, и стал пятиться в дереву, к которому была привязана, как я понял, молодая княгиня… Вдруг он резко, насколько позволял доспех, прыгнул, резанул выхваченным ножом веревки и прикрылся пленницей, подставив лезвие к ее шее. Держа женщину перед собой, он сделал несколько шагов.

- Нет-нет! Ничего, русьские свиньи! - засмеялся «петух»… Все наши опешили. А он продолжал: «Сейчас я сяду на коня и уеду, или… эта молочная шейка будет перерезана. Что вас больше устраивает?»

С одного боку «петуха» прикрывала толстенная сосна. Спереди – молодая княгиня. С моей же стороны, совсем рядом, - молоденькое деревце, которое можно было обхватить двумя ладонями. Однако я видел только его нос… Что-то надо было делать…

- Господи, помоги! Господи. вразуми! И ты, Великий Князь, собеседник мой дорогой! – шепнул я.

«А самострел, Великокняжеский подарок, на что? Деревце-то он пробьет, как ту толстенную лавку насквозь» - возникла мысль. Я осторожно вынул его, навернул винт, наложил железную стрелу…

- Дай подумать.., - раздался голос князя Герасима…

Никто из наших так ничего и не понял поначалу. Только «петух» вздрогнул, вытянул руки вдоль тела, отпуская княгиню. И остался стоять, нагнув набок и прислонив голову к сосне, притянутый стрелой к стволу. Княгиня отскочила от него, бросилась в ноги князю Герасиму и запричитала, коверкая русьские слова: «Благодарю тебя, добрый князь! Этот зверь вырезал весь наш посад и моих… Вот – отец, мать, братья, муж…»

Она зарыдала, припав на грудь к мертвой старой княгине.

- Сколько здесь до ее посада? – спросил князь Герасим проводника.

- Проще взять ее с собой. Мы итак слишком много времени потеряли. Довезем и отдадим князю Феодору. - ответил тот. И по-доброму улыбнувшись, добавил: «Он во Пскове – первый странноприимец».

Князь Герасим подошел к наколотому на стрелу «петуху». Хмыкнул. Взглянул на меня. Я пожал плечами и показал самострел, который до сих пор не успел убрать в суму у седла.

- Из Великокняжеского подарка. - покачал головой мой сотник.

- А что мне оставалось делать? – опять пожал я плечами. – Приеду, коли Бог даст, покаюсь, попробую объяснить все.

Князь Герасим только махнул рукой. А княгиня снова бросилась перед ним на колени, продолжая причитать на ломанном Русьском языке: «Благодарю, благодарю! Только умилосердитесь, погребите моих сродников. А лучше сожгите по нашему обычаю!»

- Не меня благодари, а вот его! – кивнул в мою сторону князь Герасим. – Это он твоего «петуха» на насест посадил.

Княгиня наморщила носик, похлопала ресницами, очевидно, не понимая смысла русьской шутки. Но тут же бросилась на колени передо мной: «Благодарю! Только погребите или сожгите моих сродников!»

Я бросился поднимать ее с колен. «Где-то я видел это лицо!» - мелькнула мысль. «Этого не может быть» - ответила ей другая.

- Сжечь мы на можем – мы христиане, – отозвался князь Герасим, - Дрова соберем. А поджигать будешь сама. И ждать, пока они сгорят, мы тоже не будем. Если хочешь, оставайся. Мы должны идти.

- Нет-нет… Благодарю, благодарю… Я боюсь одна.. До посада далеко… Здесь волки! – запричитала она.

- Князь, дозволь молвить? – вмешался проводник

- Говори.

- Запалим большой костер… Впрочем нет, большой нельзя. Пять небольших… И пойдем своим путем. Пока прогорит… Сдадим ее князю Феодору, и она на обратном пути во Псков соберет пепел. - раздумчиво и основательно выговаривал он.

- Нет-нет! Не надо Псков. У Ягайлы там - свои люди. Они скажут, что это я убила Кейстута и его дядю, найдут и тоже убьют меня. - жарко уговаривала княгиня.

- Это тебе – не так. И другое – не эдак! - мотнул головой князь Герасим, - Что ж нам с тобой делать?

Княгиня посмотрела на меня. «Где же я видел эти светлые длинные, слегка вьющиеся волосы, голубые глаза, тонкий нос с почти прозрачными ноздрями?» - недоумевал в мыслях я.

А она уже кинулась к проводнику: «Я тебя узнала! Ты – охотник! Ты у нас останавливался… Собери прах… Боги дадут – свидимся… Тогда отдашь мне…»

- Да где же мне тебя будет искать, княгиня? – пожал плечами тот.

- Не знаю… - опустила она голову.

- Так, братия, - перебивая всех, поднял руку князь Герасим. Вся сотня взглянула на него. А он продолжал: «Припозднились мы. Соберите пять хороших костров. На костры положите упокойничков. А эту нелюдь, - кивнул он на убитых литвинов, - пусть волки хоронят. Дайте княгине шубу и голову чем-нибудь накрыть. Да еще коня для нее… из этих.., из литовски».

Пока дружинники принялись за дело, княгиня опять присела у родных тел. Я подошел к проводнику, положил ему руку на плечо и почему-то тихо сказал: «Собери на обратном пути прах. Я, Бог даст, - не в последний раз во Пскове».

- Как скажешь, князь… – пожал тот плечами.

…Мы отъезжали от полыхающих, гудящих и потрескивающих костров. Княгиня несколько раз обернулась и помахала им рукой.

Вернувшись домой, я первым делом посмотрел на телефон. Но… звонить никому не стал. Принял душ, легко позавтракал и улегся спать. Шутка ли, - вся ночь на колесах.

Странный сон мне снился: голый пухлый карапуз со взрослым лицом Татьяны капризничал, хныкал в углу моей комнаты. Я попытался его успокоить… Ну, разве что только на руках перед ним не ходил. А его истерика только усиливалась. Наконец, он опрокинулся на спину и заколотил ручками-ножками по полу.

- Ну что тебе надо? – спрашивал я его. А он еще больше ревел… Проснулся я с больной головой. На улице темнело. По металлическому карнизу дзинькала капель. Оттепель… «Оттепель!» - тупо подумал я. «А на сердце – зима!» - съязвила взявшаяся откуда-то мысль. «Надо бы Татьяне позвонить», - возникла еще одна. «Чтобы встретиться и поехать ночевать к Валере, Вике или еще к кому-нибудь… Она мигом найдет кукушкино гнездышко!» - издевалась первая. «А почему кукушкино? Кукушка гнезд не вьет!» - как казалось, спросил я сам себя. «Да потому что не вами свитое!» - ответила первая мысль.

Я не стал звонить Татьяне. Позвонил Василько. И от Марии узнал, что отец Валерий выписался из больницы. Правда, под расписку. И уже сегодня служит первую Всенощную. Облегченно вздохнув, я наскоро оделся и пошел в церковь.

- Ну, как поездка? – спросил отец Валерий, преподав благословение, когда после Всенощной я подошел к нему. Он выглядел не совсем здоровым, но бодрился. Я забыл и про змей, и про припадок Михася… А ведь именно об этом хотел поговорить с духовником.

- Слава Богу, батюшка. Я просто даже не знаю, что делать! Татьяна требует близости. Когда я нахожу повод отказать, обижается. На веру нашу «наезжает». Наш образ жизни называет фанатизмом. Ведь я в Минск-то у Василько напросился, чтобы не искать причин для отказа ей, – горячо говорил я.

- И-и-и, милый! Это тебе - Божия епитимия за празднование Нового года в пост. Раньше-то как было? Познакомился с девушкой… Не меньше, чем год и за руку ее взять молодой человек не смел. Встречаются, щебечут, в кино там, в театр сходят. А сами присматриваются друг к другу: хороша ли рукодельница, смиренна ли, не лентяйки ли, как в трудной ситуации поведет - не предаст ли? И девушка тоже свои выводы делает. Потом друг ко другу в гости ходили. И только - при родителях. Опять же присматривались: что за семья? Чисто ли, уютно ли? Как ведут себя младшие братья и сестры: не ссорятся ли, нет ли истерик? По малым-то детям вся обстановка в доме видна. Альбомы семейные внимательно разглядывали: что за родня? Ну, это – в городе, в обеспеченных семьях. А про деревню и говорить нечего: там друг дружку, как облупленных знали! А перед обручением, в добропорядочных семьях, будущая невеста обязательно шла на исповедь к духовнику будущего жениха, а тот – к ее священнику. Духовники встречались. Потом встречались родители будущих новобрачных меж собой и с духовниками. И вот когда все приходили к согласию, происходило обручение. После него еще пожидали годик-другой. Тут обрученные могли и за руки подержаться. Понимаешь, это, как пост перед большим праздником. Так хочется мясца, сметанки, колбаски, беляшей там, пельменей. Да еще – под рюмочку… Но сдерживаешь себя. А сдержал, - так радость душевная сочетается с радостью телесной. И радость праздника получается во всей своей полноте. И так хорошо! Потому и семьи, как правило, крепкие были. Не без исключений, конечно. Ис-клю-че-ний из пра-вил! А теперь: пришел, увидел. Выпили по рюмке, и – в постель. А утром – в ЗАГС. Потом выясняется, что и это – не так, и другое – не эдак. Что - у мужа, что - у жены. Да поздно. Соитие произошло не только здесь, на земле, но и на небесах. В духовном мире ниточки-связи уже есть между блудником и блудницей. И тяжесть на душе у тебя – это тяжесть Татьяниной души, которую ты тянешь за ниточку – вытянуть не можешь. А она тебя притягивает! Или даже перетягивает! А за ниточкой – другие мужчины, с которыми она была до тебя, и ведь сами - со своими грехами, бывшими женщинами… И так дальше – как цепная реакция. И ниточки с другими твоими, прошлыми женщинами не порваны! Ведь соитие возможно только в браке. А он – Таинство. И - на земле, и - на небесах тем более. Вот, как я вижу.

- Батюшка, простите, но можно подумать, что у вас с матушкой было так, как вы про старину рассказываете… Ой, простите за дерзость. Ляпнул – не подумал. Не мое это дело…

- Правильно «ляпнул»! Мы с тобой - взрослые мужики. Так вот, матушка меня к себе допустила только после свадьбы! И я ей за это очень благодарен. Во всем уступала. А в этом – кремень! – улыбнулся он, вспоминая что-то. – Но ведь она-то была в Православии воспитана! А если образ, православный образ жизни нашего народа принять за полноту, за круг, то рассказанное мной вкратце – лишь маленький, микроскопический сектор этого круга. И всю ее, эту полноту, так легко отдали русские люди сатанистам-большевикам, - я имею в виду главных идеологов. Посему ждать от Бога нам можно только худшего для своих потомков. Если не покаемся и не пронесем достойно Божию епитимию. А каяться надо, ой, как во многом! Не только в личных грехах, мол, гневаюсь, дерзю, выпиваю, курю, в блуд впадаю, пост нарушаю…

Это – всего лишь следствие главного греха: предательства Бога и установленного Им домостроительства от семьи до государства….

- Но мне-то что делать, батюшка? – не выдержал я.

- Тебе? Рановато я с тобой заговорил об истоках личных грехов… Ну, да ладно. Помнишь, я разговаривал с твоей Татьяной в больнице? Душа у нее, вроде бы, неплохая. Когда говорили, она призналась, что грешит. Это - главное: сознание греха. Но вся она словно паутиной какой–то закутана, сквозь которую эта душа прорваться не может. Как евангельское зерно - сквозь терние, если - не сквозь камень…

- Дед ее любимый был безбожником и заслуженным чекистом: работал именно в управлении по борьбе с Православием. Она до сих пор о нем без восхищения говорить не может… - перебил я.

- А-а-а! Тогда понятно… Родовое проклятье… Грехи, вопиющие на небо. - покачал головой отец Валерий.

- Но там должно быть и родовое благословение. - вспомнил я, словно ухватился за соломенку. - По маминой линии бабушка была верующей!

- Да-а? – мотнул я в сторону головой отец Валерий.

- Каждое воскресенье в церковь ходила… - передразнил я Татьянину интонацию.

- Слушай, а любишь ли ты ее? - вдруг наклонился ко мне отец Валерий. - Сейчас в твоем передразнивании не очень добрые нотки прозвучали…

- Не знаю, батюшка! - признался я.

- И-и-и, мой милый! Зачем же тогда, не зная, любишь ли, жениться собрался?

- Казалось, что люблю…

- Повстречались всего месяц назад, и ты сделал такой жизненно важный вывод?! Тебе что, шестнадцать лет? Не-е-ет! Ты, в первую очередь, любил и любишь похоть свою! Прости за резкость. А полюбить сначала надо человека! Я понимаю, тяжело тебе как мужику. А как же терпели без жен русские православные флотские офицеры, матросы, уходившие на парусниках в кругосветные путешествия года на три, а то и больше?!

- Не знаю…

- Мо-ли-лись! Просили у Бога терпения! Вот и тебе, я полагаю, надо молиться о даровании терпения, - раз! О том, чтобы Господь открыл тебе твои чувства и Свою волю по отношению к Татьяне, - два! И о ее вразумлении, - три! Как я уже говорил, вы теперь – не чужие люди. В духовном мире вы связаны оч-чень крепкой ниточкой. И даже если вы расстанетесь, ниточка не порвется. Она будет тянуть тебя всю жизнь, как тянет иногда ниточка, связывающая с Наташей. И с этими, да и с другими твоими ниточками предстанешь на Суд Божий!

- Так что ж, все равно теперь гореть мне в аду… Как блуднику! – с отчаянием прошептал я.

- Кайся. Молись! Господь милостив! Не прощается только нераскаянный грех. Во-он, святые Мария Магдалина, Мария Египетская, Таисия, да сколько еще с ними, не ниточки, а, пожалуй, канаты тащили! Но каялись! И Господь простил их! Мало того, - увенчал святостью!

- Я же вам каялся уже…

- Не мне, дорогой ты мой Александр, а Господу нашему Иисусу Христу! Отметил красивую женщину в метро, екнуло сердце, - тут же кайся: прости, мол, Господи, оскорбил Тебя блудным взглядом! Припомни другие свои блудные грехи. И за них тут же проси прощения!

- Да что же это?! Куда смотреть тогда, если они сами своими «прелестями» в глаза лезут?!

- Греха не будет тогда, когда ты на женскую красоту смотришь как на прекрасное творение Божие! А не на носитель «прелестей» и блудных похотей!

Улавливаешь разницу? К слову, тот, кто смотрит на фотоснимки женщин с обнаженной грудью, оскорбляет Божию Матерь. А те, кто тычат своими «прелестями» в мужчин, отвечать будут, как соблазнившие малых сих. В Святом Евангелии про таких сказано, что лучше б им мельничный жернов на шею повесили и бросили в море. Трудно даже представить, какой ответ они будут держать перед Вседержителем. А кто-то еще здесь, в земной жизни, ответит женскими болезнями… И это – не я предрекаю. Об этом пишут святые отцы. Но и от мужчин требуется смотреть не на «прелести», а на свои грехи. На свои! Не за прелестниц мужчины будут отвечать, а за се-бя!.. Ну, что тебе, моя хорошая? - вскинул он глаза мимо меня.

Я обернулся и увидел матушку Марию. Она стояла поодаль со стаканом воды, опустив глаза.

- Батюшка, вам пора лекарство принимать. - произнесла тихо инокиня. И добавила, повернувшись ко мне: «А ты, Александр, будь милосерден к батюшке! Не утомляй его! Он же – только что из больницы. Да и положенного срока не пролежал.»

Отец Валерий достал из кармана подрясника таблетки, закинул их в рот и запил поданной водой: «Ступай, матушка! Он не утомляет. Давно не виделись, соскучились. Беседуем… Ступай, моя хорошая. Келью мою проветри. Я здесь ночую. Завтра рано служить буду.»

- Мне звонить Татьяне? – возобновил я разговор, когда инокиня Мария ушла.

- Конечно! Она же волнуется!

- А что сказать? Как отказать? Ведь она уже тысячу вариантов ночевок придумала!

- Знаешь что,? - отец Валерий опустил глаза в пол. Помолчал. Перекрестился. Тихо заговорил: «Положись на волю Божию. Честно и откровенно объясни. Скажи, что хоть через день будешь с ней встречаться, ходить в кино, в театр. Но до свадьбы у вас близости не будет. А там уж, - как Господь решит. Только разговаривай с ней помягче, поласковей.»

И тут я вскинулся: - Ой, батюшка! Совсем забыл. В Минске та-акое было!..

И я рассказал про змей, старика, превратившегося в дым, про припадок Михася… Отец Валерий опять опустил глаза. Помолчал. Улыбнулся: «По поводу твоих Сергея и Михася могу сказать одно: Господь проявил к ним Свою неизреченную милость, призвав таким образом в вере Православной, в храм Божий. Кто-то за них крепко молится. Здесь ли, в Царствии ли Небесном… А вот как тебя этот случай касается, пока судить не берусь. Надо поразмыслить, помолиться. Не слишком ли многовато на тебя одного таких приключений?! Василько, вон, обижается! Мол, все – Александру, да Александру видения приходят. А мне – ни одного!»

Отец Валерий по-молодому засмеялся.

- Батюшка, а может быть, я примитивен, как первые христиане? В хорошем смысле слова.., - спросил я.

- Ох, и насмешил ты меня, Александр! Ох, насмешил! – еще звонче захохотал отец Валерий. И серьезно добавил: «Я же сказал: надо помолиться.»

…Я медленно шел в сторону дома. Пересек Тверской бульвар. Вышел на Большую Бронную. «Какой же замечательный и мудрый у меня духовник. Вот только, как бы и мне стать достойным духовным чадом?!» - текла и журчала мысль.

- Александр! – услышал я вдруг сзади и обернулся. Быстрым шагом меня догонял… отец Валерий. Он был без шапки. Пальто – нараспашку. Под ним виднелся черный костюм, белая сорочка с галстуком…

«Странно… Когда он успел переодеться? - мелькнула мысль. - К тому же, я что-то не помню, чтобы он носил галстуки…» «Да какая разница?! Может быть, передумал оставаться. Не в рясе же ему по городу ходить!» - перебила ее другая.

Тем временем, отец Валерий догнал меня. Конечно, это был он! Но, тем не менее, что-то в нем было и не его. Какая-то резкость в движениях. «А что ты хочешь? Это – по инерции. Он же догонял, торопился», - подсказала еще одна мысль.

- Ты знаешь, я помолился… Сугубо… Я был не прав… Уж коли вы с Татьяной начали жить, все одно теперь! Тем более – скоро свадьба! Так что, звони, встречайся, люби! – весело и отрывисто проговорил он.

- И вы для этого столько бежали за мной?! После больницы! – недоумевал я.

- Это – мой долг! На-став-лять! - засмеялся он. Но опять же каким-то не своим смехом.

- Благословите, батюшка. - протянул я ладони.

- Что это ты? Я же уже благословил. Ты что же, собираешься на каждый чих благословение просить? – бросил он и, резко развернувшись, быстрой, какой-то прыгающей, так несвойственной ему, походкой пошел в обратную сторону.

«Что ты все накручиваешь себе?! Ищешь того, чего нет!» - свербила мысль. «Как-то все это странно… Не батюшка был сейчас…» - пыталась докричаться другая.

- Действительно, - подумал я вслух, - придумываю то, чего нет!

Я даже подпрыгнул от радости и почти бегом устремился домой. Там, не раздеваясь, кинулся к телефону.

- Алло! Танюша! Любимая! Я вернулся и целых три дня – в твоем распоряжении! – почти крикнул в трубку.

- Ой! Я так рада! Так соскучилась! А потом - куда? Надо же договориться. Давай так: я завтра договорюсь с кем-нибудь. А ты отсыпайся и после обеда позвони. Как ты съездил? Ну, вот и хорошо. Спокойной ночи, милый!

Я ходил по квартире, автоматически раздеваясь, пытаясь размышлять о случившемся. Но мысли мои сходились только на завтрашнем вечере, на предвкушении его. Я сделал какой-то бутерброд. Войдя в кабинет, открыл бар и налил в фужер чего-то крепкого…

«Вот ведь как бывает, - пригубляя терпкую, обжигающую жидкость, размышлял я, - И священник в своих наставлениях бывает не прав! А, помолившись, получает от Бога вразумление. Браки, как я где-то слышал, совершаются на небесах… Татьяна – неплохая хозяйка. Чистоплотная. Своевольная, правда, любит покомандовать… Но бабы - все такие! А мне пора «завязывать» со своей холостяцкой жизнью. Буду молиться за нее, как сказал отец Валерий. А там, глядишь, и она к вере придет… Завтра у меня весь день – в запасе. Надо бы все-таки купить ей какой-нибудь подарок. Пройдусь по улице Горького, найду что-нибудь.

Я подлил себе в фужер. В памяти всплыли будоражущие картины ночей с Татьяной. Под смену этих кадров я задремал. А проснулся только утром, когда начало светать. Контрастный душ взбодрил. Только нестерпимо хотелось пива. Вернувшись в кабинет, я увидел, что «Текилы» осталось – на самом донышке. «Ого! – мотнул я головой, - Ну и усугубил вчера!»

Позавтракав, я выпил тройного или даже четвертного кофе и вышел на улицу. Солнышко играло в успевших оттаять лужицах и ручьях, несущихся вдоль тротуаров. Я дошел до Тверского бульвара, поднялся по нему. Начал спускаться по улице Горького. В ближайшем универмаге ничего подходящего для Татьяны я не нашел. Дойдя до памятника Князю Юрию Долгорукому, свернул налево, в Столешников переулок. Здесь в подвальчике выпил две кружки пива с солеными баранками. В голове повеселело. Я опять поднялся до улицы Горького и по ней спустился до магазина «Подарки». Здесь за чем-то «давились» женщины.

- Что дают? – слышались вопросы задних.

- «Клима» - французские, настоящие! И всего – за четвертной! – отвечали из первых рядов. Какой-то старичок, зажав в кулаке красную книжечку, грубо расталкивал женщин и кричал: «Я – ветеран войны! Имею право – без очереди!»

Я не выдержал. Выдернул его из давки: «А что, ветераны войны французскими женскими духами пользуются?»

- Щенок! – от возмущения то ли зашептал, то ли зашипел старичок. - Я за тебя кровь проливал! А ты меня – за рукав! У ветеранов войны тоже дочери, сестры, жены есть!

- А что они все тоже за щенков кровь проливали? – спокойно спросил я.

- Я имею право согласно закону! – сбавил он тон.

- На товары и предметы первой необходимости… - мимоходом вставила уже отоварившаяся женщина.

- Вот именно! - подтвердил я. И добавил: «А как быть женам, сестрам, дочерям тех, кто не вернулся с войны? Или их мужья, братья, отцы менее достойны этого права, нежели вы»?

- Да он, видно, стоял насмерть в окопах Ташкента, когда другие отсиживались на Курской дуге и под Сталинградом. - хохотнула другая женщина из очереди. И вдруг серьезно добавила: «У нас в роду все мужчины погибли: восемь человек! А я в очереди стою.»

- Ну, зачем же вы так, - покачал я головой, - Мы же не знаем… Хотя он тоже не прав.

Старик стушевался.

- Молодой человек, - вдруг сказала женщина, потерявшая восьмерых сродников, - вы ведь тоже хотели купить… Вставайте с дедулей впереди меня.

- По одному флакону в руки давайте, - кричали из очереди.

- Всем хватит! – отвечали продавщицы. - Завоз - большой!

Очередь как-то притихла. Чинно выстроилась. И скоро я выходил из магазина с квадратной коробочкой в кармане. На улице меня кто-то тронул за рукав. Я обернулся. Передо мной стоял ветеран.

- Спасибо тебе, парень! Правильно ты меня уел. Поддался я, старый дурак, этому стадному чувству… - он резко развернулся и зашагал вверх по улице Горького. А я, спустившись вниз, перешел ее под землей и решил сходить в Манеж, - благо, очередь на нашумевшую выставку Ильи Глазунова была небольшой: будний день.

Недобрая улыбка разрывала мне рот, когда я разглядывал парадные портреты членов правительства, их жен, ученых, «великих» артистов, Героев Социалистического труда… Хотелось спросить, мол, ну и что, где здесь живопись? Это же – репродукции с фотографий! К тому же – не жи-вы-е! Глаза - пустые. Ничего не выражают… И тут мой взгляд упал на браслет какой-то «великосветской» дамы. Как же живо он был выписан!

«Ай, молодец, этот Илья Глазунов! - чуть не вырвалось у меня вслух, - Может быть, я напридумывал себе, но, кажется, он хотел показать, что камни – живее их носительницы!»

Я еще раз прошелся по портретной галерее и в каждом портрете находил вещь более живую, чем лицо ее обладательницы или обладателя.

В следующем зале, где были портреты, связанные с историческими образами России, все выглядело противоположно! У «Русской красавицы» жемчуга кокошника смотрелись мертвыми камнями, - нарисованными! - а лицо жило отдельно от них. Да – и от всего портрета! Жило так, как жило бы и без них. И не нужны эти жемчуга глубоким, грустным глазам цвета живого неба! И если камни сверкали, то только - отражением света глаз «Русской красавицы».

Следующие картины пробуждали память, вдыхали в сердце гордость за Россию и какую-то непонятную чистоту… В небольшом отсеке было столпотворение. Здесь с полотна плотоядно улыбался молодой ордынец. Он стоял посреди поля боя. В одной руке у него – истекала кровью кривая сабля, в другой – отсеченная голова русского ратника. Кровавый же закат разгорался заревом пылающих русских городов. На

ордынских пиках были насажены, серые, отливающие голубизной, русские головы… А перед еще одной картиной, приседая и разводя руками, брызгал слюной… Виленыч: «Нет, я вас умоляю! Как это называется?! Гусские – все такие кгасивые, хогошие, а все татагы – злодеи! Я как истинно гусский…»

- Гусский-гусский! - хмыкнул один мужчина и отошел от толпы.

- Повтогяю! Я как истинно гусский человек кагогически пготив такой фашистской, - не побоюсь этого слова, - живописи! Этим же оскогбляется национальное чувство любого татагина!

- Никто и ничто этим не оскорбляется. - громко возразил высокий парень. - Я – татарин! А в те времена были захватчики, которые действительно зверствовали. За что и получили потом и от Дмитрия Донского, и от Василия, и от Ивана Грозного. Вот за первых мне стыдно. Но были и другие татары. Хан Хасым, например. Он, будучи благородным человеком, не стерпел зверств и дикости своих единоплеменников и ушел под руку Москвы. Служил верой и правдой. За что и получил город Касимов и земли вокруг него в свое владение. В каждом народе есть герои, а есть и подонки!

- Э-э-э, молодой человек, - покачал указательным пальцем перед своим носом Виленыч, - так любое пгедательство опгавдать можно…

- Дал бы я тебе по роже за «предательство»! Да боюсь рассыпешься! - вздохнул парень, махнул рукой и ушел в другой зал.

- Что?! Как по гоже?! Милиция! Где здесь милиция? Здесь – сбогище великодегжавных шовинистов! – встрепенулся попятившийся Виленыч. В толпе послышались смешки. Какая-то старушка в береточке подошла к Виленычу и спокойно сказала: «Иван Грозный, между прочим, при взятии Казани строго-настрого запретил русским воинам обижать мирных жителей. Более того, после взятия города приказал построить рядом Православный храм и мечеть. А религиозно-национальную рознь, уважаемый, сеете сейчас вы».

- Цегковная фанатичка! – взвизгнул Виленыч. - Мгакобеска!

Люди же, прежде слушавшие его, стали расходиться.

- Больной, наверное…

- Выдумщик…

- Да, какой выдумщик? Клеветник!

- Русофоб…

- А ты на его рожу посмотри: гусский! Нарочно провоцирует! – слышались голоса. Я, чтобы, не дай Бог, не попасть на глаза Виленычу, бочком, вместе с толпой направился к выходу из Манежа. «Вот ведь пакостник! – мелькнула мысль. - Не дал досмотреть выставку!»

Из фойе я позвонил Татьяне.

- Милый! Что ж ты не звонишь? У нас обед давно закончился. - услышал я в трубке.

- Засмотрелся на картины Глазунова. Я сейчас – в Манеже.

- В Манеже? А с кем?

- Один-один! Успокойся! Вышел в город. Купил кое-чего. Решил сюда заглянуть, чтобы потом тебя сводить.

- Это - другое дело. Я слышала: Глазунов – фешенебельная выставка! Сходим обязательно. А теперь слушай! Моя сотрудница сейчас уезжает на свадьбу сестры в Брянск. На три дня. Она безумно рада, что мы поживем у нее: там надо цветы поливать, собаку кормить и выгуливать… Значит, ты меня встречаешь после работы в пять. Нет, в половине шестого – на станции метро «Таганская»-кольцевая, в центре зала. Ну, все. До вечера. Целую. Работы много…

Лес редел. Впереди показалась большая дорога. По ней мы и пошли. Княгиня-язычница хорошо сидела в седле. Я изредка поглядывал на нее, силясь вспомнить: где

же все-таки видел эти черты лица? Но не мог. К вечеру подскакали дозорные и сообщили, что встретили десяток ратников князя Феодора. А вскоре он и сам подскакал к нам.

- Что-то долгонько вы добирались. - протянул он руку.

- Пришлось подзадержаться. Вот, довесочек везем. - кивнул князь Герасим на княгиню. А по дороге к посаду рассказал ее историю.

- Жаль! – вздохнул князь Феодор. - Жаль, что нельзя пожелать невинно убиенным Царствия Небесного… Сожгли, говоришь? А княгиню куда теперь?

- Во Псков не хочет. Говорит, мол, там люди Ягайлы ее найдут и все равно убьют.

- Так куда же ты теперь, княгиня? – обернулся князь Феодор к ней.

- Не ведаю, добрый князь. Ой, не ведаю! - опустила та голову.

- Ну, ладно. Утро вечера мудренее. Сейчас в посаде выспитесь. А там решим…

Мы приехали на место уже в темноте. Сотня расположилась по истбам. Князь Феодор хотел, было, к какой-то бабке и княгиню пристроить, но та воспротивилась: «Нет-нет-нет… Добрые князья, возьмите меня к себе в истбу! Люди Ягайлы и здесь найдут меня. Я боюсь!»

Князь Феодор обернулся ко мне и шепотом спросил: «Она, часом, не тронулась ли рассудком от горя?»

Я пожал плечами. А в истбе князь Феодор все-таки продолжил разговор с княгиней: «Почему же ты так боишься? И чего? Или кого? Сторожа у нас - крепкая. Надежная. Еще полсотни – на дорогах, в дозоре. Как же люди Ягайлы могут найти тебя?»

- У Ягайлы служит волхв заморский. А у того есть прозрачный шар. Волхв призывает духов, и шар показывает: где кто или что находится. Ягайло даже на Москве меня найти может. - объяснила княгиня.

- Неужто ты и твоя смерть так нужны Ягайле? Зачем?

- Он через шар уже наверняка знает, что Кейстут, - его любимый воевода, - убит. Он поехал за мной. А коли убили его, так виноватой стала я. А у нас: кровь – за кровь.

- А у нас против всяких колдовских шаров есть надежное оружие! - улыбнулся князь Феодор. Он достал из-под рубахи большой нательный крест, встал и, крестя по кругу горницу, начал читать: *«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его…»*

Вдруг в углу, напротив святых образов что-то громко хрустнуло, словно сломали сухую ветку…

- Ах! – побледнела княгиня. И прижав ладони к груди, спросила: «Ты – князь волхвов?»

- Да. Здесь на земле я – князь, ратник, слуга князя Ондрея Ольгердовича. И в тоже время я – раб вот Его. - князь Феодор показал на распятого на своем нательном кресте Господа Иисуса Христа.

- Ты хочешь сказать, что Он – сильнее всех волхвов?

- Не сомневаюсь.

- А как все-таки величать тебя, княгиня. - спросил я.

- Алла… Это имя дала мне бабушка. Она тоже верила в Распятого. Ее бы в нашем роду забили камнями или утопили в проруби… Но она так была добра ко всем, что никто не мог и слова дурного про нее сказать.

- Алла? – переспросил я. И незаметно нащупал, спрятанный на груди подарок псковского отца Василия, образ готфских мучеников.

- Что-то не так? – встрепенулась княгиня.

- Нет-нет. Ничего, - взглянул я на нее в упор. Княгиня долго и пристально смотрела на меня, а потом опустила глаза. Подняв их, спросила: «А как мне обращаться к вам, князья?»

- Я – Феодор. Это – Ляксандр. А это – Герасим. Сейчас из дозора должен вернуться князь Никита. А тебе, княгиня, надо выспаться. Ежели не желаешь идти в другую истбу, полезай на печь. А мы на лавках устроимся.

- И ничего не бойся! С нами – Крестная сила! – подтвердил князь Герасим и перекрестился. Княгиня забралась на лежанку. Поначалу притихла. Но потом долго было слышно, как она всхлипывает. Мы же, коротко помолившись, тоже улеглись по лавкам.

Князь Феодор разбудил всех затемно. Мы оделись. Опять коротко помолились. И тут с лежанки буквально слетела княгиня Алла и бросилась перед нами на колени.

- Не бросайте меня, добрые князья! – запричитала она.

- Что ты?! Что ты?! – поднял ее с колен князь Феодор, - Мы и не собирались! Просто встали тихо, чтобы ты подольше отдохнула. Сейчас потрапезничаем и – в путь.

Хозяин истбы внес холодную медвежатину и по чаше горячего взвара. Мы помолились, перекрестились, а княгиня Алла просто постояла с опущенной головой. После трапезы, выйдя на улицу, мы увидели наши три сотни уже в седлах. Ратники до нашего появления о чем-то весело переговаривались, шутили, подтрунивали друг над другом. На морозе и слово задорное греет.

- С Богом! – перекрестился князь Феодор и взлетел в седло.

- Отрицаюсь тебе, сатана, гордыни твоей, служения тебе! Сочетюсь Тебе, Христе, во имя Отца и Сына и Святаго Духа! – громко проговорил он и широким крестом осенил дорогу.

- Аминь! – ответили три сотни голосов.

Ускакали передовые дозорные. Десяток остался в посаде, чтобы пойти позднее, прикрывая нас. Кони шли легкой рысцой. Но это не мешало нам переговариваться.

- Что это за волхв такой с шаром? Не ведаешь? – спросил я князя Феодора.

- Слышал что-то… Колдовской шар. А откуда – не ведаю. Отец Василий все обещается рассказать. - ответил тот.

- Этот волхв приехал откуда-то с юга. Мне отец рассказывал. Тогда Кейстут еще только собирался посвататься ко мне. После смерти первой жены. Потому и расстилался перед отцом. Не знал, что я откажу. - вступила в разговор, поначалу ехавшая позади княгиня Алла. Но, услышав мой вопрос, она подъехала ближе.

- Вообще-то, княгиня, - перебил ее князь Феодор, - у нас принято, что жены встревают в разговор мужчин только тогда, когда их спросят. Но, уж коли начала, договаривай.

- Простите, добрые князья… Кейстут даже на пир к Ягайле брал моего отца. Вот там-то покойный мой родитель и увидел шар… Ягайла много ромейского выпил и расхвастался. Призвал волхва. Велел показать гостям, что делает в этот миг князь Московский. Отец рассказывал, что волхв бормотал, кружился вокруг шара, вскидывал вверх руки. Ворожил… Потом достал откуда-то из одежд флягу и полил на шар чем-то красным, похожим на кровь… Жидкость задымилась и ушла вверх паром. А потом все увидели внутри шара, как князь Московский идет по двору своей крепости… Но, как рассказывал отец, вдруг внутри шара зазвенело, - так звонят в ваших храмах, - и он помутнел… Отец говорил, что все, кто впервые увидели шар, очень испугались!

- Все правильно. Великий Князь шел на Всенощную. В это время зазвонили колокола. - кивнул князь Феодор. - Так что, княгиня, чтоб спастись тебе от твоего колдуна и Ягайлы, лучше всего принять веру нашу Православную и почаще осенять себя и все вокруг крестным знамением.

- Зачем ты смеешься надо мной, добрый князь? Как я могу предать веру еще неоплаканных отца, матери, братьев, мужа?! – мотнула она головой.

- Знаешь, княгиня, - вступил в разговор я, - земля наша Русьская раньше тоже была языческой. Враждовали брат с братом, отец с сыном, вождь с вождем, род с родом… А как осветилась верою Христовою, так и смотри, какое великое княжество получилось. Точнее, много княжеств, но - под рукой Великого Князя Московского Димитрия Иоанновича.

- Великое Литовское княжество – от моря и до моря! Однако, это не мешало Ольгерду и теперь – Ягайле веровать древним, исконным богам. - гордо вскинула она голову.

- И творить беззакония, подобные тем, какие сотворили с твоими сродниками. - медленно, чеканя каждое слово, встрял в разговор князь Никита. Княгиня опустила голову. А потом опять вскинула: «Слабый у вас Бог! Позволил распять Себя на Кресте!»

- Это – не совсем так. - возразил князь Феодор. - Скажи-ка мне, какой силой воли надо обладать, чтобы добровольно, за других пойти на Крестную смерть? А потом Он воскрес! Может ли кто-нибудь из твоих богов умереть за своих почитателей, а потом воскреснуть?

- Ох, добрый князь, мне все это сложно понять…

- Оставь ты ее, - тихо попросил я, - не видишь, - ей итак несладко!

- Она сама в разговор вступила, - пожал плечами князь Феодор.

- Сразу привести к истинной вере – под силу только Самому Господу, - теперь возразил я.

- Да, ты прав! – улыбнулся князь Феодор, - Видишь, начитался я много и возомнил себя проповедником. Прости, Господи! Нет, надо в монастырь уходить.

- Сначала - ворога разбить! – улыбнулся я в ответ.

- И опять ты прав! – кивнул он.

- Князь, а ты не женат? - вдруг спросила наша спутница князя Феодора.

- Был… Умерла она… И она, и ребенок. При родах. А ты? – повернулась она ко мне.

- Тоже был, - и я рассказал свою историю.

- Да-а-а, взяли тебя в оборот лукавые! Через своих слуг, конечно, - произнес раздумчиво князь Феодор, послушав меня.

- Почему ты думаешь, что лукавые?

- А почему – не так? Кто творитель всякого зла на земле? Враг рода человеческого! Но сам-то он редко что делает. А в основном, - через слуг своих, через людей. Через тех, которые, порой и не ведая, - возьми тех же язычников, - поклоняются ему и демонам. А мы, - кто считает себя христианами, - своими поступками, а иногда и всей жизнью открываем сердца не Богу, а этим… Но Господь как добрый Отец шлепает нас по заду, - опомнись, мол, чадушко! Если умеем опомниться, Он воздает многократно! Я вот про себя знаю: опомниться смогу только в монастыре. Но и это должно придти по воле Божией! А пока служу Ему там, где Он меня поставил. Он же зла мне не желает, а только - добра…

«Какая же чистая душа! – подумал я про князя Феодора, - Помоги ему Господи!»

Мы проехали несколько сел. И только к вечеру достигли очередного посада, где нас приняли на ночлег. Разместить две сотни, - третья всегда была в стороже и дозоре, - хозяевам было тяжеловато. Но ратники, привычные к таким переходам, довольствовались самыми неприхотливыми удобствами. Мы же, князья, разместились в тереме местного посадника, - молчаливого, старого, низкорослого лысого толстяка с широкой окладистой бородой.

Он, услышав слова «великокняжеская служба», замолчал и ни о чем не спрашивал. Трапеза, накрытая им, прошла в тишине. А утром, затемно, мы продолжили свой путь. По лесам, полям, холмам, оврагам Русьским шел он. А в родной сторонке каждая сосенка – родная сестренка!

Через несколько переходов, утром князь Феодор показал мне плеткой на холм, из-за которого разливающейся голубизной с золотым окаймлением предвещался восход солнца: «Там уже – новгородские земли. Иди по границе. Дорога прямохонько по ней протянулась. А мы с тобой здесь должны распрощаться. Рад я нашему знакомству. Дай-то Бог еще свидеться! А что с княгиней-то делать будем?»

Мы оба обернулись и посмотрели на нее. Она, конечно, слышала разговор. И теперь переводила умоляющий взгляд с Феодора на Никиту, потом на Герасима, наконец, на меня и обратно…

- Чудная ты, княгиня, - буркнул князь Никита, - Ну, скажи на милость, сама-то ты чего желаешь?

- Ой, добрые князья… не ведаю даже… Князь Ляксандр! Князь Герасим! Возьмите на Москву! Там – безопаснее! Только бы – подальше от Литвы! - умоляюще сложила она ладони и прижала их к груди.

- А как жить там будешь? У нас-то – по городам, посадам, селам, деревням – все православные христиане! А язычники, вроде тебя, по лесам прячутся! – усмехнудся в усы и бороду князь Герасим.

- Прямо так и прячутся, - хмыкнул я, вспомнив князя Илгуса. Но уже серьезно добавил: «Грех-то какой – бросить сироту!»

- Ты – гонец великокняжеский. А я кто? Я – сторожа! Тебе и решать… - буркнул он и отвернулся.

- Приведем, представим Великим Князю и Княгине… А там – как Бог даст. А ты что, князь Герасим, - против?

- Почему против? Я и сам хотел это предложить! Только случая не представилось.

Мы обменялись святым целованием с князьями Феодором и Никитой. Тронули поводья. Пока взбирались на холм, я несколько раз обернулся. Псковские сотни стояли на своем месте.

Теперь мы шли без псковичей. Князь Герасим нередко скакал в хвост сотни: люди и кони устали. Княгиня Алла время от времени промакивала глаза уголком платка: оплакивала сродников. Поэтому я не досаждал ей своими разговорами. Однажды ночью, выйдя из истбы постоялого двора, я застал ее на крыльце. Спросил: «По мужу, родителям, братьям тоскуешь?»

- Тоскуй – не тоскуй, обратно не вернешь, - мотнула она головой, словно отгоняя воспоминания, - Когда я отказала Кейстуту, отец решил выдать меня замуж за того, за кого захочет сам. И выбрал бедного князя, ровню себе. Муж был на пятнадцать лет старше меня, - младшим братом друга моего отца. Вдовым, бездетным…

- А у вас дети были?

- Не успели мы. Только поженились, Кейстут пообещал совсем разорить, в колодки заковать. Он так бы и сделал. Злой он был. Смердов бил. Говорили, что и на мать свою руку поднимал. И жену – в домовину загнал! Вот мы и бежали. Псковский князь смилостивился. Выделил землю. Пока подготовили, пока строиться стали, - какие тут дети?! Кейстут, я думаю, узнал, где мы, из прозрачного шара волхва. Остальное ты, князь Ляксандр, сам ведаешь…

- Ты любила мужа?

- Я не думала об этом… Выдали замуж и выдали! Главное – не за Кейстута. Его я просто боялась! Зато ведаю, что бабушка любила дедушку. Поехала даже за человеком другой веры. Она же у меня – из западных земель, далеко от Литвы. Поэтому и дала мне имя, как называли девочек в ее роду, в честь какой-то женщины, совершившей подвиг. Какой подвиг, - не ведаю…

Было светло от лунного света, отраженного сугробами. Я достал из-за пазухи икону готфских мучеников за Христа.

- Хочешь ли посмотреть, княгиня на ту, в честь кого ты названа? – неожиданно для самого себя спросил я.

- Как это? – резко обернулась она.

- Гляди: святая мученица Алла, королева-вдова… Мне псковский поп подарил икону и рассказал, что первый раз она чудом спаслась вместе с Дуклидой, дочерью сожженной мужем королевы Гаафы. Отвезла святые мощи мучеников в Константинополь. Зачем-то вернулась в Отчину. Там ее забросали камнями…

Слезы стояли на глазах княгини. Она вдруг, не прикасаясь руками, припала губами к святому образу.

- Ты не можешь отдать мне эту..? Как ты назвал? – спросила она.

- Икону? Нет. Это – благословение. К тому же, зачем она тебе? Ты же не веруешь во Христа Распятого и Воскресшего, во Христа Спасителя…

- Как бы хотелось поверить теперь, когда ты мне рассказал о той, в чью честь я названа…

Сердце рванулось у меня из груди. Но я спокойно сказал: «Иди-ка спать, княгиня. Завтра опять затемно выходим.»

- А ты?

- А я пойду ближние сторожи проверю. Князь Герасим устал. Пусть поспит.

Когда за ней закрылась дверь, я спустился с крыльца, упал на колени: «Слава Тебе, Господи! Еще одну заблудшую душу нашел Ты…»

Может быть, это и дерзко, но я был счастлив за Господа, за веру нашу Православную, за себя. Я достал икону на крыльце потому что… вспомнил, где я видел княгиню Аллу. Да-да! Именно - во сне! Тогда еще образ Елены смешался с образом литовской княгини.

Проверяя дозоры, я впервые за все последнее время моей жизни весело шутил с ратниками. И они после этого выглядели менее усталыми. А в истбе на лавке под тулупом громко храпел князь Герасим. И опять я был счастлив только оттого, что ему удается подольше отдохнуть.

…Мы въехали на холм, и я увидел сверкающий вдалеке крест на куполе Свято-Троицкой Лавры. «Великий Князь позолотил! - почему-то улыбнулся я, - Эх! Заехать бы!.. Нельзя! Итак замешкались сверх меры…»

До Москвы оставалось не более двух переходов. И я тронул поводья. Конь пошел легкой рысью…

…На крыльце Великокняжеских палат меня встретил князь Володимир Ондреевич:

- Что-то припозднились вы!

- Пришлось идти окольными путями, через новгородские земли, - ответил за меня князь Герасим, - Литва все дороги на Москву перекрыла… Пронюхали!

- Неужто у Ондрея Ольгердовича доказчик Ягайлы завелся? – крутанул головой князь Володимир Ондреевич.

- Не только оный, - ответил я, - Тут другой враг – общий.

- Ну, пойдем, доложишь! А сотне, - крикнул он, обращаясь к ратникам, - три дня отдыха.

- Погоди, князь, - остановил я его, - мы тут сироту подобрали. На наших глазах литовский воевода ее отца, мать, мужа, двух младших братьев зарезал. Саму-то ее едва спасли! Княжеского рода.

- Ну что ж… Иди, милая в терем. - добродушно улыбнулся князь Володимир, чего я раньше за ним не замечал вообще.

- В девичью пока. Приведи себя в порядок. За тобой придут… Лисавета! – крикнул он в раскрытую дверь. И, когда выбежала молодуха, повелел: «Прими княгиню. Помоги обиходиться. Я пришлю за ней.»

Мы прошли по переходам и оказались в верхней, светлой горнице. Великий Князь возвышался над столом в белой, шитой золотом рубахе, с небольшим кинжалом на поясе. На большом столе перед ним были развернуты пергаменты и телячьи кожи с чертежами стен, башен Кремля, земель Московского Княжества, орды… Рядом с ним восседал седой митрополит. Он внимательно рассматривал одно из изображений. Кроме них вокруг стола стояли еще несколько князей и боляр. Великий Князь бросил взгляд на меня. Встрепенулся. Улыбнулся: «А вот и наш голубь из Пскова, от Ондрея Ольгердовича прилетел! Что ж так долго? Псковитянки задержали?»

- Нет, слава Богу. - поклонился я и подошел к митрополиту под благословение. А потом подробно отчитался.

- Литва, говоришь, дороги перекрыла? – задумался Димитрий Иоаннович, - Пронюхал что-то Ягайло! Так, князь Володимир, глаз не спускать с дорог на орду. Сдается мне, Ягайло, посольство пошлет туда. Неужто доказчик у князя Ондрея Ольгердовича завелся?

- Я тоже так подумал, - кивнул Володимир Ондреевич, - а князь Ляксандр подтвердил. И имеет сообщить тебе нечто по этому поводу.

- Князья, ступайте каждый – по своим делам. - обвел взглядом вокруг себя Димитрий Иоаннович. А когда все, кроме митрополита и Володимира Ондреевича вышли из горницы, вопросительно взглянул на меня: - Ну?

И я рассказал о прозрачном шаре все, что слышал от княгини Аллы. Великий Князь посмотрел на митрополита.

- Известен мне сей колдовской прибор… - начал тот, прикрыв глаза. - Действительно, после призывания определенных темных духов он показывает. Но, как вы слышали, чада, тускнеет даже от колокольного звона… Пришел сей шар из далекой горной земли, что на юго-восток от орды. А туда от фарисеев, распявших Господа нашего. И там, и там этих слуг врага рода человеческого – что блох на бездомной собаке! И считают, несчастные, что не они – демонам, а демоны им служат… Они, вроде бы, ратуют за добро… Но ратуют ради себя. Своего личного совершенства, возвышения над другими, над всем миром… А значит, - служат не Богу! Не знают Христа? Нет, дорогие мои, зна-а-ают! Как знали, что Он – Сын Божий те, кто толкал иудеев на приговор «распни Его». Да еще и - самопроклятие: «Кровь Его на нас и на наших детях». С кем общался Иуда, когда шел в синадрион? Когда сатана уже был в нем? С кем мог найти общий язык? Только - с подобными себе! Вот она – невидимая связь между нечистыми духами! После того, как пообщались первосвященники и иудейские старейшины с Иудой, повязались они одним и тем же… Стали одержимы злыми духами… Стали находить себе лжедуховное оправдание, создавать толкования на свое предательство Бога. Оправдывать его изысканиями разнообразных древнейших иудейских сект. А по сути - создали лжебиблию… Так появилось колдовское учение, называемое *каббалой.* И висит все это над людьми, творениями Божиими, и тянет их в преисподнюю… А вожди распинателей Господа нашего Иисуса Христа сами стали слугами врага рода человеческого. Как я уже говорил, духи общаются между собой. И когда ромеи, по предсказанию Господа нашего Иисуса Христа, не оставили камня на камне от Иерусалима, погибли простые иудеи… Кто-то, конечно, бежал, спрятался, потом рассеялся по миру. Вождей же, погубивших народ, злые духи вывели и привели на… восток. На север им идти было нельзя: на их пути стояли ромеи, эллины, славяне, которых Господь уготовил принять веру Христианскую. На юг? Но там уже состоялось Христианское Царство – Эфиопия. На запад? Но и там – Римская Империя! Путь оставался только на восток. А на востоке – Тибет. Долго он будет еще мутить разум людей: правнуков, праправнуков наших и – дальше! Доподлинно известно, что у Чингизхана военными и духовными советниками были тевтоны, ливонцы, рыцари других орденов, ляхи, шведы, наконец, иудеи. Да-да! Только – вышедшие к нему через Тибет. И если не

побывав там телом, то – через таких колдунов с шарами, слетавших в Тибет душой. Знания колдунов–тибетцев и пришельцев-каббалистов объединились. Вот откуда всякие прозрачные шары и прочая мерзость в очах Божиих. А цель у них всех – одна, - цель врага рода человеческого, - уничтожить Православное Христанство. Но Бог поругаем не бывает!

- Владыко, откуда все это ведомо тебе? – тихо спросил Великий Князь.

- Это – духовное знание, чадо. Дается оно милостию Божией через посты, молитвы… Только тебе оно не надобно. У тебя другое Божие предназначение, другой жребий! – ответил митрополит.

- И ты видел все это?

- Неужели же ты думаешь, что ежели бесы могут показать что-то своим слугам о главных их врагах – христианах, то Господь не в силах показать Своим рабам, как собираются их ратовать?.. Но к чему я все это поведал вам? Молю тебя, чадо мое дорогое, Великий Князь, каждое дело, каждый совет или беседу начинать с молитвы! Окроплять святой водой, в крайнем случае, осенять крестным знамением стены, горницы, опочивальню, постель, путь свой – даже от терема до Собора! Даже – по терему! А ты, князь Ляксандр, сейчас непрестанно будешь под прицелом самого страшного самострела врагов Христовых: духовного, колдовского! Потому и тебе надобно поберечься так же! Вот, возьми-ка крест-мощевик нательный. Перед сном и после него целуй крест с молитвой, осеняй им предстоящий путь. А в самой опасности – сжимай в руке и взывай ко Господу, к Пречистой Матери Его, к Ангелу Хранителю своему, к святым угодникам Божиим. И они не посрамят твоей веры!

- Кому же молиться? Чьи частицы святых мощей здесь? - приложился я к подарку.

- Креста Господня, - Ему и читай молитву. А кроме того, - частицы мощей мученика и праведника Иоанна-воина, великомученика Димитрия Солунского. Есть частичка мощей праведного Гамалиила, - он мудро общался с врагами Христовыми. Молись и святым Великим Князьям-страстотерпцам Борису и Глебу. При недугах и, не дай Бог, ежели ранят, молись великомученику и целителю Пантелиимону. Есть в кресте еще малая частица кого-то из святых готфских мучеников. Слыхал про таких?

- Да, владыко. Их святой образ мне почему-то подарил духовник князя Ондрея Ольгердовича.

- «Почему-то»? У Бога не бывает «почему-то». А вот почему у тебя есть и икона, и частица их мощей, не ведаю. Уверен только, что промыслительно сие. Я эти частицы привез от Вселенского Патриарха, И вот сейчас Бог надоумил благословить тебя ими в кресте-мощевике перед твоей поездкой в орду. Поверь, она опаснее, чем поход во Псков!.. Во имя Отца! И Сына! И Святаго Духа! – осенил он меня широким крестным знамением. И продолжал: «С нами – Бог! Кто ж на ны? Усилим молитвы… А ты, князь, Ляксандр, что ж, невесту привез себе?»

- Какую невесту, владыко?! Сироту подобрали. Едва отбили у ворога! И то, - прости уж Великий Князь, - твоим подарком от князя Ондрея Ольгердовича, - я достал из сумы самострел и короткие железные стрелы. Протянул ему.

- Значит, испытал? – улыбнулся, любовно поглаживая оружие, Димитрий Иоаннович, - Ну и как?

- При умении в вишенку попасть можно, - восхищенно произнес я.

- Князь Володимир, - кивнул Димитрий Иоаннович, - возьми деньги из казны. Собери лучших оружейников. Там, кстати, князь Данила какого-то умельца рязанского привез… Призови. Не скупись! Чтобы через месяц у меня таких самострелов сотня была! А к концу года – тысяча! И ратников начинай с сотни готовить. Кого? Да хотя бы людей князя Ондрея из Пронска. Его князь Данила после Нижнего на Москве оставляет. Все понял? А ты, князь Ляксандр, два дня отдохни и – в путь. Только теперь – не с сотней. Слишком заметно. Возьмешь десяток. Ступай. Я,

ежели что, кликну тебя. Да, чуть не забыл, - дочка твоя у Великой Княгини прижилась. Та не нарадуется на нее. Нам-то с ней, сам ведаешь, девочек Бог не дал. Ну, ступай, отдыхай с Богом.

Я снова подошел к митрополиту за благословением. Преподавая его мне, он, улыбаясь, повторил: «Невесту привез…»

Выйдя от Великого Князя, я направился в баню. А оттуда – в трапезную. Навестить детей решил на следующий день. Поэтому, зайдя в свои покои, сразу рухнул на ложе… Ночью я проснулся, услышав, как кто-то приоткрыл мою дверь. Что-то белое стремительно приблизолось ко мне.

- Господин мой! Ты – спаситель мой, – шептал голос княгини Аллы, - я теперь - твоя рабыня!

- Ты что?! – попытался вскинуться я, но задохнулся в ее поцелуе.

Спустя время, отдышавшись, я спросил: «Как ты нашла мои покои?»

- У вас говорят, что язык до Киева доведет…

- Ох-ох-ох! Что скажет Великий Князь, ежели узнает… Это же – не наш терем. У нас еще говорят, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Ты понимаешь, тебе надо сначала креститься, потом нам – венчаться… Коли люб я тебе…

- А я - тебе?

- Я тебя еще до нашей встречи во сне видел и благословение от погибшей жены получил… Но сначала – креститься!

- Все, что прикажешь, господин мой! Я же сказала, что – твоя раба!

- Стань лучше рабой Божией! А мне – женой! – ответил я. А она впилась своими губами в мои.

- Я знаю теперь, что такое любовь! – оторвалась она от меня на миг.

Татьяна, заметив меня, подбежала. Бросилась на шею, едва не сбив с ног. Целовала щеки, нос, губы…

- Ну что ты?! Что ты?! Люди же кругом! – говорил я, и сам отвечал на поцелуи. Она обвилась обеими руками вокруг моей руки и тараторила: «Так, я все купила. Муж заехал за Иркой на службу на машине и мою сумку с продуктами, простынями, наволочками, моим халатом отвез уже домой».

- А родителям ты что сказала? – спросил я.

- Милый! Они у меня современные, цивилизованные люди! Все прекрасно понимают! Я же – взрослая женщина!

«Замуж они тебя поскорее мечтают выдать» - вспыхнула откуда-то вдруг недобрая мысль. А вслух я сказал: «Интересно, а они знают, что ты встречаешься с мужчиной, у которого – ни кола, ни двора?»

- Я же сказала, что они – современные, цивилизованные люди! После свадьбы мы первое время поживем у меня. Вы понравитесь друг другу. Папа тебя устроит на высокооплачиваемую работу. Сам с денежками поможет. Мы поднакопим. И купим кооперативную квартиру. Тем более, что у папы есть дедушкины льготы. Я думаю, трехкомнатной нам хватит…

Мы вышли из метро и шли по Волгоградскому проспекту.

- Слушай, я все забываю тебя спросить, - вспомнилось мне вдруг, - где ты работаешь?

- О! Это – фирма! - радостно ответила она, - Новый вычислительный центр КГБ! Дедушкины ученики устроили… Можешь позавидовать: мне скоро обещают повышение. И будет твоя жена не лейтенантом, а старшим лейтенантом!

- Так ты в форме ходишь?

- Что я, дура, что ли! Я ее даже не получала. А что тебя смутило? - отстранилась она на миг, заметив изменение выражения моего лица.

- Ничего… Просто я – лейтенант запаса. А жена – старше по званию. Непорядок, - отшутился я, – А что ж ты себе в такой фирме мужа не нашла?

- У нас там – «бабье» царство. Один мужик – на нас пятьдесят. И тот - муж Вики. Опера если и заходят, то все – женатые. И не ниже подполковников. Мы же – под главным управлением! Давай, не будем об этом! Дальше – я давала подписку…

- Как скажешь. Мне – абсолютно все равно! – соврал я, хотя и был ошеломлен, - А вот если бы, допустим, меня ваше КГБ прихватило за что-нибудь, ты отказалась бы от меня ради работы?

- Что за глупости! Ты же – не дисседент какой! Бывший офицер. Сейчас работаешь во вневедомственной охране. - пожала она плечами. Но тут же шутливо сощурилась: «Хотя надо бы запросить твои данные в главной ЭВМ…»

- Запроси-запроси! – отвернулся я.

- Ну, не обижайся! Я же пошутила.

А я хотел уже поссориться. Но она поцеловала меня в губы. И мы опять зашагали к ровному строю многоэтажек улучшенной планировки, словно в армии, по команде «равняйсь!» и повернувшихся к нам в полоборота.

- Ну, вот мы и пришли… - облегченно вздохнула Татьяна, - Ирка с мужем и детьми – уже в дороге. И вернутся только в понедельник.

А я вдруг подумал: «Что-то меня все на кегебешников выносит… Словно в стране других людей нет…». Мотнул головой, отгоняя недобрые мысли.

- А если бы к вам заходили молодые? Среди них нашла бы себе мужа? – понесло меня.

- Ну что ты? Ревнуешь? Не надо! Я тысячу раз могла выгодно замуж выйти… Я тебя ждала! – прижалась она ко мне.

- Ага, любовь зла, полюбишь и.., - я сам не понимал, почему говорю все это.

- Какой-то ты сегодня колючий… Как голодный еж! А-а-а! Я догадалась! Но сейчас я тебя такой вкуснятиной накормлю.

Когда она, уверенно выйдя из лифта, открыла ключом входную дверь, нам навстречу выскочило что-то маленькое, величиной с крысу, с мохнатой, больше туловища головой и дрожащими ножками. Это «что-то» громко и пронзительно тявкало.

- Эсмеральда, девочка моя! – присела на корточки Татьяна и погладила собачку. Та чуть притихла. Но на меня поглядывала, как на врага народа.

- Она пока к тебе не привыкла. Располагайся. А я быстренько выгуляю ее. - обернулась Татьяна ко мне и опять засюсюкала с переросшей крыской и недоросшей собакой. - Иди ко мне, моя красавица. Мы с тобой сейчас жилеточку наденем и пойдем гуль-гуль…

Я помотал головой: Татьяна надевала на собаку меховую жилетку на молнии.

- Чтобы наша девочка не простудилась…- причитала она. - Сейчас погуляем, потом покушаем и – баиньки…

«Как же она будет разговаривать с ребенком, если так общается с собакой?!» - возникла мысль. «Как с собакой!» - огрызнулась другая. «Бред какой-то!» - оборвала их третья. Я снял куртку, шапку, ботинки. Прошелся по комнатам. Естественно, икон здесь и не могло быть. Зато стены пестрели очень сомнительными копиями Пикассо последнего периода его творчества и какими-то гравюрами с разноцветными квадратиками, кружочками, треугольничками. Я взглянул на книжные шкафы. Там был полный набор макулатурной литературы, - «редких» книг, купленных на талоны за сданную макулатуру… Но на почетном месте стояли Эдгар По, Кафка, Франсуаза Саган, Бодлер, Камю, Гессе…

- Как тебе Иркина библиотека? – спросила Татьяна. Я, оказывается, даже не услышал, как она вернулась: «Ирка носится за книгами по всей Москве! Покупает за любые деньги у спекулянтов. Но я больше люблю наших писателей: Зощенко,

Вересаева, Аверинцева, Булгакова… А художники ее меня даже раздражают. То ли дело – передвижники! Я – старомодная, да? Консервативная?»

- Ты – молодец! - подошел я к ней и, обняв, поцеловал, - Свое всегда лучше чужого.

Татьяна поначалу обмякла, потом взяла себя в руки и, утверждая каждое слово ударом кулачка по воздуху, со смехом проговорила: - Нет-нет-нет! Мужчину надо сначала накормить, напоить, в баньке попарить… А потом – и дело спрашивать! Я пошла на кухню. А ты здесь… побудь. Отдохни. Наверное, еще от ночных поездок в себя не пришел… Расскажешь за ужином, как съездил.

Я развалился в кресле и раскрыл альбом Моне… «Да-а-а! Все это – прекрасно переданная динамика. Но сколько страсти!» - подумалось вдруг. А ведь раньше я восхищался… Мне вспомнились портреты Ильи Глазунова. В них не было динамики. Не было и страсти. «А статичность образа, - думал я, - скорее передает одухотворенность, твердость духовной позиции, сдержанность, когда есть, что сдерживать. Ведь это – тоже подвиг: не поддаться динамике суеты!»

Я проводил пальцем по корешкам ярких, дорогих альбомов с репродукциями: Гоген, Ван Гог, Дюрер, Мозаччо, Веласкес, Гойя…

«Боже мой! И не одного русского», - ужаснулась мысль. Но я тут же заметил знакомые фамилии: Малевич, Кандинский…

«Ну, это – еще хуже!» - захотелось крикнуть мне. Только для кого? Руки Татьяны обняли меня сзади выше локтей, а голова легла на плечо.

- Конечно, - услышал я ее голос, - можно восхищаться и Малевичем, и Кандинским. Как все сейчас. Но я не могу, потому что не понимаю этой живописи. Вот Николай Рерих! Или Чюрленис!

- Знаешь, когда я учился в военном училище, во время отпуска попал на выставку Рериха. И на картине, - по-моему, она называлась «Сергий Радонежский», - увидел светло-зеленое, нет, салатовое небо. Я подумал тогда, что такого не бывает. А потом, на пятом курсе, во время войсковой стажеревки, в Забайкалье, - а точнее, в Манчжурии, - вдруг увидел именно такое рассветное небо!

Татьяна смотрела на меня замаслившимися глазами. А я продолжал: - А ты знаешь, Рерих, оказывается, был сатанистом!

- Кем-кем? – глаза ее приняли обычное выражение.

- Сатанистом. Поклонялся не Богу, а сатане.

- Да какая разница, кому он поклонялся?! Картины-то прекрасные! – мотнула она головой.

- Да, внешне. Это, – как ивановские болота! У них наверху такая травка! Яркая, нежно-изумрудная, кое-где даже салатовая! Такой весенне-веселой расцветки! Еще и какие-то мелкие цветочки растут. Как дети, - безобидные, беззащитные… Так хочется прилечь на эту красоту, размечтаться, повспоминать что-то хорошее! А ступишь ногой туда и – с головой! Тебя уже нет, а травка сомкнулась и – снова прекрасная!

Татьяна низко опустила голову. Вздохнула. А подняв ее, улыбнулась: «Знаешь что, пойдем ужинать. У нас с тобой сегодня – абсолютно сухое шампанское «Брют». Я его три года берегла после поездки в Геленджик. Там нас возили на экскурсию в Абрау-Дюрсо, на завод шампанских вин. Ох, и надегустировались же мы тогда с девчонками! А вот «Брют» хранила. Словно чувствовала, что для нас с тобой!»

Стол на кухне был сложен пополам, - как раз на двоих. На нем стояли тарелочки, обложенные несколькими вилочками, ножичками, ложечками, хрустальные бокалы и запотевшая бутылка шампанского. А из сковородок и катрюлек так вкусно пахло!

- Ох! – вздохнул я, - Изысканнее, чем в ресторане «Прага».

- А ты там был?

- Нет. Но точно знаю, что ты накрыла более изысканно, чем даже в парижском ресторане «У Максима»… Хотя там я тоже не был…

- Я мечтаю, чтобы в нашем доме всегда было так.

- Так оно и будет, если ты не будешь спорить по всякому поводу и без оного.

- По-твоему, жена не имеет права спорить, даже тогда, когда права?

- Нет, конечно! В уставе семьи, - а ты – человек военный, без пяти минут старший лейтенент! – есть два пункта. Первый: муж всегда прав. Второй: если он не прав, смотри пункт первый.

- Это – просто Домострой какой-то! Может быть, мне еще паранджу надеть?

- Домострой и паранджа – из разных опер, милая! – не унимался я.

- Ой! Сразу видно, - журналист! Любого заболтаешь! Са-а-адись! Открывай шампанское!

Я выстрелил пробкой. Татьяна, смеясь, взвизгнула. Мы подняли бокалы…

- Ой! – вскинулся я, - А помолиться забыли?!

Татьяна отвела глаза в сторону. Вздохнула. Но все же встала. Определив, где восток, я повернулся к нему и прочитал Отче наш. Мы опять уселись…

- Ой! – снова вскинулся я, - Совсем забыл!

- Что еще? – глубже вздохнула Татьяна. Я сбегал в прихожую, достал из кармана куртки духи и вернулся на кухню, заговорщески вытянув вперед шею.

- Любимая! – я встал с бокалом в одной руке, другую пряча за спину, - Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты есть на свете и подарить тебе…

- Ой! Настоящие «Клима»! – Татьяна даже поставила бокал на стол, разглядывая коробочку, - Где же ты их достал?

- Сегодня на пароходике из городу-Парижу привезли. Тепленькие еще! Остыть не успели. - засмеялся я.

- Спасибо, любимый! - она обошла стол, подошла ко мне, прижалась всем телом. Я с трудом, - для себя, - отстранил ее, - Шампанское-то выдыхается.

- Да-да. Давай выпьем за нас! За то, чтобы каждый день для нашей будущей семьи был подарком. До дна! – улыбнулась она.

Мы, соединив бокалы, прозвенели хрусталем… Салат из крабов, оливье с курицей, свиные отбивные с жареной картошкой и зеленью за разговорами пролетели незаметно.

- Чай с пирожными будем? – спросила Татьяна, изящно вытирая салфеткой губы.

- О, нет! Давай на завтра оставим, - сыто откинулся я на спинку стула, - А то, как захочу спать!

- Эй-эй-эй! Какой сон?! А все-таки хорошо! Вдвоем - на целых три дня. Я же говорила тебе или нет? – она слегка захмелела, - Взяла на пятницу отгул. Так вот: три дня вдовоем… Никуда не выходить…

- Нет, Танюша, даже не рачитывай! Пятница, суббота – ладно! Но в воскресенье рано утром – в церковь! Тем более, я обещал одному человеку познакомить его с отцом Валерием. Он со всей семьей придет! - мотнул я головой.

- В церковь?! О, Боже! В кои веки… Ну хорошо, любимый! Как скажешь. Какой-нибудь платок я у Ирки найду.., - скривила слегка губы Татьяна. Но мотнула головой, словно стряхивая что-то с нее: «Пойдем в комнату… Потанцуем… Я такую пластинку привезла…»

…Утром я проснулся и не сразу понял, где нахожусь. Но, услышав звон посуды с кухни и какую-то песенку, которую мурлыкала Татьяна, улыбнулся: «Можно ли мечтать о лучшем?!»

- Что ты сказал, любимый? – она уже стояла в дверях, с подносом в руках. На нем дымилась чашка кофе. Татьяна опустилась на ковер около кровати: «Кофе готов, мой господин.»

Рядом с кофе стояла тарелочка. На ней красовались бутерброды с сыром и тонко нарезанные колечки лимона. А также – два «наперстка» с темной жидкостью.

- Что это? – взял я один из них.

- Коньяк, - пожала плечами Татьяна, - Как положено. К кофе, мой господин!

Я опрокинул наперсток.

- Ты что?! – воскликнула она, - Его надо смаковать! Брать на язык, размазывать по небу и запивать кофе!

- Следующую рюмку так и сделаю. А сейчас я решил проверить: что вкуснее, ароматнее, крепче и горячее: кофе с коньяком или твои губы? - обнял я ее, приподнимая с пола, и привлек к себе.

- Ну, и к какому выводу ты пришел? – спустя время, отдышавшись, спросила она.

- Коньяку далеко до твоих губ!

- О! А ведь это – французский! «Наполеон»!

- Я больше люблю армянский. Но и тому – до твоих губ, как до Луны!

- А ты не ошибаешься? Проверь-ка еще разок!

- Разок? Нет! - покачал я головой, - Здесь нужно, как в армии, - тройной контроль!

Кофе наш давно остыл… Так пролетели пятница и суббота… Мы вставали только для того, чтобы позавтракать, пообедать, поужинать, выгулять собаку. В пятницу я забыл про пост, а потом – и про утреннее и вечернее молитвенные правила.

«Ну что ж, - вечером в субботу оправдывалась мысль, - завтра, пусть без Причастия, покаюсь…» Я подошел к телефону.

- Ты кому звонить собираешься? – спросила Татьяна, как раз в этот миг выходя из ванной.

- Сергею. Я же говорил тебе, что обещал познакомить его с отцом Валерием. А ты не забыла, что мы завтра встаем рано-рано и – в церковь!

- Разве такое забудешь?! – вздухнула она. «Ничего, привыкнет» - улыбнулся я про себя, накручивая диск телефона.

- Алло? Саша?! Спасибо, что позвонил, - услышал я в трубке голос Сергея, - Антонина так обрадовалась! Встречаемся на «Пушкинской» - в центре зала, в половине девятого.

…Ночью Татьяна прильнула ко мне. Но я сказал: «Завтра идем в церковь!»

- Но я же – твоя жена! Более того, я согласна венчаться.

- Ты знаешь, не желательно все это в ночь на воскресенье, точно так же, как на среду, пятницу, великие и двунадесятые праздники. - отстранил я ее.

- А может быть, ты уже не можешь или пресытился мною? – услышал иронию и одновременно обиду в ее голосе.

И сам захотел обидеться: «Ах, ты так?!»

Конечно же, не сдержался… Проснулся я с чувством, что куда-то опоздал. Осторожно, чтобы не потревожить Татьяну, выполз из-под одеяла. Вышел на кухню. Включил свет. И с облегчением вздохнул. Часы показывали половину шестого.

«Так. Ложиться нельзя. Иначе просплю, - думал я, - Надо молиться. Принимать душ. Сушить волосы, у Татьяны с собою, по-моему, есть, фен. Потом приготовлю кофе, бутерброды: ей-то непривычно на службу идти натощак…»

За окном по карнизу барабанила капель. «Ранняя весна, - взглянул я на мокрое стекло, - А быть может, - просто оттепель. Хотя нет! Господи! Уже – март! Скоро – Великий пост! Как хорошо, что в спортивной сумке есть молитвослов и маленькая бумажная икона Спасителя!»

Я поставил ее на стол, уже придвинутый к стене: мы приготовились покинуть эту квартиру. И начал читать. Сначала на меня напала зевота. Потом загудел кран в мойке на кухне, за моей спиной. Потом что-то заскрипело и затрещало в прихожей. Я

испугался, что эти звуки разбудят Татьяну, и я не успею вычитать правило. Но все обошлось. Слава Богу! Там не менее я поминутно отвлекался от молитв, перечитывал их заново и снова отвлекался. Пот заливал мне глаза. По телу пробегала боль: то в ухе срельнет, то в боку кольнет, то голова закружится. Пятки горели так же, как в первые дни чтения молитв в доме у Василько, Николая и Марии. С грехом пополам я все-таки дочитал до конца. Положил перед иконой земной поклон… И раздосадовался: по воскресеньям земные-то поклоны не положены! Ну, да ладно…

«Не я – сердце положило, в благодарность за то, что удалось правило дочитать», - нашлась оправдательная мысль. Я спрятал молитвослов. Часы показывали половину седьмого. Душ занял минут десять. Приготовление кофе и бутербродов – пять.

- Любимая, вставай! – негромко почти спел я, входя в спальню.

- М-м-м… Еще пять минуточек,!- пробормотала она.

- А на работу ты во сколько встаешь? – уже прозаичнее спросил я.

- В шесть… Но сегодня же - выходной…

- Вот и нам предстоит выйти в церковь! Ты же обещала! – уже твердо и громко проговорил я.

- Ой! Я спать хочу! – захлопала она кулачками и ступнями по кровати. «Где-то я уже видел это…» - подумалось вдруг. Но вспомнить не мог. Татьяна села на постели. Покрутила головой. Посмотрела по сторонам. Увидев меня, прикрыла грудь одеялом.

- Раз обещала, - исполню, - сонно объявила она, - Заяц трепаться не любит… Ой, кофе пахнет…

- Пожалуйста, моя госпожа! – я поставил поднос ей на колени.

- Какой ты умница! Это – то, что нужно! – взглянула она сонными, но благодарными глазами. И взяла чашку. Я придержал ее руку. Перекрестил саму Татьяну, чашку и бутерброды.

- А это еще зачем? – удивленно вскинула она голову.

- Так положено.

- Ой! Условности все это.

- А зубы чистить – тоже условности?

- Нет, это – чтобы изо рта не пахло. И вообще, - для здоровья.

- Да, - для телесного. А для души?

- Ой! Кто ее видел-то, душу эту? Впрочем, прости, я еще не проснулась.

- Не проснулась! – кивнул я, - Просыпайся скорее. Нам же вместе идти!

За окном было темно, когда я выскользнул из-под медвежьей шкуры. Княгиня Алла спала, разметавшись по ложе сама и разметав по подушке свои светлые и, казалось, светящиеся волосы. Казалось и то, что во мне спорят два человека. Один корил за грех, мол, и года не прошло со дня гибели Елены, а ты уже дважды согрешил… Другой задыхался от счастья! Я оделся и вышел их покоя.

«Быстрее – в храм! – жгла меня мысль, - Исповедаться в блуде!» Великокняжеский терем уже пробудился. Туда и сюда сновали отроки, сенные девушки, попались на пути несколько ратников. А на крыльце я неожиданно столкнулся с митрополитом Алексием.

- Владыко! Благослови и скажи, могу ли сей же час в грехе исповедаться? - бросился я перед ним на колени.

- Чадо-чадо! Тебе такое важное дело предстоит, а ты – не в себе! Пройдем-ка в терем… - перекрестил он меня, взял под руку и повел по переходам. Когда мы проходили мимо моего покоя, он остановился. Показав посохом на дверь, молвил тихо: «Здесь твой грех…»

Нет, не спросил. Утвердил! Потом улыбнулся и добавил: - Ничего-ничего. Пока будешь в отлучке, мы ее крестим. А приедешь, Бог даст, и обвенчаем вас. А теперь

иди, буди. Скажи, что она должна быть у Великой Княгини. Чадо она еще неразумное! С нашими обычаями незнакома… А ты сам, как поднимешь ее, ступай в храм, найди иерея Симона. Скажи, что я благословил принять исповедь. И сразу - обратно. К Великому Князю. Выехать тебе придется сегодня, сразу после поздней Божественной Литургии…

- Благослови, владыко! – прозвучал за моей спиной голос князя Володимира Ондреевича. После благословения он не по-доброму глянул на меня, покачал головой: «Что ж ты позволяешь себе в Великокняжеском тереме?! Здесь же святые дела творятся!»

- А ты, княже, откуда узнал, что князь Александр творит? – вдруг спросил митрополит.

- Мне положено знать все! - насупился тот.

- Значит так, чадо, - голос владыки еще больше потеплел, - Это – дело духовное! Мы с князем Александром его уже решили. Ступай к Великому Князю. Я сейчас подойду.

Митрополит еще раз перекрестил меня. Положил свою сухонькую, но сильную и горячую ладонь мне на темя и слегка нажал…

- А епитимия? – спросил, было, я.

- Твой грядущий поход – твоя епитимия! – улыбнулся владыко. И пошел по переходу. А я вошел в свой покой. Присел на ложе. Погладил волосы княгини Аллы. Тихо произнес: «Тебе надо вставать, идти к Великой Княгине.»

Алла открыла глаза и сразу улыбнулась.

- А ты? – спросила она.

- А я сегодня уезжаю по повелению Великого Князя.

- Как? – рывком села она, - А я? А мы?..

- Ты примешь Святое Крещение, как ночью обещала. Будешь молиться за меня. А как вернусь, Бог даст, мы обвенчаемся… Если не разлюбишь…

Она захлопала в ладоши, обвила мою шею руками.

- Ну, все, все! – освободился я. Поцеловал в лоб. Погладил по волосам и одновременно – по щеке: «Поспеши!..»

И вышел из покоя. В соборе уже стояли люди. Я подошел к дьячку. И тот, услышав повеление владыки, сразу исчез в Алтаре. Вскоре оттуда появился старенький поп. Он, молча, подвел меня к аналою, положил на него Святое Евангелие и крест, прочитал молитвы перед исповедью.

- Каюсь, отче, в грехе блуда! – только и сказал я.

- Аз, грешный и недостойный иерей Симон, властию данной мне.., - прочитал он разрешительную молитву, накрыл меня епитрахилью, перекрестил и, развернувшись, также молча и быстро ушел в Алтарь. А я, трижды поклонившись, вышел из собора и отправился в Великокняжеский терем.

Димитрий Иоаннович в той же верхней горнице отдавал распоряжения князьям и боярам, многие из которых были уже в ратных доспехах. Кивнул, увидев меня, и знаком предложил присесть на лавку. Вскоре мы остались втроем, - митрополит Алексий, как и вчера, сидел в кресле, перебирая четки. Великий Князь помолчал немного, потом медленно заговорил: «Ехать надобно немедля. Каждый день дорог. Гонец, который должен был привезти вести из орды, не приехал. Как бы не перехватили… Приедешь в Сарай, - найдешь оружейника Нила. Скажешь ему, - запомни: «Мне князь Олег Рязанский сказывал, что ты доброе оружие куешь». Он ответит: «Все мы одно оружие должны ковать. И только доброе». Тогда ты ему скажешь: «Ну, я загляну к тебе, Нил, попозже». И выйдешь. Зайдешь в православную церковь, которую видно из кузни Нила. Там он тебя нагонит… Сделаешь то, пойдешь туда, как и куда он скажет.»

- Но князь Олег – предатель! – вскинулся, было, я.

- Именно к нему ты и едешь. Свой – он! – положил мне руку на плечо Великий Князь. - А Нил устроит вам встречу. Побереги и себя, и других. Будь поосторожней! Ордынцы хитры и подлы! А мы за тебя здесь помолимся. Даю тебе лучших ратников. Все Славняским спасом владеют. Кого-то желаешь еще взять?

- Да, Великий Князь. Старосту своего, Афанасия, отрока Ивашку и Панкрата. Последний хорошо по-ордынски разумеет. - ответил я, склонив голову.

- Добро… Смотри на карту, как идти… - и он провел кинжалом по очертаниям земли Русьской и орды. - В Рязань не вздумай заходить. Вообще держись подальше от этих земель… В Сарае князь Олег сам все скажет, что надобно.

Великий Князь взглянул на митрополита. Тот кивнул. Тогда Димитрий Иоаннович продолжил: «Еще узнай у него, остался ли кто в живых из рода Джанибекова? Если да, вывези из орды… Они же – все крещеные! Только – навряд ли живы… И еще. Если перехватят, лучше сразу язык откусывай! Запытают! А какой, скажи мне, человек ведает, выдержит ли он ордынские пытки?! А?»

- Давайте помолимся. - встал владыко. Повернулся к образам. Перекрестился: - *Боже! Боже мой!…*

Мы повторяли за ним.

- Помни, что я говорил! – молвил он после молитвы, - Колдовские шары прозрачные, всякие другие бесовские приборы да заговоры не имеют силы пред Господом нашим Иисусом Христом. Значит, молиться надо непрестанно! И жить по молитве. Как говоришь с Господом, так делай и с другими рабами Его. Ну, в крайнем случае, наведут колудны искушения. Нападения. Но они и так неминуемы! И отражаются только молитвой. Еще одно: отправляешься как раз на Великий пост. В дороге всех благословляю на рыбу. С Богом! Во имя Отца! И Сына! И Святаго Духа!

Перекрестил меня и Великий Князь. Пока я сам снаряжался, знакомился с ратниками, проверял их снаряжение, Ивашка сбегал за Афанасием и Панкратом. Те явились тут же.

- Быстро вы! – хмыкнул я, обнимаясь и христосуясь с ними.

- Голому собраться – только подпоясаться. - хохотнул в ответ Панкрат.

Ратники были как на подбор!

- А где ж десятый? - недоумевал я.

- За князем послали, - ответил один из них, - да вот и он!

Ко мне подъехал… князь Герасим.

- Ба-а-а! Князь Ляксандр! Неужто опять – вместе?! – соскочил он с коня.

- А то! Только что-то на сей раз дружинка у тебя поменьше будет, - подколол я.

- А ты смотри не на число, а на умение! Эти молодцы в сече не одной сотни стоят.

- Они с нами ходили на Псков?

- Не-ет… Их удел – орда! – хмыкнул он. И действительно, к седлу каждого ратника был приторочен аркан. В кочанах половина стрел явно выдавали свое ордынское происхождение. Их еще, я слышал, наши ратники называли «свистульками». За счет дырочек, просверленных в жалах, при полете большого количества стрел, возникал жуткий шум, свист, даже гул, приводящие протиников орды в ужас… Но русьские ратники уже привыкли к ним.

Все уже сидели в седлах. Мы перекрестились на кресты собора и выехали в ворота Кремля.

- Вот ведь, - ворчал князь Герасим, - поначалу обещали три дня отдыха… Призвали же - на второй! А я так хотел деток потетешкать!

- Сколько же их у тебя? – спросил я.

- Всего четверо. Последние – двойня. Им третий годок пошел. Но уже – богатыри! Де-е-ерутся! Аж чубы трещат! – хохотнул он.

- А старшие?

- Девице – четырнадцать. Настасьюшка! Она у нас – хозяюшка! Первая помощница матери! Половина хозяйства – на ней. А следом, – девять годков, - сын Илия. Этот уже втихую от меня меч мой к руке примеряет. Хотя и поднимает с трудом. Смастерил я ему лук, так он из него весь забор продырявил. А твои-то как?

- Даже и не видел их по приезду! - смутился я, подумав, что надо было бы с ними свидеться, а не с княгиней Аллой…

«Ну, не ночью же детей тревожить!» - возмутилась оправдательная мысль. «Так ведь даже не вспомнил о них! Хор-р-рош отец!» - перебила ее другая.

- А княгиня Алла как? – продолжил разговор князь Герасим.

- Слава Богу! – я почувствовал, как под суконным подшеломником вспыхнули уши, - Великая Княгиня ее к себе взяла.

- А-а-а! Понятно! – кивнул князь Герасим

Вот уже позади исчезли и стены Московского Кремля… Мы проехали посады, села… Начались леса. Но пока между них все-таки мелькали деревеньки. Через четыре дня мы были в Коломне. Но и ее миновали, почти не слезая с седел. За Коломной начиналось Рязанское княжество. Помня наказ Великого Князя, мы свернули направо, на лед. Санный путь уже замаслился. Но обозы по льду еще ходили. Не любили коломенские мужики рязанских. Торговать старались с Серпуховым, Володимиром… На ночлег мы останавливались в селениях. И первым делом шли в церковь, как и благословил нас владыко Алексий.

Скоро с окского льда мы свернули на Зарайск. Ох, как хотелось заехать в Глебово городище. Но оно, как и Рязанская земля, осталось где-то сбоку. Впереди был Пронск. В нем мы и решили немного передохнуть. Попариться в баньке, попить кваску, отоспаться хотя бы денек. Оказалось, что князь Данила занедужил. Войдя к нему, я увидел, как он осунулся, как бы высыхая, похудел. Лицо было землисто-серго цвета. Из груди при каждом вздохе вырывалось какое-то хрипение и бульканье.

- Жжет все внутри…- жаловался он, кутаясь в медвежью шкуру, - …Отратился я, похоже…

- Погоди хоронить себя, - мотнул я головой, - лучше поведай, как добирался из Москвы. Кого встречал на пути? С кем вечерял?

- А причем здесь это? – откинулся он на подушки.

- Сделай милость! – попросил я. В голове у меня возникали образы, навеянные словами митрополита Алексия. Я засунул руку за пазуха. Сжал крест-мощевик. При сомкнутых губах, одним языком прошевелил: «Господи, вразуми! Все святые, молите Бога о мне, грешном!»

- О, владыко, благослови! – вскинулся с подушек князь Данила, глядя мимо меня. Пронский епископ осенил его крестным знамением. Обернувшись, узнал меня и тоже благословил. Я повторил просьбу, посмотрев на владыку. Тот поначалу покачал головой. Но, задумавшись на мгновенье, согласно кивнул.

- Что тут молвить? – начал князь Данила. - Вышли мы из Москвы, оставив там князя Ондрея с его сотней… Договорились с Великим Князем, что буду готовиться к походу в защиту Нижнего Новгорода. Пошли мы в Пронск тем же путем, каким шли на Москву. Только после Глебова городища не стали сворачивать на Рязанскую дорогу, где воевода ихний разбойничает. Для дела решил поберечься… И ратников поберечь. Пошли напрямки. Дорога там плохая… Но – все спокойнее. К тому же, князь Глеб хорошего проводника дал. Идем… Домой! Нагоняем странную пару. Старик… Страшный такой, грязный, уродливый, – нос к подбородку прирос. Ведет он под уздцы коня. А на нем – молодая баба. Увидел он нас, - в ноги упал, плачет! Помоги, говорит, князь! Идем с племянницей в отчинку свою под Нижним. Из Москвы, говорит, идем… Напали, мол, разбойники. Вот, вдвоем с племянницей на одном коне едва ноги унесли. Взглянул я на бабу, - она вся закутана в платок. Одни глаза! Большие такие, темные, что твоя трясина! А старик говорит, мол, не обращай на нее внимания: она –

глухонемая. Как разбойники напали, так и слуха и голоса лишилась. Авось, мол, – вернется… Ну взял я их с собой, пристроил к обозу. Велел накормить, напоить… И пошли мы дальше. Четыре дня идем, пять… Уж вроде, как до Пронска должны добрести… А его все нет. Не заплутал ли, думаю, в отчине своей?! А тут еще, как назло, на одной ночевке рукавицу потерял. Не буду ж с ратника снимать. А в кольчужной-то – знобко! Вот в то утро, как я хватился рукавицы, подходит старик ко мне и благодарит, прощается. Дальше, мол, дорогу мы сами знаем. Дойдем… Дал я ему второго коня…

- Ты, чадушко, все говоришь, говоришь! А главного не сказал… - перебил князя Данилу епископ, - Я тут молился ночью. И вот на что Господь надоумил меня: старик-то твой хоть раз помянул Имя Божие, клал ли на себя крестное знамение? А молодка?

Данила Пронский закашлялся. Отдышался.

- Не припомню, владыко святый, - с хрипом выдохнул он.

- Вот-вот.., - вздохнул епископ. И повернулся ко мне: «Я по три раза на дню прихожу к нему. Молитвенное пение творю… Лекаря отварами поят… Княгинюшка с колен не встает! И все мы - пронские! В соборе молебны служат о его здравии… А толку – нет. Вот и думаю, грешный, что все это – козни лукавого! Послал я за одним старчиком… В дальнюю пустыньку. Хочу завтра отчитывать!»

- Прости, владыко! - заговорил я. - Мне далеко до твоей духовности… Дозволь князю Даниле вопрос задать?

Епископ кивнул.

- Старик, говоришь, худой, страшный, на нерусь похож? А бабу ты разглядел? – спросил я

- Знаешь, князь Ляксандр, - прохрипел хозяин Пронска, - старик в самом деле на нерусь похож… Но я вспомнил притчу о милостивом самарянине… А бабу я не разглядел. Говорю же, в платок до самых глаз закутана была. К тому же, под моим началом столько сотен! Всех надо накормить, сторожу расставить… Но глаза ее мне кого-то напомнили… Из недавнего прошлого… Видел я эти глаза…

- Уж не в Рязани ли? Не в воеводином ли тереме? – неожиданно для самого себя вдруг спросил я…

- Похоже… Только боюсь согрешить подозрением…

- Боишься? А как она хотела нас отравить, помнишь? Не тебя одного, – голову всей дружины твоей!

- Да! Точно – ее глаза! – приподнялся князь Данила на локтях.

- Тогда точно – нечистая сила! – вздохнул владыко.

- Помятуя наставления митрополита Алексия, - заговорил я опять, - накинулась нечисть на князя Данилу. Не повелишь ли, владыко, водицы принести, да отслужить здесь водосвятный молебен, освятив воду вот этим крестом-мощевиком. Меня им митрополит Алексий благословил.

И я, достав крест, перечислил, чьи частицы мощей покоятся в нем.

- Экая святынька у тебя! – епископ встал на колени и приложился к нему. Поднялся. Подошел к двери. Приоткрыл ее. Крикнул: «Брат Амон!»

В горницу вошел чернец. И владыко повелел: «Ступай, принеси все для водосвятного молебна».

Когда начался молебен, я хотел, было, выйти. Но владыко удержал меня: «Подпевай, молись! Где двое или трое…»

Я и остался. Как умел подпевал, молился о здравии тяжко болящего болярина Даниила. Наконец, епископ стал читать незнакомую молитву, как я понял, против нечистой силы. И тут… стены горницы раздвинулись, потолок выгнулся вверх, а мы посреди белого поля увидели терем – не терем, келью – не келью… А в ней – старика нависшего над прозрачным шаром, под которым…

- Это же - он, тот старик с дороги, а под шаром – моя рукавица! – вскинулся на ложе князь Данила. Владыко жестом остановил его речь. Он продолжал читать молитву с тяжелым придыханием. Пот струился по его белому, чистому, без единой морщинки, челу. Тут к старику приблизилась… Да, это была она, женка рязанского воеводы-разбойника. Ее темные, продолговатые глаза со зрачками, как у рыси, горели злобой… Но это, похоже, ей нравилось. Тут владыко произнес: «Аминь! Аминь! Аминь!»

И мы все увидели, как, невесть откуда взявшийся, всадник в золотом доспехе ударил копьем по прозрачному шару. Тот раскололся и разлетелся в пыль. Старик стал бегать по келье. Приседая, вскидывал руки вверх, кричал что-то на непонятном языке. Женка рязанского воеводы-разбойника тоже кричала на старика. Но тот не обращал на нее никакого внимания… Только вдруг махнул широким рукавом, и она… обратилась черной волчицей с уродливо длинным туловищем, отчего движения ее походили на змеиные… В княжеской горнице громко, словно раскат грома над головой, треснула слюда в окне…

«Где и когда пришлось мне это уже однажды видеть?!» - до боли в бровях думал я. Но вспомнить не мог…

- Спаси тя Господи! – поклонился мне епископ. - Если бы не твой крест-мощевик, уж и не знаю, как недуг князя обернулся бы. Вот ведь, московские князья такие святыни носят, а мы здесь, - даже в соборе, - не имеем…

- Не меня благодари, владыко, а Господа! Святых угодников Его! - поклонился я в ноги епископу, ведая, что если бы не его молитва, ничего из увиденного мы бы не узрели. А князь Данила, разметавшись под медвежьей шкурой, тихо похрапывал. Выходя за владыкой из горницы, я опять вспомнил слова митрополита Алексия о силе Божией, способной явственно показать всю мерзость козней слуг врага рода человеческого.

… Утром меня разбудил… сам князь Данила. Он шумно и радостно ввалился в мой покой.

- Брат ты мой любезный! – басил он, обнимая меня и христосуясь. - Нынче ночью сто потов с меня сошло! Убегал я от целой стаи волков. Как бы они не прыгали, конь выносил меня. Потом принес меня к источнику, венчанному крестом. Напившись оттуда, увидел я Самого Господа нашего Иисуса Христа, а по бокам – четырех ратников в золотых доспехах. Двух из них я узнал по иконам. Это были святые благоверные Великие Князья-страстотепцы Борис и Глеб… Там еще кто-то стоял… И Господь…

- Он сказал тебе что-то?

- Прости брат, князь Ляксандр, не велено мне говорить о том, - как-то сразу сник головой Данила Пронский, - Но если бы не ты…

- Не я, брат, а Господь наш! – положил я руку ему на плечо.

- Давай крестами поменяемся! – жарко сказал князь Данила.

- С радостью! – улыбнулся я.

- Кстати, мой крест – это крест князя Ондрея. Мы с ним еще в отрочестве поменялись. Да будет теперь трое братьев!

- Аминь! – поцеловал я свой крест и надел его на шею князя Данилы.

- Аминь! – повторил он и надел на меня свой.

Мы помолчали, обнявшись.

- Я пошлю с тобой две сотни, - оттолкнувшись от меня, произнес мой новый крестный брат.

- Нет! – мотнул я головой, - Мы должны идти скрытно. Такова воля Великого Князя.

Князь Данила достал из-зи пазухи и развернул на столе свиток.

- Тебя будут ждать здесь, здесь и здесь, - ткнул он кинжалом в телячью кожу, на которой была нарисована карта земли Русьской и орды, - Вот - мой перстень. Увидев его, любой пронский ратник за тебя жизнь отдаст!

- Спаси тебя Господи, брат! Но нельзя мне так! Иду тайно! Прости! Ежели с нами – Бог, кто – на ны!

- Прости! Я просто не знаю, как отблагодарить тебя за исцеление!

- Бога благодари!

- Да я… Я храм поставлю! Обыденный! - вскинулся князь Данила, - И лес у меня высушенный, выдержанный есть!..

- Вот и слава Богу! Помоги тебе Господи! А мне – пора! – улыбнулся я, радуясь тому, что вижу прежнего князя Данилу Пронского.

- С Богом! – опять подхватился он, - Я сейчас велю припасов в дорожку собрать, оленинки, медвежатинки, сала кабаньего!

- Пост Великий, брат! Вот на рыбку митрополит Алексий благословил, - говорил я, пристегивая меч.

- Что ж! В ледниках моих и осетринка, и стерлядка, и белужка найдется! Еще морозит. Сохранится. Не пропадет!

- Спаси тебя Господи! Закажи лучше молебен в соборе сегодня о нас, путешествующих. Хотя и пост…

- Да решим мы это дело! Весь Пронск молиться за тебя будет.

- Ну и - слава Богу! – какая-то грусть овладела мной…

А через два часа стены Пронска, ежели обернуться, исчезли из вида.

- Скоро – Дикое Поле! – повернулся ко мне, скакавший рядом, князь Герасим.

- Не скоро.., - хмыкнул я, вспомнив старого Илгуса, схрон, в котором отлеживался… Обернулся и жестом подозвал к себе Афанасия. Тот подскакал, улыбаясь, словно учуял мои думки.

- Спаси тебя Господи, Афанасий! Узнал места? Здесь меня и полонили поганые.

- Нам, князь, еще век вековать, коли Бог даст. И мы здесь еще появимся. А во-он – тропа к Илгусу. Следов-то нет. Но я ее точно ведаю! – хмыкнул он.

- Как он там?

- Князь, дозволь слетать? Скажу, что надобен он на Москве! – вскинулся Афанасий.

- Нет, староста! На обратном пути дозволю, коли Бог даст в живых остаться. Поначалу – дело Великокняжеское! – оборвал я и пришпорил коня.

Вскоре мы миновали и место, где постреляли ордынскую сотню. Я даже как-то, с чем-то похожим на опаску подъезжал к большому дубу: а ну как попович Глеб сверху сиганет… «Что ж это я?! Был в Пронске, а не спросил, как он, да где?» - укорила меня мысль.

Через два перехода началась степь. Сел и деревень русьских уже не было. Кое-где на холмах виднелись отдельные юрты, окруженные серыми многотысячными отарами. Посему мы и ночевали в балках, из которых костры издали были почти незаметны. Иногда везло: попадались редкие перелески, низкорослые рощицы. Там было спокойнее.

До Сарая оставалось несколько переходов, когда не вернулся из заднего дозора ратник Борис. «Что ж такое?!» - раздумывал я, сидя у костра.

- Бог весть, князь Ляксандр, - подсел ко мне, видимо, обеспокоенный тем же князь Герасим, - сдается мне, - волки… Много следов – и на пути, и сзади. Сам видел, когда в дозор ходил.

Я в эту ночь так и не смог заснуть. А под утро, перед самым рассветом где-то совсем недалеко от нас раздался волчий вой. Костры догорали. Я вскочил. Крикнул всем: «Огонь - в кольцо! В центр костров!»

Ратники, Афанасий, Ивашка, Панкрат сбились к круг, – спина к спине, - ощетинившись наложенными на луки стрелами. И тут мы услышали конский топот. Десяток русьских ратников вздыбили коней прямо перед нами.

- Пронские мы! – крикнул старший. - По наказу князя Данилы идем следом… Вот, едва отбили вашего от стаи волков. У них за вожака – черная волчица. Длинная! Извивается на бегу, - что твоя гадюка! Уж на что Антипа у нас – стре-э-элок! В центр колечка с двадцати шагов попадает! И тот промахнулся: ушла она! Хотя с десяток мы их уложили! Что делать-то с погрызанным ратником вашим? Дозволишь в Пронск везти?

Я подошел к перевешенному через седло Борису.

- Господи! – вырвался из меня вздох. Кровь выступала даже из-под кольчуги. Кусок тела вырвать не смогли, окаянные, но кости сквозь железо поломали, кожу порвали.

- Довезете?

- А то! Он мужик, сразу видно, - здоровый, крепкий!

- Тогда – с Богом!

- Князь Ляксандр, - уже, было, развернувшийся, страший потише обратился ко мне, - нам в орду дальше нельзя… Сотня наша здесь стоит, в перелеске. Через неделю нам смена придет. И будем стоять до твоего возвращения. Помоги тебе Бог!

И десяток пронских развернул коней. Топот отдалился. Но вместе с ними отдалился и волчий вой. «Вот, вражья сила! – подумал я, - Хоть как-то, но напакостит! А может быть, им просто нашей же кровью путь наш отметить надо? Жертву принести?» Я мотнул головой. И откуда такая мысль взялась?!

- Весна! Волкам сейчас особенно голодно! – проговорил Афанасий. Он оказывается стоял прямо за моей спиной.

- Дай Бог, чтобы это были обычные волки… А вот черная волчица… - я не стал договаривать, вспомнив виденное в горнице князя Данилы после молебна. «Зачем, - подумалось мне, - пугать ратников. Русьский народ доверчив и по-детски наивен… Кто знает, как воспримут они весть об участии в нашем деле нечистой силы».

- Исцели, Господи, тяжко болящего раба Твоего Бориса. - перекрестился я на восток. Ратники последовали мне.

Через несколько переходов на дороге стали появляться двухколесные арбы, отдельные всадники и целые разъезды. В большинстве своем они недобро поглядывали на нас. Что-то по-своему косюкокали, кисюкикали. Панкрат изредка тихо переводил. Ничего доброго в нашу сторону я не услышал. Бог им Судия!

…Сарай! Он был окружен россыпью юрт. Но в центре возвышались добротные дома, видом своим подчеркивающие разнородность населения. Это были и мазанки, и избы, и даже небольшие терема, домики с крутыми высокими крышами, квадратные каменные коробы, украшенные колоннами. Кое-где виднелись кресты на колокольнях храмов, совсем не похожих на наши. А русьские православные церкви я мог пересчитать по пальцам одной руки. На вершине Ураковой горы, - я узнал, вспомнив рассказы ратников о ней, - Возвышался дворец.

Панкрат показывал: «Во-он там немцы живут, а там – ляхи, а поближе к Ураковой горе – генуэзцы, а с другой ее стороны – эфиопы. Их лики, словно сажей намазаны, - таки-и-ие черные! Там - еще какие-то, даже не ведаю, кто…»

- Куда ж нам-то ехать? – куртил я головой.

- В русьскую слободу. - показал плеткой Панкрат. Поганские сторожи останавливали нас. Панкрат что-то объяснял им. Я показывал ярлычок. Они улыбались, часто кивали головами, но глаза их, если бы были луками, уже давно пустили бы в нас стрелы. По улицам ходили люди самых разных племен. Русьских можно было узнать по колодкам, веревкам, железным, медным, серебряным обручам на шее. Знаки рабов! И здесь шло разделение, чтобы легче властвовать было…

Первый же русьский с медным обручем на шее показал мазанку с большой пристойкой, из которой доносился стук молота и позвякивание молотков поменьше. Я спешился. Вошел в низкую калитку, толкнул дверь пристойки. Высокий, с золотым обручем на шее, плотный, жилистый мужик, махавший молотом, приостановился и внимательно взглянул на меня. Мы некоторое время, молча, рассматривали друг друга.

- Оружейник Нил? – спросл я.

- Он самый… - едва разжал губы мужик. Но поклонился.

- Князь Олег Рязанский сказывал.., - и я пересказал все, как повелел Димитрий Иоаннович. А Нил ответил то, что положено. Я вышел и вскочил в седло. Огляделся. Действительно, на углу улицы светлела мазанная маленькая церковка. Я тронул коня.

В храме несколько руських рабов молились на коленях. Худой, осунувшийся иеромонах беседовал с рыдающей молодухой. Успокаивал. Но сразу, как только увидел моих ратников, приостановил ее, положил руку на темя, благословил и подошел к нам.

- Поди, с дороги, чада? - спросил он.

- Да, отче, - ответил я, - Вот, хотим благодарственный молебен заказать за балополучную половину пути.

- Спаси Господи. Прямо сейчас и отслужим. - поклонился он. И ушел в Алтарь. А ко мне подошел оружейник Нил. Теперь он был в светлой рубахе, полушубке, валенках. Встал чуть позади и, не глядя на меня, опять едва разжал губы: «Я послал отрока. Встретитесь сегодня, здесь, после Всенощной…»

И, поклонившись то ли мне, то ли на святые образа, перекрестился, поставил свечку и вышел из храма. А из Алтаря появился иеромонах. Молебен отслужили быстро. После отпуста и благословения я спросил: «Отче, мы - здесь впервые. Где благословишь остановиться на ночлег?»

- А ты разве не к ханским князьям приехал?

- Отче, - неожиданно для самого себя нашелся я, - встреча наша должна состояться завтра. Не хотелось бы до времени безпокоить.

- За храмом – две мазанки. Та, что побольше – для гостей. Места – немного, но для вас хватит. А вот для коней ваших корма у меня нет.

- А где лучше купить?

- Только на базаре. Прости меня, кнзяь. Прихожане ждут. У всех здесь одни скорби… - поклонился он и отошел. А я тут же отправил двоих ратников за овсом. Сам же, перекрестившись на святые образа и поклонившись, пошел с остальными в мазанку. Там было чисто, но нетоплено и пусто. На стене висела полка, уставленная плошками, мисками, горшками. Лавки были покрыты жестким верблюжьим войлоком.

Афанасий хмыкнул и вышел во двор. Ивашка и двое ратников пошли обиходить коней. Остальные сняли полушубки и растегнули пояса.

- Спать будем в кольчугах. - остановил я их. - Двое – постоянно в стороже: один – здесь, другой – на дворе.

В мазанку вошел Афанасий с охапкой то ли слежавшегося хвороста, то ли камыша в руках…

- Чем они здесь печи топят? Этим что ли? – покрутил он головой.

- Этим самым: высушенным навозом, перемешанным с камышом и сололмой. Посмотри в сарайке. Там еще должен быть запас. - ответил усевшийся у окошка ратник.

Афанасий снова хмыкнул и вышел. Тем не менее, огонь в печи скоро затеплился. А мы, примостившись на лавках и закутавшись с головой в полушубки, задремали. Когда я открыл глаза, не сразу вспомнил, где нахожусь. Подняв голову и

оглядевшись, увидел, что за окном темно. На столе, уставленном дымящимися плошками, в поставце горела лучина. А напротив меня сидел улыбающийся князь Герасим.

- Пробуждайся, князь Ляксандр, - сказал он, - Садись за трапезу. Наши молодцы рыбки купили. Афанасий та-а-акой кулеш состряпал! Чуешь, как пахнет?

Действительно, по мазанке плыл дурманящий запах. Я рывком поднялся. Все встали на молитву. Я благословил стол. Кулеш удался на славу. Или… все были просто голодны?

- Уступают ихние лепешки нашему русьскому ржаному хлебу! О пшеничном и говорить нечего! – дежевывал свою долю Афанасий. Все согласно закивали. А мне вспомнилась Москва, Ольгушка, Георгий, княгиня Алла. Изредка ее образ загораживался лицом Елены. Но теперь жена виделась смутно, словно сквозь какую-то дымку… В мазанку вошел иеромонах. Мы встали.

- Сидите-сидите! Вкушайте! – благословил он, - Ангела вам за трапезой.

- Незримо предстоит. Спаси Господи, батюшка. Присаживайтесь к нам, - ответил за всех и пригласил князь Герасим.

- Вы – путешествующие. Вам рыбку можно, - помотал головой тот, - А я – монашествующий. У нас – другой пост. Зашел поглядеть, как вы устроились. А теперь пойду. Пора Всенощное бдение начинать.

Когда он вышел, я сказал присутствующим: «После Всенощной в церковь придет человек. Мне с ним надо потолковать. Встаньте так, чтобы никто не смог приблизиться к нам. А тем более – услышать! Теперь пойдемте, помолимся в храме… Ивашка, прибери на столе.»

И мы пошли на службу…

Мы с Татьяной шли к метро. Она едва касалась моей руки. Хмурилась. Куталась в воротник шубки. Позевывала. Молчала. А я, шевеля одним языком, за сомкнутыми губами читал краткое утреннее правило. Потом – Иисусову молитву. «Как было бы замечательно, какое было бы счастье, если бы вот так, всем вместе, с родившимися детьми идти рано утром в храм!» - ласкала меня мысль.

- Что-то голова разболелась сегодня, - вдруг резко сказала Татьяна, - И спину ломит. Может быть, вернемся?

- Ты что?! – я даже отринул от нее. И вдруг мне показалось, что последние слова сказаны не ее голосом. А за ней – следом, почти вплотную движется.., нет, не человек, а какая-то тень… Или это – игра фонарей, сменявших друг друга на нашем пути?

- Ты меня совсем не любишь! – продолжала она, - потому что не жалеешь и не бережешь. Я всю неделю ломаюсь на работе… Ну какой смысл в выходной день вставать ни свет-ни заря, тащиться в церковь и там стоять несколько часов, слушать эти причитания вместе с грязными нищими бабками?! Хорошо, давай поставим свечи и вернемся домой, как делают все нормальные люди. У нас последний день остался. Вечером мы должны навести порядок в квартире и разъехаться.

- Послушай, - постарался как можно мягче возразить я, - Мы ведь не последний день живем.

- Ой! Ты не понимаешь!..

И она замолчала. В метро Татьяна о чем-то сосредоточенно думала, то и дело морщила носик. Я оправдывал ее, размышляя, какая же внутренняя борьба идет сейчас в душе моей избранницы… Мы постояли в ожидании Сергея с семьей. Но их все не было. И это еще больше раздражало Татьяну.

- Терпеть не могу необязательных и непунктуальных людей! - бурчала она… И я решил не ждать больше… Прежде, чем подняться по ступеням храма, Татьяна сделала несколько глубоких вздохов, словно входила в ледяную воду…

Внутри церкви уже стояли прихожане. Я похристосовался с Василько, Николаем, Марией, еще с несколькими верующими.

- Познакомьтесь, это – Татьяна, - представил я ее, - А это – братья Василько и Николай и их сестра Мария. Очень близкие и дорогие для меня люди.

Татьяна вяло протянула ладонь, а мне шепнула: «Мне не нравится, что ты со всеми бабами здесь целуешься…»

- Да что это с тобой?! Это же – святое целование! – вскинулся я.

- Ага! Святое! Подвинься, сестра, я лягу! – повторила она однажды сказанное. И мне почему-то послышался совсем не голос Татьяны. Но и раздражение уже не сходило с ее лица. В это время я увидел Сергея. А за ним в церковь входили рыжеволосая, румяная, статная красавица и трое похожих на нее погодков.

- Прости за то, что опоздал на встречу! Но ты правильно сделал, что не дождался. С детьми собраться – целая история! А это – моя Антонина, - повернулся Сергей к жене. И представил меня: «А это – тот самый Александр.»

- Спасибо вам, - вдруг поклонилась мне Антонина, - а то я уже и не знала, как Сережу в храм Божий привести.

- Это – не мне, а Богу – спасибо! – радостно улыбнулся я. И познакомил их с Василько, Николаем, Марией, Митей. Дети сразу нашли общий язык друг с другом, а Мария – с Антониной.

- Татьяна, пойдемте в левую половину, – предложила Мария, - В храме женщинам принято стоять отдельно от мужчин.

Слава Богу, что только я услышал, как Татьяна проворчала: «И здесь - дискриминация женщин!»

Среди прихожан поднялся негромкий гомон. Это – отец Валерий шел через храм к Алтарю, раздавая всем благословение.

- О! – увидел он нас, - Вижу, и Танюша решила к нам заглянуть… И – еще новые люди! Это вы – Сергей, который вместе с Александром в Минске змей укрощали?.. И пришли в храм Божий всем семейством! Ну что ж, мы сегодня догуливаем Масляную седмицу. Василько, после Божественной Литургии веди всех в трапезную на блины. Заговеемся!

Татьяна осталась стоять недалеко от меня. И простояла так всю службу. В центре храма. Между мужчинами и женщинами. Переминаясь с ноги на ногу. Вся – какая-то окаменевшая и совсем чужая. Даже – подурневшая. И первая убежала, вызвавшись помочь матушке Марии накрыть на стол. Даже до Святого Причастия. А я любовался, как Антонина отправила детей к батюшке за благословением. И очень внимательно, но с какой-то нежной слезливостью, вытягивая шею, наблюдала за ними из-за спин прихожан, стявших впереди. Сергей же крутил головой в разные стороны и вверх, разглядывал фрески, иконы. Поминутно спрашивал меня то о них, то о том, почему прихожане крестятся и кланяются так и тогда, а не как-то иначе… Так что, Божественная Литургия пролетела мимо меня.

Наконец, отец Валерий вышел на амвон с большим напрестольным крестом в руках. Перекрестился. Опустил глаза в пол. Постоял, молча, с минуту и заговорил: «*Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь!* Дорогие мои! Наконец-то с помощью Божией, мы дожили до великих дней – Великого поста, когда душа должна торжествовать, а плоть - умирать для греха. Почему? Да потому что она является для спасения, - основной цели нашей жизни, - помехой, подобной каменному завалу на горной дороге, когда справа – отвесная стена, а слева – бездонная пропасть. Плоть мешает нам спасаться! Так начнем же умерщвлять свою плоть воздержанием в пище и питии; начнем обуздывать свой язык, свои чувства! Матерь наша – Православная Церковь мудро, тонко и тщательно подготовливала нас к Великому посту. Как? Почему? Вспомним Евангельские чтения последних недель. Мы видели, как жена-хананеянка бежала за Христом и вопияла: «Господи! Помоги мне! Дочь моя

беснуется!» Но Спаситель ничего не отвечал ей, словно и не видел… Она же настойчиво продолжала вопиять и молила исцелить дочь. Тогда и ученики, - святые апостолы, - стали просить Господа чтобы Он обратил не нее внимание. Но что же Он, обернувшись, отвечает ей? А изрек Он следующее, казалось бы, оскорбительное для современного человека: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Несчастная мать даже не обиделась. Наоборот, смиренно сказала: «Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их»… Она так смирилась, что сама уподобила себя псу! И такое смирение спасло ее. Дочь получила исцеление! Вспомним Закхея, который презрел свое богатство! Отринул тщеславие зависимости от него многих людей. Отрекся от сребролюбия. Он, словно малое дитя, полез на дерево, лишь бы увидеть светлый Лик Спасителя! И за это смирение Господь посетил его и сказал: «Днесь спасение дому сему бысть». Мы видим фарисея и мытаря. Первый, казалось бы, - сама добродетель! Постится, молится, десятину жертвует на храм… Но вышел он из храма не оправданным, а осужденным! Почему? Да потому что все его, казалось бы, добрые дела совершались, во-первых, с гордыней, похвалением себя, осуждением других. Во-вторых, - от избытка: он, жертвуя, не ущемлял себя, свою семью, не ограничивался, не воздерживался в чем-либо ради любви к ближнему. А смиренный мытарь делал много зла, взымал большие, с излишком, налоги с граждан, за счет которых, кстати, и жил. За это он и был в презрении у людей… Однако же, он осознал себя великим грешником, встал позади всех в храме, как женщина, пребывающая в нечистоте, не смел возвести очи, бил себя в грудь, взывая краткой молитвой: «Боже, милостив буди мне грешному!» Вот, чему поучала нас Святая Церковь в преддверии Великого поста. Посмотрим же глубже в себя! В свое сердце! И сравним: на кого мы похожи? На жену-хананеянку, Закхея, мытаря? Или в нашем сердце живет фарисей? Если - он, фарисей, то постараемся изгнать его смирением. Нечем нам хвалиться и гордиться. Все наши добрые дела творим не мы сами, а Господь! Через нас! И ничего доброго без Его помощи и благословения мы сделать не можем! Даже молиться без помощи Божией мы не в состоянии. Только с таким пониманием, в таком смирении мы можем угодить Богу своими добродетелями. Ни за одну из них, - без смирения! - не спасет нас Господь! Жена-хананеянка сама уподобила себя псу. А мы? Разве мы лучше псов? Хотя бы потому, что не желаем повторить за ней? В основном, мы подобны животным, а порой даже хуже их: какой зверь, например, убивает собственное чадо в утробе своей?! Какое животное клевещет на другое?! Таких вопросов можно задать безконечное множество. Оставим их до времени… Именно животные чувства порабощают в нас дух, который мы получили от Бога. Так не пора ли уподобить себя безсловесной твари, чтобы и нам получить от Господа исцеление души. «Блудники и прелюбодеи вперед вас идут в Царствие Небесное», - говорит Господь фарисеям, которые считали себя праведниками. Почему же грешники вперед идут в Царствие Небесное? И о каких грешниках говорит Спаситель? Идут в Царствие Небесное те грешники, которые, хотя и оскорбили Его тяжкими смертными грехами, но осознали себя хуже, грешнее всех! Мало того, что они покаялись в грехах! Все они, грешники, упомянутые Господом, горячо любят Его, - а кого любишь, то боишься огорчить, стараешься сделать только приятное предмету любви! Исполнить каждое желание! Да что там – исполнить?! Предугадать! И – опять исполнить! За все это и можно получить быстрое спасение. Спасение – в один час, как поется: *Разбойника благоразумного во единем часе раевы сподобил еси Господь*… Трогательны, умилительны нынешние чтения и песнопения Святой нашей Церкви. Но и назидательны! И тот, кто внимательно прислушается к ним, обнаружит в своем сердце много всякой грязи, безчисленное количество грехов. Очистить от них может только Господь! Но без нашего желания, без нашего труда Он не станет делать это. Желание, я полагаю, есть у всех. Но какой же труд должны исполнить мы? Святая Церковь учит однозначно: наш труд в деле очищения от греховной скверны –

искреннее осознание своей греховности, ее болезнетворности, смертоносности, искреннее покаяние в грехах, пост, молитва. До Великого поста мы вкушали разную пищу: мясо, молочные продукты, яйца, рыбу… Святая Церковь не благословляет в пост вкушать их. Рыбу – можно только два раза: в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы и в Вербное воскресенье. В Лазареву субботу – разрешено вкушение рыбной икры… Впрочем, в магазинах ее сейчас не купишь, - очевидно не пользуется спросом, - улыбнулся Отец Валерий. Однако тут же посерьезнел. И продолжал: «Но давайте задумаемся с точки зрения физиологии: мясо считается очень тяжелой пищей. Раньше, - до Всемирного Потопа, - его ели только звери. Древние христиане совсем не вкушали мяса. Кроме того, сейчас ученые открыли, что во время Великого поста, называемого в науке периодом «сухого солнца», потребляемые продукты животного происхождения, и, прежде всего, мясо, способствуют развитию в организме человека раковых клеток. Не предостережение ли это Божие, открытое Им человечеству через научные исследования?! В Великом посту при молитвах приходится делать немало поклонов. Овощи, фрукты, другая растительная пища дают нам легкость при этом. Но и постные блюда Святая Церковь благословляет вкушать умеренно, с воздержанием. Не объедаться, впадая в грехи чревоугодия и гортаннобесия, то есть чувственного наслаждения. Не угодна Богу и другая крайность: доводить себя до изнеможения и, упаси Господь, - до истощения. Посему, давайте, подходите на исповеди и, учитывая особенности каждого, определим меру поста. Непраздных и кормящих матерей я всегда благословляю даже на молочные продукты. Святое Евангелие учит нас поститься тайно: не делать унылого лица, не вешать нос и голову, не надевать черных одежд… Но – «помазать свою голову маслом», умыть лицо, то есть, говоря современным языком, содержать себя в чистоте, и бодрости. Будьте жизнерадостными перед людьми, особенно – перед неверующими, дабы видели они, что Великий пост – это радость о Господе! И не дай Бог, они похвалят вас: вот, мол, какой постник, - весь в скорби! Святой Человек! Явное проявление поста перед людьми и с другой стороны может ввести в искушение неверующих, соприкасающихся с вами в миру: вызвать их насмешки и, - Боже упаси, - хулу на Бога, на нашу святую веру Православную. Такой пост Господь тоже не примет. Не соблазняйте малых сих! А Господь, видя тайное, воздаст явно. Мы поговорили о посте телесном. Но есть и пост духовный. В чем его суть? Ответ вы найдете в молитве святого преподобного Ефрема Сирина. Ее каждый православный христианин во время Великого поста читает трижды в день:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия на даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве, даруй мне, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Я же, грешный и недостойный раб Божий, прошу сейчас у вас всех прощения, кого обидел словом или невниманием, делом, или наоборот, - тем, что проявил бездеятельность при необходимости явить действие, оказать помощь… Простите меня Христа ради! Один Бог без греха!

Отец Валерий сделал перед всеми земной поклон. И продолжал: «Благословляю вас всех просить прощения сегодня у ближних, у тех, кого обидели и кто обидел вас… И будем смирять себя, подобно жене-хананеянке, Закхею и мытарю. Тогда Господь, видя наше смирение, будет нам Помощник и Покровитель во спасение. Аминь.»

…После проповеди все направились в трапезную. Но меня отец Валерий придержал: «Пойдем-ка за ворота. Так и быть, покуришь… Хорошо, что Татьяна пришла в церковь. Но какая-то она вся замороженная! Словно на канате притащили, да еще под страхом смерти. Сердцем ли поняла то, в чем я наставил тебя?

- А в чем, батюшка? – удивился я, - Вы же сами разрешили.

- Что? Что я разрешил?! – расширил глаза отец Валерий.

- Близость…

- Что? Как? Когда? – он даже сделал шаг назад.

- Тогда же, после нашего разговора. Нагнали меня на Большой Бронной. И сказали, что помолились сугубо. И что вам открылось, что можно. Мол, встречайся, люби, все равно, скоро – свадьба… - недоумевал я, живо вспоминая тот вечер.

- Ты – в себе ли?! Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее.

Я и рассказал.

- В черном костюме, говоришь? – качал головой священник, - В белой рубашке с галстуком? С непокрытой головой? Только дело все в том, что белых рубашек, кроме нижних, а уж тем паче этих масонских галстуков-удавок я не ношу! Ты не сочиняешь?

- Ну что вы, батюшка?! Разве я могу лгать вам?

- Да-да, не можешь.., - задумался он, - А я или тот, кто догнал, благословлял ли тебя крестом на близость с Татьяной?

- Не-ет… Я попросил, но вы ответили, что уже раньше, мол, благословили меня в храме. Что, мол, я что, буду на каждый чих благословение просить?!

- А тот, похожий на меня, крестился ли во время разговора?

- Не помню… По-моему, нет…

- А больше ничего странного в этой, похожей на меня, личности не показалось?

- Вообще-то, показалось… Интонация голоса какая-то необычная, нервозная, что ли… И походка дерганно-подпрыгивающая…

- Та-ак! Ну и задачку ты задал, Александр! Дело в том, что после твоего ухода я сразу пошел в келью. Не снимая подрясника, встал на колени. Так и забылся сном в молитве.

- Кто же тогда это был?

- То-то и оно! Похоже, что тебя опять «в оборот взял» лукавый, явившись в моем образе.

- Да разве ж так возможно? – у меня холодок пробежал по спине.

- Я уже говорил тебе: в любом образе! Посуди сам: как я могу пойти в своем немощном священническом благословении против Святого Евангелия, против всего учения нашей Матери-Церкви? Это – все равно, что благословить венчанную жену надолго уехать куда-нибудь далеко, - даже к своим родителям, - против воли мужа! Муж и жена при венчании соединены в одно тело. Что здесь, на земле, что – на Небесах! Кроме того, они соединены и людскими законами! Помнишь, как говорили, что семья – это первичная ячейка коммунистического общества, прости Господи! Так мог ли я благословить на смертный грех блуда?! Недавно приходили ко мне муж и жена: зарегистрированные, но не венчанные. Верующие! Давно, говорят, венчаться собираются… Да все какие-то более важные, по их мнению, дела возникают… Съездили они в один монастырь. А там старец не только на близость, но и Святое Причастие до венчания н благословил. Я, конечно, не сторонник таких строгих мер: как никак живут в супружестве столько лет, дети уже почти возрослые!… Что ж делать, - сами напросились! Им бы тут же – в церковь, под венцы! А они – опять свое! Меня еще просить стали: мол, дай, отче, благословение на близость. Мол, денег на такое торжество пока нет, - надо новый холодильник купить, то да се… А как я могу отменить благословение схимонаха?!

- Так что ж мне теперь делать? – сокрушился я.

- Начинать все заново! Объясни Тане сегодня, что даже у венчанных православных супругов в пост - воздержание от близости плотской. А после поста видно будет. А тебе я назначаю молитвенное правило на все время Великого поста. Кроме ежедневных молитв будешь чередовать: сегодня, к примеру, - Покаянный

канон Господу нашему Иисусу Христу, завтра – одну главу из Святого Евангелия. И так дальше. - широко перекрестил меня отец Валерий.

- Спаси Господи, отче. - поклонился, вздохнув, я.

- Вот и славно. Помоги тебе Господи. Пойдем заговляться! - взял меня под руку отец Валерий.

В трапезной все собравшиеся стояли группами. Дожидаясь отца Валерия, никто не садился за накрытый уже стол. Василько, Николай, Сергей что-то тихо, но бурно обсуждали. Матушка Елена, инокиня Мария, Антонина, Мария и еще несколько женщин, улыбаясь, ворковали между собой. Дети, с жаром перебивая, что рассказывали друг другу. Трое пожилых мужчин рассматривали какой-то большой, дорогой альбом с репродукциями икон. Только Татьяна стояла отдельно, недалеко от женщин, раскрасневшаяся, но только все еще окаменевшая.

- Что ж это ты, матушка, и вы, дорогие сестры, нашу Танюшу одну оставили? – взглянув на нее и покачав головой, громко спросил отец Валерий.

- Ну что вы?! – сухо разжала губы Татьяна. - Я все внимательно слушаю: ведь ничего сама пока не знаю… Со мной неинтересно…

- Дай Бог, что «пока»… Давайте молиться, - улыбнулся отец Валерий и повернулся к иконам. Все последовали ему. Я искоса поглядел на Татьяну. Она, тяжело вздохнув, с трудом, неправильно, - слева направо, - перекрестилась.

- Как водится, - поднял бокал с «Алазанской долиной» отец Валерий, - воздадим благодарение Богу за то, что Он послал яства сии для заговления на духовный подвиг Великого поста. Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе!

Все выпили. Татьяна закашлялась. Достала кружевной платочек, зеркальце, вытерла губы, «поплывшую» тушь. Сказала: «Простите…»

Все сделали вид, что не обратили внимания. И принялись за еду. А стол благоухал блинами со сметаной, творогом, медом, красной и черной икрой, грибами. Слезоточили ломтики сыра из «елисеевского». Яйца, фаршированные желтком, смешанным с селедкой, луком, опять – с грибами, помидорами, чесноком, таяли во рту. Белорыбица, семга, кета, форель светились, переливаясь всеми цветами радуги. Несколько видов жареной, тушеной под маринадом рыбы манили яркой и душистой корочкой, овощами… Салаты с печенью трески, кальмарами, крабами и креветками, сделанные по рецепту «столичного», спорили по вкусу с телячими и куриными…

В метро Татьяна, поначалу, восхищалась столом, говорила, что надо бы попробовать накрыть такой же на какой-нибудь праздник. Прижималась ко мне. А я думал, как бы поговорить с ней о великопостном воздержании… С чего начать… Примолкла и она. А когда мы уже шли от метро к дому, вдруг заметила: «Небедно твой священник живет. А все говорят, что попы безкорыстные…»

- Это все – в складчину! Не каждый день празднуем… – мотнул я головой, отгоняя ее недоброжелательность.

- И сколько же мы должны вложить?

- Не знаю, - пожал я плечами, - Завтра на работе спрошу у Василько. И отдам.

- Я не люблю никому быть должна. Поэтому сообщи мне, и я все оплачу.

- Слушай, почему ты такая недобрая, даже раздражительная сегодня?

- Не нравится мне все это. Только и слышала от ваших баб: «батюшка сказал», «батюшка благословил», «надо благословиться у батюшки»… Что? И чихнуть можно только с благословения вашего батюшки?! Может быть, он к нам еще и в постель полезет, чтобы давать свои указани?

- К слову, о постели, - не задумываясь, поддался я, - в Великий пост Церковь не благословляет близости даже венчанных супругов.

- Ну вот! Уже залез! – она остановилась, повернулась ко мне, взглянула блестящими от слез глазами. Остановился и я. Глядя в упор, твердо произнес: «Это

установлено не батюшкой, а Святой Церковью, с ее почти двухтысячелетней историй!»

- Может быть, и встречаться в твой пост нам Церковь твоя запрещает?

- Почему?! Было бы даже здорово, если бы мы виделись каждый день в церкви, - кроме моих дежурств, конечно. После службы я провожал бы тебя домой. И прощался до следующей службы… Поцелуи, кстати, не запрещаются, - попробовал я пошутить. Но увидел, что еще больше раздражаю ее.

- Ага! А я должна надеть черный платок, грязную по подолу юбку до пят и соблюдать пост, расплевывая по сторонам шелуху от семечек?! – сверкнула она уже сухими недобрыми глазами.

- Танюша! Да ты ли это? Успокойся! По-моему, ты хочешь поссориться! – взял я ее за руку. Но она отдернула ее: «Это – не я! Это – ты! Видно нашел себе кого-то в Минске и теперь, под предлогом приверженности Церкви, хочешь бросить меня, поставив невыполнимые условия! Ты об этом сегодня так долго со своим попом перед банкетом трепался? И он научил тебя?! И «бла-го-сло-вил» на это, видимо, узнав, что она – такая же богомолка-мракобеска, как эта твоя Мария – синий чулок!»

- Послушай, даже Бредбери не смог бы придумать такого чернушно-фантастического злодейского сюжета! – не удержался от язвительности я. Но взял себя в руки. И заговорил, как можно мягче: «Послушай, любимая! Ну, подумай здраво! Ведь это – так здорово – пообщаться по душам, без интимности. Просто, как брат с сестрой! Кроме того, нам с тобой предстоит и такое общение в твои критические дни»…

- Это – совсем другое дело! Это – воля природы! И это не два месяца! Я что ж, в это время должна быть деревяшкой?! Я не хочу! – ее шепот стал походить на шипение.

- А я не хочу по-другому! – наконец не выдержав, взорвался я.

- Ну и не надо! Ни-че-го не на-до! – она резко повернулась и почти побежала к дому своей подружки.

«Василько бы сказал, что начались великопостные искушения!» – усмехнулся я и развернулся в сторону метро. Решил не догонять ее, потому что вдруг подумал: «А хватит ли у меня сил удержаться от близости, оказавшись с ней наедине в пустой квартире? Может быть, я должен был говорить как-то иначе? Помягче? Но как? А с другой стороны? Если она сейчас так давит на меня, то что потом будет? Хотя бы после того, как я начну жить в ее квартире? Когда ее отец устроит меня на «вы-со-ко-оп-ла-чи-ва-е-мую» работу? Поможет с деньгами на кооперативную квартиру?! Ой-ой-ой!»

… Ночь прошла в кашмарах! То я видел заплаканное лицо Татьяны. И оно медленно, на глазах, старело, превращаясь во что-то уродливо-злое… То передо мной возникал враг, догнавший меня на Большой Бронной. И так похожий на отца Валерия, он, хохоча, тоже медлено менял свой облик, превращаясь в старика-корня…То я ехал с Сергеем на его машине, и нас облепляла большая стая волков. А вместо уходящей вдаль полосы шоссе перед нами простирался длинный язык черной волчицы, по которому мы мчались прямо в ее огромную, оскаленную пасть. И по краям этой жуткой дороги бурлили сгустки розово-кровавой пены… От этих кашмаров я постоянно понуждал себя просыпаться. А потом долго не мог уснуть. Надеялся, что, прервав сон, я освобожусь от него! Увижу что-нибудь другое, более приятное, а лучше – ничего… Но сновиденя возвращались и продолжались в новых жестоких и страшных формах.

Наконец-то зазвонил будильник. Контрастный душ немного привел в себя. Но на душе все равно было, как сказал в Минске Михась, «похгана-похгана»… Кофе и два бутерброда с баклажанной икрой встали колом в горле. Недопив и недоев, я выскочил на улицу и скоро был в отделе.

- Ты что такой зеленый? – спросил меня Василько.

- Тебе, в самом деле, хочется это знать? – почему-то раздражаясь, ответил я.

- Брат, - положил он упокаивающе руку мне на плечо, - Святой Апостол сказал: несите тяготы друг друга…

- Что-то ты сам не больно делишься своими тяготами! – медленно утихомиривался я.

- А ты не спрашиваешь, - пожал он плечами. И я, едва не расплакавшись, рассказал ему все.

- Да-а-а! – Василько почесал затылок, - опять тебя лукашки «в оброт взяли»! Хочешь честно? Без обид! Я вчера так плохо на Божественной Литургии молился! Все за твоей Татьяной наблюдал. Ты-то мне – не чужой человек! Вот и хотелось умишком своим понять: что тебя в будущем ожидает? Грех судить! Но я попытался рассуждать… Она стояла на службе чужая всему! Нет, не нам, прихожанам, не отцу Валерию… А всей Церкви! Ее гордыня, словно аэродинамическая труба, выносила Татьяну вон их храма. Тело, конечно, стояло… Но душа, растопырившись в дверях, сопротивлялась этой силе, выносящей ее… Я как будто увидел это! Именно эта борьба раздражала Татьяну. С одной стороны, она считала нас «религиозными фанатиками», «мракобесами», а с другой, - завидовала! Да-да! Именно завидовала нашему душевному миру, нашей любви во Христе, нашей духовной близости, нашему единству! И страдала оттого, что нет ее с нами. С то-бой! Вот потому-то она и не согласилась с воздержанием. Неясно, почему? Потому что для нее близость бывает только физическая. Хотя душа и требует духовной. Но дать ее Татьяна не может. Вот из-за гордыни и бесится от неудовлетворенности: мол, как так, чтобы я, да и не смогла?! Да быть, мол, такого не может, а значит и на свете не бывает. Не бывает, мол, этой близости духовной! Все, мол, это бабки в черных платках и грязных юбках напридумывали от безделья на пенсии. Несчастная твоя Татьяна! Ущербная… Духовный инвалид! Молиться за нее надо! Хочешь совет? Если любишь, молись весь пост. Сама прибежит после Пасхи, коли воля Божия будет на то…

- А если не люблю?..

- Мы – не схимники! Нам непосильно за весь мир молиться. Рассудком сдвинуться можно. Лукашки, что стоят за Татьяной так отмстить могут… Выдержишь ли, если сам еще непрочно на ногах стоишь? И вообще, - я сказал, а не подумал, - любая молитва творится только с благословения духовника! А тем более, - за таких, как Татьяна!.. Но заповеди Божии, веру Христову предать их невыполнением – последнее дело! Прости меня, брат, если что обидное сказал. Ты на Великий Канон идешь сегодня?

- Хотелось бы…

- Пойдем вместе! Я отпросился пораньше.

- А как с постом-то? Четыре дня, вроде бы, положено сухоядение?

- И-и-и, милый! Это для тех, кто – на сугубой молитве! А в монастырях рабочим монахам и картошечку, и капустку квашенную, и огурчики, и грибочки благословляют. И квас дают. А мы с тобой на обед кофейку махнуть можем. У меня в «ласточке» термосок есть. Да пирожки ржаные с грибочками и картошкой. Мария вчера полночи пекла.

- Спаси тебя Господи! Пошли работать, что ли?

- По-о-ошли! – хлопнул меня по плечу Василько.

Четыре раза до обеда мы выезжали на объекты. Благо, они были близко! На одном сигнализация сломалась, на другом охранник напился, на третьем посетитель скандал устроил. Наконец, на четвертом, - на заводе, от которого мы в Минск ездили, - руководство решило нас премией наделить. Надо было получить… А после обеда Василько вышел от начальника отдела озабоченный. Махнул рукой, приглашая за собой в «ласточку»: - Не придется нам с тобой Великий Канон слушать сегодня в

храме. Надо в «Науку» ехать. На усиление. Там «несуны» опять к рейду подготовились. Опергруппа приедет только к десяти вечера, чтобы сменить нас.

С нами поехали еще двое охранников. Жалуясь на то, что не успели нормально, по-человечески пообедать, они жевали бутерброды с колбасой и пирожки с мясом. Василько выглядел спокойно, а я «глотал слюнки». «Слаб ты еще! Слаб!» - мелькнула мысль. «Ничего! Все - впереди!» - успокоила другая.

В «Науке» до десяти вечера ничего не произошло. И в одиннадцать Василько подкатил меня к дому.

- Если найдешь силы, все-таки почитай Канон. - посоветовал он.

- Что ты! У меня такое правило большое! - возразил я и перечислил все, на что благословил отец Валерий.

- И-и-и! А у меня еще - целая Кафизма Псалтири! – поднял ладонь вверх Василько. Улыбнулся: «Но мы же с тобой – воины Христовы! И сейчас – на посту! На боевом Великом посту!»

- С Богом! – перекрестил я его. Сил на Великий Канон, я, конечно, найти не смог… Да и правило читалось с грехом пополам…

…Уж и не знаю, как получилось, но первая неделя Великого поста пролетела спокойно и быстро. В воскресенье я спешил в храм. Как же! Торжество Православия! В душе светилась радость. Даже курить не хотелось. И тут на ступеньках храма я увидел… Татьяну. Она стояла рядом с нищими, просящими милостыню. Куталась, засунув руки в рукава шубки и постукивая каблучками сапог один – о другой.

- Саша! – сбежала она по ступенькам, остановилась передо мной и потупилась, - Прости меня! Но и ты тоже хорош: бросил меня на полпути. Я одна в Иркиной квартире порядок наводила… И потом… Я не могу… спать! На меня в постели наваливается что-то темное, полупрозрачное… И происходит то, что было… у нас с тобой… Потом на душе – такая мерзость, словно босиком в коровью лепешку на даче наступила… Или даже - еще гаже! Я пыталась зафиксировать, что э-то наваливается… Но не смогла. Облако какое-то, или что-то подобное… И запах!.. Тьфу!.. Ведь и родители – дома, и двери - на всех замках и цепочке… Может быть, я схожу с ума?! От любви? К тебе! Я даже ничего есть не могу… Еще хорошо, что мама на одни овощи перешла, - диета у нее по графику. Вот, вместе с ней морковки да свеколки тушеной поклюю… И все…

Я смотрел на Татьяну, - осунувшуюся, бледную, похудевшую. И так захотелось прижать ее к себе, приголубить, погладить по голове…

- Погоди, - сказал я и перекрестился, - а почему ты в церковь не заходишь? Замерзла ведь!

- Замерзла… Но не могу… Словно стена какая-то невидимая не пускает… Да и не хочу! – вдруг хрипло выдохнула она последние слова.

- Что-то случилось? – услышал я сзади голос Василько. Мы похристосовались.

- Ничего-ничего, - мотнул я головой, - ты иди. Я.., мы сейчас…

Он пожал плечами. Трижды перекрестился и вошел в храм.

- А вот, ты уже целуешься с мужиками. - недобро сверкнув глазами, произнесла опять не своим голосом Татьяна, - Так может быть, ты изменил свою ориентацию… половую?!

- Ты что, дура? – не выдержал я.

- Ну, знаешь!.. – и она, резко развернувшись, зло зацокала каблучками по звонкой наледи асфальта. «Вот, и - нападение!» - хохотнула мысль. «А ты-то – хор-р-рош! Человек к тебе – с бедой! Заметь, не чужой человек! А ты ее дурой обзвал!» - укорила другая.

На исповеди я рассказал обо всем батюшке.

- Что же ты меня не вызвал? – вдруг неожиданно взорвался он, - Это же – не шутки! А?! В храм войти не дает! И мысли впрямую о святом Христовом целовании в уста вкладывает самые хульные!

- Так, может быть, позвонить ей сегодня? – горечь растекалась у меня по сердцу.

Отец Валерий повернул голову к иконе Спасителя. Помолчал… Потом сказал: «Нет, дорогой мой. Тебе здесь не справиться. Пойми ты! Не она, а бес ее устами глаголет. Эх, проехаться бы по семи монастрям за один день, заказывая в каждом по Сорокоусту за тяжко болящую рабу Божию Татьяну… Да в Москве пока столько и не насчитаешь… А сам даже не вздумай молиться за нее!»

- Как? Почему?

- Да пойми же!.. Повторяю! Ты не справишься по своей духовной слабости с этим!.. Тем паче – в Великий пост!.. В нашем храме закажи сейчас Сорокоуст, Псалтирь о здравии! Матушка Мария каждый Божий день по Кафизме перед Алтарем читает.., - вздыхал отец Валерий после каждой фразы, - Ох! Помоги, Господи! Бедная девочка! Вот оно – атеистическое наследство дедушки-чекиста, гонившего Святую Церковь!!

Он накрыл меня епитрахилью, прочитал разрешительную молитву. Я поцеловал крест, Святое Евангелие. А он вдруг задержал меня, взяв за рукав. Улыбнулся: «А все-таки – торжество Православия! Рассмотри сегодняшний случай с этой точки зрения.»

Только я, как не силился, ничего придумать не мог. А после Святого Причастия вдруг вспомнилось: «И вселился сатана в Иуду…». И добавилось: «… в дедушку-чекиста»… «Господи! Прости! Господи! Помилуй! – металась мысль, - Неужели?! Ей-то за что?! Глупая баба! Несчастная! Помоги, Господи…»

Казалось бы, праздник взял свое. Шел я из церкви радостный. Но где-то глубоко, в маленьком уголке души все-таки выступали слезы о Татьяне… Ниточка?

Всенощная протекала горько. Русьские рабы в колодках, с веревками и обручами на шее клали земные поклоны. Но глаза их были сухими. Или они все уже выплакали? А вот у меня выступили слезы… Сзади кто-то тронул за рукав. Я обернулся. Передо мной стоял князь. Моих лет. В богатом, но не воинском облачении с небольшой саблей и кинжалом на поясе. Грустные голубые глаза цвета живого неба расплескались на пол-лица. Светлые волосы, расчесанные на прямой пробор, спадали, чуть прикрывая шею и завивались на концах.

- Я – князь Олег… Рязанский, - тихо сказал он, - а ты привез мне поклон…

Я оглядел прихожан. Шагах в пяти от нас стояли мои ратники, оружейник Нил и еще дюжина здоровых мужиков.

- Да, поклон, - ответил раздумчиво я, - от Старшего брата нашего, который кует общее оружие…

- С Нилом-оружейником…

- И – с тобой…

И мы оба одновременно положили по земному поклону. После них мои ратники встали так, что подойти близко ко мне и ко князю Олегу можно было, только убив их. Иеромонах, несколько раз зорко взглянув на нас, продолжал Всенощное бдение. Скоро прихожане стали расходиться. И мы с князем Олегом присели на скамью напротив иконы Божией Матери. Я смотрел на него выжидающе. Он перекрестился и спросил:
- Доехал ли мой гонец?

- Нет, - мотнул я головой, - потому я - и здесь. Старший брат повелел выслушать тебя и передать ему слово в слово. Никаких грамоток.

- Тогда слушай. Главное: Мамай решил вырезать всех русьских князей с семьями. На их место он собирается посадить своих. Тогда во всей полноте Русьской землей станут править поганые. А главное – иссякнет княжеская кровь! Все это ему

подсказал новый, но сразу ставший главным, советник. Он пришел с востока, прошел горы на юге… Они называются Тибет. Принес новую веру, которой заражена уже вся верхушка орды, подчиненная Мамаю. Верховный, единственный и всевышний бог у них – Аллах…

- Как ты сказал? – я вдруг вспомнил княгиню Аллу…

- Аллах… И главная задача, которую внушает советник Мамаю, - не столько порабощение земли нашей, сколько искоренение веры во Христа Спасителя. Уничтожение ее. Против народов, исповедующих Христанство, объявляется война, которую советник называет священной. Вера эта пока на подчиненные орде народы не распространяется, как обязательная, но постепенно насаждается. Если раньше они не разрушали Православные храмы, а только грабили драгоценную утварь, ризы, если за убийство нашего попа они не щадили даже своих ордынцев, ломая им за это хребты, то теперь такие действия ставятся в заслугу. Убивший гяура, - то есть непочитателя Аллаха, а тем паче священника, почитается как герой. С советником из Тибета пришел небольшой отряд молодых батыров, «тигров», владеющих не только оружием, но и тайными знаниями, различными колдовскими приборами… Они умеют на расстоянии передвигать предметы, обладают недюженной силой. Их предводитель Челубей одной рукой лошадь поднимает. Побормочет что-то, закатит глаза, - одни белки красным огнем горят, - и поднимает… Хвалится, мол, все добрые и злые духи ему покорны…

- Это же – бесовщина! Разве другие христианские народы потерпят такое?

- И-и-и! – покачал головой князь Олег. - Христианские?! В тайных советниках Мамая – послы от ливонцев, литвинов, ляхов, тевтонов, шведов, галов,… Кого только нет! Они же отошли от Христанства. И наше Православие, если не желает подчиняться папе, считают они, лучше пусть исчезнет под копытами орды! Не понимают, что в этом случае, следующими станут они. Земля Русьская – щит для запада от востока! Здесь, конечно, они не носят своих белых плащей с красными крестами. Но это – дела не меняет… Я знаком со многими из них… Зато внутри орды – замятня! Заговоры зреют, как вишни в июле! Хан Тахтамыш ушел на восток. Мамай давно бы двинул свою орду против него. Но Москва – нож в спину. Потому и решил сперва покончить с нами. А жаль! Если бы он пошел на Тахтамыша, нам – передых. Да и не одолеет он его. В найме у Мамая – генуэзская тяжелая пехота. Все - в кованных доспехах. Пики – до трех саженей. Не думай! Я не пугаю, и сам не испуган… Просто рассказываю то, что знаю, дабы мы не были затигнуты врасплох. Мамай платит генузцам щедро. Значит на них делает серьезную ставку… Кроме того, сейчас заключаются военные союзы с косогами, яссами… Ждут Ягайло. Этим летом Мамай посылает Синюю орду во главе с Арап-шахом на Нижний Новгород. Но это – всего лишь разведка боем. Он не надеется, что старший брат пойдет против тестя… Но если такое случится, Арап-шаху велено убить старшего брата и других русьских князей, которые придут с ним. И в то же время Мамай узнает, сколько ратников может выставить Русьская земля, кто, тверичи ли, новгородцы ли, еще кто, – тайные союзники старшего брата. Мамай надеется, что мы посчитаем предстоящую битву главной… И выйдем на нее всей своей силой. Сам же он не пойдет. Хотя и громко обещается!

- Погоди! Но я полагал, что в отряде «тигров» - только чингизиды?.. – перебил я.

- Увы! Нет! Сейчас трудно разобрать, кто из них – потомок Чингизхана… Тахтамыш расположился дальше от правого берега Итиля. Он – чингизид. Сделать бы ставку на него… Но он может потребовать дань, какую мы блатили при Батые. А это – повторение ига. Так что, и он – опасный враг. И силы у него поболе, чем у Мамая может собраться… Хотя, как знать… Так вот, я полагаю, у него с Тибета не меньше бесноватых батыров, чем у Мамая.

- Что ты, князь, все - о бесах, да о бесах?! Напомни, когда планирует Мамай поход на Нижний. Летом?

- Летом. Только ты напрасно так мало внимания уделяешь духовной брани. А здесь, в орде, очень остро чуешь, что враг наш – не телесный! Ладно, оставим это. Передай все в точности. Митрополит Алексий уразумеет.

- Все передам. Мне еще велено спросить: остался ли в живых кто-нибудь из Джанибековичей? Если да, то я должен тайно вывезти его на Москву.

- Слава Тебе, Господи! – перекрестился князь Олег. - Ох, и намаялся я с ним! Молодой, горячий, - мести жаждет! Хоть – и отрок еще неразумный! Сколько ж раз перепрятывал я его! Соглядатаи Мамая все одно выходят на след! Их же, Джанибековичей, всех вырезали. Этот – последний.

- А не через прозрачный ли шар выходят они на след? – хмыкнул я.

- А ты откуда про него знаешь?

- Да уж знаю! Управители таким шарами и на Русьской земле появились. И - у Ягайлы…

- С нами Крестная сила!.. – перекрестился князь Олег

- Пайцза с Джанибековичем? – вернулся я к разговору.

- В том-то и беда, что нет! Сорвали, когда удавить пытались… Мальчонка-то тогда совсем малым был.

- Как мне его вывезти?

Князь Олег на несколько мгновений задумался. Пощипал свою бородку. Потом произнес: «Завтра Мамай спозоранку на охоту выезжает… Выйдем на воздух…»

Когда мы вышли, он достал кинжал и острием начертал на снегу: «Вот – дорога на Москву. От окраин Сарая через пять тысяч шагов вправо по ней – балка. В ней, за первым поворотом ждите. Я привезу отрока. Только, будьте там затемно… Мамай на юг уйдет. А вы - прямиком на Москву.»

Мы вернулись в храм.

- Все запомнил? – спросил князь Олег.

- А то! Только вот еще что: к Мамаю посольство от Ягайлы должно придти.

- Ах ты, друг сердечный! – хмыкнул князь Олег. - Старый лис… Так я и думал.

- Старший брат просил держать ухо востро! – закончил я свою думку.

- Тогда – поклон старшему брату. И да хранит тебя Господь!

- Князь Олег, - поклонился я ему в ноги, - Прости ты меня! Иудой тебя почитал…

Он усмехнулся: «Бог простит. И я – туда – же… Только есть ли на Русьской земле человек, кроме старшего брата, митрополита Алексия да игумена Сергия, кто не почитает меня таковым?! Нет! А что делать? Как увидел ладушку мою, да живулечек убиенными, да на колы посаженными, кровь взбурлила! Захотел всех их, поганых, резать, как делал это князь Евпатий Коловрат. Тут явился ко мне инок, словно в дымке какой, да говорит, мол, ступай, Олег, за грехи межусобиц твоих, отцов, дедов, Господь тебе другой крест назначил… Будешь в орде свое дело творить, дабы земля Русьская Святою стала. Устроили мы ссору с Димитрием Иоанновичем… Грешен в этом! Призвал нас тогда игумен Сергий, якобы примирить. Примирил на самом деле. Но все в келии своей наедине разъяснил. А под конец повелел поссориться всенародно. Я и плюнул Великому Князю в ноги. И ускакал в орду. Все видели! Так мне хотелось бить поганых… Но сейчас это пока невозможно! Ведь ежели бить, то - до конца! Либо - моего, либо - их! Вот и бью, как могу. Ты говоришь: на-а-арод! Меня, глядишь, еще не одно столетие Церковь наша Святая анафеме предавать будет… А я – Богу служу! Одно – у людей, другое – у Него! Он каждого оценивать будет. И судить. За ладу мою, за деток! За люд Рязанский невинно убиенный и сожженный! За всю землю Русьскую!»

На глазах у князя Олега стояли слезы. Он мотнул головой. Потом спокойно продолжил: «Кстати поедешь обратно - остерегайся воеводы Рязанского. Вот он – иуда. О собливо женки его стерегись. Та – вообще колдунья! Привез он ее с юга откуда-то… Народ бает, что она – из племени, которое Господа нашего Иисуса Христа на распятие приговорило…»

- Да уже знаю… Пришлось столкнуться, - опустил я глаза. Казалось, что слезы князя Олега передались мне. «Это ж надо! Такой подвиг на себя взвалить! Я бы не смог…» - сверкнула в голове мысль. А сам проговорил: «А для чего ж ты такого иуду в наместники и воеводы поставил?»

- Чтобы поганые поверили… Всем хорош наш люд рязанский! Ко-со-пу-зые! – любовно хмыкнул он. Но тут же нахмурился: «Одно плохо: сильно гордый! Мы, мол, московитов, кушаками перешибем! А зачем перешибать-то? Не лучше ль вместе, всем миром Русь Святую возводить?! Не мог я, - видать, по грехам моим, - достучаться до сердец своих рязанцев! Хотя и среди них есть те, с которыми Великое Княжество возводить можно. Мо-осков-ское! Но таких – мало! Все о тварном, земном пекутся! О своем! А свое-то без Русьской земли, - единой, - не сложится! Как это разъяснить людям-то? Вот и подумал, что воля Божия на то, чтобы и без набегов они иго почуяли. Прости меня, Господи… И ты, прости, Христа ради!»

Князь Олег перекрестился. Я тоже: за его здравие. Тут он встрепенулся, оглянулся на оружейника Нила и других, подал им знак и вышел из храма. Мы же отправились в свою мазанку. Все уселись за большой стол. Я повелел хорошо накормить с вечера коней. Объявил: «Сейчас всем – спать. Кроме сторожи. Затемно уходим.»

Но в это время в мазанку вошел иеромонах.

- Что ж это вы, братия, не сказали, что к иуде Рязанскому приехали? У него женку с детками поганые погубили, игумен Сергий пытался его с Великим Князем примирить, а он все одно орде прислуживает… Как же так можно? Кровь рязанских мучеников вопиет на небо об отмщении! Впрочем, что это я?! Скажи мне, кто - твой друг, и я скажу, кто – ты… Посему, простите меня! - поклонился он в ноги, - В ночь выгонять вас – грех. Не буду. Но друзей иуды держать на подворье тоже не могу. Завтра поутру поищите себе другое пристанище… Прости меня, Господи!

Он развернулся и вышел.

- Слава Богу! – улыбнулся я. И, вскочив с лавки, перекрестился на святые образа. Князь Герасим, Афанасий, Ивашка, ратинки смотрели на меня с недоумением.

- Ну что зыркаете? – весело вскинулся я, - Дело-то – Великокняжеское!

Они перекрестились. Двое встали в сторожу. Осталные повалились на лавки.

…Утром, когда мы уже вышли из Сарая, со стороны дворца послышались гиканье, крики, звуки рогов. А с Ураковой горы к реке потек огненный змей факельщиков.

- Как бы не припоздать! – мотнул я головой. Князь Герасим понял и пришпорил коня. За ним последовали и мы, все остальные. В балке на удивление снег был неглубоким. Создавалось впечатление, что он преднамеренно утоптан. Какое-то сомнение овладело мной…

- Князь Герасим, - крикнул я, проскакав вперед всех десятка два шагов, - Давайте-ка, все накиньте белые полотна на себя. Ивашку с конями – подальше, в балку. А сами – наверх. Схоронитесь в снегу. Держите ухо востро!

- А ты? – покрутил головой князь Герасим.

- Если с нами – Бог, кто – на ны! Но береженного – Бог бережет. Исполняй!

Только они скрылись, раздался топот коней. Появился князь Олег с полусотней своих людей. Все остановились шагов за тридцать, а он подъехал ко мне: «Что ж ты – один? Смущает, что снег утоптан? Здесь наши часто собираются для решения своих вопросов. Так что, не волнуй сердце!»

- Спаси Господи, - ответил я.

- А вот – наш Джанибекович. - показал князь Олег на отрока, молодецки сидевшего на низкорослой ордынской лошадке.

- Он – в доспехе?

- Как положено… Оружием владеет. Крещеный! Ну, давай, брат, с Богом! А мне еще надо успеть мамаеву охоту догнать…

И князь Олег развернул коня. Скоро топот полусотни затих. Мои ратники скатились по склонам балки к нам.

- Ух ты! – выдохнул Джанибекович. А потом разочарованно протянул: «Цзы-цзы-цзы… И это – вся твоя свита?!»

- Знаешь, что, отрок.., - начал было я.

- Великий хан! – перебил, подбоченясь, Джанибекович. Князь Герасим, Афанасий, ратники хмыкнули. А Ивашка даже громко хихикнул.

- Ну, хорошо, - скрыл я улыбку в бороду, - Великий Хан! Жить хочешь? Тогда придется подчиняться мне. Здесь, в пути, я – старший! И еще – князь Герасим. Придем на Москву, можешь рассказать своему крестному отцу. А пока будешь слушать каждое мое слово! В друзьях у тебя будет Ивашка. Уразумел?

- До Москвы! – кивнул Джанибекович. И тут же городо выпрямился в седле: «Возвращу престол Великого Хана, отблагодарю тебя, кинязь.»

«Балованный отрок!» - подумал я, пришпорил коня, и мы поскакали в сторону Москвы. Только к вечеру показался первый перелесок вдоль какого-то ручья, протекавшего в глубокой балке. Мы спустились в нее. Развели костер. Князь Герасим с двумя ратниками поднялись по дорогу, объехали вокруг нашу стоянку, посмотрели: насколько мы заметны.

- Видны мы будем только со дна балки, и то – шагов за пятьдесят, - спешился князь Герасим, - Там и встанет сторожа.

Ратники варили постную похлебку. Рыба, как оказалось, была забыта в Сарае.

- Цзы-цзы-цзы! – потянулся Джанибекович, - Баранинки хочется!

- Ты что ж, нехристь что ли? – снисходительно улыбнулся Ивашка.

- Я?! – вскочил Джанибекович, - Я – Великий Хан! Поэтому – крещенее всех вас!

- Э-э-э! Отроки! – прикрикнул князь Герасим!

- Пост сейчас! Ве-ли-кий! – продолжал Ивашка. - Грех – скоромное вкушать! Мясо, молоко, яйца, сметану… На рыбу мы благословлены, как путешествующие. Но ее нет!..

- А кобылье молоко? – недоуменно дернул головой Джанибекович.

- Так молоко – оно и есть мо-ло-ко! Скоромное! – захохотал Ивашка.

- Ты где жил-то все эти годы? – спросил ордынского царевича князь Герасим.

- У разных людей. - потупился тот.

- Ну вот, Бог даст, теперь у Великого Князя в палатах жить будешь, - вступил в разговор Афанасий, - Подрастешь. Коли служить будешь исправно, Великий Князь отчинкой наделит… А там, глядишь, женишься, детки пойдут…

- Я в орду вернуться должен, Мамая убить! Великим Ханом стать! - возразил, дернувшись, отрок.

- Ты же – христианин! – вскинул брови князь Герасим.

- Ну?..

- Не «ну»! А месть – тяжкий грех! – опять произнес Афанасий.

- А отца моего убить, мать, сестер, братьев, других жен отца с детьми – не тяжкий грех? – горячо возразил Джанибекович.

- Тяжкий! – вздохнул староста. - Но убийцы – нехристи!

- А ты помолись! – поддержал Ивашка, - Если мама твоя – христианка, да еще мученическую смерть приняла, Господь, может быть, и смилостивился: поместил ее в раю.

- В раю.., - поначалу пожал плечами Джанибекович… И вдруг, словно вспомнив, радостно кивнул: «В Раю!»

- Ну вот, и помолись Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он благоволил тебе встречу с мамой. - наставлял Ивашка. - Я сорок дней по сотне поклонов, - земных! – ежедневно клал. Молился. И Господь устроил мне встречу с моей мамой, которую ордынцы убили…

- Так у тебя тоже?! – Джанибекович, всем телом подавшись вперед, участливо посмотрел на Ивашку. - И что же мама тебе сказала?

- А сказала она, чтобы я Великому Князю служил, Церкви нашей Святой! Верой и правдой! Этим и спасусь! – гордо выпрямился Ивашка. На губах его еще оставалась улыбка, но на глазах уже стояли слезы.

- А как ты думаешь, что мне моя мама скажет? – задумчиво спросил Джанибекович.

- И-и-и, милый! То – лишь Богу ведомо! Кто ж, окромя Его, твой путь земной разумеет?!

- Да-а-а… Так и поп русьский говорил, который к матери ходил и мне что-то сладкое давал… Как это? При.., при… Да-да! Причастие! Я тогда совсем маленьким был. А видишь, однако, помню!

- Так, ты, что ж, с тех пор совсем не принимал Святых Таин, не причащался? – даже привстал Афанасий.

- Нельзя мне было открыто показываться! У Мамая и псов его – всюду соглядатаи… Нет, погоди… Один раз, когда простудился, год назад… Лежал я без памяти, и, вроде как, видел попа… И тот дал мне Причастие… Когда стану Великим Ханом, каждый день причащаться буду! А тебя, Ивашка, назначу своим главным советником!

Тут, уже в открытую, засмеялись все. Афанасий, помешивающий похлебку, медленно, с расстановкой, молвил: «Плох тот ратник, что не желает стать воеводой! Только для этого еще повоевать надобно. А ратному делу – опять же, учиться. Тебе, Джанибекович, сынок, научиться доброму можно только на Москве!»

- А у немцев, ляхов, шведов, галлов, китайцев, иудеев? Учиться? – вдруг спросил отрок. Все недоуменно переглянулись и притихли.

- Эвон, что ты ведаешь… Ну, да нам сие неинтересно, - мотнул головой Афанасий, - Только чему ж ты у них учиться захотел?

- А мне – очень интересно! Китайцы в орде машины делают камнеметательные! Такие красивые! А как они стены рушат! Немцы железо знатное умеют плавить, - для доспехов, мечей… Ляхи – рукоятки делают для этих мечей… А иудеи, так те все это даже через русьские земли хитро провозят, - не одна сторожа не доглядит! В бочках для ромейского вина! Тут один бахвалился. Его весь Сарай знает: Некоматом зовут. Так вот, он все-таки везет роммейское, - в каждой десятой бочке. Угощает, говорил, даже русьскую сторожу. Теперь его и не досматривают… Еще говорил, что Христанский Бог – их самый главный враг! Даже, - что нет Его совсем. И что христианские племена надо вырезать. Сейчас в орде всяких иноземцев – видимо-невидимо. Многие даже в коннице или пехоте служат. Да ордынских батыров обучают всяким премудростям ратного дела…

- Где ж ты все это слышал? – опять мотнул головой Афанасий.

- Где-где? Что на базаре, что на улицах… Об этом в Сарае все говорят… А значит, – и во всей орде! Люди-то, у которых я прятался и на базар ходят, и по улицам… Вот я и слышал, как они промеж собой говорят.

- И что ж, все хотят резать христиан? – спросил князь Герасим.

- Нет! Немцы, галлы, ляхи, шведы не очень хотят… Сами же – христиане… Но им же щедро платят! Они вынуждены! А вот у китайцев, да у пришельцев с Тибета слюньки текут на русьские земли.

- Мудер ты, Джанибекович! – оторвал взгляд от котелка с похлебкой Афанасий.

- Что ж делать?! Великоханская кровь! Я – чингизид! – гордо вздернул подбородок ордынский царевич.

- И горд чрезмерно! – с доброй улыбкой добавил Ивашка, - А гордыня – смертный грех!

- Ах ты! – кинулся на него Джанибекович. И они, шутя, принялись бороться в снегу. Все мы, улыбаясь, наблюдали за отроками. Ивашка явно поддавался. А я подумал: «Ну вот, не хотел, чтобы не искушать, говорить ратникам о многом, что узнал от князя Олега, так они узнали от отрока… Истина глаголет…».

- Так нечестно! – вскочил Джанибекович, - Ты поддаешься! Надо - в полную силу!

- Тебе сколько лет? – спросил, тоже поднявшийся, Ивашка.

- Двенадцать!

- А мне – пятнадцать. Вот и разумей! Поддаюсь как раз для честности! На три года! Вот и считай!

Все опять засмеялись. Джанибекович махнул рукой и снова сел на бревно. Ближе к ночи мы, доев похлебку, расширили костер. Когда он прогрел землю, сдвинули горящие бревна и угли, образоваов из них круг. А в середину наложили веток, постелили свои плащи. И, наконец, улеглись в центре горящего круга рядышком, словно на печке.

…Настораживало то, что путь наш проходит без искушений. Но я успокаивал себя наличием креста-мощевика на груди. Через несколько переходов я увидел перелесок, где нас должна ждать пронская сотня. Но дозорных почему-то не было…

- Княже! – вдруг окликнул меня Ивашка. Он указывал на торчащую из-под твердого, слегка истончавшего, замаслившегося наста руку в кольчужной перчатке. Я спрыгнул с коня. Разгреб снег. По ним лежал русьский ратник… Все сняли шеломы, подшеломники, перекрестились: «Упокой, Господи душу раба Твоего, святое имя которого Сам ведаешь. Прости ему все прегрешения вольные и невольные и даруй Царствие Небесное…»

Я стоял в нерешительности, изредка поглядывая на князя Герасима.

- Ждут нас где-то здесь, - тихо проговорил он. И, обернувшись к ратникам, позвал: «Васек, Гриша! Быстро – до перелеска! Только осторожно! И сразу - обратно…»

Те ускакали.

- Ну, что, князь Герасим? – спросил я.

- Сдается мне, кто-то предал нас… Или узнали еще откуда-то… Поганые опередили… Их – немало, если пронскую сотню всю порубили… Да еще и - в перелеске… Он-то – защита, как-никак…

- Узнали… Откуда-то, - повторил я в раздумье. А сам вспомнил о прозрачных шарах: «И-эх! Как же я не начертал кресты на склонах балки при встрече с князем Олегом?! Но тогда и ему грозит опасность!.. Иеромонах предать не мог… Нил с мужиками – тоже… Остается одно, действительно – шар! А может быть, они искали только Джанибековича? Да-да-да! Именно его!… Что же делать? Господи, вразуми!»

Дозорные уже скакали обратно. Лица их были бледны.

- Все порублены и постреляны. До единого. В некоторых – по две стрелы. Для верности! - выдохнул один из них.

- Значит, засада – дальше… - раздумчиво пробормотал князь Герасим.

- Дозвольте, князья? – спросил один из ратников.

- Молви. - кивнул я.

- Надо уходить направо, на Нижегородскую дорогу. Туда – переходов пять, не больше. Я знаю. Ходил.

- Здесь сворачиваем? – спросил князь Герасим.

- Нет, - покачал головой ратник, - надобно вернуться на полперехода. Там – река. Пойдем по льду. Вдоль берега, где скоро расстает. А может быть, и уже вода вытупила на лед… Потом будет легче, – по лесу.

- Впереди – засада. Сзади может быть погоня… - начал, было, я…

- Именно! Может быть, а может и не быть этой самой погони. А то, что впереди засада – точно! Тебе решать! – отвернулся князь Герасим.

- Добро. Из двух зол… Возвращаемся на полперехода, - кивнул я. Мы так и сделали. Тяжеловато пришлось: где-то шли прямо по льду, где-то по уже оттаяшей воде. Коням приходилось смызывать нижние части ног гусиным жиром, который оказался у каждого ратника. А вот я о таком и не ведал! Век живи, век учись! Но, как и обещал ратник, скоро мы вышли на нижегородскую дорогу. В первом же посаде выспались. Попарились в бане. И снова двинулись в путь…

Хотел я сделать остановку в Боголюбове. Но Бог не дал. В монастыре я узнал, что дядя уехал к преподобному Сергию в Лавру… А других поводов останавливаться в Боголюбове не было. Зато большой привал мы сделали в Володимире. Все вместе сходили на Божественную Литургию в Успенский собор. Я заказал панихиду по Елене, другим ближним, по убиенным пронским ратникам. Отслужили мы и молебен о здравии своих сродников, соратников, Великих Князя, Княгини со чадами. Князя и воеводы Володимирского в городе не было. Наместник же сам не навязывался. Но выполнял любое желание. А вот Джанибековичу пришлось поскорбеть! Ему строго-настрого было наказано не выходит из наместничьих покоев. Зато Ивашка таскал ему пряники, сладких петушков, сушеную репу в меду. А уж рыбы из Клязьмы мы наелись до отвала.

…Дорога на Москву была многолюдна. Шли по две-три подводы и целыми обозами. Володимирские мужики шутили, смеялись, угощали нас, - служивых! всякой постной всячиной. В Юрьевце, Усаде, Покрове прежде, чем отправиться в дальнейший путь, мы заказывали в храмах Божиих благодарственные молебны… И скоро впереди победно блеснули кресты на куполах церквей и соборов, белым камнем на солнце засветились башни и стены Московского кремля. «Слава Тебе, Господи, что лишний раз не пришлось обнажать оружия! – улыбнулся я своим мыслям, - Слава Тебе, Господи, что послезавтра, если Ты соизволишь, встретим Светлое Христово Воскресение!»

И тут я вспомнил слова оружейника Нила о том, что все мы куем одно оружие… Значит, его еще придется обнажить!.. До главной битвы!.. Но теперь меня ждали дети и княгиня Алла!..

Какой Покаянный Канон?! Какое Священное Писание?! Какие Деяния Святых Апостолов?! Дома я даже не нашел сил раздеться. Так и плюхнулся на диван! И мгновенно заснул… Но, показалось, через мгновенье телефонный звонок разбудил меня. Я перекрестил аппарат, и он замолк. Но и заснуть снова я не смог. Мысли жужжали, словно пчелы, но улетали безследно, как только я пытался сосредоточиться на них. До утра я то проваливался в дрему, то пробуждался. Какие-то картинки, суть которых не мог уловить, безпрестанно мелькали в мозгу. Наконец-то я устойчиво поймал одну. Кошка, похожая своей мордашкой на Татьяну, поначалу ласкалась ко мне, терлась о руку, а потом вдруг укусила ее! Да так больно!

Я открыл глаза. Посмотрел на руку… И укус, явственно видный поначалу, исчез. Однако, рука все-таки болела. «Привидится же! – мелькнула мысль, - Должно быть, отлежал». Я снова погрузился в дремоту. Но тут взорвался будильник.

«Ну, вот тебе и Утреннее молитвенное правило, и Святое Евангелие, и Деяния Святых Апостолов..,» - издевалась мысль. Я мотнул головой, отгоняя ее. Душ, крепкий кофе, сухое печенье взбодрили. До выхода из дома еще оставалось десять минут. Лоджия приняла меня в свое свежее пространство для перекура. «А вот на Великий пост можно было бы и курить бросить… Или хотя бы сократить количество сигарет!» - опять съехидничала мысль…

В лифте, как назло, я оказался вместе с соседом со следующего верхнего этажа. Он, рафинадно улыбаясь, поздоровался и проговорил: «Давно мечтаю познакомиться с вами, молодой человек. Вы, простите, в каком управлении служите?»

- Простите и вы меня. С кем имею честь?.. – спросил я, лихорадочно думая, как бы не подвести Святослава.

- Вот – мое удостоверение… - вынул и равернул он красную книжечку. И тут же убрал во внутренний карман.

- Простите меня, - я даже не успел прочитать, - Но мое начальство не давало «добро» отвечать на подобные вопросы без его особого разрешения.

- Ох! Мы – такие секретные! – хмыкнул он. «Господи, помилуй!» - шевельнул я языком при сомкнутых губах. Лифт остановился, и мы с ним друг за другом вышли на улицу.

- Может быть, я подвезу вас? – указал он на черную «Волгу», стоящую у подъезда.

- Спасибо, мне – в другую сторону. - слегка наклонил я голову. И подумал: «Вот уж пост – так пост! С самого вечера – одни искушения! «Надо вернуться! – возникла другая мысль, - Взять молитвослов и Великий Покаянный Канон».

Через пять минут я снова был на улице, прошел по подземному переходу и впрыгнул в троллейбус. Примостился на задней площадке, вчитался в Утреннее правило и… проехал свою остановку.

…На крыльце отдела меня ждал Василько.

- Начальство не опаздывает, а задерживается? – не очень по-доброму заметил он.

- Да, понимаешь… Открыл в троллейбусе молитвослов… - начал, было, я…

- И проехал свою остановку. - закончил он уже раздраженным тоном.

- Что с тобой сегодня? Великий Пост? Нападение вражье? – не ожидая от себя таких слов, вдруг спросил я. Василько поглядел внимательно на меня, потом себе под ноги, встряхнул головой: - Ох! Прости, брат! На Николая и Марию с утра нарычал… Теперь – на тебя… Враг путает! Прости!.. Кстати, в отдел звонили из Главного вычислительного центра КГБ. Интересовались тобой… Говорили, мол, ты – толковый инженер… Мол, хотят взять тебя туда на работу… Я – только от нашего подполковника…

- Так! Началось! Пошли! – скомандовал я ему, чувствуя, что кровь ударила мне в лицо. И, даже не постучавшись, толкнул дверь в кабинет начальника отдела.

- Разрешите! – утвердительно сообщил я. - Товарищ подполковник! Вам звонила женщина из Главного вычислительного центра КГБ? Мы с ней – в близких отношениях. Но сейчас – в ссоре. И она, - дура такая! – ищет повода помириться подобным образом. А заодно – и приключений на свою голову. Я очень прошу вас: не звоните ее начальству! Это ведь хорошим для нее не кончится.

Начальник отдела внимательно поглядел на меня. Вдруг улыбнулся и кивнул головой: «Верю, Александр. Ты – мужик завидный! А баба, она и в Африке – баба… Я попросил ее перезвонить. Как, говоришь, ее зовут? Татьяна? Позволь, я по-отцовски поговорю с ней?»

- Только не позорьте ее, товарищ подполковник! У нее дедушка – заслуженный чекист, - улыбнулся я в ответ.

- Ладно-ладно! Идите, работайте! – кивнул он. И вдруг тихо, словно для себя, добавил: «Хоть живые люди, а не роботы в отделе стали появляться… Это я – не вам… Идите, работайте.»

Мы с Василько тихонько вышли из кабинета. День прошел опять за шахматами, разгадываением кроссвордов, перечитыванием старых журналов. Только в час дня оперативные дежурные, празднуя какой-то юбилей одного из них, попросили Василько посидеть за пультом. Он после их ухода негромко почитал Великий Канон, Псалтирь, Святое Евангелие и Деяния Святых Апостолов. И странно, - в это время никто даже не заглянул в «дежурку»…

Дни Великого поста летели ласточками. Татьяна больше не звонила. Я ей – тоже. Женю, Валеру, Володю решил не безпокоить, чтобы самому не «сорваться» в какой-нибудь общий грех. Встретился с Анимаиссой. Она дала несколько редакционных заданий. Я легко выполнил их. Но самое главно, - я успевал молиться, вычитывать все правило, данное мне отцом Валерием. И это было не в тягость! Стал прекрасно спать ночами и уже бояться, - не отступился ли от меня Господь, устроив столь спокойную жизнь… Вечерами я читал «Жития святых в Земле Российской просиявших», изданные в Джарданвиле…

Наступил Великий понедельник. Рано утром позвонил Женя: «Мне очень нужно с тобой встретиться. Это – в твоих интересах. Давай, сегодня, в половине седьмого, у входа в ЦДЛ. Лады?»

Ну что мне было ответить?! Вечером, в назначенное время, я стоял перед большими дубовыми дверями с витыми, начищенными, литыми латунными ручками. Женя появился, как всегда, неожиданно.

- Ну, как ты? – спросил он. - Давненько не звонишь… А между прочим, через месяц у одного народного драматического коллектива в Москве – юбилей! 50 лет! Пойдем, выпьем пивка, потолкуем. У меня есть пригласительный билет на сегодняшний вечер авнгардиста Иртышева. Но от его стихов не пива хочется, а… - наоборот!

- Красивая фамилия! И что, – настоящая?

- Ты, похоже, первый день родился на свет! – хмыкнул Женя. - Они давно все стали ивановыми, сидоровыми, евтушенками, вознесенскими, иртышевыми… Скоро нам, чтобы хоть чем-то от них отличаться, придется брать псевдонимы каких-нибудь гельдельвейзеров…

- Ты, по-моему, сегодня как-то агрессивно настроен?! – в тон ему произнес я.

- Наоборот, очень миролюбив! Ты меня еще в антисемитизме обвини! А лучший друг у меня – Володя Шкапский! Он не позволит!

- А он что, - тоже? – я искренне удивился. И вспомнил, что никогда не задумывался над этим: «Ведь – отличный мужик!»

- То-то и оно! У любого народа есть замечательные люди, а есть и подонки!… А вот – и наш Володя! – махнул рукой Женя знакомой, энергично приближающей фигуре.

- Ну, что, старички, заждались? Давненько я, Саша, тебя не видел, не слышал… Как сам-то? – Шкапский по очереди обнял нас.

- Да так, как-то… По командировкам… То – в Минск, то – еще куда, - наполовину соврал я.

- Ну, тогда пошли на вечер этого дебила от поэзии. - хохотнул Володя.

- А почему «дебила»? – мотнул я головой, совершенно не зная стихов Иртышева.

- Да потому что у него – унитазная поэзия! Такие стихи можно километрами писать на рулонах туалетной бумаги… Ладно, это уже - другой разговор. Пошли пиво пить, - взял нас под руки Володя.

- А оно не прокиснет от стихов Иртышева? – хохотнул Женя. - Вечер-то – в большом зале! А тот – как раз над «гадюшником»!

- Как вы можете так говорить о собрате по перу?! - вдруг откуда-то сбоку вмешалась в наш разговор худенькая девушка, - Это же – авангард! Продолжение Бодлера, Камю!

Она, очевидно, ожидала кого-то. И, случайно услышав наш разговор, возмущенно краснея, отбивала свои слова по воздуху кулачком.

- Девушка, простите, - серьезно взглянул на нее Володя, - А вы по утрам умываетесь из умывальника или из унитаза? Вот-вот… У поэзии, милая, как и у всей человеческой жизни существуют свои законы. Дважды два – это четыре! И никак уж - не три, и не пять!

- Вы просто боитесь, что такие, как Иртышев, открывающие еще пока неведомые человечеству законы поэзии, отберут у вас путевки в дома отдыха и санатории Союза писателей, очередность на квартиры улучшенной планировки, машины, спецпайки! Да-да! А вы – просто последователи таких недоумков, как Тихонов, Демьян Бедный и иже с ними!

- Не-е-ет, Женя, ты только послушай, как она смело и бездоказательно говорит! А вы, девушка, знаете ранние стихи Николая Тихонова? – Володя даже слегка покраснел.

- И з-з-знать не желаю! Он предал Николая Гумилева! И за это предательство стал способен только на дебильные, как вы изволили несправедливо оскорбить настоящую поэзию, поэмы типа «Весна в колхозе «Коммунар»… Можете хоть сейчас, как это делал ваш Фадеев, вызывать наряд КГБ, чтобы арестовать меня! Я от своих убеждений не отступлюсь! Вызывайте! Я буду в зале, на вечере Игоря Иртышева!

И она, взяв под руку только что подошедшую такую же худенькую девушку, вошла в тяжелые двери ЦДЛа.

- Хор-р-рошая моледежь растет! Смелая! – хмыкнул Володя. - Ей бы еще в политике и в истории разобраться!

- Юношеский максимализм! – покрутил головой Женя, - Ей бы – замуж! Детей рожать и воспитывать, а не спорить со старшими! Ладно, пошли, наконец, пиво пить!

Когда мы уселись за столик, уставленный бутылками пива, я все-таки спросил: - А кто этот Тихонов? Если честно, то я не знаю такого поэта… Ну… Демьян Бодный…

- Не к ночи будь помянут, - засмеялся Женя, - Сергей Есенин так врезал ему:

- *… И не чета каким-то там Демьянам!*
Хотя бываю иногда и пьяным…

- *Зато в глазах моих - прозренья дивный свет…* - продолжил Володя. Потом серьезно добавил: «А Тихонов… Это – отдельный разговор. И нешуточный»…

- Вот этот хмырь к тебе приставал? – услышали мы сзади голос. Обернулись. Перед нами стояли человек семь молодых людей в ярких, по расскраске похожих на женские, кофтах, с какими-то шарфами на шеях, в недешевых джинсах и с одинаково удлиненными волосами. Две девушки, встреченные нами у входа в ЦДЛ, жались к центральному из них. Он и спрашивал. Тонкий нос, удлиненные черты лица, ярко обозначенные контрастностью глаза, брови, губы, зачес волос назад, одним словом, - смесь детскости, женственности и мужского естества вызывали недоброе гротескное чувство.

- Да-да! Это они оскорбили меня, оскорбив стихи Игоря Иртышева! – кивнула недавняя наша собеседница. Молодой человек, - а был он в явном подпитии, - схватил с ближайшего стола бутылку из-под пива. Люди за столами застыли в недоумении…

- Хочешь, чувак, у тебя на могиле будет эта «розочка» цвести? – спросил он Володю и ударил толстым концом бутылки об угол того же стола. Дно откололось. «Гадюшник» одновременно выдохнул…

- Я же тебе за Игорька кадык зубами вырву, - цедил молодой человек, словно старослужащий в плохом взводе. Хотя было видно, что в армии он еще не служил. Да и вся речь его была какой-то показушной, искусственной, наносной, услышанной где-то и украденной… Я встал перед Володей. И заговорил медленно, неведомо откуда взявшимися словами: «Юноша! Вас лечить надо! У вас - комплекс вседозволенности…»

- Я сейчас тебя вылечу! – попытался пырнуть он меня «розочкой». Но бутылка отлетела в угол, а он – под стол… Появились милиционеры… И скоро мы сидели в «обезьяннике» 98-ого отделения милиции. «Вот тебе – и Страстная седмица!» - вспыхнула в моем мозгу мысль. А Володя встал с лавки и обратился к дежурному старшему лейтенанту: «Согласно Международному праву, я могу сделать один телефонный звонок».

- Можешь.., - процедил тот и просунул аппарат сквозь решетку.

- Сергей, - набрав номер, прокричал в трубку Володя, - это я, Шкапский… Мы - в твоем отделении… Задержаны…

- Что-о-а? – даже мы услышал рев в трубке. - Сейчас буду!..

- Вы, простите, кому звонили? – вдруг улыбаясь, спросил старший лейтенант.

- Вашему начальнику. - устало ответил Володя и опустился на лавку.

- А я?! А мне… Мне тоже… Надо позвонить.., - взвизгнул несостоявшийся автор «розочки», поддерживая подбородок.

- Не могу отказать, - ехидно взглянул на нас старший лейтенант.

- …Папа! Тут меня в отделении милиции убить хотят! – крикнул молодой человек в трубку, - Приезжай! Где-где? На Качалова… Какой я пьяный! Бутылку пива всего…

Девушки недобро взглянули на него. А я – на свой кулак, который все еще кровоточил… Дверь в отделение громко распахнулась. На пороге стоял молодой подполковник милиции.

- Та-а-ак! – только и сказал он. Все милиционеры вскочили, вытянулись по струнке. Старший лейтенант кинулся, нахлабучивая на ходу фуражку, докладывать скороговоркой: «Товарищ подполковник! За время моего дежурства…»

Но тот отстранил его. Повернулся в сторону «обезьянника». Удивленно вскрикнул: «Володя!..»

Потом резко повернулся к дежурному: «Открыть! Выпустить вот его… Володя, кто с тобой?.. И этих! Ко мне в кабинет! И ты… И вы… Каждому из них – по бутылке коньяку! Берите там… у таксистов… Или еще где… Дежурная смена, называется! Протоколы - все ко мне на стол!»

- А этих?.. Молодых? – растерялся старший лейтенант.

- Погодим... Володя, ты прости! Этот старлейт недавно у нас! Не знает еще ЦДЛа… - говорил подполковник, обнимая Шкапского за плечо и ведя с собой. Мы с Женей двинулись, было, за ними. Но в это время снова хлопнула входная дверь в отделение. Мы обернулись. На пороге стоял пожилой, но моложаво бодрый мужчина в дорогом, тонком, демисезонном полупальто с маленьким корткошерстным пыжиковым воротником.

- Так! Где начальство? – подошел он к дежурному. Снял тонкие перчатки, достал красную книжечку, - Я – депутат Верховного Совета СССР Погодин. А вы за бутылку пива задержали моего сына.

- Я – начальник отделения, - вернулся назад подполковник, - и в протоколах зафиксировано, что ваш сын хулигански вел себя в Центральном Доме литераторов, грозился убить члена Правления Союза Писателей Московской писательской организации, редактора газеты. Разбил бутылку и угрожал «розочкой». Все, сидевшие в это время в кафе, засвидетельствовали это…

- Да ты знаешь, подполковник, с кем ты разговариваешь?! Ты у меня завтра лейтенантом будешь! – перебил его «пыжиковый».

- Папа! Он все врет! – взвизгнул из-за решетки сынок.

- Денис! Ты что? Это же – правда! – вмешалась истерично одна из девушек.

- Молчи, сучка! – чуть ли не уголовным жестом замахнулся на нее кавалер.

- Если что, рассадить их… - кивнул старшему лейтенанту на «обезьянник» начальник отделения.

- Ладно, подполковник, давай, как говорят в Одессе, разойдемся красиво! Ты отдаешь мне сына, рвешь протоколы у меня на глазах, а я не говорю о твоей карьере завтра на службе. Не буду безпокоить твое начальство. Ну… И с меня – бутылка хорошего коньяка! – наклонил набок голову «пыжиковый».

- Товарищ подполковник, – вдруг вступил в разговор Володя, - а может быть, позвоним Саше Абрамову из «Московского комсомольца»? Он – специалист по теме «высокопоставленных» сынков. Мигом приедет! Зато какой фельетон получится…

- Товарищи! Товарищи! – откинул голову назад «пыжиковый». - Это – не координальное решение вопроса! Все мы были детьми! Мальчик еще – несовершеннолетний. К тому же, он – на учете в психоневрологическом диспансере! Его мать – сердечница! Вы понимаете, какие могут быть последствия? Это может убить ее. Проявите гуманизм!

- Так ты, Денис, - псих? – прыснули обе девушки.

Подполковник опустил голову. Подумал.

- Ладно, - проговорил он, наконец, - придем к обоюдовыгодному решению. Вы заберете своего сына. Под расписку. Но прежде, дежурный оформит все документы. По правде. Они полежат у меня в сейфе. И даю слово офицера: если вы не начнете компании против моего отделения, они там так и останутся. Будут они лежать без движения и до первого посещения вашим сыном Центрального Дома литераторов. Чтобы там его больше никто не видел… Согласитесь, мне нужны реальные гарантии.

- Вы – мудрый человек! - всплеснул руками «пыжиковый». - А другие дети?

- А что? Другие – тоже ваши? – усмехнулся подполковник.

- Нет! Но они – друзья Дениса!..

- Я ему – больше не друг! - вскинулась девушка, из-за которой весь сыр-бор разгорелся, - Вот дура-то! В кого влюбилась! В психо-неврологического!

- Девушка! Вы бы помолчали сейчас! – одернул ее подполковник. И повернулся к дежурному: «Панкратов! Оформляй документы на юношу».

- А этих куда? – кивнул тот на остальных.

- Пусть до утра посидят… У них нет состава преступления. Но в ночь отпускать – тоже опасно. Кстати, проверь-ка их по ЦАРБ…

- Спасибо, товарищ подполковник. - совсем по-другому заулыбался «пыжиковый» и прикрикнул на сына: «Обормот! Ты бы хоть поблагодарил товарища начальника отделения.»

- Спасибо, - буркнул тот. Он сидел один на длинной лавке, тогда как остальные молодые люди теснились напротив. А мы с начальником отделения поднялись на второй этаж, в его кабинет. Он достал из стенного шкафа стопочки, бутылку коньяку.

- Ну что?! Ввязал ты меня, Володя, в историю с Верховным Советом! Этот «козел» на все способен! Но я, слава Богу, подстраховался… Да и ты вовремя про Абрамова вспомнил… Вы что ж, думаете, у сынка-то – справка из психдиспансера настоящая? Купленная! – повысил подполковник голос, наполняя стопочки, - Вырастил наш депутат потенциального бандита! Лови его потом! Сколько я таких брал… Отсидят после убийства годик-другой в психушке с телевизором и телефоном, а потом – домой! И – снова за старое…

Он нажал кнопку на селекторе и крикнул: «Мне принесет кто-нибудь четыре бутерброда или нет?!»

Через минуту в дверь постучали. Вошел сержант с подносом, на котором благоухали чашки с кофе, а на тарелочках красовались бутерброды с икрой, семгой, сыром и тонко нарезанным лимоном.

- Из ЦДЛа! - кивнул подполковник на них. А я облегченно вздохнул про себя: «Слава Богу, что - не с колбасой!»

Сержант из кармана брюк достал бутылку коньяка и обратился к нам: «Мужики! Вы уж простите! Мы ж не знали, что вы – свои…»

- Иди! Служи! – кивнул ему подполковник.

- Да я что? Я – ничего! – пожал плечами сержант. Щелкнул каблуками: «Разрешите идти?»

- Я же сказал: иди, - улыбнулся подполковник. А когда тот вышел, тихо добавил: «Хороших орлов я себе подобрал. Опыта, да грамотешки пока маловато… Но это – дело наживное… Когда ж в нашей державе этот бардак закончится?!»

Мы обгоняли обозы, груженные ивовыми клетками с живой птицей, окороками и целыми тушами, горами уже попаленных, лоснящихся на солнце жирком гусей, кур, уток, бочками со сметаной, творогом, яйцами, медами. Рядом гнали стада овец, свиней, коров, телят… В голосах возниц уже звучало веселье. И солнышко, казалось, светило ярче, готовясь к Великому Празднику праздников. Почки на деревьях набухли: вот-вот лопнут. На проталинах кое-где уже пробилась свежая, так радующая глаз, травка. Кочки сверкали подснежниками. Казалось, весь мир ожидает Вселенского Праздника, весь мир готов воскликнуть самое ценное в жизни земной и вечной*: Христос Воскресе!* И весь мир ведает, что и ему предстоит воскреснуть.

«Как там Георгий, Ольгушка? – думалось мне, - Как там Алла? Поди, приняла Святое Крещение?! Вот – радость-то!

- О чем задумался? – заражась общим предчувствием Праздника, хлопнул меня по плечу князь Герасим. - Дома мы уже! Разумеешь? До-о-о-ома! Хоть бы Светлую Седмицу никуда не послали! И-и-эх! Разговеемся! А, князь Ляксандр? Ты ж, давай, заходи! Со всеми своими! С домочадцами! Как-никак, а пуд соли мы с тобой уже вместе съели! А?

- Первым делом – в храм! – крикнул кто-то из наших ратников сзади, - Молебен благодарственный заказать надобно за благополучное возвращение! А?

- Дело! – поддержали его другие.

- Добро! – обернулся к ним князь Герасим.

Джанибекович уже не скрывал лица. Его узкие темные глаза округлились. Он даже сорвал с головы шапку, сползавшую на них.

- Шею свернешь! – засмеялся Ивашка. - Что, Сарай-то, поди, похуже будет?

- Нет, не похуже, - задумался царевич, - Просто Сарай… Он какой-то собранный весь из чужого, разного… Как халат, сшитый из лоскутков… А здесь! А Москва… Словно целый храм Божий!

Князь Герасим улыбнулся, слушая, кивнул мне на Джанибековича, - мол, во-она, как заглаголил!

- Знай наших! – хохотнул Ивашка.

- Что несешь-то, отрок! – приструнил его Афанасий, - Или Джанибекович – не наш? Такой же крещеный! Значит, - наш!

- Прости, дядя Афанасий. И ты, брат! – повернулся он снова к Джанибековичу, - А как же тебя во Святом Крещении нарекли? Сколько мы вместе, а все не сподобился спросить…

- Петр я! Мать говорила – камень! Буду одним из камней Московского княжества, его Кремля! Даже если ханом Великим стану, - потемнел царевич глазами. Тем временем мы заехали в Свято-Симонов монастырь, где и заказали молебен. Его все одно только после Светлой Седмицы отслужат… А на небесах, даст Бог, ангелы и

сей же час сподобятся… И вскоре мы, перекрестившись, въехали в Спасские ворота Кремля.

- Где Великий Князь? – спросил я у ратников, несущих сторожу перед крыльцом в палаты

- На стенах, - ответил старший. Но тут на крыльцо вышел Володимир Ондреевич.

- Вернулись! Слава Богу! – радостно воскликнул он. Увидев Джанибековича, еще шире расплылся в улыбке: «И не одни! Ай, молодцы! Пойдем, обрадуем Димитрия Иоанновича!»

Потом обернулся к ратникам: «Проводите царевича Петра в палаты…»

- Дозволь, распоряжусь? – спросил я. Володимир Ондреевич кивнул.

- Коней обиходить и ждите меня в людской, - повелел я Афанасию.

- Князь Герасим, пойдешь ли с нами, - спросил Володимир Ондреевич.

- Дозволь своим делом заняться? Лишние глаза и уши, - хоть и свои, - здесь ни к чему… Коней обиходить надобно… Ратников проверить, распустить по домам… Да и самому - с домочадцами свидеться… Соскучился!

- Добро. - опять кивнул Володимир Ондреевич и зашагал к лестнице, ведущей на стены.

- Князь Ляксандр, - крикнул мне вслед князь Герасим, - ты ж не забудь на Светлой Седмице – ко мне, разговляться…

Солнце припекало сквозь доспех. Но на стенах свежий ветерок слегка остудил… На самом верху Великий Князь Димитрий Иоаннович что-то объяснял зодчим, развернув перед ними на широкой доске пергамент с изображением башни, как бы разрезанной пополам сверху вниз. Обернулся. Увидел меня. Улыбнулся. Перкрестился. А я поклонился ему в пояс.

- Об одном пока хочу спросить: вывез ли кого из Джанибековичей? – приобнял он меня за плечо.

- Да, Великий Князь. Отрока Петра. Он – в твоем тереме сейчас. Обустраивается. - склонил голову я.

- Добро. Молодец. Сегодня и завтра – в собор. Разговляться будешь у меня. А о деле пока – ни слова! Сейчас самое главное – Христа Спасителя чтить и славить! Страсти Его, Крестные муки, Светлое Воскресение! А в Светлый понедельник потолкуем.

Он обернулся к зодчим: «Вы тоже прекращайте все работы до Фоминой недели… Князь Володимир, выдай им все, что положено… На разговение…»

Димитрий Иоаннович снова повернулся ко мне, хитро прищурившись, улыбнулся: «Поди, с дороги отдохнуть желательно, в баньке попариться? А? Не успел ты к Чистому четвергу… Но, – не беда! Банька твоя истоплена! Мужики уже ждут хозяина. А за службу твою – во-он, гляди, новый терем твой. Отсюда, с высоты, его хорошо видно! Только возвели. Стены еще смолой пахнут! Небольшой пока… Но, это – дело наживное. Ступай, приведи себя в порядок! Не в колчуге ж в собор пойдешь!»

Я поклонился в пояс. И, спустившись со стены, зажагал к своему новому жилью… К нашему – с Аллой… У крыльца меня поджидал Афанасий, по всему своему виду вступивший в права старосты.

- Княгинюшка твоя, - доложил он, - у Великой Княгини сейчас. К Вечери готовятся. Баня истоплена… Как повелишь?

- В баню. Потом одеваться. И сразу - в собор. - кивнул я. Распариваться времени не было. Как повелел Великий Князь, я только смыл дорожную пыль. Зато удивился дорогим нарядам, которые принес мне Афанасий. В ответ на мой удивленный взгляд, он хмыкнул: «Филипп сказывал, что княгинюшка к встрече готовилась. Да и Великий Князь кое-чем одарил.»

Вскоре в сопровождении по постному принаряженных Афанасия и Ивашки я подходил к собору. Вечеря уже началась. Мы вошли, когда пелось: «*Благообразный Иосиф с древа снем Пречистое Тело Твое…*» Митрополит Алексий с епископами и священниками вынес Плащаницу на середину собора и возложил ее на украшенном первыми цветами возвышении. Я встал в тени одной из колонн. Душа плакала, желала молитв, покаяния, воспоминаний о Страданиях и Крестной смерти Спасителя… Но глаза мои сами искали среди многочисленных богомольцев моих детей, Аллу… Сколько же времени я их не видел?! Всего-то семь седмиц. А кажется, - целую вечность!

Ух! Сердце зашлось! Вслед за Великими Князем и Княгиней, отроками-княжичами, Володимиром Ондреевичем, другими болярами, Петром Джанибековичем, князем Ондреем, на поклонение Плащанице какая-то болярыня вела перед собой, придерживая за плечики, Ольгушку… А перед ними… Да это же Георгий! Надо же, как повзрослел, возмужал… А княгиня? Да это же… - Алла! Как же я мог не узнать ее?! Впрочем, узнать действительно было трудно! Вместо бойкой, непоседливой язычницы с резкими движениями, я видел величавую, плавную, спокойную женщину с опущенными долу глазами, полными слез! Красивый, отороченный золотом сарафан, душегрейка, подбитая соболем, расшитая по вороту и рукавам белая, тонкая рубаха, драгоценный кокошник делали ее совсем непохожей на прежнюю Аллу.

Краем глаза, между тем, я заметил какое-то безпокойство Великого Князя. Он обернулся. Поглядел по сторонам, словно искал взглядом кого-то. Кивнул Володимиру Ондреевичу. Тот подошел. Димитрий Иоаннович что-то повелел на ухо брату. Тот, в свою очередь, подозвав к себе князя Ондрея, передал повеление. Пронский воевода развернулся и острожно, чтобы не мешать молящимся, пошел вдоль стены к выходу из собора. А мое внимание вновь перешло на детей и княгиню Аллу. Ольгушка быстро сделала перед Плащаницей три земных поклона и, отражая слезинками на ресницах пламя свечей, поднялась на возвышенность. Алла шевельнула ладонью с зажатым в ней платочком, и Георгий поднялся вслед за Ольгушкой. Взяв подмышки, приподнял, чтобы сестра приложилась… Затем он сам спустился. Степенно, хотя и по-отрочески угловато, трижды поклонился, касаясь лбом пола. То же делали в это время Ольгушка, сошедшая уже с возвышенности и Алла, готовая взойти на нее… Плавно, с незнакомым мне благоговением, наконец, приложилась к Плащанице и она…

- Вот ты где! А Великий Князь безпокоится. Спрашивает, почему нет тебя? Почему не прикладываешься? - услышал я сзади шепот. Обернулся. Передо мной стоял князь Ондрей. Мы обнялись. Похристосовались.

- Да вот, на своих любуюсь, - улыбнулся я.

- Иди-иди! – легонько подтолкнул он меня. В его радости, искрящейся в глазах, была капля печали… Видимо, подумалось мне, своих вспомнил… Когда же я, приложившись к Плащанице, спускался с возвышенности, увидел, как Ольгушка рванулась, было, ко мне. Но Алла, сама подавшись вперед всем телом, удержала дочку за плечо. Наклонилась к ней и укоризненно, но нежно что-то зашептала на ухо. Георгия, тоже увидевшего меня, удержал за рукав князь Ондрей. Я сделал три земных поклона и наконец-то подошел к ним. Ольгушка прижалась ко мне, обняв за поясницу. Алла, не отрываясь, смотрела мне в глаза. Георгий тоже прижался щекой к моему плечу. Мы простояли до конца вечери вместе. Иногда наши с Аллой ладони слегка соприкасались… И так сладко было! В самом конце службы Алла обернулась, кивнула кому-то. Тут же к ней быстрым, безшумным шагом подошла молодуха.

- Ступай в терем. Вели приготовить все. Князь вернулся… - тихо проговорила Алла.

- Матушка-княгинюшка! Так все же готово! Князюшка уже был дома, Даже в баньку сходил… Пока вы с Великой Княгиней к вечери готовились.

Алла быстро взглянула на меня.

- Сегодня приехал, - улыбнулся я, - тебя перед вечерей не хотелось безпокоить.

Алла с улыбкой легонько покачала головой. …Над Москвой стояли прохладные апрельские сумерки. Мы возвращались к себе домой. К се-бе до-мой! Там я смог подробно рассмотреть терем.

- И как же ты наречена в Святом Крещении? – спросил я, дивясь чистоте и порядку.

- Аллой! В честь той самой готфской мученицы, что у тебя – на иконе, - улыбнулась она. И спросила: «Поход был тяжелым?»

- Ну что ты?! Не-ет!

Мы шли по переходу. Она показывала мне разные покои, помещения… Но вдруг загородила собой одну из дверей, которую я попытался открыть: - А вот сюда нельзя! Это – мои покои. До Святого Венчания… Если, конечно, я еще люба тебе… Если же нет, я уйду!

- Ну, что ты говоришь, ладо моя?! – я попытался ее обнять. Она поначалу прильнула всем телом ко мне. Потом резко отстранилась: «Нет-нет! Ты же сам знаешь! Аллы-язычницы больше нет. Есть Алла-христианка, А значит, жить мы будем по-христиански. К тому же – Страстная Седмица. Великий Пяток… Пост. Да, любый мой?»

Я встряхнул головой. Взял себя в руки: «Конечно…»

- Тогда ступай. Благослови детей. Ольгушка все это время жила у меня… Ой! Что-то они опять не поделили! Ай-ай-ай!

Я спустился вниз. Дочка бросилась ко мне: «Тятенька! А Георгий меня обижает!»

- Георгий! – деланно-строго нахмурился я.

- Да она – сама…

- Так, чада мои! – как можно тише сказал я, - Страстной Пяток! А вы?

- Ой! Прости, тятенька! – ткнулась лицом ко мне в рукав Ольгушка. И вдруг, настороженно взглянув снизу вверх, спросила: «А что? Княгиня Алла теперь всегда будет жить с нами?»

- А тебе разве этого не хотелось бы? Вам обоим? – я перевел взгляд на Георгия. Тот отвел глаза.

- Еще как хотелось бы! - захлопала в ладоши и запрыгала дочь.

- А маменька? – вдруг спросил сын.

- В Великий пост таких разговоров не ведут, - строго посмотрел я на него, - тем паче – в Страстную Седмицу! Тем паче – в Великий Пяток! А после Светлой Седмицы я расскажу вам, как относится к этому маменька…

- А ты видел ее? – открыла рот Ольгушка.

- Да, но об этом – потом.

- Она приходила? С того света? Она в раю? Ну, расскажи! Ну, тятенька! Ну, родненький! Ну, будь милостив! – тараторила дочь, теребя меня за рукав.

- Ох! Избаловала же тебя княгиня Алла! – одернул я дочь. - Придется сделать ей выговор.

- Не надо, тятенька! Она – такая добрая, ласковая! Сама мне волосы расчесывает, косы заплетает, песни поет, сказки сказывает! Мы с ней вместе молимся! – не унималась Ольгушка. Я взглянул на Георгия.

- Да, - кивнул сын, – она – очень хорошая. Как маменька… Только – все одно: другая. Не надо ей выговаривать.

- Будь по-вашему. Тогда, Ольга, давай, я тебя на сон грядущий благословлю. И – на молитву. Мы помолимся с Георгием… А ты? – глянул я пристально на дочь.

- А я, если позволишь, с княгиней Аллой, в ее покоях. Я привыкла там молиться, - ответила дочь, как-то виноватясь и складывая ладони под благословение.

- Ступай, - перекрестил я ее. И когда она вышла, спросил Георгия: «Как твоя служба?»

- И-и-эх! Мы, - отроки, - уже на мечах и топорах рубимся… На учебных, конечно. И на скаку с коня прыгаем! И уже под брюхом скачем!

- В доспехе?

- Нет, конечно… Но самое главное: учимся самострелами владеть! У нас вся сотня ими вооружена. Князь Ондрей говорит, что самострел будет многое решать в грядущей главной битве! - горячился он.

- В какой же это - главной битве? – сделал я недоуменное лицо.

- Ты что, отец?! Князь Ондрей говорит, что Господь даровал нам великую милость и честь сбросить, наконец, поганое иго ордынское! Но у них-то сколько разных народов?! Говорят, даже латиняне есть… А еще хотят, чтобы мы ихнюю ересь приняли! Вот, недоумки! А ведь, вроде бы, - тоже христиане… Иуды! Как их там… Гени…Гено…

- Ге-ну-эз-цы! – подсказал я нараспев, чтобы сын запомнил.

- Гм-м-м… Так ты все и сам знаешь. Зачем же спрашиваешь?

- Чтобы узнать, о чем ведает мой сын. Насколько он стал взрослым. И это – не просто генузцы, а тяжелый пеший строй! Представляешь, у них пики – четыре твоего роста! И они умеют ими крутить, ну.., как, скажем, ты – прутиком от метелки. И доспех у них – кованный!..

- Как у Псковской рати?

- Да, как у Псковской. Вот на них и нужен самострел с железными стрелами.

- Отец, стрела у самострела бо-о-лтом называется!

- Да-да, прости, запамятовал… Ну, а чему еще тебя князь Ондрей научил?

- О! Многому! Но говорит, что твоему двойному удару назад только ты научить можешь… Когда двумя мечами отбиваешь в стороны удары двух поганых, нападающих на тебя, словно угорь скользишь, присев, между ними… И, распрямившись, назад рубишь обоих…

- Ладно. Если Великий Князь не пошлет меня еще куда-нибудь, сразу после Светлой Седмицы, приду к вам в сотню, покажу.

- А что? Ты теперь всегда так будешь ездить?

- Как накажет Господь Великому Князю…

- Расскажи, как ты съездил? Ведь после похода в Литву ты ускакал неожиданно и даже нас с Ольгой не повидал…

- Откуда ты знаешь, что я ходил в Литву?

- Ну, не в Литву… Во Псков… Ты же оттуда княгиню Аллу привез? А она – из Литвы.

- Оттуда…

- И освободил…

- Ну.., не я же один…

- Ага! Если бы не твой выстрел из самострела, тот нехристь ей горло бы перерезал… А ты – его, словно муху – на булавку! Да еще – сквозь сосенку!

- Опять же - не я, а Божия милость… Да кто ж тебе все это порассказал?

- Я… я – не доказчик! – насупился сын.

- Княгиня Алла? – не унимался я.

- Не заставляй, отец!

Я и не стал дальше требовать. Хотя бы потому, что сердце мое пело и молилось. Потому что Алла все это время помнила обо мне и так наставляла моих детей. А с Георгием мы долго еще толковали, меняя лучины в поставце. И вдруг он спохватился: «Ох! Что ж я творю?! Ты же – без отдыха, с дороги!..»

- Ты прав, сын. Давай молиться, - и тут я почувствовал, что глаза мои слипаются. Встал. Перекрестился на икону Спасителя…

- Что? Здесь? – воскликнул Георгий, - Пойдем скорее! Я покажу, какая молельня у нас! Ты просто не успел дойти до нее, обходя терем.

Мы поднялись по ступеням, и он распахнул дверь. В полумраке, развеваемым лампадами, я вдруг почувствовал себя уже не на земле… Мне показалось, что на меня смотрят не просто лики, написанные на досках, а Сам Господь, Его Пречистая Матерь, Архангел Михаил, святые равноапостольная Царица Елена и Великомученик Георгий Победоносец, святая равноапостольная Великая Княгиня Ольга, другие угодники Божии. Смотрят с любовью, но вопросительно… В ожидании чего-то… Каких-то моих дел, поступков…

- Мы здесь иногда молимся втроем, - шепнул Георгий, - княгиня Алла, мы с Ольгой… Конечно, когда князь Ондрей отпускает меня на побывку. А святые образа написал какой-то почитаемый Великим Князем монах из Старо-Симонова, по-моему.

И тут я увидел ее, ту самую икону, которую получил в подарок во Пскове перед встречей с Аллой. Но как же сразу мне было узнать ее?! Теперь святой образ красовался в богатом золотом окладе, сверкающем в свете лампад гранями самоцветов. А Георгий и тут пояснил: «Княгиня Алла строго-настрого наказала не гасить никогда лампаду перед этой иконой. Конечно, есть и другие неугасимые… Но эта, как говорит княгиня Алла, - особенная!»

- Давай молится! – наклонил я голову, чтобы скрыть от сына слезы, выступившие на глаза.

…Страстная Суббота почти вся прошла в соборе. Но усталости не чувствовалось. И опять, после наложения на себя Крестного знамения, Алла, опуская руку, невольно касалась моей. Дети стояли перед нами и молились.

Под вечер, отдохнув немного, мы съели по миске сочива и стали собираться на Всенощную и Пасхальную службу. А когда вышли из терема, я удивился: Афанасий, Ивашка, Пнкрат, Филипп, - каждый, - несли по большой корзине синих, красных, желтых, серебристых и золотистых яиц. Одна дворовая девушка несла корзину с расшитыми мешочками, в которых явственно звенели денежки. Другая – такую же с какими-то свертками. Заметив мое недоумение, Алла пояснила: «Это же – моя первая Пасха. Я не могу не одарить за такую радость, за такое счастье всех, кого встречу. Мы с Ольгушкой и девушками за время поста нашили дюжины две рубах и портов для колодников, дюжину сарафанов и женских рубах для нищих. Ты же знаешь, сколько их сейчас на Москве! Кто от ордынцев бежал, кто от Литвы… Это же – моя первая Пасха!»

И глаза ее засветились, освещая все лицо, стать, и даже, показалось, - бревенчатую, чисто вымытую мостовую.

- Добро, - кивнул я. И тут же постарался придать голосу строгость: «Но на какие деньги все это куплено?»

- Великий Князь положил мне жалование за службу Великой Княгине.

- Вот ладно-то! Я еще не получаю жалования, а ты – уже?!

- Не искушайся, - нежно положила она мне руку на плечо, - а терем? А все, что в нем? А люди, которые нам служат? А наши трапезы? А твои одежды? Все это – от Великого Князя за твою службу, Но знаю, что на Пасху ты получишь и жалование.

- Да нет… Я - ничего… Просто желал узнать… - после ее слов сердце мое притихло и умирилось.

…И вот оно! Наконец-то!

- *Христос Воскресе!* – звучало не только в соборе Московского Кремля, не только по всем его храмам, часовням, но и по всей земле Русьской! У эллинов и болгар! Где-то далеко на юге и на оставшихся островках Православия еретического запада. Все небо, вся вселенная оглашалось этим: «*Христос Воскресе!*»

- *Воистину Воскресе*! – отвечала сама земля, реки, горы, поля, моря и озера, звезды, облака, травы, звери, птицы и рыбы! Мне казалось, я слышал это! А Святое Причастие только обострило слух…

Мы с Аллой трижды похристосовались. Я попытался коснуться губами ее губ, но она как-то радостно отстранилась и с улыбкой погрозила мне пальчиком. Я вздохнул и стал христосоваться с детьми, Великими Князем и Княгиней, князьями, боярами, воеводами, Афанасием, Ивашкой, Филиппом, Панкратом, с какими-то знакомыми и незнакомыми мне ратниками, купцами, бабами… Афанасий только успевал вкладывать мне в ладонь следующее, и следующее, и следующее яйцо. А другой рукой из другой моей ладони – принимать и складывать в корзину приподносимые мне яйца…

- Князь Ляксандр! – услышал я сзади звонкий, но уже ломающийся отроческий голос. Обернулся на него. И тут меня чуть не сбил с ног Петр Джанибекович, прыгнувший всем телом ко мне в объятья: «*Христос Воскресе!*»

- *Воистину Воскресе*, Петр, - камень строящейся Русьской земли! - обнял и трижды поцеловал его я. Обменялся с ним яйцами. И вдруг почувствовал, что готов христосоваться с каждым камнем собора, с каждым деревом или цветком, с каждой птицей, с каждым зверем! С каждым творением Божиим, славящим сегодня Творца!

Джанибекович, спустившись с моих рук, внимательно посмотрел на Ольгушку.

- Это – моя дочка, царевич. Ее Ольгой величают, - улыбнулся я, заметив, как покраснели они оба…

- *Христос Воскресе!* – почти прошептал Джанибекович и опустил глаза.

- *Воистину Воскресе!* – также ответила Ольгушка. Мы переглянулись с Аллой и едва сдержали смех от того, как острожно похристосовались дети. Они вытянули вперед губы, словно дули на горячую воду… После этого Джанибекович резко развернулся и, опустив голову, быстро отошел от нас. А дочка моя так и застыла на несколько мгновений, пока Алла не подтолкнула ее к выходу.

…Мы вышли из собора, на ходу продолжая христосоваться и обмениваться яйцами со встречными, совсем незнакомыми людьми. На ступенях справа и слева до самой мостовой стояли, сидели, полулежали нищие и калеки: старики, старухи, бабы с малыми детьми, отроки, отроковицы… Алла, медленно ступая и крестясь, раздавала каждому по яйцу и деньги из мешочков. Каких-то наиболее оборванных баб одаривала сарафанами и рубахами. Я смотрел на нее и чувствовал подступающие слезы любви… Так же нередко делала и Елена, - Царствие ей Небесное, - когда мы выезжали в Володимир… Ольгушка помогала Алле. Вдруг дочка встрепенулась и кинулась к какой отроковице с криком: «Дарьюшка!..»

Я напрягся: как бы чего не вышло дурного! Алла тоже заметила, но остановила меня, положив мне ладонь на грудь: «Погоди, любый мой!»

Подошла следом за Ольгой. Нищая отроковица, увидев Ольгушку, вскочила, заплакала. Дочка обняла ее: «Как же так?! Почему ты здесь? Маменька твоя братец, сестрица где?»

- Ой-ой-ой! – зарыдала еще горше отроковица, - Маменька сразу по приезду пошла на Москва-реку белье мыть… А как вернулась, так на другой день и слегла… Сейчас вообще не встает: кожа да кости остались… К тому же – брюхатая она! Братик тоже хворый лежит… Бабушка нас одна приютила… Сама-то на ладан дышит… Сестра за ними ходит… А я вот здесь, на хлебушек побираюсь…

- Тятенька! – повернулв ко мне заплаканное личико Ольгушка, - Это – же – Дарьюшка, дочка тетки Татианы, в веже которой мы с Георгием от поганых убегали… Тогда нас князь Василий освободил и на Москву вез… Помнишь, ты еще тогда в сильный мороз пришел в вежу спать, чтобы я не замерзла?!

- Дарьюшка? - переспросил я, - … А что ж князь Василий?

- Сказывали, сложил он головушку свою где-то на рубеже, в стычке с литвой… Кому мы теперь нужны?! – еще горше заплакала отроковица.

Кровь ударила мне в лицо. Алла же вдруг сказала: «Мать этой отроковицы спасла Ольгу и Георгия. Так неужели же мы не поможем? Я не смею бросить их. Дозволь, князь, дать поручение княжичу Георгию?»

- Добро, - кивнул я и кликнул, - Афанасий!

- Добрый мой староста, - обратилась к нему княгиня, когда тот подошел поближе, - Сотвори милостыню на Пасху! Сопроводи княжича Георгия и эту бедную отроковицу. Пусть она покажет дорогу. Вот деньги. Найми телегу… Привези в терем всех несчастных. Старушку, приютившую их, тоже не забудь. Их же сам Всемилостивец Господь наш Иисус Христос послал нам, чтобы *воскресили* мы в себе Его Любовь к ближнему…

Я стоял ошеломленный последней фразой Аллы: откуда у нее такие знания?! Афанасий же расценил по-своему: «Княгинюшка! Вот еще - деньги на наем тратить! Чай, - не лишние! У нас и свои телеги найдутся. Сейчас дома мигом запряжем… Ивашка, побегай-ка в терем! Помоги там кому-нибудь быстро запрячь! Ну, давай, - пчелкой, - туда и обратно… А, княгиня? «

Алла махнула рукой: мол, будь по-твоему.

- Тятенька, княгинюшка, а можно и я – с ними? – вдруг встряла Ольгушка.

Алла посмотрела на меня. Уж не знаю, что она прочитала в моих глазах, но твердо ответила: «Нет, княжна. Твое милосердие будет наиболее угодно Воскресшему Христу, ежели ты присмотришь, где и как приютить несчастных Заодно, велишь истопить баньку… За хозяйку остаешься!»

- На Пасху?! Баньку?! – вмешался я.

- Прости меня, любый мой, но я, по своему глупому бабьему разумению, полагаю, что Господу будет радостно видеть этих несчастных чистыми, как бы воскресшими, в Светлый день Его Воскресения. - опять удивила она меня. И я в ответ только пожал плечами. А она продолжала: «Да и нам с тобой рановато отдыхать и разговляться! Еще надобно вместе с Великими Князем и Княгиней в темицу сходить. С колодниками похристосоваться, одарить их. Я повелела зажарить пять гусей, десяток кур, столько же уток. Пять окороков заготовила… Дюжину куличей и пасх возьмем с собой… Яйца опять же… Филипп, Панкрат, Иоанн помогут донести. Великая-то Княгиня, Евдокиюшка наша, поболее меня милостыньку творит. И не только на Пасху. У нее и учусь! *Христос Воскресе!»*

И теперь, как бы невзначай, христосуясь, скользнула своими губами по моим. Опустила глаза… «Даже Елена такой не была!» - вдруг вспыхнула у меня в голове думка. «Это же – благодать Божия после Святого Крещения!» - пояснила другая…

…Когда мы дошли до терема, там уже был накрыт стол. Я позвал всех смердов… Смердов? Не-ет!!! Мне вдруг вспомнилось, что дед мой Михаил всех, кто прислуживал в тереме, работал на нас, называл до-мо-чад-ца-ми… Не зря же бытует присказка: «с чадами и домочадцами». Надо бы и мне - так же… А они, домочадцы, краснея и робея, присаживались на самые краешки лавок, на знали как глянуть, куда деть руки. Но каждому мы с княгиней подносили по яйцу, кусочку кулича, чаше меда. Христосовались. А потом оставили их разговляться в нашей трапезной. Сами же поспешили в Великокняжеский терем.

Там все уже были в сборе. За Великими Князем и Княгиней следовали бояре, воеводы, другие приближенные с семействами и домочадцами. Последине несли корзины с яйцами, куличами, пасхами, ветчиной, окороками, жареной птицей, пшеничными хлебами, рубахами и портами. Через плечи иных перевешивались десятки пар сапог, опорок, лаптей. На поясе каждого позвякивали увесистые кошели с мелкой деньгой. Все спустились в подвалы Кремля. Сторожники поднимали решетки, и мы входили в то или иное подземелье. Нас ждали. У всех колодников.., -

нет, почти у всех, - на груди поблескивали кресты. Эти вскакивали с постеленной на пол соломы, клали земные поклоны, просили прощения, - Христа ради. Великий Князь христосовался с каждым. Выслушивал. На некоторых указывал дьячку, который тут же записывал все о колоднике. За Великим Князем подходили другие христославы.

Всех колодников одаривали так, что, в конечном счете, каждый оказывался при новых рубахе и портах, десятке разноцветных яиц, хороших кусках кулича, пасхи, мяса, каравае хлеба, нескольких деньгах.

Но были и другие… Эти даже не приподнимались с сена при появлении Великого Князя. Отворачивались и смотрели в угол. Как правило, их лица напоминали ордынское или южное происхождение. Крестов на них не блестело. Должно быть, для того, чтобы это сразу было видно, рубахи всех колодников были разорваны до пояса. Тем не менее, Великий Князь заходил к ним и клал на пол кусок телятины, оленины, хлеб, яйца… Кто-то из молодых бояр попробовал положить перед таким кабаний окорок. Но взгляд Димитрия Иоанновича в миг заставил милосердца заменить свой дар на жареного гуся.

- Что же ты, мой хороший, - молвил Великий Князь, - забыл, поди, что свинину они не едят?! Почитай-ка Священное Писание. И перед Радоницей расскажешь нам о подвиге братьев Маккавеев, их матери Соломии и учителя Елиазара… Колодника, - и особенно иноверца, - грех оскорбить таким подношением. Тем паче, - в наш Светлый Праздник!

Молодой болярин потупился и только тихо молвил: «Прости, Великий Князь! По неразумию своему… Но – от чистого сердца…»

Вдруг кто-то дернул меня за рукав. Я обернулся. Ивашка, корзина с яйцами которого была почти пуста, тяжело дыша, показал в глубь подземелья: «Там – попович Глеб!»

То ли услышал, то ли почувствовал Димитрий Иоаннович, но обернулся ко мне: «Князь Ляксандр! Что за суета суетствий?»

- Прости Великий Князь! – сдерживая нетерпение, поклонился я, - Отрок мой узнал среди колодников поповича одного, который хорошо мне знаком!

- Что? Ну, так пройдем к нему.

Я увидел, как встревожилась княгиня Алла. Подойдя, прильнула: «Любый мой! Что-то произошло?»

- Погоди, - отстранил я ее, - сейчас это – Великокняжеское дело. Потом поведаю.

За тяжелой, толстой деревянной решеткой сидели человек двадцать, скованные одной цепью. И действительно, в одном из них я признал поповича.

- Глеб! - крикнул я. Тот вскочил. Но подойти близко не смог: цепь не пускала.

- Душегубцы, - пояснил старший сторожи, - взяли их под Коломной. Сразу после набега.

- Нет! Великий Князь! Князь Ляксандр! – рванулся опять Глеб, - Все – не так!

- Тогда поведай нам: что и как? – кивнул спокойно Димитрий Иоаннович.

- Я, оправившись от ран, один пошел вслед вам, на Москву. Благо, в Пронске дали и коня, и прокорм на первое время. Скакал – радовался! Заплутал… Вышел на Зарайск… Обошел его… Через полперехода арканили меня… Во-о-он, они! – мотнул он головой в сторону соколодников, - Побили сперва… Связанного… А потом заставили с веревкой на шее, руках и ногах воду для варева носить, дрова… Жили-то, как мы, в схронах! В один день налетели дружинники Великокняжеские… Я, как только увидел стяг со Спасом, - руки и ноги – в костер, чтобы, значит, веревку пережечь. Пережег, да дубинку взял… Двоих татей положил… А тут и сам по голове получил… От ратника московского… Или не так?! Ежели вы - христиане, скажите правду!

Глеб резко повернулся к соколодникам. Потом опять взглянул своими чистыми, цвета живого неба, глазами на нас.

- Так! – ответил, вставая, жилистый мужик, - Все – так! И это говорю я, атаман. И прошу у тебя, Великий Князь, прощения за все! Ради Христа! Молю! Дай мне покаяться на Святом Кресте и Евангелии… Разум помутился, когда увидел деток и женку своих порубленными… С торгов вернулся я тогда. Бортничал. Промышлял… Медом торговал, а зимой – пушниной… А как увидел их… И-и-эх! По-ошел бить всех, кто под руку попадался… Дай покаяться, как Господь наш Иисус Христос дал покаяться разбойнику на кресте!

Он вдруг заплакал и упал на колени.

- Просящему - дается, - услышали мы сзади старческий голос. Это проговорил незаметно подошедший митрополит Алексий. «Только разбойник тот тяжкую епитимью получил: три часа перед кончиной земной жизни с перебитыми ногами провисел! Мука-то от боли какая!… А?»

- Любую епитимию приму, как дар Божий, исцеляющий! – прохрипел атаман.

- Как кличут тебя? - спросил Димитрий Иоаннович.

- Октий… Сам ведаю, что имячко – нерусьское. Отец мой был – из греков. Так повелел матери назвать, когда по торговым делам еще до моего рождения в Отчину свою уезжал… Да не вернулся… Мне отца – не судить! Одно ведаю: коли был бы жив, вернулся бы…

Великий Князь обернулся на митрополита. Тот кивнул. Потом посмотрел на меня: «Ручаешься за своего Глеба?»

- Головой! - поклонился я.

- И я.., и я, - вышли из-за моей спины Филипп и Панкратий, - а коли ошибемся, руби нам головы, Великий Князь!..

- И я! – вышел вдруг вперед Ивашка. Димитрий Иоаннович подошел к нему, широкой ладонью взъерошил волосы, вздохнул: «Молодой! Горячий! Сме-е-елый! А поведешь ли себя так же в главной битве с погаными?»

- С Божьий помощью, - смущаясь, опустил голову Ивашка.

- А соколодники твои что скажут? – обратился Великий Князь опять к Октию.

- Их воля! Но сказать могу про них только одно: люди они – верные! И у всех – судьба одна! Горше полыни! У всех - сродников поганые извели… Вот и помутился разум… Пусть сами ответят…

Колодники бросились на колени: «Прости нас… Прости Христа ради, Великий Князь… Прости и ты Владыко святый… Мы ж только грабили… Не насильничали, не душегубствовали…»

Великий Князь опять обернулся на митрополита. Тот опять кивнул.

- Ну что ж?! – весело встряхнул головой Димитрий Иоаннович. Перекрестился. Приговорил: «В колодках покуда, на черных работах, Кремль вовзодить будете… Конечно через Святой Крест и Святое Евангелие… Епитимию священник на исповеди наложит… Смотреть за вами будет… Да, Глеб! Ради Светлого Христова Воскресения… А там поглядим! Только учтите: клятву давать будете не мне, а Господу Богу! Обманете Его – пощады не ждите! Князь Феодор Ондреевич Свибло! Принимай работничков в Мячково – камень для стен кремлевских тесать. А ты, Глеб, ступай пока к своим поручителям. Но чтобы после Фоминой – ко Князю Феодору Ондреевичу на двор. Уразумел?»

Строжники мигом расковали цепь. Ивашка, Филипп и Панкратий тут же подхватили Глеба, сунув ему в руки пустую корзину. На остальных сторожники надели малые колодки и куда-то увели.

- Не слишком ли ты, любый мой, расточаешь свои поручительства? – вдруг спросила меня княгины Алла. В ответ я зыркнул на нее так, что она опустила глаза: «Прости… Не бабье это дело…»

- Не бабье! – в сердцах бросил я. Но тут же нежно провел пальцами по щеке: «Глеб – один из тех, кто спасал меня. С кем я поганых бил.»

- Прости! Просто я вспомнила одну притчу, которую поведал недавно митрополит Алексий на проповеди перед Пасхой…

- Потом! – махнул я рукой и поспешил за Великим Князем дальше… На пиру-разговлении у него Алла была какая-то задумчиво- отстраненная, хотя и с улыбкой поднимала малую женскую чару, в Благодарность Господу, во славу Его, Пресвятой Богородицы, всех святых.

- Что с тобой, ладо моя? – приобнял я княгиню за талию. Она острожно отстранилась: «Нет-нет. Ничего. Все - ладно! Не обращай внимания… Должно быть, просто приустала…»

А я никак не мог отогнать вновь нахлынувшую тугу от воспоминания греха с Татианой… Успокаивал себя: мол, покаялся же! Исповедал же грех! А когда, - в который раз! – спел *Христос Воскресе из мертвых смертию смерть поправ..,* непонятная туга отпустила… И дальше уже веселился вместе со всеми и от всей души! Домой, в свой терем, мы вернулись только к позднему вечеру. Но перед тем, как отдыхать, Ольга провела нас к Татиане. Она устроила несчастную с детьми в одной из небольших коморок для странноприимства. Ту, что я увидел там, совсем не походила на прежнюю, знакомую мне по переходу из Пронска в Москву. Серое лицо, с постоянно выступающим на нем потом, представляло обтянутый кожей череп. Всклокоченные, слипшиеся волосы тоже были влажны… Впавшие глаза были как будто густо, на пол-лица обведены углем…

- Ей в баню нельзя! – шепнула одна из девушек, - На сносях она! Самое большее месяц еще носить будет, если, конечно… Мы ее просто обмыли хорошенько…

Татиана, увидев меня, заплакала. Прошептала: «Прости, князь…»

- Что ты, Что ты! – замахал я рукой, - Поправишься!

- Матушку Агафью вызвали. - проговорил за моей спиной Афанасий. - Она болященькую мигом на ноги поставит. А девушкам наказал все повеления нашей попадьи исполнять.

Смотреть на Татиану было неприятно. Зато Алла пристально вглядывалась в нее, словно пыталась что-то прочитать в глазах.

- Пойдем отдыхать, - кивнул я княгине, - ведь завтра – по гостям…

- Да-да, - как-то задумчиво-неопределенно согласилась Алла, перекрестила болящую и вышла первой.

- Детишек устроили? – спросил я Афанасия.

- Будь спокоен, князь, - кивнул тот и тоже как-то странно посмотрел на меня. Или мне это показалось? Неожиданно для себя я подсчитал срок непраздности Татианы и понял, что носит она… мо-е-го ребенка! Холодный пот пробил меня. Забылся сном я только под утро. Вот так Светлая Седмица!

А утром оказалось, что княгиня Алла с самым рассветом ушла в Великокняжеский терем. Нехорошие думки полезли мне в голову. Я умылся, оделся, перекусил студнем, запил доброй чашей крепкого меда и отправился вслед за ней. А на крыльце палат столкнулся с митрополитом Алексием. Поклонился ему в пояс. Он преподал благословение и, не давая мне ничего сказать, улыбнулся: «Ступай в сад! Там твоя суженная дожидается… А то я уж хотел посылать за тобой… Грех-то раскаянный! Господь примет покаяние, когда деток этой несчастной на ноги поставишь. Свое чадо от них не отрывай, не отличай! Привечай всех одинаково. Пусть княжья русьская кровь и в этот народец идет! Дабы вошел и он в Царский народ! В народ – Богоносец!»

Я пролетел по переходам, наспех христосуясь со знакомыми, и выскочил в сад. Там, прогуливаясь, Великая Княгиня в чем-то наставляла Аллу. Увидев меня,

подтолкнула ее ко мне. Алла вспорхнула и подбежала. Опустилась на колени: «Прости меня, любый мой!.. Алла-язычница по сердцу царапнула…»

- Я виноват перед тобою! - начал, было, я… - Будущий ребенок Татианы…

- Я догадалась, - приложила она свой указательный палец к моим губам, - но митрополит Алексий сказал, что твоей вины в сем мало. Да и та – раскаяна и исповедана… А передо мной – вообще никакой вины: все произошло до нашей встречи! Татиана, если Господь продлит ее дни, будет жить у нас. Детей тоже мы на ноги поставим. Я полагаю, на лето отправить их с матерью в подмосковную… А? Благословишь? Там Татиана быстрее поправится.

- Ладо моя! - вздохнул я счастливо и, не терпя возражений, крепко обнял княгиню. Потом удивленно спросил: «В какую подмосковную?»

На это Алла загадочно улыбнулась, повела головой сверху вниз… Но не ответила. Только сказала: - Так у кого мы разговляемся сегодня? У князя Герасима? А князя Ондрея ты позвал?

После коньяка нервозность прошла. Мы шутили, пели песни – русские народные… Потом - военнные. Их Володя почему-то не знал. Но усердно старался подпевать окончания фраз, угадывая незатейливые рифмы. Изредка у меня в мозгу вспыхивала мысль: «И это – в Великий Вторник!» «А почему во вторник, а не в понедельник», - спорила другая под коньячными парами. «А ведь действительно – во вторник…» - подумал уже я, взглянув на часы и увидев, что стрелки показывают четверть второго ночи…

- Ну, ладно, мужики, - сказал, наконец, подполковник, доставая откуда-то из-под стола следующую бутылку, - вы еще посидите! Всех развезут по домам! А я – отправлюсь сейчас… А то жена скоро выгонит за… невыполнение супружеского долга. Ха-ха!

После его ухода Володя позвонил домой, долго доказывал своей Люции, что по недоразумению попал в милицию. А теперь, мол, все выяснилось, скоро он приедет. Когда мы вышли на улицу и подошли к заведенной машине, я мотнул головой: «Мне-то здесь два шага! Я, пожалуй, сам дойду!»

- Нет-нет! – возмутился старший лейтенант. - У меня – приказ: всех доставить до подъезда. А если район – криминальный, то и – до квартиры. С рук – на руки. Женам, и так далее… Зато – с ветерком и «мигалкой»!

- Зачем в такое время «мигалка»? Дороги-то – пустые.., - пожал плечами Володя. Он был уже изрядно навеселе: «Мать честная! У меня же завтра… Ой! Нет! Сегодня!.. Правление! А до Кузьминок – не меньше часа!»

Во мне возникла здравая мысль: «Дай Бог тебе поправиться до твоего Правления!»

…Вечером я, словно щенок, нагадивший в хозяйские тапки, плелся к отцу Валерию. Он взглянул на меня и понял, в чем дело.

- Ну что сказать, чадо мое ненаглядное? – начал отец Валерий первым.

- Согрешил, батюшка! Каюсь! – только и смог ответить я.

- Когда каются, стараются грехов не повторять. А ты?

- Стараюсь! Да что-то не получается.

- Да… Воин Христов! Ну, рассказывай, как в Великий Понедельник в твоем поединке с «зеленым змием» победил «зеленый змий»?

- Победил… Но у меня много вопросов по поводу поэзии… Про Николая Тихонова и других…

- Ты мне зубы не заговаривай! Как было дело?

Я и рассказал.

- Видишь, - горько усмехнулся священник, - все начинается с «пивка»! Исповедоваться благословляю в Великий Четверг… А на исповеди я посмотрю,

допускать тебя до Святого Причастия на Пасху или нет… По поводу же твоего Тихонова: я – не специалист…

Отец Валерий опустил глаза в пол. Покрутил головой: словно искал кого-то… Позвал: «Агния Вениаминовна! Можно вас на минуточку. У вас как сейчас со временем?»

- Как может быть со временем у старой вдовы? – подойдя под благословение, улыбнулась старушка.

- Вы эпоху так называемого «серебряного века русской поэзии» хорошо знаете. Вот, у молодого человека вопросы возникли. Ему это нужно для работы…

- Ах! Александр, голубчик! – узнала она меня, - Поминаю вас в молитвенном правиле. А вы курить так и не бросили?! Табачищем-то пахнет! Ох! Все вы, мужчины, - одинаковы…

- Агния Вениаминовна! – покачал головой отец Валерий, - Мужчина, может быть еще, и коньячок с пивком в Великий пост любит глотнуть… Но нам ли осуждать?! В Великий-то Вторник! Поручаю вам Александра. Растолкуйте ему про Николая Тихонова.

…- Я девочкой-гимназисткой стихами грешила, – начала Агния Вениаминовна, когда мы вышли из храма и направились в сторону метро, - все мечтала быть, как Ахматова, Цветаева, Гиппиус, Павлович… Последняя все-таки вернулась к Богу…

- Почему же вы грешили? Разве стихами можно грешить? Хорошими стихами? - удивился я, - Ведь Библия – высшая поэзия!

- Не женское дело – поэзия! Поняла это, но слишком поздно. Господь отнял то, на что женщина предназначена. Отнял первого любимого человека… Потом – второго… Наконец, - и мужа! Поэзия – это битва за слово Божие против слова Его обезьяны – сатаны. Поэзия – это мирская проповедь об обыденной жизни, это – исповедь и покаяние, это – порой, неумелая, неканоническая молитва. И донести ее нужно от души человеческой, не испачкав грешными устами. А все битвы испокон веков ведут мужчины. Или – монахини, принявшие уже ангельский образ и не являющиеся обыденными женщинами… Женское же назначение, - тоже испокон веков, - рожать детей, обихаживать их, встречать мужа, служить ему, по слову апостольскому, как Церковь – Господу! Тогда и Господь служит нам… И уж, ежели какую особу Господь благословит на подвиг стать женой поэта, - она должна терпеть все его выкрутасы. Быть музой в любой жизненной ситуации! Отречься от себя! Как, например, Анна Григорьевна Достоевская! Отречься! Да так, чтобы муж, как медведь после драки со стаей волков, мог залезть в свою берлогу и спокойно зализывать раны… Простите меня за такое сравнение, но как говорили у казаков, когда их еще не истребили, - баба должна быть босиком, на кухне и с пузом…

- Это, скорее, - мудрость народная! – усмехнулся я.

- Еще раз простите за этот очень верный, но, увы, вульгаризм. И если женщина любит не самою себя, - любимую, - не любовь мужа к себе, а самого мужа, - без оглядки! - то получает от своего служения и радость, и счастье. Отходя от этого предназначения, женщина бросает вызов Богу: мол, не желаю быть такой, какой Ты меня назначил. Мол, я пойду другим путем! Мол, я – сама! Понимаете, какой это - грех… Ведь если самая материально обеспеченная женщина будет выполнять Божие предназначение во всей его полноте, то и у нее на всякие эмансиплюшки-финтифлюшки просто времени не хватит. Зато, какая ее ждет награда от Бога! А у нас, - эмансипировавшихся, - в конце земной жизни – одно горе. Да и там, после нее, на Суде – еще горше! Но что ж это я? Вы же о Коле Тихонове спрашивали. Я, когда впервые увидела его, услышала, совсем юной была. Мне бы Клавдию Лукашевич читать, Чарскую! А меня все в другую сторону тянуло. В греховную: «Все мы бражники здесь и блудницы!» Ох, как нравилось! Какая новизна! Необычность! Только не «не», а против! Против святых обычаев нашей матери-Церкви! Аж щеки

горели! Горько теперь, на старости лет, вспоминать! И если задуматься, то нельзя не понять, что этим увлечением «необычностью» все мы вносили свою лепты в ту трагедию, которая совершилась в семнадцатом году… Каждый, может быть невольно, стал искоркой, из которого возгорелся страшный, катастрофический пожар… Вот и Тверской бульвар. Сегодня – тепло. Присядем. Я всегда любила посидеть здесь на скамеечке, почитать… Особенно весной и ранним летом… Когда липы цветут…

- А вы знаете, на этой площади прошло мое раннее детство, - вдруг сказал я, когда мы опустились на скамейку около деревянных трех медведей.

- Вот как? Возможно, я была знакома с вашей мамой. Я до сих пор часто бываю здесь. Вот уже несколько десятилетий… Впрочем, опять я уклоняюсь от батюшкиного благословения. Простите… Коля Тихонов был настоящим мужчиной, - даже когда был еще юношей. Он за девушку мог вступиться против десяти! Быть побитым, но при этом стать победителем! Но беда его в том, что отошел он от Бога! И еще задолго до семьнадцатого года. Его богом был он сам. Это – комплекс Валерия Брюсова. Помните: «Сам же себя полюби безпредельно!»? Фактически сей господин, так пропагандируемый ныне, был учителем всех советских поэтов, которые «полюбили безпредельно» только себя!.. Однако, официально считалось, что наставником Тихонова был Николай Гумилев, - верующий, православный человек, по глупости влюбившийся и женившийся на Анне Горенко, то есть - Ахматовой. На роковой женщине! Она, как, впрочем, и я, и другие стихотворщицы и поэтессы, со-о-бой, своим отречением от женского служения, вызовом Богу, убила несколько мужей. Это – очень сложный духовный вопрос! Батюшка как-то объяснил мне все. Но пересказать толково и ясно я не умею… Однако, выполняя послушание, попробую. Понимаете, что такое «убить собой»? Это - убить своим неверием в мужа, своей гордыней, постановкой себя в творчестве, а значит и во всей обыденной жизни – выше мужа! Лучше мужа! Этот грех убивает не только душу гордеца, но и всех, кто окружает его. Часто – физически! И чаще всего - через других, казалось бы, посторонних людей… Николай Гумилев тоже был очень гордым человеком. Но он был горд тем, что он – творение Божие… А значит – близок к Творцу!

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда,
Все, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада.
Победа, слава, подвиг – бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне…

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
И все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога, **- вдруг прочитала она. Старушка несколько секунд помолчала, но потом продолжила: «Как же он одолжен был относиться к другим, - к отказавшимся от Бога? С Любовью? Да! Но не со льстивым пресмыкательством, столь присущим почти всем советским поэтам. Николай Гумилев служил Вере, Царю и Отечеству. Это – высшее мужское служение. Если хотите, я дам почитать вам его стихи. О мастерстве можно судить по-разному. О Вере – однозначно! Вот вам свидетельство:**

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда

Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.
Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.
Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это — Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Коля Тихонов, казалось бы, всему учился у Гумилева… Но как воробью научиться быть орлом?! Как рожденному командовать взводом научиться командовать армией… Если бы Вера была, глядишь, Бог бы и удвоил талант, даже удесятирил, - все в Его власти… Но увы, духовным ученикам Брюсова, такого не могло даться из-за теплохладности или дремучего неверия! Вот здесь у человека и просыпается тайная зависть! Гордыня становится неутоленной до ненависти ко всем и всему!.. Да, Коля Тихонов много путешествовал. Был на Севере… Боролся, страдал, любил… Но любил воробьих, прости меня, Господи, за такое сравнение людей! А те не могли с ним быть, потому что он хотел считать себя орлом. И от «воробьих» требовал, чтобы они так считали. И чтобы сами были орлицами!.. Николай Гумилев по-христиански жалел его. Делился с ним, как старший с младшим. А Тихонов, в конце концов, предал его. Все, считающиеся прекрасными, ранние стихи Тихонова – всего лишь подражание Гумилеву. Даже нет, не самому Гумилеву, а его духу. Его орлиному полету!

Орел летел все выше и вперед,
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья,
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами, -

прочитала она почти шепотом, но так четко, словно не слова, а градинки ударяли в остекленевший воздух. Агния Вениаминовна помолчала. Потом продолжила: - Вы слышите, голубчик, Николай Гумилев не сюсюкает, не пересказывает прописные истины, не рифмует по-русски стихи Священного Писания! Он просто верует! По-своему! По-людски! Грешно, может быть… Но каждой строчкой взывает, словно евангельский начальник синагоги: *Верую, Господи! Помоги моему неверию*! Это не кичливая гордость стихотворцев того времени? Признать себя таковым, - пока еще духовно мертвым?! Но жаждущим и ждущим воскресения во Христе!.. И не спорить с Богом! Иначе – не воскреснуть! Я так прочитала это стихотворение… А теперь, представьте воробья, растопырившего крылья и пробующего парить по-орлиному! Коля Тихонов понял это, почувствовал себя воробьем и… предал того, кого называл учителем. Если бы вы прочитали его статейку, в которой он высмеивал Гумилева только за то, что тот, как-то проходя с ним мимо Морского собора в Петербурге, остановился, сделал три поясных поклона с крестным знамением. Тихонов назвал это показухой и лицемерием… Как я плакала тогда! Тем более, что к этому времени Николай Степанович Гумилев уже был расстрелян…»

- За стихи? - спросил я.

- Ну что вы?! Его творчество высоко ценил даже этот псевдобурлак Пешков-Горький! Николай Гумилев, как мне рассказывали, приехал в Кронштадт на какое-то торжество однополчан. В эти же дни там вспыхнул мятеж, который вскоре жестоко подавили большевики и потом в истории обозначили «Кронштадтским». Николай Гумилев оказался в числе арестованных и приговоренных к смерти офицеров. Все видные литераторы, даже Пешков-Горький, кинулись к Ленину. Тот повелел осовбодить… Но, когда конвоир зашел в камеру и вызвал «поэта Гумилева», Николай Степанович встал и ответил: «Здесь нет поэта Гумилева. Здесь есть прапорщик Гумилев». И сел обратно на нары… Хотя, по-моему, он был все-таки флотским офицером… Впрочем, простите, голубчик, я в этих военных чинах мало смыслю… И Николая Гумилева расстреляли вместе с его однополчанами.

- А Тихонов?

- Этот стал писать бездарные стишата и поэмки. Печатался во всех крупных газетах и журналах. Издавал «избранное» и «полные» собрания сочинений. Получал ленинские, государственные, сталинские и всякие другие, - какие только можно, - премии… Занимал какие-то высокие посты… Но… За иудин грех Господь отнимает у человека талант… Может быть, простите, я слишком по-бабьи рассуждаю. Но меня отец Валерий благословил рассказать то, что знаю… Пойдемьте, голубчик… Что-то я разволновалась и озябла… Возможно, стихи Тихонова официально считаются вкладом в отечественную поэзию, но об их духовности, - о Божественной духовности, - говорить не приходится.

- О Божественной духовности? - переспросил я.

- Да… Отец Валерий говорил, что и вы пишете стихи?

- Пробую…

- Но он хвалил. А его вкусу я доверяю. Только, Бога ради, не подумайте, что я обожествляю священника! В эту крайность сейчас кинулись многие…

- Вы начали говорить о Божественной духовности в поэзии…

- Вы, молодежь, всегда нетерпеливы. Впрочем, это – недостаток, который со временем проходит, - улыбнулась Агния Вениаминовна, - Видите ли, время моей юности, и то, что было чуть раньше до этого принято называть «серебряным веком русской поэзии». Заметьте! В это же время появилось знаменитое выражение человека, имя которого я уже упоминала и второй раз не хочется: «верхи не могут управлять по-старому, низы не хотят жить по-старому». Увы! Состояние русского общества было именно таковым. Состояние активного общества! За редким исключением, подтверждающим правило. А большинство народа занималось своими

личными делами, хозяйством, кроме которых их ничего не интересовало: хоть – потоп, лишь бы меня не задело. Знаете, в свое время, среди десятитысячного населения Парижа, только две тысячи ратовали за казнь короля! А остальным было все равно! Впрочем, вернемся к нашему обществу. Цитата, приведенная мною, выражало образ взглядов не всей России, а только Двора и так называемого «дна». Но зараза их чаяний расползлась по всей державе. Люди словно с ума посходили! Коснулась грязь и поэзии… Давайте, теперь вспомним Священное Писание. Его я цитировать не буду. Однако, исходя из него, попробуем поразмыслить. У одних, - которые «не могут», - нет упования на Бога, на Его Святую волю и силы. Ведь человек все может в Боге, если верит, конечно! И Бог дает по вере его. Значит, у «верхов» не было веры. А это – уже предательство! Предав Бога, «верхи» предали Россию, Царя-батюшку… Всем известно, что «рыба гниет с головы»… Внешне, конечно, вера была. Но она была ни холодной, ни горячей… А такая вера – губительнее чумы!..

- Но самый-то верх – это Царь! – перебил я, чувствуя, что уже с трудом вмещаю в себя смысл слов Агнии Вениаминовны, - Он – тоже в этом замешан… К тому же, я помню, - по истории, - и «кровавое воскресенье» и «ходынку»…

- Погодите… Не судите односторонне… По современным учебникам истории… Царь был один… А его окружение? Правительство? Так называемые «думы»? Но об этом вам лучше поговорить с историками, с отцом Валерием… Так вот. У других, которые «не хотят», не было смирения перед волей Божией. А по учению святых отцов, именно смирение – самый надежный путь ко спасению. Но «низы» спорят, мол, это я хочу, а этого я не хочу! Опять – вызов Богу! Предательство Бога! Кто-то из святых сказал, мол, если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах на завтра. Вот и насмешили! Горько, до кровавых слез насмешили, пожелав всего по-своему! Поэтому и возник так называемый «серебряный век русской поэзии»… Только, позвольте, русской ли? Разве эта «серебряная поэзия» основывалась на русских народных песнях, былинах, поучениях святых отцов Церкви нашей Православной, таких философов и пророков, как святители Тихон Задонский, Димитрий Ростовский, Филарет Московский, Макарий Невский, наконец, Феодор Михайлович Достоевский? За-ачем?! Нашим витиям ближе были канты, гегели, жан-жаки руссо, ницше, заратустры, сен-симоны, даже марксы! Фривольные пошлые стишки и куплеты самого «дна» Парижа! Ах! Как они - необычны, как непривычны… Хуже того, появились всякие блаватские, гурджиевы, рерихи, бердяевы! А с ними - и другие рерихнутые, прости Господи! Эти открыто противопоставляли свою волю и духовную силу Богу! То есть служили лу-ка-во-му. Во-вторых, вся поэзия того времени – сплошь гордыня! Сплошь – поклонение своему «я», а не Богу! И пииты наши, нахватавшись чужого, зарубежного, неправославного, подделались под него! А коли так, то все «серебро» века оказалось фальшивкой. Потому что без Бога все – фальшивка! Ложь! Плод действий лжеца и отца лжи, пытавшегося еще во время оно поставить себя выше Бога, вне Бога!..

Агния Вениаминовна приостановилась. Глубоко вздохнула. Достала какую-то коробочку, а из нее – таблетку. Проглотила. Постояла немного. И уже более спокойно продолжила: «Нельзя, голубчик, отрицать, что тогда не писались религиозные стихи. Только заметьте: ре-ли-ги-оз-ные! Все они были либо зарифмованным пересказом сюжетов Священного Писания или Псалтири, либо опусами, типа Ахматовского, где воспевается жена Лота. Ах! Как она благородна, хотя… непослушна Богу! Вспомните: «*Лишь сердце мое никогда не забудет Отдавшую жизнь за единственный взгляд».* Опять – спор с Богом! Мол, Ты, Бог, не прав, прости, Господи! Мол, правильно ли Ты поступил, превратив в соляной столб ее, «святую», для которой дом был раем, где она любимому мужу, - заметьте! любимому! выполняя заповедь! – «детей родила»? И таких «религиозных» стихотворений у известных советскому читателю поэтов, - большинство! А прозаик Леонид Андреев?! Он же Иуду Искариота выставил самым

лучшим, самым честным, самым обиженным учеником, - чуть ли не мучеником, - Спасителя! Прости, Господи! Какое кощунство! Тускнеет и ржавеет «серебро» оного века… Да, большинство писали на темы ре-ли-гии… Помните, мы говорили, что бережнее надобно относиться к слову? Что означает слово «религия» для русского человека? Спросите в любой деревне! Ни-че-го общего с Православной верой. Набор обрядов? Для меня это слово – сродни слову «теория». Нечто общее. Не-рус-ское! Это же – латынь! Поэтому не может отражать всей глубины русской души. Какая-нибудь бабушка в деревне «религствует»? Или священник, распятый на Царских вратах в 20-е годы, «религствовал»? Нет! Они веровали! И веруют в Бога во Святей Троице славимого! Исповедовали и исповедуют Святую Веру Православную. А религия может быть языческой, католической, протестанской, магометанской, иудейской… Возможно, я не права… Простите меня…Это мое личное… У русского народа, я думаю, была не религия. У него было, есть и будет ве-ро-ис-по-вед-ни-чест-во! Вдумайтесь! Какое емкое слово! В нем и мученичество за Христа! И святительство! И подвиги преподобных, праведных, Христа ради юродивых, воинов…»

Я взглянул на Агнию Вениаминовну, и мне показалось, что при спокойном голосе она вся светилась какой-то неземной жизнью. Седые волосы ее, слегка выбившиеся из-под шляпки, приняли вдруг золотистый оттенок, а глаза даже в густых сумерках миротворствовали цветом живого неба. Она перехватила мой взгляд. Смутилась. Опустила глаза. Как-то вся собралась, потеряв свечение. И продолжила: «Конечно, голубчик, были люди, которые писали стихи милостию Божией. Но одни сгорели в Гражданской войне, другие сгинули в лагерях, - заметьте, я никогда не назову их сталинскими, - третьи уехали за рубеж… Их время, поверьте, еще придет. Я поминаю поэтов, прозаиков. Бог, чьим именем они писали, поругаем не бывает».

- Вы считаете, что перед революцией и после нее в России не было поэзии? – не удержался я.

- Были ее всплески… У Бунина, например, у Блока, у Есенина и его плеяды. Однако, все они были соцьялистами. В той или иной степени… В лучшем случае, сочувствовали оным. А это – опять же противление Богу! Вере нашей Православной. Поэтому соцьялизм убил их же самих. Жаль!.. Знаете, голубчик, помню я одного офицера, гвардейца… Грешна, чуть не влюбилась, хотя и жених уже был… Так вот он на одном из вечеров прочитал такие прекрасные русские стихи!.. Милосердов… Милорадов… Господи, помоги!.. Нет, запамятовала… Тогда я даже не очень близко приняла его поэзию, - грешна: заразилась фальшивым поэтическим «серебром» века! Потом, годы спустя, перечитывала его стихи в заграничных изданиях под псевдонимом «Арсений Несмелов». Запомните! Может быть, Бог даст, по псевдониму найти настоящее имя поэта-гвардейца. Ах! Какие были русские, православные стихи! Добрые, со смешинкой, и в то же время - грустные, с предчувствием беды… Был еще и другой офицер! Кавалергард, по-моему! Сергий Бехтеев! Знаете, такой открытый, веселый, искренний! Даже восторженный какой-то от самих понятий «Россия», «Вера», «Царь Православный!», «Отечество!»… Ну, отрок – и отрок! Кадетик такой!.. Ребячливый! Хотя уже и с наградами… Но за понятия свои – жизнь был готов отдать! И не задуматься ни на миг! Запомните и его! Но на них смотрели, как на что-то первобытное, примитивное!..

- А как сложились судьбы у Арсения Несмелова, у Сергея Бехтеева? – опять прервал ее мечтательные воспоминания.

- Даже не ведаю. Но вы, ваше поколение, узнаете! – опустила она глаза. Снова заговорила: «И тут выступил тот, кто сам себя сравнил с конским глазом…»

- Пастернак? – передил я

- Точно! – по-молодому засмеялась Агния Вениаминовна, - Обидно, что этих выкрутасников сейчас ставят в один ряд с Пушкиным… Даже не с Лермонтовым! Об

этом гении вообще стараются умалчивать… Или так извращают смысл его поэзии!.. Исследуют со знаком «минус»… Но, продолжу. Читал там еще один:

…Немного нужно для наитий.
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня… Событий
Рассеивается туман…
Но если истинно поется,
И полной грудью, наконец,
Все исчезает… Остается
Пространство, звезды и певец…

- Мандельштам, - гордо отреагировал я.

- Да-да! Неграмотный опровергатель Творца…

- Почему же неграмотный?

- Правильно-то, по-русски будет «остаются». Далее-то идет перечисление: множественное число! И так у него – почти во всех стихотворениях. Но кто-то видит в этом «изюминку-с», не разглядев, что сие на самом деле – таракан-с!..

- А почему «опровергатель Творца»?

- Ну, как же?! «Певец», видите ли остается! Но ведь и певца Творец создал! А здесь, в стихотворении, «певец» - центр мироздания! Все, видите ли, «исчезает»! Кроме него… Опять – «я»! Опять – горечь гордыньки! Та самая, которая уводит от Творца читателя! Да-да, вложенная в того самого, который не смог «управлять по-старому» и не «захотел жить по-старому»! А вместо служения Вере, Царю и Отечеству, капается сей пиит в своем собственном грязном белье… Постирал бы для начала!.. Вот отсюда – и все тихоновы, все воробьи, возомнившие себя орлами! Отсюда - и кухарки, посчитавшие себя способными править огромной державой – седьмой частью света! Я говорю безо всякого презрения к последним. Ведь, если вдуматься, то и кухарка может быть поэтом! Но… в своем кухаркином деле, на которое ее поставил Господь Бог! Так - и у святого Апостола, сказавшего, что проклят человек, делающий Божие дело с небрежением… А вы, оказывается, поэзию знаете неплохо…Ой! Голубчик, Александр! Времени-то – четверть первого! Я много десятков лет так поздно не возвращалась!

- Сейчас поймаю такси! – вскинулся я, - Вы столько для меня открыли сегодня! Боюсь, голова не вместит…

- А вы попробуйте вместить все это не в голову, а в сердце, в душу!.. И помоги вам Господи! А вот такси, пожалуй, будет лишним! Это же – такие затраты! Раньше извозчик со Страстной площади, куда мы сейчас выходим, - до Таганки стоил двадцать копеек…

- Нет-нет, простите меня, не спорьте, - прибавил я шагу, - Еще раз простите, может быть это – нескромно… Но как вы с такими взглядами избежали репрессий?

- Сама не ведаю… Должно быть, Бог уберег. И только Он ведает об этом. Я бы и сама хотела ответить на сей вопрос. Никого не предавала. Доносов не писала. Правда, дважды вызывали: сперва – в ЧК, потом - в ОГПУ… Там сидела и творила Иисусову молитву… Лепетала что-то… Не я, должно быть, - Господь ангела послал, он и говорил моими устами. Помню, последнего следователя даже пот прошиб. И он закричал в трубку кому-то: мол, ничего с ней сделать не могу, мол, отпускать буду, мол, чокнутая какая-то!.. Избежала репрессий… Может быть, - только для того, чтобы вам рассказать обо все, о чем сейчас поведала. Действительно, странно… Но, - по воле Божией!

Я быстро поймал такси. Довез Агнию Вениаминовну до старого, - как говорят, сталинского, - дома. Проводил до квартиры… Стрелки показывали час ночи.

«Метро уже закрыто, - приговорила меня мысль, - Придется опять брать такси!» Таксист бормотал что-то о «сухом законе», о том, что мало получает, что у

него есть в багажнике и «Столичная», и пивко, и адреса «девочек»… А я, уставившись на запотевшее стекло, думал о «серебряном веке русской поэзии».

«Сто двадцать миллионов, как говорил Акакий Спиридонович… А сколько среди них замечательных и, возможно, гениальных поэтов, врачей, нженеров, полководцев?! Ведь, похоже, убивали только самых лучших, самых одаренных, - с талантами, данными Богом по вере их! А кого же оставили? Тех, кого оставил Бог? А значит, - бездарей. Или нет… Талант может быть и злым… Тогда он – от сатаны! Интересно, кто-то из так называемых белых эмигрантов сделал какое-либо открытие в какой-нибудь области науки или искусства? Конечно, мы многих и многого из зарубежья не знаем… Но выбить сто двадцать миллионов из собственного народа…» - думал я. И тут вдруг вспомнил, как, капаясь в запасниках гарнизовнной библиотеки, - будучи офицером, - наткнулся на ошеломившую меня еще тогда фразу Ленина в букинистическом томике, вышедшим незадолго до его смерти: «Не согласных - расстрелять, сомневающихся – по лагерям, и только с убежденными марксистами строить новую жизнь». «Какой бред! – мотнул я головой, - Убить человека только за то, что он не такой как ты, не согласен с твоим мнением: «ты меня не уважаешь…» В таком случае Царь еще в самом начале двадцатого века должен был уничтожить всех марксистов, эсеров, кадетов и, уж конечно, - большевиков! А всех сочувствующих им отправить на каторгу. Но почему-то не сделал этого… А Николай, ой, Император Николай Павлович Первый, - я как будто услышал мягкий укор Агнии Вениаминовны, - должен был бы казнить всех, - всех! – декабристов! Но он… Нет, даже не он, а следственная комиссия к повешению приговорила только пятерых, наиболее агрессивных, жестоких… А Пушкин-то – хор-р-рош: «из искры вогорится пламя…». Нет-нет-нет! Что-то я совсем запутался!.. Но… был уже дома. Разделся. Выпил воды из-под крана. Наполнил кружку. Поставил в холодильник.

Боже! Неужели же я, не зная истории своего народа, не имею будущего?! А ведь и это – Пушкин… Но, увы, действительно, столько поколений, дед и бабушка, отец с матерью, я сам, Женя, Татьяна, Валера не знаем своей истории. И - самое страшное: не пытаемся ее узнать! Плывем по течению! Только куда? Господи, прости! Господи помилуй! Господи, помоги!

Дни Светлой Седмицы пролетели, как один. Снова разговлялись и у Великого Князя, и у князя Герасима, и дома… Каждый вечер, после праздничных трапез княгиня Алла уходила к себе. А я коротал время либо в разговорах с Афанасием, Георгием, либо возился с Ольгушкой и детьми Татианы, либо уходил в погреб, нацеживал себе ромейского и наслаждался тем, что никуда не надо скакать, а завтра можно выспаться. После Всенощной на Фомину в Великокняжеском тереме ко мне вдруг подошел князь Герасим.

- Связался я с тобой! – сказал он как-то виновато.

- Что такое?! – вскинулся я.

- Завтра поутру – к Великому Князю, - потупился он.

- Что за нужда, не ведаешь? –

- Княгиню свою прихвати, - только и молвил он в ответ и развернулся, чтобы уйти.

- А служба? – удержал я его за рукав.

- Я же сказал: по-ут-ру! Значит, Божественная Литургия в домовой церкви будет.

Кто-то дотронулся до моего плеча. Это был князь Ондрей.

- Так что? Завтра – твое Святое Венчание с княгиней Аллой?! – улыбаясь, и почему-то шепотом то ли спросил, то ли утвердил он, - Поздравляю. А меня благословили дружкой быть…

- Что-что? – не понял я. Княгиня Алла стояла рядом, переводя взгляд расширившихся глаз с меня на князя Ондрея и обратно, хотя ничего и не слышала. Тут к нам подбежала какая-то юная княжна и горячо зашептала ей что-то на ухо. Княгиня Алла побледнела. Потом покраснела… Перекрестилась…

- Да будет Святая воля Твоя, Господи! – громко прошептала она.

- Эй-эй-эй! – возмутился, было, я, прикрикнув на княжну, - Больше двух – говори вслух!

Но та смутилась и, опустив глаза, убежала. Когда мы уже вышли на площадь, Алла спросила: «Ты уже все ведаешь?»

- Что все? Что ведаю? – почему-то раздражаясь, ответил я вопросом.

- Не искушайся, любый мой! Если ты не желаешь венчаться, я уйду…

- О чем ты? Что ты говоришь? Я люблю тебя, как и любил…

- Завтра – наше Святое Венчание…

- Как?! – у меня даже перехватило дыхание. Только теперь до меня дошли слова князей Герасима и Ондрея.

- Так повелели Великий Князь и митрополит Алексий. - выдохнула она. - Так ты не желаешь?

- Да что ты, ладо моя! – вспыхнул я и, обхватив ее вокруг талии, поднял на воздух.

- Что ты?! Что ты?! Отпусти немедлено! Мы же из храма идем! Люди смотрят!

А когда я отпустил ее, она вдруг заплакала: «Неужели ты не понял, почему так наскоро все делается?! Послезавтра ты опять куда-то скачешь!»

- А три дня? – безпомощно опустил я руки.

- Нет, любый мой! Не будет трех дней! Мне только что княжна Лисавета поведала…

- Вот это – здорово! – вскинулся я, - Военные тайны Великого Князя какая-то княжна Лисавета ведает…

- Да она же – своя! При Великой Княгине! – продолжала плакать Алла.

- Какая разница! – вспомнилось мне, по какой «соломинке» ходит князь Олег Рязанский… Княгиня Алла вдруг вытерла слезы, встряхнула головой: «Значит не такие уж это и тайны, которые должны знать только двое или трое. Значит, - не в орду…»

- Что-о-о-о?! – я даже опешил.

- Нет-нет, ничего, любый мой! Про орду я узнала только после твоего возвращения оттуда… Когда увидела этого отрока… Джанибековича…

Нас венчали по второму чину. Поэтому все прошло не так торжественно. Зато Великий Князь прислал несколько подвод всякой снеди, подарил деревню и земли под Лопасней, красивую саблю в золоченых ножнах, доспех… Алле досталась богатая шуба, всякие украшения. При этом Великая Княгиня Евдокия сказала, что такие камни-самоцветы не всякая южная царица носит. Митрополит Алексий благословил нас большой иконой Спасителя, которую Афанасий тут же установил в горнице, где собрались немногочисленные, - по благословению владыки, - гости. А Димитрий Иоаннович объяснил: «Не хочу, чтобы ты глаза мозолил слишком многим из моего окружения. Ты должен оставаться в тени. А дело наше с тобой – в тайне! Зато и от Господа, и от меня будешь получать явно.»

Казалось бы, я должен был сидеть и любоваться своей молодой женой. Но я не мог отвести глаз от Великой Княгини. Ни капли белил и краски не было на ее лике, - не в пример боярыням двора, а уж тем паче – княгиням и княжнам малых княжеств! Вся она светилась неземной красотой. Спохватился, - уж не кощунствую ли?! – но не мог не сравнить ее лик с иконописными образами. А уж как она обихаживала Великого Князя за столом!.. И, казалось, этими плавными, но уверенными

движениями Великая Княгиня обихаживает всю Отчину. Вот уж поистине – Матушка Земли Русьской!

Князь Герасим, - наоборот, - ухаживал за своей толстушкой-женой, глядя на нее масляными глазами и подкалдывая ей лучшие кусочки. Афанасий зорко следил, чтобы у гостей на блюдах было все необходимое, изредка указывая тому или другому домочадцу, что и кому подложить. Да и сам он весь светился, радовался и выглядел расписным пасхальным пряником.

Выпили в благодарность Господу нашему Иисусу Христу!

За молодых!

Кричали «Горко!»

Алла краснела и, прижимаясь своими губами к моим, казалось, вся вливалась в меня.

Третий тост провозгласили за Великого Князя!

Наконец, встал митрополит Алексий. Поднял чашу с медом и заговорил: «Во имя Отца и Сына и Святаго духа! Дети мои! Вспомниаю для вас Спасово слово. *Еже рече своим учеником и апостолом: се заповедаю вам, да любите друг друга; и о сем вси познают вы, яко Мои есте ученицы, и аще предудете в любви. Также и вы, дети, имейте между собой мир и любовь. О том бо и Павел апостол вопиет и глаголет: весь закон единем сканчавается, еже любите друг друга, и ближнего своего, аки и сам себе.* Также дети, имейте страх Божий в сердцах своих: тем бо может человек всяку добродетель стяжати. Начало бо, рече, премудрости - страх Господень. Такоже и Григорий Богослов пишет: идеже боязнь Господня, ту плоти чищение, и заповедем Божиим соблюдение; идеже заповедем соблюдение, ту душе возвышение в Горний Иерусалим. А заповедем Божиим соблюдение бывает таковыми делы: покаянием чистым о своих прегрешениях на всяк день, милостынею, и удалятися от неподобных дел, еже суть кроме закона Божия: от блуда, от пианства, от грабления, от насилия и чародейства, и волшвения и всяких кобей, и от несытства богатства, и от всякого злаго имения, иже пребывает душе на вред. Имейте же, дети, в уме своем смерть и воскрешение, и суд, отдание комуждо по делом, по Спасову слову, якоже рече: сотвориши благая во воскрешение живота, а сотвориши злая во воскрешение суда. А князи и бояре, и вельможи, судите суд милостивно: суд без милости есть несотворшему милости, хвалится милость на суде, мзды из неповинных не принимайте, и на лица судити, Суд Божий есть, судите людям в правду, и вдовиц, и сирот, и пришлец не обидите, не возопиют на вас к Богу…»

Медленно, с каждым словом владыки вставали со своих мест гости. Опускали очи долу. А он все говорил… Но каждое слово митрополита наполняло душу новым глотком свежего, душистого, благоухающего воздуха. И лицо его светилось…

После этого снова кричали «горько». И так сладки были губы княгини Аллы, что я не верил этим крикам. Но в то же время мне хотелось, чтобы голоса гостей не прекращались… А вот, действительно, горько было… Георгию. И я это увидел. Он сидел в алом парчовом кафтане и отворачивал глаза…

«Ладно, - подумал я, - Завтра потолкуем!»

Зато Ольгушка веселилась вовсю! Петр Джанибекович сидел рядом и смешил ее… Хмель, ударивший мне в голову, навеял мысль о том, что вот уж кого не хотел бы я в зятья… Кровь-то - поганская! Но тут же, невесть откуда взявшаяся, думка подсказала: «Он же – православный! При чем здесь кровь? А если будет верой и правдой служить Церкви нашей, Великому Князю и Земле Русьской?!»

Под конец, князь Ондрей схватил в охапку Ольгушку и Петра, поднял их и пустился в пляс. Все гости последовали его примеру. Святитель Алексий сидел и улыбался…

…Алла сняла с меня сапоги. И прижала мою ступню к щеке: «Любый мой!..»

Но не успели мы заснуть, как в дверь постучали. За ставнями сквозь слюду вовсю играло солнце.

- Что еще? – крикнул я.

- Княже! Тебя Великий Князь к себе требует! – раздался из-за двери голос Афанасия.

- Я же говорила! – вздохнула Алла, и глаза ее наполнились слезами. - Может быть, давай, уедем куда-нибудь? Подальше от всех этих отлучек… И будем жить-поживать, как все добрые семьи… Посад возведем, как мечтал мой отец…

- Что ты несешь?! Есть Вера Православная, Великий Князь и Земля Русьская! И будут всегда! И ради этого мы живем! – одернув ее, начал одеваться я.

- А я?!… А мы?.. А наша жизнь?! – всхлипнула она.

- А я, а ты, а мы, а наша жизнь – для Веры Православной, Великого Князя, Земли Русьской! Я же говорил тебе об этом! И не один раз! Неужели, не уразумела? – какое-то предчувственное раздражение вселялось в мое сердце. И я про себя стал молиться. Одевшись, поцеловал ее. Вышел в горницу, где в полном ратном облачении уже сидел князь Ондрей.

- Что это ты вырядился, словно - к теще на блины, - кивнул он на мой свадебный наряд, - Давай-ка, брат, надевай кольчугу, доспех, поручи… Все, что положено ратнику! Выходим сегодня.

- Куда?

- Туда, куда Великий Князь сейчас нам укажет. Сначала – к нему!

- Добро, - кивнул я и крикнул в сторону людской, - Афанасий, Ивашка…

Но они уже стояли в дверях, держа в руках мое ратное облачение и оружие.

…В верхней горнице, где проходили, обычно, военные советы Великого Князя, было многолюдно. Кое-кто, как и мы, поблескивали ратным снаряжением. Справа от Димитрия Иоанновича, как всегда, восседал митрополит Алексий.

- Ну что, все в сборе, - наконец, молвил Великий Князь. Улыбнулся: *«Христос Воскресе!»*

- *Воистинну Воскресе!* - ответил наш дружный хор. Митрополит встал. Повернулся к святым образам. Перекрестился.

- Благослови, Господи! – как-то совсем по-молодому зазвучал его голос, - и помози нам, грешным, совершить начинаемое нами дело во славу Твою. Господи Боже наш, послушавый Моисея, простерша к Тебе руце, и люди Израилевы укрепивый на Амалика, ополчивый Иисуса Навина на брань и повелевый солнцу стати: Ты и ныне, Владыко Господи, услыши нас, молящихся Тебе. Посли, Господи, невидимо десницу Твою, рабы Твоя заступающую во всех, а имже судил еси положити на брани души своя за Веру Православную, Великого Князя и землю Русьскую, тем прости согрешения их, и в день праведного воздаяния Твоего воздай венцы нетления: яко Твоя держава, Царство и сила, от Тебе помощь все приемлем, на Тя уповаем и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков……

Я увидел, как каждый из собравшихся шевелит губами, повторяя за митрополитом. Повторял и я, вспомнив и про волков, и про рязанского воеводу-иудушку, и про прозрачные шары…

- Аминь! – сделал митрополит поясной поклон. Мы все последовали ему. Что-то екнуло в сердце… Неужели, брань большая предстоит?! Я взглянул на князя Ондрея. Глаза его блестели! Как всегда, когда он предвкушал хорошую сечу.

- Молитва-то – против супостата! – шепнул я ему.

- Ага! Слава Богу! Видать, на поганых идем! – ответил он также тихо, но весело.

- Теперь перейдем к делу. - заговорил Великий Князь. - Арап-шах, или как его называют в народе Арапша, - злобный, жестокий, старый карлик, - по повелению Мамая идет из Синей орды во главе большого войска. Возможно, и сам Мамай выйдет…

Димитрий Иоаннович взглянул на меня… Улыбнулся… Чему, - я не понял… А он продолжал: «Однако, всю орду, всех союзников, он пока не кликал… Идет Арапша в сторону Нижнего Новгорода… Пограбить? Возможно, - только это… Не ведаю пока, зайдет ли он в наши пределы. Но и не помочь отцу Великой Княгини я не могу. Однако и к решающей битве с погаными не готова еще Русьская земля. Но время поднимать ее приспело. Вот и проверим, как она может встать… Ополчение поднимать пока не надо…»

И Великий Князь начал давать поручения собравшимся скакать в Володимир, Муром, Юрьев, Переяславль, Звенигород, в другие города, дабы шли дружины к Нижнему Новгороду.

- Старайтесь все делать тайно, - говорил он для всех, - потому как у литвы, и у орды – всюду свои доказчики и соглядатаи… Если князь Нижегородский Димитрий Константинович побьет Арапшу, Мамай за это всей силой двинет поначалу на него, а потом и на нас. Это же произойдет, ежели Московская и другие дружины открыто выступят на стороне нижегородцев… Обидится Мамай, ежели мы не пойдем вместе с ним на Нижний… Так что, куда не кинь – везде клин. Посему, к тестю моему поначалу выйдут пять сотен. Мы громко расструбим, что это – охотники, ушедшие по своей воле. Пока сие дойдет до Мамая, под шумок выступим и мы… Все дружины должны идти по отдельности. Итак, пять сотен: твоя, князь Ондрей, - пронская, самострельная. Твоя, князь Герасим, охранная. Особо в пути пусть не хвастают твои ратнички своим умением рукопашного боя… Ну и ваши, князья Михаил, и Петр… Держитесь поближе к первым двум. Ваша задача – обыденный бой. Дабы не увидели, что две сотни – особенные… Все могут идти, кроме пяти сотников, которые выходят сегодня.

Когда же горница опустела, Димитрий Иоаннович, обратился ко мне: «Тебе, князь Ляксандр, - задача следующая: в любом случае, спасти князя Димитрия Константиновича с княгиней и чадами. Любой ценой! Успею я подойти с дружинами, не успею ли… Кроме того, тебе дается тоже сотня. Для чего? Ты - мои глаза и уши в нижегородской земле. Посему, твои люди – гонцы от тебя ко мне. Каждый день будешь посылать их с вестями, как только пересечешь границы Нижегородского княжества. До моего прихода… Уразумел?»

Мы, пятеро, поклонились. Вдруг в горницу вошел князь Володимир Ондреевич. Перекрестился. Поклонился всем.

- Гонец из Нижнего, - доложил он.

- Зови! – кивнул Димитрий Иоаннович и повернулся к нам, - Вот и послушайте, что там творится.

Вошедший ратник сообщил, что нижегородские боляре настраивают Димитрия Константиновича против Москвы.

- Как против?! – мотнул головой Великий Князь.

- Говорят, мол, если придет Арапша, мы сами его побьем. А помощи от Москвы, мол, не надобно, - подтвердил гонец.

- Во-она, как! Прости, Господи, за осуждение, - обернулся к нам Димитрий Иоаннович, - но сначала тесть просит о военной помощи… Мы ставим всех на ноги… Можно, подумать на Москве у нас дел никаких нет… А что скажет, когда придем? Ох, чую, в доме тестюшки моего измена зреет… Нужен ты там, князь Ляксандр, ох, как нужен!

Мы молчали, опустив головы. Но тут подал голос Володимир Ондреевич: «А может быть, ехать им, как бы, от Великой Княгини…»

- Грех лгать! – твердо произнес митрополит Алексий.

- Ну-у-у, тогда пусть и впрямь «охотничками» идут, - пожал плечами князь Серпуховской. Горько было видеть Великого Князя таким скорбным… А он взглянув на меня, повелел: «Идите… Именем моим идите! Но для Москвы, - охотниками, как

решили поначалу. Узнай, князь Ляксандр, кто сеет раздор, новую межусобицу. Спроси невзначай, мол, неужто опять митрополиту Алексию игумена Сергия присылать, чтобы замки на все церкви, начиная с собора, навесить? Напомни князю Димитрию Константиновичу, что сталось, когда Русьские князья в одиночку пытались биться с погаными.»

- Брат Димитрий, - снова заговорил Володимир Ондреевич, - есть еще вести.

- Какие?

- Суздальская дружина и ополчение во главе с князем Василием Димитриевичем вышли на Нижний.

- Сколько ратников?

- С ополчением около семи тысяч…

- А у тестя моего?

- С ополчением нижегородским тысяч десять… Но если учесть всю отчину, с меньшими князьями, их ополчением, тысяч семьнадцать наберется…

- А у Арапши?

- Туменов пять-семь.

- Ох-ох-ох! Силы-то – неравные! Неужто кто-то из нижегородских боляр поганым продался… Надо поспешать! А то гордынька Димитрия Константиновича новой бедой для всей Русьской земли может обернуться. Ступайте. Князь Ляксандр! Ты – старший. Выходите сей же час.

Мы поклонились, а митрополит Алексий благословил нас обеими руками.

- Не уразумею что-то, - говорил я на ходу князю Ондрею, - чего желает Великий Князь? Победа нижегородцев грозит всей земле Русьской нашествием самого Мамая… Поражение – тоже недопустимо… Те-э-эсть! Так что же делать?

- А что ж ты молчал? Переспросил бы! – кусая ус, ответил тот.

- Я полагал, ты понимаешь… К тому, же сам видел, как заскорбел Димитрий Иоаннович… Какой тут переспрос?!

- Ага! Мое дело – малое: встать позади Большого полка. Во время наступления поганых – выйти перед ним. Сделать несколько выстрелов в тяжелую конницу. Отойти на холм к шатру Димитрия Константиновича. И охранять его… Кстати, - вместе с тобой и остатками твоей сотни.

- Да-а-а… - протянул я, все равно ничего не понимая.

- Ну, что ты кручинишься?! - положил мне руку на плечо князь Ондрей. - Наше дело – не рассуждать, а выполнять благословение и повеление. А там – как Бог даст! Я разумею, что пока мы будем в Нижнем, Димитрий Иоаннович не будет сидеть, сложа руки. Ты же слышал, что он общий клич кинул по всей земле Русьской. А делает Великий Князь все только с благословения митрополита Московского Алексия. А значит – по воле Божией

- Кстати, а что это за случай, когда игумен Сергий замки на нижегородские церкви понавесил? Ты не ведаешь? – перевел я разговор.

- А то! Тогда, после межусобиц почти все князья мир заключили. Один Димитрий Константинович не пожелал. Все еще о Великом Княжении грезил… Тогда митрополит Алексий послал в Нижний игумена Сергия с ящиком замков. Тот и понавесил их на двери всех нижегородских церквей. И сказал, мол, недостойны вы, нижегородцы называться русьскими и православными, потому, что князь ваш, словно Каин на Авеля, на братьев своих по вере враждует. Тут горожане и взяли в оборот своего князя. Прибежал мириться, как миленький! Даже дочку свою за нашего Димитрия Иоанновича выдал! Да вот теперь что-то память у него отказывать стала… - усмехнулся князь Ондрей.

…Сотни и обоз стояли на Соборной площади. Ратники прощались с семьями. Я обнял Ольгушку, Аллу. Вытер слезинки с их щек. Перекрестил. Вспомнилось вдруг, как прощалась княгиня Пронская с мужем…

- Чему ты улыбаешься? – удивленно спросила Алла. И я рассказал ей о воспоминании.

- Мне далеко еще до такой любви к моей новой Отчине… - вздохнула она.

- Вот и учись пока! Молись. Служи Великой Княгине. А там, Бог даст, и достигнешь такой любви. Господь намерение целует! – прижал я ее к себе.

На площади начался напутственный молебен. После него мы сразу вышли из Кремля. Ратники все время оборачивались: на башнях и стенах стояли отцы, матери, братья, сестры, жены, дети, невесты. Они махали руками, платками… Ратники отвечали им…

В Великий Четверг я исповедался, причастился Святых Таин. Батюшка даже, по случаю грядущей Пасхи, не стал епитимию накладывать. Так и сказал мне. А в Страстную Субботу я заступил на дежурство. Радовало только то, что напарником моим был Акакий Спиридонович. Он пришел в новой белой рубашке, нарядном галстуке, весь сияющий, как Пасхальный кулич, облитый розовой глазурью. Только яркий румянец на щеках, да испарина, изредка выступающая на лбу, настораживали. Под вечер он шепнул, кивая на чуть приоткрытый портфель: «Я сгоняю, здесь недалеко, на Арбат, в Филипповскую церковь? Она – ближе других.»

В пузатой портфельной глубине я увидел фарфоровую миску с десятком разноцверных яиц, богато вышитый рушник, в который, как я догадался, был завернут кулич, и маленькую кастрюльку. Акакий Спиридонович любовно приподнял крышку, под которой красовалась творожная Пасха, посыпанная шоколадом, с буквами ХВ и крестами на гранях.

- Конечно-конечно, - кивнул я, улыбаясь, - с Богом!

Часа через два он вернулся. Но теперь к сиянию глаз примешалась какая-то грусть.

- Что-то случилось? – спросил я.

- Случилось! – вздохнул он, - Всегда грустно приходить на Всенощную в этот день, зная, что уйдешь всего за несколько часов до самого главного, - для всего человечества, - мгновения. И только близкому по духу или родным в полночь можешь сказать самые главные слова: *Христос Воскресе!* А на праздничную службу можно пойти только утром…

- А разве раньше было по-другому? – удивился я.

- Мне моя мамочка, - Царствие ей Небесное, - рассказывала…

И он с жаром стал говорить, как во всех московских храмах, начиная с Великого Четверга, почти без перерыва шли службы. А у меня возникло ощущение, что я не просто давно знаю и помню, но и сам присутствовал на каждом таком богослужении… Или просто Акакий Спиридонович так живо и ярко описывал все это?! Но ведь и он ни разу в жизни не бывал на этих службах… Потом мы пили чай со смородиновым вареньем и сухим печеньем. Я спросил: «Как же так посчастливилось, что ваша семья, такая патриархальная, избежала репрессий?»

Акакий Спиридонович пожал плечами. Потом перекрестился: «Неверующий человек назвал бы это случайностью, везением, еще чем-нибудь… На самом же деле, это – Промысел Божий! Мамочка моя и бабушка подолгу молились ночами. Меня приучили. Папа тоже старался. Если выпадал свободный часик, как сейчас помню, придет усталый, голодный… Ему бы отдохнуть: в любую минуту могли на службу вызвать снова… А он, первым делом, откроет дверку шифоньера, - на внутренней ее стороне у нас тайный иконостас был, - сделает три поклона, пошевелит губами, помолчит, глядя на образа, и только тогда – за стол.»

- Но он же на руководящей работе был, да еще - в органах! Как же тогда избежал членства КПСС?

- Бог берег! Я так думаю. Неисповедимыми Своими путями. Раз в три года они с мамочкой на Кавказ ездили. Официально – отдыхать. А на самом деле – к старцу одному… Тот ему и говорил, что и как делать. Когда и где - что сказать. Видимо, и молитвы старца берегли отца. Его ведь даже в КГБ хотели на работу направить… Но, тут я заболел и надо было менять климат. Мы тогда переехали на три года в Краснодарский край. В Геленджик. Старец к тому времени почил в Бозе. Но родители все равно на могилку его часто выезжали. Теперь уже со мной. Папа работал в местной милиции. Он же только с уголовниками боролся. Вот так…

- Вы говорили, что вашего отца знал Сталин.

- Да. Но каким образом они познакомились, даже предположить не могу. У меня сохранились только несколько личных записок Иосифа Виссарионовича к отцу. Так, на первый взгляд, - какие-то житейские перечисления перчаток, носков… И подпись: «Иосиф». Я потом сверял почерк по полному собранию сочинений: один к одному! Я ведь тоже на юридический поступил. Мечтал криминалистом стать. Там и научился кое-чему. Но не закончил: здоровье не позволило…

- А может быть, и Сталин как-то оберегал вашего отца?

- Да-да, возможно… Ты же знаешь, Иосиф Виссарионович учился в духовной семинарии. Окормлялся у одного великого старца. Тот и вызвал к себе будущего Сталина за полгода до окончания им всего курса обучения. В семинарию Иосиф Виссарионович больше не вернулся. Слышал я, что старец дал ему тяжкое послушание: спасти Россию от грядущего нового ига! Сделать из нее великую державу! Старцы многое предвидят. Вот и духовник Сталина предвидел, должно быть, и семьнадцатый год, и последующие великие разрушения. Но что мог сделать Иосиф Виссарионович один в окружении ненавистников Православия, - а значит и всего русского народа, - которые захватили власть в стране? Поразмысли сам, для того, чтобы встать во главе России, да еще в окружении врагов, ой, какой ум, какую молитву надо иметь?! Каких молитвенников – за спиной!

Мне стало немного страшновато от того, что говорил Акакий Спиридонович. Вспомнилась армия… «Беседы», а по сути, - допрос с предъявлением необоснованых обвинений, в особом отделе… С угрозами… Исключение из партии… Так, значит, не зря со мной все это произошло?! Не случайно?! Значит все, что предъявлялось ко мне, жило где-то в глубине моей души?! Этим я и успокоил сердце. Но не могли же «особисты» прочитать в душе у меня, да еще подспудное… Нет! Здесь какая-то бесовщина участвовала. Но Бог повернул все к лучшему. И я, отогнав свои мысли, спросил: - А причем тогда «перчатки», «носки» в записках вашему отцу?

- Я полагаю, что это был шифр… Мамочка как-то проговорилась, что отец одно время вдруг стал ходить в церковь во имя Всех Святых на Соколе. И только – в будние дни. Редко. А я потом, бывая там, услышал от одной прихожанки, что в храм иногда приходил Сталин. Придет, по ее словам, тихо встанет в темном уголке, - только в будни, когда народу мало, - похристосуется с двумя-тремя незнакомыми прихожанам мужчинами, поговорит с ними, - да так кротко! - благословится у настоятеля, скажет ему несколько слов, сделает три земных поклона, приложится к Распятию и уйдет. Так же тихо, почти незаметно. И что здесь занятного, если сопоставить: оказывается, духовник Сталина на Кавказе был учителем старца, у которого окормлялись мои родители…

Мы помолчали…

- Ну что?! Еще чайку? Варенье понравилось? – вдруг весело спросил Акакий Спиридонович.

- Да, спасибо! Сами варили? С дачи?

- Нет. Варил один прекрасный человек… Точнее – варила, - задумчиво, словно вспомнив что-то очень хорошее, улыбнулся он.

- А я подумал, что это – вы, или ваша жена…

- У меня нет, и не было жены. Ни-ког-да! – вдруг погрустнел глазами Акакий Спиридонович. Я замолчал: так стало жаль его…

- И не надо меня жалеть! – словно прочитал мои мысли он, - Я – счастлив! И всю свою жизнь был счастлив!

- Вы никогда не любили женщин?.. Простите… Я ляпнул, не подумав…

- Любить, дорогой мой, в жизни, можно только одну женщину!.. Любил, люблю и буду любить до последнего вздоха! И она меня любит!.. Мы познакомились в церкви, на Пасху. Оказалось, что оба собрались поступать на юридический. Мечтали после окончания Университета жениться, обвенчаться… Но тут, в конце третьего курса, с новой неизлечимой яростью вспыхнула моя детская болезнь, о которой я к тому времени позабыл. Да так вспыхнула, что я подумал, мол, грех мне чужую жизнь «заедать»… Наврал, что разлюбил, встретил другую… Думал, она забудет меня, влюбится в кого-нибудь, выйдет замуж, нарожает детишек… Я даже в другую церковь ходить стал. В Москве-то их тогда не так много было. Ездил на Сокол, с пересадками. А через пятнадцать лет, тоже на Пасху, встретились мы в Елоховском соборе. И оказалось, что все эти годы она не забывала меня. И не просто не забывала, а любила! Себя же полностью посвятила работе. Сестре помогала троих детей воспитывать. Сестра-то с мужем – известные ученые. Вот, с их дачи – и варенье это!

- И вы не женились?

- Нет. Куда мне - с моими болячками?! Она поняла меня… Однако, поняла и то, что Господь дал нам другую любовь: небесную! Вот, так и живем… У детей сестры – уже свои дети, пока – младенчики. Но она и этих помогает воспитывать. Хотя сама - кандидат наук! И обо мне заботится лучше любой жены. Видимся часто. Я бываю них в гостях, на даче. Она – у меня. Все праздники – вместе в храме. А потом – к ним: за праздничный стол.

- А что, сестра-то ее с мужем, эти ученые – тоже верующие? Православные?

- И-и-и, милый! Настоящие ученые – всегда верующие!.. Так что, дорогой Александр, любовь – это дар Божий! Все остальное – страсть!

- Да-да! Но, я все-таки - про настоящих ученых… Нас в школе учили, что все они, начиная от Пифагора, Галилея, Коперника, Ломоносова, кончая Пироговым, Сеченовым, Тимирязевым, другими русскими, - атеисты!

- Эх, Александр, Александр. А ты знаешь, что писал, например, тот же Михайло Васильевич Ломоносов по этому поводу? Попробую вспомнить … Ах, да! Великий Ломоносов утверждал: *«Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал Свое величие; в другой — Свою волю. Первая — видимый этот мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту, стройность Его зданий, признал Божественное всемогущество по вере себе дарованного понятия. Вторая книга — Священное Писание. В ней показано Создателево благословение к нашему спасению».*

- Где же вы такое вычитали?

- Это – не я. Это – она. Ты же сам говоришь, что в школе вдалбливали, мол, все ученые – атеисты. Вот она и накопала в спецхране, когда диссертацию писала… Чтобы головки детишкам сестры от школьной пропаганды прочистить. А я тоже – не прочь прочитать… И – переписать! На следующее дежурство я принесу тебе записи из дневников великих ученых, писателей о Боге, о Вере. Сам убедишься… Ой! Да что ж мы сидим?! *Христос Воскресе*! – вскочил совсем по-молодому Акакий Спиридонович.

И мы, после моего радостного ответа *Воистину Воскресе!* трижды похристосовались.

- Давай-ка, Часы Пасхальные почитаем! - предложил он.

- С радостью! – отозвался я.

И он запел! Ах! Как он запел! Оказалось, что у него - настоящий бархатный баритон! Я неумело подпевал ему. А, повернув голову в его сторону, увидел у него на глазах слезы…

- Ну что?! – произнес он, улыбаясь, когда мы закончили такие короткие Часы, - ложись, отдыхай! Тебе же завтра, то есть уже сегодня, после дежурства на службу?!

- А вы?

- Я – тоже, конечно, в храм. Но мне что-то не спится… Развоспоминался…

Мне показалось, что лицо его светится. Вспомнилось такое же состояние Агнии Вениаминовны… «Вот уж, действительно, - Пасхальный подарок! Столько впечатлений, столько информации! Хоть начинай писать прозу!» - радовалась мысль, когда я улегся. «Запомнить бы еще все это!» - скептично заметила другая. «До первого греха!» - хохотнула третья. «Как это?..» - подумал я, не понимая, но засыпая…

…Утром Акакий Спиридонович аккуратно отрезал мне по кусочку кулича и пасхи, приподнес ярко-алое яйцо.

- Мы с тобой – счастливчики! – неожиданно сказал он. И увидев мой недоуменный взгляд, пояснил: «Нам с тобой Господь наш Иисус Христос доверил охранять частичку Своего достояния в ночь Своего Светлого Воскресения!»

…- *Христос Воскресе!* – гремел на всеь храм голос отца Валерия.

- *Воистину Воскресе!* – отвечали ему единым голосом прихожане. И лица у всех светились красотой. А глаза – цветом живого неба! Отец Валерий проходил по храму с благоухающим кадилом, как бы даже пританцовывая от радости. Но после Святого Причастия ко мне быстро подошел озабоченный Василько.

- Пойдем скорее! Матушке Агнии плохо! Батюшка благословил нас с тобой и Марию отвезти ее домой. А он приедет вслед за нами, сразу же после Божественной Литургии.

Агния Вениаминовна сидела на скамеечке, прислонившись спиной к стене, с прикрытыми глазами, вся – белее своих седых волос и накрахмаленного платочка. Мария держала у ее посиневших губ чашечку со Святой водой, изредка давая старушке глотнуть.

- Ну что? – спросил Василько.

- Мне уже лучше, - не открывая глаз, прошептала Агния Веиниаминовна.

- Батюшка благословил отвезти вас домой. Но, может быть, сначала «Скорую» вызовем? – спросила Мария.

- Нет-нет! Боже упаси людей в такой Праздник безпокоить… Мне перед вами-то так неудобно… Хотя вы – и свои, - опять тихо проговорила старушка, - Вам бы сейчас – веселиться, разговляться… А тут – я, старуха, на ваши головы свалилась…

- Что вы такое говорите?! – мягко возмутился я.

- Спаси вас Господи! Что ж, пойдемте… Надо батюшкино благословение выполнять.., - попыталась приподняться она. Но сделать это смогла только с нашей помощью.

«Ласточка» остановилась у ее большого «сталинского» дома. Входные трехметровые двери были снабжены кодовым замком, только вошедшим в моду. Огромный, словно концертный зал, подъезд, с колоннами в темной глубине своей, слабо освещался лампочкой перед просторным, - человек на восемь, - лифтом. Тот медленно, словно раздумывая, поднял нас на третий этаж, равный по высоте своего расположения пятому или даже шестому в современнных «коробках». Косяки двери в квартиру Агнии Вениаминовны пестрели разными по величине и форме звонками, под которыми были подписаны фамилии жильцов.

Агния Вениаминовна с трудом открыла несколько замков, и мы оказались в широкой, словно половина волейбольной площадки, прихожей. Даже шкафы, тумбочки, сундуки, какие-то ящики, галошницы, стоящие вдоль стен около пяти или шести дверей, ведущих в комнаты коммуналки, не сокращали этой огромности.

Одна из дверей открылась. Из-за нее вышел лысый, краснолицый, толстый мужик лет пятидесяти в обвисших, полинявших, трикотажных тренировочных штанах, такой же салатовой майке и с эмалированным чайником в руках.

- *Христос Воскресе!* – прошептала ему Агния Вениаминовна.

- Чиво-о-о? – вытянул мужик к нам, поначалу показавшуюся несуществующей, шею. И пробурчал: - Ишь, гостей навела… На молоденьких потянуло?!

Но тут же громко добавил: - Между прочим, твой черед ванну, сортир, кухню и колидор мыть.

- Как же вы можете?! – вспыхнула Мария, - Неужели вы не видите, что ей плохо?

- Плохо ей! – хмыкнул мужик. - А в церкви целыми днями выстаивать – плохо не бывает?! А вы, видать, тоже – из церковников… Глядите, милицию вызову!

Из той же комнаты, из которой появился он, показалась молодая женщина. Всплеснув руками, она воскликнула: «Папа! Ты опять - за свое! Ну, зачем ты к Агнии Вениаминовне придираешься?! Праздник же сегодня! Пасха! Кто же моет-то в такой день? У нее очередь - на любой день следующей недели.»

Мужик потупился и прошаркал в кухню. А женщина, взглянув на Агнию Вениаминовну, еще больше заволновалась: - Ох! Что это с вами, бабушка Агния?

- Плохо ей стало. Довезли на машине. - ответил Василько.

- Давайте, я помогу! Я ведь все у нее в комнате знаю! Детство там мое прошло, - засуетилась женщина, - а на отца не обижайтесь! У него голова болит! Вчера суббота была – «день шофера»! Теперь до завтра «отходить» будет, чтобы трезвым в понедельник – опять «за баранку». Он – «дальнобойщик». Устает. Наговорит иногда такого! А потом сам себе места от стыда не находит… Меня Аней зовут…

Она хлопотала, помогая снять пыльник и шляпку с Агнии Вениаминовны. Каждому подала тапочки…

- Бабушка Агния любит чистоту… Сейчас увидите, как паркет у нее в комнате натерт… И все – на своих местах! Может быть лекарство нужно? Я сейчас сынишку в дежурную аптеку пошлю… Он мигом сгоняет... - нервно тараторила Анна.

Агния Вениаминовна сама открыла дверь в свою комнату.

- Вот сюда ее сажайте, - указала Анна, - на – ее любимое кресло… Может быть «Скорую» вызовем?

- Анюта, голубчик, - слабым голосом перебила ее Агния Вениаминовна, - накапай мне, пожалуйста моего лекарства… И возьми розовую коробочку на комоде. Это – мой подарок тебе на Пасху. А папе передай пачку «Трех богатырей». Я же знаю, он любит хорошие папиросы.

- Ох! Это – мне?! – воскликнула Анна, раскрывая коробочку, после того, как поднесла Агнии Вениаминовне хрустальную рюмочку с каплями.

- Да, - слабо улыбнулась старушка, - это – любимый перстенек моей бабушки… Помнишь, как ты в детстве любовалась им? Как смотрела через камушек на солнышко?

Анна бухнулась на колени перед Агнией Вениаминовной и поцеловала ее руку.

- Полно, полно, - погладила та женщину по голове, - В шкафу возьми книгу Майн Рида, что так нравится твоему Сергуньке. Передай…

Анна открыла дверцу книжного шкафа и, словно какой-то предмет из тонкого хрусталя, достала толстый, с золотым обрезом том, своими размерами похожий скорее на энциклопедический словарь.

- Вы же говорили, что дарили эту книгу своему покойному мужу! – прошептала она громко.

- Но ведь она ему сейчас не нужна! – грустно улыбнулась Агния Вениаминовна, - Бери-бери! *Христос Воскресе*! Ступай, порадуй своих!

Анна вышла со слезами на глазах.

- Белная девочка! – с трудом кивнула в ее сторону Агния Вениаминовна, - Отец – всю жизнь во многодневных поездках. Мать, пока была жива, - сутками на дежурствах, - диспетчером, на той же автобазе. А ведь там – глаз не сомкнешь! Потом

отсыпалась. А девочка – одна и одна… Вот и скрашивала мою старость! И здесь, и в библиотеке… Потом вышла замуж, - тоже за шофера. Едва успела Сергуньку родить, муж насмерть разбился в аварии. Вот так с тех пор и живем…

Я слушал и разглядывал комнату. Тяжелые бархатные темно-малиновые гардины на окнах создавали полумрак. Но и в нем большие иконы в золоченых ризах светили из красного угла. С фотографий на стенах, над старинным резным комодом и письменным столом, уставленным различными антикварными шкатулками, статуэтками, вазочками, флакончиками, настолькой лампой, пресс-папье, несколькими книгами и какими-то папками, смотрели добрые с юными глазами цвета живого неба, разного возраста мужчины во фраках и царских военных мундирах, женщины, - словно из романтических романов. Наверное, их ровесниками были книжные шкафы, сверкающие золотыми буквами, - «ятями», «фетами», «ижицами», - на корешках книг, строго в них расставленных. «Неужели здесь нет ничего из современных изданий?» - вдруг подумалось мне…

- Александр, голубчик, - вдруг услышал я голос Агнии Вениаминовны, - выберете себе здесь поэтические издания. А осталные книги пусть заберет отец Валерий… Он знает, куда их пристроить. Василько, Маняша, возьмите себе по приглянувшейся иконке… Ты, Машенька, еще прими от меня на память Женский молитвослов… Он – под иконами, в Красном углу.

- Да что же вы, Агния Вениаминовна, все раздаете, - вскинулась Мария, - словно помирать собрались!

В это время раздался звонок от входной в квартиру двери.

- Откройте! Это – отец Валерий. - тихо улыбнулась Агния Вениаминовна. Она оказалась права. И только он вошел в комнату, попросила: «Батюшка! Окажите милость, соборуйте, исповедуйте меня… Напутствуйте…

- Полно вам, матушка Агния! – мотнул священник головой.

- Нет-нет! Сделайте, прошу вас, окажите милость! Я чувствую приближение… Страшновато…

- Ну что ж.., - задумчиво проговорил отец Валерий и начал выкладывать из портфеля все необходимое для Таинства. «Он знал… Все приготовил заранее…» - мелькнула в моей голове мысль. И вместе с Василько и Марией я удивленно следил глазами за четкими движениями его рук. Потом мы встали за спиной священника, чтобы подпевать. Когда отец Валерий помазывал Агнию Вениаминовну, та, закрыв глаза, блаженно улыбалась. А в дверь то и дело стучали…

- Не обращайте внимания, - перебила наше пение старушка, - Это соседи, очевидно, волнуются. Хотят узнать о состоянии моего здоровья… Василько, сделай милость, выйди, объясни им… А вскоре и нам с Марией пришлось удалиться из комнаты: отец Валерий начал исповедовать умирающую.

В прихожей собралось человек пятнадцать разного возраста, пола и, как принято говорить, социального положения. Все они вопросительно смотрели на нас.

- Ну что вы хотите узнать? - тихо объяснял Василько, - Сейчас священник исповедует Агнию Вениаминовну…

- Ага! – хмыкнула ярко накрашенная, высокая, темноволосая, стройная, немолодая дама, затянутая в черный шелковый халат с желто-красными драконами вдоль тела. - Сейчас исповедует и все золотишко прикарманит…

- Да что же вы такое говорите, Элеонора Адольфовна?! – вспыхнула Анна, - У нее из драгоценностей и был-то единственный бабушкин перстенек. Вот – он! Агния Вениаминовна при свидетелях мне его подарила!

Из комнаты вышел отец Валерий.

- Агния Вениаминовна желает проститься с соседями, - объявил он, опустив голову, - посему прошу всех по одному заходить к ней. Я, Василько, Мария и Анна будем свидетелями.

И мы первыми вошли в комнату. В ней пахло ладаном и свечным воском. Агния Вениаминовна по-прежнему сидела в своем любимом кресле. Только лицо ее, как показалось мне, светилось изнутри. Она слегка улыбалась своими юными, как у людей со снимков на стене, глазами цвета живого неба… Следом за нами втерлась дама в халате с драконами. Она быстро и цепко оглядела комнату.

- Элеонора Адольфовна, - обратилась к ней Агния Вениаминовна, - Прежде всего я прошу у вас прощения, если в чем обидела… Возьмите себе с комода любую вещь, которая вам нравится.

Дама резким, каким-то птичьим движением, судорожно схватила малахитовую шкатулку, тонко инкрустированную желтым металлом. Пригляделась к ней.

- Гм… А я подумала, что это – золото! – произнесла она, ковырнув длинным ногтем инкрустацию и скривив губы, - Ну, ничего, зато малахит – натуральный. А он сейчас – в моде!

- Да-да, милая… - кивнула Агния Вениаминовна.

- А можно я еще возьму малиновую шляпку? Сейчас такие снова в моду входят… - вдруг ласково улыбнулась Элеонора Адольфовна.

- Возьмите, голубушка, и не поминайте меня лихом. Маняша, достань шляпку из шифоньера… Она – на верхней полке, завернута в марлю…

Дама, опять по-птичьи скрючив ногтистые пальцы, схватила шляпку и выскочила из комнаты.

- Бедняжка! – вздохнула Агния Вениаминовна, - Спаси ее Господи…

Соседи заходили по одному. Притихшие. Понурившиеся. Агния Вениаминовна всех подбадривала, пробовала шутить, вспоминала что-нибудь забавное из их прошлых отношений. И для каждого, - даже для детей, - у нее находился подарок на память. А у нас пятерых, - даже у отца Валерия, - стояли слезы на глазах.

Когда очередь закончилась, Агния Вениаминовна обратилась к отцу Валерию: «Батюшка, я оставила кое-что на память Василько, Александру и Марии. Остальным – распорядитесь по своему усмотрению. Простите меня Христа ради за то, что утруждаю вас… Мелкие вещи можно раздать прихожанам на молитвенную память обо мне. Мебель, мне кажется, лучше продать. Она сейчас – в цене… А вам - храм ремонтировать! Решайте сами. Икону Божией Матери я оставляю лично вам. Другие иконы – в храм. В шифоньере лежит узелок, - там все необходимое для погребения. В нем же и деньги… Копила… Вот ведь, - еще грех! Простите, утруждаю вас… Положите меня рядом с родителями на Ваганьковском. Документы на участок – тоже в узелке. Очень прошу: молитесь за меня, грешную. Тяжеленько будет мне мытарства проходить… Ну-с, прощайте… Храни Господь всех вас, храм наш, прихожан, всю землю Русскую…

Агния Вениаминовна закрыла глаза. Глубоко вздохнула. И, словно заснув, замерла с улыбкой на губах…

- *Честна пред Господом смерть преподобных Его!* - перекрестился отец Валерий и, раскрыв требник, стал читать Канон на исход души.

Слезы сами капали из моих глаз. Было ощущение, что я потерял родного, - по крови! – человека. Я низко опустил голову, чтобы моего состояния не видели другие. Но, мельком взглянув на Василько, Марию, Анну, увидел, что и у них – мокрые щеки.

- Вызывайте «Скорую» и милицию, чтобы констатировать смерть. - наконец произнес отец Валерий. Его глаза так и оставались влажными… Василько вышел из комнаты к общему, - в прихожей, - телефону. Анна упала на колени уткнулась лицом в складки платья Агнии Вениаминовны и зарыдала.

- Батюшка, а почему «преподобных»? – спросила сквозь слезы Мария.

- Агния Вениаминовна до середины пятидесятых годов ждала мужа… Он погиб еще в 1942-м… Она не верила… Потом приняла тайный монашеский постриг. - ответил отец Валерий, укладывая утварь в портфель.

В комнату вошел отец Анны. Теперь он был в темной рубахе и черных брюках. Потоптавшись на пороге, глядя куда-то в сторону, обратился к батюшке: «Вы меня простите. Не знаю, как к попам обращаются… Я ведь – простой шоферюга… Некому хоронить Агнию… Анюта сказала, что вы сможете. Вот я и решил… Не обижайтесь только… Здесь всего сто рублей… Лишними не будут… Могильщикам, там, заплатить, на бутылку дать… Веночек, там, какой от соседей купить… Хочется, чтобы Агния простила меня за мои грубости на том свете, если он, конечно, есть…»

Мужик сунул скомканную бумажку в руку отца Валерия, резко развернулся, провел ладонью по глазам и вышел из комнаты. В дверь постучали. Вошла девочка лет двенадцати. За ней – молодой мужчина, как я понял, - ее отец. Он, встав за ее спиной, положил дочери руки на плечи и сказал: «Вот тут Катя решила… На велосипед копила…»

А девочка протянула отцу Валерию глиняного поросенка-копилку.

- Возьмите, пожалуйста, на похороны бабушки Агнии, - сказала она со слезами, - здесь почти тридцать рублей.

- И - от меня… От нас с женой… Она сейчас – на работе… Сверхурочно.., - мужчина сунул в щелку копилки «десятку», - Простите, что так мало. Мы с женой – инженеры. Оклад – 150… Простите, что мало…

- Деточка, возьми свою копилку! Мы похороним матушку Агнию.., - начал, было, отец Валерий…

- Нет-нет-нет, - вдруг громко заплакала Катя и, вырвавшись из-под ладоней отца, выбежала за дверь. На ее место без стука вошла женщина в белом халате, милиционер и еще двое каких-то мужчин

- Где покойница? – спросила врач. Все записав, отметив, она попросила нас поставить свои подписи под какими-то актами. То же мы сделали как понятые и в протколе милиционера.

- Ну, что? Будем забирать в морг?! – то ли спросила, то ли утвердила врач.

- Нет-нет, - помотал головой отец Валерий, - Мы сами похороним ее. И до похорон она побудет в церкви…

- А вскрытие? – вскинула брови врач.

- Вот – завещение покойной, заверенное государственным нотариусом, в котором Агния Вениаминовна заявляет, что она – против вскрытия своего тела после кончины. Есть и две копии, – для медицинских работников и для милиции. - протянул отец Валерий два стандартных листа бумаги, исписанных мелким убористым почерком и скрепленных печатями. Врач и милиционер внимательно прочитали оригинал, сверили с ним каждый свою копию. Сложив, спрятали в сумки.

- Ну, что ж?! – пожал плечами милиционер. - Тогда нам здесь больше нечего делать.

И они вышли из комнаты.

- Василько, поезжай за матушкой Марией. Пусть прихватит с собой еще двух-трех женщин. Она сама знает, что и как дальше делать, - благословил отец Валерий.

Дверь приоткрылась и ее проеме показалась голова заплаканной Анны.

- Батюшка, я чай приготовила… С бутербродами… Пойдемте? – предложила она.

- Спаси Господи. Не откажемся? – повернулся отец Валерий к нам. На столе, в неестественно светлой и какой-то официальной от современной мебели комнате, стояли чайник, чашки, рюмки и бутылка вина. На тарелках были разложены бутерброды с колбасой и сыром.

- Вы помяните, - наполнил рюмки отец Анны, - а я не могу: завтра – в рейс. Вернусь через недельку и помяну уж сам, один…

- Простите меня, - мягко возразил отец Валерий, - но у нас, в Русской Православной Церкви покойников ни вином, ни водкой не поминают. А вот за

Светлое Христово Воскресение мы выпьем по рюмочке. Вы знаете, ведь это – великое счастье: умереть в такой день! Так святые отцы учат! Да и в народе говорят, что тот, кто умирает в Пасху или в дни Светлой Седмицы, прямиком, словно в скоростном лифте, следует в рай! Безо всяких мытарств! Лукашки-то сейчас по болотам попрятались, рыла свои в тину засунув…

Отец Анны пожал плечами и налил себе в чашку одной заварки.

- *Христос Воскресе!* – провозгласил отец Валерий.

- *Воистину Воскресе*! – хором, но грустно ответили мы.

- *Воистину Воскресе..,* - как бы нехотя, почти шепотом, отозвался отец Анны и, весь как бы сжавшись и наклонившись всем телом к своей чашке, сделал большой глоток чаю. Скоро Василько привез матушку Марию и еще трех старушек. А мы все отправились в храм помянуть Агнию Вениаминовну и, - после этого, - разговеться.

Если бы не обоз, мы бы двигались намного быстрее. На рассвете третьего или четвертого дня вдруг в глуши, несколько в стороне от большой дороги на Володимир, заголосили петухи. Мы все насторожились.

- Петушки! – хмыкнул князь Петр, подскакавший к нам в голову сотен.

- Что? – не понял я.

- Разбойничьи места! – пояснил он, - Здесь, в лесах - немало лихих людей. Вот и перекликаются по-петушиному. Знак подают: мол, ратников много. Напасть побоятся…

- Точно побоятся? – переспросил я. Князь Петр задумался. А я взглянул на князя Ондрея. В его глазах появился знакомый ратный блеск.

- У нас дело – поважнее: Великокняжеское! – положил я ему руку на плечо, - Не будем разменяться!

- А если их больше пяти сотен? – спросил князь Ондрей, кусая ус.

- Навряд ли, - вмешался князь Петр.

- Зато они – под прикрытием леса! - настаивал князь Ондрей. Повернулся ко мне: «Или запамятовал ты, как с полусотней таких же мужичков поганскую сотню в миг выбил? Стреляют-то, поди, все они белку в глаз…»

- Что ты предлагаешь? – вздохнул я, соглашаясь в уме.

- Эх, нет с нами твоей дочурки! – улыбнулся он, - Мигом бы решение нашла… Я полагаю, они и сейчас нас хорошо видят. Так что, остается одно: впереди – дозор. Следом – в пределах видимости – сотня князя Петра. За ней, - шагов пятьдесят-сто, - другая, хотя бы моя, с обозом. И так – дальше. На такое расстояние их лучники не растянутся, даже если их – более пяти сотен. Не успеют - по лесу-то! А самое главное – нам не мешкать… Идти рысью.

- Верно. Тут до открытого поля – шагов тысяч пять всего, - опять подал голос князь Петр.

- Ну что ж… Быть посему! Князь Герасим, твоя сотня идет последней. Господи, помоги! Пронеси! – перекрестился я, - С Богом! *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его…*

Князья и ратники тоже перкрестились. Я прикрыл лицо бармицей и пустил коня вскачь. Дозорные, - ратинков двадцать, - обогнали меня. Слава Богу, - и сотни, и обоз быстро проскочили опасное место и вскоре вышли на открытое поле. Я взобрался на небольшой холм и дождался, пока последняя сотня не вышла из леса. А через три дневных перехода мы добрались до Володимира.

Потрапезничали у наместника. Пошли в Успенский собор, чтобы отслужить благодарственный и сразу – напутственный молебны. Там я, случайно взглянув на князя Ондрея, даже насторожился. Он стоял весь какой-то отрешенный от всего, опустив голову и закрыв глаза… Словно просматривая свою жизнь… Так, сказывали, бывает, когда человек чувствует кончину… Упаси, Господи, раба твоего болярина

Ондрея от этого! А он еще и шевелил губами, словно с кем-то разговаривал. Я таким его еще никогда его не видел. А поздно вечером князь Ондрей зашел ко мне в покой, предоставленный наместником.

- Не желаешь пройтись по воздуху? – как-то задумчиво произнес он.

- Да-да, конечно… - накинул я на рубаху кафтан. Мы вышли из Кремля и пошли по дорожке, между разросшимися душистыми липами.

- Куда мы сейчас направляемся? - спросил я.

- В собор. - коротко и как-то кротко ответил князь Ондрей.

Всенощная только что закончилась. Прихожане расходились. К нам подошел молоденький чернец.

- Братия! Служба закончилась. Мне надобно закрывать собор. - сказал он, поклонившись.

- А в Москве все храмы, а уж собор - тем паче, даже ночью открыты.., - попытался возразить я. Но князь Ондрей жестом остановил меня и с поклоном произнес: «Прости, брат! Мы – из Москвы. Завтра на рассвете уходим. Окажи милосердие: дозволь помолиться хотя бы малое время?»

- Ну что ж, доброе дело, когда князья молятся… Вы ж, как отцы - для народа… Или старшие братья - после Великого Князя. Помоги вам Господи, - потупил глаза чернец и отошел от нас.

Князь Ондрей опустился на колени. Я последовал ему. И вдруг, когда мы молились, рядом с нами опустился на колени еще какой-то незнакомый мне князь. Он клал поклоны, и мне показалось, что с каждым из них на лбу у него, вместо пота, выступали капельки крови… Князь Ондрей поклонился незнакомцу. Тот ответил ему тем же. Поклонился и мне. Встал с колен. Жестом пригласил присесть на скамью, стоящую неподалеку вдоль стены.

- Ну что, князья Андрей и Александр, - спросил он, улыбнувшись, - идете на Нижний, а как быть, не ведаете?

- Кто ты, князь? – спросил я.

- Хозяин Володимира. Его строитель. И этот собор возвел я с Божией помощью. А послан сюда к вам, чтобы уберечь от необдуманных поступков… Не перебивай, князь Александр! Сделай милость, выслушай! Во-первых, в Нижнем и на реке Пьяне не позволяйте раздроблять вашу малую дружину. Во-вторых, трижды передайте слова сродника моего, Великого Князя Димитрия Иоанновича, его тестю. Не послушает, что ж, стало быть, выбрал такой путь сам, не послушав воли Божией. Соответственно и воля Божия будет иная. В-третьих, начиная с выхода их Нижнего Новгорода на Пьяну, сами не снимайте доспехов и ратникам не позволяйте. Наконец, упаси вас Бог от хмельного! Враг будет путать, искушать! А вы молитесь! Когда поганые возьмут в кольцо нижегородскую рать, пробивайтесь к броду… Бегите в Нижний. Уводите из него князя Димитрия Константиновича. Долготерпеливец Господь еще дает ему время на покаяние… Постарайтесь вывести с собой суздальцев, муромцев, володимирцев. Жаль мне их! Что дети кровные, они - для меня. Но горды сильно!.. А вы сразу идите на Суздаль. Помните: большая измена в Нижнем и вокруг его. И, в большинстве своем, - не из корысти, - по гордыне и тщеславию! А это – измена Богу! Но Господь милостив: даст большинству нижегородцев искупить свой грех… И последнее. Завтра будете в Боголюбском монастыре. Закажите там панихидки по невинно убиенным Великим Князьям Андрею Боголюбскому и Александру Невскому, в иночестве Алексию.

- А разве Великий Князь Александр Невский – невинно убиенный? – удивился я.

- Да, - был ответ, - тайно убиенный. В орде отравленный долго действующим зельем.

Наш собеседник встал, перекрестился. Поклонился нам в пояс. Развернулся и степенно… вошел в закрытые Царские врата…

- Ну что, братия князья, помолились? – услышали мы голос из сумрака колонн со стороны входа в собор. Это говорил чернец, оставивший нас час назад.

- Спаси тебя Господи! - ответил я, как мне показалось, не своим голосом… Мы шли к Кремлю между лип. Ночь стояла теплая.

- Я увидел его сегодня на молебне, - пояснял мне князь Ондрей про незнакомца, - он вышел из Царских врат и, подойдя ко мне, повелел, чтобы мы с тобой пришли сегодня после Всенощной… И откуда он нас знает? Хозяин Володимира? Погоди-погоди… Невинно убиенный Велкий Князь-страстотерпец Андрей Боголюбский…

- Но на молебне я стоял рядом с тобой и никого не заметил. Более того, я и тебя таким, как на молебне сегодня, никогда не видел. Ты стоял, опустив голову, прикрыв глаза… Что-то беззвучно шептал… Хозяин и строитель Володимира… Если бы это было вражеское искушение, он не смог бы зайти в Царские врата.., - недоумевал я.

- Да слушаешь ли ты меня?! - князь Ондрей даже остановился. Перекрестился. Встряхнул головой: «Ладно! Не кручинь сердца думками. Господь подскажет. Рано или поздно… Главное сейчас: выполнять все, сказанное им. И никому – ни слова! Пойдем отдыхать. Хотя, похоже, этого нам сделать не придется. Небо-то уже светлеет…»

Князь Ондрей показал рукой на Восток. Так оно и было. А когда мы вернулись в Кремль, увидели, что сборы наших ратников шли полным ходом. Как задумывали, так и вышли перед самым рассветом, оставив Володимир, готовящийся к предстоящей битве с ордой Арап-шаха. Казалось, общее желание разбить, наконец, поганых наполняло не только души людские, но и где-то местами розоватый, а где-то - голубоватый воздух.

…Сразу после полудня мы были уже в Боголюбове. Вокруг монастыря к его стенам, словно малые дети – к матери, жались разновеликие истбы и истбенки с сараями, курятниками, другими хозяйственными пристройками. В ворота обители и из них шли пешие, скакали конные, катили телеги, груженные всякой снедью, рухлядью, утварью. Увидев наши сотни, все как-то одновременно жарче засуетились. Кто-то подбегал к ратинкам, совал им в руки калач, кувшин с медом, а кто и – связанную по ногам курицу… Спрашивали: «Неужто на поганых идете, служивые?..»

- А где битва-то будет?..

- Откуда сами будете?..

- С Москвы идете?..

- А когда большая рать пойдет?..

- А кто еще дружины ведет?..

- Скоро ли Великого Князя увидим?..

Ратники же или отшучивались, или отмалчивались… Но люди помнимали: служба! И совали в руки им новые гостинцы. А ратники принимали, кланялись, благодарили… Ко мне подскакали сотники.

- Надо отдать поклон наместнику. Пойдем впятером. А вы сейчас прикажите первым десятникам разбить стан с другой стороны монастыря, на поле, не доходя до храма Покрова Пресвятой Богородицы. Там – удобное место, - сказал я им, вдруг, откуда-то из детства вспомнив окрестности Боголюбова.

Сотники быстро рапорядились, и мы, спешившись, вошли в ворота монастыря. Но архимандрит, отец-наместник уже сам шел к нам навстречу в сопровождении нескольких монахов. Я честно говоря, поначалу даже не узнал его. Родного дядю… Столько лет не виделись… Мы поклонились ему в пояс и, после преподанного благословения, попросили отслужить панихиду, как наказал незнакомый князь в Успенском соборе Володимира.

Отец архимандрит как-то испытующе, исподлобья пристально посмотрел на меня, согласно кивнул и жестом пригласил нас в храм. Я-то вспомнил, что это – мой сродник. Но при всех не стал бахвалиться… А после панихиды отец архимандрит пригласил всех нас на монастырскую трапезу. Перед тем, как подняться по крутой лестнице, отец наместник опустился на колени у входа в подклеть и приложился… почему-то к голой стене. Встал, гладя на нас, очевидно ожидая, что мы повторим за ним. Но, увидев наше недоумение, пояснил: - Именно здесь изменники дорубили тяжело раненного Великого Князя Андрея Боголюбского, чьими стараниями, молитвами и доброхотством стоит наша обитель. На стене же есть невысыхающие капли крови Великого Князя-страстотерпца… А ведь жил он два столетия тому назад!

Первым встал на колени князь Ондрей. На глазах его были слезы. Он бережно приложился к стене, коснулся блестящей темной капельки пальцем. Им начертал крест у себя на лбу. Но, - странное дело! – крест безцветно блестел, словно после елеопомазания. Когда же все остальные повторили за князем Ондреем, небольшая ниша, к стене которой мы прикладывались, вдруг осветилась… Там, на выбеленном пустом месте, как бы сам собой, изукрасился образ князя, увенчанного нимбом святости. Да! Это был он! Тот самый, который молился и беседовал с нами в Успенском соборе! Теперь уже все во главе с архимандритом упали на колени…

Через несколько мгновений образ исчез. А мы, ошеломленные, но как-то по-детски счастливые, поднялись по крутой лестнице. В покоях архимандрита был накрыт стол. После молитвы, первой чаши во благодарение Богу и легкого насыщения рыбой, грибами и другой монастырской снедью отец-наместник заговорил: - Ведомо мне, братия-князья, что идете вы на Нижний Новгород. Ведомо и то, что по другим городам и княжествам собираются дружины для битвы с Синей ордой. Посему вкушайте, пейте досыта… И знайте, что наша обитель всегда открыта для раненных и увечных.

- Святый отче, - ответил я за всех, - мы – лишь малая песчинка той силы, которая встала на поганых. Следом пойдет Великий Князь Димитрий Иоаннович. Вот ему и окажи честь!

- Добро, - кивнул архимандрит, - а для вас я повелел братии приготовить в дорогу всякой снеди монастырской. В ней – монашеская молитва, благословение, освящение. Любовь Христова! Не побрезгуйте!

- Спаси Господи! Но не вам, а нам бы, отче, вклад в монастырскую казну делать! Накормить вас, молитвенников наших! – начал, было, князь Ондрей… Я не узнавал его! Куда делись резкость движений, ратный огонь в глазах, не гаснущий даже в редкое и краткое мирное время…

- Спаси тя Господи, чадо! – перебил его, улыбаясь, архимандрит, - Вы сделали вклад, заказав панихиду, молебен. Но ведь сейчас мы все ратуем за спасение Отчины нашей общей: кто – в сечах, кто - в молитвах. И отрадно видеть, что вы разумеете это.

- Вот, вернемся с победой над Арапшей, - богатый вклад сделаем! Бо-о-ольшой благодарственный молебен закажем! – горячо рубанул ладонью воздух князь Герасим. Архимандрит коротко взглянул на него. Перекрестился. Покачал головой. Тяжело вздохнул.

- С победой? Дай-то Бог! Дай-то Бог.., - тихо проговорил он, надламывая малую стерлядку. Но, кивнув на одного из монахов, добавил: «Продиктуйте ваши святые имена отцу Гервасию. Будем поминать вас за здравие. На каждой службе. И если благословите, братия наша имена всех ваших ратников запишут…»

- Спаси тебя Господи, отче, - кивнул я.

- А скажи-ка мне, чадо, не мог ли я тебя раньше знать? Не сын ли ты князя Леонтия? Уж больно похож ты на него в молодости.

- Да, отче. Сын Леонтия… - вскинул я брови. Но тут же потупился: «И отчинка наша неподалеку здесь… Была… Три-четыре конных перехода… Да нет ее уже…»

- Стало быть, ты – Александр?

- Он самый, отче.

- Ну что ж, чадо, вернешься из Нижнего, потолкуем… Родня мы с тобой…

- Я ведаю, дядюшка, - и вспомнил, как отец рассказывал про брата, который еще в ранней юности ушел из дома и постригся в монахи. Вспомнил и то, как в раннем детстве отец привозил меня сюда… Я поднялся, подошел к архимандриту, встал перед ним на колени, сложил ладони: «Благослови, дядя Тимофей!»

- Не Тимофей я по-монашески… - улыбнулся тот. И благословил широким крестным знамением. Потом спросил: «Как отец, мать? Живы ли, здоровы ли?»

- Нет, - опустил я голову, - отчинку пожгли поганые… Всех порубили… И жену, Елену – тоже…

- Добро, что сказал. А то ведь я, грешник, как за живых молюсь. Впрочем, у Бога все живы! Помяни их Господи во Царствиии Твоем, прости грехи вольные и невольные и упокой их души, - опять перекрестился он.

- Прости нас, отче, - поднялся князь Герасим, - благослови: нам в дорогу пора.

- Нет, чадо. До Городца вы засветло не дойдете. Переночуете здесь, а с рассветом полетите, словно ласточки, твердо сказал наместник монастыря.

Князь Герасим посмотрел на меня.

- Нельзя ослушаться святого отца! - положил я ему руку на плечо. - Монахи многое видят духовным зрением.

Я взглянул на своего дядьку-архимандрита. Тот улыбнулся и медленно закивал головой.

- Быть посему… - пожал плечами князь Герасим. За трапезой мы просидели до вечера. А после нее и Всенощной, наедине с дядькой-архимандритом долго еще толковали в густых сумерках. Я рассказал ему обо всем, случившемся со мной, моей семьей, об Алле, детях… Он часто крестился, приговаривая: «Спаси Господи…»

Наконец, я спросил: «Что-нибудь слышно о другой родне? Был же у отца и другой родной брат Стефан…

Архимандрит нахмурился. Помолчал, глядя в пол. Вздохнул. Потом ответил: «Был он здесь года два назад. Не дал я ему благословения. В орду он ехал. Мамаю служить… Спаси его Господи! Вразуми!»

- Предал! – вспыхнул я.

- Не нам судить, чадо! Молюсь за него, как за заблудшего. Дай-то Бог не встречаться тебе с ним в сече… Впрочем, таких, как он, хан на землю Русьскую не посылает. Если только… Они больше с восточными и южными соседями орды ратятся… Но, - все одно…

- Дядя, а почему ты совсем юным в монастырь ушел? – спросил я, успокоившись от воспоминаний.

- Господь призвал. Не желал я в межусобицах участвовать. Сердце не велело! Вот и решил – род отмаливать! Сколько ж смертных грехов пращуры наши понатворили?! А это, – и для тебя, и для твоих деток, внуков, правнуков и дальше, - родовое проклятие! – раздумчиво говорил он… - Вот теперь молимся с братией за то, чтобы объединилась земля Русьская, да скинула иго поганое. Слава Богу, - большинство князей в разум пришли: идут под руку Москвы.

- А ведь может Господь послать нам главную победу в сече с Арапшей? – вскинулся, было, я.

- Главную? Ох! И горяч же ты, племянничек! Весь – в отца! В Леонтия! Нет, родной. Рановато еще! Но начало главной победы этой сечей положить можно. Если только… Впрочем, на все - воля Божия. Ты сам-то на рожон не лезь! Нижегородцы – гордые! А гордыня и, бывшего некогда главным Архангелом, Денницу погубила.

- У меня – особое задание. Великий Князь повелел…

- Молчи! – перебил меня дядя, - Ежели – особое, то и мне ведать не надобно! Помни только: доспех в стане перед сечей не снимай ни днем, ни ночью. Хмельного ничего не вкушай! И людям своим так повели. Вот тебе – мое монашеское и родственное благословение. А я пока отпишу архимандриту суздальскому, знакомцу моему давнему, чтобы готовился к встрече…

- Кого? – перебил я, даже голову откинув. И неожиданно вспомнил, что так же нас благословил Великий Князь-страстотерпец Андрей Боголюбский! И надо же! Слово в слово!

- Встречать-то? Тебя-тебя! С князем нижегородским… Давай-ка, благословлю отдыхать… Скоро – рассвет. Ноченьки-то нынче - короткие. Пару часиков тебе вздремнуть осталось. А мне – на полунощницу пора. Братия, поди, уже вся сошлась. Благослови тебя Господь! – широко перекрестил он меня. В отведенной мне келье я прилег, не раздеваясь. Но только, казалось, закрыл глаза, как Ивашка уже тронул за плечо: «Пробудись, княже! Рассвет…»

…Сотни наши выходили из Боголюбова. Обернувшись, я увидел, как мой дядька-архимандрит стоит во главе монахов, столпившихся перед воротами монастыря, и часто-часто крестит нашу дружину. Я помахал ему рукой.

Солнце пекло нещадно. И доспех уже обжигал тело. Но благословение – есть благословение. Я пересказал его сотникам. Князья Ондрей и Герасим сразу передали повеление своим ратникам. А вот два других воеводы выглядели недовольными.

- Что может с нами здесь случиться?! – забурчал князь Петр. - Силы беречь надобно! А в такую жару железо выматывает их. Скоро – Городец. Город, приписанный к Успенскому собору Володимира… Земли, стало быть – тоже его. Кому же здесь из чужих быть? Да еще и – ворогов?!

- Вот, в Городце и позволим ратникам на малое время разоблачиться. Не всем сразу, конечно, а по очереди. - обрезал я. Князья переглянулись, но приказ выполнили. Я же проскакал в хвост обоза. Увидел, что все ратники мучаются от жары.

- Князь Герасим, - позвал я, вернувшись на свое место, - не пошлешь ли десяток своих в Городец? Пусть там бани истопят.

- Дело! – весело отозвался тот. Свистнул. И скоро десяток ратников, пришпорив коней, ускакали вперед. В Городце, после бани и трапезы, я собрал сотников и десятников под ветлами, на берегу большого пруда. Разомлевшие, они сидели в расстегнутых у ворота рубахах, с кувшинами холодного кваса в руках.

- Похоже, дни будут еще жарче! – начал я. - Посему предлагаю: так как полная темнота стоит часа два, нам идти в сумерках и до полудня. Потом – отдых где нибудь на берегу реки, озера. До тех пор, пока жара не начнет спадать. Потом – снова в путь. В посады будем посылать гонцов, чтобы готовили ночлег. Как вам такое предложение?

- Дело!..

- Так – куда сподручнее!..

- Ты прав, князь!..

- Добро!.. – закивали собравшиеся.

- Но тогда отдых – не в отдых! – вдруг вскинулся князь Петр. Князь Ондрей вскочил. Плюнул. Потом перекрестился: «Прости, Господи! В искушение ты ввел меня, князь Петр: на землю плюнул! Ты вот что скажи: Великий Князь отдыхать тебя посылал?! Ты же – воевода! Сотник! У меня отроки так не рассуждают! Желаешь отдыхать, возвращайся в Москву! Я, вон, десятника над твоей сотней поставлю. Он не будет раскисать от жары, словно переевшая плюшек баба на сносях!

Князь Петр тоже вскочил. Положил руку на рукоять кинжала: «Ты это мне сказал?! Кто ты вообще такой, чтобы кого-то над моей сотней ставить?!»

- Князья-князья! – встал между ними я. - Вы что творите?! Мы здесь – не на пиру! Великокняжеское дело исполняем! Мало на земле Русьской межусобиц было? А

ну-ка, вразумитесь! Помолитесь вдвоем! Умягчите сердца! Похристосуйтесь! Попросите друг у друга прощения!

Я говорил, и сам не верил: откуда у меня и взялись такие речи?! Вдруг в наш круг буквально влетел какой-то старенький, маленький, худенький, словно отрок, монашек в драной, латаной-перелатаной, грязной ряске. Он начал, по-петушиному квохча, наскакивать то на князя Петра, то на князя Ондрея. Стало смешно… А он вдруг остановился, горько усмехнулся. Присел на корточки и, глядя снизу вверх, сказал: «Что это вы, князья, словно петухи из-за курицы ратитесь?! Земля-то наша Русьская – не курица! И не меж собой ратиться надобно! Не одобряет вас хозяин Городца. Скорбит за вас! Ой, как скорбит…»

И стало стыдно. За себя! Все притихли. А я спросил: «Какой хозяин?»

- Как это какой?! Известно сие! – вскинулся монашек. - Солнце земли Русьской, которое здесь, в Городце закатилось. И хоть было это сто тридцать годочков назад, хозяин – хозяином остается!

- Про кого ты это, святой отец? – подсел к нему князь Герасим.

- Какой я – святой? Я – грешник! Хуже пса смердящего, шелудивого!.. А говорю я вам про благоверного Великого Князя Александра Ярославича Невского. Здесь, в Городце, он отошел ко Господу, приняв схиму с именем Алексий… Невинно убиенный!..

Все внимательно слушали. А князь Петр, наконец, спросил: «Как это: невинно убиенный?»

- В орде, откуда он возвращался, сперва убили его повара, который все яства проверял. А потом и ему, Ясному Солнышку злого зелья подлили. Но такого, чтобы не сразу принял кончину, а только, - вернувшись восвояси. Вот и представьте, что бы он сказал, увидев вашу петушиную битву? Ведь он за нас с вами душу положил, считая другами своими… За всю землю Русьскую!

Монашек вдруг вскочил, захлопал по бокам руками, словно петух – крыльями. Вытянул шею, пригнув голову к груди, пропрыгал по кругу меж нас и, прокукарекав, убежал… Князья Петр и Ондрей подошли друг ко другу, поклонились в пояс, похристосовались.

- Прости меня, брат! – сказал первый.

- Бог простит, и я – туда же. Ты меня прости. - ответил князь Ондрей.

- Бог простит! А мне тебя прощать не за что. Я виноват…

…Солнце опустилось к самой кромке верхушек дальнего леса. Сотни вышли из Городца. Так дальше мы и шли: с вечера – до полной темноты. Затем – часа два отдых. Но, как только начинало светать, снова отправлялись в путь. С началом полуденного жара останавливались либо на берегу озера или речки, либо около пруда, на околице большого села, посада. Днем ратники прямо в кольчугах плюхались в воду, чтобы освежиться. Но не успевали глазом моргнуть, как вся влага испарялась… Каждый раз я выставлял не менее сотни в сторожу: какое-то безпокойство не покидало меня. Через несколько переходов и князь Герасим выглядел озабоченным. Я, наконец, спросил его: «Что-то тревожит сердце?»

- Понимаешь, - ответил он, задумавшись, - через переход после Городца меня не оставляет ощущение, что за нами кто-то непрерывно и внимательно наблюдает из леса.

- Ты полагаешь, что это – поганская разведка? Засада?

- Не-е-ет! Эти в лес не полезут.

- Тогда кто же?

- Мордва или наши язычники…

- А как узнать?

- Ума не приложу… Им здесь – каждый дуб, что брат родной, каждая сосенка – сестренка! А нам?

- Да что ж мы?! Не на своей земле, что ли?

- На своей-то – на своей.., - медленно протянул он, задумавшись… - Ну, что? Жар пошел? Привал?

- Что ты задумал?

- Пока не ведаю, каким словом молвить. Дай поразмыслить, - и, свернув с дороги на пологий, зеленый бережок речушки, он спешился. Сорвал, закусил травинку. Бросил поводья отроку. И вразвалку побрел к речушке, сверкающей кувшинками и лениво бредущей между соснами.

- Князь Петр, - крикнул я, - твоей сотни чреда сторожу нести.

Тот звякнул доспехом. Свистнул. И с десятниками сорвался с места. Ратники потянулись за ними. А остальные кинулись в воду. Выйдя же, разводили костры, ставили котлы. Отроки, загнав коней в реку, обихаживали их, давали напиться. Уже с другой стороны, из леса, ко мне вышел князь Герасим: «Прав я. Следят за нами. В сотне шагов отсюда трава притоптана. Свежая ветка сломлена в сторону леса. Совсем недавно соглядатай ушел. Но чует сердце: здесь они где-то!»

- Как полагаешь, напасть не решатся?

- Не-е-ет! Им важно узнать, куда мы путь держим и по какому делу. Если и желают нас погубить, сделают засаду. Именно в пути.

В это время раздался предупредительный свист и на опушку из леса выехал князь Петр. А рядом ехали… Илгус и несколько его ратников в кожаных рубахах с нашитыми на них круглыми пластинами из поперек распиленных конских копыт.

- Слава Перуну! - выкинул вперед и вверх правую руку старый языческий князь.

- Слава Господу нашему Иисусу Христу! – нахмурился князь Герасим, положив руку на рукоять меча.

- Погоди, брат! Я знаю этих людей, - остановил я его. И крикнул: - Князь Илгус! Или ты не признал меня?

- О-о-о! Да как же признать князя Ляксандра в таком богатом доспехе, в такой причудливой кольчуге?! – засмеялся старый язычник.

- Не признал своего подарка мне?! – в ответ засмеялся я. Язычники спешились. Мы обнялись с Илгусом. Я кратко рассказал сотникам и ближним ратникам историю знакомства с языческим князем.

- А где Афанасий? Другие мужики? – спросил Илгус.

- Афанасий – на Москве. В тереме моем хозяйством управляет. Другие – там же… Так это ты почти от самого Городца за нами следишь? – жестом пригласил я его присесть у костра.

- А то! Только – не я один.., - усмехнулся он в бороду, принимая приглашение, давно бы кого-нибудь из ваших «языком» взяли, если бы не Володимир. Он со своим отрядом охранял ваших дозорных. Десятка два мордовских охотничков отправил к праотцам.

И тут, среди ратников, стоящих за спиной Илгуса, я узнал бывшего русьского ордынца, - сотника, которого мы с Афанасием и Глебом взяли в полон. Встал. Обнялся и с ним, радуясь, что не ошибся в нем мой добрый, мудрый староста. А Илгус продолжал: «Мордва соглядатайствует. Сговорились они с погаными. Нам большую охоту испортили. Ратиться пришлось. Напали, как хорьки, - ночью. Двадцать ратников я потерял. Но ихних – сотню мы уложили. А вы, разумею, на Нижний идете?»

- Да. И следом за нами – вся земля Русьская. Разве не ведаешь, что Синяя орда во главе с Арап-шахом сюда движется?

- Где ж мне в своем лесу ведать.., - хмыкнул князь Илгус. - На Волчьей воде они сейчас стоят… Только ведь Синяя орда – еще не все поганые. Вот, коли Мамай пойдет, да всех союзников кликнет…

- Мы повеление Великого Князя исполняем. - вставил князь Ондрей.

- И тебя с твоей дружиной он примет с радостью. - вспомнил я просьбу языческого вождя.

- Рано еще.., - мотнул головой Илгус, - не эта будет главной битвой! Мой волхв вопрошал Перуна…

Мы, промолчав, переглянулись и спрятали в бороды снисходительные улыбки.

- Потрапезничаешь с нами? – прервал я краткое молчание.

- Нет. Мне возвращаться надобно. Вам – тут уже недалеко. Через переход начнутся нижегородские сторожи. Но до них ждет вас в засаде небольшой отряд мордвы и поганых. В полупереходе отсюда. У брода. В низинке. Их меньше, чем вас. Сам решишь, как поступить. Хочешь, Володимира бери с собой… Он все одно – крещенный. Тоскует у нас. А служить, - так служит верно.

Я взглянул на князя Ондрея. Тот пожал плечами. Князь Герасим хмыкнул и отвернулся, поднял вверх глаза, словно птичку на ветке разглядывает.

- Ну, коли так, я обязан рассказать нашим князьям и ратникам все, что знаю о Володимире. Или он сам желает поведать о себе? – заключил я.

- Сам! – встал тот. И перекрестившись, поведал о себе все. Даже рядовые ратники, стоявшие поближе к костру, заслушались, качали головами, жалели бывшего ордынского молодого сотника.

- Ну что, князья, - ваше слово. Берем с собой? – обвел я всех взглядом.

Князь Петр хмыкнул: «Не рано ли? Впрочем.., я – не против.»

Князь Ондрей подошел к Володимиру, молча протянул ему руку. Потом обнял. Осталные кивнули: «Наш он… Ратник, надо думать, добрый… Пригодится…»

- Добре, - встал со своего места Илгус. Тоже обнял, - на прощанье, - Володимира. Потом повернулся ко мне: «Где Арапшу встречать хлебом-солью намерены?»

- Где-нибудь на Пьяне… Там, сказывали самый удачный путь. - вдруг ответил князь Ондрей.

- Добре. И да хранят вас наши древние боги! – по-молодому взметнулся в седло языческий князь… А ближе к закату мы снова отправились в путь.

- Почему ты сказал Илгусу, где Великий Князь хочет встретить Арапшу? – спросил я князя Ондрея.

- А чтобы он тоже пришел! – улыбнулся тот в ответ.

И все-таки Пасхальная радость омрачалась такой внезапной кончиной Агнии Вениаминовны. Оказалось, что ее знают все прихожане нашего храма. И каждый мог вспомнить что-либо доброе, сделанное ему старушкой, ее русской душой. Отпевание отец Валерий назначил на Светлый Вторник. Василько кем-то заменил меня на дежурстве, и я успел на Божественную Литургию. Агнию Вениаминовну трудно было узнать. В гробу она лежала вся светящаяся, улыбающаяся и, казалось, даже помолодевшая. Потом лицо ее накрыли параманом. Но, - не верилось глазам, - сквозь плотную черную ткань с изображением Креста облик старушки проступал, ясно виделся, словно сквозь тонкий капроновый платочек. Я указал на это Василько. Тот понимающе кивнул. А потом, когда гроб закрыли, вынесли из храма, погрузили в автобус, он шепнул мне: «А ведь не все это увидели! Я многих спрашивал. И кое-кто, - по выражению лица, - готов был пальцем у виска покрутить.»

- Это она прощалась с самыми близкими, - пояснил отец Валерий в автобусе, когда мы тронулись в последний путь Агнии Вениаминовны. На Ваганьковском кладбище я еще раз удивился: за общей, сквозной, искусно кованой решеткой забора, где была вырыта могила, стояли гранитные и мраморные кресты-надгробия, под которыми почивали человек десять. И как я понял, это – родственники Агнии Вениаминовны. Имена некоторых, выгравированные еще с твердыми знаками в конце слов мужского рода, словно фотографии и графические портреты на стенах в ее

комнате, - теперь уже бывшей, - говорили сами за себя. Я невольно вспомнил эти изображения, светящиеся благородством, добротой и еще чем-то неуловимо прекрасным. И глаза – цвета живого неба!..

«Стоп-стоп! - остановил я мысль. - Какой может быть свет на черно-белых и коричневатых, поблекших снимках начала века?!» И тут же сам себе подтвердил: «Был свет! И цвет!.. Именно – живого неба!» Я не мог ошибиться!

…Вечером, после поминок, Василько привез меня в «Главснаб».

- Не очень устал за день? – спросил он.

- Терпимо! – кивнул я головой. – До утра выдержу.

Дежурить пришлось с молчуном. Глаза мои слипались. Мечталось быстрее задремать. Но я все вспоминал и вспоминал Агнию Вениаминовну. Потом мысли потянулись к моим кровным родным… К тем, которых я помнил при жизни… «Вот, была бы у меня такая бабушка, как Агния Вениаминовна…» - подумалось вдруг. «А что, у тебя были плохие бабушки?! - дерзнула в ответ мысль, - Ну-ка, вспомни, как быловали тебя в детстве! Сашенька! Сашуленька! Сизокрыленький голубочек!..» «Действительно, все так и было, - согласился я, - Но не было… Веры Христианской, наверное…». «Веры?! – всплеснулась мысль, - А бабушка Наталия?! Не она ли водила тебя в малолетстве в храм Божий?! А кто крестил тебя? Она со своей сестрой Ольгой! А как ты потом, считая себя слишком взрослым, посмеивался над их верой, ехидничал, надсмехался?! Кстати, а покаялся ли в этом?». «Что-то я-пятилетний давно не подходил в храме к себе-тридцатилетнему?» - подумалось вдруг. «Может быть пятилетнему противно?» - съязвила мысль. «А возможно, что вырос из коротких штанишек…», - успокаивала другая. «Что же ты думал про бабушек? Опять вернулся к себе-любимому?!» - продолжала первая… Уже в дремоте…

И тут я увидел сквозь сизый то ли дым, то ли туман где-то глубоко внизу, под ногами, светяшиеся угли. Они то расползались друг от друга, то стекались, образуя сплошную огненную масу, то пригасали, изредка вспыхивая отдельными маленькими искорками. А среди них стояли какие-то, казалось, обугленные люди. Они немо ругались между собой, рвали друг у друга из рук, из-под ног какие-то невидимые мне вещи. И от их движений сыпались искры. Приглядевшись, я понял, что человеческая оболочка – всего лишь тонкая пленка, покрывающая черные скелеты с угольками вместо глаз. И не делили эти люди ничего! А хватали угли и бросали друг в друга, размахивали при этом кулаками, пытаясь ударить, лязгали зубами, желая укусить…

Вдруг, словно по команде, подняв свои головы вверх, они заметили меня. И тут некоторые из них начали грозить мне кулаками. Другие, скалясь, призывно замахали мне. И я не ушами услышал их, а чем-то очень глубоким во мне. И не ртами кричали они: «Давай, к нам! Здесь всем места хватит!»

«Неужели это и есть мои умершие предки?» - ужаснулся я вспыхнувшей во мне мысли…

- Не все.., - явственно раздался рядом чей-то голос. Я обернулся на него. Передо мной в белом кружевном платье стояла красивая женщина моих лет.

- Ты кто? – спросил я.

- Твоя пра-прабабушка Агния. - ответила она, улыбаясь глазами цвета живого неба.

- Агния Вениаминовна? – не понял я.

- Нет-нет. Я – Агния Иоанновна. Агнию Вениаминовну сейчас Господу представляют и Его Пречистой Матери. А я здесь для того, чтобы ты никогда, никому, как вон те, несчастные, - повела она рукой в сторону огненной глубины, - не говорил про ближних и дальних, а тем паче, про незнакомых или малознакомых тебе людей ничего плохого. Пострайся не ссориться с ближними. А причины ссор ищи в себе. Найдя же их, беги к священнику. Исповедуйся, кайся! Мы еще встретимся. А теперь мне – пора.

И она растворилась… Я взглянул вниз, где только что были мои ругливые предки. Но увидел… свои ноги, лежащие на краю разложенного кресла-кровати, старика-молчуна, читающего за столом очередную газету, и «дежурку» «Главснаба». Потер ладонью лоб. Но испарины, которая, по всем людским правилам, должна выступить, не было. Я помотал головой. Но и в ней, и на сердце, и где-то еще глубже было сладко, как после наших бесед с Агнией Вениаминовной, - Царствие ей Небесное!

- Что это ты? Спи! У тебя – еще целых два часа, - отрвался от газеты и посмотрел на меня поверх очков напарник-молчун. Но я встал. Пошел покурить, и… не смог. Дым чем-то по вкусу напоминал другой, сизый, который поднимался из-под моих ног, из черной, сверкающей углями, глубины со скелетами. Я бросил нераскуренную сигарету и пошел умываться, чувствуя, что больше не засну. Вернувшись, настоял на том, чтобы старик-молчун все-таки лег отдохнуть. И, наконец, снова задумался о своем сновидении… Но никак не мог ухватить мысль… К тому же вспомнил, что отец Валерий, цитируя многих святых, учил не верить снам. И тут же подумал с незнакомой прежде мне горечью, что не знаю своих прадедушек, прабабушек, их братьев, сестер, родителей… Не говоря уж о более ранних пращурах! И мне о них никто никогда не рассказывал.

«Вот уж, Иван-не-помнящий-родства!» - укорила меня мысль. «А как же Алекса? Ляксандр?» - не соглашалась другая. «Подумаешь! Откуда ты знаешь, что они – предки?!» - спорила первая. «Зачем же они тогда приходили и приходят?» - не унималась вторая. «Ну.., ну… Да кто ж его знает» - не нашлась первая. Но тут вскинулась третья мысль: «А может быть, это, как говорится, сдвиг по фазе?!» «Э-э-э, нет! Тогда бы отец Валерий иначе воспринял бы все эти путешествия в прошлое! Все эти поиски и находки во времени» - не соглашалась вторая мысль. «А вдруг он и воспринимает это все, как врач, выслушивающий психически больного пациента?!» - не сдавалась третья. «Вот – он, догожданный лукавый прокол! Еще когда писал дипломную работу, я знакомился с психиатрией. Не глубоко, конечно. Но любой санитар в «психушке» знает, что больной на голову никогда не станет признаваться себе в этом. Более того, он даже вопроса о своей болезни перед собой не поставит!» - я почти захлопал в ладоши от этой мысли. И даже опять хотел вернуться к горьким размышлениям о прадедах и прабабушках, но кто-то нажал кнопку звонка на входной двери.

Оказалось, что пришла самая ранняя уборщица, - одинокая грустная женщина, у которой - трое детей. Чтобы «поставить их на ноги», она «вкалывает» на трех работах: встает в четыре утра, готовит детям завтрак, бежит в «Главснаб», - благо, живет рядом, - к пяти. Правда, убирается она через день-два. Но женщины из отделов, закрепленных за этой уборщицей, не жалуются. Даже наоборот: после каждого рабочего дня сами у себя наводят мало-мальский порядок, чтобы комендантша не заметила прогулов уборщицы.

А она, как всегда тут же загремена ведром на своем втором этаже, отчего мой напарник-молчун проснулся. Поставил чайник. Достал традиционные хлеб и сало. И долго жевал свои бутерброды, смешно шевеля при этом ушами. Жестом он, как всегда, предложил часть своего завтрака мне. Но я, как всегда, отказался. Хотя после Великого поста запах сала с чесноком просто дурманил, вызывая у меня во рту слюньки, казалось, величиной с хорошую цунами. Я вышел на улицу и… с удовольствием закурил.

…Дома?! Да, дом Святослава я чувствовал своим. Пусть даже временным! Но своим! Интересно, как он – там? Помоги ему, Господи! Так вот, дома, после завтрака, отдыха и обеда я сел, было, за очередной очерк… Но, вспомнил, что в Светлую Седмицу делать любую работу, кроме необходимой и благотворительной, ой, как нежелательно! Поэтому – позвонил Жене и предложил отметить Пасху хотя бы пивком.

- Лады! – весело отозвался тот. И добавил: «А пока прикинь, сможешь ли отпроситься на работе с пятницы по понедельник в Лужки? На Вожу! Я еду. Навязался, правда, со мной один молодой пастренако-мандельштамовец Герка… Так, хоть с тобой от его «черри-бредней» отвлекусь. Выехали бы мы в пятницу утром, до полудня были бы в Рыбном. Там большое депо, клуб железнодорожный… За час подберешь фактуру статей для «Гудка», «Московского железнодорожника»… Я возьму с собой фотоаппарат, пофотографируем. А?»

- Заманчиво.., - задумался я. - Слушай, а почему ты этого Герку называешь мандельштамо-пастрнаковцем? Или наоборот… По-моему, и тот, и другой – неплохие поэты!

- Вот именнь: не-пло-хи-е! – хохотнул Женя. - А вот Герка считает их гениями! Выше Пушкина! Впрочем, - как и все его друзья с подружками. Они Володю замучили! Вот он и «скинул» эти молодые «дарования» на меня в ЦДЛе, представив чуть не своим замом по сектору Правления Московской писательской… Удружил-то! А? Теперь этот Герка прилип ко мне! Названивает по несколько раз в день! Советуется чуть ли не по каждой строке. Хочет на Вожу, в Лужки!.. Поехали, а? Сеточку на ночь поставим. Сами на зорьке с удочками посидим. Верхом в Глебово Городище съездим, на место битвы на Воже! А? Лады?

Я засмеялся, вспомнив стихотворение, где дядя Леша играет на гармошке: «Ну, хорошо. До вечера попробую договориться со своим начальством. Значит, сегодня в шесть у ЦДЛа?»

- Лады! – и в телефонной трубке прерывисто-коротко загудело. А я, собравшись, поехал на квартиру, где еще четыре дня назад жила Агния Вениаминовна. Василько и несколько прихожанок должны были быть уже там.

Действительно, бывшая комната покойницы теперь была похожа на «красный уголок» ЖЭКа для собрания жильцов коммунальной квартиры. Кроме них в ней стояли, переминаясь с ноги на ногу, два милиционера, пожилой, элегантный мужчина с дорогим «дипломатом» в руках и еще несколько человек. Трое из них оказались работниками ЖЭКа. Владелец «дипломата» - государственным нотариусом. Кроме него, все что-то доказывали друг другу. Кто-то убеждал остальных, что завещание оглашать не положено раньше чем через полгода после смерти…

- Однако!.. – делал он многозначительное лицо… Кто-то из соседей кричал, что комната теперь должна принадлежать ему… Работники ЖЭКа требовали мебель, люстру, весь антиквариат передать в их «красный уголок»… Милиционеры успокаивали особо «горячих». Наши прихожане и Анна молчали… Наконец, слово взял нотариус.

- Во-первых, - начал он, - воля усопшей: огласить завещание на следующий день после похорон. Она утверждает, - пардон, утверждала, - что родственников у нее не осталось.

- Это – противозаконно! – взвизгнула толстушка из ЖЭКа, похожая на дворничиху, убиравшую двор у дома моих родителей.

- Воля усопшей – закон! – продолжал нотариус, - И, простите, если вы так скурпулезно предлагаете идти против завещания, придется на полгода опечатать комнату со всем вещами. Или у вас в ЖЭКе есть соответствующее помещение, где все вещи и мебель будут полгода содержаться в сохранности? Тогда придется на указанный срок опечатать ваше помещение. Я согласен. Зовите рабочих. Пусть выносят вещи. Составим их опись. Сотрудники милиции составят свой протокол и опечатают ваше служебное помещение. Но, я вижу, такой вариант вас тоже не устраивает?

Работники ЖЭКа опустили головы.

- Товарищ капитан, - обратился нотариус к милиционеру, раскрывая «дипломат» и подавая какую-то бумагу, - вот – медицинское заключение о том, что

покойница умерла в здравом рассудке и трезвой памяти. Ознакомьтесь. Копию можете оставить себе. Кому будет принадлежать комната, должна решить жилищная комиссия района. Я же сейчас объявлю волю усопшей, согласно ее завещания. Прошу тишины.

И тут все услышали, что мебель, красивую тяжелую люстру, остальные вещи, включая книги, картины, даже тяжелые гардины и легкий тюль, завещаются храму Воскресения Словущего. Распределение их и дальнейшее использование должен решить приход храма на своем общем собрании. Среди жильцов коммуналки и работников ЖЭКа поднялся недовольный галдеж… Но вдруг крик Анны утихомирил собравшихся: «Да как же вам всем не стыдно?! Агния Вениаминовна для каждого нашего жильца только добро делала! Даже когда ее не просили об этом! И всегда угадывала желания соседей! И перед смертью всех одарила! Неужели же такова ваша память о ней? О ее делах? Неужели же это – ваша благодарность?!»

Слезы выступили у Анны на глазах. А соседка, - все в том же драконовом халате, - фыркнула: «Под-думаешь, отделалась какой-то дешевой безделушкой и шляпкой… Но возникает вопрос к вам, товарищи из правоохранительных органов: откуда у старой библиотекарши столько дорогого антиквариата? Не по зраплате!»

Даже капитан милиции не смог скрыть презрения во взгляде. Но спокойно ответил: «По нашим проверенным данным все вещи, принадлежавшие покойной, являются законным наследством, полученным ею от своих родственников.»

- Буржуйка недобитая! Мало их в лагерях сгнобили… - вдруг произнес какой-то тщедушный сосед с золотыми зубами и татуировками на обеих кистях рук.

- Ах ты! Нет сейчас на тебя моего отца! – вскинулась Анна. - Сам-то давно ли из тюрьмы вышел?! Да забыл, видно, как Агния Вениаминовна по дому бегала, подписи собирала! Всех уговаривала! Все инстанции обошла, чтобы тебя снова в Москве прописали! А ведь ты не имел на это право по закону! Если бы не она…

Анна надвигалась на мужика, сжав кулаки. Но сержант милиции встал между ними. Сосед опустил голову, скрипнул зубами и вышел из комнаты. В полуприкрытую им за собой дверь, выскользнула дама в драконовым халате. Один за другим вышли и остальные соседи. Остались только Анна и молодой мужчина, заходивший в день смерти Агнии Вениаминовны с девочкой, отдавшей свою копилку.

- Я готов помочь выносить тяжелые вещи, - просто сказал он, - если нужно…

- И я, - всхлипнула Анна.

- Ну что ж, - капитан достал из полевой сумки лист бумаги и авторучку, - Пусть женщины складывают текстиль, упаковывают мелкий антиквариат. Мужчины будут выносить тяжелые вещи, мебель. А я все запротоколирую. Машина, я видел, у вас внизу. Гражданина государственного нотариуса и представителя ЖЭКа я тоже попросил бы остаться.

Когда грузовик был загружен мебелью, а женщины выносили оставшиеся тюки, стрелки показывали пять часов вечера.

- Василько, на два слова. - взял я его за локоть… - У меня в шесть – встреча. Но это – не главное. Дай мне два отгула. Я хотел бы съездить в Рязанскую область с пятницы до понедельника… Точнее – по понедельник.

- Что, для газеты поработать?

- Да. И поработать, и отдохнуть. Устал от Москвы.

- Поди, с женщиной? – вдруг хмыкнул он.

- Нет, с коллегой, редактором из ЦДКЖ. Да ты его знаешь. Это – Женя. Его мать – оттуда родом.

- Ну, если так, езжай, - пожал он плечами.

- Хочешь, я завтра вне очереди заступлю? На любой объект! - мне вдруг стало как-то не по себе. Что-то наподобие стыда кольнуло в сердце.

- Да ладно тебе! – хлопнул он меня по плечу.

А мне вдруг вспомнился недавний сон… Или – видение…

- Да мы, ведь вроде, и не ругаемся… - самому себе, но вслух заметил я.

- Что? – не понял Василько.

- Нет, ничего. В храме-то есть, кому разгрузить машину? А то ведь я быстро сгоняю. Отменю встречу! И – обратно.

- И-иди! Занимайся своими делами! И не переживай ни о чем! Вот ведь, закомплексовал! – засмеялся он.

У входа в ЦДЛ опять было многолюдно. Уже знакомые стереотипы молодых людей с длинными волосами, девушек в обтягивающих джинсах спрашивали лишние билетики.

- Что, опять - вечер авангардистов? – спросил я уже поджидавшего меня Женю.

- Выше бери! – хохотнул он. - Во главе их сегодня выступает Андрей Вознесенский!

- Но он же – неплохой поэт! – пожал я плечами… - И выступает с этими выпендрежниками?

- В том-то – и дело! Его некоторые выпендрежные юношеские опусы, снисходительно принятые мэтрами Союза писателей и интеллигенствующей публикой, стали своеобразным трамплином для бездарей, именующих себя авангардистами… Мне Володя выдал две контромарки. Пойдем под эту сурдинку.

Очереди в «гадюшнике» и нижнем буфете были безнадежными. Но вдруг во втором из них Женю окликнули. Третьим от буфетчицы стоял молодой парень с греческо-восточными, по-женски тонкими чертами лица и пышной, непослушной, кое-как приглаженной, иссиня-черной, волнистой шевелюрой. Он помахал нам рукой.

- О! Герка! Саш, пойдем, познакомлю! – обрадовался Женя. - Кстати, ты решился ехать на Вожу?

- Да, отпросился. - продвигаясь боком сквозь столпившихся у буфетной стойки людей за Женей, ответил я.

- Вот это – здорово! – воскликнул он. А мы уже придвинулись к окликавшему нас. Женя кивнул ему: - Гер, познакомься, это – мой друг, поэт и журналист Александр.

- Герман Гершевич, - слишком серьезно отрекомендовался тот.

- Рад знакомству, - улыбнулся я.

- Что бы вы хотели купить? – повернулся Герман Гершевич к Жене.

- Так… Пару чашек кофе, по паре тарталеток, триста граммов коньяку, - полез в карман за бумажником Женя.

- Нет-нет! – запротестовал Герман, - У меня папа премию получил. Отслюнявил… Поэтому сегодня угощаю я… Тут еще наши должны подойти.

- Гера, вот они были бы явно лишними, - помотал головой Женя. - Только сегодня, разумеется. Ты ведь хотел со мной и с Сашей ехать в Лужки на Вожу? Не передумал? Вот мы и собираемся сегодня все подробности поездки обсудить. Надо распределить, кто и что покупает, какие вещи берем с собой…

- А что, Саша тоже едет? – как-то странно взглянул на меня Герман.

- Саша?! Конечно! Мы с ним давно эту поездку планировали, - соврал Женя. -

А-а-а.., - неопределенно протянул Герман и отвернулся к буфетчице.

- Мы пойдем, местечко за столиками поищем, - хлопнул его по плечу Женя.

- По-моему, он не очень доволен моим присутствием, - тихо сказал я, едва мы отошли.

- Естественно! Он в поездке хотел «пробить» меня на публикацию своих стихов. А тут – свидетель! Ничего, молодой, оботрется. Мы с тобой его на Воже быстренько на место поставим… Только, вот что… Мы, конечно, выпьем за Светлое Христово Воскресение… Но при Герке об этом говорить не стоит! - удивил он меня.

- Это еще почему?

- Ну… Не надо! Ты на него внимательно посмотри… Не будем сеять национальную и религиозную рознь…

Я даже остановился: «Ты что?! Мы же у себя дома! В России! И нас – двое! А он… Он должен, - будучи даже негром преклонных годов, - уважать нашу веру!..»

- Ну.., ну… Выполни эту мою просьбу! Пожалуйста! – опустил глаза Женя, усаживаясь за столик, из-за которого только что встали двое «волосатиков» и девушка в джинсах. - Гляди, как нам повезло! И столик – на троих! *Христос Воскресе!*

- *Воистину Воскресе!* – слабо улыбнулся я…

- А вот - и я! Услышали мы сзади голос Германа, подошедшего с подносом, уставленном посудой. Мы отглотнули коньяку, запили кофе, закусили тарталетками… Безо всякого тоста…

- Итак, - достал блокнот Женя, - В Лужках можно было бы остановиться и ночевать у дяди Леши. В принципе, последнюю ночь я и предлагаю провести у него в доме. Но две первые – лучше посвятить природе. В палатке! На берегу одной из великих малых рек, Вожи! На опушке Засеки… Палатка у меня есть. Котелок – тоже. Тулупы, одеяла мы возьмем у дяди Леши. Сеть, удочки – тоже у него. Теперь – о продуктах. Три бутылки коньяку, полагаю, нам хватит. Одну выпьем с дядей Лешей за встречу. Другую подарим ему. Третью… Начнем ее, когда перейдем мост через Вожу, перед Лужками. У меня – такая традиция. А закончим… Как получится. Герка, купишь коньяк?

- Ну… А если мама увидит?! – замялся он, - Да у меня и времени завтра не будет… Зачет предэкзаменационный! Самый трудный! Я же в медицинском училище на зубного техника учусь. А там – такая зубрежка! Если завтра в пять освобожусь, считай повезло!..

- Успокойся! Я возьму. И продукты – тоже. У меня – выходной. - пребил я Германа.

- Лады. Записываем. Из продуктов нужны крупы: по килограмму гречки и риса. Килограм макарон. Дяде Леше - батон вареной и батон копченой колбасы…

- Нам бы тоже колбаска не помешала, - перебил теперь Герман.

- Не переживай! Дядя Леша и салом, и бараниной для шашлыков, и яйцами обеспечит. Курочку сами купим. Да и рыбки наловим. С голоду не помрем! А здесь таких деликатесов, как на Воже, ты, Гера, долго еще не поешь!.. Так, Саха! – повернулся Женя ко мне, - Не забудь купить специй для шашлыка. Кружки, миски, ложки брать с собой не надо. Все найдется у дяди Леши. А вот свитера, сапоги… Итак, с учетом билетов на электричку, попутки, - получается… Получается… О! По пятнадцать рублей - с носа.

- Ого! – откинулся на спинку стула Герман, - Тогда…

Он обвел глазами стол…

- Кстати, сколько ты заплатил в буфете? – понял я его взгляд.

- Да, ладно.., - начал, было, он.

- Нет-нет! – полез за бумажником Женя.

- Вот моя доля, - быстро подсчитав в уме, я выложил на стол «пятерку».

- И – моя, - сделал то же Женя. Герман, как бы нехотя, взял деньги. Мы с Женей закурили и некоторое время молчали. Наконец, он заключил: «Поезд уходит в шесть тридцать утра с Казанского вокзала. Встречаемся там, в шесть, под табло.»

- Идет, - кивнул я. А Герман вдруг сказал: «Давайте, я свои стихи почитаю.»

- Гера, мы на Воже еще начитаемся! – засмеялся Женя.

…- Герка! Ты что от нас спрятался? – услышали мы за своими спинами. Обернувшись, я увидел трех молодых людей и девушку.

- Так мы идем на вечер? – спросила она.

- Вы идите. Я догоню. - вдруг погрустнел Герман. - Мы сейчас некоторые важные вопросы решали…

Но тут же встал сам, попрощался с нами и поспешил за своими приятелями.

- Да-а-а! – усмехнулся я. - Фрукт! И ты пошел бы с ним в разведку?

- Молодежь надо воспитывать. Тем более, что мне его Володя поручил! – засмеялся Женя.

- Что? Поручил взять его с собой на Вожу?

- Вос-пи-ты-вать! А на Вожу он напросился. Хотя, похоже, пыл уже начал остывать…

- Дай-то Бог, чтобы он опоздал на вокзал! - покачал я головой.

- Не дождешься!.. Ладно. *Христос Воскресе*! – поднял он рюмку.

- *Воистину Воскресе*! – ответил я. И мы допили свой коньяк.

- Слушай, а как к твоему Володимиру обращаться? – вдруг спросил меня князь Ондрей, когда мы тронулись в путь.

- Он – княжеского, хотя и ордынского, - по отцу, - рода. Полагаю, князем назвать его можно… - пожал я плечами.

- Тут не так все просто. - мотнул головой князь Ондрей. - Слышал я, что если поганый, даже княжеского рода снасильничает крестьянку, ему до нее после и дела нет… А если отец нашего молодца взял сына на воспитание, то мать Володимира тоже была не из простолюдинок.

Я еще раз пожал плечами. А к нам подскакал князь Володимир.

- Как решишь, князь Ляксандр, по поводу засады на броде? – спросил он. Я взглянул на князя Ондрея. В глазах его горел знакомый огонек.

- Ты знаешь эти места? – спросил я бывшего ордынского сотника.

- А то!

- Вот и предложи, как нам их здесь оставить?

- Есть у меня задумка… - начало было он. Но в это время подскакали передние дозорные и сообщили, что у брода идет сеча.

- Сколько ратников рубится? – спросил я.

- Наших – около сотни. А поганых – поболе будет, - ответил десятник.

- Князь Петр! – крикнул я, обернувшись, - ты – полегче на подъем. Давай-ка, изгоном – к броду. Пособи нашим!

Тот свистнул, и сотня умчалась за дозорными.

- Ну вот, вопрос и решился по Божией воле. - улыбнулся я Володимиру. А когда мы подъехали к броду, все дело уже закончилось. Русьские ратники, - а были они, как оказалось, из дальней нижегородской сторожи, - закапывали убитых ордынцев и мордву. Своих же складывали в свеже вырубленные колоды, тут же заливали медом, грузили на волокуши и отправляли домой… Князь Петр беседовал с молодым, розовощеким, рыжебродым, веснушчатым сотником.

- Князь Никита, - улыбаясь представился тот, - спаси вас Бог! Давно я за этими татями охочусь. А они, оказывается, - за мной! Если бы не ваши ратники, тяжелехонько бы нам пришлось. Их-то, почитай, раза в два поболе наших было.

- А разве они не нас ждали? – глянул я на князя Володимира.

- А им – все равно, - ответил за него нижегородский сотник, - Тати! Душегубы…

Я обернулся на князей Ондрея и Герасима. Первый мотнул головой: «Как знать…»

Второй только хмыкнул. И согласно взглянул на князя Ондрея. А я поведал, за каким делом мы идем на Нижний. Князь Никита вызвался проводить нас до средней сторожи. Его заразительный громкий смех возрождал наших ратников, успевших приуныть от жары и долгого похода. Но в то же время и смех, и шутки нижегородского сотника были как бы ни о чем… Для нас с Ондреем и Герасимом они звучали непривычно. Зато князь Петр отвечал на них тем же.

- Пустозвонство… - хмыкнул князь Ондрей.

- Не суди! – отозвался по-доброму князь Герасим.

Только на третьем привале, у князя Никиты появилась серьезность в глазах. Полулежа у костра, покусывая травинку, он вдруг спросил: «А что, сам Великий Князь Димитрий Иоаннович не придет на помощь тестю?»

Мы переглянулись с князьями Ондреем и Герасимом. Первый ответил: «У нас на службе повелось: сотникам не любопытствовать о думках и делах больших князей. Посему, прости, князь, но твой вопрос, по меньшей мере, кажется странным.»

- Я – не из любопытства. - опустил нижегородец глаза. - За общую нашу Отчину обидно! Есть у нас в Нижнем те, кто полагает, что мы Арапшу шеломами забросаем. А у него – силища! Здесь вся Русьская земля надобна…

- Но мы-то с тобой – не умнее Великого Князя и тестя его. Они-то, поди, все ведают. А тебе откуда известно о силищи Арапшиной?

- Тесть мой – в орде, - не поднимая глаз, тяжело вздохнул князь Никита, - а малая отчинка наша – на самом юге княжества. Вот, тесть и прислал весточку, чтобы я женку да деток, рухлядь самую богатую вывез куда-нибудь подальше. Да людей увел… А он - воевода опытный!

- Так что ж он не Великому Князю служит? Почто в орде околачивается, коли воевода опытный? – сверкнул глазами князь Герасим.

- Я за него – не ответчик! – все также, как-то грустно, продолжал князь Никита. - Да и сам он не столько за меня, сколько за дочку со внуками ратует. А я с ним чуть ли не со Святого Венчания спорил!

- Да разве ж можно со старшими-то спорить? – усмехнулся князь Ондрей, не показывая, куда он клонит. - Тесть, он, как бы, - второй отец!

- Моего отца поганые порубили, - перекрестился князь Никита, - а не стал бы он в орду уходить…

- А что ж тогда женил тебя на дочке такого.., как и назвать-то, прости Господи, не ведаю? Опытного воеводы, который.., что ли.., опыт свой кобыльим хмелем подогревает.

- Про женитьбу мы сами с Евфросинией решили. Она так и заявила отцу: мол, не выдашь за Никиту, убегу в монастырь. Она у меня – боевая! Иному ратнику - до нее… А тестю сыновей-то Бог не дал, - вот и мечтал о внучатах. Он - хоть и крут характером, но словно лед под саночками, для дочки был. Поскрипел зубами, но укатался, свадьбу сыграл. И приданное дал богатое… А я вот, теперь за троих послужить Отчине хочу: за отца, - Царствие ему Небесное, - за себя, и за тестя. По жене-то – кровь родная! Как перед Богом отвечать буду? А детки, коли Господь жить даст, а внуки?! А дальше?!

Мы опять переглянулись с князьями Ондреем и Герасимом. А нижегородский сотник мотнул головой, словно отгоняя думки свои невеселые, и сказал: «Давайте отдыхать. Завтра прощаемся. А вы до вечера в Нижнем быть должны.»

Но прилечь нам не удалось. Пришла еще одна сторожевая нижегородская сотня. Вел ее далеко не молодой князь. Он, поздоровавшись, сказал хмуро: «Велено тебе, Никитушко, изгоном на Нижний идти. Ты там надобен. И вы, князья, тоже поспешили бы, коли охотниками назвались. В любой день Димитрий Константинович может назначить выход навстречу Арапше… Нас вот, старых да хворых в сторожу направили.»

К полудню четыре московские сотни, да ратники князя Никиты вошли в Нижний Новгород. Князь Петр остался подгонять наш обоз. У терема Димитрия Константиновича нас встретил, как подсказал мне князь Никита, воевода Симеон Михайлович. В богато вышитой красной рубахе, слегка под хмельком, он облокотился на перила крыльца пухлыми кулаками и с усмешкой громко заявил: « Никак – из Москвы? Да… Богатую дружинку Димитрий Иоаннович прислал! И на том - спасибо!

Только мы и своими силами Арапшу хлебом-солью встретили бы. Мамай-то сам не пошел!»

- У нас грамота для князя Димитрия Константиновича, - перебил я, - да и обоз наш пока в дороге. Только к вечеру будет. А вот мы поспешили.

- Ах! Поспешили! Ах! Обоз! Ах! Грамотка! - уперся кулаками в бока воевода. - Ну, давай сюда твою грамотку. Я передам. А вы за стенами кремля, на просторе можете расположиться. Там-то - не в пример московской, - ле-по-та!

- Велено лично князю Димитрию Константиновичу передать! – во мне закипало раздражение. Обернувшись, я увдел, как и у князя Ондрея, и у князя Герасима заходили желваки.

- Ну… Коли так, пойдем. Проведу. Не забудь только сапоги вытереть. Грязи-то, поди, пыли в пути налипло. А у нас здесь – чи-и-исто! – хмыкнул он.

- Смирись! - тихо проговорил князь Ондрей, когда я, спешившись, бросил поводья подоспевшему Ивашке. И добавил: «Мы встанем на берегу, за городом.»

В горнице, куда я вошел, было шумно. Князь Димитрий Константинович сидел во главе большого стола и, казалось, не знал, кого слушать. Между телячьих кож с изображением земель нижегорождских, стояли братины с медами и ромейским, блюда со свежей черникой, морошкой, малиной, прошлогодними моченными яблоками и другой сладкой снедью. Меньшие князья и бояре о чем-то громко, наперебой, говорили, спорили друг с другом.

- Гонец из Москвы, от зятя твоего, Великий Князь Димитрий Константинович! С грамотой! – зычно перекрыл все голоса Симеон Михайлович. «Великий князь?! – удивленно подумал я, - Так вот вокруг чего здесь смута!»

- От зятя? – исподлобья взглянул на меня князь Димитрий, - Зять-то он – зять! Да что с него взять? Хм… Давай грамоту.

Я подошел. Протянул свиток. Тот взял. Развернул. Прочитал. Отложил в сторону. Спросил: «На словах велено ли что передать?»

- Велено. Но, с глазу - на глаз. - ответил я.

- Говори. У меня от своих князей и боляр тайн нету. - откинулся назад Димитрий Константинович.

- Я служу Великому Князю Московскому Димитрию Иоанновичу. И выполняю его повеления. - еще тверже ответил я, чуя, как под доспехом тело мое покрывается испариной. - Мне велено: с глазу - на глаз.

- Ох! Какие же вы, москвичи, - гордые! Будь по-твоему! – кивнул Димитрий Константинович. - Выйдите все.

Когда же мы остались одни, я сказал: «А велено мне напомнить тебе, князь, что было на реках Калке и Сыти, когда каждый, забывая обо всей земле Русьской, мнил себя главным в сечах или стоял только за свою отчинку.»

- Да как ты смеешь, меньшой князь, мне говорить такое?! – сжал кулаки и поднялся Димитрий Константинович.

- Я передал тебе не свое напоминание, а Великого Князя Димитрия Иоанновича. Он идет сюда с большим войском. С ним – почти все князья земли Русьской со своими полками. И он отказал Мамаю в требовании выступить с ним против тебя! – вытянулся я. Князь Димитрий Константинович приостыл. Сел обратно. Усмехнулся: «Ты что ж, полагаешь, я со своими ратями не побью Арапшу?»

- Это решать тебе с Великим Князем. А что до моего мнения, то так и считаю: один не побьешь

- Это почему же?

- Во-первых, потому что ратуешь только за свою отчинку, за свое княжество. А Бог – с теми, кто под предводительством Его помазанника за общую Отчину стоит. Во-вторых, у Арапши орда, – самое малое, - в два раза поболе твоих ратей будет.

- А как ты за Бога определил Его избранника? Я-то постарше Митьки буду…

- По делам. А вообще, об этом тебе лучше сможет растолковать игумен Сергий из Свято-Троицкой Лавры, что под Радонежем. Он знаком тебе, князь.

- И об этом тебе повелел напомнить мне зятюшко мой? – удивленно вскинул брови нижегородский князь

- Да. И об этом мне повелел напомнить Великий Князь Земли Русьской Димитрий Иоаннович, как признано всеми на съезде князей.

- Хм… А ты – не трус! В глаза правду режешь…

- Мне так велено Великим Князем.

- Эй! – крикнул Димитрий Константинович. - Пусть все войдут!

Когда князья и бояре собрались в горнице, он объявил: «К нам с поддержкой идет Московский князь и другие князья русьские. Пусть они тоже вкусят славы нашей победы. Нам не жалко. А нашему гонцу, московскому гостю, отведите покои в моем тереме. Пусть отдохнет с дороги.»

Вдруг он повернулся ко мне: «Ну-ка, задержись. Как величать?»

- Князь Ляксандр.

- По говору сдается мне, ты – володимирский? Останешься в тереме моем для связи со своими. Мало ли что понадобится…

- Со мной еще – мой отрок.

- И для него места хватит. Тебя сейчас проводят в баню и в покои.

…Я, наконец, смыв дорожную пыль, послал Ивашку к князям Ондрею и Герасиму с весточкой, что все идет по замыслу Димитрия Иоанновича. Пообедал. Улегся спать, мечтая вечером сходить на Всенощную. Вспомнил Аллу… И такая истома влилась в тело, - хоть на стенку лезь! Я встал, сделал три земных поклона. Снова лег… И мгновенно заснул.

Но лучше бы не засыпал: сон был тяжелым и липким. Я увидел Москву, Кремль, мой терем. Над ним, под тревожными, тяжелыми, синими тучами, кружило и каркало воронье. Вдруг из терема выбежали две женщины в черных накидках. Они, крадучись, спустились в посад, прошли мимо темных истб и завернули к одной из них, вросшей в землю почти по самую крышу. Внутри, при свете лучины, сидела страшная, худая, вся в каких-то драных, грязных лохмотьях, старуха, - а может быть, старик, - с длинным носом, кончик которого свисал до выступающего вперед подбородка. Распознать сидящее страшилище за столом, уставленном какими-то склянками, горшочками и горшками, плошками, туесками, было невозможно. Со стен свисали какие-то веники и… высушенные тельца лягушек, ящериц, летучих мышей…

«Господи, помилуй! – подумалось во сне, - Совсем, как в бабушкиных сказках про нечистую силу»… Но тут меня еще сильнее бросило в пот: по правую руку от уродины я увидел большой, светящийся, прозрачный шар. Вошедшие женщины скинули покрывала, и в одной из них я узнал… мою княгиню Аллу. Сон мой, словно рукой сняло… За окном уже стояли сумерки.

«Ох! Говорила же мне покойная матушка, - Царствие ей Небесное, - что нельзя спать на закате!» - мотнул я головой и, подойдя к окну, плеснул в лицо холодной воды из ушата. Дверь приоткрылась и в проеме показалась голова Ивашки.

- Княже! Тебя хозяин терема на трапезу приглашает. - сказал он.

- Ох! Не хочу! Но – надо! В чужой монастырь со своим уставом не ходят, - потянулся я всем телом до хруста в костях.

Бурное веселье, разнообразие яств и несколько больших чаш меда развеяли мое мрачное сонное видение. Однажды, правда, мелькнула мысль: «Ворог - на пороге, а мы здесь упиваемся и объедаемся! Надо бы все-таки до сечи отказаться от медов… Тем паче и дядюшка-архимандрит благословил! А я?!» Но ее отогнала другая: «Сидишь, словно сыч! Людям веселье портишь!»…

Сын Димитрия Константиновича, Иоанн весело, с жаром вспоминал, как год назад они ходили на волжских булгар, и какой легкой оказалась богатая добыча.

Потом сам хозяин Нижнего рассуждал, что орда, мол, раскололась, и Мамай просто не в состоянии выдвинуть все свои тумены на землю Русьскую: за спиной у него стоит Тахтамыш. А уж тот-то, - все-таки, чингизид, - не упустит момента: стразу пойдет на Мамаевы земли. Поэтому Арапшу разбить будет нетрудно… К тому же, мордовские князья обещали мощную поддержку и обеспечивают надежную разведку. При этом Димитрий Константинович поклонился двум гостям. Те часто-часто закивали, улыбаясь, в ответ. «Вот еще одно звено предательства!» - вспомнились мне слова князей Василия и Илгуса.

А хозяин Нижнего поднял чашу за добрый военный союз с мордвой. «Неужели он не поверил в их измену?! – подумалось мне, - Надо бы завтра напомнить!»

…После застолья, в своем покое, я, хотя, вроде бы, и долго спал днем, в сон окунулся мгновенно. И - безо всяких видений! А утром меня разбудил князь Никита: «Помнится, ты хотел в собор пойти на службу? Утреня вот-вот начнется.»

Я умылся и быстро оделся… Давненько я не был в храме Божием. Потому, должно быть, пятки и «горели»… После Божественной Литургии князь Никита пошел показывать город. Мы долго стояли на крепостной стене. И немудрено: невозможно было оторвать взгляда от просторов нижегородской земли, расстилающихся за Итилем, и, казалось, уходящих в самые небеса.

- Краса-то какая! – вздохнул князь Никита. - Уберечь бы ее только!

- Да! Не ценим мы ее из-за мелочности душ наших. - кивнул я. - И здесь, у вас - какая-то непонятная вражда к Москве… Но уберечь-то эту красу можно только всем миром!

- Это – давняя вражда! – задумчиво протянул князь Никита. - Хотя и были межусобицы между двумя Димитриями, - молодым и старым, вашим и нашим, - гибли только смерды… И ни одного князя! Лет пятнадцать назад пришлось Димитрию Иоанновичу выступить в поход против нашего, который тогда деньгами, мехами, - сам знаешь, чем и как, - получил в орде ярлык на Великое Княжение. Не по отчине, а по дедине… Димитрий Константинович укрепился тогда Переяславле. Туда и пришел с дружиной, - отрок еще, - Димитрий Иоаннович. Убоялся тогда наш-то. Побежал: сперва - в Володиимир, потом – в Суздаль. И примирился. Обидно только, что не сердцем примирился-то…

- А после того?

- Ох-ох-ох! После, как водится: снова брат – на брата! Особенно лютовал Борис, брат нашего Димитрия Константиновича. Сюда, в Нижний, даже игумен Лаврский, Сергий, приезжал… Поди, сам знаешь, как он на храмы замки понавесил?

Я кивнул. А он продолжал: «Тесть-то мой и уехал потому что, мол, не захотел в этой, как говаривал, нехристианской межусобице участвовать…»

- Прости меня, князь Никита, - только и выговорил я.

- Ты меня прости! А мне тебя не за что прощать, - опустил он голову, - это ж… Брат на брата… Никазание Божие… А веселье мое – так, чтобы боль за Отчину заглушить! Как вино ромейское…

- Да, брат… Вот так и бывает: казалось бы чужой человек, а может стать роднее кровных сродников… А родной – предателем и злее любого ворога… Но спасение наше, я разумею, - в единении! Не дать брата по вере христианской в обиду, не бросить в беде…

Подошел князь Ондрей: - Увидел вас снизу. Поднялся вот. Слыхали, Великий Князь уже собрал ярославцев, переяславцев, муромчацев, серпуховчан, дебрянцев, боровскую дружину… Поди, вся земля Русьская поднялась! Хотя, сдается мне, не главной эта сеча будет… Уж, коли была бы таковой, сам Мамай повел бы орды свои. А он – воевода опытный.

- А мне сдается, - вдруг неожиданно резко, даже для самого себя, ответил я, - не наше дело лезть в Великокняжеские задумки!

- Что это с тобой? Какая муха тебя укусила? – даже отпрянул князь Ондрей.

- Ох! Прости, брат! Сам не ведаю.

- Что на сердце у тебя? Чую я: неспокойно. Сон ли дурной привиделся? – положил он мне руку на плечо.

- Вот-вот… Сон… - и я, уразумев, что именно вчерашнее дневное сновидение так безпокоит меня, пересказал его.

- Пустое! – хмыкнул князь Ондрей, - У тебя на Москве Афанасий с твоей «дружинкой» остался. Уж они-то не дадут княгинюшку в обиду. И ей дурного дела сотворить не позволят.

- Спаси тебя Господи, брат. Твои бы слова, да Богу – в уши! – опустил я голову.

- Я не мешаю вам, князья? – в двух шагах, перминаясь с ноги на ногу, стоял князь Никита, про которого я даже позабыл. Вот стыд-то!

- Да чего уж там?! – положил и ему на плечо руку князь Ондрей, - Сегодня еще не выходим… Ждем Великого Князя… Пойдемьте-ка лучше на торг, меду нижегородского попробуем. А?

- И-и-и! Да что там мед?! Давайте, я вас сейчас кулебяками из разных рыбок угощу! Язык проглотите. А потом уж и медком запьем!

…Потянулись будни. Изредка я посылал гонцов в Москву с вестями о том, что Димитрий Константинович и слышать не желает о предательстве мордвы, о недостаточной подготовке нижегородских воевод и полков к сече, об их самоуверености о тех, кто сеет настроения, мол шеломами Синюю орду закидаем… Знал, что скорбью отзовутся эти вести в сердце Великого Князя. Но что было делать?!

Изредка я наведывался в наш стан за городом. В нем воеводствовал князь Ондрей. Всякий раз он приглашал меня потрапезничать вместе. А я и не отказывался. Тогда к нам присоединялся князь Герасим. И мы с удовольствием и подолгу беседовали в одном из шатров, прихлебывая слабый мед. Иногда приходил и князь Никита. Он тянулся к нам. Было похоже, что в Нижнем ему не с кем и словом перекинуться.

Однажды за такой трапезой-беседой мы услышали веселый гомон ратников в нашем стане. А следом зазвонили колокола всех нижегородских церквей. Мы выскочили из шатра и увидели, что в Московские ворота Нижегородского кремля входит большой отряд с возвышающимся над ним Великокняжеским стягом. А под стенами города, насколько хватало глаз, разбиваются станы русьских полков.

- Тихон! – кликнул князь Ондрей первого своего десятника, - В стане остаешься за старшего. Георгий! Беги, зови князей-сотников. Димитрий Иоаннович, поди, уже обыскался нас.

И мы поспешили через ближние к нам ворота в город. Слава Богу: успели! Встали позади князя Димитрия Константиновича, в числе его воевод и бояр. Немолодая, но еще красивая княгиня Василисса вынесла хлеб-соль. Димитрий Иоаннович со своими воеводами, епископом, советниками, болярами и князьями крупных городов подъехал к терему тестя, спешился, принял хлеб-соль, надломил, откушал… Заметив нас, одобрительно прикрыл глаза.

- Ну что, затюшко, как дошел? Все ли благополучно? – как-то неловко обнял его Димитрий Константинович. - Здоровы ли княгинюшка, чада?

- Слава Богу, все ладно. И тебе со чадами и домочадцами – не хворать! – невесело, но дружелюбно ответил Великий Князь.

- Тогда, пожалуйте в терем. Столы накрыты.

- Нам бы – поначалу в собор! Благодарственный молебен отслужить… - начал было Димитрий Иоаннович.

- Эт-то успеется! Спешить некуда! – махнул рукой хозяин Нтжегородский, - Разведка донесла, что Арапша застрял на Волчьей воде.

- Разведка? – вскинул брови Димитрий Иоаннович.

- Да, мордовские князья. У меня с ними - военный союз заключен… Служат верно! Не гляди, что - язычники.

Великий Князь мельком и вопросительно посмотрел на меня. Я ответил прямым взглядом.

- Да не гляди ты так, зятюшко! Гонец твой передал мне эти нелепые наветы на моих союзников. А я людей сужу по их делам. Как и завещано нам Самим Господом… Может быть, в баньку желаешь? – улыбнулся Димитрий Константинович, перехватив наши взгляды.

- В баньку – вечером. А сперва – умыться бы с дороги, да потолковать надобно, - мотнул головой Великий Князь.

- Слово гостя – закон! Вот за трапезой и потолкуем… - обнял его за плечи Димитрий Константинович, увлекая в свой терем. И тут же крикнул через плечо: «Князь Симеон Михайлович! Прикажи обустроить дружины на берегу. Да снабди всем необходимым…»

- Понаехали тут на чужие харчи.., - услышал я тихое бурчание воеводы.

Ух! Как я выспался! На часах стрелки показывали половину десятого утра. Что ж, пора было отправляться по магазинам. К тому же, мне еще резиновые сапоги купить надо. Благо, все – под боком. В «высотке» на Баррикадной – продукты, на обратном пути заскочу в обувной… К обеду все общественные поручения были выполнены. Я позвонил Анимаиссе и, сообщив, что завтра буду в Рыбном, спросил, нет ли у нее каких-либо сведений о чем-нибудь новом, передовом, необычном на этом железнодорожном узле.

- Нет, - ответила она, - можешь побыть в «свободном полете».

- Это как? – не понял я.

- Пора изучать журналистский жаргончик. Поищи сам. Походи по станции, зайди в депо, загляни в клуб.

- Интересно, сколько командировочных сэкономил на мне «Гудок»? – хохотнул я.

- Обещаю походатайствовать о повышении гонорара. Кстати, виделась с нашим завотделом культуры, литературы и искусства. Хвалил тебя. Говорил, что в преддверии юбилейного Дня железнодорожника с июня собирается через номер ставить твои очерки, зарисовки, интервью про художественную самодеятельность. Наш отдел ревнует! – теперь хохотнула она.

- Но я же и для вас пишу!

- Ну-ну… Желаю удачи. Меня шеф вызывает по внутреннему телефону. Счастливого пути.

…День прошел в каких-то незначительных хозяйственных делах: стирка, уборка, укладка рюкзака. Вечером сходил в храм, попросил благословения у отца Валерия. Он подумал, глядя в пол. Потом как-то пристально, странно посмотрел на меня, осенил крестным знамением и произнес: «Тебе, полагаю, это будет полезно…»

А утром, в шесть часов я стоял на Казанском вокзале в условленном месте. Первым подбежал Герман.

- Ну, как, сдал? – спросил я, здороваясь. И вдруг подумал, мол, какой предэкзаменационный зачет может быть в конце апреля?..

- Что сдал? – откинул голову назад Герман. Но, видимо, тут же вспомнил: «Конечно! Я ведь – способный! Не только в поэзии… Так все педагоги говорят.»

«А самое главное – скромный!» - мгновенно съязвила во мне мысль. «А ты – злой! Мало ли сам-то врал по жизни?!» - не осталась в долгу другая.

…- А вот и я! – подошел Женя, - Пойдем скорее места занимать, а то скоро электричка переполнится. Четыре дня праздников! Пол-Москвы за город выезжает!..

Нам достались свободные места. Но к моменту отправления электричка действительно была набита битком. Несмотря на тесноту, лица пассажиров светились предвкушением выходных и весной, которая оказалась на редкость ранней. За окнами вагона пролетала уже не акварельная дымка проклюнувшихся листиков, а густая, правда, еще салатовая, но полнокровная зелень. Радостно сверкала росой трава, и солнце начинало припекать сквозь стекло. Когда же доехали до Голутвина, электричка стала похожа на большой передвижной парник. И мы, как, впрочем, большинство пассажиров, разделись до футболок.

- Мама слушала прогноз погоды и сказала, что даже ночью будет до пятнадцати-семнадцати градусов тепла. Я, конечно, не стал ей говорить, что мы собираемся переночевать в лесу. Она бы тогда меня не пустила, - вдруг торжественно заявил Герман, - а-а-а, может быть, действительно в доме переночуем?..

- Гера! – покачал головой Женя, - Мы все уже решили. Зачем же менять планы?! Я понимаю, были бы заморозки…

- Погоди, - засмеялся я, - майская погода переменчива. По опыту знаю, что со второго или третьего мая всегда бывает похолодание. Но это, полагаю, не помешает нам.

- Во-первых, не каркай! Во-вторых, у нас есть подстраховочный вариант: изба дяди Леши. - в тон мне произнес Женя. В Рыбном он повел нас по шпалам в сторону железнодорожного клуба.

- А разве мы – не на попутку? – скривил губы Герман.

- Нет. Саше нужно для газеты материал собрать, - ответил ему Женя.

- Ну вот! Может быть, единственный, погожий денек за всю поездку выдался, и тот в этой железнодорожной мазутной грязи проводить приходится. – проворчал юный зубной техник.

- Гера! Тут есть люди постарше тебя. Учись дисциплинированности. В походе она – закон номер один! К тому же, приятное всегда должно сочетаться с полезным.

Нам повезло! В клубе оказался руководитель студии живописи. Он очень быстро и толково, - я едва успевал записывать за ним в блокнот, - рассказал нам о работе самодеятельных художников, показал несколько удивительно живых картин и акварелей, подарил их фотографии с изображениями самих авторов. И я понял, что может получиться неплохой репортаж. А Жене не пришлось даже фотоаппарат доставать.

- Ну что ж, увидимся на празднике. Наши работы включены в экспозицию на ВДНХ. - попрощался руководитель студии. - А теперь простите, мне еще до Рязани добираться. Я ведь там живу. И три раза в неделю сюда приезжаю. Иногда даже ночевать в студии приходится…

- Вот, про него бы очерк сделать! – сказал Женя, когда мы шли на попутку, - Какой самоотверженный человек!

- Подумаешь! – хмыкнул Герман… - Мотается сюда подхалтуривать… Может быть, в Рязани его никто на работу не берет. Да и что в этих пейзажах интересного?! Во-он, сколько их за окном вагона промелькнуло! Одно и то же. Тоска! Я понимаю, экзотика джунглей или саванны… Америка, Франция, Неаполь, Альпы!.. Вот, где – романтика! Поэзия! Помните, у Мандельштама:

Под звездным небум бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне…

Слова! Не живопись! А закроешь глаза, и так четко все представляется! Вот, где – картина!

При этом Герман сперва закатил, а потом прикрыл глаза. Даже остановился на миг… Мы с Женей переглянулись, но ничего не сказали. Потом тряслись в

повизгивающем и скрепящем автобусике, набитом какими-то грязными ящиками. Водитель курил одну «Приму» за другой и ругался: «Виданное ли дело, чтобы автобус, предназначенный для перевозки людей, запчасти для комбайнов перевозил?! Мол, все грузовые машины поломались… Ох, славится наша держава дураками у власти и плохими дорогами…»

Женя пытался перевести разговор на другую тему, но из этого ничего не выходило. Через пятнадцать километров шофер взял с нас пятьдесят копеек, и мы выпрыгнули из автобуса.

- Это – Алешня, вотчина Нарышкиных, - показал рукой Женя на ряд однообразных домиков, выстроившихся вдоль дороги. На голых, широких, - даже почти без травы, - обочинах росло несколько хилых деревьев… А по другую сторону дороги коряво топорщились огромные, порою сломанные, обросшие крапивой и чертополохом и вьюнками, ветлы. Зато вдали – высокий старинный дом из красного кирпича утопал в свежей листве огромных лип. А Женя, указав на него, продолжал: - Там – барский дом, переоборудованный в больницу. Сюда Петр Первый приезжал несколько раз в детстве… Даже щуренка окольцевал. Потом эту щуку, - бревно двухметровое, - выловили спустя два века! Петрово же колечко в хвост вросло.

- Но анатомически такого быть просто не может. Поверьте мне как медику! – вставил Герман. И тут же спросил: «А где Лужки?»

- Во-он там, за Вожей. - показал рукой Женя.

- А я думал, мы прямо на место приедем… - скривил губы наш молодой попутчик.

- Гера! Надо духом приобщиться к этим былинным местам! Здесь же битва была, которую ученые назвали генеральной репетицией Куликовского сражения. Вот, пока идем, приобщайся! – усмехнулся, вздохнув, Женя. И мы двинулись по обочине еще не просохшей дороги, с пузырящимися черной жижей колеями почти в полметра глубиной.

- Как они тут на машинах ездят? – удивился Герман.

- Машины здесь не пройдут. Тут главный транспорт – телега! Ну, или, на худой конец, - гусеничный трактор. - пояснил Женя.

Покореженный, с выбоинами, бетонный мост без перил перевел нас через узкую, - метров восемь-десять, - речушку. Женя сошел с дороги в свежую траву, встал на колени. Поклонился: «Здравствуй матушка-Вожа! Здравствуй, великая из малых рек России!»

- И это – Во-о-о-жа?! – протянул Герман, опять скривив губы.

- Да, это – Вожа! Малая родина моих предков! – торжественно произнес Женя, доставая из рюкзака бутылку коньяку и складной стаканчик, - Давайте, по пять капель, за встречу!

- А закусить? – губы Германа уже, похоже, не собирались выпрямляться…

- А ты занюхай! Этим святым воздухом! – засмеялся Женя. Я таким его еще ни разу не видел! Он весь светился какой-то особой, ему одному понятной и доступной радостью. И глаза его поначалу как будто приняли отблеск живого неба… «Кто-то из предков…» - мелькнула совершенно непонятная мне мысль. Мы выпили треть бутылки и свернули на уже просохшую на солнышке тропинку, петлявшую вдоль, играющей солнечными бликами, речушки. Вот и начались неказистые, низкие, но добротные избы, довольно далеко стоящие друг от друга. Вроде бы и сложены они одинаково, но мне показалось, что в каждой из них был свой, неповторимый образ… И расположение их тоже было необычным: от основной улицы отходили проулки, на которых тоже стояли избы.

- Это, как говорят здесь, - прожеги, - пояснил Женя, заметив мой интерес, - значит, переулки.

Я кивнул. Мы прошли по проулку до главной улицы и остановились у крайней на ней избы. К нам, с заливистым лаем бросились три собаки. Породу их трудно было определить… Первый, черный, лохматый, средних размеров поначалу оскалил зубы… Но Женя воскликнул: «Цыган! Ты что ж, своих не признаешь! Забыл! Забыл меня, псина моя замечательная!»

Пес приостановился, спрятал оскал. Как-то недоуменно вгляделся в нас. Принюхался. И радостно виляя хвостом, пригнулся мордой к ногам Жени. Две другие собаки, оценив поведение самого большого из них, тоже принялись ласться к нам. Герман брезгливо попятился, а я опустился на корточки, чтобы погладить их. Самая маленькая, коричневая, короткошестная, отдаленно напоминающая таксу, тут же опрокинулась на спину, прижала к груди передние лапы… И посмотрела преданными глазами… А я вспомнил, про двух собак «*какой-то немыслимой местной породы*»…

- Все, Цыган, все, – строго произнес, распрямляясь Женя, - ну, веди к дому…

И тот действительно, не переставая вилять хвостом, изредка оглядываясь, пошел впереди нас. Две другие, наоборот, шли следом за нами, повизгивая и тоже непрерывно двигая тем, что у них называлось хвостами…

- О-они не кусаются? – оглядываясь на них, спросил Герман.

- Ты же – со мной! А меня они не тронут. Значит – и тебя. - успокоил его Женя. Калитка оказалась открыта. И по двору гуляли куры, петух. На крыльце лежала, греясь, белая кошка с черным котенком…

- О-о-о, – разочарованно протянул Женя, вынимая из замочных ушек двери щепочку, - дядя Леша, по-видимому, надолго уехал.

- А где же замок, если – надолго? – вскинул брови Герман.

- Здесь некому воровать. Если уходят часа на два-три, двери вообще не закрывают. А если – надолго, то подпирают лопатой, вилами, граблями или – вот так, - на щепочку. Ладно, пойдем в избу. - улыбнулся Женя и по-хозяйски распахнул дверь.

- Сейчас бы пообедать! – закатил глаза Герман. - Уже восемь часов, как мы – без еды. А ученые утверждают, что промежуток между приемами пищи не должен превышать семи…

- Саш, доставай продукты, - сказал Женя. Он сам взял колбасу, бутылку коньяку и положил их в холодильник. А из него достал шмат сала, густо усыпанного чесноком, солью и перцем, одну миску с холодной бараниной, другую – с холодцом, кастрюлю с двумя то ли утками, то ли курами, облепленными густым слоем застывшего бульона, трехлитровую банку с молоком. Включил газ.

- Вот и обед! – довольно хмыкнул он. - Саш, порежь сало, а ты, Герман, - хлеб…

Скоро в кастрюле забулькало, и комната, а точнее – часть ее, обустроенная под кухню, наполнилась запахами, от которых у меня нестерпимо засосало под ложечкой. Женя налил всем по стакану бульона и по аллюминиевой кружке молока.

- Утка! – провозгласил он, разрезая птицу на три части, которые разложил по тарелкам.

- А гарнир? – вглядываясь в свой кусок, спросил Герман.

- Ты сперва это осиль! – поперхнулся слюной Женя.

- Это все? – округлил глаза Герман.

- А для чего же я доставал?

Герман понюхал бульон. Осторожно сделал маленький глоток.

- Жи-и-ирный! – плотоядно сверкнул он глазами.

- Погоди. А по пять капель?! – разлил по рюмкам початый коньяк Женя. - За благополучный приезд!

Герман вздохнул и выпил. И тут же спросил: «А лимончика нет? Закусить, наконец-то коньяк?»

Теперь вздохнул я и достал из рюкзака пять лимонов: «Вот, решил проявить инициативу. Подумал: для дяди Леши лимоны – все-таки редкость.»

- Правильно подумал! – опрокинул в рот свою рюмку Женя. - Вот ему их и оставим.

После бульона и куска утки, Герман поначалу притих, откинувшись на спинку стула и сдерживая отрыжку. От сала и другой еды он наотрез отказался… Пояснил: «Боюсь за печень…»

А мы с Женей умяли баранину, полмиски холодца, все нарезанное сало. Налили еще по рюмке… Но тут Герман вскочил: «Я же говорил, что бульон - слишком жирный! Теперь – точно расстройство желудка будет! Где здесь туалет?»

Женя встал: «Пойдем… Провожу…»

И через сени куда-то увел нашего молодого попутчика. А я закурил. Когда они вернулись, Герман вздохнул: «Спасибо, что подождал! Я бы один обратно дороги не нашел… А за стеной туалета кто-то возится, шуршит…»

- Куры, должно быть в земле рядом ковыряются, - отмахнулся Женя, - Давайте, - по последней, И запьем молочком. Свежее, козье!

- Коньяк? Молоком? – откинулся назад Герман.

- Да. Молоком! Ты же – будущий медик! Должен знать, что молоко – лучшая запивка для спиртного!.. Нейтрализует!

- Конечно-конечно! Я… просто забыл… - опустил голову Герман. А выпив, добавил: «Эх! Сейчас бы поспать!»

- Лады! – мотнул головой Женя, - Можно – на сеновале. Можно – на солнышке, постелив на травку тулуп. Можно – на диване…

- Да-да, на диване. Только дай чем-нибудь укрыться. Мы же – по-походному: без постельного белья?!

- Там, в комнате, возьми что-нибудь… А мы с Сашей пойдем, покурим на крыльце. По-стариковски! – хмыкнул Женя.

- Честно говоря, я тоже прикорнул бы, - зевнулось мне, когда мы уселись на ступеньку.

- Дядю Лешу надо дождаться, - твердо сказал Женя.

- Да… Неудобно может получиться: он приедет, а тут – сонное царство гостей.

- Хочешь, покажу хозяйство дяди Леши?

- С охотой!

Мы вошли в избу, где после веранды начинались огромные, - метров квадратных на сорок, - сени. Снизу по ним были развешаны хомуты, вожжи, уздечки, другая сбруя, какие-то шланги, провода, шнуры, разные по толщине веревки, сети, сетки с перьями, мешки, с выбивающимся из них пухом. Выше, под самую крышу, уходили связки разной сухой травы. На вбитых в толстые балки гвоздях в гирляндах вялилась рыба: от мелочи – до огромных лещей, щук и других пород неизвестных мне. На полу стояли седла, деревянная резная и расписная прялка, еще что-то, название и применение чего я не знал. За сенями шло другое помещение. Здесь находились небольшие токарный и сверлильный станки, верстак, тиски, наковальня. Стены были увешаны разнообразными инструментами. Над верстаком расположились полки с ящиками, в которых я увидел множество гвоздей, шурупов, болтов, гаек, сверел. А на полу, перед большими дверями, похожими скорее на ворота, стоял новенький или просто ухоженный снегоход. Женя открыл створку этих дверей, и мы оказались во дворе. По запаху и грязи я понял, что в каком-то сарае поблизости содержится скотина…

- Ты смотри, - сказал Женя, - всю животинку на выпас выгнал.

- А что, много ее у него?

- Штук пятьдесят овец и баранов, пять коз и козел, корова с бычком, конь, две лошади, жеребенок… А кур, уток, гусей он никогда не считал.

- И что же, он один с этим управляется?

- Да, тяжело, конечно… Одного сена сколько надо заготовить на зиму! А он еще и работает: развозит газовые баллоны по окрестным деревням. Да к тому же – общественный охоторыбнадзор! Сколько браконьеров переловил! Особенно – из высшего начальства. На него даже покушались. Однажды толстую леску перетянули с берега на берег, - как раз на уровне шеи. Километра за два до стоянки, где браконьерили. А он – на моторке. Я слышал, что такая леска голову, как лезвие срезает… А дядя Леша возьми, да наклонись за чем-то в этот момент. Потом распрямился, - леска только по волосам скользнула. И ведь поймал тогда «товарищей» из Рязанского обкома КПСС. Сам брать не стал. Вызвал по рации милицию из Рыбного. «Товарищи» только-только опохмелились, переметы вытаскивают… Самая зверская снасть! А их – с поличным…

- И не «отмазались»? – недоверчиво крутнул я головой.

- Нет, говорят, судили их. Тогда как раз очередная чистка в партии шла. Показательный процесс устроили!

- А сам-то дядя Леша сети ставит?

- Ставит такие и там, где можно. На затонах, в примеру. Мы его и попросим поставить… А вот там - бо-о-ольшой огород, - показал Женя за забор, - справа – сад. С трех деревьев ведер десять, а то и больше вишни собирает! Она у него – Владимирская, морозостойкая! Потом покажу тебе бочку с наливкой.

- А груши есть у него? Я их, больше чем яблоки, люблю!

- Нет. За грушами, - за дичком, - он ездит на места вымерших деревень. Там изб уже нет, все в труху рассыплось. А плодовые деревья стоят. И урожай приносят. Так вот, там груша – мелкая, но – медовая! Во рту тает! Одним словом, на всю зиму себя продуктами обеспечивает. Да еще и нам подкидывает. Мама моя – его родная младшая, любимая сестренка! И не просто - продукты, а - деликатесы, которые нам с тобой в городе и не снились… Из щурят, например, - он их карандашами называет, - шпроты делает. Язык проглотишь!

- А что ж он – один, без жены?

- Первая, любимая, умерла при родах, вместе с ребеночком… А другая бездельницей оказалась. На хозяйство его позарилась. Мама рассказывала, выгнал он ее. Вот с тех пор – и один. А сейчас на огороде – самая работа! Картошку пора сажать. В Москве-то у нас, - на севере, - после девятого мая. А здесь – теплее! Здесь – самое время!

- Надо бы помочь. Давай вскопаем хоть немного, пока его нет?

- Он – хозяин! Знает: что, где, как и когда. Дождемся – предложим. Да он и не откажется!.. А как он частушки поет! Вечером за ужином выпьем, - я его «раскручу»!..

- Кто это у меня здесь хозяйничает? – услышали мы сзади голос. И оба обернулись.

- Дядя Леша! – воскликнул Женя и бросился обнимать невысокого, крепкого, уже загоревшего, короткостриженного мужика лет шестидесяти, в полинявшей салатовой майке.

- О! Жека! – улыбнулся тот и по-медвежьи ответил на объятья.

- Это – мой друг, Саша. Журналист. - обернулся Женя, указывая на меня. - А в избе еще один молодой знакомый спит. Притомился с дороги.

Мы с дядей Лешей пожали друг другу руки.

- Когда приехали? – спросил он Женю.

- Часа три назад.

- А я, почитай, с рассвета по утиным местам брожу. Вот, глядел, где они себе гнезда устраивают. Да других зверушек присматривал… Волки, вишь, опять зимой приходили. Много зверя порезали. В Козловке – теленка, пару овец - опять же… Да что там овцы! Собак, что на улице вечером оказались, всех извели! Сейчас, поди, в

Мещеру ушли… А зимой ждать опять надо. При-и-дут!.. Ну что ж мы?! Пойдем в избу! Ты, поди, накормил гостей? А? Все – в холодильнике.

- Да, пообедали мы на славу! Там колбаски тебе привезли и еще кой-чего…

- Как там Алена? Ноги, поди, вылечила?

- Какой там, дядя Леша?! Болят!

- Сюда ее надо перевозить! С химии вашей заморской - на нормальную пищу. Да и земля родная, кровная – лучший врач!

- Куда ж она – без мужа? Без отца-то моего? Он же работает. А кому здесь юрист нужен?

- И здесь, в Рыбном, может работать! Во-она, стройка какая там затевается! На железной дороге опять же! Купим сообща какого-нибудь «Запорожца»-развалюшку. Доведем до ума. И е-е-езжай себе! Пятнадцать километров! Это – на машине, как в Москве до магазина пешком дойти. Ты, поди, до работы дальше ездишь!

- Дядя Леша! Я им - не командир! С ними говори!

- Так ты хоть передай им мои слова. Ладно, чего там… Пошли в избу. Я там карасей в колее на дороге десяток подобрал. После разлива остались. Жи-и-ирные! Сейчас мы их – на сале, с лучком, да под яишенкой зажарим! И – под самогоночку! Мне как раз Агафья с Бутырок четверть поднесла. Я ей в прошлую осень дров заготовил. Старая ведь… Немощная… Но - отблагодарила! А самогонка-то - пшеничная! Как слеза! И – горит! А полезная! Пшеничку-то сначала проращивают. И никаких тебе дрожжей не надобно! А в ростках этих – самая сила!

Дядя Леша снял с забора пустую консервную банку. Сходил на веранду. Вернулся оттуда с молотком и большим гвоздем. Ударил десятка полтора раз, и в руках у него банка превратилась в обычную терку. Ею он и стал чистить еще трепыхающихся под рукой карасей. Но при этом продолжал: «Ну, и как там Москва? Поди, уже ничего русского не осталось?»

- Почему ж не осталось? – мотнул головой Женя.

- А что, нет? Каждой твари – по паре! Из Рязани, из Казани, из Удмуртии, из «баламутии»… А с Кавказа – вся зараза! Ведь мужик-то, где родился, там и пригодился… Вон, Вано, однополчанин мой, как жил под Кутаиси на земле, - до войны, после нее, - так и живет. И детей не пускает никуда с родного села! Прислал недавно посылочку, поздравил с днем рождения. А эти, - из разных мест в Москву наехавшие, – попрыгунчики какие-то! Знать не пригодились они на родной земле!.. Не-год-ны-е!.. Ну ладно, баба! Хотя бы Алена наша! Встретила отца твоего, и – как ниточка за иголочкой! А эти мужики свои деревни, да села бросили… Мужик - ведь, что дерево. Вырвал он себя с корнями из родной земли, да посадил в городской асфальт… Еще и – под решетки! И там загнивает, паршой американской, да немецкой покрывается, и с родной землей корни обрубил. Нет, я, конечно, понимаю, отучился в университете там, в институте каком, так вернись на родину, поработай для своей земли! А уже коли ты - великий ученый, тогда - другое дело: поезжай в Москву, двигай науку для общей державы! А на рынках стоять - и у себя, в Кикимарии какой-нибудь, можно. Да и не мужицкое это дело – по рынкам тереться! Одно дело – два раза в год на ярмарку съездить, купить-продать плоды труда своего. Своего! Не перекупленного! И снова – за свое, мужицкое ремесло, к земле-матушке…

На большой сковородке шкварчало сало, в которое дядя Леша бросил карасей, посыпал их крупно нарезанным луком, помешал, перевернул и залил двумя десятками яиц. У меня аж дух перехватило! Как съесть это все?! Лопнуть же можно!

- Присмотри, чтобы не пригорело! - кивнул он Жене. А сам, здесь же, посреди комнаты открыл большой люк в погреб и, совсем по-молодому юркнул туда. Вскоре из него показалась рука с трехлитровой банкой консервированных огурцов…

- Примите кто-нибудь! – раздалось из погреба. Я подхватил банку. За ней следовала такая же – с помидорами. Я принял и ее. Наконец, появился и дядя Леша

еще с одной банкой, доверху наполненной безцветной жидкостью. Эту он вынес сам. Бережно поставил на стол. Оглядев нас заговорщическим взглядом, улыбнулся, подмигнул…

- Ну что, буди своего знакомого. - кивнул он Жене. Но Герман уже стоял в дверном проеме, очевидно, разбуженный громким говором хозяина дома, и, - то ли удивленно, то ли недовольно, - хлопал сонным глазами.

- Заходи-заходи, гость дорогой! Присаживайся! Как звать-то тебя? – весело хмыкнул дядя Леша.

- Герман… - сонно ответил тот.

- Хм… Ну, что ж? А я – дядя Леша. Сейчас обедать будем. Жека, налей-ка всем по стопочке.

Женя попробовал исполнить. Но банка была полна по самое горлышко, и на столе появилась немаленькая лужица…

- Ах, ты, безручка! - беззлобно воскликнул дядя Леша. - И чему вас только в институтах ваших учат?! Кто ж так наливает из банки-то?! Да, ладно… Я говорил, что горит? Глянь!

Он достал какую-то старинную с замысловатой фигуркой зажигалку. Щелкнул и поднес коптящий огонек в лужице. Та вспыхнула синем пламенем.

- А?! Что я говорил?! – засмеялся дядя Леша. И накрыл огонь первой попавшейся под руку тряпкой. Заметив мой заинтересованый взгляд на зажигалку, пояснил: «Трофейная! С войны берегу! И всего два раза ремонтировал…»

«Это же – сорок лет!» - восхитился я внутренне.

- Ну, - поднял стопку дядя Леша, - за ваш благополучный приезд.

…За окном смеркалось. Герман «клевал» носом. На тарелке лежали надкусанные помидоры и огурцы, а на сковородке – кости от карасей. Зато в четверти оставалось чуть меньше трети самогонки. Но состояние легкости, веселья и отсутствие всякой сонливости удивляли. И дядя Леша, и Женя, казалось, чувствовали себя так же. Мы уже перепели все народные и военные песни, когда Женя попросил: «Дядь Леш, а спой-ка военные частушки!»

- Что ты?! Что ты?! Или не видишь, что мальчуган приустал? - кивнул он на Германа. - Давайте-ка, укладывайтесь! Ты, Жека, как родной, - на полу. Саша – на диване. А самого молодого – на кровать уложим. И мне, по-стариковски, хорошо бы на другой кровати поспать

- Дядь Леш, мы хотели палатку на опушке Засеки разбить. Там у костра – и переночевать. Сеточку на ночь поставить… - возразил, было, Женя.

- Ты что ж, дядьку не слушаешь? Завтра все и устроим. Я сам вас на телеге отвезу. И сеточку поставим. А сегодня здесь переспите!

- А ну, как погода испортится?

- Не испортится. К плохой погоде у меня раны дня за три ныть начинают. А сейчас, вроде как, - ничего. - пожал плечами дядя Леша. - Давайте, стелитесь. И – спать!

Вскоре я провалился в тихий, спокойный, даже какой-то радостный сон.

Вечером Димитрий Константинович устроил званную трапезу для больших князей, воевод и боляр. Поэтому мы с князем Ондреем спустились в наш стан, собрали сотников и десятников, повыспросили, как устроены ратники, сыты ли, здоровы, обихожены ли кони.

- Навряд ли Великий Князь будет здесь долго меды распивать. Вернее всего, послезавтра повелит выдвигаться. - раздумчиво говорил князь Ондрей и посмотрел на меня.

- Посему, завтра – день на сборы. - кивнул я.

- Добро. - согласился князь Герасим, а за ним согласились и остальные.

- Вы поутру начинайте самую тяжелую работу… А к обеду, сдается мне, узнаем наверняка время выхода. - заключил я. И действительно, в полдень из города в стан прискакал вестовой и передал повеление Димитрия Иоанновича князю Ондрею немедленно явиться к нему.

- А мне? – встревожился я.

- Велено только князю Ондрею, - пожал плечами гонец. «Что же случилось?! Уж не навел ли кто навет на меня?» - мелькнула недоуменная мысль. Князь Ондрей на мой взгляд тоже только пожал плечами, вскочил на коня и ускакал. А я несколько часов не находил себе места, плутая между собирающимися ратниками.

- Князь Ондрей скачет! – вдруг показал одни из них рукой в сторону города. Я поспешил к шатру. Князь Ондрей спешился, обнял меня за плечо и так ввел внутрь.

- Не кручинься! – улыбнулся он. - Великий Князь благодарит тебя за службу, велел кланяться. А не вызвал тебя, чтобы не показать местным воеводам и боярам твое приближение к нему. Думает, что измена здесь зреет. А тебе еще, возможно, поручения будут. В орду скакать придется… Или еще куда…

У меня отлегкло от сердца: «Слава Богу!»

А князь Ондрей откинул полог шатра и крикнул наружу: «Георгий!»

Когда мой сын вошел и поклонился, то повелел ему: «Передай сотникам и десятникам, что мы их ждем здесь, сей же час.»

Когда же те вошли в шатер, князь Ондрей объявил: «Великий Князь повелел нам выступать завтра на рассвете, впереди всего войска. Поведет нас на место знакомый вам нижегородский князь Никита со своей сотней. Сбирайтесь!»

Когда те вышли, князь Ондрей опять обратился к Георгию: «Скачи в город, в княжий терем. С Ивашкой соберите пожитки отца и летите сюда. Пчелками!»

Сын радостно, чуть ли не вприпрыжку вылетел из шатра. И было слышно, как задорно закричал он во все горло: «Ива-а-ашка!»

А князь Ондрей весело, до хруста в костях повел плечами: «Ну что?! Горячая сеча предстоит! И-эх! Разомнемся!»

- Что-то к тебе нижегородские гордынька и самоуверенность прилепились, - покачал я головой, – ведь Синяя орда – это не один тумен… А если учесть, что предательство корни распустило?!

Князь Ондрей задумался. Потом улыбнулся. Подмигнул: «Бог не выдаст, Арапша не съест!..»

- Бог-то – Бог, да сам не будь плох… А дед мой, - почесал я затылок, - это так пояснял: на Бога уповай, да дело свое во имя Его делай. И добавлял, мол, святой апостол учил, что проклят человек, делающий Божие дело с небрежением… Не поучаю, брат, а просто делюсь думками своими… И напомнить хочу про благословение: не вкушать ни меда, ни ромеского до самой сечи.

- Спаси тебя Господи, брат! - уже по-другому улыбнулся князь Ондрей.

…Затемно началась Утреня, перешедшая в молебен о победе Русьского воинства над ворогом. Сразу после него наши сотни без обоза вышли на рысях к месту, где по данным разведки должен был пройти Арапша. Перекусывали на ходу, изредка переводя коней на шаг. Только к вечеру сделали привал. И с рассветом снова двинулись в путь. В конце третьего дня мы переправлялись через небольшую речушку Пьяну, плутавшую, словно навеселе, между густых лесов. И только перед нами на другом берегу раскинулся большой, верст на пять в ширину, луг, уходящий к чащобе еще версты на две. Князь Никита объявил, что здесь и приказано разбивать стан. Сам же отправил разъезды южнее, снарядил охотников, чтобы раздобыть чего-нибудь на ужин. Последние скоро вернулись с богатой добычей, и от костров потянуло запахом свежепеченой дичины.

- Зверья здесь – немерено! – подмигнул за трапезой князь Никита, вгрызаясь в оленью лопатку. Отрок хотел, было, разлить мед, но князь Ондрей, переглянувшись со мной, остановил его: «Мне и князю Ляксандру налей водички.»

- Что так? – вскинулся князь Никита.

- Знаешь, брат, перед сечей поститься принято. А вот, когда победим, коли Бог даст, тогда и медов, и ромейского попьем…

- Воля ваша, - пожал плечами князь Никита, - только будет ли сеча?! Разведка донесла, что испугался Арапша, когда узнал, что Великий Князь пришел на помощь тестю с таким войском. И остался стоять со своими туменами на Волчьей воде.

- Это мы уже слышали! - хмыкнул князь Герасим… Нашу беседу прервал радостный гомон ратников. Из леса катили несколько вежей, доверху набитых тушами зверей, бочками и мехами, как мы поняли с медами. Их сопровождал наш разъезд.

- Здесь надалеко – мордовское село Шилар. От его князя – нам подарки! – весело крикнул десятник.

- Благодарствую! – кивнул возницам князь Никита. Те часто и улыбчиво закивали.

- А что ж сам князь не пожаловал? – без улыбки наклонил набок голову князь Герасим.

- Хворает… - ответил за мордву десятник.

- Передайте благодарность и поклон вашему князю! – весело проговорил нижегородский сотник и, отхлебнув тут же налитого отроком меда, крякнул, - Крепок! Заборист!..

А допив до дня, потянулся, зевнул: «Притомился я… Пойду, отдохну…»

И ушел в свой только что развернутый шатер. Мы с князьями Ондреем и Герасимом переглянулись…

- Ты тоже полагаешь, что в мед могут подмешать зелья? – спросил я.

- А то! – хмыкнул последний.

- У них это – в обычаях. - кивнул князь Ондрей. - Посылай гонца к Великому Князю, а мы пока подумаем насчет сторожи… Не нравится мне эта щедрость мордовская… Гляньте-ка, как ратники захмелели и распоясались!

К нам подошли другие наши сотники. И мы уселись вокруг костра.

- Вот что, князья, - начал я, - повелите-ка своим сотням до сечи не пить хмельного. Тем паче, Великий Князь не завтра, так послезавтра придти должен. Хоть и с обозом идет… Торопится.

Князь Петр недовольно хмыкнул: «Тебе ж было сказано, что Арапша – далеко. Кому здесь на нас нападать?! А до Великого Князя успеем протрезветь!»

Я отвернулся. Скрипнул зубами. А князь Ондрей встал: «Князь Ляксандр назначен старшим среди нас. Так что, изволь исполнять. Мы – не у тещи на блинах, а в ратном стане! Тебе еще раз напомнить об этом, князь Петр?»

Тот опять недовольно хмыкнул, встал и ушел к своей сотне. А я снарядил гонца к Великому Князю. Отписал все, что происходит. В том числе и о возможности всяких зелий в снеди, которую доставляют мордовские князья. Действительно, после их гостинцев большинство наших ратников, разоблачившись, храпели… Только сотни князей Герасима и Ондрея, не пившие меда, выглядели молодцами. Из них и составилась сторожа.

Вечером князь Ондрей подошел ко мне: «Шел бы ты отдыхать! Я проверю сторожу. Потом сменишь.»

- Добро. Только разбуди меня перед рассветом. Сам – ляжешь. А я поеду проверять… В это время сон особенно сильно ломает человека. - кивнул я и направился к шатру. …Ночь стояла душная и влажная. Комары, словно ордынцы,

проникали в каждую щель, жужжали, кусали… Но сон все-таки брал свое. Тем не менее, я проснулся, как только князь Ондрей откинул полу шатра.

- Ну, как там сторожи? – от неспокойного сна и духоты мой пересохший язык едва шевелился.

- Все спокойно, - прямо в кольчуге опустился на попону князь Ондрей, - но мнится мне, надо бы подальше поставить сторожу: за мордовское село. И схорониться, чтобы комар носу не подточил!

- Ты прав. Сейчас и выставим. Только местность наши плохо знают… Надо бы взять половину лучших охотничков князя Герасима, и половину – из сотни князя Никиты. Схожу-ка сам за ним. - поднялся я.

- Пошли Ивашку.

- Пусть отрок поспит…

- Не сплю я, княже, – раздался из-за полы шатра голос Ивашки, - и сей же час сгоняю…

- Шустрый он у тебя! – добродушно ухмыльнулся князь Ондрей.

- А что?! Георгий мой – хуже?

- Полно тебе! Они в этом возрасте, если служат с любовью к службе! - все шустрые!

- В том-то и дело, что с лю-бовь-ю!..

- Почто безпокоите, князья? – в шатер ввалился, еще не проспавшийся с мордовского меда, князь Никита. И я поведал ему нашу с князем Ондреем задумку.

- А не порете ли вы горячку? Не зря ли все эти хлопоты? - мотнул нижегородский сотник головой.

- Береженного Бог бережет… - поджал губы князь Ондрей. - А нет ли у тебя в сотне десяточка охотничков родом из этих мест?

- Десяток – не десяток… А вот пятерых ратников найду. - почесал затылок князь Никита.

- Иди, буди их! Пусть снаряжаются. Я сейчас пойду сторожу менять. Заодно посмотрим, где дальние заставы поставить… Ивашка, - крикнул я, - зови-ка десятника Герасимова Гирю.

…Когда небо едва только начало светлеть, я с двадцатью пятью ратниками въезжал в просыпающийся лес. Вел нас пожилой нижегородец, - явный выходец из мордвы. Проверив ближнюю сторожу, мы лесом объехали Шилар и версты через три снова поскакали по дороге.

- Во-он там, на холме – большая дубовая роща, - показал рукой нижегородец, - в которой можно поставить дозорных. У подножья холма берет начало ручей, бегущий к Пьяне по дну глубокого оврага… По нему легко уйти из сторожи незаметным даже для местных жителей… Малина еще не созрела, - на «дедушку» не нарвешься… У нас так медведя называют… Да и поганые, если подходить начнут в дебри овражные сунуться не отважаться… Версты за две до нашего стана ручей сворачивает в сторону и еще верст семь петляет до впадения в Пьяну… Такой же пьяный…

- Что ж, - согласился я, - поставим в дубраву троих. А на обратном пути вернемся по дну оврага.

Оставив на холме сторожу, мы двинулись в южную сторону.

- Глянь, княже, как причудливо срослись три сосны. Наверху они как бы повторяют свои корни, - только в небо! Это, я разумею, может стать второй сторожей… - показал рукой нижегородский ратник.

Я подскакал к соснам. Прямо с седла прыгнул на нижнюю ветку и вскоре был наверху, в удобном разветвлении. «Да, здесь, если даже заснешь, не свалишься».., - хмыкнул я про себя. Огляделся. Лучшего места для наблюдения найти было нельзя. Даже дорога, спускающаяся и поднимающаяся по дальним холмам просматривалась на несколько верст…

- Добро, - кивнул я, вернувшись в седло. Таким образом, дальше, мы расставили еще три сторожи.

…Прошло несколько дней. Однажды, вернувшись в стан после проверки сторожи, в стан, я увидел, что большое войско уже подошло. Его ратники освоились у подготовленных нами костров и большинство из них уже принялись за приготовленную трапезу. Кто-то обмывался в реке. Ниже по течению отроки обихаживали коней. Вдруг ко мне подбежал взволнованный князь Ондрей.

- Димитрий Иоаннович со своими полками ушел на Москву, - произнес он, - еще из Нижнего… Здесь оставил володимирцев, переяславцев, муромцев, юрьевцев, дебрянский полк… Во-он они растянулись станами по берегу.

- А мы? – я даже голову откинул назад.

- Нам тоже велено остаться. Ты должен следить за ходом сечи. И, в случае поражения, скакать в Нижний, чтобы вывезти Димитрия Константиновича с домочадцами в Суздаль. Любой ценой. Я и князь Герасим – вас прикрываем.

- А что ж?! В сече не участвуем?

- Это уж – как Бог даст. Нет, я, конечно, первые несколько выстрелов по тяжелой коннице сделаю… Если она пойдет…

- А кто над войском стоит?

- Сын Димитрия Константиновича – Иоанн и воевода Симеон Михайлович…

- Так что же произошло? Почему Великий Князь ушел?

- А я знаю?! Молодшие князья поговаривают, что Димитрий Константинович обидел его. А потом, примирившись, убедил, что сам Арапшу побьет. Попросил удалиться, чтобы якобы Москву под гнев Мамая не подставлять… И не распалять дальше распрю… Мол, за дочку и внуков безпокоится.

- Дела-а-а! А тебе-то кто сказал, что мы здесь должны остаться?

- Гонец от Великого Князя. Он пришел со всей ратью и уже ускакал обратно.

- Ты нашим сотникам передал повеление?

- А то!

- Ну, что ж… На все – воля Божия.

- Я перенес наш стан ближе к переправе, на правую руку. Когда Арапша ударит, то сразу попробует отрезать переправу. А тут мы его и встретим болтами из самострелов. И, уж коли не даст Бог победы, оттуда нам легче будет уйти на Нижний, чтобы выполнить волю Великого Князя.

- Добро.

Мы пошли к нашему стану, а из шатра князя Иоанна Димитриевича уже неслись хмельные пожелания «многая лета», еще какие-то веселые крики. Потом собравшиеся затянули песню.

- Охо-ох-ох, – вздохнул князь Ондрей, - несвершившуюся победу празднуют…

К вечеру весь русьский стан стал разлюли-малиной. С горечью я смотрел на доспехи, кольчуги, шеломы, сваленные поверх телег. Сулицы даже не были насажены на древка. Другое оружие тоже - невесть как сложено: сразу и не разберешься, и не разберешь… А сами ратники в рубахах, приспущенных портах, а кое-кто и босиком, уже клонили к земле хмельные головы… Князь Иоанн Димитриевич, воевода Симеон и приближенные нетвердым шагом, тоже в одних рубахах, ходили между костров и подбадривали: «Гуляем, братия! С похмелья злее в сече будем! Мы этого недомерка Арапшу на одну ладонь положим, а другой прихлопнем… Ха-ха-ха! Гу-у-уля-а-ем!»

На рассвете, разбуженный звуками рогов, я выскочил из шатра. И опять тяжело вздохнул: оказалось, что князь Иоанн в нарядном, дорогом, парчовом кафтане отправляется на охоту в соспровождении двух или трех сотен. А к вечеру несколько десятков волокуш доставили богатую добычу дичины, которая щедро разадавалась ратникам. И снова из княжеского шатра до поздней ночи доносились хмельные здравицы…

Так прошло еще несколько дней. И почти ежедневно по окрестным селам и деревням отправлялись малые дружины за медом и брагой. А кое-кто из ратников уже и сами готовили хмельное. Иоанн Димитриевич, выходя из шатра, смеялся: «Я же говорил, что испугался Арапша этакой силищи. Не придет!..»

Однажды, сразу после полудня на дороге из Нижнего показалось войско. К княжескому шатру от него прискакал гонец. А вскоре тысячи две русьских ратников переправились через Пьяну. Под стягом со Спасом их возглавлял настоящий великан. Я сразу вспомнил Глеба-поповича. Но и тот показался бы отроком в сравнении с прибывшим воеводой. Он спешился. И, так как мы были первыми на его пути к княжескому шатру, поклонившись обратился к нам: «Чьи будете, князья?»

- С Москвы. Великого Князя Димитрия Иоанновича слуги: Ондрей и Ляксандр, - поклонились и мы в ответ.

- А я – князь Звенигородский Феодор Ондреевич. - по-детски широко и добродушно улыбнулся прибывший. Потом взглянул на общий стан и нахмурился: «Здесь что? Именины, свадьбу или удачу на охоте справляют? А я шел на помощь нижегородцам в сече с Арапшей…»

Мы вздохнули и опустили головы. Князь Феодор обернулся к своим и зычно повелел: «Спешиться. Доспехов не снимать. Разбить стан. Хмельного не пить.»

А сам пошел ко княжьему шатру. О чем он там говорил, неведомо, но вышел от князя Иоанна мрачнее тучи. Подойдя к своим, повторил повеление и ушел в свой, уже разбитый для него шатер. Вскоре туде же вошел священник, прибывший со звенигородским полком.

А вечером, когда мы беседовали у костра, князь Феодор подошел снова к нам.

- Мой духовник сейчас будет служить Всенощную. Не желаете помолиться? – поклонился он. - Завтра – воскресный день, память святого мученика Стефана. Мои ратники все изъявили желание причаститься Святых Таин. Да и дебрянцы – тоже.

Он кивнул на двух могучих, чуть поменьше звенигородца, князей, которые стояли за его спиной: «Вот и подумалось: может быть, и вы с вашими ратниками приобщитесь…»

- Спаси тебя Господи, - вскочил со своего места князь Ондрей, - мы – с радостью!

Дебрянцы поклонились.

- Князь Ляксандр Пересвет. - протянул ладонь-лопату один. И засмущавшись, покраснел, словно девица.

- Тезка! – засмеялся я радостно. И пожал протянутую открытую руку.

- Князь Ондрей Ослябя. - представился второй дебрянец. Тут уж засмеялись все мы.

- Опять тезка! – хмыкнул добродушно князь Ондрей…

- Вот и сговорились! - поклонился князь Феодор и вместе с дебрянцами пошел к своему полку.

- Ивашка! Георгий! – крикнул я. - Пройдитесь по нашему стану. Сообщите, что у соседей-звенигородцев сейчас Всенощная начнется. А завтра можно будет причаститься Святых Таин.

…На следующее утро Божественная Литургия началась затемно: шутка ли, - надо было причастить больше двух тысяч ратников! А закончилась она, когда солнце стояло уже высоко. Я со счастливой душой шел к нашему стану. И вдруг увидел князя Петра с двумя его десятниками. Они о чем-то жарко спорили. Но по движениям и голосам нетрудно было понять, что чаши с медом у них в руках – далеко не первые.

- Князь Петр! – воскликнул я и тут же погоревал: вот, мол, и пришло искушение после Святого Причастия. - Мы же договорились: до сечи – ни капли хмельного!

- Какая там сеча, князь Ляксандр?! Не будет ни-ка-кой сечи! Труса дал Арапша. К тому же сегодня – вос-крес-ный день! Мы причастились в числе первых.., - улыбался он, весь краснея.

Шум в общем стане отвлек меня. Оказалось, что сынок Димитрия Константиновича вернулся с очередной охоты. И теперь радостно кричал на весь стан: «Не успели мы в лес заехать, как на нас валом валят и вепри, и медведи, и олени, и мелочь всякая! Бить не успевали! Сегодня пируем все!»

Ко мне подошли князья Ондрей, Герасим, Володимир.

- Ты слышал? – спросил второй.

- Что? – не понял я.

- Зверь бежит из леса валом! От кого?

В это время я заметил несущегося на взмыленном коне с левой руки стана нашего дозорного из дальней строжи.

- Идут, князь… Много… Тьмы! Идут лесами. Тихо… Впереди – мордовские отряды. - подскакав, спешившись и слегка отдышавшись, докладывал он. И тут же сзади подскакал дозорный с трех сросшихся сосен.

- Далеко по дороге с холма спускается большой обоз… А лесом – тьма, не меньше… С ними – вооруженная мордва… Едва доскакал. Идут неспешно, таясь. Но к вечеру будут здесь, - подтвердил и этот.

- Пошли! – бросил я своим князьям и направился к шатру Иоанна Димитриевича. Там разгоралось веселье. Сын нижегородского князя сидел с большой чарой в руках, а отрок над ушатом вытерал ему ноги.

- О! Московские князья?! – хмыкнул Симеон Михайлович. - Снизошли до нашей трапезы… Проходите-проходите… Только шеломы хотя бы снимите… Святые образа перед вами… Чем повелите потчевать? Ромейским или медами?

- Не время трапезничать, - мотнул я головой, отгоняя раздражение и обиду, - Арапша – на подходе. Только что дозорные донесли… Его тайными тропами по лесам мордва выводит. Вот-вот будет…

- Видать твои дозорные крепкого меду опились! И теперь, вместо одного заплутавшего охотника им тьмы поганские грезятся! – захохотал князь Иоанн, и все собравшиеся последовали ему. - Я – только что – из леса! Никого, слышишь, ни-ко-го, кроме зверья, там нет-у-у! К тому же мне моя разведка тоже ничего не донесла… Вот, выпей-ка лучше меду!

- До сечи хмельного не пью, - мотнул я головой.

- Гляньте-ка! Не пьет, подобно Феодору Звенигородскому! – еще звонче засмеялся Симеон Михайлович. - Как знаешь! А мы знаем, что Арапша все еще стоит на Волчьей воде.

Я скрипнул зубами. Поклонился. Вышел из шатра. Князь Ондрей подскочил ко мне: «Ну, как? Что делать-то?»

- Готовиться к сече, которую мы, похоже, уже проиграли, - только и развел руками я, - собери-ка сотников…

Князь Ондрей побежал к нашему стану. А я, задумавшись, побрел к своему шатру… Действительно, выход оставался один: участвовать в сече.

- Что будем делать? – спросил я, поведав князьям обстановку.

- Драться! – задорно улыбнулся до сих пор не протрезвевший князь Петр.

- А ты ведаешь ли, сколько у Арапши туменов? – вскинулся князь Ондрей. - А нас со звенигородцами две с половиной тысячи! Поганые вмиг сметут нас!.. Впрочем, что это я?! Драться все одно придется… Прости, князь Петр!

- Лучше погибнуть с честью! – встал князь Петр. «Господи! Помоги и вразуми!» - прошептал беззвучно я. А вслух проговорил: «Пойдем ко князю Феодору!»

Но едва мы вышли из шатра, как услышали шум, крики, стоны со стороны головного стана… Казалось, ближний лес ожил и деревья превратились в людей, с гиканьем несущихся на нас. Ивашка всунул мне в руки щит и меч.

- Георгий! – крикнул князь Ондрей, - С Ивашкой и другими отроками уходите за реку… Бегите на Нижний!

Его сотня уже выстроилась в боевом порядке и готовилась дать первый залп… Другие наши ратники выпустили по несколько стрел из луков и тоже сомкнули ряды, прикрывшись щитами и ощетинившись пиками. Князь Феодор Звенигородский выстроил свой полк, примкнув к нам и изогнув часть своих ратников полуподковой. …Волны поганых, словно нож в масло, врезались в стан нижегородцев, которые не успели даже надеть кольчуги… Их ряды редели… Ордынцы, кинувшиеся на нас были остановлены залпом из самострелов… Первые ряды тяжелой конницы, пораженные болтами, мешали следовавшим за ними. Тут все мы увидели, как рухнули шатер и стяг князя Иоанна Димитриевича… «Значит, там все кончено!» - мелькнула мысль. Но дальше думать не пришлось. Ордынцы перебрались через павших своих и обрушились на нас. Пробились сквозь первые ряды и… все перемешалось! Пот заливал глаза. Обе руки немели: правая - от безконечных ударов, которые я наносил во все стороны, левая – отражения вражьих пик, топоров, мечей… Рядом рубился бывший ордынец, князь Володимир… Но что это? Мы с ним оказались отрезанными ордынцами от основных наших рядов.

- Спина – к спине! – крикнул я ему… А он вдруг выскочил передо мной и, прикрыв меня, оказался поднятым на пики поганых! Теперь я остался один среди десятков ворогов…

«Пора читать отходную по себе…» мелькнула невеселая мысль… Но тут я услышал: «Держись, князь Ляксандр!.. Дебрянцы! За мной!»

И увидел, как из-за моей спины выдвинулись в один ряд со мной несколько ратников. Двое из них были уже знакомы: Ляксандр Пересвет и Ондрей Ослябя… «Знатные ратники!» - отметил я про себя, на миг залюбовавшись их четкими, ловкими ударами, под которыми ложились десятки поганых.

- Отходим к нашим! – прохрипел один из них. И тут же тихо проговорил самому себе: «Господи! Если останусь жив, всю жизнь Тебе посвящу!..»

Вскоре мы влились в строй наших остатков от пяти сотен звенигородского полка. Но и они редели… Вот, князь Петр выронил меч и щит. Закрыл руками лицо, в которое впилась стрела. Повалилися. И тут же был затоптан наседавшими на нас ордынцами. А над ним витала какая-то темная тень…

У меня помутилось в глазах… Нет, это была не рана… Я вдруг увидел, как над остатками головного полка мечется туча то ли птиц, то ли… Господи! Да это же - страшные, безобразные, цвета головешек существа, чем-то похожие на людей. Только с крыльями.., - тоже мерзкими перепончатыми, как у летучих мышей… Они задерживали руки русьских ратников, когда те пытались рубиться. От этого удары наносились нечетко, а порой даже мимо цели… Да это же – бесы!..

- Свят! Свят! Свят! – прошептал я, - Крестная сила с нами!..

Я понял, что независимо от видения, рука моя привычно рубила… И глаза устремлялись только на ворога, наскакивавшего на меня. Как же я это увидел?

- Уводите своих за реку, - пробасил мне князь Феодор Звенигородский и своим огромным, - под стать себе, - мечом одним ударом снес головы троих поганых, - я прикрою! Свою одну тысячу я уже отослал… Знать бы, что пьянь – за Пьяной!.. И-и-эх!

И еще три ордынских головы полетели под наши ноги.

- Ляксандр! - услышал я голос князя Ондрея, - Тебе Димитрия Константиновича спасать велено!

- А тебе – самострелы! Нельзя, чтобы наше оружие, попав к поганым, потом по нам же и стреляло! – уже кричал князь Феодор.

- А ты?! – в ответ тоже крикнул я, продолжая наотмаш рубить направо и налево.

- Да уходите же!.. Дебрянцев с собой захватите… – сверкнул на меня глазами князь Феодор, - как набольший князь… Повелеваю!.. Звенигородцы! Ко мне! Прикроем отход москвичей!

Мы кинулись к броду. Здесь нас нагнал и князь Герасим с остатками своей сотни… А переправившись через Пьяну, увидели, что нас ожидают отроки… с нашими конями.

- Ай, молодцы! – хмыкнул князь Герасим. Проскакав версты три, я придержал коня. Оглядевшись, увидел, что сотня князя Ондрея поредела больше, чем на половину. Впрочем, как и у князя Герасима… А от моих раников осталось человек десять… Столько же следовало и за дебрянцами… Князья подскакали ко мне.

- Идем изгоном, без привала! – предложил я.

- Добро, - отозвался князь Ондрей, - Арапша тоже пойдет изгоном на Нижний. Надо спешить…

- Дня два у нас есть, - кивнул князь Герасим, - они еще своих погребать будут… Или сожгут, коли те - язычники…

Дебрянцы согласились тоже.

- А как остальные наши? Я видел только, как князю Петру стрела в лицо попала… А иные? - спросил я.

- Все, кого с нами сейчас нет, пали… - перекрестился князь Ондрей.

- Помяни, Господи, во Царствиии Своем всех их, положивших дущи за други своя! – последовал я ему и повернулся к Ивашке: «Как и когда ты вывел коней на другой берег?»

- А мы с отроками еще утром отвели их пастись. Там травка-то – свежая, невытоптанная. - спокойно ответил он.

…Когда мы въехали в ворота Нижнего Новгорода, почти все кони пали, хотя мы и шли о дву-конь, обгоняя пеших и всадников, успевших убежать с Пьяны. Жители города плача, бросались к нам. Спрашивали о судьбе своих сродников, называя их по именам… А что нам было ответить… Похоже, что нижегородцы уже ведали об исходе сечи на Пьяне. Князь Димитрий Константинович, встречая, даже с крыльца своего терема сбежал к нам навстречу. Побледнел, увидев, сколько нас осталось… Княгиня Василиса рыдала тут же, на крыльце.

- Сбирайся, князь… Мне велено сопроводить тебя в Суздаль со всем семейством и с ближними… Через два-три дня Арапша будет здесь… - выдохнул я ему в лицо.

- Кем велено?

- Великим Князем Димитрием Иоанновичем, зятем твоим.

- Иоанн?! – схватил он меня за руки и заглянул в глаза.

- Не ведаю точно. Но и головной, и левой руки полки разбиты погаными наголову… - опустил я голову. Как хотелось! Ох, как хотелось мне все высказать ему! Напомнить его гордыню, его отношение к Москве и Великому Князю… Но, вспомнив о погибшем, - а иначе навряд ли могло быть, - его сыне Иоанне, пожалел я старика… Княгиня заголосила… Перед теремом собралась толпа.

- Граждане Нижнего Новогорода! – срывающимся голосом громко заговорил Димитрий Константинович, - Наши рати и полки геройски положили души своя за нас с вами… Других ратей и полков у нас нет. Оборона невозможна! Мордва предала нас. С этими-то мы еще поквитаемся! Через два-три дня поганые придут сюда. Уходите в леса на север и на запад… Плывите до Городца. Господь да благословит вас…

…Через несколько часов мы и все семейство хозяина Нижнего Новгорода мчались по дороге на Суздаль, изредка пересаживаясь на запасных коней. Дремали в седлах. И только через сотню верст сделали привал на берегу какой-то речушки. Выставили дальние и ближние сторожи. Все молчали… Я вспоминал князей Никиту, очевидно, тоже погибшего в этой сече, Петра… Вот ведь чем может обернуться непослушание, невыполнение благословения… Как он, хмельной-то, пред Господом встанет?! Вспомнился и князь Володмир… Поквитался бывший ордынский сотник все-таки за матушку свою с погаными… Да и Афанасий не ошибся в нем!

- Помяни их Господи во Царствии Твоем! – прошептал я. И, словно в ответ моим мыслям, епископ нижегородский, выехавший с нами, начал читать чин литиии по убиенным князьям, воеводам, ратникам. Женщины беззвучно плакали. Да и у мужчин стояли на глазах слезы.

Понурые фигуры нижегородцев лучше любых слов говорили о состоянии этих людей… Десятник Гиря подошел к старой княгине и протянул ей шелом, наполненный малиной… Та благодарно взглянула и медленно, словно через силу, начала есть… А Гиря отошел, опустился у костра и тихо молвил: «Хоть нижегородцы и сами виноваты, а все равно жалко… Они потеряли больше, чем мы, москвичи. А теперь Арапша еще и город разграбит… Сожжет…»

- Виноваты, - согласился князь Герасим, - и Божие вразумление тут же последовало… Князь-то Иоанн… И другие… Сколько их полегло на Пьяне?! И не только нижегородцев! Царствие им Небесное! Ну, в чем виноваты рязанцы, жители других княжеств… Если Арапша углубится в земли наши… Отвечать-то виновному придется… Вот в чем пожалеть надобно, - как встанут-то пред Отцом Небесным в гордыне своей, во грехе винопития, когда молиться надо было?!

Ратники согласно кивали, вздыхали, крестились…

Сквозь сон я услышал, как поднялся дядя Леша. Что-то весело бормоча, он вышел из комнаты. Я приоткрыл глаза. За окном светало. С улицы доносилось разноголосое мычание коров, блеяли овцы и козы, щелкал пастуший бич. Я прислушался к себе. Столько вчера выпили, но ни головной боли, ни похмелья не было. Скорее наоборот: легкость, веселье на сердце!

Заворочался Женя. Вздохнул. Приоткрыл глаза. Посмотрел на меня. Улыбнулся: «Утро доброе!»

- Доброе утро, - ответил я.

- У-у-у! Почти рассвело! Собирайся. Сейчас молочка махнем и – на зорьку, с удочками… Герман! Подъем!

- Что за солдафонские шуточки?! – недовольно пробурчал тот и накрылся одеялом с головой.

- На рыбалку идем! – громче сказал Женя.

- Я бы поспал еще.., - отозвался Герман.

- В Москве отоспишься! Здесь другой распорядок дня, - в голосе Жени вдруг зазвучало раздражение.

Я вышел на улицу, перекрестился на Восток, шепотом прочитал Серафимово правило, закурил. В калитку с трехлитровой банкой молока в руках вошел дядя Леша.

- Почто вскинулся в такую рань? – спросил он, тоже закуривая.

- Все поднялись. Женя предлагает порабычить на берегу, - ответил я.

- Дело… Во-он там, - показал он, - где кустики, я леща подкормил. Пареная пшеница - на подоконнике.

Вскоре мы, выпив по поллитровой банке парного молока, сидели на берегу с удочками. И Герман, даже не спросив нашего согласия, начал читать свои стихи… Все это мною уже где-то читалось, где-то слышалось… А Герман после каждого стихотворения спрашивал: «Ну, как?..»

И не дожидаясь ответа, читал следующее… Рыба не клевала. Через час Женя обслюнявил палец и поднял его вверх.

- Клева не будет: ветер сменился на западный. - заключил он.

- Лучше бы еще поспали, - скривил губы Герман.

- Дыши чистым воздухом! – прикрикнул Женя.

- Голова болит…

- Ага! Если тебя сейчас поднести к выхлопной трубе, сразу все пройдет, - засмеялся Женя, - а после трех дней здесь она у тебя в Москве заболит.

Мы смотали удочки и направились к избе. Дядя Леша, увидев нас, хохотнул: «Рыбаки ловили рыбу, а поймали рака… Ветер изменился. Сейчас только сетью поймать можно. Вечером у Засеки поставим…»

- А по-моему рыба отказалась клевать, наслушавшись стихов Германа, - шепнул я Жене.

- Да ладно тебе! Для его возраста вполне сносно… Мандельштамповщина! – ответил он так же тихо.

Позавтракав тушеной картошкой с бараниной, - а по городским меркам наоборот: бараниной с тушеной картошкой, - мы собрали свои вещи. Дядя Леша уложил в телегу живую со связанными ногами курицу, трехлитровую банку с маринованной бараниной, десятка полтора вареных яиц, литр самогонки, канистру с колодезной водой, одеяла, подушки, сеть, удочки…

- Сетку-то прикрой тулупом, - подсказал он Жене, - через всю деревню поедем…

Старушки, мужики кланялись нам, дети задорно здоровались.

- Они же не знают нас. И мы – их… - удивлялся Герман, - что ж здороваются, кланяются?

- В деревнях издревле так. Человек - образ Божий! Вот ему и кланяются. - ответил дядя Леша, перебирая вожжи. - Я в детстве, заигравшись один раз, не поздоровался с проходившим мимо старичком из Алешни. Тот сказал об этом моему отцу. Так он меня так вожжами выпорол!..

- А вы что же, и в Бога верите? - скривил губы Герман.

- Во-он там, - вместо ответа показал рукой дядя Леша, - в озерке утки гнездятся. Туда не ходите! Спугнете… А утка на яйцах сидит… Не сегодня-завтра высидит.

Мы проехали километра два, свернули с дороги к Воже и вскоре остановились на опушке, прикрытой с трех сторон корявыми соснами.

- Герман! Разводи костер! – приказал дядя Леша, натягивая охотничьи сапоги, - Для моих старых костей водичка еще холодновата, а вам, Жека и Саша, придется до пояса искупаться. Раздевайтесь!

- А что, костер потом нельзя развести? – наморщил лоб Герман.

- Ребятам после купания согреться надо будет… Сказал же: вода еще не прогрелась, - не глядя в сторону от Германа, громко и твердо проговорил дядя Леша…

Сеть и вендеря, - а это все внове для меня, - были поставлены, костер полыхал вовсю. Мы выпили по стопке, - «для сугреву». Дядя Леша оглядел нашу стоянку и перед тем, как запрыгнуть на телегу, сказал: - Ну, располагайтесь с Богом. Жека, ты тут поосторожней! Сам знаешь, какое место…

Он уехал. А мы с Женей нарубили соснового лапника, положили толстый слой его на землю, разбили на нем палатку. Постилая в ней тулуп, Женя довольно хмыкнул: - Спать будем, как на печке!

Потом он протянул Герману котелок: - Сбегай за водой. Кулешь варить будем.

- Из реки?! – округлил глаза Герман, - Это же не гигиенично! У нас три литра колодезной воды есть! Я как медик…

- Колодезная – для чая, - перебил его Женя, - А в матушке-Воже вода - не грязнее! Если бы не так, раки бы не водились. Прокипятим. Если и есть какие микробы, выкипят.

Герман нехотя, словно на деревянных ногах, побрел к реке.

- А что это дядя Леша велел тебе быть поосторожней? Какие такие места здесь? – спросил я.

- Это – особый разговор. Нечисти здесь всякой полно… Битва же была! Сколько крови пролилось! Сколько всяких язычников-ордынцев, колдунов, - почитай, сатанистов, - здесь полегло! Вот, к примеру, Засека! Пройти ее насквозь по тропинке минут десять-пятнадцать займет, - по меркам наших московских лесопарков. Но проплутать можно весь день. Леший закружит… Я так один раз часа три ходил! Извелся весь! Отчаялся. Но только сказал *Господи, помилуй*, гляжу; вот эта самая опушка в пяти метрах от меня… Я же тебе рассказывал…

- Сказки все это, - услышали мы сзади голос Германа. Он стоял мокрый выше колен, протягивая нам котелок с мутной водой: «Вот, подскользнулся… А человек в лесу всегда уходит в сторону, так ноги наши устроены…»

- Э-эх! – вздохнул Женя. Взял у Германа котелок, выплеснул в сторону воду и ушел к реке. Вернулся и, как бы продолжая разговор, хмыкнул: «Это еще хорошо, Гера, что русалка тебя не утащила. Ты у нас парень видный! Ладно, руби курице голову.»

- Я.., я.., я не умею! – отшатнулся от нас Герман.

- Слушай, Женя, – вмешался я, - честно говоря, мне тоже не приходилось рубить куриц. Давай оставим на вечер, а сейчас кулеш из баранинки сварганим?

- Баранина – на шашлык, на вечер! – покачал головой Женя. - Эх вы!

Он взял топор, курицу. Положил ее голову на бревно и рубанул… Но тут же отбросил от себя, потому что тело курицы… закукарекало басом! Если бы я услышал про такое в теплой московской квартире, не поверив, рассмеялся бы. Но здесь спина моя покрылась холодным потом и незнакомый ранее ужас разлился по всему телу. Герман бледный, как снег, застыл рядом. Синими губами он прозаикался: «Я-я-я-я… эт-т-т-у… кур-р-р-ри-ц-ц-ц-цу… е-е-ес-с-сть… н-н-не… б-б-б-буд-д-д-ду…»

- Вот, Гера, такие здесь сказки! - резко и часто помотал головой Женя. - Я тоже думаю, что не надо есть эту курицу. Давайте-ка, лучше выпьем от стресса!

- Э-э-э, - поднял я бутыль на просвет, - так нам до вечера не хватит.

- Здесь до Лужков – два километра. Я схожу. Заодно, мяса свежего для кулеша принесу. Как раз вода к моему приходу закипит.

- А что все-таки могло быть с курицей? - немного успокоившись, спросил Герман.

- Не знаю. Оборотень, может быть… - пожал плечами Женя.

- Шутишь?

- Да здесь чего только не бывает! Ну, - махнул Женя рукой, - я пошел.

- Не уходи! – скривил губы Герман.

- Ты остаешься с Сашей. Он – бывший офицер! В обиду не даст. - И Женя ушел, закинув за спину рюкзак.

- Ты что, тоже во все это веришь? – все еще синими губами спросил у меня Герман.

- Верю. Просто раньше, - ответил я, - как-то не приходилось сталкиваться так явно. Или не придавал значения.

- А может быть, это явление еще просто не изучено наукой? – не унимался он.

- Вот-вот… Не изучено… По неверию!.. Дров мало. Пойду, нарублю. - взял я топор и поднялся.

- Не уходи! – встрепенулся Герман.

- Успокойся! Я буду в зоне видимости. Если что, кричи!

- А если мне рот зажмут?!

- Тогда… мычи! – и повернувшись спиной к Герману, я перекрестился и вошел в лес, наполненый по-весеннему радостным птичьим многоголосьем. Тут же передо

мной выросли толстые сухие орешины, которые и рубить-то не надо. Они ломаются при легком нажиме… Вспомнилась дача родителей, где точно так же я собирал дрова… Под сердцем кольнуло… Я стряхнул воспоминания, наломал орешин. Выйдя на опушку, бросил их у костра. Так, не отходя и десяти шагов от нашей стоянки, я повторил несколько раз. Потом заметил сухую березу, ударил по ней ногой, и она, сломавшись, упала. Дрова получались на славу! Еще и еще я заходил в Засеку и возвращался с толстым сушняком.

- Может быть, хватит? – спросил Герман.

- Нет, брат. Дрова очень быстро прогорают. А нам надо себя обеспечить на всю ночь. Пойдем-ка. Там лежит сосенка. А я один ее не донесу. Вечером положим ее в костер и будем только подвигать по мере прогорания.

Герман кряхтел, стонал, ухал, но донести все-таки помог. И тут появился Женя.

- Ну, как вы без меня? – весело спросил он, доставая из рюкзака литровую бутыль самогонки и большой кусок мяса. - Гера, порежь мясо и брось в котелок. Дядя Леша велел зарыть курицу подальше от нас. Говорит, мол, отдал ее потому, что она слишком драчливой была: кур, цыплят, даже петуха клевала. Да и не неслась совсем. Куда такая в хозяйстве?!

- А насчет оборотня? – спросил Герман.

- Кто ж его знает? Давайте кулеш варить. Как раз к вечерней зорьке успеем пообедать. Или поужинать… А там и удочки забросим. Ого! Сколько вы дров заготовили!..

- Ходили мы в лес, - вдруг хмыкнул Герман, - и никаких леших не повстречали!

- Знаете что, - вставил я, - давайте прекратим эти разговоры про нечисть! Нечего самим на себя страх нагонять

- Лады, - кивнул Женя, - кстати, дядя Леша сказал, что ветер переменился. Так что, на вечерней зорьке возможен хороший клев.

Кулеш получился такой, что после него не было сил не только подняться с бревна, но и разговаривать… Потянуло в сон. Мы с Женей закурили.

- Надо помыть посуду, - начал, было, Женя.

- Отлично… – поднялся я рывком, чтобы отогнать сонливость, - моя очередь заниматься хозяйством…

Вода в реке блестела черненым серебром. При этом – посверкивала искорками золотых солнечных бликов. Кое-где возникали кольца, - рыба начинала «играть». Котелок, миски, ложки легко оттерлись полевым хвощем и песком. Кувшинки в омутке на многие метры раздаривали свой душистый сладковатый запах.

- Саха! – услышал я за спиной. Обернувшись, увидел Женю. В одной руке он держал три удочки, в другой – банку с червями и пакетик с пареной пшеницей.

- А где Герман? – спросил я, впрочем, уже предполагая ответ.

- Залез в палатку и заснул, - хмыкнул Женя, - умаялся мальчуган…

- Зато рыба теперь от его стихов не разбежится, - в тон ему засмеялся я.

- Ну, зачем ты так?! Он, возможно, станет добротным кабинетным поэтом, литературоведом и критиком.

- Кабинетная поэзия мертва.., - вдруг неожиданно для самого себя произнес я.

- Да, настоящая поэзия – это жизнь во всех ее, даже не самых лучших, проявлениях.

Мы закинули удочки. Я никогда в жизни не ловил таких по величине и такого количества рыбин! Плотва, окуньки, несколько подлещиков, красноперки, - все они уже составляли полведра! И это – без воды!

- Что мы с рыбой делать-то будем?! У нас же – шашлыки еще на вечер! – недоумевал я.

- Запечем на углях. Она съедается, как семечки! - объяснил Женя. - К тому же на природе аппетит у меня, как у трех толстяков!

- Что же вы меня бросили?! Уже темнеет! – услышали мы сзади голос Германа. Женя обернулся: «Ты же спать пошел. А мы договаривались удочки забросить!»

- Сморило меня… - зевнул Герман.

- Ладно, - вздохнул Женя, - сворачиваемся. Действительно темнеет. Пора шашлык готовить.

Мы поднялись на свою опушку. Разделили костер на две части: в одной поддерживали пламя, в другую сгребли только угли, над которыми и положили шампура с шашлыком.

- Гера, распотроши рыбу. - попросил Женя.

- А где? Доски-то разделочной с собой не взяли. - то ли с испугом, то ли с брезгливостью Герман смотрел на наш улов.

- На бревне! Ножом! Может быть, тебе еще и терку принести от дяди Леши? – в голосе Жени уже зазвучало раздражение. Герман тяжело вздохнул и двумя пальцами взял самую большую красноперку. Положил ее на бревно. Но после первого же его движения ножом, рыба, затрепехавшись и высоко подпрыгнув, улетела в траву.

-Ой! Она же еще - живая! – подскочил Герман.

- Хм.., - только и произнес Женя. Подошел к Герману. Взял у него из рук нож. Поднял рыбину. И быстро распотрошил ее. Герман молча, с искривленными губами наблюдал. Потом воскликнул: «Она же нечищенная! А под чешуей глисты могут быть!»

«Сам ты…!» - захотелось сказать мне. А Женя объяснил: «Потому и не надо чистить! Рыбу тоже запечем на углях. И если кто-то и водится под чешуей, сгорит. А чешую снимем, как чулок.»

Женя вымыл рыбу и тоже насадил на шампура. Скоро от углей потянуло шекотящим ноздри запахом. Рот наполнился слюной… И все оставшееся до готовности время мы неотрывно, молча, глядели на будущий ужин…

Вдруг Женя вскинулся: «А овощи?! Гера! Хоть их-то ты можешь порезать и разложить каждому?!»

- А как? Вдоль или поперек?

- Наискосок, - буркнул, не выдержав, я. И сам, достав помидоры, огурцы, лук, порезал их и разложил на разостланную клеенку.

- Ну, скоро? - как ни в чем не бывало, спросил Герман. Женя молча открыл бутылку с коньяком, разлил по стопкам, произнес: «За наш прекрасный поход!»

Рыба действительно пролетела в нас незаметно. Но прежде, чем отведать шашлык, Герман понюхал его, поднял на нас глаза. Спросил: «А это – точно не свинина?»

- А какая разница? – не понял я. - Свиной шашлык – тоже неплох!

- Успокойся! Баранина! – кивнул Женя.

- Да нет, я – ничего! Просто свинина, да еще с углей, на печень плохо действует. Это я как медик вам говорю… - пожал плечами Герман.

…- Мандельштам! – смаковал шашлык Герман. - Само имя – поэзия! Да и жизнь! Его первая книга стихов называлась «Камень». Так вот, кто-то из свидетелей его гибели в сталинских лагерях вспоминал, что он упал, поднимая камень, - рабский труд в каменоломне! И последними словами его были: «Я начал камнем и кончил камнем…». Какая проникновенность! Какая глубина! Я такого не читал ни у кого. Разве только – у Пастернака:

Но сцена! Это - Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели, всерьез…

А? Каково?

- Вот именно, Герман: «сцена»! А люди живут не на сцене! Сцена требует, - поискал Женя подходящее слово, - сцена требует перевоплощения, а значит, - лжи! Добродетельный человек, - прекрасный семьянин в жизни, - вдруг должен играть подонка, развратника… Он же вселяет в себя героя! И если проводить параллель поэзии с актерским мастерством, то, по твоим словам, и здесь надо лгать, впускать в себя искусственность. Поэзия – это жизнь! Такая, как она есть! И позиция поэта – должна быть четкой! Ты согласен, Саш?

- Я как-то не думал об этом… Но в твоих словах, Жека, внутреннее содержание которых я, кажется, понимаю, есть какая-то недоговоренность… А скорее – не-до-думан-ность! Твою мысль надо бы четко сформулировать… Облечь в Слово с большой буквы! – я поднял на него глаза, надеясь, что он поймет, о каком Слове я говорю.

- Вот за это Слово я и предлагаю выпить по пять капель! А то мы что-то совсем забыли про питие, которое иногда, на отдыхе, определяет сознание, а точнее, осознание того, что мы все-таки – на отдыхе! – каламбуря, поднял стопку Женя.

- Что удивительно, - закусив, снова заговорил Герман, - здесь, на пленере, спиртное вообще не пьянит, а способствует общению…

«С самим собой»! – хмыкнул я про себя…

- Давайте, я свои стихи почитаю! – встал с бревна Герман…

- Нет, Гера, сначала – чай! – мотнул головой Женя. - Травяной! Целебный! Дядя Леша дал… Подай-ка чайник! Да что ж ты его двумя пальчиками берешь?! Он же просто походный, закопченый!..

…- Ребята! Где вы здесь? Как к вам пройти? – вдруг со стороны реки услышали мы звонкий девичий голос.

- О-о-о! – встрепенулся Герман. - Да мы еще сейчас и с девчатами развлечемся!

- Что за напасть?! Кто здесь может быть?! Ночью довольно далеко и от Лужков, и от Алешни! Без фонарика не пройти. - пожал плечами Женя. Но безпокойство уже легло на его лицо…

- Помогите же мне! – опять раздался тот же голос. Женя взял фонарик, топор и приподнялся, натянувшись, как струна. А голос продолжал звать: «Да помогите же! Быстрее! Быстрее!»

- Женя! Может быть… Не ходи! – даже в красно-желтых отблесках костра было видно, как Герман побледнел, отошел назад на несколько шагов и прижался спиной к стволу ближайшей сосны.

- Я – сейчас! – Женя попытался включить фонарик, но ничего не выходило. Он направился к реке, убыстряя шаг. Было видно, что фонарик не включается. А голос зачастил: «Быстрее-быстрее-быстрее-быстрее…»

Женя побежал. И действительно: быстрее, быстрее, быстрее… Наконец, вдруг в темноте я увидел, что фонарик включился… А от реки донесся звонкий всплеск воды…

- Женя! – бросился я к другу. И в лицо мне ударил луч света от фонарика.

- Здесь я! – Женя шел так, словно ноги не слушались его. Когда мы снова уселись у костра, то в его отблесках я увидел на лбу у друга крупные капли пота. Герман продолжал стоять у сосны. Его колотила дрожь.

- Что произошло?! – выдохнул я, чувствуя, что моя рубашка опять прилипла к спине, покрытой холодным потом.

- Понимаешь, ноги меня не слушались: сами несли к реке… И фонарик не включался… Я чуть не раздавил его: с такой силой жал на кнопку! А она орет, мол, давай быстрее. Ноги и несут в такт ее крикам: все быстрее и быстрее… И не могу остановиться! Сам не знаю, почему прошептал: *Господи*!.. И встал, словно вкопанный! Фонарик включился. Гляжу: стою над самым омутом, на обрыве. Еще шаг и.., - Женя вытер ладонью пот со лба, - Похоже, русалка!

- Ребята! Бежим отсюда! Я не хочу здесь ночевать! - не своим голосом запричитал Герман.

- Ага! – мотнул головой Женя. - Прямо сейчас все бросим и побежим! Куда в такую темень?! Главное: не поддаваться больше ни на какие крики, ни на какие просьбы и призывы. Давайте-ка, быстро - в палатку!

- Нет, давайте лучше – у костра! Они, может быть, света боятся. - почти захныкал Герман.

- Бога они боятся и Креста! – не выдержал я.

- Скажешь тоже! – вдруг хмыкнув, скривил губы Герман.

- Ладно. Мнения разделились. Дождемся рассвета здесь, - согласился с ним Женя… Мы, молча, пили травяной чай. Разговор больше не клеился… А когда небо на востоке посветлело, Женя поднялся с бревна и сказал: «Все. Их время кончилось. Я пошел спать.»

И заполз в палатку. Я тоже встал, но Герман опередил меня, юркнув вслед за Женей…

…- А-а-а! – истошно закричал Герман прямо мне в ухо. Мы всполошились, сбрасывая с себя одеяла и остатки сна. Тревога была ложной. Оказалось, что подъехал дядя Леша, позвал нас… Да любитель «серебряного века русской поэзии» принял его еще за кого-то. А так как мы не откликались, дяде Леша сам распахнул полы палатки и слегка дернул Германа за ногу… Это нас развеселило. Но когда Женя рассказал о ночном приключении, дядя Леша нахмурился.

- А что бы я сказал Алене, если бы ты утонул?! – постучал он согнутым указательным пальцем по макушке племянника. - Ведь предупреждал, чтобы были острожнее! Ладно. Давайте сеть снимать.

- А может быть, сразу и палатку свернем?! Женя обещал, что последнюю ночь будем в доме спать, - засуетился Герман.

- Подбрось в костер дров, чтобы ребята после купания согрелись и сворачивай все вещички, - мельком глянув на него, кивнул дядя Леша.

Сеть была полным-полнехонька! Да и рыба – покрупнее, чем накануне мы выловили на удочки.

- Знатный улов! – улыбался дядя Леша. - Заберете в Москву…

- Ой! Мама обрадуется! Она любит готовить фаршированную щуку! Только, довезем ли? Жара-то какая! – суетился Герман вокруг нас, пока мы выбирали рыбу из сети.

- Довезете… В избе сейчас выпотрошим, заморозим, - упокоил его дядя Леша, - а утром брюхо набьем крапивой, завернум в лопухи… Их за огородом – много, родимых, повылезло.

- Как интересно! А я и не знал такого! – потирал руки Герман.

- Пожил бы в деревне, узнал бы. А как, думаешь, раньше в Москву летом рыбу на телегах возили?

- Дядя Леша, а почему ты лопух родимым назвал? – вклинился я в разговор, осторожно подхватывая под жабры щуку, которая все еще пыталась щелкать зубастой пастью.

- И-и-и! Он от стольких болезней помогает! Голова болит, к примеру, - накрой ее листом лопуха, и он, родимый всю боль вытянет… А корень по весне, пока только два первых листочка распутились, - мягкий, сладкий, хрусткий, что твоя молочная морковка! И мужскую силу прибавляет, - хмыкнул он, - Его еще называют русским жень-шенем… А моя бы воля, так я бы жень-шень назвал китайским лопухом. Все ведь перевернули с ног на голову… А жень-шень-то твой только в определенных количествах принимать можно… Иначе здоровье не поправишь, а еще больше покалечишь. А лопух! – его ешь, сколько влезет!

…Мы тряслись в телеге, а дядя Леша рассуждал: «Эт-то хорошо, что вы решили последний день в избе провести. Поможете мне огород вскопать. Картошку сажать пора. У меня-то все натуральное. Не то, что ваши городские парниковые огурцы да помидоры… Синтетика! И все у меня – в свое время! Ну, какие, скажите мне, могут быть свежими помидоры зимой? Или арбузы? В природе все разумно устроено… А мы ее – ломать… По своему! Эх-эх-эх… Так и переломить можно, - что и по осени земля-матушка картошки не родит…»

Дома дядя Леша опять порезал на сковородку сало, пожарил на нем печенку, разбив в нее десятка полтора яиц. Выставив на стол трехлитровую банку молока, спросил: «А может быть, по стопочке? Или после огорода?»

- После работы, - за всех ответил Женя.

- А кофе черного у вас случайно не найдется? – мягко, почти проворковал, Герман.

- На-айдется, - кивнул дядя Леша и достал из кухонного стола банку растворимого кофе. «Это в деревне-то! Вот – хозяин!» - восхитился в мыслях я.

- Алешнинский председатель давеча ездил в Рязань. Вот, взял в обкомовском буфете и на меня, - словно прочитал он мои мысли. Я тоже решил выпить кофе: спали мало, а работы, похоже, - много. Нужно взбодриться!

…Утро по московским меркам было еще ранее, но на соседнем дворе громко и часто кто-то стучал молотком. «Попробовал бы в Москве кто-нибудь такое себе позволить! - хмыкнул я про себя, - А здесь такое время – уже позднее утро!»

- Лето зиму кормит! – приговорил дядя Леша, подавая нам лопаты… Потом пот заливал глаза… С непривычки! Но в сердце вливалась какая-то радость, будто вспомнилось что-то… На даче родителей я такого не ощущал… «И земля-то – мягкая, ухоженная, десятилетиями, а то и столетиями унавоженная!» - опять вспомнил я суглинок на родительской даче…

Но надо было не вспоминать. Надо было не отставать от дяди Леши. А он уже метра на три больше нашего вскопал! Следом за ним, отставая не намного, шел Женя. За ним – я. Герман же, копнув пару раз, останавливался, пытался рассуждать о чем-то… Но, ему никто не отвечал. Да и не слушал. Теперь он и от меня отстал метра на три.

«Вот уж воистину, - думал я, - где родился, там и пригодился! Не дай Бог, в случае чего, оказаться в деревне на «подножном корму»! Не смогу, не сумею вести хозяйство! С голоду помру! Здесь навык с детства нужен…». Скоро дядя Леша, намного обогнав всех нас, закончил вскапывать свою полосу. Перекурил. Подошел к Герману. Слегка отстранил его: «Перекури.»

И снова обогнал нас с Женей… Потом мы сажали картошку. Дядя Леша делал, как он выразился, «гнездышки», мы с Женей сыпали туда золу, куриный пух и мелкие перья, а Герман забрасывал картошку. Дядя Леша зарывал ее и тут же поливал слабым настоем куриного помета. Так что опять получалось, что он делал больше, чем мы…

«Огород! – подумал я, - Это у нас под Москвой «огороды» по шесть соток, - и то упахиваемся! А здесь – под одну картошку – соток пятнадцать-двадцать! Если не больше… И еще столько же под другие овощи. И – под сад! Как же дядя Леша один справляется с эдаким хозяйством?!»

Мы с Женей перекуривали. Герман, разморенный непривычным трудом и жарой, облокотился, - а точнее – повис, - на штакетнике забора. А дядя Леша ушел куда-то… И появился с запотевшей трехлитровой банкой ледяного, - аж, зубы свело! – самодельного кваса.

- Освежитесь! – улыбнулся он. - Вы мне дня два работы сэкономили!

- Как бы горло не простудить?! – поперхнулся Герман.

- А мы его сейчас продизенфицируем! – хохотнул дядя Леша. На лице его не было и тени усталости!

- Жека, - продолжил он, - Ты умеешь… К приходу скотинки заложите сена в кормушки, наносите воды. А я пока ужином займусь.

«Ужином?!» – удивился я. Но, взглянув на часы, увидел, что стрелки их показывают четверть шестого! Вот это мы поработали! И даже без обеда!.. Между тем, Женя поставил Германа на самый верх сеновала, меня у его дверей. Герман сбрасывал сверху, я передавал Жене, а тот носил сено в кормушки. Но работе, казалось, не была конца… И только в сумерках мы закончили… Женя впустил на двор корову с бычком, лошадей, коз, овец, баранов. Все они жадно накинулись на сено и воду.

- Травка еще молоденькая! Да и мало ее. Пастухи – свои же, из деревни, - по очереди ходят. Иной выпьет литр самогонки, да и завалится где-нибудь под кустом. А скотина страдает, выев все, до корней в одном месте… Стадо-то перегонять в течение дня надобно!.. На улице повечеряем… - говорил дядя Леша, накрывая стол в полисаднике. И опять мы выпивали, пели песни. Полная луна и звездное небо помогали тусклому фонарю под крышей крыльца освещать нашу обильную трапезу… А сосед все стучал молотком…

- Вот, мужик работает! – восхитился я, дожевывая кусок гусятины, - С самого утра – до темноты!

- Лентяй, - вдруг сурово отрезал дядя Леша. От непонимания такой характеристики я чуть не поперхнулся. Мы все трое недоуменно уставились на дядю Лешу. А он, закурив, пояснил: «Что такое «трудолюбивый»? Тот, кто труд лю-ю-юбит! А если делаешь что-то с любовью, работа горит в руках: хорошо и быстро! А этот делает по не-об-хо-ди-мости! Хорошо? Сносно… Чтобы зимой не погибнуть… Не жить, радуясь, а – не по-гиб-нуть! Делает долго и не надолго. Без любви к своему труду. Ле-ни-во!..»

- И-и-и! – посмотрел дядя Леша на часы, - Мне завтра в половине шестого выезжать за газовыми баллонами. Давайте-ка, по последней и – на боковую!

Германа пришлось расталкивать, чтобы он пошел укладываться… Да и я, не успев коснуться головой подушки, мгновенно заснул. А утром мы сразу стали собираться в дорогу. В холодильнике лежали три небольших холщовых мешка с надписанными чернильным карандашом нашими именами. Аккуратно упакованные утка и курица, штук шесть разных рыбин, сало, баранина, домашнее сливочное масло были завернуты в листья лопуха. Поллитра самогона я едва смог засунуть в рюкзак между вещами и продуктами. На столе мы нашли записку: «Буду после обеда. Хорошенько поешьте на дорогу. Выпейте на посошок, и – с Богом! Ляксей».

Так мы и сделали.

До Рыбного возвращались в кузове грузовика. Сразу сели на электричку. Герман все время пути клевал носом. И это радовало. Мы с Женей тоже молчали. Не знаю, как он, а я раз за разом переживал, передумывал все, что случилось с нами в этой поездке. Часа через четыре мы были в Москве.

Князь Димитрий Константинович сидел на колоде, низко опустив голову. Здесь-то мы с князем Ондреем и поведали ему о том, как была разбита его рать.

- Неужели никто не спасся? – развел он руками.

- Не ведаю точно, князь, но много потонуло. Еще больше постреляно и порублено… Ратники-то и доспехов не успели надеть. Ведаю, что тысяча звенигородцев ушла… При нас ее князь Феодор Звенигородский отправил, оставшись прикрывать наш отход с другой своей тысячей… Но куда там?! Поганых-то налетело, словно комаров на болоте…

- Но как же так? Ведь у меня был союз с мордовскими князьями… Они же слово давали… И… предали… - закрыл Димитрий Константинович ладонями лицо.

- Что сейчас сетовать об этом… Случилось… Язычники! – молвил тихо князь Ондрей. Димитрий Константинович скрипнул зубами, ударил кулаками по коленям: «Вернусь из Суздаля с Василием, всю землю мордовскую пусту сотворю!»

«Конечно, - подумал я, - Князей мордовских наказать следует! Но простой-то люд в чем виновен?! Женки, старики, дети?» Однако промолчал. А Димитрий Константинович словно мысли мои прочитал: «И не за Иоанна только! Как представлю, что поганые творят сейчас в Нижнем… Сколько младенцев, отроков и отроковиц, баб, старух… Позверствуют, надругаются, в полон уведут… Нет, стерпеть такое грешно! И думка эта от сердца по кусочку зазубренным ножом отрезает…»

Как не понять было его! Поэтому мы и молчали… Дозорные привели несколько встреченных на дороге ратников. Все они были ранены.

- Чьи будете, братья? – кротко спросил Димитрий Константинович. Вперед выступил пожилой ратник с перевязанной головой и рукой на перевязи: «Из Мурома мы. В головном полку стояли… Как раз - около шатра княжеского. Моему десятку черед пришел в дозор идти. Я и послал коней напоить… Сам в доспех облачился. Тут и налетели поганые. Сам видел, как князь Иоанн Димитриевич и воевода Симеон Михайлович из шатра выскочили… Кольчуги-то едва натянуть успели… Но - без шеломов. Какая тут сеча? Сила солому ломит… Большинство ратников тоже не успели облачиться… Резали наших, словно курей! Воевода крикнул князю, сынку твоему, чтобы бежал, и тут же сам упал зарубленным. А меня конем ордынским сбило с крутого берега. И опять - сам видел, как уже в реке подбили коня князя Иоанна Димитриевича, на котором он пытался спастись… Подбили-то сразу двумя стрелами… Конь – точно взбесился!… Сбросил седока… Больше тот и не всплыл… Меня раненного свои на другой берег Пьяны-реки все-таки переправили… Поймали мы несколько коней, которые седоков потеряли… Ехали по двое… Загнали коней, как раз перед тем, как твой дозор вышел на нас…»

- Эй, кто-нибудь! – крикнул князь Димитрий Иоаннович, но осекся, опустил голову… Повернулся ко мне: «Повели своим накормить, перевязать муромцев… Дай коней, чтобы у каждого был свой…»

До Городца, казалось, рукой подать. Мы шли по дороге, над которой нависали темные, густые ветви елей, сосен… «Разбойное место!» - вдруг почему-то подумалось мне… И словно в подтверждение моих слов, навстречу, из-за поворота появился наш дозорный… Конь его скакал во весь опор, но при этом как-то странно припадал на заднюю левую ногу. Приглядевшись, я увидел торчащую из крупа стрелу…

- Весь дозор побили! – прохрипел, осаждая раненного коня, ратник.

- Кто? Где? – спросил я и сделал назад знак, чтобы наши окружили, прикрыв шитами, семью Нижегородского князя. А про себя подумал: «Этого только нам не хватало! Господи, помоги! Спаси! Пронеси! Не за себя молю!» Ко мне подскакали князья Ондрей и Герасим, замешкавшиеся в середине и в хвосте…

- Сразу за поворотом… С двух сторон… Сколько их, не ведаю.., - продолжал дозорный.

- Князь Герасим, - повернулся я к соратнику, - посылай разведку. Возьми «языка»!

Он кивнул, махнул рукой и два десятка его ратников, спешившись, вдруг растворились в придорожных кустах… А я, обернувшись к остальным знаком повелел – занять круговую оборону! Вскоре прямо передо мной, из кустов и почему-то с другой стороны дороги вырос десятник Гиря. Он выволок за собой какой-то куль, который оказался мордвинским ратником.

- Засада, князь, - выдохнул он. И, указав на мордвина, добавил: «Этот признался, что поджидают нижегородского князя.»

- Сколько ратников? – спросил князь Ондрей.

- Ну? – торкнул в бок мордвина Гиря. Тот как-то по-бабьи пискнул. И затараторил: «В лесу, в двух верстах отсюда – пять сотен… А мы, дозор на дороге, всего полсотни… Пощадите! Не убивайте… Я давно хотел в вашего Бога поверить… Но князь наш не велит… Говорит, цто повесит, а весь род вырежет…»

Я взглянул на Гирю. Тот пожал плечами: «Похоже, что не врет о полусотне… Их мы «сняли». Впрочем, я послал вперед десяток своих…»

- Ну что? – в глазах князя Ондрея сверкнул знакомый блеск, - Возьмем в оборот? Они не ждут нас…

- Пройти незамеченными по дороге сможем? – спросил я Гирю.

- Не ведаю… Сейчас мои вернутся… Скажут.

И действительно, из леса выскользнули остальные ратники князя Герасима.

- На дороге и около нее на две версты – чисто!

- Идем! – решил я. И, повернувшись ко князю Ондрею, сказал: «Наше дело – вывезти Димитрия Константиновича, а не засады «снимать»!»

В это время к нам подъехал сам нижегородский князь. Я и не ожидал, что он, увидев мордвина, резко воткнет ему в горло кинжал… Да и все наши не успели глазом моргнуть.

- Он же связан и - без оружия! – вздохнул князь Герасим. На что Димитрий Константинович прохрипел: «А дети, отроковицы, бабы, старики в Нижнем, убиенные и полоненные ими, вооружены были?!»

Князь Герасим снизу вверх крутанул головой и, молча, отъехал… На всем скаку, прикрывая собой нижегородцев, мы прошли еще версты три. Успокоились только тогда, когда выехали на открытое поле…

В Городце на краткой стоянке к нам подбежал монашек, памятный по его юродству с петухами, когда князья Петр, - Царствие ему Небесное, - и Ондрей сцепились. Шатаясь, словно пьяный, и кривляясь, он запел заплетающимся языком:

За Пьяною наши - пьяные,
Потому и бьют поганые!
А как перестанул пить,
Так поганых будут бить…

И убежал…

- Слыхал? – кивнул в его сторону князь Ондрей. - Глядишь, и мы бы на Пьяне остались раков или ворон кормить, если бы меды распивали.

- А князь Феодор Звенигородский? Он же тоже не пил хмельного… Однако, - мотнул я головой, - остался.

- Пока не узнаю точно, не поверю, что его порубили… Потому и буду молиться, как за живого! – перекрестился князь Ондрей.

- А из твоей да из моей сотен сколько там осталось? – не унимался я. Он только махнул рукой.

…Боголюбово встретило нас печальным колокольным звоном. Дядька мой, архимандрит, со слезами обнял меня, приговаривая: «Слава Богу, жив! Слава Богу, жив!..»

Вечером, когда в его келье я подробно рассказал о битве на Пьяне, он покачал головой: «Уж и не знаю, как за них, родимых да несчастных, погибших в пьном угаре, да дело Божие с небрежением творящих, и молиться теперь! Спрошу у старцев наших, схимонахов…»

Рассказал я ему и о сне про княгиню Аллу. Он задумался. Опустил глаза в пол. Пошевелил губами. Наконец, молвил: «Снам верить нельзя! Но ты приходи сегодня на Всенощную. Я помолюсь сугубо в Святом Алтаре. Господь милостив! Глядишь, и вразумит меня, грешного.»

После Всенощной, он, выйдя из Святого Алтаря, взял меня под руку, отвел в уголок и задумчиво произнес: «Все Господь устроит! Конечно, не дело задумала твоя

княгинюшка! Только сделала это по любви своей к тебе, да по бабьему неразумению своему. Не ведает, прости ее Господи, что творит! Все сам на Москве узнаешь. Но самое главное: не гневайся! Горящая-то солома холстом накрывается. Огонь и гаснет… Вот и накрой своей любовью неразумие жены твоей!..»

- Отче! Благослови ко князю обратиться! – раздался за моей спиной голос Ивашки.

- Бог тебя благословит, чадо! - перекрестил его мой дядька.

- Княже, тебя везде князь Ондрей ищет… Что-то важное!

- Супай-ступай! – широко перекрестил меня дядька. И хотя наместник Боголюбский отвел нам в своем тереме покои, князей Ондрея и Герасима я нашел в нашем стане, разбитом за монастырской стеной.

- Слыхал, - увидев меня, горячо заговорил первый, - после сечи Арпша в Нижний вошел… Не слезая с коня! То, что людей побил, да полон немалый взял, да рухляди пограбил - это и прежде бывало! Так он еще весь город, а главное, - все церкви сжег!

- У них в орде вера новая появилась, - кивнул я, перекрестившись, - противная нашей. Или забыл, как я тебе рассказывал?

- Мало того, разорил Засурье, идет на Рязань! - продолжил князь Ондрей.

- Погоди-погоди! Князь-то Олег Рязанский – в орде, у Мамая в приближенных ходит…

- Вернулся в отчинку… Воеводу помнишь? Казнил он его, вместе с сотниками-татями… Ссора, что ли, у него с Мамаем вышла?… Женка воеводина, правда, сбежала…

- Почему казнил-то?

- Так весь город встал против воеводы! Не выдержали рязанцы его злодеств! Ну, и князь Олег сделал выбор! Теперь с ратниками воеводиными нелицеприятно разбирается… Выходит, что дружины нет! Вот, полагаю, Арапша и решил еще один город без сечи взять.

- Откуда вести?

- Рязанские дальние сторожи нашим дозорам передали. От Рязани до Володимира – рукой подать!..

- Надо грамоту Великому Князю писать! Да отправить с полусотней.., - раззмышлял я, - или же… хотя… нет… Вот что, братия, разделимся… Я с частью наших ратников выполню повеление Димитрия Иоанновича: провожу его до Суздаля. А вы с другой частью давайте-ка, летите изгоном на Москву… Князь Ондрей, передашь грамоту Димитрию Иоанновичу и от себя все расскажешь. А?

- Добро. Сей же час и выйдем. - кивнул он. И крикнул: «Георгий, десятников - ко мне!»

Я обнял их обоих на прощанье. Перекрестил. И вскоре их отряд вылетел из Боголюбова. А я пошел в терем к горевавшему Димитрию Константиновичу.

- Выходить, князь, надо немедля, - с поклоном тихо молвил я, - потому как только что разведка донесла: Нижний ограблен и сожжен. Святых церквей поганые не пожалели: одни головешки остались! Большой полон взяли. Отправили в орду. Теперь, разоряя Засурье, идут на Рязань. А не свернут ли сюда? Каждый день дорог! Дружину тебе за час не собрать!

Димитрий Константинович скрипнул зубами, застонал, закрыл глаза, откинув голову назад. Но сразу взял себя в руки. Тихо одобрил: - Выходим. Немедля…

В Суздаль мы пошли не по дороге, а напрямки… И к вечеру следующего дня были уже там. Князь Василий Димитриевич выбежал, улыбаясь, из терема навстречу родителям. Но осекся, увидев написанную на их лицах скорбь. Княгиня Василисса, рыдая, обняла сына. Князь Димитрий Константинович, опустив голову, положил ему

руку на плечо: «Нет больше Иоанна… Нет дружины… И твоей – тоже… Да и Нижний сожжен и разграблен».

Князь Василий перекрестился, обнял мать за плечи и повел ее в терем.

…Мне не хотелось слезать с коня: повеление Великого Князя было выполнено. Скорее бы - в Москву! Но с другой стороны, надо накормить ратников, обиходить коней, дать им отдохнуть… А князь Димитрий Константинович словно забыл о нас. Впрочем, понятно: такое горе! Я повелел выйти за город, разбить стан, купить яств, приготовить трапезу. Позволил ратникам выпить хмельного, - с устатку… Выпил и сам. А вечером прибежал отрок.

- Князья Димитрий Константинович и Василий Димитриевич просят тебя пожаловать к ним в терем. - запыхавшись, произнес он. Я пошел за отроком. В горнице, куда меня провели, был накрыт поминальный стол.

- Присядь, князь Ляксандр. Помянем убиенных рабов Божиих боляр Иоанна, Симеона, иных и ратников, души своя за други своя положивших. - пригласил Димитрий Константинович. Щи, блины с икрой, кутья, кисель, честно говоря, пришлись кстати. Княгиня Василисса со слезами на глазах вспоминала, каким славным, добрым был погибший сын во младенчестве, в отрочестве. Князь Василий говорил о брате, как об опытном ратнике и воеводе. Другие за столом, - как о милосердном, и справедливом князе… А мне в голову лезли думки о причинах гибели не только поминаемого, нижегородской дружины, но и других, пришедших на помощь, и погибших… за хмельную чашу и гордыню. За них пострадали и нижегородские дети, бабы, старики… «Впрочем, - оборвал я себя, - о покойниках говорят либо хорошо, либо… молчат!»

В завершение трапезы Василий Димитриевич обратился ко мне: «Спаси тебя Господи, князь! Спас ты моих отца с матерью! Как и отблагодарить тебя, не ведаю».

Я поклонился в ответ: «Я службу Великокняжью выполнял… Прикажи коням корм задать, да ратников съестным в дорогу наделить. И дозволь завтра в путь отправляться».

- Господи! Как же я про людей твоих запамятовал?! Прости Христа ради! Пойми, такое горе! Тут и себя забудешь…

- Бог простит. И я, и ратники мои понимаем… Да и кого в земле Русьской это горюшко не коснулось?! – опять поклонился я.

- Сей же час велю все справить, как надо! – поклонился он в ответ. И крикнул в сторону дверей: «Эй, Макарка! Бери отроков, еще кого из людей, да свезите побольше снеди ратникам московским в стан ихний. Не забудь овса для коней! Им завтра – в дорогу».

Он опять обратился ко мне: «Есть у меня для тебя, князь Ляксандр, подарок».

- Зачем? - искренне вскинулся я. А князь Василий поклонился Димитрию Константиновичу: «Дозволь, отец, из-за стола на малое время выйти?»

Тот кивнул. Князь Василий вышел во внутренние покои и вернулся с легкой сабелькой в богато изукрашенных ножнах.

- Вот, - протянул он мне ее, - готовил брату Иоанну на именины подарок… Прими ты, князь, на память о нем, да о поражении нашем на Пьяне-реке, дабы не повторять ошибок… И дабы сабля эта в твоих руках мстила за брата моего убиенного, потому, как слышал, ратник ты – славный!

- Добрые пожелания, - кивнул князь Димитрий Константинович. «Мстить не буду, - подумал я, прикладываясь губами к холодному металлу: «А вот бить буду! Дабы землю Русьскую от супостата очистить».

А вслух сказал: «Спаси вас Господи всех! Не посрамлю подарка по силам своим. А теперь дозвольте в стан вернуться. Надо подготовиться, проверить все… Пойдем затемно.»

- Я тебе проводника дам! Он тебя по прямой, лесными дорогами, до Володимира доведет, - кивнул князь Василиий Димитриевич.

…В Володимире мы останавливаться не стали. А когда проходили по нему, каждый из нас слышал, как горожане говорили вслед: «И-эх! Похмельные головушки… Срам-то какой!»

- Сколько душ людских пропили…

- Несчастные! Как перед Богом-то отвечать станут?..

- Так и всю землю Русьскую пропьют…

- Арапша-то, я слыхал, на Рязань идет…

- Так, не приведи, Господи, и до нас дойдет…

- И все - из-за ихнего хмельного разгула…

Кровь ударяла в голову… Стало невыносимо стыдно! Хотя мне-то, казалось, и стыдиться нечего! «Стыдно! Стыдно! Не готова еще земля Русьская ко главной сече с погаными!» - стучало в висках.

В больших селах и посадах я останавливаться не стал. Заходил только в церкви, заказывал панихиды по убиенным ратникам своей сотни и покойным сродникам. Привалы делал в безлюдных местах. Там и коням было корму побольше. К полудню шестого дня мы входили в Москву. Проезжая мимо своего терема, вдруг грустно подумал: «Что ж там Алла натворила?» Однако, стряхнув мысль, поспешил к великокняжеским палатам. Димитрий Иоаннович был в своей горнице один. Сидел задумавшись. Кивнул на поклон, спросил: «Прошли Нижний, Засурье? Рязань на очереди?»

- Великий Князь!..

- Знаю-знаю, что ни ты, ни князья Ондрей и Герасим хмельного в рот не брали. Не про тебя говорю! Вот – результат нарушения законов Божиих! Русьский-то, православный ратник перед сечей постится, молится, Святых Таин причащается, под доспех чистую рубаху надевает, чтобы, коли придется, в чистоте душевной и телесной предстать пред Господом… Кркс – наружу! А Иоанн с Симеоном? Ох, прости Господи!

В дверь горницы постучали. Вошел крепкий, жилистый, светловолосый, но загорелый с тонкими чертами лица князь.

- А, это ты, Феодор Ондреевич? – кивнул Димитрий Иоаннович. - Что-то неотложное? Князь Ляксандр, присядь пока.

- Великий Княжь, - неожиданно, несвойственно своему облику, прошепелявил вошедший, - не хватает лодий! До жимы надобно во-он школько вывежьти камня! Не ушпеваем! Я только что из Мячково! Коня жагнал!

- Так! До зимы мы эту стену должны поставить, кровь из носу! Иди к купцам! Проси моим именем! Пошлину снижу на треть, пока их суда будут камень возить.

- Шпаши Господи! – и он вышел. Без стука влетел Володимир Ондреевич, кивнул мне, доложил: «Брат! Только что гонец изгоном пришел. Мордва Нижний грабит».

- Погоди,.. – Великий Князь даже голову назад откинул, – а мне доложили, что Арапша отграбился и город сжег!

- Эти язычники добирают то, что поганые не взяли.

- Иуды! – скрипнул зубами Димитрий Иоаннович. - Клялись в вечном мире и верной службе…

- Великий Князь, - встрял я, - Димитрий Константинович с сыном Василием сбираются наказать мордву за предательство.

- Раньше надо было думать! Кому доверились! Язычникам! – вскипел Володимир Ондреевич.

- Охолонись, брат! – остановил его Димитрий Иоаннович. - Люди разные. Глянь, Василий, мордовский князь, как рубился на западных границах! Голову за нас с тобой сложил! А Ондрей Иоаннович Саркисов? Чингизид! А уж получше природного

русака - нижегородского воеводы Симеона, Царствие ему Небесное… Давай-ка, лучше послушаем, что нам князь Ляксандр поведает.

Выслушав меня, Димитрий Иоаннович встал: «Спаси тебя Господи за службу! Погоди малое время, - потрапезничаем вместе.»

Повернувшись к брату, спросил: «Кого на мордву пошлем?»

Тот задумался. Потом стукнул себя ладонью по лбу: «Свиблу!»

-Ты что?! Феодор Ондреевич Кремль возводит! Камень возит из Мячково, здесь со стен не слезает…

- Жалился он тут мне… Жашиделша я, штыдно дедов! По шече шкучаю! – смешно передразнил князя Феодора Володимир Ондреевич. - Так вот, мы займемся подготовкой рати, а он тем временем свои дела здесь закончит. А?

- Вот-вот, – кивнул Димитрий Иоаннович, - не гляди, что из немцев! Пращур его Рагша – муж честен именем был! Верно и доблестно служил Великому Князю Александру Ярославичу Невскому. Теперь от него – уже три рода на Русьской земле! Все – православные!

- То-то и оно, что православные! – не унимался Володимир Ондреевич, видимо, обдумывая еще какую-то думку…

- А кто ж нехристей к вере истинной приводить будет? Не мы ли? Всей жизнью своей! Тогда и Бог, увидев наше стремление, услышав наши молитвы, чудо сотворит, поможет сбросить иго поганское! Ладно, пойдем трапезничать… Ты, поди, еще и маковой росинки сегодня во рту не держал?

После трапезы Великий Князь отпустил меня: «Ступай. Отдыхай пока! Поди, соскучился по молодой жене?! Понадобишься, кликну.»

Я поклонился, вышел, и у самого Красного Крыльца столкнулся с… Афанасием.

- Старый, добрый мой друже! – обнял я его, - как оказался здесь? И почему невеселый?

- Уж и не знаю, как тут веселиться?! – нахмурился он и опустил голову. - Тем паче, не ведаю, как тебе сказать про княгиню твою…

- Говори прямо. Знаю, что лгать и наветовать не станешь. А о том, что творит княгиня не то, и сам ведаю. - теперь нахмурился я.

- Уж и доложил кто-то?.. Ну, да - все одно! Пойдем-ка в собор, княже. Пред святыми образами сказать хочу. Бог не даст лишнего молвить.

- Дело было седмицы через две, как ты отъехал. Однако помнится, - перекрестившись, начал Афанасий, когда мы в безлюдном соборе присели на лавку. – повелел ты мне крепко за порядком в хозяйстве следить. Вот и не мог я сделать иначе. Будит меня в полночь отрок. А я только-только задремал… Будит, значит, и говорит, мол княгиня в темном плаще с одной только девушкой из терема вышли.. Что, мол, думаю за напасть такая?! Как же без отрока вооруженного?! А ну, как на злых людей натолкнется! Растолкал я Филиппа, взяли мы по сабле и – за княгиней. Едва нагнали… Но шли позади, незаметно… Прости уж… Я как-то сразу недоброе почуял. Потому и пошел тайно от нее… Ведь не было велено с ней идти. Глядим, спускаются они в посад, к самой Москве-реке. А там после дождей – грязюка непролазная! Девушка-то, Настасья, так уверенно ведет нашу княгиню. Но плутали долго… Подходят к истбенке. Та по самую крышу в землю вросла. Но окошки – слюдяные! Княгиня с девушкой в истбушку – юрк! А мы – к окну. Глядим – за столом сидит не то старуха, не то старик… Страшное такое чудище! Нос крючком, аж до подбородка достает. А подбородком его или ейным только хлеба из печи доставать! И весь – в бородавках! Голова повязана грязной тряпкой, из-под которой патлы сивые во все стороны торчат… А по стенам истбенки, смотрю, лягушки сухие, ящерки, лапки птичьи, кожа змеиная развешаны… На столе – горшочки всякие, плошки, малые и большие… Но снедь в таких не держат… Свят-свят-свят! Княгиня наша, значит, села

напротив пугала этого. Жарко так о чем-то заговорила, - нам-то не слышно было. А пугало склянку ей протягивает… Княгиня отсчитала серебро и – в дверь! А пугало как закружится, как запляшет по истбенке своей! Хохочет, дергается всем телом… У меня аж спина похолодела, хотя ночь теплая, даже душная была…Тихонько, опять же тайно, проводили мы княгиню обратно до терема. А утром – в собор, молебены за твое и ее здравие служить…

Я почувствовал, как сердце мое заходится, но взял себя в руки. Спросил: «А не было ли на столе этого чуда-юда прозрачного шара?»

- О, Господи! Голова моя дырявая! Как же, – хлопнул себя ладонью по лбу Афанасий, - был! Пока княгинюшка говорила, это пугало все поглаживало шар своей корявой лапой… А как ушла наша несчастная, так пугало именно с шаром в руках в трясучку свою пустилось. А ты почем ведаешь о шаре том?

- Да уж ведаю… Во сне видел… Потом мне дядька мой, архимандрит Боголюбского монастыря после сугубой молитвы подсказал.

- Хотел, было, я Настасью, девушку, значит, княгинину, с пристрастием допросить. Но без тебя не осмелилися выведать, - добавил Афанасий, - что ж за зелье взяла княгиня? Как узнать?!

- А Ольгушка?

- Вот то-то и оно, что Ольгу наша болезная в великокняжий терем к малым княжнам-сироткам, что у Великой Княгини пестуются, на следующий же день отправила. И в терем твой боле не приводила… Четыре последних воскресных дня в собор не ходила. Девушек да баб наших не пускала: все работу находила неотложную! Это в святой день-то! Те воют! А что я, староста, могу супротив воли княгини сказать ли, сделать ли?!

- Княгиня ведает ли, что я вернулся?

- Не-е-ет! Она теперь только в сад и только по ночам гулять выходит… С Настасьей. А я давича князя Ондрея встретил. Он-то и поведал мне, что со дня на день будешь. Вот я и поставил чреду отроков, чтобы глядели, когда мимо терема к Великому Князю проскачешь. Но они – верные! Никому не проболтаются!

- Давай помолимся! – сказал я. И мы опустились на колени… Когда же поднялись с них, я повелел: «Ступай домой. И никому – ни слова о том, что я – в Москве. Хочу сейчас один побыть. Подумать. Помолиться… Спаси тебя Господи за службу!»

Я в пояс поклонился Афанасию. А он – мне, и вышел из собора. Снова я упал на колени. Со слезами на глазах шептал: «Господи! Пресвятая Богородица! Архангелы и Ангелы Божии! Все святии! Как же так? Только-только нашел!.. И потерял…»

- Почему же потерял? – послышался голос сзади. Я обернулся и увидел, судя по облачению, князя. Лицо его как будто я видел не раз. Особенно глаза цвета живого неба были мне очень знакомы… Но вспомнить, кто он, сколько не силился, я не смог. А он, между тем, продолжал: «Взяли твою княгиню в оборот злые силы… Но так нередко бывает после любого Святого Таинства. Любит она тебя. После отъезда твоего тосковала! Себя изводила… Молиться стала мало… Вот, благодать Божия и отошла. А тут нечистые духи мысли всякие насылать стали. Мол, вспомни, как в язычестве все проще и веселее! И муж был у тебя хороший, послушный! Этот – тоже неплохой… Только надо, чтобы вы с ним, - и без его детей, - уехали куда-нибудь подальше, в свой посад! Родишь ему там живулечку… И не беспокойся! Он может и про службу, и про соратников своих, и про Великого князя позабыть… Ты ведь этого желаешь? Тогда тебе надо найти бабку, у которой добудешь зелье. Добавишь его мужу в чару, когда встречать будешь на крыльце. Он выпьет и забудет про все и про всех! Кроме тебя. Ты у него будешь и богом, и солнцем, и отчиной, повелительницей… Ищи бабку! Ищи бабку!.. Вот так-то, князь Ляксандр, и окрутили твою княгиню. Вдалбливали это ей в

ее думки и вдолбили. Но бабка-то, - а может, и дедка, - совсем другим оказались! Сама нечисть нашла твою княгиню… Подослало к ней ту, которая называет себя Настасьей. Хотя и – не такова! А та через иное зелье усыпило душу супруги твоей… А тело человека – грешно! И послушно страстям. Вот, где она, душа-то княгинина…»

Князь провел рукой перед моими глазами. Я увидел в воздухе большой прозрачный шар. А внутри его… обнаженную Аллу! Мучиющуюся в синем пламени. Но не сгорающую… А вокруг летала какая-то человекообразная тень то ли в лохмотьях, то ли в перьях, то ли в густой, длинной, взъерошенной шкуре…

Я невольно перекрестился и вспомнил: «Это шар колдуна, живушего у Ягайлы.»

- Таких шаров много. Это одно из колдовских орудий. Есть они и на юге, и на востоке, и на западе… Скоро окажутся и на севере… И все служат темным силам для приобретения власти над людьми. Конечно, - вещал незнакомец, - через своих слуг, тоже людей… Только – злодеев. Да, они сами нашли твою княгиню. Тайна – в ее имени. Им они и пользуются. Все силы зла ополчились на нашу землю Русьскую! И всеми средствами, - а в первую очередь колдовскими, - пытаются обезкровить, то есть лишить Отчину нашу жизненных сил: самых стойких, преданных ратников, князей, воевод, самых мудрых, добрых, плодовитых жен, самых способных до всяких премудростей чад… Но добраться до них темные силы могут только через прегрешения людские… Помни это! Старайся не согрешать!.. На княгиню твою они возлагают бо-ольшие надежды. Она должна стать, по их задумке, проводником многих злых действ…

- Таких людей называют бесноватыми…

- Это – гораздо сложнее. В нашем случае, – покачал головой мой собеседник, - больше лжи… Поэтому даже не пытайся разобраться в этом. Молись! Бог поругаем не бывает.

- Только молиться?

- Не только… Ты, похоже забыл, какой крест у тебя на груди?!

Я прикоснулся к кольчуге и почувствовал мощевик: «Да, каюсь, запамятовал…»

- Забывал ты и молиться за жену, за детей в походе? Это – еще одно бесовское воздействие: отшибать память.

- Каюсь… Забывал молиться… Значит, я во всем виноват?!

- Так вот, встречая тебя сегодня, она поднесет на крыльце чару вина. Заставь ее сделать первый глоток. Она ведает, что вкусив зелья, будет видеть только тебя, только тебе служить… Но это, увы, - не христианское послушание, не христианское служение. Это - служение только телом, но не душой. Такие люди быстро чахнут… И душа к ней не вернется…

- Но как же я тогда буду заставлять ее испить из чары?

- Она не станет пить. Сейчас, по повелению темных сил, ее тело не хочет быть женой-христианкой, с радостью готовой проводить мужа, если придется, на смерть за други своя, Веру Православную и Великого Князя. Она одна, единоначально желает владеть супругом. Владеть, как рухлядью какой… Даже не осознавая этого! Знает она и то, что если выпьет первой, на тебя зелье не подействует. Поэтому она сделает все, чтобы не испить чару. Но ты протяни ей ее. Она примет. А ты осени чару и супругу крестом-мощевиком. И не пугайся. Она не погибнет. Зато шар разлетится на мелкие осколки. И душа может к ней вернуться…

- А может и не…

- Сейчас сюда придет святитель Алексий… - перебил меня собеседник.

- Святитель?! Но ведь он жив! А так живых не называют…

Мой собеседник улыбнулся: «Да! Но так решено: он уже, еще при жизни, – святитель! Не удивляйся. Придет он сюда, и ты расскажешь ему обо всем. Он ведает, что делать дальше.»

- Но кто ты, князь?

Собеседник улыбнулся и рукой показал за мою спину. Я обернулся. Действительно, по собору шел митрополит Алексий в сопровождении нескольких монахов. Увидев меня, он остановил их жестом. А сам подошел. Я склонился под благословение.

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, - произнеслось надо мной. - С возвращением чадо. А что ж на тебе лица нет?

- Владыко, мне нужно поведать тебе… - начал, было, я.

- Пойдем, присядем…

И когда мы опустились на лавку, он благословил: «Говори.»

Когда же я сбивчиво рассказал обо всем, митрополит улыбнулся: «Радуйся! Ангела Господь послал тебе для вразумления. Сдается мне, что это – благодать за то, что на Пьяне-реке не забыл ты своего долга ратного и духовного. За то, может быть, и оставил тебя Господь в живых. Что ж, жаль, что так взяли в оборот супругу твою духи лукавые. Но Бог поругаем не бывает. И случившееся попущено Господом во благо семейства твоего. Помни только, что род лукавый изгоняется постом и молитвой…»

Митрополит повернулся к монахам, стоящим в отдалении и позвал: «Отец Антоний!»

К нам подошел старый, слегка уже сгорбленный монах. Владыко благословил его: «Потрудись, отче, во славу Божию. Пойди с этим князем в терем его. Там понадобятся твои молитвы. Прихвати Святой Крещенской водицы…»

Монах поклонился.

- А мы, - обратился митрополит к остальным монахам, - отложим на время наши хозяйственные дела и помолимся в Святом Алтаре о здравии болярина Александра и тяжко болящей болярыни Аллы.

- Пойдем, чадо! – поклонился мне отец Антоний.

…Княгиня Алла выбежала навстречу. Тут же, от кого-то из девушек приняла поднос со стоящей на ней накрытой чарой и с поклоном поднесла мне. Взглянула на меня… Незнакомый блеск увидел я в ее глазах. Недобрый. Дерзкий. И этот взгляд вдруг напомнил мне глаза жены рязанского воеводы, когда та подносила хлеб-соль князю Даниле Пронскому. Нет, передо мной стояла не та княгиня Алла, жена моя, которую я оставлял, уходя на Нижний Новогород. Сердце кольнул мимоходом брошенный ею вопрос: «А зачем же ты, любый мой, чернеца в терем привел?»

- Ладо моя, - принял я чару, - мы с тобой по Святому Венчанию – одно тело! Посему пригуби чару первой. Дабы, как говорят в народе, утвердился я в надеждах своих, что мысли твои все это время были обо мне.

Я протянул чару обратно.

- Разве я дала повод каким-то сомнениям? – отпрянула княгиня. Но, обернувшись на домочадцев, собравшихся вокруг, обеими руками приняла чару и… выронила ее. Я едва успел выхватить из-за пазухи крест-мощевик и перекрестил жену. Та вскрикнула, упала, забилась в судорогах. Пуская изо рта пену, закричала хриплым голосом: «Нет-нет-нет! Жже-е-е-т…»

И непонятно было: мужской он или женский. Все собравшиеся с ужасом и сожалением смотрели на нее. Но скоро судороги закончились, и княгиня застыла в каком-то скрюченном положении.

- Умерла! – всхлипнула одна из дворовых.

- Нет, - покачал головой отец Антоний, - несите ее в молельную. Там положите под иконостас.

Никто не двигался с места. Тогда я прикрикнул: «Чего ждете?! Делайте, как велено!»

Несколько мужиков и баб быстро подхватили княгиню и отнесли в терем. В молельной отец Антоний сделал три земных поклона и попросил всех выйти. Я прошел в горницу. Люди суетились, бегали… Я остановил их опять, прости, Господи, криком. Потом приказал встать вдоль стен. Сел на лавку, чтобы видеть всех.

- Кто из вас Настасья? – твердо, спокойно спросил я. Черноволосая, смуглая девушка вздрогнула, вскинулась, но тут же оказалась скрученой Афанасием и Филиппом. Ее поставили передо мной на колени.

- Чья ты? Откуда? – спросил я.

- С южных земель. Сирота. Бежала из полона. Дошла до Москвы. Просила милостыню на торге. Княгинюшка увидела меня. Пожалела. Взяла к себе, - всхлипывала она. Я помолчал. Обвел взглядом всех собравшихся. Продолжил: «И сколько же тебе заплатили, за то, чтобы ты привела княгиню к колдуну или колдунье?»

- Я… нет… они заставили.., - распласталась Настасья передо мной.

- Лжешь!.. Посмотри-ка, Афанасий, есть ли на ней крест.

- Вроде как есть, - прозвучал ответ, - только странный какой-то… Я таких и не видал… Петелька вместо верхушки…

- Ладно… Крест – он завсегда крест! – махнул я рукой. И снова обратился к Настасье: «Так сколько же тебе заплатили? Я мог бы понять, была бы ты нехристью… Но ты веру нашу продала! За сколько?»

- Бусики янтарные… Сережки… Золотых монеток малый мешочек, - каталась та по полу, - ма-а-алото, конечно…

- Янтарные, говоришь? А ведаешь ли ты, где янтарь водится? В море литовском! А там – главный враг земли Русьской – Ягайло! Не от него ли ты пришла?

- Нет-нет-нет! С южных земель я! А-а-а! – она забилась головой об пол.

- А откуда же ты ведаешь, что бусики эти янтарем называются?

- Дядька, который дал их, так говаривал! Я и запомнила… Название красивое. - рыдала она.

- А ну, прекрати выть! Москва слезам не верит! Тем паче, таким показушным! – легонько пнул ее Афанасий.

- Ну, что с ней делать? – снова обвел я взглядом всех собравшихся. И вместо первоначального ужаса прочитал в их глазах презрение к Настасье. В это время из молельной раздались крики Аллы. Слов невозможно было разобрать… Звучали какие-то рыкания, хлюпания, хрюкания…

- На цепь ее, – скрипнул я зубами, кивнув на Настасью, - в нижнюю подклеть! На солому, хлеб и воду!

Афанасий с мужиками скрутили девушку и увели. А я подошел к двери молельной. Прислушался. Но теперь из-за нее слышался только монотонный, читающий молитвы, голос отца Антония. А вскоре он и сам вышел из молельной. Сосредоточенно вытер пот со лба: «Ну, слава Богу! Сейчас ее надобно уложить в постель. Давать только Святую воду и просфору. А завтра я попробую причастить ее Святых Таин. А где ж та, которая водила княгиню к колдуну?»

- На цепи, отче, в подклети. Сдается мне, что она – соглядатаица Ягайлова. - поклонился я.

- Ох-ох-ох! Грехи наши тяжкие! Если б так, а не чего похуже, - вздохнул отец Антоний, перекрестясь, - во всяком случае, ее лучше убрать из твоего терема.

- Куда ж, отче?

- Пойди к Великому Князю. А лучше - к Володимиру Ондреевичу. Расскажи, так, мол, и так: похоже, лазутчица Ягайлова. Тот ее – в подвал Чудова монастыря устроит… Там ей лучше будет.

- Афанасий! – крикнул я. Но никто не отозвался.

- Филипп! - еще громче позвал я. И опять в ответ – молчание!

- Эй! Кто нибудь! – раздражение вселялось в меня. Из-за одной двери показалась голова девушки.

- Помогите княгине, - кивнул я ей, - уложите в постель. Дайте Святой воды и просфору.

- Только с молитвой! – дополнил отец Антоний. Я отправил отрока проводить батюшку, а сам решил спуститься в подклеть.

Всего четыре дня меня не было в квартире Святослава, но она показалась мне такой родной и близкой. Я ходил, гладил кожу дивана, книжные полки, шторы, бра… На лоджии с удовольствием вдохнул наполненный смоком воздух… Дым Отечества… Но надо было брать себя в руки из этой синтементальности и идти в душ. Так я и сделал. Однако, воспоминания о Воже и Лужках не выходили из головы. Наоборот, мысли работали только в их направлении. «Да, современный городской житель с тоски помрет, если вдруг в одиночестве хотя бы на зиму останется в деревне! – подумал я, представив непогожие вечера в той же избе дяди Леши, - Но ведь сколько поколений русских людей всю жизнь так жили! И не померли! И были умными, добрыми, верущими… А! Что об этом думать?! Где родился, там и пригодился!»

Выйдя из душа, я пожарил себе яичницу на сале из Лужков с хорошим куском баранины. Выпил стопку самогонки. Покурил. Прилег на диван. Начал дремать. Вдруг ни с того, ни с сего, вспомнились приключения с кукарекавшей без головы курицей и русалкой. «А вдруг там действительно была заблудившаяся девушка из Москвы или Рязани… Вдруг ее саму нечисть к омуту подвела?! Мы не пришли к ней на помощь, а она сорвалась и утонула в омуте?!» – обожгла меня мысль.

Я понял, что надо срочно идти к отцу Валерию: эдак, можно столько на себя «навешать»… Когда я вошел в храм, Всенощная уже началась. А я ощутил еще одно родное место. И вдруг увидел себя-пятилетнего. Я улыбнулся ему. А он приложил палец к губам, кивнул в сторону Святого Алтаря и перекрестился: мол, молись, а не по сторонам глазей. Боже! Как же я давно его не видел! Радость-то какая! И молитва моя полилась сама собой.

Отец Валерий после Всенощной сам подошел ко мне.

- Ну, как съездил? – почему-то очень внимательно глядя мне в глаза, спросил он.

- Слава Богу, батюшка! Вот только приключения были не из самых приятных…

И я рассказал ему о курице и русалке

- А когда конкретно, по датам это было? – почему-то спросил он.

- Вечером и в ночь с 31-го апреля на 1-е мая... - недоуменно пожал я плечами.

- И-и-и, милый! Вы еще легко отделались!

- Что-о-о?

- Легко, говорю, отделались! Ты знашь, что это за ночь?

- Не-е-ет…

- Это – ночь самого разгула нечистой силы! В котором часу все произошло?

- Курица закукарекала где-то в обед… А вот девица звала около полуночи… Точно!

- Вот-вот! Не знаю, что бы с вами стало к полуночи, если бы вы «это», - курочку-петушка, - съели. А затем, когда не удалось вас поймать на чревоугодии, русалка, опаздывавшая на шабаш, по пути решила утопить хотя бы одного. Но, заметь, того, у кого есть крест… А мысли при этом у вас какие были? Эх, мол, девочка подоспела… Глядишь, развлечемся, - по-блу-дим! А? Герман-то ваш, - я не понял, - крещеный?

- Скорее – наоборот. От «Святого Крещения» - наоборот. - хмыкнул я. Отец Валерий от удовольствия даже крякнул: «Сразу видно человека, работающего со словом!»

- Батюшка! Так значит, 1-е мая – совсем не день солидарности трудящихся?

- Ну-у-у, громко говорить, а тем паче комментировать такой, прости Господи, праздник еще рановато… Но лет через десять-пятнадцать, Бог даст, ты об этом и написать сможешь. А пока, чтобы смог в будущем написать, держи язычок за зубами… А с другой стороны, этот Герман, возможно, сам не подозревая того, в какой-то мере, спас тебя и Евгения…

- Как это?

- Об этом мы потолкуем как-нибудь потом. Ты же не забудь заказать благодарственный молебен о благополучном возвращении. А дома в ближайшее время почитай Святое Евангелие от Иоанна… Это – по поводу Германа…

Он благословил меня широким крестом и ушел в Алтарь. Я сидел, размышляя над его словами, пока меня не окликнула инокиня Мария: «Александр! Ты, похоже припозднился… Что-то случилось?»

- Спаси Господи, матушка! Все у меня – просто чудно! – вдруг неожиданно для самого себя весело ответил я.

- Спаси тебя Господи! – перекрестила она меня и ушла. Я вышел из храма. В Москве стояли теплые, тихие майские сумерки. Под стать им было и мое настроение. Поэтому я допоздна бродил по Тверскому, Суворовскому бульварам, Большой и Малой Бронным, Патриаршим прудам… Вернувшись домой и наскоро поужинав, помолился и быстро заснул.

А утром мне показалось, что тяжелые свинцовые снеговые тучи вползли в лоджию. За стеклом ледяной ветер издевался над деревьями. Впрочем, я вспомнил слова отца Валерия, что стихиями управляют Ангелы Божии. Значит, так надо! И всякая непогода посылается либо в наказание, либо во искупление грехов, либо для укрепления в вере.

- Слава Богу! – вздохнул я, увидев, что термометр снаружи показывает «+4», - А Слава Богу еще и потому, что мы вовремя уехали из Лужков… Каково было бы сегодня возвращаться?! Я выпил горячего кофе, натянул свитер, застегнул до подбородка куртку и выскочил в месиво холода, ветра и дождя. Надо же было ехать на работу. На троллейбусной остановке нельзя было протолкнуться. Какой-то старичок пошутил: - Обычное майское похолодание: дуб распускается, черемуха цвести начинает… А у них – стихийное бедствие: троллейбусы даже встали!

Люди, шмыгая носами и покашливая, заулыбались. Наконец, троллейбус подошел. Переполненный! Вдруг девушка, пытавшаяся войти в него, подскользнулась и, держась руками за поручни, всем телом едва не съехала под самое колесо… Я успел подхватить ее за талию и выдернул из-под троллейбуса. Его двери тут же закрылись прямо перед нами.

- Спасибо! – улыбнулась она мне. И повернувшись в другую сторону, крикнула кому-то: «А ты, козлина, чего тормозишься?! Если бы не этот мужчина, сейчас бы у тебя уже не было сестры!»

Как-то неестественно было слышать это от девушки с тонкими чертами смуглого лица, с огромными темными глазами, пухлыми, чувственными губами и иссиня черными, в мелких завитках, длинными волосами…

- Я что? Я – ничего! Это ты сама ломанулась, словно кобыла на ипподроме! - раздался сзади мужской голос.

- Я тебе сейчас покажу кобылу сумкой по голове! Ладно… Опаздываем.. Если бы не люди! Подожди у меня!

После этих слов она снова улыбнулась мне: «Не обращайте внимания! Это у нас с братом - игра такая. Меня зовут Анжелла.»

- Александр… - слегка склонил я голову и ответил на рукопожатие тонкой невесомой руки в лайковой перчатке.

- Ага! Только она,– теперь из-за моей спины вышел парень, - Анжелика - маркиза чертей!

Он протянул мне руку: «Макс. Я вообще-то, действительно, что-то замешкался… Спасибо, что спасли сестру.»

- Не стоит! – мотнул я головой. В это время подошел троллейбус. Народу было чуть меньше, поэтому мы быстро втиснулись в него. Но стояли все-таки прижатые друг ко другу.

- А вы здесь живете или работаете? – спросила Анжелла.

- Живу… - кивнул я.

- Вот здорово! У нас с Максиком здесь тоже родители живут… Нам они оставили кваритру на Кутузовском, а здесь, на улице Алексея Толстого, папа получил новую. Мы у них сегодня ночевали. А сейчас – в институт! Так не хочется! А надо! Ди-и-иполм!

- А где вы учитесь? – поддерживал я разговор, тайно любуясь Анжеллой.

- В МГИМО. Я – на экономическом. Максик… Ну… он, вобщем, – на закрытом факультете…

В это время я взглянул в окно и увидел, что подъезжаю к своей остановке.

- Простите, мне пора выходить. Рад был познакомиться…

- О-о-о! Сдается мне, – остановила Анжела меня за рукав, - вы работаете в МИДе?!

- Нет, что вы?! Рядом с ним…

- Бай-бай! – произнесла она с интонацией подруги Шляховского Сони, - Уверена! Еще увидимся!

«Хорошо бы!» – размечтался я: девушка была действительно классически хороша собой. «Если она так с братиком разговаривает, то как будет выяснять отношения с мужем?!» - съязвила, появившаяся невесть откуда, мысль… «Ты смеешься?! – вторила ей другая, - Выпускница МГИМО и ты?! Па-а-роч-ка! Ха-ха!» «Что здесь смешного, - заспорила вдруг третья, - Есть живой пример: Шляховский и Соня!» «У Шляховского – своя квартира! - не унималась вторая, - А давай-ка, вспомни Татьяну! Ты уверен, что Анжела – православная? Наверняка, - нет! А захочет ли придти к вере? Навряд ли! А как тебе понравились словечки, которыми она перекидывалась с братиком?» «Ладно! – отрезал я сам, когда уже входил в здание «Главснаба», - На все воля Божия!»

Дежурить пришлось опять с молчуном. Я постоянно ловил себя на мыслях об Анжеле, представляя ее тонкие невесомые ладони, лицо, волосы, грудь, рвавшуюся из блузки под расстегнутым плащом… И не с кем, и не на что было отвлечься. Не давалось и чтение… Строчки сливались… Слова, случайно прочитанные, пролетали мимо меня.

«Мужчина, который смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею!» - подсказала мне мысль. «Ну… Не прелюбодействует, в нашем случае, а блудит! – пыталась успокоить вторая, - Ты ведь не был венчан ни с кем… К тому же это все пока – помыслы!» «Помысел становится грехом, если ты усладился им! Не отогнал его!» - твердила первая. «А как отогнать, если не с кем и не на что отвлечься?» - спорила вторая. «А молитва? - нашлась первая, - Есть же в Церкви молитва на отгнание блудных помыслов!» «Что? Здесь?! При молчуне?! – хмыкнула вторая, - А ну, как введешь его в искушение?! К тому же в молитвослове ее, кажется, нет…» «Есть еще и Иисусосва молитва!» - не унималась первая.

И в самом деле, после нескольких повторений Иисусовой молитвы, мысли об Анжеле оставили меня. Но стоило отвлечься на проверку документов или объяснение посетителю местонахождения того или иного отдела, как мысли о девушке

набрасывались вновь, рисуя картины, одна живописнее и, - что греха таить, - страстнее другой. Так, мятежно, прошло еще одно дежурство…

Дома, выспавшись и приведя себя в порядок, я взялся писать о самодеятельных художниках со станции Рыбное. А мысли возвращались к Анжеле. Так, выдавливая из себя по строчке, я просидел до позднего вечера. Злился на себя: видел, что ничего не получается… Наконец, отшвырнув от себя листы бумаги, я решил выйти на улицу. Пройтись. Проветриться. Под ветром и ледяным дождем, подняв воротник крутки я несколько раз обошел Патриарший пруд… Промерзнув до костей, направился к дому. Разделся. Помолился. Принял горячий душ. Улегся на диван. И уже начал, было, засыпать, как вдруг раздался телефонный взонок.

- Открой, пожалуйста свою входную дверь! – услышал я в трубке голос… Анжелы.

- Ты?.. – чуть не задохнулся я.

- Да-да! Я! Открывай! Тихо и быстро! – уже шепотом произнесла она и повесила трубку. Ничего не понимая, забыв от растерянности натянуть брюки, я открыл дверь в квартиру. И тут же был увлечен напором Анжелы, толкавшей в комнату, потом - на диван и, наконец, оседлавшей меня. Она была в коротком шелковом халатике, под которым горело и дрожало голое тело… Боже! Что она вытворяла! А я не мог остановить ни ее, ни себя!

- Так вот, оказывается, кто мой спаситель! Таинственный сосед! - наконец, отдышавшись и закуривая, произнесла с улыбкой она. Встала. Не стыдясь наготы, подошла к двери на лоджию.

- Как ты узнала, где я живу? – приподнялся на локтях.

- Очень просто. Возвращалась из института. Вижу: идешь ты. Такой тихий, задумчивый! За-агадочный! Я приостановилась. Жду: куда же ты дальше пойдешь. И очень обрадовалась, когда ты вошел в подъезд дома, где живут мои родители. Прикинула, что знаю всех жильцов. И поняла: ты – тот самый танственный молодой мужчина, который поселился в квартире дяди Славы… А ты еще и врушей оказался: мол, никакого отношения я к МИДу не имею… Вот это-то меня и задело: все тело вспыхнуло! А дальше - дело техники: приняла душ, прикрылась халатиком… Благо, отца еще дома не было, а мама, кроме телевизора ничего не видит и не слышит… Позвонила тебе… И вот, мы – вместе! Тебе хорошо? – она снова прыгнула меня, ласкаясь и лаская…

Но в эту секунду во входную дверь громо забарабанили, и из-за нее послышался грубый голос: «Открывай немедленно! Что ты там делаешь с моей дочерью? Я знаю: она – у тебя! Если не откроешь, я вызываю охрану и взламываю дверь!»

- Не вставай и не вмешивайся! – вскочила Анжела и, накинув халатик, открыла дверь. Встала в ее проеме, уперев кулачки в бока, и закричала: «Ты что лезешь не в свое дело?! А? Я – взрослая женщина! И сама пришла сюда! Именно - для секса! Понял? А ты со своими шлюшками сперва разберись! Увидел нас в своем шарике и сиди! Помалкивай! А если что ему плохого сделаешь, - она кивнула назад, на меня, - Я маме расскажу, что ты спишь с ее родной сестрой. Понял?»

- Ну, ладно-ладно, - потупился отец Анжелы, - только пару себе нашла бы подостойнее…

И тут я вспомнил, что именно его голос слышал сверху на лоджии. Что именно он - владелец стеклянного тибетского шара… Он выспрашивал меня в лифте, а потом предлагал подвести на персональной машине… Вот, я влип!

Анжела ногой захлопнула перед носом отца дверь. Подошла. Села на диван рядом со мной. Раскурила две сигареты, одну из которых вложила в мои губы. Встряхнула своими роскошными, в мелких кольцах, волосами.

- Вот зараза! Все желание пропало… Это - Макс, козлина, заложил! Ну, я ему устрою!.. – еще раз мотнула она головой.

- Как заложил? Ты что, сказала ему, куда идешь?

- Еще чего! Он очень по-хитрому всегда закладывает… Делает несколько вариантов предположений… А напоследок рассказывает что-нибудь… Вот и сегодня, видно, рассказал о нашем знакомстве… А отец посмотрел в свой стеклянный шар, как в телевизор… Увидел нас с тобой… И – пожалуйста! Явился – не запылился…

- Какой-такой шар?

- Да, привез он как-то забавный такой сувенир с Тибета… Ладно, ты не переживай! Нам с тобой еще лучше в другой раз будет! Бай-бай! – чмокнула она меня в губы и вышла из квартиры, захлопнув за собой дверь.

Я не знал: радоваться мне или печалиться… Бежать в церковь и рассказать обо всем отцу Валерию стало вдруг невыносимо стыдно! Значит, надо печалиться… «Через Анжелу ты можешь выведать тайну стеклянного шара!» - вдруг вспыхнула мысль. «А не страшно? Да и честно ли будет выведывать гостайны у девочки?» - стерегла другая. «Анжелочка-то влюбилась! Быстро расколется!» - хихикнула еще одна. «А дальше что?! – хмыкнула вторая мысль, - Ты же, как сказал ее папа, - пара недостойная! А уж он-то все сделает для того, чтобы вы не были вместе… Наверняка и женишка для Анжелы подыскал уже под стать себе!»

Я не заметил, как заснул. А утром встал бодрым и свежим. После душа и чашки крепкого кофе с бутербродами сел за письменный стол. Уже через два часа я перепечатывал готовый материал о рыбновских самодеятельных художниках.

«Неправильно говорят про литераторов, мол, познавший женщину, молчит семь дней!» - довольно хохотнула во мне мысль. Анимаисса, в кабинете которой я оказался часа в четыре, прочитав материал и просмотрев фото, хмыкнула: «Добротно. Эмоционально. Художественно. Пойдем в отдел культуры. Еще раз замолвлю словечко.»

Мой материал с ходу приняли к публикации.

- А для производственного отдела привез что-нибудь? – спросила Анимаисса, когда мы спускались по лестнице в ее кабинет.

- Прости, нет. Не было времени.

- Ну, вот! Ты меня огорчаешь! – надула она губы.

- Обещаю исправиться и отработать, - улыбнулся я.

- Так и быть, прощаю, - встряхнула она волосами. А мне при этом вспомнилась Анжела. Вечером я вышел покурить на лоджию… И вдруг, услышал, как Макс разговаривает с отцом.

- Ну что ты переживаешь? Через неделю Анжела защитит диплом. Мы с ней махнем на Канары. А оттуда она сразу – в Рим, на место распределения. И там забудет этого профана! Да и не такая она, чтобы влюбиться! Девочка - взрослая! Понимает, что долг - превыше всего! Ты же сам говорил, что наши женщины должны уметь соблазнить любого мужчину. Вот она и тренируется! – хохотнул Макс.

- Как бы не проболталась она о наших делах, - сокрушался отец, - Я-то, старый осел, слишком много лишнего при ней говорил.

- Если что и скажет, этот профан не поймет… Слишком добрая, честная и наивная у него физиономия! Кстати, когда, наконец, произойдет мое посвящение?

- Отдохнешь, сынок, на Канарах, а там и поговорим… Скоро, скоро уже! Пошли ужинать!

Из всего услышанного я понял, что меня считают ослом, профаном, и скоро мы с Анжелой расстанемся. Впрочем… «Профан… Профан… Где-то я это уже слышал… Нет, не в обычном значении слова, а в каком-то особенном…» - завертелось в мозгу.

Но ответа не находилось. До полуночи я ждал Анжелу. Она не пришла и не позвонила. Вся ночь прошла в какой-то полудреме. То виделись люди в черных плащах и масках. Они располагались полукругом, приставив шпаги к обнаженной груди Анжелы. А на шее у нее почему-то висел обрывок толстой веревки… То перед

моими глазами появился огромный стеклянный шар, внутри которого в языках синего пламени корчилась, извивалась, словно змея, Анжела. Только лицо ее почему-то улыбалось… И тут я вдруг осознал: это она так танцует…

А вокруг шара распростерлось страшное человекообразное существо с длинным крюкообразным то ли носом, то ли клювом… Страшилище было покрыто то ли лохмотьями, то ли перьями, то ли лохматой, грязной, вздыбившейся шерстью. При этом оно то ли хохотало, то ли каркало, то ли хрюкало… А может быть, эти звуки доносились из шара… Несколько раз я вскакивал, шел на кухню, пил холодную воду. И лихорадочно думал: что-то я должен в этом случае сделать, чтобы избавиться от видений! И вчера вечером я тоже о чем-то забыл! Что-то очень важное не сделал! Что?..

И не находил ответа!

Не выспавшись, с тяжелой головой я потащился на работу. Пропустил два троллейбуса в надежде, что сейчас на остановку из подземного перехода поднимется Анжела. Но ее не было. В результате, я опоздал на дежурство минут на пять… Но и там все валилось из рук… Я машинально проверял документы, в которых строчки расплывались перед глазами. Не мог собраться, сосредоточиться, будто кто-то скомкал мою душу, словно папиросную бумагу. И теперь, на сгибах, она готова порваться…

«Душа?.. - вопросительно зазвенела мысль, - Что же нужно, чтобы она стала вновь гладким, чистым листом бумаги?» «Уже не станет!» - пронеслась откуда-то другая. «Почему?!» - возопила первая. «Потому что забыл…» - издевалась вторая. «Что? Кого?» «Главное!» - был ответ.

И я провалился в дремоту. Но сон, привидевшийся в предыдущую ночь, повторился. Только теперь к нему прибавились какие-то танцы, а которых люди извивались, кривлялись, прыгали, раздеваясь при этом. Затем все они сплелись в повальном грехе. И в этом многоруком, многоногом, многоголовом чудище, среди незнакомых мне мужчин и женщин я вдруг узнал Анжелу и Макса…

«Уйди оттуда! – захотелось мне крикнуть Анжеле, - Что ты там делаешь?!» Но губы мои даже с невыносимой болью, которую ощущалась каждой клеточкой тела, разжать было невозможно… Воздуху не хватало… И тут я проснулся. В холодном поту. Старичок-молчун оторвался от газеты, взглянул поверх очков на меня. Спросил: «Чего вскинулся-то? Времени – половина третьего… Или сон дурной увидел?»

Я помотал головой: «Дурной… Сон… Ложитесь-ка вы отдыхать. А мне лучше пободрствовать.»

Старичок вдруг неожиданно хмыкнул: «Дурные сны случаются либо после дурных дел, либо для предостережения от оных.»

Потом он прокашлялся и завалился на кресло-кровать. А я вышел на улицу покурить. Заметно потеплело. «Завтра можно будет уже выходить без куртки, - подумал я, - А сейчас надо устать до изнеможения!» Поэтому, зайдя в помещение, начал вспоминать самые тяжелые физические упражнения, которыми нас тренировали в военном училище. И часа через полтора уже весь расстекался по стулу от усталости. Даже дремота напала. Но не надолго: опять представилась Анжела…

«Наваждение какое-то!» - вспыхнула мысль. «Давно пора было семью завести! Тогда и наваждений не было бы, - ответила ей другая, - Только слишком капризный ты: и эта тебе – не та, и другая – не эта! Смотри, доперебираешься!»

- Да-да…, - как-то неуверенно, но вслух, согласился я.

- Что ты сказал? – вдруг открыл глаза старичок-молчун. Потом внимательно посмотрел на меня и сказал: «Езжай-ка ты, парень, домой. Гляжу: не в себе ты. А дежурство я сам сдам.»

- А если проверка? – посмотрел я на часы. Они показывали без четверти шесть.

- Сейчас сходи по этажам и проверь печати, двери, окна. Как раз, к половине седьмого управишься. А в это время уже никаких проверок не будет.

Так я и сделал. А при входе в подъезд своего дома столкнулся с… Анжелой.

- О! Привет! – чмокнула она меня в щеку. - Откуда это ты? От какой-нибудь шлюшки? Ха-ха! Я шучу… Это – твои дела. И меня они не волнуют.

- С дежурства, - вздохнул я.

- Бедненький! – погладила она меня бархатной ладошкой по щеке. И вдруг спросила: «А что это ты такой зеленый, как крокодил Гена? Уж не влюбился ли?»

Я отвернул глаза… А она взяла меня под руку: «Пойдем, проводишь до троллейбуса… А я, вот, влюбляться себе не позволяю. Не имею права. Ради общего дела! А чувства, эмоции, - слюни, там, слезы, сопли, - могут только помешать. Конечно, придется выйти замуж за какого-нибудь торгового или военного атташе. Но он будет весь в своих делах, со своими любовницами. Я, естественно, рожу ребеночка, двух, от силы… От кого-нибудь из любовников. Например, от тебя! Если ты через несколько лет согласишься. И снова – за общее дело. Оно-то ведь – вселенского масштаба! Но, не спрашивай: я подписку давала… Вот… И будет у меня внешне благополучная, даже примерная, дипломатическая семья, отражающая торжество развитого социализма… Ха-ха!.. Жаль мне с тобой расставаться. А знаешь что? Определю-ка я тебя в хорошие руки! Может быть, со временем и окажешься моим единомышленником. Будем вместе делать общее дело! Я к этому времени и словечко за тебя смогу замолвить! Вобщем так. У меня на Кутузовском сегодня бывшие одноклассники собираются в наш цветничок. Ты меня встречаешь.., встречаешь.., да, в половине пятого у входа в магазин «Хлеб» на Новом Арбате. И мы едем ко мне. Там все уже будут в сборе. Их Максик встретит. Он сегодня диплом защищает… К обеду должен отстреляться. Вот, его дипломчик и обмоем. А теперь иди, отмой свою зеленую тоску контрастным душем, выспись. Бай-бай!..»

И она вскочила в подошедший троллейбус. «Ну, - подумал я, - после вечеринки, может быть, останусь у нее». Сердце кольнула сладкая истома. Я влетел к себе в квартиру. Принял контрастный душ, пожарил и проглотил яичницу, запил ее молоком, завалился спать. И удивительно! Спал безо всяких сновидений, томления и тоски. А в два часа был уже на ногах. Перекусил. Выпил кофе. Погладил брюки и рубашку.

…- Я не опоздала?! – то ли спросила, то ли утвердила Анжела, подбегая точно в срок и чмокая меня в щеку. - О! «двойка» подходит! Бежим!

Мы вскочили в троллейбус и через двадцать минут уже подходили к большому дому, увешанному мемориальными досками.

«Брежнев… Суслов.., - читал я про себя, и подумал, - Какой же пост занимает ее отец, если жил в эдаком доме?» В подъезде Анжела спосила дежурную в стеклянной будке: «Максик пришел?»

- Пришел-пришел! И уже похвастался: диплом защитил на «пять»! Мо-ло-дец твой Максик! – радостно, словно речь шла о ее внуке, проговорила та.

- Yes! – дернула вниз локтем, со сжатым кулачком, Анжела и запрыгала, хлопая в ладоши!

- И все ваши - в сборе! Смотрю и любуюсь! Сколько лет после окончания школы прошло, а вы все собираетесь! Все в люди вышли! И ни разу пьяных не видела! – продолжала старушка.

- У нас – другие интересы! – хмыкнула Анжела. И мы вошли в лифт.

… - А вот и наша Анжелика – маркиза.., - начал высокий, статный блондин в дорогом костюме, белоснежной сорочке и галстуке, когда мы вошли в просторную гостинную.

- …чертей! – перебил его Макс.

- Представляю всем! - хлопнула в ладоши Анжела и показала на меня, - Это – Александр, мой хороший друг, выдернувший меня из-под троллейбуса. Я даже колготки не порвала! Уезжая, и очевидно надолго, передаю его в ваши добрые, ха-ха, чуткие руки. Любите! Жалуйте! Чтобы к моему первому отпуску он был уже нашим… Ну.., полноправным членом цветничка!

- Прекрасно! Не случайно, – потер одну о другую холеные ладони блондин, - у нас как раз новая членесса появилась. Ее Кеша привел. Опять получается четное число!

- Это – Влад, заведующий отделом ЦК ВЛКСМ. В его-то годы! Не удивлюсь, если лет через десять увидим его портрет в «Правде» среди членов Политбюро ЦК КПСС. Это – Мариша, домохозяйка. Ее муж – политобозреватель ТАСС. Это – Галя. Ее папа – секретарь парткомитета Госкино.., - знакомила меня с присутствующими Анжела. А их оказалось двенадцать человек.

- Влад, - наконец, обратилась она к блондину, - ты, как старший, - я специально не говорю чин, - позволишь Александру поприсутствовать на нашей службе?

- В качестве наблюдателя! – строго ответил тот, - Твоя рекомендация не позволяет сомневаться в его порядочности и умении держать язык за зубами.

Свет в комнате был притушен. Двое молодых людей как-то торжественно внесли какую-то фигурку сантиметров тридцать в длину, задрапированную черным бархатом, и положили ее на вертящийся столик. Все присутствующие надели черные накидки с капюшонами. Зажгли темные свечи. Влад стал читать что-то по толстой старинной книге. Странно показалось то, что листал он ее наоборот, с конца на начало… И слова были сплошной тарабарщиной! Потом мне стало смешно: взрослые люди играют в какой-то рыцарский орден. Вдруг я почувствовал, что нательный крестик обжигает мне грудь… Влад поднял вверх подсвечник с двумя черно-красными витыми свечами. Распеленал фигурку. Она оказалась восковым, грубо слепленным подобием человека.

- Вот он - враг! Предатель! Ваш суд, братья и сестры! – каким-то заунывным голосом проговорил Влад.

- Смерть…

- Смерть…

- Смерть… - повторял каждый, подходя к фигурке и вонзая в нее большую цыганскую иглу, к которой был припаян золотой эфес.

Мне стало до тошнотворности противно: что-то в этой игре было непонятно ужасным, пробирающим все тело каким-то холодом… Но тут зажегся свет. Все сбросили накидки с капюшонами. Большую книгу унесли. Но я успел заметить, что на корешке ее золотилось название*: Святое Евангелие*…

«Так значит, Влад… читал именно его, только наоборот… Где же я слышал о подобном ритуале?» - сверкнула мысль. Но ее перебил громкий, трибунный голос Влада: «Официальная часть нашей встречи закончена. Переходим к неофициальной. От имени всех, здесь собравшихся, я поздравляю Макса с защитой диплома на «отлично» и желаю ему в дальнейшей, очень ответственной его работе неуклонно претворять наши великие идеи в жизнь!»

На вертящемся столике появился большой поднос с невиданными мною даже у Святослава бутылками. Здесь же стояли бокалы. На тарелках сверкали бутерброды с черной, красной икрой, семгой, сырокопченой колбасой, чего я давненько не видывал на прилавках магазинов. Анжела наполнила бокалы. Каждый брал то, что ему приглянулось, подходил, поздравлял Макса, чокался с ним. Девушки целовали его в губы, прижимаясь к нему всем телом. Мужчины пожимали руку, обнимали, хлопади по спине… Пока шли поздравления, я спросил Анжелу о восковой фигурке.

- А-а-а! Не обращай внимания! Был у нас тут один… Захотел обнародовать наши игры в прессе, - отмахнулась она, - заявил в органы… Забыл только, с кем

связывается! Он сейчас – в психушке. Но и там ему мало не покажется! А фигурка… Это - так, символика!

Я тоже подошел к Максу, поздравил. А он шепнул в ответ: «Надеюсь, после сегодняшнего вечера ты поднимешься на первую ступеньку нашей маленькой пирамидки?!»

Бокалы наполнялись еще и еще… Но после третьего тоста Влад поднял руку. Все замолчали.

- А теперь, - провозгласил он, - Вспомним детство! Ро-маш-ка!

Анжела включила музыку. Девушки стали пританцовывать и… раздеваться. Анжела, извиваясь всем телом, глядя на меня, медленно расстегивала блузку.

- Ромашка?.. – спросил я, недумевая.

- О-о-о! Это – тоже игра, – с придыханием ответила она, - в которую мы еще с седьмого класса играем… Девочки ложатся кругом, а мальчики переходят от одной к другой… Что же ты? Раздевайся! Я же обещала, что будет еще лучше! Тут тебе наши такой класс покажут!.. Только… Я в прошлый раз заметила у тебя на груди крестик… Понимаю, это входит в моду… Но здесь ты его все-таки сними… У нас не принято…

- Да-да.., - кровь ударила мне в голову, - я – сейчас…

- А-а-а, понимаю. Туалет – первая дверь направо, ванная – вторая, - улыбнулась она и развернулась, покручивая бедрами и через голову снимая юбку…

Я вышел в прихожую. Нательный крест нестерпимо жег грудь. Выскочив из квартиры, я пустился по лестнице, перескакивая через три ступеньки. Но горячая, булькающая мысль сверлила виски: «Куда ты?! Вернись! Там ты так отдохнешь… Ну, подумаешь, на несколько часов снимешь крестик… Не убудет… Потом снова наденешь… Никто даже не узнает… Отдохнешь, развлечешься, да так, как нигде и никогда у тебя не было!»

Выскочив из подъезда, я пробежал по двору. На проспекте остановил такси.

- Куда? – вяло спросил водитель.

- На улицу Алексея Толстого.

- Это же – в другую сторону…

- Ну, так развернись! – прикрикнул я в страхе оттого, что горячая мысль успеет убедить меня вернуться… Таксист что-то попытался сказать, но, скользнув взглядом по мемориальным доскам на доме, включил счетчик и нажал на газ. А я почувствовал, что нательный крест теперь освежает вспыхнувшую горячим потом грудь.

«Ты же забывал все эти дни молиться!» - как-то жалостливо, по-доброму укорила меня мысль. «Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, помоги!» - не разжимая губ, языком пошевелил я.

Не успел я взяться за ручку двери, ведущей в подклеть, как она сама отворилась с такой силой, что меня отбросило в сторону. А из проема выскочила огромная черная собака… Нет! Волчица! Морда и передние лапы ее пузырились густой кровью. Она зыркнула на меня и развернулась для прыжка… Я безсознательно правой рукой потянулся к сабле, а левой – к нательному кресту-мощевику. Очевидно, его я схватил первым, потому что волчица взвизгнула и огромными прыжками унеслась наверх по ступеням. Оттуда, из горницы раздались женский визг и мужская ругань… А я, вскочив, кинулся в подклеть.

Филиппа можно было узнать только по одежде. Лицо его и шея представляли собой сплошное кровавое месиво, свисавшее лоскутами на солому, где он лежал. Афанасий стонал, сидя и покачиваясь вперед и назад… Когда же он оторвал ладони от лица, я увидел пять глубоких царапин, изуродовавших моего доброго старосту. Тем не менее, он заговорил: - Привели мы ее сюда. Она стала умолять отпустить, обещала дорого заплатить… Филипп, как раз, распутывал веревки, связывающие ее… И спросил, мол, чем она заплатит, голь перекатная. Я принес в это время цепь. А она

вдруг вскочила, крутанулась вокруг себя и… превратилась в волчицу. Кинулась в горло и лицо Филиппу. Я огрел ее цепью… Она развернулась… Цепь только и спасла меня: когтями прошлась по лицу… Жжет-то как!

Афанасий опять прижал ладони к лицу.

- Быстро наверх! – крикнул я, сжимая в правой руке саблю, а в левой – крест.

- Филипп где? – с трудом поднимаясь, спросил Афанасий. Я взглянул на несчастного. Гортань и даже позвоночник были перекусаны. Голова держалась на одной коже.

- Ему теперь только священник нужен, чтобы канон на отход души прочитать, - перекрестился я, - потому как душу положил за други своя. Царствие ему небесное… Наверх!

В горнице я обнаружил перевернутые стол и скамьи… На полу и стенах сверкали капли крови. И, как я узнал, если бабы да девки разбежались, то мужики кинулись в бой с волчицей. Однако, она, поцарапав или прикусив нескольких, выбила грудью двери из терема и унеслась вдоль по улице. Теперь домочадцы наводили порядок. Я послал за отцом Антонием. Велел обиходить Филиппа, перевязать раненых. А сам пошел к Алле.

Она лежала все еще бледная, как полотно. Повернула голову ко мне, попробовала подняться на локтях, но не смогла.

- Любый мой! – прошептала, пытаясь слабо улыбнуться… - Когда же ты приехал? Как же я тебя не встретила?! Видишь, захворала… А как, когда, даже и не помню… Словно в бреду каком была… Таких страхов натерпелась… А где же Ольгушка?!

- Тише-тише, – погладил я ее по влажным волосам, - тебе нельзя говорить. Видишь, я вернулся. Жив и здоров. И все будет по воле Божией, - а значит, хорошо. Бог-то нам только хорошего желает. Пойду, займусь хозяйством. А ты поправляйся. Молись…

Я поцеловал ее в еще влажный, прохладный лоб и вышел из опочивальни… Отец Антоний стремительно вошел в горницу и сразу – ко мне: «Отрок твой пробубнил что-то невразумительное про оборотня, черную собаку какую-то! Объясни, чадо, толком!»

Я все и рассказал.

- Господи, помилуй! – выдохнул, перекрестившись, иеромонах. - Пойдем к убиенному! Душу его, витающую здесь без покаяния и напутствия, облегчить надобно.

- Он же – не за себя! Он же – за други своя! – начал, было, я… Отец Антоний покачал головой: «Неисповедимы пути Господни и святый Промысел Его! Пойдем-пойдем!»

Филипп уже лежал в гробу. Обмытый. Прибранный. Кожа на лице была положена на свои места. Раны присыпаны мукой. Шея укутана красной тканью. Афанасий сидел перед гробом, низко опустив голову, положив свою руку на сцепленные пальцы Филиппа, и беззвучно шевелил губами. Вокруг гроба горели свечи и лучины.

- Когда все успели-то? – тихо спросил я.

- Бог помог… Доски были уже готовы, словно предвидел кто: по размеру… Оставалось только сколотить. - шепотом ответил староста.

Отец Антоний начал читать отходную. Мы, как могли, подпевали…

- Я пришлю инока Псалтирь читать, - завершив молитвы, сказал отец Антоний, - а теперь, коли уж пришел, пройдем к болящей княгине.

Перед дверью опочивальни он остановил меня: «Побудь пока здесь…»

А сам постоял некоторое время, опустив голову и шевеля губами. Потом вошел. Меня же кто-то тронул за рукав. Я обернулся и увидел Афанасия.

- В сенях – отрок от Великого Князя. Говорит, что тот к себе тебя требует, - грустно проговорил староста. Я вздохнул: «Одеваться…»

Димитрий Иоаннович встретил меня хмуро: «Наслышан о беде твоей. Но беда Земли Русьской – погорше будет. Арапша осадил Рязань. И ведь возьмет!.. А после оборотнихи, что ко княгинюшке твоей в девушки навязалась, пришлось мне кованых ратников Ондрея Ольгердовича Полоцкого послать по Москве, дабы собак бешеных, покусанных ведьмачкой, перебить… Перебить-то перебили! Да и коней несколько, покусанных за ноги теми собаками, тоже прибить пришлось… Ну, дело - уже прошлое. Скачи, князь, в Орду. Мы мордву на днях накажем. А вот, как Мамай отзовется на это наказание? Надо бы нам все увязать! Мы, мол, пошли на мордву за то, что Арапша их использовал. За то, что мордва дала слово не нападать на нас, и обманула! Разумеешь? А тут и князь Олег придет с жалобой. Увы! Не ведомо нам, как отреагирует Мамай… А ну, как пошлет несколько туменов, - мордву-то он своей считает. Вот и надобно мне знать, где эти тумены пойдут, если пойдут… Дабы встретить их, да попотчевать по-русьски. На них у нас уже есть силы!»

- Когда выходить повелишь? – поклонился я.

- Через два дня. А пока княгинюшку обиходь. Владыко сказал, что она на поправку пошла…

- С кем пойду?

- С князем Герасимом и его сотней.

- С сотней?!

- Да-да, с сотней. Это теперь оправдано. Не думаю все-таки, что Мамай Арапшу за Рязань пожалует, как и нас – за мордву. Но нам сие – на руку!

- А почему только через два дня?

- Ты же мне своими вопросами договорить не даешь! А потому через два дня, что моя разведка сейчас устанавливает, как тебя величать, молодший князь земли Рязанский, обиженный Арапшей за твое верное с князем Олегом служение Мамаю. Жаловаться тоже едешь! Со своей сотней! Теперь уразумел?

- Да, Великий Князь.

- Ну, с Богом! Готовься. Послезавтра призову.

…Но ни через день, ни через седмицу Димитрий Иоаннович меня не кликал. Словно и забыл. Зато я теперь больше времени мог уделят хворой жене своей. Вскоре она уже встала на ноги. Почти ежедневно причащалась Святых Тайн, которые преподавал ей отец Антоний, неизменно посещавший мой терем. Он и объяснил ей все происшедшее. Алла при нем упала на колени передо мной и просила прощения…

Однажды к нам зашел князь Ондрей.

- Слыхал? – с порога начал он. - Арапша разорил и Рязань, и все земли вокруг. Князь Олег весь израненный ускакал в Орду. А еще, князя Феодора Ондреевича Звенигородского принесли. Места живого на теле нет! Любой другой давно бы душу Богу отдал. А этот жив! Митрополит Ляксий к себе его, в Чудов монастырь забрал. Сам ухаживает. Свибло к Покрову уводит московскую рать на мордву.

- А ты идешь? – спросил я.

- Не-ет. Куда? - махнул князь Ондрей рукой. - Мне Димитрий Иоаннович поручил готовить новых самострельщиков. Сотня моя при мне остается. Зато велено за осень и зиму не менее пяти сотен обучить.

- А меня Великий Князь три седмицы назад обещал призвать, но до сих пор молчит… - сокрушился я.

- Погоди! Призовет… Как княгинюшка-то твоя?

- Поправилась! Поведала, что не помнит ничего из содеянного. Но чуяла, мол, что вся горит в большом прозрачном шаре…

- Ох! Бесовское отродье! Сам бы их всех посжигал!

- Горяч ты, брат! – покачал я головой.

- Какой уж есть! Я же не про своих личных ворогов говорю! Они же – вороги Господа нашего Иисуса Христа!

Я улыбнулся и обнял его. В это время вошла княгиня Алла с подносом в руках. На нем стояли две чары с крепким медом, миски с моченными в бруснике яблоками.

- Дозволишь, князь? – спросила она, поклонившись, меня.

- Конечно, ладо моя! Ты не помешаешь…

Алла поклонилась князю Ондрею. Приподнесла чару. Присела рядом со мной. Спросила: «А что же ты, князюшко Ондрей, никак не женишься?»

- Такие, как ты, княгинюшка, не попадались! - подмигнув мне, ответил с улыбкой тот.

- Да я-то – самая распоследняя грешница! И за то, что учудила, князь Ляксандр должен бы меня до Литвы батогами гнать! – вздохнула жена.

- Ладно-ладно, – приобнял я ее за плечико, - и гнал бы, если бы не из любви учудила!

- А колдунью ту, или колдуна ты так и не отыскал? – обратился ко мне князь Ондрей.

- Ходил я туда с людьми… Нашел развалившуюся истбушку. В ней – никаких следов. Сбежало пугалище! Только в развалинах тухлыми яйцами воняет. До сих пор кафтан не выветривается! А отец Антоний сказывал, что это и есть самая вонь нечисти!

- Значит, именно твоя княгиня нужна была злодеям. Только, почему именно она? Ведь не от Ягайлы же они прибыли на Москву! – раздумчиво проговорил князь Ондрей. Потом потряс головой, как бы стряхивая думки. Но продолжил: «А вспомника, что нам рассказывали о новой ереси на востоке, которая и в орде появилась… Так вот, когда шел я изгоном от Городца, подобрал на дороге попа. Изможденный он был, весь побитый, - сплошной синяк! Но, слава Богу, живой! Подобрал я его, значит, к себе пристроил. А он и рассказал, как его церковку, где служил, да православных рабов ордынских окормлял, вдруг ни с того, ни с сего сожгли. И не тати какие! Ратнички из мамаева окружения. Жгли, говорит, и смеялись… Имя нового бога своего поминали, языками цокали… Мол, вот ваш Распятый не может спасти Дом Свой, а наш, как его.., ах да.., Аллах сильнее будет, однако… Прости, Господи!

- Как ты сказал? – вскинулся я, взглянув на Аллу. Она тоже вся напряглась…

- Аллах! – недоуменно откинул голову князь Ондрей. Но, словно обоженный думкой, тоже взглянул на мою княгиню. Она же поначалу задумалась, потом покачала головой: «Нет-нет! Какая здесь может связь?! Имя мое – готфское. А вера новая – на востоке. Нет-нет… Это, полагаю, бесовская придумка, дабы столкнуть нас с ордой!»

- Погоди-погоди! А помнишь, что мы слышали про Тибет? – задумчиво продолжал князь Ондрей.

- Да-да… Ох! Не нашего ратного ума это дело! Однако, – покачал я головой, - надо бы отца Антония повыспросить. Лучше бы, конечно, владыку… Но у него и без нас дел хватает. К тому же, - ты не заметил, – как с каждым днем слабеет наш митрополит?!

- Будем молиться, чтобы Господь продлил дни его жизни земной, - перекрестилась Алла, - ведь именно по его молитвам отец Антоний исцелил меня… И я вразумление получила…

… Провожая князя Ондрея, я вышел с ним на крыльцо. И столкнулся лицом к лицу с отцом Антонием. Взяв благословение, спросил о возникшем недоумении. Он опустил глаза. Помолчал. Потом заговорил: «Велика тайна сия! И открывается нашим хворым грехами умишкам лишь песчинкой со дна Москва-реки… А та, - песчинка, - лежит на дне, под тяжестью и толщей воды. Владыко наш как-то говорил по поводу ваших думок. Так вот, Господь совершил великое благо для Русьской

Земли, наслав на нее поганых. И все поражения наши – в потери благодати от наших грехов. От них мы потеряли духовность, а с нею – благодать Божию. Ну, разве может человек высокой духовности и молитвенности поднять руку на брата, - по вере ли, по крови ли, - возжелать его добра, жены, земли?! Разве может он победить в битве? А она ведется не только на ратном поле, но и на полях наших необъятных сердец. Какой дух был на Пьяне-реке? Дух там мог быть только лу-ка-вый! Не у всех, конечно! И Господь показал поддавшихся лукавому, и других. Пример тому – вы, чада, князь Феодор Звенигородский… Но именно непобедимость духовная таких, как он, подстегнула врага рода человеческого искать новые орудия против Божиего Русьского народа. Ведь чтобы убить нас, как стадо Божие, как народ, надо убить в нас Православие. И кинулись слуги сатаны со всех концов мира в орду. И придумали веру, которою объявили войну Святому Православию. И уже не только телу, но и духу русьскому: храмы-то наши жгут!.. А что до имени твоей княгинюшки, то здесь, полагаю своим хилым умишком, тайна кроется под толщей времен. Сочетание буквиц составляет слово. Слово – чудо Божие! А лукавый враг ворует это чудо, извращает его наоборот, стремясь поставить себе на службу. Вот и с именем твоей княгини, князь Ляксандр, такое же искушение вышло… Придумали семена сатанинские, как назвал их святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов, новую веру, чтобы Православие изничтожить… Так могут ли они позволить, чтобы даже созвучное их придумке служило Истинному Богу?! Вот и делали все, чтобы отвратить твою княгинюшку от веры, сделать своей рабой! А через нее и тебя лишить подвига служения Вере Православной, Великому Князю и Отчине! Тем паче, что имя ее без единой буквицы – имя придуманного ими бога. И заметь, придуманного, дабы с его именем грабить, жечь, насиловать, стирать с лица земли рабов Христовых и дома Его. Кто это мог придумать? Только враг рода человеческого! Но Истинный Бог поругаем не бывает. Поруганы оказались враги Христовы!»

Отец Антоний истово перекрестился. И, вновь опустив глаза, попросил: «Веди в терем, князь. Мне с княгинюшкой потолковать надобно. Не совсем она еще окрепла… Духом!»

Алла долго беседовала с отцом Антонием в молельной. А когда вышла, опять опустилась передо мной на колени: «Прости меня, любый мой! Я возжелала счастья только себе одной! Не думала ни о тебе, ни о твоем Божием служении, ни о будущем детей, которые без таких, как ты, служивых, могут либо погибнуть в страшных муках, либо стать рабами поганых… Не подумала я и о других женах, матерях, сестрах, дочерях… Прости, Христа ради! Забыла я обеты Святого Венчания. Не думала, что жалость может обернуться злом… Ведь Настасья ни разу в храм не сходила, ни разу не перекрестилась. А я-то, грешница, даже внимания на это не обратила! Каюсь перед Богом, отцом Антонием и тобой за эти грехи. Прости ты меня, ради Христа!»

Я тоже опустился перед ней на колени: «И ты прости меня, ладо моя, за то, что мало времени тебе уделял. И тем, должно быть, ввел тебя в соблазн.»

Отец Антоний опустился рядом с нами на колени: «И вы оба, чада мои, простите меня. Завтра благословляю вас причаститься Святых Тайн из одной чаши на ранней Божественной Литургии. Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе…»

…«Вот ведь, как Господь все устрояет! Если поразмыслить, – думал я, скача через три дня рядом с князем Герасимом во главе его сотни в орду, - надо было сперва выходить женку, причаститься с ней вместе Святых Тайн, и вновь – за дело! За Великокняжье, Великорусьское Божие дело»!

А навстречу нам шли толпы беженцев, - русьских людей, - изможденных, раненых, разоренных, согнанных с родовых, кровных мест туменами Арапши. Чем могли мы помочь им?! А они смотрели на нас с недоумением и подозрительностью. Возможно, что кто-то из них даже подумал, мол, на службу к Мамаю скачем…

А в окрестных лесах последней яркой огненных оттенков листвой, догорала осень. Травы пожухли. По утрам кое-где на земле и кустарниках начищенным серебром светился иней. Вот уж, воистину возлюбил Господь Землю Русьскую! Каждое время года – словно новое цветение мира: нежно-дымчатое, весенее сменяется густым, пышным, налитым, разноцветным летним разгулом. Затем идет чреда яркого, словно незатухшие осколки солнца, скопившегося за лето в листве, на фоне сумрачного ненастного неба, осеннего цветения. И, наконец, белое, розовато-голубоватое – зимнее цветение. И даже хмурые дни расцвечиваются разноцветными стволами ближних деревьев и дальних кустарников: от пестрых контрастных берез, красных верб до горящих черненым золотом стволов сосен. И на еловых неожиданно зеленых ветках горностаевым мехом накинут снег…

Все это сейчас проплывало перед глазами. А когда пошел мелкий моросящий ледяной дождь, переходящий в снег и обратно, я вдруг вспомнил, как всего год назад в этакую же изморось замерзал раненный в лесу. И ведь Филипп, - Царствие ему Небесное, - первым не усомнился во мне…

…Князь Олег Рязанский теперь встретил меня открыто, как своего, рязанского болярина. И хотя дни текли хмуро и сумрачно, мы могли подолгу беседовать, выезжали вместе на охоту. А когда Мамай призывал князя Олега к себе, я всякий раз отправлялся вместе с ним. Научился пить кобылий хмель – кумыс. Однажды у одного из темников нам преподнесли по чаше горячего, горького, но бодрящего напитка.

- Это – чай! Творение Аллаха… – важно произнес хозяин, - его привезли мне из далеких южных гор наши батыры. Они там прошли такую ратную подготовку, что каждый из них – непобедим! Им духи помогают!

- Но ты же поклоняешься Аллаху… - усмехнулся в усы князь Олег.

- Дзы-дзы-дзы… - отмахнулся темник, - скоро кинязь Московский Димитрий сам себя на веревке приведет. Нет у него таких батыров! А когда мы завоюем весь мир, он тоже будет поклоняться Аллаху. А те, кто не захотят, либо погибнут, либо будут ходить в колодках. Кстати, Великий хан Мамай разгневался на Арап-шаха за то, что тот разорил твои земли, кинязь Олег. И обещал возместить тебе все, когда мы разобьем кинязя Димитрия и Тахтамыша-собаку… Конечно, добавил он, если ты сам и твои ратники будут участвовать на нашей стороне в этих главных битвах!

- А разве великий хан Мамай сомневается в моей верности ему? – поднял чашу князь Олег.

- Да… или… нет… В голову к нему не залезешь… Мой совет тебе: напиши ему грамоту о своей верности и пообещай выступить на его стороне в сече с московским кинязем… - приподнял свою чашу и темник.

- Благодарю тебя за добрый совет! Ты – настоящий кунак! – приложил правую руку к груди и поклонился князь Олег. Когда же мы вернулись в его терем, я облегченно вздохнул: ну никак не мог привыкнуть к этим мирным, внешне дружественным посиделкам с ворогами. Да еще разыгрывать из себя союзника тех, кто убил мою первую жену, родителей, других сродников, домочадцев, близких… Я тосковал по Алле и детям. И порой эта тоска доходила до умопомрачения. Тогда я шел в церковь. Но что я мог сказать знакомому мне по прошлому приезду иеромонаху? Он и слушать меня не хотел, считая предателем. Даже на исповедь не допускал. В полной мере почуял я душевную боль князя Олега Рязанского. И в тоже время не мог не восхититься силе его духа!

Однажды князь Олег заметил за ужином: «Что-то смутное творится с князем Герасимом! Я вижу: он – добрый ратник, опытный сотник. Но почему он мечется? По воскресным дням после Божественной Литургии убегает, идет на торг, словно кого-то ищет… Я вынужден был приставить к нему соглядатая! Сердце у меня неспокойно: как бы не натворил он чего! Ты не ведаешь, что у него на душе?»

Меня обожгла мысль: «Погоди-погоди! Уж не сестру ли свою молодшую он высматривает? Как-то поведал мне князь Герасим, что в орде она, в рабстве у какого-то вельможи мамаева… То ли тысяцкого, то ли темника… Вроде как, даже родила от него…»

- Господи, помилуй! Сие искусительно, – перекрестился князь Олег, - ведь он так все развалить может! Когда в нашем деле душу начинает прибирать к себе личное, человек способен на необдуманные поступки… А тут уж добра не жди!

- А где он сейчас?

- Бог ведает… Хотелось бы думать, что со своей сотней. Завтра надобно гонца посылать с грамотой к Великому Князю…

- С грамотой?

- Да-да… На словах всего не передашь… Но я ее молоком на беленом холщовом лоскутке написал.

Я даже головой от восхищения крутанул. И тут же крикнул: «Ивашка!»

В горницу влетел мой отрок. И я повелел найти князя Герасима и пригласить его к нам. Вскоре он сам тяжело ввалился в горницу, весь сжатый, как собственный пудовый кулак, вросший в рукоять сабли. В последнее время мечей в городе мы носить не могли. Как не имели права появляться в доспехах и даже в кольчугах. Он не смотрел на нас: веки были таким же тяжелыми, как и все в его теле.

- Брат Герасим, - предложив присесть, протянул ему чашу с квасом князь Олег, - все мы здесь в одинаковом положении. У всех – свое горе, своя скорбь, свои потери, свои грехи. Прости уж, но так вышло по Божиему и Великокняжескому повелению, что я поставлен старшим среди нас. Поэтому и болит сердце, когда вижу, что душа у тебя не на месте. Сделай братскую милость, поведай нам, в чем причина сего?

- На дворе – пост Рождественский, а вы с погаными хмель кобылий пьете, баранину да конину вкушаете, - начал сурово князь Герасим, - не любо это мне и моей сотне. Дела ратного нет. Безпокоит меня и то, что ратники мои разболтаются здесь. Сколько живем, а всего трех гонцов на Москву снарядили…

- Не было нужды, - мягко ответил князь Олег, - но я спросил: что у те-бя на душе? Делаем-то одно дело: Божие, Великокняжеское и всей Земли Русьской! И здесь, среди заклятых ворогов, его, - дело сие, - за день, седмицу, даже за год не сделаешь!..

- Брат, - перебил я князя Олега, - мы с тобой давненько вместе… Не один пуд соли, как сам ты говаривал, съели… Ведомо мне, что родная сестра у тебя здесь… Сам же сказывал!

Князь Герасим взрогнул. Опустил голову.

- Да, - молвил он, - ищу я ее.

- Почему же ты меня не попросил о помощи? – покачал мягко головой князь Олег, - Ведь, ежели узнаешь, где она, что сделать-то сможешь? Жены и наложницы здесь, а тем паче у темников, даже у мелких князьков взаперти сидят. А знаешь ли под какой охраной? Захочешь освободить, сам погибнешь и дело Великокняжеское провалишь… А?!

Долго длилось молчание. Казалось, что-то сопоставлялось в голове, в сердце, в душе у князя Герасима, но никак не могло сопоставиться. Вдруг он опустился на колени: «Простите меня, братия! Христа ради! Уразумел, наконец, что ради своей сердечной боли мог нечаянно стать иудой… А боль-то главная у нас, действительно, одна – Земля Русьская!»

- Бог тебя простит. И мы – туда же. Согласен, князь Ляксандр? – повернулся ко мне князь Олег Рязанский. Я кивнул. А он продолжал: «Все мы сейчас учимся за Отчину соборно ратовать… Сестрицу же твою мы найдем, коли Бог даст. Поэтому расскажи-ка мне все о ней: как, когда, где она в полон попала? Имя ее, откуда родом? А потом мы все втроем помолимся. Ведь там, где двое или трое собрались во имя Христово, там и Он с ними!»

- Господи, помилуй! – повторял отец Валерий, покачивая головой, пока я на следующий день рассказывал ему обо всем случившемся. А после того, когда я закончил, произнес: «Каяться тебе и каяться! В чужом доме перед святыми иконами блуд учинил! Подставил Святослава!.. Но и на том – слава Богу! Ведь если б тебя не вынес Ангел-Хранитель из повального греха молодежной масонской группы, ты подставил бы всех, кто молится за тебя и здесь, на земле, и на Небесах!»

- Да.., - начал, было, я, - но…

- Никаких «но» я, как священник, не принимаю! Ты же действительно участвовал в колдовстве против человека, который захотел эту «малину» на свет Божий вытащить! А его, может быть, теперь уже болящего, отчитывать придется! Если он, конечно, догадается обратиться за помощью к Церкви… То, что подельники твоей Анжелы проделали с восковой куклой, при опеределенных заклинаниях бесовских, – умышленное убийство! И совсем никакая не символика! А ты, - воцерковленный человек, взрослый мужик, бывший офицер! - при сем присутствовал, истекая похотью! Блудной похотью! Епетимия тебе будет строгая! А пока, собирай быстро вещички и привози их сюда, в храм. Я попробую сегодня же через Анимаиссу отправить тебя в командировку. Подальше. И подольше! У тебя, как сказал Василько, все равно отпуск в охране предстоит со дня на день.

- Но как я без машины?..

- На такси! – отрезал отец Валерий, - а вечером – на исповедь! Без Святого Причастия завтра!

…Переночевав в сторожке при храме, на следующий день я получил редакционное задание, оформил документы… А вечером уже ехал в скором поезде на Псков. Там я должен был описать передовые методы работы культурно-бытового поезда на линейных, то есть отдаленных станциях.

В вагоне было душно, а в душе – озноб. Я стоял в тамбуре и курил одну сигарету за другой. Спать мне оставалось всего четыре часа… Спать! Ха! Как же?! Сна-то нет ни в одном глазу. Один стыд! Впереди у меня были сорок ежедневных земных поклонов и чтение Покаянного Канона в течение сорока дней…

Около пяти утра поезд пришел во Псков. На вокзале меня встретил веселый, но невыспавшийся, лет двадцати пяти, заведующий вагоном-клубом.

- Игорь… - представился он. Пожал руку. Жестом другой пригласил идти за ним. Пояснил: «Здесь недалеко…»

Поначалу мы пошли по платформе, потом – по шпалам. Подлезали под составами. Прыгали через стрелки…

- Не опасно? – поначалу смутился я.

- А чего тут?! Я на «железке» - с детства! Сколько помню себя. Во-он там – барак стоял, в котором я родился и жил с родителями, - показал он куда-то в утренний туман, - отец кочегаром на паровозе трудился, мать – нянечкой в железнодорожной больнице. Сам я окончил железнодорожную школу. Потом – культпросветучилище… Сперва на станции в клубе хоровой кружок, ансамбль баянистов вел. А потом предложили мне взять вагон-клуб. Зарплата – в два раза больше. Плюс командировочные, суточные… Жену с ребенком редко вижу. Но зато деньги в дом приношу. Квартиту хорошую получил. Двухкомнатную! Малогабаритку, конечно. Но для троих – хоромы! И то – за счет сына. Он-то у меня – инвалид детства… ДЦП… Однако, больше меня для семьи сделал, получается…

«И что ж ты от всего этого такой веселый?» - вдруг подумал я. А он, словно прочитав мои мысли, задорно произнес: «Если бы не наш с Клавой жизнерадостный характер, в петлю можно было бы влезть от того, что пережили… У меня и отец веселым был. Умирал от рака, а вроде бы, и болей никаких не чувствовал… Или виду не подавал… Все шутил, нас с матерью подбадривал!»

- А когда на линию выезжаем? - перебил я.

- Да уж три часа назад должны были по графику выехать. А вчера позвонили, сказали, что корреспондент с проверкой приезжает. Мы и задержались! - почему-то опять весело хмыкнул он.

- Игорь, давай на «ты», - предложил я, - И потом, я не проверять приехал, а передовой опыт вашего поезда обобщить, написать о нем в «Гудке», чтобы на других дорогах улучшить жизнь железнодорожников линейных станций.

- Ну что ж, на «ты», так – на «ты»! Вот и наш «очаг культуры, – улыбнулся он, - пришли! Сейчас позавтракаешь, отдохнешь. Ехать до пункта назначения – часов пять. У каждого столба стоять будем. Мы же не «скорый», и даже не «шестьсот-веселый»… Потом посмотришь мой клуб на колесах, вагон-магазин, вагон-поликлиннику. И как раз – на место прибудем. А потом на два дня останаваливаясь на каждой станции не меньше недель двух будем добираться до Пскова… А то и побольше, пожалуй.

Мы зашли в вагон, где в маленьком, человек на двадцать, кинозале, среди раздвинутых вдоль стен жестких обшарпанных стульев, был накрыт стол. Навстречу мне из-за него, поднялись седой лет сорока пяти-пятидесяти мужчина, две таких же женщины, две других, примерно моих лет и совсем юная девушка.

Я представился, объяснил цель моей командировки. Они заулыбались, очевидно, поверив, что «не с проверкой»… А Игорь представил мне их всех. Первая, Тамара Петровна, полная, лет шестидесяти, оказалась заведующей вагоном-поликлинникой и одновременно врачом-гинекологом. Другая, Ирина Владимировна, ее же лет, только худощавая, - терапевтом. Были там медсестра Валечка, зубной техник Катя, заведующая и одновременно продавец магазина – Маргарита. А самая юная, Антонина, представилась закройщицей железнодорожного ателье во Пскове. Она принимала заказы на отдаленных станциях, а потом привозила туда уже готовые платья, пальто, костюмы. Мужчина, Борис, оказался хирургом.

Для меня это было настолько внове, что я обратил внимание на стол, уставленный незамысловатыми закусками, бутылками с водкой и вином, только после того, как Игорь предложил «позавтракать» с дороги.

«А как же епитимья? – мелькнула мысль, - Ты же только краткое правило прочитал. И - без поклонов… И - без Канона… Когда выполнять-то будешь?» «Со своим уставом в чужой монастырь не лезут, - ответила ей вторая, - Ехать часов пять-шесть. Можно все успеть сделать…»

…В конце застолья ракрасневшиеся женщины потребовали, чтобы Игорь взял баян, а Борис – гитару… Как же здорово они пели! Одну песню со слезой, другую с одинаково озорным блеском в глазах… А наш поезд из трех вагонов, изредка останавливаясь, тащился посреди Псковских полей, лесов, озер, рек.

- Да у вас здесь – целая агитбригада! – пошутил я.

- Так и есть, - кивнула Тамара Петровна, - Игорек, не только фильмы крутит и на баяне во время наших концертов играет. А если надо, то и продукты в магазине поможет поднести из холодильников к прилавку. Тонечка кроме своих выкроек, еще и стихи пишет, а на концертах читает. А Борис Николаевич любой электроприбор починить может… Мы ведь, старики, уже больше десяти лет вместе катаемся по линии. А как молодежь пришла в наш боевой экипаж, так мы и сами помолодели!

Потом, между тостами, каждый из присутствующих рассказывал что-нибудь интересное. Я старался запомнить все, что они говорили. Но после четырех стопок почувствовал, что усталость начала брать свое. Игорь заметил это.

- Может быть пора отдохнуть. У тебя - отдельное купе.

- Да-да! – ухватился я за его предложение. - Вы уж простите меня! Выехал неожиданно. Часа четыре спал за последние сутки…

- Ну, вот и чудненько! – поддержала Ирина Владимировна. - А мы пока со стола уберем. Посуду помоем. И к обеду новый накроем. До конечной станции еще далеко. И ползем мы сегодня что-то уж слишком медленно. Как никогда…

Игорь проводил меня до купе. Закрывшись в нем, я смог сделать только десять поклонов и, завалившись на полку, мгновенно заснул. А когда проснулся, не сразу понял, где нахожусь. За окном проплывали густые леса, в листве и хвое которых играло в прятки солнце. День, похоже, выдался знойный. Взяв мыло, полотенце, зубную щетку с пастой, я вышел из купе. Признаков жизни в вагоне не чувствовалось. Найдя туалет, я умылся по пояс. А когда вышел, увидел Игоря, идущего из другого вагона.

- Выспались? – спросил он как-то озабочено.

- Вполне! А почему опять на «вы»?

- Ой, прости… Тут на дороге не все ладно. Опаздываем на два часа. Пойдем, пообедаем. Девочки в подсобке магазина стол накрыли. Заодно покажу другие вагоны. Кстати, в поликлиннике душ есть. Не желаешь освежиться? У нас за бортом – плюс двадцать восемь!

- Это – лучше вечером.

- Тогда уж ночью. Мы, когда приезжаем на станцию, сразу начинаем работать. Я читаю лекции о внутренней и внешней политике, потом – концерт. За ним кручу два фильма. И так – до полуночи. А то и позже. А завтра – с самого утра начинают работать все вагоны, кроме моего. Врачи обслуживают не только железнодорожников, но и других жителей дальних станций, окрестных сел, деревень, куда и хлеб-то раз в неделю привозят. Тамара Петровна в прошлый рейс за один день трое родов приняла… Последние – перед самым отправлением. Но бабы-то у нас сильные! Богатырши! Все разродились быстро и без осложнений!

- А вот на станции, куда мы сейчас едем, сколько железнодорожников работает? – спросил я

- Хм… Если память не изменяет, то восемь человек. Плюс - пятнадцать членов их семей. Остальные – колхозники. Но ведь тоже – наши, русские люди! Не можем же мы их не обслужить! А вот председатель колхоза считает, что мы развращаем людей, отрываем их от работы. Что колхозник должен уметь жить на подсобном хозяйстве, мол, как раньше мужик жил! Мол, все у него было. И колбасы в целофане не надо! Анахронизм какой-то! И вагонов-магазинов, клубов, поликлинник тоже не было! Оказывается, были! Я специально в архив ездил, узнавал. Правда, были вагоны-церкви… Это, конечно, другое… Но отрицать развитие цивилизации – какой-то анахронизм! И чем же наши люди на дальних станции хуже городских?!

«Вагоны-церкви?! – отозвалась во мне мысль, - Да! Это – другое! Может быть, поэтому в приусадебном хозяйстве мужика самой отдаленной станции все и было!» Вслух же я спросил: «А что, на отдаленных станциях люди не держат коров, там, свиней, другой живности? И стационарного колхозного клуба нет?»

- Да что ты?! Там, куда мы едем, молодежи почти не осталось! А детишки в школу за восемь километров ходят! Бабульки большое хозяйство держать не в силах… Электричество от главной усадьбы дают только в темное время суток… «Кукушка» с двумя вагонами до ближайшего райцентра ходит два раза в сутки: утром и вечером. А зимой, при снежных заносах, и по неделям не бывает! Ветка-то железнодорожная еще не электрофицирована! Только зря я, наверное, тебе все это рассказываю?! Обвинят в искажении социалистической действительности…

- Успокойся, Игорь! Я не собираюсь об этом писать. Слово даю! – положил я ему руку на плечо.

- И на том спасибо! Пойдем-пойдем за стол!

Весь «экипаж» культурно-бытового поезда был уже в сборе. Консервированные салаты, украинский борщ, сардельки с жареной картошкой, ледяной квас

настраивали на добрые разговоры. Одновременно, украдкой я оглядывал подсобку. Чего здесь только не было. Но, в основном, - одни консервы.

Продавщица Маргарита, поймав мой взгляд, пояснила: «У нас торговля – специфическая. Сардельки, сосиски, колбаса – лакомство, почитайте, на один раз. Потому, как холодильники много не вмещают. А вот консервами люди запасаются на всю зиму. Правда и их продавать приходится ограниченно! Вагон-то - не резиновый! Вот и расчитываем заранее, чтобы на всех станциях всем хватило… Опять же, везу целый стелаж свечей! Когда зимой свет в деревнях отключается на неделю-другую, селяне ими только и спасаются.»

- Еще и лучины жгут, - хмыкнул Борис, - до сих пор поставцы, - трезубцы такие, - в избах стоят. Лампы керосиновые есть… Но и тут с топливом для них – проблемы. На всю зиму керосина не напасешься…

- Да-да, - вступила в разговор Катя, - А куры, утки, гуси здесь – свои. Только их на большие праздники готовят.

- А может быть, пивка холодненького? – перебил ее Игорь, обращаясь ко мне.

- Вы уж меня простите, Александр, - вмешалась Ирина Владимировна, - но я бы не советовала. Вы все же - представитель из Москвы! Ладно, мужики… Они, в большинстве своем, здесь от самогонки не просыхают. Но если женщины учуят запах спиртного, вы из них, как корреспондент, слова не вытянете. Давайте, застолье вечерком, попозже продолжим? Такое же, как в завтрак?

- Спасибо. Согласен. - кивнул я, - Но вот, вы говорите, что свет отключается. А как же станция работает?

- Тоже керосиновые лампы зажигают. Даже в кассовом зале. Но если поезда не ходят, то кассиру и делать-то нечего на своем рабочем месте. Она тогда дома сидит, хозяйством занимается. Дом-то их, работников станции, двухэтажный, аккурат, в пяти метрах. А начальник станции в свой дом телефон параллельный провел. Позвонит кто-нибудь из начальства, а он – тут как тут! Почитай, круглые сутки - на рабочем месте. Рядом – дом заместителя. А этот – и старший дежурный, и главный инженер станции. Кассиры, - двое их, - в деревне живут, по другую сторону путей. Есть еще путейцы-обходчики, да уборщица… Ой! Гляньте-ка, - вскинулась она, посмотрев в окно, - это же – Доброво! Через сорок минут – наша! Давайте-ка, уберем со стола и будем готовиться.

Вспомнив про епитимью, я тоже отправился в свое купе, объяснив: «Надо фотоаппарат приготовить… Блокнот…»

Там я, закрывшись, сделал пятнадцать поклонов. И только прошептал последние слова Канона, как услышал стук в дверь и голос Игоря: «Подъезжаем!..»

Я вышел из купе и выглянул в окно. Небольшая, уложенная белой плиткой платформа, - как раз на три вагона, - была переполнена. Люди с пустыми мешками, рюкзаками, авосками сидели, стояли, прохаживались. Женщины лузгали семечки, мужчины курили. За платформой, - по всей ее длине, - под толстенными развесистыми дубами и липами творилось то же.

С появлением нашего культурно-бытового поезда люди, перекрикиваясь, засуетились, закружились, разгорячились, выстроились в несколько очередей. Стали смеяться, шутить, подталкивать друг друга. Когда поезд остановился, очереди перемешались, сдвинулись, перемещаясь то в одну, то в другую сторону. Суета усилилась. Но тут на крыльцо станции вышел моего возраста мужчина в белом послевоенном кителе и красной фуражке. Он, приложив к губам рупор, скомандовал: «Прошу не создавать суеты! Все успеете. Я сейчас узнаю у начальника поезда: кому и куда идти.»

Он прошел вдоль состава, остановился у вагона-поликлинники, подав руку, помог сойти на платформу Тамаре Петровне. Что-то тихо спросил у нее.

- Ты все также галантен, Олежек, - засмеялась та, - но начальником поезда назначен заведующий клубом Игорек, ой, прости, Игорь Глебович. А я – старшая только по медицинской части.

Она взяла из рук мужчины в белом кителе рупор и сказала в него: «Дорогие мои! У нас в поезде будут работать терапевт, хирург и зубной техник. А недомогающих по нашей части женщин прошу ко мне. И не волнуйтесь! Пока всех не обследуем, и по нашим силам и средствам не окажем помощи, никуда мы не уедем. Поэтому очень прошу: соблюдайте спокойствие, тишину и очередь.»

Я в это время сфотографировал Тамару Петровну и того, кого она назвала Олежкой. А он смущенно и вопросительно взглянул на меня, потом на нее… Но Тамара Петровна улыбнулась, кивнув в мою сторону: «Это – корреспондент «Гудка», Александр Леонидович.»

- Просто Александр, - протянул я руку.

- Начальник станции Олег Валерианович… Просто Олег, и… не надо бы фотогрфировать… - улыбнулся он, отвечая на рукопожатие, - на мне сейчас - мундир отца. У меня и современный есть. Просто… этот очень люблю! Может быть, снимок лучше в том, в современном сделать?

- Да-да! Обязательно сделаем. А этот я на память вам пришлю.

Большинство селян кинулись к вагону-магазину. Но Игорь, взяв в руки рупор, обратился к ним: «Уважаемые товарищи! Через тридцать минут начинается лекция на злободневные темы внутренней и внешней политики нашей страны. После нее я покажу вам сборник документальных фильмов и киножурнал «Фитиль». В весемнадцать часов приглашаю вас на концерт, подготовленый силами художественной самодеятельности нашего культурно-бытового поезда. Вы убедитесь, что наши добрые доктора умеют не только лечить… В девятнадцать часов – двухсерийный художественный фильм «Хозяин тайги». Завтра с утра будут работать врачи, магазин и закройщица женского и мужского верхнего платья, а потом – три художественных фильма: в пятнадцать, семнадцать и девятнадцать часов…»

- А какие фильмы привез?

- «Александра Невского» покажешь? – раздались голоса из толпы.

- Я же вам его раз десять привозил! – пожал плечами Игорь.

- Ну и что, ежели фильм хороший!

- Точно! Про нашу Псковскую землю!

- Хорошо, - вздохнул Игорь, - в следующий раз привезу обязательно. А пока можете посмотреть «Историю любви»…

- Опять на голых худосочных французских баб-курилок смотреть?! Что ж мы своих женок не видали? У их хоть есть на что глянуть… И потискать..! – хохотнул кто-то из мужиков.

- Да погодите вы! – разгорячился Игорь, - В кинозале всего двадцать сидячих мест! Кто не хочет «Историю любви», на следующих сеансах сможет посмотреть «В бой идут одни старики» и «Вий».

Наконец, рупор взяла в руки продавщица Маргарита: «Уважаемые покупатели! В нашем вагоне-магазине сегодня – широкая распродажа. Мясные и рыбные консервы – по две банки тех и других – в руки. По килограмму сарделек и колбасы. По две бутылки постного масла. По двадцать стеариновых свечей. По десять коробок спичек. Сахара и соли - по три пачки. Мыло хозяйственное и земляничное, одеколон, нитки, иголки – по одному наименованию в руки. Специально для мужчин! По бутылке водки, портвейна «Кавказ» и пива – тоже в одни руки.»

- Что так мало?

- Мы - самые отдаленные…

- Это ж – на один глоток! – загалдела толпа.

- Поймите! Вагон-магазин – не резиновый! А нам еще семь станций обслужить надо! Вы – ведь первые! Специально без остановок к вам ехали! - объясняла, словно оправдываясь, Маргарита.

- А школьные принадлежности привезла? – раздался женский голос.

- Обязательно превезу к первому сентября. Уже заказала на базе, - кивнула продавщица.

- А курево? – спросил кто-то из мужиков. - Самосад-то не скоро поспеет!

- Привезла-привезла! Папиросы «Беломор» и «Север», сигареты «Памир», «Прима», «Чайка»-коротенькие, «Кронштадтские» и «Новость» - с фильтром. Есть и махорка. По двадцать пачек в руки.

- Ну, посадили на голодный паек! – сплюнул какой-то мужик.

- Вы своего председателя попросите! – парировала Маргарита. - А мы вообще-то возим для железнодорожников. Это начальник отделения дороги дал команду обеспечивать и колхозников!

- Дай Бог ему здоровья! – закивали и закрестились старушки. Мы с Игорем подошли к группе уже отоварившихся женщин. Все они готовились взвалить на свои плечи по полному мешку припасов. Игорь представил меня. А я спросил: «Помогают железнодорожники с продуктами?»

- Ой, – запричитала одна, - да если б не вагоны эти, давно бы всю скотину свою порезали бы…

- Ага! – втиснулся между ними небритый мужик. - И до колхозной добрались бы! Председатель-то наш во-о-н морду какую отъел! В дверь не влезает! Домище отгрохал себе – ба-а-арский! «Волгу» свою в районе продуктами забивает для семейки своей – аж трещит! Жену главным бухгалтером назначил…

- Помолчал бы, Михеич! – замахала на него рукой женщина. - Опять ведь посадят! Только теперь за язык твой поганый! Человек-то из Москвы приехал…

Я отошел от них ошеломленный. Опустил голову. Закурил.

- Не обращай внимания, - острожно прикоснулся к моему локтю Игорь, - люди-то – разные! Особенно здесь, в глубинке.

- Вы не обращайте на Михеича внимания, - повторила вдруг подошедшая к нам женщина с тяжелым мешком за плечом, - это он – на словах только. А при жатве на своем комбайне молодых обгоняет.

И отошла, что-то шепча под нос. Тут же к нам подошел начальник станции, улыбнулся: «Наслушались? Насмотрелись? Вот так и живет русская глубинка… Знаете что?! Давайте-ка всем экипажем вечерком – ко мне. Я уж и Настасьюшку свою снарядил стол собирать. Давно с москвичами не общался. Ведь даже отпуск здесь провожу: рыбалка, охота, огород… Заготовки на зиму.»

Я взглянул на Игоря. Тот пожал плечами: мол, как пожелаешь. И тут же сказал: «Мне еще фильмы крутить… А сейчас уже пора лекцию читать…»

- Мы начнем без тебя, как только доктора успеют прием закончить. - кивнул начальник станции. - Не обидишься?

- На обиженных воду возят, - хмыкнул Игорь, - тем более, гляньте, очередь-то в вагон-поликлиннику – не слишком велика…

…Концерт начался вовремя. Игорь с баяном на груди объявлял выступающих. Сначала Ирина Владимировна и Тамара Петровна на два голоса спели «Рябинушку» и дуэт Татьяны и Ольги из оперы «Евгений Онегин». К моему удивлению, второй номер был встречен зрителями, переполнившими маленький зальчик вагона-клуба, с большим востогром, нежели первый. Затем Антонина читала стихи Есенина и Симонова. За ней опять Тамара Петровна под аккомпонимент гитары Бориса спела «Очи черные». А Маргарита в длинной цветастой юбке, с широкой шалью на плечах под гитару и баян сплясала «Цыганочку». И снова Антонина, краснея, читала стихи, - только теперь свои. Неумелые, конечно, девичьи, но чистые и доверчивые…

Маргарита «с выходом» отчечеточила что-то похожее на «Барыню», - да так, что какой-то старичок из первого ряда, отдав палку соседу, вскочил на возвышение, обозначавшее сцену, и тоже пустился в пляс. А зрители смеялись и хлопали в такт музыки. Наконец, все участники концерта вышли на сцену. А зал подхватил вальс «Белые ночи на Псковщине», очевидно написанный местными поэтом и композитором и ставший своеобразным гимном этой земли. Я не успевал фотографировать. Но вскоре заметил, что израсходовал целую пленку. А у меня их – всего четыре!

…В сумерках, пока женщины хлопотали над столом, мы с Олегом сидели на крыльце и курили.

- Расскажите о себе, пожалуйста, - попросил я, - хотелось бы очерк написать о вашей династии.

Он хмыкнул: «Что о нас писать? Я понимаю, были бы передовики какие… А то ведь – начальник заштатной станции, где и редкие пассажирские не останавливаются. А вот раньше, дед рассказывал…»

- Он тоже был начальником этой станции? – удивился я.

- Да. И отец, и дед, и прадед… Ну, подумайте сами, - это я уже про себя, - какой выпускник Московского института инженеров железнодорожного транстпорта поедет на эту безперспективную станцию?!

- Нет-нет, - мотнул я головой, - давайте по порядку. Начнем с прадеда.

- Я не помню его… И даже не знаю, где он похоронен.

- Что, репрессировали? – почему-то спросил я.

- Да. Обвинили в контрреволюционной церковности… Вас это не смущает? Для очерка?

- Наоборот… Это сейчас, простите за словечко такое, «модно». Но я считаю, что просто для большинства репрессированных восстанавливается справедливость. К тому же, вам, должно быть и отец, и дед рассказывали про вашего прадеда?

- Конечно… Здесь, на месте нынешней деревушки стояло огромное село! Здание вокзала было деревяным, но большим. С печами, скамьями, буфетом, залом ожидания человек на пятьдесят. Одних купцов в селе проживало больше двадцати. И все они – кряжи дубовые! Гимназия своя была! Больница с двумя врачами, фельдшером, тремя монахинями, - сестрами милосердия, - пожарной командой… Говорят, в древности все мужики из села ушли ополченцами в дружину сятого Великого Князя Александра Невского, чтобы участвовать в Ледовом побоище. Две трети погибли… Вот, с тех пор по грамоте его в селе жили вольные люди! Даже налоги платили льготные. Во-он там, на деньги местных жителей огромный собор построили еще в восемнадцатом веке. Я в детстве видел оставшийся от него фундамент. А теперь и его не найти… Так вот, прадед мой, сын купца второй гильдии, выучился в Москве, вернулся сюда начальником станции. Говорят, такие цветники здесь разбил вокруг вокзала. Вместе с прабабушкой. А она, вчерашняя московская гимназистка, на восемь лет младше была… После ужина, покажу фотографии… Я, наверное, очень сумбурно рассказываю? Но ведь – свое, родное, больное…

- Нет-нет! Все даже очень понятно и близко! Ну и что же дальше? – успокоил я его.

- Дальше?.. Простите за нескромный вопрос: у вас на шее черный шнурочек, - амулет какой или… крест?

Я в ответ вопросительно вскинул брови. А Олег смутился.

- Это я так… Простите… Чтобы – дальше. Да не пугайтесь вы! Я ведь – верующий! Как и вся моя семья. Вот, - вынул из-за пазухи нательный крестик, - И не боюсь! Начальство знает. Посмеивается. Мирится. Ну, куда меня, окончившего МИИТ с «красным» дипломом, ниже поставишь? КЗОТ не позволяет. Да и совесть

человеческая - тоже! Не те времена пошли! Да и люди у нас, по сути своей, на дороге - хорошие, русские! В большинстве своем…

Я облегченно вздохнул и тоже вынул свой крест.

- И как же вам в «Гудке» позволяют? Все-таки, как говорится, - идеологический фронт…

- Сейчас везде есть православные. В том числе – и в «Гудке». Просто мы не афишируем свое вероисповедание. А вообще-то в Москве отношение к нашей Церкви со стороны властей как бы потеплело. Но почему вы вдруг заговорили о моем отношении к вере?

- Это, конечно, не для печати… Прадед мой, Олег Евсеевич, пел в церковном хоре. За это его на старости лет и обвинили в контрреволюционности… Но я пока – не об этом. Как знать, вдруг вам пригодится в творчестве. Однажды прабабушка моя, Нина Аристарховна, получила письмо от дальней-придальней родственницы. Та написала, что тяжело больна, что уже пожила какое-то время у всех родственников и знакомых. Но долго люди не могут терпеть ее с ее недугом. Конечно, прабабушка тут же дает ей телеграмму, в которой звала к себе… Родственница приехала… И в первый же день присутствия с ней случается, как говорят врачи, эпилептический припадок. Когда он закончился, напуганные прабабушка и прадедушка стали распрашивать ее: отчего, мол, как она так захворала? Та рассказала, что после окончания гимназии с отличием, она, будучи из очень небогатой семьи, но как дочь героя Русско-турецкой войны 1887-1888 годов, поступила в Смольный институт. Окончила его с отличием, или, как говорили тогда, - с шифром. А тут подруга ее, однокурсница, княгиня, стала директором женской гимназии, куда пригласила работать и нашу героиню. Через год, летом, на именинах этой начальницы, в ее поместье, с родственнцей и случился первый припадок. С каждым днем она стала падать все чаще. Припадки становились более жестокими. Естественно, из гимназии пришлось уйти. Молодой человек, которой до этого упорно добивался ее руки, отошел и вскоре женился на другой. А она, издержав все накопленные средства, продав все, что только можно было, стала жить Христа ради то у одних, то у других родственников и знакомых. Но вскоре уезжала от очередных благодетелей, чувствуя, что те не в силах более терпеть ее припадков. «Этому должна быть какая-то духовная причина! – сказал тогда мой прадед и спросил: «А давно ли ты говела, причащалась Святых Тайн?» Гостья рассказала, что на младших курсах Смольного любила ходить на службы, особенно на Вечерни. С упоением в домовом храме читала Шестопсалмие… Но, потом как-то закрутилась, перестала… И несколько лет даже не заходит в храм Божий. «Ну, вот и хорошо, - сказал тогда прадед, - Недельку поговеем вместе. В воскресный день причастимся».

- Ну, и… причастилась? – спросил я, сдерживая дыхание.

- Да… Причастилась… Только после того, как здешний ста-а-аренький настоятель, протоиерей Антоний отчитывал ее три дня подряд. Как же ее, по рассказам бабушки, крутило!

- А потом?

- А потом она вспомнила, что надругалась над святыней, будучи в поместье своей начальницы. В день именин княгини, несчастная в числе гостей поехала в церковь, где все они причастились Святых Таин. И получили от священника девятичастную просфору… А ведь в ту пору среди молодой, прости, Господи, образованной интеллигенции модно было гадать, заниматься спиритизмом, передавать мысли на расстоянии. Вот и гости именинницы, отобедав, решили заняться «любимым», модным делом. Наша родственница вышла из-за стола и прошла через весь дом в кабинет хозяйки. Ничтоже сумняшеся, взяла девятичастную просфору с письменного стола, переложила ее на подоконник и мысленно начала приказывать подруге придти, найти просфору и положить ее на место. Та, очевидно, по вражьему наущению, приняла приказ, вошла в кабинет, огляделась… Но, только

взяла в руки просфору, тут же потеряла сознание. А родственница наша забилась в первом припадке.

- А после отчитки и Святого Причастия она поправилась? – спросил я.

- Какое там?! Она уехала в Оптину пустынь, где жила, выполняя самую черную работу, каясь и молясь. И только через восемнадцать лет припадки оставили ее. Представляете! За каждую частичку святыни – два года мучительного искупления греха!.. Про вторую часть ее жизни я узнал, когда мы ездили к духовнику, в Псково-Печерскую Лавру. Там - такой чудный батюшка, игумен Савва! Он-то и подарил мне книжку духовного писателя того времени Сергия Нилуса, где этот случай описан. Не читали?

- Впервые слышу…

- Еще бы! Раньше за чтение книг этого автора лет десять давали! А духовнику нашему издание сие привезли из Америки. Из Джорданивиля!

«Вот, шалопай! – подумал я про себя, - Ведь наверняка в библиотеке Святослава эта книга есть! А я разменивался на всякую ерунду!»

- Мужчины! Прошу к столу! – приоткрыв дверь, пригласила нас хозяйка дома, симпатичная супруга Олега, немного склонная к полноте Анастасия Сергеевна. Про таких в народе говорят, мол, все – при ней! Когда мы уселись, Тамара Петровна встрепенулась: - А что ж Игорек так долго не идет?!

- Я уже пришел! – раздалось из-за двери, и, как всегда, улыбчивый, вошел Игорь.

- Ну вот, все в сборе! – потер руки Олег. - Давайте-ка наливочки нашей на клюковке! А может быть, кому-то – на брусничке?

- Э-э-э, нет! – улыбаясь, покачал головой Борис. - Я тебя, Олег, давно знаю! И по этому случаю коньяку привез. Я тут с моими болячками по путевке на Кавказ на две недели ездил. А там была экскурсия на коньяные заводы Шустова. Так нас одаривали прямо с конвейера! Главный инженер шутил, мол, вы, словно в Кремле, на банкете Политбюро, побывали. Мол, такой коньяк только там пьют!

- За что ж вам такая милость? – крутанула головой Маргарита.

- А нас там тоже целая бригада врачей собралась. Вот мы и устроили рабочим безплатное обследование. Там ведь как? По закону медицина – безплатная! Но ни к одному врачу без подарка не пробьешься.

- Ох, – вздохнула Ирина Владимировна, - развратят они наш народ!

На несколько минут наступило молчание… Его прервала Анастасия Сергеевна: «Мужчины! Наливайте женщинам! Женщины, кладите мужчинам закусочки! Грибочки пробуйте! Нового урожая! Беленькие! Они в этот год что-то ранехонько пошли. Я столько банок уже закатала! По литровой каждый возьмете!..

- А ну, как завтра на рыбалочку сходим? Или на охоту? А? Места здесь чудные! Заповедные! Я сегодня уже с вечера на ближнем озерце вендерьки поставил. Вам – рыбки свеженькой в дорожку… А можно и закоптить! - вторил жене Олег, закусывая лимончиком первую рюмку коньяку.

- Ой, Олежек, - покачала головой Тамара Петровна, - у нас завтра на прием человек по десять к каждому записались. Это же - с утра и до позднего вечера придется работать, если добросовестно осмотреть, побеседовать… Кстати, была у меня сегодня на приме кассирша твоя, Ксения, как ее.., ах, да, Портнова. Ей нужна срочная операция. Как хочешь, дорогой мой начальник станции, но завтра отправляй ее во Псков. Я уже написала направление в нашу железнодорожную больницу.

- Куда ж ей?! – развел руками Олег. - В отпуске она уже была… Ну ладно, это – дело десятое! Но у нее - четверо детей, куры, утки, гуси, коза, бычок… А мужик с утра не просыхает!

- Но если на десять дней она их не оставит, то месяца через три может оставить навсегда! – твердо подытожила Маргарита Петровна.

- Десять дней?! – хмыкнула Анастасия Сергеевна и повернулась к мужу. - Олежек! Наши с тобой чадца все равно у моей мамы в этот месяц гостят. Так мы Ксюшиных деток хотя бы столовать будем: утром, в обед и вечером. Не объедят!

- Как же я ее отправлю? «Кукушка» в пять утра отходит… Она и собраться-то не успеет! – пожал плечами Олег.

- Очень просто! Позвони председателю колхоза, - продолжала настаивать Анастасия Сергеевна, - он сейчас любое твое желание выполнит. Ему же и картошку, и другие овощи во Псков отправлять придется. Да и бычков – тоже! Еще и отрапортоваться: вот, мол, я каков! Пе-ре-до-вик! А вагончики ты ему через отделение «пробиваешь»? А? Вон, в «Красном октябре»: и урожаи - выше, и надои, и поголовье – больше! А железная дорога – далеко! Доставить трудно. Вот и ходят в отстающих! Так что, пусть твой председатель дает машину для Ксюши! Аж до Пскова! А ты с Александром, Игорем и Борисом ступайте завтра на рыбалку. Или на охоту. Я твою фуражку надену, возьму флажки, отправлю «кукушку» и пропущу наш «шестьсот-веселый» пассажирский.

- Ну, ты у меня – стратег! – приложил Олег тыльную часть ладони жены к своей щеке.

- Ты мне зубы не заговаривай, а прямо сейчас звони председателю! – закивала головой та, не отбирая своей ладони. - Женские недуги – не шутка!

Я сидел и любовался супругами. Оглядев сидящих за столом, заметил в их глазах те же чувства. А Олег, попросив у всех прощения, встал, подошел к телефону, что-то долго и горячо доказывал председателю колхоза… Наконец, положив трубку, вздохнул: «Слава Богу! Завтра в полдень заберет твою Ксению председательский ГАЗик. Только ты сама иди и уговаривай ее. Скажи, что я разрешил.»

- Ну, уж нет, дорогой! Я скажу, что ты приказываешь! – хмыкнула довольная Анастасия Сергеевна.

- Вот, так и живем! – развел руками Олег. И засмеялся: «До сих пор не пойму, кто из нас – начальник станции».

- Начальник-то – он! А я у него… - серый кардинал! – сделала страшные глаза Анастасия Сергеевна.

- Вы – комис-с-сар! – хохотнул Игорь. После нескольких мгновений молчания Борис встал, наполнил рюмки и проинес: - Как радостно видеть счастливые семьи. Глядя на них, забываешь свои печали. Или, по крайней мере, винишь в них только себя. Вот я и хочу сейчас выпить за еще одну счастливую семью. За то, чтобы дом ваш, Олег и Настя, был полной чашей непреходящего счастья и благополучия!

- Да! – вдруг вступила Ирина Владимировна, - Чтобы светом и теплом вашего семейного счастья освещались и согревались судьбы других, менее счастливых и даже вконец несчастных людей… Но чтобы они не обкрадывали вас, а согретостью своей умножали ваши свет и тепло. И помогали каждому в его служении, как это делаете вы!

«Господи! Откуда такие слова у людей из провинциальной глубинки?» - вдруг подумал я. И почувствовал ответ, словно кто-то постучал согнутым пальцем по моей макушке: «Не из глубинки, а из глубины сердца! Да, провинциального сердца России! Незараженного цивилизацией!» У Анастасии Сергеевны даже слезы на глазах выступили.

- А знаете, - сказала она, закусив моченой брусникой, - ведь я мечтала быть гениальной, - да-да, ничуть не меньше! – скрипачкой… В консерватории училась! И вот, однажды, на концерте, в зале имени Петра Ильича Чайковского встречаю молодого человека, - ха-ха! – технаря! Железнодорожника с захолустной станции во Псковской области! Занятно стало, по тем временам, как он будет знакомиться со мной, коренной москвичкой из музыкальной семьи?! Как попытается ухаживать?! Я соблаговолила проводить меня после концерта… И вдруг, по дороге, услышав, как он

говорит о классической музыке, поняла, что именно в русской глубинке живут люди не теоритизирующие о сольфеджио, гармонии и так далее, а сами живущие музыкальной культурой и песенной природой русского народа. От Олежки во время наших дальнейших свиданий я узнавала… Нет-нет! Это, скорее, не знание, а чувство музыки. Заметьте, мировой музыки. Это - не теория, не наука, не практика, не техника… Это то, что может жить в душе человека… Если, конечно, человек верит в существование вечной души! Разумеется, семьи, в одной из которых воспитался мой муж, сейчас крайне редки! Но мне повезло. Представьте, что началось у меня дома, когда за год до окончания консерватории я объявила, что выхожу замуж за инженера железнодорожного транспорта из Псковской глубинки, естественно, бросая учебу… О-о-о! Мама пила литрами валерианку, папа – пачками валидол! Но, наконец, они согласились посмотреть на «претендента» в мои мужья. Вечер шел очень чинно! «Кокур» наливался в «наперстки». Родители мои внимательно следили, как Олег пользуется множеством ножей, вилок, ложек и ложечек, - для разных блюд… Папа теоритизировал о европейской музыке. Олег слушал, не перебивая… А когда папа замялся, он вдруг обернулся к роялю и спросил разрешения… спеть! Папа поперхнулся чаем. Мама прикрыла ироничную улыбку салфеткой. «Ну-с, и что же вы желаете исполнить?» - спросил, наконец, папа. «Если Анастасия саккомпанирует мне, - ответил Олег, - то - Серенаду Смита из «Пертской красавицы». У папы даже подбородок отвис! Я же с восторгом села за рояль. И когда Олег запел, поняла, что в который раз влюбляюсь в него! И все сильнее! Его пение выражало глубину его души! Родители оставляли Олега ночевать, - в отдельной от меня комнате, конечно. Но он, сославшись, что через два дня защищает диплом, уехал в общежитие. Потом, провожая нас на перроне, мама с плачем, никого не стесняясь, вдруг перекрестила меня. Папа погрозил пальцем Олегу: мол, головой отвечаешь за дочку!.. Ох! Как же мне поначалу было здесь тоскливо! Олег принял станцию через полгода после смерти отца, и потому целыми днями ездил во Псков «выбивать» разные строительные материалы, оборудование, новую аппаратуру… Все старое за полгода разворовали. Тогда, через силу, я занялась хозяйством и уходом за хворой свекровью. И вскоре от всего это стала получать… радость! Знаете, я теперь не понимаю женщин, раздражающихся от навалившихся на них домашних дел: уборки, стирки, готовки, воспитания детей. Не понимаю даже устающих от того, в чем главное предназначение женщины! Если ты действительно любишь мужа, детей, свой дом-очаг, то лю-бовь не может вызывать не только раздражения, недовольства, но даже усталости! А если – наоборот, значит, нет любви. Значит, ты – не женщина, или при согласии на замужество преследовала любые другие цели, но только не создание семьи с любимым человеком! Я даже на скрипке перестала играть. Так, - изредка, - когда по Олегу скучаю…

- Вы – романтичная идеалистка! – вдруг сказала Катя.

- Нет, – улыбнулась, вскинувшись, Анастасия Сергеевна, - я – реалистка! Но реальность – это не только то, что мы видим, ощущаем… Один великий хирург как-то сказал, что сделав безчисленное количество операций, он не увидел ни совести, ни доброты, ни любви и так далее внутри людей. Но совесть, доброта, любовь и так далее – реальны! Таким образом, реальность – это еще и наше поведение, чтобы видимое, ощущаемое по-лю-би-ло нас. Это наша внутренняя и внешняя жизнь, неотрывная от окружающего мира, требующая любви, любящая сама…

- Вы – поэтесса! – усмехнулся Борис. - И если бы я… И если бы я не знал вас и вашу семью, не поверил бы, что такие, как вы, существуют на свете.

«Крепко прадедушка Олега, - мученик, - молится за них! Да, видимо и другие в его роду…» - мелькнула у меня мысль.

- Ну, хватит, хватит! – засмеялся Олег, - Совсем жену мою захвалили! Она так и загордиться может! Хотя, между тем, мне не по-человечески повезло с женой! Давайте-ка, лучше наполним рюмки, выпьем и споем!

- Друзья мои! Прекрасен наш союз! – встал Борис.

- Вот за это и выпьем! – продолжил Олег.

- За всех присутствующих! – добавил Игорь… И снова я услышал «На Муромской дорожке», «Степь да степь кругом», «Утро туманное», «Гори, гори, моя звезда», «Выхожу один я на дорогу»… А потом под «Коробейника» все пустились в пляс… Анастасия же Сергеевна, выйдя на миг в соседнюю комнату, вернулась оттуда со скрипкой. И, быстро настроив ее, под гитару и баян, принялась играть и пританцовывать. Когда же все выдохлись, Тамара Петровна вдруг хитро улыбнулась и заговорщически прошептала: «А не в труд ли будет вам, уважаемый начальник станции, спеть Серенаду Смита из «Пертской красавицы»?..

Все засмеялись. Анастасия Сергеевна открыла крышку пианино. И тут же полилось: «Песнь моя летит с мольбою…».

Казалось, даже сад и лес за распахнутым окном затихли, очарованные мягким баритоном Олега… После окончания пения, все дружно захлопали в ладоши. Потом немного помолчали… Тишину нарушил Игорь: «Ну, вот что, товарищи начальник и начальница станции! Вы зачислены в нашу агитбригаду. И в следующий наш приезд, - а я добьюсь приказа председателя райпрофсожа, - будете исполнять это чудо перед слушателями вагона-клуба.»

- Ты сначала добейся того, чтобы тебе в вагон-клуб пианино выделили! – засмеялась Тамара Петровна. И добавила: «Мужчины! А не пора ли вам перекурить? И я молодость с вами вспомню! У кого есть «Беломор»? Да и надо бы хозяевам дать отдохнуть! Скоро светать начнет.»

- А чай? – вскинулась Анастасия Сергеевна.

- Да-да! – поддержал ее муж, - Настюша такой пирог испекла!

- По рецепту Олежкиной мамы, Царствие ей Небесное…

- По прабабушкиному рецепту! – поправил ее Олег.

- Ну, что ж, курить – так курить! - заключил Борис. На крыльце Олег, глубоко затянувшись, спросил: «Итак, что у нас завтра: охота или рыбалка?»

- Лучше – последняя! - поспешил сказать я, почему-то вспомнив про Вожу.

- Значит, бужу всех в половине третьего. Пока дойдем, как раз будет время удочки закидывать…

- Борис, - вмешалась Тамара Петровна, жадно затягиваясь «беломориной», - ты губы-то не раскатывай! Завтра – прием больных. Рыба, может быть, и клевать не будет. Но ты, если пойдешь на рыбалку, сам носом клевать будешь точно! Так что, хирург…

- Яволь, мон женераль! – щелкнул каблуками Борис.

- Смесь французского с нижегородским! - хохотнула Тамара Петровна. - Ой нет, прости! С немецким.

- Ну, тогда идем втроем, - заключил Олег. После чая нам оставалось поспать всего часа полтора-два. Но при открытом в чистый, нетронутый цивилизацией воздух, окне в купе их вполне хватило. И, услышав шаги по насыпи вдоль нашего маленького состава, я вскочил с вагонной полки.

Дни тянулись медленно и тоскливо. Скрашивали их наши постные застолья на Великомучениц Екатерину и Варвару, зимнего Николу, святого апостола Андрея Первозванного, святителя Спиридона… В эти праздники, как и на Рождество Христово, приходил ко князю Олегу иеромонах Феогност из дальней церкви. Исповедовал нас, причащал Святых Тайн, служил Божественную Литургию, молебны.

Всякий раз, когда Олег Рязанский возвращался из ставки Мамая, князь Герасим вопросительно-умоляюще, но молча, вглядывался в него. И всякий раз князь Олег, вздыхая, качал головой.

А на следующий день после Крещения Господня он, красноликий от мороза и ветра, буквально влетел в горницу.

- Собирайтесь-ка, князья! В купели Иордановой грехи смоем, да потом и о деле потолкуем… В доме я пока поганских ушей не учуял. Но бережоного Бог бережет. Мы выехали в сопровождении двух десятков ратников за город. Там, во льду реки еще накануне праздника была крестообразно вырублена Иордань, которую освятили местные попы. А рабы, бояре, князья, живущие Сарае, в эти дни с охотой, и даже с радостью окунались в купель. Когда мы подъехали, около нее никого не было. Князь Олег первым скинул с себя одежду и, оставшись в одной рубахе, прыгнув в Иордань, трижды ушел под воду с выдохами: - Во имя Отца! Аминь! И Сына! Аминь! И Святаго Духа! Аминь!

Мы последовали за ним. А когда, опустив ноги в валенки, закутавшись в тулупы, с чашами горячего меда отошли по льду подальше от ратников, князь Олег заговорил: «Димитрий Константинович Нижегородский с сыном Василием Суздальским и московским воеводой Свиблом опустошили мордовские земли за предательство на Пьяне. Плененных князей, воевод, ратников, оставшихся в живых, затравили на льду Итиля собаками, а тела спустили под лед. Поделом! Но Мамай - в бешенстве! Сегодня вызвал своего любимого мурзу Бегича. И при всех повелел: мол, бери войско, накажи русьских, никого не щади, всю их землю оповести, что велик мой гнев! Бегич, конечно, - в ножки, мол, будет исполнено, о, великий хан!.. Любит, недородок, когда его «великим» называют… До лета войско будет собрано и снаряжено. Мамай меня спрашивает: как, мол, лучше и быстрее пройти? Проверял, собака! Испытывал! Будто сам не знает! Я и говорю тогда, мол, есть несколько путей на Москву. Один – по берегу Оки – сытный путь! Там и деревень, и сел, и посадов много. Другой через Нижний Новгород: здесь-то уж никак не ждет московский князь Димитрий нападения твоей карающей руки… Однако сей путь уже пройден Арапшей… Голодный путь… Пустой. Третий – напрямую, южнее Рязани, через Пронск, Глебово Городище, Озера, Зарайск, Коломну. Там – места хлебные, давно набегами не тронутые. Самый ближний, прямой, на Московское княжество выход. Но я, великий хан, пошел бы тремя войсками по всем трем дорогам, развернувшись полумесяцем. Не сможет московский князь выставить заслоны против всех трех. Нет у него такой силы… Дзыкнул Мамай… А я добавил, мол, об одном прошу, не оглашай своего решения сейчас при всех, дабы не соблазнился кто донести о нем московскому князю Димитрию. Я же дам тебе, великий хан, своих проводников. За месяц до выхода войска пусть они поселятся в стане высокочтимого мурзы. А о том, какими путями вести войско, узнают только в дороге, дабы у тебя не было сомнений в моей верности. Мамай от удовольствия поцокал языком… Буркнул, правда, мол, долго идти… А я из этого понял, что пойдет Бегич через Глебово Городище. На сем совет и закончился. Посему, надобно вам, князья, скакать к Димитрию Иоанновичу. Никаких, даже тайнописанных грамот не будет. Ведь, ежели поймают вас, даже чистый кусок холстины, пергамента, или кожи – подозрение. А оно – смертный приговор: нет подозреваемого, нет и подозрения!

- Так ты полагаешь, что Бегич пойдет через Пронск и Глебово Городище? – спросил я.

- Хитер волк! Но спешит! Злоба делает человека безрассудным, а желание мести – суетливым… К тому же, с нами - Бог! Кто ж на ны? Димитрий Иоаннович пусть пошлет сторожи по всем трем путям. Но основные силы все-таки надобно направить именно на Глебово Городище. Чую: там пойдет Бегич! Сбирайтесь, князья. Через три дня выходите.

- А как же.., - начал, было, князь Герасим.

- Мы же договорились: сначала – великокняжье дело! – перебил его Олег Рязанский. Помолчал. Вдруг подмигнул: «Нашел я твою сестрицу. Потешился с ней тут один мурза. Родила она. Сына он забрал себе, а ее продал сотнику генузской пехоты, что в наемниках у Мамая.»

- Они же – христиане! – вскинулся князь Герасим.

- Ох-ти! Ах-ти! – покачал головой Олег Рязанский. - С волками живут – по-волчьи воют! Эти христиане за золото с удовольствием будут резать нас – тоже христиан!.. Однако, все – милостию Божией, к лучшему! Сестрица твоя у генуэзца живет более свободно, чем у мурзы. Сегодня встретится с ней одна верная крещеная татарка. И если сестра твоя захочет бежать, мы накануне вашего отъезда умыкнем ее. В ту ночь сотня хозяина-генузца будет нести сторожу. Я бы вас сегодня отправил… Но если есть возможность еще одну женку, тем паче княгиню, вернуть в Отчину, назначаю другой срок выхода.

- И-и-эх, – радостно бросил шапку наземь князь Герасим и расправил плечи до хруста в суставах, - разомнусь! Да и мои ратнички засиделись без дела!

- Даже и не думай! – звонко засмеялся, но туже покачал головой князь Олег. - Умыкать будут мои люди, из татар. Это же на следующий день станет известно Мамаю! А коли он узнает, что у какого-то наемника умыкнули рабыню его подданные, спешить с погоней не станет.

- Ох, и мудер ты, княже! – крутанул головой князь Герасим

- Не я, а милость Божия - к нам, грешным… Ну, а теперь – в терем. Готовиться к отъезду.

И первым вскочил на коня, по его знаку подведенного отроком… Два дня мы были заняты сборами. Князь Герасим придумывал себе и своим ратникам новое и новое занятия. Впрочем, осталось-то с нами человек шестьдесят, - остальные за последнее время пребывания в Орде были отправлены на Москву с грамотами. Князь Герасим горячился, суетился. А поймав как-то мой взгляд, виновато улыбнулся: «Не терпится Иринушку повидать!.. А вдруг она не захочет в Отчину возвращаться? Вдруг прижилась здесь?»

- Пойдем-ка, брат, помолимся! – взял я его за локоть, увлекая в молельную князя Олега. Там мы встали на колени. Я прочитал молитву по соглашению. А когда мы вернулись в горницу, увидели князя Олега.

- За ней поехали, - перекрестился он на образа в красном углу.

Я взглянул в окно: за ним был темно. Оказывается, уже наступила ночь.

- Как ты здесь один-то останешься? – положил я руку на плечо князю Олегу.

- Почему ж один?! - усмехнулся он. - Со мной – Господь наш Иисус Христос, Его Пречистая Матерь, Архангелы, Ангел-Хранитель, святые угодники Божии. А также – люди мои: купцы, рабы ордынцев, отец Феогност. Видишь, сколько?! Нас ведь здесь – целая община! Несколько сотен! Да из других поганских мест свои наезжают с вестями. А с вами мне жаль расставаться. Да. Но дело – есть дело! Сейчас присядем, меду выпьем, потрапезничаем… Ах, как хорошо, что метель поднялась…

В это время со двора послышался приглушенный конский топот.

- Привезли! – выдохнул князь Олег. - Вам лучше уйти. Не надо, чтобы ваши лики видели. Свои-то – свои. Но бережоного Бог бережет! Ступайте в верхнюю горницу. Трапеза там накрыта. И будет короткой. Некогда меды распивать. Вежи вам в дорогу собраны.

Мы ушли. Князь Герасим ходил по горнице и непрерывно поправлял лучины в поставцах. Я разглядывал яства на столе… И – безо всякого интереса. Вдруг дверь в горницу распахнулась, и к нам вкатился татарчонок. Из мехов, укутавших его, торчал только нос. Но когда он сдернул с головы пушистый лисий треух, по плечам

рассыпались длинные светлые волосы. Перед нами стояла молодая женщина с бледным лицом и большими, грутными, голубыми глазами. Она обвела нас взглядом.

- Герасимушка! – бросилась женщина к брату и, уткнувшись в его грудь, зарыдала, содрогаясь всем телом. Мы с князем Олегом вышли из горницы.

- Мешкать нельзя! – тихо, но твердо проговорил он, - Трапеза тоже отменяется. Неспокойно в городе. Я дам вам двух проводников. Поведут вас напрямки, ко Глебову Городищу. А после него сами дорогу ведаете. Княжну Ирину переоденем в отрока. Под шубу – обязательно кольчугу! Пойдем в горницу. Брат с сестрой, поди, уже намиловались…

Князь Герасим гладил княжну по голове, приговаривая: «Все будет хорошо! Все – по милости Божией, будет хорошо…»

- Да кому ж я теперь нужна, такая порченная?! – всхлипывала та.

- Какая же ты порченная?! Не своей же волей, не по похоти же… И замуж выдадим… И детей нарожаешь…

- А Николенька вырастет… - против своих же пойдет!

- Бог милостив… Ты хотя бы окрестила его?

- Тайно, мирским чином…

- Ну вот, и - слава Богу!.. Бог милостив! Будем молиться!..

- Так, - вмешался князь Олег, - сбирайтесь в дорогу! Ты, княжна, ступай, переоденься. Тебе все приготовлено. Кольчугу под шубу надень. Самую легкую для тебя выбрали… Но и самую прочную.

…Далеко заполночь наш небольшой отряд вышел из Сарая. Княжна Ирина обернулась и перекрестила место своего полона… Должно быть, - отобранного сына… А я вспомнил Елену, Аллу, детей… Сколько же времени пришлось княжне Ирине провести в орде? Вот уж пост – так пост! Если б не молитва, с тоски бы помер! «А каково же князю Олегу?» - упрекнула меня вспыхнувшая думка. Тем временем, метель усилилась. Но это было и хорошо! Наши следы мгновенно заметались. Шли о-дву-конь. Поэтому до вечера следующего дня не останавливались. По десятку дозорных посылались вперед и назад. Короткие привалы в балках и оврагах восстанавливали наши силы не намного. И только в Укске и Мохше мы смогли сделать более длительные привалы на русьских постоялых дворах. Однако княжне Ирине и там велено было оставаться в мужском облачении… Начались леса. Непроходимые! Пронск остался где-то в стороне. Проводники торопились. А уж мы – тем паче! До Глебова Городища оставалось два-три перехода, когда подскакавший передовой дозорный выдохнул: «Надо сворачивать с дороги. Навстречу поганые полон гонят.»

- Сколько? – спросил князь Герасим.

- Поганых – сотни четыре. Полон – за тысячу. Все вервками повязаны. Озябшие. Есть обмороженные. Но этих они добивают.

Князь Герасим взглянул на меня.

- А что мы можем сделать шестью десятками?! Сворачиваем с дороги! – раздражаясь на собственное безсилие, буркнул я. И наш отряд ушел под прикрытие леса. Мы же с князем Герасимом и двумя десятками спрятались за деревьями ближе других и наблюдали за дорогой. Вскоре к нам приблизились полоняне, подгоняемые погаными. Изможденные, замерзшие мужики, бабы, отроковицы, отроки, дети, связанные по десять человек, они едва волочили ноги. У князя Герасима от напряжения побелели скулы, а я ладонью сплющивал кольца кольчужной перчатки… И вдруг с противоположной стороны леса просвистели десятки стрел. Поганые посыпались с коней, словно яблоки с деревьев в сентябре. А из леса на них выскочили наши, русьские ратники. И закипела сеча.

Поганых оставалось не более сотни, когда они сплотились, отгородились от нападавших полонянами, словно щитами, подставили к их шеям ножи и один из них

крикнул: «Уходи, урус! Сделаешь шаг, всех порежем… Здесь такие красивые бабы и девки! Или детей тебе уруских не жалко?!»

Мы с князем Герасимом переглянулись. Спины ордынцев были открыты для нас. Он сделал знак, и каждый наш ратник одну за другой выпустил по три стрелы… Все они нашли свои цели. Поганые не ожидали такого. А тут еще и полоненные мужики, удавили нескольких ворогов веревками, которыми сами были связаны. Некоторых посекли ратники, врубившиеся уже в ряды ордынцев. Десяток, случайно оставшихся в живых, сбившись в кучку, стояли прямо в снегу на коленях. Мы тоже выехали на дорогу. И тут я услышал знакомый голос: - И-и-и! Князь Ляксандр! Какими путями здесь оказался?»

В ратнике, руководившем сечей, я узнал князя Глеба из Городища.

- Божиими путями! Божиими! И Великокняжьими! - весело ответил я, подъезжая к нему. Мы обнялись, не спешиваясь.

- А мы, вот видишь, полон преследовали. Едва угнались! Еще немного, и – все! В степи их мне было бы не взять! Слава Тебе, Господи! – перекрестился он. Из леса выехали отроки с запасными конями. Полонян одевали во что придется. Детей и баб с младенцами посадили верхом…

- А что с этими делать, отец? – спросил князя Глеба молодой ратник в наборном доспехе, кивнув на полоненных поганых.

- А этих, сынок, связать и гнать бегом впереди нас. Там, впереди – река. Прорубь. Хватит с ними милостивиться. Они, к тому же, - не ханские. Разбойники. Моих людей полонили, мой суд и будет.

- Сын? – кивнул я на ратника.

- Княжич Михаил. У Димитрия Иоанновича служит. Не встречались на Москве? Вот, приехал на побывку, навестить нас, стариков. Не успели за трапезу сесть, а тут – набег! Алешню, Лужки, Козловку, еще пару сел, да пяток весок ограбили. На Городище напасть не решились.

- Познакомься, - кивнул я, указывая на попутчиков, - князь Герасим, сослуживец мой, добрый ратинк. А это сестра его, княжна Ирина. Тоже в полоне была…

- Ох-ох-ох! – покачал головой князь Глеб. - Когда ж Господь гнев Свой на милость для Отчины нашей сменит?!

- Сдается мне, что скоро. Сдается мне, что и тебе, князь, надо с нами на Москву идти. Еще сдается, что коли не пойдешь, пришлет за тобой гонца Великий Князь. Большое дело назревает. Прости, более молвить не могу…

Князь Глеб пристально посмотрел мне в глаза. Потом обернулся к сыну: «Слышь, Михаил, надо на Москву идти. Сейчас, Бог даст, вернемся. Денек отдохнем и двинем. А?»

- Как скажешь, отец, - отозвался тот. В пойме ближайшей реки мы сделали привал. Ратники развели большие костры. Люди грелись, снова радовались жизни, воле и горячим яствам. А ратники уже долбили прорубь на реке. Вскоре раздались несколько истошных вскриков. Бывшие полоняне крестились, отворачивая от места возмездия взгляды. А князь Герасим только и сказал: «Собакам – и смерть собачья!»

- Господи, помилуй! – перекрестился я, но, вспомнив свой полон, Елену, детей, твердо повторил за ним. - Собакам… Господи, прости меня! Грешен! Немощен! Не могу по-другому!

Мы сидели у костра. Князь Глеб, глядя на княжну Ирину, жалостливо молвил: «Вот приедем в терем, ты в женское, русьское платье облачишься. Уже можно! На своей земле. В обиду не дадим.»

А я вдруг почему-то сказал: «Ну, уж нет! Вот хочется мне, чтобы князь Ондрей увидел ее в облачении ратника…»

- К чему это ты? – откинулся назад князь Герасим.

- Не ведаю даже! Просто думка такая пришла…

- Хватит балаболить, - встал князь Глеб, - По коням!

Мы снова двинулись в путь и в конце второй седмицы были уже в Москве. Подходил еще один Великий пост. И я торопился до его начала увидеть Аллу. А она, несмотря на поздний вечер, встретила меня хлебом-солью и чарой меда.., заметно пополневшая, заговорщически улыбающаяся и опускающая глаза на свой живот…

- И-и-эх! - со всей силой бросил я чару на доски крыльца, подхватил Аллу на руки и внес в терем. А на следующее утро, после ранней Божественной Литургии стоял перед Великим Князем и докладывал ему обо всем, о чем повелел рассказать князь Олег Рязанский.

- Невеселая, настоящая Великопостная весть. Искушение! – крутанул головой Димитрий Иоаннович. - Но делать нечего. На все - воля Божия. Будем рать собирать… Да, ты вечером приходи с княгиней на заговение… Знаю я, все уже знаю! Мы все молимся за непраздную болярыню Аллу.

- Таков уж Великий Князь Димитрий Иоаннович! Не по именитости и родству он приближает к себе людей, а по заслугам перед землей Русьской… - прощаясь, похлопал на крыльце меня по плечу князь Володимир Ондреевич.

Заговение удалось на славу! А на следующий день началась Масляная седмица! И по брошенному между нами, - соратниками-князьями, - жребию, первый день выпало праздновать у меня в тереме. Афанасий до света еще аж зарумянился от хлопот. Алла уже не переносила многие запахи. Поэтому пришлось сколотить временную поварню во дворе, вокруг летней печи. Но и зимняя, в тереме, топилась вовсю. Афанасий впереди остальных сам подставлял спину под мешки с голубоватой, крупчатой мукой. И бежал в поварню, где уже дыбилась пузырчатая опара. Накануне он сам же ездил на торг, - закупил осетров, стерлядок, сигов, налимов, белорыбиц, ершей для ухи, судаков, распухших от икры, соленой севрюжины. На другом возу привез несколько бочек медов и вин. Из подмосковной подогнали сметану, творог, яйца, мед, соленые грибы, моченые яблоки, бруснику, клюкву, другие летние заготовки. Алла собственноручно поднесла возчикам по чаре медовухи и повелела остаться до первых блинов. Афанасий, тем временем, сам управляя, привез с торга несколько боченков черной и красной, крупной, - с отонками! - жирной икры. Благодаря ему, горы всякой снеди, которую можно вкушать холодной, загромождали столы уже после полудня.

Я оглядел трапезу, обнял Афанасия: «И как же мне тебя благодарить, друг ты мой сердечный?»

- Погоди, княже, есть у меня для тебя еще подарочек, - мотнул тот головой. И открыл боковую дверь в людскую. Из нее показалась монахиня… Матушка Агафья?! Да! Это была она! Но как же она похудела! Даже как бы росточком меньше стала! Я не смог не опуститься перед ней на колени. А она, как когда-то, перекрестила меня и поцеловала в макушку.

- Вот, - сказал Афанасий, - подвизалась в малом монастырьке. Поехала в Коломну за свечами, маслом лампадным. А вернулась к одним головешкам. Арапша сжег! Всех старших сестер порубили, а младших в полон увели. Вчера увидел ее на торге. Акафист Пресвятой Богородицы пела. Милостыньку просила.

Я поднялся с колен: «Ну, вот что! Завтра же испрошу у владыки Алексия соизволения, чтобы ты, матушка, оказала нам милостыньку: осталась жить в моем доме.»

- Да на что ж я гожусь? Старая да хворая?! – всплеснула она руками.

- На радость нам всем! – обнял я ее за сухонькие плечики. И, обернувшись, повелел: «Позовите княгиню!»

…Мы с матушкой Агафьей, Афанасием и Аллой сидели на лавке, и я вспоминал, - для жены, - как все было когда-то… Нас прервал князь Герасим,

ввалившийся в горницу со своей княгиней и сестрой. И тут следом за ним влетел князь Ондрей.

- Ох! И замаслялось на Москве! – весело крикнул он с порога, снимая шапку и христосуясь со мной, князем Герасимом, его женой и Аллой. Вдруг остановил взгляд на княжне Ирине… Постоял молча, поклонился… И тут я увидел, что наш князь Ондрей… покраснел. Вспыхнул румянец и на щеках княжны. Она опустила глаза и отошла за спину брата. И в это время как раз подошли князь Глеб с сыном, отец Антоний и другие гости. После молитвы замаслелось и на нашем столе. Княгиня Алла коснулась моего локтя и глазами указала на князя Ондрея, который не сводил взгляда с княжны Ирины.

- Глядишь, честным пирком, да - за свадебку?! – шепнула она.

- Дай-то Бог! – перекрестился тихонько я. И поймал переглядывания князя Герасима с женой, которые тоже заметили состояние Ондрея и Ирины. Та, нет-нет, да и тоже взглядывала на нашего боевого самострельщика, вспыхивая тут же лицом и опуская глаза.

А блюда, напоненные блинами с икрой, медом, сметаной, с рыбой и другой снедью не успевали опустеть. Тут же, по жесту Афанасия, зорко и весело следившего за столом, наши домочадцы наполняли их… Застолье закончилось поздно. Отец Антоний прочитал благодарственные молитвы, и я отправил двух мужиков проводить его.

- Завтра про-о-ошу всех - ко мне, – загудел на крыльце захмелевший князь Герасим, - и – пораньше! Мой терем – на горке! Мы еще должны на санках покататься… Как раз - к самой Москве-реке! Там деревянная стена разобрана, а каменную пока не сложили… Князь Ондрей! По-орань-ше!

- Может быть, останешься у нас? – спросил я князя Ондрея.

- А что, есть о чем потолковать? – хмыкнул он, провожая взглядом княжну Ирину.

- Какие могут быть толки на Масляной?! Блинов еще поедим, медку попьем… А? - положил я руку ему на плечо.

- Нет-е-ет, – мотнул он головой и снова посмотрел туда, куда только что ушла княжна, - я с утра – на ногах. Подустал. Пойду, высплюсь.

- Да ведь, не заснешь! И в себе ты еще пока не разобрался… Одна кручина – для души и сердца! – убеждал я.

- А ты… А ты что-то заметил во мне? - опустил он глаза.

- А то! И я, и княгиня моя, и князь Герасим с женой… Даже, сдается мне, отец Антоний, и тот заметил, как княжна Ирина к сердцу твоему прилепилась.

- Скорее, сердце мое – к ней! – вздохнул он вдруг.

- Ты же ничего про нее не знаешь!

- А мне и знать ничего не надобно! Чую только: хлебнула она горюшка по самую макушку… А сердца своего не замарала! – опять вздохнул он. И добавил: «Нет! Мне одному побыть надобно!»

…Всю Масляную солнце бушевало, расцвечивая всеми цветами радуги вязь наличников на палатах, теремах, истбах. Народ катался в изукрашенных санях, на тройках под звон бубнцов, подвешенных по всей разноцветной сбруе коней… Звучали задорные песни, частушки… Меды лились рекой. По улицам носили горячие блины, пироги, расстегаи, кулебяки… То и дело слышались разухабистые голоса сбитеньщиков: «Вот сбитень! Вот горячий! Кто сбитню моего? Все кушают его: и воин, и болярин, и батюшка, и дьяк, и скороход, и весь честной народ!». Даже чинные седобродые купцы, боляре с женами, - и те с гитаньем и визгом неслись по оледенелым горам со всех Московских холмов к реке на санках. Про молодежь и говорить нечего… Эти, - прямо на ногах, под одобрительный и подбадривающий смех, скользили по многосаженым черным, извилистым, сверкающим на солнце, потокам льда.

Алле я не позволил забавы на санках, хотя она и канючила, словно была младше дочери. Зато Георгий, Ольга, царевич Петр, Ивашка, дети Герасима, других знакомцев, ставших на Москве уже многочисленными, резвились вовсю! Мокрые от снега, зато румяные, выбирались они внизу из сугробов, беззлобно подталкивая друг друга, и, казалось, безпричинно хохоча.

А вечерами мы ходили по гостям. Но в самом воздухе уже было что-то требующее совсем другого от души, требующее поста, покаяния… К нему прибавлялось предчувствие предстоящей битвы с тьмами Бегича. Должно быть, поэтому в первую пятницу Великого поста, после Божественной Литургии Преждеосвященных даров, Димитрий Иоаннович собрал самых близких боляр, воевод, князей, сотников, служивших для особых поручений. Естественно, молитву перед началом военного совета читал уже совсем немощный митрополит Алексий.

Русьская Земля готовилась к битве. Только к главной ли?

Я, как и многие поскакал по городам и весям с повелением Великого Князя собирать полки, дружины, ополчение. После масляничного потепления ударили морозы. Последним на моем пути должен был стать Псков. Радовало то, что опять я шел с отборной сотней князя Герасима, - на пути нас могли ждать разъезда Ягайлы, литовские разбойники, давно уже повадившиеся на наши западные земли. И порой доходили аж до самых Гжатска и Ржева.

Олег усадил нас на крутом бережке, над тихой заводью большого лесного озера, уходившего поворотом в густой лес. Сам же он пошел снимать вендеря, верши, «телевизоры». Туман уже рассеивался. Небо рассветало. Кувшинки и лилии, сплетая свои ароматы почти в реально видимые узоры, застыли на водной глади.

- Хорошо здесь у вас! – вздохнул я полной грудью чистый утренний воздух. - А люди какие! Спокойные. Добрые. Веселые. Счастливые!..

- Счастливые? – переспросил Игорь, выдергивая из воды плотвичку. - Счастье… Оно, наверное, - не в безгорести, а в умении оставаться жизнелюбивым и спокойным в самых страшных несчастьях. Вот, возьми хотя бы Тамару Петровну… Она была заведующей отделением огромной больницы. И знаешь, почему ушла? Точнее: ее «ушли»… Отказалась делать аборты! Сказала: я на войне девчонкой раненных русских солдат с поля боя на себе вытаскивала, а теперь должна убивать будущих русских солдат? Ее в Москву вызывали. Грозились из партии исключить! Тогда она просто уволилась. А через месяц у нее муж погиб. Попал под машину, которой управлял пьяный водитель… Дети выросли. Разъехались по другим городам. Старый друг мужа взял ее к нам, на «железку». Возраст у нее уже пенсионный. Но она как-то призналась, что умерла бы с тоски дома, если бы не наша поликлинника на колесах… Борис вообще был главным хирургом города. Светило! Его в Ленинград приглашали, в институт какой-то. А он, - ему тогда едва за тридцать перевалило, - привез из отпуска, из Литвы, по-моему, красивую такую бабу! Да еще с ребенком! Тому уже лет десять было. Женился. Прописал к себе. А она его через четыре года возьми, да и выгони! Да еще как! С мордобоем! Все лицо, говорят, себе расцарапала. А сынишка ее, усыновленный Борисом, - не гляди, что малек! – чем-то тяжелым по затылку его ударил… Еще и милицию вызвал. А там, как потом оказалось, любовник этой стервы – начальник отделения. За Бориса полгорода вступилось. Отмазали! Но этим дело не кончилось. Пока все разбирательства шли, эта стерва литовская через того же любовника выписала Бориса из его же собственной квартиры. Все тогда ему говорили: подай, мол, в суд! А он что удумал? Выпил с горя и портрет этого начальника отделения милиции на обкомовской доске почета, в центре города, среди бела дня черной масляной краской замазал. Это уже – дело политическое! Тут такой шум поднялся! Но Борис и на партийную комиссию пьяный пришел. Выложил партбилет и говорит, мол, если в КПСС и на досках почета такие подонки уживаются,

то я ними рядом, а тем более в одной патрии быть не желаю. После этого он жил у друзей, знакомых… Прописался где-то в пригороде. А живет теперь в вагоне-поликлиннике. Про Ирину Владимировну вообще говорить страшно… Поехала она, еще лет десять-пятнадцать назад, с комиссией от облздравотдела проверять лагеря заключенных. У нас на Псковщине их - немало… А в одном из них – бунт… В газетах-то об этом не пишут, чтобы не «искажать социалистической действительности»… Так вот, ее, бедняжку, захватили в заложницы. И, как говорится, «пустили через весь барак»… Бунт-то этот подавили… Страшно подавили… Но Ирине несколько операций сделали… Едва жива осталась! Все что можно, по женской части, вырезали: так над ней в зоне измывались, искалечили… Поэтому она - такая худая. Муж ушел… А она, похоже, однолюбка…

- Я должен о каждом из них очерк написать! Конечно, не о горестях и несчастьях.., - начал было я…

- Ты лучше тяни! У тебя поплавок под воду ушел! – крикнул Игорь. И я вытащил окунька граммов на двести.

- Свои беды и у Кати, и у Антонины, и, уж тем более, у Маргариты. Она больше года просидела в следственном изоляторе с обвинением в бо-о-ольшой растрате. Но хороший мужик из прокуратуры попался. Раскрутил дело в обратную сторону и вышел на замдиректора магазина, которая уже и дом себе новый, двухэтажный на берегу озера построила. Зато, муж Маргариты, за время ее ареста, развелся с ней, сошелся с другой и увез дочку в неизвестном направлении. Вот и суди сам: счастливые ли они? – вздохнул Игорь.

- Что это вы невеселые сидите? Не клюет? – раздался из-за кустов голос Олега. Он вышел к нам с мокрым мешком снастей и большим, полным ведром рыбы.

- Почему? - заулыбался Игорь. - Десяток окуньков, линек, язек… Но все равно – не чета тебе! Во-он какой улов!

- Сейчас я спининг заброшу, - хмыкнул Олег, и с первого же раза вытащил небольшую щучку. Потом посмотрел на меня. Видимо увидел зависть в глазах. Спросил: «Хочешь попробовать?»

- Никогда не бросал… - пожал я плечами.

- Научишься! – вложил он в мою правую руку спининг и вместе со мной медленно забросил. Я начал крутить катушку. Вдруг сильно и резко дернуло, повело в сторону...

- Крути! Крути! И поддерживай! – азартно блеснул глазами Олег. А сам, схватив подсачек, спрыгнул обутым в воду. Подвел его под сверкающую чешуей рыбину и выволок ту на берег.

- И-и-эх! И хор-рош судачок! – крутанул он головой.

- Никогда таких не вылавливал! – восхитился я.

- У вас, под Москвой рыба вся выловлена. А та, что осталась, потравлена, - вздохнул Олег, - здесь же места – чистые, живые, как небо…

Я с благодарностью посмотрел на него. И вдруг заметил знакомый цвет живого неба в глазах этого начальника заштатной станции. А он еще и еще бросал спининг и каждый раз снимал с крючков блесны новую добычу. Когда солнце оказалось над лесом и поднялся легкий ветерок, наводивший рябь на поверхность озера, Олег объявил: «Все. Клева больше не будет. Но, по-моему, нам и так достаточно. Сейчас Настасьюшка ушицу сварганит, а что-то пожарим на обед и на ужин. Где ж вы еще такой свежатинки попробуете?! Да и в дорогу вам останется.»

- А себе-то?! – спросиля удивленно.

- Я вечером еще вендерьки и телевизоры поставлю.

Когда мы подошли к дому, увидели, сидящих на крыльце, Анастасию Сергеевну и Маргариту.

- А вот и наши рыбаки! – весело, совсем по-молодому вспорхнула хозяйка дома. А увидев два полных ведра, в которых из-за рыбы и воды не было видно, всплеснула руками: «Ай-да, молодцы!»

И поцеловала мужа в щеку. Повернулась к нашей продавщице: «Почистим, Маргошечка, пока доктора наши просыпаются, а мужчины себя в порядок приводят?»

Та кивнула. И они обе, постелив клеенку на дощатый стол, вкопанный в палисаднике, взялись за ножи. Тут же откуда-то понабежали куры, утки, кошка, два котенка и бросились отнимать друг у друга рыбьи потроха, которые женщины специально сбрасывали им.

- Клюйте, мои дорогие, клюйте! Порадуйте нас к праздничку! – словно к людям, обращалась к ним Анастасия Сергеевна. А, поймав мой недоуменный взгляд, пояснила: «От рыбы у кур яйценосность повышается в несколько раз».

Я вспомнил похожую картину на Воже. Только здесь куры казались воспитаннее: потроха высоко не подлетали… А может быть, просто стеснялись вежливого тона хозяки? Олег вынес из дома два тулупа, расстелил их на траве, в тени старой яблони. Предложил: «Здесь на воздухе – лучше, чем в вагоне.»

Мы согласились. И действительно какой-то час сна полностью восстановил мои силы. Олег уже обмывался по пояс у колодца. Я присоединился к нему, не стесняясь снять рубашку. Тем более, что Игорь еще спал. Колодезная вода обжигающе ласкала. Я даже вытераться не стал. И вдруг раскомандовался: - Так. А теперь – за дело! Иди-ка, брат, облачайся в официальный парадный мундир и пойдем, я сделаю несколько снимков на фоне станции. Потом задам несколько вопросов.

- А нужно? – хмыкнул Олег.

- Обязательно! Не лишай меня честно заработанного куска черствого журналистского хлеба!

- Ну, если только так… - пожал он плечами и, уйдя в дом, скоро вернулся в новеньком мундире современного железнодорожника. Я фотографировал его стоящим с флажками, как бы пропускающего поезд, на фоне «пряничного домика» станции, в кабинете, за рабочим столом, с телефонной трубкой в руках, за пультом дежурного… Но все это мне вдруг показалось каким-то стандартным, мертвым, штампованным! …Тут нас позвали завтракать. Доктора, закройщица и медсестра проснулись и шли уже к дому, что-то обсуждая. Борис, умываясь у колодца, хохотнул: «Уже в купе мы почувствовали запахи ухи и жареной рыбы… Поэтому поспешили!»

- Пациентов до вечера хватит! – покачала головой Тамара Петровна.

- Вот поэтому и надо хорошенько покушать! – разливала по тарелкам уху Анастасия Сергеевна.

- И меня тоже с заказами ждут.. - вздохнула Антонина… После ухи уже ничего не хотелось. Но, пришлось есть через силу. Свежая, жареная рыба таяла во рту. И опять вспомнились Вожа, дядя Леша… Я встретился взглядом Олегом.

- Что-то не так? – насторожился он.

- Если говорить про обед, то он действительно не такой, как в «цивилизованном» мире. А вот снимки получаются какие-то неживые! Такие видишь во всех газетах: хоть в «Строительной…», хоть в «Литературной…». Штампы! – мотнул я головой.

- А вы наш альбом семейный посмотрите. - вдруг предложила Анастасия Сергеевна.

Игорь поел быстрее всех. Уходя почистить старенький кинопроектор и затем помочь Маргарите, спросил: «У тебя есть дела?»

- Да, - задумался я, - надо уточнить кое-что для материалов.

- Хозяин – барин! – бросил он и убежал. Скоро ушли и остальные. Анастасия Сергеевна здесь же, на садовом столе, в тазу мыла посуду. Мы же с Олегом раскрыли

толстенный фотоальбом, изукрашеный лилиями в стиле декаданса. Я начал листать, а хозяйка дома, заглядывая через наши плечи сбоку и сверху, дополняла объяснения мужа. И тут, рассматривая снимки, я вдруг вспомнил, что такие же добрые, искренние, умные лица светились глазами цвета живого неба с фотографий в комнате Агнии Вениаминовны, - Царствие ей Небесное! Потом, словно в кино, раскручивалась пленка молодой семьи: свадьба, Венчание, первенец, праздники, будни, рыбалка, охота… А на предпоследней странице альбома я увидел мастерские фотографии. И на одной из них – Олег в грязном старом мундире подбивает мастерком на свежей кладке кирпич, а жена в сбившейся косынке и тоже грязном переднике подает ему другой.

- О-о-о! Это наша «комсомольская стройка»! – засмеялась Анастасия Сергеевна, - Три года назад Олег «пробил» деньги на постройку нового здания станции. Старое-то с 1912 года не ремонтировалось! А тут – война, революция, разруха, другая война, оккупация… Латали-перелатывали! И дедушка, и папа Олежки! Да, все равно! Что могло приключиться из резного деревянного теремка за такое время?! Гниль! Поэтому больше половины помещений старого вокзала вообще снести пришлось. И вот, три года назад привезли кирпич, цемент, - все, что нужно. Прислали бригаду каменщиков. Но те работали только до обеда, а потом пили, да в деревню ходили, безобразничали… А уж кирпич-то клали, - не приведи, Господи! Олег смотрел-смотрел… Потом отстранил рукой бригадира… И сам начал класть. А я – в подсобницах! Чуть было, весь огород не запустила! А у нас как раз гостил мой брат. Он – художник, только - по фото. Аппаратура у него – вся импортная, дорогущая! Вот, он и сделал несколько снимков…

- Так ведь это – то, что надо для очерка! – кровь ударила мне в голову, - Начальник станции, сам, с супругой, построил настоящий сказочный, «пряничный домик»! И как же он хорошо будет смотреться рядом с другими снимками! Как зовут вашего брата? Если снимок напечатают, я же не смогу не указать его автора!

- Витюше этого не надо! Он сейчас – заграницей, - покачала головой Анастасия Сергеевна, - наверняка, и «Гудок» не читает…

- Нет-нет, так положено! – и я записал данные брата хозяйки. И тут же горячо попросил: «Дайте мне на время несколько фотографий! Хоть под расписку! Я верну обязательно! Ценной бандеролью! Нет, поездом, с проводником, как только отпечатки с них сделают. Игорь встретит! И привезет в целости и сохранности. Зато, какой материал может получиться!

Анастасия Сергеевна перевела взгляд с фотоальбома на мужа. Помолчала. Потом сказал ему: «Ты – глава в доме, тебе и решать…»

И ушла. А меня вдруг обожгла мысль, которую я тут же высказал: «Олег! Разреши мне назвать очерк «Жена начальника станции»? И на фоне Анастасии Сергеевны показать тебя, как производственника, русского человека, болеющего за свое дело? Производственная тема – лишь прикрытие. Я хочу показать, какой должна быть русская семья. И, в первую очередь, - женщина! Русская женщина! Тыл для мужа! Сам ведь знаешь, что у всего «экипажа» нашего поезда семейная жизнь не выдалась. И так – повсюду! Должны русские люди вспомнить свое предназначение! Вспомнить, как жили предки! Как по-доброму жили! По Закону Божиему!

Олег задумался. Потом тихо проговорил: «Да, знаю, рушатся русские семьи… Один наш великий соотечественник перед смертью сказал в завещание сыну, что *семья – основа государства*. Вот и выходит, что, разрушив семью, очень легко можно разрушить государство. Здесь-то еще нет такого. Даже пьяниц жены терпят! Жалеют… Жалуют… Говорят, что несут свой крест… А вот в городах, особенно в больших, гражданские браки даже в моду вошли. А чем они скреплены? Одним физическим влечением разных полов друг ко другу. Прошло влечение, можно прекратить этот брак, вступить в другой…

- А кто сказал про основу государства? – перебил я, давно знакомые мне его рассуждения о гражданских браках. И приготовился записать.

- Зря не пиши. Цензура не пропустит. А сказал сие Император Всероссийский Александр Третий Александрович Миротворец, умирая… Кроме всего прочего, завещал своему сыну, будущему Императору Николаю Второму Александровичу следующее: «Береги семью. Она – основа Государства!» Так положено и по Закону Божиему. А забыв про него, человек предает Бога. Как предает? Слово «бла-го-со-сто-я-ни-е» понимается теперь, не как мир душевный в семье, а как измерение материальных благ и средств на потребу желудка и других похотей: квартиры, машины и так далее. А какое при таком подходе может быть благословение Божие над «благосостоятельными», с позволения сказать, семьями?! И не только над ними, но и над всем их потомством, над следующими семьями… Если не покаются, конечно. И - не искупят страшные грехи предыдущих поколений. Богоборцы именно разрушение семьи использовали. Дед рассказывал, что приехала после революции к нам «бригада» во главе с бабенкой такой непричесанной: лохмы, едва прикрытые красной косынкой, во все стороны торчат… И стала она убеждать местных, что жены и мужья должны быть общими, что семья – это предрассудок «проклятого» прошлого… Кричала, я, мол, с любым вашим мужиком пойти готова! Призывала женщин эмансипироваться…

- И что же с «бригадой» стало? – перебил я.

- А никто не знает… Болтали, будто пропагандистку бабы местные забили… А остальные сбежали. Вот тогда и приехали чекисты. Всех «церковников», купцов, врачей, учителей да наиболее работящих мужиков увезли во Псков… Никто обратно не вернулся… А по стране поползла эмансипация, словно ядерная реакция. Заодно и мужчинам стали платить меньше… Этим уравняли с женщиной. Та стала «самостоятельной», мол, и без мужа ребенка воспитаю. Даже затрат меньше, чем при муже… А в таких неполных семьях вырастают мужчины, - ни в армии служить не способные, ни главой дома стать! Они привыкли подчиняться женщине. Вот, возьми, хотя бы, семью Игоря нашего. Жена его хочет, чтобы муж получал больше других культработников и в то же время сидел бы дома, у ее юбки… Как какой-нибудь руководитель ансамбля баянистов, работающий день-два в неделю, или киномеханник, показывающий в день один-два фильма. И пилит, пилит его! Скандалит… А ведь так не бывает, чтобы не работать и деньги получать. Даже жулики, воры, бандиты разных мастей, - и те по-своему «работают»! Но не из пальца же жена Игоря свою такую идеологию высосала. Я понимаю: наследственный грех Евы. Но сколько было святых женщин, поборовших его, выполнивших назначение Божие, с которых нашим женам пример брать и брать?! Однако, нет. Они властвовать хотят. Значит и она, жена Игоря, воспитана с этим душком. И не результат ли этого воспитания, этого мировоззрения – сынишка-инвалид? Это, думаю, - искупление грехов тех, кто воспитывает подобных «ев»… Прости, Господи, за умствования мои! Но страшнее всего сие - для воспитателей и предвоспитателей. Этих потомки просто забывают! Почему? Став эмансипаткой, женщина бросает вызов Богу. Бог отпускает ее: иди, мол, коли желаешь… Она перестает ходить в церковь. А значит, перестает молиться за усопших! Я знал таких! Они если и молились за родителей, то с осуждением! Или – по привычке, механически. А в храм ходили с чувством гордости горьковского Сатина: вот, мол, я какая, - са-мо-сто-ятель-ная! Такие, - после Бога, - забывают историю России, корни свои! Воспитывают не только неспособных мужчин, но и того хуже: «иванов-не-помнящих-родства». Некогда, мол, мне об Отчизне, о ее истории и будущем думать, мне ребенка на ноги ставить надо! А ведь еще Александр Сергеевич Пушкин писал, что у народа, забывшего свою историю, нет будущего… Но, что это мы все о грустном?! Давай, Александр, пиши, как задумал! И фотографии отбирай, какие приглядишь с твоей профессиональной точки зрения…

- Погоди, - задумчиво перебил я, - а Царь Николай Второй выполнил завещание отца?

- Правильнее будет сказать: выполнял. Я не могу сейчас тебе доказать это на фактах и цифрах… Надо перебрать бибилотеку. Найти источники. А то моя Настасьюшка припрятала их «от греха»… Говорит, мол, рано на виду держать, приберегем для будущих времен… А ты в Москве сам все можешь найти. В «Ленинке», в спецхране есть статистические данные тех времен. Учитывая их динамику, скажу тебе только одно: если бы не убили Петра Аркадьевича Столыпина, и.., ну.., не было бы последующих событий, Россия к тридцатым годам стала бы самой могущественной державой в мире… О, глянь-ка!

Он показал за мою спину, и я обернулся. Из-за дома вышла Анастасия Сергеевна с огромной охапкой садовых цветов.

- Ну, вот что, дорогие мужчины. Я предлагаю вам сделать сюрприз женской половине «культурно-бытового поезда». Пока они работают, пройдитесь по купе и поставьте в каждом по букету.

- Какая ты у меня.., - приобнял ее за плечо Олег и бережно поцеловал в щеку, - а я, старый пенек, должен бы сам об этом догадаться…

- Тоже мне: «старый»! - вдруг покраснела Анастасия Сергеевна, - Идите-идите! А как совершите эту «диверсию», можете сходить искупаться. Здесь недалеко есть маленькое лесное озерко. Вокруг – сосны! Дно - песчанное! Вода – целебная! Всем анапам - до него, как до Луны! Это – наш пляж.

Я вспомнил, что не взял в командировку плавки и немного смутился. Олег заметил и это.

- Я в этом безлюдье всегда в «семейных» трусах купаюсь… А то - и нагишом, если на дальних озерах! – понизил голос он.

- А как же остальные? – спросил я, - Они же работают…

- Мы с ними еще раз в сумерках сходим… Я, пожалуй, тоже с вами прогуляюсь, - ответила Анастасия Сергеевна и ушла в дом.

…Небольшое, - метров тридцать в диаметре, - круглое, как блюдо, сверкающее золотистой водой, озеро играло бликами, отражая их на огромных ярко-оранжевых стволах сосен. Они окаймляли его, словно стражи, охраняющие сокровище… Олег, действительно, в длинных, черных, сатиновых трусах с ходу бросился в это расплавленное золото. За ним – я. Вода была теплая, но взбадривающая. Доплыв саженками до другого берега, мы вернулись обратно. Анастасия Сергеевна дождалась, пока мы выйдем, и плавно, не торопясь, без брызгов, повторила наш путь. Развернувшись, она остановилась на середине озера и долго без всплесков ласкалась водой. В этом зрелище было что-то невыразимо прекрасное, немного сдераживаемо-страстное, неожиданное и незнакомое. Я даже отвернулся и закурил.

…А поздно вечером мы с хозяевами всем «экипажем», опять в палисаднике, пили травяной чай из самовара на углях, с вишневой наливочкой. Посредине стола, - кроме закусок, - возвышалось блюдо с пирожками, начиненными рыбой, луком, рисом, горохом, грибами, разными видами повидла… И тут я вспомнил, что сегодня – пятница! Вот ведь… «И как же Анастасия Сергеевна все успевает?!» - восхищенно подумал я, уже через силу надкусывая очередной пирожок с какой-то незнакомой мне по вкусу рыбой. Наконец, мы стали прощаться с хозяевами. Завтра, точнее - сегодня ночью наш поезд должен отбыть на следующую линейную станцию.

- Поднимать я тебя не буду. Вам всем надо выспаться, - обнял меня Олег, отведя в сторону, - Желаю тебе душевного спасения, телесного здравия и держаться в журналистике той линии, которую ты выбрал… Будет возможность, приезжай. Хотя, понимаю, что это – маловероятно… Но, сердце – сердцу в молитве весть подает.

- Знаешь, мне в Москве тебя некуда пригласить, - со стыдом опустил я голову, - У меня, как у Бориса, нет даже купе в вагоне-поликлиннике… Но, найти ты меня

сможешь в храме Воскресения Словущее на улице Неждановой. Там настоятель – отец Валерий. Наш батюшка! Я ему о командировке все расскажу в подробностях. Так что, когда приедешь и зайдешь, просто напомни. А он уж все устроит. Ну, еще можешь найти меня по этому телефону. Там живут Василько, Николай и Мария. Тоже – наши! Через них я к вере пришел. Позвони им, когда будешь в Москве. Спаси тебя Господи! А за фотографии не волнуйся! Верну обязательно!

Я протянул ему листок из блокнота с номером телефона… Подошел к Анастасии Сергеевне и поцеловал ей руку… А проснулся в своем купе от толчка: наш «культурно-бытовой поезд» тронулся. За окном начинался рассвет. На следующей станции повторилось то же, что было и на предыдущей. И на третьей, и на четвертой… То же, да не то… Не было таких, как Олег и Анастасия Сергеевна. Начальники или главные инженеры тоже накрывали столы. Были песни, купания, рыбалка… В вагоне-клубе нашлась древняя чугуная пишущая машинка, на которой я напечатал почти все, что задумал. На одной из вынужденных стоянок, «у очередного столба», я усадил Марину Петровну в ее купе-кабинете за рабочий стол, а напротив – Ирину Владимировну, «игравшую» роль пациентки и с ее спины сфотографировал. Потом менял их местами. На какой-то станции сфотографировал Маргариту, демонстративно взвешивающую килограмм сарделек женщине в железнодорожной форме… Написал короткую заметку и об Антонине. Сфотографировал и ее… Так пролетели еще двенадцать суток. И рано утром мы въезжали обратно во Псков.

- Ого! – выглянув в окно, мотнул головой Игорь. - Сам председатель райпрофсожа встречает! Со свитой!

Как только я вышел из вагона, ко мне подскочил худощавый, низенький, лысеющий, с быстрыми, близко посаженными, темными глазками и красным прожилками на носу и щеках, в плохо отглаженных брюках и серой рубашке с галстуком начальник местного профсоюза. Протянул руку: «Пенкин Илья Михайлович. Хотелось бы узнать, в двух словах, о результатах вашей проверки. Подробно можно будет поговорить у меня в кабинете. А?»

Я улыбнулся, представился: «Ну, во-первых, это – не проверка, а редакционное задание написать о лучших людях, об их передовом опыте. И я могу твердо сказать: результаты – самые благоприятные!»

Илья Михайлович расплылся в довольной улыбке: «А как же?! Работаем! Работаем, не покладая рук! Ночей не спим! Все - для линейных станций! Чего стоит эти сардельки «пробить»! А колбаску?! А тушенку?! Их вы во Пскове не всегда купите! А точнее, чаще – не купите! А люди у нас какие?! Бывший главный хирург города на линию выезжает! Впрочем, вы уже, наверное, все сами узнали…»

Он обернулся к «экипажу»: «А вы, товарищи, как засвидетельствовал товарищ из «Гудка», хорошо поработали. Отдыхайте. Готовьтесь в следующий рейс. Всем - спасибо. Но успокаиваться нельзя! И не надо останавливаться на достигнутом! Самый благородный труд – во имя человека и на благо человека! Всего вам доброго!»

И, даже не дав мне попрощаться со всеми, взял под руку: «Пройдемьте ко мне в машину».

Но тут же, обернувшись, крикнул: «Игорь! А тебе отдыхать рано! Ты же – культработник! Инженер человеческих душ! Вот и надо товарищу из Москвы культурную программу организовать. Для души! Я уже звонил в его редакцию, уточнил: у него еще два дня командировки. После нашего совещания – завтрак в вокзальном ресторане. Потом ты повезешь его в гостинницу. А как устроишь, проведешь обзорную экскурсию по Пскову. Вечером – ужин в нашем охотничьем домике на берегу Великой. А завтра, - я машину уже заказал, - поедешь с ним, покажешь наш Изборск, Псковские Печоры… Ты сам все знаешь… Вечером – прощальный ужин. И надо проводить товарища на поезд до Москвы. Билет я тоже уже заказал.»

Пока он все это, остановившись, декламировал, я успел переглянуться со всем «экипажем», улыбнулся им и, встав за спину Ильи Михайловича, помахал на прощанье рукой. Около старенького микроавтобуса мне представили остальных встречающих, которые до сих пор держались в отдалении. Это были начальники станции и отдела рабочего снабжения, директор вокзального ресторана и инструктор райпрофсожа по культуре. Но я как-то даже сразу не запомнил их имен. Вдруг подумалось о Борисе, о том, как он вернулся в свое купе-жилье, где на столике еще в дороге нельзя было не заметить фотографию моложавой блондинки с журнально-красивым, гордым лицом. Я понял, что это его бывшая жена из Литвы. Потом Игорь подтвердил: «Все еще любит! Опоила, что ли?.. Сколько лет прошло, но он не забыл, тоскует! А она давно уже укатила к себе, в Литву, обменяв его роскошную квартиру…». И я вдруг вспомнил поговорку, гласящую про с лицо, с которого воды не пить… А если пить, то что?

- Интересно, а как звали ее? – почему-то спросил я тогда Игоря.

- По-моему, Алла, - недоуменно пожал плечами тот. И это имя словно обожгло меня! «Значит, все-таки, что-то удалось колдуну…» - подумалось вдруг. Теперь же думал я не только о Борисе, но и о других, с кем две недели провел на колесах. Думал, как о близких и родных людях… Думал, пока мы ехали в микроавтобусе… А в кабинете Илья Михайлович прыгнул за свой стол в глубокое кресло, предложил присесть и всем остальным. Выдохнул, обращаясь ко мне: «Ну-с, рассказывайте, что и о чем будете писать? К чему нам, так сказать, готовиться? Надеюсь, это не является редакционной тайной»…

- Ну что вы?! – крутанул я головой. И перечислил все подготовленные материалы с кратким их содержанием. Потом добавил: «Я не глубоко знаком с вопросом организации работы вагонов-клубов на сети дорог. Этот мой материал имеет репортажный характер. Но надеюсь, что передовой опыт вашего отделения дороги может быть обобщен сотрудниками Центрального Дома культуры железнодорожников. Редакция поддерживает с ним тесный контакт. Вы, надеюсь, не возражаете?»

- Что вы, что вы? Приятно сознавать, что наше скромное отделение хоть как-то может послужить сети дорог Советского Союза… Вот только…

Илья Михайлович обвел взглядом всех собравшихся и они, ухмыляясь, опустили глаза вниз…

- Вот только… Стоит ли писать о начальнике станции Олеге Валериановиче? Он, знаете ли… Как бы это сказать… Мгм… Боговерующий… Мы миримся с этим: прекрасный специалист… Да и кто пойдет на его место… Станция-то – безперспективная… - продожил он как-то неуверенно.

- Илья Михайлович! – откинулся я на спинку кресла… - Сейчас в Москве очень снисходительно относятся к этому вопросу даже в партийных кругах. Я не говорю уж о профсоюзных… Предложу материал рекдактору, - фактура-то необычная, о династии! – а он уж решит…

- Да нет! Не подумайте! Я просто поставил вас в известность… А скажите, какие недостатки вы заметили в нашей работе?

- Я не за недостатками приехал, а обобщить передовой опыт. Поэтому и не искал какие-то недочеты, - пожал я плечами, - поэтому, должно быть, и не заметил их, даже если они были.

- Вел-л-ликолепно! - хлопнул в ладоши Илья Михайлович, - Тогда едем завтракать! Нелли Владиславовна, у вас все готово?

- В лучшем виде! – вскинулась пухлая молодящаяся женщина лет пятидесяти с крашеными сиреневыми кудряшками и золотыми серьгами размером с хорошие браслеты, разорвавшими длинные мочки больших ушей до половины. Потом именно

она вела нас по вокзалу и распахнула стеклянные, матовые двери, на которых висела табличка с надписью «Санитарный час».

Квадратные салатницы с традиционным «Оливье» уже стояли. Стол украшали бутылки «Шампаникого», коньяка, водки и «Кванчхары». Нарезанный тонко лимон, черная и красная икра, селедочка «залом», сырокопченая колбаса, семга, сыр, ветчина аппетитно расцвечивали белоснежную скатерть.

- Что будем пить? – спросил меня Илья Михайлович.

- Что и все, - весело отозвался я.

- Ну, нам еще работать сегодня… Но, по рюмочке коньячку, я думаю, не повредит! - поднял он бутылку и посмотрел сквозь нее на свет.

- Мне – «Шампанского»! – провозгласила директор ресторана.

- Евгений Кириллович! Поухаживай за дамами! – строго посмотрел на начальника станции Илья Михайлович. Тот поспешил выстрелить пробкой в потолок.

- Мне – тоже! – гордо тряхнула иссиня черными длинными в завитках волосами эффектная по виду инструктор по культуре, имя и отчество которой я так и не запомнил.

- А я – водочки выпью! – налив женщинам, крякнул Евгений Кириллович.

- И я! - поддержал его начальник ОРСа.

- Ну-с, - поднял рюмку Илья Михайлович, - Давайте за знакомство и содружество железнодорожных производства, культуры, торговли и журналистики!

- Зачем же два тоста в один объединять? – как бы нехотя вскинул брови Евгений Кириллович.

- Ну, ладно-ладно, за знакомство! – согласился Илья Михайлович и опрокинул в рот свою рюмку. Все последовали ему. Я закусил лимончиком. А Нелли Владиславовна, притронувшись ладонью к моему предплечью, мягко посоветовала: - Вы закусывайте! Здесь салатик с крабами, натуральными, дальневосточными. А это – родной, - «столичный», с курочкой. Икорки намажьте… А хотите, я бутербродик вам сейчас сама сделаю…

Я поблагодарил и в меру сил выполнил ее рекомендации.

- Ну, а теперь за содружество! – поднял рюмку Илья Михайлович, когда салаты были съедены. Все шумно поддержали. Пустая посуда мгновенно исчезала стараниями двух молоденьких официанток в мини-юбках и декольтированных полупрозрачных блузках.

- У нас Европа – рядом! Поэтому все – по-европейски! – говорила Нелли Владиславовна, кивая на них, и тут же отправила в рот хороший кусочек ветчины, обильно смазанный хреном, - А хренок-то – наш! Гор-рит! Ой! Не могу! Налей-ка мне, Кириллыч! Пожар загасить надо!

И залпом осушила бокал «Шампанского». Сдержала отрыжку…

- Ну, что, по-третьей? – спросил Евгений Кириллович.

- Погоди, – остановил его Илья Михайлович, - сейчас горячее принесут…

- Экий вы, Александр! Простите, что без отчества! Мне можно, - вы мне в сыновья годитесь! – отвлекла мое внимание Нелли Владиславовна, накладывая в мою тарелку колбасу, ветчину, сыр, семгу, только что намазанные бутерброды с черной и красной икро. - Так нельзя! Мужчина должен есть много! Ешьте! Вот я много ем! Почему? Одна двух детей вырастила, на ноги поставила! Потому и ем и за мужчину, и за женщину!

- Чтой-то ты разчувствовалась, Владиславна! А на работе должен рассудок работать! Чувствам не должно быть места! – сдвинул брови Илья Михайлович. И вдруг улыбнулся: «Ну, ладно-ладно! Сегодня – день особый! Когда горячее принесут?»

Нелли Владиславовна только полуобернулась в сторону официанток, как перед нами возникли тарелки с цыплятами табака, приправленные жареной картошкой оливками, маслинами, свежими огурцами и помидорами.

- А между прочим, - проговорил, наполняя рюмки, Илья Михайлович, - свежие огурчики и помидорчики еще сегодня росли на грядках! У нас – свое подсобное хозяйство. С теплицами! Все – для людей! Все – для железнодорожников! Для городских, конечно… На линейных станциях каждый сам и теплицу, и парник у себя на огороде поставить может. Ленятся только… Ну, давайте! За что?

- За наших прекрасных дам! – поднял рюмку Евгений Кириллович и взглянул вслед одной из официанток, - А может быть, Неля, твоих девочек-дюймовочек пригласим, нальем по р-рюмочке?

- Старый ты кобель, Кириллыч! Они же – на работе! Им еще одиннадцать часов между залом и кухней бегать! Хоть бы журналиста из Москвы постеснялся!

Евгений Кириллович, как ни в чем не бывало, опрокинул рюмку, вгрызся в цыпленка и, прожевав, спокойно ответил: «Я – не кобель. Я – старый боевой конь! Сколько лет нашу станцию краснознаменной везу?! А старый конь борозды не портит! Да и гость наш дорогой, журналист, не мужик, что ли? Это только монах или импотент без слюнок на твоих дюймовочек смотреть может… Где ты таких только находишь?»

- Давайте, все-таки выпьем за дам! – примирительно перебил его Илья Михайлович. И обернувшись ко мне, улыбнулся: «Вы не обращайте внимания! У нас народ – простой! Из него, из проллетариата все мы вышли… Потому и шутки – простые!»

- Да что вы?! Понимаю! – смутившись от всего услышанного и увиденного, поднял я рюмку и посмотрел на Игоря. Тот сидел напряженно, едва доев один из салатов. Инструктор же по культуре выглядела безразличной ко всему, разглядывая содержимое своего бокала, словно в мыслях была где-то в другом месте… Начальник ОРСа подъедал все, что оставалось на общих тарелках. Я вспомнил, что в армии про таких шутили: «А может быть, у него – глисты!» Мы выпили, закусили. Официантки принесли кофе и мороженное…

- Ну, ладно, - вдруг поднялся из-за стола Евгений Кириллович, - вы меня простите, у меня масса дел. Неотложных! Часик кемарну в кабинете, и – за работу! Спасибо всем. Ваш билет Александр…м-м-м, простите, забыл отчество.., в пятой кассе на фамилию Игоря…

И он ушел грузной, но твердой походкой.

- Уже принял с утра? – кивнул ему вслед Илья Михайлович, обращаясь к Нелли Владиславовне.

- А то ты не знаешь, сколько раз по три надо ему выпить, чтобы захотеть «часик кемарнуть»! – звонко тряхнула та серьгами. Илья Михайлович делано улыбнулся мне: «Зато, какой работник!.. А мы еще по одной! За ваши добрые публикации о нашем скромной отделении дороги!»

И снова наполнил рюмки… Была еще и пятая… Цыпленка я все-таки доел. Допил и кофе. Илья Михайлович «добросил» нас до гостинницы, где я, заполнив все необходимые бланки, и, попрощавшись с хмурым Игорем, завалился в одноместном номере спать.

Мы проходили знакомые места, вспоминая, как год назад, - а казалось, что – вчера, - шли так же, только в обратную сторону… Ржевский наместник встретил нас добродушно. Повелел своим людям обиходить коней, задать им овса. Разместил ратников, обильно накормил их. А когда в своем тереме прочитал грамоту, нахмурился: «Позабыл, видать, Великий Князь Димитрий Иоаннович, какие соседи - у меня. Уведи я сейчас дружину из города, мигом прознают и налетят, если не тверичи,

то литва! Мне уже донесли, что в трех переходах отсюда замечены литовские разъезды! Ладно, отпишу я Димитрию Иоанновичу… А пока потрапезничаем чем Бог послал… От меня на Псков пойдете?»

- Дорога у нас - да-а-альняя… Дело – Великокняжеское.., - неопределенно хмыкнул князь Герасим.

- Ну-ну… Прошу к столу, - повел рукой наместник. За великопостной трапезой я спросил: «А велики ли разъезды?»

- Пока – по сотне, - надкусил пареную репу, обмакнув ее в мед, хозяин терема, - а как там Москва?.. А вдруг передумает Мамай посылать Бегича? Слыхал я про этого воеводу. В любимцах ходит у Мамая! Ни одной сечи не проиграл!..

- Бог не выдаст, Бегич не съест! – хохотнул князь Герасим

- На Пьяне-то-реке тоже обещались Арапшу шеломами закидать…

- А ты, князь, разве был там? Я что-то не видел тебя на Пьяне-реке! - исподлобья посмотрел я на него. И с досадой подумал: «Эх! Не получается добрая беседа! Вот такие мы – братолюбцы! Прости, Господи!» Все замолчали, опустив глаза в свои миски. Так в молчании и закончилась трапеза. А утром хозяин Ржева, провожая нас, сказал, опустив глаза: «Пока вы еще вернетесь… Я сам пошлю гонца к Великому Князю. А вам – Ангелов-Хранителей в дорожку и Покрова Божией Матери!.. И… простите, коли, что не так сказал… Боль за Отчину не отпускает… Времена, должно быть, такие! Отчаяние какое-то… Прости, Господи!»

После Ржева дорога шла через сплошные леса. Мы проезжали деревни, села, малые посады. Но больших городов больше не было… Словно вымерла Русьская Земля… Или от Ржевского наместника это унылое восприятие наползло на душу? На вопросы о литовских разъездах местные жители отвечали уклончиво, мол, много разных ратников тут проскакивает… Не разберешь, мол, кто да чей будет… В одном посаде меньшой, небогатый молодой князь встретил нас более, чем настороженно… Руку не опускал с рукояти кинжала. Отвечал нехотя, слова цедил сквозь зубы и, похоже, в терем, который мало чем отличался от простой истбы, приглашать не собирался…

- Да православный ли ты Христианин? – взорвался князь Герасим.

- Я-то – православный Христианин! А вот вы, хоть и в русьских доспехах, не ведаю, какие… Православные-то христиане своих братьев по вере не грабят, женок не насилуют… Неделю назад побывал здесь разъезд навроде вашего… Тоже – в наших кольчугах, с крестами да иконками на шеломах… Все выгребли! Подчистую! Весь скот увели, куренка не оставили! А тех, кто попытался не отдать, порубили… Так что, брать у нас нечего! У соседей Христа ради аржаной муки выпросил… Вот и перетираем с корой дубовой да сосновой, чтобы с голоду не помереть!

- Так ты же – князь! Что ж смотрел на грабеж?!

- А что я?! Сила солому ломит. Пришли неожиданно, да и по виду – свои! Не ждал, не ведал, что так поведут себя. А потом, когда грабить начали, меня скрутили… Я и пискнуть не успел… Слава Богу, жизни не лишили! А вот двоих ратников моих прибили! – мотнул он головой.

- Так ты говоришь, что русьские? – задумался я.

- Вроде как… Они меж собой почти не переговаривались… Хотя главный ихний некоторые слова неправильно глаголил… Когда повелевал…

- Людей мы твоих накормим. Запасец малый у нас есть. Оставим, - сказал я, - кое-чего немного. Но сам-то ты сиднем не сиди! Мало ли дичи в лесах! Сходили бы на охоту…

- Говорю же: все забрали. В моей оружейной – мыши одни остались! На лук нечего натянуть! Да и люди боятся за частокол выходить. Неспокойно. Видел тут один из челяди, вернувшийся с торговых дел, - еще до набега, - по дороге несколько

раъездов по сотне-полторы. Но кто – они и откуда, не понял. А близко подходить не стал: боязно! Вот и сидим, смертушки ожидаем! – мотнул головой хозяин посада.

- А под чьей же ты рукой ходишь? – спросил князь Герасим.

- Ни под чьей.

- Как так?

- Давно, с прадеда такое у нас повелось. Не хотим мы в межусобице участвовать.

- Сколько ж людей у тебя?

- Было сотни полторы… С бабами. Теперь и сотни не наберется…

- Ладно.., - вздохнул князь Герасим. И повелел ратникам разводить костры на дворе, варить кашу, сдобрить ее сушеной морковью, луком, репой, накормить селян. Потом обернулся ко мне: «Надо бы разведать в округе. Заодно, дичи какой набить для сирот. А?»

- Ступай. Только осторожно, – кивнул я, - возьми два десятка. Сторожу подальше поставь.

- Все исполню, как учили.

Я повернулся к хозяину: - Ну, в терем-то пригласишь?

- Да, прости, заходи-заходи.

В горнице сидел молодой поп, - под стать хозяину, - в латаном-перелатаном подряснике. А у печи суетилась непраздная молодуха.

- Вот – моя княгинюшка Арина. А это – отец Викентий, - повел рукой хозяин, - меня же кличут Фаддеем. А ты, князь?

- Ляксандр, - наклонил я голову.

- Чем богаты.., - грустно поставила на стол плошку с черными лепешками хозяйка.

- Что ж, дал Господь попоститься, - вздохнул поп и встал, - помолимся?!

Он перекрестил стол…

- А матушка твоя где? – спросил я его.

- Конями затоптали, ироды! – всхлипнула княгиня Арина, - Мы родными сестрами были. А батюшка и мой князь – родные братья. Сперва мы повенчались. А перед рукоположением батюшки их свадьбу сыграли. Мы-то уже полтора года живем. А батюшка с Феклушенькой, - Царствие ей Небесное, - и года не прожили…

Я слушал печальный рассказ, низко опустив голову. «Нет, должно быть, на Земле Русьской ни одной семьи, ни одного рода, чтобы их беда не коснулась!» - долбилась в висках горькая думка.

- В межусобицах, говоришь, участвовать не желаешь? – вскинул я взгляд на князя Фаддея,.. - А ведь именно за межусобицы мы наказаны и Ордой, и Литвой!..

- Но мой-то род за что?! Он не участвовал в межусобицах! – жарко перебил меня хозяин терема.

- А может быть, во вразумление тебе! Чтобы шел ты на Москву, с малой дружинкой своей, со всем родом! Под руку Великого Князя Димитрия Иоанновича. И послужил объединению Отчины нашей общей. Вот – оно, служение против межусобиц. Ведь в одиночку ворога, - что Орду, что каких-нибудь тверских разбойников, что ту же Литву, - не одолеть. Тебя, – одиночку! - малый отряд обобрал до нитки! А коли бы знали, что хозяин посада Великому Князю Московскому служит, глядишь и задумались бы… А ну, как придет сотен пять из того же Ржева, да накажут за разбой! А? Один должен быть правитель на Земле Русьской! Как один - отец земной и один - Отец Небесный!

- Истину глаголешь! – вскинулся молодой поп. - Я сам недавно об этом подумал. Только примет ли нас Московский Великий Князь?

- Он всех принимает, кто служить не себе, не ему, а всей Земле Русьской желает. А уж тем паче – сирот! – и я рассказал свою историю. Вспомнил мордовского князя Василия. Хозяйка дома стояла у печи, подперев кулачком щечку. Слезы выступили у

нее на глазах. В тусклом доселе взгляде князя Фаддея вспыхнул живой огонек… И только я успел закончить рассказ, как в дверь ввалился князь Герасим с двумя глухарями, которых он держал за красные лапы.

- Ну и места у вас здесь! И двухсот шагов не прошли, а они – фр-р-р-р из-под снега! Даже испугали! Секача завалили. Прямо на нас вышел. Ма-а-а-атерый!.. Шкуру мечом не прорубишь! Две пики сломали! Ну, с оленем – все попроще! – трубил он. - Готовь, хозяюшка!

- Княгиня.., - поправил я. Герасим поклонился. А увидев попа, сложил ладони лодочкой: «Благослови, отче!»

Приняв благословение, снова заговорил: - Нарубили для твоих мужиков, князь…

- Фаддей.., - вставил я.

- Да-да.., князь Фаддей, дубовых сучьев. Сейчас мои умелцы луки делают. Белку в глаз стрелять будете. Или еще кого… Ну, кто полезет…

- Дичь рядом с посадом, значит чужие – далеко… - кивнул я. - А что дала нам разведка?

- Видел их. Издали… Одни пошли на Ржев. По следам – сотни три. Литва. Тяжелая конница. Другие – не больше сотни. Эти – полегче. Только подковы почему-то наши, русьские… Свернули с дороги влево, в лес, там, где две сосны Крестом святого Апостола Андрея Первозванного растут.

- Господи, помилуй! Пресвятая Богородица спаси и помоги! – всплеснула руками хозяйка дома. - Это ж – к соседу нашему!

- А может быть, его дружинка домой возвращалась? – повернул я к ней голову.

- И-и-и! Какое там?! Он как узнал, что нас разорили, носа из посада не высовывает. Выкатил нам за ворота воз муки и снова – хлоп! – на засов дубовый!

- Сотня возьмет его частокол? – спросил я князя Фаддея.

- Если силой не возьмут, то подожгут… А это – совсем худо! Лес - рядом. Коли загорится, до нас дойти может… - ответил тот, не задумываясь.

- А может быть, это – кто-то из его друзей, родни? – спросил князь Герасим.

- Родня его еще шесть лет назад при нашествии Ольгерда вся погибла! А друзей у него как бы и нет… Живет медведем в берлоге. - покачал головой князь Фаддей.

Я взглянул на князя Герасима. Тот замотал головой: «Тебя не пущу! У тебя – дело! И не ратное пока! А коли батюшка благословит, да ты позволишь, возьму десятков семь. Разведую. А увижу, что разбойники – ударю в спину. Разбойник – не воин! Волк. Хуже волка! С ним – по-волчьи надо! А?»

- Эх! Как бы мне – кольчугу да шелом, да меч! Стало бы это моей расплатой за муку! – опять сверкнул взглядом князь Фаддей.

- Да и дорогу короткую ты показал бы, - поддержал его брат, - каждый куст знаешь..

- А я?! На кого ты меня оставляешь?! – вдруг запричитала княгиня.

- Эх, ты! А еще в Москву, на службу к Великому Князю собралась! – положил ей руку на плечо муж.

- Бог вас благословит, – перекрестил князей Герасима и Фаддея отец Викентий, - а мы пока на молитву встанем.

Князь Герасим крякнул, хрустнул суставами плеч и весело хлопнул по спине хозяина посада: «Пойдем, найдем тебе и кольчужку, и шелом, и меч, и топор!»

- Погоди! – остановил я. Отцепил от пояса кинжал, подаренный мне во Пскове, протянул князю Фаддею: «Возьми! Сам не буду в деле, так хоть оружие мое побывает. Только, чур, сам, лично вернешь!»

Мы вышли из терема проводить ратников. А когда они ускакали, княгиня кликнула одну из баб. Та, оставив чистку котла, из которого недавно ели селяне и наши ратники, подбежала.

- Матрена, в горнице – два глухаря. Приготовь! – повелела княгиня.

- Матушка! Княгинюшка! Великий Пост – на дворе! – вскинула брови та.

- Это – в дорогу. Да передай мужикам, чтобы туши секача и оленя разделали, пересыпали солью и пропекли на кострах.

- А я думала: это – нам…

- Нам-нам. Готовь, - вздохнула княгиня. И мы втроем вошли в маленькую церковку. Отец Викентий положил три земных поклона. Мы последовали ему.

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.., - начал он. Княгиня опустилась на колени… Я впервые увидел, как любящая жена молится за мужа, ушедшего в сечу. Казалось, княгиня вся светится, поднявшись не меньше, чем на длину ладони в воздух. Я же, попав под действие ее молитвы, стал молиться сам, не замечая времени и всего, что окружает меня. Я не видел ничего, только слова молитвы вспыхивали свечами перед моими прикрытыми глазами. Наконец, до меня донесся голос отца Викентия: «Все. Они возвращаются. Пойдем в терем.»

И действительно, не успели мы взойти на крыльцо, как услышали на дворе шум, гомон, радостные возгласы. Обернувшись, увидели князей Герасима и Фаддея во главе наших ратников. Рядом с ними ехал пожилой, незнакомый мне всадник, в дорогом доспехе. Все трое спешились. Незнакомец, сдернул шелом и подшеломник. Седая прядь волос, которую откинул рукой назад, благообразила и без того тонкий славянский лик. Незнакомец подошел ко мне, поклонился: «Князь Иоанн. Благодарю за помощь. Если бы не твои ратники, сожгли бы мой посад. И людей побили бы. Дозволь спросить: кто ты и откуда?»

Я представился. Потом пояснил: «Не меня благодари, а Бога, князей Герасима и Фаддея. Один заметил, что к тебе свернули разбойники, другой указал тайный короткий путь к твоему посаду и, как я понял, тоже участвовал в сече.»

- Да мы-то что?! – улыбнулся князь Герасим, - Эти олухи поджигая посад, сами осветили себя и были у нас, как на ладони. Ну, мои молодцы и выстрелили по разику-другому… А дальше – дело нехитрое. Не ожидали, ироды, что мы ударим в спину.

- Ну, пойдемте в терем. - предложил отец Викентий.

- Погоди, батюшка. У нас тут еще одно дело есть, - остановил его князь Герасим. И подал знак своим. Те стащили с одного из коней связанного ратника. И поставили его перед крыльцом на колени в снег.

- Русьский, - только и сказал князь Герасим, - иуда…

И отвернулся. Но в свете костра я увидел, как задвигались его желваки и сжались кулаки.

- Князь Фаддей! – сдерживаясь, и как можно спокойней сказал я. - Твоя отчина, тебе и судить. Займи княжеское место.

- Он – разбойник…

- Какой суд?!

- На бревно его…

- На разъятие.., - раздались голоса мужиков и баб, появившихся между нашими ратниками.

- Князь Ляксандр, - ответил Фаддей, - ты, как я ведаю, от Великого Князя Димитрия Иоанновича Московского. И хотя я – не под его рукой, пока..., почитаю тебя старшим. Если сосед мой, князь Иоанн - не против, сделай милость! Суди!

Тот кивнул. Я взглянул на отца Викентия. Он молча перекрестил меня. Я сел на вынесенную из горницы лавку, покрытую медвежьей шкурой.

- Кто ты и откуда? - был первый мой вопрос полонянину. Крепкий, здоровый немолодой ратник, - под стать князю Герасиму, - уткнулся лбом в снег и запричитал: «Тверские мы, подневольные! Что князь скажет, то и делаем… Иначе – в прорубь!»

- Какой князь? Неужто Тверской? У него ж с Димитрием Иоанновичем – военный союз!

- Здесь – земли не московские. Тверские земли. Потому и приказывает наш князь брать то, что ему по праву принадлежит… - вдруг выпрямился ратник.

- С каких это пор Ржевские земли стали Тверскими? Но даже если и так, неужели нельзя было миром решить?

- Это – княжье дело. Он и решает: миром или как еще…

- А скажи-ка нам, что за литовский отряд в триста всадников пошел на Ржев?

- Четыреста! – гордо ответил связанный, но тут же осекся. - Ну.., я… не ведаю… Может быть, и триста… Однако, Ржев – тоже не под рукой Москвы. К тому же, сродники они… Ну, Ягайло и наш князь…

- Но Ржев – и не Тверская земля!

- Не мое это дело! Княжье! Я – простой ратник! – опять ткунлся в снег лбом связанный.

- Так что ж, вы пятью сотнями решили Ржев брать?

- Не-ет, мы вокруг Ржева обойти хотели. Так все делают. - выпрямившись, мотнул он головой

- Все? Я такое знаю только про поганых, литву. А тут к ним прибавились еще тверские? – усмехнулся я.

- А ты сам-то кто будешь, что про все это ведаешь? – вдруг тоже усмехнулся связанный.

…- Пес! – вдруг раздался женский надрывный крик.

Из-за моей спины выскочила уже знакомая мне Матрена. И запричитала: «Я выщла сказать княгине, что выполнила ее наказ и тут вижу: он! Он давича первым ворвался в наш посад! И сразу коня своего направил на матушку Феклушу! Мы с ней рядом шли, яблоки моченые из дальнего погреба в ведрах несли… Он первым затоптал ее конем… Другие уж потом дотаптывали бедняжку!»

- Ты не обозналась, Матрена? Грех-то какой! – спросила княгиня Арина.

- Куда ж обознаться?! Коли смерть в глаза глядит! Он и на меня мечом замахнулся… Но в плаще рука запуталась… Синий плащ-то, на рыжем лисьем меху! Пред святыми образами, пред святым Алтарем повторю: он это, ирод!

- О! Так вот ты какой: про-о-остой ратник! – медленно произнес я. - Княжеского рода своего стыдишься?!

Связаный поначалу втянул голову в плечи. Потом выпрямился: «Я-то – княжеского рода! А чьего ты – не ведаю! И мой-то Тверской князь более твоего, Московского, права на ярлык Великого Князя имеет…»

- Ярлык Великому Князю Димитрию Иоанновичу от Мамая не надобен! А ты со своим князем для Мамая хуже смердов! Он же – не хан! Темник! Нет в нем крови Чингизхана! А? Кому ж вы служите со своим князем? А? Кстати, а где ж твой княжий плащ на лисьем меху?

- Сбросил он его! - выступил вперед ратник князя Герасима, когда мы побили их, гляжу я: в кустах кто прячется. Я поначалу виду не подал. Подозвал Акинфа нашего. Подмигнул ему, мол, подсоби! Ну, тут и кинулся к этому. А он на меня мечом машет. Акинф-то перехватил сбоку руку, да кулаком - по темечку… А плащ мы потом нашли, когда смотрели с факелами, нет ли наших раненых.

- Не зазяб-то без плаща, кинязь? – съязвил я. Полонянин отвернулся, опустив голову. А я обратился к собравшимся: «Он – князь. Здесь общий, княжий суд нужен…»

- Погодите, - перебил меня отец Викентий. Подошел к связанному. Поклонился. Тихо спросил: «Не желаешь ли исповедаться? Покаяться? Покаяную голову меч не сечет… И я готов простить за жену, как прощал Господь наш Иисус Христос. И нас тому же учил…»

- А кто ты такой, чтоб я перед тобой каялся? – отвернулся от него полонянин.

- Не предо мною, а пред Господом! Аз есмь токмо свидетель, - еще мягче со слезами на глазах произнес отец Викентий.

- Попик ты в драной ряске! Я пред епископом каюсь!

- Между прочим, отец Викентий – княжеского рода! Так что, ты сейчас оскорбил и нас всех, и себя, и своего господина. - громко сказал я. Отец Викентий резко и жестко потер ладонями лицо и побрел к церкви. А я обернулся к стоящим на крыльце: «Ваш суд, князья. Князь Иоанн, ты - старший по возрасту. Тебе – первое слово.»

- Князья разбоем не занимаются. Смерть! Но, чтоб душа легче вышла, - на бревно и голову – долой!

- Смерть! С ним даже поединиться, что в коровью лепешку наступить! – скривил губы князь Герасим.

- Смерть! – выдохнул князь Фаддей.

- Смерть! Чрез усекновение головы! – подытожил я. Ратники принесли бревно.

- Акинф! – крикнул князь Герасим. - Только побыстрее!

- Меня казнить может только мой князь! Если вы – русьские, должны знать это! – попытался прокричать приговоренный, уже с пригнутой к бревну головой…

- Ты уже – не русьский! И – не князь… - бросил я через плечо, отвернувшись. Гулко ухнул топор.

- Брат, - обратился я ко князю Герасиму, - повели закопать за частоколом.

И вошел в терем. Следом за мной вошли остальные. Сели за стол.

- Вот и великопостное искушение! – громко вздохнула княгиня Арина. Все посмотрели на нее так, что она опустила глаза и, прикрыв рот ладонью, тихо пискнула: «Простите!..»

- Ну, вот что, князья Иоанн и Фаддей, - начал я, - здесь вам оставаться нельзя. Литовские разбойники хватятся своих тверских подельников и навестят ваши посады. Тогда пощады не ждите. Их - четыре сотни. Здесь и мы помочь не сможем. Нужно вам уходить на Москву. Вместе с людьми. Но как вам пройти, чтобы не встретитьься с татями?

- Я знаю, - тихо молвил князь Иоанн, - как тайно добраться до Ржева.

- И я… - кивнул князь Фаддей.

- Коней тверских я привел, - встрял князь Герасим, - Доспехи и оружие тоже прихватил.

- Встретиться и двинуться в путь вы должны до рассвета, - продолжил я, - Одевайтесь потеплее. Облачайте в доспехи и, - тоже потеплее, - мужиков. Мороз крепчает.

- У меня в посаде один старик говорит, что завтра потеплеет и начнется сильная метель, - покачал головой князь Иоанн, - но это – нам на руку! Помолимся?

- С Богом! – кивнул я.

…- А ведь мы так и не спали нынче! – хмыкнул князь Герасим, когда мы распрощались с ушедшими на Москву. И сладко зевнул. Его зевота передалась и мне. Я пришпорил коня и освежился, словно умывшись, морозным воздухом. Дальше, в пути, наши передовые дозоры несколько раз предупреждали о приближающихся литовских разъездах. Но метель, разгулявшаяся, казалось, по всей земле, помогала нам. Даже отходя недалеко от дороги, мы оказывались незаметными в этой круговерти. Правда, один раз все-таки пришлось нос к носу столкнуться с сотней то ли литвы, то ли ляхов… Сколько же любителей поживиться руським добром и добротой! И – душами христианскими! А ведь и себя христианами величают! В этой стычке я увидел настоящий Славянский Спас! Приблизившись к ворогу, одна наша полусотня тут же спешилась, тогда, как другая сшиблась с супротивником. И вдруг стало понятно, что задача конных не столько поразить, сколько выбить ворога из седла. Пешие литовцы, - или ляхи? - оказались безпомощны. Один наш одновременно поражал троих ворогов, ловко выворачиваясь из-под их ударов и подставляя их же самих под удары остальных двоих, потом доканчивал оставшегося. Это нужно уметь!

Я любовался ратниками князя Герасима. Но мы все-таки потеряли двоих, - Царствие им Небесное! И решили везти убиенных до Пскова, как возят раненных: к шесту, закрепленному между двумя конями, подвязывается плащ, в который, словно в люльку, укладывается ратник…

По самым Псковом навстречу нам показался отряд кованой рати. Они тоже заметили нас, но желания на сечу не проявляли. Вскоре первый из них отделился от остальных, подскакал к нам, откинул с лица железную решетку на шеломе… И мы обнялись с князем Феодором. Он развернул свой отряд, и вместе с нами подъехали ко Пскову.

На льду реки Великой горели огромные костры. Горожане и жители посадов рубили лед.

- То же - и на Пскове! - только и сказал князь Феодор. А прежде, чем въехать в город, нам пришлось долго объезжать различные укрепления: частоколы, - заточенные бревна, поставленные на рогатины на уровне конской груди и направленные острием в противоположную от стен сторону, рвы, волчьи ямы…

- Тяжелые времена! – покачал головой князь Феодор, видя мой недоуменный взгляд. - С одной стороны – Ягайло, с другой – ляхи, с третьей – орден! Во-о-ойна!

Ондрей Ольгердович, к которому тут же нас провели, прочитал грамоту и нахмурился: «Я так и думал! Мамай во что бы то ни стало не хочет допустить меня с моей ратью в сечу с Бегичем. Потому и призвал союзников своих неразумных обложить Псков осадой… Вот, ждем со дня на день непрошенных гостей…»

- Неразумных? – вскинул брови князь Герасим.

- А что ж ты думаешь, пожалеет Мамай ляхов или орден, или, тем паче, литву, если пройдет победителем по всей земли Русьской? Ни-ког-да! Так что, мы – щит для запада от орды! А уразуметь наши «добрые» соседушки этого не могут! Не зря же говорят: когда Бог хочет наказать, лишает разума!

- Разъезды литовцев дошли до Ржева. - сказал я.

- Немудрено! – хмыкнул хозяин Пскова. - Они хотят устрашить нас, прекрасно ведая, что не в обычае русьских князей оставлять города свои без ратной защиты. Может быть, они и воевать-то Псков не станут. Но посады сожгут, постоят месяц-другой… Лишь бы не пошел я на помощь Димитрию Иоанновичу! Я отпишу ему. Он поймет. А вам, князья, надобно немедля возвращаться. Сквозь осаду, которая начнется не сегодня-завтра, вам не то, что с сотней, - с тысячей не пробиться! Накормим, напоим, с собой припасов дадим. Князь Феодор проводит, сколько можно… А там уж, как Бог выведет!

…В этот же вечер, безо всякого отдыха, мы вышли на Москву. Под кольчугой я вез, увы, безорадостный ответ князя Ондрея Ольгердовича Великому Князю Димитрию Иоанновичу. Шли изгоном. О-дву-конь. А утром князь Феодор, перекрестив нас, простился и повернул восвояси. Мне было несколько удивительно и тревожно от того, что несколько дней мы шли совершенно безпрепятственно. Ни на пути, ни поодаль не видно было никого из ворогов. Дозоры не замечали никакой опасности. Но вот, дорога пошли под уклон, проходя между двумя холмами, поросшими мелким ельничком по склоном и могучими соснами и березами на вершинах. Что-то екнуло в сердце. Я поглядывал по сторонам. Князь Герасим, почувствовав мое безпокойство, пристегнул бармицу, опустил на глаза кованую маску. Я сделал то же самое. Ратники последовали нам… И тут мы были обстрелены с двух сторон из луков и самострелов. Скоро от нашей сотни в живых не осталось и двух десятков. Одни кони наши пали, другие унеслись ранеными, или чувствуя убитых в своих седлах… А с обоих холмов уже сыпались на нас пешие литовцы. Я увидел, что последний наш ратник поднят на пики и крикнул князю Герасиму: «Спина к спине!»

Литовцы, - а их было не менее двух сотен, - не нападая, окружив, насмешливо смотрели на нас. Обведя взглядом скаты холмов, я увидел, что и они усыпаны живыми ворогами. Те даже шеломы сняли и смеялись уже открыто.

- Ну что, брат, прости ты меня за все, чем обидел, досадил… И давай молить Господа, чтобы принял души наши с миром… - грустно сказал я.

- И ты прости меня… Молиться я готов… Только побольше бы с собой унести этих разбойников! Бьемся! - хмыкнул он тоже невесело и сделал такой выпад в сторону ворогов, зарубив сразу двоих, что литовцы поневоле приняли вызов и набросились на нас.

- Господи! Прости мне грехи мои вольные и невольные! – чеканил я слова, нанося удары по навалившимся ворогам.

- Господи, если есть святая воля Твоя погибнуть мне сейчас, то приими душу мою с миром… - хрипло выдохнул князь Герасим, после широкого размаха, зарубив уже троих.

Литовцы на время отхлынули. И шагах в десяти от нас возник статный молодой ратник в разукрашенном кованом доспехе, на который была накинута соболья шуба. Он бережно снял с головы шелом с разноцветными перьями и проинес: «Вы – добрые русьские ратники! Я могу продлить ваши жизни, если присягнете великому князю Литовскому на верность в службе.»

Я отстегнул бармицу. Громко хмыкнул: «Слушай, петух с заморскими перьями! Русьские люди присягают во Святом Крещении Господу Богу во Святой Троице славимому. С возрастом – Великому Князю, поставленному на Русьской Земле Господом. А перед смертью – Царствию Небесному! Бог любит Троицу. Четвертой присяги нам не надобно!»

- Я не сержусь на ваше варварство… Вы что же, хотите умереть? – захохотал «петух».

- Предварительно отправив к сатане побольше твоих ратников! А если ты – воин, давай, сразимся в поединке! – крикнул как-то странно князь Герасим через мое плечо.

- Ты что, ранен? – смутился я.

- Есть немного… Пустяки… Царапина… Бьемся!

- Ну, так умрите! - крикнул «петух». И повелел своим: «Расстреляйте их!»

Боль от всех ран сливалась в одну, уже ровную, красную в глазах, безконечную… Я почувствовал горячее дыхание в лицо… Алла?.. Но, открыв глаза, увидел прямо перед собой желтые зрачки и расверстую пасть волка.

«Господи! – подумалось с болью, - За что ж не до конца в сече?..» И вдруг услышал человеческое слово: «Алла-Алла, твоя будущая Алла! Ну, что, любезный мой? Давно я за тобой бегаю! А хочешь, я зализу твои раны? И будешь, как новенький! Но – мой! Чувствуешь, как я безболезненно вынимаю болты самострелов из тебя?.. И наконечники не остаются в твоем теле… Хотя так не должно быть. Но я все могу! Так и вся жизнь твоя будет безболезненна со мной!»

Прикрыв глаза, я подумал, что прохожу одно из мытарств, а со мной говорит очередной бес… Но, снова открыв их, я увидел ту же волчицу…

- Да-да, волчицу! - подтверждала-то она женским голосом. И действительно, вынимала стрелы самострелов, - болты, - из моего тела зубами. И мне не было больно… А она продолжала: «Со мной ты забудешь все горести и печали! Я дам тебе такую любовь, какой ты не ведал никогда…»

Я повел глазами вокруг себя настолько, насколько хватало сил. Но так я увидел, что вокруг волки, - я не мог сосчитать, сколько, но очень много! – пожирают тела убитых, с которых были сняты доспехи и кольчуги. А небо - усыпано звездами… Из-за верхушки ели на холме выглянула луна. В ее свете я увидел, что все волки – серые, а волчица… - черная! И она говорила: «Я вижу: ты уже согласен! Только чур,

одно условие ты во всем будешь подчиняться мне, когда я буду принимать человеческий облик… Поверь, ты не пожалеешь! Во всем!»

- Но Бог устроил все наоборот!.. Создал мужчину! А женщину – ему помощницей! - едва пошевелил языком я…

- Что тебе Бог? Если хочешь жить, твоим богом должна стать я! Мне не нравится то, что ты противишься! – и на мою грудь с ее языка упала капля, которая зажгла все тело неведомым, но ласкающим огнем. А она продолжала: «Ты же смертельно ранен. А исцелить тебя могу только я. Не какой-то там придуманый Спаситель, а я, твоя будущая Алла! Живая! Вечно живая! Нет, конечно, Спаситель есть! Но мы с тобой будем выше Его…»

Вдруг небо осветилось и превратилось в потолок розового шатра. На полу в огромных подсвечников горели.., нет не свечи, а какие-то тонкие благоухающие палочки. И волчица стала… прекрасной, молодой, смуглокожей с черными вьющимися волосами, женщиной, сквозь прозрачное облачение которой светилось, манило тонкое, изящное тело, извивающееся в зовущих к себе движениях. А я лежал уже не среди убиенных соратников, а на мягких подушках и коврах… Ах! Как сладко!..

Но вдруг все это скомкалось, словно кожа или пергамент, броженные в огонь печи, и возникли странные, вызывающие боль во всем теле, звуки пения. Я открыл глаза и увидел… Крестный Ход. Ко мне приближались люди, - много: сотни три, - в сверкающих белых одеждах, красных плащах, с золотыми большими крестами в руках.

Волчица взвизгнула: «Опять – они! И опять – не вовремя!»

А пение усиливалось. И Крестный Ход приближался. Я увидел, как волчица, исходя розовой слюной, отпрыгнула. Тело, слишком длинное, извиваясь по-змеиному, унесло ее между сосен на вершину холма. За ней устремилась вся волчья стая. А люди в сверкающих одеждах остановились около меня. Прекрасная жена, так напомнившая мне вдруг мою княгиню Аллу, - вот, уж воистину совершенное творение Божие, - наклонилась надо мной, погладила по щеке и произнесла: - Тебе надо жить! У тебя скоро родятся сын и дочь…

Затем она обернулась, позвала: «Супруг мой, Алекса, окажи братскую любовь, помоги!»

Какой-то очень знакомый, но никак не вспоминаемый, ратник в золотых доспехах подвел коня. Помог мне подняться… А пение не прекращалось: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бозсмертный…»

Пели женщины, дети, отроки, отроковицы, старики, воины в каких-то странных незнакомых мне доспехах. Одеты они были по-летнему, но явно не чувствовали мороза… И все смотрели на на меня с такой любовью, с которой не мог сравниться даже взгляд моей княгини Аллы. Я огляделся. Увидел князя Герасима. Кивнул на него: «Я могу ехать только с ним… Он – жив?»

Слова не давались мне. Я выдавливал их из себя вместе с кровью.

- Да-да. Жив! – улыбнулась незнакомка. «Где же я ее видел?» - мелькнула мысль. В этот миг ко князю Герасиму подошел старый монах. Легко, словно младенца, поднял его, усадил на коня. Сзади, с помощью незнакомки и ее супруга, уселся я.

- Игафракс, Иской, Сила, Суимвл! - обернулсь прекрасная, знакомая незнакомка к кому-то из Крестного Хода, - Проведите их.

Я ухватился за уздечку, обнимая сзади князя Герасима, совсем упавшего на шею коня, и скользнул каблуками по крупу… Обернулся… Крестный Ход уплывал в небо…

Меня разбудил стук в дверь. За ней стоял Игорь. Вид его был еще мрачнее, чем в ресторане.

- У нас по плану - осмотр достопримечательностей Пскова, - сказал он, не глядя мне в глаза.

- Что-то случилось? На тебе лица нет! – одеваясь, спросил я.

- А-а-а! – отмахнулся он, - Ничего особенного.

- Дома что-нибудь? С сыном?

- Нет. С ним все – как обычно… - вздохнул он.

- Жена?

Игорь медленно кивнул несколько раз и опять вздохнул.

- Слушай! – предложил я, - А ну – ее, эту экскурсию! Поезжай домой! Побудь с семьей! А я сам могу по городу пройтись… Договоримся, где и когда вечером встретимся…

- Нет! – твердо мотнул он головой. И грустно улыбнулся: «Мы – солдаты идеологического фронта. И должны выполнять приказы вышестоящего начальства. Поедем в город!»

Мы вышли из номера и спускались по лестнице.

- Что это у тебя такой официальный тон? – удивился я.

- А у тебя какой тон был в ресторане? Я просто смутился. Не узнавал тебя! Думал: где же ты - настоящий? Я терпеть не могу этих элитных официальных пьянок с названиями «банкет», «прием», «завтрак», «ужин»…

- Так вот, в чем дело! – крутанул я головой… - Пойми, пожалуйста, у меня - работа такая! С людьми, такими, как ты, Олег, все ваши, я – это я. А с начальством, увы, приходится быть другим. Таким, как они. Ты думаешь, что я на минуту поверил в их искренность?! Если и поверил, то только начальнику станции. Или я должен был биссером рассыпаться? Этого я тоже не умею! И не встретиться с ними я права не имел. Тогда бы тебя и всех остальных по кабинетам ихним затаскали бы: мол, чем вы там журналисту столичному не угодили, мол, что там натворили?! А если, мол, он напишет что-нибудь негативное?! И жили бы вы месяца три-четыре, как на иголках… Пока не вышли бы в «Гудке» все мои материалы про Псков…

- Да, работенка у тебя…

- А у тебя? А у всей вашей самодеятельности? На душе, может быть, кошки скребут, а ты обязан веселить народ, песни петь, шутить, плясать! И что петь?! «Партия – наш рулевой»?! Что, не согласен?

- Все верно…

- А я, похвалив вас всех, - заметь, справедливо похвалив! – лишил начальство возможности лишний раз придраться к мелочи какой-нибудь. А потом, знаешь, противно было бы писать о начальнике станции, о директоре ресторана… Обо всей этой «элите»!

Мы сели в машину. Я не успевал поворачивать голову. Красивый город Псков! И любим Игорем! Любим не Игорем, а какой-то потаенной глубиной его души! Памятью того, что лично с ним, таким, как он сейчас, не было. Памятью кого-то другого, кто живет в нем, в этой самой потаенной глубине души… Сам Игорь, рассказывая, тоже преобразился! Он как будто стихи читал! А когда мы вошли в Кремль, мне казалось, что и я оказался в прошлом. В моем, - только не со мной произошедшем, - прошлом! Мне вдруг показалось, что я был здесь когда-то очень-очень давно! Тогда, когда меня, нынешнего еще и не было на свете. Когда не было отца, матери, дедов, прадедов…

- Крепостная стена тянется двенадцать километров. Троицкий Собор был построен еще Великой Княгиней Ольгой.., - говорил Игорь.

А я про себя поправил: «Святой равноапостольной благоверной Великой Княгиней Ольгой, во святом Крещенни – Еленой!»

- Собор, конечно, сейчас закрыт, - продолжал Игорь, - но вот здесь находился княжеский терем…

- А вот здесь – торг, или рынок, по-современному, - сказал я, сам удивляясь своим словам, - а дальше склады, амбары…

- А ты откуда знаешь? Ты разве уже был во Пскове? – округлил глаза Игорь.

Я пожал плечами: «Да нет… Просто, читал кое-какую историческую литературу… Города были построены, как говорят сейчас, по типовому проекту…»

- Э-э-э, нет! Архитектура древнего Пскова очень отличается от других русских городов… Так вот, редкий враг мог взять Псков штурмом, - откуда-то издалека доносился теперь голос моего самодеятельного экскурсовода, потому что мысли мои работали как бы параллельно с восприятием его слов, - тевтонам, например, это удалось только с помощью предателя, воеводы Твердилы… Помнишь художественный фильм «Александр Невский» с Черкасовым в главной роли?

- Еще бы! Это – один из моих любимых фильмов с самого раннего детства! – ответил я, пытаясь вспомнить что-то… Но что?!

- С двух сторон Кремль огражден водой: реками Великой и Псковой. А с двух других – толщина стен достигает шести метров! – продолжал Игорь. - Зимой, когда подходил враг, жители города растапливали лед большими кострами и кололи его…

- А с двух других вкапывали засеки, наклонные частоколы, рыли волчьи ямы… - опять неожиданно для себя заметил я.

- Да откуда ты все это знаешь, словно жил тогда?! - Игорь даже остановился.

- Помню! – ответил я.

И спохватился: «Шу-у-учу! Я же говорю: прочитал где-то…»

- Не-е-ет! Это – серьезно! Мне тоже иногда кажется, что я помню нечто из истории… Не из учебника… Не из художественных книжек… Из себя! – и вдруг он хмыкнул, - жена в таких случаях говорит, что я «головкой заболеваю»!.. А вот здесь, на самом деле, стояли терема бояр, дома самых богатых купцов, жила прислуга, княжеские дружинники, ютились хозяйственные постройки…

- Ни-че-го не сохранилось! – вздохнул я.

- Почему?! В краеведческом музее есть реконструированный макет Пскова. Правда, мне иногда кажется, что там не все – верно… А вот здесь собирались жители города для совместного решения общеболезненных вопросов.

- Что-то наподобие Новгородского вече?

- Именно: ве-че!.. Пойдем на стену!

Игорь подошел к милиционеру, стоявшему у одной из крутых лестниц, куда, видимо, еще никого не допускали. Что-то сказал ему, указав на меня. Тот кивнул. Отошел в сторону. Мы поднялись по крутым ступеням. И мне показалось, что я увижу сейчас…

- Острожно, здесь везде - провалы! Высоко! Не оступись! – перебил мои мысли Игорь. Я заглянул в бойницу, и дух захватило! Мы добрались до ближайшей башни.

- Здесь – три этажа. Это позволяло вести огонь на трех уровнях: от подошвенного, ближнего – до высотного, дальнего боя. Таким образом, в сектор обстела захватывались все осаждающие, - опять откуда-то издалека слышался голос Игоря. Я не мог понять, что творится у меня в голове, в душе, в сердце. Какая-то горечь, смешанная с радостью, разливалась по ним.

«Боже! Что мы потеряли! Нет! Отдали! Равнодушно! Сознательно!.. И кому? Вра-а-агу!.. А какой здесь, на стенах, дух! Божий! Русский! Он-то сохранился! Молятся наши предки за нас! Молятся и те, кто молился вместе с ними!» - пульсировало в висках.

…В следующей башне Игорь сказал: «А вот здесь любил подолгу стоять Александр Сергеевич Пушкин, когда приезжал во Псков… Какие здесь тогда просторы открывались! Представляешь?! Ни труб, ни многоэтажек этих не было!..

Посмотри направо. Это – Пскова. Она впадает в Великую. В былые, древние времена через нее по самой поверхности воды из нашей башни до той, что на другом ее берегу, были протянуты огромные цепи, дабы никто не мог проплыть незамеченным. А когда Баторий осадил Псков, двенадцать псковичей-героев именно отсюда отплыли, проникли в лагерь врага и наделали там такой переполох, что поляки сняли осаду и отошли от города!»

- А эти двенадцать остались живы? – удивился я.

- Даже не знаю… Надо бы поспрашивать в музее.

- А имена их известны?

- Спасибо! Ты, можно сказать, подвигнул меня на новые поиски!

«Вот оно – проклятье безпамятства своего рода!» - вдруг возникла во мне мысль.

- Кстати, - вдруг весело заговорил Игорь, - мне поручено распить с тобой здесь фляжку коньяку. Так сказать, на стенах Псковского Кремля… Для разминки на вечер.

«На стенах Псковского Кремля»…

Почему-то эти слова запали мне в душу. И с башни я увидел не разгорающееся лето, а студеную зиму, когда льдины под копытами вражеской, тяжелой конницы, штурмующей город, переворачиваются, встают, словно щиты ратников и отбрасывают всадников назад, под себя, в ледяную воду…

Мы распили фляжку. Я попросил сфотографировать меня на память, - благо, несколько кадров на последней пленке оставалось. Исполнив мою просьбу, Игорь взглянул на часы и охнул: «Мы же опаздываем! Нас уже ждут в охотничьем домике!»

- Где? – не понял я, все еще находясь под впечатлением увиденного, услышанного и обдуманного.

- Есть у отделения дороги домик на берегу Великой. В тридцати километрах от города. По Московским меркам это, возможно, - и пригород. Но для нас – глухое место, недоступное для чужих. Зато, - все удобства! В охотничьем домике начальство свои «дружеские ужины» устраивает. Возят сюда начальника Ленинградской железной дороги во время его проверок. Отдыхали там и недавняя комиссия ВЦСПС, начальник Московской дороги, даже заместитель Министра путей сообщения… А в прошлом году – корреспонденты «Правды» и «Комсомольской правды», инструкторы ЦК ВЛКСМ, приезжавшие на выездные занятия своей Высшей школы…

Машина, летевшая по шоссе, вдруг резко свернула налево. Водитель затормозил, остановился. Вышел и поднял шлагбаум с «кирпичем» и надписью «Запретная зона. Вход и въезд посторонним воспрещен». Сел обратно и мы проехали еще километра два. И вот, между огромными соснами возник двухэтажный теремок с верандами. Перед нами стояли столы, шезлонги, большие зонтики и мангал, над которым, в белом переднике колдовал начальник Отдела рабочего снабжения. Пахло шашлыками… Выйдя из машины, я огляделся. В гамаке похрапывал Евгений Кириллович. В шезлонге инструктор райпрофсожа по культуре почитывала «Советскую культуру». Метрах в десяти на песчанном пляже две девушки в купальниках, - блондинка и брюнетка, - весело щебеча, играли в бадминтон. «Дочки чьи-нибудь, начальственные» - подумал я.

- Вы вовремя! – буркнул начальник ОРСа, - Илья Михайлович – в домике, по телефону разговаривает. Нелли Владиславовна переодевается… После купания…

Обернувшись, он прикрикнул: «Кириллыч! Просыпайся! Наш гость приехал! Девочки! Давайте-ка к столу!»

- Да… – услышал я за спиной голос Нелли Владиславовны, - девочки! Кто ж за нашим дорогим журналистом из Москвы ухаживать будет?! Я, вроде как, уже стара…

Девушки бросили ракетки. Подбежали. Сделали что-то наподобие книгсена. Представились: «Инна…»

- Эля… А как вас зовут, мы уже знаем…

В желтом, шелковом халате с черно-красными драконами за стол вплыла Нелли Владиславовна. Тряхнув серьгами-браслетами, медленно загородила слова: - Ну, как вам наш кремль? Не правда ли в этом полуразрушенном состоянии есть свой шарм? А мне, знаете ли, нельзя загорать… Впрочем, что это я?! Соловья баснями не кормят. Небось, налазились по стенам и башням, аппетит и нагуляли…

Из домика вышел Илья Михайлович в белой майке, тренировочных штанах и «вьетнамках».

- Мы здесь по-простому, как на фазенде! – проговорил он, энергично пожав мне руку, словно мы давно не виделись. - Искупаться не желаете? Впрочем, всему – свое время! А с дорожки надо – по рюмочке! Вы только не подумайте, что мы так каждый день отдыхаем! Работаем до поздней ночи… А сюда выезжаем только благодаря гостям… Вот и сегодня решили немножко расслабиться! Давайте, за стол!.. Сегодня – не четверг, не рыбный день! Ха-ха! Но снеточков наших псковских отведайте обязательно! Таких нигде в мире не водится!..

«Где-то я уже это слышал!» - мелькнуло в голове… Меня усадили между девушками. Игорь оказался напротив. Опять понеслись тосты, смена блюд. Когда стемнело, включили большие круглые фонари, а прямо над столом и по его периметру – гирлянду ламп.

Илья Михайлович был явно «в ударе»! Смешил всех. Рассказывал, что лично знаком со Жванецким, вспомнил несколько веселых эпизодов из истории их дружбы. А потом перешел к анекдотам: - В двадцатые годы приходят чекисты к еврею-ювелиру. Спрашивают, мол, нам стало известно, что у вас много золота. «Да-да, очень много, - отвечает еврей-ювелир, - целых сто двадцать килограммов!» Чекисты говорят, мол, предъявите. А он зовет: « Сара, золотко, выходи, за тобой пришли!»

Все хохотали… Девушки от смеха покачивались, касаясь своими плечами меня. То одна, то другая… А Илья Михайлович продолжал сыпать анекдотами про евреев.

- Слушай, Михалыч! - вдруг перебил его Евгений Кириллович, - Почему ты так не любишь свой народ?

- Я вас умоляю! – в тоне анекдотов ответил тот, - Поверьте мне, все анекдоты про евреев сочиняют сами евреи! Сколько столетий наш народ гнали, преследовали, сжигали в крематориях, душили в газовых камерах! Один холокост, - гонения фашистов, - это уже шесть, - шесть! – миллионов жизней евреев! А сколько из них могли бы стать новыми эйнштейнами и эйзенштейнами, пастернаками, антокольскими, левитанами, мандельштамами, утесовыми, райкиными и мондрусами, гениальными врачами, юристами, педагогами, общественными деятелями… И если бы сами так не иронизировали над собой, весь мир давно бы сдох от тоски! Смех лечит и оздоравливает! Вот евреи и смеются. И потому живут во всем мире. Живут лучше многих! И смехом над самими собой обезоруживают всяких антисемитов. Услышит такой негодяй анекдот и доволен! И больше ему ничего не надо! Унизил, мол, еврея! А унизил-то он самого себя! Не помнит, глупец, что и Христа с Его Апостолами, и Ностердамуса, и Маркса, и, наконец, Ленина дали миру именно евреи! Впрочем, что это мы?! Где у нас музыка? Танцуют все!

И он включил магнитофон, стоящий рядом на открытой веранде. Быстрый, втягивающий в себя, словно водоворот, ритм подбросил всех со своих мест. Мы дружно устремились в круг. Даже Нелли Владиславовна, изредка отдуваясь, подбрасывала свои телеса, выделывая ногами нечто среднее между гопаком и топотухой. Евгений Кириллович неулюже притаптывал, с трудом отрывая ступни от земли. Илья Михайлович, с гиканьем высоко подкидывал ноги перед собой, изредка закладывая большие пальцы за лямки майки и растопыривая при этом ладони. Инструктор по культуре вяло извивалась, переступая с ноги на ногу. Игорь просто пританцовывал. Зато девушки в центре круга, обвиваясь одна вокруг другой,

вытанцовывали очень грациозные, завораживающие, возбуждающие, соблазняющие «па»… Быстрый ритм сменился интимно-лирическим «Падает снег» Шарля Азнавура.

- Дамы приглашают кавалеров! – провозгласил Илья Михайлович. И тут же Эля, сделав подобие книгсена, обвила руками мою шею и прижалась обнаженным телом. Легкую дрожь и жар я почувствовал даже через рубашку.

- Почему вы дрожите? Замерзли? – спросил я.

- Нет… Просто… Вот такая я… - хмыкнула она, подставляя мне губы. Ее дрожь передавалась мне. Я огляделся. Инструктор по культуре танцевала со своим начальником, и тот что-то деловито объяснял ей. Нелли Владиславовна вела, а точнее, несла Игоря. Евгений Кирилович вмял в себя Инну. И только один начальник ОРСа один оставался за столом. Но, похоже, это было ему по душе. Несмотря на свою худобу, он догладывал очередной шампур с шашлыком, изредка запивая его коньяком из хрустального фужера.

- Ну, что же ты? Не стесняйся! Здесь все – свои! – услышал я горячий шепот Эли… Но, слава Богу, медленный танец закончился. И вновь жесткий, быстрый ритм, чеканенный барабаном, ворвался в летний, душный вечер. И вновь все начали прыгать, извиваться, топтаться… Этот танец был длиннее обычного. Поэтому после него все, запыхавшись, свалились в свои кресла за столом.

- Приступаем ко второму действию нашего дружеского ужина! – провозгласил Илья Михайлович. И начальник ОРСа подал очередную порцию шашлыка. Эля уже откровенно прильнула к моему плечу, за что получила злобный взгляд от Инны. Та вскочила, тряхнула длинными, прямыми волосами и весело воскликнула: «Кто как, а я хочу нагишом искупаться!»

И побежала к воде, на ходу сбрасывая купальник.

- Я – тоже! – подхватила Эля.

И шепнула мне: - Пойдем!..

Я взглянул на Игоря. Тот, до сего времени впившийся зубами в шашлык, быстро, испытующе, вглянул на меня и снова опустил глаза. Эля убежала, а я спросил: «Илья Михайлович! А какие еще новаторские задумки или нововведения есть у вас? В сфере работы культурно-бытового поезда? Вы – ведь такой, как я вижу, рационализатор!»

- О-о-о! Наши планы пока раскрывать нет резона. Надо хотя бы что-то сделать! Боюсь сглазить… Но сейчас мы уже подготовили целое ателье и обувную мастерскую в вагоне. Представьте: за два дня стоянки можно будет выполнить и выдать какой-нибудь нехитрый заказ труженика линейной станции! Там же будут продавать разнообразные ткани…

- Александр! – послышался от реки голос Эли. Евгений Кириллович расстегнул и снял рубашку: «Я.., я бегу к вам, дюймовочки мои!»

И грузно зачастил ногами в темноту, где раздавались всплески воды и смеха девушек. Было слышно, как они завизжали и снова засмеялись. А я попытался продолжить разговор с председателем райпрофсожа. Вскоре Евгений Кириллович вернулся, - усталый, вялый. Но весь вид его выражал то, что можно увидеть на человеке, выпившим бутылку пива после глубокого похмелья. Он зашел в дом, взял что-то, ушел опять к реке. И через несколько минут вернулся с девушками, уже облаченными в халатики.

- Ну-с, продолжим застолье! – хлопнул в ладоши Илья Михайлович. А я поймал благодарный взгляд Игоря…

- Подайте Христа ради страннику, - вдруг услышали мы. И, обернувшись разом, увидели приближающегося старичка в каком-то длинном, сером, в заплатах, халате, напоминающем современный подрясник с холщовой сумой на плече и с палкой в руке.

- Как, собственно, вы здесь оказались? Это – запретная зона! – вскочил Илья Михайлович.

- Да вот, шел себе лесом и шел… Гляжу: огонек. Добрые, думаю, люди вечеряют. Не прогонят... - опустил глаза старичок. - Не дадите ли хлебца?

Все в ответ только открыли рты. Даже Илья Михайлович стал похож на рыбу, выброшенную из воды.

- Сейчас! – вдруг вскочила инструктор по культуре. Она подбежала к веранде, достала откуда-то несколько бумажных пакетов. Вернулась и стала накладывать со стола понемногу всего.

- Ох, Виринеюшка! Добрая душа! Овечка Божия! Не ведаешь пока, что мяса мы не вкушаем. А за рыбку – спаси тебя Господи! Ради праздничка! День-то какой - завтра! Преподобный Сергий, да преподобномученица Великая Княгиня Елисавета! Страдалица за народ наш грешный! Но ничего, Виринеюшка, еще увидимся с тобой в обительке моей.

- Меня Вероникой зовут! - недоуменно выпрямилась инструктор по культуре.

- Да-да, Виринеюшка, ведаю о том… А тебе, Евгеньюшка, повернулся он к Евгению Кирилловичу, - завтра ко врачу бы сходить, печень показать… Беда у тебя там… Поторопись, а то поздно будет!

- А.., а.., а откуда вы знаете? – побледнел тот.

- А ты, Неониллочка, от сумы да от тюрьмы на зарекайся! Кто ж внуков-то в храм Божий водить будет? - обратился старичок теперь к Нелли Владиславовне. - Вспомни, как с бабушкой Аграфеной во младенчестве в церквном хоре пела! И крещена была со святым именем Неонилла… Молится бабушка за тебя на Небесах! Ой, как молится!

Старичок говорил и все время гладил по голове оставшегося сидеть Игоря. Потом наклонился к нему: - Не кручинь сердца, Игорек! Поправится твой сынок. Скоро!..

- А про меня что ты скажешь? – вдруг вскинул вверх подбородок Илья Михайлович.

- Ох, Илия, Илия, – покачал головой старичок, странно делая ударение на первом слоге, - жить ты будешь в неге, довольстве, пирах и веселии… Однако, прочитал бы ты Притчу Евангельскую о богаче и Лазаре…

- И на том спасибо! Может быть, выпьете с нами? – показал на стол довольный Илья Михайлович.

- Спаси Господи! Я пью только воду. А вы вкушайте! Праздник-то сегодня великий! И не только святых благоверного Великого Князя-страстотерпца Андрея Боголюбского, преподобного Андрея Рублева, святителя Андрея, архиепископа Критского Небеса величают… Пасха Русская сегодня!

- А про нас нагадайте! – хором запросили Инна и Эля.

- Я – не гадальщик! Худое это дело… И что мне про вас сказать? Вы ведь, вроде, как есть, а вроде, как и нету вас.., - грустно покачал головой старичок.

- Как это? – вдруг утробным, почти мужским голосом обиженно спросила Инна.

- Вы же – некрещеные! Поспешайте, девоньки в церковь Божию! Креститесь! А там, коли Бог повелит, свидемся и потолкуем…

- Хватит здесь религиозную пропаганду разводить! – резко перебил его Илья Михайлович. - Они – комсомолки!

- Спаси вас всех Господи! Простите меня! – поклонился старичок и скрылся в темноте за толстыми сосновыми стволами. Все сидели в тяжелом молчании. Наконец, Илья Михайлович хлопнул по коленям ладонями: «Вот, пенек! Весь праздник под конец «на нет» свел!»

- Ну, почему же «на нет»? «На да», - как-то неестественно засмеялась Эля, - мы можем еще потанцевать…

- А почему он про тебя ничего не сказал? – сузил Илья Михайлович глаза на начальника ОРСа.

- Не успел, наверное, - чуть не поперхнулся тот куском колбасы, - ты же сам прогнал его.

- Ну да, прогнал! Не мог же я допустить, чтобы он развращал наших девушек своей религиозной пропагандой!

- А откуда он наши имена знает, – задумчиво произнесла Нелли Владиславовна, - и про бабушку, и про то, что я с ней в пятилетнем возрасте на клиросе стояла и подпевать пробовала?..

- Вот, если бы ты сейчас это делала, я бы первым потребовал исключить тебя из партии. И тогда бы ты не смогла работать директором ресторана! – резко перебил ее Илья Михайлович.

- А причем здесь моя печень? – пожал плечами Евгений Кириллович.

- Пить меньше надо! – Илья Михайлович теперь накинулся на него. - Эти церковники-мракобесы – тонкие психологи. Вот он и увидел, как у тебя белки глаз в желтизну отдают…

- Эх-эх-эх! – широко зевнула Нелли Владиславовна. - Половина первого ночи! Завтра весь день пахать! Пора и на боковую.

И что-то мурлыкая под нос, отправилась в дом. Игорь, подхватив початую бутылку коньяку, блюдце с лимоном, пошел следом.

- Пройдусь немного, - бросил я и направился к реке.

- Не заблудитесь! – крикнул вслед начальник ОРСа. Я дошел до реки. Разулся. Песок был еще теплым. Мысли путались в голове. Не стыковались между собой стены Псковского Кремля, «дружеский ужин», старичок… Я разделся и влетел в воду. Отмахав метров двадцать, вернулся. Сел на поваленное дерево. Закурил. «Вот так и во всей моей жизни что-то все не стыкуется!» - мелькнула мысль.

Когда я вернулся к домику, большие фонари и гирлянда над столом были погашены. Только лампочка на открытой веранде привлекала мелких насекомых, роящихся вокруг нее. В одном окне на втором этаже горел свет. В другом, за которым была моя комната, теплился ночник. А еще из двух доносились придыхания, вздохи со стонами, напоминающими повизгивание…

- Чем вы так удивлены? Неужели в Москве по-другому? – услышал я тихий голос инструктора по культуре Вероники. - Вот, видите: девочки были приглашены для вас, на выбор! Вы не соблаговолили. Теперь они отрабатывают свой гонорар с начальниками станции и ОРСа… Что ж… Все хотят жить! Илья Михайлович любит помогать бедным студенткам. Он вобще любит помогать…

Она стояла на теневой стороне веранды в легком халате и курила.

- Ника, – вдруг из освещенного окна раздался голос Ильи Михайловича, - с кем ты там разговариваешь?

- Ни с кем. Просто ночь такая, что вспомнилось одно стихотворение твоего любимого Пастернака. Вот и читала вслух. Ложись. Я сейчас приду, - громко ответила она. Метким щелчком закинула окурок в мангал. Повернувшись к мне опять, тихо добавила: «И мне он в жизни помог… Пожалуйста, зайдите в дом минут через десять. Словно мы с вами и не виделись.»

Я стоял на веранде, курил и не мог понять, где она говорила серьезно, а где с печальной иронией. А из их окна донесся короткий разговор…

- Где наш московский гость, который хуже татарина? – спросил Илья Михайлович.

- Не знаю… Гуляет где-то на берегу. - ответила Вероника.

- Дай, я тебя раздену… При свете…

Но свет погас… Я выкурил две сигареты подряд. Потом поднялся в комнату отведенную мне. В ней сидел Игорь, склонившись над журнальным столиком. А на нем красовались одна пустая, другая початая бутылки коньяка.

- Где ты взял вторую бутылку? И по какому поводу продолжение банкета? – весело спросил я.

- Коньяком на кухне все шкафы забиты. Хочешь, еще принесу? – пьяным шепотом ответил он. - Продолжение же банкета я устроил, чтобы отключиться и не слышать всего этого. Тебе тоже советую. Полезно для здоровья… А ты – молодец!

- Почему?

- Я перестал бы тебя уважать, посчитал бы лжецом из лжецов, лицемером из лицемеров, и никогда бы в жизни не поверил бы ни одному журналисту, если бы ты ушел с этими… Даже и не знаю, как назвать… Ладно, давай, выпьем. За то, чтобы все было хорошо. И – у людей! И – в стране!

Я налил себе в стакан, а Игорю в рюмку. Поддержал: «За это стоит выпить. Только как мы завтра поедем?»

- Не безпокойся! Я буду, как огурчик! – чекнулся он со мной, опрокинул рюмку в себя, закусил предпоследним кусочком лимона и ушел в свою комнату. Мне не спалось даже после коньяка. Я думал, думал, думал, и все никак не мог сопоставить… Не-со-пос-та-ви-мое?! А когда все-таки забылся дремотой, увидел, как нос и подбородок у Ильи Михайловича вытягиваются, и сам он становится точной копией старика-корня, давненько не посещавшего меня… Потом ко мне поочередно льнули Инна и Эля, но, обнявшись друг с дружкой, срастались и становились черной волчицей…

Я открыл глаза. Еще не рассветало. Значит, я проспал едва ли больше часа. За дверью скрипели… Нет, ходуном ходили половицы… Я резко вскочил, распахнул дверь… Там никого не было. «Слишком большая нагрузка на мозг, - подумал я, - Какая-нибудь.., - кто?.. – приняла бы все это за бред, если не за белую горячку…»

И тут я вспомнил, что уже несколько дней не молюсь, не выполняю епитимью. Надо было наверстывать. Я вошел в свою комнату, поднял на уровень глаз нательный крестик и стал читать Серафимово правило. Сердце встало на место. Я улегся и мгновенно заснул.

Глаза открылись с болью во всем теле. Оглядевшись, я не понял, где нахожусь. Но травы, развешанные на закопченых бревнах, стен, огонь в грубо собранной печи, иконы в углу, напомнили мне что-то недавнее… Что?.. Ах, да, сейчас войдет матушка Агафья… Нет, там стены были земляными… И тут в углу перед иконами я заметил припавшего лбом к полу человека. Чей-то стон рядом заставил меня повернуть голову в другую сторону. Ох, как же больно было это делать! Рядом, на такой же, как и подо мной, лавке лежал, раскрыв рот, князь Герасим. И тут, снова закрыв глаза, я начал вспоминать, как нас расстреливали литвины… Кто-то подложил ладонь под мой затылок, повернул и приподнял голову и поднес к губам глиняную плошку с горячим травяным взваром.

- Пришел в себя, касатик! – услышал я густой бас и увидел склонившееся ко мне румяное, светловолосое и светлобородое лицо молодого мужика. А он, напоив меня, нараспев произнес: «Сейчас мы и твоего соратничка напоим. Ох, и взяли вас в оборот! Места живого нет!»

Я пошарил рукой по груди и понял, что лежу без кольчуги, под которой была грамота!

- Не кручинься! – улыбнулся голубыми, цвета живого неба, глазами мужик, - Целехонька твоя грамотка!

- Где я? – тихо шевельнулись мои губы.

- В келье моей. А я – грешный инок Евстафий. Послан отцом нашим игуменом Сергием места новые для монастырей искать. Вот, под осень здесь келейку срубил, чтобы перезимовать, значит… Живу, молюсь… А тут, как нашло на меня что-то! Ни молитвы, ни покоя! Словно тянет меня кто-то за рукав вон из кельи. Вышел. Лыжи надел. Пошел. Вижу: дорога. А по ней конек ваш вас, горемычных, едва ноги переставляя, тащит…

- Где конь-то? – попытался улыбнуться я добродушию Евстафия.

- Устроил! В соседней деревне. Там ему и сенца дадут и напоят, и почистят. А по праздникам и овса обещались выдавать.

- Идти тебе надобно за коньком… А поначалу волокушу сделать, - продолжал, тяжело дыша от боли, я. Но тут услышал рядом: «Князь Ляксандр…»

Я повернул голову. На меня смотрел князь Герасим.

- Как же это мы с тобой так опростоволосились? – с трудом, пересохшими губами проговорил он.

- Сколько времени мы у тебя в келье? – опять повернувшись к иноку Евстафию, спросил я.

- Третий день, – ответил он.

- Господи! – прошелестел губами князь Герасим.

- Сейчас утро, день, ночь? – спросил я.

- Утро. Рассвет скоро. - ответил Евстафий.

- Давай-ка, займись волокушей… Запряжешь в нее нашего коня и лесными тропами повезешь нас на Москву.

- И-и-и! На Москву? Нет у меня такого послушания! - мотнул головой инок.

- Считай, что это - послушание от митрополита Алексия.

- И-и-и! – опять помотал головой инок. - Был я тут в деревне. До них весть дошла, что отошел ко Господу владыко, - Царствие ему Небесное!

- А как ты считаешь, единомысленны были твой игумен Сергий и митрополит Алексий?

- А то! Наш-то батюшка частенько ко владыке хаживал!

- Вот и думай! Все мы за осовобождение Отчины нашей ратуем! Так? Кто - мечем, кто – молитвой… Так? Стало быть, есть тебе послушание… Ну, хорошо… Довезешь нас до ближайшего разъезда московского… И обратно на коне вернешься.

Инок задумался. Встал. Сделал три земных поклона перед образами. А я, глядя на его телосложение, подумал: «Тебе бы мечем махать или секирой, а не поклоны класть… Прости, Господи!»

Инок встал. Подошел. Помолчал, опустив глаза в пол. Наконец, сказал: «Будь по-твоему, князь…»

И вышел из кельи. А на следующее утро затемно мы двинулись в путь. Волокуша, - две тонких березки связанные ветками и застеленные лапником, - казались поначалу мягкой периной. Инок и, поначалу, местный мужичок, - оба на лыжах, - шли рядом с конем. Но скоро при каждом ухабе, пеньке, даже кочке, попадавшихся под волокушу, мы не могли сдерживать стонов. Но что ж делать, коли решение было принято?! Ночевали в лесных погостах, меньше пограбленных, нежели те, что - вблизи дорог. Бабы хлопотали над нами: делали перевязки, прикладывали тряпицы, смоченные в травяных настоях. Кормили, чем Бог послал… Вскоре я мог уже без боли подниматься на локтях. На одной из стоянок какой-то старичок принес чугунок ухи из щуки, которая уже, как сказал он, пошла на нерест…

- Пост! Великий! – вскинулся, было, князь Герасим.

- Вы - путешествующие! Болящие! А потом, разве ж это – уха? Это – сердце мое! Дело-то ваше - Великокняжье! А хрящики рыбьи косточкам вашим помогут срастись поскорее. Да и ранки затянут, - твердо поставил он чугунок на стол.

- Вкушайте! – так же подтвердил Евстафий. - У нас в монастыре тяжко болящих даже на молоко благословляют.

…Так, недели через две мы, наконец, вышли на большой Московский разъезд.

- Кондратий! – крикнул старший, выяснив, по какому делу мы идем. - Быстро – за санями в ближайшую деревню. Тройку бери! Возьми с собой Никифора и Емелю, и ласточкой - в Москву! Дело – Великокняжеское!

В Первопрестольную мы прибыли на Вербное воскресенье. Многолюдная река людской радости бушевала вокруг нас. Кто-то сунул мне в руку несколько веточек вербы… Благовест гонял по небу стаи галок, ворон и уже прилетевших грачей. От наполненного всем этим густого, - хоть пей! – весеннего воздуха раны переставали ныть. И мы с Герасимом уселись в санях, подбив под спины побольше соломы. Не доезжая Кремля, встретили князя Володимира Ондревича… Он узнал нас… Сразу пересадил в мягкую повозку. Укутал шубой. Запрыгнул сам, бросив поводья своего коня ратнику.

- Слава Богу, живы! А то уж слухи дошли, что всю сотню литва постреляла! Ну что? Как? – выдыхал он из себя. Я достал грамоту: «Вот, передай Великому Князю. Во Пскове - плохи дела… Обложили его совсех сторон Ягайло, ляхи, орден… Даже не ведаю, выстоят ли…»

- Выстоят… Разведка донесла, что их вяленко штурмуют… Но обложили так, что ни в город, ни из него мышь не проскочит… Мы маленько помогаем… Малыми отрядами тревожим ворога с нашей стороны… Хотя и самим рать собирать надобно. Кузнецы-оружейники работают день и ночь! Впрочем, что это я?! Сейчас завезем домой князя Герасима, а потом – тебя…

…Алла выскочила из терема в одном сарафане.

- Любый мой! – обцеловывала она мое лицо, руки. И хотя невольно причиняла мне боль, я улыбался. Афанасий и еще несколько мужиков острожно помогли мне сойти на землю и внесли в терем. Раздели. Уложили в постель. Алла смотрела на мое, еще кое-где кровоточащее под повязками, тело и тихо плакала.

- Ну что ты?! - опять улыбнулся через силу я. - Все, слава Богу, обошлось. Я вернулся живым!

В дверь постучали. Вошел отец Антоний с каким-то незнакомым монахом. В руках у того была квадратная корзинка, из которой он принялся доставать разные маленькие горшочки, коробочки…

- Это – отец Орест, - преподав благословение, представил монаха мой духовник, - он – целебник Великого Князя. Сейчас осмотрит тебя и с помощью Божией поставит на ноги.

- Надо бы сначала ко князю Герасиму сходить. У него – больше ран. Я-то уже и приподниматься могу, - начал, было, я. Но отец Антоний строго перебил: «И на соратника твоего лекарь нашелся! А ты слушай, что говорят! Ишь! Разсамочинился! Сколько времени – без исповеди и Святого Причастия!»

- Батюшка! Ты бы пожалел его! Весь – в ранах! – расплакалась вдруг Алла.

- Ему сейчас другое нужно! А тебе – поменьше плакать! Живот, во-он, на нос вылез! – проворчал на нее отец Антоний. Но это меня почему-то рассмешило.

- Отче, когда благословишь исповедаться и причаститься Святых Тайн? – спросил я.

- Вот видишь, и улыбаться стал! Сейчас отец Орест посмотрит твои раны, и мы с ним все решим. А ты выйди пока… - кивнул он Алле. Монах помог мне снять рубаху. Осмотрел: «Кто ж из тебя болты-то вынимал? Да так, что и наконечников в теле не осталось!»

И я рассказал про волчицу. Отец Орест переглянулся с отцом Антонием.

- А не была ли волчица похожа на ту зверюгу-оборотня, что княгинюшку твою к чародею водила? - спросил мой духовник.

- Точно! – обожгло меня воспоминание. И я поведал все, что произошло дальше.

- Крепко за тебя кто-то молится! – крутанул головой отец Орест. Перекрестился. И, осматривая, продолжил: «А вот эти раны мне не нравятся…»

Он достал из корзины глиняную фляжку, налил из нее в чару, протянул мне: «Выпей-ка.»

Я глотнул сладкое, пахучее питье. Тут же все поплыло у меня перед глазами. Сквозь туман я видел, как отец Орест вставляет в мои раны какие-то гладкие палочки, качает головой…

- Наконечники! И волчица, – говорит он, - не все вытащила…

Затем целебник надрезал кожу и тонкими длинными щипцами достал из моего тела куски железа. Смачил раны. Смазывал их чем-то. Дал еще глоток сладкой душистой жидкости… Странно, но боли так и не чувствовалось…

…Я открыл глаза. Прислушался к себе, к возможной боли… Раны приятно почесывались. «Затягиваются!» - подумал я. Огляделся. Алла сидела рядом и что-то вязала толстыми деревянными спицами. Видимо, уловив мое движение головой, вскинула глаза. Припала губами к моей ладони, лежащей поверх медвежьей шкуры.

- Любый мой! Пробудился! Отец Орест велел дать тебе сразу травяного взвара. На-ка, вот, испей! – она бодро для своего положения вскочила, взяла чару и поднесла ее к моим губам. Выпив все до дна, я спросил: «Ну, а как вы тут жили?»

- И-и-и! - радостно всплеснула руками она. - Ольгушка совсем хозяйкой в тереме стала. Выросла! Я-то уже не все успеваю… Так, она ходит, повелевает, всех проверяет! А по воскресным дням в хоре поет, на службе, в соборе. А Георгий-то наш – совсем жених! Статный такой молодец! Идем их храма или из собора, так девицы заглядываются на него. Забавно! В подмосковной – большой приплод коровок, овечек, козочек! Молоко – рекой! Я велела масло взбивать! Одну половину - в ледники складывать. После поста будем вкушать! Другую половину Афанасий решил, было, на торг свезти. А ему посетовала: мол, излишки лучше тем, кто победнее в подмосковной отдать! А он мне: мол, у них у всех Божией милостью есть и коровы, и козы свои. Хозяйствовать, мол, надо правильно! А не лениться! Ну, я подумала: может быть, и так – верно! Ты приедешь, разберешься… А князь Ондрей-то наш! Ой, даже говорить боязно! Как бы не сглазить! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! Все к Герасимовой сестрице ходит… А та ему, мол, - Великий пост! Никак видеться нельзя! Вот, мол, после Пасхи… А сама-то: увидит князя и тает на глазах…

- Ты что, с женой князя Герасима подружилась? – спросил я, гладя ее ладошку.

- Как тут не подружишься! Такой страх седмицы три назад напал! Сердце так щемило! Я – в молельную. На колени. Перед той иконой, коей ты меня благословил. «Аллушка, - шепчу, - покровительница Небесная моя! Спаси любого моего, супруга, роднулечку, князя Ляксандра! Не дай погибнуть! Умоли Господа нашего Иисуса Христа, Его Пречистую Матерь, Небесного покровителя Ляксандра и всех святых, сожженных в церкви, защитить его от врагов видимых и невидимых!..»

Потом вскочила и – бегом в терем князя Герасима. Афанасий едва поспевал за мной… Вбегаю, а жена его - лицом в подушки: рыдает! Говорит, мол, сон дурной видела. Мол, лежат наши мужья и все ратники ихние железными стрелами побитые… И волки тела их терзают!.. Я – ей: мол, давай-ка, вставай! Я – на сносях. И ты перед Великим постом зачала! Худо рыдать, сердце рвать себе – для наших живулечек! Встанем на молитву! Где двое или трое молятся, там и Господь с ними!.. Встали мы, значит, молимся, плачем… И вдруг такой покой в сердца наши влился! Вышли мы в трапезную. Княгинюшка-то Герасимова велела брусники моченой, яблочек, брюквы сладкой, грибочков да квасу принести. Посидели мы с ней, посудачили по-бабьи. Я и пошла спокойная да уверенная, что живым тебя увижу…

Она опять ткнулась губами в мою ладонь.

- Стрелами, говоришь, железными побитые? Волки, говоришь? – удивленно переспросил я. И рассказал, как попали мы в засаду, как дрались, как волчица, похожая на колдунью-оборотня, меня облизывала. Поведал и про Крестный Ход, про.., - да-да, про очень похожую на мою жену, - святую в блестящих одеждах, красном плаще и с крестом в руках…

- Погоди! – вдруг встрепенулась княгинюшка. Она вышла и скоро вернулась, держа в рушнике икону, которую я получил в подарок во Пскове. У меня аж сердце зашлось!

- Вот она! – показал я на святую в светлом облачении, красном плаще и с крестом в руках.

- Да, это – она, моя Небесная покровительница, святая мученица Алла! Услышала милостивая, мои молитовки! Помогла! Спасла вас с князем Герасимом! – блаженно улыбнулась моя жена и, перекрестив меня иконой, вышла. А я откинулся на подушки и попытался вспомнить: как же величали того ратника в сверкающих доспехах, который усадил меня на коня?

- Господи, помоги! – перекрестился я. Но вспомнить так и не смог, потому что заснул. И приснилось мне, что стоим мы моей княгиней в чистом ромашковом поле. А перед нами – все те, кого я видел в Крестном Ходе, спасшим меня и князя Герасима от волков и замерзания. Мы делаем, делаем, делаем перед ними земные поклоны. И с каждым поклоном поднимаемся над землей на малую высоту… Потом святые начинают уплывать по воздуху от нас вдаль и вверх… Но один, в светящихся доспехах, подходит ко мне, кладет руку на плечо и медленно с расстановкой молвит: - Алекса – Ляксандр – Александр… И уплывает вдаль и в высь вослед за остальными из Крестного Хода. А мы с женой опускаемся на землю…

…Всю Страстную седмицу Алла с Ольгушкой ходили в храм. Георгий пропадал на службе, – случилась как раз его чреда стоять в стороже. Но на ночную Пасхальную службу – пошли все втроем… Грустно было оставаться дома одному, - ведь и челядь тоже ушла славить Христа Воскресшего. Я, лежа, помолился, как мог. Испил взвару травяного и заснул. А перед рассветом проснулся от шума, веселых возгласов, смеха… Алла, Ольгушка, Георгий, Афанасий, матушка Агафья влетели ко мне и хором провозгласили: - *Христос Воскресе!*

- *Воистину Воскресе!* – засмеялся я, стряхнув сон.

- Так, - приложила пальчик ко лбу Ольгушка, - столы для разговения ставим здесь. Афанасий, голубчик, распорядись.

Я посмотрел на Аллу. А она с доброй, немного слезливой снисходительностью, погладила по головке мою дочь…

- Сей же час, княжна, - выпрямился Афанасий.

Меня усадили в подушки, хотя, возможно, благодаря снадобьям отца Ореста, я мог бы и встать. Но этого мне никто не позволил. Яйца, пасхи семи видов, куличи пироги, вина, меды, молоко, сметана, варенец мигом оказались на столах, сдвинутых друг с другом и покрытых нарядными вышитыми скатертями. Все домочадцы расселись по лавкам и смотрели на меня.

- *Христос Воскресе!* – провозгласил я.

- *Воистину Воскресе!* – прозвучал дружный ответ. После первых чар, яиц, кусочков кулича, пасх мы стали обмениваться подарками. Ольгушка, опередив всех, подскочила ко мне и развернула ярко вышитую рубаху: «Вот тебе, тятенька! Весь Великий пост вышивала! И скатерку эту – тоже я…»

Мы похристосовались.

- Хватит бахвалится, - буркнул ей Георгий. Потом обратился ко мне: «Отец! Я, вот, вырезал тебе походную ложку… Прости за такую мелочь… Всяк день, - если не ратные учения да стрельбы, то – сторожа. Ведь я – не отрок уже! Вчера меня десятником назначили над теми, кого из отроков в ратники перевели.»

Я наклонил его голову к своей щеке… Даже слезы навернулись…

- Вот это, сынок, твой самый лучший подарок для меня! А ложка-то! Словно серебряная: вся в филигранях! Такой и вкушать жалко! – восхитился я, рассматривая ее на свет.

Алла преподнесла мне зимний, синий плащ, отороченный золотой каймой и подбитый лисьим мехом.

- Три подарка? Не слишком ли много? – делано удивился я.

- Почему три?! – вскинула брови она.

- А эти два? – погладил я ее по животу.

- Два-а-а?!

- Так мне святая Алла сказала! – трижды поцеловал я жену.

- Афанасий, помоги! – покраснев и отвернувшись от меня, попросила Алла, и тот вынес из-за занавески большую корзину, накрытую широким рушником…

- Мамушка, – крикнула вдруг Ольгушка, - а я тебе сперва хочу подарить!

Алла вздрогнула… Потом повернулась. Принимая шаль, обняла Ольгу, громко прошептала: «Спаси тебя Господи, дочка!»

- Ты меня опять опередила, стре-ко-за! - буркнул Георгий и тяжело вздохнул. - У меня – тоже платок в подарок!

- Спаси тебя Господи! – похристосовалась с ним Алла и потрепала по волосам.

Раздав подарки всем дворовым людям, она звонко произнесла: «Продолжим разговляться! *Христос Воскресе*!»

- *Воистину Воскресе!* – ответили все.

- А ты к колодникам завтра не пойдешь? – спросил я Аллу, дожевывая кусок кулича и запивая его крепким медом.

- Великая Княгиня повелела не ходить. Куда, мол, мне по крутым ступеням подземелий прыгать?! Оно и – верно… Тяжелехонько уже! - улыбнулась она.

- Тогда вы, Георгий и Ольга, от нашего рода пойдете. - кивнул я детям. Сын пожал плечами в ответ: мол, как скажешь. Ольгушка от восторга запрыгала и захлопала в ладоши.

…Спать разошлись, когда пасхальное солнце бушевало на небе вовсю. Но к полудню меня разбудил Афанасий: «Пробуждайся, княже! Сами Великие Князь и Княгиня со чадами пожаловали! Надевай новую рубаху! Дочкину! Давай пособлю.»

- Стол? – спросил я.

- На-а-акрыт! - кивнул Афанасий.

- Когда ты все успеваешь?

- Бог помогает! И Ангелы Его! – ответил он, помогая мне попасть рукой в рукав. Я был уже в сапогах. Оставалась надеть легкий кафтан, когда дверь отворилась и на пороге появился Димитрий Иоаннович.

- *Христос Воскресе*! - воскликнул он.

- *Воистину Воскресе*! – радостно отозвался я и попытался встать…

- А ну-ка, сиди! – остановил меня Великий Князь. - Отец Орест сказал, что даже в сад без помощи двоих мужиков выходить нельзя! И то – до лежанки!

Он подошел ко мне. Приподняв, помог встать. Похристосовался. И продолжил: «Ты мне, ой как, в августе нужен будешь! Так что, напрягись! Поправляйся! Строго выполняй все предписания отца Ореста!»

- На Бегича? – спросил я. Великий Князь кивнул. И, обернувшись, весело добавил: «А ну-ка, мужички, помогите вашему князю за стол пройти.»

…После второй чары, Димитрий Иоаннович громко сказал: «Силен у тебя Ангел-Хранитель! Отец Орест сказывал, что ран глубоких много. Но ни одной не то что смертельной, а даже опасной нет… Крови, правда, много ты потерял… Много плоти порвано болтами… Кстати, занятно, но и у князя Герасима – та же история!»

Я благодарно взглянул на Аллу. Та потупила взгляд. Отведав всего понемногу, Димитрий Иоаннович встал: «Прости, хозяин, но по обычаю надобно к колодникам сходить, одарить их ради Светлого Христова Воскресения. Вам-то с княгиней сейчас это несподручно…»

- Великий Князь! Дозволь детям моим, Георгию и Ольге, за нас долг милосердия исполнить? – с помощью Афанасия привстал и я.

- Добро… Кстати, тут князь Ондрей твоего сынка хвалил. Знатного ратника, десятника вырастил ты. Не гляди, что юн! Я на стрельбах тоже его отметил. - похлопал Димитрий Иоаннович Георгия по плечу.

Когда он ушел, я повелел постелить мне в саду. День был теплый, тихий, солнечный. Свежая, едва пробившаяся листва, сочная, юная травка, первые цветы радовали своей новой, воскресшей жизнью. «Да-а-а, - подумал я, - если бы не молитвы моей княгинюшки, доели бы меня волки! И не увидел бы я этой красоты». Полудрема сменялась явью…

- Любый мой! – услышал я. Алла сидела напротив лежанки.

- Мне показалось, что ты не спишь - продолжила она… - Я хотела бы завтра навестить князя Герасима и его семью. Подарки отнести. От тебя передать святое целование. После храма, конечно. Можно было бы Ольгу и Георгия взять с собой… Если благословишь. Вы же с князем Герасимом как бы кровью связаны теперь… Сам же ты пока не в силах навестить. А?

- Да, конечно, ладо моя! – улыбнулся я тихо.

…Вечер был спокойный, мирный, теплый. Я ужинал в постели. Дети захотели, было, снова накрыть стол в моем покое. Но послушались: праздник, - зачем же людей утруждать?! Выпив снадобья отца Ореста, я быстро и легко заснул…

Утром Афанасий доложил, что княгиня с княжной – в церкви, княжич отсыпается, половина людей, - девицы, отроки, - отпущены до обеда гулять в город, другая половина, - мужики и бабы, - пойдут после обеда до вечера. Завтрак готов. После утреннего молитвенного правила он будет подан. Еще Афанасий вдруг заявил, что выгнал старосту из подмосковной.

- Вор он, княже! Я его увещевал, говорил, мол, мало ли тебя князь миловал?! Дом твой – полная чаша! А я подсчитал, - бо-о-ольшая недостача! Потом и мужики мне рассказали… Вор!

- Ты бы его – к попу, на исповедь! – размышлял я вслух.

- Не идет! Мне, говорит, не в чем каяться! А как так?! Нет безгрешных людей! Тут я и смекнул: коли полагает, что не в чем каяться, значит, совести не осталось. А коли совести нет, значит, - поневоле, - вор!

- Ты уже молился утром? – кивнув, спросил я.

- Да.

- Тогда ступай. Я помолюсь… - опять кивнул я. Вяло помолившись, я съел яичницу на сале, кусок копченой телятины, двух рябчиков, олений язык в сметане. И запил все это крынкой молока. А тут и Алла с Ольгушкой пришли.

- Ой! Так сегодня пелось! Так пелось! Словно сами Ангелы подпевали! *Христос Воскресе!* – бросилась целовать меня дочка.

- Да! Право слово, – подтвердила Алла, - Ольгушкин голосок из всех выделялся! И служба душевная была. До слез… А ты как себя чувствуешь?

- Слава Богу! А Георгия вы почему не подняли? – строго спросил я.

- Ага! Поднимешь его! – надула губки Ольгушка. - Я заглянула к нему в горницу, так он в меня сапогом кинул…

- Ябеда! – на пороге стоял прибранный и нарядный Георгий, - Я на Страстной две сторожи подряд нес! А ты ночи напролет в пуховиках дрыхнешь!

- Сын! Сторожи нести – мужское дело перед Богом, Отчиной и Великим Князем! А в храм Божий ходить – перед своей безсмертной душой! И для нее! Поэтому надо ходить в церковь! Тем более, - в Светлую седмицу! – покачал я головой.

- Завтра пойду, - вздохнул Георгий. В покой опять вошел Афанасий. Спросил: «Трапезу накрывать?»

Алла кивнула. А Георгий спросил: «Отец! Я после трапезы пойду, прогуляюсь по Москве? Со своими ратниками встречусь… Праздник же светлый!»

- Нет, - ответил я, - надобно княгиню и княжну проводить навестить князя Герасима. Он – мой соратник! Вместе нас в оборот брали… Я-то, видишь, сам не могу.

- Ну вот, - вздохнул Георгий. - Вчера – к колодникам, сегодня – ко князю Герасиму… А у меня - всего три дня на гулянье! Послезавтра – опять в сторожу!..

- Что-то ты много и не то говорить стал! – нахмурился я, глядя на сына в упор. - А может быть, уже и медок хмельной или пивко попивать начал?

- Что ты?! Нечто я басурман какой?! И не знаю, что до первой непраздности жены нельзя хмельного?! – откинул даже голову назад сын.

- Ладно. Верю. Решено: после трапезы – ко князю Герасиму. Помогите мне подняться. - твердо сказал я. После трапезы Алла, переодевшись, зашла ко мне. Спросила: «Может быть, правда, отпустить Георгия? Мы и одни дойдем. А корзину Афанасий донесет. А?»

Я посмотрел на нее из-под лобья. Она подошла, поцеловала меня и вышла. Но вдруг вернулась… А вслед за ней в покой ворвался князь Ондрей. С веселый криком *Христос Воскресе*! Расцеловался со всеми.

- Простите, Христа ради, за то, что раньше не зашел! Сторожи! Проверки! Один ратник занедужил! Двое других, - соседи! – вчера разговелись ромейским, а потом подрались! Ох! И праздничек же! - отдышался он.

Повернулся ко мне: «Ну, как ты? Наслышан уже! Но у литвы самострелы хуже наших!»

- Если бы были лучше, не говорил бы ты со мной сейчас, - улыбнулся я.

- Княгиня, я гляжу, собралась куда-то?! И я бежать должен. Князя Герасима хочу навестить… Он же тоже ранен!

- Завтра к трапезе после Божественной Литургии заходи, - опять улыбнулся я, - и… погоди малое время! Княгиня с детьми тоже князя Герасима навестить собралась. Ступай с ними. Присмотри! Путь-то – в горку!

Князь Ондрей как-то даже сник. Вздохнул: «Я просто побыстрей хотел… Ну, да ладно!»

И они ушли. А я, выпив снадобье отца Ореста, опять заснул. А, пробудившись, услышал в вечерней тишине хохот Ольгушки и увещевающий голос Аллы. Я позвал. Они вошли.

- Тебе что-нибудь дать? – с ласковой усталостью спросила Алла.

- Ой, тятенька! У князя Герасима та-а-акое было! Та-а-акое было! – затараторила дочь.

- Взрослые разговаривают! – спокойно, но жестко перебил я ее, и обратился к жене: - Нет, ладо моя, я просто хотел спросить, как там?

- Все - слава Богу. Князь Герасим, как и ты, уже пробует вставать. Поправляется. В семье у него все здоровы. Я рассказала княгине о том, что с вами произошло… Не внешние события, а… Ну, ты разумеешь! Она аж побледнела! Подошла к святым образам. Сделала три поклона. Благодарила вслух Бога, Богородицу, Архангелов, Ангелов и всех святых.

Я перекрестился. Потом повернулся к Ольгушке и спросил: «Ну и что там было «та-а-акое»?»

- Ой! Георгий-то наш, как увидел старшую дочку князя Герасима, Настеньку, как похристосовался, - так закраснелся весь! Что твой маков цвет! Глаза опустил! С

ноги на ногу переминается! Не ведает, куда руки девать! А та – тоже хороша! Глазки так опустила и в сторону отвела… На три года всего меня старше, а туда же! Еще и сисички наполовину только выросли!..

- Ольга! – покачала головой Алла. А я спрятал улыбку в усы и в бороду. Но спросил: «А почему наполовину?»

- Маменька-то у нее, княгиня.., - начала, было, дочь, но, смутившись, опустила голову. Потом вскинулась: «А дядя.., князь Ондрей чуток с княжной Ириной посидели за столом и – в сад! Потом, когда прощались, она ему кафтанчик, который он ей в саду на плечи накинул, возвращает и в петличку цветок втыкает… И глазки тоже так опустила… Думает, что никто ничего не видит и не понимает! А тут, глядишь, и свадебка осенью заиграет!»

- Ну, вот что, дочь, - строго сказал я, - Даже то, что ты дела брата, - заметь! старшего брата! – обсуждаешь, - нехорошо! Грех! А уж о совсем взорслых такие пересуды вести, - никуда не годится! Мала еще! Да и представь себя на месте княжон Анастасии или Ирины! Если бы ты узнала, что кто-то из подружек тебя так пересуживает?!

- Да я бы глазенки выцарапала! – перебила меня Ольгушка.

- Ну, это уж – совсем гадко! – покачал я головой.

- Но я же не с подружками судачу, а.., а.., а с родителями говорю! – вдруг посмотрела дочь на Аллу.

- Ну, ладно-ладно! - обняла ее та за плечико и поцеловала в макушку.

- Погодите, а где Георгий? – спросил я.

- По лестнице протопал сапогами, к себе! – хмыкнула Ольгушка, - ни на кого не смотрит, ни с кем не разговаривает… Влю-у-у-убился!

Она, хохоча, даже присела, хлопнув себя ладонями по коленям.

- Что-то ты не на шутку разошлась! – уже повысил голос я. - Пойди-ка к себе! Сделай три поклончика! Попроси у Господа умирить сердце!

- Так, Светлая Седмица же на дворе! Какие поклоны? – вскинула бровки Ольгушка.

- Тем паче нельзя злословить, надсмехаться, сплетничать! Ступай, сделай три поясных поклончика! – повелел я тоном, не допускающим возражений.

- Не слишком ли ты строг, любый мой! Девица ж все-таки, не отрок, не будущий ратник! – спросила Алла, когда мы остались одни.

- Отец и должен быть таким! И наказывать должен. А вот миловать и жалеть должна мать. Если, конечно, это – не против воли отца.., - взял я ее за руку.

…К концу мая я уже сам ходил и в собор, на службу, и ко князю Герасиму. Однажды мы даже в шутку попробовали на мечах сразиться. Раны поскрипывали легкой болью. Но, - ничего, получилось! После этого мы стали ежедневно восстанавливать свои ратные навыки, обучая при этом Ивашку и других наших отроков приемам с топором, мечом, сулицей, пикой, кинжалом…

А в московском воздухе чувствовалась напряженность предстоящей сечи. Однажды князь Ондрей пригласил меня пройтись по Москве. И привел… в большую кузню, где сотни полторы ремеслинников ладили кольчуги, ковали мечи, топоры, сулицы, болты для самострелов, наконечники пик. Князь Ондрей открыл дверь в отделенное помещение, и я увидел рязанского оружейника Игнатия.

- Кого к нам Бог привел! – отложив в сторону только что сработанный самострел, встал тот. Поклонился. Подошел ко мне. Мы обнялись.

- Ну что? – спросил князь Ондрей.

- Тысячный! – улыбнулся оружейник, кивнув на свой верстак. - Но Великий Князь повелел не прекращать дела. Ему еще нужны самострелы.

- Бог тебе в помощь! – пожелал князь Ондрей. - А тысяча первый сделай для князя Ляксандра. Только – поменьше. Ему дорожный надобен! Я заплачу…

- Я и сам подарок мог бы сладить!.. Есть у меня задумка, - хитро сощурился Игнатий, - Глянь-ка! Самострел-то можно сделать без стремени, применить рычаг или ворот… Вот так, так и так…

И он стал углем на белой печи рисовать совершенно новый укороченный самострел.

- Работа, конечно, более трудоемкая. Дальность стрельбы поменьше будет. Но такими могут вооружаться гонцы, князья, воеводы… Наконец, и вся конница! Для ближнего боя! Я уже посчитал: с двадцати шагов кованый доспех пробивать будет.

- Ты мне сперва мою тысячу вооружи! И чтобы болтов несчетно было! – мотнул головой князь Ондрей.

- Так ты уже тысяцкий?! И молчишь!– встряв в разговор, удивился я.

- А почему твой сын десятником стал? – хохотнул он в ответ. - Только не хвали меня! Сам ведаешь: похвала человека портит! А самострельщиков сейчас у Великого Князя – действительно, тысяча.

- Эт-то дело надо отметить! – хлопнул я их обоих по плечам. - Пойдем ко князю Герасиму!

- Э-э-э, нет! - покачал головой Игнатий. - Вы – князья! А я кто?! К тому же мне еще тетиву натянуть на самострел надобно…

- Ты по поводу князей брось так говорить! – махнул рукой князь Ондрей, словно отрубил что-то. - Тут, давича, Димитрий Иоаннович сказал, что для него не тот – князь, кто на людей взирает, как на грязь, а тот - князь, кто за Отчину готов сам – лицом в грязь. А мне сдается, что и ты, брат Игнатий, скоро князем стать удостоишься!.. А Герасим?! Да он - такой же, как и мы! Поверь! Правда, брат Ляксандр?

- Вестимо! – кивнул я.

- Сколько ж тебе надо времени тетиву натянуть? – спросил Игнатия князь Ондрей.

- Это – дело недолгое. Но самострел еще и пристрелять надобно…

- Вот, в саду у князя Герасима и пристреляем!

- Тебе там медом намазано! – хохотнул я.

- Сла-а-аще! – отозвался князь Ондрей. - К тому же я давно обещал Ирише.., княжне Ирине научить ее стрелять из самострела.

- Когда свадьба-то? – радуясь за него в сердце, улыбнулся я.

- Не молоды мы уже, чтобы женихаться долго. Если Бог даст, по осени сватов зашлю. Пойдешь в сваты-то? А? Вот, хотя бы с Игнатием? – пристально взглянул он на меня.

- Куда ж от тебя деваться?! – рассмеялся я.

- Да! Тем паче, княжна тебя родным считает! Ведь ты тоже участвовал в умыкании ее из Сарая!

- Было дело…

Я проснулся от тишины. И тут же ко мне в комнату вошел Игорь.

- Выспался? – спросил он.

- Переспал! – хмыкнул я в ответ. - А что, все уже встали?

- Все уже разъехались! Вставай! Позавтракаем. А то – сейчас машина с минуты на минуту придти должна!

Мы сидели за летним столом и запивали коньяк кофе. Я спросил Игоря: «А ты часто здесь бываешь?»

- Нет, - мотнул он головой, - второй раз. Впервые был, когда комиссия из ВЦСПС приезжала, и мой ансамбль баянистов им понравился. Тогда и меня попросили поиграть на баяне для гостей на «дружеском ужине».

- И все было так же, как вчера?

- Еще похлеще!.. Но, давай, не будем об это! Противно!

- Да уж… Хочу поблагодарить: если бы не ты, даже и не знаю, сдержался бы я вчера или нет…

- Что? Слаб на это дело? – грустно усмехнулся Игорь. Я кивнул… Приехала машина. Из нее вышли несколько женщин. Одни, молча, стали наводить порядок на столе и вокруг него. Другие ушли в дом. А мы «полетели» в Псково-Печерский монастырь.

- В Изборск, если успеем, заедем на обратном пути. А сейчас прямиком – в Лавру. А? – предложил Игорь.

- Как скажешь, - пожал я плечами. Мимо пролетали холмы, леса, деревни… Через час мы въехали в маленький районный центр Печоры. Игорь сбегал в домик с надписью «Экскурсионное бюро». А когда вышел оттуда, вместе с ним была пожилая, строгая женщина, похожая, скорее, на учительницу математики или химии, чем на экскурсовода.

- Монастырь основан.., - монотонно начала она, как-то странно измерила меня взглядом с ног до головы, - …Единственная в мире неприступная крепость, построенная в овраге… Только один раз войска Батория взяли монастырь… И только потому, что среди оборонявших нашелся предатель… Монахи ушли в так называемые *Богом зданные пещеры*, оставив снаружи десятки бочек вина. Захватчики упились… А монахи ночью вышли из пещер и перерезали всех поляков…

- Простите, вы ничего не перепутали? – перебил я, - Монахи не могли взять в руки оружия… Может быть, это были миряне, местные жители, ратники, ушедшие вместе с монахами? Ведь в каждом монастыре был небольшой воинский гарнизон…

- Тексты наших экскурсий утверждены ученым советом и райкомом КПСС на основании летописей и исторических исследований ведущих отечественных ученых. И, я думаю, что они были и есть – не глупее нас с вами! - поджала губы экскурсоводша.

Я засмотрелся на стены, показавшиеся в этот момент шеренгой русских ратников, на башни, возвышающиеся над ними воеводами в остроконечных шлемах…

- А во время Великой Отечественной войны, - донесся до меня голос экскурсоводши, - есть сведения, монахи сотрудничали с фашистами. Не зря посадили их игумена… У самой толстой стены монастыря гитлеровцы расстреливали партизан и подпольщиков…

Кровь ударила мне в голову… Игорь взял меня за рукав…

- Ты не забыл, что мы сегодня коньяк пили? Уймись! – шепнул он.

- Пройдемьте, к городской Доске почета… Сегодня в Печорах Псковских работает предприятие инвалидов, получивших челюстно-лицевые травмы и частично лишившиеся зрения… Вот, взгляните! Эти люди, несмотря на свои недуги, вносят посильный вклад в дело строительства развитого социализма! – продекламировала экскурсовод. А с «доски почета» на меня смотрели… уроды! Да, именно это слово первым вспыхнуло в мозгу… Люди без подбородков, скул, носов, с обезображенными лицами смотрели на меня с мертвых фотографий на бетонной плите.

- Здесь, в Печорах Псковских это инвалидное предприятие – главное, ведущее, - говорила экскурсовод.

А мне почему-то стало стыдно… Перед кем?! За кого?..

- Теперь пройдемьте в монастырь, - перебила мои мысли экскурсоводша.

Мы шли вдоль стены, и она говорила, что толщина ее достигает шести метров…

- От старых времен в Печорах осталось немало памятников архитектуры, - тататорила экскурсоводша, - Это - церковь Николы Вратаря постройки 1565 года, Михайловский собор - 1827 года, Звонница - 1523 года, Благовещенская церковь, - 1540 года, - с пристроенной к ней в 1870 году Сретенской церковью, ризница XVII века, пещерный Успенский собор возведенный в середине XVIII века надстроенный

еще одной, Покровской, церковью, и получивший общий с ней фасад в стиле барокко. Уцелели каменные крепостные стены с девятью мощными башнями:Тайловской, Верхних решеток, Тарарыгиной, Изборской, Благовещенской, Нижних решеток, Никольской, Петровской, Тюремной. В Печорах сохранились даже старинные зубцы стен, бойницы, боевые ходы. Из башен особенно выделяется стройными пропорциями и высотой, - около 25 метров, - та, что имеет название Верхних решеток. Взгляните, пожалуйста. Она имеет шесть боевых ярусов, а другие башни - по четыре-пять ярусов. Примечательна также Изборская башня, ворота которой были защищены устройствами, подобными захабам некоторых крепостей Северо-Западной Руси. Не все сооружения печерской крепости созданы одновременно. Так, проездная Петровская башня была сооружена уже после Смуты, в 30-х годах XVII столетия. В связи с ее постройкой пришлось переделать и ближайший к ней участок крепостных стен. Около Никольской церкви, существовавшей со времен игумена Корнилия, в дальнейшем построили воротную Никольскую башню. Восстанавливалась Тарарыгина башня, разрушенная шведами в 1615 году…

Неожиданно подул сильный, холодный ветер. Экскурсоводша достала из сумочки кофточку, надела ее.

- Здесь в Печорах Псковских такая перемена погоды – обычное явление. Роза ветров! – хмыкнула она. А нам с Игорем в одних рубашках было не по себе… Но когда мы вошли в монастырь… Старенький монах, сидевший у ворот с Псалтирем в руках, поднялся с грубо сколоченной табуретки и поклонился нам в пояс. Экскурсоводша слегка кивнула: «Здрасьте!»

Поклонившись монаху, я взглянул вдоль брусчатки, спускающийся от ворот к площади и увидел аллею огромных разноцветных розы. Да и ветер за стенами монастыря как-то сразу стих. В небе неожиданно показалось солнце… Стало снова тепло.

- Взгляните на брусчатку, - продолжала экскурсоводша, - В ледниковый период в окрестностях оказались камни самых разных пород, с многоцветными вкраплениями. А вот по этой красной линии на камнях монахи судят о святости одного из местночтимых святых – Корнилия… Согласно местным летописям, и исследованиям ученых, начиная от Карамзина и заканчивая современными историками и общественным мнением, ему в приступе бешенства, - что ж делать?! болезнь! – Царь Иван Грозный лично отрубил голову, за то, что Корнилий обличал его жестокость. Правда, Царь тут же одумался! И на руках нес тело убитого до церкви. Записал в помянник… Но человека-то не вернешь! Монахи, показывая на эти красные вкрапления, утверждают, что это – нестирающиеся капли крови Корнилия и называют их «кровавой дорожкой».

Да, действительно, по всем учебникам истории, по картине «Иван Грозный убивает своего сына» я был знаком со «злодеяниями». Но сегодня внутри вспыхнул протест этому «общественному мнению». «Какая-то агрессия во мне! – посетовал я сам на себя, - Надо успокаиваться! Господи, помоги! Умири мое сердце!» И я залюбовался огромными, разноцветными розами, каких никогда и нигде не видывал. Потом спросил: «А нельзя ли нам посетить храм и пещеры?»

Экскурсоводша опять поджала губы, опустила глаза. Потом, как бы нехотя, произнесла: «Во-первых, это не входит в маршрут обзорной экскурсии. Во-вторых, в пещеры водят только насельники монастыря, то есть монахи. Наконец, я понимаю, вы – высокий гость… Если для вас одного заказана экскурсия… Но, чувствуется, что вы, мгм… как бы это сказать… вчера участвовали в обильном дружеском ужине, а сегодня – в таком же завтраке… Поймите правильно… Не думаю, что монахи допустят вас в святые для них места… И это не мы, - экскурсионные работники, - решаем».

- Братия! – услышал я сзади и обернулся. Перед нами стоял старый монах в выцветшем до серости черном подряснике, но с крестом на груди. Я неожиданно для себя протянул руки под благословение. А следом за мной с какой-то одеревенелостью в движениях сделал это Игорь… А экскурсоводша, отвернувшись, скривила губы... Монах, преподав благословение, продолжал: «Отец наместник увидел вас из окна своей келии и благословил меня показать вам храмы и Богом зданные пещеры».

Экскурсоводша явно смутилась, замялась и вяло проговорила: «Вообще-то, наша экскурсия подошла к концу… Но если что-то потребуется, я буду в экскурсионном бюро…»

- Монастырь ведет свою историю уже более пятисот лет, – тихим мягким голосом начал рассказ иеромонах. - Здесь, на северо-западных рубежах России, на древней Псковской земле семя веры Христианской, брошенное в благодатную почву душ наших благочестивых предков возрастало медленно… Плевелы язычества травили его и забивали. Сами, поди, знаете историю! Потом святая равноапостольная Великая Княгиня Ольга, которая, по преданию, родилась в веси Выбутской близ Пскова, своим Святым Крещением и дальнейшей после него жизнью удобрила эту почву… Летописец времен Великого Князя Димитрия Донского, - и, как поговаривают, сам – уроженец Псковщины, боярин, воевода, участник Куликовской битвы, - в труде свое поведал нам, что отец и сын, изборские охотнички, прозывавшиеся Селишами, забрались в непролазную глушь на берегах ручья Каменца. Заблудились! Но вдруг услышали они гласы, поющие незреченно и прекрасно… И на овраг, по которому протекал ручей опустился туман. Но этот туман балгоухал! Яко множество фимиама! Прости, Господи, нас, маловеров! Это как же веровать надо было простым охотничкам, чтобы сподобиться такого чуда Божия?!

- Батюшка, простите, - вдруг встрепенулся я, словно что-то вспомнив, - а известно имя летописца, до пострижения в монахи?

- И-и-и! Дорогие мои! Имена сии Господу ведомы. Но от старцев наших, отошедших давненько ко Господу, слыхивал я в их беседах с молодыми иноками, что летописца того, боярина и воеводу псковского до пострига величали Феодором.

Что-то неясное, но близкое и знакомое, - не мне, сердцу моему! - сладко отозвалось в душе. Но я промолчал, боясь потерять это ощущение… А иеромонах продолжал: «Я тогда еще трудником был, на послушании… Вызвал меня отец казначей к себе в келью… Там я и услышал отрывок этого рассказа. Давно это было… Я в сорок втором году из гитлеровского лагеря бежал… Так и так смерть выходила. Но вероятность ее, если побег удастся, думал я, - меньше… Предать меня угрожал один иуда… Я ведь офицером, коммунистом, корреспондентом «Красной Звезды» в плен попал… К тому же, по национальности – еврей. А здесь меня монахи схоронили, выходили… В пещерах!.. Вернулся в Москву после войны. Ни дома, ни семьи! Все и всех бомбежка погребла… Уж и не ведаю: за грехи ли, во вразумление ли, в искупление ли… Принял меня один мой бывший однокурсник по журфаку. Приютил… Я ему, конечно, рассказал, как в плену был, как потом в пещерах хоронился… Тут сердце заныло… Зовет куда-то. Не могу заснуть! И является ко мне старичок. В ряске штопаной… С холщовой сумкой на плече… Говорит, мол, тебя завтра арестовывать придут за то, что в плену был… Их хозяин твой привести задумал. Так ты бросай все и езжай во Псков. Помнишь ли место, где монахи тебе жизнь спасли? Спасай же теперь там и душу свою. Свою и других! Добрался я сюда. Принял Святое Крещение. А в преподобномученике Корнилии на фреске, под которой рака с его честными мощами, узнал того старичка, что меня об аресте предупредил…Прости, Господи! Что это я?! Мне же в послуш ание дали обитель нашу вам показать!.. Так вот, вернулись те охотнички к себе в Изборск, поведали все на міру… И решили мужики скинуться да выкупить земли вокруг оврага, благодатным фимиамом наполняющегося. Так и сделали. Кинули жребий. По нему

досталась земля Иоанну Дементьеву. Он и поселился здесь неподалеку, у реки Пачковки. Делянку ладить начал. Ну, деревья рубить, чтобы корчевать под пахоту. И вот, падает дерево… Увлекает за собой другие… И открывается Иоанну вход в подземелье. А над ним золотом слова светятся: *Богом зданные пещеры!* И стал стекаться сюда всякий люд православный. Кого литва с мест насиженных согнала, кого – татары крымские, кого – ордена немецкие… Из самой Киево-Печерской Лавры иноки пришли! Из имен их только одно осталось в летописи: начальный инок – преподобный Марк. А уж саму обитель основал батюшка Иоанн, бежавший от немцев-латинян из Юрьева-Ливонского со всей семьей и духовными чадами. Матушка его Мария занемогла и постриглась здесь же, в пещерах, со святым именем Васса. Так и отошла ко Господу… Она – еще одна наша молитвенница у Престола Божия! Тут же и отец Иоанн постригся со святым именем Иона. Потом приемник его, отец Мисаил, возвел келии и храм. Но, всем известно, что вокруг святого места завсегда полно водится нечисти всякой. Вот она-то, - спаси нас, Господи и помилуй! – и привела сюда лифляндцев. Сожгли окаянные почти все. Разграбили. Но как только вошли в Успенский храм, - вот он, жемчужинка наша! – так вышел на них огонь из Святого Алтаря и гнал аж до самых ворот! Что? Не верится? Предки-то наши благочестивые множество чудес видели, да на себе испытали. Вера у них была крепче кремня! Не то, что у нас, грешных…»

Иеромонах перекрестился. А Игорь вдруг попросил: «Расскажите, а дальше что было?»

- А дальше? А дальше пришел отряд наш русский из Изборска и рассеял вражью силу, словно валуны - по здешним полям да лесам… Но набеги вражии не прекратились. Костью в горле стояла у них обитель наша. Братия-то лаврская мно-о-огих из местных племен, особенно из эстов, - эстонцев, значит, к вере истинной приводила! Был монастырь и знатной крепостью. Не гляди, что в овраге возведен! Взять приступом его невозможно! Пробуют тут всякие ученые безбожники причины неприступности в фортификации искать или еще в чем… Но мы-то знаем, что *аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий*! Так вот. В шестнадцатом веке еще одним чудом Божиим явилась нам икона Успения Богородицы! Пойдемьте в храм, поклонимся Царице Небесной! – повел рукой батюшка, приглашая за собой. На ходу он продолжал: «Потек сюда народ! И не только православные, но и католики! Никого не посрамила в вере в Ее предстательство Благая! А облагодетельствованные людие вносили посильные пожертвования! Но настоящий расцвет обители связан с именем ее игумена, преподобномученика Корнилия».

- Простите, батюшка, - перебил я, - а в монастыре действительно считают, что именно Царь Иоанн Васильевич Грозный в порыве гнева отрубил голову этому святому игумену?

- И-и-и, милый! – пристально вгляделся в меня наш новый экскурсовод. Опустил голову. Пошевелил губами. И продолжил: «Так в летописях писано… Кои дошли до нас… А таких – очень мало… Ученые историки так утверждают… Но во всех трудах – разночтения. Одни пишут, что голову отрубил, другие – посохом забил, третьи – раздавил каким-то инженерным механизмом… Да и даты смерти нашего Небесного Покровителя везде разные указаны. Истина же ведома только Господу! И дай-то Бог, чтобы Он открыл ее хотя бы вашему поколению!»

- Батюшка! Расскажите еще про чудеса! – попросил Игорь. Иеромонах внимательно взглянул на него. Улыбнулся: «Ну, что ж… Чудеса, - так чудеса! В конце шестнадцатого века польский король Баторий двинул на Псков стотысячную армию. Но две-три сотни московских стрельцов из гарнизона нашей обители с местными мужиками стали, говоря современным языком, партизанить: перехватывали обозы с оружием и провиантом, гонцов с важными донесениями, которые шли к осажденному городу… Несчастный Баторий послал сюда большой отряд! Из пушек поляки пробили

стену около Богоявленского храма. И даже хорошо вооруженные стрельцы, - простите, я повторюсь: две-три сотни! – не смогли бы человеческими усилиями удержать те тысячи врагов, которые устремились к пролому. И тогда братия с молитвой принесли к опасному месту икону Успения Божией Матери. Битва продолжалась до глубокой ночи, но все атаки были отражены. Даже секретарь Батория ксендз Ян Пиотровский записал в своем дневнике: «*…не везет в Печорах. Были два штурма и оба - несчастны. Пробьют пролом в стене, пойдут на приступ, а там дальше - ни с места. Это удивляет всех! Одни говорят, что место заколдовано, другие - что место свято, но, во всяком случае, подвиги монахов достойны удивления*». Разве это – не чудо Божие?! Можно вспомнить и другой факт: предстательством Божией Матери, ее икон Успение и Умиление, принесенных братией во Псков, его защитники за пять месяцев осады отразили тридцать штурмов! Слава Тебе, Господи! Псков так и не был взят поляками!»

- А как это объясняет наука? – вдруг сбросив с лица умильное выражение, гордо сверкнул глазами Игорь.

- И-и-и, дорогие мои! – усмехнулся в бороду иеромонах. - Не наука обясняет Законы и милость Божии, а милость Божия открывает себя людям в научных достижениях, различных явлениях окружающего мира, жизненных ситуациях, объясняя Божие Домостроительство!

Игорь почесал затылок. Опустил глаза. Задумался…

- И потом, - продолжал иеромонах, - шведы, поляки, немцы, литовцы, используя внутренние трудности России, много раз подходили к обители нашей. Но – тщетно! Покров Божией Матери берег монастырь! Мало того, во всех войнах Господь через братию проявлял чудеса милосердия: монахи выкупали пленных, давали приют бездомным, кормили всю округу, лечили раненных и увечных, помогали строиться крестьянам на месте пепелищ, оставленных после себя захватчиками…

- А что? – вдруг глухо спросил Игорь… - Были случаи, когда здесь исцелялись хромые от рождения или какие другие калеки?

- Были! И немало! В обители ведется летопись чудесных исцелений. Сейчас у нас трудятся два юноши… Бывшие нарокманы, от которых отказались врачи. Они - практически уже здоровы. К сожалению, брат-библиотекарь, который ведет эту летопись – в отъезде по послушанию… И почитать ее нет никакой возможности. Приезжайте в другой раз, ознакомитесь… Так вот. На чем я остановился? Ах, да… Наконец, Император наш Петр Алексеевич Великий, - Царствие ему Небесное, - обнес обитель земляным валом и глубоким рвом с водой. Их остатки вы еще можете увидеть. Государь соорудил пять бастионов. Поставил гарнизон с артиллерийской батареей. И на главной Никольской башне установил Государственный герб. Все – милостию Божией: *аще не Господь созиждит дом, всуе трудишися зиждущий*… Наполеон тоже, после того, как взял Полоцк, послал на Печоры большой отряд. А иноки в ответ прошли Крестным Ходом со святынями своими… И пропал куда-то отряд французский-то. Заблудился, должно быть… А русские войска тут же отбили Полоцк у неприятеля, - Слава Тебе, Господи!

- А после семнадцатого года? – спросил я, - Тогда же все храмы и монастыри позакрывали…

- Еще раз распростерла Пречистая Свой Покров над обителью нашей, - перекрестился иеромонах, - Печоры Псковские отошли Эстонии. И монастырь не подвергся изуверствам безбожников…

- А вот нам тут сказали, что в годы Великой Отечественной войны.., - начал, было, я…

- Да-да! – вдруг перебил меня иеромонах, - Я уже говорил, что сам являюсь живым свидетелем тех событий. Больного, изможденного, бежавшего из гитлеровского лагеря, подобрали меня монахи. И оказался я в пещерах подземного

госпиталя, вмещавшего в себя несколько сотен раненных, увечных красноармейцев, командиров, партизан. Тогда здесь игуменствовал отец Павел. Именно он добивался разрешения гитлеровских властей передавать от монастыря для военнопленных продукты и теплые вещи… Страстотерпец! Мученик! Ведь, как только Красная армия освободила Псков и Печоры, его арестовали. Осудили на пятнадцать лет. В лагере он и отошел ко Господу… Царствие ему Небесное… Как знать, возможно, молится он за нас, грешных у Престола Господня… А недавно приехал к нам в обитель генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза. Пригляделся я к нему… Вижу: Артемий! Армейский разведчик, с которым в пещерном госпитале лежать пришлось… Его всего нашпигованного свинцом монахи подобрали… Выжил, слава Тебе, Господи! Всю войну прошел! Так вот, привело его местное партийное начальство… Но как только заикнулся один из них, молоденький такой, - прости его, неразумного, Господи! - про сотрудничество братии с гитлеровцами, побелел Артемий… Да как рявкнет, прости Господи, на говоруна: мол, что ж ты, называющий себя че-е-естным коммунистом, зовущий народ в «светлое будущее», брешешь, как сивый мерин?! Или я не лежал здесь в пещерном госпитале? Или не выхаживали меня монахи, как родного?! И других, таких же, как я, защитников Отечества?! Да я с тобой не то, что за один стол, - на одном поле не сяду..! Пшел прочь, лицемер! А я в московских военных архивах еще проверю, где твой отец во время Великой Отечественной был… Потом Артемий богатый вклад в обитель сделал. Не стесняясь, в соборе молился. С поклонами! А ордена и медали, словно вторили колоколам нашим, когда он кланялся… Воскресает Русь-матушка в вере своей святой… После Великой Отечественной переселились к нам старчики с Валаама. И стали для нас, да и для всех православных христиан, приезжавших в обитель, путеводителями ко спасению…

- От чего? – вдруг хмыкнул Игорь… Я не узнавал его!

- И-и-и, милый! От греха! От погибели через него! Ты еще, покуда, не все разумеешь. Но Господь милостив! Приидешь! Обязательно приидешь к разумению Истины! Я ведь тоже пришел… Хотя и был коммунистом, безбожником, Прости, Господи! Даже – хуже! Господь через войну привел… Но вы взгляните! Вот, - Успенский собор! Он ископан в горе, лишь северная, обращенная к монастырю стена сделана из камня. В его центральной части проживает наша главная святыня – чудотворная икона Успения Божией Матери. Пройдемьте, дорогие мои?

Зайдя в собор, я перекрестился. Игорь, недоуменно глядя на меня, повторил за мной. А иеромонах продолжал: - Иконостас сработанный в третьей четверти XVII века украшен резьбой. Взгляните, Царские врата выполнены в виде ствола, обвитого виноградной лозой. Верхняя часть иноностаса - это как бы ветви и листья, между которыми вместо цветов или плодов вставлены небольшие овальные иконы Божией Матери, святых Апостолов и Пророков. А возле глухой южной стены храма устроена глубокая ниша. В ней – рака, где почивает своими мощами преподобномученик Корнилий.

Мы подошли. И тут Игорь громко и взволнованно прошептал: «Да это же – тот старичок, который подходил к нам вчера! Смотри…»

Я тоже узнал его и благоговейно опустился на колени. Приложился к раке… Попросил: «Святой, преподобномученик Корнилий, моли Бога о нас!»

Иеромонах стоял и улыбался в усы и бороду… Затем мы прошли в Михайловский храм. И я впервые в жизни увидел настоящие святые мощи: в особом ковчежце лежала рука, - как я прочитал, - святой мученицы Татианы.

- Это сколько ж ей лет? – поинтересовался Игорь.

- Мученический венец святая приняла в первой четверти третьего века, - ответил иеромонах.

- А рука-то – настоящая? Или муляж?

- Экий ты Фома-невера! - уже не выдержал я. - Ложь для православных – смертный грех! Старичок-то на берегу Великой был настоящим? Или тоже муляжом? Да еще загримированным под преподобномученика Корнилия… Прости, Господи!

Игорь потупил глаза: «Простите меня… Вроде как кто-то другой моим языком шевелит… Так хочется верить!»

- А ты, милый, попроси Господа словами начальника синагоги: *Верую, Господи! Помоги моему неверию!* – улыбнулся иеромонах. Он помолчал, как я подумал, давая Игорю уяснить в душе все происходящее, и продолжил: - Десница святой мученицы Татианы передана в обитель в семьдесят седьмом году братом архимандрита Афанасия Москвитина иеромонахом Владимиром. Архимандриту Афанасию эту святыню в свое время передали благочестивые супруги именитого рода, его духовные чада, позднее принявшие монашество. Во время разорения Царскосельского Государева дворца они сумели выкупить святыню и сохранить ее для благоговейного почитания.

- А можно приложиться? – спросил я.

- Бог благословит вас! – открыл ковчежец иеромонах… И на нас пахнуло таким благоуханием, что захотелось зарыться в него с головой.

- Ну, а на это что ты скажешь? Есть ли на свете такой запах? Есть ли такие духи или одеколон? – спросил я Игоря, когда мы вышли из храма…

- Нет! – твердо кивнул он. - И рука, - ты заметил? - теплая… Что земное обычное, телесное не сохранилось бы столько веков? И если монахи не врут, - говоришь, грех! – то я хочу верить в Бога! Даже пусть меня с работы за это выгоняют…

- А вот этого делать не надо! – послышался за нашими спинами голос иеромонаха. - Верую, скоро времена изменятся. Можно будет открыто ходить в храм Божий! А пока, не следует афишировать свою веру. Чтобы не искушать неверующих или открытых врагов Господа нашего Иисуса Христа на тяжкий грех хулы…

- Понял! - только и ответил Игорь.

- Вот мы и пришли, - указал на тяжелые деревянные двери иеромонах. Он расстворил их и мы прочитали золотые буквы: *Богом зданные пещеры.*

- В первой нише, при входе, - объяснял иеромонах - гроб преподобной Вассы. Слева, в помещении наподобие часовни, - гробницы преподобных Марка, Ионы, Лазаря. От входа идут семь подземных галерей, так называемых “улиц”, которые в разные времена удлинялись и расширялись. Температура воздуха здесь неизменно держится около плюс пяти градусов по Цельсию. Точное число захоронений никому не ведомо, так как после многочисленных осад и штурмов сделать это было затруднительно. Есть основания полагать, что здесь захоронено более десяти тысяч человек. В стенах пещер установлены керамические и известняковые плиты с надписями, так называемые керамиды – ценный исторический памятник псковщины. Здесь в надгробных надписях вы встретите имена сродников Суворовых, Ртищевых, Нащокиных, Бутурлиных, Мстиславских. Упокоились в пещерах предки поэтов Пушкина и Плещеева, фельдмарашала Кутузова, композитора Мусоргского.

…Мы шли по овальному в сечении подземному ходу. Жесткий светлый песчанник стен, пола, потолка отражал луч фонарика в руках иеромонаха, играл искорками вкраплений, - кварцевых или еще каких-то там… Но они создавали ощущение неонового освещения. Воздух был свежим, словно в сосновом лесу. А вдоль стен тянулись низкие ниши, в которых открыто стояли… гробы.

- Это покоятся те, кто в разные годы помогал монастырю. Благодетели, - тихо пояснил иеромонах, крестясь у каждой ниши.

- И запаха тления совсем не чувствуется! – удивился я.

- Здесь нет тления плоти… Она либо становится святыми мощами, либо рассыпается в прах, - безпристрастно произнес наш экскурсовод.

- А как это явление объясняют ученые? – опять спросил Игорь.

- По-разному… Я особо не интересовался… Да и зачем? Нетление существовало до Всемирного Потопа. Это было милостию Божией! Как после Страшного Суда… А искать в этом какой-то микроклимат, какое-то соединение ископаемых или их взаимодействие, естественную систему вентиляции и так далее, я считаю делом безсмысленым и безполезным… Простите меня за многословие и дерзкое многомыслие… - поклонился иеромонах.

- Здесь, наверное, можно заблудиться! – воскликнул я после очередного поворота.

- Да. Незнакомому с пещерами или неверующиему трудно выйти, если Бог не выведет. - пожал плечами наш экскурсовод. И продолжал: «А теперь мы подошли к братской кладбищенской пещере.»

Он покрутил штурвал, похожий на тот, с помощью которого я попадал когда-то на командный пункт своего ракетного полка, и отворил большую, тоже знакомую по боевому дежурству, железную дверь. За ней, насколько хватало глаз в высоту, в глубину и в ширину раскинулся зал, уставленный черными гробами с белыми крестами на их крышках. Они безпорядочно громоздились друг на друге, уходя вверх. Нижние совсем рассыпались… Но запах стоял такой, словно мы оказались в самом центре розария, которому я удивился наверху. Иеромонах опустил глаза, пошевелил губами, трижды перекрестился…

- Пройдемьте в пещерный храм. – предложил он. И мы опять шли по светящимся каждой песчинкой подземным переходам…

- Простите, батюшка, а как величать вас? – спросил я.

- Грешный иеромонах Иоаникий, - поклонился он. Мы пошли дальше. И вот, за одним из поворотов отец Иоаникий выключил фонарь. Подземный переход расширился, превратился в трапезную, уходящую к открытому Алтарю, за которым стоял Христос. Нет, это, конечно, было Его изображение искусно выточенное из песчанника. Но оно было живым! Господь стоял во весь рост, приопустив руки, с открытыми к нам ладонями, как бы готовясь обнять и говоря: «Ну, что же вы? Я давно вас ожидаю. Приидете ко Мне! И Я упокою вас. Больных исцелю, скорбящих утешу, голодных накормлю, мертвых воскрешу… Вам только надо этого за-хо-теть!»

Я прикрыл глаза… Помотал головой… Перекрестился. Открыл глаза. Игорь стоял на коленях. По его щекам катились слезы. Я снова посмотрел на Спасителя. Нет, обычный барельеф - в этом жестком песчаннике…

- Этот образ – нерукотворный, - пояснил иеромонах, - существующий со дня основания обители. По преданию, и сам храм тоже был уже… Кончно, не в таком виде… Иконы, серебряные и золотые лампады, - пожертвования богомольцев, - Престол появились позже. Можете оставить здесь записки о здравии живых, крещеных ближних и о упокоении душ усопших.

- А сколько это стоит? – спросил я.

- Сколько пожелаете… Деньги положите в кружку, опустив голову, иеромонах направился к выходу. Там он развернулся. Сделал три земных поклона. И, опустив голову, встал в ожидании, пока мы напишем записки… Когда же мы шли обратно, я вдруг вспомнил рассказы Олега. И поинтересовался: «Батюшка, я знаю, у вас здесь есть отец Савва…»

- Отец Савва?

Даже не видя лица нашего экскурсовода, я понял, что он улыбнулся. А потом раздумчиво продолжил: «Отец Савва – душа нашего монастыря! Многие к нему приезжают. Всех он принимает. Помогает… Но сейчас отец Савва в отъезде. По послушанию. Даже и не знаю, куда он уехал…»

Мы вышли из пещер.

- Остальные храмы желаете посетить? – спросил отец Иоаникий. Игорь посмотрел на меня, как бы спрашивая. А я ответил: «Конечно!»

И в первом же храме нас опять встретил образ преподобномученика Корнилия. Мы опять поклонились ему, и я рассказал отцу Иоаникию о том, как святой приходил к нашему «дружескому ужину».

- Ничего особенного здесь нет, - пожал плечами иеромонах, - батюшку Корнилия многие видят… И многим он помогает.

- А почему же он является с головой, когда ему ее отсекли? – спросил Игорь.

- И-и-и, дорогой мой! Там, - указал отец Иоаникий на небо, - все – одного, - Христова, - возраста и такие, какими их Бог сотворил. Здесь же они являются, как велит Господь.

- А есть ли в храме икона святого благоверного Великого Князя Александра Невского? – спросил я.

- Да. Пойдем, я проведу. Его на Псковской земле все почитают. Он освободил нас от тевтонов! От окатоличивания… - пригласил жестом отец Иоаникий. Игорь смотрел на меня зачарованно и автоматически повторял все, что делаю я: от крестного знамения до поклонов и прикладывания к святым образам. Иеромонах Иоаникий улыбался в седую бороду. А когда мы вышли из храма, к нам подошел еще какой-то, помоложе, чем наш экскурсовод, батюшка.

- Позвольте благословить вас фотографиями святого образа преподобномученика Корнилия, - мягко сказал он, протянув нам два конверта. Повернувшись к Игорю, вдруг добавил: «Что же ты сыночка своего сюда не везешь? Здесь бы ноженьки его исцелились…»

Игорь посмотрел на меня. В глазах его стояли слезы.

- Привезу, батюшка! Привезу. Вот, только жена.., - ответил он.

- Да… Жена твоя – твой крест! Но Господь милостив.., - как-то неопределенно сказал иеромонах, и опустил глаза. Но тут же вскинулся. Улыбнулся: «А сыночка она сюда пустит. Только не мешкай!»

И вдруг обратился ко мне: «А ты напрасно говорил когда-то, что родился под счастливой звездой! Звезды-то – творения Божии! И не от них зависит наша жизнь, Саша! Счастье ли, беды ли, - все от Бога! По делам нашим! Ох-ох-ох! Сколько же ты пережил! Сколько наворотил! А сколько еще предстоит! И мое благословение тебе: уповай всегда на Бога! В самом низком, в самом грязном падении – только на Него, на Его милость и всепрощение! Кайся! Молись! И не поддавайся мыслям о самом непростительном грехе!»

- О блуде? – вспыхнув лицом, недоумевал я… - О пьянстве?

- И-и-и, милый! Эти грехи ты можешь смыть покаянными слезами и добродетелями, противоположными им. Я – о другом! Помни, дорогой ты мой Александр, Бог, - ты понимаешь, Бог! – даровал нам эту жизнь. Он, а никто другой, тем паче не ты сам, можешь забрать ее. Или в конце твоей армейской службы у тебя не было таких помыслов?

- Каюсь, батюшка! – опустил я голову.

- То-то! Молись, чтобы они не возвращались! Бог да благословит вас! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! – перекрестил он Игоря и меня. Повернулся к нашему экскурсоводу: «Брат Иоаникий, окажи милость! Проводи наших гостей до ворот!»

- Это – отец Савва? - спросил я нашего экскурсовода, когда мы поднимались по брусчатке.

- Нет, это – отец Иоанн. Наши старчики говорят, что он – велик духом! И действительно, его нельзя не любить! И не слушать! Сердце чует, что он многим еще поможет в жизни! – опустив голову, проговорил отец Иоаникий. Когда же мы подошли к воротам, он огляделся, быстро преподал нам благословение и сказал: - Брат Игорь!

Приезжай с сыном! Если отец Иоанн сказал, значит, это – действительно так и есть. Отправляйтесь с Богом!

-Ты, оказывается, в Бога веришь?! – то ли спросил, то ли утвердил Игорь, когда мы шли к машине.

- А ты, что, не веришь? – усмехнулся я.

- Знаешь, как-то раньше не думалось об этом… К тому же, разве я выучился бы, если бы кто-то из руководаства узнал, что я, к примеру, верующий?!

- В Москве уже даже многие высокие начальники в церковь ходят.

- Да ну?! Вот уж не подумал бы! А представь-ка, если бы Илья Михайлович узнал бы, что мы с тобой молились! Да я на следующий день с работы вылетел бы! И, заметь, никуда больше по своей специальности во Пскове не устроился бы! «И-де-о-ло-ги-чес-кий фронт!» - продекламировал он… - Но откуда этот монах знает наши имена?.. И про болезнь моего сына?..

- Это называется прозорливостью! Он Духом Святым учуял! У нас пока открыто об этом не говорят, но.., - остановился я, открывая дверь машины.

…- В Изборск будем заезжать? – зевая, спросил выспавшийся шофер.

- Не успеваем… Я вкратце расскажу сам. А крепость ты увидишь издалека, - мотнул головой Игорь. Но чувствовалось, что он сейчас в мыслях где-то очень далеко.

- Возникнув как укрепленное русское поселение, - начал вяло он, - Изборск, по мере развития в нем ремесел и торговли превращался в развитой город. Первоначально Изборск размещался на старом городище. Археологи относят его появление к восьмому-девятому векам. Местные жители называют его Труворовым городищем. Легенда связывает это с появлением в Изборске младшего брата Рюрика - Трувора. В восьмом-девятом веках Изборском, как и в Новгороде, правили первые русские князья. О развитии ремесел свидетельствуют обнаруженные на Славянском поле железоплавильные печи для обработки болотной руды и большое количество лепной глиняной керамики. Высокое развитие торговых отношений находит свое подтверждение в археологических находках: украшениях, оружии. До сих пор археологи находят арабские монеты восьмого века, предметы из Византии, привезенные в Изборск в девятом веке, монеты и медали германского и англосаксонского происхождения.

- Ты объясняешь, как заправский экскурсовод! - хмыкнул я, только сам противоречишь себе.

- ? вскинул брови Игорь.

- Утверждаешь, что Изборск берет начало в восьмом-девятом веках и тут же я слышу об арабских монетах того же времени. Стало быть, торговля шла здесь за-а-долго до якобы первых находках. Но абы как и абы где такого бы не случилось. Арабы-то уже торговали… Не на пустом же месте…

- Да-да… Есть над чем подумать… Спасибо… Во всяком случае… Изборяне вели торговлю с Чудской землей, с которой их связывала система рек и озер. Именно по ним проходил знаменитый трговый путь «из варяг в греки». В десятом веке с развитием торговли, положение Пскова на реке Великой оказалось более выгодным, а значение Изборска стало уменьшаться. Он превратился в пригород Пскова, но в нем сохранилось самостоятельное управление, и в военном отношении его роль оставалась велика. Оставалась тесной связь и Новгородской и Псковской земли. В средние века история Изборска представляла череду войн и оборон. Во времена монголо-татарского ига почти все русские земли были завоеваны. Избежали этого только северо-западные районы, но им грозила опасность с запада. В двенадцатом веке епископ Альберт учредил воинственный рыцарский Орден меченосцев. Захватив в тринадцатом веке Прибалтику, орден отправился завоевывать богатые русские земли. Первый раз Изборск был захвачен в 1223 году, но псковичи пришли на помощь: освободили. В 1237 году был образован новый рыцарский орден - Ливонский.

И в 1240 году, нарушив мирный договор с Псковом, рыцари захватили Изборск, а затем уже беспрепятственно захватили Псков. В 1242 во время знаменитого Ледового побоища, в которой приняли участие и изборские воины, рыцари были изгнаны с русских земель. Через 80 лет вновь возникла опасность: пограничное положение и постоянная угроза со стороны немецких рыцарей, вооруженных по последнему слову военной техники того времени, требовали усиления укреплений. Для Изборска нужно было найти другое место, более выгодное в военном отношении, и в 1303 году «Избореск бысть поставлен на новом месте». Место выбрали на Жеравьей, - или как еще говорят, Журавлиной, - горе. С этого времени до пятнадцатого века новая крепость выдержала восемь осад и ни разу не была взята неприятелем. Ливонские рыцари многократно вторгались на русскую землю, но всегда на их пути стоял Изборск. Особенно продолжительной и упорной была осада Изборска в 1349 году, в результате которой ливонцы, так и не сумев овладеть крепостью, оставили у ее стен немало своих павших воинов и, отступая, бросили все свои осадные машины и боеприпасы. Участвовавший в этой осаде немецкий поэт Зухенварт назвал Изборск «железным городом». А в 1368 году крупные силы немцев с многочисленными стенобитными орудиями 18 дней долбили стены, но отошли, не добившись успеха. Изборяне в совершенстве овладели военным искусством, многому научившись у своих противников. С появлением огнестрельного оружия крепость подверглась перестройке: были укреплены башни и утолщены стены. В 1510 году Изборск вместе с Псковом присоединился к Москве. Во время похода на Псковскую землю польского короля Стефана Батория были разорены окрестности. Захватили также Изборск. В эпоху Петра Первого в результате Северной войны граница отодвинулась на запад. Изборск потерял свое приграничное положение и в восемнадцатом веке его гарнизон был упразднен. В конце семнадцатого века Изборск из пригорода Пскова превратился в маленький городок, а затем в село, которое вошло в состав Печорского уезда. В девятнадцатом веке Изборск представлял собой провинциальный купеческий поселок, в котором, тем не менее, были почта, культурно-просветительское общество, больница, два ресторана с бильярдом, чайная, школа и множество лавок и магазинов. Традиционные крестьянские и купеческие дома по сей день составляют основу архитектуры поселка… Фу! Все! Про современность и сказать нечего… Умирающий поселок.

Игорь перевел дыхание: «Интересно?»

- Да, - вздохнул я, - но лучше один раз увидеть…

- Не получается. Нас уже ждут на прощальный «дружеский ужин». Вот приедешь в другой раз…

«Если Бог даст!» - грустно подумал я. А вслух сказал: «Слушай! А ведь ты в свободное время мог бы подрабатывать экскурсоводом. Через общество «Знание»! У нас в Москве многие историки, учителя, всякие иные гуманитарии так делают!»

- Если бы еще это свободное время было, - теперь вздохнул Игорь, - а впрочем, надо подумать.

Оставшаяся часть дороги прошла в молчании. Видно было, что в голове и сердце Игоря идет какая-то напряженная работа. Даже, пожалуй, - борьба! Я не мешал ему, разглядывая пролетающие за окном леса, поля, холмы, села, деревни, реки, озера… Когда же въехали в город, Игорь помотал головой, как бы стряхивая нахлынувшие мысли.

«Прощальный дружеский ужин» прошел в той же компании, в кабинете директора вокзального ресторана. Не было только девушек. Илья Михайлович и Нелли Владиславовна наперебой шутили, говорили много приятных слов. Я отвечал тем же, улыбался… А перед собой видел лицо отцов Иоаникия и Иоанна с глазами цвета живого неба.

Уже в купе я обнаружил пакет с аккуратно завернутыми бутербродами, половиной жареного цыпленка, бутылками пива и коньяку. Ко всему этому прилагался набор открыток с видами Пскова. «Неизжито русское гостеприимство!» - подумал я про себя. И как-то забыл все, что было неприятным или даже противным… А поездку во Псков посчитал удачной. В Москве прямо с Рижского вокзала я поехал в редакцию «Гудка».

- Ну, и завернул же ты сюжетец! – восхищенно воскликнула Анимаисса, прочитав мой очерк про Олега. - Пойду в фотолабораторию, попрошу срочно сделать снимки. А потом с другими материалами разберемся. Подожди меня здесь.

- Эй-эй-эй! Семейные фотографии мне надо вернуть как можно быстрее! – крикнул я ей вслед.

- Да-да…. - отозвалась она, закрывая за собой дверь. Я снова перечитывал мои материалы о Пскове. И вспоминал… Да, Бог дает в жизни незабываемые добрые моменты! Но всегда ли я ценил их?! Как незабываемые… Как добрые… Прости, Господи, если это было не так!..

Анимаисса вернулась в кабинет со знакомым мне уже заведующим отделом культуры Вячеславом Борисовичем.

- Слушай, старичок! – начал он с самого порога. - Я слышал ты - на основной работе в отпуске! Выручай. У меня сотрудников – ноль! Один – в комнадировке. Другая – в отпуске. А у меня, у самого – жена на сносях!.. В Москву, к юбилейному Дню железнодорожника уже съезжаются коллективы художественной самодеятельности со всей сети дорог. Инструкторы ЦДКЖ их размещают в гостинничном комплексе ВДНХ. Там и нам номер забронирован. Двухкомнатный. Одна комната – для отдыха, другая – вроде пресс-центра. Хорошо бы тебе пожить там, чтобы, как говорится, руку держать на пульсе праздника. Сможешь в непринужденной обстановке за рюмкой, - ха-ха, - чаю поговорить с людьми, подготовить материалы… По своему отделу я обещаю для них «зеленую улицу»! Машинка пишущая там есть, телефон – тоже. Фотокорреспондент будет приезжать в твое распоряжение ежедневно. А? Выручишь?

Я переглянулся с Анимаиссой. Она хитро прищурилась, улыбнулась, подмигнула…

- Идет! – хлопнул я ладонью по протянутой руке Вячеслава Борисовича. - А командировочные?

- Все выпишу! Прямо сейчас пойду к главному! Вы тут почирикайте, а я – мигом! – и он выскочил из кабинета.

- Видишь, Господь все устрояет, - прошептала Анимаисса, - А ты у отца Валерия был?

- Нет, собираюсь на днях… Как он?

- Слава Богу! Позавчера видела его… Но, похоже, ему опять нездоровится. Виду не показывает, а таблетки горстями пьет! А ты-то как съездил? Без приключений?

- Отлично! С таким людьми православными познакомился. Побывал в Псково-Печерской Лавре, в самих Богом зданных пещерах! Ну, об этом – отдельный разговор. А все остальное, или почти все – перед тобой в очерках, портретах, информациях, эссе, статьях…

Анимаисса заварила кофе. И только мы уселись с чашками, чтобы продолжить разговор, в кабинет влетел Вячеслав Борисович.

- Вот – представительское, вот – командировочное удостоверения… Беги в кассу, получи деньги, - выпаливал он, - Внизу ждет машина. В ней - Алеша Певцов. Фотокорреспондент. Ты его должен знать!

- Да-да, - кивнул я. И через час подъезжал к гостинице «Восход».

Князь Герасим вышел на крыльцо встретить нас. Обнялся, похристосовался. Оценивающе, но по-доброму, взглянул на Игнатия…

- Лучший оружейник, каких я только знал в жизни! – представил того князь Ондрей. - Именно он ладит мои самострелы.

Князь Герасим обнялся, похристосовался и с Игнатием.

- Пойдемьте к столу! – повернулся он к двери и рукой пригласил в терем, - только накрыли. Княжна Ирина таких пирогов напекла! Словно ведала, что гости пожалуют!

Но не успели мы выпить и по чаре меда, закусить пирогами с яйцом, луком и зайчатиной, как в горницу влетел мой княжич Георгий. Поклонился всем. Взглянул на старшую дочку князя Герасима. Закраснелся… Но, взяв себя в руки, жарко заговорил: «Простите, князья. Я нынче – в Великокняжеской стороже… Димитрий Иоаннович немедля требует вас к себе!»

- Что-то случилось? – вскочил князь Ондрей.

- Общий сбор! Бегич идет на Москву. С ним – семь темников. Большой обоз.

- Семьдесят тысяч… - пробормотал, как бы для себя князь Герасим. Княжна Ирина побледнела. Княгиня вскрикнула, прижала пухлые ладони к румяным щекам. Старшая дочка князя Герасима, всплеснув руками, сделала, было, шаг к моему Георгию… Но смутилась, остановилась, опустила голову, не решаясь что-либо сказать или сделать…

- Я уже забегал домой… Но княгине Алле ничего не сказал… - как бы оправдывался передо мной Георгий.

- Она что, сама все поняла? – даже остановился я.

- Похоже, поняла, - опустил он голову.

- Эх, ты! Ей же рожать не сегодня-завтра!

- Откуда ж мне было знать, что она догадается?! Я ведь только сказал, что тебя Великий Князь к себе требует.

- А то она не ведает, для чего он обычно меня к себе призывает! – сокрушался я.

- Но она бы все равно узнала!

- Хватит оправдываться! - перебил я его, - Лучше б сказал, мол, виноват, недодумал… И добавил бы: прости, Господи! И ты, отец!

- Виноват! Прости, Господи! И ты, отец! – повторил Георгий…

В Великокняжеских палатах было многолюдно, как никогда. Князья, бояре, простые ратники входили и выходили, быстрым шагом двигались по переходам. Спускаясь с крыльца, вскакивали в седла и уносились в разные от Кремля стороны. В знакомой горнице было шумно. Мы тихо поклонились Великому Князю и уселись на лавку.

- Бегич идет, не разменяваясь на мелкие города, - говорил Димитрий Иоаннович, - его цель – Москва. Путь его лежит по югу Рязанского княжества. Посему, воевода Димитрий Монастырев, и князь Назар Кусаков сегодня же с пятью тысячами выходят на рубеж от Рязани до юга Пронского княжества. Там к вам присоединится князь Данила со своей большой ратью. Надобно вызнать, куда выйдут поганые… По данным разведки они пойдут через Глебово Городище. Но чем лукавый не шутит. Бегич – опытный, хитрый воевода! Сообщайте мне ежедневно о всех передвижениях поганых. Князь Тимофей! Ты поведешь серпуховчан, белоозерцев и звенигородцев. Да не смотри ты на меня так! Ну и пусть сродник твой Иоанн Вельяминов – предатель! Тебе-то я верю! Ступай, готовься к выходу! Остальные полки поведу я… Князь Феодор Ондреевич Свибло здесь? Ага. Хорошо. Открывай погреба! Всего ли достаточно у нас для прокорма такой рати? Тогда поезжай. Чтобы по всему нашему пути ратники ни в чем не знали недостатка. Хмельное запрещаю! Хватит с нас Пьяныреки. Князь Ондрей, твоя тысяча самострельщиков готова? Добро. Князь Герасим, пойдешь со мной во главе тысячи. Князь Ляксандр, будешь лично при мне. Как раны

уже не безпокоят? Добро. Ступайте, готовьтесь. На Москве остается князь Володимир Ондреевич. Укрепи хорошенько Кремль! Мало ли что… Остально позже обговорим. С Богом!

…Я шел к своему терему, размышляя о том, как буду успокаивать Аллу. Но еще на крыльце ко мне на шею бросилась Ольгушка: «Тятенька! Тятенька! Радость-то какая! У нас двойня родилась! Мальчик и девочка!»

Я расцеловал ее и бросился к светелке Аллы. У двери, словно в стороже, стоял Афанасий.

- Поздравляю! - поклонился он. - Мальчик – богатырь! А девочка – махонькая такая, нежненькая, как княгинюшка! И родила так быстро! Бабка-повитуха разохалась, мол, редко такое бывает!

- А что ж голосочков-то не подают? – заволновался я.

- Вкушают княжаточки! Молозиво – первое дело для здоровья! – открыл он передо мною дверь в светелку. Алла лежала бледная, еще с испариной на лбу, слипшимися волосами. А на ней – двое моих и ее детей. Слезы выступили у меня на глазах… Я опустился на колени перед ней. Поцеловал ее руку. Смотрел и не мог насмотреться. Она тоже улыбнулась. Но тут же помрачнела: «Ты еще от ран не успел оправиться! И снова – в путь?»

- Да, ладо моя! Но как же я теперь смогу не вернуться, когда у меня такое чудо Божие?! – погладил я ее по волосам

- Я молиться буду! – прошептала она.

- И я молиться буду…

- Как наречешь сына и дочку?

- Как отец Антоний благословит. По Святцам. А сейчас мне сбираться надо. Афанасий все устроит… - я еще раз погладил ее по волосам, поцеловал в лоб, щеки, губы, перекрестил всех троих и вышел из светелки.

- Когда на поганых собираться? – деловито спросил Афанасий.

- Собирать меня. А ты здесь остаешься. Кормилицы нужны, няньки, мамки опытные! Хозяйство – на тебе! А коли со мной что случиться, - на все воля Божия! – да поганые к Москве подойдут, княгиню с детьми вывезешь. А я завтра с утра – к Великому Князю. Даже не ведаю, смогу ли забежать, попрощаться.

- Кормилицы, мамки, няньки уже готовы, - покачал головой Афанасий, - А все остальное сделаю, как скажешь. Пойду с Ивашкой собирать тебя в дорогу. Кого еще возьмешь?

- Ивашку, Панкрата, Антипу…

- Соберу тоже, - кивнул Афанасий.

- Нет. Это - попозже. А сейчас пойдем-ка, посмотрим, что без меня по хозяйству надобно сделать.

До самого вечера осматривал я разросшийся терем, сад, пристройки. Перед сном зашел к Алле. Она немного пришла в себя. Взяла мою ладонь в свою и долго не отпускала. Расстались мы только тогда, когда надо было кормить младенчиков.

С рассветом к нам зашел отец Антоний. Отслужил благодарственный молебен. Благословил мальчика назвать Кириллом, а девочку - Евфимией.

- Но ведь у них разные дни Ангелов будут? – переспросила Алла.

- И хорошо! Чем больше радости и праздников в доме, тем лучше! Главное: как эти праздники проводить! – кивнул он.

Вскоре и я, простившись со всеми, отправился в Великокняжеские палаты. А там сборы шли полным ходом. Во дворе под руководством болярина Феодора Свиблы люди грузили на телеги съестное, шатры, котлы, походные палатки, другую утварь… Из оружейного двора выносили связки кольчуг, щиты, мечи, сулицы, рогатины… Их тут же разбирали ратники и переносили к обозам своих полков. Десятники, сотники, тысяцкие все проверяли…

Площадь была переполнена… Я поднялся в горницу Великого Князя. Там, к моему удивлению, было тихо. Сам Димитрий Иоаннович сидел на лавке. По обеим сторонам его разместились два старых монаха в потрепанных, латаных-перелатаных рясках, в лаптях. У одного из них был игуменский, у другого – простой посохи. Зато через плечо второго висела большая сума, из которой торчали свернутые свитки, а на поясе болталась большая чернильница. Игумен спокойно в чем-то наставлял Великого Князя. Увидев меня, Димитрий Иоаннович кивнул, чтобы я подошел. Исполнив повеление, я поклонился под благословение.

- Отче Сергие, - обратился Великий Князь к игумену, - это – князь Ляксандр, мой доверенный голубок для тайных переговоров. Проявил себя лучшим образом.

- Бог да благословит тебя, чадо, во имя Отца и Сына и Святаго Духа! – перекрестил меня тот, улыбаясь глаза цвета живого неба. Потом кивнул на монаха: «Сбереги отца Евфимия, моего летописца! Потому как все, что запишет он о сече, благословит на подвиги еще многих и многих ратников через сто, триста, пятьсот, даже через тысячу лет, ежели Господь продлит жизнь русьского народа.»

Я стоял ошеломленный: мне, князю, ратнику, - охранять монаха, записывающего ход сечи, тогда как все мои соратники рубиться будут?!

- Да-да, дорогое чадо мое! Сеча должна быть записана. К тому же она пока – не твоя! Но, глядишь, и здесь тебе мечем помахать придется… А к тому же, Бог даст, другого попа, а точнее лжепопа, ворога земли Русьской, в полон возьмешь. И еще, для обоих вас, князья, говорю: это – не главная сеча! Ведь не сам Мамай идет! С ним и со всей ордой сеча - еще впереди. Но нынешняя - предтеча победы над погаными.

Я взглянул на Великого Князя. Тот пожал плечами: «Слушай-слушай, что батюшка Сергий молвит! Он – друже и сотаинник митрополита Алексия, - Царствие ему Небесное!»

Мы все перекрестились. А Великий Князь продолжал, кивнув на монаха: «Теперь ступай, устрой отца Евфимия у себя в тереме. Отдохните хорошенько. А завтра, с рассветом, после напутственного молебна, выходим.»

Я шел, все-таки понурив голову. Монах молчал. Придя домой, повелел Афанасию накормить и обустроить отца Евфимия, а сам зашел к Алле.

- О чем кручинишься, любый мой? – спросила она, взяв меня за руку.

Я рассказал. Она прикрыла глаза и перекрестилась.

- Ты рада тому, что я, вместо участия в сече рядом с Великим Князем, буду охранять монаха-летописца? – я даже руку одернул. Она улыбнулась: «Не в том дело! Но не видишь ли ты промыслительным то, что в день имянаречения нашей дочери Ев-фи-ми-и, у нас в доме оказался монах с именем Ев-фи-мий?! А? Ты не согласен?»

Я пожал плечами. Подумал. Поцеловал жену в лоб и мирно сказал: «Пойду, проверю, как Афанасий обустроил батюшку…»

- Он в молельной, - ответил на мой вопрос о монахе староста. Я пошел туда. Отец Евфимий стоял на коленях. Услышав, как я вошел, он обернулся. Поднялся. Молвил: «Прости, чадо за то, что зашел сюда с разрешения старосты…»

- Это ты прости меня, святой отец. Хотел попросить тебя помолиться о новорожденной дочке моей. Сегодня по благословению семейного духовника решили назвать ее Евфимией. Вчера родилась вместе с братом своим Кириллом. Помолись о них, отче.

- А не желаешь ли ты вместе помолиться перед дорожкой?

- С радостью… - ответил я и первым опустился на колени…

…Еще не рассветало, а Москва уже пробудилась. Со всех ее концов к собору спешили ратники с чадами и домочадцами. Я же, простившись со своими в тереме, не велел провожать нас: «Будьте возле княгини.»

Во всех храмах, в соборе, перед ним на площади служились молебны: напутственный и о победе русьского оружия. И когда солнце позолотило купола

церквей и верхушки Кремлевских башен, русьские полки через трое ворот вышли из Москвы. Димитрий Иоаннович под Великокняжеским стягом, окруженный охраной из тысячи князя Ондрея, набольшими князьями, болярами, воеводами, среди которых оказались и мы с отцом Евфимием, шел впереди главных полков по дороге на Рязань. К вечеру мы вышли на берег широкой, но мелкой и заболоченной речушки. Здесь уже манила запахами трапеза, были разбиты шатры и палатки, выставлена сторожа. Нам навстречу выехал князь Феодор Свибло. Как всегда, смешно шепелявя, весело доложил о подготовленных переправах, о стадах коров и овец, угнанных далеко вперед к следующим остановкам, о том, что ближняя и средняя разведки ничего опасного не заметили. Великий Князь повелел делать привал, спешился и ушел в свой шатер. За ним направились набольшие князья, боляре, воеводы. Через некоторое время они вышли оттуда, а туда зашли отроки, чтобы помочь Димтрию Иоанновичу разоблачиться.

Наш стан растянулся вдоль реки на несколько верст. Ратники сидели вокруг костров, над которыми вкусно парили большие котлы. Здесь же стояли корзины с зеленью, копченым мясом, салом, хлебами, боченки с квасом, большие крынки со сметаной. Мы с отцом Евфимием расположились в ближайшей к Великокняжескому шатру палатке. А с рассветом наши рати снова двинулись в путь. Старый монах держался в седле не хуже любого ратника. Поглядывая изредка на него, я заметил, что он непрерывно шевелит губами. «Вот бы и мне научиться такой молитве!» - возникла мысль.

…Все привалы после дневных переходов были похожи один на другой. Попадавшиеся на пути реки, конница переходила вброд, а пешие ратники и обозы – по наведенным мостам. Находясь все время возле Великого Князя, я видел, как к нему ежедневно с вестями о передвижении поганых прибывали гонцы от передовых полков. Так мы дошли до Коломны, где простояли три дня. Здесь к нам присоединились еще несколько полков. Поэтому Димитрий Иоаннович устроил общий смотр ратей. Дух захватывало от раскинувшегося в несколько рядов воинства на необозреваемом поле. Перед выходом за Оку, откуда начиналось Рязанское княжество, в городоском соборе отслужили молебен. И над станом, неоглядно растянувшимся по берегу, плыли песнопения и ектеньи Божественной Литургии, ратники исповедовались, причащались Святых Тайн. Все это продлилось с четырех утра до полудня. После трапезы ратники отдыхали, - благо день выдался погожий! А к вечеру стали готовиться к выходу из Коломны.

На рассвете по десяткам, наведенных через Оку, мостов русьские полки двинулись дальше. Но уже на половине следующего перехода нас встретил князь Назар с двумя сотнями своих ратников.

- Бегич прямиком идет на Глебово Городище, - поклонившись, доложил он, - посему надо сворачивать. По прямой, верхом, если шибко идти, здесь чуть более перехода. Со мной - проводник князя Глеба. Проведет мигом.

- Сколько поганых? – спросил Димитрий Иоаннович. Князь Назар вздохнул и тихо, - я не расслышал, - навал численность ратей Бегича.

- Эх-эх-эх! – вздохнул теперь Великий Князь, - А ведь ни Суздаль, ни Нижний, ни Тверь, ни Новгород полков не выставили…

- Может быть, еще подойдут? – сказал кто-то из набольших боляр.

- Какое! – мотнул головой Димитрий Иоаннович и задумался. А монах Евфимий, достав свиток, уже что-то записывал в него. В это время подскакал и князь Феодор Свибло.

- Все по пути готово, Великий князь! – поклонился он.

- Теперь это уже не нужно! Скачи в Глебово Городище. Изгоном, о-дву-конь. Там готовь стан. Мы напрямки пойдем. Но все одно: с пешей ратью это будет медленней,

чем ты. - Димитрий Иоаннович обернулся и позвал… - Князь Тимофей! Давай-ка, и ты – с ним. Посмотри место для сечи. Возьми с собой тысячу.

Когда они ускакали, Великий Князь подозвал еще кого-то незнакомого мне и повелел: «Возьми две тысячи! Иди с обозом по дороге на Рязань до поворота… Помнишь? А там – полперехода - до Глебова Городища… Ежели пойдешь споро, двух дней на дорогу хватит. Не мешкай!»

Мы вошли в лес, который, правда, скоро закончился. Потянулись поля, луга, малые рощицы, перелески… Ратники на ходу подкреплялись тем, что было в седельных сумках. Труднее всего было пешим. Но они держались стойко. Бег сменялся быстрой ходьбой…

Наконец, к следующему утру впереди показался холм, увенчанный храмом Божиим. Навстречу нам скакали несколько всадников, возглавляемых князьями Глебом, Тимофеем Вельяминовым и… Даниилом Пронским. И хотя встреча была радостной, во всех чувствовалась сдерживаемая напряженность, - в ожидании важного, решающего события в жизни каждого. И, - одновременно, - объединяющего, сливающегося в единое бытие всего Русьского народа.

Проезжая между костров с кипящими над ними котлами, между походными палатками к Великокняжескому шатру, я вглядывался в лица ратников. Одни были сосредоточены: глядя на огонь, шевелили губами, - молились. Другие - наоборот: с каким-то напряженным весельем азартно балагурили, подтрунивали друг над другом, громко смеялись. Третьи, молча, трапезничали. Но ни в ком я не заметил ни уныния, ни страха.

А в трех верстах внизу текла Вожа. За ней далеко, - тоже верстах в трех- четырех среди большого поля возвышался двугорбый холм…

Мы проехали весь русьский стан, миновали посад, въехали в Городище. Как-то само собой получилось, что я оказался в горнице князя Глеба вместе с набольшими князьями, болярами, воеводами и отцом Евфимием. Здесь была накрыта обильная трапеза. Помолившись, все уселись за стол. Я примостился на самым дальнем углу…

За трапезой князья Димитрий, Назар, Феодор, Тимофей, Данила и Глеб докладывали Великому Князю о данных разведки. Делились своими думками о предстоящем сражении. Димитрий Иоаннович вкушал мало и внимательно слушал. Князь Глеб предложил: «Храм-то у меня – каменный! А из него на ту сторону Вожи ведет широкий подземный ход…»

- Далеко ли? – повернул к нему голову Великий Князь.

- Как раз с другой стороны двугорбого холма в роще баярышника выходит… В низинке… Поганые туда не сунутся! Густая роща! Ко-о-олючая!

- Широк ли ход? – опять спросил Димитрий Иоаннович.

- На тройке проехать можно…

- Бегичу, как он завидит нас, негде будет встать, кроме как на двугорбом холме, - размышлял вслух Великий Князь, - а с оного ему сподручнее наблюдать за сечей. Посему, князь Глеб, повели-ка твой каменный храм смоленым тесом оббить.

- Зачем? – вскинул брови тот.

- Князь Данила! – словно не услышав вопроса, продолжал Димитрий Иоаннович, - Ты возглавишь полк правой руки. Сзади себя наставишь телеги, между которым сделаешь малые проходы. Твой полк – самый большой! Но и стоять тебе – насмерть! Сзади тебя – крутой подъем к Городищу… Не пускай поганых к нему! Ты, князь Тимофей, возьмешь полк левый руки. Он – самый малый. Когда поганые ударят, ты должен «дрогнуть» и уходить за спину головного, моего полка и ратников князя Данилы. Я встречу поганых, а ты со своими уходи в храм и, подземным ходом, - беги за двугорбый холм… Я половину моего полка пущу вслед за тобой… А сам соединюсь с князем Данилой. Пусть поганые подумают, что смешали нас… Князь Тимофей, входя в церковь, подожжешь смоленый тес…

- Храм Божий! Можно ли? – вскинулся князь Глеб.

- Церковь отстроим! Вся земля Русьская храмом Божиим стать должна! Если победим орду!

- Князь Феодор, - кивнул Димитрий Иоаннович Свиблу, - ты пойдешь в лес, что в шести верстах отсюда в сторону Рязани. Срубишь засеку. Стой и жди, пока князь Тимофей, выйдя из подземного хода не ударит в спину поганым. Бежать им будет некуда, кроме, как в твою сторону… А что это за речушка слева от нас?

- Заболоченная, мелкая. Безимянная… - пожал плечами князь Глеб

- Вот в нее бы и загнать нам ворога! Коли сладится сие, тут и ты, князь Феодор, бей со своей стороны! Если с нами Бог, то кто на ны?!

Все перекрестились. Я взглянул на отца Евфимия. Тот сидел с чистым свитком в руках и широко расскрытыми глазами смотрел на Великого Князя.

- Отче, – тронул я его за рукав, - что же ты не записываешь?

Тот, словно очнувшись, прошептал: «Мудрёна для меня сия ратная наука! Я на месте сечи все запишу. Все, что вочию узрю!»

- А теперь, - заключил Великий Князь, - все – по коням! Посмотрим на местах: кому и где встать, да что еще для сечи сладить!

Вожа под прямым углом огибала Глебово Городище, стоявшее на высоком холме. Даже выносливые поганские лошадки не смогут сходу взять крутой берег, падающий от Городища в две стороны. Да и дальше, от самой мелководной, широкой, заболоченной речушки, поросшей густой, по пояс осокой до самого посада, облепившего Городище, берег Вожи уходил от нее, возрастаяя в холмы. Место встречи ворога удачнее выбрать было нельзя! Я поделился, объясняя, мыслью с отцом Евфимием. Тот перекрестился: «Господь ведет и помогает!»

Мы проскакали несколько верст до длинного, узкого, - шагов в тысячу, - но густого лесочка, определенного для засеки. Здесь остался князь Феодор Свибло, отправив кого-то из тысяцких за своими ратниками. А мы не успели тронуть поводья, как ко Димитрию Иоанновичу подошли несколько мужиков. Поколонились в ноги.

- Местные - мы, Великий Князь! С деревни Лужки, да с окрестных поселений. Окажи честь! Дозволь Отчине, Вере Православной и тебе послужить! – сказал старик с длинной седой бородой. - Повели, что сделать! Все, как один пойдем. С отроками сотен пять наберется!

Димитрий Иоаннович спешился. Поклонился в ответ. Подошел, обнял старика: «Спаси тебя Господи, отец! Вот – князь Феодор. Помогите ему засеку срубить. А там и к ратникам его примкните. За спиной у вас женки, да дети ваши будут. Посему верю: не дрогнете!»

Старик опять поклонился: «Мы тут стадо малое пригнали… По коровке, да по три овцы или козы, да по десятку уток, курей или гусей - со каждого двора… Все в окрестностях пожертвовали для рати твоей, Великий Князь. Не побрезгуй принять на прокорм ратникам… Хоть и маловато, но - от всей души.»

Димитрий Иоаннович опять поклонился: «И еще скажу: спаси вас, селяне, всех Господи! Вот, полк князя Феодора и подкормите! А сами-то как будете зимовать?

- Скотинка да скарб – дело наживное! А Отчина – одна! Другую не наживешь! – усмехнулся в усы и бороду старик. Обернувшись, Великий Князь крикнул кому-то из свиты: «Запишите! Лужки сии отныне на веки вечные от всех налогов освобождаются!»

Он еще раз поклонился мужикам, вскочил в седло и поскакал ко стану.

…Еще издали мы увидели пока порознь построенные полки. Теперь вторые воеводы собирали сотников и тысяцких, молодших воевод и князей. Показывали: кому и куда становиться. Те переходили, переводили ратников. Великий Князь терпеливо и внимательно наблюдал за всем этим. Тут на двугорбом холме появились несколько всадников. Приглядевшись, я определил русьских ратников. Они сходу

пересекли Вожу, и старший, - сотник, - подскакал к нам. Спешился, поклонился Димитрию Иоанновчиу: «Мы – дальняя сторожа, Великий Князь! Сейчас подойдет и средняя… Бегич будет здесь не позднее завтрашнего вечера».

- Добро… - кивнул Димитрий Иоаннович. - Веди людей на отдых. А завтра утром присоединяйся к своему полку.

Сотник еще раз поклонился. Вскочил в седло. И увел своих людей к кострам, от которых вкусно пахло варевом… Только через несколько часов полки были построены по задумке Великого Князя. Он проехал вдоль них, вглядываясь в лица ратников.

- Не слишком ли малочислен полк левой руки? – мотнул головой князь Данила, когда мы возвращались к шатру.

- Он таким и должен быть! Оттеснив его, поганые не смогут обойти разворачивающийся головной полк, имея справа водную преграду… А вверх по холму не пойдут: слишком круто! Да, распорядись сегодня снять стан. Костры разведите за спиной головного полка. Телеги растяни вплоть до самой этой заболоченной речушки. А что там дальше, против ее течения? Холм-то растет!

- Я был там. Шагах в двух тысячах – водопад сажени полторы-две.

- Ого! Это – дело! – усмехнулся Димитрий Иоаннович. Задумался на несколько мгновений… Обернулся: «Князь Глеб! Ратников нынче трогать не будем… Собери мужичков своих. Пусть от водопада, сколько можно, берега вскопают покруче, русло – пошире, дно – поглубже… Да пусть бревна поставят, чтобы укрепить берег отвесно… Нет, даже пусть сузят их кверху! Потрудись! У мужичков твоих – ночь сегодняшняя, да день завтрашний. Да, еще, сети по дну натяните паутинкой. Малые заостренные вверх колышки, где вода открытая, воткните в дно. Незаметными… Почаще! А большие колья остриями вниз в скаты берега приладьте, - для тех, кто из ловушки нашей вверх пожелает подняться! Сеном прикройте.

- Ого, Димитрий Иоаннович! Это – что-то новое! – хохотнул в ответ князь Глеб.

- Это – хорошо забытое старое. Я читал в одном древнем пергаменте про подобный случай… - улыбнулся Великий Князь. - Эх… Нам тьмы три сюда загнать хотя бы!.. Да, князь Макар, возьми полтысячи лучников. Размести их у самого водопада… Прикрытие им сладь надежное… Князь Глеб, и твои мужички, вроде как, желали поратиться?

- Не только они! Из зарайских да озерских сел тысячи три пришли.

- Вот, пусть они и засядут по берегам. Если все сладится по моей задумке, тут много «капусты» можно будет посечь… Только вместо тяпок пусть топоры возьмут. Да топорища подлиннее к ним приладят… Аршин-полтора!

- Отче, - обратился я опять к отцу Евфимию, - почему же ты не записываешь?

- Я победу воинства Христова описать должен, а не подробности смертоубийства… - сурово ответил монах. - Вот, выучись, да запиши, какими приемами ворога изничтожить можно.

- Грамоте-то я разумею! Но мое дело – ратиться! – буркнул я насупившись.

- Русьский человек все должен уметь! – продолжил мирно отец Евфимий, - Потому, как он Богом избран! Конечно, Богом данное тебе, надо выполнять «на ять»… Ну, а коли Бог призовет на другое что?

- Выучусь! - хмыкнул, было, я, но осекся, вспомнив псковского князя Феодора: и ратника доброго, и человека книжного…

К вечеру прискакала ближняя сторожа. Сотник, не говоря ни слова, указал плеткой на юг. Там, над лесами, полями холмами, до самых облаков поднималось зарево пыли, освященное последними солнечными лучами.

- Идут! – поежился кто-то из воеовод.

- Сколько? - спросил Димитрий Иоаннович.

- Тем пять, ежели не больше, - выдохнул сотник из сторожи, - завтра будут здесь…

Великий Князь перекрестился. Подумал. Громко произнес: «Сразу в атаку они не кинутся. Долгий путь прошли. Князья, воеводы! Всем стоять на своих местах! Князь Данила, посылай легких лучников на берег. Пусть засядут в кустах, да поснимают передовых дозорных.

И точно, скоро на другом берегу Вожи горцевали сотен пять из дальней сторожи ордынцев. Они растянулись по всей длине нашего стана. Высматривали. Очевидно, подсчитывали. Изредка кто-то из них с криком вскидывал руки и волочился вслед за конем, пораженные стрелой наших дозорных лучников.

Августовские сумерки сгустились мгновенно. Но звезды, величиной с недальние костры нашего стана, казалось, были их отражением на небе. Поэтому снова стало светло. Однако скоро пал туман…

…Затемно в русьских полках началась Божественная Литургия. Воеводы, князья, ратники, крестьяне, пришедшие на сечу из окрестных погостов, сел, деревень, исповедовались, причащались Святых Тайн. Все были торжественны перед надвигающейся сечей и строги к себе.

…Но несколько дней подряд наши полки и подошедшие тьмы Бегича стояли по разным берегам Вожи без движения. Кто-то из молодых воевод предложил ударить по поганым. Великий Князь вспыхнул на него взглядом: «Нет! Дождемся! Пусть они первыми ударят… Бегич-то не проиграл ни одной сечи! Считает себя непобедимым! Вот эта-то самонадеянность и гордыня, прости, Господи, должны пресечь его терпение.»

Наши ратники держали строй. По очереди они уходили к кострам, которые были разведены шагах в двухстах за их спинами. Трапезничали. Отдых и сон тоже делили поровну. Доспехов не снимали. И перед каждым рассветом служились Божественная Литургия и молебны. Все причащались Святых Тайн…

В один из вечеров Димитрию Иоанновичу доложили, что прибыл гонец. И тут я увидел… князя Феодора из Пскова в его вороненом, кованом доспехе. Он соскочил с коня, поклонился Димитрию Иоанновичу и доложил, что князь Ондрей Ольгердович со своим полком находится в половине перехода от нас. Радость, охватившая всех, была такой, словно не мы, а псковичи были главной ратью. Едва успев обняться и похристосоваться со мной, князь Феодор получил повеление скакать обратно и поторопить Ондрея Ольгердовича.

- Пусть оставит обоз. Пусть идет изгоном. Накормить здесь мы сможем всех. И отдохнуть перед сечей с дороги псковские ратники должны обязательно. Будет ли она завтра – неведомо. Но терпение Бегича может лопнуть в любой день… - объяснил Великий Князь.

…Глубоко за полночь мы опять сидели вместе с князем Феодором, - псковичи благополучно пришли и разместились в стане, согласно задумке Димитрия Иоанновича. Мой псковский соратник уплетал из котелка гречневую кашу, сдобренную маслом.

- Ты, поди, устал с дороги, – спросил я, - но поведай хотя бы в двух словах, как Псков от Ягайлы отбился?

- А, что здесь поведать?! – зевнул князь Феодор. - Ну, подошел Ягайло с ляхами и орденом ко Пскову, пожег дальние и ближние посады, раза два пробовал взять город приступом… Потом вдруг орден и ляхи снялись. Ушли… Ягайло еще три раза штурмовал. Но – безполезно… И вдруг тоже снялся! Тоже ушел. Потом мы узнали, что орден не восвояси направился, а грабить… литовские земли! Ха-ха! Союзничики! Вот, до сих пор они и бьются! А князь Ондрей Ольгердович решил использовать эту песью драку. И вот, псковский полк – здесь.

Мы распрощались до утра. Едва я забылся сном, как увидел Аллу, Ольгушку, младенчиков Кирилла и Евфимию, других своих домочадцев. Кроме малых деток, все стояли в молельной моего терема на коленях. И так не хотелось открывать глаза, чтобы потерять это видение! «Надо бы Георгия навестить…» - мелькнула мысль.

Подъехав к гостиннице, первым, кого я увидел, был… Женя. Он стоял на ступеньках перед входом с какими-то бумагами в руках и в окружении мужчин и женщин разного возраста. Те наперебой расспрашивали его, а он устало что-то объяснял. Листал свои бумаги, какие-то отдавал спрашивающим, показывал на дверь гостинницы. А к ней подъезжали все новые автобусы: от носатых «ПАЗиков» до блестящих «Икарусов». Из них выходили новые люди и вновь окружали Женю. И вновь о чем-то спрашивали… Я пробился сквозь них.

- Привет! – пожал я руку другу. - Какой номер – для «прессы»? Я – от «Гудка».

- Простите, товарищи! – обратился к окружающим его Женя. - Ждите меня здесь. Мне срочно нужно проводить товарища журналиста в «Пресс-центр».

Все замолчали, уважительно поглядывая на меня. А мы с Женей, войдя в вестибюль гостинницы, обнялись.

- Ну что? – улыбнулся он. - Настал твой «зведный час»?

- Еще не «звездный»! Пока - «стартовый»… - в тон ему ответил я.

- Вот – твоя папочка, - протянул он мне бумаги в прозрачном плотном конверте с яркой надписью, провозглашающей юбилей Советских железных дорог, - а в ней – программа праздника, места и даты выступлений. Они продлятся две недели и закончатся в первое воскресенье августа, - в День железнодорожника. Также прописаны гостинницы, в которых рамещены коллективы художественной самодеятельности. Сейчас в номере Пресс-центра ознакомишься. Вот – ключ. Установи среди журналистов дежурства на телефоне. Тебя уже кое-кто из них дожидается. От «Комсомольской правды» такую девочку прислали! Не теряйся! Родственная душа! Ха-ха! Но вот, от «Московского комсомольца» – та-а-акой хмырь прикатил! С ним невозможно разговаривать! С каждым словом плюется, как верблюд! А еще: у него изо рта воняет!.. Не забудь: сегодня вечером – пресс-конференция. Здесь, в актовом зале. В девятнадцать часов.

- А ты? Что, в одиночку с этой оравой?

- Не-е-ет, что ты! Я просто Светлану, инструктора нашего, перекусить отпустил. Весь штат ЦДКЖ задействован! По два человека - на гостинницу… Ну, я побежал.

В номере, отведенном под Пресс-центр, я едва успел осмотреться, бросить на стол бумаги, а в соседней комнате – сумку… И тут постучали в дверь.

- Войдите! – крикнул я, усаживаясь за письменный стол. В дверях стояла длинноногая и длинноволосая блондинка в обтягивающих джинсиках, полупрозрачной блузке с глубоким вырезом и фотоаппратом на боку. Из-за ее спины выглядывала копна иссиня-черных, торчащих в разные стороны волос, надвигающихся на глаза. От этого казалось, что у их обладателя нет лба…

- Простите, – медленно и мелодично, акая по-московски, почти пропела девушка, - пресс-центр здесь размещается?

- Да. Заходите, пожалуйста. - кивнул я, вставая из-за стола. Но из-за спины девушки выскочил «безлобый» и, обогнав ее, прыгнул навстречу мне. Протянул руку и плюнул в лицо: «Гарик Воздвиженский, «Московский комсомолец». А ты?»

Женя оказался прав во всем. Но я представился. «Безлобый комсомолец» вдруг чем-то напомнил Виленыча… Наверное, большим носом, усыпанном черными, жирными угрями. Близко посаженные, - тоже черные, - глазки быстренько облизали обстановку комнаты.

- А что там? – кивнул он в сторону моей закрытой спальни.

- Там моя комната для отдыха, - ответил, вздохнув, я, - как ответственного за Пресс-центр.

- А кто это решил? – усмехнулся он.

- Оргкомитет праздника. «Гудок» - железнодорожная газета. А я – ее представитель. Праздник – тоже железнодорожный. Посему железнодорожники, как хозяева праздника, и решают такие вопросы. - раздражение закипало во мне.

- А я – Карина, - вмешалась девушка, - из «Комсомольской правды». Я пока – внештатный корреспондент. Вот, через год закончу журфак Университета, и тогда, может быть…

- Хм! – словно сморкнулся Гарик и, всем телом обрушившись на диван, развалился на нем, - на такое дело молодежь посылают… А я, вот, с детства – в журналистике! И дедушка, и папа – «правдисты»! Кстати, дедушка мой был очень дружен с Ильфом и Петровым… Они ведь тоже в «Гудке» пописывали…

- Здесь Пресс-центр? – открылась дверь. В комнату вошел пожилой седой мужчина в строгом, старомодном, немного мешковатом костюме.

- Да, - отозвался я, - а вы?..

- Я – из «Правды». Отдел культуры. Мне нужен Александр Леонидович из «Гудка».

- Это – я…

- Николай Васильевич, - протянул он руку, - будем знакомы…

По-хозяйски оглядевшись, он сел в кресло и сразу сказал: «Полагаю, нашу работу мы должны начать с планерки, чтобы совместными действиями выступить по всему фронту…»

А мне вдруг и манеры поведения, и внешность его напомнили заместителя начальника районного отдела КГБ, который «колол» меня признаться в существовании и деятельности церковно-антисоветской организции… Я грустно улыбнулся воспоминаниям, сел за письменный стол, открыл папку и, найдя нужный лист, ответил «правдисту»: «Николай Васильевич, в списке аккредитованных журналистов есть еще сотрудники «Вечерней Москвы», «Московской правды», агентства печати «Новости», радио и телевидения. Я думаю, будет разумно дождаться их.»

- Какая недисциплинированность! – хлопнул ладонями по коленям «правдист». - Скоро рабочий день заканчивается, а они еще не соизволили явиться…

- Вот-вот, – вставил вдруг Гарик, - и папа мой Илья Аронович, и дедушка Арон Михайлович Воздвиженские, - вы должны помнить их, - тоже любили дисциплину

- Как же? - вдруг задумался Николай Васильевич… Он усмехнулся чему-то. Вздохнул: «Как же?! Помню…»

- Что ж делать?! – вмешалась Карина… - Надо бы дождаться коллег… Потом можно поработать и допоздна…

- Тот, кто не успевает делать свою работу за время, определенное законом, некудышный работник! - повернул к ней голову Николай Васильевич… - А вы, девушка, почему так вырядились на мероприятие столь серьезного идеологического, я бы даже сказал, политического масштаба? Построже надо бы… Я это по опыту говорю.

- На открытие праздника я обязательно надену строгий костюм. - вдруг потупилась Карина.

- Да-да, - прощающе кивнул Николай Васильевич, - на празднике представлена куль-ту-ра всей сети железных дорог Советского Союза! Я слышал, будут даже иностранные гости не только из стран социалистического содружества, но с Запада! Поэтому мы, бойцы идеологического фронта, можно сказать, комиссары, должны

показать загнивающему Западу лицо советской интеллигенции! В соответствие Моральному Кодексу строителя Коммунизма!

«Господи! – подумал я. - Так вот почему в «добровольно-обязательном» порядке заставляли подписываться на «Правду»! А ведь я действительно никогда не читал ее добровольно!» Но тут в дверь опять постучали, в номер вошли сразу человек десять во главе с моим фотокорреспондентом Алексеем.

- Ну что ж, – заявил Николай Васильевич, - похоже, что весь журналистский корпус в сборе. А если кого и нет, то семеро одного не ждут. Давайте начинать…

- Для начала, - мягко перебил я его, - хочу представиться. Я – внештатный корреспондент газеты «Гудок». Назначен оргкомитетом юбилейных торжеств быть ответственным за Пресс-центр. Поэтому прошу пришедших назвать себя и свое средство массовой информации, чтобы отметить вас в списке аккредитации.

- Правильно, - кивнул Николай Васильевич. Все так и сделали. Кроме одного молодого человека со светлыми прямыми прилизанными волосами, с плоским круглым лицом и с выпирающими далеко вперед и в стороны скулами… «То ли чуваш, то ли мордвин, то ли карел, то ли коренной пермяк…» - почему-то подумал я. Непонятно, но какая-то неприязнь кольнула сердце. «Хор-р-рош христианин!» - укорил я себя. А он продолжал стоять, прислонившись к дверному косяку плечом и слегка скривив губы в подобии улыбки.

- А вы кого представляете? – спросил я его.

- Я? – переспросил он и вздохнул… - Я – лейтенант Комитета Государственной Безопасности. Можете называть меня просто Олегом. Мне поручено курировать вашу работу. Поэтому сразу выражу несколько пожеланий. Первое: с представителями иностранных государств в контакт не вступать. Второе: если же появилась такая необходимость, немедленно сообщить мне и все разговоры вести только в моем присутствии. Сам я найду, как представиться. Третье: если кто-либо из вас проигнорирует эти мои пожелания, не думаю, что когда-нибудь он снова сможет работать в средствах массовой информации. Четвертое: о контактах участников праздника с иностранными гражданами, замеченных вами, вы обязаны, - повторяю, обязаны! – немедленно сообщить мне. Вот и все. Я никого не утомил своей речью? Вопросы есть?

- Да, - отозвался мужчина лет сорока, - Андрей Воробьев, Агентство печати «Новости». Среди прочих пунктов моего редакционного задания есть и такой: взять короткие интервью именно у иностранных гостей.

- Спасибо, - кивнул Олег, - Я доложу об этом своему начальству. Уже завтра. Думаю, что проблем не будет. А вы потом поделитесь своей информацией со мной и с коллегами. Еще есть вопросы? Спасибо.

Около минуты длилось всеобщее молчание. Наконец, Николай Васильевич, хлопнув себя ладонями по коленям, прервал его: «Предлагаю определить общий фронт действий, чтобы не «пересекаться» и не мешать друг другу.»

Само собой вышло так, что подробно о лучших коллективах художественной самодеятельности писать никто и не собирался. Все планировали либо репортаж с открытия праздника с кратким обзором, либо что-то близкое их душе… Поэтому «пересечений», по Николаю Васильевичу, быть просто не могло. А он, вставая, продекламировал: «Цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!»

Все, тихо переговариваясь, вышли из номера. Осталась только Карина.

- Александр… Можно без отчества? – начала она… - Я хотела попросить вашего совета. Вы, как говорится, - в теме железнодорожной самодеятельности… Мне хотелось бы, кроме репортажа, информаций и другой мелочи, написать большой очерк… Но, вот, о ком?

- А какой вид искусства вам ближе? – спросил я, складывая бумаги, чтобы не смотреть на глубокое декольте ее блузки.

- Ой! Даже и не знаю, - наморщила она высокий лоб.

- Ну, хорошо, а в школе, в университете вы в художественной самодеятельности участвовали?

- Когда заставляли… Ой, нет! Еще в десятом классе ходила в танцевальный кружок… Правда, всего полгода… Пришлось уйти! Руководитель там молодой такой был… Руки распускал… А мальчик с которым я дружила, даже замуж за него мечтала выйти… Так он… побил этого руководителя, а мне запретил ходить в кружок. Его еще за драку со старшим из комсомола исключили.

- А почему «дружила», «собиралась»? – не удержался я от любопытства.

- Он тогда сказал, - тряхнула она волосами и отвернулась, - мол, зачем я такой исключенец тебе нужен? Жизнь портить! Мы как раз десятый класс заканчивали… Представляете?! У нас – экзамены! Выпускные! А его из комсомола исключают!.. Он сразу после экзаменов уехал куда-то очень далеко… Я у мамы его спрашивала, а она не говорит…

- Ну, вот и отлично! – перебил я. - Значит, вам надо написать о каком-нибудь танцевальном коллективе…

В это время без стука в дверь ввалился Женя.

- Ну, что, старик, освоился? - бросил он с порога.

Но, увидев Карину, стушевался: «Простите! Я, кажется, не вовремя! У вас – производственное совещание?»

- Нет, Женя. Ты как раз вовремя! Нужна твоя консультация. Вот, Карина хочет и может написать большой очерк о каком-нибудь молодежном танцевальном коллективе. Подскажи! Ты регионы хорошо знаешь. Кого посоветуешь?

- Ну-у-у.., - замялся он, - Хотя… Только что приехал именно такой колектив из Красноярска. «Жарки» называется. Считается одним из лучших, хотя существует всего года три. Возраст участников – от восемнадцати до двадцати пяти… Кариночка, пойдемьте! Я познакомлю вас с руководителями. Саш, ты не против?

- Против чего? – вскинул я брови.

- Что я увожу твою протеже.., - хмыкнул он. Я слегка покачал головой. А он засмеялся: «Вот, ищем Саше жену и никак не можем найти!»

- Женя! – крикнул я.

- Это я так, к слову! Кариночка, не обращайте на меня внимания! – распахнул он дверь перед девушкой. Когда они вышли, на меня навалилась такая усталость, что если бы я прилег на диван, то мгновенно заснул бы. Но в это время в номер вошел мой фотограф Алексей.

- Я отстрелялся! – объявил он. - Две пленки из серии «приезд участников праздника» можно пускать в производство. А как у тебя с текстом репортажа? До пяти утра материал должен быть сдан…

- Вот, ты посидишь в Пресс-центре, а я пойду собирать материал, чтобы репортаж до пяти утра был готов! – зевая, поднялся я из-за стола.

- А что, больше некому? – скривил он губы.

- Пресс-секретаря нам «не выдали»… - ответил я и вышел из номера. В вестибюле столкнулся с Женей.

- А я - к тебе! – заговорщически громко прошептал он, хватая меня под руку и увлекая в угол. - Мне кажется, наша Кариночка из «Комсомолки» - не совсем в себе… Представляешь, знакомлю ее с руководителями «Жарков» Николаем и Светланой Чепурных. Карина поначалу улыбается, достает блокнот, авторучку… Вдруг ее взгляд летит куда-то мимо нас! Она кричит: «Витя!» И бросается к солисту ансамбля. Тот, увидев ее, даже коробки с реквизитом, которые выносил из автобуса, выронил. Фуражки так и раскатились по всему вестибюлю. Она бросается к нему на шею, рыдает! У него – тоже слезы на глазах! Все окружающие – в шоке! Немая сцена!..

- Ну и что? – ничего не понимая, помотал я головой.

- Что-что?! Во-он, сидят на диване и глазами съедают друг друга…

- Та-а-ак! – начал догадываться я, вспомнив недавний рассказ Карины про одноклассника, с которым она дружила. - А что руководители?

- Они оправились после шока… Николай и спрашивает жену, Свету, мол, а не эта ли москвичка у Виктора на фотографии в общежитии? Та улыбается… Таинственно так! Глаза прикрывает… Подтверждает, значит.

- Ну, и что здесь ненормального? Девушка встретила, может быть, первую, потерянную когда-то любовь…

- Откуда ты знаешь? Про потерянную любовь-то?

- От самой Карины.

- А я думал, что у тебя с ней роман назревает…

- Слушай, ты мне лучше скажи, приехала ли из Минского Дворца культуры железнодорожников студия декоративно-прикладного искусства? Они у меня по плану – первые.

- Да. Во-он – их руководитель, Степан Голушонок, у стойки администратора документы оформляет, - показал рукой Женя.

Я подошел. Поздоровался. Представился. Передо мной стоял парень лет двадцати пяти… И уже – руководитель! Вся его фигура и лицо были словно грубо вырублены топором. Нос-«сучок» лихо и длинно вздергивался вверх. А голову венчала корона из непослушных, рвавшихся в разные стороны прямых, цвета августовской соломы, волос. Зато рядом с ним стояла… та-а-акая женщина! Моих лет! Первое, что пришло в голову, было сравнение с обложкой какого-нибудь иностранного журнала мод… Но славянские национальные вкрапления в ее элегантный наряд, подчеркивающий безукоризненность фигуры и своеобразную, совсем не традиционную для запада красоту лица, - как говорят: «с изюминкой», - ставили ее выше всех, кого я только видел среди съехавшихся на юбилей… Она взглянула на меня синими вспышками глаз и потупилась…

Отвечая на рукопожатие, Степан широко и добродушно улыбнулся. Представил женщину: - Это – Валентина Ивановна. В студии она ведет отделение работ по текстилю: моделирование, кройка, шитье одежд, украшения из ткани, кожи… Причем делает все это с внесением в современные наряды элементов белорусской национальной культуры… Кстати, в недавнем прошлом – лучший модельер Минска…

- Степан! – покраснела женщина.

- А что?! Я правду сказал! Все лучшие ателье до сих пор по твоим моделям работают, - вскинулся Голушонок.

- Степа! Ну, скоро ты? – раздалось за моей спиной. И тут к нам подошла маленькая, пухленькая, беременная женщина с детским личиком. Но, заметив, что мы разговариваем, смутилась: «Ой, простите!»

- А это, - указал на нее Степан, - моя жена, Танюша. Она ведет в студии все направления декоративно-прикладного искусства, связанные с соломкой.

- Когда мы сможем поговорить о работе вашего творческого коллектива? – спросил я.

- Ох-ох-ох! – почесав затылок, задумался Степан, - А это – срочно?

- Конечно! Вы же – не единственный коллектив, о котором мне поручено написать, - начало вкрадываться в меня раздражение: так со мной, журналистом, даже высокие начальники не разговаривали. Но, взглянув на Валентину, я тут же почувствовал, что оно вдруг куда-то улетучилось… А Степан подытожил: - Ну, что ж, мы сейчас с дороги устраиваемся… Приводим себя в порядок. Перекусываем. И сразу же отправляемся на ВДНХ. Там в павильоне «Народное творчество» придется всю ночь оформлять нашу экспозицию. У нас завтра – приемная комиссия. Хотите,

поедем вместе. Там и поговорим. На деле увидите нашу работу! Как вам такой вариант?

- Согласен, - кивнул я, - Тогда я буду либо здесь, в фойе, либо в пресс-центре, в номере 234. Зайдете?

- Конечно!..

И я, обменявшись мгновенными взглядами с Валенитиной, попрощался со всеми троими. Вернувшись в Пресс-центр, я сообщил Алексею, что мы едем на оформление выставки, что работать, возможно, придется всю ночь… Он, поначалу, скривил рот. Но потом вдруг довольно потер руки, достал из кофра початую бутылку коньяка и протянул мне.

- Ты что?! Мне к утру два больших материала написать надо! - уселся я за машинку, чтобы напечатать репортаж о приезде гостей. Алексей глотнул прямо из бутылки. Буркнул: «Спущусь в буфет на десять минут…»

И выскочил из номера. А ему на смену пришла Карина. Лица на ней не было!

- Ну-с, – сделав вид, что не заметил этого, спросил я, - как продвигается очерк о «Жарках»?

Она молча села на диван. Закурила. Сказала упавшим голосом: «Я, возможно, вообще ничего писать не буду… Я… Я… Не знаю, что делать…»

И, затушив сигарету, закрыла ладонями лицо.

- Что случилось, Карина? – постарался сделать недоуменное лицо я.

- Вам я расскажу… Не случайно же рассказала вам, первому встречному, может быть, конкуренту в журналистике о своем однокласснике… Не случайно же вы посоветовали мне написать о «Жарках»…

- Согласен. Случайностей в жизни не бывает… - кивнул я. А сам подумал: «Есть промысел Божий. И не я, а Бог все устроил тебе, девочка! Видимо, любит Он тебя!»

- Вот-вот, – закурила она новую сигарету, - я – тоже очень суеверная… Но именно в «Жарках» танцует мой Витя! Тот самый мой одноклассник, которого я любила… И поняла, что люблю до сих пор! Он тогда уехал в Красноярск, к тетке… Поступил на какой-то железнодорожный завод. Оттуда ушел в армию. Вернулся. Теперь он – мастер смены на том же заводе. А в «Жарки» пошел в память обо мне… Говорит, что любит меня до сих пор. Даже встретившись с одной женщиной, не смог быть с ней, потому что меня любит… Зовет в Красноярск… А я-то – дрянь какая!

- Кариночка! Ну, зачем же так?! – покачал я головой.

- Нет! Дрянь! Дрянь! Дрянь!.. Вы что же думаете, что в отделе культуры «Комсомольской правды» мало штатных сотрудников?! А послали меня, студентку! И стажеровку я тоже в «Комсомолке» проходила, хотя всех моих однокурсников по многотиражкам разогнали… И все это устроил и устраивает Игорь Геннадьевич, большой начальник в «Известиях». А по совместительству – папа Геночки, мужчины, с которым я сплю. Да-да! Сплю! И делаю это в надежде, что Игорь Геннадьевич выполнит обещание: если я справлюсь с нынешним заданием, он устроит меня в штат «Комсомолки» уже в этом году, не смотря на то, что еще не закончила университет. А Геночка хочет жениться на мне, чтобы иметь эффектную жену, с которой было бы нестыдно ходить на всякие приемы и рауты. Но которая считала бы его и папу благодетелями. И о которую можно было бы ноги вытирать после того, как сходил «налево»… Ведь я-то - кто? Папа у меня - рядовой инженер! Мама работает вместе с ним на заводе в бухгалтерии. А они – Игорь Геннадьевич и Геночка – элита! Слуги народа и хозяева жизни! Инженеры человеческих душ! А я – дрянь! Я еще сомневаюсь: стоит ли уезжать с человеком, которого люблю! Ведь потеряю Москву, место в «Комсомолке», квартиру в центре, дачу, машину… Вот потому-то – и дрянь!

- Погодите, Карина! Но ведь и в Красноярске можно будет закончить обучение?! – помотал я головой.

- О-о-о! Игорь Геннадьевич – член Правления Союза журналистов СССР. Я с ним ездила как-то на перриферию! Там, перед ним секретари обкомов партии стелятся! У него везде – свои люди! И - на самых высоких постах. А в областных журналистских организациях – тем более! – опустила она голову, затушила сигарету и сразу закурила другую.

- Знаете, - попытался рассуждать я, - если вы уедете неожиданно, устроитесь в Красноярске, зарекомендуете себя, много воды утечет! К тому в Сибири порядочных людей куда больше, чем в Москве. Там климат - другой! Зато будете с любимым человеком…

- Да-да-а-а, - протянула задумчиво Карина, - может быть… Но тут есть еще одно смущение… Уж и не знаю, как сказать… А, ладно, все – до кучи! Витя верующим стал. В Бога верит, крест носит, в церковь ходит. Говорит, мол, венчаться будем… А я…

- Ну и что? – пожал я плечами. - Отвечу откровенностью на вашу откровенность: я тоже в Бога верю, крест ношу, в церковь хожу.

- Вы-ы-ы?! – глаза Карины расширились, округлились. - А как же партком, начальство?

- Кариночка! Другие времена наступают! Пора нашему народу возвращаться к своим истокам! И для вас, я думаю, первой ступенькой к этому станет возвращение к своей первой, чистой любви! А теперь вам надо браться за дело. И, опубликовав блестящий материал, послать номер газеты в свою школу! Да-да, в ту самую, в которой Виктора исключили из комсомола. Расскажите об ансамбле, о нем, как о хорошем производственнике и солисте танцевального коллектива.

- Ой! Спасибо! Вы мне весь сюжет подсказали! – впервые за время нашего разговора улыбнулась она. В дверь постучали, и в ее проеме показалась всклокоченная голова Степана из Минска: «Ну что?! Мы все – в автобусе. Едем?»

- Да-да, - кивнул я и, повернувшись к Карине, улыбнулся, - давайте, действуйте!

Она глубоко, радостно вздохнула и вышла из Пресс-центра. А я кинулся в буфет за Алексеем. Тот допивал вторую бутылку пива.

- Ты что?! – возмутился я. - Нам же работать!

- Я сегодня не обедал. А пиво – жидкий хлеб. Надо же мне чем-то коньяк закусить, - невозмутимо улыбнулся он. И показался мне совсем трезвым… В вестибюле гостинницы распевался хор. «Ветераны партии, войны и труда… Им бы внуков нянчить!» - подумал я, взглянув на самодеятельность. Здесь же сидел Николай Васильевич и что-то яростно записывал в блокнот.

В автобусе я опять встретился взглядом с Валентиной. И опять она опустила себе на глаза длинные ресницы… Пока самодеятельные художники сами разгружали ящики со своими поделками и вносили их в павильон, я выспрашивал у Степана подробности о работе его студии, о наиболее талантливых студийцах, о выставках и наградах. Тот рассказывал просто, словно о своей родной, неотрывной от него личной жизни. Он так добродушно «акал», что я поневоле вспомнил свою поездку в Минск, Михася, - как он там?! – и наши неправдоподобные для неверующих приключения.

«Да-а-а! – подумал я вдруг, глядя, как и какие, - не поделки, а настоящие произведения искусства, - развешиваются и расставляются в зале, - Такому мастерству, такой любви к своему делу могут позавидовать профессионалы. А ведь это – самодеятельность!» Студийцы же серьезно, спокойно, внимательно прислушиваясь друг ко другу, а иногда споря и подшучивая, не обращали на меня никакого внимания, устанавливали, перемещали, снова возвращали на свое место то или иную работу…

А ведь это – не их ра-бо-та! Это, как говорится, - увлечение, за которое они ни копейки не получают! Какое же это увлечение?! Нет! Это любовь к творчеству! К красоте… Все они, - слесари, инженеры, врачи, учителя, машинисты, диспетчеры, бухгалтеры… Так, может быть, творчество – их настоящее призвание? Настоящая

работа? Та, в которой раскрывается душа? Нет-нет-нет! И те, и это – настоящие! Русский человек всегда талантлив, если не расстрачивает себя по пустякам, в быту, страстях! Талантлив во всем! И постоянно борется с повседневной суетой за свой талант, за свою душу…

Эти мысли, устроившись в уголке, я записал в блокнот. Однако, на забывал взглядывать на работу студийцев. Нередко они подбегали к Валентине. Звали ее, спрашивали, как смотрится та или иная работа на данном месте. Она же, развешивая свои платься сарафаны, шали, шляпки, сумочки, панно по стенам, бросала все, шла на зов. А я любовался ею. И внушал себе, что недостоин… Однако, замечал: то искоса, то исподлобья, то вскользь она взглядывала на меня.

«Ночной бой!» - вдруг откуда-то влетела мне в голову мысль…

Трубной зов тревоги подбросил меня на ноги и вынес из походной палатки. Я понял, что навестить Георгия в его стане мне сегодня не удастся. Вглядевшись в сумрак утра, можно было заметить, как на другом берегу Вожи тьмы Бегича строятся в боевой порядок. Нашим ратникам нужно было только встать: спали-то они в полном облачении и на тех местах, где должны стоять в строю.

Перед каждым полком служились молебны, и священники окропляли ратников Святой водой. Я с полусотней сопроводил отца Евфимия на высокий холм позади наших полков. С него даже далекие вежи ордынского обоза, расположившегося за двугорбым холмом, были видны, словно на ладони.

- Сколько их? – спросил монах.

- Великий князь сказывал: семь темников пришли со своими тьмами, - ответил я. Отец Евфимий улыбнулся: «Прости за то, что переспросил, о чем слышал. Стар стал. Страшусь позабыть что-либо…»

- Бог простит… - буркнул я, вглядываясь вдаль. А там, на холме яркими цветами и золотом раскинул крылья шатер Бегича.

- Шатров холм! – произнес отец Евфимий и принялся заполнять свой свиток ровными буквицами.

…Вот, через Вожу переправились полки поганской легкой коницы и осыпали наш стан ливнем стрел. Гул, переходящий в душераздирающий вой, должен был навести ужас на наши полки. Но каждый ратник с малолетства уже знал, что это происходит из-за отверстий, проделанных в наконечниках стрел ордынцев. И потому никто в наших рядах не страшился. Просто повыше приподняли щиты. Продолжая непрерывно стрелять, поганые поначалу разделились пополам. Но опомнились: чтобы обойти полк правой руки, им надо было взобраться на почти отвесный скат холма. Тогда большинство кинулось в обход полка левой руки. Но и здесь замешкались: увязли в заболоченной речушке. К тому же, кони путались в сетях натянутых по дну заросшего русла. Всадники падали, натыкаясь на тонкие дубовые колья, незаметные в густой траве… И здесь их добивали стрелы наших лучников…

Между тем на большой и левой руки полки Бегич пустил тяжелую конницу. И всадники, и кони были убраны в сверкающие на солнце и слепящие наших лучников наборные чайшучатые доспехи.

Перед большим полком тремя рядами выступила тысяча князя Ондрея. Первые три сотни, выпустив болты, которые, как горячий нож в масло входили во ворогов, уступили место другим трем сотням. Спокойно и четко по повелениям десятников и сотников отошли за спины третьих трех сотен. Зарядили самострелы. И снова вышли вперед. Так продолжалось несколько раз. Тяжелая конница врага смешалась… Я увидел, как упали два бунчука с конскими хвостами и изваяниями каких-то уродин. Вот и несколько военачальников в золоченых доспехах и литыми масками на лицах откинулись назад… Вороги отступили, но недалеко. Перестроились. И вместе с легкой конницей ударили в лоб полка левой руки.

Князь Тимофей Вельяминов, делая вид, что дрогнул и отступает, выровнял своих ратников в одну линию с большим полком так, что теперь и тяжелая и легкая конница ордынцев вынуждена была наступать под ударами растянувшейся тысячи князя Ондрея… Наконец, самострельщики отошли за спину большого полка. Наши ряды начали редеть… Но не от гибели ратников. Задние ряды полка левой руки за спиной большого полка бегом бросились ко Глебову Городищу, направляясь к церкви, которая уже пылала смоленым тесом, покрывавшем каменную кладку. Этого в пылу разгорающейся с каждым мигом сечи, не мог видеть ни Бегич со своего холма, ни ордынцы, участвующие в побоище. В передних рядах наших полков, правой руки и редеющего большого стояли самые опытные воины. Они приняли на себя все удары новых и новых волн конных и уже вступившеих в сечу пеших ордынцев. Но стояли они, одним концом упираясь в крутой склон холма, другим в заболоченую речушку, берег которой отвесно обкопанный, укрепленный бревнами ощетинившийся толстыми заостроенными кольями, направленными вниз, в углубленное русло. Это представляло серьезную преграду для поганых, пытавшихся зайти к нам в спину, обогнув слева.

…Вот уже последние конные и пешие отряды зашли в церковь… А Бегич все накатывал и накатывал свои тумены на большой полк, сросшийся с полком правой руки…

«Господи, помилуй!» Я увидел, как князя Димитрия Монастырева поганые подняли на пики… «Помяни его, Господи, во Царствии Твоем. Прости ему все грехи волные и невольные, даруй ему Царствие Небесное!»

- За други своя! – услышал я рядом голос отца Евфимия. Он тоже видел гибель славного воеводы. Тоже перекрестился и тут же что-то записал в свой свиток… Видимо, описал подвиг…

А прямо перед нами, внизу, под стягом со Спасом, оберегаемый с трех сторон ратниками князей Ондрея и Герасима, рубился сам Димитрий Иоаннович. Ах! Как красиво он рубился! Словно песню пел!

…Но что это?! Пятеро ордынцев с пиками пробились к нему. Два удара поганых Великий Князь отбил мечом, а другие… Господи! Мой Георгий встал между тремя пиками и Димитрием Иоанновичем… Я приподнялся на стременах… Дыхание перехватило… Господи! Спаси и помилуй сыночка моего!.. И тут я увидел, как князь Ондрей, прыгнув, одним ударом меча снес головы двоим поганым, а телом своим переломил третью пику… Хотя острие ее уже было в теле сына моего! Роднулечки… Кровиночки…

- Крепись, князь! – услышал я голос отца Евфимия… - А там, Бог даст, и выживет сыночек…

- В сечу бы сейчас! – выдохнул я.

- За тебя сын секся! И тебе, чаю я, еще предстоит… - вдруг тихо молвил монах.

- Гляньте-ка! – закричал кто-то из моей полусотни, указывая вдаль перед собой. На двугорбом холме полыхал шатер Бегича. Бунчука не было видно… А к Воже, в спину к поганым неслась наша легкая конница, сминая оставшиеся полки ордынцев, которые по их задумки должны были добить нас и еще не переправились через реку.

«Подземный ход из церкви!» - вдруг вспомнилось мне. И тут со стороны Городища, через проходы расступившихся ратников полка правой руки, в бок тяжелой коннице поганых ударила кованая рать князя Ондрея Ольгердовича. Смяла! Растоптала ворога! Ордынцы кинулись к заболоченной речушке…

«А там – засека!» - хмыкнул я… Но вдруг услышал оклик сзади: «Князь!»

И, обернувшись, увидел, невесть откуда взявшиеся, сотни две поганых, приближающихся к нам. Они уже накладывали стрелы на луки…

- Уводи отца Евфимия к церкви, – крикнул я одному из своих, - а мы прикроем!.. В цепь!.. Полукольцом!..

Поганые явно не ожидали, что мы полусотней кинемся им навстречу… Замешкались… Смешались… Даже выстрелить не успели…

- С Богом! За Землю Русьскую! За Святую Троицу! – крикнул я и врубился в ворогов, добавив про себя, - И - за Георгия! И - за Елену!

При каждом взмахе моего меча что-то вокруг стонало, кричало, хрустело, словно сухие ветки, брызгало горячими каплями в лицо… Но безсознательности или кипящей злобы, как раньше, я в сердце не чувствовал… Движения мои были выверены, строги и четки, как слова молитвы… Но с другой стороны, я чувствовал, что кто-то постоянно направляет, поддерживает мою руку, усиливает удары… Кто?!

…На влажной от крови и росы траве на коленях стояли десятка два-три ордынцев. Их окружали мои ратники с обнаженными боевами топорами и мечами в руках. Те еще дымились кровью… Несколько наших перевязывали своих раненных… Иные лежали на земле со скрещенными руками… Легкий ветерок шевелил их волосы и бороды, словно чужие, не принадлежащие телам… Царстиве им Небесное! Ивашка и другие отроки держали под уздцы коней: наших и ордынских…

- Что с этими делать будем? – спросил меня один из десятников, указывая на полоненных поганых. «Руби их!» - захотелось крикнуть мне. Но я вытер меч о росистую траву. Отправил его в ножны.

- Это решит Великий Князь, - ответил я, - вяжите их и ведите к Городищу.

Въехав на холм, я окинул взглядом округу. Насколько хватало глаз, - всюду лежали побитые ордынцы. Изредка среди них блестели русьские доспехи… Чуть ниже от меня под стягом восседал на коне Димитрий Иоаннович, окруженный воеводами и князьями. Среди них выделялся серым подрясником и отец Евфимий. А у заболоченной речушки все еще шла рубка. Добивали оставшихся ордынцев… Я подскакал к Великому Князю. Поклонился.

- Спаси тя Господи, князь Ляксандр! Уберег нашего летописца! Наслышан, уже наслышан, как ты полусотней сотни две порубил! - кивнул он в ответ.

- Георгий.., - начал, было, я.

- Не кручинь сердца! Жив твой сын! Лекарь говорит, что рана - несмертельная. За то благодари князя Ондрея. Он вовремя прыгнул. А от меня тебе – особая благодарность за то, что достойного сына родил и воспитал! Я теперь – должник его! – хохотнул Великий Князь.

- Дозволь в сечу! – спросил я, задыхаясь от слез, которым старался не позволить выйти наружу.

- Какая сеча?! Побили мы поганых! По-сек-ли! Наголову! – уже громко засмеялся Димитрий Иоаннович. - Впер-вы-е! Слава Тебе, Господи!

Подскакал князь Данила Пронский. На пике одного из его ратников была насажена голова старика с огромным бельмом на глазу. В другом, незакрывшемся, блекло чернел ужас…

- Они как увидели голову Бегича, - кивнул князь Данила на пику, - вмиг побежали… А куда?! На засеку! Там половину своих коней на кольях оставили! Кинулись обратно… А тут мои молодцы их и встретили! Все было, как ты задумал! Дорубают их, словно бабы – капусту!

- Не нам, не нам, но имени Твоему, Господи, слава! – перекрестился опять Димитрий Иоаннович. - Однако, рано нам отдыхать! Давай-ка, князь Данила, до заката гони убежавших. Возьми с собой князя Ляксандра! Глядишь, в обозе поганском что занятное найдется…

В это время на плаще, притороченном к пикам, принесли какого-то князя. Лица его было не разобрать: так порубили! Один глаз вывалился наружу и болтался на тонкой жилке. В груди торчала стрела…

- Князь Назар! – вскинулся Димитрий Иоаннович. Спешился. Склонился над раненным. Крикнул: «Лекарей!»

- Жив ты, дорогой мой Великий Княже! – сквозь боль попробовал улыбнуться князь Назар. - Скажи только: наша ли победа?

- Наша! Наша! Любый мой соратник!

- Слава Богу! Слава Тебе, Господи, и за то, что даровал в первой победе над погаными поучаствовать… Приими, Господи, душу мою с миром…

И голова его откинулась… Подбежавший лекарь положил руку ему на шею. Подержал ее, прислушиваясь… Отнял. Перекрестился: «Отошел… Помяни, Господи, во Царствии Твоем душу убиенного болярина Назария!»

Все сняли шеломы, подшеломники. Перекрестились. Димитрий Иоаннович закрыл оставшийся глаз князя Назара. Крикнул: «Князь Данила! Пленных, кроме русьских, не брать!»

- И-и-эх! – вскочил я в седло. И вместе с князем Данилой и пятью тысячами ратников помчался к Воже. Конь мой даже копыт не замочил, перескочив реку по телам поганых. И уже через час скачки мы нагнали первый большой отряд убегавших ордынцев. Все они были при оружии. По взмаху меча князя Данилы несколько наших сотен взяли ворогов в «вендерь», - окружив поганых двумя кольцами, неслись в противоположных друг другу направлениях, расстеливая их… А еще через час мы нагнали и обоз…

- Здесь - твое дело! – бросил мне на ходу князь Данила и поскакал дальше, оставив пять сотен. Я повелел окружить обоз. Ратники проверяли вежу за вежей, арбу за арбой. Из некоторых выскакивали спрятавшиеся там ордынцы, но тут же падали под нашими мечами и топорами. Были и русьские рабы, полоненные Бегичем по дороге. Изможденные со следами плетей на плечах, с синяками на лицах и телах, с веревками и колодками на шеях, они, плача, падали на колени, целовали руки и оружие освободителей.

Я вместе со всеми осматривал вежи. Награбленного погаными добра было много! Распахнув полог одной из них, я увидел… попа Григория из деревни под Рязанью! Да-да, того самого, который «окормлял» и сам «окормлялся» у воеводы-разбойника. Он сидел, вжавшись в рухлядь и прижимая к себе какой-то мешок из верблюжьей шкуры…

- Батюшка? – от неожиданности выдохнул я… Тот пополз ко мне на коленях, опираясь на одну руку. Другой, однако, не отпускал мешок…

- Благодетель! Свободитель! Слава Тебе, Господи! – шептал громко он, пытаясь сотворить крестное знамение, которое, как и в Рязани у него напоминало какое-то круговое движение у лица.

- Выходи, отче, - кивнул я. И крикнул в сторону: «Эй, кто-нибудь! Помогите этому попу!»

Глазки отца Григория бегали, словно искали какого-то укрытия. Недоброе чувство возникло во мне… А поп тараторил: «Полонили меня… Полонили… Да… Вот, ехал себе… А они полонили!»

- Где? – перебил я его.

- Известно где! На дороге… - забегал опять глазками он. Я оглядел его: тот же дорогой подрясник, тот же перстень, те же мягкие богатые сапоги…

- А что в мехах? – спросил я.

- Так… там… Травки… Целебные… Собираю… Отвариваю… Хвораю я… Не могу без взвара этого… Отправь меня к Великому Князю… Дело у меня к нему… Великокняжеское… Тайны мамаевы…

- Присматривайте за ним… - бросил я двоим ратникам. И пошел дальше осматривать вежи. «Полонили? Хм, - размышлял я на ходу, - А перстень не отняли… Сапоги не сняли! Странно… И глазки так же бегают, как у рязанского воеводы на трапезе. И крестное знамение наложить на себя не может…»

…Поздно ночью привел я ордынский обоз в наш стан. Следом подошел князь Данила Пронский. После сечи русьские ратники отдыхали. В шатре Великого Князя сквозь ткань угадывался огонек свечи.

- Молится! – кивнул в его сторону князь Данила. И мы решили не безпокоить Димитрия Иоанновича до утра.

- Отдыхать? – спросил князь Данила.

- Пойду сына раненного проведаю, - мотнул я головой.

- Дозволь с тобой? Такого героя, прикрывшего собой Великого Князя, да еще в его годах, грех не проведать! - вскинулся он.

- Ты уже знаешь?

- Все в нашем стане знают! – хмыкнул князь Данила, шагая рядом. - Слышал я, что ты какого-то русьского попа нашел в ордынском обозе…

- Ты хорошо его знаешь. Поп – тот самый, что у рязанского воеводы блюдолизничал. Говорит, мол, полонили его поганые на дороге… Но сомнительно мне: не сняли они с него ни дорогого подрясника, ни перстня, ни богатых мягких сапог… Ехал он в веже, когда другие полоняне шли в колодках изгоном… Мех какой-то бережет пуще глаза… Говорит, мол, с целебной травкой, для взвара от хвори. Просит отвести его к Великому Князю: мол, тайну какую-то мамаеву ведает… Еще смущает меня и то, что не может он наложить на себя крестного знамения…

- Да-а-а.., - задумался князь Данила. Но вдруг весело сказал: «Я потолкую с Великим Князем. Устроим твоему попу встречу…»

Мы вошли в походную палатку. Георгий лежал с перевязанной грудью. В нескольких местах через ткань проступила кровь.

- Только что удалось руду остановить. Дал я ему травяного взвара с медом. Заснул. Крепкий ратник! Выдюжит! – шепнул мне лекарь, бывший при сыне. Я поцеловал Георгия в лоб. Постоял. Перекрестил. И мы вместе с князем Данилой отправились отдыхать.

…Утром меня разбудил Ивашка: «Пробуждайся! Великий Князь к себе требует!»

Я вскинулся. Плеснул в лицо ключевой воды… В стане было шумно. Кашевары суетились над котлами. По обоим берегам Вожи ратники с местными мужиками подбирали убитых. Русьских сносили к телегам, на которых уже лежали колоды, а рядом стояли бочки с медом. Убиенных укладывали в них, скрещивали руки. Над каждым служились панихиды. Потом колоды с ними заливали медом, чтобы довезти павших по родным городам, посадам, весям…

Ордынцев сносили к широким и глубоким ямам, которыми был изрыт весь берег. Здесь же стояли корзины с известью: дабы не было от убиенных поганых моровой язвы.

В сопровождении Ивашки я подошел к Великокняжескому шатру. Удивился: кроме князей и воевод, здесь собралось священство во главе с епископом, прибывшим накануне сечи, о чем я и не догадывался. Перед ними стоял поп Григорий. Он с жаром, но, путаясь и сбиваясь, рассказывал, как ехал, как его полонили…

- А почему ж с тебя перстень и сапоги не сняли? – усмехнувшись, спросил Димитрий Иоаннович.

- Да кто ж их ведает! Как велели, так я и делал… - пожал плечами поп Григорий.

- А что у тебя в мехе?

- Травки для настойки целебной. Хвораю я. Завариваю, пью… - забегал тот глазками.

- Лекарей ко мне! – повелел Великий Князь, и обратился к собравшимся. - Кто знает этого попа? И что скажете о нем?

Вперед вышел князь Данила Пронский: «Я знаю! Сей человек служил не Богу, а воеводе рязанскому: разбойнику и иуде, который пытался отравить меня и сотников

моих, дабы обезглавить Пронскую дружину и обоз, когда мы шли по твоему зову на Москву, Великий Князь… А в селе, где церковь, к которой приписан сей поп, нам поведали, что он проповедовал против Москвы, мол, под ордой – лучше и спокойнее.»

- Так ли это? – сверкнул очами Димитрий Иоаннович.

- Нет-нет! Великий князь! Клевету возвели на меня! Навет! – забегал глазками поп.

- Великий Князь, – поклонился я, выйдя вперед, - все, что поведал князь Данила Пронский – правда. Я подтверждаю. И могу свидетельствовать на Святом Кресте и Святом Евангелии.

- И я – тоже. - встал рядом со мной князь Ондрей и перекрестился. Подошел главный Великокняжеский лекарь.

- Васильич, – обратился к нему Димитрий Иоаннович, - проверь-ка, что за снадобье в мехах. Ты знатно в этом разумеешь.

Лекарь поклонился, подхватил мехи и ушел.

- Как же ты, поп, объяснишь все? Трое верных мне князей, - на деле доказавших свою верность! – свидетельствуют против тебя!

- Пусть при всех перекрестится! – подал голос князь Данила.

- Добро! – кивнул Великий Князь и, обратясь к попу, повелел, - Перекрестись!

Как не пытался поп Григорий дрожащей рукой наложить на себя крестное знамение, у него все какие-то круги вокруг лица получались… Даже пальцы не могли правильно сложиться. Он покраснел, покрылся потом. Все, молча, смотрели на него. А тут и лекарь вернулся. Вышел перед Великим Князем. Поклонился.

- Отрава здесь - лютая! – только и молвил он, швырнув под ноги попу его мехи. Великий Князь задумался. Перекрестился. Повернулся к епископу и священству. Поклонился им: «Поп сей рукоположен Святой Церковью. Посему, прежде моего суда, должен церковный суд состояться… Повелеваю: всем, кроме священства, отойти отсюда на сто шагов. Попа Григория связать… Дабы не напакостил чего…»

Мы повиновались. О чем шел разговор на церковном суде, ведомо Господу и священству. Но издали я видел, как ратник из охраны епископа содрал с попа подрясник. А под ним оказался дорогой полукафтан, под которым поблескивала кольчуга…

По знаку Великого Князя мы вновь сошлись к шатру. Епископ поклонился на три стороны. И сказал только: «Если бы человек сей мог бы наложить на себя Крестное знамение, мы бы ходатайствовали отправить его в дальний монастырь… А так, - все видели, - не дает ему Господь поругать Святой Крест грязной дланью. Он низвержен из сана. Теперь – твой суд, Великий Князь.»

Когда священство удалилось, Димитрий Иоаннович спросил бывшего попа: «Расскажешь ли, зачем и для кого вез лютое зелье?»

- Нечего мне говорить! – вдруг выплюнул тот.

- Господи, помилуй и прости! – перекрестился Великий Князь и, указывая на ближайший дуб, повелел. - На дыбу его!

- Да на нем же даже креста нет! – крикнул кто-то из князей, когда с Григория содрали кафтан, кольчугу и рубаху… Двое ратников мигом перекинули через нижний сук дуба веревку. А когда немного натянули, привязанный к ней лжепоп застонал… Потом закричал…

- Кому ты вез зелье? По чьему повелению? – опять спросил Великий Князь.

- Для тебя! – выдохнул подвешенный.

- Кто повелел?

- М-м-м.., - замотал головой лжепоп.

- Плетей ему! – повелел Великий Князь. Двое ратников подошли к подвешенному и несколько раз ударили его по бокам.

- Скажу! Все скажу! Только опустите! – заверещал тот. Великий Князь кивнул. Ратники ослабили веревку. Подвели к Димитрию Иоанновичу лжепопа. Опустили его на колени.

- Ну? – кивнул ему Великий Князь.

- Для тебя – зелье… Чтобы извести тебя… А повелели мне сделать это боярин Иван Вельяминов и Некомат Сурожанин, - выдохнул несостоявшийся отравитель, - Тебя, семью твою, набольших князей, когда Бегич полонит вас и возьмет Москву…

- И как же ты собирался извести?

- Вас должны были заточить в темницу… А я – к вам… со Святыми Дарами…

- Со Святыми?! – повысил голос Великий Князь… - Да ты хоть разумеешь, что несешь?! Не меня бы ты травил, не семью мою, не набольших князей! Землю бы Русьскую! И кто ты после этого? Русьским тебя назвать нельзя: на тебе креста нет… А ведь извел бы ты…

Желваки заходили на лице Димитрия Иоанновича. Он встал. Стеганул в сердцах плеткой по сапогу. Развернулся. Пошел к шатру, бросив на ходу: «Судите соборно, князья.»

Отец Евфимий направился вслед за Великим Князем. Я, естественно, - за ними. За моей спиной завизжал лжепоп. Потом глухо ухнул о колоду топор. И все стихло.

Проводив отца Евфимия, я спустился к Воже. Трупы были уже все убраны. Но река все еще текла кровью, - или как говорят по-старинке: рудой. И запах ее остро обжигал ноздри. Я прошел по берегу к заболоченной речушке, впадающей в Вожу. И здесь все багрово: трава, кусты, вода… «Когда-нибудь эту речушку назовут Рудинкой» - мелькнула мысль…

Телеги, уставленные колодами с убиенными ратниками, уже тянулись по дороге на Москву. И, казалось, не было им конца…

Все оставшиеся дни нашего стояния на Воже я часто навещал Георгия. Он поправлялся на глазах. И когда мы двинулись в обратный путь, я нередко подъезжал к телеге, на которой ехал сын, - в седле он пока держаться не мог. Навещали его и сослуживцы, и князя Ондрей, Герасим… Я гордился сыном.

«Ночной бой» подходил к концу. Выставка была оформлена. Алексей, нафотографировавшись, прикорнул на стульях. Пока женщины во главе с Валентиной готовили нехитрый завтрак, мы со Степаном вышли на воздух покурить. Я записал уже все необходимые сведения о студии и студийцах. Поэтому теперь мы молчали… Небо начало светлеть, а звезды - расствориться в нем.

- А вы бывали в Белорусии? – прервал молчание Степан.

- Да, совсем недавно. А еще… тридцать с лишним лет назад. Я родился в Бресте. Отец начинал свою офицерскую службу в крепости. Командовал батареей артполка. - улыбнулся я, вспомнил старые семейные фотографии, с которых на меня смотрел лихой гвардейский лейтенант в глухом мундире пятидесятых годов. С шашкой на боку…

- Вот здорово! Значит, мы – земляки! Я тоже – родом из Бреста! – засмеялся Степан.

- Мужчины! К столу! – раздался от входа в павильон голос Валентины. А я вдруг вспомнил, что у меня сегодня… – день рожденья… В зале были сдвинуты несколько журнальных столиков, на которых в тарелочках красовались бутерброды с салом, сыром, кровяной колбасой. В мисках лежали свежие помидоры, огурцы, яблоки, груши. А вокруг них уже сидели десятка полтора студийцев и всклокоченный от сна Алексей. Валентина пришла откуда-то с большим кофейником и радостно объявила: «У охраны здесь даже электроплиточка нашлась! Так что я заварила крепчайший, чернющий кофе! У всех сердца в порядке?»

И почему-то взглянула на меня. Я в ответ пожал плечами. Подумал. И, смеясь, добавил: «Я вообще-то – кофеман. В армии, в офицерском общежитии за выходной день мог выпить кофейников пять-шесть! А иногда и больше…»

- Вот таких? – округлив глаза, кивнула на кофейник в руках Валентины жена Степана Таня.

- Нет, конечно, - «турок», на две чашки!

Все бутерброды были мигом съедены. Особенно мне понравилась кровяная колбаса, - такой я еще никогда не ел.

- Все - свое! Домашнее! – гордо объявил мне Степан.

- Я вижу: все не наелись… У нас есть еще печоночный паштет и сливочное масло, - обведя взглядом стол, сказала Валентина. И, приготовляя тут же новые бутерброды, рассуждала: «Спать до ночи нам не придется… Если только по очереди подремать… Обедать – тоже навряд ли… Так что, надо подкрепиться на целый день!»

Все намазанные бутерброды она складывала на терелки. А последний протянула мне: «Вам – далеко. Сами не достанетесь.»

Я взял бутерброд из ее рук. При этом наши пальцы соприкоснулись, скользнули друг по другу, словно ласкаясь… Слабый, но горячий разряд электрического тока пробежал по моей руке к сердцу, мозгу, обдавая их непонятным сладким огнем… Валентина мягко отняла руку и потупилась.

- Спасибо, - сказал я. И, запив бутерброд кофе, добавил: «Теперь мне надо приниматься за свою работу. Написать несколько коротких материалов и отправить их в редакцию до семи утра. Поэтому прощаюсь с вами до открытия праздника. Алексей, поехали. Степан, можно тебя на минуточку?»

Когда мы выщли на воздух, я тихо сказал: «Степан, у меня сегодня – день рождения. Но я могу быть либо в Пресс-центре, либо на ВДНХ. В Пресс-центре стол накрыть никак нельзя: много лишних глаз, ушей, языков… Не могли бы вы помочь мне? И отпраздновать со мной в одном из номеров студийцев?»

- Не вопрос! – хмыкнул он.

- Тогда я все закуплю часам к семи вечера. Это – не накладно? Все устали!

- И-и-и! Что ты?! Мы иной раз по трое суток не спим. Так что, не волнуйте сердца… Я живу в 325 номере. Как управитесь вечером, заходите!

В номере пресс-центра я сразу бросился к машинке. Алексей же завалился на диван и захрапел. «Даже кофе на него не действует!» - улыбнулся я про себя. Напечатал несколько, - в одну-полторы странички, - информаций под общим заголовком «Калейдоскоп праздника». Растолкал Алексея: «Попроси, чтобы на завтра оставили место страниц на пять плюс твои фотографии о белорусской студии…»

- Да это же – больше половины полосы! – вскинулся он.

- Уговори как-нибудь! Лети! – хлопнул я его по плечу. И снова сел за машинку. А за окном разгорался рассвет. Намечался ясный августовский день. «Да и другого быть не может!» – мелькнула радостная мысль. И действительно я не мог вспомнить случая, чтобы в мой день рождения случалась пасмурная погода. Зато вспомнил Валентину и зажигающий огонь ее пальцев… Помотал головой. И начал печатать…

«Самодеятельность… Ее участники не стремятся быть артистами, художниками, музыкантами, танцорами. И не считают себя таковыми. Зачем? Они – артисты, виртуозы! Каждый – в своем деле, на рабочих местах, куда поставила их жизнь! (Ах! Как хочется написать – «поставил их БОГ!») Всей душой они отдаются работе, считая ее иногда важнее самой жизни. По-другому и быть не может! У талантливых, творческих людей, - будь это машинист электровоза или диспетчер, электрик или билетный кассир. И работа-то спорится только тогда, когда человек подходит к ней творчески… А это значит – с любовью к Родине, к другим людям.

Сколько жизней спасает врач?! И его работа – та же самая песня, что выливается потом на сцене железнодорожного клуба.

Сколько красивых платьев кроит и шьет портниха какого-нибудь отдела рабочего снабжения, радуя сердца железнодорожников?! И это – ее песня, музыка, поэзия!

Скольким людям помогает ощутить радость встречи машинист электропоезда, вовремя приведя свой состав на станцию назначения?! И это – его песня, его живописная картина, его произведение декоративно-прикладного искусства!

Это – их артистизм! Он – не перевоплощение. Он – сама жизнь, когда человек не мыслит, не ощущает себя без творчества. На работе ли, после нее… Он – песня человеческой души, которая не может не продолжиться после выполнения своего дела! Жизнь – для радости других! Жизнь, чтобы уйти от своих личных неприятностей и невзгод, которые все равно пройдут! Жизнь, чтобы самому почувствовать ее красоту, и подарить, - безвозмездно, даром! – эту радость другим…»

Я перечитал напечатанное, подправил… Вдруг вспомнил своих псковских друзей… И начал рассказ о белорусских художниках.

К десяти утра пять страничек текста были готовы. «А может быть лучше это поставить началом репортажа об открытии праздника?» - мелькнуло в голове.

«Нет! Первая мысль - от Бога!» - воспротивился я сам себе. И тут же написал начало репортажа: «Праздники бывают разные. На одних мы тешим самих себя. Требуем в глубине души внимания, подарков от ближних, сослуживцев, от самой жизни… На других мечтаем просто отдохнуть от обыденных дел, будничной суеты… Но есть праздники, когда собственная душа требует подарить радость другим людям…

Именно с этой потребностью в Москву съехались железнодорожники из самых разных, порой – самых отдаленных концов Отечества…»

Да-да! Именно так наставлял писать меня отец Валерий. Эх, жаль, что не могу сейчас показать написанное ему! Благословиться… А может быть, он сейчас за меня молится. И я пишу то, что диктует мне Ангел Господень? Не мне, не мне, но имени Твоему, Господи, слава!

- Ну, ты, Санек, даешь! – перебил мои мысли, влетев в номер, Алексей.

- Что? Что-то случилось? – вскочил я со стула.

- Случилось! Главный поначалу разворчался, мол, сколько можно ждать, мол, из-за вас сегодняшний номер сверстать не можем… А потом при мне прочитал твои «Колейдоскоп», репортаж о приезде гостей! И аж крякнул от удовольствия! Газета с этими материалами уже пошла в «Союзпечать»… Поздравляю! Это дело надо обмыть! – достал он фляжку с коньяком. Разлил по стопкам. Приподнял, оставив локоть в сторону: «Ты ж, говорят, офицером был… У вас так пили?»

- Так-так.., - улыбнулся я. Но Алексей продолжал скороговоркой: «Это еще – не все! Главный согласился оставить тебе на завтра две трети последней полосы под очерк! Но велел написать репортаж на первую полосу. К моим фотографиям. Их уже печатают в лаборатории. Не позднее пятнадцати ноль-ноль я должен быть с ними в редакции!»

- Ты бы хоть дверь на ключ закрыл! – кивнул я на коньяк.

- Ага, – повернул ключ в замке Алексей и достал из кармана яблоко, - с тебя причитается!

- У меня вообще-то сегодня – день рождения! Будем праздновать у белорусов. Вот и получишь причитающееся! – засмеялся я. И коготочки гордыньки царапнули меня где-то у сердца! Очень остро! Но вдруг вспомнилось: до Преображения яблоки не едят… А ведь я ел их сегодня ночью! Прости Господи! Надо записать грех, чтобы покаяться отцу Валерию…

- *Не мне, не мне, но имени Твоему, Господи, слава*! – словно кто-то другой во мне проворочал одним языком, не разжимая губ. Я мысленно перекрестился. И… опрокинул в себя коньяк. И.., закусив яблоком, сказал: «Очерк уже готов. И – начало репортажа…»

- Ну, ты – многостаночник! – выпил Алексей свой коньяк и тоже закусил.

- Слушай, – вдруг вскинулся я, - а где вся наша журналистская братия?

- Ты на часы посмотри! Через тридцать минут - открытие праздника. И я так думаю, они прямо из редакций своих к центральному входу на ВДНХ поехали…

- А мы что сидим?

- Поехали! Успеем! Здесь на машине – десять минут. Кстати, возьми-ка, на всякий случай, мускатного орешка! Пожуй, - протянул он мне пакетик, - я его еще дома раздолбил, чтобы, откусывая, зубы не сломать…

…Действительно, через десять минут мы были у главного входа на ВДНХ. Площадь перед ним пестрела от цветов, национальных костюмов, обычных летних нарядов множества собравшихся. Справа от высокой трибуны располагалась огороженная площадка с транспорантом «Пресса». Мы прошли туда и поздоровались с коллегами. Как и предполагал Алексей, они все были в сборе. А ко мне сразу придвинулась Карина.

- Я решилась! – шепнула она. - Еду к Вите в Красноярск. И очерк за полночи написала… Прочитаете?

- Конечно… - кивнул я, одновременно понимая, что времени у меня сегодня не будет для серьезного обсуждения ее очерка. «Как Бог даст!» - мелькнула мысль. …И вот, под звуки духового оркестра на трибуну стало подниматься высокое начальство.

- Записывай, – подсказал Алексей, - я продиктую… Член Политбюро, курирующий железнодорожный транспорт… Министр путей сообщения… Его заместитель… Начальник Московской железной дороги…

Алексей называл должности, фамилии, инициалы. А я едва успевал записывать их в блокнот…

- Дважды Герой Социалистического Труда, машинист электровоза… Председатель Президиума профсоюза тружеников железнодорожного транспорта.., - продолжал он. И так далее, и тому подобное…

- Как ты всех их запоминаешь? – удивился я, когда начались речи.

- Поработаешь в «Гудке» с мое, - десять лет! – побываешь на всех совещаниях, активах, планерках, других сборищах высокого начальства, и не захочешь, а запомнишь! – хмыкнул он.

Полтора часа с трибуны говорили, какие у нас в стране замечательные железные дороги, называли цифры, факты достижений, фамилии передовиков… Слушатели аплодировали… Было скучно. То же самое виделось и в глазах людей, собравшихся перед трибуной. Некоторые фразы выступающих я записал, подумав, что они могут пригодиться для репортажа…

- Ну, все! – наконец, выдохнул Алексей, вернувшийся с трибуны, где он сделал несколько фотоснимков. - Пора ехать! Тебе еще надо срочно писать репортаж…

Мы с ним попятились, скрываясь за спинами других журналистов. И тихо вышли с площадики «Пресса». В номере я сразу уселся за машинку. Спросил Алексея: «Сколько строк надо?»

- Да… Не больше трех страничек, - почесал затылок он, - а у меня еще старые снимки к ним найдутся…. Их всуну в номер. Это же будет фоторепортаж!

Я отстучал на машинке обычное для таких случаев сообщение, прирастив к нему свое начало, подкрасив середину, и, под конец, пригласив «москвичей и гостей столицы» на праздник. Отдал Алексею и попросил: - Знаешь, мне сейчас обязательно надо быть на ВДНХ, походить по концертным площадкам, подобрать фактуру для других публикаций. А ты, после того, как сдашь материалы будешь относительно

свободен… Не мог ты проехаться по магазинам, купить вот, по этому списку продуктов для стола на вечер… Сегодня ведь – воскресенье. Половина магазинов закрыта, другая закрывается раньше, чем в будни…

Я протянул ему деньги и листок бумаги.

- Нет вопросов! – хмыкнул Алексей. Хлопнул своей ладонью по моей, и мы вышли из гостинницы. Он «подбросил» меня до ВДНХ. А сам «полетел» в редакцию.

Я обходил концертные площадки, беседовал с руководителями ансамблей, самодеятельными артистами. Уговаривался о встречах с наиболее заинтересовавшими меня людьми. Записывал назначенное время в блокнот… Но какая-то неведомая сила тянула и тянула меня в павильон декоративно-прикладного творчества, к белорусам. Я боролся, пересиливал себя, убеждал: мол, вечером все равно увижусь с ними и… с Валентиной.

А люди вокруг веселились. Многие и мужчины, и женщины были в парадной железнодорожной форме. Им – хорошо! И это радовало! Более десяти коллективов для будущих очерков и зарисовок уже были помечены в моем блокноте. Оставалось только написать! Ближе к вечеру на автобусе с одним из коллективов художественной самодеятельности я вернулся в гостинницу.

В номере Степана вокруг почти накрытого стола во главе с Алексеем суетились Валентина, Татьяна и еще несколько женщин.

- Нет-нет! Еще не готово! – положила свою ладонь ко мне на грудь Валентина, останавливая и выпроваживая. И тут же теплая, но перехватывающая дыхание, волна вплеснулась в сердце, а оттуда – в каждую клеточку моего тела…

- Отлично. - сдержал я порывистое дыхание. - А успею я душ принять?

- Успеете-успеете! Стол будет готов полностью минут через пятнадцать, - закрыла она передо мной дверь.

- И-и-эх! – даже подпрыгнул я, хлопнув в ладоши, и чуть ли не вприпрыжку кинулся к своему номеру. Принял душ, надел свежую рубашку. А часы, между тем, отсчитали пятнадцать минут, обещанные Валентиной. Когда я вошел в номер, все студийцы и Алексей стояли, загородив собой стол. Вперед вышел Степан. Кашлянул, пригладил непокорный вихор и продекламировал: «Я говорить не умею. Отец мой плотничает до сих пор в веске под Брестом… Он меня научил всему: и табуретку смастарить и тонкуя вязь на рамке для картины вырезать… Но в кино я видел, что все знаменитые журналисты курят трубки… Вот и мы, поздравляя вас с днем рождения…

- Давай, на «ты»! – перебил я его.

- Добро! В день твоего рождения, Александр, мы единогласно решили снять с экспозиции вот эту вишневую трубку с футляром и запасным чубуком, портсигар, мундштук и подарить тебе, как нашему земляку… От всех нас! С пожеланием здоровья! Ну и, конечно же, – стать знаменитым журналистом!

И он протянул мне на вышитом рушнике причудливо вырезанный и изукрашенный тонкой вязью подарок.

- Спасибо! – я и не знал, что сказать в ответ… Комок подступил к горлу…

- А теперь, слово – Валентине Ивановне! - продолжил Степан.

- А я как женщина, - начала та, - конечно же, не сторонница курения и всего, что вредит здоровью. Поэтому мы от колектива творчества по ткани решили сделать свой подарок: рубаху, вышитую белорусским национальным орнаментом. Поздравляем с днем рождения и желаем писать свои журналистские работы честно, с любовью… И стать знаменитым журналистом…

- И бросить курить! – засмеялась жена Степана. Валентина протянула сложенную серую льняную ткань… Встряхнула ее. И я увидел причудливую ручную вышивку на вороте, груди и рукавах…

- Она сама вышивала! – цокнул языком Степан. - А?! Каково мастерство?!

- Да ладно тебе, Степан! Захвалишь! – покраснела Валентина, подошла ко мне и… поцеловала в щеку. Другие женщины последовали за ней. Мужчины пожимали руки, хлопали по спине: «С днем рожденья!..»

- Жить до ста лет…

- Многая лета…

- К сто-о-олу! – воскликнул Степан.

- Э-э-э! Нет-нет! Позвольте и мне поздравить коллегу!.. – возмутился в шутку Алексей и обратился ко мне. - Если не зазнаешься, не запьянствуешь, сможешь стать классным журналистом! Я с тобой полтора дня работаю, но уже увидел твою хватку! Поверь моему опыту! Знаю, что нынешнее задание – не первое. Но хочу, чтобы память о нем осталась у тебя и у наших белорусских друзей.

Он открыл кофр и достал два черных пакета.

- Вот это – тебе, Александр, - протянул он один мне, и обернулся к Степану, - а это вам! Разбирайтесь сами: кому – что…

- Ой, как здорово!..

- Степа! Ты здесь - такой серьезный…

- Танюша! Галочка! Гляньте-ка, как вы красиво получились!..

- Валентина Ивановна! А вы здесь - такая романтично-задумчивая!

- Мужики! Да это же – я! Вот бы не подумал…

- А соломка-то как блестит!..

- Эти фотки – прямо для журнала!…

- А что! Мы свой рекламный проспект сделаем!.. – слышались голоса белорусов, разглядывающих снимки.

- Спасибо, Алексей! – пожал руку и обнял фотокорреспондента Степан. - Ну, что ж мы?! Давайте-ка, к столу!

Все тесно уселись. Я оказался со Степаном, - с одной стороны, и с Валентиной – с другой.

- Ну и ну, - вырвалось у меня, когда я увидел накрытый стол, - это ведь тоже выставочный экспонат! Произведение искусства!

- А у нас, в Белорусии – все так, – вскинула носик самя молодая студийка, Галя, - но и это Валентина Ивановна оформляла!

- Галя! – покраснела та.

- А что?! Александр сам восхитился! Этикетку к столу, как к экспонату, не приколешь! Вот я и выступила этикеткой, объявив, что стол – произведение Валентины Ивановны Житкович. Фамилия, между прочим, - от слова «жито»! Самая вкусная! – продекламировала девушка.

- Так, – перебил ее Степан, наполнив стаканы, - первый тост я предлагаю поднять за именника! Как говорят у нас в Белоруси, многая тебе лета, Александр!

Мужчины опрокинули коньяк, а женщины пригубили «Алазанскую долину». И все тут же набросились на еду. Сало с чесноком и перцем таяло во рту. Не удержался я опять и от кровяной колбасы… «Эх! Каяться тебе и каяться!» - укорила меня мысль… Нехитрые салатики, приготовленные в гостинничных условиях, могли поспорить с ресторанными блюдами. Но после первого тоста в бутылке с коньяком оставалось на донышке, - за столом сидели восемь мужиков. Я взглянул на Алексея. Тот театрально равел руками. Но, подмигнув, достал из кофра еще одну бутылку коньяку.

- Нет-нет-нет! – замахал руками Степан, - Мы - народ простой! Коньяк, конечно, - хорошо! Но, вот, вы нашей «Зубровочки» отведайте!

И он открыл литровую, прямоугольную бутылку с тонкой травинкой, плавающей в желто-зеленой жидкости. А я вспомнил Михася. Улыбнулся про себя. Как-то он там?!

- Второй тост.., - начал, было, Степан…

- Второй тост, - перебила его негромко Валентина, - Принято поднимать за родителей именинника… Они живы, Александр?

- Да… - кивнул я и вздохнул, вспомнив, что уже больше года не виделся с отцом и матерью… И понял, что соскучился… Но улыбнулся и поднял стакан… У Алексея от «Зубровки» слезы выступили на глазах…

- Крепка советска власть, кады пьется всласть! – буркнул он.

Все засмеялись и снова принялись закусывать.

- Третий тост, - поддерживая живот, поднялась Татьяна, - Я предлагаю выпить за детей.., у кого они есть… А даст Бог, - у кого-то и будут.

- Двойня!.. Врачи сказали! – нежно погладил жену по животу Степан и вскинулся. - За детей!

…Наши с Валентиной колени и бедра соприкасались… Когда я вдруг понял это, попытался отодвинуться, чтобы несознательно не обидеть, не оскорбить, не заставить стыдиться… Но у меня ничего не получилось: все так сидели. Тесно…

- Вам неудобно, Александр? – спросила тихо она.

- Нет-нет! Я подумал, что вас стесняю, - ответил я и почувствовал, что кровь ударила мне в лицо. А мельком взглянув на Валенитну, увидел, что и она слегка закраснелась… А может быть, это – просто от «Зубровки»?

- В тесноте, да не в обиде! - опустила она глаза… - Какой вам салат подложить?

- Сырный, если можно…

- Я тоже люблю сыр…

- Александр! – перебил Степан, - А что это ты подарок Алексея от нас заныкал? Давай-ка, показывай!

- Пожалуйста! Я и сам еще не смотрел, - протянул я ему черный пакет с фотографиями. Разглядывая снимки через локоть Степана, я радовался мастерству Алексея. Так меня еще никто не фотографировал. И самое занятное: я не видел, когда он это делал во время оформления белорусами их выставки…

- Ну-у-у, братцы мои, – протянул Степан, пуская одну за другой фотографии по кругу, - по-моему, здесь все искусно скомбинировано! Посмотрите! На каждом снимке Александр и Валентина Ивановна – рядом! Даже здесь, где Александр пишет, и задумался, покусывая авторучку, Валентина Ивановна стоит в пяти шагах и смотрит на него. И как смотрит!.. Этого же не может быть…

- Степа! Ты, по-моему, перепил! – дернула его за рукав жена. - Даже если это - и так, не стоит - всему свету по секрету…

- Честное слово! – приложил руку к груди Алексей. - Никакого фотомонтажа! Само собой как-то получилось!

- Да-да! Случайность! – покраснела Валентина, вглядываясь в снимок. - Я здесь смотрю на панно, которое Галочка повесила за спиной Александра… Алексей! Я хочу выпить за ваши чудесные художественные фотографии!

- С удоволствием! – поднял я свой стакан…

…Тарелки на столе почти опустели…

- Галя! – вскинулся Степан, - Сходи к дежурной по этажу! Попроси четырнадцать стаканов чаю! У нас, по-моему, еще торт остался!

Девушка встала и вышла из номера. А я произнес тост за творчество студии.

- Спасибо на добром слове, - ответил Степан, - мы и дальше будем стараться. Галя, вернувшись, присоединилась к нам…

- Кстати! – проговорил Алексей, дожевывая ветчину, - Кому-то из вас завтра надо встать пораньше и в ближайшем киоске «Союзпечать» купит свежий номер «Гудка». Там - очерк Александра о вашей студии. С моими фотографиями!

- О-о-о! – воскликнул Степан и вытянул руку в сторону своих студийцев, - Галя, Петро! Это поручение – как раз для вас! Во всех ближайших киосках скупите все газеты «Гудок», в которых будет очерк о нашей студии!

- На четвертой полосе… То есть - на четвертой странице газеты… - пояснил Алексей.

- Пойду, покурю на балкон, - вздохнул я, - А то уши в трубочку свернулись… Степан?

- Я же не курю… А у павильона – так… С устатку… - как бы оправдываясь, хмыкнул он и взглянул на жену.

- А я покурю! – встал из-за стола Петр.

- Не слишком ли часто? – придержала его за рукав Галя.

- Я – не в затяжку! - засмеялся тот в ответ. - К тому же, через три часа – не так часто! А вы, девушки, лучше пока стол для чая накройте!

Предавгустовское небо светилось ярче россыпи московских фонарей, света из окон и прожекторов, вместе взятых. Я жадно затянулся дымом и от этого хмель сильно ударил в голову.

«Надо бросать курить!» - упрекнула мысль… Ни я, никто другой ей не ответили…

- А не спеть ли нам, братцы? – вдруг спросил за чаем захмелевший слегка Степан и повернулся ко мне, - Александр, ты какие песни больше всего любишь?

- Лирические, старинные романсы… В последнее время начал понимать народные, - вдруг признался я. И, улыбнушись, вспомнил: «Я, вообще-то, еще в семидесятых годах, когда служил, купил пластинку «Песняров»… И, приезжая в отпуск или изредка на выходные, да и после демобилизации, как нападала тоска, слушал именно их песни».

- Во! – шумнул Степан. - Я же говорю: земляк! Родился ты, Александр, на белорусской земле и взял от нее самое лучшее, самое главное! Давайте, споем что-нибудь из «Песняров»!

- Только, не громко! – умоляюще поглядела на него жена. - Времени-то сколько?! Полночь - на подходе!

- Пусть думают, что у нас - народный хор! И мы репетируем! – тоже не совсем трезво засмеялся Алексей. Пели мы еще минут сорок… Но, глядя на новых друзей, я заметил, что глаза у них, у всех слипаются: сказывалась предыдущая безсонная ночь… Мы распрощались…

- А знаешь, о чем попросила меня Валентина Ивановна, пока ты курил на балконе? – подмигнул мне Алексей, когда мы шли по коридору к номеру Пресс-центра.

- …?

- Попросила сделать ей такой же комплект фотографий, как и тебе! Смекай! Ты же, по-моему, не женат? Смекай, пока я вниз сбегаю, позвоню жене, чтобы не ждала сегодня… Ты не против, если я на диване в Пресс-центре переночую? Мне сейчас никак нельзя ни на такси, ни в общественном транспорте, который, впрочем уже не ходит… Если меня Ирина моя в таком виде увидит, станет и милицией, и грабителями, и хулиганами в одном лице, во множественном числе… К тому же у меня дорогущая аппаратура… Я за нее никогда не расплачусь с редакцией, если потряю! А?

- О чем речь?! Поделюсь постельными принадлежностями, - автоматически ответил я, весь оставаясь в размышлениях о просьбе Валентины… Алексей убежал. Я же, вернувшись в номер, быстро прочитал молитвенное правило, - вспомнил о нем, слава Богу! Разобрал постель, простыню и вторую подушку положил на диван… Алексей вошел весь красный и расстроенный.

- Что-то случилось? – спросил я.

- Случилось… Сцепился в вестибюле с этим комитетчиком Олегом. Представляешь, останавливает меня и спрашивает, почему, мол, здесь ночую?! Принюхивается. И опять спрашивает: почему, мол, спиртным разит? Я ему отвечаю,

мол, завтра съемки - рано-рано.. А выпил, мол, после окончания рабочего дня. Мол, у нас никто еще «сухого» закона не вводил. А он, козел, - за свое: мол, какой вы пример приезжим подаете?! Позорите, мол, звание столичного журналиста… Страна, мол, борется с пьянством на производстве… Щенок! Еще учить вздумал!

- Ну, а ты?

- Я смолчал… Дипломатически… Но это его еще больше взбесило! Баран!

- Так, кто же все-таки? Комитетчик, козел, щенок или баран? – попытался я шуткой успокоить Алексея. И добавил: «А жена что сказала?»

- Она даже не почувствовала, что я выпил… Говорит, мол, не утруждай себя сильно, милый! Я, говорит, скучаю… Приезжай скорее! Тебе же дадут отгулы… Поедем на водохранилище… Она у меня – лапочка!

- Тогда давай-ка, ложись спать! Утро вечера – мудренее! – кивнул я на диван и ушел в свою комнату. «Эх! И посплю же я сейчас!» - возникла мысль. Действительно, заснул я мгновенно. Наверное, оттого, что представил себе улыбающееся лицо Валентины.

Города, посады, веси встречали нас колокольным звоном. Люди русьские плакали от радости. Бросали под ноги конным и пешим ратникам последние, осенние цветы. Священники в праздничных облачениях кадили нам навстречу, пели *Многая лета* Великому Князю, воеводам, болярам, князьям и всему Русьскому воинству… Ополченцы оставались в своих селениях, любовно встреченные сродниками. На перекрестках отдельные полки прощались с нами и сворачивали в свои малые отчины.

Но были и другие слезы… Слезы матерей, жен, сестер, детей, встречающих залитые медом колоды с убиенными близкими людьми. Кто возместит им отцов, сыновей, братьев, мужей?

- Господь милостив! – вдруг, словно прочитав мои мысли, проговорил отец Евфимий, ехавший рядом, - Вспомни Священное Писание, праведного Иова Многострадального. Тот потерял все: детей, стада, богатство, здоровье… Но остался верен Богу даже тогда, когда от него отвернулись друзья, родственники, жена. Отвернулись за то, что он не последовал их совету предать Господа. И что же?! Господь восполнил потерянное, приумножил его! Вот и земля наша, семьи русьские, потеряв ближних, обрели молитвенников в Царствии Небесном, положивших души своя за други своя! А посему и будут восполняться, приобретая блага земные, пока верны Богу.

- И как такое возможно? – усмехнулся я.

- Богу все возможно! Попустил же он сатане мучить праведного Иова, - медленно кивнул отец Евфимий, - и затем Сам же и спас его! Главное – верить!

- Господи, помилуй! – перекрестился я.

…В Коломне мы распрощались с Володимирским, Серпуховским и некоторыми другими полками, свернувшими каждый в свою сторону. Далеко за ворота города вышло духовенство, сродники местных ратников, чтобы встретить победителей. И здесь тоже можно было видеть слезы радости - у одних, и утраты – у других… Прямо на площади перед собором и дальше, – по улицам, - были накрыты столы. Люди принесли все постное съестное, которое только нашлось в хозяйстве: Успенский пост уже наступил… Местный владыко, однако, благословил ратников на рыбу. А уж ее-то в Оке!..

Под звуки средних и малых колоколов десятки тысяч голосов грянули Отче наш! И словно удар большого колокола, ухнуло: *Аминь!*

- Святые отцы, братия и сестры! – поднялся за столом с чашей слабого меда Великий Князь, - Отступило время побед от наших ворогов! Милостию Божией Земля Русьская впервые одержала большую победу над погаными. Но успокаиваться рано!

Мамай теперь пожелает отомстить нам за свое поражение и приведет всю орду, дабы повторить Батыево нашествие. Будем же молить Господа нашего Иисуса Христа, Его Пречистую Матерь, святых угодников Божиих о даровании нам силы противостоять орде в будущей решительной сече, предтечей которой стала битва на Воже. Молиться надо начинать сейчас. Поэтому, вернувшись в свои города, посады, веси, по древнему русьскому обычаю, не пойдем в семьи! Направим стопы наши, сердца и души в обители Божии, где, сменив доспехи на рубище, станем вымаливать прощение за пролитую нами кровь поганых. Они – тоже твари Божии! Станем молить о даровании грядущей победы! А вернувшись из обителей, отдохнув малое время в семьях, начнем готовиться ко главной сече! Поднимая чашу сию, взываю к вам: возблагодарим же Господа за все дарованное Им нам! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе!..

И опять большим колоколом, спугнувшим с крыш галок, голубей и других пичуг, ухнуло общее: - *Аминь!*

Сам Великий Князь вкушал мало. После первой чаши меда пил только квас. Зато другие воеводы, бояре, князья, простые ратники, соскучившиеся по домашним яствам, отводили, что называется, души. А мы, - я, князья Феодор из Пскова, Герасим, Ондрей, - оказались рядом. Было о чем поговорить, что вспомнить…

К вечеру, после Всенощной, я зашел к Георгию, которому Великий Князь повелел выделить отдельный покой в своем Коломенском тереме. На щеках сына, покрытых первым пушком, уже играл румянец. Увидев меня, он попытался приподняться, но мой жест остановил его.

- Ну, как ты? – спросил я.

- Слава Богу, отец. - улыбнулся он, - ко мне даже отдельного лекаря приставили.

- А что ж ты хотел? Герой битвы! В твои-то годы! Великого Князя собой прикрыл. Горжусь тобой, сынок!

- А гордость – тяжкий грех! – хитро прищурился он. Я улыбнулся, принимая шутку. А Георгий продолжал: «Я даже не разумел, что делаю! Просто, знаешь… Возникла какая-то сердечная потребность прыгнуть между пиками и Великим Князем… И кинулся, не думая ни о чем! Как-то само собой получилось… Какой же тогда здесь подвиг?!»

- Должно быть, так он и совершается. - улыбнулся я, опять радуясь в душе словам сына и поглаживая его по раненному плечу…

…А через несколько дней мы входили в Москву. Было пасмурно. Но золотые кресты и купола на храмах Божиих, словно сохранив для нас солнечный свет лета, горели теперь живыми каплями светила. И снова весь город вышел встречать победителей. Но Великий Князь, похристосовавшись с семьей и переоблачившись, направился пешком к северным воротам Кремя. И оттуда – в Свято-Троицкую Лавру. Воеводы, бояре, набольшие князья шли за ним.

Я, заскочив домой, поцеловал Аллу и детей, переоделся и отправился, как повелел Димитрий Иоаннович, в Чудов монастырь. Таких, как я, там оказалось много. В кельях ютились по трое. И на этот раз мне повезло! Кроме монаха, приставленного для духовного окормления, со мной в келье жил князь Герасим. Ежедневные послушания в поварне, мытной, долгие службы, поклоны, исповедь занимали почти все время. Заполночь мы с князем Герасимом просто падали на доски, устланные тонким войлоком, и, едва успевали сомкнуть глаза, как нас снова будили. Однако, была в этом и своя выгода: время летело незаметно!

Изредка перед сном монах, отец Иов, живший с нами в келье, заводил беседы. Именно от него мы узнали, что первая деревянная церковь во имя Архистратига Божия Архангела Михаила в Кремле была возведена двести лет назад.

- Но почему именно во имя Архангела Михаила? - спросил князь Герасим.

- Чада! – ответствовал отец Иов… - Само почитание Воеводы Сил Небесных у нас, православных христиан, всегда связано с объединением мелких уделов в Великое Московское Княжество и строительство его как Православной Державы – защитницы нашей Великой веры во всей вселенной. По Священным Писанию и Преданию именно Архангел Михаил поставляет на земные престолы законных государей.

- А где же стояла эта церковь? – спросил я.

- На ее месте сейчас возвышается Архангельский собор, возведенный к завершению своего княжения Великим Князем Иоанном Калитой. Ведь именно он был первым собирателем вокруг Москвы русьских земель, разрозненных межусобной смутой и ордынскими набегами. Многие наши старцы видят духовную связь между возведением Кремлевского великокняжеского собора и постройкой через три десятка лет митрополитом Алексием, - Царствие ему Небесное! – Чудо-Архангельского монастыря. А ведаете ли вы, чада, что обитель, в которой подвизаемся ныне мы с вами, стоит на земле, принадлежавшей некогда ордынскому подворью.

- Да! – воскликнул князь Герасим. - Так вот, значит, где была первая победа Москвы над погаными, когда мы их выдавили их Кремля!

Отец Иов мягко улыбнулся: - Уразумел, чадо! Возведение Чудова монастыря стало предтечей и вашей нынешней победы на Воже. И – других, еще грядущих побед! Они обязательно вырастут из этой сечи, как из первых деревянных построек Кремля и монастыря выросли ныне белокаменные твердыни.

Отец Иов привстал: «На сегодня хватит. Вам, как трудникам, надобно отдохнуть, а мне, грешнику, пора вставать на пятисотницу.»

- Да-а-а, - протянул, укладываясь, князь Герасим, - как все складно у Бога получается…

…На сороковой день нашего трудничества в монастыре мы причастились Святых Тайн, и к обеду я шел по свеже заснеженной Москве к своему терему. Дома меня уже ждали. Объятия, поцелуи, возня малышей, мужское рукопожатие совсем поправившегося Георгия, деланная строгость повзрослевшей Ольги, жаркие взгляды Аллы, суетливость домочадцев, накрывающих большой стол, - что может быть слаще для сердца и души?! И так – целую неделю, полученную мной от Димитрия Иоанновича.

А тут и свадьба князя Ондрея с княжной Ириной подоспела. После Святого Венчания большой яркий конный поезд с молодыми и гостями проехался по всей Москве. Взоры прохожих веселили дуги, сбруя, украшенные лентами, а слух – множество колокольцев, среди которых всяк – а свой лад!

В новом, просторном тереме, подаренном князю Ондрею Димитрием Иоанновичем, столы были уже накрыты. Веселились до слез. Только Алла вдруг взгрустнула.

- У них будут три дня, а то – и больше… А у нас их так и не было! – прошептала она.

- Ну, что ты, ладо моя?! Разве мы плохо живем? – обнял я жену.

- Нет-нет! Я - ничего! Я радуюсь за молодых! – попыталась улыбнуться она. Свадьба веселилась допоздна… А утром меня вызвал к себе Великий Князь. В давно уже знакомой, верхней горнице, кроме него и князя Володимира Ондреевича, сидел малознакомый мне пожилой болярин. Я знал только его фамилию: Тютчев.

- Вот, князь Ляксандр, - указал на него Димитрий Иоаннович, - поедешь с его посольством к Мамаю. Будем просить у того мира. Нам бы еще годик-полтора подготовиться к сече! Поганые собирают неисчислимую рать! Переговоры – не твое дело… Ты должен вывезти из орды, - вывезти тайно! – того, к кому ездил. Заподозрил его Мамай! Поджидает удачного случая, чтобы казнить… Пойдете до Нижнего. Оттуда – по льду Волги. Дары я посылаю богатые! Обоз пойдет под охраной трех сотен. Среди них, князь Ляксандр, и затеряешься. В Сарае найдешь купцов-сурожан

Василия Капицу, Сидора Алферьева и Константина Петунова. В их обозе с сотней и вернетесь. Трех дней собраться тебе хватит? Ступай с Богом. Я пришлю за тобой…

Алла, узнав о предстоящем отъезде, вздохнула и ничего не сказала… А оставшиеся дни была особенно добродушна и нежна. Да и я вволю натешился с малышами, позанимался в учебном бою с Георгием: ему предстояло встать в строй. Навестил с ним князя Герасима. Оказалось, что пока мы были в монастыре, его старшая дочка Анастасия почти каждый день прибегала к нам. Навещала раненного моего сына. То яблочек принесет, то грибочков соленых, то арбуз или дыньку, купленные на торгу…

Навел я порядок и в тереме, и в приусадебном хозяйстве, предварительно все подробно выспросив у Афанасия и наказав ему, что и как делать… А он вдруг, как бы между прочим, заговорил: «Задумал я тут, княже, дыни, виноград посадить…»

- Что?! Да ты в своем ли уме? Это ж – заморские фрукты! С юга везут. Дел других что ли мало по хозяйству?! – я даже голову откинул назад: в думках был уже в пути на Сарай…

- Дела по жизни никогда не кончатся, - спокойно ответил староста, - а вот когда княжич угостил меня дынькой, - гостинцем княжны Настасьи, - решил я поглядеть на торгу: кто и как привозит? Прицениться… Пошел, значит. Конечно, южные купцы продают и дыни, и арбузы, и виноград. А тут, гляжу: наш мужичок тем же торгует. Я – к нему: так, мол, и так. Перекупаешь? А он, мол, какое там?! Так вот. Живет мужичок тот в посаде, недалеко от Великокняжеских садов. И увидел он, как там выращивают этакие диковинки. Выпросил у садоводов семян, да и выспросил, что и как. Ну, и со мной поделился… Сеять надобно когда земля наша хорошо прогреется после зимы. Я спросил: мол, как же ты определяешь, что земля хорошо прогрелась? А он и говорит, мол, снимаю штаны и сажусь голым задом на грядку. Ежели не знобко заду-то, то сеять можно… Ха-ха! Потом посадку надобно поливать теплой водой. И на ночь накрывать тулупом. А когда совсем жара наступает, то можно и – соломой… Навозцу-то, конечно, много надобно! Но у нас-то его – как грязи! Да из-под земли грядки подогревать можно…

- Это как же? – улыбнулся я.

- По весне, по размеру грядки, надобно выкопать яму. Не более, чем на локоть-полтора. Засыпать ее навозом. А на него набросать старую листву, ветошь какую, уже непригодную ни для чего… очистки всякие от поварни… И к посеву у нас уже изнутри грядки от гниения того тепло пойдет. Дыньки-то будут, словно на печи, нежиться… А?

- Голым задом, говоришь? – засмеялся я, любуясь старостой.

- Вот-вот! Ну, так, благословляешь ли дыньки и арбузы посадить?

- Добро, - кивнул я… - Вот уж не ведал, что Димитрий Иоаннович сам выращивает сладости заморские. Думал: покупает…

- Наш Великий Князь – хо-о-зя-ин! - протянул, вскинув подбородок и указательный палец вверх, Афанасий. И добавил: «Всей Земли Русьской! А мы все – до-мо-чад-цы!»

…Отведенные для отдыха дни пролетели незаметно. После ранней Божественной Литургии и напутственного молебна посольство отправилось в Орду. Болярин ЗахарТютчев был молчалив и хмур. Оно и понятно. Смертными муками после Вожи для него могло обернуться это посольство. А старому человеку еще больше, чем молодому, жить хочется…

Сотники, князья Михаил, Тит и Севастиан тоже были мне незнакомы. Вызвал их Великий Князь откуда-то с Востока. Сблизиться с ними меня Господь не сподобил. Быть может, в этом и заключалось повеление Димитрия Иоанновича затеряться мне среди ратников. Поэтому все время проводил я между сотнями и болярином Захаром… В Володимире зашел в Успенский собор. Заказал молебен о здравии

ближних и панихиду по успошим и убиенным. В Боголюбове коротко повидался с дядькой-архимандритом. Но тот большую часть времени нашего привала провел в своей келье наедине с болярином Захаром. «Значит так - важнее для дела, - успокоила меня мысль, - Да и для меня лучше: больше времени на молитву остается!»

Остановки были краткими. Наступил Рождественский пост. Болярин Тютчев, как я заметил, постился очень строго. Сотники с ратниками были благословлены на рыбу. Морозы стояли не крепкие. И скоро мы въезжали в Нижний Новгород.

Димитрий Константинович, отстраивающий город после набега Арапши, встретил нас недружелюбно. Но на трапезу пригласил.

- Удружил мне зятюшко! – вместо пожелания молвил он, поднимая чашу.

- Не горячись, князь! – впервые за всю дорогу вдруг улыбнулся болярин Захарий.

- Как не горячиться?! Полтора года назад Арапша сжег Нижний! Все разграбил… Ну, думаю, отстроюсь заново! А зятюшко возьми, да побей поганых на Воже! Вам, на Москве, за белокаменными стенами можно не горячиться! А первый удар Мамая – мне принимать! – качал головой Димитрий Константинович.

- Вот за тем и еду в Орду! Мир нам заключить с Мамаем надобно... К тому же твоих полков на Воже не было… Мамай о том ведает. Бог даст: пронесет, - увещевал его Тютчев.

- Как же! «Про-не-сет»… Орду сквозь Нижний пронесет. И камня на камне не оставит! Мне уже доложили: сильно возлютовал Мамай, когда узнал о гибели лучших туменов и князей своих во главе с Бегичем. А еще доложили мне, что решил Мамай всех русьских князей порезать… И своих темников на княжеские столы русьские поставить…

- И-и-и! Это он уже давно решил. Да Бог не дает! Он милостив к овцам своим… - почему-то опустил голову болярин. И добавил: «А милостив Господь потому, что видит, как большинство русьских князей объединяются под рукой Москвы, созидая на земле икону Царства Небесного…»

- Ох! Болярин, – перебил, потемнев глазами, Димитрий Константинович, -второй раз за моей же трапезой ты поддеваешь и осуждаешь меня. А ведь ты – у меня в гостях!

- Прости меня Христа ради, если обидел. Только с младенчества приучен я правду говорить. Вот и рассуждаю, поддерживая твою беседу и отвечая тебе.

- И как ты жив-то до сих пор с дерзкой правдой твоей?

- Милостию Божией! Милостию Божией! Он-то, Спаситель наш, пра-а-авду любит!

- Хотел бы я послушать, болярин, какую ты правду Мамаю сказывать станешь?

- Божию, князь, правду! А там уж, как Господь даст: в Его воле, а не в Мамаевой жизнь мне сохранить или казнить руками поганых.

- А ты, князь Ляксандр, спасатель мой? Тоже в составе посольства идешь? – вдруг повернулся ко мне Димитрий Константинович.

- Со мной он, - неожиданно твердо ответил за меня болярин Тютчев.

- Ну-ну… Помоги вам Бог! – наконец-то смягчился Димитрий Константинович… - Яств всяких вам в дорогу выделю… И прокорм – коням.

…На следующий день, затемно, мы уже шли по льду Волги. Метель буравила лица мелкими колючими снежинками. По дороге нас нередко останавливали ордынские разъезды и сторожи. Но, увидев посольский ярлык, молча, пропускали. Ночевать приходилось в балках. И через несколько дней мы свернули влево, где на высоком холме посреди Сарая возвышался ханский дворец.

В городе посольство отправилось на русьское подворье, а я – к оружейнику Нилу. С ним мы обнялись и похристосовались, словно старые друзья. За небогатой, постной трапезой я поведал Нилу, что должен увидеться с князем Олегом. А потом попросил найти купцов, о которых упоминал Великий Князь.

- Да! Мамай просто взбесился, когда узнал, что на Воже его тумены разбиты, а Бегич и еще семеро темников убиты, - проговорил печально старый оружейник, - Сжег в посадах несколько православных храмов вместе с клиром и молящимися, перебил многих рабов… Кстати, в Сарае построено еще несколько мечетей…

Наскоро разведав невеселые новости, я отправился на подворье, где передал все болярину Захару Тютчеву. Тот в ответ только покачал головой: «Помоги, Господи! А тебе, князь, вот мое слово: уводи свою сотню с подворья. Размести ее среди русьского населения. И в самое ближайшее время выполняй наказ Великого Князя, данный тебе. Все. С Богом!»

- Храни тебя Господи, болярин! – поклонился я ему в пояс. А сам подумал: «Вот у кого – Богоугодная Великокняжеская служба, - верности до смерти!»

Ночью Нил отвел меня в какой-то дом. Там при лучине уже сидели князь Олег и еще несколько человек. Ими оказались упомянутые Великим Князем купцы. Встав, они поклонились мне. Я передал повеление Димитрия Иоанновича. Князь Олег покрутил головой: «А то я мыслю, что это Мамай так хитро посматривает меня… Обхаживает, а глаза, - словно два кинжала… Дознался? Нет! Не может среди моих людей быть иуд…»

- Если б дознался, княже, давно казнил бы! – размышлял вслух Нил. - Разумею я: подозревает он тебя, впрочем, как и многих других русьских князей, что у него сейчас – на службе… Сыск он ведет супротив тебя. Поэтому и бежать тебе надобно. А мы уж здесь управимся, как Бог даст…

- Ну что ж, - опустил голову князь Олег и, помолчав, обратился к купцам, - а у вас, поди, не все дела в Сарае завершены?

- У нас у всех – одно дело: Русьское, Великокняжеское! – отозвался хмурый Василий Капица. Нам бы Землю Русьскую от поганых очистить…

Все закивали на его слова. А Сидор Алферов добавил: «Однако, подозрительно будет, если втроем одновременно пойдем из Сарая. Давайте, помолимся, да кинем жребий, кому со своим обозом вывозить князя Олега.»

Так и сделали. Жребий выпал Василию Капице.

- Сможем ли затемно выйти? С обозом-то? – спросил я.

- Ежели ночь не поспать… Собраться… А товар – дело наживное! – ответил купец.

- Я могу прислать своих ребяток. Они помогут. А часть товара, ежели доверишь, разбросаем по домам наших. - предложил Нил.

- А что-то и по моим закромам положим, - кивнул Сидор, - у меня, ты знаешь, не пропадет…

- Дело! - кивнул Василий и обратился ко князю Олегу… - Только тебе, княже, в наше, мужицкое переоблачиться придется… Тебя здесь все знают. Сотня-то, - вроде как охрана обоза… А княжье облачение на первой же поганской стороже подозрение вызовет. Мамай-то, поди, повелел глаз с тебя не спускать…

- Я готов, - вздохнул тот, - но не о кафтане жалею… Дело до конца не довел!

- Не кручинь сердца! – положил я ему руку на плечо. - Бог даст, еще доведешь… А Мамаю правду скажешь: испугался, мол. Он сам – волк. И волчьи повадки ему в других – что елей на голову! Еще и подзыкает, что убоялся его и… перехитрил.

- А можно и по-другому, - теребил бороду Нил, - Если кто спросит в тереме, пусть твои люди скажут, мол, на охоту уехал! Ты ж, - ха-ха, - не ведаешь, что соглядатаев к тебе приставили…

…Пока мы выезжали из Сарая, поганские сторожи несколько раз останавливали наш обоз. На купцов и мужиков они внимания почти не обращали, а вот ко мне да к ратникам моим приглядывались пристально. На берегу Итиля нас опять остановили.

- Спроси, - шепнул я Капице, - ловят ли кого?

Тот сунул старшему сторожи малый мешочек с монетами и спросил. Ордынец ухмыльнулся в крысиные хвосты усов и что-то процедил.

- Говорит, мол, русским князьям нынче запрещено из Сарая выезжать, - перевел Василий ответ поганого.

Купец хорошо знал дорогу на Рязань: шли напрямую. А когда появились первые перелески, все вздохнули свободнее. Но рано радовались: в середине одного перехода подскакал передовой дозорный и сообщил, что навстречу поганые гонят полон.

- Небольшой, - добавил он, - но ордынцев – не меньше тысячи.

Василий нахмурился: «Могут и нас побить… А уж пограбят, - это к бабке не ходи! Мой-то охранный ярлык действует только в орде. А мы – уже на Русьской Земле! По-о-бьют… А кого и в полон возьмут… И уходить с дороги поздно… Следы останутся.»

- Погоди! – встал с саней князь Олег. - Они, поди, не ведают, что Мамай меня подозревает… Тихон! Княжеское облачение мне! И – мой ярлык.

Отрок быстро принес узел. Князь Олег переоблачился. Вскочил в седло. Позвал: - Миша!

К нам подбежал ордынец из числа людей князя Олега.

- Быстро переодевайся! Тоже – в княжеское, в ордынское! Поедешь с нами. Веди себя высокомерно, по-ханьски! Держи пайцзу! – протянул князь Олег ему металлическую пластинку на золотой цепочке… - Дайте копье! Миша, там у тебя где-то бунчук припрятан… Нацепи на копье. Возьми двоих своих… Поедешь с нами.

…Не успели мы отъехать от обоза и на сотню шагов, как навстречу нам вылетели сотни две ордынцев. Выстроившись полукольцом, они уже наложили стрелы на луки. Князь Олег что-то крикнул по-ихнему. От поганых отделился один в дорогом наборном доспехе. Он подъехал поближе. Что-то ответил. Завязался разговор. Миша сидел в седле, как истукан, не глядя ни на кого, высоко вскинув подбородок с редкой рыжей бороденкой…

Старший ордынец подъехал совсем близко. Миша выташил из-за пазухи пайцзу и показал ее, не глядя на поганого. Тот неожиданно соскользнул с седла и упал на четвереньки, уткнувшись лбом в снег. Две сотни последовали своему предводителю. Потом что-то гомонливо закисюкокали-закисюкикали, развернулись и поскакали в обратную сторону.

Князь Олег обернулся к нашим и махнул рукой. Обоз двинулся дальше… Мы шли по дороге, а вдоль нее, в глубоком снегу стояли на коленях с опущенными головами согнанные туда полоняне: мужики, бабы с детьми, отроки, отроковицы… Первые сгибались под тяжестью колодок на шеях. Иные были связаны по десятку одной веревкой… Тот, кто пытался поднять голову, тут же получал удар плеткой по спине. Поганые, спешившись, стояли позади полонян, тоже опустив головы и приложив правые ладони к груди. А наши ехали, пряча лица в воротники полушбков и тулупов: глядя на полонян, невозможно было сдержать слезы… Но что мы могли сделать?!

Сердечная тяжесть не отпустила и на ночном привале. Однако, у костра я спросил князя Олега: «Как тебе все это удалось?»

Он грустно улыбнулся: «Меня они знают, как верного пса мамаева. Показал им свой ярлык. Сказал, что сопровождаю тайного великого посла в Литву. А тут и Миша показал пайцзу… Я его нашел несколько лет назад в степи, во время охоты, на брошенной стоянке пастухов… Совсем замерзшим… То ли потеряли его, то ли бросили… Я подобрал, обогрел, выходил, окрестил в Православную веру. Он теперь – вернее самых верных!»

- А пайцза откуда?

- И-и-и! Это – дело тонкое! – протянул он мне золотую пластинку. На ней были искусно выточены два дерущихся тигра. А князь Олег продолжал: «Помнишь, как ты Джанибековича вывозил… Вот тогда я и решил во что бы то ни стало добыть этакую штуку! Пайцза у них – знак родовитости! Знак силы власти! Эта – настоящая! Род чингизидов! Если бы тысячник не растекся по снегу, - не перед Мишей - перед пайцзой! – ему бы свои хребет сломали!»

- Но откуда она у тебя?

- В орде постоянно кто-то кого-то режет… Так и недавно, на одном празднике вдруг началась резня. Вот тут-то нам, русьским надобно ухо держать востро! Понять: на чьей стороне сила. И, включившись в резню, показать себя верным ханским псом! Для нас-то какая разница, кого из них резать: все – поганые! И нет в моем сердце жалости к ним! Ведь и те, и другие, будучи у власти, водят тумены на Землю Русьскую! Сколько на из руках крови безвинной! Так вот. Началась во дворце резня. Я, как и другие, естественно, - саблю из ножен. Подбегаю к одному, уже немолодому. А он, - бух! – на колени! И пайцзу эту протягивает: мол, нельзя меня убивать, мол, я – чингизид. А мне от этого только кровь жарче в голову ударила. Рубанул я, прости, Господи! А пайцзу взял прозапас. Вот и пригодилась сегодня. С паршивой овцы – хоть шерсти клок…

- А бунчук?

- Вот это – действительно, шерсти клок! – опять грустно улыбнулся князь Олег. - Потом расскажу как-нибудь, если Господь даст. Отдыхать надо.

…Мы подходили к Рязани. Я уже мечтал о хор-р-рошей баньке, теплой постели. Но князь Олег вдруг сказал: «В Рязань заходить не будем. Обойдем. Здесь до Москвы, – самое большее, - пять переходов. Обоз пусть идет сам по себе в Рязань. И ждет меня. А мы – изгоном. Я остановлюсь в Симонове. Там и встретимся с Великим Князем.»

- А почему не в Москве? – удивился я.

- Слишком много докучливых глаз и ушей, - улыбнулся князь Олег, - а мы же ворогами почитаемся…

- Успеть бы к Рождеству Христову! – вздохнул я, сразу забыв и о баньке, и о теплой постели…

- Бог даст, успеем! – опять улыбнулся князь Олег.

Утром я едва успел умыться и одеться, как в дверь постучали. Алексей вскочил с дивана и бросился в туалет. А я отозвался на стук: «Войдите.»

В дверях стоял лейтенант КГБ Олег.

- Доброе утро, - улыбнулся он по-дежурному, - а я уж думал, что вы после вчерашнего возлияния не подниметесь так рано… А фортограф ваш где? Хор-р-ош он был вчера!

- В туалете. А чем, собственно, дело? У меня был день рождения. Можете проверить по паспорту… «Сухого» закона в стране пока нет…

- Ну-у-у, все-таки… Пример-то какой - для рядовых рабочих?! «Сухого» закона нет, но борьба-то с пьянством в стране идет полным ходом… Я хотел бы поговорить с вами. Выйдем в холл. – вальяжным, но не предполагающим отказа, жестом пригласил он.

Когда мы вышли и присели на диван, он начал: «Я готов закрыть глаза на вашу вчерашнюю пьянку на рабочем месте и не докладывать о ней начальству. Но тогда и вы окажите мне услугу. Произведем, так сказать, взаимовыгодный обмен… Ха-ха! Я ведь – один на всю гостинницу… Да еще и по объектам праздника носиться колбасой приходится… За всем не углядишь. Ни глаз, ни рук не хватает! Помогите мне! Если, там, услышите какие искажения социалистической действительности, анекдотики, недовольства, - а их не может не быть! – дайте знать…

- Стукануть, что ли? – усмехнувшись, мотнул я головой.

- Ну, зачем же так грубо?! Проинформируйте! Тем более, что вам - расти еще, как журналисту, и расти! А при сотрудничестве с органами для вас в карьере может зажечься, как говорят, самый зеленый свет… Откроются совершенно новые перспективы. Вы же, насколько я могу судить по вашим публикациям, - патриот своей страны. Вот и сможете исполнить свой патриотический долг. А? - он, улыбаясь, в упор смотрел на меня. А мне кровь ударила в голову.

- Во-первых, - начал медленно, глядя под ноги, я, - мой патриотический долг – писать о лучшем, передовом опыте. Во-вторых, в армии мне уже делали такое предложение. И ответить на него я могу так же, как и тогда: в моем роду были честные, - от слова «честь», - люди. Они могли совершать глупости, ошибки, но подлостей – никогда! Если я увижу врага своей страны, я немедленно сообщу, куда следует… Но стучать на соотечественников, которые честно работают на железной дороге, а свободное время посвящают искусству, я не буду. Не буду, именно, как патриот своей страны. Своего народа.

Я встал.

- Это ваш последний ответ? – улыбка на его лице сменилась суровостью.

- Да! - развернулся я и пошел в сторону своего номера.

- Смотри, не пожалей об этом! – раздалось мне вслед.

- Да пошел ты.., - бросил я, закрывая за собой дверь в номер Пресс-центра.

- Что-то случилось? – настороженно спросил Алексей, разбиравший свой кофр.

- Случилось. Этот щенок предложил мне стать стукачом! – плюхнулся я в сердцах на диван.

- Если ты мне об этом говоришь, значит, отказался?! – хмыкнул он.

- А ты что сделал бы на моем месте?

- Ну-у-у… Мне не предлагали…

- А если бы предложили?..

…В дверь постучали.

- Да! – крикнул я и вскочил с дивана. В номер вошел улыбающийся Степан.

- Там девчата стол для завтрака накрыли. Кофе остывает, - весело поприветствовал он, - а вы почему такие хмурые? Головки – бо-бо? Так мы сейчас поправим. Пошли, хлопцы!

В номере Степана все его студийцы были в сборе. А на одной из кроватей лежала стопка газеты «Гудок».

- Ну, и расписали вы нас, Александр! – улыбаясь, произнесла Татьяна, - Прямо хоть самих на выставку выставляй! Нахвалили-то! Приедем в Минск героями! Маме покажу, - не поверит!

- А снимки до чего хороши! – взяла газету Валентина и показала нам с Алексеем.

- Позвольте, - протянул я руку, - еще и сам не видел…

Пробежал глазами по тексту. Действительно, очерк, кажется, получился. И радость победы растворила в себе мрачный осадок от разговора с комитетчиком Олегом.

- Нет-нет! Прочитаете потом. А сейчас – за стол! – забрала у меня газету Татьяна. - И не спорьте! Тот, кто откажет беременной, у того мышка дырки прогрызет во всех вещах…

- Женушка! – обнял ее Степан. - Хлопцам головки поправить надо! Достань-ка домашнего!

- Нам же работать! С людьми общаться! – попытался возразить я.

- Успокойся! Я выдам каждому по мускатному орешку… Будем пожевывать и общаться с людьми. Комар носу не подточит. А публикацию надо обмыть! – вступил в разговор Алексей. Степан налил всем по полстакана из большой бутылки без

этикетки и пояснил: «Первачок! Из пшенички! Как слеза! Ну, спасибо вам, хлопцы, за такую оценку нашей работы. За ваши таланты!»

- И – за ваши! – приподнял свой стакан Алексей. Наскоро позавтракав, мы распрощались с белорусами. Они отправлялись на своем автобусе на ВДНХ, а мы с Алексеем – на редакционной машине в Центральный парк культуры и отдыха и в ЦДКЖ.

Пожимая руку Валентины, я вдруг почувствовал необычное ответное движение ее ладони. Она пристально взглянула на меня и, прикрыв глаза, слегка дернула вверх головой, как бы спрашивая: «Ну, что?» Я отвел взгляд. Тепло, исходящее от ее рукопожатия хлынуло мне в лицо. И, кажется, я покраснел…

А день закрутился в своем «колесе». Мы с Алексеем побывали на спектакле, заходили в гримерки, беседовали с артистами. Честно говоря, постановка мне не понравилась. Зато азарт, с каким старались играть молодые железнодорожники из Волгды, просто завораживал. Хотелось пошутить, мол, вас бы, да – в мирных целях… Потом оказались на открытой веранде, где выступали самодеятельные художественные гимнастки. И еще мы выезжали на новые и новые площадки. И еще…

Вернувшись в гостинницу, я сразу уселся за пишущую машинку. Алексей же поехал в редакционную фотолабораторию проявлять пленки и печатать снимки. Но мне постоянно мешали, забегавшие в Пресс-центр журналисты… Они звонили по телефону, диктовали тексты материалов стенографисткам, разговаривали между собой, задавали какие-то незначительные вопросы мне… Карина попросила прочитать ее очерк. И он, на мой взгляд, получился…

- С любовь написано! – улыбнулся я.

- Правда? Ой! Спасибо! Полечу в редакцию! – чмокнула она меня в щеку.

К вечеру приехал Алексей.

- Главный срочно требует материал! Давай, я отвезу. И – домой! - энергично сказал он. Я допечатал последний абзац. Перечитал. И хотя написанное мне не очень понравилось, протянул листы с зарисовкой Алексею. Тот исчез. А я, оставшись, наконец, один, снова сел за машинку. А когда встал из-за нее, часы показывали половину десятого вечера. Голова гудела от усталости. И я решил прогуляться по воздуху. Но, проходя мимо холла, увидел там белорусов, сидящих перед телевизором. Шла программа «Время». Там как раз показывали сюжеты по нашему празднику.

Валентина что-то вышивала, изредка и без интереса взглядывая на экран. Татьяна сидела, положив голову на плечо мужа. Другие тоже не просто уставились в экран: кто – с книгой, кто - с каким-нибудь рукоделием.

Я встал за их спинами и любовался Валентиной: строгостью ее прически, движением ее рук, - плавными, но точными, - всей ее фигурой… Она, видимо, почувствовала мой взгляд. Повернула голову. Смутилась. Хотела что-то сказать… Но в эту минуту Степан крикнул: «Гляньте-ка! Нашу выставку показывают!»

И все прильнули глазами к экрану. Конечно, тележурналист не мог не похвалить экспозицию студии… А мне-то как радостно было! За них, за всех! И немного завидно… Только чему, я понять не мог. Как не мог понять, что происходит в моей душе, в моем сердце…

Я все-таки вышел на улицу. Мелкий, уже нетеплый дождик едва моросил. Люблю такую погоду. Подняв воротник куртки, я несколько раз обошел вокруг гостинницы. И вдруг почувствовал, что кто-то смотрит на меня. Огляделся, - никого. Поднял голову вверх. На балконе своего номера стояла Валентина и смотрела на меня. Что мне надо сделать? Что сказать? Не найдя ответа, я просто помахал рукой. Она ответила тем же. И… ушла в комнату. Но мне все равно стало хорошо, как в детстве, когда получаешь долгожданный подарок.

…Дни праздника пролетели… Мои очерки, репортажи, зарисовки, эссе печатались ежедневно. И не только в «Гудке», но и в «Московском железнодорожнике»… Кончно, и вымотался я изрядно. А две последние ночи вообще спать не мог. От переутомления… С Женей виделся ежедневно, но мельком. Олег, лейтенант КГБ, больше не подходил. Не заходил даже в Пресс-центр. Но поглядывал с ехидцей. Мне же ни разу не удалось вырваться в церковь. С Валентиной мы виделись ежедневно. Но я терялся. Не знал, что и как сказать, куда девать руки… Она же смотрела, широко раскрыв глаза, словно ждала чего-то. И говорила совершенно незначимые слова об экскурсиях по Москве, о погоде, о том, что Татьяна неважно себя чувствует, о том, что читает мои публикации в «Гудке» и что ей нравится, как я пишу… Но все это было на ходу, тоже мельком…

Наконец, наступил последний день праздника. Вечером в ЦДКЖ началось торжественное его закрытие с безплатным для участников самодеятельности ужином и балом. Директор ЦДКЖ говорил длинную речь. Но вдруг Женя, сидевший рядом со мной, хихикнул. Я удивленно взглянул на него. А он пояснил: «Чешет прямо по твоему тексту из «Гудка».»

- Что? – не понял я.

- Да ты же не слушаешь! Я говорю, что шеф мой составил свой доклад по твоим публикациям. Вот, плагиатор!

- А-а-а! – махнул я рукой… И действительно, не слушал, а смотрел на Валентину. Она сидела впереди наискосок через два ряда… Современное строгое, обтягивающее фигуру, платье несло национальный белорусский колорит. Две косы, закрученные по бокам, прямой пробор, легкий, почти незаметный макияж не бросались в глаза, но и не могли остаться незамеченными из-за тонкого, но какого-то всеземного, непреходящего очарования. Она, очевидно, почувствовала мой взгляд и обернулась. Улыбнулась. И легонько помахала ладошкой.

- Э-э-э! Старичок! Да что это с тобой? – перехватил мой взгляд Женя… - Уж не втюрился ли ты в эту очаровательнеую бульбашечку?

Я взглянул на него так, что он тут же отвел глаза, пожал плечами и оговорился: «Это я – так… Ничего… Если обидел, прости…»

- А тут как раз Валентину вызвали на сцену, чтобы вручить почетную грамоту, диплом, лауреатский значек и премию от Министра путей сообщения. Зал разразился аплодисментами.

- Ладони себе не отбил? – пошутил Женя, когда они стихли.

- Да хватит тебе! Ты что, в «Крокодил» перешел работать? Язва! – не выдержал я. - Другой бы радовался за друга…

- Я и радуюсь! Но не рано ли?

- Э-э-э! – махнул я рукой, в сердце принимая его правоту. Награждения продолжались еще часа полтора. Потом всех пригласили на ужин и бал. В просторном фойе, донакрывая длинные столы, суетились официанты. Поэтому, чтобы не мешать им, приглашенные не решались усаживаться…

- Пойдем, покурим! – предложил Женя. - Места всем хватит. К тому же, мне помнится, для «прессы» отдельные столы выделены.

Спускаясь по лестнице в курилку, мы неожиданно столкнулись с директором ЦДКЖ. Он опять зачесывал с виска на темя крашеные волосы.

- О! – вскинулся Женя. - Товарищ директор! Вот, как раз, это – тот самый журналист, мой друг, публикации которого вам так понравились…

Я представился, слегка склонив голову. Директор ЦДКЖ энергично, двумя руками, затряс мою руку: «Очень рад! Оч-ч-чень рад! Полгода слежу за вашим творчеством и все удивляюсь: откуда вы так хорошо знаете культпросветработу! Уж не заканчивали ли вы институт культуры?»

- Нет, просто - специализация такая, - нашелся я.

- Понятно-понятно… Эх! Вот таких бы сотрудников к нам в информационно-издательский отдел! Зарплата, правда, - м-м-м, – небольшая… Но премии, тринадцатая, командировочные, суточные, продуктовые наборы у нас – регулярные… Так что, набегает прилично…

«Что это он?! Паясничает? Притворяется? Или действительно, не узнал меня?» - ошалело размышлял я. А он засуетился: еще раз пригладил волосы, проверил ширинку: «Евгений Юрьевич! Вы поговорите о перспективах с Александром, - простите, как вас по отчеству? – А я пойду. Там - товарищи из министерства, ВЦСПС, ЦК просоюза железнодорожного транспорта… Всего доброго. Всего доброго! Надеюсь, до скорой встречи…»

И он засеменил наверх. А когда мы, перекурив, вернулись в фойе, все сидели уже на своих местах.

- Во-он - стол для прессы! – кивком указал Женя. Я взглянул туда, куда он показывал и среди коллег увидел лейтенанта КГБ Олега, о чем-то беседующего с «правдистом» Николаем Васильевичем. И мне не захотелось сидеть с ним за одним столом.

- Александр! – услышал я. И, обернувшись, увидел, что Степан, зазывая, машет мне одной рукой, а другой показывает на свой стол.

«Слава Тебе, Господи!» - облегченно подумал я и, взяв Женю под руку, направился с ним к столу белорусов. «Нет! Случайностей действительно не бывает!» - мелькнула мысль, когда свободное место оказалось… рядом с Валентиной. Женя же уселся напротив.

- Поздравляю! – слегка поклонился я Валентине и хотел, было, накрыть ее ладонь, лежащую на белой скатерти, своей. Но не решился.

- Спасибо! – улыбнулась она, - Вам какой салат положить?

«Пустяковая, но все-таки – забота!» - тепло снова хлынуло в мое сердце так густо, что я прикрыл глаза, боясь упустить его.

- Что с вами?! – спросила Валентина.

- Нет-нет! Ничего, - просто ваша забота так приятна, - признался я. И вдруг заметил, что она покраснела. Тогда я сказал: «Знаете, у меня возникла идея. Вы – лауреат! Вот, я и напишу отдельный очерк о вас! Отпустили бы только в командировку в Минск…»

- Про меня?! – еще ярче вспыхнула она лицом… - Да что вы?! Нет-нет-нет! Напишите про Степана, Танюшу, Галю, Петра, про других… Вот, приехали бы и познакомились со всеми студийцами! Знаете, какие у нас люди замечательные?! И художники талантливые!.. А про меня не надо! Ни в коем случае…

- Что так?

- Нет-нет! Здесь – личные причины… Простите. Давайте, о хорошем. Сегодня же - праздник!

- Но и в нем – своя грусть…

- Да, грустно прощаться с… праздником, с Москвой… Хотя, Минск, конечно, я люблю больше. Больше всех других городов.

- Это – естественно!..

Нас перебил Министр путей сообщения, понявшийся с бокалом в руке. Все налили себе шампанского. Его получилось – каждому по полбокала… На столе оставались только бутылка коньяку, бутылка водки и фруктовая вода.

- И это – на четырнадцать человек?! – выпив, спросил Степан у проходящей мимо официантки.

- Если вам мало, можете докупить в буфете… Там сегодня все без наценок, как в магазине, - бросила та, не замедляя шага.

- Танюша, – хмыкнул Степан, - где там наш сидор?

- Степушка! Ты сначала это выпей! Только не забывай, что поезд сегодня отходит в три часа ночи… А то опять тебя тащить придется… А мне уже троих, - погладила она себя по животу, - нести не под силу!

- Тут с рюмкой коньяку поднялся один из железнодорожных генералов.

- Кто это? – спросил я Женю.

- Третий заместитель министра. Отвечает за культуру и средства массовой информации, - ответил он, наполняя свою и мою рюмки.

- Дорогие товарищи! – начал генерал, - Сегодня много говорили о нашей замечательной железнодорожной, художественной, - я бы даже назвал ее профессиональной! - самодеятельности. О непреходящей творческой жизни работников советских железных дорог. Но я хочу напомнить и о другом творчестве! Я имею в виду наших журналистов, которые усердно, - от всего сердца! – профессионально и творчески освещали наш юбилейный праздник. И, отметив достижения коллективов и отдельных участников художественной самодеятельности, я не могу не назвать тех, кто своим творческим пером внес посильный вклад в наше общее дело…

Я взглянул на стол для «прессы». Там заулыбались, внутренне собрались, ожидая почестей… Но первой была названа… моя фамилия. Я растерялся… А Степан толкнул меня в бок. Я встал. Еще раз взглянул на стол «прессы». Там зааплодировали. И только лейтенант КГБ Олег, скривив губы и сложив руки на груди, смотрел прищуренными, ироничными глазами. Николай Васильевич взглянул на него, и на полдвижении перестал аплодировать.

А генерал продолжал: «Вижу, что это – молодой, и, уверен, талантливый человек, сумевший за несколько дней охватить весь спектр народного творчества. Познакомился я и с более ранними его публикациями. И, думаю, главный редактор «Гудка», присутствующий здесь, найдет возможность отметить творчество своего сотрудника первой премией, а заодно рассмотрит перспективу его карьерного роста.»

Из-за генеральского стола поднялся невысокий, худощавый, наполовину лысый, элегантно по-западному одетый и ухоженный мужчина. Сверкая золотой оправой очков и склонив голову, он ответил: - Я завтра после обеда вместе с вами уезжаю в командировку. Но утром подпишу приказ о премировании и извещении об этом на первой полосе ближайшего номера газеты. А о карьерном росте мы поговорим уже после моего возвращения. Через неделю.

Генерал назвал фамилию Алексея и еще нескольких журналистов. А Валентина, накрыв своей ладонью мою, лежащую на белой скатерти, тихо сказала: «Теперь я поздравляю!»

- Спасибо! – так же тихо ответил я.

- Ну, во-от! – протянул Женя. - А я-то губы раскатал! Думал, вместе поработаем. А теперь к тебе без предварительной записи не подберешься!

- Да, брось ты, Жека! Дожить надо! – неожиданно для себя вздохнул я, почему-то вспомнив свое трудоустройство в ЦДКЖ.

- Что так? – участливо заглянула мне в глаза Валентина. Но тут заиграл оркестр. И профессионально нежный по-дикторски голос объявил о начале бала. Все задвигали стульями. И я, конечно, пригласил Валентину.

- А вы умело ведете, - легонько сжала она мои пальцы, когда прошли пару кругов.

- В Высшем военно-инженерном училище, которое я закончил, учат не только стрелять или запускать и обслуживать баллистические ракеты…- улыбнулся я.

- О-о-о! Так я танцую с офицером?

- С бывшим гвардейским офицером! – вспомнил я на мгновение свое звание, мечты…

- Отчего у вас так часто меняется настроение? Две минуты назад вы нахмурились, как небо перед майской грозой… А сейчас – опять мягкий, улыбчивый и сердечный…

- Оттого же, отчего и майская гроза бывает краткой, а потом – солнышко припекает… - в тон ответил я.

- Ой, а вы – непростой человек!

- Это – мой главный недостаток.

- А достоинства?

- А вы расскажите о своих достоинствах…

Валентина прикрыла глаза, откинула голову и засмеялась. Потом вдруг резко погрустнела: «Мне кажется, что их у меня нет вообще…»

- Теперь вы, - словно майское небо перед грозой…

Она снова засмеялась. А я продолжил: - Мне кажется, что мы с вами в чем-то очень схожи…

- Как знать… Но лучше, когда люди – разные и дополняют друг друга.

- Тогда я постараюсь быть разным с вами…

- К чему вы это? – вдруг строго взглянула она.

- А вы?..

И она опять засмеялась. А мне нестерпимо захотелось коснуться губами завитка волос у нее на виске…

- Я, должно быть, неправильно выразился. Мне кажется, мы схожи судьбами, - продолжил я, сдерживая себя.

- Возможно. Я тоже думала об этом.

- Когда?

- Когда накладывала вам салат, - засмеялась опять она. И я понял, что лучше не продолжать этот разговор. А когда после танца подвел ее к столу, наши ладони соприкоснулись. И мы оба одернули их, словно от удара током.

- Мое платье, наверное, наэлектризовалось… Я отойду. Мне надо его обработать, - покраснела она, прихватывая со стула свою сумочку. И обратилась к землячке: «Галочка, ты не хочешь выйти?»

Я опустился на свое место. Женя перегнулся через стол ко мне: «Как ты ее вел! Похоже, весь зал любовался вашей парой! Да ты, похоже, влип! Влюбился! А?»

- Хлопцы! Что ж мы сидим? – вмешавшись, перебил Степан. - Давно налито! Давайте выпьем за дружбу двух великих братьев-народов: русского и белорусского!

- Уж, если – братьев, то - за братство! – поправил его Женя.

- Согласен, – кивнул Степан, - за братство!

И мы, чокнувшись, выпили. Начался новый танец, и ко мне подлетела Карина под руку с молодым человеком.

- Александр! – она вся цвела. - Вот это – Виктор! Мы пришли поблагодарить вас. Я завтра уезжаю с ним в Красноярск. И гори все здесь синим пламенем!

- А как же университет, перевод? – спросил я.

- Ой! Я решила быть просто женой! – радостно вздохнула Карина, прижимаясь к молодому человеку, - Ну-у-у, может быть буду работать в многотиражке… Если Витя разрешит… А может быть…

- Ну что ж, мир вам, совет и любовь! – пожал я руку Виктору.

- Давайте, выпьем за молодых! – предложил захмелевший Степан.

- Спасибо на добром слове! Но, знаете, я три рюмки уже выпил. И – хватит. Мне еще Кариночку провожать! – покачал головой Виктор. И они отошли от нашего стола.

- А что это за истрия с Кариной? За что она благодарила тебя? – спросил Женя. Но тут я увидел приближающуюся Валентину. Бросил в ответ на ходу: «Потом расскажу…»

И снова пригласил ее на танец…

…В вагоне мы сразу уложили захмелевшего Степана на полку, выпили «на посошок» белорусской самогонки и вышли на платформу. Женя курил с белорусами, а мы с Валентиной стояли и смотрели друг другу в глаза.

- Я постараюсь приехать в командировку… Нет! Я обязательно приеду… Если… вы – не против! – сказал я.

- Я – не против. - вдруг протянула она мне сложенный листок. - Здесь – мой адрес и телефон. Только…

- Что?

- Только, когда позвоните, не удивляйтесь, если услышите мужской голос. Я живу в трехкомнатной квартире с бывшим мужем… Мы развелись четыре года назад. С тех пор он занимает одну комнату, а мы с дочкой Маришей, - ей – девять лет, - две других… Коммуналка! – грустно хмыкнула она…. - Но пусть вас это не смущает! Мы с ним – совершенно чужие люди. Даже питаемся отдельно… Я находила варианты размена, а он ни на один не соглашается…

- Мне тоже надо вам много рассказать про себя, - начал, было, я.

- Не надо! Мне кажется, что я все знаю… Расскажете… Потом.., - положила она мне свою ладонь на грудь. Диктор по громкой связи объявила, что отправление поезда «Москва-Минск» по техническим причинам задерживается на тридцать минут. «Вот и еще полчаса Бог дал побыть вместе!» - радостно подумал я.

- Вот и еще полчаса Бог дал.., - сказала Валентина.

- Вы верите в Бога? – спросил я.

- У меня мама – глубоко верующий человек… А я? Я – крещеная пионерка, комсомолка… Разве ж это – вера? Конечно, Бог есть, я знаю! Когда бываю у мамы в Гомеле, хожу с ней в церковь. Но долго стоять там не могу… Маме одной трудно по хозяйству. А я приезжаю редко и ненадолго. Каждый раз надо успеть помочь сделать то, что она одна не может… - говорила Валентина, глядя мне в глаза.

- А Мариша, дочка?.. – спросил я. Валентина удивленно взглянула на меня и вдруг утвердительно сказала: «Вы любите детей…»

Но в это время объявили об отправлении поезда «Москва-Минск». И опять от ее ладони при рукопожатии горячая волна хлынула в мое сердце. Валентина последней из белорусов-студийцев вошла в вагон. И стояла на площадке, глядя на меня. Не махала на прощанье рукой, а просто смотрела… И мне показалось, что она хотела сказать: я не прощаюсь…

…Когда мы вышли из здания Белорусского вокзала, Женя спросил: - Ты сейчас куда?

- Не знаю… Хочу пройтись, - соврал я, боясь того, что Женя пригласит меня к себе, и это утрудит их с Татьяной.

- Ты съехал с той квартиры, где жил? – спросил он.

- Откуда ты знаешь?

- Догадался…

- Да, съехал.

- А родители?

- Я не вернусь к ним, пока не докажу, что гожусь на что-то, - мотнул я головой, - Надоело быть мальчиком в коротких штанишках! А мать видит меня именно таким! И смотрит на мою жизнь, как на подчиненную себе. И хочет, чтобы я измерял свою жизнь ее мерками! Но начнем с того, что она – женщина, а я – мужчина…

- А может быть, она просто слепо любит тебя?! Знаешь что, давай-ка, возьмем такси и поедем ко мне. Танюша знает, что я провожаю гостей праздника. И, если даже она заснула, мы сами устроимся. К тому же ее старики – на даче. Как в прошлом году, помнишь?

- Еще бы не помнить! – мотнул я головой…

- Да-а-а, у меня, кстати, - пять отгулов! И, честно говоря, я на Вожу собрался.

- Опять с Германом?

- Боже упаси! – засмеялся Женя. - Ну, что? Берем такси? У меня еще представительские деньги остались…

- Спасибо, брат! – улыбнулся я. - Усталость действительно перенакопилась… Боюсь даже не заснуть от переутомления…

- А мы молочка теплого с медком махнем! Это – лучшее и самое безвредное снотворное! Или коньячку?

- Нет! Молочка!

- А ты, Саха, действительно влюбился! Если мужик с устатку не хочет выпить, значит он либо заболел, либо влюбился… На больного ты не похож! – опять засмеялся Женя.

По пустой ночной Москве мы долетели до Сокольников минут за десять. Выйдя из машины, Женя сразу посмотрел вверх. Усмехнулся. Пояснил, кивая на зажженные окна: «Не спит…»

И действительно, когда он открыл ключом дверь, Танюша стояла в прихожей.

- Ты чего не спишь? – чмокнул Женя жену в щеку.

- Соскучилась! – прильнула она к мужу. Но тут увидела меня: «Ой! Саша! Привет! Давненько ты не заходил! Тут Женя заставил меня все твои публикации в «Гудке» прочитать! Молодец! Здорово пишешь! Но что ж мы стоим в прихожей?! Проходите! Сейчас я стол накрою!»

- Сделай лучше нам молочка тепленького с медком. Как снотворное! И постели Саше в комнате родителей. - попросил Женя.

- Устали, бедненькие, – покачала головой Татьяна, - я – мигом!

…Но заснуть я долго не мог… Поезд увез Валентину. Надолго ли? Или навсегда? Поезду еще везти ее и везти… В голове или в сердце сплетались стороки: -

«…Ему тебя всю ночь еще качать,
Баюкать, словно малого ребенка.
Мне – в комнате своей соединять
Углы шагами, вслушиваясь в звуки
За окнами…
А на стекле – печать
Луны…
За подписью разлуки…»

И только тогда, когда сквозь задернутые шторы пробилась вертикальная полоска рассвета, я окунулся в дремоту. Однако, скоро открыл глаза. Стрелки на часах показывали четверть десятого утра…

«Надо бы к отцу Валерию сходить!» - возникла и утвердилась мысль. Просчитав, что по времени успеваю к концу Божественной Литургии, я выскочил на кухню. Татьяна, что-то напевая, пританцовывала между обеденным столом и газовой плитой.

- Доброе утро, - полюбовался я ею, - а Женя спит?

- И-и-и! Ему долго еще не спать... А ты что поднялся? – улыбнулась она.

- Мне надо в одно место сбегать, - бросился я в ванную.

- Кофе будешь?

- Не-е-ет! Я позвоню часов в четырнадцать…

Отца Валерия я буквально перехватил выходящим из храма.

- Ну, рассказывай, лауреат! – широко улыбаясь, так же широко благословил он меня.

- Что? Анимаисса уже доложила? – спросил я, отвечая на улыбку.

- А то! Все уши прожужжала! Только учти: враг не дремлет! Сейчас могут такие искушения начаться!

- Боюсь, что уже начались, - хмыкнул я. И рассказал о лейтенанте КГБ Олеге, о Валентине, о возможности съездить на Вожу…

- Начнем с конца, - перекрестившись, задумчиво проговорил отец Валерий, - Отдохнуть тебе сейчас на Воже было бы неплохо. Тем паче, что и жить-то пока негде… Но я бы на твоем месте поначалу исповедовался и причастился Святых Тайн. Мало ли какие искушение нечисть тебе на Воже приготовит… Влюбился ты, брат! И крепко! И сказать тебе на это пока ничего не могу. Помолюсь в Алтаре. Тебе же советую пока никаких действий не предпринимать. Можешь позвонить, поинтересоваться: хорошо ли доехали все студийцы? А вот с твоим комитетчиком могут возникнуть осложнения… Если, как ты говоришь, он угрожал и смотрел потом ехидно… Ну, да ладно! Не будем подсказывать лукавому и кликать беду на наши грешные головы. Будем молиться… Вот, и приступай, начиная с исповеди и Святого Причастия.

- Но я же не постился!

- У тебя сегодня весь день - в запасе! С Богом! Мне еще болящего исповедовать.., - благословил он меня и зашагал от храма. А я поехал в отдел вневедомственной охраны. Там Василько радостно обнял меня: «Ну, что? Завтра можно ставить тебя на дежурство?»

- Погоди! Я хотел бы попросить отпуск за свой счет. Почитай, - неделю спал урывками! Хочу съездить в Рязанскую область, на Вожу, отдохнуть. Приеду, расскажу о празднике…

- Ну, об этом мы всей семьей перед вечерним правилом читали в твоих статьях. Мария специально каждое утро до газетного киоска бегала! А насчет отпуска… Напрягаешь ты меня, брат! Ну, да что ж делать… Валяй, пиши заявление! Сдается мне, что уйдешь ты скоро из отдела в дальнее журналистское плавание. И пожелаем мы тебе попутного ветра и семь метров, - или как там, футов, что ли? – под килем.

Из отдела я позвонил Жене. Спросил: «Возьмешь меня с собой на Вожу»?

- Ур-ра! – послышалось в трубке, - Танюша! Мы с Сашей едем! Его с работы отпустили! Так, Саха, сегодня ночуешь у меня! И завтра на первой же электричке ма-а-ахнем!

- Хорошо, сейчас приеду и обо всем поговорим. - ответил я, раздумывая, как бы объяснить Жене, что должен исповедаться и причаститься.

«Господи! Помоги!» - воззвал в сердце своем… Звонить Валентине я не стал. Подумал, что, должно быть, отсыпается с дороги! Зачем будить? А вечером, за ужином у Жени, перед началом обсуждения нашей поездки, я сказал: - Давай, поедем на второй электричке. Она идет где-то около одиннадцати. У меня еще - одно дело в Москве.

- Что-то случилось? И почему ты колбасу не ешь? – спросил он.

- Ничего не случилось. Просто мой духовник благословил исповедаться и причаститься.

- А это еще зачем? Я понимаю, там – на Пасху или Рождество… А посреди года, да еще на неделе…

- Женечка! – вмешалась Татьяна. - Это даже лучше будет! Ты же забыл колбаски купить… Сырку «Российского». Дядя Леша его так любит! Приедете после обеда. Пока за столом посидите. Ляжете пораньше. Выспитесь. Во-он, какие вы серые от усталости! А утречком – на рыбалку! Ты же сам говорил, что Саша в прошлый раз все покупал. Теперь – твоя очередь. Он в церковь пойдет, а ты – по магазинам. И в четыре утра вставать не понадобится.

Женя помотал головой. Задумался.

- Лады! Уговорили! А я смотрю: Саха ни колбасу, ни мясо, ни шпроты не есть… Выпить отказался… Одного рюкзака нам хватит. А сапоги твои где? – сменил он тему разговора.

- Я их у дяди Леши забыл в прошлый раз.

- Когда вещь где-нибудь оставляешь, обязательно туда вернешься. Рано или поздно… Тогда тебе пораньше сегодня, - перед церковью, - надо лечь спать. Давай закругляться… Доброй ночи.

И я ушел в комнату родителей Тани, где спокойно вычитал Правило ко Святому Причастию.

Москва встретила меня мягким, пушистым, величиной с голубиное яйцо, снегопадом. Стояли сумерки. Но, казалось, снег, накрывший улицы, истбы, терема, кремлевские стены и башни, да и самые крыши храмов, освещал округу и подсвечивал золотые купола и кресты церквей. На улицах было многолюдно. Москва готовилась к Рождеству Христову. И первым, кого я увидел, въезжая в ворота Кремля, был… мой Георгий. Он стоял в вышитом полушубке, под которым виднелся доспех, в сдвинутой набекрень новой нарядной шапке, с красивой саблей у пояса. Сын что-то строго выговаривал пожилому ратнику, стоящему в стороже у ворот. Но, увидев меня, поначалу опешил. Потом улыбнулся собеседнику, сказал что-то, ободряюще махнув рукой, и кинулся ко мне: «Отец!»

Я спешился.

- С приездом! – обнял меня Георгий, - Все ли благополучно? Здоров ли?

- Слава Богу! Как ты? Как дома?

- Слава Богу, все здоровы. А я, вот, видишь, сторожу проверяю. Моя чреда. Так что, сегодня не увидимся. Не повечеряем.

- Ну, что ж?! Ступай, служи с Богом! – хлопнул я его по плечу.

- А ты сейчас…

- К Великому Князю. Надо доложиться. - вскочил я в седло.

- С Богом!

Великий Князь внимательно выслушал меня. Кивнул: «Отдыхай. Понадобишься – кликну…»

Я поклонился. А Димитрий Иоаннович обратился ко князю Володимиру Ондреевичу: - Поехали в Симонов.

- На ночь глядя? – вскинул брови тот.

- Именно! На ночь! Разговор-то – не для посторонних глаз и ушей…

…Алла выбежала на крыльцо. И, едва я успел спешиться, кинулась ко мне на плечи, не стесняясь людей, исцеловала мне лицо. Прошептала: «Ох, истосковалась же я, любый мой, по тебе!»

Упала на колени, стала целовать руки…

Дома Ольгушка не знала, куда усадить, чем угостить. Постным, конечно… Малыши сидели у меня на коленях, агукали, теребили пуговицы и застежки на кафтане, дергали за бороду, играли моими пальцами. А я блаженствовал. Но спал, конечно, на своей половине: пост.

Рождество Христово светилось восьмиконечными звездами в небе и на длинных шестах в руках калядующих. Мы отпустили Ольгушку под присмотром старшей дочери князя Герасима, Анастасии. Разговлялись со всеми домочадцами. Я слегка захмелел. Но это только смешило Аллу, и она даже подыгрывала мне… А в конце веселой трапезы в горницу влетела растрепенная, заплаканая Ольгушка.

- Настюшка пропала! – крикнула она и зарыдала. Хмель и веселье как ветром сдуло. Алла, Георгий, Афанасий, Ивашка, Панкрат, остальные застольщики кинулись к дочери, перебивая друг друга, расспрашивали… Я раздвинул всех. Опустился перед Ольгой. Взял ее личико в ладони.

- Так. Умирись. Успокойся. Говори толком: как она пропала, где, когда? – сдерживаясь, и как можно спокойнее, произнес я.

- Мы ходили-ходили… Славили Христа, - всхлипывала Ольга, - и уже по полмешка каждый накалядовал… А тут кто-то из отроков… Тишка Бубенец, по-

моему… говорит, мол, пошли в посады, там заморские купцы… бога-а-атые живут… Я – ему: куда, мол, еще?! Итак, много… Настюшка – тоже, мол, - хватит! Пошли ко мне в терем делить… Хочешь, говорит Тишке, я тебе свое отдам? А остальные давай кричать: пошли, пошли… Настюшка тогда говорит мне, мол, я не могу их оставить… Я – старшая… А Тишка засмеялся, мол, да, и - самая красивая… Тебе, мол, больше всех дают… Ну, и выбежали мы из Кремля… Да вниз покатились к Москве-реке… Там еще накалядовали… Зашли в какой-то прогон… А там – дома темнющие! Непраздничные… Тишка как зазвенел своим голоском славу Христу! Тут – мужик какой-то… Не наш… Не русьский…А, мол, говорит, деточки… Бога славите? Пойдемьте-пойдемьте, одарю… Оглядел нас всех, - пристально так, - точно в каждого из самострелов дяди Ондрея и Георгия выстрелил… И так за плечико Настюшку обхватил… Та смеется, а он ведет… Я пригляделась! Мужик-то – страшный, что нечисть какая - из сказки! Нос – длинный, крючком, до подбородка достает. А подбродок вперед вылез - нос обгоняет! И тут вдруг – ветер! Снег весь, показалось, вверх из сугробов поднялся! Закружился! Мы лица-то от него позакрывали… А через миг все стихло… Но ни мужика, ни Настюши рядом нет! Мы – кричать, звать… А тут хозяева домов на нас ругаться начали! Собаками затравить заобещались… Мы едва выбрались из этого посада! И – бегом! Я-то – домой, сюда, а остальные - в терем дяди Герасима…

И Ольгушка опять зарыдала… Я оглядел всех. Алла плакала. Афанасий задумчиво сжал в ладони бороду. Георгий потемневшими глазами глядел куда-то мимо всех… Дверь в горницу распахнулась. В ее проеме стояли князья Герасим и Ондрей с саблями на боку… За ними толпились мужики… На князе Герасиме не было лица. Князь Ондрей глядел сосредоточенно и скорбно.

- Все знаю, - подбежав к ним, обнял я князя Герасима и, обернувшись к своим, крикнул, - Афанасий, Георгий, Панкрат, все мужики! Одеваться! Сабли возьмите! Ольга, приберись! Пойдешь с нами…

- Куда ж детё-то? – всплеснула руками Алла.

- Дорогу покажет. А ты с бабами молись пока!

Возле терема, как я понял, собралась вся дворня князя Герасима.

- Так! – крикнул князь Ондрей, - Выйдем из Кремля, чтобы – ни одного слова. Идти тихо!

- Отец! – уже шепотом обратился Георгий, - Я кликну троих своих молодцов? Мы как раз мимо проходить будем…

- Только быстро! Сам не мешкай! А они пусть догоняют! – ответил я.

Мы спустились в посады. Отрок, которого Ольга назвала Тишкой, сказал: «Теперь – налево.»

- Нет, направо! – топнула ножкой дочь, - Ты, Бубенец, только звенеть попусту можешь! А я помню: направо! Налево – свет в домах! Люди Христа славят! А направо, глянь, - темень! Там тогда так же было!

Я взглянул на князя Ондрея. Тот кивнул направо. Действительно, в этом посаде окна были темны.

- Иноземная слобода, - шепнул князь Ондрей, - нехристи! Чужой здесь народец! Злой! Жадный! У них обмануть русьского – за доблесть почитается.

Афанасий тронул меня за рукав. Я обернулся.

- Княже, - молвил он, - я так разумею: ломиться сразу – не след! Оглядимся.

Я кивнул. Тогда он и Панкрат сцепили руки. На них вскочил Ивашка. Держась за головы, огляделся. Спрыгнул обратно.

- Во-он! - указал он рукой, - В дальнем амбаре свет теплится под стрехой…

- С чего бы это? – хмыкнул Афанасий. - В истбах – темень, а в амбаре – свет…

- Ну, вот что, - вступил тихо в разговор князь Ондрей, - я, Афанасий, Панкрат, Ивашка и еще двое твоих, князь Герасим, - посмекалистей, - идем к амбару задами… Все остальные ждут нас здесь.

- А я?! – вскинулся Георгий.

- И тебе повелеваю здесь остаться! – строго сверкнул на него глазами князь Ондрей. И шестеро скрылись в ближайшем прожеге.

Князь Герасим сдерживал дрожь. Георгий, присев на корточки, закрыл лицо ладонями. Остальные стояли молча. Все смотрели в сторону дальнего амбара. Однако, ждать пришлось недолго. Наконец, из прожега появились князь Ондрей и Панкрат. Все обступили их.

- Там Настасья, - выдохнул князь Ондрей, - только теперь слушайте все меня. Подойти надо тайно. Сторожу эти нелюди выставили. Но мы ее убрали…

- Порешили? – спросил кто-то.

- Нет. Слегка прибили и связали… - хмыкнул князь Ондрей. - Окружаем амбар. Возьмите бревно – ворота придется выбивать. Врываемся и сразу, – вдоль стен, – к столу, что в самом конце амбара. Его и надо окружить, закрыть собой княжну! Михаил, бегом – в Кремль! Веди сюда Великокняжескую сторожу. Да не забудь колодки прихватить… Одна нога – там, другая – здесь!

- Да скажи ты, наконец, толком! – почти воскликнул князь Герасим.

- Некогда! Спешить надобно! Ну, вперед! С Богом! – и князь Ондрей первым, перемахнув через невысокий забор, побежал вглубь двора к амбару. Остальные последовали ему. После первого же удара торцом бревна по воротам амбара они слетели с петель. Внутри оказались несколько десятков жителей иноземной слободы. У дальней стены располагался стол, на котором к низкому кресту, стоя на коленях, была привязана княжна Анастасия. Даже без рубашки. А над ней с тонким, как игла, кинжалом навис старик в полосатой накидке на голове. Лицо его, хотя лицом эту отвратительную сладострастно оскаленную рожу назвать было трудно, застыло от неожиданности нашего вторжения. На русьских иконах такими уродами изображают только бесов.

- Всех порублю! – размахивая саблей, громыхнул князь Герасим. Он подбежал к дочери и прикрыл ее наготу своим полушубком. А князь Ондрей двинул кулаком в выдвигающийся вперед подбородок старика, отчего у того вылетел из руки и воткнулся в стену кинжал…

- Связать его! – повелел князь Ондрей. Иноземцы, скучившись, испуганно жались друг ко другу и что-то лопотали. А мужики недружелюбно окружили их, сжимая в руках сабли и топоры. Князь Герасим разрезал путы на руках и ногах дочери, поднял ее, рыдающую, и прижал к себе.

- Вяжите теперь всех! – повелел князь Ондрей, указывая на иноземцев. И мужики принялись за дело, при этом, как бы случайно, награждая то одного, то другого полоняемого тумаками.

За воротами амбара послышались голоса. И скоро появились ратники городской сторожи. С ними пришел и пожилой дьяк.

- Князь Ондрей! – воскликнул старший вошедших. - Я уж хотел сотню с собою брать. Но, как услышал, что здесь ты с князем Герасимом, так подумал, что и десятком управлюсь!

Князь Ондрей не ответил шутку. Тогда заговорил дьяк: «Это произошло на нашей, Русьской Земле! Значит, и судить их надо по нашей Русьской правде! Значит, судить должен Великий Князь или кто-то по его благословению. Но – су-дить!

Дьяк внимательно огляделся. Выдернул из стенки кинжал. Приподнял одну из многочисленных плошек, расставленных вокруг креста… Я только теперь обратил на них внимание, впрочем, как и на другие несколько кинжалов, - разной величины и формы, лежащие тут же.

- Так-так-так.., - раздумчиво проговорил дьяк, взглянув на обнаженную, но прикрытую княжну Анастасию, - а мы-то думаем-гадаем, откуда младенчики, да невинные отроки и отроковицы исколотые да обескровленные по Москве находятся… Этих – в колодки, - кивнул он на иноземцев… - в Кремлевском подземелье дознаемся…

Ратники развязывали иноземцев, но тут же заковывали их в колодки. Те причитали: «Нас насильно заставили…»

- Мы – ни при чем…

- Мы – бедные, подневольные…

- Пожалейте…

- Помилосердствуйте…

- Нас итак везде гонят…

- У нас дети малые по домам спят…

Князь Герасим ринулся на них, подняв саблю: «А моя дочь – не дитё?»

Но ратник заступил ему дорогу…

Я вглядывался в иноземцев… Неприятные лица… Длинные, у кого-то крючковатые, - даже у молодых баб, - или наоборот вплюснутые в щеки, с широкими ноздрями, носы… Оттопыринные губы, - то ли от брезгливости, - только к чему, к кому?! – то ли отвращения к самим себе… В собственных душах… Даже красота у некоторых, - редко! – баб была какой-то слащавой, чрезмерной, чуждой всему моему существу… А дьяк, перебирая плошки, качал головой: «Что ж за нелюди такие: кровь людскую по капельке сцеживать и пить всем скопом…»

Вдруг среди иноземных баб я заметил знакомое лицо! Да-да! Я не мог ошибиться: это была бывшая служанка Аллы, обернувшаяся волчицей, загрызшая Филиппа, - Царствие ему Небесное! Я подошел к Афанасию и взглядом указал на нее. Тот ринулся к иноземке: «Ведьма! Оборотень!..»

Но в этот миг старик, верховодивший колдовским сборищем, взвизгнул, обернувшись хорьком, выскочил из, ставших свободными, пут, взвился вверх по стропилам и исчез где-то под самой крышей амбара. А бывшая служанка моей жены… вновь обернулась черной волчицей. Наши все оцепенели… Она же, ложно бросаясь то на одного, то на другого, выскочила из амбара. Один ратник успел выстрелить из лука, но промахнулся… И мужики, и ратники, и дьяк, даже кое-кто из колодников не могли даже двинуться. Георгий и князь Ондрей застыли, наполовину выдернув из ножен сабли. Князь Герасим развернулся, прикрыв собой и крепко прижимая к себе дочь… Но некоторые из колодников стояли, гордо вскинув головы и кривя в усмешке губы… Первым пришел в себя дьяк. Он перекрестился. Вздохнул. Кивнул ратникам на иноземцев: «Этих сей же час – в самое низшее подземелье! А гнездилище это поганое, колдовское – сжечь! Немедля!»

На улице зазвенели бубенцы. В амбар вошел один из людей князя Герасима и протянул ему узелок, как я понял, с одеждой для княжны Анастасии.

- Ольга, – крикнул я, - помоги одеться! Всем выйти отсюда.

Только князь Герасим остался стоять в воротах амбара, лицом на улицу. Колодников увели.

- Экая нечисть на Москве объявилась! – пнул снег князь Ондрей.

- Похлеще орды! – кивнул Афанасий.

Когда тройка с князем Герасимом и княжной Анастасией ускользила, я легонько шлепнул дочь свою по заду: «Теперь будешь знать, как из Кремля выходить?!»

- Прости, тятенька…

- Накалядовались?! – обратился теперь князь Ондрей к остальным отрокам и отроковицам, тоже успевшим прибежать сюда. Те, опустив головы, только сопели в ответ…

- Пошли по домам! – прикрикнул на них Афанасий. И мы большой толпой двинулись вверх ко Кремлю. И тени наши от зарева высокого пожарища в иноземной слободе скользили перед нами.

- Я зайду к Настеньке? – спросил Георгий, когда мы проходили мимо терема князя Герасима.

- Куда?! Дай же ей отдышаться немного! Придти в себя! Сколько бедняжка претерпела! – мотнул я головой. Сын послушно поплелся сзади. Зато князь Ондрей, зная, что княжна Ирина сейчас наверняка в тереме, наскоро попрощался и зашел туда.

Дома, оставшись с Аллой наедине, я все рассказал ей. Жена слушала со слезами на глазах. А когда я упомянул о волчице-оборотне, моя княгиня схватилась за сердце: «То-то она мне в последние ночи поста снилась! Я уж бояться стала, что эти нелюди тебе опять что-то учинить собираются… А увидела тебя – и отлегло! А они – во-он чего затеяли! Как же так можно?! Кровь невинных душек!.. Вот и отпускай теперь деток одних! И в свой-то сад – боязно!»

- Ну-ну! – погладил я ее по плечу. - Сама говоришь, молитва нужна! Су-гу-бая! О-ох! Как же вся нечисть на веру нашу святую ополчилась!

- …А ты говоришь, хорек этот и волица улизнули?

- Ушли…

- Значит, пакостить не перестанут! – перекрестилась Алла, - ***Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!..***

На Москве зазвонили к Утрени.

- Ты ложись! Отдыхай! Я в собор пойду за всех нас помолюсь, - погладила она меня по щеке, - А вернусь, навестим князя Герасима…

- А-а-а, - махнул я рукой. - Ночь-то какая была! Отдыхай… Поспи…

- Надо сугубо помолиться! Сам же повелел! – встала она.

- Ратница ты моя Христова! – обнял я жену и перекрестил.

Но только она вышла, ко мне влетел Георгий.

- Благослови навестить Настеньку! – с порога жарко проговорил он.

- Ты почему не отдыхаешь? – старясь сдержать улыбку, спросил я.

- Не могу я ни спать, ни есть, ни пить, ни сидеть, ни лежать, - продолжал он уже с унынием.

- А что ты сейчас делал?

- Ждал, пока один из вас выйдет…

- Ступай к себе! Княгиня Алла пошла в собор. Когда вернется мы все вместе сходим и навестим князя Герасима и болящую княжну, - стараясь выглядеть построже, повелел я.

- Так, может быть, и я – в собор? Помолюсь о здравии Настеньки… и всех нас?

- Отдохнул бы, сынок!

- Да не отдыхается мне, отец!

- А если княжна Анастасия еще не оправилась от всего случившегося? Как сторожу-то нести будешь? С какими думками? А? Ты же – ратник! Муж! Ты должен быть силен духом!

- Да, отец, ты, как всегда, прав! – вздохнул Георгий.

- Вот и славно! Вот и ступай к себе. Помолись покрепче! Да ляг, попробуй поспать… - наконец, открыто улыбнулся я. Сын поклонился и ушел, тихонько прикрыв за собой дверь. А я, довольный за него, тут же провалился в сон.

…- Ах, ты – лежебока! – слегка касалась своими губами моих княгиня Алла. Я открыл глаза. Она – румяная, пахнущая морозцем, нависая надо мной, сидела рядом. И была такой красивой!

- Поднимайся, любый мой! Выпей слабого медку, можешь немного ромейского… Закуси пирожком с гусиной печенью или с зайчатинкой. И пойдем

навещать князя Герасима с его семейством. Я уже корзинку с гостинцами собрала… Вставай-вставай! А то Георгий скоро все полы в тереме насквозь протопчет…

Я рывком поднялся. Обнял жену. Повалил ее…

- Нет-нет-нет! – засопротивлялась она, сдерживая себя. - Не надо менять задумок! У нас все Святки – впереди! Я слышала, что тебя до Богоявления никуда послылать не будут… Это Великая Княгиня Евдокиюшка за тебя слово замолвила…

- Что-о-о?! – я чуть не подпрыгнул…

- Просто, перед Рождеством, когда меня дурные сны замучили, она сама спросила, мол, почему я такая унылая… Не стану же я лгать Великой Княгине! И когда она узнала, сама сказала, что нам надобно просто подольше побыть вместе… Обычные бабьи разговоры… Но на следующий день сообщила мне, что Великий Князь пока никуда тебя посылать не будет. И я подумала: не махнуть ли нам со всей семьей в подмосковную? Георгия я у князя Ондрея выпрошу через Иришу…

Я не знал: сердиться мне или радоваться. Слов не находилось. А жена продолжала: «Ну, не смотри ты на меня так, сделай милость! Я же – твоя, как и - Отчина! Ну, и если – на следующем месте после нее, удели и мне внимание… Тем паче, Великий Князь сам согласился, что в последнее время слишком утрудил тебя… Если бы он не сказал так, и я бы молчала.»

- Ладно, - мотнул я головой, - давай собираться ко князю Герасиму. Ольгушка готова?

- Да-а-авно! – заулыбалась Алла. Она вышла. А вместо нее влетел Ивашка, чтобы помочь мне одеться.

- Да-а-а, - как бы между прочим протянул он, - такая ночь была! А когда все мы это колдовство увидели, так, словно в аду побывали…

- Учимся помаленьку ворога иного распознавать… А как бы ты посмотрел, если бы я тебя во взрослые ратники определил? Да, хотя бы ко князю Ондрею… Самострельщиком! А?

Ивашка вдруг замер. Потом упал на колени: «Да чем же я тебя, княже, прогневил-то?! Почто гонишь?»

Я не ожидал такого. Расстерялся. Попытался поднять его: «Да что ты?! Что ты?! Я тебя очень даже люблю! Я просто подумал, что тебе так лучше будет…»

- Мне хорошо там, где – ты! - твердо сказал Ивашка. - У всех должна быть своя служба, данная Богом, через князя. Иной – рубаху шьет, иной хлеба печет… То-то и - оно! Каждый должен быть там, куда Господь поставил… И делать свое дело для Бога! Не «словно для Бога», как иные глаголют, а именно – для Него!

Я мотнул головой. Промолчал. Решил больше не заводить этого разговора. И подумал: «И то – дело! Пусть растет смена Афанасию».

…И хотя глаза домочадцев князя Герасима едва просохли от слез, в тереме вновь поселилась радость. Мы христосовались, одаривали друг друга Рождественскими гостинцами. Георгий, оглядываясь, крутил головой. Князь Герасим переглянулся с женой. Улыбнулся. И сказал: «Прошу к столу, дорогие гости! А Настасьюшку сейчас принесут. Слаба еще. Хотя и оправилась от своего, - ох! – приключения.»

Георгий весь засиял. Ольгушка снизу, искоса, хитро подхихикивая в кружевной платочек, поглядывала на брата. Я погрозил ей пальцем. Она склонила головку набок, опустила глазки, посмотрела в сторону: мол, а я что, - я ничего…

Княжна Анастасия полулежала бледная за столом, но уже улыбалась.

После молитвы, тропаря Рождеству Христову, поднятия чар во благодарение Господу, Пресвятой Богородице и всем святым, мы выпили во здравие Великого Князя с его семейством, хозяев дома, всех православных христиан. Слегка закусили… Княгиня Алла вдруг заговорила: «Мы, вот, в подмосковную собрались… В конце Святок. Так, может быть, и княжну Анастасию с нами отпустите? Свежий воздух.

Молочко. Мясушко парное… Княжна здоровьюшко поправит. А ты, князь Ондрей, не отпустишь ли княжича Георгия на две-три седмицы? Да и сами бы с княгиней Ириной приехали погостить… А?»

Ольгушка выпрыгнула из-за стола, прильнула ко князю Герасиму, втиснулась между ним и его княгиней, запричитала: «Князюшко-батюшко, княгинюшка-матушка, отпустите, родненькие, ради Христа, Богородицы, всех святых… Там хорошо!.. Уж, куда лучше, чем здесь, на Москве, среди нянюшек, мамушек… И мне подружка добрая… И Георгий меньше насмешничать станет… Отпустите! Сделайте милость!»

- Ольга! – строго одернул я дочь. - Ну-ка, сядь на место! Кто позволил встать из-за стола?! Иначе никогда больше с собой на взрослое застолье не возьму!

Дочь погладила по рукавам князя и княгиню. Пискнула: «Прости, тятенька!»

И, пустив голову, поплелась на свое место. Княжна Анастасия покраснела и тоже опустила глаза. Князь Герасим вздохнул: «Ну, что ж… Ваша правда. Мне – нельзя. У меня – служба. Княгине - тоже не желательно: на сносях… Ну, что, мать?»

- Как скажешь… - вздохнула и княгиня. - И как долго пробыть в подмосковной собираетесь?

Я пожал плечами: «Седмицы две-три, не больше. Перед Сретеньем Господним должны быть в Москве.»

- Ну-у-у, на такой срок я могу княжича отпустить, - кивнул князь Ондрей.

- Надежная охрана! - хмыкнул князь Герасим.

- Да я бы их всех сегодня ночью разом бы порубал.., если бы князь Ондрей не сдержал! – вскипел мой сын.

- А сдержал я тебя потому, что этих нелюдей судить надобно! Прилюдно! И казнить прилюдно, чтобы другим неповадно было! Ну-да, хватит об этом! – взглянув мельком на побледневшую вдруг княжну Анастасию, рубанул ладонью воздух князь Ондрей.

- Поезжайте с Богом! – кивнул князь Герасим.

- Ой! Спаси тебя Господи, дядя Герасим! – прозвенела Ольга. А я опять строго посмотрел на нее. Теперь вместе с княжной Анастасией покраснел и Георгий. Ни я с Аллой, ни князья Ондрей и Герасим с женами не смогли сдержать улыбок. И веселое застолье продолжилось.

…- А княгиня-то Ирина у нас уже непраздная! – сказала мне Алла, когда мы укладывались спать. - Заметил?

- Что ж я буду на животы чужих жен глазеть, когда у меня своя есть?! – обнял я ее.

- Хочешь, еще рожу? – ответила она на мою ласку.

- Дал бы Бог!..

…Утро нашего отъезда в подмосковную выдалось тихое и ясное. Легкий морозец только взбадривал. Я, Георгий, Афанасий, Ивашка и еще несколько мужиков ехали верхом. Алла с малышами и Ольгой, укутаные в шубы и медвежьи шкуры, - в санях. По дороге заехали за княжной Анастасией. Она, обменявшись взглядами с Георгием, забралась под медвежью шкуру к Ольгушке. А сзади к нашим саням с кормилицами, няньками, дворовыми присоединились и ее сани.

Снег скрипел под полозьями. Кони бежали резво. А солнышко играло всеми своими цветами на душе, словно на снегу. Остановившись один раз в попутном посаде, мы наскоро потрапезничали и к вечеру были уже в подмосковной.

Нас ждали. Богато убранный стол был заставлен свежатиной. Небольшой терем вместил всех. Но прежде, чем отужинать, мы отслужили Всенощную в маленькой деревянной церквушке. А уж потом собрались в трапезной, обогреваемой большой печью, выходившей углами и стенами сразу во все покои и светелки. После обильного ужина Афанасий по просьбе детей принялся рассказывать свои житейские истории,

которых у него было безсчетно!.. Но вскоре я заметил, что почти все, приустав с дороги, задремали… Поэтому отправил их спать.

Утром княгиня Алла в сопровождении Ольги и княжны Анастасии отправилась проверять свое хозяйство. А мы с Афанасием собрались объехать владения, побывать у крестьян, осмотреть маслобойню, конюшню, псарню, скотный двор.

- Пора бы и княжича приучать хозяйствовать… - как бы самому себе молвил мой добрый староста.

- Добро. Зови, - кивнул я. Георгий явился незамедлительно.

- А я уж и сам хотел, было, проситься с вами, - сказал он, между тем поглядывая на двери девичьих покоев.

- Ты не смотри туда! – хлопнул я его по спине. - Княгиня и обе княжны давно на дойке!

- Да? Ну, тогда поехали. Я готов. - пожал он плечами.

- Го-о-отов! – хмыкнул Афанасий. - В твоих сапожках, княжич, только в стороже по стенам Кремля бегать! А здесь нужны ва-лен-ки! Иди! Переобувайся! Они у печки в твоей светелке стоят.

Георгий почесал затылок и вернулся к себе. Но тотчас вышел, одетый и обутый по-деревенски. Объехав свой небольшой удел, я пошел по крестьянским истбам. Выведывал, как живут, всего ли в достатке…

- Работают перед Богом! Оттого и – достаток! – подытожил, выйдя из последней истбы, Афанасий.

- А мы - для них? Перед Богом? – спросил я.

- Сам же видел, княже! Ладно живут твои мужички!

Я не мог не согласиться. Афанасий же продолжал: «В прошлый мой приезд сюда приходит ко мне один здешний, Пафнутий Сом. Мужик работящий, - ничего не скажу! Но деток у него – аж одиннадцать душ! Во! Говорит, мол, коровенка пала… Взял я грех на душу: повелел из твоего стада самую молочную выделить ему… Уж, прости!»

- Какой же это – грех, добрый мой староста?! – улыбаясь, обнял я его за плечо. - Коли работящий, так подкинь еще какой животинки!

- Баловать-то – тоже негоже! – мотнул головой Афанасий.

- Баловать и миловать – разные вещи! – уже серьезно сказал я, - Узнай, в чем у Пафнутия и других, - работящих! – нужда и окажи милость! А теперь скажи: есть ли у нас бездельники?

- И-и-и! – махнул рукой Афанасий… - Тех, кои были, мужички сами изгнали. Не хотим, говорят, за вас хребты ломать! Я ведь как поставил? Здесь труд каждого зависит от труда соседа. И если один свою работу не выполнит, вся цепочка хозяйствования рвется. Может быть, что и не так?..

- Так! Так, староста! Это – по-русьски! – улыбнулся я. Георгий ходил за нами. Прислушивался. По его глазам было видно, что пытается размышлять. Я радовался за него…

- Завтра пойдем опять по истбам. С княгиней и княжатами. Рождественскими гостинцами одаривать будем. Ты на всех заготовил? – спросил я Афанасия, когда мы подъезжали к скотному двору.

- На всех-то – на всех… Только…

- Что?

- Да народились за два месяца аж пятеро живулечек! А мне никто и не сообщил!

- Ладно! – засмеялся я. - Найду, чем одарить! Ты только перед входом в истбы, где есть новорожденные, напомни!

К сумеркам мы объехали все. И когда подъезжали к терему, Афанасий вдруг спросил: «Ну, что, княже, скажешь? Как тебе хозяйство твое приглянулось?»

«На похвалу, что ли, напрашивается? – подумалось мне. - Непохоже на него»…

- Нет, княже, ты скажи! Что – хорошо, я и сам ведаю! А ты скажи, что – худо! – продолжил Афанасий. Я, обрадовавшись в душе, пожал плечами: «Даже и не ведаю! Не заметил.»

- Ну, слава Богу! – перекрестился староста.

За трапезой Ольгушка не умолкала: «Ой, тятенька! Там такие коровы! Тетка Татьяна дала мне подоить, так Белка кисточкой хвоста так не-ежненько - по лицу, словно поблагодарила… А губы у нее, что твой мякиш хлебушка пшеничного… А свинки какие чистенькие! Вот и верь потом, когда неряху свиньей называют… Это - у нерях только свиньи - грязные!..»

Я улыбался, глядя на Аллу. Она отвечала тем же…

- Доброе хозяйство, – подтвердила жена, - и люди – добрые!

- Слава Богу! – перекрестился я.

- Кстати, любый мой, - потупив очи, заговорила Алла, когда мы остались одни в опочивальне, - прости мое неразумие бабье, но мне кажется, что ты обязательно должен навестить Татиану с чадом… Одарить. Посмотреть как живет, как растет княжеское семя… И не стыдись ты меня! Мы ведь уже говорили с тобой… Все произошло до меня. Ты покаялся… А?

Мне стало стыдно. Как же я забыл? Жена права. И как благородна! И как добра! Я обнял ее. Прижал к себе.

- Спаси тебя Господи, ладо моя! Какая же ты у меня чудная! Как я благодарен Богу за то, что он даровал мне тебя!

Следующий день был воскресным. Поэтому мы начали его с Утрени и Божественной Литургии в нашей маленькой церковке. Для нас, естественно, место нашлось. Мы стояли у самого правого клироса. А вот многие из крестьян всю службу мерзли на холоде перед входом в храм.

- Ты спрашивал вчера, что плохого в нашем хозяйстве? – начал я, когда мы с Афанасием вышли после службы на воздух, и показал на церковь. - Вот, староста, не хватает людям места, чтобы помолиться. Надо либо пределы пристраивать, либо новый храм возводить. Но теперь уж – каменный!

- И-и-и! Княже! Время-то нынче какое! Я и от тебя, и от князей Ондрея да Герасима слышал, что вся Земля Русьская ко главной сече с Мамаем готовится. Тут деньги на оружие нужны! И немалые! У нас – во-он каких скакунов выращивают, да натаскивают… Сам же повелел: для конницы! Опять же, мужиков вооружать придется в кольчуги да шеломы облачать… Я тут удумал их бою на мечах обучать. Гришка-то Обруч без левой руки с Вожи вернулся. Но правой так рубится, - трое не устоят супротив него! Ты ж не велел его к работе привлекать. Велел и яства, и одежку выдавать и ему, и домочадцам…

- А ты как хотел? Он за этих мужиков, за Веру нашу, Великого Князя и Землю Русьскую руку потерял! Заслужил жить в достатке! Ты, кстати, поручил остальным надел его вспахивать, сеять, убирать?

- Все выполнил, как велено… Но я дерзнул привлечь его обучать мужиков наших ратному делу…

- А вот это – правильно! Ну, и как?

- С Божией помощью!

- Добро. Ты к мужикам и отроков постарше поставь.

- Так вот… Я – про новую церковь… До нее ли – перед главной-то сечей?

- Сеча – сечей. Но без молитвы, молитвенной Небесной помощи мы эту сечу никогда не выиграем! Вроде ты в этом – мудрее меня… А тут? Великий Князь Димитрий Иоаннович оружие у иноземцев покупает! Лучших кузнецов, других ремесленников, кои для ратников полезны, и в Москве, и под Москвой собрал! А те работают день и ночь. И это – все деньги и немалые. Однако, храмы и монастыри он все равно возводит! И на возведенных - кресты и купола золотит! И ризы богатые для

чудотворных икон заказывает. От жиру? Не-е-ет, дорогой мой! Поверь, все богоугодные дела окупятся сторицей на главной сече… Значит, решено: подумай, как нам большой каменный храм возвести, а к лету заготовь и высуши лес для расширения этой церкви… Посоветуйся с местным попом, во имя каких святых пределы возвести. В Москве попроси отца Антония помочь тебе составить прошение на имя митрополита Московского о благословении возведения нового каменного храма, - пояснял я.

- Есть у нас сухой лес, - почесал подбородок Афанасий, - я, правда хотел амбары новые ставить… Коровник подновить… Конюшни…

- А что? Из нынешних зерно сыпется наружу? Коровы, кони мерзнут?

- Не-ет! Просто места для урожая не хватает…

- Амбары, коровник, конюшни подождут! Начинай с храма! Сам учил, что когда храм возводится на земле, то на небе такой же сотворяется. Значит и там, и здесь молитва вознесется! А у Бога – всего много… Даст и на коровник, и на амбары, и на конюшни. И времени и денег! Ты гостинцы все приготовил?

- А то!..

В это время из храма вышли Алла с детьми и наш старенький священник, настоятель, отец Иоанн. Я сразу обратился к нему: «Отче, не соблаговолишь ли пройти с нами по истбам мужиков. Мы с княгиней хотим одарить их. Так, в твоем присутствии это сподручнее было бы.»

- С радостью, князь, - заулыбался тот.

…В истбах Алла доставала шали, рубахи, отрезы на сарафаны, одаривая ими баб и девок. Мужикам доставались сапоги, кушаки, душегрейки, шапки, рубахи. Дети в большинстве своем получили пряники. А родителям новорожденных я отсыпал по пригоршни серебра. Люди принимали подарки со слезами на глазах. Прослезился и отец Иоанн.

Перед одной новой истбой, еще слезоточившей капельками золотой смолы, Алла вдруг начала о чем-то спрашивать отца Иоанна. Прижала к себе Ольгушку. Позвала: - Георгий, ты послушай, что батюшка сейчас сказывать станет. А князь-отец пусть сам сюда зайдет, поздравит, одарит…

Взглянула на меня. Прикрыла на миг глаза, как бы говоря: «Ступай!» Я понял, что это и есть истба Татианы. В подтверждение этого на крыльцо выскочила знакомая мне ее дочка.

- Дарьюшка! – кинулась к ней Ольгушка. Девочки принялись обниматься, целоваться, щебетать… А я вошел в истбу. Перекрестился на иконы. И поднял с колен, упавшую Татиану. Она окончательно поправилась. Про таких говорят «кровь с молоком»! Спросил: «Как чадо?»

Она, потупив очи, указала рукой за занавеску. Я прошел туда. Упитанный, румяный от сна, малыш мирно посапывал в новой, струганной, большой люльке. Я перекрестил его, Татиану. Спросил: «Есть ли в чем нужда?»

- За все слава Богу, князь! – не поднимая глаз ответила она. - Ты итак нас облагодетельствовал…

Я взял ее за руку, высыпал в ладонь полную пригоршню серебра, перекрестился на иконы и вышел. Мы с Аллой переглянулись. И она вдруг звонко воскликнула: «А ну-ка, пойдемьте поздравлять и одаривать семью нашей телятницы Татианы!..»

И все весело пошли в истбу.

- Афанасий, - остановил я его, и, когда все скрылись за дверью, тихо повелел, - особое попечение окажи Татиане и деткам ее…

- Все исполню, - кивнул он, опустив глаза долу, - уразумел…

…Когда мы вышли из последней истбы, я сказал отцу Иоанну: «Отче, для церкви у меня в тереме лежит новый потир. Посему, приглашаю на трапезу. Там и вручу. К тому же, гляжу, батюшка, и полушубок у тебя – стренький.»

- Куда ж мне новый-то, чадушко? – грустно улыбнулся он… - Не сегодня-завтра Господь к Себе призовет…

- Афанасий, – позвал я, - повели ежедневно батюшке выделять мяса, молока, сметаны, яиц, рыбы. В скоромные дни. Пшенички подкинь!..

- Спаси Господи! Спаси Господи! – мелко закивал старичок. Трапеза прошла весело. А в конце ее к нам неожиданно вошел Афанасий.

- Княже, - удивленно развел он руками, - там, перед теремом, почитай все село собралось. Тебя с семьей ожидают! Все веселые, нарядные…

Я удивленно посмотрел на батюшку, на Аллу… Те тоже удивленно пожали плечами. Мы встали, вышли на крыльцо. Действительно, у терема стояли, должно быть, все селяне: от мала до велика.

- Князь-батюшка! – вышел вперед всех и поклонился в пояс высокий, крепкий, седобродый старик, - Опередил ты нас! Думали мы, что трапезничать пойдешь сразу после службы, а мы бы сделали задуманное. А ты, эвон, по истбам пошел, да одарил всех от младенцев до стариков! И опередил… А хотели мы тебе, княгине-матушке с детками-княжатами подарок сделать.

Он обернулся к односелчанам и махнулся рукой. От толпы отделились двое мужиков. Они несли на рушнике большую икону.

- Заказали мы в ближайшем монастыре святой образ. Прости уж нас. Пришли к богомазу. Просим написать образ святого Ляксандра. А он спрашивает, мол, какого? А мы и не ведаем, в честь какого святого ты наречен. Богомаз тогда вопрошает, мол, чем ваш князь занимается в миру? Ну, мы, ясно дело, отвечаем, что у Великого Князя по ратному делу служит… Вот и написал он святого ратника Божия… Прими, князь, нашу любовь к тебе, ко княгинюшке твоей и к деткам!

С золоченой иконы на меня смотрел святой ратник в наборном доспехе, красном плаще, со щитом и мечем. А сбоку сияла надпись: *Святой Александр*…

Священник вскинулся: «Да разве ж так можно, мужики?! У каждого святого - свой чин: один – в лике мученика, другой – преподобного, третий – царя… А вы – просто «святой»!.. Нет-нет-нет! Это – против всех церковных канонов!»

- Погоди, батюшка! – остановил его старик. - Богомаз из монастыря сказывал, что многих святых ведает Един Бог, что не открывает Он пока для нас их имена и чины. По грехам нашим! Да нешто, сказывал богомаз, за тринадцать с лишком столетий не нашлось святого ратника с именем Ляксандр? Быть того не может! А Господь все ведает… И в свой черед откроет…

Я спустился с крыльца. Встал перед образом на колени в снег. Приложился к иконе. Сделал несколько шагов назад. Повернулся к людям. Поклонился в пояс. Срывающимся от слез, подступивших к горлу, голосом проинес: «Спаси вас Господи, братия и сестры! О лучшем подарке, вместе с вашим трудом я и мечтать не мог! Еще раз: спаси Господи!»

К мужикам подбежали Афанасий и Ивашка. Сделав каждый - по три земных поклона и приложившись к образу, приняли его и внесли в дом. Когда же Афанасий вернулся, я крикнул ему: «Бочку крепкого меду – на всех!»

…- Нет-нет-нет! – мотал головой отец Иоанн, когда мы вновь уселись за стол… - У Святой Церкви есть свои каноны! Чин прославления! Соборные решения, наконец! Ну, скажи ты мне, князь-батюшка, какой Церковью, каким Собором сей, избораженный на доске, ратник причислен к лику святых? Где, когда и как он прославился во славу Божию? Да и каким чином освящать сию икону?

И он опять мелко закрутил головой.

- Отче, – поклонился я ему, - не волнуй сердце! Я все уточню в Москве. А теперь отведай пирожка с гусиной печенкой!

- Ну-у-у, ежели в Москве.., - пожал плечами отец Иоанн, и вдруг снова вскинулся, - Княже! А ты со своим семейством на Иордань придешь? Здешние мужички, ой, как любят на Крещение Господа нашего Иисуса Христа окунуться в прорубь…

- А служба какая будет?

- Ночная. Всенощная, Утреня, Божественая Литургия… Потом – освящение вод.

Я переглянулся с Афанасием и Георгием. Те заулыбались.

- Придем обязательно, - кивнул я. Трапеза закончилась, когда за окном стемнело. Я отправил Афанасия проводить священника. А когда тот ушел, обвел взглядом всех сидящих за столом: «Надо показывать своим людям пример. С завтрашнего дня говеем. А на Крещенье – в Иордань! А? Согласны?»

Алла, княжна Анастасия, Ольгушка сидели какие-то напряженные. Наконец, жена сказала: «Куда ж мы без тебя? Вот, разве что, княжна Анастасия… Без отцова благословения…»

- Я знаю, отец благословил бы! – вмешалась та. - Батюшка давно сам в прорубь ныряет. И не только на Крещение, но и на Сретение… И нас с матушкой все время зовет.

- Ну, вот и славно! – заключил я. Мы помолились все вместе и разошлись по своим покоям.

Я проснулся от телефонного звонка. Аппарат стоял в прихожей и поэтому голос Жени был отчетливо слышен.

- Что? – отвечал он в трубку… - Как не пришел на вокзал?.. А, понятно… Загулял, наверное… Волнуются… Еще бы! Красноярск – не Малаховка!.. Хорошо. Сейчас оденусь, выпью кофе… Машина вышла? Ясно… Все больницы, милицию, морги… А никто не знает, в какой район он поехал?… Записываю: Писцов Виктор Иванович, шестьдесят второго года рождения, прописан в Красноярске.

Какая-то непонятная пока цепочка начала выстраиваться в моем мозгу. Я натянул брюки и вышел в прихожую.

- Вот, ведь, невезуха! – мотнул головой Женя. - Пойдем на кухню. Представляешь, солист красноярского ансамбля «Жарки» не пришел к поезду. Говорят, поехал за невестой… Руководитель, конечно, остался разыскивать парня. А за мной уже машина идет. Надо ехать, искать по всей Москве… Обзванивать больницы, морги, вытрезвители, отделения милиции. А у нас в ЦДКЖ – бабье царство. Вот, директор меня как единственного мужика и поднял. И-и-эх! А мы с тобой на Вожу собрались…

Он поставил чайник на плиту. Прикрыл дверь. Мы закурили. А у меня в мозгу все четче сковывалась цепочка: Красноярск – «Жарки» - Виктор – невеста… Неужели, Карина?!

- Но это – не беда, - продолжил Женя, - я уверен, за сутки мы найдем этого солиста. Сейчас я по телефону дам дяде Леше телеграмму, мол, ты приедешь один. А я завтра или послезавтра подскочу… Так что, и в церковь сходить успеешь!..

«Мать честная! На часах - половина шестого, а я закурил! Какое теперь Святое Причастие?!» - обожгла меня мысль. «Покаешься! А отец Валерий сам решит: допускать тебя или нет», - успокоила другая.

- Иди, досыпай! – затушил окурок Женя.

- Может быть, мне с тобой поехать? Как кореспонденту «Гудка»? - спросил я.

- Да брось ты! О чем здесь писать? Загулял мужик! Скажут: искажение социалистической действительности! Иди, досыпай! – похлопал он меня по плечу. Я

ушел в комнату. Задремал. Смутно слышал, как прикрылась входная дверь. И наступила тишина. «Точно, это связано с Кариной!» - подумалось вдруг… Но сон оказался сильнее мозга.

…Утром на исповеди я рассказал, что курил после двенадцати.

- Не спится юному ковбою?! – хмыкнул отец Валерий. А я рассказал ему про Карину, Виктора, семейку Геннадия…

- Ох-ох-ох! – только и покачал головой батюшка, но тут же добавил, - Иди, сделай десяток земных поклонов перед Распятием и причащайся.

…С пузатой от продуктов, коньяка и пива спортивной сумкой я едва успел на полуденную электричку. Благо, было прохладно: небо затянулось не по-августовски тяжелыми, низкими тучами. «А ну, как в Рыбном – дождь! - мелькнула мысль. - А я – без зонта! Ладно, на все – воля Божия! Благословение есть, значит, все будет нормально»!

В Люберцах в вагон вошла беременная. Пришлось уступить место и до самого Голутвина ехать стоя. Однако, пиво с любимым «Рокфором» скрасили все неудобства. Словно и не было у меня проблем с жильем и остальной личной жизнью… Все показалось таким мелким. К тому же в сердце стучалось предчувствие необычности этой поездки. Так захватывает дух, когда медленно входишь в холодную воду.

И еще одна радость ждала меня в Рыбном: на небе не было ни единого облачка! Я вздохнул полной грудью. И даже примесь мазута в воздухе от крупного железнодорожного узла не омрачила моего настроения. Но когда вышел на дорогу, ведущую к Алешне, попутки долго не попадалось. Я пошел пешком, рассуждая, мол, а как же люди раньше, испокон века, здесь ходили… Как шло войско на битву на Воже? Ведь там и пешие ратники были. Несколько машин промчались мимо, даже не притормозив на мое «голосование». Рыбное кончилось. По обеим сторонам дорогам тянулся лес.

Наконец, старенький «ЗИЛок» болотного цвета резко затормозил. Вел его толстый, лысый мужик в замызганной, драной по вороту рубахе, таком же пиджаке с протертыми по манжетам рукавами и «морзянкой» запекшейся черной пыли в лоснящихся складках кожи на лице и шее. Рядом с ним сидела худющая старуха с большой волосатой бородавкой на носу, блеклыми, маленькими, узко посаженными глазками и полинявшими до желтизны седыми волосами, выбившимися из-под платка.

- До Алешни не подбросите? – спросил я.

- Ак-курат туда едем! – хохотнул мужик. - Садись, мое такси как раз – на троих, как поллитра.

Старуха поджала губы. А машина, проехав километра три, вдруг фыркнула, дернулась несколько раз и встала.

- … ! – выругался толстяк.

- Надолго? – спросил я.

- А леший его знает! – буркнул он.

- Помочь?

- Не-е-е…

- Грибы-то пошли?

- По-о-олно!

- Схожу, погляжу? Если почините, посигнальте. Я далеко отходить не буду.

- Ва-а-аляй! – махнул рукой шофер и открыл капот. Старуха что-то бормоча, вылезла вслед за мной. Перепыгнув через кювет, я углубился метров на десять в лес, но, не увидев даже поганки, решил посмотреть по другой стороне от дороги. И вышел как раз позади машины. Толстяк и старуха, видимо, не заметили меня и проджолжали свой разговор.

- Говорю тебе: крест на ём! – бубнила старуха.

- Почем ты знаешь? – громко, из-под капота, спросил толстяк.

- У меня бок, с которого он сидел, как огнем жгло! Крест! Не инача!..

- Ну?

- Баранки гну! Вот слуги наши и не пущают нас с ним вместе! Много их теперича крестоносцев богомольных понаехало! Житья не стало! – всхлипнула старуха. Толстяк молчал. Я громко кашлянул и вышел из-за машины. Спросил: «Ну, как ремонт? Долго еще?»

- Милай! – поднял голову толстяк. - Тут – еще часа на два! Ты бы шел себе. Глядишь, и другая попутка подхватит…

- Спасибо и на том… - забросил я спортивную сумку на плечо.

- Не за что! - фыркнула старуха. Но не успел я пройти и километра по дороге, как «ЗИЛок» пролетел мимо, грохоча всеми своими деталями. Да так, что мне пришлось отпрыгнуть за кювет… Вздохнув, я пошел дальше. Но скоро передо мной остановился старенький «Москвич». Пожилой бородач, сидевший за рулем, вопросительно кивнул: мол, куда едешь?

- До Алешни не подбросите? – спросил я.

- В Алешню? - спросил он, испытующе вглядываясь в меня.

- Нет. Еду до Алешни. А там – еще направо, в Лужки.

- Тогда садись!

Внутри, на лобовом стекле, я сразу заметил иконки Спасителя и Пресвятой Богородицы. Перекрестился. И это не ускользнуло от водителя.

- А что? Если б я ехал в Алешню, не подвезли бы? – спросил я.

- Да ты и сам не сел бы… К святым иконам… А тут гляжу: наш, православный…

- Могу Символ Веры прочитать…

- Не надо! – улыбнулся бородач.

- А вы?..

- А я – священник, грешный иерей Алексей. Вот, еду из Рязани по телеграмме. У чада моего мать – при смерти. Надо собровать. А может быть, и напутствовать… Церквей-то здесь почти не осталось. Хотя места – святые! Про битву на Воже слыхал?

- Да. Туда, в Глебово Городище, и собираюсь на днях махнуть.

- Дело…

- Батюшка, мне сейчас пришлось на одной попутке ехать… - и я рассказал о случившемся.

- Гнилое место – эта Алешня! - вздохнул отец Алексей… - Колдовское! Там служителей бесовских – один на одном… А как же иначе?! Церковь свою после семнадцатого года разрушили, священника своего с семьей сами же замучили… Те, кто не колдуют, - вымирают. Кто – от водки, кто – от насылаемых колдунами болезней… Господь попускает… И никак к Богу вернуться не могут! Да и колдуны сами страдают. Они же тоже болеть начинают, если зла не делают. Вот и подумай: скоро некому здесь зло делать будет. Что тогда?.. Проклятое место! Ты не в первый раз сюда приехал? Тогда заметил, должно быть, что и деревья-то в Алешне почти не растут! К тому же, вокруг святого места, - я разумею место битвы на Воже, - всегда нечисть скапливается…

- Так вы полагаете, что я на колдунов нарвался?

- А кого же Крест Христов жечь может?!

- Я сегодня, кстати, и Святых Тайн причастился…

- Поздравляю! А они-то, представь, как эту несчастную опаливали! Что твою курицу над газом! – грустно улыбнулся священник.

- Спаси Господи, батюшка, вразумили… А Лужки?

- Эт-то - совсем другое дело! Я краем уха слышал, что почти все мужики лужковские в битве полегли. Разумей: за Веру Православную! За други своя! - отец

Алексей притормозил. - Ну, вот и твой поворот на Лужки. А мне – дальше. Господи, благослови и пронеси!

Священник перекрестился: «У меня, да и у всех наших, если дорогу через Алешню не перекрестишь, всегда здесь что-нибудь случается: то колесо лопнет, то поломка какая приключится… Враг мстит!»

- Благословите, батюшка! – протянул я ему ладони.

- *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!* – широко осенил он меня. Я вышел из машины, и когда она двинулась, тоже перекрестил ее. С мыслями обо всем услышанном от священника я дошел до моста через Вожу. Оказывается, не все так просто и прекрасно здесь, как может показаться на первый взгляд… «Да и на первый ли? Забыл курицу, орущую петухом? Русалку?» - подсказала память… От всего этого настроение мое несколько омрачилось. Однако, перейдя мост, я вспомнил о традиции. Поклонился на восток: - Благослови, Господи, святую землю эту, политую русской кровью за други своя, за всех нас, живущих сегодня! Здравствуй, матушка-Вожа!

Я выпил пятьдесят граммов коньяку и, повеселев, зашагал уже по тропинке к дому дяди Леши. Удивительно изменилась природа со времени моего первого приезда сюда. На солнышке трава пожелтела, высохла. Пиками крохотных солдатиков, выстроившихся для битвы, тянулась вверх. Листья придорожной земляники сменили нежно-салатовый и сочно-зеленый цвета на оранжевый, алый, даже бордовый. Словно капельки крови выделялись они среди другой растительности. Тополя, березы, кустарники и плодовые деревья в садах тоже растворялись на фоне неба сгустками остывающего к зиме солнца. А оно, - середина августа! – уже склонилась ко гребню дальнего холма, за которым расположилось Глебово Городище.

Дядя Леша сидел в полисаднике за столом, на котором был разложен по деталям какой-то механизм с моторчиком.

- И-и-и, - подняв голову и увидев меня, заулыбался он, - милости просим! Телеграмму только час назад принесли. У нас – не Москва! Заходи, располагайся. Я – сейчас. Вот, соберу только. Весь день ремонтировал. Это – насос для колодца. Думал, что сгорел. Шутка ли, - десять лет исправно качал водичку. Ан, нет! У него, как у меня, - отложение солей. Вот, почистил! Теперь – опять, как часики! Ты иди в избу, располагайся.

В доме я облегчил сумку, выложив в холодильник продукты. Скинул куртку. Вышел на веранду. Дядя Леша закручивал последние болты.

- Ты бы походил босиком! Земля в августе последнее летнее тепло отдает. Целебное, за лето скопленное! Сейчас обедать будем. Я сегодня так закрутился, что и про время, и про обед забыл.

Скоро на столе опять парили тарелки с густым утиным бульоном. Мы пили коньяк. Закусывали каждый – половиной утки, салом, вареными яйцами, холодцом, свежими помидорами, огурцами.

- Дядя Леша, - начал я, - говорят, что в Алешне – много колдунов…

- И-и-и, милый, а где их нету?! У нас тут в Лужках тоже одна ворожит.

- Так, они же болезни наслать могут… К смерти…

- К физической, - это еще ничего! - вздохнул он. - А вот когда душу умертвляют… Представь: живет человек. Ходит, ест, пьет, работает… А душа – мертвая! Уж и не знаю, как это по-ученому объяснить или даже по-божественному. Но говоришь такому человеку что-нибудь, а он и не слышит! И свое несет. Жалко их… Таких…

- А ты знавал подобных?

- Не то, что знавал… Вторая жена моя такой была. Вместо души в эдаких людях что-то, что.., ну, как робот, что ли.., который подчиняется командам. А командует такими человеками нечисть всякая.

- Колдун или колдунья?

- Ох, Сашка, не к ночи такие разговоры затевать! Пойми, милый, рассуждая об этой гадости, мы ее как бы сюда призываем. Знать об этом надо, но говорить, - ни-ни! Ты лучше расскажи, что завтра делать собираешься?

- Вообще-то с утра я мог бы тебе чем-нибудь помочь. По хозяйству. Я – хоть и не сельский житель, но на даче родителей работал. А потом, если позволишь, хотелось бы верхом в Глебово Городище съездить.

- Ве-е-ерхом?! А ты умеешь? Тут без сноровки вмиг весь зад сплошной мозолью станет. Ходить не сможешь, не то, что сидеть!

- Верхом меня учили…

- А без Жеки не заплутаешь?

- Здесь же – прямая дорога! Но все-таки, с утра – лучше помочь тебе.

- Так.., - задумался дядя Леша, - помочь, говоришь? Значит, вот как мы сделаем. На зорьке с бредешком пройдемся, - я тут затончик бога-а-атый на рыбку приметил. К приезду Жеки наловим. Потом – огород. Огурцы да помидоры все собрать надо! Ботву – в кучи и сжечь. А то, я гляжу, мучнистая роса уже некоторые побила. Их теперь ни на засолку, ни под маринад не пустишь… Вот с Жекой домой и возьмете.

- А ты для себя-то засолил?

- А то! Двадцать три четверти! Вот с капустой в этом году – плохо! Всю гусеницы извели. Не успел обработать. Рук не хватает… Помоги, покуда, в этом. Потом мы с тобой пообедаем. И если Жека к этому времени не появится, оседлаю я тебе Ворона и езжай с Богом. Только, чур, в Засеку – ни ногой! И вообще, постарайся с дороги не сворачивать. В Бутырках заедешь к бабушке одной, к Аграфене: соли передашь ей, спички, сахару, конфеток… И тут же – обратно, на дорогу. Там, справа, - разрушенный амбар и лысая гора. Упаси тебя Бог туда заехать… До Глебова Городища и обратно… Ружье, что ли, дать тебе с собой?.. Нет, не дам, от греха подальше…

…Когда мы укладывались спать, небо светилось искорками падающих звезд. То же было и тогда, когда дядя Леша коснулся моего плеча.

- Пробуждайся. Когда приедем на место, светать начнет. На столе – банка с молоком и пирог с зайчатиной. Перекуси. И выходи во двор. Поедем задами, чтобы соседям глаза не мозолить, - тихо проговорил он и ушел сенями. Я рывком поднялся. Выполнил все, как велел дядя Леша. Лошадка Ворона была уже запряжена в телегу. Предутренний холодок пробирался сквозь рукава и ворот ватника, которым снабдил меня дядя Леша.

- А что это ты вчера про Алешинских колдунов заговорил? – вдруг спросил он, когда деревня осталась позади. И я рассказал всю историю с «ЗИЛком», толстяком и старухой.

- С бородавкой на носу? – хмыкнул дядя Леша. - А из нее волосы растут?

- Точно! – кивнул я.

- Дуська-лешачиха с мужем… Известные ведьмаки! Отец Дуськи многих здесь в ЧК, ОГПУ и МВД посдавал… Моего отца, - Царствие ему Небесное, - попытался раскулачить… Да зубы обломал! – перебрал вожжи дядя Леша и вдруг щелкнул ими по крупу лошади… - Но-о-о! Вор-р-рона!

- А почему лешачиха? – спросил я.

- Известно почему: с лешими дружбу водит.

- Ты что, серьезно?

- Так люди говорят. А у тебя, что, действительно, крест – на груди?

- Вот, - показал я, - и Женя носит.

- И-и-эх! Молодцы вы, ребятки! А вот нам не довелось! Ну, слава Богу! Слава Богу…

От Засеки мы свернули направо и поехали вдоль лесополосы. Две собаки «какой-то немыслимой местной породы» тихо бежали рядом с телегой. Звезды

акварельно размывались по рассветному небу. Дядя Леша остановил Ворону. Достал откуда-то из сена резиновые штаны-бахилы от офицерского общезащитного комплекта. Такие же бросил мне: «Надевай, приехали!»

- Ты говорил, что заводь… А это – озерцо! - разглядел я тихую гладь водоема метров двадцать в длину и десять в ширину.

- Тебе говорят: за-тон. Посреди лесополосы ручей течет. Он впадает в Вожу, - спокойно объяснял дядя Леша, - Во время разлива сюда много рыбы пришло. Вода сошла, а рыба осталась.

Штаны от ОЗК оказались мне впору. «Все-то у него есть!» - улыбнувшись, подумал я.

Через час нашего «бродения» два мешка были набиты карасями, лещами, подлещиками, щуками и маленькими щурятами, - шпротами, как говаривал дядя Леша, - зелеными линями. Попались даже два судака и стерлядка.

- Куда столько? – восхищался я.

- Зажарим, отварим, посолим, завялим, с собой в Москву возьмете, соседке дам, бабушке Аграфене отвезешь, - ловко набивал мешки дядя Леша. - Мы сняли и свернули ОЗК. Запрыгнули в телегу. И еще до того, как солнце вышло из-за дальнего леса со стороны Рыбного, были уже в деревне.

- Дядь Леш, – вдруг вспомнил я встреченное стадо, - а кто же твою скотинку выгнал?

- Соседка. Зря, что ли, я ей рыбки припас?! – хмыкнул он. - В деревне у добрых-то людей испокон веку так: помогли тебе, и ты окажи милость! Каждый живет для каждого другого. На том мир держится… А ежели такого не будет, то и мир рухнет!

Дядя Леша расстелил в палисаднике на столе клеенку, принес два ведра, два ножа. Снял со штакетника забора две консервные банки с дырками. И мы принялись чистить рыбу.

- Ты требуху-то всю сгребай время от времени, да от стола подальше бросай! – поучал он.

- Она же гнить будет… Вонять… - недоумевал я, забыв как было в прошлый приезд.

- Не успеет. Сейчас «дворники» прибегут! - хмыкнул он. И действительно, со всех концов двора, из-под дома, с улицы к нам кинулись куры, утки, петухи. Они клевали рыбьи внутренности, подбрасывая их вверх, отнимали друг у дружки, кудахтали и крякали от удовольствия, ждали очередной порции. Я не успел начистить и ведра, в то время, как дядя Леша наполнил большой эмалированный бак обработанной им рыбой, засыпал ее крупной серой солью, залил водой, замотал марлей и отнес с дом. Оттуда он вышел с большой сковородой, в которую ровными рядами сложил почищенных им щурят-карандашей.

- Шпроты! – довольно хмыкнул он. Потом быстро почистил и порезал молодую картошку, морковку, лук, еще какую-то зелень и здесь же, в палисаднике, пристроил полуведерный чугунок на хитроумную плиту, комфоркой которой служила паяльная лампа. Пока вода закипала, он продолжал трудиться над рыбой. Бросил в чугунок картошку, взял ведро с частью улова и пошел в соседний дом. Но вскоре вышел из него в сопровождении сгорбленной старушки. Та причитала: «Спаси тя Господи, Алексиюшка! Спаси тя Господи… Балуешь ты меня! Что ж я с такой кучей рыбы стану делать?..»

- Положи в морозилку. Ты ж постишься… А скоро, - как раз! – Спас медовый! Начало поста! – махнул рукой дядя Леша.

…- Уф! – вздохнул я, заканчивая чистить последнего леща. А дядя Леша, тем временем, вышел из дома в с другой большой сковородкой, на которой шкварчали лук и морковь. Бросил в чугунок пять больших рыбин, а потом и – поджарку. Накрыл

крышкой. Убавил огонь. А из дома струился, щекотал ноздри запах свеже жареной рыбы.

- Ну, кажись, все! – довольно вздохнул дядя Леша. - Сейчас позавтракаем. И – на огород… Ты сам-то как?

- Как договаривались! – кивнул я.

Куры с осоловевшими глазами лениво, - многие уже сидя, - доклевывали рыбьи потроха. Дядя Леша достал шланг, включил насос, вымыл клеенку и расстелил ее на траве.

- Стол здесь накроем! – утвердил он, - Тащи сюда из избы глубокие миски, хлеб, сало, ложки… Разводягу не забудь.

- Чего? – не понял я.

- Ну, половник по-городскому,… - пояснил он, - и там… – бутылочка литровая, квадратная такая, в холодильнике. Стопки не забудь.

…Уху в миске пришлось мешать: жиру было не меньше, чем на палец… Кусок стерлядки и две больших рыбины после ухи легли передо мною – на второе. Я, должно быть, был уже похож на осоловевшую курицу, когда дядя Леша вынес из дома сковородку с щурятами, залитыми яичницей. Но и отказаться от такой вкуснятины сил у меня не было. Тем более, что рыбу-то я сам ловил.

- Кто хорошо ест, тот хорошо работает! – подмигнул дядя Леша, обсасывая голову щуренка. Мы выпили еще по стопочке.

- А теперь я тебя своим чаем угощу! – хохотнул дядя Леша, наливая мне в стакан из закопченого чайника темной, слегка вязкой жидкости. - Вот – сахар. Но не советую. Лучше молочка добавь! Такому чаю даже «слон индийский» позавидует!

И действительно, ничего более душистого, - сразу и не раберешь, что за заварка, - я в жизни не пивал! И поинтересовался: «А что это за чай? Бодрит-то как!»

- На огороде выращиваю. Потом тебе рецепт напишу.

Мою сонливость, как рукой, сняло.

- Помыть посуду? – спросил я, когда, перекурив, мы встали из-за стола.

- Успеется. Пойдем на огород…

Там до обеда мы обирали последние огурцы, помидоры, выкапывали лук, чеснок, собирали в кучи и сжигали уже сухую ботву. Время пролетело незаметно и весело. Дядя Леша шутил, вставлял в разговор разные прибаутки… А в конце работы я удивился, заметив на краю огорода огромную корзину огурцов, четыре ведра помидор, два мешка луку и чесноку. Надо же! И не заметил, как работал…

- Дядя Леша, а какие сорта помидор и огурцов ты сажаешь? – спросил я.

- А я знаю?! Главное - вкусные! И – без химии! Это мой однополчанин, Василек Мышкин, - сейчас академик, в Тимирязевке преподает, всякими исследованиями занимается! – высылает семена. У тебя сажать-то есть где? Ну, дача, там, какая-нибудь?

- У родителей…

- Вот и славно. Я семян отсыплю. Передашь им, - кивнул дядя Леша, - а сейчас давай урожай в сени носить. А там я уже сам разберусь!..

После обеда, ничем не отличавшегося от завтрака, сонная истома обволокла всего меня.

- Может быть, соснешь часик-другой? И не поедешь? – спросил дядя Леша, позевывая, - Я так завалюсь…

- Часик можно. Но не больше! – поддался я. И так сладко провалился в сон! Но проснулся от шагов дяди Леши по сеням.

- Я оседлал Ворона. Возьми хлебушка, посыпь солью, покорми его… Тогда слушать будет лучше, - наставлял дядя он. Мягкие конские губы с жесткими щетинками вокруг них щекотали мою ладонь, подбирая с нее последние крошки ржаного деревенского хлеба. Конь доверчиво косил на меня огромным, темным, сине-

фиолетовым глазом, поводил ушами. А я гладил гриву. Потом вскочил в седло и легонько провел пятками по его бокам. Ворон вышел в огород.

- Пройди по кругу! – скомандовал дядя Леша. Я исполнил. А он удовлетворенно кивнул: «Вижу, что умеешь… Погоди, я гостинцы принесу для бабушки Аграфены.»

И он ушел в дом. А вернулся с наполненным мешком. Приторочил его к седлу. Объяснил: «Сразу после Засеки будут Бутырки. Сам увидишь кирпичные, красные дома. Так вот, ближний к дороге и есть дом Аграфенин… Единственный, целый… Остальные – развалины!»

- Кирпичные?! – удивился я.

- Глина там - добрая! Тамошние мужики сами кирпич делали. Из него и клали когда-то дома… Теперь все из Бутырок поразъехались… Одна Аграфена век свой доживает. Ей, поди, годков девяносто будет… Да еще – с хвостиком. Она взрослой бабой уже была, когда я без порток бегал. Ну, и посмотри там хозяйским глазом: что помочь… Воды, к примеру, принеси… Но не задерживайся! До сумерек еще - часа четыре. Успеешь… Только возвращайся до темноты. С Богом!

Он хлопнул ладонью коня по крупу. И я выехал на дорогу, ведущую вдоль огородов. Конь шел легко и весело. Ветерок сдувал с лица остатки сна. Вот и Засека! А за нею показались приземистые красные, кирпичные дома без крыш с выбивающейся в ослепшие без рам оконные проемы крапивой. Да и сама кладка была вся в шрамах трещин. Оставшиеся стены покосились, лопнули, осыпаясь глиняной трухой в траву. Перед первым, живым домом сидела старушка. Темный платок с вылинявшими цветами подчеркивал белоснежную седину, слегка выбившихся из-под него волос. Зато молодые, ясные, цвета живого неба глаза никак не сочетались с морщинками, избороздившими, казалось, каждую клеточку лица. Меховая, латаная душегрейка сошла бы за полушубок, - так была велика на высохшем, похожим на детское, теле старушки. Руки со сложенным в троеперстие пальцами мирно и твердо покоились на коленях. Губы что-то шептали. Я спешился. Поздоровался. Поклонился: «Бабушка Аграфена? Я – от дяди Леши Жмурова из Лужков. Он вам гостинчик прислал.»

- Спаси тя Господи, внучек! – прошамкала старушка беззубым ртом. - Дай Бог здоровья Ляксию. А тебя-то как величать?

- Саша – я…

- Ляксандер, значит. Дай Бог и тебе здоровья… - перекрестилась она, - Заходи в избу, кваску испей. А, коли желаешь, лафетничек самогоночки налью… Поста, вроде как, нет еще…

- Спаси Господи, бабушка…

Она удивленно вскинула брови: «Ишь ты! И молодежь по-старому говорить начала… Слава Богу! Ты-то, - верующий, что ли?»

- Да, - перекрестился я.

- Тем более заходи, родимый! А я уж, старая, горевать начала о том, что вера наша Православная совсем забыта, повывелась… Прости их, Господи! Собираются на лысой горе, что у последнего дома начинается… Костры жгут… В балахонах каких-то хороводы водят… Прыгают, что твои козлы… Верещат… А я в такие вечера с колен не встаю. Все молюсь. Страшно. Лучин не зажигаю. Не за себя страшно! За них! Не по-нашему они вытворяют. Не по-Божиему! Скорбно за них! Вот и сегодня утром опять приехали. Нагишом все вместе купаться полезли. Срам-то какой! Да и купаться-то после Ильина дня нельзя! Вода цветет! До первого льда нельзя! Вредно это!

Мы вошли в маленькую, но чистую и уютную комнатку. Красный угол светился фотографиями иконок, вставленных в конфетные коробки и украшенных самодельными бумажными цветами. На такой же самодельной этажерке под ними, устланной чистым, но пожелтевшим от времени рушником, стояли старинные Святое

Евангелие, Псалтирь и Молитвослов. А на нижней полке – тонкие брошюры почти карманного размера. На крайней я успел прочитать: *Народная библиотека. Житие святых мучеников Флора и Лавра.*

«Еще дореволюционное издание!» - перехватило у меня дух, когда я увидел «ять». Заметив мой взгляд, старушка пояснила: «От родителя моего осталось. Вот и читаю. Газет сюда не привозят. Телевизора у меня нету. Соседей – тоже. А в прошлом годе приехали из Алешни и провода электрические обрезали. Говорили, мол, безпре.., пересективная какая-то, прости, Господи, деревня. Вот, так и доживаю!

- А дети?

- Звали они меня и в Рязань, и в Москву… Но, куда я такая старая поеду?! Здесь и родители мои, и муж, Власич, похоронены… Царствие им Небесное! Здесь и я «безпересективная» лягу… Тебе кваску или все-таки самогоночки налить? Я-то и сама с тобой лафетничек выпью. Пост подходит. Тогда-то уж нельзя будет…

- Ну, если вместе с вами, за ваше здоровье самогоночки выпью, - улыбнулся я.

- Сейчас! Я только яблочек моченых принесу. Свежих-то до Преображения Господа нашего нельзя. Хотя и ветки у яблонь ломятся! – бодренько вскинулась она и вышла в сени.»

Мы выпили по стопке. И я спросил: «Бабушка, надо ли чем помочь? Воды, там, принести, дров?

- Дровишек Ляксей привез, попилил. Помоги ему, Господи! Обещался приехать, порубить… А вот вода… Сил моих только на полведра хватает. Вот, и маюсь!

- Готовь посуду! Сейчас всю наполним! – поднялся я. - Колодец во дворе?

- Ой, спаси тя Господи, Ляксандер! – всплеснула она руками, вскочила, засуетилась, - Батюшки-святы! Сразу-то и не соображу!.. А колодец?.. Да-да, во дворе…

Я наполнил старушке все ведра, пластмассовую бочку, кастрюли, таз… А солнце тем временем скатывалось к лесу.

- Ой, Спаси тя Господи! – причитала старушка, когда я вскочил в седло, - А может быть, еще лафетничек?

- Нет, бабушка, спаси Господи! Мне еще – до Глебова Городища надо доехать. И - обратно. А вернуться дядя Леша велел засветло, - махнул я ей рукой и легонько ткнул Ворона пятками в бока. Конь неспешно потрусил по дороге. А впереди, на холме, прямо в центре заходящего солнца светилась церковь Глебова Городища. Я миновал широкую, спрятавшуюся в высокой траве, мелкую, заболоченную речушку. Конь мой едва замочил копыта. «Это, должно быть, и есть Рудинка», - мелькнула мысль.

Справа поле уходило вверх, в подковообразный холм. А слева, за Вожей, километрах в трех возвышался другой, двугорбый… «Должно быть, - Шатров!» - вспомнил я рассказы Жени. И… еще что-то неуловимое в себе самом. Вдруг мне представились русские полки, занявшие удобную позицию, и несущиеся на них тьмы Бегича.

«Нет, иначе и быть не могло! - вспомнил я теперь историю военного искусства, которую изучал еще в военном училище, - Действительно – самая удобная позиция! Крутой поворот Вожи из-за холма, на котором расположилось Глебово Городище, и Рудинка составляли три водные преграды для ордынцев. Русские войска встали на гребне подковообразного холма… И впервые разбили несколько туменов захватчиков». Я перебирал в памяти карту Рязанской области по течению Вожи. Действительно, не было более удобного места для русских, чтобы разбить неприятеля…

- Слава Тебе, Господи! Слава Тебе! – прошептал я и перекрестился. Поехал дальше. Ощущение того, что места эти знакомы, уже видены мною когда-то, где-то, но позабыты, не покидало меня… Я ехал по Глебову Городищу, и местные жители

здоровались со мной. Конечно, здоровались, как и с любым, проходящим и проезжающим мимо них. Но мне в этих приветствиях слышалось что-то другое, отдаленное, запрятанное в тайниках памяти… Что? Понять пока я не мог…

Вершина холма была увенчана валом. В трех местах он на малое расстояние прерывался. «Ага! – подумал я, - На валу был частокол, а проемы – въезды в Городище». В один из них въехал я.

«Да не мог я не быть здесь! – вспыхнула мысль, - Вот на этом самом месте стоял маленький, чуть побольше обычной избы, княжеский терем. А там были хозяйственные постройки»… «Что за фантазии?! – иронично хмыкнула другая мысль, - Или головкой приболел»?

Я перекрестился на полуразрушенную церковь. Но ее крыше среди травы и бурьяна шелестела желтеющей листвой худенькая березка. И удивительно: самые толстые ветви росли перпендикулярно стволу, образуя таким образом… крест! Радостное чувство вездеприсутствия Бога и Его всепобедимости охватило меня. Я еще раз перекрестился и сделал земной поклон. Вошел в церковь. Конечно, ни о каких сохранившихся фресках не могло быть и речи. Кучи шебня, щепок, досок, битого кирпича, еще какого-то мусора покрывали пол. «Где-то здесь должен быть вход в подвал, а там и - в подземный ход, - поискал я глазами, - Конечно, во времена святого благоверного Великого Князя Димитрия Иоанновича Донского планировка была совсем иной… Сколько раз за шестьсот лет все перестраивалось… Но что-то же должно остаться!» Оглядевшись я увидел изогнутые крученные-перекрученные остатки кованных перил…

«До чего же может дойти человек в своей одержимости всеразрушения!» - мелькнула мысль. Подойдя к остаткам перил, я откинул несколько досок, и передо мной открылся черный проем в полу с уходящими вниз ступенями. Но дальше ничего не было видно. Я зажег спичку и немного спустился. Кладка древних, прочных сводов широкого, - намного больше площади храма, - подвала была покрыта плесенью. «Надо было взять фонарик, - посетовал я на самого себя, - Спичек надолго не хватит. Ладно, если Бог даст, приеду сюда еще раз с Женей»…

Я выбрался наверх и вышел из церкви. Оглядел окрестности в надвигающихся на них сумерках. Пора было возвращаться. А так не хотелось уезжать отсюда! Но делать нечего… Я вскочил в седло. И легонько натянул уздечку, провел пятками по бокам Ворона. Конь послушно сдвинулся….

«Надо бы успеть в этот приезд все обследовать… Скоро зима: сюда не добраться!» - думал я не торпя коня.

Я открыл глаза, когда на дворе было еще темно. Взглянул на спящую Аллу. Как же она красива!.. Дети, должно быть, еще спят… Нет, кто-то протопал по лестнице… Завтра – Крещение!

- Ты пробудился, любый мой? – открыла глаза Алла и на миг прижалась ко мне… Мы встали. Пока жена приводила себя в порядок, я прошел по всему терему. Оказывается, все уже поднялись. Ольгушка играла с котенком. Георгий о чем-то деловито распрашивал Афанасия и внимательно слушал его ответы. Из нашего покоя вышла Алла.

- Нет-нет, дорогие мои, - покачала она головой, - Так дело не пойдет! День начинать надо с молитвы. Ну-ка, все – в молельную!

Ах! Какое же это счастье: читать Молитвенное Правило и чувствовать, что за спиной собралась вся семья, кормилица, няньки с малышами на руках, Афанасий, Ивашка, другие домочадцы! И как сладко, как легко, всем сердцем, всей душой, общей любовью текут из уст слова молитвы. И так быстро, что не хочется прекращать их читать! Хочется еще и еще: хоть заново начинай! Но, Правило есть Правило!

…Утренняя постная трапеза, - до рассвета, - составляла травяной взвар с сухарями. Георгий обмакивал их в соль, задорно хрустел и запивал. Ольгушка – наоборот: обсасывая, размягчала сухари во рту, потом жевала, заедая маленькими кусочками густого, засахарившегося меда. Потом только пила взвар. Сластена! А для княжны Анастасии, похоже, слаще меда были переглядки с Георгием. Казалось, что она и не замечает даже, как запивает сухари взваром. Афанасия я тоже усадил за стол. И во время трапезы обсуждал с ним предстоящие хозяйственные дела.

- Жернова на мельнице поменять бы надобно… - деловито говорил он. - Вот, узнавал у мужиков, где камень хороший взять можно. Милостив Господь! В трех верстах отсюда! Самому повелишь поехать или послать кого?

- Это – зимой-то? А до весны никак нельзя обождать? – мотнул я головой.

- Можно обождать. Но весной – посев. Все будут заняты. А сейчас работы – немного, Мужики, в большинстве своем, по истбам занимаются своим хозяйством. А кто – лес заготавливает. Да и по снежку-то на волокуше камень куда проще катить, нежели в распутицу на телеге, - рассуждал Афанасий.

- А как из-под снега доставать будешь?

- Известно как: откапывать.

- Ну, гляди! Только не сегодня: Сочельник же. Послезавтра.

- Понятное дело… Молоко все, начиная с Великого поста, я повелел на масло сбить. Перед Пасхой на торгу разойдется.

- А ты только на Москву возишь?

- Да…

- А почему, скажем, в Лопасню, или еще куда, поближе не отвезти?

- Прости, княже, не подумал. Разведаю… Только там, глядишь, и без нас купцов хватает… Разведаю! - кивнул Афанасий.

- С Великим постом все ясно. А как с Масляной?

- Все готовлю исправно. И творог, и сметану, и простоквашу… Мужиков снарядил за стерлядкой, осетром… Косынки готовы. И все остальные снасти – тоже. Через неделю выйдут на лов. А вообще-то, княже, задумка у меня малая есть… Ручей на краю села протекает. Запрудить бы его, да самим рыбку разводить… А? Вода-то – проточная.

- Погоди-погоди! – улыбнулся я. - Ты мне на Москве нужен. Здесь-то, неужто не найдется мужика с твоей хваткой?

- Почему? Я приглядываюсь… Вот, к примеру, Тит или Данилка… Ну, еще, пожалуй, Клим.., - почесал затылок Афанасий.

- Потолкуй с ними сегодня же, - кивнул я. - А сейчас, после трапезы на конный двор пойдем. Посмотрим, что для русьской конницы приготовлено.

- Я с тобой, отец?! – вскинулся Георгий.

- А ты, княжна Анастасия, не желаешь ли с нами? Верхом прокатишься… Сдается мне, что и оправилась ты уже, - взглянул мельком я на гостью и увидел, как дочь князя Герасима покраснела.

- С радостью, - ответила она. Княгшиня Алла поглядела на меня, покачала головой, но ничего не сказала.

Ах! Какие же рысаки предстали передо мною, когда конюхи вывели их из конюшни.

- Главный объезчик Антоний… - представил мне Афанасий, высокого, худого, жилистого мужика. Тот стоял, держа под уздцы красавца-коня иссиня-черного окраса.

- Ворон! – кивнул на него Антоний. - Для тебя, княже, готовили.

Я подошел, поднес к мягким, горячим губам краюшку ржаного хлеба, густо посыпанного солью. Конь ласково ткнулся в мою ладонь, кося сине-фиолетовым глазом. Пожевал. И повернулся ко мне боком, как бы приглашая вскочить в седло.

Что я и сделал. Прошелся тихонько по кругу. Подтянул и отпустил уздечку. Конь ускорил шаг.

- Открой ворота! – крикнул я Афанасию. И когда тот исполнил, дал коню волю, изредка подправляя направление пятками и уздечкой. Какие-то смутные обрывки воспоминаний всплывали во мне: захотелось вдруг обернуться вокруг Ворона под его брюхом, соскочить на ходу и вновь вскочить в седло, встать на него ногами, еще что-то… Но сдержал себя… Вернувшись к конюшне, я спешился. Кинул уздечку Антонию: «Добрый конь! В Москву заберу. Будет сменным, коли ехать куда придется.»

Ворон ласково ткнулся мордой мне в плечо.

- Попрошайничает! – засмеялась княжна Анастасия.

- Для княжны бы лошадку, - кивнул я Антонию, - посмиреннее…

- Сей же час, княже, - ответил тот и махнул рукой кому-то из мужиков. Он вывел серую в яблоках красавицу-кобылку. Георгий помог княжне сесть в седло, и сам взлетел на рыжего молодого конька. Ладно смотрелись они вдвоем! «Эх! Дал бы Господь породниться с князем Герасимом!» - вдруг вспыхнула думка…

Георгий верхом стоял в центре двора и на длинном поводу водил по кругу лошадку княжны Анастасии. Они оба посматривали на меня. Наконец, Георгий попросил: «Отец, дозволь до рощи прокатиться?»

- Только осторожно! – погрозил я пальцем и опять улыбнулся. Однако, поразмыслив, тоже вскочил в седло. Кивнул старосте и Антонию следовать за мной. …Молодежь разрезвилась верхом. А мы с Афанасием и Антонием, улыбаясь, радовались за них. Вот – и околица. Ручей… Впереди раскинулось большое поле. А за ним – березовая роща, пестревшая в розово-золотистом снегу небольшими, но широкими елочками. Мы доскакали до нее. За ней начинался густой кустарник. Кивнув на него, я сказал Афанасию: «А нужен ли он? Может быть вырубить?»

- Княже! У Бога – все в равновесии! Коли растет, значит нужен. Я так разумею. Вот, разве что, проредить не помешало бы. Сам не люблю густых зарослей… Повели! Завтра же кого-нибудь из мужиков снаряжу.

Вдруг я заметил, как глаза старосты округлились. Брови вскинулись. Он весь напрягся, вглядываясь вдаль. Привстал на стременах. Я обернулся в сторону, куда смотрел Афанасий. Там княжна Анастасия шагов на пятьдесят вырвалась вперед Георгия, играя в догонялки… А из густого кустарника к ней наперерез, большими прыжками неслась… длинная, черная волчица! Я протянул руку к поясу, но с ужасом вспомнил, что не стал пристегивать саблю… Кроме кинжала, подаренного мне еще во Пскове, никакого оружия не было!.. Я сдвинул колени, стукнул каблуками в конские бока… Конь взял с места в карьер…

- Ну, Ворон, выручай! Покажи, на что ты способен! – шепнул я ему. Через несколько мгновений я нагнал Георгия, который тоже бросился на выручку княжны. Да и та, заметив опасность, развернула лошадку и неслась к нам. Мы с Георгием подоспели как раз в тот момент, когда волчица, изловчившись, прыгнула снизу, впилась в горло лошадки. Припав всем своим телом к брюху серой в яблоках красавицы, зверюга раздирала его когтями задних лап… Георгий словно прочитал мои мысли: мы с двух сторон подхватили княжну подмышки, выдернули из седла и развернулись в сторону села…

Волчица, видимо, не ожидавшая такого поворота, на мгновение застыла, как бы расстерялась… Отпустила уже павшую лошадку, нелепо дергающую головой и ногами… Но этих мгновений нам хватило, чтобы отдалиться от нее добрую полусотню шагов.

Афанасий и Антоний свистели, кричали, ставили коней на дыбы… Но волчица неслась теперь на них. Я подтолкнул княжну в сторону Георгия. И когда она оказалась перед ним в седле, крикнул: «Уходите!»

- Отец! – приостановился, было, он.

- Тебе что велено?! – сорвался мой голос. И я повернул коня в сторону волчицы, которая пыталась обогнуть Афанасия и Антония. Но они всякий раз направляли коней так, что, становясь на дыбы, те заступали ей путь…

- Узнаешь эту тварь? – крикнул я Афанасию, поравнявшись с ним. И кинулся прямо на волчицу. Та приостановилась, видимо, не ожидая нападения. И тут же припала к земле, готовясь к прыжку… Но что это?! Ворон, не слушаясь меня, повернулся к ней задом… Боже! И тут, когда волчица уже прыгнула, чтобы вцепиться мне в спину, конь вскинул задние ноги и копытами отбросил зверюгу на добрый пяток саженей.

- Ай, молодец, Ворон! - не удержавшись, крикнул я. - Ратный конь!

А волчица завизжала и, поскуливая, торопливо заковыляла к кустарнику. Велико было искушение догнать, затоптать ее копытами… Но в голове мелькнула думка: «А вдруг в кустарнике – вся стая?! А я – даже без сабли!»

- Вперед! – крикнул Афанасию и Антонию и кинулся догонять Георгия и княжну Анастасию. Мы поравнялись с ними только в конце березовой рощи. Здесь Георгий, обнимая и прижимая к себе княжну, пустил коня шагом. Та уже улыбалась, но испуг все еще темнел в глазах.

- Что это, на тебя, княжна, - за напасть такая? – хмыкнул Афанасий, но, поймав мой взгляд, опустил голову и замолчал.

- Только тятеньке не рассказывайте! – взмолилась она… - Он и так из-за меня наскорбелся!

- Часто волки выходят к селу? – спросил я Антония.

- Бывает.., - раздумчиво ответил он, - но вроде бы, не время еще – для них… Гон только начинается… Да и морозы пока слабые… Яств им и в лесу хватает. Повели! Облаву нынче же устроим.

- Нынче - Сочельник, - покачал я головой, - Завтра – Крещение Господне! Да и прежде, чем облаву творить, след посмотреть надобно. Сдается мне…

Договаривать я не стал, вспомнив ласковые слова черной волчицы, когда нас с князем Герасимом литва взяла в оборот…

- Что? Что случилось?! – бросилась к нам с крыльца Алла, увидев необычную картину объятий Георгия и княжны Анастасии.

- Ничего-ничего, ладо моя! Волки напали. Лошадку княжны зарезали. Нас не тронули. - спешился я и, обняв жену за плечо, увел ее в терем

Вечером, с первой звездой мы потрапезничали коливом. Помолились. Я прочитал вслух главу Святого Евангелия. Георгий – Кафизму Псалтири. Потом княгиня Алла с Ольгой и Анастасией ушли готовить все для Иордани. Афанасий с тремя мужиками отправились рубить лед, ставить сходни, на льду – шатер. В церковь мы решили пойти пораньше, чтобы успеть рассмотреть все иконы, поклониться им… И, увы, я увидел, насколько беден наш храм. Шепнул об этом княгине. Та, вздохнув, кивнула: «Я тоже только сейчас это заметила. Что ж, ежели пожелаешь и благословишь, возьмусь украсить его…»

- Бог тебя благословит, ладо моя! – улыбнулся я.

Всенощная, Утреня, Божественная Литургия пролетели незаметно. Пели все прихожане. Пусть нестройно! Но я видел эти сверкающие слезами и верой глаза и вдруг почувствовал какое-то неземное родство с ними. До-мо-чад-цы!

Крестным Ходом мы двинулись к реке. Мороз покрепчал. Но молитва согревала. На расчищенном льду в виде креста была вырублена прорубь – Иордань. Шагах в десяти, повторяя ее образ, в снег были воткнуты пылающие факелы. После молитв, освящения воды отец Иоанн, сбросив облачение в руки кого-то из мужиков, оставшись в длинной рубахе, первым спустился по сходням в воду.

- *Во имя Отца! Аминь! И Сына! Аминь! И Святаго Духа! Аминь!* – восклицал он срывающимся старческим голосочком. А когда вылез на лед, я предложил ему: «Батюшка! Сходил бы ты в шатер! Переоблачился бы!»

- Не хочу благодать растерять! – почти взвизгнул он от восторга, - Хор-р-р-рошо-то как! Бла-го-леп-но!

Кто-то накинул на него тулуп. Мужики окружили его длинным широким холстом, из-за которого он вышел уже в облачении. Весь народ запел тропарь Крещению Господню…

- Княже, - шепнул мне священник, кивая на прорубь, - покажи своим людям добрый пример!

Я поначалу опешил. Но потом сбросил с себя одежду и быстро сбежал по сходням в воду.

- … И Святаго… - мне не хватало дыхания, - … Духа! Аминь!

Афанасий тут же накинул на меня шубу. А в Иордане уже окунался Георгий. От него шел пар. А он смеялся! Княгиня Алла бросила на меня взгляд, полный одновременно и восторга, и страха. Медленно вошла в Иордань. Медленно погружалась с головой. Медленно восклицала славословие. Так же медленно вышла. Приняла от Афанасия на плечи шубу. Дождалась, пока княжна Анастасия и Ольгушка, весело повизгивая, окунутся и выйдут. Наконец, вместе с ними ушла в шатер переодеваться.

Мы с Георгием переоделись за холщовым занавесом, удерживаемым окружившими нас мужиками. Потом в прорубь пошли Афанасий, Ивашка, остальные. А затем уж – бабы с ребятишками. Окунали даже новорожденных. Взрослым сразу после Иордани подносили по чаше горячего меда, детям – травяной взвар. Отец Иоанн пел и пел, повторяя и повторяя, Тропарь Святому Крещению Господню. После этого я повелел развезти всех на санях по истбам. А сам с семьей и отцом Иоанном отправился в терем разговляться.

- А где же твоя матушка, отче? – спросил я уже за столом.

- И-и-и, милое чадо! Матушка моя, Иоанна, уже третий годок лежит недвижная! Молюсь об исцелении… Да, видать, воля Господа – иная! Но ни я, ни она не ропщем! – грустно улыбнулся он.

- Иоанна?! – удивился я. - В постриге, что ли? Имя-то – мужское…

- Почему же мужское? – по-доброму улыбнулся священиик. - Святая праведная жена-мироносица Иоанна сопровождала Господа нашего Иисуса Христа в Его земной жизни повсюду. У Креста Честнаго стояла, не убоявшись ни римских пик и мечей, ни фарисейских камений… И с другими женами-мироносицами несла драгоценное миро ко Гробу Господню! Вот, в ее святую честь и наречена моя голубушка-матушка.

«Да, - подумалось мне, - век живи, век учись! Скоро седина пробьется, а я столького еще не ведаю о нашей вере! Не хватает тех, кто бы научил… Или моего желания? Вот, на старости лет возьмусь за ум! Если Бог даст дожить до старости»…

- А детки у тебя, отче, есть? – не унимался я.

- А то! Старший, Павел, иерействует в Серпухове. Средний Гаврила – в Лопасне. Младшенький, Роман, принял постриг у батюшки Сергия, в Свято-Троицкой Лавре. Четыре дочки – все замужем за священнослужителями…

- Навещают?

- Ре-е-едко. Но любовь их чувствуется, словно здесь они, рядышком. Ведь как любовь в разлуке проявляется? А?

Я пожал плечами.

- И-и-и! Чадо мое дорогое! Любовь в разлуке проявляется молитвой! Вот, к примеру, служу я Божественную Литургию. Вынимаю частицы… Молюсь, перечисляя имена деток, о здравии… И, словно слышу голосочки их, как они с

внуками и внучками молятся за нас с матушкой… Сердце сердцу весточку любви шлет молитвой через Небо!

Встали мы из-за стола, когда звезды на небе начали гаснуть…

- Батюшка, ты бы взял яств всяких для матушки своей! – предложил я. - Поди скучает сейчас, в праздник-то…

- И-и-и, милый! – улыбнулся он. - Она у меня - постница великая. Уж и не помню, когда в последний раз мясцо вкушала. Не то, что я – великий грешник… А ей не скучно! Говорит мне всякий раз, мол, иди, служи… Или, - мол, иди разговляйся… Я спросил ее однажды, - только слегла она, - а ты, мол, как же одна? Так, она даже осерчала! Я, говорит, - не одна! Со мной Господь наш Иисус Христос, Его Пречистая Матерь, Архангелы, ангелы и угодники Божии всем сонмом… И молитвы твои, говорит мне, со мной! И молитвы деток наших, внуков, внучек… Вот, так-то, вот! Не мне, грешному, а ей бы по уму иереем быть! Если б, конечно, мужчиной была…

Я повелел Афанасию отвезти батюшку домой, собрав для него всяких яств. А для матушки – рыбки, икорки, молочного… Благословив детей, мы с Аллой отправились отдыхать. А проснулись в сумерках. Только - в вечерних… Сказались трудный день и безсонная ночь…

…Я блаженствовал в кругу семьи. Но дни пролетали словно ласточки. Волчьих следов мужики так и не обнаружили… Наваждение какое-то! Только, не какое-то, а чье! Вражие! Я-то теперь точно ведал, откуда взялась черная волчица и что она из себя представляет… Но, учитывая, что Ворон побил ее, особых опасений у меня не возникало…

Я радовался. Мужики возвели во дворе снежную горку, и моя ребетня, - а с ними и деревенские, - вовсю резвились! Промокшие насквозь, но румяные, со сверкающими от радости глазами, прибегали они в терем. Сбрасывали одежку и валились спать, забывая иной раз и потрапезничать. Но княгиня Алла тормошила их, требовала вычитывать Молитвенное Правило… Георгий с княжной Анастасией тоже катались с горки, барахтались в снегу. А однажды и мы с Аллой решили тряхнуть стариной! Вот смеху-то было!

Но скоро мы стали собираться в обратную дорогу. Поначалу так не хотелось уезжать! Тем паче за хозяйственными делами я позабыл и на охоту съездить… А теперь, с другой стороны, меня стали посещать думки: что, как там, на Москве? И к выезду из подмосковной они уже не покидали меня! Какие печали, скорби у Великого Князя. Надо было бы разделить их с ним! Служить надобно!

В обратный путь я ехал опять верхом. Теперь - на Вороне. И все вспоминал, как он, якобы, подставив волчице спину, вдруг нанес ей удар, от которого любой другой волк сразу бы околел… Но это была черная волчица!.. А ну, как она сейчас какую-нибудь пакость в дороге вытворит?! Господи, спаси и помилуй! Алла, внимательно наблюдавшая за мной из саней, спросила: «Какие думки кручинят тебя, любый мой?»

Я перегнулся с седла, погладил ее по голове: «Не хочется уезжать из этого рая! Но, служба есть служба! И о ней – все думки!»

Она грустно улыбнулась в ответ. А я нарочито громко обратился ко княжне Анастасии: «Ты просила не говорить отцу о твоем приключении. Я не могу этого сделать. Посему, скажу, как было: мол, напала волчица, а мы ее отогнали. И это – правда! Договорились?»

Та доверчиво кивнула. А Георгий благодарно посмотрел на меня.

…Добрались мы без приключений. В Москве я передал княжну Анастасию, что называется, из рук в руки князю Герасиму. Узнал от него, что особых новостей нет. И уговорился, что он с князем Ондреем зайдут завтра ко мне. В тереме моем и во всем хозяйстве тоже все было без изменений, - благополучно. Слава Богу за все! И я положил в молельной три земных поклона.

…Мы с князьями Герасимом и Ондреем сидели в трапезной. Я поведал им о приключении с волчицей. Естественно, без подробностей, как обещал княжне Анастасии.

- Что ж это за напасть такая?! – воскликнул князь Герасим. - А ты уверен, что напала та самая, оборотень из амбара?

- Я эту волчицу давно знаю! – крутанул я головой. И поведал случаи с моей княгиней, о «ласке» зверюги, когда нас подстрелила литва…

- Чего же ей надобно? – сокрушенно вздохнул князь Ондрей.

- Если нечисть нападает, - размышлял я, - значит, мы ей мешаем делать ее бесовское дело. Стало быть, - служим Господу! Так еще мой прадед говаривал!

- А не может быть наоборот? – откинулся назад князь Герасим. - Почему, скажем, Господь попускает этой пакости творить беззаконие?

- Попускает! Для нашего укрепления в духе! Заметь, все приключения заканчиваются благополучно! Господь не дает поругать нашу веру в Него! Мы ведем с ворогами Земли Русьской видимую брань. Так? А между тем, рядом идет невидимая… За наши души. За соборную душу Русьской Земли! - вдруг с жаром проговорил князь Ондрей. Но тут же смутился. Потупился. Тихо продолжил: - Я тут зачастил в Чудов монастырь. К отцу Иову, у которого вы окормлялись после сечи на Воже… От него все это и услышал…

Мы отхлебнули меду, который принесла княгиня Алла. Закусили пирогами с гречкой, телятиной и грибами. Помолчали.

- Вы не слыхали? Великий Князь меня не хватился? А то что-то засиделся я за сарафаном женки… Да и самому – не по себе! – нарушил я молчание.

- Если б понадобился, он тебя вызвал бы даже из подмосковной… - веско дернул вверх головой князь Герасим..

- Да! Чуть не забыл! – вскинулся я, - Вырастили мне коника. Ворона. Так вот он…

И я рассказал об ударе задними копытами по волчице… Потом помолчал. Добавил: «Каков был удар! А не продумать ли нам его для сечи? И в пешем бою, и в конном!»

- И-и-и! Здесь и продумывать нечего! – засмеялся князь Герасим, - Меня такому удару еще дед обучал! А он Славянским Спасом владел, - дай Бог каждому русьскому ратнику!.. Повели-ка принести два щита и деревянные мечи!

Когда Афанасий принес требуемое и подал нам, мы встали друг против друга, словно для поединка.

- Нападай! – потребовал князь Герасим. Я сделал выпад, а он вдруг повернулся ко мне спиной. Казалось, через миг я «поражу» его. Но князь Герасим слегка присел. Выкинул левую руку с щитом назад и вверх, отчего мой меч закрутился в сторону… И тут же из-под щита легонько ткнул меня в мой открывшийся левый бок, под ребра, снизу вверх…

- Вот так! – довольно хмыкнул он. - При хорошем прямом, отработанном ударе меч снизу проходит почти все тело и достает до сердца!

- Ого! – крутанул головой князь Ондрей. - Дай-ка я попробую?

Так мы по очереди отрабатывали удар еще некоторое время, пока в горницу не вошла княгиня Алла.

- Что это вы, князья, так расшумелись? – спросила она. Но, увидев, чем мы занимаемся, снисходительно заулыбалась: «Ну, отроки! Сущие отроки!»

- Ты не понимаешь, княгиня! – жарко возразил князь Ондрей. - Ты только глянь! Красота-то какая?!

- Хороша красота! Учиться убивать! – покачала головой жена.

- Не убивать, – возразил теперь я, - а учиться Отчину защищать!

- От-ро-ки! – махнула она рукой и вышла. А мы опять сели за стол.

- Скажи-ка мне, нельзя ли как-нибудь обхитрить эту черную волчицу? А ну, как, к примеру, облаву у тебя в подмосковной устроить? – продолжил прерванный разговор князь Герасим.

- Ее там и след простыл! В прямом смысле! Мужики через день ходили туда, где она напала… Так ни одного волчьего следочка не нашли. Хотя и снегопада не было! Словно по воздуху унеслась. Обхитрить? А как мы узнаем, что еще за пакость эта нечисть придумает?

- Нечисть – она и есть нечисть! Против нее только пост, молитва, да Крест Христов что-то сделать могут. - вставил вдруг князь Ондрей.

- А ты, должно быть прав! – задумался я, вспоминая. - Ведь и мысли не было, чтобы помолиться, перекрестить ее…

- То-то! – улыбнулся князь Ондрей, - Почаще бы вам с отцом Иовом, да со своими духовниками беседовать. Да за чад своих погорячей молиться!

- Слушай! А ты часом сам в монахи постригаться не собираешься? А как же тогда твоя супруга и моя сестрица? – пряча улыбку в бороду, спросил князь Герасим.

- Нет! Не собираюсь! – разделяя буквы, ответил князь Ондрей. - Мне тебя еще с племянником или племянницей скоро поздравлять придется!

- Что?! Неужели?! – князь Герасим даже вскочил… - Вот молодец! Ай-да, князь Ондрей!

- Если я – не молодец, то и свинья – не красавица! – хохотнул князь Ондрей и тут же серьезно добавил. - Погоди радоваться! Здесь молиться надобно! Дабы Ирина благополучно выносила и родила… Отец Иов говорил, что просить об надобно Пресвятую Богородицу перед Ее святой иконой Феодоровская… Кстати, Ляксандр! Под нею венчался Великий Князь Александр Невский!..

Я не узнавал его! А вечером, укладываясь спать, поведал об этом Алле.

- Вот, как княгиня Иринушка на нашего ратничка добре действует! - улыбнулась она и тут же перекрестилась, - Помоги, Господи, и Ты Пресвятая Богородица выносить и родить нового раба Вашего! Или рабу Вашу…

Сумерки сгущались быстро. И я даже немного пожалел о том, что так замешкался у бабушки Аграфены. Но вот впереди закраснели развалины Бутырок. А справа, у реки, в небо взвивались сине-желто-красные высокие языки костра. В их всплесках, - как я понял, на лысой горе, - отчетливо выделялись фигуры людей в каких-то черных балахонах с капюшонами. Они прыгали вокруг костра, выбрасывали вверх и вперед руки, взвизгивали. В вечерней тишине звуки были слышны далеко. Всех слов понять было нельзя, но одно узнавалось: «властитель»…

«Какое-то новое молодежное движение, типа хиппи, наверное…» - подумалось мне. Но другая мысль подсказала: «А вдруг - секта»? Третья останавливала: «Скачи домой! Дядя Леша велел засветло вернуться»! Но любопытство первых двух взяло верх. И я, объехав Бутырки с другой стороны, привязав Ворона к ограде огорода бабушки Аграфены, острожно стал пробираться через заросли крапивы, высокого бурьяна и лопухов к лысой горе. Весь обожженный, нацепив на штаны и куртку репьев, я добрался до ближних к костру развалин красного кирпича. Здесь в проем, когда-то бывший окном, все виделось, как на ладони…

«Туристы», сбросив капюшоны, теперь сидели вокруг большого костра, сцепив пальцы рук, скрестив по-турецки ноги, полуприкрыв глаза и что-то дружно шептали. Я пригляделся и отпрянул: в одной из девушек я узнал… Соню! А рядом сидящий оказался Вадиком Шляховским… Вдруг Соня вскочила и выдернула из складок балахона два кривых узких кинжала с искусно выточенными волнообразными лезвиями…

- Час настал! Вла-ститель! – взвизгнула она, закатив, казалось, безумные глаза… - Мы принесем тебе жертву! Прими ее! И с ее кровью дай нам силу повелевать профанами в этом мире! И служить тебе, властитель!..

- А может быть, пока не надо? – приподнялся пухлый со слегка отвисшей нижней губой темноволосый, курчавый юноша. - Я ведь даже не попробовал ее! А ведь три месяца обхаживал!

- Дурак! – воскликнула Соня. - Властителю нужна девственица! Она и сама хотела отдаться тебе… Я едва уговорила ее остаться девочкой! Про заветы Распятого, - уф, даже противно! – напоминала!

- Тебе что, нас мало? – засмеялась девица с распущенными волосами… - Сейчас причастимся ее крови и все сольемся в одно тело…

В это время у себя под ногами я услышал слабый стон. Присмотревшись, увидел скрюченную человеческую фигуру, лежащую прямо на земле… Наклонился к ней. И, когда глаза немного привыкли к темноте, обнаружил, что передо мной – связанная по рукам и ногам девушка с кляпом во рту. Теперь у меня в голове что-то стало проясняться… «Так, - лихорадила меня мысль, - Если я сейчас вытащу кляп, девушка может закричать… Выдаст. А чтобы спасти ее, нужна тишина»…

Я еще раз пригляделся. На меня смотрели полные ужаса и слез глаза.

- Тихо! Ничего не говори! И Боже упаси тебя закричать! Я один с такой ордой не справлюсь. А если будешь молчать, то спасу тебя, - прошептал я, почти прикоснувшись губами к ее уху. Девушка часто и быстро закивала головой. Я достал перочинный нож и перерезал веревки. Девушка все-таки попыталась что-то сказать, но я приложил указательный палец к ее губам. Выглянул в проем. Там Соня говорила Вадику: «Ну, что, Хорост?! Иди за этой счастливицей! Сегодня она уже будет с властителем! Возьми с собой Серого Шара. Ведите ее сюда.»

И она кивнула на пухлого парня с отвисшей губой… Должно быть, от отблесков костра глаза Сони казались багровыми, окаймленными оранжевыми кругами. Вадик лениво поднялся. Я не узнавал его: движения были какими-то механическими…

«Опоили чем-то, что ли?» - подумалось мне… А Соня грозно продолжала: «Ну, чего ты тормозишь? Тебе повелеваю я!.. Или, может быть, мы твоею кровью причастимся?!»

И она до искр чиркнула одним кинжалом о лезвие другого…

- Уходим! – шепнул я и, взяв девушку за руку, повел ее тем же путем, по которому пришел.

- На коня умеешь садиться? – спросил я, отвязывая Ворона.

- Не-е-ет, - выдохнула девушка, - а куда мы сейчас? Вы мне ничего плохого не сделаете?

Но я не успел ответить, потому что от костра до нас донесся шум переполоха, ругань, крики… Я закинул девушку в седло, вскочил сам позади ее и стукнул пятками Ворону по бокам. Тот вынес нас на дорогу. До самых Лужков я гнал коня. И, только въехав в деревню, опять огородами, пустил его шагом… Дядя Леша сидел и курил на веранде. Женя нервно ходил по ее периметру. Увидев меня, сурово бросил: «Ну, где тебя носит? Мы уже всю деревню на твои поиски поднимать собрались!»

Я втолкнул вперед девушку.

- О-о-о, – изменился в лице Женя, - а это что еще за явление?

- Дайте чего-нибудь успокоительного… Ей только что чуть горло не перерезали! – плюхнулся я на стул. Налил себе полстакана коньяку из початой, очевидно, привезенной Женей, бутылки и залпом выпил. Дядя Леша молча поднялся, ушел в комнату. А вернулся с полным стаканом темной жидкости. Поднес девушке. Ее зубы застучали о стекло.

- Что это? – спросила она, тоже залпом осушив полстакана. - Вино?

- Пей! Тебе лучше станет, - снова опустился на стул дядя Леша. Я рассказал все, что произошло. По мере повествования глаза Жени расширялись.

- Надо в милицию сообщить! – вскочил он, когда я закончил.

- Не надо! – мотнул головой дядя Леша… - Когда она еще из Рыбного приедет… Да и не докажешь ничего… Надо отдохнуть… И… Эх! Помолиться! Хуже всего, что на дороге следы от копыт Ворона остались… Да ладно, это дело – поправимое! Завтра пораньше выпущу свою скотину по дороге за огородами… Сам отведу на луг. Затопчут следы… «Тур-р-ристы»!

- Как хоть зовут-то тебя? – спросил у девушки Женя.

- Оксана, - опустила та глаза.

- Ксения, значит? - вздохнул я.

- Нет, Оксана! – воспротивилась она. - Так в паспорте написано.

- Ладно, Оксана, - перебил дядя Леша, - давай-ка поешь, да спать ложись в комнате, на диване… Я-то по-стариковски на кровати все-таки лягу… Что-то спину ломит.

- А мы – на сеновале! – вдруг весело воскликнул Женя.

- Вот-вот, - хмуро кивнул дядя Леша и налил три стопки, - Саша, ты тоже поужинай.

Сам он, после того, как мы выпили, вышел в комнату и вскоре вернулся с двумя ружьями. Вынув из кармана патроны, зарядил. Одно протянул Жене, другое – мне.

- Спать вам – в полглаза, у окон. Одно выходит на деревенскую улицу, другое – на огород…

Девушку явно клонило в сон. Дядя Леша взглянул на нее, вздохнул, улыбнулся: «Давай-ка, милая, отправляйся на боковую!»

- Вы только одну меня не оставляйте! – плаксиво заговорила Оксана.

- Не бойся-не бойся! Мы здесь посидим немного и тоже – по своим местам. Ступай! – кивнул ей дядя Леша. А когда она ушла, тихо добавил: «Да, взяли девчонку в оборот. Завтра пусть умывается на заднем дворе. Нечего высовываться! А мы сейчас еще выпьем, закусим, покурим… Все хорошо, что хорошо кончается…

- Ну, что там, в Москве, с этим Виктором приключилось? – спросил я Женю, когда мы обложившись душистым сеном, словно пуховиками, устроились у окон-бойниц сеновала.

- Тоже непонятное приключение… - раздумчиво проговорил он. - Помнишь ту длинноногую блондинку Карину из «Комсомолки»? Оказывается, она встретила свою первую любовь, - Виктора, солиста «Жарков», - с которым когда-то рассталась.

- Помню. Знаю, - кивнул я.

- Откуда?

- Рассказывай!

- Так вот. Эта самая Карина решила бросить все и уехать с Виктором в Красноярск. Так он сам рассказал. Они сговорились, что он заедет за ней и сразу – на поезд… Заходит он к ней во двор. Поздно уже, - ночь… А ему навстречу – пятеро. Спрашивают: Витек из Красноярска? Он, естетственно, подтверждает… А они стали бить его. Да так бить! Ноги переломали!.. А самого в кусты забросили. Да еще и стакан водки в рот влили. Какой-то дед собаку выгуливать вышел… Та и нашла нашего Виктора. Дед вызвал «Скорую». Но, пока - суть, да дело… Я его только к полудню нашел. Больница – аж за Филями!

- Ноги переломали?

- Да. Врачи говорят: плясать он уже не сможет.

«Геннадий!» - сквозанула мысль. А Женя продолжал: «Попытался я эту Карину найти… Звоню в редакцию, а там отвечают, что не знают, где она: на работу не приходила… И вообще, мол, Кариночка – внештатный корреспондент… Узнал

домашний телефон. Звоню. А там отвечают, что она рано утром уехала в Крым отдыхать, - только держись крепче! – с же-ни-хом… Нич-ч-чего ненонятно… Вызвал я руководителя… Тот приехал. Людмила Петровна отпустила меня сюда, пообещав, что наши девочки-методисты будут навещать Виктора… А сколько он с такими травмами еще проваляется в больнице, - неизвестно…

- Тут – другая травма! Намного болезненней! – вздохнул, перекрестившись я. И рассказал все, что знал о Викторе и Карине… Вспомнил и про Геннадия…

- Так ты предполагаешь?.. – начал, было, Женя.

- Да… Однако, если и милиция что-либо докажет, папочка этого хмыря, Геннадия, из любой переделки отмажет…

- Какая милиция, Саха?! Приходил к Виктору следователь! Так тот заявил, что никаких претензий ни к кому не имеет!

- Почему?

- А я знаю?

- Да-а-а! – протянул я, взглянув в темное окно, и никого не увидел… Время от времени, сквозь дремоту, я открывал глаза, окликал Женю… А проснулся окончательно от мычания коров, блеяния овец и коз. Звезды на небе начали блекнуть… Выглянув в окно, я увидел что дядя Леша о чем-то весело рассказывает пастуху. Тот, молча, выслушал. Кивнул. Сунул в боковой карман бутылку, протянутую дядей Лешей. И погнал стадо в прожег, на окольную, вдоль огородов, дорогу. Следы копыт Ворона были затоптаны…

Когда мы с Женей вошли в дом, дядя Леша уже что-то кашеварил, то ли бурча, то ли напевая себе под нос. Я заглянул в комнату. Оксана, разметав длинные, слегка вьющиеся каштановые волосы по подушке, спала, словно солдатик, по стойке «смирно».

- Умаялась, – хмыкнул дядя Леша, - наскорбелась… А ведь – дитя-дитем! Ты ее не буди! Пусть спит. Но и одну не оставляй! Мы с Жекой за сеном съездим. Ак-курат – к Бутыркам. Глянем заодно одним глазком на этих «Тур-р-ристов»… Ружья-то принесли с сеновала?

Я кивнул. А дядя Леша добавил: «Одно разряди. Умеешь? И брось ко мне под одеяло. Другое поставь в угол. Девку ни на веранду, ни в палисадник не пускай! Тут, сдается мне, дело нешуточное…»

Когда они уехали, я, поискав, чем бы заняться, решил вымыть посуду, которой со вчерашенго дня накопилось немало. Нагрел воды. Раз - для мытья. Два – для споласкивания. Расставил все это на столе в палисаднике. И принялся за дело…

- Простите… - услышал я сзади. На крыльце стояла Оксана. Она улыбалась, словно вчера ничего и не угрожало ее жизни.

- Ну-ка, марш в дом! - скомандовал я. - И чтобы не высовывалась даже на веранду!

- Я просто хотела спросить: где здесь туалет? – виновато потупилась она, переминаясь с ноги на ногу. - Да и посуду я могла бы тоже помыть…

Я вздохнул и пошел проводить ее. А по дороге строго сказал: «Тебя что, зря спасали?! А если эти, как их там, тебя заметят, мне же стрелять придется! Ты уж не подставляй меня!»

- Простите! А я уж спросонья и забыла… А мне такой чудный сон снился…

- Иди-иди! – подтолкнул я легонько ее. И подумал: «Действительно, совсем – дитё»! Когда же она вышла, отвел ее в дом, поставил на стол чугунок с картошкой. Спросил: «Умеешь чистить?»

- Конечно! – улыбнулась Оксана. - Мама – на трех работах, чтобы я выучилась… Отца нет. Все хозяйство – на мне.

Я ушел домывать посуду. Потом наносил воды. Приготовил себе крепкий кофе. Вышел с ним из дома. Сел на ступеньки крыльца. Закурил. И вдруг увидел, что по

улице идут уже знакомые «туристы». Они заходили в каждый палисадник, вызывали хозяев, спрашивали о чем-то. Те отрицательно мотали головами. Вот, Соня, - а вроде бы, и не она, - поравнялась со мной.

- Простите, - растянула она пухлые, бантиком, губы в голливудской улыбке, тогда как миндалевидные маслины глаз были холодны, - мы тут на пикник выезжали… И подружка потерялась! Вы не видели случайно девушку лет семнадцати, среднего роста, с длинными каштановыми, слегка вьющимися волосами?

- Нет, не видел, - отхлебнул я кофе и затянулся сигаретой.

- Что ж мы теперь матери ее скажем? – лениво протянул похожий на Шляховского парень, согнувшийся под двумя рюкзаками и свернутой палаткой.

Я пожал плечами.

- А может быть, ее похитили? – делано округлила глаза тоже уже знакомая по вчерашнему приключению блондинка. - На дороге мы видели следы копыт… У самого нашего «лагеря»…Здесь есть поблизости цыгане? А лошади в деревне у многих?

- Про цыган не знаю. А лошади здесь, почитай в каждом дворе есть. Но они все – в поле… Пасутся или работают… - мотнул я в сторону головой.

- Ну что ж, простите… - поджала губы псевдоСоня. И «туристы», изредка перебрасываясь словами двинулись к мосту через Вожу. Я подождал, пока они отойдут подальше и вошел в дом. Оксана сидела бледная, вжавшись в угол дивана.

- Я все видела и слышала… - громко прошептала она. - Что они теперь маме наговорят?! У нее же – сердце больное!

И она заплакала…

- Слушай, давай без истерик! Сейчас приедут дядя Леша и Женя. Мы вчетвером что-нибудь придумаем. А ты пока на кухне собери на стол.

- А если они вернутся?

- С кухни все хорошо просматривается. А тебя с улицы видно не будет… Да и я выйду на крыльцо. Во-он, гляди, они уже к Алешне подходят. - показал я в окно. Там, за Вожей пестрели крохотные фигурки «туристов». Но не успел я выкурить сигарету, как к дому подкатили дядя Леша с румяным и веселым Женей. Лошадь с телегой, наполненной сеном загнали во двор.

- Потом разгрузим! – бросил дядя Леша, - Ну, как?

- Заходили эти «туристы», - доложид я, - «горевали»: как, мол, перед мамой Оксаны отчитываться будут, - подружка-то пропала!

- Нас они тоже с пристрастием допросили, - в тон мне заметил Женя, - только отпечатки копыт Вороны не сверили.

- Не этого они боятся, - нахмурился дядя Леша, - а того, что мама Оксаны в милицию заявит! Их таскать начнут. Кто-нибудь проговорится… Как бы они маме Оксаны чего худого не сотворили… Пойдем в избу!

Там он всплеснул руками: «Ох, и хозяюшка! Стол накрыла! А что ж продукты не выложила?»

- Да я не знаю, чего выкладывать-то… Сегодня - среда. Моя мама постится… А вы? Я же не знаю. Вот, картошка сварилась.

Меня словно кипятком ошпарило: «Когда же я в последний раз постился по средам и пятницам»?! А дядя Леша хмыкнул: «Грех - из уст, а не в уста! Неси все на стол.»

…Нам и себе он налил по стопке, а Оксане – большую кружку молока. Когда мы слегка насытились, дядя Леша обратился к Оксане: «А теперь расскажи-ка нам все по порядку.»

- Чтобы помочь тебе, мы должны знать все до мельчайшей детали. Только честно! – добавил Женя.

- С чего и начать? – задумалась Оксана.

- Ты – из Москвы? – спросил я.

- Не-е-ет! Мы все - из Рязани. Отца у меня нет, - вдруг прослезилась она, - он восемь лет назад на рыбалке провалился под лед… Две недели проболел. В больницу ложиться отказался… Теперь мы с мамой – вдвоем. Я в этом году закончила десятый класс. В институт не поступила: одно балла не хватило… А когда узнала, вышла расстроенная. И тут, в скверике института познакомилась с Игорьком. Ну, вы его видели, пухленький такой. Он – вообще-то добрый! Но после трех свиданий приставать стал… На пятом – мы поцеловались. А когда приставать стал для… большего… Ну, вы понимаете… Я сказала, что еще – девушка. Он засмеялся. А я обиделась. И заявила, что моим первым и единственным мужчиной будет муж… Я, наверное, не то говорю? Простите!

- Нет-нет, – покрутил головой дядя Леша, - именно, то!

- Игорек обозвал меня допотопной дурой, посоветовал идти в монастырь. И ушел. Несколько дней глаз не показывал, не звонил… А потом вдруг заявился! Совсем другой! Я, говорит, мол, был неправ! Прости! Девственность только украшает. Это, мол, - великая тайна!.. Начал водить меня в кино, в театр, на выставки. Пообещал через своего отца, который преподает в Рязанском пединституте, помочь поступить на будущий год… А потом, говорит, мол, мы поженимся! Ну, я не верила своему счастью! Потом он пригласил меня на вечеринку, где я и познакомилась со всеми этими ребятами. Выпили мы немного вина, потанцевали, вели умные разговоры. Но меня смутило то, что у них, у всех – клички. У Игорька, например, - «Серый Шар»…

- А у Сони? – спросил я.

- У Сони? – вскинула брови Оксана, - У какой Сони? У нас там не было никакой Сони.

- Ну, у самой вашей главной…

- А-а-а, так ее зовут – Алла.

- Алла?! – что-то ёкнуло внутри меня.

- Да, Алла! А кличка у нее… Как это… На немецкий похоже… Ах, да: Шварзе Вульфин… Так, по-моему…

Мы с Женей переглянулись. А дядя Леша вдруг пояснил: «Черная волчица. Это – по-немецки. Я когда в сорок пятом шел через Германию, язык ихний попытался выучить… Дома, после войны, хотел, было продолжить, учебников всяких накупил, словарей… Но дела хозяйственные не дали. А ты, Оксаночка, продолжай.»

- Ну, вот. Потом Алла пошла курить на кухню и меня с собой прихватила. Все хвалила мою девственность, ругала мужчин, мол, все они – кобели…

- А кто она такая? – перебил Женя.

- Ну… женщина. Живет гражданским браком с Володей, по кличке Хорост. Сама работает на станции переливания крови. А Володя – в областной комсомольской газете. Журналист!

- Хорост? – переспросил вдруг Женя. Покачал головой: «Божество с похожим именем было у древних славян-язычников. Но пришло оно к ним с Востока… И своим внешним видом было схоже с волком…»

- Продолжай, - кивнул дядя Леша.

- На вечеринке мне не понравился и последний танец… Они поставили в центр комнаты большую, толстую, черную свечу, встали в круг, обняв друг друга за плечи и стали кружиться все быстрее и быстрее… Потом расцепились и запрыгали, выбрасывая вверх и вперед руки и крича что-то… По-моему, тоже по-немецки… Или еще по-какому… Как ненормальные! И глаза у них были какие-то ненастоящие! Красные даже! Но тут Игорек взял меня под руку и увел. А когда провожал, столько разных интересных историй про волков рассказал… Он же учится на биофаке… А волки – его любимые животные. Он говорил, что даже преклоняется перед ними. И мечтает написать фантастический роман о планете волков, где цивилизация намного

выше человеческой. А через неделю они пригласили меня на этот пикник. - вдруг заплакала она.

- Ты понимаешь, зачем они тебя пригласили? - спросил Женя.

- Чтобы убить.., - еще горше заплакала Оксана.

- Не просто убить, – вздохнул я, - а принести в жертву властителю, как я предполагаю, волков, которыми они себя представляют… Я же своими ушами слышал. И жертвенные кинжалы видел в руках у этой… Аллы.

- А ты понимаешь, что теперь, потеряв тебя, они, чтобы спрятать концы в воду, могут убить твою маму? – хмуро спросил дядя Леша.

- Ой.., – побледнела Оксана, - только – не это! Лучше бы уж – меня! Зачем вы меня спасли?!

- Спасли, чтобы ты жила! – повысил голос дядя Леша. - Теперь надо спасать твою маму! У тебя с ней в другом городе есть родня?

- Да, в Касимове живет мамина сестра, тетя Клава, - кивнула девушка.

- А мама сейчас – дома?

- Она – на второй работе, вахтером. Сменится завтра утром. И тут же, не заходя домой, – еще на одну работу!

- Ты телефон туда знаешь?

- Конечно.

Дядя Леша встал, посмотрел на часы. Повернулся к нам: «Жека, Саша, свалите сено на землю. Потом соберем. Сейчас – в Алешню, на почту. Оксаночка, ты должна позвонить маме и убедить ее немедленно уехать в Касимов, к сестре. Пусть заболеет, возьмет отпуск за свой счет, хоть уволится! Только города по телефону не называй! Скажи просто: к тете Клаве. Туда мы и тебя сегодня отправим.»

- Но у меня и деньги, и документы в рюкзаке остались…

- Не волнуйся! Денег мы тебе дадим. В Касимове сразу идите прямо в городское управление внутренних дел, в райком партии…

- Ага! В райком!.. – хмыкнула девушка, - У Светы, у блондиночки такой симпатичной, - вы, наверное, видели ее, - папа в обкоме работает!

- Хорошо, - кивнул дядя Леша, - у тети в Касимове есть телефон? Запиши. Я тут из Рыбного тоже звякну одному своему однополчанину в Москву… Попрошу заняться этим делом. Вам позвонят.

…Через несколько минут мы в телеге миновали мост через Вожу и резко свернули вправо. Проехали заливной луг, перешли вброд старицу, поднялись чуть в горку и оказались в самом центре Алешни. На почте было душно. В несчетном количестве летали мухи. А они уже начали кусаться… Но, слава Богу, единственный междугородний телефон-автомат был свободен. Мы насобирали пятнадцатикопеечных монет, и Оксана вошла в кабину. Дверь в нее закрывалась плотно, но все равно было слышно, что кричала в трубку девушка.

- Мамочка! Нет, ничего страшного не случилось! Не волнуйся! Но может случиться! Я не могу говорить об этом по телефону… Бери отпуск за свой счет, или хотя бы – больничный! А лучше, увольняйся! И срочно! Слышишь, срочно! Выезжай к тете Клаве. Я сейчас поеду туда! В Ка… Ой! У нее встретимся. Я все объясню и расскажу! Мамочка! Да жива я и здорова! Только не волнуйся! У тебя же – сердце! Нет-нет! Выезжай! Я умоляю тебя! Я тебе обещаю за это все посты соблюдать, даже в среду и пятницу! Все праздники и по воскресеньям в церковь с тобой ходить буду! Все молитвы утром и вечером вместе будем вычитывать! Только приезжай! Ну, скажи что-нибудь! Скажи, мол, дочь в неприятности попала… Ну, да, попала, но добрые люди помогли… Кого? А-а-а! Алексей, Александр и Евгений! Вместе, вместе будем молиться за них! Домой не заходи. Сразу выезжай! Ой, последняя монета… Целую! Приезжай!

Оксана вышла из кабинки мокрая от духоты и слез…

- Все хорошо, все хорошо! – погладил ее по голове дядя Леша. На улице рядом с нами вдруг остановился старенький горбатый «Запорожец».

- Леха! – крикнул здоровенный мужик, неизвестно как вместившийся в него.

- Серега! – кинулся к нему дядя Леша. - Сколько не виделись? Откуда? Куда? Все плаваешь?

- Сколько раз тебе можно говорить, что по морю только дерьмо плавает, а моряки ходят! А сейчас я еду от матери, домой, в Рязань, - ответил весело тот, каким-то ловким движением выбираясь из, казалось, сплющившего его пространства, «Сам-то как?»

Он обнял дядю Лешу. Тот в ответ похлопал мужика по спине. Заверил: «Слава Богу! А ты, Варя, детки?»

- Ты про внуков забыл спросить! Их уже трое!

- Ишь ты! Как времечко бежит! Может быть, ко мне? Посидим!

- Не-е-е! Сейчас домой надо! Вот, на той неделькe приеду картошку копать, заеду обязательно. Могу даже с ночевой… Чтобы посидеть… Я ж только с кругосветки вернулся! Соскучился по своим!

- Лады! Слушай Серега! Подвези девчушку до Рязани. До автовокзала! Купи ей билет до Касимова. На ближайший рейс! У тебя ж знакомые - на автовокзале-то… Во-о-о, как надо! – провел ребром ладони по горлу дядя Леша. - Приедешь через неделю, я деньги отдам…

- Какие деньги, Леха?.. – хохотнул мужик и, обернувшись к Оксане, галантно поклонился, - Садись, красавица! Машинка – старенькая, но бегает, как молоденькая!

Они еще раз обнялись с дядей Лешей, - на прощанье. Прокашлявшись через выхлопную трубу, «Запорожец» вдруг с места сразу взял в карьер. Пока было можно, мы видели, как Оксана, севшая на заднее сиденье, махала нам рукой.

- Так! Сено надо перебросить на сеновал! – крякнул дядя Леша и запрыгнул на телегу. Мы последовали за ним. После сена нашлась еще работа. И еще… И еще… Только к вечеру мы сели за остывший и оставленный на столе то ли завтрак, то ли обед.

- Вечно эти бабы вносят в жизнь суету и нераберихy! – проворчал дядя Леша, наливая всем по стопке. Однако, поднимая свою, добавил: «Дай Бог здоровья и долгих лет жизни Оксане и ее матери!»

В этот раз мы сидели долго. И не смог дядя Леша уже отнекаться от военных частушек. А мы с Женей переламывались пополам от смеха, не в силах подпеть:

Антонеску, хрен горбатый
Захотел отнять Карпаты.
Мы своим дубовым дрыном
Раздолбаем всех румынов…

И все в этом же роде… Не обошлось без фронтового матерка… Сам дядя Леша только грустно улыбался, видимо, вспоминая свою военную молодость. А утром, после легкого завтрака, сам оседлал нам Ворона и Ворону, передал для бабушки Аграфены каких-то, - мы даже и не посмотрели, - гостинцев и хлопнул ладонями по конским крупам. И мы неслись напрямки, без дороги! Женя обогнал меня… Вдруг резко обернулся в седле и… сфотографировал. Вот уж, действительно, - жизненно, без позирования, таким, как есть… Ветер трепал и раздувал наши волосы и гривы коней. И такой радостью, таким молодым счастьем он весь был наполнен. Этим и поил нас. Хотелось кричать от переполнявшего сердце восторга!

Доехав до бабушки Аграфены, мы передали гостинцы, быстро в два топора наkололи целую поленицу дров, наносили воды во взявшиеся откуда-то емкости. Она пригласила в дом. Там, на столе, стояли тарелки со свежими и малосольными огурчиками, помидорками, мочеными и маринованными яблочками с калиной,

капустой с клюквой, грибочками, рыбкой жареной и запотевший графинчик с самогонкой.

- Я-то кваску выпью: пост! А вы, как путешествующие, да после трудов праведных и милосердных, можете и крепенькой! – подмигнув, улыбнулась она всеми неисчислимыми морщинами. За столом мы говорили о том, о сем… Но вдруг Женя удивил меня, спросив: «Бабушка! Лучше-то было при Царе или сейчас – при советской власти?»

Старушка задумалась. Вытерла кончиком платка глаза и сказала: «Нас, ребятни у родителей было восемь душ, - помяни их, Господи во Царствии Твоем. Хозяйство – справное, конечно… Но вот, как-то приболел родитель мой, Кузьма Евграфович, - Царствие ему Небесное! Сильно приболел! Месяц, али два, - не помню, - встать не мог. А беда одна не приходит: коровенка, - молочная такая, - пала! Теленочек остался… Что ж, - тоже на погибель?! Ну и пошла маменька моя Лисавета Игнатьевна, - Царствие ей Небесное, - со мной вместе к барину в Козловку. Так, мол, и так, говорит, гибнем, батюшка барин… А он-то, - Царствие ему от безбожников невинно убиенному Небесное, - спустился со ступенек-то, погладил маменьку по головке, да и говорит, мол, куда ж я без вас, без мужика твоего, да тебя, да других кормильцев земли нашей?! Кликнул управляющего. Велел дать нам самую молочную коровку. Как сейчас помню, слова даже растянул: са-а-амую мо-лоч-ную! А маменьке моей и говорит: ты по четвергам месяц походи на гумно, пособи наемникам моим! Ме-е-есяц! Всего четыре четверга! Это – за коровку!.. А я, вот, грешница, пошла давича к председателю, дров на зиму попросить… Не даром! Не-е-ет! Пенсию экономила! Так он меня и – туды, и – сюды, и – растуды, и к какой только матери, прости, Господи, не послал… Да еще и добавил, мол, не дрова мне, а доски на гроб уже нужны… Вот и рассуди сам: когда, да с кем, да при ком лучше было и есть…

- Дай Бог тебе здоровья, бабушка! – поднял свой лафетничек Женя. Я присоединился к нему.

…Солнце стояло в зените. Мы свернули к брошенной стоянке «туристов». Там, возле кострища валялись пустые консервные банки, бутылки, другой мусор…

- Вот уж, действительно, волки! – буркнул я.

- Не оскорбляй тварь! Волки после себя такого бардака не оставляют! – мотнул головой Женя.

Он спешился. Бросил мне уздечку. И ушел в сторону дома бабушки Аграфены. А вернулся с двумя лопатами на плече. Протянул мне одну. Своей же стал копать яму возле кострища. Я, тоже спешившись, присоединился к нему. А впереди нас ждало Глебово Городище…

Утром, пройдясь по свежему морозцу, я вошел в Великокняжеский терем. Димитрий Иоаннович, как всегда, после ранней Божественной Литургии был в верхней горнице. Кивнув на мой поклон, и не отрывая взгляда от какого-то свитка, спросил: «С чем пожаловал?»

- После отдыха. Готов нести службу, - ответил я.

- Пока ты мне не надобен. Займись чем-нибудь дельным.

- Чем прогневил тебя, Великий Князь? – удивился я такому невниманию. Димитрий Иоаннович отложил свиток. Вскинул брови. Вышел из-за стола. Подошел ко мне. Обнял за плечо: «Что ты?! Что ты, друже мой верный?! Берегу я тебя для важного дела. А те, что сейчас навалились, и другие исполнить могут. Сдается мне, что грядет твое дело! Посему и сказал, что не надобен. Набирайся сил. Ступай. С Богом!»

Эти слова несколько успокоили меня. Я поклонился и вышел…

…Дни потекли равномерно и спокойно. По утрам мы всей семьей ходили в собор. Вернувшись, трапезничали. Потом я, потетёшкав малышей, шел либо в сотню

князя Герасима, либо – к самострельщикам. Там отрабатывал боевые удары мечем, топором, рогатиной… Стрелял. Несколько раз мы втроем заходили к Игнатию-оружейнику. И всякий раз наш приход он разнообразил очередной выдумкой в улучшении оружия. А еще - выполнил давний заказ князя Ондрея: приподнес мне короткий, маленький, словно игрушечный, самострел. Тот, снабженный рукояткой для кисти, легко удерживался одной рукой… Я хотел, было, заплатить, но Игнатий помотал головой: «Князь Ондрей уже заплатил…»

Я удивленно посмотрел на соратника.

- Это – мой подарок тебе, брат! – улыбнулся князь Ондрей.

- Дальность невелика, - пояснял Игнатий, - убойная сила – тоже. Это – княжеский самострел. Для ближнего боя. Однако, на расстоянии двадцати шагов наборный и кованый доспех, к примеру, литовский, пробивает.

Он закрутил ворот, положил в ложе болт и выстрелил в прибитый к стене лист железа. Болт вонзился наполовину.

- Славно! – кивнул князь Герасим и решил тоже раскошелиться.

- А у тебя есть? - спросил я князя Ондрея.

- У меня – такой же! И - у каждого моего сотника! Нам по службе они положены. Великий Князь загодя оплатил.

- И надо сказать, щедро оплатил! – довольно хмыкнул Игнатий. - Я на эти деньги кузню и хозяйственный двор расширил…

- А женке, поди, шубку справил новую? – хохотнул князь Герасим.

- Не-е-е! – потупился Игнатий. - Великокняжеские деньги у меня идут только на великокняжеские дела… А вот с барыша от вас, дорогие мои, я и женке, и деткам гостинцы куплю. Да и дом надобно кое-где подлатать.

- А велик ли барыш-то? Я тебя столько лет знаю: ты – не корыстолюбец! – крутанул головой князь Ондрей.

- Все – по православным законом! – тихо сказал Игнатий. - Меня родитель мой учил, а владыко Рязанский благословил: не больше четверти затраченных средств накидывать на цену. А с вас я еще меньше имею: вы – свои!

Мы выпили меду, закусили пирогами с горохом, грибами и свининой и распрощались с Игнатием.

- Все спросить тебя хочу, - обратился я по дороге ко князю Герасиму, - что присудил Великий Князь тем иноземным купцам, что над дочкой твоей сызуверствовать собирались?

Князь Герасим горько усмехнулся: «Суд будет завтра. Ждали Настасьюшку. Она первая показывать должна… Ее уже призывали к дьякам…»

- Дело! – кивнул князь Ондрей. Обратился ко мне: «Ты сам-то пойдешь?»

- А то! – досадливо вспоминая произошедшее, крутанул я головой. Вечером рассказал Алле о предстоящем суде.

- Любый муж мой, – внимательно глянула она мне в глаза, - сдается мне, не с мирным сердцем идешь ты туда. Вспомни-ка лик святого Великомученика Георгия Победоносца! Он поражает змия. Зми-и-ия! Но делает это безстрастно. То же самое мы можем увидеть и на иконе святого Великомученика Димитрия Солунского… Прости мне мое бабье рассуждение, но мнится, что обличить, а тем самым победить зло можно только смирным, безстрастным сердцем. Ежели пожелаешь, поведаю, каким бы я хотела видеть тебя завтра.

Я кивнул. Она перекрестилась и продолжала: «Помолись сегодня вечером и завтра утром сугубо. Попроси у Господа мира в сердце. И чтобы не ты говорил, а Он - через твои уста. Постарайся полюбить этих нехристей! Образ-то – все равно Божий! А коли так, Господь вложит в твои уста Свою волю. И Сам разберется. И Сам осудит через Великого Князя. Ежели – на пытки и казнь лютую, то хоть как-то здесь еще на

земле эти ироды грех свой искупят. Ежели – на жизнь, то тем паче пожалеть их надобно: как пред Богом-то на Страшном суде отвечать будут?!»

Я обнял ее. Прижал к себе: «Премудрая ты моя!»

- Ну, что ты? – осторожно высвободилась она. - Я – глупая баба! А ежели что дельное и скажу, то – не от себя. Отец Антоний так говаривал перед последней исповедью.

Я попытался поцеловать ее в губы, но она только чмокнула меня и отстранилась. Потупилась. Прошептала: «Нельзя… Непраздная я…»

- Что-о-о?! Опять?! - радостно вскинулся я. Она как-то виновато, опустив глаза, кивнула. А я схватил ее на руки и закружил по горнице.

- Что ты?! Что ты, – воспротивилась она, - отпусти немедля! Уронишь, не дай Бог! К тому же тяжело двоих-то кружить…

- А может быть, опять троих? – засмеялся я, осыпая ее лицо короткими поцелуями. И она, прикрыв глаза, не отстраняясь, засмеялась тоже…

…Утром, по дороге на суд, я зашел в собор. Поставил свечи. Помолился. Подошел к отцу Антонию под благословение.

- Ну что, чадо, опять молодым отцом стать собираешься? – улыбнулся тот, осеняя меня широким крестом. - Молись Пресвятой Богородице пред Ее святым образом Феодоровская, святой Великомученице Анастасии Узоразрешительнице, святому праведному Симеону Богоприимцу… И Бог даст, разрешится княгинюшка благополучно…

- Отче, я хотел спросить: мужики мои из подмосковной заказали в монастыре и подарили мне икону святого Александра… Он – с мечем, в красном плаще… А кто и когда прославился, не указано. Богомаз, писавший икону, уверил их, что с Рождества Христова, почитай, почти за тысячу четыреста лет, не могло не быть угодившего Господу ратинка с именем Александр. Мол, нам он не ведом, зато Бог ведает, просто пока не открывает… Можно ли молиться на эту икону, установить ее в домашней молельной?

- Трудный ты вопрос задал, чадушко. Не ведаю пока, как и ответить… Дай время, помолюсь, спрошу совета у старцев духоносных… Эх! Был бы жив владыко Алексий, мигом бы разрешил наше недоумение! Ну, да ладно… Бог вразумит, - верую в это! А ты, поди, спешишь на суд Великокняжеский? Ох-ох-ох! Развелась нечисть на Земле Русьской! Расплодила слуг своих… Но так всегда бывает вокруг святого места. А ведь наша-то Москва - не простой град! Возведен он, как храм Божий, даже – собор! И каждая церковь, каждый монастырь – Престол в этом храме, посвященной Господу, Его праздникам, Пречистой Матери Его, святым Небесным силам и угодникам… А Кремль, по замыслу владыки Алексия, – святой Алтарь в стольном граде, - главном граде-соборе Православного мира! Разумей тогда: мы, все живущие здесь – служители Божии, каждый - в своем чине. Помни об этом, свидетельствуя на суде, - опять широко перекрестил он меня.

Когда я подошел к Великокняжескому терему, суд уже начинался. Димитрий Иоаннович восседал на судейском месте, на троне, застеленном ковром. Вокруг, в полном белоснежном облачении стояли рынды. Окруженные ратниками, перед крыльцом столпились иноземцы. И хотя колодки с них были сняты, вид подсудимых был жалок. Они жались друг ко другу, озираясь на собравшихся со всей округи жителей Москвы. Князья Герасим и Ондрей, Афанасий с Ивашкой, другие наши мужики стояли справа от крыльца, как свидетели. Между ними и Великим Князем я увидел дьяка и ратников городской сторожи, которые тоже оказались очевидцами случившегося.

Думный дьяк, стоявший на ступенях крыльца допрашивал, а седой, длинноволосый и длиннобородый, худой, скрюченный старик, опираясь на посох, отвечал за всех обвиняемых.

- Ну, и какой они веры? – спросил я, подойдя ко князю Ондрею.

- Басурмане какие-то! Я так и не понял из многословия их старосты,… - кивнул он на отвечавшего. - Такие кружева словоблудные плетет… И, вроде как, ни о чем так и не поведал…

Дьяк объявил обвинение в попытке медленного изуверского убийства русьской княжны. Иноземцы загалдели, закланялись, замотали головами, попадали на колени… Но голос дьяка остановил их. Тот начал задавать вопросы княжне Анастасии, которая стояла на нижней степеньке крыльца, прижавшись к своей матери. Она не помнила, как затащили ее в амбар, как привязали ко кресту.

- Все было, словно в красном тумане, - заплакала княжна, - потом дали что-то выпить… Я пришла в себя. Но, то, что увидела и ощутила, было еще ужаснее…

- А что делали эти люди? – спросил думный дьяк, указывая на иноземцев.

- Они разглядывали меня, ухмылялись, цокали языками, чему-то радовались, улыбались! – ответила княжна. - Страшный старик надо мной что-то бубунил, завывал… Потом занес кинжал… Но в это время в амбар ворвались отец, его друзья и мужики…

- Дальнейшее нам известно, - прервал ее думный дьяк. И, обернувшись к нам, потребовал: «Князь Ондрей! Ты первым увидел начало злодеяния. Что можешь засвидетельствовать?»

Тот вышел, поклонился Великому Князю, и еще на три стороны. Перекрестился на главы собора.

- Я с людьми князей Александра и Герасима подошел к амбару и, слегка пристукнув сторожу, выставленную этими иноземцами, встав на плечи одного из мужиков, заглянул в высокое оконце. Злодейский обряд совершал старик, обернувшийся потом хорьком. Ясное дело: оборотень. А эти, - перекрестившись, кивнул князь Ондрей на обвиняемых, - ухмылялись, согласно кивали головами, действительно имея радостный вид, и, похоже, подпевали старику-волхву… Или, как там его?! Одним словом, оборотню.

Обвиняемые еще плотнее сбились в кучу.

- Ты сказал «похоже», - продолжал допрос князя Ондрея думный дьяк, - но слышал ли ты их пение?

- Нет, - последовал ответ, - довольные ухмылки видел явственно. Видел и то, как они шевелили губами…

Староста иноземцев попытался что-то возразить, но думный дьяк жестом остановил его. И начал выкликать свидетелей по очереди. Все мы выходили между иноземцами и Великим Князем, кланялись на четыре стороны, крестились на главы собора и свидетельствовали о том, что видели. Я тоже рассказал, что отпустил дочь Ольгу с княжной Анастасией калядовать… И все, что произошло дальше… Но в конце своего свидетельства все-таки не выдержал и добавил: «Великий Князь! Люди Русьские! Пока эти иноземцы живут на нашей земле, можем ли мы быть спокойными за наших дочерей? Можем ли мы не опасаться, что и их пожелают эти нехристи закласть, как агнцев, в своих изуверских волхованиях?!»

Собравшиеся москвичи согласно загомонили, закивали головами. Но думный дьяк зычно перебил всех: «У нас что здесь: Великокняжеский суд или новгородское вече? Кто на Небесах правит? Царь царей или собор Ангелов?!»

Все притихли. А он обратился к иноземцам: «Что скажете вы на все свидетельства?»

Вперед выступил тот же старик.

- Добрые христиане, – возвысил он не по-стариковски звонкий голос, - все мы веруем в Бога! И как бы не называли его по-своему, - Он – один! И никому не позволяет проливать невинную кровь… И вас, и нас обманул тот злодей, колдун, изверг, обманом затащивший и девицу в амбар. Напрасно говорил князь-свидетель,

что мы ухмылялись и радовались. Мы тоже были в ужасе оттого, что хотел сделать с девицей этот изувер! И, как один, кинулись бы на него, если бы у нас было оружие… Но, мало того, что у нас его не было, - этот злодей своими чарами сковал наши руки и ноги! Мы ими даже пошевелить не могли…

- Вот, лицемер! Вот, лжец! А то я не видел, что они чуть ли не приплясовали под завывания того хорька! – скрипнул зубами князь Ондрей.

- И вот, ваши доблестные ратники осовободили не только девицу, но и нас, бедных и повсюду гонимых за нашу наивность и доверчивость! За это мы им благодарны нижайше, - продолжал староста иноземцев, - Так, в чем же наша вина? Ни на одном из нас нет крови девицы! И об этом свидетельствовали все русьские, кто говорил здесь. Я знаю, что Великий Князь – мудрейший и милостивейший из земных владык… И не может осудить нас, обманутых злодеем-оборотнем и колдуном. Нас! Невинных! А мы готовы за наше спасение от изверга заплатить столько, сколько Великий Князь пожелает по милосердию своему…

- Такой же хорек, как и оборотень! – услышал я сзади приглушенный голос Афанасия. - Откупиться хочет!

А у меня возникли сомнения: «Может быть, действительно, тот колдун-оборотень обманул и этих людей? Но, с другой стороны, среди них была же черная волчица»!..

Великий Князь, подозвав дьяка, наклонил голову в сторону сидящего рядом с ним митрополита, которого я еще не знал. Втроем они долго о чем-то говорили. Затем Димитрий Иоаннович, прикрыв в знак общего согласия глаза, выпрямился, встал и поднял руку. Наступила мертвая тишина…

- Действительно, - объявил Великий Князь, - крови христианской в этой попытке злодеяния на руках иноземных купцов нет. Но то, что они были обмануты колдуном, что они не имеют отношения к изуверскому обряду, оскорбляющему веру Православную, тоже не доказано. Посему, повелеваю: изгнать иноземцев из Земли Русьской. И впредь – не пускать! Ежели кто из них придет вновь, - заковать в колодку и - в подземелье. Добра и рухляди своих они могут взять столько, сколько увезут. С сего часа слободу их окружить сторожей. Никого туда не впускать и никого оттуда не выпускать. Сроку им на сборы – три дня. Стороже в составе двух сотен проводить иноземных гостей до южных рубежей нашего княжества. Аминь!

Иноземцы, как можно было судить по их виду, не знали, радоваться им или горевать: наступали Сретенские морозы. Они должны были застать иноземный обоз в пути. А вот жители Москвы, собравшиеся вокруг судилища, спорили. Одни вспоминали нередко находимые в последние годы обезкровленные тела младенцев, отроков и отроковиц. Другие говорили, что много заморского товара не досчитается торг… Третьи восхищались мудростию и милосердием Великого Князя. Иные спорили, называя приговор слишком мягким, а расследование – скорым и небрежным.

Ратники, окружив иноземцев, повели их в слободу. Афанасия с Ивашкой я отправил домой, а сам с князем Ондреем пошел в терем князя Герасима.

- Каковы басурмане! А?! – горячился тот дорогой… - Вина их – на ладони!

- Не кручинь сердца! – успокаивал его князь Ондрей, - Ты что, мести жаждешь? Но за что? За кого? Только за свою дочь? В нашем случае оскорблена вера Христианская! Вот, если бы мы взяли их с поличным, я бы первым пустил саблю в ход! Поверь мне! Иноземцев изгнали. И не казнили только потому, что не смогли доказать наличие крови на их руках. Великий Князь мудро поступил: закон человеческий не нарушен. Но мы знаем, что нарушен Закон Божий! И тем тяжелее для злодеев: их судить будет Сам Господь! А ты, кипятясь и жаждуя мести, отнимаешь у Бога Его право на суд…

- Слушай, брат, - спокойнее, но, все еще не унимаясь, перебил князь Герасим, - мы как православные христиане и должны защищать ближних от иноверцев и иноземцев, посягающих на нашу веру через наших детей!

- Да уразумей же ты! Господь послал искушение! И тут же – помощь Свою, чтобы мы ведали, что существует враг похитрее Орды! Что нам для сечи с ним, сечи духовной, надобно постигать Закон Божий, дабы, скинув иго более слабого врага, не поддаться более сильному, убивающему не только тела, но и души наши и наших детей! А это возможно только во Христе!

- Ты стал рассуждать, как монах! – хмыкнул князь Герасим.

- Я рассуждаю, как русьский православный христианин! А то, что мы плохо разумеем Священное Писание, заветы святых отцов, ты, надеюсь, отрицать не станешь?! Да? Все ли ты разумеешь, когда стоишь на Божественной Литургии? Каждому ли слову внемлешь сердцем? То, что ты – добрый ратник, мы все ведаем. Ты владеешь разными видами и приемами рукопашного боя, разбираешься в оружии, в ведении сечи… А как воин Христов, ты разбираешься в духовном оружии? Ведаешь ли, что означают те или иные действа священника, диакона на Утрени, Вечери? Все ли разумеешь сердцем в вечерних или утренних молитвах? То-то и оно! А разуметь мы это должны! И чад своих наставлять в этом! Будет так, - никакие иноземцы нам не будут страшны! Тогда Господь Сам откроет нам их злодейские задумки и тайны.

Убежденный князь Герасим, молча, шагал рядом с опущенной головой. Я шел и улыбался, вспоминая прошлого князя Ондрея. Радовался, видя его совершенно обновившимся. И даже немного завидовал, прости, господи! Завидовал тому, что не могу так легко и свободно рассуждать о нашей святой вере.

- Ты чему улыбаешься? – вдруг спросил он.

- Думаю о том, как благоприятно действует на тебя семейная жизнь, княгиня Ирина, - утветил я, еще шире расплываясь в улыбке.

- Пережившая столько, сколько она и оставшаяся верной Православию, награждается от Господа неженской мудростью! А я?.. Когда чуешь сердцем, что ты нужен, что тебя любят, что тебе есть для кого жить, что есть живое олицетворение Отчины, здесь, рядом, поневоли смотришь внутрь себя, в свое прошлое, стараешься стать лучше, достойнее той, которая любит. А от этого глубже понимаешь свою греховность, стремишься смыть грехи покаянием, постом, молитвой… И тоже получаешь от Бога награды… Разумею – духовные.

- А эти думки не мешают твоей службе? – вдруг спросил князь Герасим.

- Наоборот! Они помогают стать более требовательным к себе. Отец Иов не устает повторять слова святого Апостола, что проклят человек, делающий Божие дело с небрежением! Согласно этому я и пытаюсь и жить, и служить. Жизнь дана Богом! Значит, и жить – тоже Божие дело! – ответил князь Ондрей.

Мы сидели в горнице. По терему разносились детские голоса. Княжна Анастасия принесла меду, пирогов. Князь Герасим пристально взглянул на нее. Глаза его поначалу потеплели. Но потом он опустил их. Когда дочь вышла, тихо молвил: «Однако, не возьму я в толк: почему так милостив оказался Великий Князь к иноземцам? Тем паче к тем, предки коих распяли Господа нашего Иисуса Христа?! Ведь, ежели они занимаются эдаким изуверством, сколько душ христианских, невинных могут еще загубить?! И если бы мы тогда слегка замешкались, не подавала бы нам сейчас княжна Анастасия…»

- И-и-и, - протянул князь Ондрей, - ты же все слышал и видел! Не было в руках этих иродов оружия! Да и ты судил бы так же, как Великий Князь, ежели бы не случилось все с тво-им чадом!.. Поразмысли! Во-первых, осуждая без милости, сам не будешь помилован Вышним Судией! Во-вторых, подозрение – грех! В-третьих, наконец, изгнали же нехристей с Земли Русьской! Значит, не смогут здесь изуверствовать боле! Согласись, брат, русьский человек – таков, что не может

поверить в злодейство, на которое не способен сам. Для него, ежели он, конечно, стремится стать истинным православным христианином, любое изуверство настолько дико, как собака, пожирающая своих щенят! Вот, сердце и не верит, что такое изуверство может вообще быть на Божием свете. Вдумайся в слово «и-зу-вер-ство»! Это то, что выходит из нашей веры! Выходит вон! Оно – вне Православия, как ад – вне Царствия Божия! Не потому ли и мы терпели поганское иго столько годов?! Надеялись, что вразумит Господь Орду! А Он вразумлял нас!.. Но теперь-то поганые веру нашу святую затронули! Вот народ и вложил свою душу в битву на Воже! Другое дело – хорька того, да волчицу черную изловить! Вот тут пощады не было бы! Потому, как эта нечисть против Бога нашего идет! Души людские, а не тела губит! Я так разумею. А ты, князь Ляксандр?

Он резко повернулся ко мне. Я кивнул: «Знакомцы да-а-авние! И мне с ними посчитаться хотелось бы! Но как? Только не во всем я согласен с тобой, князь Ондрей. Сколько мы вместе изуверов да злодеев видели? А?!»

- Опять же повторю: и-зу-ве-ров! А в стаде – не без паршивой овцы. Во-о-он, среди святых Апостолов нашелся Иуда! Так – и везде! И – всегда! А у нас?! Двое Вельяминовых. Один – князь Тимофей! Как же он бил поганых на Воже! Любо-дорого! И как служит?! А? Другой: Иоанн, прости, Господи! Кто, как не иуда? И-зу-вер! Служит не Вере Православной, Великому Князю и Земле Русьской, а диаволу и ополчению его, прости, Господи!

- Хорошо ты рассуждать стал, - кивнул князь Герасим, - Толково! Тебе бы попом стать…

- Опять ты – за свое! – хмыкнул безобидчиво князь Ондрей. - Не достоин я такого служения! Уж лучше на своем месте душу свою за други своя, а живот – за Веру, Великого Князя и Отчину положу…

…Так незаметно прошел праздник Сретения Господня. А за ним – Масляная. Наступил Великий пост… Однообразие и бездеятельность начинали угнетать. Ни с того ни с сего я раздражался, и, даже гневаясь, покрикивал на домочадцев своих, даже – на Афанасия, княгиню, деток… Но жена молчала, вздыхала, порой смотрела на меня по утру красными глазами… После всего этого я каялся, просил прощения. Тогда княгинюшка моя улыбалась, гладила меня по голове, словно малого ребенка, приговаривала: «Ничего… Ничего… Любый мой! Бог простит, а я – туде же! Ты меня тоже прости. Это я ввела тебя в искушение раздражения… Что ж делать?! Великий пост! У каждого – свои грехи. Свои искушения…

…Я вернулся вечером из расположения самострельщиков, где упражнялся в стрельбе. И тут же, еще в сенях, в ноздри ударил запах сладкой выпечки. Казалось, он наполнил весь терем. А из поварни доносилось женское пение:

Жаворонки, жаворонки…
Летите из-за моря,
Несите здоровья!
Кому – крошку, кому – ложку,
А мне – целую лепешку…

Жаворонки, жаворонки…
Прилетите к нам ,
Принесите нам
Лета теплого, хлеба доброго…

Я сразу узнал выделяющийся из всех голосок Ольгушки. «Что это они в Великий пост распелись?!» - мелькнула недогадливая думка… В поварне дым стоял коромыслом. Бабы, девки, среди которых были и Алла и Ольгушка, стояли вокруг стола в чисто выбеленных на мартовском солнце передниках, с засученными выше

локтей рукавами новых рубах. Одни месили тесто, другие раскатывали его, третьи, в том числе и дочь, что-то лепили. Всем этим руководила жена.

- Что это вы? – вытер я шапкой пот, сразу, от печного жара, густо выступивший на лбу.

- Любый мой, – улыбаясь, осторожно, чтобы не испачкать мукой, чмокнула меня в щеку княгиня, - завтра же – память сорока мучеников Севастийских! Надобно «жаворонков» налепить и напечь! А после Божественной Литургии раздать их встречным… Особенно – нищим!

- Да-да, тятенька, - встряла Ольгушка, - и слепить их, - хотя бы по пять птичек, - должен каждый! Разоблачайся и ты. Попробуй. Окажи милость! Георгий уже налепил. Насилу уговорили! Правда, его «жаворонки» на ворон больше похожи… Но я их подправила…

- Вот уж! Бабьим делом маяться! – хмыкнул я. Но, выйдя из поварни, разделся до рубахи и вернулся к стряпухам. А когда слепил из постного сладкого теста первого «жаворонка», - вдруг, словно в детстве, захотелось облизать пальцы. А Ольгушка, расхохоталась: «Ну, какой же это «жаворонок», тятенька?! Это же – ворона какая-то! Глянь-ка: подправим клювик, расправим и распушим крылышки, хвостик, уберем коготочки… Вставим ягодку вместо глазика… Вот это – «жаворонок»!

- Говорю же: бабье дело! – вдруг почувствовал я какую-то детскую обиду.

- Нет-нет, тятенька! У тебя обязательно получится! Это просто с непривычки! Помолиться надобно… Георгий поначалу вообще какое-то чучело слепил! А потом, глянь, какие у него красавцы получились!

Я опять хмыкнул и попробовал заново. Поглядел на Аллу. Та, улыбаясь, смотрела на меня замаслившимися добротой глазами…

- Я же говорила! Я же говорила! – запрыгала и захлопала в ладоши Ольгушка, когда я протянул ей следующего «Жаворонка». - Получилось! Получилось! Всем «жаворонкам» - «жаворонок»! Тятенька! Еще три!

Ну, как тут было отказать?!

…Утром, после Божественной Литургии мы раздали три больших корзины «жаворонков» нищим, всем знакомым и незнакомым прихожанам. И потом – всем встретившимся нам по пути из собора. А когда я сам съел несколько оставшихся «жаворонков», они оказались вкусными, словно в детстве…

Вот, и – Рудинка. По сравнению с другими местами разнотравье здесь – все еще летнее, словно и август не наступал и не сушил живую зелень. Сочные, мясистые листья и стебли как будто осыпаны алыми капельками… Интересно, есть ли эти вкрапления ранней весной и в начале лета? Они – словно капли крови…

Копыта лошади погружаются, - но неглубоко, - в чавкающую, илистую, невидимую из-за густоты трав жижу… А как здесь было в 1378 году?..

- Здесь и рубили ордынцев, словно бабы - капусту! – весело оборачивается ко мне Женя, едущий впереди. - Рудинка и Вожа три дня кровью вражеской текли…

- Да-да, - отвечаю я. И вдруг неожиданно для самого себя сжимаю колени и легонько ударяю ими в бока Вороны. Взлетаю на холм и рассказываю подоспевшему за мной Жене, как проходила битва. Тот слушает. И глаза его медленно округляются: «Ты говоришь так, словно сам все это видел… И даже участвовал… Тебе поэму об этом писать надо!»

- Знаешь, - подтверждаю я, счастливо вдыхая воздух полной грудью, - когда сюда без тебя приехал, мне действительно показалось, что уже был здесь… И все это видел… Саму битву… Понимаешь?!

- У меня всегда было такое же чувство! – мотнул головой Женя… - Одно смущает: большинство историков утверждают, что битва на Воже проходила при впадении ее в Оку… А это – более тридцати километров отсюда.

- Жека, брат! Еще будучи офицером, я прочитал у одного великого историка, что его наука – точная, как математика. А потом – у одного академика, что математика – это поэзия. И без вдохновения откуда-то извне, без любви к науке, как к Отечеству, матери или возлюбленной, невозможно сделать ни единого исторического открытия. Какие уж тут точность и расчет? Наверное, поэтому я и защищал свою дипломную работу по инженерной психологии с использованием рядов Тейлора и тому подобного…. И одновременно писал стихи, увлекался, - правда, доморощенно, - историей… Эх! Устроить бы здесь ежегодный праздник годовщины битвы на Воже!..

- Я и сам об этом мечтаю! Когда-нибудь так и будет… Но сейчас разве переубедишь этих «зубров» от истории?! – горько усмехнулся Женя и повернул Ворона в сторону Глебова Городища.

А у меня в висках в такт копытам постукивали его слова о поэме про битву на Воже. И тут же в сердце возникли строки:

Течет вдоль по истории, как знамя…
Нерукотворная,
Прославившая век…
Кувшинками, крутыми берегами
Похожая на сотни русских рек…

А может быть, *Великая из малых русских рек?..*

Я перекрестился, чтобы запомнить: ни блокнота, ни ручки или карандаша у меня с собой не было… Мы въехали в проем земляного вала, оставшегося, по-видимому, от северных ворот Городища.

- Я хотел показать тебе надгробные камни… - сказал Женя. - Ведь долгие годы после битвы здесь стояла церковь, в ограде которой хоронили прихожан… Ты обратил внимание на надгробия?

- Не-е-ет…

- Гляди! – спешился он и указал на поросший мхом холмик, поначалу видевшийся обычным валуном.

Я спрыгнул с лошади. Когда мы немного соскребли с камня коричнево-зеленый нарост, я увидел белый известняк правильной формы, напоминающий гроб с крестом-Голгофой на крышке. Мы очистили боковины камня, и я прочитал: - Здесь покоятся болярин Ондрей и болярыня Ирина, путешествовавшие в Пронскую свою отчину и отошедшие ко Господу в един день и час в лето 692… Последняя цифра и указание числа и месяца стерты…

Я поднял глаза на Женю. Тот стоял, ошеломленно глядя на меня. Он выдохнул: «Ты знаешь церковно-славянский язык?»

- Нет, никогда не изучал, - пожал я плечами и поднялся с колен.

- А я изучал… В институте… Но так легко прочитать… Только вот: 692… какой?

- Я же говорю: не видно. Время стерло…

- Все равно… Это будет… Будет.., - прикрыл он глаза, - будут… 1410-е годы! Представляешь?! Но как ты прочитал?

- Не знаю, - опять пожал я плечами. Женя наклонился к надгробию. Провел пальцами по надписи… Пошевелил губами. Потом, подумав, выдохнул: «Похоже, что правильно…»

А я вдруг вспомнил, как еще совсем «сопливым» гвардии лейтенантом приехал с бывшей женой к моей бабушке во Владимир. Там мы пошли посмотреть Успенский собор. Да-да! Тогда у меня даже дух перехватило от чего-то знакомого, но непонятного, забытого, великого и гордого… Гордого! Только не за себя! Это было незнакомое мне чувство… Я стоял перед Святым Алтарем, осознавая его святость, но не понимая ее умом. Слезы, как я не сдерживал их, подступили к горлу и ко глазам. Я ходил по собору и, повторяя за старушками, пытался незаметно креститься… Мы купили

свечи. Поставили их на подсвечники: кому и куда – не знали. Потом я поднял голову и вдруг, - вслух! – стал читать крупные, белые надписи под фресками на колоннах…

- Ты знаешь эти иероглифы? – хмыкнула тогда жена.

- Это – не иероглифы, а язык наших великих предков. И я его не знаю… Просто, мне кажется, что понимаю, - почти обиженно ответил я. Мне захотелось вдруг сказать ей, что иероглифы – язык ее то ли марийских, то ли мордовских, то ли чувашских предков… А мой… Но я сдержался.

- Знаешь-знаешь! Просто подзабыл, - вдруг раздался сзади чей-то голос. Мы с женой обернулись. Перед нами, опираясь на костыль, стоял старичок в поношенном до дыр по вороту пиджаке и такой же рубахе. Он ласково улыбнулся: «Не можешь не знать! Еще вспомнишь, когда скорби придут… Как всегда… Как ко всем нам…»

Он хотел повернуться и уйти, но я почему-то остановил его за рукав, сунул ему в ладонь «десятку», как бы саму влезшую между моих пальцев из кармана брюк…

- Спаси тя Господи, Александр! – склонил голову старик, резко развернулся и захромал к выходу из собора.

- Ты знаком с этим оборванцем? – сузила глаза жена.

- В первый раз вижу, - пожал я плечами.

- Тогда почему же так соришь деньгами? И почему он знает, как тебя зовут? – сухо поджала она губы.

- Откуда мне знать, - взял я ее под руку и резко вывел из собора, - и вообще! Я, как ты выразилась, «сорю» мно-ю заработанными деньгами! Тогда, когда ты сидишь дома, покупаешь себе всякую ненужную ни одному нормальному человеку ерунду, заметь, на заработанные мно-ю деньги и без моего согласия, ребенка воспитываешь плохо, - в садике жаловались! – так же и меня обихаживаешь! Мне командир полка несколько раз уже делал замечания по поводу плохо отутюженных рубашек! Почему другим гва-а-ардейским офицерам таких замечаний не делают?! Уж не думаешь ли ты, что они сами себе утюжат рубашки и полевые мундиры, штопают носки, по тревоге кладут бутерброды в «тревожные» чемоданчики, когда их жены, как и ты, нигде не работают?! Правильно моя мама говорит, что женой офицера надо родиться!..

Дальше была ссора, о которой я вспоминать не хотел. И поэтому помотал головой, отгоняя воспоминание…

- Что это с тобой? – вдруг рядом раздался голос Жени. И я рассказал о воспоминании давней поздки во Владимир, опустив, конечно, подробности ссоры.

- Вот и верь тому, что генной памяти не существует! А ты подходил к мощам Андрея Боголюбского? – крутанул он головой. «Святого благоверного Великого Князя Андрея Боголюбского!» - мысленно поправил я друга, вспомнив Агнию Вениаминовну, Царствие ей Небесное. А вслух ответил: «Нет, конечно… Я так далек был от всего этого.»

- Можно подумать, мы с тобой теперь духовно близки к религии! - хмыкнул Женя. А меня начала раздирать мысль, что я-то – поближе, чем он, к вере, к Богу… Поэтому – перекрестился и громко произнес: «Помяни, Господи, во Царствии Твоем рабов Твоих, здесь лежащих, усопших болярина Ондрея и болярыню Ирину! Прости им все согрешения вольные и невольные…»

Женя перекрестился тоже. И мы, привязав Ворона и Ворону к какой-то арматурине, торчавшей из земли, вошли в разрушенный храм, насквозь пронизаный солнцем.

- Ну, и где ты видел лаз? – спросил, оглядываясь вокруг себя, Женя. Я указал кивком. Достав фонарики, мы спустились вниз. Запах плесени ударил в ноздри. Подвал оказался намного шире самой церкви…

- Не могли здесь на тройках ездить! – вдруг вырвалось у меня. - Как эти тройки сюда спускались?

- Что? – не понял Женя, в это время отвернувшийся от меня и освещавший стены.

- На тройках, говорю, не могли здесь ездить, - повторил я, - в таком количестве воинов, да еще с конями! Со всем вооружением и тяжелым снаряжением! Одна кольчуга – больше пуда! Как они могли быстро спуститься, чтобы напасть на Бегича с тыла?

- Погоди-погоди, - помотал головой Женя, - а причем здесь тройки?

- Это… Это - так, к слову, - не знал я, что ответить.

- Э-э-э! Нет! Действительно, отряд был немаленький: полагаю, несколько тысяч… Но и подвал – тоже: квадратура велика! Глянь: по периметру – арки. Кирпич отличается от основной кладки… Похоже, арки заложены намного позже… Замуровка! Значит, здесь были пустые пространства, - прибавь еще не один десяток квадратных метров… Таким образом, сюда бы КамАЗ въехал, а не то что тройки! А за шесть веков сколько перестроек храма могло произойти?! – опять по кругу светил фонариком Женя.

- Вот и - лаз! – вдруг радостно воскликнул он. И действительно, в одной из пяти-шести метровых в высоту и ширину арок чернела дыра: несколько кирпичей были выбиты… Или сами вывалились, что подтвердило бы современность кладки.

- Ну, что? – азартно сверкнул глазами Женя, кивнув на дыру.

- Господи, благослови! – перекрестился я и шагнул к лазу. Еще несколько кирпичей легко поддались и свалились под ноги. Другие Женя выбил валявшейся здесь же арматуриной. Потом достал веревку, привязал ее ко крюку, вмонтированному в стену, хмыкнул: «Нить Ариадны…»

Я пошел первым. Странно, но внутри лаза никакого запаха плесени не было. Более того, на меня, словно в детстве, пахнуло Черноморским побережьем. Широкий, - метров шесть, - коридор, потолок и стены которого были выложены тоже в виде арки, резко уходил вниз. Где-то далеко впереди звонко капала вода. Красные кирпичные стены, потолок, пол, в свете фонариков блестели и переливались, словно старинное золото. Да! Здесь в самом деле могли свободно пройти три-четыре конника в шеренге. А про пеших и говорить нечего.

Но шагов через тридцать мы вдруг уткнулись во влажную стену из глины, песка, битого кирпича…

- Завал, - вздохнул Женя.

- Главное: подземный ход есть! – радостно ответил я ему… - И такой, именно такой, как ты говорил!

Мы вернулись обратно. Оглядывая стены подвала, Женя вдруг заметил: «Интересно, а что в других арках?»

- Может быть, взломаем? – предложил я.

- Не-е-ет! Во-первых, это – все-таки памятник. Кирпичи мы сейчас положим на их место в кладке… Во-вторых, а ну, как кому-нибудь подобным недавним туристам-«волкам» приглянется подвал?! Что они здесь могут натворить? Наконец, времени у нас – в обрез! Дядя Леша волноваться будет, - отрезал он. Теперь вздохнул я…

- Эх! Экспедицию бы сюда! Археологическую! Из православных патриотов!.. Ну, что ж… Наверх, так наверх…

Уложив кирпичи на место в арке, мы поднялись и вышли из разрушенной церкви. Женя вдруг одновременно со мной перекрестился. Мы подошли к обрывистому, почти отвесному спуску, сбегающему метров пятьсот к Воже.

- Глянь-ка, - показал рукой Женя, - во-он - они, все провалы!

Ровно, словно по линейке, к реке шел ряд ям. Продолжался он и на другом берегу Вожи.

- Да-а-а! Возводили наши предки: что - ввысь, что - вниз! – вслух подумал я.

- Здрасьте! – услышали мы сзади. И, обернувшись, увидели девочку лет десяти, одетую в линялый, грязный халатик. Однако, волосы у нее были аккуратно и жестко сплетены в две тонкие косицы. Она улыбалась всеми безчисленными веснушками, усыпавшими ее красивое, не по-детски точеное лицо. В одной руке у нее был серп, в другой – большая корзина с травой.

- В подземный ход лазили? – продолжила она… - Зря. В прошлом годе там опять трое городских туристов сгинули. Все сокровища какие-то ищут… Только нет их здесь! И быть не может!

- Здравствуй, - кивнул Женя. - А ты откуда знаешь?

- Так, живу же здесь! А на селе все всё друг про дружку знают. Каждый приезжий тоже виден сразу… Кто и зачем приехал…

- А ученые приезжали к вам? – спросил я.

- Уче-о-оные?! – хмыкнула девочка. - Да что им здесь искать? Все, что было, давно найдено. Прабабушка рассказывала, что барин здесь бывший, до революции еще, все раскапывал чего-то… На-а-ашел… Вот, могилки он не трогал… Не то, что нынешние!

- А что барин-то нашел? – спросил Женя.

- Прабабушка говорила, что горшочки какие-то, украшения ржавые, монетки, на которые уже даже карамельку не купишь…

- А сабли, мечи, шлемы, кольчуги? – спросил теперь я.

- Так вот, что вы ищите! Не-е-ет! Прабабушка рассказывала, когда ее один дяденька из Зарайска тоже про оружие всякое спрашивал, мол, кто ж такое добро бросать после битвы будет?! Конечно, наконечники стрел там, сабли сломанные… Это еще можно найти… Но редко. Разве что, в Рудинке. Да и там все перепрело. На дне Вожи… Мужики давеча сеткой кольчугу вытащили. Так она в руках в труху рассыпалась. Да и кому все это сейчас нужно?! Какая польза от всего этого в хозяйстве?

И девочка, наклонившись, начала резать серпом густую траву под ногами.

- А что это ты делаешь? – спросил я. - Для чего?

- Для кроликов, - подняла она голову и выпрямилась. И пояснила: «Здесь травка – густая, сочная! Кладбище!»

- В Рудинке трава – лучше, сочнее, - не унимался я.

- Лу-учше! Со-о-очнее! – опять хмыкнула девочка… - Здесь свои лежат, родные! Они зла не сделают даже на том свете. Не пожелают… А в Рудинке даже в засуху никто не косит: все злой кровью пропитано. От нее и мор может пойти по скотине. Здесь же битва была во время татаро-монгольского ига. В Рудинке всех иродов и побили… Лу-у-учше… Со-о-очнее…

И, опять наклонившись, она принялась резать траву и бросать ее в корзину.

- А нельзя ли с твоей прабабушкой поговорить? – спросил Женя.

- Поговорить? – опять оторвавшись от работы, подняла голову девочка. - Она, родимая, уж год, как на новом кладбище лежит…

- А бабушка?

- Бабуля у нас – совсем глухая.

- А кто-нибудь еще знает о битве?

- Да все знают, - недоуменно пожала плечами девочка, - ну, была битва и была… Наши победили. Что ж еще больше знать? Этим ученые должны заниматься. А мы – что? Мы – село. Хлеб растим. Овощи, фрукты всякие… Скотинку разводим. Вот про это, папа говорит, мы все должны знать! Хотя мне тоже в городе жить хочется…

Она мечтательно закатила глаза: «Там вода сама течет из крана на кухне и в ванной… Ха! Колодец – и дома… За скотиной ходить не надо, всякое мясо, молоко да масло, да колбаса разная продаются. И на улицах – чистый асфальт. Велосипед сам катит! А еще интереснее всего – телефон! Все, как в кинократинах или по

телевизору… И даже, говорят, церкви пооткрывали… Мне-то – ни к чему: я – пионерка. А вот прабабушка просила, чтобы ей перед смертью попа привезли… А за ним в саму Рязань или в Зарайск, или в Озеры ехать надо! Затрат-то сколько!..

- Ну и что? Не привезли? – спросил я.

- Нет, конечно. Самая уборочная была. Кто ж поедет?

Мы с Женей переглянулись. А девочка снова принялась за свое дело.

- Ну, ладно, - вздохнул я, - Бог тебе в помощь.

Девочка удивленно вскинула голову, выпрямилась и тихо, почти шепотом ответила: «Спасибо…»

Мы же вскочили в седла и тронули коней. Так же, как и в Лужках, встречные кланялись и здоровались с нами. Но настроение почему-то мрачнело. Впрочем, как и небо на востоке. Оттуда, со стороны Рыбного, сплошной стеной надвигались тяжелые, темно-серые тучи. Дядя Леша тоже выглядел хмуро. Заворчал: «Где это вы запропастились? Гляньте-ка, какой дождь надвигается?! А у меня сено на лугах раскидано. Ну-ка, помогите запрячь. Бог даст, успеем в стога хоть что-то собрать…»

Так, мы, без обеда, отправились опять в путь. Теперь только – в тряской телеге. Дядя Леша гнал Ворону… Последние два стога мы собирали уже под мелким, холодным, похожим на осенний, дождем.

- Не успело вымокнуть! – вздохнул, наконец, дядя Леша и вытер со лба пот, перемешавшийся с дождевыми каплями. Потом он улыбнулся: «Один я, без вас, никак не управился бы!»

…Ужин был прощальным. А утром мы ловили попутку до Рыбного. Потом тряслись в электричке. Женя подремывал, а я «ломал голову»: где ночевать? Вдруг мелькнула мысль: «Молись!» И я стал просить Господа разрешить этот вопрос. Первое, что пришло сразу в голову: поехать в храм к отцу Валерию. Я вышел на платформе «Ждановская», тут же сел в метро с одноименным названием и меньше, чем через час, был в церкви. Но отца Валерия пришлось долго ждать. Он появился перед самой Всенощной. Поэтому мне предстояло после дороги остаться еще и на службу. Но какова была моя радость, когда я снова увидел Василько, Николая Марию, других знакомых прихожан… Словно в родную семью из дальних странствий вернулся! А Василько начал сразу с места в карьер: «Не хочешь ли сегодня приступить к работе? В ночь?»

Это было моим спасением. Я радостно кивнул. И вдвойне радостно подумал: «Вот, ведь как Господь все устрояет! Все слышит! Во всем помогает! Слава Тебе, Господи! Благодарю Тебя!»

Печальная служба Успенского поста, - прости, Господи, я опять про него забыл! – никак не совмещалась с моим внутренним состоянием. Но я все-таки старался вслушиваться в молитвы, возгласы, ектеньи… После службы мы все подошли к отцу Валерию.

- Что-то отпуск у Александра затянулся! – с ноткой непонятной мне обиды вдруг заявил Василько.

Отец Валерий улыбнулся: «Ты готовься к тому, что сей бравый охранник скоро покинет твою контору и уйдет в далекое журналистское плавание.»

Потом повернулся ко мне: «Ну, как съездил?»

Я обо всем рассказал. Отец Валерий грустно покачал головой: «Ну, вот и у нас какая-то волчья разновидность сатанистов появилась… Впрочем, Александр, это – не случайно. Вспомни-ка своих черных волчиц, старика-корня… Не оставили они тебя в покое! И, похоже, совсем не собираются этого делать. Ладно, об этом потолкуем позже. У тебя, я полагаю, опять возникает жилищный вопрос? Посему, давай сделаем так: завтра после дежурства отправляйся в «Гудок», получай премию, попробуй выяснить перспективы своего трудоустройства туда. И с публикациями навести родителей. Не

забудь с премии купить им и сестре подарки. Думаю, что жить пока ты будешь у них. А там – как Бог даст.»

И он благословил нас с Василько широким крестом…

- Ну-с, и куда же мы едем? Вместо кого мне заступать? – спросил я, усаживаясь в «ласточку».

- Акакий Спиридонович в реанимацию попал, - нахмурился Василько, - обострились все его болячки.

- Господи! Спаси, сохрани и исцели раба Твоего болящего Акакия! – охнув, перекрестился я. Вспомнились все наши разговоры, его рассказы о жизни, похожей на подвижничество, о родителях, о любимой женщине, о его тайной вере и верности…

Дежурить мне пришлось с худеньким студентом-очкариком. Тот, представившись Юрой и виновато улыбнувшись, сразу после отъезда Василько сказал: «Вы отдыхайте. А мне все равно всю ночь зубрить. Завтра пересдаю сопромат. На сессии завалил. А летом не сдавал, потому что в стройотряд надо было ехать… Теперь, чтобы не выгнали, должен сдать до первого сентября. А профессорша – мигера! Чуть ли в ладоши от радости не хлопает, когда «неуд» ставит.»

Я улыбнулся тоже. Вспомнил, как сам в военном училище сдавал «сопротивление материалов». Принимал у нас экзамен начальник кафедры. Злющий до «двоек» мужик! Но и – грамотный! Единственной слабостью его было пиво. Вот, мы, курсанты, и поставили на стол экзаменатора между букетами цветов графины с пивом, в которое и… водочки добавили. Так нас старшекурсники научили. Первыми пошли сдавать отличники. Те, кто метил на «красный» диплом, естественно получили «пятерки»: их фамилии были помечены в экзаменационных листах, дабы уберечься от случайностей. Но кое-кому из других, - тоже почти отличников, - профессор поставил «трояки»… Потом, хлебнув пивка, - июнь, жара! – он повеселел. И ни одной «тройки» даже троечникам не поставил! Кое-кому из наших курсантов не удавалось построить эпюры… Так, профессор чертил их сам, объясняя, словно на лекции! Даже понятнее!..

Но тут же веселье сменили грустные воспоминания об Акакии Спиридоновиче. Помоги ему, Господи! С ними я и задремал. И вдруг увидел, как открывается, запертая на ключ и толстую задвижку, входная дверь, и в вестибюль «Главснаба» входит… он, Акакий Спиридонович! Нарядный, как в наше Пасхальное дежурство! Радостный!.. Мой напарник-студент сидит над конспектом, шевелит губами и ничего не замечает… Акакий Спиридонович вошел в «дежурку», улыбаясь, чинно поклонился мне и молвил, не разжимая губ: «Вот, пришел проститься… Пожелать тебе, Александр, душевного спасения и телесного здравия! И смотри, от Церкви далеко не отходи!»

- Куда ж мне от Нее?! – ответил я, но почему-то не услышал своего голоса.

- И-и-и! Милый! – вздохнув, покачал головой Акакий Спиридонович… - Не отходи, говорю тебе, да-ле-ко!

И, развернувшись, он ушел, снова открыв и закрыв за собой запертую входную дверь. Я вскочил.

- Что-то случилось? – испуганно вскинув голову, спросил Юра.

- Ты сейчас ничего не видел и не слышал? – пристально взглянув на него, произнес я. Мне бы должно взволноваться… Но на душе и в сердце было тихо, мирно, спокойно. И непонятно: то ли радостно, то ли грустно…

- Нет, все тихо. - пожал плечами напарник.

- Пройдусь по этажам, - опустив голову, бросил я. И, поднявшись по лестнице, попытался разобраться в видении. «Неужели, он умер?» - мелькнула мысль. «Да нет, не может быть!» - ответила другая. «А почему не может?» - хмыкнула первая. Я попоробовал молиться о здравии Акакия Спиридоновича, но слова ломались, словно тонкие, сухие стебельки между пальцами, когда в раздумье перебираешь их, сидя на

стоге сена… Ночь прошла в легкой, но томительной, дымчатой дремоте. А утром, часов в семь, когда Юра ушел умываться, раздался телефонный звонок. Я снял трубку.

- Простите, пожалуйста, - раздался в ней мягкий женский голос, - у меня есть только этот номер телефона на работу к Акакию Спиридоновичу… Я не помешала?

- Нет-нет! – вскинулся я… - Мы с ним часто дежурили вместе… Как он там? В реанимации?.. Это – Александр… Может быть, он когда-нибудь упоминал обо мне вам…

- Да-да. Он рассказывал о вас… Акакий Спиридонович сегодня ночью умер.

Я услышал, как женщина всхлипнула.

- Царствие ему Небесное, - перекрестился я, все еще не веря услышанному, - а когда его отпевают, хоронят? Где? Нужна ли какая помощь? Я обязательно сейчас же позвоню в отдел, начальству…

- Спаси вас Господи, Александр. Это хорошо, что именно вы взяли трубку… Акакий Спиридонович говорил, что вы – наш, православный… Помяните его в молитвах… Отпевать его будут в церкви Всех Святых на Соколе. Послезавтра, в полдень. А хоронить будут на Новодевичьем в родительской могилке… Как и положено, на третий день. Если сможете, приезжайте проститься.

- Спаси Господи, - поблагодарил я. В трубке раздались короткие гудки… Появился взъерошенный, но взбодрившийся Юра.

- Акакий Спиридонович умер. - сказал я ему. - Только что позвонили…

- Жалко… Добрый был дедок, - вяло произнес студент, вытирая шею вафельным полотенцем. А я позвонил Василько.

- Ты поедешь на отпевание? – спросил он.

- Даже не знаю… Как в «Гудке» обстановка сложится, - с какой-то возрастающей досадой пробурчал я, - но очень хотелось бы проститься…

- Ладно, звони, - тоже досадливо хмыкнул он и повесил трубку.

…Времени у меня было предостаточно. Я заскочил в кафетерий «Смоленского» гастронома, выпил кофе, съел два пирожка с повидлом. Прошелся по Арбату. По бульвару поднялся до улицы Герцена и, спустившись по ней, дошел до редакции «Гудка». Получил премию. Заскочил к Анимаиссе. Но ее кабинет оказался запертым на ключ. Решил навестить Алексея. Но в фотолаборатории лысый, низкорослый толстяк с большими, острыми наверху ушами и маленькими, близко посаженными глазками, отводя их в сторону, прокартавил: «Алексей перешел на работу в «Московский железнодорожник».»

- Как? – удивился я… - Там же - зарплата меньше… К тому же он – та-акой профи!

- Профи-то – профи… Да вот это, - щелкнул себя сбоку по горлу толстяк, - губило профи… Простите, мне надо работать!

Я пошел по коридору к кабинету главного редактора. Войдя в приемную, попросил секретаршу доложить обо мне. Та вошла в кабинет и скоро вышла.

- Зайдите! – бросила она, не глядя, и стала что-то печатать на машинке. Главный редактор сидел за огромным столом, как и у Анимаиссы, заваленным газетными гранками, версткой, фотоснимками, рукописями. Взглянув из-под очков на меня, кивнул, одновременно здороваясь и указывая на стул.

- Да-а-а, - начал он, - журналист вы – действительно подающий надежды… Я уж хотел вас в спецкоры определить… Только после праздника пришла на вас «телега»… Откуда вы думаете?

«Этот лейтенант Госбезопасности Олег…» - сразу мелькнуло у меня в голове. А главный редактор открыл темную кожаную папку. Достал из нее какой-то фирменный бланк. Пробежал его глазами.

- Из Комитета Государственной Безопасности! – тихо, но жестко продолжил он. - Устроили вы с нашим фотокорреспондентом и белорусскими художниками пьянку! А ведь не могли не знать, что с этим злом борется вся страна. Более того, вы, - да-да, именно только вы, - нахамили сотруднику органов! И именно как сотруднику органов! Высказали несколько аполитичных мыслей, недостойных работника идеологического фронта… И как же мне теперь брать вас на работу прикажете?

- Он предложил мне стучать, в том числе и на вашего фотокорреспондента! – попытался объяснить я. Главный редактор вдруг встал из-за стола. Подошел ко мне. Я поднялся со стула. Мы стояли почти вплотную друг к другу.

- Я понимаю тебя, Саша, - вдруг очень тихо и мягко проговорил он, - потому что сам – из семьи репрессированных: отца, деда, дядьку… Но ни-че-го сейчас сделать для тебя не могу. На «телегу» эту я уже ответил. Алексею помог перейти в «Московский железнодорожник». Ты получил неплохие, заметь, повышенные гонорары, первую премию… В общей сумме – побольше тысячи! У нас никто столько в месяц не получает. Фамилия твоя – на первой полосе, в списке лауреатов – тоже первая. Имя твое – на слуху. Поэтому советую тебе устраиваться на работу либо в «Московский железнодорожник», либо в информационно-издательский отдел ЦДКЖ. Со своей стороны обещаю не сообщать никому об этой «телеге». И если напишешь что-нибудь интересное, приноси прямо ко мне. Дам «зеленый свет». Под псевдонимом, конечно. А если времена изменятся, возьму на работу. Ты тогда, глядишь, уже и «зубром» станешь! И – прямо в заведующие отделом! А? Очень жаль расставаться сейчас с тобой. Честное слово!

Он протянул мне руку. И в глазах его я не увидел лжи. Поэтому ответил на рукопожатие. Но настроение мое от этого лучше не стало. До церкви было не больше пяти минут хода. Я отправился к отцу Валерию. Божественная Литургия недавно закончилась, и батюшка обедал в трапезной. Увидев меня, замахал рукой: «Проходи! Присядь! Матушка, налей-ка супчику Александру! Да – погуще! Ну, устроился в «Гудок»?»

- Нет, - ответил я, опустив глаза. Отец Валерий даже звякнул ложкой о тарелку. А я рассказал о том, что произошло.

- Этого я и опасался! Ну, что ж, у всех – своя работа… Даже у волков… - крутанул он головой. - Если не очень морозно, они режут, в основном, больных зверей. Здоровые чаще убегают… Так будем же здоровее, чем волки! Ду-у-ухом! Что ж, сейчас – не зима. Куснул тебя волчара. Драться не имеет смысла. Тогда вся стая набросится. Надо ноги уносить. Куда? В этот самый, как ты говорил.., - ах, да, - в ЦДКЖ. Тем более, у тебя друг там работает. Давай-ка, доедай. Звони прямо отсюда. И поезжай с Богом. А мы тут с матушкой Марией помолимся. Сам-то тоже зайди в храм. Положи три поклончика…

Я сделал все, как сказал отец Валерий. И, благословясь, позвонил: «Женя! Если я сейчас подъеду, мы сможем поговорить?»

- Разве можно отказать корреспонденту «Гудка»?! – хохотнул тот в ответ.

- Дело в том, что меня не взяли в «Гудок».

- Ка-а-ак?! Ведь сам замминистра велел! – даже присвистнул Женя.

- Вот об это-то я и хочу поговорить.

- Лети-лети!

…Через сорок минут мы сидели с ним в фойе на лавочке, и я рассказал Жене обо всем.

- Ну, во-первых, не рисуй картину столь мрачной! Давай поищем краски поярче! – заговорил он, когда я закончил рассказ.

- Ты, должно быть, сейчас редактируешь статью о передовом методе преподавания в студии изобразительного искусства?! – попробовал пошутить я.

- Да-а-а… А откуда ты знаешь? – даже откинулся он назад. Я пожал плечами. А он продолжал: «Представь, что тебе сейчас в «Гудке» дали бы срочное задание, а материал у тебя не пошел… На производственную тематику… Ты же – поэт! Все!!! Сказали бы, мол, ошибочка вышла… Не исключаешь? Во-вторых, в «Железнодорожнике» сейчас свободных вакансий нет. К нам уже несколько человек пытались устроиться, потому что их оттуда развернули…»

- А в третьих?

- А в-третьих, пошли к нашему директору! Он как раз сегодня о тебе вспоминал, когда весь наш отдел на планерке чихвостил… За дело, конечно. Взяли тут одну «дочку», а та даже запятые неправильно расставляет!

Мы поднялись по белой мраморной лестнице и оказались в уже печально знакомом мне кабинете.

- Рад! Оч-чень рад! – затряс мою руку директор. - С чем пожаловали? Для «Гудочка» написать о нас что-нибудь желаете?

- Да нет! – ответил за меня Женя, - Ему предложили работать в производственном отделе. А душа не лежит к этим железкам. У Александра Леонидовича – творческая натура! Ему культура – ближе! Вот, я и убедил его идти к нам… Помятуя ваши слова на балу…

- Что вы говорите?! Это же замечательно! А первоначальный оклад, - сто тридцать, - не смущает? Но мы сейчас пересматриваем штатное расписание. Собираемся повышать ставки… Идеологический фронт – дело серьезное! Я бы даже сказал – го-су-дар-ствен-но-е! Поэтому и зарплаты должны соответствовать. Но… что это я? Значит, решились? Оч-чень рад!

Он пригладил крашеные волосы. Нажал кнопку на селекторе и повелел: «Раечка, зайдите ко мне.»

Через несколько секунд в кабинет вошла маленькая, хрупкая женщина с безцветными тусклыми волосами и такими же глазами.

- Вот, - показал на меня директор, - оформите с сегодняшнего дня на должность редактора информационно-издательского отдела, выпишите удостоверение. Я еще успею подписать. Выпишите сразу, пока наш новый сотрудник будет заполнять анкету. И – в приказ. А завтра он с Евгением Юрьевичем поедет в командировку. Поэтому выпишите и проездные документы. Скажите, чтобы бухгалтерия начислила и выдала командировочные. Все. Идите.

Когда женщина вышла, директор опять повернулся ко мне и заговорил: «Это ничего, что с корабля – на бал? Сразу – в командировку? Я думаю, что Евгений Юрьевич лучше всех и лучше всего именно в командировке познакомит вас с некоторыми тонкостями специфики нашей работы. Заодно напишите что-нибудь и для нашего «Сборника методических материалов»…»

Я, не веря всему произошедшему, улыбнулся в ответ: «Люблю командировки!»

- Ах, как замечательно! – хлопнул в ладоши директор. - А то у нас большинство – женщины… А у тех – мужья, дети… Не любят, знаете ли, ездить по сети железных дорог. Ну, я не прощаюсь! Теперь будем вместе, - рука об руку, плечом к плечу, - работать! Будьте здоровы! Как говорится, ни пуха, ни пера…

Прежде, чем идти в отдел кадров, мы зашли в кабинет, где в ожидании и тишине сидели редакторы во главе с Галиной Евсеевной и Людмилой Петровной. Они напряженно вглядывались в нас. Женя, сдерживая улыбку, опустил голову. Помолчал. Наконец, выдохнул: «Завтра мы с нашим новым редактором и моим другом Александром выезжаем в командировку в Свердловск!»

- Ур-р-ра!

- Здорово!

- Тс-с-с! – раздалось со всех сторон. И женищины кинулись обнимать и поздравлять меня. А я сказал: «Мне нужно бы «прописаться». Как насчет торта и…»

- И Шампанского! – кивнул Женя.

- После завершения рабочего дня! – отрезала Галина Евсеевна… - Впрочем, может быть, лучше – с первой зарплаты?

- Да что вы?! Мне сегодня в «Гудке» премию и шесть гонораров за первые очерки выдали! - возразил я. - А через месяц еще столько же заплатят.

- Тогда договорились. А пока, Евгений Юрьевич, помогите Александру Леонидовичу оформить все документы.

…И мы отправились в отдел кадров, в бухгалтерию, в кассу… И все было оформлено в течение часа! Слава Тебе, Господи! В ближайшей «Кулинарии» я купил самый дорогой торт. В «Гастрономе» спросил Женю: «Сколько человек за столом соберется?»

Тот задумался, подсчитывая в уме. Ответил: «Семь… Нет, восемь.»

- Тогда одной бутылки Шампанского – мало! По сто граммов! Только губы намочить! Надо покупать, как минимум, три.

- Ну-у-у, давай, - пожал он плечами…

Сидя за столом, я действительно был счастлив. Теперь могу показать родителям и публикации, и удостоверение редактора…

Когда мы вышли из ЦДКЖ и распрощались с весело захмелевшими женщинами, Женя вдруг сказал: «Слушай, Саха, я понял, что ты собираешься ехать к родителям. Но ведь там предстоит серьезный разговор. И, надо полагать, не без выяснения отношений. А завтра утром – в дорогу. Давай, переночуешь у меня? Танины родители все еще – на даче. Сейчас возьмем бутылочку коньячку. Посидим. Отметим без баб и суеты… А?»

- А Татьяна?..

- Во-первых, Танюша – не баба, а жена. Во-вторых, она долго с нами сидеть не станет. Как только я начинаю с кем-нибудь говорить о работе у себя дома, Танюша тут же уходит.

Я благодарно посмотрел на Женю. Действительно, и мои родители могут быть еще на даче… Если хотел ехать, надо было сначала позвонить… А на часах – половина восьмого вечера.

- Тогда давай быстрее, - кивнул я вперед, - а то «Гастроном» сейчас закроется.

Поздно ночью, засыпая в чистых, как всегда у Татьяны, хрустящих отутюженных простынях, я вдруг опять вспомнил, что на дворе – Успенский пост…

«Нарушил! Нарушил, – язвила мысль, - и тортом, и Шампанским, и коньяком, и скоромной к нему закуской… Прости, Господи!..»

Ближе к вечеру ко мне в терем зашел отец Антоний. Преподав всем благословение, он уселся за стол. Загадочно поглядывая на нас, жестом пригласил последовать его примеру. Последней присела Алла, приподнесшая духовнику блюдо с «жаворонками» и братину с квасом.

- Нет-нет, мне – простой воды, - запротестовал отец Антоний, - а вы вкушайте утешение Божие. Добрый обычай. Хотя и – языческий. Но он не противоречит уставам Святой Церкви. А вот ведает ли кто из вас, чада мои, про святых Сорок мучеников, в озере Севастийском мучавшихся, про их подвиг во славу Христа?

Мы виновато молчали. Тогда он, надкусив «жаворонка», сделал глоток воды и продолжил: «Было сие давно, через триста с лишком лет после Светлого Рождества Христова, Его земной жизни, Крестных Страстей, Светлого Его Воскресения. Языческий император ромейский Ликиний издал указы, направленные против Христиан… Но в одном ромейском полку, который стоял в городе Севастии, служили сорок неустрашимых ратников, исповедовавших нашу Святую Веру. Узнавший о том язычник-воевода стал убеждать их поклониться идолам. Но ратники остались тверды в вере. Тогда их заточили в темницу. Но и там они много молились, пели псалмы,

вспоминали, как помогал им Господь в злых сечах. И вдруг однажды ночью подвижники-сидельцы услышали: *Верующий в Меня, если и умрет, оживет. Дерзайте и не бойтесь кратковременных мук!* В холодную и ветренную ночь ратников раздели и ввели в воды Севастийского озера. За ночь оно покрылось льдом. А на берегу мучители нарочно затопили баню. Один из ратников-христиан не выдержал. Он выбежал из озера, но на самом пороге бани несчастный умер. А ночью озеро озарил дивный свет. Над головой каждого ратника-мученика засиял светоносный венец. Один из стражей увидел сие. Со словами *И я - Христианин* он разделся и вошел в ледяную воду. Так их снова стало сорок. Потом их всех казнили. Тела сожгли, а кости бросили в озеро. Через три дня ратники-мученики явились епископу Севастийскому. Он пошел к озеру и при дивном сиянии, озарявшем нужное место, собрал святые мощи, кои стали еще одной святыней Православной Церкви Христовой…»

Отец Антоний обвел всех взглядом. Я последовал ему. На ресницах Аллы дрожала слезинка. Георгий сжимал кулаки и двигал желваками. Ольгушка, - тоже со слезами на глазах, - сидела, открыв рот. Дворовые бабы, девки стояли, сидели, подперев щеки кулачками с поднятыми указательными пальцами. Вздыхали, жалели мучеников.

- К чему все это я поведал вам? – после некоторого молчания проговорил отец Антоний. - Вот он – наш настоящий праздник! И, к слову, среди ратников-мучеников был А-лек-сандр! Не его ли изобразил богомаз, которому твои мужики, князь, подарок для тебя заказали? Когда ты родился?

- В середине лета… - пожал я плечами. - Но, неужели, отче, у нас, на Русьской земле со времен первых Христиан не было своих святых ратников - Александров?!

- Ох, как хочется тебе, чтобы твой святой небесный Покровитель обязательно русьским был! Но во Христе несть ни эллина, ни иудея! А про русьских святых ратников не ведаю… Прости!

- Неясность у меня! – вдруг вмешался Георгий. - Ты, батюшка, как-то говаривал, что через триста лет после Рождества Христова в ромейском царстве святой равноапостольный, как ты назвал, Император Константин сделал державу свою Христианской. После него у ромеев тоже были святые цари, то бишь Императоры Феодосий Великий, Феодосий Младший, их святые жены… Когда ж изувер этот, Ли… си… ги.., ах, да, - Ликиний зверствовал? По времени как-то не сходится…

- Любознательность твоя, чадушко, похвальна! Чтобы не грешить словом, повыспрошу о том у отца Ионы. Он должен ведать. Да и мне, старому грешнику, полезно узнать. А вот ты, князь Ляксандр, послушай еще одну мою думку. Бог проявит тебе твоего святого небесного Покровителя, коли ты подзабыл. Но все они, ратники Христовы, тезоименитые тебе, открытые нам Господом или не открытые, общаются, поди, в Царствии Небесном… Пестуют всех Александров-христиан. Поди, ближе братьев кровных будут и друг для друга, и для Александров земных… Так, не может ли статься, что в трудную минуту, они все придут на помощь своему земному тезке?! Посему, молись! Иконы, - они, - окошки, открытые для нас из теремов Иерусалима Горнего. И глядят на нас из таких окошек святые наши заступники, молитвеники и помощники… Подарена тебе икона от чистых мужичьих сердец! А ведь мы и молим Господа*: *Сердце чисто созижди во мне*… **Вот и сам молись теперь по чистоте сердец мужичьих!

Отец Антоний опять надкусил «жаворонка» и еще раз запил водой: «А вот «жаворонки» эти… Есть и другой, добрый, по-настоящему христанский обычай: на Благовещение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Прснодевы Марии покупать на торгу живых пичуг да и выпускать их на волю. Живой обычай!.. Пойду я, дорогие мои! Мир дому вашему! Благословение Божие призываю на всех вас.

…И побыл-то отец Антоний самое малое время у нас, а словно святой водой напоил! Только не утробы наши, а души! Вечером мы все вместе вычитали молитвенное Правило. И так сладко текли слова!..

…Горячим солнцем по Небосводу прокатилось Благовещение. Афанасий еще накануне вернулся с торга с большой клеткой в руках. В ней чирикало, свиристело, похлюпывало, курлыкало множество пичуг, - совсем маленьких и побольше. Поварня с вечера наполнилась, казалось, забытыми рыбными запахами, от которых можно было захлебнуться слюной!

А на следующий день само солнце стало многоголосым колоколом всех Московских церквей! Из каждого оконца, с каждого крыльца взмывали славить Бога освобожденные пернатые. Так же незаметно подошли Лазарева Суббота и Вербное Воскресенье. И так же радостно, по-весеннему, отмечали эти праздники люди русьские… Словно и не было поганского ига! Словно и не готовились мы на смертную сечу!

Зато Страстной понедельник на всю седмицу затянул небо над Москвой синими тяжелыми тучами. Подул холодный ветер. Неожиданно обрушился снег с дождем.

- Небушко плачет по Страстям Христовым… - вдруг горько, по-бабьи вздохнула Ольгушка…

…Но Светлая Пасха разбросала куда-то обрывки непогоды и хлынула теплом на Землю Русьскую! По каждой жилке прошла Святым Причастием Кровь Христова, каждая клеточка впитала Причастие Пресичтого Его! И радость веры во всеобщее Воскресение вслед за Господом звенела нескончаемыми колокольными звонами, птичьими трелями, чмоканиями Христосования, треском разбиваемых друг о друга яиц.

Все повторялось так же, как, казалось, и в предыдущие годы… Но только чувство новизны, непонятной, необъяснимой, неповторимой ежегодной радости Светлого Христова Воскресения пьянили, окрыляли… Весело было смотреть на играющую ребятню, удаль Георгия со сверстниками и даже на подросший живот Аллы. Вот она – жизнь! Вечная Жизнь! Вечное Воскресение!

И снова мы шли в гости. Кто-то приходил к нам. Христовались. Обменивались подарками. Пировали. Какое же это счастье – быть Православным Христианином!

Но радость может быть вечной, как говаривает отец Антоний, только в Царствии Небесном. На Радоницу, возвращаясь из собора, я заметил на глазах у княгинюшки слезы. Оно, конечно, было понятно: непраздность может изменить настроение будущей матери в миг на противоположное… Но и дома, за поминальной трапезой княгиня Алла сидела молчаливая, какая-то чужая, скорбная… И, поднявшись из-за стола первой, быстро ушла в свой покой. Дети удивленно и огорченно притихли. Отец Антоний, приглашенный для чтения Литии, опустил глаза и шевелил губами. Я поднялся из-за стола и последовал за женой. Застав ее сидящей с мокрым от слез лицом, закрытым ладонями, обнял за плечи, прижал к себе. Спросил: «Что случилось, ладо моя? Кто тебя огорчил?»

Она резко и часто замотала головой. Вдруг уткнулась лицом ко мне в грудь и зарыдала в голос. Я гладил ее по плечу, гадая и не угадывая причины ее расстройства, А когда она немного успокоилась, сквозь всхлипывания вдруг произнесла: «Вам всем хорошо! Вы хоть каждый день можете поминать своих успоших сродников! А мне?! Мне-то как быть?! Ведь все они бы-ы-ы-ыли язы-ы-ычни-и-и-иками-и-и-и! И все горят в а-а-аду-у-у! И отец! И матушка! И бра-а-атья-а-а-а!»

И снова зарыдала… Как успокоить ее, я не ведал. «Господи, помоги! Господи, вразуми!» - шевелил я одним языком при сомкнутых губах. А она рыдала все горше и горше!

- Да что ж мы сидим! – вдруг, отстранив жену, вскочил я… - Здесь же – наш духовник! Он не может не помочь!

И я вышел из покоя. В горнице все сидели на своих местах. Притихшие…

- Отче, – поклонился я отцу Антонию, - окажи милость! Пройди в покой княгини!

Иеромонах встал, трижды перекрестился и исполнил мою просьбу… Спустя долгое время, они вышли вместе. Алла пыталась улыбнуться. А отец Антоний, усевшись за стол, заговорил: «Тяжка участь за гробом тех, кто при жизни не сподобился Святого Крещения. Но Господь милостив несказанно! И дает возможность спастись усопшим язычникам через сродников-христиан. За некрещенных можно молиться святому мученику Уару… Келейно, конечно. Святая Церковь знает случаи, когда сей угодник Божий вымаливал у Господа нашего Иисуса Христа спасение душ несчастных нехристей. Княгинюшка, по моему благословению, прочитает житие святого мученика Уара, вам перескажет. Сама станет молиться. Но и вы должны ей помочь своими молитвами. За нее! Дабы Господь даровал ей силы отмолить сродников. А ты, княже, поезжай-ка в Симонов монастырь. Там сейчас подвизается иконописец отец Ондрей. Закажи ему образ святого мученика Уара. Этим поможешь молитвенному подвигу жены. Вот, и будет вам утешение. А теперь, давайте-ка, почитаем Литию по усопшим сродникам.»

И мы отправились в молельню.

…А на следующий день меня вызвал Великий Князь. В верхней горнице кроме него были только князья Володимир Ондреевич и Герасим.

- *Христос Воскресе*! – с порога поклонился я.

- *Воистину Воскресе*! – просветлел лицом хмурый Димитрий Иоаннович и вышел ко мне из-за стола. Похристосовался. То же сделали и остальные. А Великий Князь опять нахмурился: «Портит нам Праздник враг лукавый… Ну-да ладно! Не испортит! Вот, князь Ляксандр! Опять Мамай двинул свои тумены на Нижний. Ведомо мне, что и на Рязань, и на Володимир идти намерен… А тут еще и в своем тереме крысы объявились. В Серпухове заметили иудушку Иоанна Вельяминова. Что он затевает, не ведаю. Но доброго дела от него ждать не приходится… Князя Володимира Ондреевича послать туда не могу: слишком заметен будет приезд хозяина города. Затаится тать или, вернее всего, уйдет. Так что, придется тебе с князем Герасимом и его молодцами брать иудушку. Сколько у Вельяминова людей, где он остановился, у кого, - тоже пока неведомо. Но не в истбе же крестьянской… Не в монастыре, не у купцов. Хотя последнее – тоже не исключено. Некоматка-то Сурожанин – купчишка! А всем злодеям – злодей! Хотя, вот, князь Володимир сказывает, что купцы в Серпухове – все его люди. Тем не менее, есть у Иоанна Вельяминова подельники в городе! А посему, не следует вам с князем Герасимом к наместнику обращаться. Береженого Бог бережет! Пойдете тайно. Князь Володимир скажет к кому придти. Всё дознаетесь. А уж коли при княжеском дворе измена, вот тебе грамота моя Великокняжеская. Но она – на крайнюю, безвыходную надобность. Храни на груди. Что еще? Кольчуг под рубахами не снимайте. Даже ночью. Вы мне живыми ой, как нужны! Живым мне нужен и Иоанн Вельяминов. Жи-вым! Через него и других иуд узнать Бог даст.»

- А как же Нижний, Рязань, Володимир? – не сдержал горячности князь Герасим. Димитрий Иоаннович обжег его взглядом. Но тут же смягчился: «Вижу, сердце у тебя скорбит… У меня – тоже! Не готова еще Земля Русьская! К тому же ведаю: не вся орда идет, а лишь малая ее часть. Как на Воже. Мамайка-то, ой, как хочет втянуть нас в драчку… Но нам рано еще ратиться с ним.»

- Под какой личиной нам ехать? – спросил я.

- Давай поразмыслим. - крутанул головой Великий Князь. - Ежели купцами нарядитесь… Да с одним из верных пойдете торговым обозом? А?

- Я отпишу своему… - кивнул Володимир Ондреевич… - Живет у меня в Серпухове небогатый купец… Антипушка… Вот, к нему на праздник роднёй дальней,

- ко Святой Троице, - и нагрянете. Поторгуете. Погуляете. Потешитесь. Людей своих недалеко расположите, куда Антипа укажет. Тоже - как родню. Серпухов-то – не Москва. Свой своего держится. Все – рядом. Хотя, ох, как хочется каменный кремль возвести…

- Добро! – перебил Великий Князь. - Ступайте. Все тонкости обсудите отдельно. А ко мне князя Феодора Свиблу кликните. Князь Володимир, как он, доставил ли белый камень для монастырей?

…- Скорбит Димитрий Иоаннович! – тихо молвил Володимир Ондреевич, пока мы шли по длинным переходам Великокняжеского терема. - За Нижний, Рязань, Володимир скорбит! За людей русьских, коим еще один набег претерпеть придется. Но это – ради будущей, главной сечи…

…Тяжело груженым, но веселым обозом въезжали мы в Серпухов. Внимания на нас особого, похоже, никто не обратил: торговые люди – дело привычное. А вечером в просторной истбе Антипы, - почти тереме, - собрались верные Володимиру Ондреевичу князья, бояре, купцы… Выслушав меня, задумались. Наконец, слово взял высокий, худой, старый князь Киприан: «Дело Великокняжеское, а значит общерусьское. Все поучаствуем по силам своим. На торгу вам лучшее место выделим, чтобы горожане поверили, что вы – из купцов. А сами пока все выведаем, выспоросим. И вам, князья, доложим. А вы пока поторгуйте, повеселитесь… Я к себе пятерых ратников возьму на постой. Остальных определим по истбам, да по теремам… А?»

- Добро…

- Быть посему…

- От нас не убудет…

- Не объедят, - дружно закивали те головами.

- Связь будем держать через дворовых отроков. Я их расставлю от торга до самого моего терема. А? – заключил князь Киприан… Так прошла седмица… В четверг перед Святой Троицей я, умаявшись и вернувшись с торга, - не мое это дело, купеческое! – сидел на завалинке, за истбой, в тенечке. Вдруг из-за угла истбы послышались голоса. А! Это Антипа отчитывал за что-то свою младшую заневестившуюся дочку Василиссу. Та оправдывалась: «Ну, тятенька, ну, родненький! Других девушек родители отпускают… Сам говоришь: замуж пора! А как я женишка-то угадаю? К тому же, покумиться надо с девушками-подружками… Веночки поплетем, похороводим… Обычай такой! Сам же, поди, ведаешь!»

- Обычай то – не христианский! Язы-чес-кий! А значит – сатанинский! – не сдавался Антипа. - Тебе молиться надо святым мученикам Андриану и Наталии. Тогда Господь и пошлет женишка!

- Мы же еще и бабушку, и деда, и брата твоего, дядьку Николая - убиенного, - поминать будем… Ты ж отпускал на кладбище… Сам желтые яйца давал…

- Так то ж – после панихиды в храме!.. На веселье ходила днем! Яицницу, сочники, сырники вкушала… И хватит!

- Так то ж - с тобой и с маменькой! А здесь! Я ж одна буду!

- То-то и оно, что одна! Что там ночью удумаете срамного… Учти, ежели что, запорю на конюшне!

- Что ж срамного? Нечто я себя не соблюду?! Там весело! Девушки рассказывали, что туда старичок один то ли с дочкой, то ли с внучкой приходит. Сам-то он – страшный, зато девушка, что с ним – просто красавица заморская! А чудеса какие они показывают! Особенно в самом начале Зеленых святок!

- Вот-вот! – повысил голос Антипа. - Самые ведьмаческие дни! Тебе еще сглаза не хватает! Вообще тогда замуж не выйдешь, коли отца слушать не будешь! А что за старичок-то?

- Ой, тятенька! Он – богатый! Сам и девушка, что с ним – в парче, да бархате… Там еще болярин был один. Незнакомый. Не наш, не серпуховской… Статный такой! Красивый… Хотя и в возрасте. Седая прядь посреди чуба…

- Седая прядь? Статный, высокий? – переспросил вдруг Антипа. Да и я насторожился…

- А что? Да не кручинься, батюшка! Он для меня – старик! Мне… Тимофей, сын твоего друга дядьки Спиридона приглянулся… Он тоже придет сегодня…

- Гришатка! Глянь-ка, – вдруг крикнул Антипа и спросил, очевидно, подбежавшего отрока, - гости наши с торга не вернулись еще?

- Как же, - ответил тот, - умылись даже…

- Вернулись-вернулись. - вышел я из-за угла истбы. - Прости, брат, оказался я невольным свидетелем твоей беседы с дочкой…

- А ты, вот, послушай, князь, что она там рассказала… Уж не Вельяминов ли по ночам выходит на гуляния?!

- А скажи-ка, милая, - обратился я к Василиссе, - какие же чудеса старик тот страшный показывал?

- Ой! И сказать страшно… Я-то сама не видела… Девушки рассказывали, что голой ладонью железо резал… Цветочки в камешки-самоцветы превращал и раздаривал… А дочку или внучку свою невидимой вдруг сделал… Тетки Матрене сказал, какую траву собрать, заварить и пить, чтобы живулечку, наконец, родить… Тятенька, - повернулась она к отцу, - пу-у-у-усти! Там весело! Замуж-то выйду – уже так не повеселюсь…

Антипа внимательно и пристально взглянул на меня. Я кивнул…

- Ну, ладно, уговорила! – кивнул он. А я добавил: «Только, чур, со стариком тем и с дочкой или внучкой его не говорить, ничего у них не брать: ни камешка, ни цветочка…»

- А что так? – вскинулась Василисса.

- Тебе старший, знающий человек сказал! – вдруг опять повысил на дочь голос Антипа. - Считай, что я наказал! А то не пойдешь!

- Ладно-ладно, тятенька! Обещаюсь! – поклонилась дочка и убежала в истбу готовиться к веселию.

- Что скажешь, князь? – озабоченно спросил Антипа.

- Сдается мне, что Иоанн Вельминов решился по ночам на веселье выйти… Знает, тать, что служивые христиане не пойдут на это гульбище… А молодежи до него дела нет… Вот и старик мне, похоже, знаком… Вражина, - ежели это он, - та еще! Давай-ка, сходим ко князю Киприану… Потолкуем… А там, глядишь, на сегодняшнем веселии и выследим, ворога! А Бог даст, и возьмем!

Князь Киприан, выслушав меня, аж крякнул от удовольствия! Кивнул. Послал за другими нашими… Собравшись, все решили выйти сегодня на гуляние…

- Только осторожнее, чтобы не учуял иуда! – напутствовал нас князь Киприан.

…На закате половина Серпухова сошлась к березовой роще на берегу Оки. И не только молодежь. Были здесь мужики, бабы, даже несколько стариков и старух заметил я. Эти образовали свой кружок. Что-то судили-рядили, поглядывали вверх, на город. Девушки и парни уже затягивали то одну, то другую песню… Плели венки… Девушки подходили к березке, украшали ее ленточками.

Ай да красавица!
Ай да кудрявая!
Ай да стройная!
Завьем березоньку!..
Да желанья загадаем!

Через повешаный на ветке веночек целовались, становясь кумами. Кто-то бросал свои венки в воду, гадая о женихах… Наконец, стемнело. Зажглись костры… Началось веселие! Молодежь хороводила, пела:

Покумимся, кума, покумимся!
Нам с тобою не браниться - дружиться!..
…Как у нас в году три праздника:
Первый праздничек - Семик честной…

Наши незаметно ходили между веселящимися… Кто-то тоже принял участие в игрищах, затеянных мужиками… Вдруг кружок стариков и старух оживился! Все они устремили свои взоры на тропинку, сбегающую от крепостной стены к нам. По ней спускались трое: старик в сером украшенным затейливым золотым узором балахоне, свисающими по щекам волосами и длинным, крючковатым, носом, достающим до самого, далеко выступающего вперед подбородка. Рядом весело семенила молодка, - тоже богато одетая, вся звенящая украшениями и бубном в руках. Замыкал их высокий статный болярин в дорогих одеждах… Первых двух я где-то видел… И не раз! Но где? Память отказывалась мне служить…

- О-о-он, – шепнул мне князь Герасим, - Вельяминов! Иоанн!

Я подал знак Антипе, чтобы тот оповестил остальных… Только как его взять принародно?

- Придется дожидаться, пока все расходиться начнут, - покачал головой князь Киприан, подошедший к нам сзади, - потому как нельзя при народе брать! Заступятся! А что сказать им про злодеев? Могут не поверить! Глянь-ка, как все устремились к старику!

И действительно, те, кто постарше, обступили того, наперебой распрашивали о чем-то…

- Антипа, - подозвал я купца, - ты – постарше. Подойди, послушай…

Когда тот вернулся, поведал: «Рассказывает, какими травами, какие недуги лечить… Заклинания диктует… Наши дураки и дуры повторяют и запоминают… Вот, вражина!»

Я взглянул на князя Герасима. Тот только развел руками и пожал плечами… Так, в ожидании конца гуляния, прошла ночь… А на рассвете, когда все стали расходиться, ни старика, ни молодки, ни Вельяминова среди них не оказалось…

- Ну, как мы могли упустить их?! - топал ногами князь Киприан, когда все наши собрались у него в тереме…

- Да-а-а! – протянул Антипа… - Ведь все место гуляния было нами окружено! Не иначе, как сам нечистый помог!

- Погоди-погоди, – перебил я его, - дочка твоя Василисса рассказывала, что старик тот делал свою молодуху невидимой!

- Оборотни! – тихо улыбнулся князь Олег, молодой, тихий, с вечно опущеными, словно у инока, долу глазами. - Но с нами Крестная сила… Отроки мои выследили… Как я и предполагал. Положил мне Господь на сердце после сугубой молитвы, приглядеть за боярскими домами… На берегу-то Оки тати наши стали невидимыми, а в городе уже проявились… Вот и заметили мои отроки, что вошли они в терем болярина, Кузьмы Щербины. Там жирует подопечный наш… Да людишек с ним - около полусотни… На конюшне спят, да меды попивают. Но все по виду – ратнички, - не гляди, что в мужицкое одеты…

- Пятьдесять, говоришь? – вступил князь Киприан, - Да и у хозяина, у Кузьмы-то, - столько же дворовых. Но те, в большинстве своем – не ратники… Мужики!.. Как брать-то будем иудушку? А?

- Сколько вы, серпуховские можете людей выставить?

- Я – зараз: человек тридцать. Тех, конечно, кто ратному делу обучен… Да мужиков – с полсотни. А как другие – не ведаю.

- Собирай завтра после обедни всех, кто был здесь в день нашего приезда. А люди ваши, - ратники! – пусть по дворам сидят в полном снаряжении. Мужиков трогать не надо. Ежели… Ежели только – в крайнем случае: дороги из города перекрывать. Надо бы узнать расположение двора и терема этого болярина Щербины, - сказал я.

- Добро. Все выведаю, - кивнул князь Киприан. Когда он ушел, князь Герасим жарко потер ладони: «А то засиделись мы тут без дела ратного!..»

- А у меня на душе вспыхнуло какое-то безпокойство… Откуда?! Из-за чего? Дома ли, в семье ли что приключилось? Я вышел на крыльцо. Воздух благоухал сиренью и соловиными трелями. Душная ночь рассыпалась звездами по небосклону. Подумалось вдруг: «Помолиться бы надо… А завтра в собор сходить… Молебен заказать»… Я повернулся на восток и зашептал *Отче наш*… Безпокойство притихло. «Враг мучает… Вселяет помыслы…» - успокоил я себя. Однако, ночь прошла без сна…

- Что-то тебя тревожит? Гляжу, не спал ты… Глаза красные, - молвил князь Герасим, когда мы умывались в саду.

- Сам не пойму, - пожал я плечами.

- Давай, сходим в собор, закажем молебен!

- Я и сам так хотел.

Когда мы шли в собор, прямо навстречу нам из одной истбы выскочил мужик с топором. За ним – рыдающая баба.

- Где живут эти ироды заморские? – кричал мужик, кидая взгляды в разные стороны и не зная, куда бежать… - Вот дура-то! Взяла самоцветик и захворала через него! Где, спрашиваю басурманы обитают?

- Не зна-а-аю! – выла баба…

- Что случилось, Аким? – спросил его Антипа.

- Дочка лежит в горячке! Отродясь такого не было! На веселии в понедельник взяла у крючконосого иноземца камешек, что тот из цветка превратил… Теперь – иссохла за ночь! Вся! Горит… Что делать-то, Антипушка? Твоя-то Василиссушка как? Тоже ходила?

- Ходить-то ходила! Да брать что-либо у иноземца того я ей строго-настрого запретил… Иди в собор! Покайся за дочку! Да попа домой пригласи! Пусть соборует дочку-то…

- Что ж, думаешь, помрет?

- До седых волос ты дожил, Аким, а не ведаешь, что соборование – лекарство душевное и телесное! А ты: «по-о-омрет»!

В соборе оказалось немало горожан с той же нуждой, что и у Акима… Бабы молча вытирали кончиками платков слезы… Мужики, купцы, князья, боляре топтались с ноги на ногу, опустив влажные глаза в пол. После Литургии оглашенных на амвон вышел епископ…

- Доигрались, догулялись, православные! – строго заговорил он, - Довеселились в игрищах языческих, бесовских! Не говорил ли я вам, что Бог долго терпит, но больно бьет?! Забыли вы Бога! Поклонились иноземцам… У них учиться захотели? Чему? Заговорам? А кто они, эти иноземцы? Не слуги ли сатанинские, коли чудеса творят? Чудеса творить только Господь способен… Даже святые Угодники соизволения у Господа спрашивают, дабы Его именем чудо сотворить? И постятся, молятся ночи напролет, дабы умилостивить Бога! А те, кто сами собой творят лжечудеса, именем своим, а не Божиим, - не от Бога! Слуги они сатанинские! Кайтесь! И помните, что страдают чада ваши, девицы невинные, по вашим грехам! Благодарите Господа, за то, что даже через слуг сатанинских послал вам вразумление, во спасение ваше и чад ваших! А я, милостию Божией, пошлю сегодня служителей Церкви нашей святой, дабы они соборовали болящих, окропили дома ваши святой водою Крещенскою!

Камешки те, что иноземец дарил чадам вашим, несите сюда, дабы сжечь их с особой молитвой, позволительной только для служителей Престола. На всех, чьи чада по нерадению вашему в пестовании их, пострадали от чар колдовских, накладываю епитимию: до Святой Троицы – строгий пост: просфора и стакан святой воды в день. И до Рождества Христова – по сто земных поклонов ежедневно, с сегодняшнего дня!..

…Дальше служба пошла своим чередом. Но перед *Отче наш*… ко мне протиснулся один из наших ратников.

- Надобно немедля собраться в истбе Антипы. - шепнул он. А мне подумалось: «Предчувствие… Началось»…

У Антипы собрались все наши, серпуховские. На мой недоуменный взгляд князь Киприан ответил: «Некогда ждать конца обедни… Люди мои и князя Олега заметили в тереме болярина Щербины какую-то суету, похожую на сборы.

- Неужто, выведал, иуда? – выдохнул князь Герасим.

- Как знать.., - пожал плечами князь Киприан.

- Дозвольте слово молвить? – из собравшихся выступил молодой, с недавно пробившейся бороденкой, князь Олег. «Блаженный! – хмыкнул я про себя, - С таким только и брать Вельяминова»! Но одобрительно кивнул ему.

- Люди сказывают, что недобрыми делами болярин Кузьма занимается, - проговорил он, - а именно ворожбой всякой. Какой – не ведаю… В храме Божием редко бывает. Креста на себя не накладывает. Под благословение к батюшкам не подходит. Толковал я со знающими людьми… Недобрые, нехристианские дела творит он.

- Князь Олег, – перебил его князь Киприан, - ты опять – за свое! Не о том молвишь, о чем надобно сейчас.

- Простите Христа ради… - низко склонил голову тот. А князь Киприан кивнул мне на него: «Князь Олег у нас к постригу готовится… Хотя – чуть ли не самый богатый болярин в городе… Родителей недавно похоронил. Теперь сам управляется с хозяйством.»

- Простите меня еще раз… Готовлюсь… У каждого – свое служение! – поднял ясные, голубые, цвета живого неба глаза молодой князь.

- Ежели бежать надумали, за день они навряд ли сберутся, - размышляя, взглянул я на князя Герасима. Тот понял и усмехнулся: «На дороге, посреди леса его, знамо дело, полегче взять будет… Но за день налегке собраться могут…»

- Ну, вот что, братия, Сам Господь помог и подсказал нам! – поднявшись, уперся я кулаками в стол, - Вельяминов насторожился. То ли учуял, то ли выведал через кого, то ли нечистый подсказал… Гадать не время! Глаз с терема вашего Кузьмы Щербины не спускать! Всем быть наготове! Иуду будем брать в дороге. А со своим ворогом вы сами потом разберитесь! Только поосторожней… Опасен старик, что обитает у него в тереме. Ой, как опасен! Знаю я таких! Лютые они враги Христа Бога нашего. И святой Веры Христанской! Одно слово – волки! И овец Христовых похитить пытаются… Итак, из Серпухова, насколько я ведаю, можно выйти только через трое ворот. Какими пойдет Вельяминов, - и возможно, сегодня же ночью, - неведомо. Посему, на каждых воротах нужно поставить три заставы. Те, кои следят за теремом болярина Кузьмы, завидев, к каким воротам направляется Вельяминов, должны сообщить нашим у двух остальных. Те снимаются и скачут во весь опор прочь из Серпухова к дороге от указанных ворот… Однако, по три-четыре человека надо оставить на своих местах. Береженого Бог бережет… А враг хитер… Князь Киприан, ты окрестности хорошо знаешь. Посему определи, где на дорогах можно поставить засады, - в самой лесной гуще! Верст за пять-десять от города… Чтобы знать, куда в любом случае сходиться нашим людям.

- Давайте помолимся! – предложил князь Олег, когда все ознакомились с начертанным на коже планом окрестностей Серпухова и местами засад.

- Добро, - кивнул я. Мы повернулись к иконам. Спели *Царю Небесный*. Затем князь Олег прочитал *молитву по соглашению*. Прикрыв глаза. Медленно. Словно дышал ее словами. Так человек делает, выйдя из душного, пыльного амбара на свежий воздух…

…А вечером мы хоронились, как было условлено: каждый со своим отрядом у разных ворот. Ждать пришлось долго. Только перед рассветом, когда сон стал одолевать людей и коней, ко мне тихо подобрался ратник князя Киприана и выдохнул: «Через западные ворота выходит большой обоз.»

- Они? Точно ли они? – под кольчугой у меня пробежал легкий озноб нетерпения предстоящего дела.

- Они-и-и, княже!

- Ну, с Богом! – вскинулся я в седло. За мной последовали другие. Сторожа подняла тяжелую решетку. Открыла ворота. И мы, выехав, пустили коней через поле, чтобы прежде Вельяминова оказаться у места лесной засады на западной дороге. Ратник князя Киприана провел нас по темному лесу. Здесь уже было несколько серпуховчан. Я расставил их и своих ратников полукольцом. А вскоре и князь Герасим оповестил нас утиным криком о своем приходе.

- Вот-вот должны подъехать, - поравнявшись со мной, шепнул он.

- Расставь своих вдоль дороги, - кивнул я, - но всех в сечу не пускай. Стрелять-то не придется… Но и мышь не должна проскочить сквозь засаду, - ни вперед, ни назад, в Серпухов…

- Поберег бы ты себя, - вдруг покачал головой князь Герасим, - не ходил бы сам…

- Что-о-о?! Ну, ты и выдумал! – хмыкнул я. К нам тихо подъехал дозорный. Выдохнул: «Идут. Шагов пятьсот до нас осталось…»

- И не таятся! – буркнул кто-то.

Князь Герасим, все серпуховские и московские разъехались по своим местам. Я передал по цепочке повеление полной готовности. Наконец, в предрассветных сумерках показались трое дозорных Вельяминова. Когда они въехали в самую глубину нашего «мешка»-полукольца, на них с нижних ветвей деревьев, вплотную подступающих к дороге, обрушились молодцы князя Герасима. Ни вскрика, ни вздоха, ни шороха… Кони дозорных с окаменевшей ношей были уведены в лес.

А вот - и обоз… Первыми шли володимирские тяжеловозы, запряженные в нагруженную доверху телегу. Следом двигалась крытая колымага. А за ней – еще пять телег. Спереди, справа, слева, сзади обоз окружали ратинки в полном снаряжении. Я выехал из леса и остановился прямо перед ними шагах в десяти посреди дороги. Передний ратник, завидев меня, поднял руку. Обоз остановился.

- Мне нужен болярин Иоанн Вельяминов, - крикнул я.

- По какой нужде? – ответил ратник.

- Ему я и скажу об этом.

Верхний полог колымаги откинулся, и оттуда вылез тот самый статный молодец, которого мы видели на берегу Оки со стариком-иноземцем и его молодкой во время Зеленых святок. Мигом двое ратников спешились и прикрыли иуду собой.

- Ну, я – болярин Иоанн Вельминов, громко молвил он, - а чего ты хочешь?

- Я хочу, чтобы ты поехал со мной на Москву к Великому Князю Димитрию Иоанновичу, - в тон ему последовал мой ответ.

- Во-о-о, как! – крутанув головой, хмыкнул он… - А ежели я сейчас повелю моим ратникам расстрелять тебя?

- Тебе это не поможет, - поднял я руку. И тут же обоз оказался окруженным моими и серпуховскими ратниками. Да так, что мы превосходили вельяминовских втрое. Наступила тишина… Но в это же время позади обоза показался отряд князя Киприана. Тот подскакал ко мне и тихо молвил: «Надо поспешать… За нами следом

идут невесть откуда взявшиеся сотен пять литвы… Обошли Серпухов стороной… Сюда торопятся… О-дву-конь!»

Я кивнул ему, теперь понимая, почему ироды не таились… С такой-то охраной! И вновь обратился к Вельяминову: «Ну, что, болярин Иоанн? Волей пойдешь со мной?»

- Рубите их! – крикнул тот своим, а сам юркнул в колымагу. Силы, конечно, были неравны. И скоро охрана иуды Вельяминова, порубленная, лежала вокруг обоза. Нескольких, бросивших мечи и поднявших руки, наши ратники связали. Мы с князьями подбежали к колымаге. Я хотел, было, откинуть верх, но князь Олег опередил меня и… упал, пробитый болтом из самострела.

- Слава Тебе, Господи! – прошептал он и откинул голову вбок и назад… За ворот кафтана я выдернул Вельяминова, дважды ударил его в лицо кулаком, пнул, когда тот оказался на земле, крикнул хрипло, хотя захотелось зарыдать: «Вяжите иуду! Повезем, как барана, поперек седла! С мешком на голове!»

- Вам спешить надобно, – положил мне руку на плечо князь Киприан, - а Олежку мы сами отвезем, похороним честь по чести… Душу за други своя положил… Спеши князь! Наши лесом немного проводят тебя… Если нагонит литва, поддержат!

Я махнул рукой, и мы изгоном пошли на Москву.

- Давай-ка, доплатим по «пятерке» и поедем в «СВ», - предложил Женя, когда мы рано утром подошли к билетной кассе для железнодорожников, - зато почти двое суток будем одни! Никто не помешает… Не побезпокоит…

Я пожал плечами. И уже через сорок минут мы устраивались в двухместном купе.

…Люблю я дороги! Мать когда-то даже пошутила: мол, цыганская у меня натура! Хотя в моей внешности ничего от этой национальности не проглядывается. Да, я всегда любил ездить в поездах! Запах вагонов, рельс, шпал щекочет ноздри ожиданием чего-то нового, непознанного. За окном мелькают пейзажи… Казалось бы: одно и то же. Но, нет! Словно отпечатки пальцев у разных людей, все виды русской природы никогда не повторяют друг друга. Можно часами смотреть и смотреть в вагоне окно. И в сердце при этом ведется непрерывный диалог души с русской природой. И разве такое можно увидеть в какой-нибудь другой стране?!

- Ну, что? Не будем нарушать традиций, – прервал мои мысли Женя, - в поезде либо спят, либо едят и пьют…

Он хитро подмигнул и, словно дразня, стал медленно доставать из просторной сумки жареную курицу в фольге, бутылку коньяку, стальные блестящие стаканчики, хлеб, свежие огурцы и помидоры, копченую колбасу, какие-то консервы, зеленый лук, еще что-то…

- Курицу надо съесть сегодня. Это – самый скоропортящийся продукт… Эх, забыл газетку постелить… Ну, ладно, давай, наливай! За начало пути!

Скоро чернявый, похожий на цыгана, проводник принес чай. Взглянув на стол, хмыкнул, пожелал приятного аппетита. Но, выходя из купе, обернулся, предложил: «К коньячку лимончика не желаете? У меня есть… Недорого…»

- Действительно, – поддержал я, - что это мы с тобой, Женя, коньяк огурцами, помидорами и луком собрались закусывать?!

А у проводника спросил: «Почем штучка?»

- Полтинник, - хмыкнул тот опять, - ведь на рынке для себя покупал…

Я достал монету и протянул ему: «Неси!»

Когда проводник вышел, Женя крутанул головой: «Недорого! Ты подумай только! Спе-ку-лянт!»

- Да ладно! – махнул я рукой и наполнил стаканчики. Минут через пять в купе вошел проводник и поставил на стол блюдечко. Треть лимона была тонко нарезана и присыпана сахаром. Оставшаяся часть лежала тут же.

- Как в ресторане, - показал проводник большие, ровные, белые зубы.

- Может быть, рюмочку? – кивнул Женя на початую бутылку.

- Не-е-е! Сейчас нельзя! У нас бригадир – волк лютый! Если запах спиртного учует, мигом с маршрута снимет! С фирменного! А сюда желающих – очередь! Вот, вечером, когда напарница заступит, перед сном – не откажусь. Она, бедная, намаялась! Мы с ней в ГУМе та-а-акую очередь выстояли! За сапогами… Итальянскими! И - бегом сюда! Ну, я и подумал: женщина! Пусть отдохнет. Мы, - цыгане, - народ простой, рады хорошим людям услужить. Ну, ладно, приятного аппетита и приятной поездки.

Когда он вышел, я перекрестил лимон и вспомнил, что ни утром, ни в поезде перед едой не молился… Да и благословения у отца Валерия на поездку не взял. А когда брать-то было?!

- А вот эт-то ты правильно сделал! – заметил Женя, вгрызаясь в кусок курятины. - Я, конечно, считаю все подобное, если не суеверием, то – совсем необязательным обрядом. Но перекрестить цыганский лимон не помешает.

И на мой вопросительный взгляд пояснил: «Темный народ – цыгане! Я подразумеваю не умственное развитие… Где-то в дореволюционной литературе, еще учась в институте, я читал, что цыгане – выходцы из Индии. Там, как ты знаешь, весь народ разделен на касты. Так вот, каста, которую составляли цыгане, была изгнана с родины за то, что они использовали свои экстрасенсорные способности в корыстных целях: обманывали, воровали, колдовали, гипнотизировали… Вот, и рассеялись по миру. Не все, конечно, потомки касты продолжают делать зло. Есть у них и порядочные люди. Взять хотя бы театр «Ромен»… В русском-то народе тоже встречаются подлецы! Про цыган, конечно, - научная, но недоказанная гипотеза… Ну, что? Еще – по одной, и – на боковую? Э-э-эх! Отоспимся!

Женя, застелив свою полку, разделся, отвернулся к стене и засопел. А я опять вглядывался в живую киноленту дороги.

Вот – и Владимир! Здесь, у бабушки и дедушки я проводил летние каникулы… Нахлынули воспоминания детства, смешанные с непонятным, но глубоким по времени чувством родства с этой великой землей. Родства – намного раньше… детства! На остановке я вышел из вагона покурить и вдохнул этот родной воздух. Тут же в нем как бы соткался образ князя Ляксандра… Он как-то тревожно смотрел на меня… Словно предупреждал о чем-то…

«Крушение поезда? Не может такого быть!» - усмехнулся я и услышал сзади голос проводника: «Э-э-э! Дорогой товарищ! Сейчас отправляемся!»

После Владимира меня тоже потянуло в сон. А проснулся я только к вечеру, когда поезд начал притормаживать. За окном на дальнем берегу широченной реки возвышались, бывшие когда-то белокаменными, стены, башни… В лучах заходящего солнца сверкали редкие кресты на куполах оставшихся необезглавленными храмов. Я перекрестился. Что-то опять екнуло в сердце… Возникла мысль, что я здесь когда-то бывал. Но если во Владимире и на Воже эта мысль наполняла меня радостью, то здесь на сердце ощущалась какая-то тяжесть, даже – горечь…

- Горький, – одновременно со стуком в дверь купе из-за нее прозвучал голос проводника, - стоянка тридцать минут.

- А рядом с вокзалом есть продуктовый магазин какой-нибудь, «Гастроном»? – вскочив и натянув брюки, спросил его вслед Женя.

- Целых три! А кроме того, – приостановился проводник, - мы здесь рыбкой запасаемся. К пиву. Та-а-акие лещи! Во рту тают! Дедок один, рыбак местный, к поезду приносит. Если желаете, я шепну ему. Вам подешевле продаст…

- Значит так, Саха, - заключил Женя, оборачиваясь ко мне, - коньячку у нас маловато осталось. Я бегу в магазин за пивом. А ты покупай рыбку. Устроим пивной вечер. Лады?

Я согласно пожал плечами. Поезд остановился. Все случилось так, как мы и запланировали. Но достались нам только остатки: два леща. У старика-рыбака, как я понял, в поезде были постоянные клиенты-проводники. И брали они помногу. Наш проводник купил… целый мешок! Куда ему столько? А он хитро подмигнул мне и цокнул языком: «Еще наварчик!»

- Как это? – не понял я.

- А так! Платят мне немного. А жить я люблю красиво. Вольно! По-цыгански! Куплю рыбки в Горьком, продам знакомым в Свердловске… Сапоги, еще какие шмотки из Москвы… Глядишь, пару-тройку сотен «наварю»!.. А ведь это – тоже работа! В очередях стоять… Доставать… Знать места, где и как доставать… Но я вам этого не говорил! Сапоги везу жене и трем сестрам…. Рыбу - себе и друзьям…

Я даже присвистнул…

…Мы с Женей сидели при свете ночников, потягивая пивко и закусывая его лещами. Жирные, мягкие, сочные, - они, действительно, таяли во рту! И… вызывали новую потребность пива. Перед нами лежал «Сборник методических материалов…» выпускаемый информационно-издательским отделом Центрального Дома культуры железнодорожников. Женя объяснял: «Сборник выходит раз в квартал. Включает в себя статьи для руководителей коллективов художественной самодеятельности самых разных жанров и направлений. А недавно я предложил публиковать в нем очерки о лучших людях сети дорог, прозу, поэзию, афоризмы, песни с нотами. Руководство одобрило. Ведь у нас в культучреждениях есть литературные студии и кружки художественного слова. Вот и получается, что железнодорожники, - самодеятельные поэты и прозаики, - пишут, мы отбираем, редактируем, публикуем, а самодеятельные артисты читают… То же самое – с песнями. Заодно в следующем сборнике и твои стихи дадим… Ты ведь теперь – тоже железнодорожник! И гонорар неплохой получишь! Но это все – техническая сторона дела. Главное – другое! Наш директор любит говорить, что мы – бойцы идеологического фронта. И с этим нельзя не согласиться. Все годы после семьнадцатого, как ты сам знаешь, в стране процветал космополитизм. Якобы, не было России. Во-о-обще! Был и есть СССР! Заметь, даже в «США» есть слово «Америка». А в названии нашего государства слова «Россия» нет. Люди стали забывать, что они – русские! Поэтому в поэзию пробились некто, пишущие о своих слюнях, соплях прочей гадости и грязном белье… Причем, облекая это в необычную форму. Те же Мандельштам или Пастернак… Зато в опалу попадают поэты, которые просто упоминают, - заметь у-по-ми-на-ют! – что они русские. Пусть – не в явную опалу, не в тюрьмы или в лагеря, как в двадцатые годы… Не в тридцать седьмом, а именно в двадцатые! Мол, какие вы – русские? Вы – советские!.. Вот и думается мне, что мы с тобой через наш скромный сборничек тиражом десять тысяч экземпляров должны возрождать идею русскости. Понимаешь? Но делать это надо очень осторожно! Ошибемся – прикроют.»

- Сборник?

- Его-то как раз и не прикроют! Свято место пусто не бывает. Нас с тобой прикроют. И на наше место возьмут кого-нибудь типа Германа, который образцом для подражания будет цитировать «пространство, звезды и певца»… И этого даже Галина Евсеевна не понимает! Я тут заикнулся о России! Так она руками замахала: мол, мы же интернационалисты, а не националисты! Мол, нас не поймут вышестоящие товарищи! Вот, я и хочу сделать ставку на самодеятельных поэтов: мол, они – народ неискушенный, простой, - что думают, то и поют. Мол, «глубинка»! А глас народа – глаз Божий! Надо ли идти против народа, против прол-летариата? Ха-ха! Пол-литра-риата!

- Погоди-погоди, – замотал я головой, - но ведь те же Мандельштам, Пастернак, вся их плеяда – лирики! Ты хочешь отказаться от лирики в поэзии?

- Ни в коей мере! Но ты сам сравни лирику Есенина и того же Мандельштама!

- Нет, погоди! А допустимо ли сравнение таких разных во всем поэтов? И если все будут писать «как Есенин», под одну гребенку, поэзии не будет!

- Ты почему-то никак не можешь меня понять! Не под одну гребенку! Если бы ты впервые прочитал стихи Мандельштама без указания автора, места его жительства, ты смог бы сказать, что это – русский поэт, а не перевод с какого-нибудь французского? То-то! Дух нужен русский, есенинский! Чтоб Русью запахло!

- Теперь, кажется, понимаю, - задумался я.

- Ну, вот – и лады!

- А технически как я должен работать?

- Очень просто. По документам ознакомиться с работой коллектива художественной самодеятельности. Опросить его участников согласно журналу занятий. По темам… А потом сделать знакомое тебе, обычное журналистское интервью в более широком, доверительном разговоре… О творческих планах… О мировоззрении… А из интервью, - не мне тебя учить, - можно сделать и статью, и очерк, и зарисовку и кандовый отчет. Впрочем, послезавтра в Свердловске посмотришь, как я это делаю. И поймешь. На лету поймаешь… Я уверен! О-о-о! Рыбка-то у нас закончилась! Быстро мы ее…

- Зато пива много осталось. Будем отпиваться от солененького…

В эту же минуту в купе постучали. И в проеме отъехавшей двери показалась голова проводника.

- Ну, как, – заулыбался он, - рыбка по вкусу пришлась? А моя рюмочка обещанного коньяка еще осталась? Я смену сдал… О! Да у вас рыбка закончилась! Я – мигом…

И еще через минуту он появился с двумя лещами в руках.

- Э-э-э, - покачал головой Женя, - так не пойдет! Это – твой заработок. Поэтому, давай-ка, мы заплатим тебе.

- Что ты? Что ты, дорогой товарищ?! Вы меня коньячком угощаете, а я с вас за двух рыбешек деньги брать буду? Если цыган, то обязательно – хапуга? Не-е-ет! Кстати, меня Романом зовут…

И, плюхнувшись на полку, сам стал быстро очищать леща. Женя вздохнул и разлил остатки коньяка на троих. Мы чокнулись. Выпили.

И-и-эх! Не надо было бы мешать коньяк с пивом, которое Роман между анекдотами подливал нам. Сквозь шум в голове я смеялся. Женя - тоже. Роман же пил маленькими глотками.

- Мне много нельзя. Я – хоть и отдыхаю, а все одно – на работе! А ну, как ночью что случится… Тьфу-тьфу-тьфу, - поплевал он через левое плечо, но тут же сделал заговорщическое лицо и громко зашептал, - Хорошие вы мужики! Свои! Как цыгане! А мне для хороших людей ни-че-го не жалко! Напарница моя, Машка – классная баба! И никогда не против хороших мужиков… А попробуете – не оторветесь! Цыган за свои слова всегда отвечает! Я пойду, подготовлю ее. Потом вы зайдите ко мне. У меня еще самогоночка припрятана… На калине с медом! Горит синим пламенем. По стопке выпьем… Я – спать. А дальнейшее от вас зависит.

- Как?! Вдвоем?! – удивился я.

- Чем больше, тем баба довольнее! – хмыкнул Роман.

- Я – женат… - нетвердым голосом возразил Женя.

- Ну и что? Я – тоже. Жена – не стенка, можно и подвинуть! - опять хмыкнул проводник и встал… - Ну, я пошел. Значит, минут через тридцать.

Когда дверь за ним закрылась, Женя посидел немного, глядя в пол. Поднялся…

- Надо со стола убрать, - буркнул он куда-то в пространство, - и проветрить купе. Все рыбой и пивом провоняло… Сейчас мусор вынесем… Покурим…

Молча, мы сгребли рыбьи кости, чешую, потроха со стола…

- Не нравится мне все это, - наконец тихо выдохнул я.

- Что не нравится? – не поднимая от стола глаз, спросил Женя.

- И Роман, и его предложение, и Машка-проводница… Как у нее со здоровьем-то?! Я имею в виду какую-нибудь инфекцию…

- Успокойся! Никто с этой Машкой ничего делать не собирается… Проводников, кстати раз в месяц проверяют на предмет инфекций всяких… Я и сам опасаюсь… Только другого. Он видел наши служебные, безплатные билеты… К тому же мы едем в «СВ»… Предполагает, что проверяющие какие-нибудь по линии Министерства путей сообщения… Вот и стелется! А что – не так, мигом компромат на нас представит! – жестко проговорил Женя и взглянул на часы. - Пойдем, мусор и пустые бутылки вынесем.

Я пожал плечами. «Что-то надо сделать! Что-то надо сделать!» - ворочалась в голове мысль, пытающаяся более четко пробиться сквозь смесь пива и коньяка, туманящую мой мозг. Но ответа и даже отзвука на него не находилось… Мы вышли из купе. Вагон уже спал. Только у «титана» Роман что-то жарко втолковывал блондинке в железнодорожной форме, - симпатичной, высокой, стройной, с пышной, разрывающей блузку, грудью… Та вдруг посмотрела мимо него на нас. Роман перехватил ее взгляд и обернулся.

- А-а-а! Мужики! Вот, познакомьтесь! Это – Машенька! Самая красивая девушка нашего резерва проводников… Я бы даже сказал: всего Урала! – весело сверкнул он своим белоснежными зубами, которые теперь почему мне напомнили лошадиные… А в черных, бездонных глазах у него, как показалось, не было даже подобия улыбки.

- Ну, что, – продолжил он, - по стопочке калиновой?

«На реке Смородине, на мосту Калиновом…» - вдруг почему-то у меня в голове мелькнула мысль. «Бред какой-то!» - оборвал я ее. Не надо было коньяк с пивом мешать… Но я покорно зашел за Романом, Машей и Женей в служебное купе, где на столе уже красовались нарезанные колбаса, хлеб, сыр, лимон… Самогон оказался действительно отменным: крепким, но пьющимся легко.

- Ну, вот! – вздохнул весело Роман, - А теперь мне надо выспаться…

А мы втроем, - Женя, Маша и я, - вышли из купе. Самогон, очевидно, оказался «последней каплей» для меня, глаза начали слипаться. Зато Женя весело, что называется, убалтывал Машу. Я не узнавал его. Поэтому скоро ушел в наше купе… Утром, когда проснулся, увидел Женю с полотенцем на плече. Он причесоывался перед зеркалом.

- Привет, - зевнул я.

- Утро доброе, - улыбнулся он из зеркала. Хмыкнул: «Головка «бо-бо»?»

Да, ощущение внутри меня было далеко не самым приятным… Не надо было вчера мешать пиво, коньяк и самогон…

- Сейчас здоровье поправим! Тут Роман презент принес, - кивнул он на столик, на котором красовалась початая бутылка с нежно-розовой жидкостью, тарелочки с колбасой, сыром, лимоном. «Где-то я совсем недавно уже видел все это…» - всплыла мысль. И память угодливо подсказала события вчерашнего позднего вечера, или даже ночи.

- Ты хоть спал сегодня? – неуверенно спросил я Женю.

- Поспишь тут, - хохотнул он, - ты храпел так, что смог бы заглушить все танки и самолеты на Курской дуге. «Ну, слава Богу! – подумал я, - Видимо мне все это просто приснилось». Но все-таки спросил: «А Маша-проводница?»

- А что Маша? - улыбнулся, вскинув брови, Женя.

- Да нет, ничего… Просто, похоже, приснился похмельный бред… Будто Роман сводил нас обоих с этой проводницей.

- Да, перебрал ты вчера! Еще и песни цыганские пытался петь! – сверкнул он на меня глазами, совем точно так же, как вчера Роман. Или и это мне приснилось?! А Женя уже наливал по полстакана: - Давай, поднимайся! Бегом умываться! Чистить зубы! А то – «трубы горят»!

Через десять минут мы уже завтракали. И тут опять, уже без стука, к нам заглянул Роман.

- Ну, как? – подмигнул он, сверкнув одновременно глазами и зубами.

- В каком вагоне у вас бригадир? Тут мы с Сашей решили проводникам «СВ» благодарность написать. За образцовое обслуживание! – в тон ему ответил Женя.

- А-а-а, – протянул Роман, - не откажемся! Глядишь, и премию дадут!

- Ты выпьешь? – кивнул Женя на бутылку.

- Ни-ни! Моя вахта! Маша спит и так сладко посапывает! Эх, сейчас бы – к ней под бочок! - закатил он глаза. А у меня опять возникли сомнения, тем более, что у Жени при словах Романа в зрачках вспыхнул незнакомый мне ранее огонек.

- Вообще-то Маша – девушка непритязательная, потому, как обеспеченная… Но духи любит, – как бы между прочим, глядя задумчиво в окно, нараспев произнес Роман, - цве-е-еточ-ные…

Женя взглянул на него. Хмыкнул. А Роман продолжал: «Я ей всегда на день рождения, 8-е марта и Новый год духи дарю. Как коллега… Да, чуть не забыл! Что принести? Чай? Кофе?»

- Мне – чаю, - ответил Женя.

- А мне – кофе, - кивнул я, яростно отгоняя мысли подозрения, осуждения, недоумения…

- Сей секунд! – закрыл за собой дверь в купе Роман.

«Нет, все это был сон! Пьяный! Похмельный! – вдалбливал я себе в голову, - Ведь у Жени есть Танюша! А теперь мне похмелье мозги всякой гадостью кровянит… А может быть, это происходит потому, что самому, ох, как хотелось бы провести ночку с этой проводницей? Вот и подозреваю друга во всех тяжких! Эдакая необоснованная зависть! Зависть к собственной фантазии, к собственному греховному желанию! Вот ведь, какой же я мерзавец!»

Оставшийся путь до самого Свердловска мы с Женей перекидывались обрывочными, ничего не значащими словами. Я от стыда за свои подозрения боялся встретиться с ним взглядом. Но, - странное дело! – у меня возникло ощущение, что то же самое происходит и с Женей по отношению ко мне.

«Да что ж это такое?! – вдруг вспыхнула мысль, - В конце концов, не мое дело: с кем спит или не спит мой друг. Мне ли осуждать его, когда не то, что в пушку, а в густой, жесткой щетине, и не, что рыльце, а свиное и грязное рыло – у меня самого»! «Что ж ты бедное животное оскорбляешь?! – сыронизировала другая мысль, - Небось, любишь всякие бифштекся да отбивные… А от солененького, - да с чесночком, - сальца за уши не оттащишь»…

Дверь в купе открылась. В проеме стоял Роман. Он протянул что-то завернутое в фольгу:

- Вот, Маша просила передать. Домашнее. С чесночком! Она ж – хохлушка. Из-под Полтавы. Аккурат в Москве посылочку из дома получила… Приглянулся ты ей Евгений, что ли?

Женя, краснея, взглянул на меня. А я отвернулся к вагонному окну. Роман положил сало на стол и вышел…

…На перроне Свердловска нас ожидал чернявый, чем-то похожий на Романа, молодой человек.

- Из Москвы? Из ЦДКЖ? – спросил он и представился. - Антон. Заместитель директора Дворца культуры железнодорожников. Сейчас мы поедем устраиваться в гостинницу, а потом – к руководству Свердловской железной дороги.

Тут я заметил, что к Маше, стоявшей тоже на перроне, подбежал худенький молодой очкарик, - классический студент, - с букетом цветов и поцеловал ее в щеку.

- Хм!.. Же-э-эних! – усмехнулся Роман, подошедший к нам проститься. - Будущее советской науки…

Маша по-хозяйски оглядела студента с ног до головы, снисходительно чмокнула в щеку, что-то буркнула и отвернулась от него, чтобы проводить выходящих из вагона последних пассажиров. А жених смотрел на нее замаслившимися глазами…

- Есть два варианта наших дальнейших действий, - уже в машине заговорил Антон, - первый: сегодня, после вашего визита к нашему руководству едем сразу во Дворец культуры. Второй: экскурсия по вечернему городу революционной и трудовой славы советского народа…

- Нет-нет, - запротестовал Женя, - сначала поработаем!

- Ну, что ж, хозяин – барин! – улыбнулся Антон. - Тогда посмотрите направо. Это - наш знаменитый драматический театр… А это…

Честно говоря, я даже не слушал перечислений. Город казался мне каким-то серым, даже немного зловещим… Но тут вдруг я невольно прислушался. Это возникло как бы вне меня.

- А это – дом дореволюционного инженера Ипатьева, где в июле восемнадцатого года был расстрелян последний русский Царь Николай Второй, прозванный «кровавым»... Вместе с женой и взрослыми детьми… Многие недоумевают: мол, зачем надо было убивать детей, Царицу?! А ведь все очень просто: надо было уничтожить «знамя», символ царизма, чтобы не было возможности вернуться к проклятому прошлому…

Я внимательно посмотрел на Антона. И пустыми глазами он вдруг напомнил мне одного школьного зубрилку, который просто повторял слова из учебника, совсем не вдаваясь в их смысл. То же, что и Антон, в военном училище говорили сокурсники, на семинарах по научному коммунизму… Те же самые «царизм», «знамя», «проклятое прошлое», что вызывалоту меня какой-то неосознанные, непонятный протест… То же на зачетах и семинарах говаривал и я… Слава Богу, что мне не пришлось повторять эти слова на государственном экзамене. Я так и не смог понять, чем отличалось убийство четырнадцатилетнего сына, шестнадцатилетней, восемнадцатилетней и двадцатилетней дочерей Царя, - невинных мальчика и девушек, - от фашистских детоубийств…

На двери в гостинницу висело объявление: «Свободных мест нет». Но Антон уверенно провел нас к прилавку администратора.

- У нас - «бронь» для товарищей из Москвы… - громко сказал он. И скоро мы оказались в просторном, чистом двухместном номере. А когда я вишел из душа, в дверь постучали.

- Войдите! – крикнул Антон. В дверях показалась пожилая женщина. Она вкатила столик на колесиках.

- С дороги надо подкрепиться! – потер ладони друг о дружку Антон и обнажил в улыбке ряд ровных, больших, белых, почти как у Романа, зубов… - Можно было бы и по сто граммов… Но это уже – после визита к руководству, в нашем Дворце культуры. А?

Яичница с ветчиной, бутерброды с сыром, кофе подбодрили. И через полчаса мы входили в здание Управления Свердловской железной дороги. И сразу за дверями мне в глаза бросился бюст… Я, конечно, знал, что это – изображение Якова Михайловича Свердлова… Но кого-то еще он напоминал мне… Кого? Вспомнить я

не смог. Однако, отметил, что скульптор явно переборщил с носом, который свисал почти до самого, выступающего далеко вперед подбородка… А еще через час мы были во Дворце культуры.

Вся работа шла по уже знакомой из моего небольшого журналистского опыта схеме. Я знакомился с руководителями кружков и студий, просматривал похожие на школьные журналы посещаемости с темами занятий, восторгался или скептически про себя хмыкал над работами участников художественной самодеятельности… Листал подборки стихов… Что-то откладывал для более детального ознакомления… Женя занимался более серьезным делом: проверял методические разработки… Записывал что-то в рабочий блокнот… Потом мы распланировали дни командировки для посещения занятий. Наконец, когда совсем стемнело, нас пригласили в другой кабинет, на «дружеский ужин», знакомый любому, кто бывал в командировках с проверкой. Поначалу мне было противно: общение и угощение казались какой-то взяткой… Но другая мысль пояснила: «Когда к тебе приезжают гости, ты ведь тоже все на стол выставляешь!»

Следующий и следующий дни были повторением первого вечера… Наконец, в конце четвертого дня, Женя, потупив взор, сказал: «Знаешь, нас пригласили в гости… Кто? Маша. Проводница… У нее собирается вся бригада. Какой-то юбилей… Роман обещал, что будет весело. Специально сегодня во Дворец культуры зашел. И ведь нашел меня, проныра!»

- Я отоспаться хочу… Подустал что-то, - буркнул я, потягиваясь, - а ты сходи один.

- Э, нет! Без тебя я не пойду!

Я пожал плечами. И вдруг нестерпимо захотелось сходить в церковь. А Женя, продолжал: - Вообще-то с твоей стороны это – очень эгоистично! Надо развеяться! Отработали мы вместе почти все задание… Осталась сущая мелочь! И уж если приехали вместе, вместе работаем, то вместе и отдыхать надо! Давай, все-таки сходим в гости! Люди – гостеприимные, пригласили от чистого сердца. Обидятся, если не придем…

Но в это время нас перебил подошедший Антон.

- Мужики! Моя супруга просила пригласить вас сегодня на ужин. Узнаете цыганские гостеприимство и кухню. Мы ведь с ней – цыгане. Оседлые, конечно. Но обычаи предков храним. Добрые обычаи!

Мы с Женей переглянулись.

- Не придется мне отсыпаться! - довольно улыбнулся я. - Видишь ли, Антон, нас уже пригласили в гости. И там – тоже цыган. Согласись, нельзя обидеть пригласивших… Поэтому сделаем так: Женя пойдет в гости к тому цыгану, а я – к вам с супругой…

- Лады, - удивленно и нерешительно хмыкнул Женя. А я вдруг поймал себя на мысли, что не хочу вдруг удостовериться в своих подозрениях относительно Жени.

Пока мы тряслись с Антоном в трамвае, он рассуждал, словно исповедовался: «Я горжусь своей национальностью… И в то же время стыжусь ее… Стыжусь тех, кто позорит цыганский род: обирает на вокзалах, рынках, в электричках и парках простых людей, используя свою способность гипнотизировать. Тех, кто лжет, гадая, используя при этом утонченный, врожденный дар психолога… Христиане считают, - он осторожно кольнул меня глазами, - Что слуги диавола не могут читать мысли людей, но угадывают их именно по мимике. Это нам на курсах повышения квалификации по научному атеизму говорили. А горжусь я тем, что мои предки, – выходцы из арийской рассы индусов, - владели языком первых людей на земле. Поэтому считаю, что сам должен жить, подражая своим великим предкам, когда не было ни наций, ни разделения языков. Все люди – братья! Так испокон века повелось!..»

- А как ты стал культработником? - спросил я.

- Умение петь плясать, играть на гитаре – у нас, у цыган – в роду! И отец еще учил, - Царствие ему… Сам он был детдомовский. Работал на шахте. Погиб в забое. Поэтому я после восьмого класса пошел работать. У меня – пятеро братьев и сестер. Я – самый старший. Кормить-то их надо было! Ну, участвовал в самодеятельности… Тут заметил меня один наш, свердловский, певец… Захотел, чтобы я в консерваторию поступил. Но не получилось. Окончил я тогда вечернюю школу и решил не гоняться за журавлем… Поступил в институт культуры. Стал артистом филармонии. Только поссорились мы с моим патроном… Все равно – спасибо ему. Я стал культработником.

«Путаная какя-то история… И в голове у него – путаница!» - мелькнула мысль. «А ты не задавай человеку вопросов! Если надо, сам расскажет, - перебила другая, - Ты же ему – не кум, не брат, чтобы душу перед тобой раскрывать»!

В обычной пятиэтежке, за обычной, оббитой дермантином дверью нас встретила стройная, большеглазая, со спадающими на плечи мелкими кудрями смуглая брюнетка. Ярко выраженная цыганка!

- Галина, - представилась она и… смутилась, - а почему не втроем?

- У Евгения – срочная деловая встреча, - соврал Антон.

- Ну, что ж. Значит, - так! – пожала хозяйка плечами и подала мне тапочки.

- Вот видишь, - заговорил опять Антон, - живем мы, как все нормальные нецыгане. Галя работает старшим билетным кассиром на нашем вокзале. По двенадцать часов…

Он повернулся к жене: «Ты хоть пару часиков поспала после ночной смены?»

- Поспала-поспала! – улыбнулась та и на миг прильнула к мужу. Вдруг спохватилась: «Да что ж это мы?! Александр! Проходите! Стол уже накрыт!»

Вроде бы обычный стол… Оливье, квашенная капуста, соленые огурцы и помидоры, селедка под шубой, два сорта колбасы, сало… Из холодильника были изъяты две бутылка: водка и «Алиготэ»…

- Ну! За знакомство и встречу! – поднял первую рюмку Антон. Мне почему-то пить не хотелось. Но я улыбнулся, чокнулся и опрокинул водку в себя. И когда мы выпили, Антон сказал: «Я обещал цыганскую кухню… Она очень проста. На горячее сегодня будет курица и баранина… Любят цыгане и супы из свеклы. Но сейчас – вечер, ужин… Приходи на обед! Попробуешь! Язык проглотишь! Вот, попробуй фаршированную рыбу… А мясо Галя поджарила по цыгански, на раскаленной сковороде, а затем протушила его с зеленью… Ну, и наконец, после закусок ты, Александр, попробуешь наши фирменные лепешки с мясным фаршем и болгарским перцем. А на гарнир – свежие помидоры, фаршированные перченой брынзой.»

Потом мы выпили за хозяйку дома, за то, чтобы дом сей был «полной чашей»… И понеслось! Антон взял гитару. Поначалу пел старинные русские романсы. И надо признать, пел не хуже Сличенко! Галина подпевала ему с цыганским надрывом. Потом она играла на гитаре, а Антон плясал, подергивая плечами, хлопая себя по груди, бокам, бедрам, коленям, ступням… Когда мы снова уселись за стол, я хмельно пошутил: «Да вам здесь можно свой уральский «Ромэн» создать!»

- А что, Галочка, это – идея! - так же хмельно засмеялся в ответ Антон, обнимая за плечо жену.

- Эта идея не нова, Тоша, – вдруг помрачнела Галина, - и чем бы она закончилась, если бы ты тогда пошел на поводу у Эраста Валерьяновича…

- Галя! Сегодня – праздник! - попытался урезонить жену муж.

- Нет-нет! – вспыхнула вдруг та. - Вот, по случаю, как раз, хочу спросить Александра, как москвича. А что, в Москве много артистов, которые женщинам предпочитают мужчин?

У меня чуть кусок колбасы не застрял в горле от удивления.

- Вы знаете, - ответил я после некоторой паузы, дожевав колбасу, - мне как не приходилось сталкиваться с этим, а потому и интересоваться… Я слышал что-то краем уха. Но считаю это такой гадостью, что даже от разговора боюсь запачкаться.

- Вот-вот! А у нас, в столице Урала, в театральных кругах.., - почти навзрыд произнесла хозяйка.

- Галя! – повысил тон Антон.

- Да-да, прости, Тошенька! Но я не могу без содрогания вспоминать этого мерзавца! И благодарна Богу… Что бы с тобой могло стать, если бы…

- Если бы не ты, любимая! – умиротворяюще обнял жену за плечо Антон.

- А вот, вы мне лучше расскажите, - начал переводить я разговор на другую тему, - обладают ли цыгане способностью внушать что-либо человеку, с которым общаются?

- Знаете, Александр, - уже успокоившись, хитровато улыбнулась Галина, - каждый человек в той или иной степени обладает этой способностью. Но дело не в том, кто внушает, а в том, кому… Цыгане – очень тонкие психологи! Вот я, например, вижу, что вы - человек внушаемый. Более того, вы – талантливый, творческий человек. И это – не лесть. Я вижу также, что вы одиноки. То есть, что у вас нет жены и даже постоянной женщины. Хотя в то же время вы болезненно мечтаете о семье. О настоящей, несовременной семье! Такой, знаете ли, патриархальной! Но найти ту, которая разделила бы весь ваш творческий рост, взвалив на себя семейный быт, поработив себя вашему таланту, в настоящее время очень трудно… Если не сказать больше: невозможно! Я вижу, что вас в жизни сильно потрепали злые люди. Но вижу и то, что женщин вы оцениваете поначалу, - и в первую очередь! – за физические данные, а не за душу. И в этом – ваша главная ошибка… Заметьте, ваша, а не их, не женщин! Только не обижайтесь. Правда не всегда бывает лицепрятна. Когда же вы находите женщину для жизни, вы всю душу отдаете ей. А избранницы ваши, выбранные, простите, по те-лу, не способны вместить ваших душевных порывов. И начинают использовать вас, врать, недовольствоваться, требовать от вас все больше и больше материального и… подчиненности им. Но вы сами дали им повод для всего этого… Наконец, - теперь их вина, - они вызывают разрыв! Нет, не специально. Души разрывают общение. А потом – и тела! Многие из ваших женщин многое внушали вам, хотя и не были цыганками…

- А откуда вы все это знаете? – ошарашенно перебил я ее.

Галина пожала плечами: «Я и сама не знаю… Но скажу вам больше того. Вы настолько искренни в ваших отношениях с любовницами и с друзьями-мужчинами, что и те, и другие, не веря в существование такой искренности, считают вас либо, простите, неумным человеком, либо очень тонким психологом-подлецом…»

- Галя! Галя! – легонько похлопал ладонью по плечу жены Антон. - Хватит! Ты совсем расстроила гостя!

- Нет-нет, – резко трезвел я, раздумывая над словами хозяйки, - спасибо Вам, Галочка! О-о-о! Время уже позднее. Я хочу сказать последний тост. За твою жену, Антон! Она открыла мне нечто очень важное в жизни. Спасибо!

Когда мы выпили и закусывали, Галина вдруг продолжила: «Дано это все цыганам.., скажем так, природой. Все я прочитала у вас, Александр, на лице. Но прочитала не для использования в целях наживы. Для нашей маленькой семьи такой заработок гадок!»

- Тогда скажите мне еще, Галина… Вы знаете, что я – журналист, литератор. И вот, сейчас зреет один сюжет. Может ли цыган внушить доброму семьянину мысль, намерение, наконец, поступок измены своей жене? А другу этого семьянина, если даже не было измены, внушить подозрение и разочарование в друге?

Хозяйка дома опустила глаза, чему-то грустно улыбнулась и ответила: «Может… Но только не сам цыган, - в свете нашего разговора. Не он сам, но зло,

которому он служит. Впрочем, вы правильно сказали: не только цыган, но и любой человек, служащий этому злу. Давайте, лучше, еще один тост: алаверды. Если муж-цыган позволит жене сказать его.»

- Конечно, родная, - улыбнулся Антон.

- За вас, Александр! За то, чтобы вы пришли к видению зла и добра. Последнего – всегда больше! Просто зло ярче бросается в глаза людей. А добро всегда – скромно и незаметно… И вам научиться видеть их, различать, как журналисту, просто необходимо…

Антон проводил меня до какого-то проспекта, поймал такси, назвал водителю адрес. И скоро я был в гостинице.

Вельяминов, перекинутый поперек коня, что-то мычал и стонал. А я все хлеста и хлестал плеткой по крупу своего скакуна. Лицо горело. В брови откуда-то изнутри вонзались тысячи обижгающих маленьких иголочек… Единственное слово до боли билось в висках: «Разъять!» Но я стал вдруг молиться, как тогда, когда с обломками стрел в бедре и плече лежал полуголый под каплями холодного дождя в остывающем лесу…

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя…

Молитва возникала сама собой. Я даже не понял: изнутри или извне. Но это помогло. Сосредоточенность и спокойствие вернулись в сердце… Брови остыли. Но скорости я не снижал. На голову коня отставали от меня князь Герасим и ратник, везший Вельяминова.

- Надо бы дозор послать вперед, - повернулся я ко князю Герасиму. Это тут же было исполнено. Мы ровно и размерено шли на Москву. По всем приметам до Лопасни оставалось немного. Но вдруг, случайно повернув голову направо, я увидел… летящую рядом с нами на уровне голов Елену, убиенную когда-то жену мою… Я перекрестился. Видение не пропадало. Перекрестил Елену. Она продолжала лететь в сверкающем одеянии, с распущенными светящимися волосами, с венком золотых цветов на голове, но со скорбным, даже суровым лицом. Она скрестила руки, словно показывая, что скакать дальше нельзя! Увидев, что я понял ее и замедлил ход, Елена свернула в лес направо. Я последовал за ней. Князь Герасим удивленно глянул мне в глаза, но подчинился. Всю дорогу по лесу справа от себя я видел мелькавший за деревьями образ Елены. Теперь, вытянув руки вперед, она указывала путь. И только когда мы выехали к большому, круглому лесному озеру с пологими берегами, украшенными огромными редкими соснами, но скрытым извне густым кустраником, Елена словно растворилась в воздухе. Я приказал разбить стан. Спутанного Вельяминова привязали к дереву прямо у разведенного костра. Он мотал головой, сводя глаза ко кляпу, заткнувшему ему рот. Я вынул свернутую в жгут тряпицу.

- Послушайте! У меня много денег! Я отдам их вам за свободу… Я готов откупиться! – тихо, быстро, но внятно заговорил он. Я воткнул кляп обратно и громко сказал, чтобы слышали все ратинки: «Если увижу, что кто-то разговаривает или слушает слова этого иуды, повешу!»

Все переглянулись. А князь Герасим, покачав головой, тихо проинес: «Не надо бы так с нашими… Они – верные!»

- Надо, друже мой и соратник! Они – верные. Однако, вспомни: *и вселился сатана в Иуду…* Силен бес: горами колышит, а людьми, что вениками, трясет! Или все мы здесь – без греха? – ответил так же тихо, но твердо я.

- А почему с дороги свернули? – спросил он.

- А ты ничего справа не видел?

- Не-е-ет…

- То-то и оно.., - и я поведал о видении. На это князь Герасим усмехнулся: «А не бес ли?»

- Что ж… Обстановку вокруг все одно разведать надобно. Посылай дозор. Да так, чтоб тихо! Как на зверя. Да и поглядеть бы на тех дозорных, коих ты еще на дороге вперед послал…

- Быть посему. Аминь! - кивнул князь Герасим и пошел к ратникам. Дозор ускакал. Князь Герасим выставил сторожу. А оставшиеся ратники принялись копать ямы для костров и собирать широкие пласты сосновой коры, которых здесь было в избытке от близлежавших, отживших свой век деревьев. Скоро на огне зашкворчало мясо. Дым стелился по земле и таял в кустарнике: костры надежно были прикрыты намоченной сосновой корой. Уже в полной темноте подскакал дозор, посланный из стана. Старший доложил: «Дорога перегорожена большим отрядом литвы. Есть в их стане и ордынцы. Нам с ними в открытой сече не справиться.»

- Видимо, важную «птичку» мы везем к Великому Князю, коли и провожают иуду вороги наши, и встречают на полпути, - громко сказал я, чтобы слышали все ратники.

И спросил старшего: «А наш первый дозор?»

- Не видали… Если и живы они, то в лес уведены. Все одно: дай Бог им терпения и Царствия Небесного! – перекрестился тот.

- Погоди хоронить! Князь Ляксандр! Неужто бросим своих? Благослови с охотничками сходить! Бог – милостив! Глядишь, и даст свободить наших-то, - вступил в разговор князь Герасим.

- Дело-то у нас – Ве-ли-ко-кня-жес-кое! Нельзя рисковать! – вслух размышлял я.

- А души там – Пра-во-слав-ные! А ратники - рукопашники! Таких на Москве еще поискать надобно! Да и с огнем не сыщешь! Неужто отдадим на поругание?! А? Даже ежели я не вернусь, сам этого иудушку на Москву доставишь. А мне-то… Всего десяток нужен… Да за тебя, коли свободим наших-то, весь век их женки, матери, детки, внуки молиться будут!

Никогда ранее не виделся князь Герасим таким!

- Я ж с ними в таких делах был! Они ж меня собой прикрывали! А? Благослови! Дозволь, коли старшим тебя Великий Князь поставил? Как я женкам, матерям, деткам их в глаза глядеть буду? Бросил?! – не унимался он.

- На молитву! – крикнул я. Когда же все встали с колен, я обнял князя Герасима: «Ступай с Богом! Только на рожон не лезь!»

- Будем к рассвету! – задорно хлопнул он ладонями, вскакивая в седло уже, без повеления подведенного коня. А я вдруг вспомнил, как мы с ним вдвоем стояли спина к спине против нескольких сотен литвы. И перекрестил его вслед. Когда десяток ускакал, я ушел на берег озера и опустился на колени, глядя на восток. Благодарил Господа, Его Пречистую Матерь, всех святых угодников Его за победы нынешненго дня, за то, что Он послал Елену спасти меня… Благодарил и саму Елену! Вспомнил ее… Смахнул слезу… Уже не как по жене, а как по частице сердца, отсеченной Господом… Но все равно – для моего же блага! Сколько я простоял так, не помню. Однако понял, что спать нынче мне уже не придется. Поэтому сам пошел менять сторожу. Вернулся. Сел у костра, едва заметного под корой. Привязанный к дереву, храпел Вельяминов. Сон то наваливался на меня, - вторая ночь! – то отпускал. Но как я мог задремать?!

- Господи! Пресвятая Богородица! Преподобный отче Герасиме! Вси святии! Спасите и помилуйте раба Божия Герасима и иже с ним! Ведь главная сеча за Отчину нашу, Землю Русьскую – еще впереди! А они так нужны в этой сече! – шептал я время от времени. Вдруг мне показалось, что в кустарнике, начинавшимся за сосняком, хрустнула ветка. Вельяминов храпел, и я бросил ему в лицо горсть земли. Он замолчал. Ратник, охранявший нашего полонянина, тоже насторожился.

Но, радостно и спокойно вздохнулось, когда я увидел, как в стан въезжают князь Герасим и его десяток. Перед троими в седлах я заметил полуодетых и безсильно качающихся людей… Но среди прибывших был еще один: не наш, - ратник, облаченный в литовский доспех и белый плащ с черным крестом. Князь Герасим легко соскочил с коня.

- Одного нашего совсем замучили… Двое едва живы. Если бы не Михась, - кивнул он на литвина, - Вряд ли мы свободили бы своих. Отбиваясь от погони, человек пятьдесят посекли…

- Я – с Белой Руси, - снял шелом литвин, - Православный Христианин. В ратники взят был насильно. Давно бы бежал… Но тогда всех сродников моих повырезали бы. Я не убил ни одного Православного… Как раз стоял в стороже, когда ваши подползли. Помог, как мог… Милостию Божией. Наречен и крещен во имя святого Архистратига Божия Архангела Михаила.

- Присядь, - кивнул я, - потолкуем. Есть хочешь?

- Нас, славян, литва кормит хуже, чем своих. Поэтому от трапезы не откажусь. Спаси Господи.

- Над покойником надо помолиться и похоронить его! - повернувшись ко князю Герасиму, перекрестился я. - Оставшихся в живых – обиходить. На рассвете выходим на восток.

- Ну, а ты, брат, - повернулся я теперь к Михасю, - поведай мне об отряде, который перегородил нам дорогу.

Ему подали большой кусок мяса на кости. Но Михась, приняв его, продолжал внимательно смотреть на меня.

- Ну, что ж ты? Что за отряд литовский?

- Как я понял, - наконец, заговорил он, - мы должны были встретить какого-то князя или болярина Московского, который бежал из Се… Се-пру…

- Серпухова?

- Да-да! Он – большой человек: в чести и у Мамая, и у Ягайлы…

- А куда хотели доставить этого «большого»?

- Не ведаю… Но сдается мне, куда-то на запад. Именно туда наш князь-воеовода и днем, и ночью отсылал дозоры… И только - очень ближних себе… А когда не нагнали его в положенном месте, волхв и еще один, пришлый, подсказал, что вы с юга обошли Сер… Серпухов и пошли на восток… Тогда мы обогнали вас… И ждали на Московской дороге.

- Во-он - твой «большой» человек, - устало кивнул я на Вельяминова. - Сколько ратников в отряде?

- Без отосланных гонцов и дальних дозоров – две с половиной сотни.

- Ордынцы есть?

- Да. Какой-то их князь со своей сотней.

- Итого: триста пятьдесят…

- Да. Еще – советник от ромеев с десятком. Петухом разряженный.

- Что за ромей?

- Только и могу сказать, что стоял я в стороже, а наш князь-воевода с ромеем тем как бы прогуляться вышел. Так ромей тот себя называл рыцарем храма… Храмовником… Да! Храмовником! И еще запомнил по тому, что название красивое: тамплиер. Да-да, тамплиер! Но название – красивое, а внутри – смрад и срам…

- Как это?

- Князь-воевода наш – молодой. Кудри – до плеч. Худенький. Ну, девка – и девка! Так этот тамплиер все говорил, что они, - рыцари храма, - значит, не мужики и не бабы… Как ангелы или святые… Кощунник! Ангелами себя и рыцарей своих назвать! А потом, - прости Господи! – и язык-то не поворачивается повторить, - говорил, мол, какая разница, коли ангелы они, с кем спать: с мужиком, али с бабой.

И все просил нашего князя поцеловать его в губы… Тьфу! Срамота! Содом! Прости, Господи!..

Я тоже сплюнул от отвращения. Перекрестился. Но спросил: «И что же твой князь?»

- Засмущался… Потом говорит, мол, когда стану рыцарем храма, тогда и… Тот ромей стал уговаривать: мол, когда рыцари живут так, то и в сече они надежнее, вернее друг для друга, потому как – любовь на любой подвиг ради любимого готова… Прости, Господи! Так кощунствовать…

- Ладно, - перебил я, - хватит об этой грязи! Куда, по-твоему, они пойдут искать нас?

- Ой, не ведаю! Сказать могу только, что с ромеем тем пришел какой-то очень опытный следопыт и колдун. А как он Веру нашу святую ненавидит… Тут же троих приказал повесить, когда кресты на них узрел.

- А ты что, без креста? – вскинул я брови.

- Как можно?! Я просто успел в волосы его спрятать, под шелом.

- Ну, и как колдун тот выглядит?

- Страшный такой, словно дух нечистый! Сгорбленный весь! Грязный! С полосатой тряпкой на голове. Нос – крючком. До подбородка достает. А тот, что лопата вперед выпирает… Сам – сопливый вечно… Но – бога-а-атый! К седлу его коня два мешка золота приторочено. Тем, которые вешали наших с Белой Руси, по три монеты дал. Из мешков тех. Вот он все и говорил-говорил, да наставительно так князю-воеводе нашему и ромею нарумяниному. А те слушали, слушали… Прости, Господи!..

- А ну-ка, вот, что, брат, - вдруг усомнился я, - прочти-ка ты мне Символ Веры!

- Прямо здесь?

- А что ж? Вера наша – она и в лесу святая Вера!

Михась встал. Перекрестился на восток. Достал из-за пазухи нательный крест. Поцеловал его. И медленно, твердо прочитал Символ Веры. Я улыбнулся: «А теперь сбрось с себя этот белый балахон… Кинь в костер! Это – для того, чтобы мои ратники, ежели драться придется, тебя за ворога не приняли.»

- Здесь же крест! – ткнул пальцев в плащ Михась.

- Крест – он не горит! А вот чтобы не топтали святыню люди ли, звери ли, сожги.

Михась пожал плечами, перекрестился и исполнил мое повеление.

- Так значит, - продолжил я, - колдун может определить: как и куда мы пошли?

- Похоже… Я слышал, как он верещал, что, мол, слуги Великого Князя, то есть вы, полонили этого «большого» человека, - кивнул он на Вельяминова.

- И что ты можешь предложить?

- Наш князь-воевода любит долго почивать. Поэтому выходить отсюда надо поскорее!..

- Ладно. Иди, отдыхай. Час у тебя еще есть, - кивнул я и позвал князя Герасима. Когда тот подошел, я предложил: «Выходим через час. Здесь оставляем двоих. Они разведут большие костры без прикрытия их корой. Литва подумает, что мы еще не вышли. У них возникнет спор с колдуном: мол, мы еще стоим здесь, когда тот будет торопить перехватить нас в дороге…»

- С каким колдуном? – вскинул брови князь Герасим.

- С тем, который видит всех нас и наши действия в стеклянном шаре! Не забыл, поди?! – раздражаясь, ответил я. Но взял себя в руки и продолжил: «Литва кинется либо сюда – на дымы, либо в другую сторону – вокруг озера. Нам наперерез. Но пойдут уже только по нашим следам… Догнать нас будет трудно, если мы выйдем, - самое позднее, - через час… Тем временем, два наших молодца, оставшиеся здесь,

проскальзывают на дорогу, и после отхода с нее литвы летят в Лопасню за подмогой, которая встречает нас и прикрывает отход. Я понятно толкую?»

Князь Герасим нахмурил брови. Задумался. Просветлел. Хлопнул в ладоши: «Слава Тебе, Господи!»

- Давай помолимся, - уже спокойно положил я ему руку на плечо.

- На молитву! – гикнул князь Герасим.

…Поспать мне так и не удалось. Через час мы были уже в пути: пробирались по почти непроходимым лесным тропам. Прислушивались к каждому шороху. Наконец, много после полудня, выехали на холм и увидели Лопасню, играющую на солнце золотыми крестами на куполах храмов. А перед въездом в посад нас догнали двое наших ратинков, остававшихся разводить большие костры. На ходу они рассказали, что, кинувшийся в погоню, отряд литвы разделился пополам. Одна часть ворога обошла озеро справа, держа путь на дымы от костров. Другая пошла нам наперерез, слева от озера. Поэтому двум лопаснинским сотням по призыву наших гонцов не составило большого труда один отряд литвы разбить в лесном бою, а другой – рассеять и обратить в бегство.

Свежие кони в Лопасне для нас уже были готовы. Наскоро перекусив, мы двинулись на Москву. Здесь уже засад быть не могло. И мы, лишь дважды заночевав в лесу, скоро въезжали в ворота Кремля. Нас встретил князь Володимир Ондреевич. Похристосовался. Исподлобья взглянул на Вельяминова. Кивнул ратникам, вышедшим следом за ним. Те, приняв у нас болярина-иуду, поволокли его ко входу в подземелье. А нам Володимир Ондреевич, улыбнувшись, только и сказал: - Отдыхайте. Когда понадобитесь, за вами пришлют.

Дома меня облепили домочадцы. Малыши повисли на руках. Ольгушка прижалась щекой к одному плечу, княгинюшка – к другому. Тихая радость увлажнила мои глаза. Наконец, жена сказала: - Ну, все-все! Дайте отцу переодеться, в баньку сходить, отдохнуть с дороги. А сядем вечерять и поговорим.

За вечерним столом малыши мои весело щебетали, жались ко мне. Ольгушка, потупив глазки, радостно, как бы жаловалась, что Петр Джанибекович с дядькой своим повадился к нам в гости. То орехов принесет, - да все заморских каких-то, но вкусных! То – пряников! А тут – прялку притащил! Будто у нас своих нет! Только прялка эти… Да так ладно изукрашена: вся в цветах и яркокрылых птичках! Я взглянул на княгиню. Та, ласково улыбнувшись, вздохнула: мол, взрослеет, невестится девица… Тут и Ольгушка подняла, на миг сверкнувшие глазки, и зарделась вся маковым цветом.

Дверь растворилась и в горницу вошел Георгий. Увидев меня, ринулся обняться. Но, вспыхнувшая на лице, улыбка тут же сменилась какой-то глубинной скорбью.

- Что случилось, сынок? – обезпокоился я. - Или с княжной Настасьей разлад вышел?

- После, отец, - махнул он рукой, - нечто я праздник твоего возвращения всем портить буду…

А ночью, перед тем, как заснуть, княгиня Алла поведала мне, что всю неделю с Георгием творится что-то неладное. Придет, мол, со сторожи или иной службы, буркнет что-то, здороваясь, и уйдет к себе. Афанасий, было, туда повелел трапезу ему относить. Но княжич почти и не притрагивается к самым лучшим яствам.

- Я через девушек наших пыталась разузнать, - продолжала она, - мол, не с княжной ли разладилось?! Те ж общаются со сверстницами из терема князя Герасима… Нет, говорят, наоборот, княжна Настасья давеча на лавке в саду все успокаивала в чем-то нашего княжича. А тот горячился, доказывал ей что-то. А она опять успокаивала Георгия. Все гладила его по кудрям… Но расстояние между им и собой держала…

- Ладно, завтра потолкую с ним, - обнял я жену и забылся в радости встречи с любимой моей княгинюшкой.

На следующий день после общей семейной молитвы и трапезы я повел Георгия в сад. Присел на скамью под грушей. А его стоять оставил.

- Ну, поведай мне, что на сердце у тебя, какая скорбь? Не чужие ж мы! - внимательно глянул я сыну в глаза. Тот отвел их. Мотнул головой:

- Что ж говорить-то? Ты же не священник, чтобы я исповедовался… А я – не младенец.

- Когда же ты был на исповеди в последний раз?

Георгий покраснел. Опять мотнул головой: «Сам знаешь: служба, сторожи, стрельбы, учения…»

- А с княжной Анастасией в последний раз когда виделся? И сколько времени с ней провел?

Георгий вспыхнул еще ярче: «Отец! Это же мое, сердечное! Да и к делу не относится!»

- Вот как? Значит, жениться ты на ней не собираешься?

- Как это: не собираюсь? Очень даже! В самом сердце Настасьюшка – у меня! Люба до боли… Да и я ей – тоже…

- Но откуда ты все это знаешь?

- Как это откуда? Веришь ли, сердце подсказывает… А на сердце, поди, Сам Господь кладет!

- Да, сынок, Он – Отец наш Небесный. А я – отец твой земной. Только ты, видать забывать стал о Нем… Нет, конечно, помнишь, когда Он на сердце тебе думки и сладкие грезы о Настасии кладет… Но забываешь о своих сыновьих обязанностях. И ко мне, и к Нему! А ведь Он должен главное место в сердце занимать! А уж потом - и все остальные. У тебя – не так. Потому-то, думаю, и смута в душе твоей творится. Присядь, выкладывай: в чем дело? Что за смута?

- Понимаешь, отец… Уйти я хочу со службы… Уехать в Подмосковную… После свадьбы, конечно… Хозяйством заняться, огородничеством, охотой, рыбоводством…

- Что-о-о?! – я даже привстал со скамьи. Но, взяв себя в руки, опустился на место. Помолчал несколько мгновений. Спросил: «И почему же?»

- Не любо ратное дело мне стало. Князь Ондрей ко всему придирается. На последних стрельбах самострел подвел, и я промахнулся разок. Так он при ратниках моих накричал! В рядовые ратники пообещался отправить! Как это – будущего князя?!

- Во-о-она, как?! – теперь мотнул головой я… - А почему ж тебя самострел подвел? А? Ты его часто обихаживаешь?

- А то! После каждой сторожи. После каждых стрельб. Но… В последний раз… запамятовал… Спешил… - опустил голову сын.

- Ко княжне?

Георгий кивнул.

- Ну, вот что, сынок… Князь Ондрей мне – роднее родного брата… - я задумался и принял решение. - Пойдем-ка к нему!

- Еще чего!

- Что-о-о?! По-отцовски говорю: пойдем! Значит, - пойдем! Коли он мне – брат, тебе – дядька. Вот и потолкуем втроем по-родственному. Сдается мне: не в князе Ондрее тут дело… Не только в нем…

- Во мне, что ли?

- И в тебе. А главное – во враге рода человеческого, который рад родню стравить на драчку. Сам же признался, что давно исповедовался и причащался Святых Таин. Вот и оставил душу незащищенной от нечистого. А тот посеял свои плевелы… Пойдем ко князю Ондрею!

Я хлопнул сына по плечу и поднялся со скамьи.

- А может быть, я повелю Афанасию коней оседлать? – неуверенно начал, было, сын.

- Ты сперва заслужи, чтобы домочадцами повелевать! Тем паче – Афанасием! Ишь, расповелевался! – вдруг неожиданно для самого себя прикрикнул я, вспомнив, как спасал меня тот со своими мужиками, - теперь моими домочадцами, - в схроне. И нарочно повел Георгия пешком по Москве, дабы поразмыслил он, покрестился на храмы Божии: авось, Господь вразумит. И действительно, когда мы подходили к терему князя Ондрея, я, взглянув на сына, увидел, как просветлело его лицо. Но другая скорбь, - от стыда, - теперь слегка замутила ему глаза. Слава Тебе, Господи!

Князя Ондрея мы нашли в древодельне. Он, строгая, что-то мастерил. Увидев нас, встряхнул кудрями, отер руки о передник, улыбнулся, похристосовался со мной. Но, взглянув на Георгия, слегка нахмурился.

- Вижу, брат, недоволен ты чадом моим? – начал я.

- Да, уж.., - вздохнул князь Ондрей.

- Вот и пришли мы оба, чтобы по-родственному, хотя и не по-кровному, разрешить недовольство. Желаешь ли? – спросил я.

- Куда уж больше, чем желаю! Сам к тебе собирался – потолковать, как вернешься. Да ты, вижу, опередил, - опустил он голову.

- Сдается мне, брат, что лукавый встал между вами. Не может же в распре один быть только прав, другой – только виноват. Вот и поведай мне, в чем Георгий провинился пред тобою, как перед воеводой, - мягко говорил я. Но вдруг горько почуял, что в моих словах все-таки звучит оправдание сына, а не поиск истины, что я, как бы отчета требую от князя Ондрея, хотя не имею на то никакого права…

- Пойми только, брат мой, князь Ондрей: не защищать сыночка, не заступаться за него пришел я! Ты – опытен. Мудер. Он – юн, горяч. Много не разумеет! Так что, давайте, помолимся пред беседой нашей, дабы Господь вразумил всех троих.

Мы пропели *Царю Небесный*. Потом князь Ондрей сказал: «Слыхал я от отца Ионы, что перед важной беседой, советом ли, надо читать первый Псалом. Давайте, исполним сие благословение.»

И сам начал: «*Блажен муж, не ходящий на совет нечестивых…*»

А когда закончил читать, предложил: «Пойдем в терем, кваску, а то и медку выпьем?»

- Не-ет, князь Ондрей, потолкуем здесь. А квасок да медок после разрешения нашей общей скорби вкушать будем.

- Добро, - начал, глядя мне прямо в глаза, он, - вот, ты молвил, князь Ляксандр, что княжич твой провинился передо мной… Нет, брат, не передо мной! Перед Богом, Великим Князем и Отчиной нашей общей – Землей Русьской!

- Как это?! Что ж это?! - вскипел Георгий.

- Помолчи! Князь говорит!– оборвал я сына.

- Я продолжу, - князь Ондрей метнул горький взгляд в его сторону, - когда ты уехал, княжич опоздал на чреду сторожи. Ну, думаю, в первый раз… Бывает… Ничего не выговорил ему. Но в первую же ночь пошел я проверить сторожу. И что же? Гляжу: ратник на восходной стене дремлет, опершись на копье, а в десяти шагах от него стоит наш княжич, смотрит на зведы и вздыхает… Через день узнаю: череда сторожи во время не меняется, люди плохо кормлены! А ведь, опять же, это - забота княжича Георгия! Я тогда мягко пожурил его. И что же он мне ответил?! Я, молвит, мол, пожалел задремавшего ратника, а сам остался постоять, - заметь, «постоять»! – на стене… Запамятовал, видать, что в походе заснувшего дозорного или сторожа ве-шают! А жалеть – преступную привычку пестовать!

- Ну, и про плохое кормление как оправдывался? – теперь я метнул горький взгляд на сына. Тот опустил глаза.

- Представь себе, - продолжал князь Ондрей, - во всем обвинил подвозчиков кормления… Я спрашиваю, мол, куда ж ты смотрел? А он вспыхнул: мол, каждый свое дело на «ять» должен исполнять… Спрашивай, мол, с подвозчиков! Ну, тут уж я не сдержался: повысил голос. Сказал: мол, ты не имеешь права и крошку хлеба съесть, пока последний ратник накормлен не будет! Подчиненые твои, что чада - для тебя! Ты, говорю, должен был стребовать с подвозчиков их долг!

- А? – взглянул я на сына. Тот еще ниже опустил голову.

- Наконец, на последних стрельбах, еще даже до них, глянул я в глаза княжича, а он телом, вроде, как бы, - здесь, а душой витает где-то. Взвел самотрел. Целится. А я гляжу: не видит он цели! Хуже самого последнего ратника отстрелялся! Или неправда? – заключил князь Ондрей.

- Правда, - тихо молвил и кивнул Георгий. В глазах его стояли слезы.

- Вот и скажи мне по-братски, - приблизил свое лицо к моему князь Ондрей, - что мне с ним делать? По Божиим законам? По людским?! Тебя я ждал, прежде чем какое-то решение принять.

- Да-а-а! Неужто, сынок, ты запамятовал, что проклят человек, делающий Божие дело с небрежением? А ну, как, уехав в Подмосковную, и там хозяйствовать будешь так же, как сторожу нес?! А?

Князь Ондрей даже вскинулся при последних моих словах. Но я незаметно для сына подмигнул ему: мол, молчи! Вскинулся и Георгий: «Там – нет! Там Настасьюшка рядом будет!»

- Ах, вот оно в чем дело! Так любишь, что на службе тоскуешь по ней?

- А то! – загорячился Георгий… - Куда не посмотрю, всюду лик ее чистый вижу… Неделю в стороже – такая тоска по ней сердце рвет!

Какое-то малое время мы все молчали. Я одним языком, как учил отец Антоний, прочитал *Да воскреснет Бог*… И тут же заговорил, словно кто-то вкладывал в мои уста: «Прости уж, сын, за горькие слова. Но не княжну ты любишь, а свою страсть к ней! Боюсь, что только плотскую страсть! И это – не от Бога! Когда любишь по-Божиему, любое дело горит в руках, в голове, в сердце! Любовь сподвигает долг свой, а тебе – службу, воздавать Богу честно, горячо и радостно. Почему? Да ты и сам не раз слышал, что Господь наш, Иисус Христос – это Любовь! Да такая, что за нее Он на Крест пошел! Долг Любви выполнил! И нас сему научил! Любви!.. И не только к избраннице сердца. Почему? Да потому, что семья, которую ты мечтаешь создать с княжной Анастасией, - малая, живая частица нашего княжества Русьского, Церкви нашей Святой! И здесь и в Царствии Небесном! А потому должна жить в этом княжестве, этим княжеством, его скорбями и радостями, трудами и праздниками! А что предстоит еще Отчине нашей? А? Главная сеча с ордой! А куда тебя Бог поставил? В полк самострельщиков. Убегая от Отчины, от службы ей, ты одновременно убегаешь от княжны, от вашей любви, от вашей будущей семьи. Почему? Да потому, что не может быть любви только к жене, без Любви к Богу, к Отчине! Ведь эта любовь – Триедина, как все в этом мире! Потеряешь службу – потеряешь княжну… Даже ежели князь Герасим, как отец избранницы, узнав о твоем бегстве со службы, благословит ее выйти за тебя замуж. Понял ли ты меня, сын? Услышал ли? Ведь ни я, ни князь Ондрей, ни князь Герасим не желаем тебе зла!

Георгий поднял голову, и я увидел его полные слез глаза. Он бухнулся перед нами на колени, ударился лбом в пол: «Простите меня, князья! Прости ты, отец! И ты, князь Ондрей, прости!»

Потом он повернулся к иконе Спасителя, висевшей в углу древодельни: «И ты, Господи! Про-о-ости!»

Он вскочил. Уткнулся лицом мне в плечо и совсем по-детски зарыдал. Я погладил его по кудрям. Взглянул на князя Ондрея. Тот улыбнулся. Ответил за двоих: «Бог простит. И мы – туда же.»

Но тут же добавил: «Не забудь только во всем покаяться на исповеди!»

Скоро Георгий успокоился. И тихо улыбнулся, когда князь Ондрей предложил: «Пойдем в терем. Княжичу брусничного кваску нацедим, а сами медку хлебнем.»

И, обняв Георгия за плечо, повел его из древодельни. Я же, положив перед иконой благодарственный поклон, последовал за ними.

Я тяжело, даже как-то болезненно, проснулся от… храпа Жени. Звуковые извержения, которые выводил он носом и ртом, сверлили, расстреливали, бомбили мой мозг. Вдруг вспомнилось, что от храпа нужно молиться святому мученику Трифону. И я, как мог, обратился к всплывшему в памяти образу юноши, сидящему с соколом в руке, верхом на коне… Открытая на балкон дверь, свет фонаря с улицы и колыхающийся под легким ветерком тюль сплетались в причудливые, но неразборчивые картины… Спал я или нет? Скорее всего – последнее. Потому что с несостоявшимся раздражением в душе, - мешали увиденные картинки, - я рывком поднялся с постели, оделся и вышел на улицу.

Огляделся. Попытался сориентироваться. И зашагал по тротуару, сам не зная, куда… Изредка оглядывался, чтобы запомнить места, через которые проходил: не заблудиться бы, когда захочу вернуться! Дома, улицы, бульвары были похожи на свои подобия в других больших городах. Но я чувствовал приближение чего-то необычного, непознаного, радостного, как, - сразу даже и не скажешь! – что… Я искал сравнение… Но мысль перебила: «Как же давно я не молился»!

- Господи, помилуй! Господи, прости! – почти в полголоса попросил я и перекрестился. Благо, ночные улицы были пустыми. Тут же проянилась мысль! Нашлось сравнение моего предчувствия: такими же ощущаются благодарственные молитвы после Святого Причастия, когда ожидаешь только хорошего от людей и от себя – для Бога!..

Небо на востоке начало светлеть. А передо мной улица, раздваиваясь, обтекала старинный двухэтажный особняк, обнесенный глухим забором. Причем, одна мостовая были ниже другой на целый этаж. Я подошел к дому. Обошел вокруг, пытаясь разглядеть лепку между окнами второго этажа и под крышей. Вроде бы, ничего особенного, отличного от десятков московских домой постройки девятнадцатого века, особняк не представлял. Но какая-то сила притягивала к нему и не давала отойти…

- Закурить не найдется, мил человек? – услышал я сзади уральский говорок. Обернулся. Передо мной стоял низкорослый, худой мужичок лет шестидесяти. Куцая бородка, выбивающиеся из-под драной кепки сосульки седых волос, щербатая улыбка, старая рубашка с протертых воротом, шерстяная вязаная жилетка, латаные брюки в полоску, заправленные в кирзовые сапоги, и, наконец, ясные, цвета живого неба, глаза сразу отвергали всякую настороженность к незнакомцу на предутренней, пустой улице. О подозрительности или даже опаске и говорить не приходилось!

- Отчего ж? Найдется! - улыбнулся я в ответ, протягивая пачку «Явы».

- О-о-о! Столичные! Пшеничные! – цокнул незнакомец языком. И, прикурив, спросил: «Архитектурой интересуетесь?»

- Да как сказать?.. В командировке я здесь. Не спится что-то. Вот, решил пройтись… А что, в доме этом какое-то учреждение?

- Ага. Учреждение, оно и есть. Архив здесь. А я – дворник местный… Можно было бы пропеть: «Я – ворон здешний»! Как в опере… Это я – так… К слову… Вспомнил… Культпоход у нас был. В оперу. Вот, и запомнилось. Но я – дворник и сторож.

- Дом какой-то странный… Словно что-то держит около него! - перебил я, удивившись словам арии Мельника из «Русалки»…

- До-о-ом… - неопределенно протянул дворник, внимательно вглядываясь мне в глаза. И вдруг, подняв вверх указательный палец, добавил: «Ипа-а-атьев-ский!»

- Памятник архитектуры? – не понял я.

- Да-а-а… И архитектуры тоже. А сам-то откуда будешь?

- Вы ж сами угадали по сигаретам, - улыбнулся я, - что я - из Москвы. Журналист.

- Жу-у-ур-на-ли-и-ист?! – протянул опять дворник. - Это из какой же газеты?

- Сотрудничаю в газете «Гудок»… Внештатно. А работаю в инофрмационно-издательском отделе Центрального Дома культуры железнодорожников.

- Железнодорожников… - как эхо, повторил дворник. И вдруг добавил: «Папенька мой покойный, Царствие ему Небесное, тоже на железной дороге служил…»

- А дом-то, поди еще дореволюционный? – вернулся я к началу разговора.

- А то как же?! Принадлежал инженеру Ипатьеву… А потом, - вдруг громко с хрипом вздохнул он, - потом в нем нашего последнего Царя убили. Вместе с Августейшей супругой, детками, домочадцами… Или как сейчас говорят: с прислугой, с профессором-врачом.

- Ну… Царя-то с супругой – понятно, - начал было я… - Обычная война за власть! И хотя, как я читал, он отрекся от Престола, но его снова могли вернуть… Царевич, хоть и был мальчиком, но мог стать своеобразным знаменем для белых. А вот, дочек, девушек, - тут уж перегнули…

- Знаменем? – вдруг кольнул меня посеревшими глазами дворник. - И-и-и-эх! «Понятно»! Ничего-то тебе не понятно, мил человек…

Дворник резко развернулся, махнул куда-то вниз рукой и зашагал от меня.

- Погодите! – окликнул я его. - Если я чего-то не понимаю, объясните, пожалуйста… Не случайно же я здесь, в незнакомом городе, ночью оказался!

Дворник обернулся: «Эх, мил человек, мил человек! Что я, неграмотный старик, могу растолковать тебе ученому, столичному журналисту?!»

И он зашел в глухую железную калитку, громыхнув с внутренней стороны засовом.

«Как же так?! – подумалось мне, - Простой дворник знает больше меня о том, что мне и по профессии, и по социальному положению надо знать «на ять»! Другая мысль хмыкнула: «Ишь ты! Зна-а-ает! Полоумный дед какой-то! В любой конторе, на любом предприятиии самыми умными и главными себя считают дворники, уборщицы и вахтеры»! И вдруг вспомнился дядя Леша: он-то со своей восьмилеткой знает побольше и получше иного профессора… Душой чует! Русским Духом!

Я щелчком отшвырнул окурок на проезжую часть. И вдруг заметил, как сквозь запертую калитку из двора дома Ипатьева вышли несколько человек. Первым был мужчина лет пятидесяти в военном мундире, - звания в утренних сумерках мне разглядеть не удалось. На его руку опиралась красивая, статная дама, одетая в длинное, старинное, темное платье и шляпку, - словно из исторического кино, - с широкими кружевными полями. Мужчина взглянул на меня и грустно улыбнулся…

«Где же я видел это умное лицо?.. И глаза! Цвета живого неба!» - сверкнула у меня в мозгу мысль.

Лица дамы я не разглядел: его закрывала вуаль, спадающая с шляпки. Военный повернулся к даме, что-то шепнул, кивнув в мою сторону. Та только покачала головой. И они чинно двинулись вдоль глухого забора. Следом, о чем-то увлеченно беседуя с пожилым мужчиной в пенсне, шел мальчик-подросток, - тоже почему-то в военном мундирчике. За ними – четыре девушки в одинаковых длинных платьях и тоже, – в шляпках с вуалями.

«Какие симпатичные!» - мелькнула у меня мысль. А они, взглянув на меня, чему-то улыбнулись, потупились и зашушукались, следуя за остальными. Позади этих шли женщина и двое мужчин…

А я стоял, не умея двинуться с места. «Кто это? Что это? Галлюцинация?! Куда там! А как же Алекса? Алла? Князья Ляксандр, Ондрей, Герасим?!» - сверлило у меня в мозгу. Тем временем незнакомцы и незнакомки, очевидно, обойдя дом вокруг, вновь вошли в запертую калитку. А я стоял, как вкопанный… Но вот, снова лязгнул засов. Калитка открылась, и из нее вышел уже знакомый мне дворник с метлой в руках.

- Ты еще здесь, мил человек? - хмыкнул он, увидев меня.

- Да-а-а! А вы не скажете, кто сейчас выходил из двора этого дома? – спросил я и почувствовал, что голос мой дрожит.

- Кому здесь выходить? Рабочий день в архиве еще не начался. Так что, кроме меня, в доме нет никого, кто бы мог выйти… Да и калитку я запер изнутри, - хитро прищурившись, пожал дворник плечами.

- Нет-нет… Только что выходили… Мне не могло померещиться! Причем, выходили именно через запертую калитку!

- Во-о-она как… Через запертую… И кого ж ты видел, мил человек? – улыбнулся в бороденку дворник.

- Военного лет пятидесяти, даму, мальчика в мундирчике с пожилым, - тоже военным, в пенсне… - я перечислил остальных. - Только одеты они были не по-современному. Мундиры – дореволюционного образца, как мне показалось… На даме и девушках длинными платья… Шляпки…

- Хм… - покачал головой дворник, и я подумал, что он сейчас покрутит пальцем у виска. Но он вдруг спросил: «А ты… в Бога веруешь ли?»

- Да. И в церковь хожу. Исповедаюсь. Причащаюсь Святых Таин.

- Вот потому-то ты и увидел Государя нашего, мученика, Царя Николая Александровича Второго и Его Августейшую Семью… Да и мученика-доктора, лейб-медика Евгения… Боткин его фамилия при жизни была… И хотя похулил ты их, прости Господи… То же мне: «зна-а-амя»! Хотя похулил, говорю, ты их, видишь, показались они тебе во вразумление! Милостивцы… Я их часто вижу… Почитаю как святых мучеников. Молюсь… А знаешь что?

Он вынул из кармана большие золотые часы-луковицу, совсем не соответствующие дворницкому наряду, раскрыл их, посмотрел и предложил: «Пойдем-ка, ежели желаешь, покажу тебе дом и место, где Император, Его Августейшая Семья и верные слуги приняли мученическую кончину.»

Я несколько ошарашено и послушно прошел за ним в железную калитку. Мы по двору обошли дом. Был он, на самом деле, с фасада не двух-, а полутороэтажным. И там, где почва уходила вниз под горку, полуподвал превращался в полноценный этаж. Мой экскурсовод-дворник остановился у полукруглого окна. Перекрестился: «Вот, за этим окном безбожники-чекисты и расстреляли нашего Государя, Его Августейшую. Семью и верных слуг Царевых… Пройдем теперь в дом.»

Мы вошли. Поднялись по лестнице. Дворник открывал двери. Просторные некогда комнаты были теперь перегорожены временными стенками, что легко угадывалось по лепке на потолке. А дворник объяснял: «Вот здесь обитали красный командир, а потом начальник палачей Янкель Хаимович Юровский и, прославившийся потом своими зверствами в Камышине-на-Волге, Никулин. Были среди палачей еще двое русских: Ваганов и Медведев. Но и те – из спивающихся уголовников… А остальные – не наши: Горварт, - то ли Лионс, то ли Лаоис, то ли Лаонс, АнзельФишер, Изидор Эдельштейн, Виктор Гринфельд и мадьяры Андреас Вергази, Эмил Фекетс, Имре Надь…»

- Имре Надь?! Партийный и государственный лидер Венгерской Народной республики? – удивился я.

- Он самый! Верный идеям марксизма-ленинизма подонок…

Поначалу в глазах дворника стояли слезы. Но когда он перечислял имена цареубийц, взгляд его стал жестко стальным. Однако, снова помягчел, когда мы пошли дальше…

- Вот здесь была трапезная, там – гостинная, - показывал он, - а в проходной комнате томились Великие Княжны-мученицы. От них можно было пройти в покои Великомученика и искупителя Царя Николая Александровича, Царицы-мученицы Александры Феодоровны и Царевича-мученика Алексия. Он сильно болел перед гибелью.

«Почему искупителя? – подумалось мне вдруг, - Искупитель у нас один: Господь наш Иисус Христос»! Но я промолчал, потому что мысли мои перебила привидевшаяся старинная обстановка комнат… Откуда я мог знать о ней?

А мой экскурсовод-дворник уже закрывал на ключ двери. Проведя меня дальше, пояснил: - Вот здесь жил профессор-мученик Боткин… Сын великого хирурга… Здесь – горничная, повар, комердинер… А это – лестница, ведущая в подвал… Крестный, смертный путь Царственных мучеников.

Мы спускались по скрипучим ступениям, и у меня мурашки пробегали по спине. Ощущение было такое, словно я шел на экзамен и ни-че-го не знал по сдаваемому предмету! Даже не такое, а намного острее! Нет! Не такое! Поначалу я не мог даже сформулировать… Прикрыв глаза, перекрестился. Попросил: «Господи, помилуй»! И вдруг понял: жгло меня чувство стыда за мое незнание, непонимание, извращение тех истин, - именно истин! – которые мне пытался втолковать сейчас дворник. Но этот стыд вдруг смешался с восторгом моего приобщения к чему-то, - или к кому-то? – великому, радостному, как Причастие Святых Таин, когда слезы раскаяния и радости прощения Господом грехов переполняют душу любовью ко всем и всему сущему! Такое я испытал только однажды, после генеральной исповеди…

Мы прошли по первому этажу через несколько комнат и, наконец, вошли в склад каких-то бланков, папок, скоросшивателей, ручек, карандашей, другой канцелярской ерунды. Стены здесь почему-то были выкрашены в черный цвет. Напротив двери стоял шкаф. Мой экскурсовод-дворник отодвинул его. Встал на колени, перекрестился и поцеловал… стену.

- Вот здесь, в этой самой комнате и были убиены наши святые Царственные мученики и их верные слуги… - тихо пробормотал он, смахивая слезу.

- А почему стены – черные? Траур? – спросил я.

- Какой траур? Станет советская власть почитать место вознесения святых! В святых Царственных мучеников и иже с ними были выпущены более семидесяти пуль! Вот следы от них и пытаются скрыть власти, почитай, который уже десяток лет! Да Бог не дает! Сквозь штукатурку, шпатлевку, цемент, даже – черную краску дырки проступают… И кровоточат!

- Кровоточат?! – выдохнул я

- Да-да! Святой мученической кровью! Не чудо ли Божие?! Не доказательство ли того, что Господь давно прославил святых Царственных мучеников?! – сверкнул взглядом дворник и вновь перекрестился.

Теперь уже я опустился на колени и увидел в стене маленькие, но глубокие отверстия… В некоторых из них отчетливо блестела жидкость… Я перекрестился, приложился губами к следам от пуль и почувствовал… солоноватый вкус крови! Потрогал влажное отверстие пальцем… Он окрасился в красный цвет…

- Помажься! Начертай крест на лбу! – выдохнул дворник. Я послушался. Поднялся с колен. Еще раз перекрестился.

- Ну, пойдем-пойдем, - полушепотом произнес мой экскурсовод, - а то через час уборщицы придут… А коли пожелаешь, зайдем ко мне в дворницкую, чайку попьем.

Я потер лоб ладонью: крест-то должен быть красным! А дворник, заметив мой взгляд, усмехнулся: - Чего ты боишься или… стыдишься? Цвет крови исчезает сразу! Лучше ладошку понюхай!

И я, послушавшись, почувствовал такой аромат, что ни одни бы «Клима» не сравнились бы…

- Вот-вот, - улыбнулся дворник, заметив мое восхищенное смущение. Дворницкая коморка, дверь в которую открыл он, начиналась наставленными вдоль стены на метр метлами, лопатами, скребками… На другой стене висела телогрейка, ватные штаны, облезлая ушанка. Зато следом, за выцветшей, ситцевой в мелкий цветочек, занавеской оказалась уютная комнатка с узким топчаном, покрытым тонким солдатским одеялом, с маленьким столиком, на котором я увидел электрический самовар, столовый набор, стеклянную вазочку с сухарями, сахарницу, два стакана в подстаканниках. В углу коморки расположилась этажерка. На ее верхней полке рядом с иконами Спасителя, Матери Божией и какого-то святого стояла фотография тех, кого я видел сегодня и кого дворник называл святыми Царственными мучениками. На полке пониже блестели золотыми обрезами Святое Евангелие, Псалтирь, Молитвослов, томик «Избранного» святителя Иоанна Златоуста и еще какие-то тонкие книжицы, на корешках которых я не мог прочитать их названий.

Хозяин коморки включил самовар, расставил стаканы, вазочку и сахаринцу.

- Прости за скудность, мил человек. Чем богаты… - улыбнулся он. - Кстати, мы так и не познакомились. Наречен я Иннокентием, по отчеству – Борисович. А ты?

- Александр, - представился я, - Можно просто Саша: я ведь вам в сыновья гожусь…

- Тебя не коробит, что я на «ты» обращаюсь?

- Нет, конечно. Мне мой духовник обяснял, что мы даже ко Господу именно на «ты» обращаемся.

- Вот-вот, - кивнул Иннокентий Борисович.

- Все-таки хочется понять про Царя нашего последнего, - продолжал я разговор, когда хозяин коморки налил чай, и мы помолились, - ведь всех нас учили совсем по-другому… Чем вы…

- А что ж тут понимать?! Я – тоже не семи пядей во лбу. Просто, Священное Писание надо повнимательнее читать. А потом проверять свои выводы у духоносных людей.

- А как определить: духоносный человек или нет?

- И-и-и! Молиться надо, чтобы Господь послал такого! Хотя бы одного!... Иннокентий Борисович отхлебнул чаю и взглянул на свою «луковицу». - Господи, помилуй! Время-то как летит! Скоро уборщицы придут! Давай-ка, допьем в темпе… Да и тебе, поди, надо на работу… Ежели пожелаешь, приходи вечерком, часиков в восемь. Потолкуем.

Я тоже взглянул на часы. Подумал, что Женя в гостиннице должен вот-вот проснуться. Хватится! Волноваться будет. Залпом допил свой чай и стал прощаться. Иннокентий Борисович пожал мне руку, а потом и перекрестил: «С Богом!»

…Когда я вошел в номер гостинницы, Женя едва не набросился на меня: «Где тебя носит? Я проснулся. Гляжу: кровать твоя заправлена. А тебя нет. Спустился вниз. Швейцар говорит, что ты ушел затемно. Я уж хотел звонить руководству дороги, чтобы розыск на тебя объявили: шутка ли, один, - в чужом, незнакомом городе…»

- А где тебя иногда носит? – парировал я. - Ты храпел так, что стекла дребезжали. Вот я и пошел прогуляться, город посмотреть… Думал: может быть, какое стихотворение на ум придет…

- Ладно… Стихотворение – это хорошо. Но нам через полчаса во Дворце культуры надо быть. Я вот тут подумал: хорошо бы поскорее собрать все материалы

и отдохнуть! Или вообще денька на два раньше домой рвануть! А? – примирительно предложил он.

- А какая разница: сегодня, завтра… Все одно на работу выходить. Приезжать надо под субботу. У меня – столько дел. С родителями надо встретиться, поговорить. Жить-то где-то надо… А вечер у меня сегодня занят: встреча с одним человеком.

- Ага… Уралочку, поди нашел себе? И скрываешь? Что ж, твое дело – молодое! Холостое! А я вот, как бы ни хотел, не могу: скован семейными узами. Все отшучиваюсь. Отговариваюсь. То, якобы, сердце прихватило, то – еще что…

- Да-да, - кивнул я и отправился умываться. В другое время, обязательно какая-нибудь грязная, осуждающая мыслишка о друге втерлась бы в мозг. Но теперь перед глазами и в мыслях всплыли нынешнее утреннее шествие святых Царственных мучеников, дворник-сторож Иннокентий Борисович… Вспоминались его слова. Однако, в голове пока все это как-то не укладывалось. Не хватало каких-то звеньев во всей цепочке умозаключений, услышанных сегодня.

Может быть, под впечатлением всех этих воспоминаний весь день я, словно робот, механически просматривал планы, отчеты, другие документы, делал записи в блокнот, за обедом отказался от пива. А ближе к вечеру постоянно поглядывал на часы.

- Не терпится к своей уралочке? – хмыкнул Женя, заметив мое состояние.

- Слушай, вот ты – историк! Знаешь в этой области больше и глубже меня. Что скажешь по поводу расстрела здесь, в Свердловске, Царской Семьи? – вместо ответа спросил я.

- Ну, а что было делать? Шла война. Произошел государственный переворот. Так во время всех переворотов во всем мире поступали: казнили свергнутую династию. Хм!.. Традиция. Печальная, конечно… Но необходимая… - удивленно посмотрел он на меня. - А чего это такой вопрос заинтересовал тебя? Ты что, о казни Царя со своей уралочкой ночью рассуждать собираешься?

- Да нет. Просто предположил, что ты мне нечто новое откроешь… - пожал я плечами и снова уткнулся в документы.

- Слушай, так что же мы насчет отъезда домой решим? Я по Танюше соскучился. По сыну. - продолжил он.

- Я полагал, что этот вопрос решен: возвращаемся под субботу… Мне же надо с родителями очень серьезно поговорить… Я же столько времени с ними не жил!

- Лады! У тебя действительно – проблема, которую за один вечер не решить, - кивнул он, - тем более, что мы сегодня можем поздно вернуться. Нас опять в гости пригласили…

- Женя, ты слушаешь меня или нет? У меня же встреча. И я тебе уже раз сказал… Сходи в гости один! – я даже откинулся на спинку стула.

- Эх-эх-эх! Чего ради друга не сделаешь?! Иди к своей уралочке. Расслабься! – хитро улыбнулся он.

…Без четверти восемь я подходил к Ипатьевскому дому. И еще издали увидел Иннокентия Борисовича. Он стоял у открытой калитки и мечтательно глядел на завершающийся закат. В его позе четко угадывалась какая-то сдерживаемая порывистость, и в то же время – умиротворенность. «Да, - подумалось вдруг, - настоящая духовная жизнь состоит из парадоксов… Тьфу! Слово-то какое! Когда же я, наконец, отвыкну от иноязов! Неужели в живом Великорусском языке нет синонимов»?!

- Вечер добрый, – слегка, как-то по-старинному склонил голову передо мной Иннокентий Борисович, - милости прошу. Самоварчик поспел.

- А к нему у нас есть овсянное печенье и пачка «Слона», - улыбнулся я, пожимая ему руку.

- О! Столичный деффицит! У нас здесь давненько такие лакомства на прилавки магазинов не выкидывали! – хмыкнул он, иронично подчеркивая каждое слово. Мы вошли в дворницкую, помолились и уселись за уже накрытый стол.

- Тебе покрепче? – взялся за заварной чайник Иннокентий Борисович.

- Да, если можно, - кивнул я… - Вообще-то у меня привычка с армии, когда нес боевое дежурство, одну заварку пить…

- Поди, ты и коммунистом был? – хмыкнул жалостливо он.

- Был… И октябренком, и пионером, и комсомольцем… Еще и гордился этим, прости, Господи. И в партию вступал… А потом меня исключили… За искажение социалистической дейтсвительности и аморальное поведение. - опустил я глаза к стакану в подстаканнике.

- И-и-и! – крутанул головой хозяин дворницкой… И вдруг перекрестился: - Слава Тебе Господи! Начал ты проходить обратный, за-ко-но-мерный для каждого русского человека, путь… Значит, молится за тебя на Небесах Государь наш, Семья Его Августейшая, да, очевидно, кто-то из сродников твоих.

- Как это – обратный путь? - недоуменно спросил я.

- И-и-и! Мил человек, Александр, тут все сразу нашим греховно-материалистическим умом не постичь! Тут работа души и сердца нужны. Толчок для нее тебе дан Самим Государем! Да-а-алеко не все удостаиваются видеть Его здесь! А коли уж увидели, да еще, ежели он соблаговолил улыбнуться, тут явное Его небесное предстательство имеет место быть. А посему советую тебе браться за дело. Как? В первую голову, - изучить, что такое Царская власть… Понимаю, тебя с пеленок учили этому с точки зрения богоборцев, типа бедняги, с позволения сказать, профессора Покровского, иных губельманов, эйдельманов… Но согласись: чтобы разобраться в любом вопросе, нужно изучить разные противоречивые точки зрения на сей вопрос. И тогда, включив душу, сердце, логику ума, - придти к верному выводу… Но и его следует отшлифовывать всю оставшуюся жизнь… Как нельзя «прочитать» Священное Писание! Его можно только читать! Всю жизнь, постигая и открывая что-то новое. А в нем про Царскую власть – ой, как немало заповедано!

«И это говорит мне «неграмотный» дворник-сторож?! Что ж он раньше-то из себя строил?!» - я вдруг почувствовал, что слушаю его с открытым ртом. А Иннокентий Борисович продолжал: «Вот, когда разберешься с историей Царской власти, с ее законами, установленными Богом, тогда и поймешь, что есть «обратный путь»…

«Антисоветчина какая-то! – вспыхнула мысль, - Тебе уже досталось в армии за это!»

- Я еще раз повторю: законы Царской власти установлены Богом, установлены именно Богом, а не какими-то властителями и их апологетами после февральского и октябрьского переворотов в России! - словно прочитал мои мысли сторож-дворник. - И если ты – православный христианин, исполняюший Заповеди Божии, - или пытающийся их исполнить, впрочем, как и все мы, - поймешь, Духом поймешь, где здесь ложь, а где – правда Божия!..

- Вы говорили, что все это дано в Священном Писании, - с трудом ворочая мозгами, произнес я, - и где?

- Вот-вот! В Священном Писании! Откроем Его, - Иннокентий Борисович достал с этажерки толстый том в кожаном переплете с золотым тиснением. Открыв, как показалось мне, наугад, он прочитал: - *Не прикасайтесь к Помазанным Моим* – призывает Господь через святого Пророка и Псалмопевца Царя Давида в 15-м стихе 104-го Псалма…

- Но все люди помазуются Святым мирром при Святом Крещении! – перебил я его.

- Вот-вот… Все люди – один раз в жизни, а Православный Христианский Государь – дважды! Второй раз – при Святом Венчании на Ца-а-а-арст-во! – нараспев проговорил мой собеседник. - Или ты не веришь Священному Писанию, в благодать, лежащую на священстве, тем паче на архипастырях, которые помазуют Царей в святых Алтарях Божиих храмов? Не веришь в Святые Таинства? А конкретно - в Таиство Святого мирропомазания?

- Верю! - вдруг устыдившись своего маловерия, кивнул я.

- Тогда читаем дальше у святого Пророка Даниила: *Через Царя Всевышний владычествует над Царством человеческим и дает его, кому хочет!* Заметь, не через председателя совнаркома, генерального секретаря, президента… А именно – через Царя! Можешь возразить что-нибудь об изменении терминологии… Но Бог-то – всегда и во все времена Один и Тот же. И Слово Его, как сказано у святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, бывшее *в начале,* - незменно по неизменности Его Самого!.. Ты опять можешь возразить, мол, всякая власть - от Бога… Но и об этом есть в Священном Писании, в частности во второй главе Первого Послания святого Апостола Петра, в стихах 13-м и 14-м: *Будьте покорны всякому человеческому начальству…* Какому? А вот какому: *Царю ли, как вер-хов-ной власти, правителям ли как от не-го…* - кого? Ца-а-аря! – *посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро*. Правителям, заметь, от Царя поставляемым, а не от совнаркома, совмина, центрального комитета, сената, парламента и иже с ними… И, наконец, в той же второй главе своего Первого Послания святой Апостол Петр призывает: *Бога бойтесь, Царя чтите…* Видишь, неотделима власть Царская от власти Божией. Вместе стоят! Рядом! Ты ведь согласишься, что из Священного Писания нельзя ни слова выкинуть, как нельзя и поменять слова местами? Один известный русский математик, в эмиграции, доказал, что мир рухнет, ежели «выкинуть или поменять местами»… А что произошло у нас в России? Свергли Царя. Убили вместе с Августейшей Семьей и верными слугами… Только Царя ли убили? Нет! Убили Бога в себе! Против Царя ли пошли? Нет! Против Бога! И не только те, кто убивал… Большинство последних делали свою работу: служили сатане! И, надо признать, «на ять» служили! Нам бы так служить Богу! И Помазаннику Его! Убивали Царя и Бога в себе и те, кто промолчал, не вступился! Все! Все, - и даже наши современники! - нераскаявшиеся за предков своих, кои не вступились за Царя, называвшие Помазанника Божия «Николашкой», «кровавым» и тому подобное, прости, Господи, прокляты предками, дававшими Присягу на Святом Кресте и Святом Евангелии на верность Дому Романовых «до скончания веку», то есть до Второго Пришествия. И отлучены от Святой Троицы и Православной Церкви по Грамоте тысяча шестьсот тринадцатого года и по чину Анафемы, вычеркнутому церковными властями после октябрьского бунта и гласящему: *Помышляющим, яко Православные Государи возводятся на Престол не по особливому Божиему благоволению и при помазании дарование Святаго Духа к прохождению сего великого звания в них не изливается: и тако дерзающих против них на бунт и измену – анафема! Анафема! Анафема!*

Глаза у Иннокентия Борисовича горели. Тихий голос сдерживал напор смысла произносимых нараспев последних слов. Рука сжимала подстаканник, словно эфес сабли или револьвер… Я не узнавал его…

- А что за Грамота? – заразившись от него, порывисто спросил я.

- И-и-и! – уже более спокойно проинес он,… - Это тебе, мил человек, - домашнее задание… Долго ты еще будешь постигать науку духовную и душевную, один из уроков коей мы с тобой нынче прошли… Я не учительствую! Просто делюсь тем, что вычитал сам. И уже многим поделился. Подыми-ка поначалу сей груз… Да не надорвись! Разумею: рассудком. А то ведь на рожон, словно плеть на обух, полезешь в стремлении перешибить… Не готов наш народ, да и мы, грешные, обратным путем

к январю семнадцатого года, через октябрь и февраль придти, через все последующие за ними перепитии… Кто-то, правда, стоит в начале этого обратного пути… Грех народа нашего – клятвопреступление Присяги, данной в 1613-м году, почти искуплен: сколько миллионов жизней за годы безбожной власти принесено в жертву… Но и это проговорено в Священном Писании

- Как?

- А вот как! У святого Пророка Амоса есть такие слова о народе, которому уподобились наши революционные предки: *Не пощажу его, ибо он пережег кости Царя Едомского в известь…* Это ты можешь прочитать во второй главе книги Пророка.

- Пережег в известь?

- Да-да… Только святые тела Царственных мучеников после их убийства палачи облили соляной кислотой, а останки сожгли на костре…

- Откуда вы все это знаете?

- И-и-и, мил человек, Господь сподобил меня служить здесь… По выходным и почитывал архивные материалы… - усмехнулся он. - А еще: здесь работает одна матушка с племянницей, единомышленницы мои. Сомолитвенницы… Но они попозже меня все поняли, когда увидели, что следы от пуль в стене кровоточат. А у них – тоже знакомые есть. Да и владыко наш, архиепископ Мелхиседек помогает молитвой и попечением своими. Вот и ты теперь весточку от нас в Москву отвезешь. Духовнику своему.

- А откуда вы знаете, что духовник мой – ваш, то есть теперь уже наш, единомышленник?

- Если бы было не так, навряд ли Господь привел бы тебя сюда. В мире нет ничего случайного. Все происходит по воле Божией. Просто надо постараться всегда помнить это и благодраить Бога за все.

- Ну, хорошо!.. Не подумайте только, что я не верю… Хочу подробнее разобраться. Вот, скажет кто-нибудь: мол, и сейчас есть монархии: короли, там, всякие, султаны… Я уже не говорю о генсеках, президентах… Какая раница? Как объяснить?

- Какая разница? – усмехнулся Иннокентий Борисович… - Разница огромная! Космическая! Вселенская! Бог называется Царем Небесным, Царем царей, - не королей, не султанов, тем паче генсеков и презедентов… И посланник Бога, Помазанник Его называется Царем, - только земным, - чтобы мы не путали ни с кем и не говорили, что не знаем. Царь земной прообразует Царя Небесного. Он – Его земная икона. И вел нас к тому, чтобы Царство Русское стало иконой Царства Небесного…

Я вдруг ошарашенно вспомнил, что именно за это на храмовых праздничных трапезах поднимал третий тост отец Валерий… Так значит, он – тоже монархист! И все, что Иннокентий Борисович рассказал, наверное знает… Почему же мне тогда не пояснил?

А хозяин дворницкой, между тем, продолжал: «Именно в Царствие Небесное и вел своих подданных, - детей по замыслу Божиему! – Царь земной. А мы стали злыми виноградарями, убив Помазанника, сына Божия – Хозяина виноградника. Вот и думай, сопоставляй! Ветхозаветных иудеев Бог истреблял и рассеивал за распятие Сына Своего, а наш народ наказывался, истреблялся Всевышним, – и во время репрессий и на Великой Отечественной – за убийство Царя, Своего Помазанника! Именно за это даны нам были палачи Ленин, Свердлов, Дзержинский, Троцкий, Ежов, Берия, Хрущев и иже с ними… Они были карающей десницей для виноградарей, убивших посланца Божия, который пришел за урожаем, то есть за душами верующих, чтобы подготовить и забрать с собой в Царствие Небесное. Я это не от себя говорю… Прочитал недавно в проповеди одного архипастыря.»

- Ох! Иннокентий Борисович, – по-лошадиному замотал я головой, - у меня уже – мозги квадратными стали! Все это надо в мыслях сосредоточить, рассортировать, разложить по полочкам… Вы для меня столько нового открываете! Мне в Москву возвращаться расхотелось. Так бы и слушал вас с утра до вечера.

- Надо, мил человек, надо! Там ты нужнее! А как подвернется оказия, подъезжай, потолкуем, коли жив буду. Только, думаю, ты до своего следующего приезда в Екатеринбург, - так до октябрьского бунта наш город величался, - и сам довольно образумишься… Ежели, конечно, не дай Бог, враг не попутает… Пей чаек-то!

Какое-то время мы молча отхлебывали из стаканов. Хрустели печеньем. Наконец, я сказал: «Очень благодарен вам! Никакой враг теперь не может попутать и вычеркнуть из головы и сердца полученые от вас знания!

- И-и-и! Мил человек, Александр! – перекрестился Иннокентий Борисович. - Спаси тя Господи! Спаси тя Господи! Еще как может! Почитал бы ты о жизни Мотовилова… Как его-то враг попутал! Ка-а-азнил… Словно святого Иова многострадально, к день святой памяти которого и родился наш Государь Великомученик и искупитель…

- Мотовилов… Мотовилов… Это – тот, кто о батюшке Серафиме Саровском написал?

- Хм, - довольно улыбнулся мой собеседник, - тот самый. Но враг-то путает нас по грехам нашим. Вот, узнал ты нынче новое для себя: одно из самых важных в жизни человека после основных Догматов нашей Святой Церкви… А может быть, и Догмат… Но на самом же деле, понял ты очень и очень мало! Повторюсь: читать надо Священное Писание. Потому, как прочитать его нельзя. Каждый день читай! Всю жизнь! И каждый день будешь открывать что-то новое. Но любое, самое микроскопическое знание похищается врагом после первого смертного греха. И тогда потом, только после покаяния, знание то можно вернуть, открывая заново. Так что, постарайся уж не грешить… Смертно… Довези до Москвы, до своего духовника открытия, сделанные здесь, в этом святом месте.

Время было позднее. Прощаясь, Иннокентий Борисович вдруг порывисто обнял меня, трижды расцеловал в щеки и перекрестил: «Ступай с Богом. И помни, как враг благодать знаний похищает…»

Я шел по ночному городу и думал, стараясь заучить наизусть все услышанное от старого дворника-сторожа. Так почему же все-таки отец Валерий не рассказал то, что я узнал от Иннокентия Борисовича?

Скука… Вот уже несколько седмиц Великий Князь не кличет меня к себе. И в то же время вся Москва – растревоженный улей. Кузни дымят и дышат искрами день и ночь. Гонцы вылетают из всех Кремлевских ворот по одному и десятками. Другие, - наоборот, - на взмыленных конях влетают и прямиком несутся к Великокняжескому терему. Одному мне нету никакого дела…

«Неужели я попал в опалу?!» - думается мне каждый вечер. Как-то не радуют ни княгиня, ни дети… Ни князья Ондрей и Герасим… Да они и не заходят давно в гости… Георгий тоже сутками напролет пропадает на службе… Вот и сижу целыми днями в винном погребе, - благо Афанасий порадел: бочек с медами и ромейским не на одну сотню хватило бы!

А что?! Выпьешь чару-другую… И здесь же на лежанку завалишься… Воспоминания нахлынут… Когда и слезы на глаза навернутся… А то и просто задремлешь… И только поздно вечером уже в веселом расположении духа поднимешься в терем, да и забудешься где-нибудь на лавке… Скука!

А тут совсем недавно, когда задремал в погребе на лежанке, Елена явилась… Хмурая такая! Неулыбчивая. И глаза полны слез… К чему бы это? Я расстроился…

Три чары подряд осушил залпом! И все видение, как рукой сняло… Забылся я глубоким, потным сном… А когда вылез из погреба своего, стояла поздняя, беззвездная ночь. На ощупь прошел я к дверям в терем. Ноги не слушались. И тут в темноте вдруг услышал: кто-то шепчет что-то, всхлипывая… Ага… Это – должно быть, на лавке… У крыльца…

- Уж и не ведаю, батюшка, что и делать мне. Словно подменили князя… Или сглазил кто! Целыми днями в винном погребе лежит… Пьет безпробудно! Деток позабыл. Я уж и сама не помню, когда ласкал их… Да и меня тоже…

Я узнал голос жены. А другой, старческий, со вздохом ответил: «Да-а-а! Беда-а-а! Добрался лукавый до нашего князя.»

И вновь я узнал голос: это княгиня жаловалась на меня отцу Антонию. Вот ведь! Ябеда! А батюшка продолжал: «Что ж ко мне не попросила зайти?»

- Да говорила я ему! И не единожды. А он только фыркает, да обещается сходить.

- Враг не пускает.

«Что ж это Алла-то лукавит!» - вспыхнул я, теряя хмель. А в памяти всплыли какие-то слова жены, что в церковь, мол, давно не ходил, да и сам, наедине забыл, как лоб крестить. Я тогда пробурчал что-то грубое в ответ и злой спустился в погреб, на лежанку.

- А ведь Великий Князь может мужа твоего и от службы отлучить… Не жалует он винопийц! – опять вздохнул отец Антоний.

- И это я ему говорила! А он в ответ, мол, наплевать, уеду в Подмосковную. И снова – в свой погреб! – уже безпрестанно плакала жена. Вдруг голос духовника затвердел. И он четко проговорил: «Что голосишь-то? Здесь такими слезами горю не поможешь. Давно ль сама о своих грехах плакала да исповедовалась? Давно ль сама ласкала мужа? Не погрязла ли в хозяйстве так, что за бочками, мискам, плошками мужа венчанного не видишь? А? То-то и оно! Вот, что я тебе скажу. Оба вы чем-то беса в дом свой, к душам своим драгоценным подпустили. А как? Бог ведает… Опять же – второй брак! Значит, епитимию свою ты не отработала, коли скорбь такая завелась. Могу благословить тебя на строгий пост, молитвы ночные, поклоны за мужа… Тяжко болящего…Как? Желаешь ли?»

- Ой, батюшка, с радостью! Сколько повелишь! Все выполню, лишь бы вытащить его из этого хмельного болота. На монастырь денег дам, чтобы братия помолилась! Деток и домочадцев на поклоны поставлю! – причитала княгиня.

- А вот деток и домочадцев – не благословляю! По ним-то враг ради отмщения может еще посильнее ударить. Нечисть-то мстительна! Ох, как мстительна! Твой это подвиг! Только твой! Да, гляди еще, о муже и его здравии молись, и не для того, чтобы тебе с ним благополучно жилось… За не-е-его! И мы с братией помолимся тоже. Да еще потолкую с духовником своим, с отцом Сергием. На что он и как благословит. С мужем же будь тише воды, ниже травы! Велит ноги мыть и воду пить – исполни! Враг от смирения пуще, чем от ладана, бегает! Так-то вот… А я завтра после Божественной Литургии с отцом иеродиаконом приду, молебен отслужим. Ну, все. Ступай с Богом в терем. Да не сказывай никому из домашних про наш разговор-то. Он – исповедь! Тайна… Бог тебя благословит, чадушко дорогое, во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Я стоял, ошарашенный всем услышанным. И в глубине-то души согласен был и с отцом Антонием, и с женой. И жалко до боли в сердце было мне княгинюшку… Но какая-то черно-красная, кровавая мысль сверкнула в голове: «Еще жаловаться вздумала на меня, мужа, господина своего! А отец-то Антоний – тоже хор-рош! В сговор с нею вступил! Или запамятовал, как Священное Писание учит о боязни женой мужа»?!

И я, скрипнув зубами, резко развернулся и твердым шагом направился к своему погребу. Спустившись, прилег на лежанку, налил себе из бочки полную чару и

выпил залпом. Однако, вместо сладковатого, терпкого, теплого, но освежающего вкуса, почувствовал разливающуюся по телу горечь. Мало того, весь погреб наполнился вонью, словно в него выплеснули жижу из всех отхожих мест Москвы. Мало и этого! Руки, ноги мои… не двигались, словно намертво были прикованы к лежанке. И только голову я смог с хрустом в окаменевшей шее повернуть набок, чтобы изрыгнуть мерзость, наполнившую мою утробу. И мучительное извержение ее казалось безконечно долгим. Она светилась бледно-зеленым гнойным цветом. Из нее поднимались пузыри, похожие на уродливые людские фигуры, кривляющиеся рожи, обрубленные руки, ноги. Те извивались в воздухе, лопались, забрызгивали своей вонью стены, бочки, потолок, пол, скамью, лежанку, наконец, меня самого. А в утробе моей все горело, бурлило, вновь и вновь вырываясь из меня мертвенной зеленью наружу. В уши ко мне врывался хохот, вой, визг, лязг, исходившие от лопающихся уродов-пузырей. И от этих болезненных звуков голову мою разламывало изнутри так, что казалось: вот-вот она лопнет, подобно пузырям… Я попробовал закричать, позвать на помощь. Но только судорожный, придушенный хрип изрыгался из моего горла вместе с зеленью, удушающей меня… Сколько так времени прошло, ведает только Бог… Бог?! Да как же я мог забыть о Нем?! О Том, Котрый всегда приходил ко мне на помощь?! Как я мог?!

- Господи! Прости! Помоги! – отчетливо и громко вырвалось у меня. И все вокруг стихло… Два последних пузыря дернулись в воздухе и с треском лопнули… На пустом бочонке догорала свеча… Я лежал весь мокрый… от пота. А следов от гнойной жидкости нигде не было. Я поднял валявшуюся на полу чару. Понюхал… Бр-р-р! Запах из нее исходил смрадный.

«Значит, не пригрезилось!» - мотнул я головой, отгоняя успокаивающую надежду на сноведение. Поначалу рука потянулась к кувшину, стоявшему под бочкой с ромейским… Но тут, словно кто-то, стеганул по руке. Я огляделся: никого. Но на ладони явно проступал красный след от удара.

- Свят-свят-свят! – перекрестился я. И на глазах у меня глиняный кувшин с ромейским вдруг раскололся на множество мелких черепков… Я вытер лоб рукавом кафтана, поднялся с лежанки, взял свечу и нетвердым шагом пошел из погреба вверх по ступеням.

…Княгиню я застал в ее покое на коленях перед иконами. Увидев меня, она вскочила и бросилась навстречу: «Что с тобой, любый мой?»

Я опустил глаза в пол: «Прости ты меня Христа ради… Не ведаю, как это все произошло со мной.»

- Бог простит! Бог простит, – зачастила она, - а я – туда же. И ты меня прости! Совсем я позабылась в хозяйстве… Совсем… Совсем тебе не уделяла себя! Снимай-ка рубаху! Я чистую сей же миг подам… И все остальное снимай!

- Мне бы лучше в баню сперва, - не смел я поднять глаз на жену.

- Куда ж в баню-то сейчас?! Рассвет скоро! Отдохни. А проспишься – и банька будет истоплена.

…Когда я проснулся, солнце стояло в зените. В тереме пахло ладаном. Но было тихо. «Значит, молебен уже отслужили», - подумал я. Однако, спустившись, застал отца Антония и княгиню в трапезной. Они тихо беседовали.

- И-и-и! – поднялся отец Антоний с лавки и преподал благословение… - Поскорбел маленько?

- Уж куда, как маленько! – вздохнул я. - Прости, отче!

- Бог простит…

- И епитимию наложи.

Отец Антоний взглянул на княгиню, и та метнулась к дверям.

- Я баньку проверю. Готова ли… - бросила она на ходу.

- Ступай-ступай, чадушко, - кивнул иеромонах.

А когда княгиня вышла, вопросительно посмотрел на меня.

- Каюсь, батюшка, - начал я и рассказал обо всем.

- А помнишь ли ты притчу, чадо дорогое, как Господь наш Иисус Христос на свадьбе из воды вино сотворил? Поэтому и удивляться нечего тому, что доброе ромейское вино Он в зелье мерзкое превратил… Грех – не пить! Грех – упиваться! Что ты и делал в последние дни. Все Великое Княжество наше к большой главной сече с погаными готовится… А ты?!

- Так это ж… Великий Князь меня не кличет! - попытался оправдаться я.

- Ой, ли? А вдруг он ведает о твоем искушении?

- Не дай Бог! – я даже приподнялся с лавки.

- Все – от Бога. Ослаб ты. Устал, выполняя некоторые Великокняжеские повеления. Одного иуду Вельяминова добыть чего стоило… Он-то с нечистью всякой дружен был. Вот и мстит тебе нечисть! Однако и на нее нечего сваливать! Дал тебе Великий Князь малый отдых. Да не туда ты его тратить стал! Посему Господь и не положил на сердце Димитрию Иоанновичу кликнуть тебя.

- Каюсь, батюшка…

- То-то! Епитимию ты свою, конечно, получишь. После исповеди в храме Божием. А пока ступай в баню. После нее благословляю на чару. И - перед сном, чтобы выйти из беды. А с завтрашнего дня – всё! Ну… По три чары можно на Великие, Двунадесятые и Господские праздники, на именины, там… Но в гостях – не больше чары! Благословляю.

- Батюшка! Так вино же отравлено!

- Доброе вино! И дано тебе, чтобы сердце веселить, а не упиваться! А завтра – к Великому Князю. У него для тебя дел прибавилось…

- А как же разлетевшийся кувшин? Зеленые пузыри?

- И-и-и! Милое чадо мое! Ты же вспомнил Бога. Вернее, Господь показал тебе всю мерзость упивания вином. И попустил это искушение. Попустил и то, что бес сидел в кувшине и внушал тебе еще выпить… Вот, не ведаю только, кто ж тебя по ладони хлестанул: Ангел ли Хранитель или твой Небесный Покровитель. Ты призвал Господа. Тот повелел выйти бесу из кувшина. А он, пакостник, кувшин и разбил! Но опять же - по попущению Господа. Сколько ж с тобой чудес Божиих было! А? Но под действием чрезмерно выпитого вина, ты обо всех их позабыл! Вот и еще один вред от упивания. Помни о сем. А в воскресный день жду на исповедь. Поговей пока! Со всей семьей жду. Бог тебя да благословит во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

…Утром я, словно щенок, забежавший в горницу хозяина и нагадивший посреди нее, вошел к Великому Князю. Но тот вдруг улыбнулся, подошел ко мне, обнял: «Прости меня, князь Ляксандр! Позабыл я за делами о тебе. Позабыл и о том, что настоящий русьский человек не может жить без дела. Так что, половина греха твоего – на мне. Прости!»

- Бог простит. А я – туда же. И ты меня прости, Великий Князь.

- Вот, и славно! И - слава Богу! – хлопнул меня по плечу Димитрий Иоаннович… - Теперь о деле. Выходит Мамай на нас! Всю силищу, всех холопов своих, князьков, царьков собрал. Косогов, ясаков, генуэзцев нанял! И других языков – немерено! Главная сеча грядет!

Великий Князь даже как-то облегченно вздохнул: «Мне уже и о пути Мамевом ведомо. Посему скакать тебе на рубежи с ордой, перехватывать гонцов и грамотки их ко мне переправлять. Разверни сторожи ступеньками, чтобы смог отход гонцам перекрыть. Поди, не по одному батыру в разъездах ихних будет. Да сзади прикрытие идти может… Схроны выкопай. Чтобы мышь к нам да в Литву не проскользнула. Что еще… Да… Времечко горячее. Наши лазутчики из орды весточки везти будут. Ты весточки ихние бери, да со своими людьми ко мне переправляй. А лазутчиков обратно отсылай. Их долгое отсутствие в орде может подозрения всякие вызвать. А я людей

своих там терять не хочу. От Москвы с тобой три.., нет, четыре сотни пойдут. В Коломне и в Пронске тебе еще ратников дадут.»

- А отсюда кто со мной пойдет? Я знаком с сотниками?

Димитрий Иоаннович хитро улыбнулся: «А то! Вы теперь с князем Герасимом, - как ниточка с иголочкой! Его сотня будет. Остальных ты тоже ведаешь. Перед самой сечей тебя сменят. И скажут, куда скакать. Завтра утром, после ранней Божественной Литургии будь здесь, на совете. А послезавтра – выходишь.»

- А сына, Георгия, могу ли взять с собой?

- Э-э-э! Ты мне самострельщиков не трожь! У них – своя задача!

- Как повелишь, Великий Князь. - поклонился я.

- Тогда ступай с Богом. Сбирайся в дорогу. До завтра.

Дома меня ждала княгиня Алла со слезами вопросительного ожидания в глазах. Я взял ее под руку, провел в молельню. Там в общих словах рассказал о предстоящей поездке. Она зарыдала! Да так горько, как никогда раньше! Прижалась ко мне. Я гладил ее по голове и пытался успокоить: «Ну, что ты? Что ты?! Не на главную сечу провожаешь!»

- А увижу ли я тебя, любый мой, между сторожей и главной сечей?! – рыдала жена.

- Да что ж ты меня заживо хоронишь?!

Княгиня взяла себя в руки. Вытерла слезы. Опустилась на колени. Я последовал за ней… О чем она молилась, не знаю даже. Я же просил Господа простить мне грехи мои вольные и невольные, даровать силы выполнить свой долг перед Ним, Великим Князем и Отчиной, сохранить, соблюсти, уберечь от всякого зла жену, детей, домочадцев. А выйдя из молельной, кликнул Афанасия и Ивашку, прошел с ними в оружейную и указал, что мне собрать в дорогу.

- А меня, княже, возьмешь с собой? – умоляюще заглянул мне в глаза Ивашка.

- Куда ж без тебя-то денусь! Сбирайся тоже! – весело хлопнул я его по плечу.

Ивашка радостно заулыбался. Но Афанасий, и без того хмурый, помрачнел еще больше.

- Что это ты, словно туча снеговая? – спросил я его.

- И-и-и! Не заботься о том, княже. Сон дурной привиделся нынче. Вот и помнится с утра, муторит душу… - мотнул головой он.

- Ну и ну! Не сам ли учил меня снам не верить?! – засмеялся я, хлопая и его по плечу.

- И теперь то же скажу! Только сам с собой ничего поделать не могу! В церковь надо сходить! А то… Взял бы и меня с собой?

- Ты что?! Дорога-то какая! Да и годы у тебя – не те, чтоб в седле трястись… А княгиню, княжат я на кого оставлю?!

- Эх-эх-эх! – мотнул головой Афанасий… - Раз так… Помоги тебе Господи! Спаси и сохрани!

- Ты вот, что, - теперь нахмурился я, - прекращай это дело. Сходи, действительно, в церковь, помолись. Глядишь, враг и отпустит… Его лап дело – эта твоя хмурость, уныние… А ты, Ивашка, чтоб завтра до вечера коней обиходил, овса задал, да в дорогу запасец заготовил. Себе же кольчужку, шелом, оружие какое подбери…Затра идем на раннюю Литургию, а послезавтра – в путь-дорожку.

- Все исполню, княже, - низко поклонился отрок. …Я вышел на крыльцо. Облокотился на резные перила и восхищенно вздохнул: «Какая красота! Как в этом мире все чудно обустроено… Жить бы, да жить!.. Откуда последняя мысль появилась в голове»?!

Кто-то тронул меня за рукав. Я обернулся. Позади стояла княгиня Алла и грустно улыбалась: «Прикажешь трапезу накрывать?»

- Нет, на меня – не надо. Я не буду трапезничать. Хотел в воскресенье исповедаться, причаститься Святых Таин… Теперь придется завтра. Посему, нынче поговею.

- Тогда мы все – тоже… Чтобы – из одной чаши… - прижалась жена ко мне всем телом.

- Добро. Спаси Господи. - кивнул я. - Зови детей. Почитаем Правило ко Святому Причастию…

…А ночью мне снился странный сон: будто лечу я в золотой кольчуге, на золотом коне по небу. А внизу, на земле – кучи убитых и раненных ордынцев, наших князей, ратников… Вижу князя Володимира Ондреевича под Спасом, живых ратников, сходящихся к нему с необъятного поля сечи. Слышу победные звуки русьских рогов. «Значит наша взяла!» - радостно трубит мысль, - Но где же Великий Князь?..». Картина меняется: княгиня Алла стоит на коленях в храме… И на ней почему-то – монашеское облачение… Ольгушка – уже взрослая княгиня, красавица, окруженная детишками – мал мала меньше… Георгий въезжает впереди русьской рати в какой-то город. И сам – уже с сединой в бороде… И снова вижу себя в моем нынешнем возрасте, - на золотом коне. Вижу и Елену. Но она – впереди, высоко! В сверкающей одежде! Смотрит, улыбается, протягивает ко мне руки!

Я проснулся со слезами радости на глазах. Звонили к заутрене. Кликнув Ивашку, я умылся, оделся и вышел из опочивальни. Княгиня с детьми, Афанасий, еще кто-то из домочадцев уже ждали, готовые идти в собор. Я поклонился всем в ноги и попросил прощения.

Тихая радость светилась в глазах у родных и близких. Передавалась мне. Это чувство не покидало меня и по пути на службу, и в храме Божием. Но и странный сон не выходил из головы. На исповеди я рассказал о нем отцу Антонию. Тот тяжело вздохнул, перекрестился и тихо молвил: «Грех – верить снам. Молись Господу нашему Иисусу Христу и Он все управит по Своей святой воле.»

После меня к иеромонаху подошла Алла. Долго что-то шептала, плакала. Но вдруг до меня долетели те же самые слова о снах, которые я услышал от духовника почти только что. Он метнул взгляд в мою сторону. А жене громко сказал: «Не верь снам! На все воля Божия! Молись!»

А когда исповедовался Афанасий, я удивился тому, что всегда сдержанный, умиротворенный, спокойный отец Антоний вдруг повысил голос: - Да что ж это такое?! Сговорились вы все, что ли? Приснилось ему, видите ли! Сейчас на поклоны поставлю!

Не по-доброму, сумрачно как-то стало на душе… Но после Святого Причастия весь сумрак развеялся! Храм светился золотом икон, горящих свечей, лиц и глаз прихожан… «Ну, точно! – подумалось мне, - Правильно я сказал Афанасию! Перед Святым Причастием лукавый душу защемлял»!..

Все мои направились домой, а я – в покои Великого Князя. Но застал его темнее тучи. Он, мельком взглянув на меня и кивнув, молвил только: «Погоди, не до тебя…»

«Что это?! – мелькнуло в голове, - Вроде бы, вчера все решено было… А теперь»!?

Володмир Ондреевич даже не взглянул в мою сторону… Он и другие боляре, воеводы, князья что-то тихо обсуждали, склонившись над телячьми кожами, изукрашенными чертежами Земли Русьской.

Князь Герасим сидел в уголке на лавке, опустив глаза в пол. Мы кивнули друг другу. На мой вопросительный взгляд он только пожал плечами. «Вот искушение! – подумалось мне, - И сразу – после Святого Причастия»! Я уж и не ведал, что помыслить… И так, мы с князем Герасимом просидели долго после полудня. Наконец, отпустив всех, Димитрий Иоаннович взглянул на нас, неожиданно улыбнулся, протянул руки, похристосовался: «Простите ради Бога, князья! Совсем закрутился!

Изменились наши, я говорю о вас, задумки. Дальнюю разведку возглавит другой. А тебе, князь Ляксандр, - снова ехать к брату молодшему моему. Грамот не будет, дабы не попали они к кому не следует: время нынче такое! А на словах скажешь: пусть выводит дружину и встает позади нас всех, развернувшись широким строем, - даже в одну линию! Да стережет покрепче, чтобы Ягайло в спину не ударил. Грамоту брата о верности Мамаю я читывал. Правильно он написал, что ударит по нашим полкам, ежели Ягайло встанет рядом с ним. Так вот, надо ему поставить свой полк так, чтобы Ягайле рядом встать было некуда… Но в Рязань тебе соваться не следует: там – доглядчики мамаевы. Новый человек, - да еще князь, - сразу в глаза бросится. Встретишься с ним здесь.»

Великий Князь ткнул кинжалом в телячью кожу. Я кивнул. Но спросил: «А как брат молодший твой узнает, где я дожидаться буду?»

- Я с тобой голубятника отправлю. Он дойдет до Коломны. Оттуда весточку пошлет. А ты, - повернулся Димитрий Иоаннович ко князю Герасиму, - скачи туда немедля. Да гляди, чтобы ни одна мышь, ни одна сорока не слышали беседы молодшего брата с князем Ляксандром. Поймите, братия! От вас сейчас во многом зависит исход сечи! Похоже, что на нее не все князья русьские сбираются придти со своими полками и дружинами…

- Неужто, нашлись иуды? – крякнул даже князь Герасим.

- Иуды – не иуды, да позабыл кое-кто, как Батый поодиночке перебил предков наших. Ни Тверь, ни господин Великий Новгород, по моим сведениям, полки выставлять не собираются. Видать запамятовали, что только благодаря рязанцу, болярину Евпатию Коловрату, - Царствие ему Небесное, - не пошел Батый на города сии, бросив все свои тумены на поимку трехсот ратников коловратовских… А вобщем-то, правильно назвал ты, князь Герасим, отказников этих. Ну, да, Бог им – Судия! Сейчас самая жизнь Отчины нашей решается: быть Земле Русьской или не быть, став улусом орды. Мамай вознамерился повторить батыево нашествие. Так и сказал, мол, изведет под корень все русьские роды наши княжеские. Ишь ты, обиделся за Вожу!.. Но, продолжим о деле. После встречи поезжайте на Коломну. Но куда идете, людям своим не сказывайте. Время такое… Да, еще: пусть молодший брат подумает, следует ли ему самому полки свои возглавлять? Как сеча обернется, одному Богу ведомо. А Рязань – первый город на пути поганых, коли победят они. Ежели и он погибнет, кто ж тогда люд русьский на последний смертный бой поднимать станет? А ждать я вас сегодня заставил, чтобы при всех не говорить… Не гневайтесь уж! Ступайте с Богом. Попрощайтесь с семьями. И дай Бог, чтобы мы все вернулись из этой сечи!.. Простите меня Христа ради, коли что не так было!

Великий Князь перекрестился сам, перекрестил нас, сделал перед нами поясной поклон. Мы ответили тем же. Попросили прощения. И вышли из горницы. На душе было смутно и как-то горячо. А уж когда княгиня Алла опять заголосила, словно впервые услышала о моем отъезде, а за ней заревели и младшие дети, кровь ударила мне в голову.

- Да что ж это ты, княгиня, воешь по мне, как по убиенному?! – даже прикрикнул я. - Молилась бы лучше! Да собрала бы в путь-дорожку! Да проводила бы чином! А ты, - словно заживо хоронишь! Бог-то мысли ведает! А они – тоже, как молитвенное прошение!

И откуда взялись у меня такие речи?! Словно князь Ондрей, рассуждать стал в последнее время! Княгиня бухнулась передо мной на колени: «Прости, любый мой! Ведаю, что на главную сечу с погаными идете! Да только ты почему-то – раньше всех! Опять - раньше всех!»

Вдруг она вытерла слезы. Встала. Выпрямилась. Кликнула домочадцев и стала отдавать повеления о сборе в дорогу. Но скорбь с ее лица так и не сходила. Ой, как не

по душе мне это было! И, чтобы как-то успокоить ее, я подошел, обнял за плечо и весело сказал: «Раньше всех уйду, раньше всех и вернусь! А?!»

- С колен не встану! Буду Бога молить об этом! – сквозь слезы, навернувшиеся опять на глаза, улыбнулась жена. И вдруг, прижавшись ко мне всем телом, добавила: «Бог – милостив… На все - Его святая воля.»

Я прошел в оружейную, где хмуро, покрикивая на Ивашку, хозяйничал Афанасий. Увидев меня, он поклонился в пояс и тихо проговорил: «Бог тебе в помощь, княже! Да вот только взял бы ты с собой не Ивашку, а меня… А?»

- И ты туда же, за княгиней! Афанасий! – чуть не сел я. - Сколько можно толковать?! Кто, кроме тебя, хозяйством здесь и в Подмосковной управляться сможет? Ивашка?

- А что?! – вскинулся Афанасий, метнув на того взгляд. - Уже – почитай, не отрок! Многому научился! А я-то в походе поопытнее буду…

- Нет, - отрезал я, - пойдет со мной Ивашка. Ты, Афанасий, хоть и не старик еще, но он порасторопней будет. Прости, коли обидел. Не на охоту еду. А ты здесь за теремом гляди. Княгиню да княжат береги. А теперь, дай-ка, погляжу, что вы мне тут в поход собрали?

Вечером я приказал накрыть столы на всех домочадцев. Сам надел все лучшее, праздничное. То же повелел княгине и детям. Только застолье все равно было каким-то грустным. Бабы и девки сидели опустив головы вниз. В глазах у них стояли слезы. У мужиков наоборот выступали двигающиеся желваки. Глаза горели огнем, словно перед каким-то очень важным, даже жизненным, но опасным делом. Поэтому, поднимая первую чару, я сказал: «Завтра, чуть свет, я уеду. Старшим среди вас оставляю, как всегда, Афанасия. Слушайте его во всем. Слушайте и то, что повелит княгиня. В одном только позволяю не слушать…»

Я опустил глаза вниз… «Господи, благослови!» - проговорил одним языком при сомкнутых губах. Обвел всех собравшихся взглядом и продолжил: «В одном! Мужикам позволяю. Ежели кто пожелает идти на главную сечу по своему разумению, благословляю. Просто уведомите Афанасия. А ему повелеваю для сих охотников открыть мою оружейную. Поднимая же чару сегодня, я благодарю Господа нашего Иисуса Христа за то, что Он даровал мне жить с вами, дорогие мои, рядом, пользоваться вашей службой. Но не мне мы служили… Вместе мы служили Вере нашей Православной, Великому Князю и Земле Русьской. Почему вместе? Потому что служил я только благодаря вашим молитвам и трудам. Слава Тебе, Господи!»

Я до дна залпом осушил чару. Вышел из-за стола на середину трапезной. Сделал перед всеми земной поклон: «Простите меня Христа ради, ежели кого обидел или сделал что дурное…»

Они же, служившие мне и моей семье, тоже повскакивали с лавок. Выходили из-за них, крестились, кланялись в ноги, просили прощения. Я подходил к каждому и каждой, христосовался. А про себя шептал: «Слава Тебе, Господи»!

Трапеза прошла в тихой радости какой-то непонятной или просто еще непонятой мною родственности с собравшимися за столами.

- Ну, что ж это такое?! – услышал я от Жени, как только вошел в номер гостиницы. - Мы что, с тобой, чужие люди? Посмотри на часы! Еще один вечер пошел насмарку! Где ты ходишь? Мне так хотелось вместе где-нибудь отдохнуть!

Похоже, он был сильно навсеселе!

- Что случилось? - удивился я. - Ты вроде и сам не возражал, что я сегодня побуду один…

- Не возражал! Только… Давай, теперь договоримся на дальнейшие командировки, - Женя нервно заходил по номеру жадно затягиваясь сигаретой, - мы отвечаем друг за друга. Поэтому, я считаю, должны в командировках не

разлучаться… Согласись, всякое может случиться! Упаси Бог, конечно. Подумай сам… Вот, случилось бы с тобой что-нибудь, где бы я смог тебя найти? Кстати, сегодня и завтра – нелетная погода. А я хотел бы вернуться в Москву самолетом. Поэтому билеты заказаны на послезавтра… Ну, почти на завтра… А завтра мы приглашены к Маше. Там будет веселая компания! Я уже со всеми перезнакомился. И про тебя мне все уши прожужжали. Маша даже пошутила: уж не тайный ли ты монах? Так что, готовься…

- Погоди-погоди! А при чем здесь самолет? – тряхнул я головой.

- Это я специально… Позвонил Галине Исаевне… Сказал, что нам заказали билеты на самолет за счет Свердловской железной дороги, - мол, пораньше вернуться хотели, - а погода нелетная… Она дала добро… Цени! А? Как я?!

Честно говоря, я с трудом понимал смысл сказанного про самолет и «послезавтра, то есть почти завтра», но утвердился в мысли, что придется еще и за ложь каяться… Тем не менее, пьяненький Женя веселил меня. Конечно, мог ли я осудить с эдакой его заботой обо мне, с природным добродушием…

- А давай-ка мы с тобой – по пять капель! – не допуская отказа, достал он из прикроватной тумбочки бутылку коньяка, блюдце с нарезанным лимоном и сверток с бутербродами.

- Жень, погоди! А как же Вожа? Мы же с тобой после выходных собирались отпроситься? - начал, было, я.

- Успеем еще! Я давно так не отдыхал! – хохотнул он, - К тому же, мы, бойцы идеологического фронта, должны быть ближе к народным массам… В нашем случае – к рядовым железнодорожникам.

И он на треть наполнил гостинничные стаканы. «А не пост ли сегодня?!» - вскинулась во мне мысль. «Ты же – путешествующий! Рыба в общепите – всегда несвежая! Так что, трескай колбасу!» - хохотнула в тон Жене другая.

И тут в дымке тюлевой занавески я увидел семь знакомых мне с сегодняшнего утра фигур Царственный мучеников. И показалось, - хотя как это могло быть реально за тюлем, - что смотрят они на меня грустно… Если не со скорбью…

- Ты чего там увидел? – спросил Женя и обернулся к окну.

- Нет… Ничего… Просто задумался… - пробормотал я. И вдруг подумал: «Что ж я буду друга искушать, отказываясь от коньяка»?! Горячая, душистая влага разлилась по всему телу. И вспомнился задушевный вечер, когда я впервые пришел к Жене в гости.

- Ну, расскажи про вечеринку у Маши? – попросил я, вгрызаясь в салями.

- Машу и Романа ты знаешь. Но есть там еще несколько человек. Не все они – железнодорожники. Но люди, признаюсь, очень интересные, даже самобытные! Впрочем, ты сам завтра всех их увидишь.

После третьего прикладывания к коньяку, мне подумалось, что идея с задержкой самолета очень удачная. Действительно, захотелось отдохнуть, расслабиться. Даже – забыться от всего того, что произошло за два последних года: от постоянного самоконтроля!

«Да-да! Самоконтроля! А не он ли мешает писать такие стихи, как «Джоккер»?» - подтвердила мысль, взявшаяся невесть откуда.

- О чем ты опять задумался? – перебил ее Женя.

- Да, понимаешь, вот, думаю, что не полезен поэту постоянный самоконтроль… Он душу держит как бы на аркане. А она, родимая, взлететь должна!

- А то! И не на аркане, а на коротком поводке и в строгом с шипами ошейнике, - кивнул Женя, обсасывая ломтик лимона.

- Вот, возьми хотя бы Есенина! С твоей, кстати, подачи я внимательно перечитал многие его стихи. Чудо! А ведь он далеко не монашествовал! И выпивал крепко… И женщин любил… Значит: выпускал душу на волю. Хотя и был Православным

Христианином. И посты, наверняка, нарушал. Может быть, потому его женщины и баловали.

- Ну вот, наконец-то я слышу речи не мальчика, но мужа! – довольно долил в стаканы Женя. А я вдруг перестал видеть, что он захмелел… Может быть, потому, что и мне самому коньяк приятно плеснулся в голову. А Женя продолжал: «Вот, и Танюша говорит то же самое. Мол, безгрешен Один Бог! А мы, согрешив, должны покаяться. Только вот, одного я не понимаю, почему мы должны каяться перед таким же мужиком? Только – в рясе! Я, вот, например, так скажу тебе: каяться нужно пе-ред Бо-гом! А поэтому, когда я захожу в церковь, сразу каюсь, - мысленно, конечно, - мол, прости, Господи, за все грехи, даже за те, которые не помню или не понимаю…»

«Не перед мужиком!» - захотелось возразить мне… Но дальше я не смог вспомнить, что надо сказать. Поэтому спросил: «Ну, и как Маша?»

- Что? Маша? – мотнул головой Женя и вдруг хохотнул… - А, ты об этом! Нет, Саха! Я верен Танюше. Люблю, конечно, нервишки себе пощекотать… Но только на словах! Пошутить… Однако, сдается мне, что Маша-то на тебя глаз положила… Ведь этих баб не поймешь: что у них на уме и во всех других местах!

- Да ну?! – откинулся я на спинку стула.

- Вот тебе и «ну»! – опять хохотнул он. - Так что, завтра не теряйся!

«Вот ведь! Какая же я - сволочь! В чем друга заподозрил! Да еще такого, который помог устроиться на работу по призванию! Без специального образования!! – подумалось мне. И вдруг захотелось попросить у Жени прощения. Но я сдержал себя: зачем, мол, бросать тень на наши добрые отношения… Ведь я каюсь!

- Маша-Маша! – теперь хохотнул я. - Всё – при ней!

- Маша-Маша! – поддержал Женя, потирая ладони… - Теперь будет наша!

И мы снова выпили.

- Ты лучше теперь расскажи об уралочке, с которой вечерок нынешний провел! - заговорил, закусив, Женя.

- Да нет никакой уралочки, – мотнул я головой, - а познакомился тут с одним полоумным стариком. Что-то он мне про последнего Царя долдонил… Святой, мол, он. Четко так аргументировал! Только теперь я что-то не вспомню его рассуждений. А то бы рассказал. Вместе бы посмеялись.

- Не помнишь? Значит – не серьезно все это! Не ис-то-рич-но! – кивнул Женя.

Я и вправду… позабыл все, что рассказывал Иннокентий Борисович. О! А имя-то и отчество не забыл! Однако, сначала насторожился. Ведь он говорил еще что-то про забывчивость, про то, что как-то некоторые знания вылетают из головы… А почему? Ерунда какая-то! И я мысленно представил себе проводницу Машу. И-и-и-эх! Мои мысли перебил Женя: «У нас завтра день свободен. Так, может быть, еще одну откроем? Завтра отоспимся. Слегка опохмелимся. И… А?»

Я взглянул на часы. Стрелки показывали без четверти два.

- Ресторан уже закрыт… - начал, было, я.

- А у нас было! – скопировал Женя известного хохмача Жванецкого. И достал откуда-то из-под стола еще одну бутылку коньяку.

- Откуда? – удивился я.

- Я не стану говорить, что от верблюда! – хихикнул Женя. - Скажу проще: от Маши. Она перед моим уходом вдруг вспомнила про тебя. И попросила передать: мол, заработался там бедненький наш Александр… Надо бы и ему расслабиться! Хотя бы так! Заметь: «хотя бы так»!

- Так вот, вернемся к нашим баранам, - принялся рассуждать я после первого глотка из второй бутылки, - для чего я хочу выпустить душу на волю? А для того, чтобы писать стихи, прозу, публицистику! Ведь я, согласись, могу? Могу! И сам это знаю! За мои эти работы мне заплатят. Я смогу не только обеспечить собственную жизнь! Поесть, как следует и то, чего хочется. Выпить, чтобы расслабиться после

творческой нагрузки. Сходить в театр, например… Я смогу быть щедрым! Понимаешь? Подать милостыню. Помочь кому-нибудь. А это – так приятно: я смог помочь! И – без ущерба для себя! Далее… Как приятно будет тебе, другим моим друзьям, священнику, к которому я пришел на исповедь, родителям, наконец, когда все вы увидите и прочитаете мои публикации. А самому? Разве не приятно увидеть свою фамилию в конце, - а лучше - в начале и с фотографией, - публикации в газете, журнале, альманахе, книге? Вся страна сможет увидеть! И перед женщиной можно блеснуть. Да так, что она ни в чем не откажет. Вступлю в Союз журналистов. И ни одна сволочь не будет противоречить в госучреждениях! Уважать будут. Бояться. Завидовать! А там и квартиру приобрести можно, и машину, как у какого-нибудь… мясника. Да и мясники эти! Пусть перед ними профессора гнут шеи за хороший кусочек говядинки… Мясники тоже боятся журналисткого удостоверения. Даже побольше, чем «корочек» обэхээсника какого-нибудь! А когда нет бытовых проблем, тогда творчество парит душой свободно, словно птица в ясное майское утро!

Я взглянул на Женю. Он, что называется, клевал носом. Я перевел взгляд на окно. А там, за тюлевой занавеской горели четыре красных, маленьких огонька. «Светлячки», - шевельнулось в мозгу. Я встал. Подошел к окну. Отдернул занавеску. И увидел… голову старика-корня и черную волчицу, колеблющихся, словно мираж, в воздухе недалеко от окна, только по другую от меня сторону. Оба как-то странно улыбались…

«Почему «как»? – подумалось мне, - Мираж – он есть мираж. Откуда им здесь взяться. Видно я просто устал, выпил лишку… А Маша – хороша! Надо бы завтра…».

Мне не хотелось заканчивать мысль. Кое-как раздевшись и расправив постель, я рухнул на кровать. Что мне снилось? Я не помню. Храпел ли Женя? Я не слышал. Во всяком случае, разбудил меня прямой удар солнечных лучей в лицо. А «во рту – словно эскадрон ночевал!» - вспомнилась армейская поговорка.

«Хор-рош постник!» - болью вдолбилась в голову мысль. Глаза открывать не хотелось. Но я все же взглянул на стол… Во-о-она, как! Оказывается мы с Женей вчера выпили не одну, а две, да еще с половиной бутылки коньяку. Когда ж это мы успели?! На часах стрелки показывали без четверти два. Это напомнило мне что-то… И я автоматически приложил часы к уху. Нет, они тикали исправно. Но другая рука, лежащая на груди, почувствовала очень неритмичные биения сердца… Их перебил внезапно прорвавшийся храп Жени.

«Ну, теперь не заснуть! – мысленно сокрушился я. Встал. Налил себе на четверть стакана коньяку. Выпил. И облегченно вспомнил, что сегодня у нас с Женей – свободный, то есть выходной, день. Полегчало и в голове, и во рту. Съев кусок сыра, я вышел на балкон. Закурил. Попытался вспомнить вчерашние разговоры с Женей. Но вспомнился мне вдруг «советский студент» Владимир Мацко-проходимец из вневедомственной охраны… «С какой стати?» - мелькнуло в голове. И она слегка закружилась после первой затяжки.

«Надо срочно выпить крепкого кофе или чаю!» - щелчком повторила мысль движение руки, отбросившей недокуренную сигарету. И я вошел в комнату.

- Ты уже встал? – раздался голос Жени… - Который теперь час?

Он лежал, прикрывая предплечьем глаза.

- Скоро два… - ответил я, залезая в тумбочку за банкой растворимого кофе и кипятильником.

- Ну, и дали же мы вчера! – продолжал он.

- Не дали, а на грудь приняли! - хохотнул я. - До сих пор сердце на форсаже работает!

- Тебе что, совсем не плохо? – простонал Женя.

- Я уже поправился. Налить? – одновременно наполняя на четверть стакан и протягивая ему, спросил я.

- Бр-р-р! – по-собачьи, всем телом передернулся Женя и залпом выпил… - Ли-ли-лимончику!

Я протянул ему блюдце. Он закусил, откинулся на подушку и снова положил предплечье на глаза. А я поставил кипятить воду под кофе.

- Ты вчера очень интересные вещи говорил, - полусонно произнес он.

- Какие? Что-то я смутно помню.

- Я – тоже. Но помню, что интересные. У меня глазки – домиком? – Женя убрал с глаз предплечье и поднял голову.

- А то! Но можно подумать, что у меня – по-другому. Ты хоть помнишь, куда мы сегодня собрались.

- К Маше в гости. Она же про тебя мне все уши прожужжала. Сделай мне тоже кофе. Пожалуйста. Только покрепче. А со стола уберу я.

- Ладно тебе! Еще не хватает считаться. Ну, что, полегчало?

- Начинаю заново рождаться. Ты вчера про какого-то старика рассказывал. Что-то интересное про его суждения о последнем Царе Николае… Мне это как историку…

- Честно говоря, я теперь и сам не пойму: то ли наяву этот дворник-сторож, то ли во сне был… Понятно, что наяву. Но не помню… Бред какой-то! Потому и не запомнил, наверное…

- Самое главное, что мы с тобой после возлияния вчера никуда не сорвались и ничего не натворили!

- Да-да! Держи кофе и бутерброд.

- Спасибо.

Женя встал и принялся наводить порядок в номере. Я помогал. Потом мы по очереди принимали душ. Гладили брюки, рубашки… Так и провозились часов до пяти вечера. А в половине седьмого стояли на третьем этаже новенькой восьмиэтажки перед нарядной, обитой желтым дермантином дверью.

- Представляешь?! - шептал Женя. - Какая-то проводница, а уже одна живет в собственной трехкомнатной кооперативной квартирке… Сейчас обстановочку увидишь! Ахнешь! И откуда у людей деньги?

- Подумаешь, - пожал я плечами, - может быть, родители в наследство оставили…

- Э-э-э, нет! Сам же помнить должен, что Роман говорил. С Украины она. А там, якобы, одна мать… Какое уж тут наследство. Да и мать-то такая, что в интернат еще маленькой дочку сдала… Это Маша все вспоминает, мол, «у нас, в интернате, у нас в интернате»… А тут, когда разбогатела наша Маша, мать вспомнила свои материнские чувства…

- Откуда ты все это знаешь?

- Так она сама со смехом рассказывала позавчера… Одним словом, бо-о-огатенькая невеста!

- Это ты к чему? – резко обернулся к нему я.

- К слову! – хлопнул он меня по плечу и нажал кнопку звонка. Дверь открылась мгновенно, словно, сидя за ней, только нас и ожидали. Маша в новеньких импортных джинсах, маечке, похожей, скорее, на лифчик, вся ярко намакияженная, воскликнула, тряхнув массивными, - с браслеты величиной, - золотыми серьгами и мавританской башней из волос на голове: «О-о-о! Какие люди! Проходите-проходите! К Евгению мы уже привыкли. А вот Александр был просто неуловим для наших маленьких междусобойчиков… Ну, теперь попался! Ха-ха! Не отпустим в Москву! Не разувайтесь. Пока я буду в поездке, баба Таня все уберет…»

«Ну вот и «одна мама», закинувшая дочку в интернат… А тут еще и бабушка на Урале оказалась…» - скептически подумал я. И попытался подтвердить свои мысли: «Хорошая у вас бабушка»!

- Да, нет! Это – старушка из соседней пятиэтажки! Почему не сделать милость для человека, живущего на пенсию учительницы?! Поработает – заработает! А то этих старичков заслуженный отдых иногда приводит от бездействия к инфаркту или инсульту! Ха-ха! А мне приятно сознавать, что я способна подавать милостыню. Другие-то не могут! Или не хотят. Скря-ги! А я – могу! И хочу! – вздернула подбородок Маша. - Ну, пойдемьте! Проведу экскурсию по своему скромному жилому уголку! Это туалет… Недавно достала такой унитаз! Немецкий… Наши сантехники и не видывали таких! Все смотрели и гадали: как же установить? С какой стороны подойти?! А когда догадались – восхитились! Оказывается – проще простого! И – быстро! Ребенок установить может! Женщина! Когда же у нас в стране так делать будут?! Это – ванная комната! Все здесь – тоже импортное! Но сколько же сил надо потратить, сколько побегать, сколько знакомств включить, чтобы достать все это!.. Зато теперь – на века! Веселись душа! Пой, пей, закусывай! Ха-ха! Помойте руки и можете вытереть этим китайским полотенцем… Здесь у меня – зала, там – комната для гостей. А эта дверь в мой будуарчик!.. Теперь, познакомьтесь, Александр, с моими близкими друзьями.

И она обвела рукой собравшихся в большой комнате, - в «зале». Женя уже поздоровался со всеми как с давно знакомыми. Шутил фразами, понятными только «посвященным»… А мне протянул руку пожилой, лысыватый мужчина с пухлыми, рыхлыми щеками и массивным, увесистым носом, покрытым густой паутиной выступающих почти наружу капиляров. Половину его среднего пальца занимала золотая печатка, а безымянному мешало сгибатся дутое обручальное кольцо.

- Ромуальд Евграфович, - слегка наклонил он голову.

- Рома у нас – известный человек, уважаемый даже среди высшего руководства города, - вставила Маша, - директор центрального комиссионного магазина! Вхож даже в «белый дом»! Так у нас обком КПСС называют. Рома, признайся, что лично антиквариатом обставлял комнату отдыха при кабинете Бориса Николаевича! А?

- Что ты? Что ты?! Дорогуша, – втянул голову в плечи Ромуальд Евграфович, - Борис Николаевич – скромнейший человек! Когда привел меня в свою комнату отдыха, я там увидел только железную кровать, застеленную тонким солдатским одеялом… Да и куда мне – до обкома? Я сам-то живу в двухкомнатной малометражке…

- Скромняга ты наш! А дача? А машина? На жену записанные! А? – хихикнула Маша.

- Помолчи, Мари! – резко вступила в разговор высокая худая брюнетка, сузив при этом, густо очерченные тушью, маленькие глазки… Но тут же, улыбнувшись, мягко ворконула: «Нашим гостям неинтересно слушат сплетни, распространяемые про нас с Ромашкой.»

- Познакомьтесь: моя супруга Элла Эммануиловна, - показал Ромуальд Евграфович на брюнетку, возвышавшуюся на полголовы над ним.

- Очень приятно, - сделала подобие книксена та, растянув в улыбке и без того широкий и большой рот, кроваво густо напомаженный, - вы, Александр, не обращайте внимания! Это у нас шутки такие! Как у самых близких! Понимаете? Стиль, так сказать, общения. Мы же не говорим, что я помогла Мари пробить телефон при нынешней загрузке городской связи.

И она метнула на Машу ехидный взгляд.

- Ревнивица ты моя! – припал к ладони жены Ромуальд Евграфович.

- Безгрешный ты мой! – ткнула ладонью мужу в губы та.

- А это – наш местный поэт, - перебила супругов Маша, поведя рукой в сторону еще одного гостя.

- Ну-у-у, поэт – не поэт, а ведущий журналист отдела патрийной жизни областной газеты. Политический обозреватель! – порывисто протянул мне влажную,

узкую ладонь высокий, худой с тонкими, почти женскими чертами лица, с гладко причесанными на косой пробор блестящими, черными, прямыми волосами и безцветными глазами за линзами больших очков в роговой оправе, по виду, мой ровесник. Он представился: «Игорь Сергеевич. Можно просто: Игорь. Оч-чень рад познакомиться с новыми столичными гостями. Сам я - член Союза журналистов СССР. Сейчас верстается третья книга моих стихов. А это, - как сами знаете, - прямая дорога в Союз писателей! Только в Москве поддержку бы найти… Если вы вращаетесь в кругу столичных журналистов, мою фамилию, - Болохвостов, - наверняка слышали. Вот и недавно в «Правде» два моих материала опубликовали. Первый – про наших партийцев-ветеранов, второй – про молодых коммунистов с УралМАШа. Поднимите подшивку! Борис Николаевич лично в редакцию «Правды» звонил. Поблагодарил. А меня похвалил на селекторном совещании. Ах! Совсем забыл! У меня в портфеле завалялись две вторые мои книжки стихов. Примите презент! Давайте и телефончиками обменяемся… Я скоро намереваюсь навестить столицу. Созвонимся. Встретимся в ресторанчике Дома журналистов… А?»

И он, раскрыв пузатый портфель, приваленный к ножке его стула, словно нырнул туда…

- Ты, Игорек, – вмешалась Маша, - совсем замучил гостей! Наговоришься еще за столом. Подписывай свои книжки, пока Александр с другими знакомится.

- Да-да! - поправил очки политобозреватель и, отодвинув в сторону две тарелки, стал витиеватым почерком подписывать тонкие книжицы.

- Ия, - услышал я слева и снизу тихий, какой-то надтреснутый, словно от горя, грудной женский голос. Мне протягивала руку бледная, худая, какая-то даже плоская, низенькая женщина с короткой стрижкой. Неопределенный возраст, серые, какие-то даже безцветные редкие волосы, такие же глаза, близко посаженные друг к другу, и резко опущенные уголки тонких губ, - все это только подчеркивало ее непривлекательность. Но я постарался по-доброму улыбнуться. Поцеловал руку: «Очень приятно!»

- Это – наша царевна-несмеяна! - хохотнула Маша.

- А чему особо радоваться-то? - вспыхнула на нее взглядом новая знакомица.

- Вот уж! – всплеснула руками хозяйка. - Работаешь замначальника отдела кадров Управления Свердловской железной дороги! Раз! Имеешь, - одна! – двухкомнатную государственную квартиру, не вложив в нее ни копеечки! Два! Не то, что я… Оклад, премиальные, тринадцатая зарплата, пайки, спецзаказы командного состава… Чему же печалиться?!

Ия пожала плечами. И на глаза ее вдруг навернулись слезы.

- Чему-чему?! Мужика найти не может! – резко, словно каркнув, хмыкнула Элла Эммуниловна… - Сколько раз знакомили ее! Так она еще и перебирает… Капризничает, как маленькая!

Ия чуть слезами не залилась. А Маша, замахав на меня руками, попыталась исправить положение: «Ах, Александр! Не обращайте внимания на наши перепалки. Они – своеобразная игра верных добрых друзей. С другой стороны: кто, кроме друга скажет правду в глаза? Да, и как говорится, милые бранятся – только тешатся!»

Мне оставалось удивляться, как рассуждает, казалось бы на первый взгляд, обычная проводница, воспитанница провинциального интерната… А Элла Эммануиловна перебила мои мысли: «Александр! А нет ли у вас на примете в Москве мужчинки не старше пятидесяти? С положением, конечно. Лучше, вдовца. Для нашей несмеянушки.»

- Это уж слишком, Элла! – вспыхнула еще большей бледностью Ия.

- А ну-ка, дамочки, брэк! – вмешался, до сих пор сидевший на диване, здоровяк. Вся его фигура и, особенно, лицо казались грубо вырубленными топором. Подойдя ко

мне, он разжал квадратный кулак и хрустнул в рукопожатии всеми костями моей ладони.

- Вадим, - слегка склонил он голову и добавил, - Никифорович.

- Это – наш главный страж порядка на Свердловском вокзале, продекламировала Маша, - начальник линейного отдела милиции. Потомственный чекист. Поговаривают, что его дедушка последнего Царя нашего, Николашку, расстреливал…

- К сожалению, не расстреливал. Только охранял, - как-то по-бычьи мотнул головой Вадим Никифорович. И добавил, усмехнувшись: «Если бы расстреливал, я сейчас не здесь коптился бы, а в Москве, на Лубянке служил! В крайнем случае, был бы начальником областного КГБ. Но я не жалею. Мне и моя работа нравится… Простите, я сегодня без супруги.»

- И хорошо, - с ласковой улыбкой прошептала громко Эмма Эммануловна, - а то завистью своей брызгала бы во все стороны.

Кажется, никто, кроме меня этого не слышал.

- Помолчи! – тоже тихо буркнул на нее муж.

И громко произнес: «На вверенном Вадиму Никифоровичу посту – железный порядок…»

- Дорога-то – тоже железная! Потому и порядок не может быть каким-нибудь алюминиевым! – засмеялся милиционер. А Ромуальд Евграфович, улыбнувшись, продолжил: «Потому во всем городе его уважают. Даже из областного УВД позванивают в трудных ситуациях, советуются.»

- Что права, то – правда! – опять мотнул головой Вадим Никифорович.

- Что же мы за стол не садимся?! Я бы сейчас целого поросенка съела! – из кухни в «залу» вплыла молодая, полная женщина, сама похожая на свою вожделенную мечту. В правой руке, оттопырив мизинчик, она держала большой надкусанный бутерброд с ветчиной. Увидев меня, присела в чем-то похожем на книксен, представилась: «Катя. Екатерина Семеновна. Простите, руки не подаю, - она у меня в сале. А я там пока, на кухне помогала хозяйке. Вы, гляжу, уже перезнакомились… Машенька, усаживай же нас! Я только руки вытру…»

И она снова скрылась за дверью кухни.

- Ты сперва вымой их! – крикнула ей вслед Маша, и, снисходительно улыбнувшись, добавила. - Это – наша лакомка! А между тем, - очень грамотный бухгалтер. На заводе драгметаллов работает.

- А где же Роман? – спросил я.

- О! У него сегодня – очень важное дело, - закатила глаза Маша. - У нас тут, в пригороде Свердловска, - целый цыганский поселок. Вот, он и отправился навестить кого-то из земляков.

Она взглянула на Вадима Никифоровича и тут же опустила глаза…Тот мотнул головой: «Так мы сядем сегодня за стол или нет?»

- Да-да-да, – пропела Маша, - прошу-прошу-прошу! Александр! Евгений! Вы – на места почетных гостей! Остальные сами знают, куда и как.

Я оказался по одну сторону от Маши, Женя – по другую. Какое-то нелепое недоумение окутало меня, словно паутина. Такие разные люди! А ведь дружат! Собираются вместе…

- Ия! Поухаживай за Евгением. А я – за Александром. Можно просто: за Сашей? – наклонив ко мне голову, ворконула Маша. - Вадим Никифорович, налейте всем Шампанского!

- За наших столичных гостей! – исполнив просьбу хозяйки, поднялся с бокалом водки тот.

- Ура-а-а! – ответила Екатерина Семеновна, метнув рот соленый грибочек.

- Ура-а-а! – подхватили другие.

- Между первой и второй – перерывчик небольшой! Но теперь – водочки! – сразу за первым тостом воскликнул Ромуальд Евграфович.

- Ты на масло нажимай! А то опять – тащить тебя! - зашипела на него Элла Эммануиловна. И опять мне показалось, что услышал это только я. Все же собравшиеся загомонили, наливая себе и друг другу…

- Как вам, ой, прости, тебе ветчинка? – наклонилась ко мне Маша.

- Класс! Язык проглотишь! – ответил я, опрокидывая очередную рюмку… - А что же мы без тостов пьем?

- Ха-ха… – ответил, подмигивая, Вадим Никифорович, - а мы тосты через раз говорим, а то не хватит…

- Тостов или выпивки? – смеясь, как бы поддержала его Екатерина Семеновна, обгладывавшая жареную куриную ножку…

- Конечно, тостов… А водки? Ха-ха… Ее у нас мало просто быть не может… Она же - не дороже денег!

- Я, вот, хотел посоветоваться с вами как с коллегами, - почти через весь стол прокричал Игорь. - Как мне назвать третью книгу стихов. В ней - все о Свердловске. У меня такие названия назрели: «Мстиград», «Царерасстрельск» и «Цареубийск»… Ведь реально, до переименования в Свердловск, город хотели переименовать одним из этих названий. А? Как они вам?

Мы с Женей переглянулись.

- Шикарные названия! – накалывая на вилку яйцо, фаршированное гусиной печенью, зажмурила глаза Элла Эммануиловна.

- А ты, Игоряша, напиши варианты названий на бумажках. Сверни их, брось в шапку. А потом вытяни одну!.. – хохотнул Ромуальд Евграфович. - Хотя, думаю, последнее очень пришлось бы по душе Борису Николаевичу. А? Как ты считаешь, Вадик?

- Ну-у-у… М-м-м.., - давя языком во рту холодец, промычал Вадим Никифорович, - я не силен в поэзии. В школе у меня по литературе «трояк» был. Отец же мой любил повторять стихи Маяковского, что ли… А звучали они так:

А почему не расстрелян Пушкин?!
Почему Растрелли не расстреляли…

Вот это – поэзия! К ней и стремись, Игряша! И назови своим «расстрелськом»… За московских гостей мы выпили… Давайте, поднимем тост за нашего Игорька!

И он налил себе в фужер, а Ие – в рюмку. Та запротестовала: «Мне, наверное, хватит!»

- Вот, потому-то и замуж никак не выйдешь, что мужику противишься! – настоял на своем Вадим Никифорович. Глаза Ии опять наполнились слезами. Она вся напряглась, сжалась, вдавилась в стул… Вдруг резко выпрямилась и, не дожидаясь никого, опрокинула рюмку в себя.

Несколько раз у меня возникало тошнотворное состояние… Но не к горлу поднималась горечь, а наоборот – сверху расстекалась под ложечкой и вокруг сердца… И проходила, исчезала куда-то тут же после очередной рюмки! Потом вдруг в голову ко мне влетела шальная мысль: «Боже мой! Куда я попал»! Но в тот же миг Маша, как бы случайно, прижалась к моей руке грудью, потерлась и спросила: «Правда, хорошие у меня друзья? А главное: все – полезные! Элита! Не гляди, что скромные, - любой вопрос решить могут…»

И налила мне водки… Потом Женя по просьбе собравшихся читал свои стихи о строительстве БАМа. Я что-то промямлил про его «Россию», но он так посмотрел на меня, что просьбы мои на сем и закончились. Зато я почувствовал, как Маша взяла под столом мою ладонь своею и провела ими по ноге от колена и выше… Я поймал ее взгляд и внутри меня все вспыхнуло…

- Тс-с-с-с! – прошептала она. И громко сказала: «А теперь давайте танцевать!»

- Танцуют все! – протрубил Вадим Никифорович.

Вскочив со стула, Маша включила большой импортный магнитофон и первой начала прыгать.

Кровь ударила мне в голову, и я, как почудилось самому, показал, на что способен. Мы с Машей оказались в центре круга танцующих. Те в такт музыки, притоптывали ногами и хлопали в ладоши, подмигивали мне, тыкали вверх указательными пальцами, смеялись… И, казалось, восхищались нами.

- Пригласи Ию на медленный танец, - вдруг шепнула мне Маша, - да прижми покрепче к себе! Ей, бедненькой, приятно будет.

- А ты? – удивился я.

- Мы еще успеем! - подмигнула она. Медленный танец Маша танцевала с Вадимом Никифоровичем. Что-то горячо доказывала ему. Тот по-бычьи мотал головой, но, видимо соглашался. Женя пригласил полную Екатерину… Отчество ее вылетело у меня из головы… Ромуальд Евграфович, сопя, утукнулся щекой в грудь своей супруги и, казалось, на ходу подремывал…

Ия, казалось, влипла в меня. Прижав голову к моему плечу, она вдруг спросила: «Ну, и каковы результаты вашей проверки наших культучреждений? Если не секрет, конечно…»

- Какие секреты?! – хмыкнул я. - Все очень хорошо!..

- Значит, никаких негативов в ваших отчетах для Москвы не будет? – она погладила меня бледной, липкой ладошкой по ключице…

Потом опять был быстрый танец. Потом все вернулись за стол. Потом Маша все подливала и подливала мне водки. Потом…

Рассвет я встречал уже далеко от Москвы. Рядом скакал Ивашка. И, надо признать, неплохо держался в седле! А чуть позади – десяток ратников, которых я должен был отправить в Коломну, как только встречу князя Герасима или кого-нибудь из его людей… В последний момент в Москве оказалось, что Великий Князь отменил свое решение о четырех сотнях сопровождающих меня, дабы не привлекать ничьего внимания. Только сотня князя Герасима была уже где-то далеко впереди…

Еще перед самым выездом из Москвы, проверяя снаряжение своего десятка, я познакомился с каждым ратником. И теперь с городостью думал: «Вот она, - вся Земля Русьская! – встала, наконец, для главной сечи! Все люди, - такие разные, порой противоположные, - теперь объединялись…

Позади нас с Ивашкой скакали два Ивана. Один звался Медведем… Только прозвище, видимо, дано было его деду или даже прадеду, так как самому ратнику совсем не соответствовало. Он был худ, невысок ростом, светловолос, с жидкой бороденкой и большими голубыми глазами. Такие люди тоже бывают неслабыми, - трехжильными. Говаривал он резким, высоким для мужика голосом, частил словами, как бы проглатывая их окончания. Движения его, несмотря на сорока-сорокапятилетний возраст, были порывисты, как и речи. Взгляды его, к привлекшим внимания предметам, летели, словно болты из самострела.

Второй Иван, - по прозвищу Заяц, - тоже не соответствовал ему… При каждом движении этого ратника, казалось, что мышцы вот-вот разорвут и без того сверхразмерную кольчугу. Небольшие светлые глаза его были добрыми, мягкими и улыбчивыми. Говорил он медленно, негромко и немного. Движения тоже были спокойны, нерасторопны, но точны, вески и выверены.

Следом скакал Васька Ковш. Так его звали остальные. Высокий, статный молодец. Про таких говорят: все при нем! Ох, не одной девице, должно быть, вскружил он голову. Почти женские черты его лица украшались большими, зелеными глазами. Из-под шелома непослушно выбивались на лоб золотистые кудри. Но на первый

взгляд, старшие по возрасту ратники все-таки уважали его. Должно быть, за удаль, которую, казалось, словно уздой постоянно сдерживал Василий.

Рядом с ним скакал Акиндин Мошна – приземистый, лет под сорок, коротконогий, широкий в кости, сутулый, с красным лицом, окаймленным пегими волосами и такой же бородой-лопатой, с маленькими, темно-серыми, близко посаженными друг ко другу глазками. Когда я знакомился с ним, так и не смог поймать его открытый взгляд… Это не понравилось мне. Но ратников подбирал князь Володимир Ондреевич. А мое дело – послушаться ему…

Следующих ратников я нарочно поставил в пару. Еще в Москве заметил в глазах обоих то ли тоску какую, то ли рубец от недавнего горя, потери. Если и станут в дороге говорить о своем, то кто ж поймет быстрее другого, как не переживший подобного?! Одного звали Макар Косой, другого – Мишка Крюк. Их вид тоже не соответствовал прозвищам, доставшимся, очевидно от прадедов. И ратниками они тоже были неплохими.

Предпоследней парой скакали братья Борис и Глеб. Эх, прозвище-то какое-то мудреное у них: подзабыл… Эти были ничем не примечательными русьскими парнями лет по двадцать. Таких можно увидеть и на торгу, и в кузнях, и на пахоте, и в храме Божием. Спокойные, уверенные, но нередко накладывающие на себя и предстоящую дорогу крестное знамение. И хотя были они молоды, но в сечах порубиться успели. «Ратники – от Бога!» - говорят про таких. Как-то поневоле вспомнились другие братья, знаемые мною по сече не реке Пьяне. Бояре! Ратники! Ондрей Ослябя и Александр Персвет… Где-то они сейчас? Живы ли? Помоги им Господи!

Замыкали наш десяток Гришка Вторак и Петруха Ворон. Правда, ехали они порознь. Первый – в десяти шагах сзади остальных. Второй – еще шагах в двадцати. Причем, последний, как я понял, не очень-то и нуждался в напарнике. Держался особняком, на вопросы отвечал односложно. Помолчит, так, мгновенье-другое, посмотрит как бы сверху вниз, сверкнет темным взглядом из-под черных густых, под стать короткой бородке, бровей, дернется длинным тонким носом и только тогда скажет слово… Ну, ворон – и ворон!

Гришка – наоборот: веселчак и балагур! Один недостаток, сразу замеченный мною: любит гнилые словечки. Но его сразу предупредил: «Дело наше – Великокняжеское! Без Божией помощи не обойтись. А за словечки твои ругательные Божией помощи нам не будет. Так что, прикуси язык на время похода! А лучше, - для тебя же! – на всю оставшуюся жизнь.»

- А я чо? Я – ничо! Эт-то я так, шуткую… - вскинулся, было, он, но, поймав мой взгляд, опустил голову. Почему я поставил их позади и отдельно? Да потому, чтобы не искушали ни меня, ни остальных ратников, ни друг друга. К полудню мы отмахали почти полсотни верст. И надо же, безо всяких искушений! Только Ивашка выглядел хмурым. Не выспался что ли? И все шевелил губами.

- Ты это что, – спросил я, - молишься, что ли?

- Молюсь, княже, - кивнул он, - потому как туга у меня какая-то на душе… Ждет нас недоброе что-то…

- Молиться – молись! А каркать – не каркай! – мотнул я головой и пришпорил коня. И скоро за поворотом увидел большое село с церковью и постоялым двором. Здесь нас должны были ждать сменные кони. Но первым делом я решил заехать в храм Божий. Подъехав к нему, спешился. Оглянулся на ратников. Ивашка, Борис и Глеб сразу последовали за мной. Иван Заяц спрыгнул с седла следующим. С медлинкой, несвойственной ему, сделал это же Иван Медведь. Помедлив, покинули седла Макар и Мишка. А вот Гришка, хмыкнув, вдруг спросил: «И на какого… Ой! Зачем это? Мы что, на богомолье собрались? Сам же, княже говорил, что дело –

неотложное, Ве-ли-ко-княжес-кое! Пять десятков верст гнали без отдыха, словно на пожар… А теперь? Ноги оттаптывать по церквям будем?»

Ох! Как мне захотелось сдернуть его с седла! Дать в ухо! И оставить здесь же, в селе… Но я сказал: - Вот ты и присмотришь за конями, пока остальные молебен отстоят… Коли не желаешь помолиться о сохранении в пути…

Подскакавший Ворон первел взгляд с Гришки на меня и спросил, дернув носом: «Ну, а я-то, князь, могу войти в храм? А?»

- Коли желаешь, пойдем, - ответил я, попытавшись похолоднее сказать это. А сам подумал: «Что ж это такое? Никогда так не вели себя ратники! Тем паче, десяток! Тем паче, в таком важном деле! Что-то я не то и не так делаю».

Служка, подметавший пол в церкви, тут же сбегал в Алтарь. К нам вышел старенький поп в такой же по сроку службы латанной-перелатанной ряске.

- Что за нужда, служивые? – спросил он, преподав благословение.

- Дело важное… Молебен бы, батюшка… Напутственный! - ответил я, почему-то запинаясь на каждом слове.

- Это можно… С Божией помощью, - и он кивнул служке, - Божией Матери. Путеводительнице.

Тот раздул кадило. И молебен воскурился к небу. А передо мной сквозь слова молитв проступали лица княгинюшки, деток, Димитрия Иоанновича, князей Ондрея и Герасима, Афанасия, других домочадцев… Но они не мешали молитве. Наоборот, они как бы становились олицетворением ее. Я молился за них всех, зная, что и они молятся за меня. На мгновение я отвлекся и взглянул на ратников. Они молились тоже… Каждый по-своему. Только Мишка вдруг закрыл ладонями лицо, вскочил с колен и выбежал их храма. На ходу он вытирал слезы…

«Горе у человека! – подумалось мне, - Помоги ему Господи»! И я снова погрузился в молебен. Наконец, старичок-поп повернулся к нам: «Велика беда, братие, на Земле нашей Русьской! Но тем паче, великое дело предстоит всем: мужам, женам, отрокам… Сеча! Грядет она. Скоро грядет! Но не только вы, ратники станете рубиться с погаными. Женам вашим, матерям, сестрам, малым детям и нам, грешным служителям Божиим, тоже сеча предстоит… Тяжкая молитвенная сеча! Не камни, а горы греховные свои, ратников, - ближних! – двигать придется! Демоны же держать их будут крепко. Еще покрепче, чем нынешние их набеги на души православных христиан. Набеги? А как они набегают? Как разбойничают? Нечисть всякая пытается заставить нас ныне совершить те грехи, на которые мы более всего падки… И свести их ко грехам смертным, или даже ко грехам, вопиющим на небо об отмщении… Упаси вас Бог, братие, от них! Кого-то - на блуд будут соблазнаять демоны, кого-то – на чревоугодие, кого-то на сребролюбие, лихоимство, зависть, уныние… Ведь у каждого – свой, особо тяжкий грех, отличный, порой, от других. И не явно выставляется он при братии. Таится! Но Бог-то все видит. От него не утаишься! Посему, давайте же, братие, вспомянем, на что мы, - каждый из нас! – падки… И прежде, чем ополчаться на ворога внешнего, - на поганых! - ополчимся на свои грехи! Покаемся! И не будем осуждать других за их, свойственные только им, грехи. Тогда, глядишь, и Господь не осудит. Помилует Землю нашу Русьскую, нас, грешных, сродников наших. Аминь.»

Старичок-поп опустил голову на грудь. Мы же все тоже стояли неподвижно, прикрыв глаза, примеряя слова краткой проповеди сельского батюшки к нашей собственной жизни… Я встрепенулся первым. Подошел к попу и попытался отсыпать ему серебра.

- Не беру! – воспротивился он… - А коли желаешь пожертвовать на храм Божий, клади в кружку перед иконой Божией Матери Одигитрия… Путеводительница по-нашему…

Так я и сделал. И поклонившись, попросил: «Помолись, отче, о рабах Божиих путешествующих…»

Я перечислил имена своих попутчиков и соратников. Мы вышли из церкви и тут же услышали, как Гришка хмыкнул: «Намолились, наконец-то! Пожрать бы побыстрее. Пузо свело.»

Захотелось мне ответить ему, но я смолчал, вспомнив проповедь после молебна. Хозяин постоялого двора, - немолодой и не старый, но толстый с замаслившимися лицом и лысиной, - засуетился перед нами: «Ой, родимые, ой, кормильцы! Пожалуйте! Накормлю, напою, почивать уложу! Я-то сам – не хозяин. Племянник евойный. Хозяин захворал… Но я дело свое туго знаю! Уважу! Уважу таких добрых гостей. За милую душу!»

- Спать нам не надобно. Где сменные кони? Вели переседлать. А мы пока потрапезничаем на скорую руку. Да и – в путь! - спрыгнул я с коня.

- Сменные кони? Какие? – всикнул брови племянник хозяина. - Так в самый полдень приехали плотора десятка ратных людей с Великокняжьим делом. Я им и отдал коней, как велено было.

- Что-о-о?! – я не верил своим ушам,… - Какие ратные люди? Откуда?

- Известно какие. Известно откуда. Из самой Москвы. От Великого Князя!

Я поднял плетку… Но опять вспомнил слова проповеди… Повелел: «Накорми, напои наших коней. Пойдем на этих.»

- Да разве ж можно?! Загоните! – вдруг как-то неприятно хохотнул мой собеседник.

- Домолились! – донесся до моего слуха смешок Гришки. Я зыркнул на него… Но тут же смутился… Неужели он прав?! Ведь отслужили в Москве молебен перед отъездом… Что ж так Господь опоздание попустил?!

- Пойдем, потрапезничаем! – махнул я рукой ратникам.

- И то – дело! И то – дело, – затараторил племянник хозяина, - ведь у меня – и похлебочка, и говядинка с грибочками свеженькие! Прямо из печи! И медок!.. А для таких гостей и по чаре ромейского найдется!

Я приостановился. Сжал его за плечо. И громко, чтобы слышали все мои ратники, произнес: «Никаких медов! Никакого ромейского!»

- Во, здорово! – вскинулся Гришка. - А стременная?! Даже во время поста не возбраняется на походе!

Я сделал вид, что не слышал его, а племянника хозяина тряхнул за плечо: «Ты уразумел, что я повелел? Запьем молоком.»

Заходя в просторную истбу, я обернулся на своих. И вдруг краем глаза заметил, что у ворот постоялого двора столпились мужики, бабы, дети… «Должно быть местные…» - отмахнулся от настораживающей мысли. А когда мы, помолившись, сели за стол, Ивашка вдруг наклонился ко мне и прошептал: «Дозволь, княже, я пойду, присмотрю, как наших коней обихаживают… Перекусить и в дороге, на ходу смогу».

Я вопросительно вскинул брови.

- Не нравится мне этот племянник хозяина постоялого двора, прости, Господи! Дозволь? А? – упрашивал он.

- Ну…Ну, что ж… Ступай. - неуверенно кивнул я. А в это время молодая, светловолосая, но какая-то тусклая и вялая девка принесла нам большой чугунок с похлебкой и перед каждым поставила миски. Васька Ковш глянул на нее снизу вверх и обеими руками прихватил за зад. Та крутанула бедрами, сбрасывая, - опять же как-то вяло, - ладони ратника…

- Эх! Было бы время, посбрасывала бы ты у меня! Только в другую сторону! А задом лихо крутишь! – засмеялся Васька. Но опустил глаза под взглядом остальных ратников. Гришка же сразу зачерпнул ложкой из чуганка похлебки с большим куском мяса.

- Дать бы тебе подзатыльник! – вскинулся Заяц. - Или во младенчестве ложкой по лбу никогда не получал? И не уразумел, что первым хлебает или накладывает в миску старший?! Среди нас – князь!

Гришка опустил ложку на ломоть пшеничного хлеба. Виновато ответил: «Пузо свело! Жрать охота – терпежа нету!»

- Вкушайте, - сказал я, отведав похлебки. Все хлебали степенно и чинно. Только Гришка чуть ли не залпом выпив похлебку, заглотил мясо. И опять налил себе… Мгновенно высыпал в рот гречку, тушеную с говядиной и грибами.

- Эх, еще бы пару таких мисочек! – откинулся он от стола. Влил в себя кринку молока. Обернулся: «Эй, хозяин! Где у тебя отхожее место?»

И, поднимаясь из-за стола, сделал какой-то знак. Я не обратил на него внимания, потому что смотрел на Медведя, который заворачивал остатки мяса и хлеба в тряпицу. Ее он спрятал в торбу на поясе. Поймав мой взгляд, Медведь довольно объяснил: «В дорожке пригодится! Запас мешка не дерет! Не на свои же гроши…»

И в это время в истбу ввалились мужики, бабы… А впереди них - мой Ивашка и какой-то старый князь.

- Где эти супостаты? Тати пришлые? – крикнул он.

- Какие? - вскочил я с лавки.

- Нас встретил не племянник хозяина постоялого двора! – попытался пояснить Ивашка.

- Они здесь сами три дня столовались! – крикнул кто-то из ворвавшихся мужиков.

- Да кто же? – мотнул я головой, ничего не разумея.

- Да тот, кто назвал себя племянником! – опять вставил Ивашка.

- Я – князь Ляксандр. Еду с Великокняжеским делом. Это – мои люди! – поклонился я старому князю.

- Князь Ляксий, хозяин вотчинки сей. - устало опустился тот на лавку, но тут же крикнул мужикам. - Обыщите все тут и на дворе! Не могли они далеко уйти!

И, повернувшись ко мне, продолжал: «Прибегают мои мужики. Сказывают, мол, гостей принимает на постоялом дворе не хозяин, а один из вчерашних постояльцев. Где ж тогда, думаю, Микитка, дочка его, мать-старуха? Тут смекаю, что недоброе творится. И – сюда!»

- Да-да, - вышел вперед молодой здоровый мужик, - моя истба - неподалеку. Ну, и видел я, как давича, дня три назад, на двух телегах приехали человек девять… Главный у них – старик… Страшный такой, словно из преисподней… Была еще, похоже, дочка евойная… Остальные, - три мужика и четыре молодухи, вроде как, на услужении у них… Вот один из трех, стало быть, и выдавал себя за племянника хозяина нашего постоялого двора…

- Вот он! Вот он! Связанного и зарезанного нашли на сеновале! – раздались голоса и в горницу внесли кого-то…

- Микитка! – бросился к нему старый князь. Но тут же отступил на шаг назад… Люди расступились, и я увидел мужика с… перерезанным горлом.

- А где же Василисса?

- А тетка Агриппина?

- А сами душегубы? – неслось из толпы…

- Они вас ждали! – то ли спросил, то ли утвердил старый князь Ляксий, глядя исподлобья.

- Видимо нас… - крутанул я головой… - Но откуда эти… узнали, что мы идем?

- Не иначе, как ворожбой! Потому и не потравили зельем каким-нито» – послышался знакомый голос из толпы. И раздвинув людей, из толпы вышел старик-

поп. Увидев убиенного хозяина постоялого двора, перекрестился. Прошептал: «Помяни, Господи, и упокой душу убиенного раба Твоего…»

Поднял голову. Обвел собравшихся скорбным взглядом. Повернулся ко князю Ляксию и сказал: «Повели найти несчастных раб Божиих Василиссу и Агриппину… Чую: их тоже живота лишили. Несите потом убиенных в церковь. Отпеть надобно…»

- Повели, князь, догнать душегубов! – раздалось из толпы.

- Не вели, князь, без толку сие… - тихо молвил поп. И опять обвел всех собравшихся взглядом. Пояснил: - Не простые то люди были! Злые духом. Ворожбой заманят погоню и живота лишат. Вот она, братие, - сеча! Не грядет! Уже идет! Убийц не догнать. В хорьков оборотятся, в куниц, мышей, лис, волков… Бог им – Судия. Молитесь, братия и сестры! Кайтесь в грехах, словно перед смертью. Сеча великая идет на Небесах и здесь, на грешной земле… Скоро всем мужикам на сечу идти! Вот и заманивает враг рода человеческого каждого из нас, дабы проредить полки и дружины русьские, а девок, молодух, да баб, чтобы некому было рожать ратников…

- Что стоите?! – крикнул князь Ляксий столпившимся в истбе. - Сопли жуете?! Ищите Василиссу и тетку Агриппину!

Все опять кинулись по постоялому двору… И скоро принесли старуху и молодуху. У каждой тоже было перерезано горло… А у молодухи в самых рудоносных местах на руках, шее, ногах четко виделись синеватые следы тонких проколов.

- В жертву принесли! Изуверы! – перекрестившись, покачал головой батюшка… Тут принесли и Гришку… Его губы, борода, усы, шея и верх кольчуги были залиты красным в зеленых прожилках зельем…

- Этот – ромейским отравлен… - склонившись над ним, повернул ко мне голову поп.

- Я виноват, княже… - тронув меня за рукав, шепнул Иван Заяц. И пояснил: «Я ведь видел, как Гришка, поднявшись из-за стола, щелкнул себя двумя пальцами по горлу, показывая оборотню, мол, выпить надобно… А сам, якобы, пошел по нужде…»

- И что ж, отче? Ратника моего теперь из-за вина и отпеть нельзя? – спросил я попа.

- Отчего ж нельзя? Убиенный! Отравленный не вином, а зельем, в вино подмешанным… Не упился же он! А там – Господь рассудит. На все – Его святая воля. Отпоем и похороним… Григорием, наречен, говоришь?

- Ивашка! Выводи коней! - крикнул я. Но скоро тот влетел в истбу и бухнулся передо мной на колени.

- Княже,– чуть не плакал он, - кони… пали!

- Этих отравили… А сменных – рассуждал поп, - угнали… Ох, как не хочется нечисти, чтобы вы дело Великокняжье сотворили!

- Я дам тебе коней. - тихо промолвил князь Ляксий. - До смены с тобой мой мужик пойдет. А коней потом пригонит обратно.

И через час мы скакали по дороги от села, где лишились одного ратника. Одна думка вертелась в голове: я виноват в смерти Григория… Заставь я его зайти в храм Божий, да проповедь послушать, глядишь и не притронулся бы к отравленному ромейскому, не чревоугодничал бы… Ох! Прости меня, Господи! А думка раскручивалась дальше: «Останавливаться и столоваться на постоялых дворах больше не будем. Лучше у местных мужиков мясо да зелень, да хлеб покупать. Воду пить и в запас брать только из родников. Ночевать – в лесу… А на намеченных постоялых дворах – менять мигом коней и уходить»… Это я и озвучил.

К вечеру мы прошли еще десятка три верст. Села и деревни обходили стороной. Я гнал ратников и коней. Полагал, что, ежели среди отравителей есть бабы, не смогут они за нами поспеть. К тому же, коли идут по дороге, мы бы уже нагнали их… А ежели хоронятся лесами, мы их обогнали… По моим расчетам до ближайшего села оставалось версты три. И я решил, что лучше остановиться здесь, на берегу речушки,

видневшейся за придорожными березами. Переночевать. А утром с рассветом нагрянуть в село и быстро сменить коней. Можно и не менять… Эти за ночь отдохнут… Жестом я повелел ратникам свернуть с дороги и вскоре заметил неплохую полянку. К тому же, за придорожными березами начинался ельник, сбегающий к самой воде. Так что, с дороги наш костерок не будет заметен…

Одни ратники готовили ночлег: рубили лапник. Другие носили хворост, - его надо было много на всю ночь. Двое вместе с Ивашкой отправились к реке напоить и обиходить коней. Когда все собрались вокруг костра, я повелел: - Отсюда – никто, никуда, ни на шаг. Даже по нужде ночью ходить только вдвоем. Завтра с рассветом двинем дальше. И еще: ежели кто в походе сделает хоть глоток хмельного, повешу. Перед рассветом Заяц, Ивашка, и Васька Ковш пойдут в село. Купят хлеба, молока, пять куриц или барашка… Живых, конечно. Сами потом забьем. А посыльные догонят нас. Нигде не мешкать!

- А что? Коней менять не будем? – пробасил Иван Заяц.

- Эти за ночь отдохнут… Думаю, идти надо как можно скрытнее.

Ратники, как я почуял, недовольно молчали. «Вот-вот, - подумалось вдруг, - Сельский поп-таричок словно в воду глядел: духовная сеча идет сейчас внутри каждого из нас»! А вслух продолжил: - Сторжу будем нести по двое. В первую чреду идут Заяц и Ковш. Их меняют Акиндин и Медведь. Затем – Борис и Глеб. За ними – Макар и Миша. А мы с Ивашкой – последними встанем, в самый сон.

- А я?! – вскинулся Петруха Ворон.

- А ты… Ты мне надобен хорошо отдохнувшим. Тебе особое завтра поручение будет… - повернул я голову в его сторону и подумал: «Пусть погордится. Меньше опасений ночью за него будет».

- Ивашка, - позвал я, - пойдем-ка, оглядим окрестности.

Уходя, крикнул ратникам: «Старшим остается Заяц.»

Мы пошли берегом по течению речушки, которая уходила от дороги. Но не успели пройти и трехсот шагов, как я почувствовал запах дымка. И шел он не от нашего костра: ветерок поддувал в лицо… Я приостановился. Переглянулся с Ивашкой. Тот тоже принюхался. Насторожился. Дальше мы двинулись, словно в разведке. И опять шагов через пятьсот увидели нескольких человек, сидевших вокруг небольшого костра. Невдалеке от них паслись стреноженные кони. Прячась за густыми елями, мы подошли поближе. Я пригляделся. Лиц особо не разобрал: сумерки. Но заметил среди них пятерых баб.

- Беженцы, должно быть, - вздохнул тихонько Ивашка, - или бродяги. Но уж никак не разбойники: бабы и старик дряхлый с ними…

- Вижу… - кивая, также шепотом ответил я. Люди жарили какую-то небольшую тушку на вертеле… Должно быть, барашка… «Поостеречься бы!» - мелькнула у меня мысль. Но другая успокаивала: - «Кого? Баб? Старика? Не блажи»! Знаком я показал Ивашке, что пора возвращаться. Мы вышли на дорогу, чтобы взглянуть: виден ли наш костер с нее. Ночь совсем вошла в свои права. Но ельничек плотно закрывал огонь костра. Кружным путем мы вернулись к своим. А ратники, увидев нас, сняли с огня два котелка, в которых маняще парил куриный кулеш: благо, старый князь Ляксий снабдил нас снедью на вечер.

- Не густо! – хмыкнул Васька, заглянув в один из них, и подъел Зайца. - Тебе, Ваня, поди, эти котелки – на зубок! А?

- Что Бог послал, и того – довольно, - спокойно отозвался тот, не глядя на Ваську. Скоро котелки опустели. Запив ключевой водой, все осоловели: усталость давала себя знать.

- Ивашка! – позвал Васька, - ты в последнюю чреду сторожить будешь, - тебе и котелки мыть.

- Нет, - мотнул я головой, - Мыть пойдет Ворон. А с ним, для сторожи, – Макар.

- Это и есть ос-с-собое поручение?! – буркнул Петруха. - Что ж я, баба?! Посуду мыть?

- Так и сидел бы у бабьего подола в Москве! А здесь мы все – на походе! И все дела – мужицкие, ради братии! – вдруг заметил Ивашка.

- Заткнись, щенок! – вспыхнул Ворон.

- Эт-то что такое?! Вы что – на гулянке под Кремлевской стеной? Меж собой собачитесь?! Одно дело делаем. И вообще: разговоры вести тихо, потому как не одни мы на берегу. По-хорошему бы – сняться отсюда, да уйти, обойдя село. Пожалел я вас… А видно, - зря! – тихо, но строго увещевал я.

Когда Петруха с Макаром ушли, Васька спросил: «А кто в соседях-то у нас?»

- Да люди какие-то. Мужики с бабами… - махнул я рукой, шагах в семистах отсюда. Тоже на берегу привал сделали.

- Бабы? – хмыкнул Васька. - Молодые?!

И тут я понял, что зря сказал. Поэтому погрозил пальцем: «Ты смотри у меня! От костра – ни на шаг!»

- А я что? Я – ничего! А про баб… Так это я… К слову. Мне и на Москве их хватает… - безразлично пожал плечами Васька. И отвел глаза: «Вздремну самую малость, пока мужики с реки вернутся… И – в сторожу… Вань, толкни в бок, как придут да спать улягутся.»

Он закутался в плащ и повалился на лапник. Заяц что-то пробурчал. И, сидя у костра стал ворошить длинной веткой угли. А меня как-то сразу сморила дрема… И тут началось!

Я почувствовал себя скованным по рукам и ногам. Железные цепи, обвившие меня, словно змеи, позволяли пошевелить разве только пальцами. Спина холодела от большого валуна, к которому я был прикован. Передо мной шагах в десяти горел большой костер. Вокруг него прыгали и кривлялись несколько, - нет, даже не людей, а тварей, похожих на них. Возглавлял эту дикую, бесовскую пляску безобразный старик в грязной длинной рубахе. Всколокоченные волосы вокруг головы, косицы, свисающие на грудь от висков, извивались серыми змеями. Огромный, крючковатый нос, на кончике которого блестела невысыхающая капля, свисал до выступающего далеко вперед подбородка. В левой руке у него дергался корявый посох. Оный то замирал, то, словно оживая, извивался… Боже! Да это же – черная змея! Зато правая рука, независимо от всех его мерзких движений, оставалась неподвижной. В ней покоился большой прозрачный шар…

Вокруг старика крутилась статная, высокая, смуглая женка лет двадцати пяти. Из темных ее глаз летели искры. А сама она, - распущенные волосы, брови, руки, ноги, наконец, все тело, - повторяли змеиные движения стариковского посоха.

Следующим по кругу отплясывал лысый, весь лоснящийся от жира, толстяк в заляпанных, рваных портах и рубахе. В одной руке он держал обглоданный окорок, в другой – большую чару, к которой то и дело припадал пухлыми, синими губами. С них на рубаху, становясь новыми пятнами, капала кровавая влага, а с окорока – жир… Толстяк ближе всех поскакивал к костру, над которым что-то пеклось на вертеле. Баран? Теленок? Боже!.. Да это же – Гришка! И хотя огонь охватывал все тело моего погибшего ратника, тот оставался жив. Он мучился! Он дергался, выпучивая глаза! Кричал, брызгая изо рта кровью. Рвался с вертела… А толстяк тыкал в него обглоданной костью окорока и громко, гулко, словно склонившись над большим чугунком, чавкал, рыгал… Я попробовал рвануться на помощь Гришке, но цепи впились в мое тело.

…Вокруг толстяка извивалась красивая молодуха. Единственным ее нарядом была прозрачная рубаха. Она покачивала в стороны непомерно большой грудью. А точенность, миловидность, нет, даже красивость лица почему-то отталкивали…

Я еще не успел разглядеть остальных «плясунов», как старик мгновенно застыл. Ему последовали и все его подельники. Старик вытянулся вверх, словно вырос раза в два. Он протянул правую руку перед собой так, что прозрачный шар оказался над самым костром. Шар рос, словно живой. Поверхность его вздрагивала, переливаясь всеми цветами радуги. Наконец, внутри шара, словно при свете дня, я увидел весь наш привал: стреноженных коней, тлеющий костерок, фигуры спящих, в том числе и меня самого, и стоящих в стороже ратников. Из них ближним ко мне был Васька. Он покусывал травинку и, поглядывая в мою сторону, чему-то хитро улыбался. И вдруг… поддел ногой котелок с водой для взвара… Вот, к нему подошел Иван Заяц.

- Пора бы смену будить! - будто над самым моим ухом, сказал он.

- И то – дело! – весело потягиваясь, отозвался Васька. - Я разбужу. А ты сходил бы за водичкой. Глянь, мужики всю из котелка для взвара выпили. На утро ничего не оставили… А я видал, что и запас в мехах закончился…

- Схожу, - добродушно пожал плечами Заяц.

…- И-и-и-эх! – заорали мои пленители, и каждый крутанулся вокруг себя.

- Иди! – повелел старик большегрудой молодухе. Та припала к его ногам. Прикоснулась губами к грязному подолу его рубахи. И растяла в темноте.

- А мы теперь этим займемся! – прогрохотал старик, указывая посохом на меня. Шар в его руке уменьшился и исчез в складках рубахи. А старик и остальные стали медленно, что-то бормоча, приближаться ко мне…

- Ну, что?! – хмыкнул, наконец, старик, почти клюнув меня своим смрадным носом, - Хочешь поглядеть, как я с вами управляюсь? Слу-жи-те-ли… Ха-ха!

Он снова достал свой шар и поднес его к моим глазам. Там я увидел, - опять словно при свете дня, - как большегрудая молодуха предстала перед… Васькой, виляя задом и грудью. Тот поначалу остолбенел. Потом облизнул губы. Огляделся. Сверкнул глазами. И сделал жест: мол, погоди… Плутовка спряталась за елями. А к Ваське подошел Иван Заяц. Протянул ему полный котелок…

- Ваня! Ты буди смену и ложись. А я пока в елки схожу… По нужде. Видно, кулеш слишком жирным для меня был… - прижимая ладонь к животу, сделал страдальческое лицо Васька. И двинулся туда, куда ушла молодуха…

- Ну, вот и еще один! – захохотал старик… - А теперь мы и пастуха у этих скотов двуногих отнимем… Впрочем, и пастух-то – тоже скот двуногий! Ха-ха-ха! И разбегутся барашки, кто – куда… Ну, что, пастушок? Тысячу лет назад я одного такого, как ты, с его женкой… Ага! Твоего прямого предка! Только гляжу: неймется вашему роду… Не всем, конечно… Дядюшка твой мне служит! Да и как служит! И живет в неге и довольстве. Ест, пьет сладко, душу веселит… Вот и с тобой – разговор сейчас будет. Только – короткий! Я тебе – жизнь, а ты мне – крест с груди своей. На что он тебе? Не спасет он тебя! Ни за что не спасет! Грехов-то на тебе – немерено! Да и тех, кто по твоей вине, - прямой ли, косвенной ли, - на тот свет отправился – тоже немало. Убивец ты! Да еще и ратников своих перевешать обещался. А слово сказал – полдела сделал. А? Ха-ха! Вот тебе и одних *не убий* сколько! Двоеженец… А тот, кто живет с бывшей уже замужем – прелюбодей… Продолжить? Или сам отдашь крест? А заодно, скажи-ка мне, куда это ты, голубь сизокрылый, летишь? Да с каким митькиным наказом? Ох, и ненавижу же его! Я, конечно, все одно, узнаю… Но коли хочешь жить, скажи сам.

- По мере поступления вопросов, отвечу, - усмехнулся я, хотя и стало не до смеха, - мой крест снимешь только с головой. А после этого я на второй твой вопрос плюну кровью в твою вражиную харю!

- Ишь, хорохорится еще! – выступил из-за спины старика статный молодец моих лет в дорогом княжеском облачении.

И обратился ко мне, высоко вздернув подбородок: «Мой ты, го-о-ол-л-л-лубчик! Мо-о-ой! Понял? Ты до сих пор гордишься своим княжеским происхождением! К мужикам относишься, словно к скотам неразумным. По-доброму? Не-е-ет! Жалеешь ли их? О-о-о! Да! Только как? И для чего? А для того, чтобы пользы от них для себя не по-те-рять! Мо-о-ой ты! Гордец! Снимай крест! Недостоин ты его!»

Я бросил голову свою на грудь. А ведь нелюдь был прав!

- Господи, прости! – зашептал. - Дай выбраться из этой переделки! Исправлюсь! Господи! Помилуй!..

А старик уже протягивал к моей груди посох-змею..

- Я сам сниму! – прошипел то ли он, то ли раздвоенный язык в ядовитой пасти на конце посоха. Но вдруг сзади всей этой своры вздыбился конь, на котором сидел Ивашка. В одной руке он держал меч, а в другой – крест…

- Ивашка! Ивашечка! – закричал я.

…- Княже! Княже, что с тобой? Я - здесь. Пробудись! Наша чреда в сторожу вставать, - тряс меня за плечо мой уже возмужавший отрок. Я вскинулся. Сел. Помотал головой. Огляделся. Горел наш костерок. Ратники спали. За спиной Ивашки стоял Борис и по-доброму улыбался.

- Дай водицы испить! - помотал я еще раз головой и подумал: «Вот уж привидится… Господи, помилуй»!

Залпом выпил ковш студеной воды. А она стекала по бороде, шее, через ворот кольчуги на грудь… «Где же я видел этого старика?» - возвратила меня к сновидению мысль. «В амбаре, где княжну Анастасию убить хотели. Он тогда в хорька оборотился», - подсказала другая. Недоброе предчувствие кольнуло сердце.

- Все ли на месте? – спросил я Бориса.

- Да вроде как… - пожал тот плечами. Ивашка в несколько прыжков одолел весь привал, заглядывая под плащи. И вдруг ахнул: - Васьки нет! Вместо него – седло, сбруя, щит, оружие… Под плащом. Господи, помилуй!

- Подъем! – крикнул я, - Тревога!

Ратники подскочили…

- Кто последним видел Ваську? – обвел я взглядом их.

- По нужде после чреды в ельник пошел, - округлил глаза и пожал плечами Заяц, - сказывал, что живот свело от жирного кулеша.

- Седлать коней! Зажечь факелы! – повелел я, первым хватаясь за седло. И когда все уже сидели верхом, крикнул: «Цепью! Расстояние – десять шагов. За мной!»

Только миновали ельник, слева от меня раздался приглушенный вскрик. Я направил коня на него. На земле лежал выбитый из седла Борис. Из его груди торчала большая стрела, скорее похожая на копье… Из уголков губ струилась кровь.

- Капкан! Самострел! Господи, – уткнулся ему лицом в живот Глеб, - что ж я матушке-то скажу?!

- Осторожно! При движении светите ниже! – опять крикнул я. - Ивашка! Идем к кострищу вчерашних «соседей».

Но впереди была темнота… Ратники обнаружили и разрядили еще три самострела… Скоро и Ивашка нашел кострище. Не своим голосом он позвал: «Кня-а-аже! Господи, помилуй! С нами Крестная сила.»

Все подскакали к нему. И тут я почувствовал, как волосы шевелятся у меня под шеломом. На вертеле белел обглоданный скелет… ребенка. Младенца!.. А рядом с кострищем лежал голый Васька. Правда, узнать его можно было с трудом: вместо глаз - кровавые дыры. Нос, уши, губы и все, что можно было отрезать, синело рядом с телом…

- Глянь-ка, княже, – вскинул голову склонившийся над умученным Макар, - вокруг сердца двенадцать ударов кинжалом, а тринадцатый – прямо в него. В сердце! И креста нет на груди! Сняли, изверги!

Я отвел взгляд в сторону и вниз. А что было сказать, когда кричать хотелось от безсилия.

- Кресты связать из веточек… Надеть… Похоронить невинно убиенного и умученых рабов Божиих Глеба, Василия и младенца, имя его Господу ведомо! – задыхаясь прохрипел я, - Только побыстрее. И – в путь.

…Я скакал впереди всех А мысли бурлили, словно подводные ключи в Праздник Крещения Господня: «Нас явно ловят… Что на постоялом дворе, что здесь в, безлюдном лесу… Соглядатаев мы бы заметили… Откуда тогда они знают про нас все: как идем, где должны остановиться?! Но почему же не убили всех разом? Ведь могли отравить… Неужто опять колдовство?.. *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его*»!

Перед моими глазами промелькнул весь сон. Я пытался уцепиться за ниточку, явно подсказанную мне. Шептал на скоку: «Господи! Услыши меня! Господи, помоги, вразуми… Не ради меня, грешного, ради дела Великокняжеского – Отеческого! Ради ратников, врученных Тобой мне в послушание. Ради деток, женок, матерей, отцов, братьев и сестер ихних! Эх! К дядюшке бы сейчас, к архимандриту… Он бы подсказал! А другой дядька, видать, если верить сну, в орде поклоняется демонам…»»

На дороге показался встречный обоз…

Гудело не только в голове. Казалось, все тело, воздух вокруг, стены издают этот болезненный звук, медленно разрывающий меня на мелкие кусочки… Я мотнул головой. Попытался открыть глаза. Но и этого было больно.

- Наш самолет совершает посадку в аэропорту Домодедово… - услышал я мягкий, воркующий женский голос. - Пристегните ремни, приведите спинки кресел в вертикальное положение и, пожалуйста, не курите…

Но и голос этот, смешавшись с внутренним, - во мне, - и внешним гулом, был болезненно противен. Кто же это говорит? Маша? Я попробовал пошевелить языком, но опять болезненно почувствовал, что и он, и весь мой рот скованы… Боль ощущалась и здесь, и под кожей, костями, словно все мои внутренности были усыпаны мелко разбитым стеклом. Хотелось пить… Но как это сделать, когда такая боль?!

- Саш, просыпайся! Мы – почти в Москве! - услышал я голос Жени. - Глотни пивка, полегчает.

Я, пересиливая боль, открыл глаза. Вот интересно: са-мо-лет. А рядом – Женя. Он протягивает мне бутылку, и я припадаю к ней, словно после многодневного пребывания в какой-нибудь Сахаре. И вижу все это и даже себя, как бы со стороны.

- Ну, что? – улыбнулся он. - Во рту -…

- Словно эскадрон ночевал, - с трудом выговорил я, но после пива почувствовал облегчение…

- Где это мы?

- Садимся в Москве. - продолжал улыбаться он.

- Так, - попытался сосредоточиться я, - а где остальные? Маша? Ее гости?

- Они остались в Свердловске.

Я попытался все это совместить в голове. Но ничего не получилось. Селал еще один большой глоток.

- Что произошло? – спросил я Женю.

- Не произошло, а превзошло, - жалостно усмехнулся он, - ты превзошел самого себя!

- Как это?

- Давай, допей! В Москве еще пять утра. Сейчас в аэропортовском буфете очухаемся немного. И я, если желаешь, расскажу о твоих «подвигах».

В это время заложило уши. И я вспомнил, что в военном училище наставляли открывать рот при взлете и посадке самолета. Так я и сделал. Когда же мы после приземления выходили из самолета, меня слегка покачивало. В буфете Женя купил по сто граммов коньяку, два двойных кофе и бутерброды. И постепенно моя голова начала выравниваться…

- Ну? – спросил я, глотнув и закусив.

- Ты в Свердловске, так сказать, прикрыл собой амбразуру… Нас с ветерком, с «мигалкой» и с сереной доставили до аэропорта. Правда, этот начальник транспортной милиции раза три спросил, точно ли у нас нет никакого негатива на свердловских железнодорожников… И посадил в самолет.

- Так, – помотал я головой, - этого не помню… Помню, как я танцевал с Машей…

- Угу, - кивнул Женя, глотнув кофе, - а потом вы уединились в… ванной. Маша вышла минут через десять. Сказала, что тебе плохо и начала выпроваживать гостей. Меня же попросила подождать… Да! Еще раньше ты жарко спорил с этим графоманом… Обещал ему оказать протекцию… Ха-ха! Говорил, что «спасибо» в карман не положишь… И он тебе что-то обещал…

- Что-о-о?! Впрочем, продолжай… - вздохнул я.

- Ну… Еще ты приглашал в Москву Ию. Говорил, что тебе в Москве такие агенты нужны. Обещал устроить ее на работу. Найти жилье…

- Дальше? - еще тяжелее вздохнул я.

- Дальше я тебя попытался остановить. Но ты выпил фужер водки с этим ментом на брудершафт… Схватил вилку. Сжал ее так, что костяшки пальцев побелели, и сказал, что два удара – это восемь дыр. Но тут Маша обняла тебя и увела, как я уже говорил, в ванную. Когда гости ушли, она вернулась туда к тебе и вскоре вышла в одном халатике… А ты, как римский патриций, – в тоге… То есть – в простыне… Я сделал вид, что сплю в кресле. Даже всхрапнул для убедительности. Вы ушли в ее спальню. Ох, как она стонала… Я даже заперся на кухне, чтобы не слышать… Потом приехал это милиционер. Сказал, что достал билеты на ближайший рейс. И мы поехали… Маша даже всплакнула при прощании… А ты обещал вернуться… В машине ты заснул. И вряд ли нас впустили бы в самолет, если бы не этот мент Вадим Никифорович.

- Да-а-а! – протянул я… - Стыдно-то как!

А про себя подумал: - «Женьку подозревал невесть в чем, а сам-то! Подонок»!

- Не расстраивайся ты так! – хлопнул меня через стол по плечу Женя… - С кем не бывает!

- Да-да, - машинально кивнул я. И вдруг вспомнил, что ехать-то мне из аэропорта не-ку-да, кроме, как к родителям. В таком-то виде?! Женя будто прочитал мои мысли: «Говорю тебе: не рас-стра-и-вай-ся! Сейчас поедем ко мне. Приведешь себя в порядок. У меня все равно «липовые» билеты на поезд есть. Так что, мы в Москве должны быть только послезавтра. День отоспимся. Отмокнем в ванной. И завтра свеженький, как огурчик, явишься пред светлые очи папочки и мамочки. А? Лады?»

Я готов был расцеловать друга. Но тут в мою больную голову влетела ошалевшая мысль: «Опять – ложь! Еще один грех»! Или это я сам ошалел от всех совершенных грехов?..

…Дома у Жени нас ждала записка от Татьяны: «Мы все - на даче. Не волнуйся. Если сможешь, приезжай. Целую. Таша».

Я вопросительно взглянул на Женю. Но тот даже брови вскинул: «Ну, на какую дачу я – в таком виде?! Бровки – домиком… Глаза, как у вареного рака… Во рту, как ты говоришь, эскадрон ночевал… Одним словом, сегодня мы отходим от Свердловска. Завтра ты – к родителям. А я посмотрю: что, где, когда и куда… В

понедельник – на работу. А теперь, давай-ка – в ванну! А я пока нехитрый завтрак сварганю. Тебя омлет на сале с колбасой устроит? Или лучше пельмени?

- Слушай, Жека, – обрадовался я, - давай-ка, пельмешек! С бульоничком! Со сметанкой, с чесночком! Это – оттянет!

- Лады, - кивнул Женя.

И я ушел в ванную. Но скоро стук в дверь сопроводился его голосом: «Стол накрыт!»

…На столе красовались помидоры, зеленый лук, огурчики, сало. В мисках жирным паром исходили пельмени

- А это зачем? – спросил я, заметив на столе трехсотграммовый, запотевший графинчик с водкой.

- Знаешь, меня учил один очень мудрый мужик: с похмелья, - с особенно тяжелого, - обязательно утром, в обед и вечером, перед самым сном, нужно пропустить по сто граммов. Но не больше! На следующее утро будешь, как огурчик! Сейчас позавтракаем. Ты отдохнешь в комнате таниных родителей, - я уже постелил там. А я пока помоюсь. Потом мы пообедаем. Опять отдохнем. Ужин. И – сон. До утра. Лады?

Я кивнул и накинулся на пельмени. А после завтрака сон навалился на меня до того, как я добрался до постели. И тут началось!

Казалось, я только что заснул. Но тут же почувствовал, что все тело начинает чесаться. А перед глазами замелькали какие-то стоп-кадры… Но именно замелькали, потому что смысла и содержания их я уловить не мог… Хотя они были цветными… Четкими… Каким-то внутренним и непонятным чувством узнавались близкие, знакомые… Злые и добрые. Обижавшие меня и обиженные мной. Только кто? Этого я не мог угадать. Мучительное состояние! Еще тяжелее было то, что даже под простыней меня кидало в жар… А потом вдруг – в холод. Хотелось встать, покурить, но сил на это не оказалось… А когда я открыл глаза, стрелки на часах показывали половину шестого вечера. Вот это я по-о-оспал!

За окном акварелью разливался закат. Я вышел из комнаты и услышал храп Жени. Значит, на балкон путь мне закрыт. А курить хотелось нестерпимо! Но тут я вспомнил, что уже несколько дней не молился. Поэтому прошел на кухню и опустился на колени перед маленьким образком. На душе стало мерзко и стыдно от одних воспоминаний свердловских приключений. И я каялся, перечисляя: блуд, пьянство, гордыня, чревоугодие, ложь, сребролюбие, хвастовство.., эта вилка… А из-за чего все это произошло? Ах, да, из-за пьянки!..

- Прости, Господи! – шептал я. И на глаза наворачивались слезы…

- Все уральские святые! Умолите Господа простить меня! – даже не зная имен этих угодников Божиих, шепетом стонал я и глядел на икону… И она вдруг показалась мне золоченым окошком, открытым для меня в Царствие Небесное…

- Почему же не знаешь? – услышал я из-за спины и, обернувшись, увидел молодого мужчину с очень знакомым лицом… - А эти угодники Божии?

Он провел рукой вдоль стены, снизу вверх. Как будто занавес раскрылся. Я увидел семь фигур. Кто-то из них стоял, кто-то сидел. Лица были затемнены. Но чувство их знакомости, даже какого-то, - некровного, иного! – родства радостью разлилось по сердцу.

- Узнаешь? – спросил, невесть откуда взявшийся, собеседник.

- Да, что-то… знакомое, - облизнул я пересохшие губы. И действительно, даже контур фигур, - стоящих и сидящих, - был удивительно знаком!

- Узнать тебе их мешают грехи, которые ты наворотил в Екатеринбурге…

- В каком Екатеринбурге? – перебил я собеседника.

- Из которого ты вернулся. Он теперь называется по-другому. Но раньше именовался именно Екатеринбургом. Хорошо, хоть, покаялся ты сейчас… А то ведь, как заразную болезнь, подхватил все эти тяжкие грехи… Однако нет среди них

непрощаемых, кроме нераскаянных. Теперь тебе надо идти к духовнику своему. Покаяться при его свидетельстве. Поспеши, а то ведь и опоздать можешь…

Исчезли семь фигур. Исчез и собеседник. А я даже не успел спросить, кто он, почему лицо его кажется таким знакомым?.. Тут в дверях появился заспанный Женя.

- С кем это ты разговариваешь? – спросил он, позевывая.

- Сам с собой… Люблю, знаешь ли, поговорить с умными людьми… - грустно пошутил я.

- Кто ж не любит, - хмыкнул Женя, видимо, не уловив моей грусти, - ну, что узнал? Надо бы переходить к обеду, плавно перетекающему в ужин? Пойду, обольюсь холодной водичкой по пояс.

- А я покурю на балконе.

- Лады…

…Разговор за обедом не клеился. Я все думал о семи фигурах, показанных мне знакомым незнакомцем. Или невспомненным, - не по грехам ли?! – знакомым…

«А может быть, - думал я, - эти фигуры семь смертных грехов? Да нет же! Незнакомец говорил о покаянии. Семь смертных грехов я «подцепил» в Свердловске… Ой, в Екатеринбурге! А эти? Может быть, они наоборот, - семь добродетелей»?

- Да не переживай ты так! – перебил мои мысли Женя. - Ну, приедешь завтра к родителям. Ну, попросишь прощения. Только в чем виноват ты перед ними? Это они не поняли тебя! Оскорбили. Посадив в свои мерки жизни, создали все условия, чтобы ты ушел… Что ж делать?! Они хотели построить твою жизнь, как видят они. А ты хотел, - как требует твоя душа! И ведь не на преступления ты шел! Не на подлости какие! Пожалеть их надо! Особенно маму твою. Во-он, мои родители вообще не лезут в мою жизнь. Советуют только тогда, когда я попрошу об этом… А тесть с тещей! Они – вообще золотые! На Танюшу так иногда гыкнут, мол, почему мужа не слушаешь?! И тоже ведь не лезут со своими убеждениями и взглядами на жизнь, быт…

- Да-да… - машинально ответил я, но почувствовал изменение направления моих мыслей в сторону слов Жени. И к чувству вины перед родителями примешалась обида. В памяти мелькнули случаи несправедливости матери, отцовского молчаливого согласия и даже какого-то попустительства ей.

- Не вздумай только изображать возвращение блудного сына! Ты должен придти домой. К себе домой! Придти победителем их не-ве-ри-я в тебя. Ты ведь сам, без их помощи кардинально изменил свою жизнь. Добился того, что далеко не каждому удается. Знаешь, сколькими профессионалом, выпускникам МГУ у нас давался отворот поворот? А? А ты без специального образования стал профессиональным редактором, журналистом! - продолжал рассуждать Женя.

- Как это без помощи? А ты? А Володя? – мне еще захотелось назвать отца Валерия, Василько, Николая, Марию, Святослава, Анимаиссу, но я промолчал о них.

- Мы-то это делаем из любви к тебе, к твоим духовным запросам, таланту, наконец, который не спрячешь… А они хотели сделать из тебя нечто… Но сделать из любви к себе, своим желаниям, своим взглядам на жизнь, на тебя, как на собственность. И при этом совершенно не учли того, что учитывали мы. Ты не подумай только: я не настраиваю тебя против родителей! Я просто радуюсь за тебя! И боюсь, как бы не потерял приобретенного! А скажи-ка, ты в детстве был послушным?

- Да, лет до четырнадцати считался идеальным сыном. Соседи даже завидовали отцу с матерью, - и тут я вспомнил, что когда родители не видели и не знали, делал все-таки по-своему. «Еще один грех! Лицемерие!» - кольнула мысль.

- Правда, после четырнадцати меня «понесло»! – горько усмехнулся я от обжегшей правды.

- Ну… Это – переходный возраст! Всех «несет»! – хмыкнул Женя. - Однако, школу закончил. Высшее образование получил. Глядишь и второе получишь: журналистское.

…«Вот тебе, и не получился разговор!» - подумал я, взглянув на часы. А их стрелки показывали двадцать два часа.

…Утром я ехал в тролллейбусе, и с каждой остановкой непрятное чувство только усиливалось. Нет, не было ни страха, ни обиды. Мне просто смертельно не хотелось никаких выяснений отношений. Я их с детства терпеть не мог! А в нашей семье они всегда были похожи на ком, катящийся с горы по только что выпавшему сырому снегу. Мать начинала с обычного безобидного вопроса. Но если ответ на него не совпадал с ее мнением, мыслями и задумками, срабатывал часовой механизм мины замедленного действия. Только со взрывом можно сравнить поток слов, грозных пророчеств, пожеланий, наконец, оскорблений…. Отец обычно в таких случаях уходил в гараж. И возвращался поздно вечером. А если я оставался дома, все выплескивалось на меня. Если же и мне удавалось сбежать, доставалось сестре… Но она – молчушка, в отца…

Вот и сейчас я ожидал того же. Однако, отец, открывший мне дверь, пожал руку и обнял. Мать застыла в конце длинной прихожей и, молча, смотрела. В глазах ее, как мне показалось, я увидел смесь любви и… торжества победы: вот, мол, вернулся, не смог без родителей!

- Господи! Помоги! – шевельнул я одним языком, не размыкая губ.

А вслух сказал спокойно: «Я приехал поговорить. И давайте сразу условимся: общаться будем без повышенных тонов, а тем более – без оскорблений.»

- Тогда пойдем на кухню. Чай как раз только что заварили, - опустила глаза мать. Я уселся на свое привычное, незабытое место. Родители присели тоже. Мать разлила чай. Нарезала вафельный торт. Сделала бутерброды. Я взглядом перекрестил стол.

- Ну? – отхлебнув, спросила мать.

- Хочу вас обрадовать. Я все-таки работаю редактором в ЦДКЖ. Кроме того, являюсь внештатным корреспондентом нескольких газет. В том числе – «Гудка», где ты, мама, помнится, работала те-ле-фо-нист-кой… К слову, я являюсь лауреатом этой газеты за серию луч-ших материалов года. И стихи мои уже тоже печатают. Кстати, - и в газете Московской писательской организации Союза писателей СССР. Так что, папа, тебе не будет стыдно, если твои сослуживцы увидят имя и фамилию твоего сына под лучшими публикациями всесоюзных газет. А кое-где – и рядом с заголовками.

Я достал из спортивной сумки папку со своими очерками, стихами, репортажами, зарисовками и информациями, вырезанными из газет и наклееными на отдельные листы.

- И ты, мама, тоже без капли стыда можешь похвастать ими и перед Васей Григорьевым, и перед Германом Васильевичем… Да и перед другими знакомыми. И всего этого я добился сам!

Хотелось сказать: «С помощью Божией». Но я промолчал.

- Ну, сынок, – хлопнул себе по коленям ладонями отец, - я рад. И всегда верил в тебя. Это дело надо отметить! И не на кухне. Давай-ка, мать, накрывай стол в большой комнате. Зови Алину. Что-то разоспалась она сегодня. А где же ты, сын, все это время жил?

- По-разному… У добрых людей…

- «У добрых людей», - передразнила мать, уже выходя из кухни со стопкой тарелок, - А мы что, злые для тебя? Будто здесь нельзя было жить, в своем доме…

- Простите меня за прямоту, но если бы жил здесь, ни-че-го-шень-ки не добился бы! – прямо взглянул в ее глаза я. Мать хмыкнула, но промолчала. А из комнаты,

куда она вышла, раздался ее голос: «Алиночка! Помогай на стол накрывать. Саша вернулся. Зна-ме-ни-тым!»

Сестра влетела в кухню в одной рубашке.

- У-у-у! Какие люди – на верблюде! – чмокнула она меня куда-то в висок. - Я – сейчас. Только оденусь.

Отец достал из холодильника две бутылки пива. Подмигнул мне: мол, - для разминки. И мы с ним вышли покурить на балкон. А через полчаса уже сидели, как всегда, за обильно накрытым столом.

- Ну, - поднял рюмку отец, - из дальних странствий возвратясь…

Одних салатов было достаточно, чтобы насытиться…

- И все же я не могу понять, - как показалось мне, с какой-то подоплекой растянула слова мать, - Что это за профессия такая: ре-дак-тор?

- Ну, как ты не понимаешь, мама?! – отвечал я, - Ты вот читаешь газеты, журналы, книги… В них – статьи, очерки, рассказы, повести, романы, стихи написаны авторами. А эти тоже не застрахованы от ошибок: стилистических, смысловых, даже просто – грамматических. И на старуху бывает проруха. Вот, редактор и должен исправлять их прежде, чем работа уйдет в печать. Часто литератор, не замечая того, допускает повторы. Их редактор должен сокращать. А иногда встречается такое, что называется авторской глухотой. Да-да! Даже гении подвержены этому! Представляете, Пушкин написал, что испанка молодая «оперлася на балкон»… Это же неграмотно даже для девятнадцатого века! Опереться можно на перила балкона. Правда? Конечно, Пушкина никто исправлять не собирается… Но сегодня подобных ляпсусов допускать нельзя.

- Что, и сокращаете? – хмыкнула мать.

- Часто. Заказываем как издатели, например, эссе, статью, сценарий, прозу на три листа. Это рукописных – сорок шесть… Но литератора, как говорится, «понесло»! Распишется листов на пять. А издательский-то план, годовой, никто менять не будет! Вот и приходится сокращать, согласно утвержденному художественным советом плану.

- Да-а-а, - протянула она, - а я-то думаю, почему хороших книг мало? Почему газеты и журналы читать неинтересно? Оказывается, это ваш брат, редактор постарался. Выправил! Да так, - еще надо выяснить, - что не выплеснул ли с водой и ребенка…

- Мама, – вскинулась сестра, - ну, что ты подкалываешь? Ты посмотри, с каким жаром Саша рассказывает?! Нравится ему работа – и слава Богу.

- А ты мать-то не одергивай! Молода еще! «С жаром»! А не я ли говорила, что ему в гуманитарный ВУЗ поступать надо было. Ну, захотел военным стать, так поехал бы во Львов в военно-политическое училище. Там факультет военных журналистов есть.

Чувствалось, что мать «заводится»… А она продолжала: «Сейчас – «с жа-а-аром». А через полгода разочаруется…»

- Мы горячее сегодня будем есть? – перебил отец, явно переводя разговор на другую тему. Мать вскочила, засуетилась, убежала на кухню. И скоро вернулась с тушеным в капусте кроликом.

- Ну, мамочка, – воскликнул отец, - воистину - Царский стол! Спасибо тебе, родная…

«Царский… Царь… Царская семья!» - всколыхнулось что-то в моей памяти, но тут же исчезло… Мы выпили, закусили. И разговор пошел о том, что в моей комнате ничего не менялось. И я могу занимать ее. Письменный стол - на месте. Тут мать снова вскочила. Убежала куда-то. А вернулась с сотенной и полусотенной бумажками.

- Вот, - протянула они их мне, - тебе теперь нужна пишущая машинка. Завтра я тебя встречу с работы, и мы поедем купим, не откладывая в долгий ящик… Только скажи мне еще: если ты и сам что-то пишешь, то и тебя редактируют?

- Конечно, - дожевывая, ответил я.

- Тогда черновики не выбрасывай! А лучше печатай в нескольких экземплярах. А то они там насокращают, наредактируют, а лет через двадцать скажут, что все сокращенное было гениальным!

Я едва сдержал улыбку: «Не буду. Сохраню. Обещаю…»

После этого разговор зашел о дачных делах. А их, как всегда, оказалось столько, что все не переделаешь. Отец и мать строили планы на оставшееся время дачного сезона. А я подумал, что они выполнимы только в течение нескольких лет. Однако, промолчал. Потом мать ни с того, ни с сего начала вспоминать всякие смешные дачные случаи. Особенно, связанные с отцом. Тот сидел и посмеивался над собой. А мать просто по-молодому хохотала до слез.

«Что же мешает нашей семье всегда так проводить время: по-доброму, с улыбкой, даже со смехом?! Увы, такие минуты редки!» - сокрушался я про себя.

А мать не унималась: «Представляешь?! Отец взялся каждое утро ездить на дорогу, которая идет от фермы. Навоз собирать. И не навоз даже, а чистейший, жидкий коровяк!»

- Мама! За столом-то! – вскинулась Алина.

- А ты не перебивай мать! Картошечка-то какая после навоза этого уродилась?! А? Огурчики! Один – к одному! Кабачки! Клубничка!.. Так вот, снял он задние сиденья в машине. Туда поставил три фляги молочных. Еще какую-то посуду… В багажник – две выварки. Там от фермы трактора ходят. По две бо-о-ольших тележки каждый тащит. А те – переполнены… Навоз-то на ухабах и выплескивается. Бери – не хочу! Отец часа за два все эти наши емкости доверху наполнял. Вот, поехал он однажды. Утро – знойное. Все окна в машине открыты. Навстречу - трактор с полными тележками. Поравнялся отцом, да на ухаб, видно, и наехал… И ка-а-ак плеснулся навоз в нашу машину! В окна! На отца! Да щедро так! Отец тогда само собой – к пруду. Машину вымыл. Сам обмылся. Набрал полные фляги, выварки. Едет обратно. Но ты ж его знаешь: всех подряд подвозит безплатно. А тут – Николай Петрович, - через три дома от нас живет, - только-только на дачную дорогу от станции свернул. Отец остановился: мол, садись, подброшу, что ж полтора километра ноги топтать… А тот наклонился, радостно так… Да тут же – обратно! Коровяк-то ядрен-о-оный! Нет, говорит, для сердца пешие прогулки полезны. И пошел пешком. Отец приехал. Так мы потом от запаха этого, навозного в салоне машины недели две избавиться не могли. По три раза на дню мыли… Шампунями всякими, хозяйственным мылом… О-де-ко-ло-ном!..

- Ты рассказываешь, будто сама все видела! – улыбнулся отец.

- Я представила! Фантазия у меня, сам знаешь, богатая… Не тебе по молодости лет, а мне надо было учиться, институт закончить… Сам же говоришь, мол, меня бы, да – в правительство! Ух, навела бы я порядок в стране! В кого ж, ты думаешь, Сашка-то сочинять начал? В мою родню! Дядя Шура покойный такие стихи писал! Картины маслом рисовал… Эта дура его, хромая Мария, все повыкидывала… Вот, сынок, используй для какого-нибудь юмористического рассказа или стихотворения. Про навоз-то… Это – из жизни! Такого не придумаешь!

…Мать постелила мне в моей комнате. А когда я, оставшись в ней один, хотел помолиться перед сном, постучалась. И тут же, не дожидаясь ответа, вошла: «Не спишь?»

- Собираюсь, - я вдруг вспомнил, как читал вечернее правило Святослав, - сейчас покурю на балконе и улягусь.

- Спокойной ночи, - поцеловала она меня в лоб и добавила, - дай Бог нашему теляти волка съесть…

Как же я ненавижу эту поговорку! Она – как проклятье! Она - неверие в мои силы и способности. Даже наоборот, - вера в то, что как бы я не старался, - теленок! – все равно у меня не получится, - волка съесть. Так и было всегда. После такого материнского пожелания все мои дела шли насмарку… Даже те, которые уже, казалось, поначалу были почти завершенными. Но я вздохнул в ответ. Вышел на балкон. Покурил. Прочитал краткое правило. И вспомнив Анимаиссу, улегся с мыслью: «Здесь даже на короткое время иконки выставить страшно. Войдет- увидит. И разговоры, распросы, выводы, пророчества – на три дня»! А потом вдруг вспомнил Валентину. И стало стыдно перед ней за Екатеринбург. С мыслью, что надо бы позвонить в Минск, я заснул.

Поравнявшись с первой подводой, я придержал коня. Вгляделся в лицо возницы. Хмыкнул довольно про себя: «Пуганая ворона куста боится… Но слава Богу, кажется, наш…». Светловолосый, с такой же бородой-лопатой, степенный, по-русски крепкий мужик смотрел добродушно, открыто, но в то же время испытующе.

- Будь здрав, добрый человек! - слегка склонил я голову.

- И тебе – не хворать, князь, - сняв шапку, улыбнулся он, но попытался незаметно пододвинуть поближе к себе топор, лежавший здесь же, на телеге.

- Куда путь таким обозом держите?

- На Москву. А вы, я гляжу, наоборот?

- Наоборот… А скажи-ка мне: не встречались ли вам конные, душ восемь-десять? Половина – бабы-молодухи…

- И-и-и… Гляжу я, вы – служивые. Наши, стало быть. А те - нерусь! Как вышли мы из Милехино, - почитай верст десять отсюдова, - повстречались… Главный у них – старик. Грязный такой. Противный, словно бес, прости, Господи. Но ему, заметь, даже князь, - молодец, в княжеском облачении, - прислуживает! Словно отрок. Все распрашивали нас, выведывали… Хмельного предлагали. Но нам-то его куды, - в начале пути-то?! Так они на девку пришлую, приставшую к нам в Милехино, напустились. Все с собой увести хотели. Жемчуга сулили, злато-серебро. Но та – кремень! Нашим мужичкам, перекрестившись, за топоры взяться пришлось… Уж больно нерусь у них на рожах начертана была! Так они тут же отъехали. А на что тебе эти басурмане, князь?

- Сам же сказал: нерусь… Пришлая девка, говоришь? А где она? Кликни-ка! – насторожился я. Возница обернулся. Крикнул кому-то: «Эй! Кликните сюда Глафирку! Великокняжий луживый князь требует.

С третьей или четвертой подводы спрыгнула статная девка, запрятавшая лик платком по самые глаза. Подошла ко мне.

- Лик открой! – потребовал я. Она развязала платок. Нет. Наша. И глаза – цвета живого неба. Но – твердые!

- Чья будешь?

- Тебе, князь, – ровня! – вдруг вскинула голову она, - Потому, сам скажи: откуда? Чей?

- Мы с тобой – не на Масляничном гулянии. Я – от Великого Князя. Посему, отвечай, как положено! - и я положил руку на рукоять меча.

- Княжна я, Глафира Микитична. Из-под Мурома. Иду на Москву. К суженному своему. Он полк свой увел под руку Димитрия Иоанновича… А ну, как погибнет?! Так вот и решила я вместе с ним идти на главную сечу. Стрелять умею. Мечем владею. На коне скачу. Потому и… сбежала я, князь, из дома отцовского. На старшую сестру хозяйство оставила… У батюшки моего - одни дочери… Должен же кто-то в рать

русьскую встать. Он-то сам, – от старшего поколения в роду, - да-а-авно на Москве. С дружиной своей, с мужиками…

У меня на глаза навернулись слезы: вот ведь девки какие на Земле нашей Русьской обитают!

- Эх-эх-эх, – сдвинул я на затылок шелом, - как же так можно? Без спросу родителева-то? Я бы свою дочку за такое выпорол бы вожжами!

- А хоть бы выпорет батюшка-то… Не до смерти же! А я со своим Гришечкой обрученным все одно и выпоротая в один строй встану за Отчину нашу общую… - опустила глаза княжна.

Мужик-возница, слышавший наш разговор, рот раскрыл, глаза выпучил… А когда я взглянул на него, мотнул головой, протянул: «Прости, княжна! Не признал… Подумал: сирота приблудилась… Но батюшка-то твой нам что скажет? И ты – тоже… Лисичка-сестричка, - проведала ведь, что в ополчение идем, да еще с харчами для рати Русьской…»

- Помолчи, – оборвал я его, - всем бы так на Русьской земле, как княжна эта, думать! И делать!

Я оглянулся на своих. В их глазах сияло одновременно и недоумение, и восхищение.

- А ну-ка, - хмыкнул я, вынимая лук, стрелу и протягивая их княжне, - сбей-ка мне шишечку с верхушки во-о-он той елки.

Она перекрестилась. И, почти не целясь, выполнила просьбу. И мужики, и ратники мои одобрительно и даже восхищенно охнули.

- Ну, куда мы ее теперь? – развел руками возница, глядя на меня.

- Она – княжна! Куда повелит, - тихо и твердо ответил я, - туда и повезешь. Только на Москву вам не надобно идти. Общий сбор – на Коломне.

- Спаси тя Господи, князь! - поклонился мужик. За ним последовали и остальные.

- Поведай-ка мне, княжна, - вспомнил я о деле, - как тебя купить хотели неруси?

- Они не только неруси, - мотнула она головой, - но и нечисти! Я сразу это учуяла! Перекрестилась сама, как батюшка учил. Их перекрестила. Сказала: *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его*… Так они отпрянули, словно по пощечине получили! А тут и мужики за топоры взялись. Эти-то тут же съехали.

- Во как! – обвел взглядом я своих ратников и мужиков-ополченцев. - У нее еще и нам возрослым да бородатым поучиться надобно!

Те закивали. Перекрестились сами. И тут головной возница засуетился: «А харчишки-то в дорогу есть ли у тебя и твоих служивых, княже? Мы много везем. С пяти сел и деревень собирали…»

- Спаси тя Господи, брат! – улыбнулся я. - Вам в Коломне нужнее будут. Ангелов-Хранителей вам в дорожку!

И пришпорил коня… Мысли о таинственных ворогах не покидали меня. Они явно не выпускали нас из виду. Даже тогда, когда шли впереди. Теперь, возможно, ждут где-то в окрестностях Милехино. Или в самом селе.

«А как же убийство ребенка? Попытка увести княжну? К нам-то это какое отношение имеет?» - возникла противоречивая мысль. «А где мои кресты? Нательный и мощевик?» - обожгла другая. Да так, что бросило в жар, а во рту появился привкус железа. «Фу-у-у!» - облегченно вздохнул я, нашупав под кольчугой выпуклый мощевик. Прошептал: «Господи, помоги! Вразуми!»

И вдруг увидел, что рядом скачет незнакомый всадник… Или чем-то знакомый… Он был похож на князя, наставлявшего меня на дубу, в стороже, перед выходом на Москву с Афанасием, матушкой Агафьей, другими мужиками, после того, как те спасли меня, подобрав в лесу. Князь скакал, глядя на меня, и улыбался. Потом произнес: «Ты прав. Эти нечисти, как правильно назвала их княжна Глафира,

действительно охотятся на тебя. А точнее – на православные души. Но сейчас их главная цель – помешать тебе встретиться с князем Олегом Рязанским.»

- А как же тогда тот съеденный ими, прости Господи, ребенок? Почему они пытались увести княжну Глафиру? - повторил я свой вопрос, только теперь ему.

- Зло они делают походя… Но заметь, как они отпрянули после Крестного знамения княжны! Крепка девичья вера! А вот у твоих ратников… Один погиб из-за своей страсти чревоугодия, другой – из-за блуда… Вот ими-то, смертными грехами, нелюдями и являются служки старика… А он – враг Господа нашего Иисуса Христа еще по пути на Голгофу! Но убить его нельзя. Уберечься от него можно. Как уберeглась княжна Глафира.

- А за какие грехи погибли Борис и ребенок? – мотнул я головой.

- Они надобны Господу… Борис был в тайном постриге. И выполнил здесь, на земле, свой долг. А ребенок мог в грядущем по жизни наворочать столько грехов смертных. Да и тех, кои вопиют на небо об отмщении. Вот, по молитвам сродников о спасении, Господь и прибрал младенца. И мученическую смерть даровал. За Христа! И такое бывает…

- Так, значит, все они – смертные грехи? Бесы?!

Мой собеседник кивнул: «Не все… Старик верховодит ими… Да еще одна молодка-оборотень… Эти – в людских телах. Но людьми их тоже никак назвать нельзя: насквозь бесовством пропитаны. Посему, повторюсь, оружием с ними сразиться и не пробуй.»

- Как же мне с ними сладить-то?

- Останавливайся при храмах Божиих. Но учти: все твои ратники могут погибнуть. Один жаден для женег. Другой – уныл. Третий – горд. Четвертый – гневлив… Вот на этом ворог и станет их ловить. И губить. Спокойным можешь быть только, пожалуй, за Ивашку, Глеба и Иоанна Зайца. Да и то – с оглядкой. Вот так, княже, губит враг рода человеческого не только людей. Цель его - через грехи их погубить Землю Русьскую. Потому и сам не поддавайся помыслам смертных грехов. Чаще призывай Господа в помощь. А Он, глядишь, и нам повелит помочь тебе.

- Кому это «вам»?

- Зачем тебе ведать о том? Придет время и, даст Бог, вместе будем. Тогда и узнаешь.

Я задумался. Опустил голову. А когда поднял, никого, кроме Ивашки, скакавшего рядом, не увидел. Перекрестился. Рассказать ратникам? Повелеть, чтобы блюли себя? А поймут ли? Не подумают ли, что князь их разумом сдвинулся?..

Впереди показалось большое село…

- Должно быть, Милехино… - улыбнулся Ивашка.

- Поглядим… - кивнул я, стараясь избавиться от невеселых мыслей. Мы подскакали к церкви, возле которой, казалось, собрались все селяне. На крыльце храма стояли довольно молодой, - мне ровесник, - поп, седой, худой, словно весь высохший, дьяк и здоровенный красномордый мужик с окладистой рыжей бородой и усыпанным веснушками лицом. Последний рубил воздух ладонью-лопатой и гремел: «Да где ж это видано, мужики, чтобы пахарь пику или меч в руки брал?! Для того у князей наших дружины есть. А мы, пахари, кормим их, да женок ихних, да деток… Что ж теперича, и работу ихнюю делать должны?! Ну, я понимаю, ворог к дому твоему, к селу подходит… Все встанем! Но нынче-то?! На Москву! А оттуда куда? Да и время-то какое?! Самый сенокос! Потом – уборочная. А? Поратимся за князей да боляр, а сами потом, зимой, – зубы в амбар? Я так разумею: кинуть жребий и десяти мужикам от села идти на сечу. Остальные же дворы ополченцев, наделы под свою опеку возьмут. А уж коли сложат животы посланники наши за други своя, то и содержать будем семьи убиенных покуда новый хозяин в истбе не появится, или старший малец в возраст не войдет.»

Мужики загомонили. Кто-то соглашался, кто-то – нет, иной безразлично махал рукой… Но тем временем, на крыльцо влетел высокий, худой, словно жердь, но жилистый, с длинной, тонкой бородой, селянин и выпалил: «А ежели тебе, Силыч, жребий выпадет? Пойдешь что ли сам, али кого из зятьев пошлешь?»

- Погоди, Зиновий, - загородился ладонью рыжебородый, - сейчас речь – не о том. Сейчас надобно решить: кидать жребий или нет.

- Вот что, мужики! Погодите и послухайте, – резко повернулся к собравшимся тот, которго звали Зиновием, - нет резона ходить на сечу. Я вот от мудрого старца-странника слышал, что - на постое у меня нынче с домочадцами своими, мол, пустое все! Мамай с такой силищей идет, - не выстоять Великому Князю Димитрию. Зато те деревни, села, посады, города, которые встанут против орды, выжгут, а людишек вырежут от мала до велика. А уж коли не пошлем мы своих, то либо откупимся, либо в лес уйдем, там схоронимся. Страда – на носу. Это Силыч верно сказал. Так что, погодим, мужики покуда идти в ополчение.

Толпа почти единогласно загудела. Но тут поднял руку молодой поп. Осенил себя крестом. Заговорил: «Нет, чада мои! Не дело вы задумали. Видел я, Зиновий, постояльцев твоих. Неруси! Нехристи! Господь заповедал нам души класть за други своя. Так что, ежели не пойдете, заповедь Божию нарушите. Грех! И не оставит Господь греха сего неискупленным. Позвал бы ты сюда, Зиновий, «старца» своего, других постояльцев. Послушали бы их всем миром.»

- Дык, съехали давича… - замялся Зиновий… И вдруг гордо вскинулся: «Ты, отче, нас мирским делам не учи! Мы тебя кормим. Содержим. Ты молод еще. Многим здесь в сыновья да в зятья годишься. А как уйдем в ополчение, кто ж матушку твою да деток пропитает? А?»

Мужики опять согласно загомонили.

- Значит, решено, мужики, - задрал бороду вверх Зиновий, - не идем в ополчение.

Селяне стали расходиться. Проходя мимо нас, косились. Бурчали что-то. Подмигивали друг другу. Или вздыхали. А проходящий мимо Зиновий прошипел: «Опять понаехали! Захребетники. Слава Богу, что не сотня!»

Да… Не соответствовали мужики названию своего села… Я подошел к попу. Снял шелом. Поклонился под благословение.

- Благослови, отче, переночевать в ограде храма. С делом Великокняжеским идем.

- Зачем же в ограде?! У меня, – оглядел он моих ратников, - истба – большая. Матушка все равно с детками к родителям своим уехала. Снеди – не густо. Но, чем богаты…

- Спаси тя Господи за странноприимство. А по поводу яств не безпокойся, - я опять поклонился ему и, повернувшись к своим, кликнул, - Акиндин!

Тот подкатился ко мне. Я бросил ему тугой кошель. Повелел: «Пройдись по селу. Прикупи снеди всякой. Ночевать в истбе у батюшки будем.»

Акиндин ловко поймал кошел. Взвесил его на ладони. Довольно хмыкнул. Я опять обернулся к попу.

- Отче! Не отслужишь ли молебен о нас грешных, путешествующих, о здравии Великого Князя с домочадцами, о здравии сродников наших? – протянул я ему горсть серебра

- Денег в руки не беру. Отцу диакону отдайте. Пойдемьте, отслужим.

- Глеб, – кликнул я, - останешься с конями.

И мы вошли в деревянный храм.

- Вот это – да-а-а, – восхищенно оглядывал я богатые оклады, золото икон, подсвечников, паникадила, - и в Москве не каждая церковь так изукрашена…

- Да-а-а! Село – не бедное, - кивнул поп, - только жертва ли одна определяет путь спасения?! *Милости хочу, а не жертвы,* - сказал Господь. Можно мешок

самоцветов пожертвовать на храм Божий, а милости, – никому, ни Богу, ни людям, - по жизни не оказывать. Давненько не было набегов на Милехино. Все как-то стороной поганые обходили… Вот и позабыли селяне, почем фунт лиха! А посему, за сытостью и Бога забыли. Не осуждаю – скорблю! Сами, поди, слыхали, как на миру решили не ходить в ополчение к Великому Князю. Словно иуды, прости, Господи! Давайте, молиться! Заодно и селян помянем, дабы Господь вразумил их, несчастных. А? Не возражаете?

Молебен батюшка отслужил благоговейно. Со слезой. Я и все мои ратники усердно клали поклоны. Сосредоточенно крестились. А когда мы все вышли из храма, увидели вернувшегося Акиндина. Конь его подгибел ноги под мешками с яствами. А сам Миша протянул мне похудевший кошель. Хитро прищурился: «Во-она, сколько яств насобирал. Да и еще и серебро сэкономил.»

- Не зря тебя Мошной кличут! – засмеялся кто-то из ратников.

- А то! – гордо вскинул голову Акиндин. Трапеза получилась обильной.

- Сидим за одним столом, - обратился я к попу, - в гостях. А как величать хозяина и не ведаем.

- Грешный иерей Василий, - наклонил тот голову, - недавно я здесь. Больше года в Милехино попа не было. После упокоения последнего батюшки долго не могли нового подобрать: это – не так, то – не эдак… А меня решили принять: молодой, мол, мы его за рукав быстро заложим… Я пока молчу. Приглядываюсь. Господь милостив. Вразумит. Но истба, вот, хорошая от старого попа, - Царствие ему Небесное, - осталась. Просторная.

- А староста? Такой же, как все здесь, балованный?

- Старосту нашего волки зимой зарезали… Такая стая их по лесам здесь рыскала! Все живое под корень изводили! Мужики говорят, мол, в вожаках у них – черная волчица. Она и князя нашего, и всю семью его, когда те поехали на Москву, растерзала со стаей-то. Да так хитро! Часть волков десяток ратников на себя отвлекла, в глубокий снег завела… А волчица с остальными и князя, и княгиню и княжну с княжонком прямо в возке и зарезали. Мужики поговаривают, мол, оборотень – она… Прости Господи. Спаси и помилуй! - перекрестился отец Василий.

- А ратинки? Живы ли? – спросил Ивашка.

- Какое?! Всех обгрызли! На протяжении десятка верст находили их по одиночке и по частям… Все, что выступало из-под кольчуги, все обгрызано. Я отпевал в закрытых гробах. Потому как, смотреть страшно.

- А кто ж за старосту нынче в селе? – спросил я, а сам вспомнил все, что у меня по жизни было связано с черной волчицей. Значит, не я один у нее в добыче хожу. Значит, и князь здесь добрый был!

- Да ты, княже, видел его, - отозвался поп, - рыжая борода лопатой.

- Что-то не очень слушают его селяне.

- Разболтались без княжьей руки. Везде должен быть один господин! Что – в семье, что – в Великом Княжестве. Как в Царствии Небесном! А общая власть, то есть ничья, - якобы ничья! – она в аду, - горько вздохнул отец Василий, - но и там – только вид один общевластия! А тайно, - без единовластия, - все одно, правит всем князь мира сего.

- Спаси тя Господи, отче! – склонил я голову, но подумал, что много раз слышал это от мудрых людей… - Мы должны уйти завтра до рассвета. Благослови отдыхать.

- Бог благословит, Ангелов вам хранителей, - поднялся тот из-за стола, - доброй вам ночи. Я переночую в своей келье, где посты провожу… Только ставни закрою. Светло еще.

- Отче! – остановил я его жестом, - Ты не замыкай их. Прикрой только. Все равно, один из ратников в стороже стоять будет.

- А что так? – удивился отец Василий.

- Да чтобы не проспать… Как звезды погаснут, так и подымемся… Притомились мы. Крепко заснем… Вот зорька и разбудит.

- Добро, - кивнул поп и ушел к себе. Я определил чреду сторожи. Кратко помолился. И плюхнулся на ворох сена, брошенного тут же на пол. Мне казалось, что я только закрыл глаза, как услышал: «Горим! Пожар!»

А вскочив, увидел, что даже прикрытые ставни охвачены пламенем. Ратники метались в дыму, кашляя и собирая снаряжение. Все бросились в сени. Но дверь не открывалась.

- Подперли снаружи! - крикнул кто-то.

- В окна! Отец Василий! Прыгай первым, - повелел я. Глеб ударил боевым топором по одному, окну, по другому. И мы высыпались из горящей истбы.

- Кто в стороже? – спросил я, оглядываясь.

- Акиндин, - ответил Ивашка.

- Куда ж смотрит этот Мошна? – мне захотелось выругаться, но я сдержал себя… Весь дом отца Василия пылал. Огонь перекинулся на церковь. Половина селян, уже подбежав к ней, кинулись тушить, передавая по цепочке ведра. Но толку от этого не было…

- Вот ваш ратник! – крикнул кто-то из селян. Акиндин лежал лицом вниз, широко раскинув руки, словно пытался ухватиться за землю. Шелом валялся рядом. Ивашка, Глеб, Миша перевернули его на спину. На лбу у Акиндина алела рана.

- Жив! – поднял голову, склонившийся над ним Глеб. Акиндин открыл глаза. Застонал…

- Кто? – наклонился к нему я.

- Не ведаю, князь! – пробормотал он. Сам сел. Потрогал рану на лбу. Поморщился от боли. Проговорил: «Стою в стороже. Только собрался за угол, по малой нужде, - не в церковном же дворе! – повернулся… И тут… Словно молния сверкнула… Более ничего не помню!»

- Святыни выносите! – услышал я голос отца Василия, и, подняв голову, увидел, как тот первым кинулся в двери храма.

- Сам встанешь? – спросил я у Акиндина, но, не дождавшись ответа, повелел: «Ивашка, Глеб, отведите его подальше от церкви.»

А сам бросился за отцом Василием. За мной последовали многие мужики, мои ратники. И скоро священные сосуды, иконы, книги, богатые киоты были вынесены и выставлены вдоль забора, шагов за пятьдесят от церкви. А та уже взлетала пламенем догорающей свечи в небо. Далеко брызгали искры, взмывали вверх и в стороны куски пылающей кровли, целые головешки. У отца Василия кое-где дымился подрясник. Но он, не замечая этого, все рвался и рвался в храм. Мои ратники удержали его.

- Ты уж стой, батюшка! Сейчас уже и не вынесешь ничего, и сам сгоришь! – бубнил Иван Заяц. Вдруг недлинная, но толстая головня со свистом отлетела от крыши и, пролетев до самой толпы, тоже застывшей перед пламенем, ударила в лоб Акиндину Мошне… Все отпрянули… А ратник свалился, закатив остекленевшие глаза.

- Свят-свят-свят! - раздалось среди селян…

- А ну, как на все село огонь-то перекинется! – взвился звонкий бабий голос.

- Молитесь! На колени! – вырвался из рук ратников отец Василий, и сам опустился в земном поклоне. Все, в том числе и мы, последовали за ним. Имена каких только святых не услышал я в эти мгновенья. Призывая Господа, Его Пречистую Матерь, Архангелов, Ангелов, молили селяне и святых Пророка Илию, и святителя Николая, и великомучеников Георгия, Евстафия, Димитрия, и святых жен, и трех отроков с Пророком Даниилом… Бабы причитали, дети плакали, мужики долбились лбами в землю… И не потому ли крыша храма не рухнула, а как-то мягко и медленно осела с низкими и недалеко рассыпавшимися искрами. Тут все вскочили, бросились

растаскивать еще горящие, обугленные бревна, заливать их водой, засыпать землей, хлестать тут же наломанными зелеными ветвями…

Рассвет бушевал вовсю, когда закопченые, измазанные сажей, отец Василий, я, ратники и селяне окружили лежащего Акиндина Мошну. Бабы всхлипывали. Мужики стояли хмурые и молчаливые. Отец Василий шевелил губами. Мы сняли шеломы, подшеломники.

- И с кого ж мне теперь спросить? – раздался вдруг резкий, оглушительный в сгустившейся тишине, голос Зиновия. - Кто ж теперь засвидетельствует Великому Князю, что я сдал двух куриц, окорок, десяток яиц, два хлеба, чтобы тот оплатил? А?!

- Как сдал? Кто должен оплатить? – недоуменно оторвался я от скорбных думок.

- А вот так! Ваш-то ратничек, – явно раздражаясь, разводя руки и приседая, повысил и без того пронзительный голос Зиновий, - вчерась когда брал снедь, говорил, что лично поведает Великому Князю Димитрию: сколько и чего взял… Тот и оплатит!

- Погоди-погоди! – помотал я головой, - А он тебе сколько заплатил?

- Ничего… На Великого Князя кивал. Не за-пла-тил!

- И мне…

- И мне…

- Мне тоже обещал, - раздались из толпы селян голоса.

- Заяц, - мои желваки выскакивали из скул, - глянь-ка под кушаком…

Тот нагнулся над покойником и вытащил на свет Божий несколько туго набитых кошелей… Ратники мои вскинулись, словно кто-то хлестанул им по глазам ивовой веткой.

- Ивашка, Заяц, - бросил я, отвернувшись, - рассчитайтесь с мужиками. Дайте им вдвое больше, чем должно…

- Нам лишку не надобно! – раздался чей-то голос из толпы.

- Что ж мы, нехристи какие?!

- Лихоимство! – грех…

- Для служивых-то Великого Князя я б и даром отдал, - вторили другие. И только Зиновий промолчал. Пересчитал серебро и отошел за спины остальных мужиков.

«Грех подозревать! – вдруг заворочалась во мне мысль, - Но иных моих ратников вороги непременно убивали. А Мошне только в лоб дали легонько… Сам встал. Сам дошел до забора… Неужели продался»? «Грех! Про покойников либо доброе говорят, либо молчат!» - перебила ее другая…

- Братия и сестры! - вдруг раздался голос отца Василия. Я поднял голову. Глянул в его сторону. Он стоял перед селянами в прожженном подряснике, глядя как бы сквозь толпу. Помолчал, опустив глаза. Снова поднял их. И еще громче и тверже сказал: «Вот и вразумил нас Господь за приговор вчерашнего схода. За то, что из-за сытости собственного чрева, продать готовы мы не то, что малую отчинку свою, а общую Отчину - Землю Русьскую! Продать тем, что не выступит за нее, как один, как делали наши пращуры, против поганого Мамая… Мол, отсидимся! В лесах схоронимся! Отсидимся? Тогда, когда со всех краев Отчины нашей, дальних ли, ближних ли, деревни, села, посады, малые да большие города идут поголовно под руку Великого Князя. Отсиделись? Тут же Господь послал Свое вразумление: лишил вас храма, дома Своего, потому, как христиане вы только названием. Сжео-о-ог! Пусть руками слуг антихристовых, коих, сдается мне, приютил наш Зиновий… Лишил Господь вас Своего благословения. Где молиться будете теперь? Или тоже поверите эдакому «ста-а-арцу» пришлому… Так, и у распинателей Господа нашего Иисуса Христа такие же свои «старцы» были! Они и науськали людей кричать, мол, *распни Его*… Му-у-удре-цы, прости, Господи! Не из этих ли и «гость» недавний нашего села

Милехино? Не призывал ли он, отказавшись идти в ополчение, отдать на распятие Землю Русьскую?.. Негде вам теперь молиться Спасителю нашему… Захотели идти не Божиим путем? Идите! Косите! Убирайте хлеб, гречиху. Но не будет вам пользы в них, ежели не покаятесь… Вор утащит… Ржа, червь поест… А я, грешный иерей, не желаю совершать службы и требы у вас. И есть хлеб ваш, замешанный на крови ратников православных и слезах их вдов и сирот, - коих уже избрал Господь для подвига, и кои положат души свои, считая вас другами, за вас, а животы только потому, что кого-то из вас не будет рядом, - тоже не желаю! Вот, сейчас отпою этого московского ратника, каким бы он не был… И уйду. Простите меня, Христа ради!»

Он сделал перед толпой земной поклон. Взял кадило. Подойдя к пожарищу, набрал оттуда угольков. Запел, обходя вокруг тела Акиндина: «*Со святыми упоко-о-о-ой…*»

Мы стояли рядом. Краем глаза я заметил, что и селяне не расходятся. Когда ж отец Василий закончил, из их круга вырвался рыжебородый Силыч, бросил в сердцах шапку о землю, встал на колени: «Прости, отче, Христа ради, нас, неразумных! Бес попутал! Да во-он, Зиновий со своими постояльцами… Может, они и подожгли… Бог им Судия! Зато вразумились все мы! А что до меня, так и сам я, и зятья мои, и сын, только-только из отроческого возраста вышедший, все пойдем в ополчение! Безо всякого жребия!»

Он встал с колен. Рубанул воздух ладонью-лопатой: «Что, Христиане? Что, Православные?! Зажрались мы! Не заелись. Не завкушались. Не затрапезничались, За-а-ажра-а-ались! По-скотски! Хватит! Пора возвращаться в образ Божий. Петька! Мишка! Митька! Дениска! Бегом сбираться! Завтра на рассвете выходим.»

Еще раз рубанул воздух ладонью. Перекрестился. И пошел к своей истбе сквозь образовавшийся между селянами проход.

- И я, батюшка Василий…

- И мы…

- Да что ж, наш род хуже всех, что ли?!

- Анисим, сынок, по-о-ошли сбираться в ополчение…

- Марфа, готовь в дорогу…

- И я с вами, мужики, - раздались голоса из толпы. И она начала редеть. Несколько баб заголосили. Но другие окружили отца Василия, попадали на колени и запричитали: «Батюшка, не оставляй нас…»

- Не сироти…

- Сами, без мужиков, храм новый поставим…

- Обыденный…

- Только не уходи…

- А за мужиков наших молиться станем…

- Живи, покуда, у кого захочешь…

- А коли пожелаешь, переходи из истбы в истбу, покуда тебе не поставим новую…

- А возьмемся сразу, как только мужиков на сечу проводим…

- И матушку твою, и деток прокормим…

Отец Василий растерялся. Взглянул на меня, как бы ища поддержки. Но мне-то куда священнику советовать… Я улыбнулся ему и перекрестился… Ратники уже умывались у колодца. Я присоединился к ним. А селяне вдруг принесли всякой снеди в дорогу: мешки-то Акиндиновы с яствами сгорели. Мужики плату за приношение брать отказались наотрез: «Нечто мы нехристи какие?»

- Своих надо накормить, чтобы потом мамаевы тумены потом не пришлось…

- Берите, служивые, не побрезгуйте…

- Езжайте с Богом. А вашего мы сами земле-матушке предадим…

Вдруг откуда-то вывернулся Зиновий. Взглянув недобро на нас, нарочито спросил: «А за старосту, кого, бабоньки, оставите, коли все мужики уйдут? Нужен-то му-у-ужик».

- Да уж, не тебя! То-о-оже мне, мужик! – уперла руки в бока какая-то дородная молодуха. Ее поддержала другая баба, постарше: «Ты иди, у своих постояльцев старостуй! «Ста-а-а-арец» ему разъяснил! Ишь ты! А может быть, пригрел ты на постое как раз тех, кто нашу церкву спалил. А? Так что, иди отсюдова, покуда из села не погнали. Тоже мне, му-у-ужик… А старостой батюшка будет! Покуда мужики наши не вернутся с победой над погаными.»

- Как же, вернутся… Еще и с победой… - хмыкнул, было, Зиновий… Но бабы так надвинулись на него, что тот мигом отскочил и засеменил к свой истбе.

- Свят-свят-свят! – перекрестилась молодуха… - Язык твой, да тебе же и в…

- Матрена!… - не дав ей договорить, покачал головой отец Василий. Молодуха как-то даже несвойственно для ее вида пискнула: «Простите, батюшка…»

А священник, перекрестившись стал молиться: *«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его…»*

После молитвы, мы оседлали коней. Простились с батюшкой. Он, провожая, осенил каждого из нас широким крестом. А когда мы отъехали, я обернулся… Батюшка все еще стоял на дороге и благословлял.

Утром, проснувшись от трезвона будильника, я даже не понял поначалу, где нахожусь. Спалось сладко и крепко, как в детстве. Отец уже, покряхтывая, поохивая и поахивая от холодной воды и удовольствия, плескался над умывальником. Мать звенела посудой на кухне.

- Проснулся лев, гроза лесов? - улыбнулась она, когда я заглянул туда, - Доброе утро. Как спалось?

- Доброе утро. Спасибо! - мотнул я головой, сбрасывая остатки сна. И пошел в освободившуюся ванную. «Неужели, все изменилось к лучшему?» - мелькнула радостная мысль.

- А что это ты крест надел? – спросила мать, входя без стука в ванную комнату и вешая свежее полотенце.

- Так все сейчас, - пробурчал я первое, что пришло в голову. А про себя подумал: «Трус! Где твое исповедничество»?!

За завтраком мать напомнила: «Я тебя встречу в метро на «Комсомольской»-радиальной, у первого вагона к центру. В пять часов… Оттуда едем на «Пушкинскую» в магазин «Пишущие машинки».»

- Мам, мой рабочий день заканчивается в семьнадцать ноль-ноль. А встретимся, если все будет нормально, в семьнадцать ноль-пять. Мне же до метро еще дойти надо. И давай в шестнадцать часов созвонимся. Контрольный звонок. Мало ли: на работе задержат. У нас рабочий день не нормирован, - опустил я глаза в тарелку.

А сам подумал: «А когда же к отцу Валерию?! Мне ведь срочно надо! С такой грязной душой ходить невозможно»!

- А в пятницу вечером – на дачу? – спросил отец.

- Папа! Я же – только что из командировки. Почти две недели не был на работе. Что там? Как? В «Гудок» надо позвонить. В «Московском железнодорожнике» отметиться… А то перехватит кто-нибудь выигрышный материал. Это же – моя работа!

- Ну, что ж, добро…

Казалось бы, разговор на том и кончился. Однако чувствовалось какое-то внутреннее напряжение родителей… Утренее молитвенное правило я читал в троллейбусе. На память. И все успокаивал себя: мол, придется чем-то пожертвовать ради интересов семьи. Вот еще один вопрос к отцу Валерию: как быть по

воскресеньям? И в храм идти надо, и родители на дачу потянут. Врать, что ли? Но на каждый выходной лжепричин не наберется.

Настроение у меня резко упало. И это, видимо, так явно было написано на лице, что за первым же перекуром Женя озабоченно спросил: «Что? Не удалось поладить с родителями?»

- Как раз, наоборот, - мотнул я головой, - только, похоже, диктат начинается: сегодня – туда, завтра – сюда, в пятницу – на дачу…

- Что ж, они не понимают, что ты – взрослый мужик! Что у тебя – волчья работа…

- Как это – «волчья»? – даже отстранился я от друга, вспомнив черную волчицу.

- Волка-то ноги кормят! И журналиста – тоже.

- А-а-а. Понимать-то понимают. Сердцем. А умом, увы! У них все должно быть, как у всех «нормальных» людей: нормированный рабочий день, а остальное время должно посвящать семье. Мама до сих пор считает работу редактора чем-то, мягко говоря, несерьезным.

- Ладно… Все устаканится. Пойдем отчет о командировке писать.

После обеда в наш кабинет вошла Галина Евсеевна. В руке у нее был наш отчет.

- Молодцы, мальчики! – бодро сказала она, - хорошо потрудились. А не написать ли вам по статье о передовом опыте уральцев в наш «Сборник…»? А?

- А что, Саш, это – идея! – вскинулся Женя. И тут же обвел всех взглядом: «Галина Евсеевна, подскажите, о чем лучше написать? Что полезнее?»

- Э-э-э, нет! Мне нужна ваша инициатива. Евгений Юрьевич, рекомендую вам просмотреть последние «Сборники…», скажем, за десять. Увидите, какую тему еще не поднимали наши авторы. И напишите. Как вы там любите говорить? Лады? – засмеялась она.

- Ну, что? О чем писать будем? – спросил Женя, когда мы спускались в рабочую привокзальную столовую, - здесь же, в подвале здания ЦДКЖ.

- Тебе лучше знать, - пожал я плечами, - по опыту.

- Тогда, так сделаем. Ты согласен, что я желаю тебе добра? Да. Вот поэтому я и советую, и прошу после обеда просмотреть подшивку наших «Сборников…» за последние десять лет. Проанализируй. И сделай выводы: есть ли среди свердловских коллективов художественной самодеятельности такой, - а лучше – два, - направленность которого по всей сети железных дорог еще не освещалась. Потом мы с тобой пролистаем подшивку «Гудка», посмотрим там аналогичные материалы. Тогда и решим, о чем будем писать. Кстати, а почему бы тебе не написать статью о литературной студии, которой руководит Валера? Это – второй пункт твоего перспективного плана работы на будущий год. Третий – сотрудничество с газетами «Гудок» и «Московский железнодорожник». Остальное еще придумаем. Кстати, личные перспективные годовые планы нужно сдать до первого ноября.

Я с благодарностью взглянул на Женю. Но все добрые чувства тут же улетучились из души, как только мы вошли в столовую. Смешавшиеся запахи непромытой посуды, пива и скользкого жирного пола, грязные, грубые, ругливые поварихи и уборщицы, сновавшие туда-сюда, - куда?! – все это и аппетит отбивало, и настроение портило.

- Ты считаешь, что здесь можно обедать? – кисло улыбнулся я.

- Боже упаси! Мы просто пивка попьем, - хмыкнул Женя, - а к нему возьмем в буфете бутербродов с сыром и какой-нибудь соленой рыбкой. А ближе к вечеру в отделе чаек заварим. Раньше мы как-то обедали в складчину: каждый приносил что-нибудь с собой… Но теперь эта традиция почему-то закончилась…

- А что, разве в рабочее время можно пивка попить? – удивился я, вспомнив разрешение на шампанское «после рабочего дня».

- Тебя что, от пива развезет? У нас на дороге в ремонтных депо пиво в столовых продают. Работяги в обед выпивают. Это же – не шампанское! Ни Галина Евсеевна, ни Людмила Петровна ничего еще ни разу не сказали, если я кружечку в обед выпивал. А пиво здесь – что надо!

Я пожал плечами. Пиво действительно было свежим, густым. К тому же в буфете было почище, нежели ее «товарки» в обеденном зале. И полная не в меру буфетчица улыбнулась, видимо, узнав Женю. Уплыла в подсобку и вернулась с подносом бутербродов. Забасила: «Берите, мальчики! Свеженькие! Сыр только сегодня завезли.»

- А с рыбкой есть? – спросил Женя.

- С семгой брать не советую. Уже с душком… Я его хренком «забила». Лучше возьмите с селедочкой. Во рту тает! – плотоядно закатила она глаза.

- Все правильно, - кивнул Женя, когда мы уселись за столик, - бутерброд с семгой стоит тридцать копеек, - потому и лежит, тухнет. Для работяги или среднего пассажира семга – не по карману. А семикопеечный с селедкой – самый пролетарский!

Выпив по кружке пива и закусив бутербродами, мы поднялись в отдел. Я взялся за подшивку «Сборников методических материалов Центрального Дома культуры железнодорожников в помощь руководителям культурно-просветительных учреждений и коллективов художественной самодеятельности сети железных дорог СССР»…

Работа была несложная. Я просматривал оглавления и записывал: «драм» - драматический кружок или народный театр, «фото» - тоже понятно, «лит» - литературная студия, «танц», «муз», «хор»… И так далее, и тому подобное. А напротив каждого сокращения, отыскав в очередном сборнике соответствующую статью, я ставил «галочку»… Но взглянув случайно на часы, чуть не охнул: четверть пятого! Быстро набрал номер: «Мама! Прости, заработался. Никаких новых вводных нет… Уже выходишь? В семьнадцать-ноль-пять жду тебя в метро «Комсомольская», у первого вагона в сторону центра.»

- А почему мы не можем встретиться на троллейбусной остановке? Я же именно на троллейбусе поеду! И продиктуй мне, пожалуйста, твой рабочий номер телефона! - услышал я в трубке холодно-раздраженный голос матери. Я, конечно, продиктовал… А когда мы с ней встретились, она, вместо приветствия, только сказала: «Ну, никак ты не повзрослеешь! Взрослый мужчина, если сказал, что позвонит в шестнадцать часов, так и делает! Впрочем, как и женщина.»

- Мам! Но я же работал!

- То-то я и чувствую, что от тебя пивком попахивает. Ты смотри: втянуться легко, отвыкнуть трудно!

Я вздохнул и ничего не ответил. Мне просто стало скучно. А в магазине пишущих машинок мать вдруг заявила: «Ну, что ж, все посмотрели. Самая дешевая – «Москва». Всего сто тридцать рублей. Никуда она не денется. Осенью купим. Когда на дачу не надо будет ездить. Поехали домой. Алина ужин приготовила.»

Я чуть не остолбенел… Но опять ничего не сказал. И, возвращаясь домой в метро, тоже молчал. Зато мать вспоминала что-то веселое из моего детства, похохатывала… А дома, не выдержав моего молчания, за ужином, потрепала меня по волосам. Почти пропела: «Что ты, Сашенька, невесел? Буйну голову повесил?»

- Простите, - обвел я взглядом ее, сестру, отца, - слишком много архивных материалов сегодня пришлось «перелопатить». Проанализировать… О! Уже десять! Пойду-ка, пожалуй, укладываться…

- А ты что, телевизор смотреть не будешь? – спросила Алина. - Сегодня – «Кавказская пленница»!

- Нет. Я ее тысячу раз смотрел.

- Ну и зря! – встряла мать. - Настроение улучшает. Мы всегда такие фильмы смотрим. И «Бриллиантовую руку», и «Карнавальную ночь». Их сколько не смотри, - еще хочется.

Мне хотелось, съязвив, продолжить: мол, и «Ленина в октябре», и «Человека с ружьем»… Но я опять промолчал. Да что ж это такое?! Где понимание родителей?! Их слабостей, привычек! Где уважение? Почитание, наконец, по-христиански?! Отца я, конечно, очень уважаю. За его знания и сдержанность. Но зачем мне навязывать свои идеалы, свой образ жизни? «В чужой монастырь со своим уставом…» - хмыкнула мысль. «Но почему в «чужой»? Это же – моя семья! Значит, и «монастырь» мой!» - ответила ей вторая. «А где твое христианское терпение, смирение?» - встряла третья. «А где выполнение заповеди: *Почитай отца и матерь твоих?* Не с нарушения ли ее начинаются все грехи?» - невесть откуда взялась еще одна. «Почитал, вроде как, всегда. И помогал. И дома, и на даче, и в гараже!» - ответила вторая. «Ага! – хмыкнула четвертая, - Когда это не шло в ущерб твоим увлечениям, развлечениям, делам. А сколько ты хулил мать, когда жаловался бабушке на нее»! «В этом я уже покаялся! А как иначе? У меня новая, другая жизнь! – спорила вторая, - Может быть, слишком часто слушал мать?! Оттого и личная жизнь не удалась»… «Ха! Слушал? Когда это ты слушал родителей? До десяти лет»?! Я помотал головой, чтобы отогнать эти мысли.

- Что? Тебе нехорошо? – привстала со своего места мать.

- Нет-нет. Все нормально. Просто задумался, - попытался даже улыбнуться я.

- Тебя разбудить завтра? – спросил отец.

- Зачем? Сам давно встаю, - поднялся я, чтобы уйти в свою комнату.

- Будильник заведи…

- Спокойной ночи…

…Утром на работе Женя обратил внимание на мое состояние.

- Ну, Саха! Я бы не смог так! Они настолько тебя любят, словно видят не взрослым мужиком, а пяти-семилетним мальцом. А ты убедить их пробовал? – спросил он.

- Этим только и занимался перед своим последним уходом. - мотнул я головой.

- А может быть, надо потерпеть немного? Смириться. А потом – постепенно, медленно, но твердо освобождаться? – размышлял он. В это время раздался телефонный звонок. Людмила Петровна, взяв трубку, ответила: «Алло… Да… Здравствуйте, Надежда Николаевна. Я – заведующая отделом Людмила Петровна… Нет, ну, что вы?! Ваш сын замечательно работает. Мы даже думаем повысить его. Да, старшим редактором. Месяца через два…»

Людмила Петровна вскинула на нас с Женей взгляд. А я, сломав оказавшийся в руках карандаш, выскочил из отдела. Женя догнал меня в «курилке».

- Не-е-ет, – трясся я весь, - ты только подумай! Мамочка тридцатилетнего мужика звонит к нему на работу и спрашивает, мол, как дела у ее сыночка! А? Каково?! Да будь я начальником, я бы от такого «сыночка» постарался бы поскорее избавиться.

- Да-а-а, – протянул Женя, - мне просто нечего сказать на это… Жилье бы тебе свое! В нашем возрасте хорошо жить подальше от родителей. В одном городе, конечно… Но в разных, далеко расположенных друг от друга районах! Навещать, дарить, самому получать от них подарки. Изредка по праздникам оставаться ночевать. Их приглашать в гости. На день рождения, например. Но не более… А тут, приготовленные завтраки, обеды, ужины, стирки, глажки покажутся золотой клеткой! Пойдем, пивка попьем!

- Не хочу! Могу с тобой посидеть. А вообще-то, мне водки хочется! Но не буду. Сегодня, думаю, поговорю с матерью. Надо: на трезвую голову. А ты-то можешь и пивка выпить.

- Да что ты?! У меня Танюша с дачи вернулась. Я – только ради тебя. Чтобы ты напряг снял.

- Спасибо… Пойдем работать, - и я швырнул окурок в урну. Мы вернулись в кабинет. И я снова принялся листать подшивку «Сборника…».

…- Саша, неужели вы все номера просмотрели? – удивилась Людмила Петровна, когда без четверти пять я положил перед ней свой анализ. - Ну, и каковы результаты? Ваше мнение? Впрочем, что это я? Давайте завтра с утра пригласим Галину Евсеевну и вместе все обсудим. А?

- Лады! – отозвался Женя. Я пожал плечами, и мы закончили рабочий день.

- Ты – домой? – спросил Женя.

- Нет, в метро. Мне тут еще в одно место съездить надо, - пожал я ему руку на прощанье.

…Чем ближе я подходил к храму, тем сильнее щемило сердце. Подумалось: «Как на первое свидание»!

Всенощная только началась. И действительно так сладко стало, когда я увидел знакомые, родные лица Василько, Николая, Марии, Анимаиссы, других прихожан… А не получается ли, что они – роднее родителей, сестры? Нет, что-то здесь как-то непонятно! Отвлекать братьев не хотелось: они молились. Поэтому я встал у задней стены трапезной и попробовал сосредоточиться.

- *Господи, помилуй*! – пел хор.

- *Господи, помилуй*! – подпевали прихожане.

- *Господи, помилуй*! – взывала и моя душа. Но что-то мешало ей. Слова, словно несмазанные шестеренки двигались трудно, со скрипом… Зажглись пятки. Зевота разрывала рот. Глаза слипались. А перед ними то и дело вспыхивали, дрожали, лопались, словно мыльные пузыри, то лица свердловских знакомых, то еще чьи-то, - забытые… В голове жужжали несвязные, рваные, непонятные по содержанию мысли. Я переступал с ноги на ногу, вытирал платком взмокший лоб, пробовал креститься. Но даже мышцы правой руки болели от этих движений. Давненько такого во время службы со мной не случалось.

«А домой-то не позвонил… Не предупредил, что задерживаюсь», - кольнула мысль. И вдруг захотелось уйти из храма!.. Но голос отца Валерия провозгласил: «*Богородицу и Матерь Света в песнех возвеличим…*»

Я бухнулся на колени и уткнулся лбом в прохладный кафель пола.

- Пресвятая Богородица! Помоги! Спаси! Настави! – шептал я. То ли пот, то ли слезы, а, может быть, и то, и другое сыпались на кафель… Вскоре отец Валерий вышел исповедовать. Заметив меня, улыбнулся, прикрыл глаза, как бы здороваясь. Но опять посерьезнел. Сосредоточился. Василько, Николай, Мария, Анимаисса, еще кто-то мимоходом похристосовались со мной и встали в очередь на исповедь.

«Что это они? – мелькнула мысль… - В будний-то день! Не случилось ли чего»? «Да-да! А где же матушка инокиня Мария?» - обвел я взглядом прихожан, но ее не высмотрел. А отец Валерий уже читал молитву перед исповедью. Когда подошла моя очередь, и я начал подробно рассказывать, он вдруг перебил меня: «Ты не очень торопишься?»

- Нет, - удивленно поднял я на него глаза.

- Тогда просто перечисли грехи, а потом, в моей келье и потолкуем.

- Но я не знаю, как некоторые назвать одним словом.

- Да-а-а! Или ты стыдишься назвать или разучился исповедоваться. Дай-ка, я пока только благословлю тебя. Всё. Иди. Дождись.

«Вот как! Ра-зу-чил-ся исповедоваться! А ведь сколько хожу в церковь! Может быть, вообще уйти сейчас отсюда?! Тем более, родителям не позвонил. Они волнуются!» - буравила голову мысль. Во мне росло какое-то непонятное раздражение. На кого? Тут подошли Василько, Николай, Мария.

- Давненько тебя не было видно, - сказал первый.

- Только что – из командировки, - мотнул я головой. Теперь раздражение перекинулось на него: «Тоже мне, наставничек! Контролер! Какое ему дело, когда я в последний раз был в храме»?!

- А у нас – беда, – вздохнул Василько, - мама – в реанимации. Сердце!

Мгновенно перед глазами вспыхнуло доброе лицо матушки Марии с ее глазами цвета живого неба. Я перекрестился: «Господи, спаси и помилуй! Исцели рабу твою инокиню Марию!»

И раздражение, всплывшее перед глазами грязным мыльным пузырем, лопнуло.

- Помоги, Господи! – еще раз перекрестился я и спросил. - Когда все случилось?

- Сегодня, после Божественной Литургии. Помолись дома о ее здравии, - попросила Мария, опустив глаза, наполнившиеся слезами.

- Да что ж это мы?! – вскинулся я. - Помните, как отца Валерия отмаливали? Пойдемьте, все вместе перед святым Алтарем сделаем за нее по три земных поклона! Василько! Ты же сам всегда говорил, что там, где двое или трое…

- Это не я говорил, а Господь… - начал, было, он.

- Что же ты и сейчас всех поучаешь?! – покраснев, покачала головой Мария. - Александр дело говорит! Я удивляюсь: ведь никто из нас, - во-цер-ков-лен-ных! – ни я, ни Коля, ни ты, наш вселенский учитель, не додумались…

- Дерзишь, девица?! – вскинулся Василько.

- Хватит, брат, – вдруг резко встрял Николай, - Мария правильно сказала. Не о мужском первенстве надо сейчас думать, а о мамином здоровье! О жизни… ее…

Василько удивленно перевел взгляд с сестры на брата. Раскрыл рот, желая что-то сказать. Но… потупился и тихо произнес: «Простите меня.»

Мы прошли к Алтарю, где положили по три земных поклона за здравие тяжко болящей инокини Марии.

- Ты – домой? – грустно спросил меня Василько, когда мы подошли к выходу из храма.

- Батюшка просил подождать его. А вам – Ангелов-Хранителей в дорожку… - в первый раз за вечер улыбнулся я. Тут как раз и отец Валерий вышел из Алтаря.

- Ну, что, чадо мое непутевое, пойдем на разбор твоих полетов «во сне и наяву», - кивнул он мне. В келье я сразу бросился к телефону.

- Родителям надо позвонить! – объяснил я отцу Валерию. Тот кивнул.

- Ну, что же ты не звонишь?! – услышал я в трубке голос матери, - Я волнуюсь. У отца – больное сердце… Ох, когда же ты повзрослеешь?!

- У меня – важная встреча, - ответил я.

- С женщиной? – хмыкнула мать.

- Нет. По делу.

- Ночевать приезжай домой. Обязательно! Понял? Если мы будем спать, ужин – на столе под салфеткой. Не задерживайся слишком поздно!

- Да. Спокойной вам ночи, - пожелал я, счастливый оттого, что так кратко удалось завершить разговор, и вздохнул. - Ф-ф-фу! С первого дня, батюшка, такой диктат! Словно мне - лет пять-десять…

- Так ты же и остался для матери пяти-десятилетним, - хмыкнул отец Валерий.

- Как это?

- Как? Помнится, ты мне рассказывал, что сестра твоя родилась, когда тебе было девять с половиной лет. Родилась болезненной. Мама твоя постоянно лежала с ней по больницам. Папа – на службе: на дежурствах, в командировках… Так? Ты был предоставлен самому себе. Вот, подсознательно, мамочка твоя и наверстывает упущенно внимание к тебе, заботу, уход. Кстати, а ты кому-нибудь рассказываешь о чрезмерной опеке с ее стороны в серых или даже черных красках?

- Ну-у-у… Так, делюсь иногда, советуюсь… А за прошлое, - с детства, - я вам и каялся…

- Ай-ай-ай! Нельзя этого делать! Наверняка, в таких разговорах ты пытаешься обелить себя, обвинив во всем родителей. А что нам говорит святой Апостол? *Хулящий отца и матерь свою смертию умрет*… А?

- А что же тогда делать, когда не знаешь, как поступить, сказать в конфликтной ситуации?

- И это спрашиваешь ты?! Впрочем, все мы такие! Что делать? Мо-лить-ся! Просить о вразумлении! И в первую очередь – самого себя!.. Время позднее. Давай, рассказывай о поездке. Что ты там наворотил?

Я и рассказал… И о том, как в дороге Женю подозревал, осуждал… И о «полоумном» старике-дворнике… И о пьянке с блудом у проводницы Маши… И, наконец, о возвращении к родителям.

- Ну-у-у.., - отец Валерий даже головой замотал, - наворотил же ты! Действительно, наворотил! И что, не понимаешь, как назвать свой каждый грех одним словом?

- Ну-у-у… То, что Женю осуждал, - понимаю.

- Вот тебе, во-первых, подтверждение святоотеческой истины: в чем кого осудишь, в том сам трижды будешь! А остальные грехи?..

- Батюшка! У меня такое ощущение… Будто это не я наворотил. Как будто со стороны на кого-то, внешне похожего на меня, смотрю. И противно – до тошноты!

- Это – не ты! Это твоя душа на тебя смотрит! Оттого – и противно! Это – во вторых.

- Батюшка! Помоги же разобраться!

- Ну что ж… Если просишь, начнем опять с «азбуки». Первым делом –пьянство. Именно в нем, как говорит нам опять святой Апостол, – блуд. Блудные помыслы у тебя появились еще в поезде, по пути в Свердловск. И не отрицай! Ты заподозрил друга в том, чего нестерпимо хотелось самому. Ты стал еще больше пить… Правда потом весь ушел в работу. О старике, которого ты, прости тебя Господи, назвал полоумным, поговорим в конце нашей беседы. Приняв блудный помысел, ты согласился с ним. Это – уже грех. А дальше – больше. И взяли тебя в оборот все, - заметь, все! – смертные грехи! Каждый из гостей Марии-проводницы олицетворяет один из них. Это – их дело. А твое? Ты поддался им всем, принял их и включился в их бесовскую вакханалию! Я говорю не о людях, - спаси их Господи! – а о грехах. Таким образом, ты согрешил всеми смертными грехами, определенными, - каждый одним словом, - в Законе Божием. Есть их перечисление и твоем Молитвослове.

- Я каюсь, – воскликнул я, - но не помню!

- Нет, мой дорогой! По глазам вижу, что не каешься! Ищешь лазейки для оправдания. Одна из них – твое безпамятство. Но ведь и оно – производная греха! Женя, мол, рассказал. А ты что, не веришь ему? Если так, то как же вам вместе работать? А?

- Верю… Но…

- Вот-вот! А чтобы покаяться, надо поверить безо всяких «но». Представь теперь, что твой сотрудник и друг – безразличный негодяй. Сказал бы он тебе: мол, все - нормальненько, погуляли отличненько, ты себя вел примерненько, как настоящий мужик! И остались бы твои грехи не-рас-ка-ян-ны-ми! Как бы ты предстал тогда на Суд Божий?! К слову, бесы умеют память отключать у тех, кто подчинен им. Вот, с этой точки зрения проанализируй всё. И в воскресенье благословляю исповедаться.

- Ну, а как же теперь с родителями быть? Не могу же я каждое воскресенье врать, что еду на редакционное задание. Я не успел вернуться, а они на каждую пятницу планируют выезд на дачу. А возвращаться – вечером в воскресенье.

- Лгать – вообще грех! – отец Валерий встал и прошелся по келье. Расправил плечи до хруста в суставах. Подошел к книжной полке. Достал и протянул мне тоненькую брошюрку: «Вот, почитай это житие. Обрати особое внимание, как святой великомученик Пантелиимон Целитель объяснил отцу свое отсутствие дома, когда вникал в азы нашей веры. Я же советую тебе и благословляю присутствовать на воскресной Божественной Литургии раз в месяц. Конечно, до конца дачного сезона. Но вместе с тем в будни - бывать на Всенощной раз в неделю. Вечерами-то ты всегда можешь задержаться на работе. А? Хотя это – и есть работа над твоей душой!»

- Спаси Господи, батюшка!

- Теперь я хотел бы услышать про старика-дворника. Ты его назвал, прости Господи, полоумным… А ведь это – грех! Во-первых, он - старый человек! Представь, если бы какой-нибудь самонадеянный юноша назвал так твоего отца. А? Во-вторых, даже о поврежденных рассудком Православных Христианах говорят: «болящий». А Святое Евангелие учит, что назвавший другого безумцом, сумасшедшим, дураком и так далее, будет наказан Богом вплоть до геены огненной. Но, все-таки…

- Рассказывать-то особо нечего. Нет, он что-то говорил о последнем Российском Царе, мол, чуть ли не святой он… Вообще о Царской власти… О ее каноничности согласно Священному Писанию… Я и подумал: дворнику ли, сторожу ли - о таких вещах рассуждать..?

- Дворник, говоришь? А какой двор он метет?

- Не помню. Где-то в центре Свердловска. Двухэтажный, старинный дом. За глухим забором. А… Там еще архив какой-то…

Отец Валерий встал, подошел к книжной полке. Что-то поискал там. А найдя, протянул мне фотоснимок: «Не этот ли дом?»

- Точно! Этот! – удивленно кивнул я.

- Да-а-а.., – протянул отец Валерий, - не помнишь, говоришь? Грехами своими открыл ты лазейку в душу свою для лукавого. А тот похитил благодатную память о том, что старый, - а возможно и святой, - человек поведал тебе. А ведь поведал-то очень важное.

- Вспомнил! Он тоже говорил, что враг может похитить… И еще просил передать вам что-то… На словах… Нет, не помню…

- Что ж тебе так везет-то?! А? Как бы мне сейчас хотелось потолковать с этим сторожем-дворником!..

- Батюшка, – перебил я, - еще одно! Тут несколько раз вставала передо мной картинка. Только живая! Семь человек… Мужчина с женщиной сидят… Между ними, вроде бы как, на коленях у мужчины, – мальчик лет десяти, или даже тринадцати, должно быть… А позади их - четыре женщины… Нет, пожалуй, даже девушки… Лиц не видно, - одни очертания, словно за густым тюлем они, или за марлевой занавеской… В полутьме. И слабая подсветка – сзади.

Отец Валерий удивленно вскинул брови: «Ну-ка, ну-ка? Семеро?»

- Да! Именно так, как я рассказал вам. Даже здесь, в Москве, в квартире родителей, в своей комнате я видел их. Так вот, и подумалось: не семь ли это добродетелей?! В противовес семи смертным грехам!

- До-бро-де-те-ли, – медленно, но громко произнес отец Валерий, глядя вниз, в сторону, куда-то за пределы кельи, - да-да! Именно – добродетели! Они же все олицетворяли какую-нибудь добродетель! И этим стяжали полноту святости! Молодец, Александр! Не нам, не нам, а имени Твоему, Господи, – слава!

- Кто они? – помотал я головой. Но отец Валерий, не ответив, перекрестился, пошевелил губами, потряс головой, словно отгоняя какие-то мысли. Сел. Хлопнул себя ладонями по коленям. Весело сказал: «Вот, и поищи в себе эти семь добродетелей – в противовес своим семи смертным грехам! И сотвори их после покаяния. Но не думай, что так легко отделаешься от грехов. За них надо ответить. Как ответил

раскаявшийся на кресте разбойник. Повеси-ка на одних руках, с перебитыми голенями часа три, прежде, чем Господь приберет твою душу в радость Свою… Но зато потом – Царствие Небесное! И первый признак того, что Господь прощает тебя, - скорби! Готовься! Постарайся достойно перенести их. Если, конечно, они настигнут. А чтобы полегче было, прими епитимью: ежедневно, хоть в ванной комнате, делай три земных поклона с Иисусовой молитвой, спиртное – только на даче или дома с отцом. И – полное послушание родителям. Исключение – посещение храма, как мы с тобой договорились. Глядишь, так и Господь полегче епитимью пошлет… Ну, как?»

- Благословите, батюшка, - протянул я ладони. Отец Валерий широко перекрестил меня. И я отправился домой. Было уже около полуночи…

…Утром я проснулся от какого-то гомона, доносившегося с кухни. Слов невозможно было разобрать, но стало понятно, что отец с матерью разговаривают на повышенных тонах.

«Ох, как надоели мне эти скандалы!» - сбросил я одеяло, рывком поднялся и вышел из своей комнаты. Но остановился, едва приоткрыв дверь в ванную. Разговор шел обо мне. Я невольно прислушался.

- Ну, зачем? Зачем, скажи мне, ты звонила ему на работу и разговаривала о нем с его начальницей? При этом вспомни, – звучал голос отца, - как сама же возмущалась, когда моя мать писала ко мне в академию письма, расспрашивая обо мне и жалуясь на то, что редко приезжаю к ней во Владимир!

- Я вообще-то позвонила ему! А трубку взяла Людмила Петровна, заведующая отделом. Мы и поболтали по-женски! В чем здесь преступление?! – даже не пытаясь оправдаться, а наступая, отвечала мать.

- Преступление – в том, что ты «по-жен-ски» перед женщиной, - пусть даже начальницей отдела, - принизила авторитет трид-ца-ти-лет-не-го сына!

- «Ав-то-ри-тет»! – передразнила мать, - Он в армии сам свой аторитет принизил! А здесь еще не заработал. Поэтому меня как мать очень волнует, чтобы он снова «дров не наломал»!

- Ну, хорошо. Представь теперь сама, как на работе будут относиться к Саше после того, как «ма-моч-ка» звонит… Итересуется о взрослом мужике! Мол, как там мой мальчик великовозрастный? Не шалит ли? Хорошо ли работает?! А то я ему – ата-та! А? Не смешно ли до грустных слез? Ему же – не десять лет!

- Вот именно, не десять! Именно в десять нужно было думать о его воспитании! Как я не хотела Алину рожать! Так ты настоял! Вот, и упустили парня! И в армию ты разрешил идти!

- Где это мы упустили?! Он, пережив та-а-акое, сумел встать на ноги! Вся страна его читает! Где упустили?

Я громко хлопнул дверью в свою комнату. Голоса в кухне умолкли. В ванной я погромче включил воду и долго фыркал, обливаясь по пояс. А войдя в кухню после умывания, делано-весело произнес: - Доброе утро!

- Ну, и как ты вчера съездил по-де-лам? – вместо ответа спросила мать и поджала губы. Отец повел глазами, мол, она нынче не в духе…

- Могу показать блокнот с записями, которые сделал, - вскинулся я, - отчитаться, так сказать…

Захотелось спросить, мол, ты выполнение всех моих редакционных заданий решила проверять, как уроки в школе, не рабираясь в моей работе? Но я, пожалев отца, промолчал…

- Да, уж, не надо, - жестко отчеканила мать. Поджав губы, велела: «Садись завтракать!»

За столом мы все молчали… «Замечательный у меня отец!» - подумал только я, быстро допивая кофе, и со словами «мне сегодня надо пораньше», убежал в свою комнату.

С холма, на который поднялась дорога, виднелась Коломна. «Ну, слава Богу! – подумал я, - Это – отчинка Великого Князя! Посадник – верный человек. К тому же город – велик. Нечисть не особенно побалует»…

И действительно, широкоплечий, осанистый князь, лет сорока-сорока пяти, встретил нас, как родных. Досадовал только, что посадник, князь Микула Васильевич Вельяминов, в отчинку свою, в село Микулинское отбыл. И первого воеводу, Ондрея Саркисова с собой прихватил…

- А мы ведь околицей Микулинское прошли. В Коломну спешили! – теперь подосадовал я. А встретивший, хлопал меня по плечу, хотя мы раньше не были знакомы, похохатывал, шутил, велел тут же отвести в баньку, которая как раз оказалась натопленной. И я, и ратники мои с радостью согласились. Но когда, напарившись и еще не успев одеться, мы вышли в предбанник, на нас… накинули сети. Тут же скрутили и вывели, - каждый оказался между двумя рослыми ратниками с обнаженными боевыми топорами.

- Ну, что, ироды?! Ха-ха, – совершенно другим встретил нас из бани тот же князь, замещавший посадника, - попались?! Тут вам младенческим мясцом не поживиться! Слава Богу, князь Ляксандр сумел уйти от вас, да меня предупредить…

- Какой князь Ляксандр?! – дернулся, было, я, но тут же получил затрещину от ратника.

- Он еще спрашивает! Гляньте-ка на него, душегуба. Или не ты со своими подельниками одного отравил… Другого… Да что с тобой говорить! Я даже Великого Князя ради твоей иродовой шкуры безпокоить не буду. У него – дела поважнее! Сам казню. Уж не знаю, кому вы там молитесь… Князь Ляксандр сказывал, что бесам… Отдать бы вас народу. Да рассказать про ваши изуверства. Разорвут, как есть, разорвут! Но я по-христиански поступлю. Завтра утром – на плаху!

- Что несешь? Князь Ляксандр, гонец Великого Князя Димитрия Иоанновича, – я! Знак же тайный я показал тебе!

- Поглядите на него! Зна-а-ак? Да ты выкрал его у князя Ляксандра настоящего! Ишь ты! Дураков ищет! И лжет еще… Хватит болтать! В погреб – их. А завтра казним.

В это время на крыльцо вышел молодой, холеный, словно девица на выданье, чем-то знакомый мне молодец в ярком дорогом кафтане. Презрительно взглянул на нас. Хмыкнул. Повернулся к оставшемуся за посадника: «Благодарю тебя, княже, за хлеб-соль. Мне пора. Вели подать коня.»

- Что ж ты, князь Ляксандр?! На ночь-то глядя? Остался бы, переночевал. Завтра на рассвете поглядел бы на казнь обидчиков твоих и ворогов Земли нашей Русьской! - кивнул тот на нас.

- Не терпит дело Великокняжеское!

- Давай же, я тебе провожатых ратников дам. Десяток. А, коли желаешь, полусотню. А то Димитрий Иоаннович потом спросит с меня: как, мол, без сторожи отпустил?

- Сам доберусь. Не впервой! - гордо вздернул подбородок лжекнязь, лже-я...

- Господи, Помоги! Вразуми! – прошепттал я. И вдруг вспомнил, где видел того, кто сейчас себя за меня выдает! Да-да! Во сне! В свите колдуна у костра! Он что-то твердил про мою гордыню!

- Эй, – крикнул я, - коли ты – князь Ляксандр, значит крещеный. А ну-ка, перекрестись! Я бы и сам тебя перекрестил, да руки спутаны

- Что-а-а? – лже-я неспешно подошел ко мне. Желваки у него ходили, как мышцы у коня после скачки. Глаза светились красным, злобным светом. Он остановился почти вплотную ко мне. Пробуравил взглядом и… ударил в поддых.

Когда же я согнулся, взял меня за волосы и с силой ткнул лицом в свое приподнятое колено. Прошипел: «Завтра своего Бога будешь учить креститься!»

И тут, сквозь красную пелену, я увидел за его спиной невидимых для других, старика и всю шайку нечисти, пляшущих так же, как и во сне, вокруг костра.

- Не печаль сердца, князь Ляксандр! Эти ироды завтра получат своё. Не могу препятствовать тебе. Ангела-Хранителя в дорожку! – ласково проговорил ему оставшийся за посадника. А ратникам, стоявшим вокруг нас, крикнул резко: «Чего ждете? Велено же: иродов – в погреб!»

Нас оттащили и бросили по ступеням вниз, в сырой ледник. Наверху громко лязгнул затвор.

- Да-а-а, – протянул Заяц, - взяли нас в оборот… Ну, понимаю: погибнуть в сече! А тут… На плахе… И от своих же! Господи! Спаси, помилуй, помоги!

- Двайте все помолимся! – подал голос Ивашка… - Дядька Афанасий любит повторять: там, где двое или трое собрались во имя Господне, там и Христос - с ними.

И первым начал: *«Боже, милостив буди мне, грешному…»*

Но вскоре между его слов я услышал всхлипывания… Да и что греха таить, у меня самого молитва была только на языке. А в голове и в сердце всплывали картины жизни с Еленой, с Аллой… Их образы сменялись расплывчатыми лицами детей, князей Ондрея, Герасима, Димитрия Иоанновича, Данилы Пронского… Вспомнил я и Афанасия, и матушку Агафью, и погибшего от черной волчицы Филиппа, и других мужиков… Вспомнил отца Антония… В голове вспыхнула какая-то мысль, но я не сумел различить ее. И тут вдруг не я, а кто-то другой, - но моим языком, - зашептал: - Спаси, Господи, и помилуй рабов твоих…

Я стал громко перечислять имена всех, кого помнил. Потом крикнул сополонникам: «Молитесь! Перечисляйте имена ближних! Молитесь об их здравии!»

Долго говорили ратники. С надрывом перечисляли имена живых сродников, друзей, духовников, очевидно, как и я, тут же вспоминая их лица. А когда закончили, я почти вскричал: «Господи! Спаси и помилуй их! Даруй им здравие душевное и телесное! А их святыми молитвами спаси и помилуй нас, грешных! Ради дела нашего… Ради славы Твоей!»

Помолчал… И снова заговорил: «Помяни, Господи, души усопших рабов твоих…»

Снова перечислял имена ближних. Снова ратники продолжили, вспоминая своих… И снова, после наступившего молчания, я воззвал: …- И всех Православных Христиан, зде лежащих и повсюду Православных, наипаче же за Веру, Великого Князя и Землю Русьскую животы, а души – за други своя положивших! Наипаче же от ворогов Твоих умученных. Прости им все согрешения их вольные и невольные и даруй им Царствие Небесное. А ежели кто во Царствии Твоем, их святыми молитвами нас, грешных, прости, спаси и помилуй…

Я повалился на бок. Поначалу – от изнеможения. Даже здесь, в погребе, все тело мое покрылось горячим потом. Но вскоре в душу хлынул какой-то радостный, восторженный покой… Словно я причастился Святых Таин… Ивашка и ратники тоже замолкли. Но вдруг сверху, из-за двери в погреб послышался какой-то нарастающий шум. В нем смешались цокот копыт, звон доспехов, оружия, веселый говор людей.

- Не менее сотни пришло на двор, - подал голос Заяц.

- Нам-то что с того? – невесело хмыкнул Глеб и добавил. - Не на много меня Борис обогнал… Завтра свидимся.

- Уже – сегодня! – отозвался Ивашка.

- Тише вы! - прикрикнул Заяц.

- Шустрый ты, Никитушка, - послышался голос князя, оставшегося за посадника, - самым первым пришел!

- Да ждать больно тоскливо! Руки чешутся. Душа изболелась за Отчину нащу общую! – прозвучал удивительно знакомый, но неузнанный, веселый голос.

- А что ж нижегородцы? Князь Димитрий Константинович? Придут?

- Нет. Бог им Судия! Свою сотню с мужиками я привел. Да следом за мной еще двое князей нижегородских, - из меньших, - по сотне ратников ведут. Они замешкались. К тому же, мужики нижегородские, ополченцы по пути сюда к ним тоже прибились… Да еще с обозами! Сотен семь у Гороховца я насчитал. Со своими харчами! Чтобы вас, коломенцев не объесть!

- А мы готовимся! Весь год запасы делали. Ведь та-а-акое дело предстоит! – хмыкнул заместитель посадника.

- А как сестрица моя, супруга твоя Иулианушка?

- Слава Богу! Слава Богу! Жива, здорова! Не велел ее будить, чтобы вас встретить. Непраздная она опять! На сносях.

- Это ж который по счету, живулечка-то?

- Де-е-евятый! Старшие-то двое уже мечи к руками примеряют. На сечу готовятся. А тут Бог еще одно чадушко посылает. Слава Тебе, Господи! А твои как?

- Тоже - слава Богу. Кланяются вам…

- А тестюшко твой все в орде околачивается?

- Помер он там. Или… отравили. Царствие ему Небесное…

- Ну, что ж мы стоим? Идем в терем! Там, поди, для тебя с дорожки и стол накрыт. К тому же, мне завтра вставать рано. И-и-и! Тут уже до казни и ложиться – резону нет! На рассвете казнить будем несколько ворогов. Иродов! Они Великокняжеского гонца, князя Ляксандра едва не извели. Тот, слава Богу, ушел от них. До Коломны в одних подштанниках доскакал. А ратники его все погибли… Царствие им Небесное!

- Погоди-погоди! Знавал я одного князя Ляксандра. Доверенного Димитрия Иоанновича. На Пьяне-реке, почитай, плечом к плечу с погаными рубились… Тоже тогда едва ушли. Так он сейчас – у тебя?

- Не-е-е… Ускакал. Так ты ж его по дороге встретить должен был.

- Не встречал никого… Наоборот все на Коломну шли. Так мы их обогонали.

- Странно… Ну, да ладно! Идем в терем.

И голоса смолкли. А я напрягал память. Князь Никита… Сотник… Тесть – в орде… Сеча на Пьяне… Но ничего припомнить не мог… Вскоре лязгнул затвор.

- Выходите, ироды! – крикнул ратник. Мы выполнили повеление. На дворе нас поставили перед широкой плахой, в которую был воткнут большой топор. Ратники, окружив нас, ощетинились внутрь круга пиками. Так мы и простояли некоторое время, пока из-за дальнего леса на другом берегу Оки не показалось солнышко. Дверь терема открылась, и на его крыльце показался наш полонитель. Он зевнул, сел на давку, здесь же покрытую ковром. Я опустил голову: не будет спасения…

- Последнего слова я вам не дам! - еще раз зевнул оставшийся за посадника… - А поелику вы – нехристи, - князь Ляксандр мне все поведал, - священник для исповеди вам тоже – ни к чему…

- Мы – Христиане! – громко пробасил Иван Заяц.

- Будет врать-то! Чего время тянете? Перед смертию не надышишься. Христиане, чтобы вы узнали хотя бы перед смертью, человечины не вкушают. Истбы попов и храмы Божии не поджигают. Кресты с убиенных не снимают… Да, что там говорить?! Времени на вас жалко… Ну, кто – первый?

- Я, – выступил вперед Глеб, - только равяжите, чтобы перекреститься…

- Князь Ляксандр! – раздался резкий, знакомый голос, и я поднял глаза. Из терема вышел… князь Никита, который встретил наши сотни, когда мы еще только шли на Пьяну-реку.

- Ты что ж это, брат?! - кинулся он к нашему нашему судие. - Я ж его знаю! С ним мы на Пьяне-реке отбивались от Арапши! Я свидетельствую: это – князь Ляксандр, гонец, как и тогда… Гонец Великого Князя Димитрия Иоанновича.

- Как же так! – вскочил, мгновенно вспотев, с лавки оставшийся за посадника. Глаза у него забегали: «А тот, кого я принял, накормил, напоил, коня дал… Он – кто?»

- Вот он-то – и есть ворог! – громко сказал я, хотя ноги мои подкашивались. - Развяжи меня и моих ратников.

Недавний судия наш подбежал ко мне, рухнул на колени: «Как князь – перед князем! Как Православный Христианин – перед Православным Христианином! Прости ты меня, Христа ради! Что Великий-то Князь теперь скажет? Да что он! И до него еще, – как судить будет князь Микула Васильевич?! Посадник наш…»

И, не поднимаясь с колен, крикнул коломенским ратникам: «Чего стоите?! Развяжите! Быстро! Воды! Меду! Одежду, снаряжение, оружие!»

- Бог простит, – поднял я его с колен, - и я – туда же… Эта нечисть любому голову может заморочить.

- Ай-ай-ай! – сжал ладонями виски наш недавний полонитель. А я обнял князя Никиту: «Ну, если б не ты, катилась бы моя голова сейчас по зеленой травке к самой Оке… Спаси тя Господи!»

- Идемте же в терем… - хватал за рукава попеременно меня, моих ратников, князя Никиту оставшийся за посадника. - Ох, чуть не взял на себя грех, вопиющий на небо об отмщении!.. Вы ж – голодные! Холодные! Чуть души невинные не загубил! Прости, Господи!

- Успокойся, князь, – положил я руку ему на плечо, - ничего я не скажу Димитрию Иоанновчу.

- Правда? Ну, спаси тя Господи! Да я сей же час повелю догнать, изловить ирода того, который опорочил тебя!

- Это – безполезно! Ловить-то придется нечисть! Закажи молебен! И повели дать нам лучших коней. Мы после трапезы должны дальше идти. Провожатых не надо.

- Да-да, - он повернулся к ратникам, - эй, кто там? Выполнить все повеления князя Ляксандра!

За столом я рассказал обо всех наших приключениях. Хозяин терема безпрестанно крестился: «Свят-Свят-Свят! С нами Крестна сила!»

А я не судил его! Пережить такое, - выслушать рассказы о таких изуверствах! – не каждый, даже сильный, человек сможет спокойно. Как я-то все это пережил, - и не ведаю! Князь Никита молчал, хмурился, изредка накладывал на себя Крестное Знамение. А в конце моего повествования все же не выдержал: - Если бы не ты рассказал все это, я бы назвал бабушкиными сказками.

…Солнце уже стояло высоко. Прощаясь, я похристосовался с князьями. Коломенские ратники опустили головы. Но когда я был уже в седле, самый старший из них, сделав шаг к нам, опустился на колени: «Простите нас, братие, ради Христа.»

- Бог простит, - бросил я, натягивая узду.

- И мы – туда же, - ответил кто-то из моих.

…За Окой дорога вдоль нее все время шла лесом. Я подумал, мол, вороги вряд ли знают, что мы остались в живых. Это успокоило меня. Кони наши шли резво. Произошедшее с нами ушло куда-то в тайники памяти. Будто и не нас нынче на рассвете хотели лишить головушек…

Но верст через пятнадцать мы увидели побоище. Какие-то разбойники грабили обоз, шедший на Коломну. Я придержал коня. Мои ратники поравнялись со мной.

- Полсотни наберется душегубов-то, - растянул, оценив обстановку, Иван Заяц, - грех не вступиться. Обоз-то, поди, ополченческий…

Я задумался. Нас – всего семеро. Ну, хорошо, на скаку каждый успеет выпустить по паре-тройке стрел. Это, - самое лучшее, - два десятка душегубов. Сумеем

ли остальных одолеть? Не разменяю ли дело Великокняжеское?.. А как же заповедь Божия? И-и-и-эх! Была – не была!

- Сперва берем в стрелы! Чтоб каждый на скаку не менее трех пустил! – тихо говорил я ратникам. - А потом – держаться все время рядом, прикрывая спины друг друга. Приготовьте арканы. Но большинство татей надо порубить,

Так мы и сделали. Из-за собственных суеты и гвалта, разбойники заметили нас только тогда, когда больше полутора десятков их упали, пораженные стрелами. Тати оказались обыкновенными мужиками. Луки их были закинуты за спины. Остальное оружие, - рогатины, топоры, ножи, дубины, - мало помогало против моих, хорошо обученных для сечи, ратников. Скоро семеро разбойников, оставшихся в живых и теснимых нами, сбились в кучу. А к последней телеге были привязаны, спутанные между собой, как я понял, возницы обоза, - тоже мужики. Я рассек путы мечем. Полоняне разбойников упали на колени.

- Спаситель ты наш…

- Спаси тя Господи…

- Скажи имя, князь! Всю жизнь молиться за тебя будем…

- Да хранит тя Господь на всех путях твоих…

- Дай Бог здоровья княгинюшке, деткам твоим, домочадцам! – причитали они, срывая с рук остатки веревок. Ратники тем временем связали разбойников. Спешившись, я спросил их: «Чьи будете?»

- Прости нас, князь! Бес попутал, - исподлобья глянул на меня молодой, больше похожий на отрока, безбородый мужик.

- Это какой же бес повелел тебе лишать живота Христиан-единоверцев? – подскочил к нему один из возниц. Сквозь слезы указал: «Глянь-ка, князь! Митяя, Гришаню, Дениску, Прошку убили! Тимофею руку отрубили!»

Я остановил его жестом. Повторил свой вопрос разбойникам.

- Рязанские мы, - ответил безбородый.

- А каким же ветром вас сюда занесло? – сдвинул я шелом на затылок… - Земля-то до Луховиц – Московская!

- Эт-то как сказать.. - начал, было, пожилой разбойник, но замолчал, получив тумака от Зайца.

- Промышляли мы на Оке… Так испокон веку наши деды и отцы делали… Заночевать, было собрались, - продолжал безбородый, - но тут к костру какой-то дедок подходит. Старец – не старец… В чем-то похожем на подрясник… Стра-а-ашный только. Я даже подумал: не лашак ли?!

- Молчи уж, дурень, – перебил его светлобродый, тощий, как жердь мужик, - али забыл, что он деткам нашим да женкам обещался сделать, коли кому что про него скажем?!

И тут безбородый охнул, закатил глаза и, поворачиваясь ко мне спиной, осел… Из-под лопатки у него торчала стрела… Нет! Это был болт самострела!

- Княже! – крикнул вдруг Глеб и, бросившись ко мне,.. Обнял. И тоже начал оседать. А изо рта у него выползла алая струйка…

- И-и-и-эх! - услышал я голос Зайца, и, приседая, чтобы поддержать Глеба, увидел, как тот метнул в сторону леса топорик. А там, куда был направлен бросок ратника, с самострелом в руках стоял страшный старик, - так знакомый, но неузнаваемый мною. И чудное дело: топорик, летевший прямо ему в грудь, вдруг как бы приостановился, сделал полукруг, огибая ворога, и воткнулся в сосенку за спиной злодея. А тот словно растаял в воздухе… Я опустил глаза на уже лежащего Глеба. Из его спины тоже торчал болт.

Глаза мужиков-возниц, ратинков, разбойников расширились от какого-то безумного ужаса. «Да-да! Этот был старик из моего последнего сна. Мы тогда еще

потеряли Бориса, - скользнула мысль, - Но ведь и раньше я его где-то видел»! И тут же из лесной чащи донесся волчий вой.

- Свя-Свят-Свят! – закрестились мужики-возницы и ратники.

- Волки летом не воют, - крутанул головой Заяц.

- Что застраховали?! – я постарался придать веселость своему голосу… - А волки чуют скорую поживу после главной сечи с погаными. Волки-то – наши, русьские! Для нас на земле нашей родной каждая сесёнка – родная сестренка, каждый дуб – крепостной сруб. А уж звери – тем паче!

Я говорил, и сам не верил своим словам про волков… Хохотнул даже для вида: - Ну, вот что, мужички! Привяжите к обозу этих татей рязанских, да летите во весь опор на Коломну. Сдайте там свой товар, а разбойников – наместнику, или воеводе, который за него остался. Положите только упокойничков в телеги. Заодно и нашего ратника, невинно убиенного раба Божиего Глеба. А нас дело поджимает.

- Сделаем, княже!

- Все исполним, как повелел…

- Похороним! Отпоем!..

- По-христиански, как положено…

- Только не товар это, князь. Село наше харчи для рати русьской послало. А мы, стало быть, из ополчения. Остальные позже подойдут.

- Ах, вы! Злодеи! – замахнулся я на разбойников плеткой. - Все сейчас на общего ворога идут! Последнее отдают! А вы это последнее – и грабить?!

- Да, не ведали мы о том, княже! – заговорил один из связанных рязанцев. - У нас, у самих совсем житья не стало! Князь-то наш только-только из орды вернулся. А без него мы, словно сироты, жили… Вы-то, московские, его за иуду держите. А он сколько раз землю Рязанскую спасал! Предупреждал, что набег идет. Чтобы, значит, по лесам хоронились. А как уехал он, так и осиротели мы. Разо-о-ор! И в Рязани самой, и в посадах, и в селах! А мы что? Ежели доверит наместник, посадник Коломенский там, или князь, то в ополчение тоже пойдем супротив поганых!

- Ты сперва батогов или плетей получишь… - буркнул Иван Заяц. - Души-то Христианские зазря что ли загубили? Тоже мне, ополченцы!

- Хватит языком молоть, - обрвал я, - скачите, мужики, до Коломны. Да – пошибче! Чтобы поскорее леса эти миновать!

Скоро обоз скрылся за поворотом…

…- Кто же был этот страхолюдина? – недоуменно спросил Иван Заяц. Покачал головой: «Не мог я промахнуться! С малолетства топор метаю…»

- Нечисть вражья была. На привале все поведаю. Не хотел, поначалу… Теперь вижу, что надо. Иначе все сгинем. А нечисть эту простым оружием не возьмешь.

- Свят-Свят-Свят! – перекрестились мои ратники.

- Вот это – самое главное оружие против ворога, которому костью в горле стоит выполнение нами Великокняжеского дела! - кивнул я и взметнулся в седло. Теперь меня безпокоил Макар Косой. Я заметил, как побелел он, услышав про нечисть. Но упрекать ратника в страхе, да еще - на походе, да еще – в глаза! Это – похуже, чем масло в огонь лить!

…Вечером мы остановились в большом селе. Опять - в церкви. Только теперь, сколько ни звали, ни приглашали нас и батюшка местный - к себе, и вдовая, старая княгиня – в свой маленький терем, ночевать мы остались в церковной ограде. И я, к удивлению Ивашки, поставил с собой в сторожу Макара.

- Что ж ты хмурый такой? - спросил я, когда другие уже похрапывали у костра.

- С рождения.., - отозвался тот.

- А ты не держи в душе-то! Поделись. Вдвоем легче любую скорбь нести. Тем паче: скоро – главная сеча!

- А тебе нужна она, моя скорбь? Ты – князь…

- Не-е-ет, брат! Мы сейчас – все ровня! Перед Богом, Великим Князем и Отчиной! Только у каждого - свое послушание! А чтоб легче было выполнять его, надо и души друг друга облегчать…

- …Вот и мечтаю я умереть побыстрее. Говорят же, что тот, кто душу свою за други своя положит, соколом в Царствие Небесное взлетает. Ни один гад мытарить не будет! А там, глядишь, я и Алевтинушку свою встрену… Деток…

- Жена, что ли?

- Же-е-ена…

- Давно потерял-то?

- Уж восемь лет минуло… С тех пор и бобыляю. У сестры – в приживалах. Благо, часто – в отлучках. Грех роптать, мужик у сестрицы, у Дарьюшки, - исправный, торгом занят. И ко мне, - что брат родной… Но я так не могу-у-у-у! Жить не хочу!

- Я ж тоже: и жену потерял, и, думал поначалу, - деток… Сам из полона бежал. Две стрелы во мне сидели.

- Ты – князь. Тебе положено быть сильным. Но, я слыхал, вроде как, женат ты?

- Вторым венчанием. И деток уже нажили…

- А я ни одну бабу видеть не хочу! Не могу! Сестрица сватала тут… Сколько раз! А мне… А я, как увижу сватанную… Эх, какой бы писаной красавицей не была, а все – не по душе.

- В церковь-то ходил? У священника спрашивал?

- А то как же! Но наш посадский поп, - утроба ненасытная, - сказал, что ему, мол, подумать, помолиться надо. А для этого я должен полсотни яиц принести, малый бочонок меду покрепче, да трех курей или поросенка молочного… А потом, говорит, женишься, - на ком скажу тебе. Вот, тебе, князь, и – служитель Божий! Безмездный!

- Ну-у-у… Не все ж такие, - мотнул я головой.

- Других не видал, - мотнул теперь в свою чреду Макар.

- Вот, что, брат! Уныние заело тебя! А это – тяжкий грех! Давай так: коли вернемся, я тебя к своему попу отведу. Потолкуешь. Все исповедуешь. Вот тогда и скажешь, что не все такие, как твой посадский.

- Не вернусь я. Уж которую ночь Алевтинушку свою да деток убиенных вижу. Веселые такие, нарядные… К себе зовут!

- Успеешь еще! Сперва Вере нашей, Великому Князю, да Отчине общей – Земле Русьской до последней жилки отслужиться надо.

- Я и служу. Скажи: плохо ли?

- Исправно служишь. Иначе не послали бы на такое дело.

- То-то. А дальше, – как Бог даст.

- Вот это – верно!

- Верно… Верно… Я вот жалею всех наших, из десятка… Какие ратники! Но в этот раз, словно подменили их! По дури своей сгинули… А вот Бориску жалко! А уж Глебушку-то! Меня бы должен был болт самострельный вместо него настигнуть! За други своя…

- Что ж ты песню такую унылую затянул?! Встряхнись!

- В сече встряхнусь! – пробормотал он и уставился на костер. «Да-а-а! – подумал я про себя, - Хор-рош князь! Не можешь ратника на место поставить. Погоди-погоди! А причем здесь «князь»? Ты же назвал его братом. И не помолился вместе с ним перед беседой… Потому и нес отсебятину, а не говорил благословленный Богом. И говорил-то, как князь, а не как брат, соратник. Так может и какой-нибудь поганый с каким-нибудь своим толковать. Прости, Господи»!

А Макар вдруг молвил: «Не кручинь ты сердце! Я ведь за грехи-то все свои перед отъездом покаялся. Так что, в ратном деле не подведу. Э-э-э! Пора смену будить.»

…Ночь, слава Богу, прошла спокойно. И рассвет мы встречали уже в седлах. Скакать оставалось недолго. Перед глазами у меня расстилалась телячья кожа, по линиям которой, - уменьшенным дорогам, рекам, опушкам леса, - скользил кинжал Великого Князя. Вот проскочили большое село Погост, - за ним дорога должна свернуть в лес. А там, – через три версты, - уткнуться в озеро. На его берегу и должен ждать меня князь Герасим.

Мы доскакали. Озеро сверкало черненым серебром. Густой сосновый бор… молчал. Странно. Это был верный признак того, что не пять, не десяток ратников стоят где-то совсем рядом. Ведь нас птахи не должны испугаться и замолчать. А князь Герасим сразу бы выехал навстречу…

Жужжание стрелы я не услышал, а скорее почувствовал. Пригнулся. Она пролетела мимо.

- Спешиться! – крикнул я. Ратники стекли, словно вода, с коней. И в это же время наши кони, утыканные стрелами, заржали, рванулись и унеслись, устилая свои следы собственной кровью…

- Спина – к спине! – крикнул я. Мы успели. Из-за деревьев к нам кинулись не меньше сотни пеших ратников, снаряженных кто – во что.

- Мордва, - внешне спокойно пояснил Заяц, прикрывавший и меня, и себя своим большим щитом, утыканным стрелами. «А где же князь Олег? Где князь Герасим?» - ошалело влетела в мою голову мысль. Тем временем мордва окружила нас и встала, приготовившись… Но не к сече… К игре! Шутка ли, - больше десятка их ратников приходилось на каждого из нас.

От мордвы отделился высокий, статный молодец. Он прошелся, поигрывая мечем, перед нами. И на ломаном русьском языке медленно, с ухмылкой, проговорил: «Что?! Перевелись батыры у Московского кинязя? Найдется ли для меня поединщик? Или придется резать вас, словно овец?»

Он хохотнул. А от нас вдруг отделился Макар. Перекрестился на три стороны, вынул из-за пазухи нательный крест. Поцеловал его. И оставил над колчугой. Тяжело сглотнул слюну. Повернул голову к нам: «Братия, благословите.»

- Бог благословит! – вдруг одновременнно, словно едиными устами, выдохнули мы.

Мордвин и Макар обнажили мечи. Ворог, замахнувшись, прыгнул на моего ратника, но сам едва успел подставить деревянный щит под меч, который разбил его в щепки. Правда, тут же кто-то из круга соплеменников кинул ему новый.

- Вот это удар! – громко шепнул Ивашка. А Макар сам стал надвигаться на мордвина. Щит и меч в его руках мелькали, словно крылья мельницы. Мордва что-то закисюкокала, закисюкикала, подбадривая своего… А Заяц вдруг крикнул, перекрывая своим голосом визг ворогов: «Макарушка! С нами Бог! Кто же на ны?!»

Мордвин пятился, едва успевая отбивать удары моего ратника. «Эх! – подумал я, - Не надо бы так! Быстро выдохнется! Помоги ему, Господи»! Но тут мордвин как бы встрепенулся, словно черпнул из-чего-то невидимого новые силы. И, отбив очередной удар, врезал своим щитом по щиту Макара так, что тот отлетел, упал на спину.

Мордовские ратники восторженно загомонили. Но Макар прыжком со спины встал на ноги, - не гляди, что за сорок лет перевалило. Нырнув под щит мордвина, он оказался сзади поединщика.

- Ну что, баранья твоя башка?! Ухо свиньи – тебе в глотку! – крикнул он, переведя дух. И опять обрушил десяток непрерывных ударов на супротивника. Тот, казалось, сник до земли. Но вдруг выпрямился и, как ни в чем не бывало, ринулся на Макара… Эх! Кинуться бы сейчас всем нам!..

«И что?! Положить свои головы? А дело Великокняжье? Надо – до последнего… До последнего пытаться выполнить его!» - остановила меня мысль. В этот момент

мордвин изловчился, и его меч наполовину вошел в горло Макару между бармицей и кольчугой… Но и сам он тут же осел… И мы увидели, что выпущенный Макаром из рук меч, торчит в плоти ворога от левой подмышки до правого плеча…

Все, - и мы, и мордва, - стояли, словно окаменевшие. Сходиться одновременно друг на друга для нас не имело никакого смысла. Мордва же не двигалась по правилам поединка… Хоть здесь они проявили честность. И тут прозвенели десятки стрел. Большинство мордвинов осели, проткнутые ими. А в остальных врубились русьские ратники. Кто-то из мордвы кинулись к нам, бросились на колени, умоляя о пощаде. А я услышал грохочущий голос: «Князь Ляксандр! Жив?»

И увидел князя Герасима с обагренным кровью мечем. Рядом с ним ко мне подскакал князь Олег Рязанский.

- Ну, слава Богу! – выдохнул он. И крикнул своим: «Ведите сюда этого иудушку.»

К нам подвели связанного мордвина.

- Вот, - показал мне на него князь Олег, - вызвался вывести нас к озеру, да привел к другому, вражина! Чую: делал это умышленно! Слава Богу, один мой ратник из этих мест. Понял вовремя…

Мордвин-проводник стоял, опустив голову. Понимал… К нему подошел рослый ратник с топором в руках. Взял за плечо. Толкнул к толстому, недавно повалившемуся, сосновому стволу: «Иди уж, свиное ухо!»

- Погоди, - остановил я ратника. И обратился к мордвину: «Кто повелел тебе и твоим соплеменникам сотворить сие?»

Тот молчал. А я рассказал князьям Олегу и Герасиму обо всех своих приключениях. Один сдвинул шелом на затылок… Другой почесал за ухом… Оба перекрестились. Наконец, князь Олег молвил: «Что нам с того, ежели мы подтвердим твои догадки? У нас бо-о-ольшое Русьское дело! Пойдем поближе к воде. Потолкуем.»

- А с этими что? – спросил рослый ратник, кивнув на лжепроводника и оставшихся в живых нескольких мордвинов.

- Что? Сам ведаешь, что никто не должен знать о нашей встрече! Никто из тех, кто может донести о ней Мамаю, - ответил князь Олег и, повернувшись ко мне, вздохнул, - Жалко? Мне – тоже. Твари Божии… А что делать? Они свой выбор сделали… А где бы были мы, оказавшись на их месте?

И я, и он перекрестились… Спустились на пологий берег к самой воде. Беседа была недолгой. А за спиной несколько раз, после приглушенных вскриков и мольб о пощаде, гулко ухнул топор… Задумываясь потом, я всякий раз соглашался с князем Олегом: а что нам было делать? Больно. Горько! Но ради Отчины… Война, - она и есть война! И не мы ее затевали.

Матушка Василисса, в иночестве Мария, умерла. Об этом мне сообщила мать, когда я вечером вернулся с работы.

- А кто это такая? – спросила она.

- Один хороший, добрый человек, - мотнул я головой и хотел, было, идти в свою комнату.

- Погоди-погоди, – окликнула мать, - ты же не дослушал… Мужчина, который звонил, сказал, что отпевание и похороны - в субботу после службы… Только что ж это получается?! В воскресенье у тебя – встреча по журналистскому заданию… В субботу – отпевание похороны… А на дачу? Мы с отцом запланировали пойти тебе навстречу: выехать в пятницу пораньше, чтобы за субботу ты смог что-нибудь сделать… А?

- Мам! Надо же человека в последний путь проводить!

- Да-да! Чужого! А то, что родные люди, - отец с матерью! – гробятся на даче, так это – не важно! Ты наверняка и похороны наши променяешь на встречу с каким-

нибудь хорошим и добрым человеком. У тебя – все хорошие и добрые! Кроме родителей!

Я молчал, помятуя наставления отца Валерия. А мать продолжала: «Ты и в десятом классе убегал на экзамены пораньше, чтобы к дружку своему Валерке успеть заскочить! «Под бла-го-сло-ве-ние»! А не ко мне, твоей матери! Ты против моей воли пошел в военное училище! Против моей воли женился на Татьяне! Против моей воле написал рапорт о распределении тебя в Забайкалье!.. Сколько мне слез пришлось пролить! Сколько отца убеждать, чтобы он сходил к Главкому Ракетных войск, попросил изменить твое распределение! Отправить тебя служить поближе к Москве… И что из этого всего вышло?! А? Сколько же ты будешь издеваться над родителями?!»

Я стиснул зубы и одном языком воззвал: «Господи! Помилуй!»

Во входной двери повернулся ключ. Это отец пришел с работы. Мать, только взглянув на него, определила: «А ты, никак, опять – «хватя»?»

- Надюша, милая, Красногубченке полковника присвоили! Вот, мы и зашли в кафе… Посидели немного. Звездочку обмыли. Я же – не шатаюсь! Не падаю! - объяснял отец.

- Вы что?! Все издеваетесь надо мной? Я здесь кручусь! Ломаюсь! О, Господи! Когда же, наконец, я для себя поживу?! Что-то и Алины долго нет! Эта тоже что-нибудь в подоле принесет…

Отец только взглянул на меня: видишь, мол, - не в духе! Мол, только молчи! Не заводи! Я пожал плечами… И ушел в свою комнату. Достал документы по командировке. Разобрал их. Хотелось набросать хотя бы план статьи для «Гудка», для «Сборника…». Но ничего не лезло в голову. Я вышел на лоджию. Закурил…

- Так, ты что, в пятницу на дачу не едешь? – спросил отец, выйдя ко мне.

- Похороны, пап… Одна очень хорошая, добрая старушка умерла. Во многом, - только благодаря ей, - я добился нынешнего своего положения.

- Ну, что ж, проводить хорошего человека в последний путь – дело святое. Только ведь и для работы на даче надо находить время… Любому мужчине!

- Послушай, – вдруг взорвался я, - а ты давно был у бабушки, у своей матери во Владимире? Она ведь – одна! И ты у нее – один! Но если тебе служба и работа на даче не позволяют, ты не ездишь к ней месяцами! А тут: всего три часа – на машине и четыре – на электричке!

- Ты же сам знаешь, какие отношения у нее с нашей матерью, - пытался оправдаться он, вдруг втянув голову в плечи, - к тому же…

Он вдруг замолчал.

- Что «к тому же»?

- Ничего, - жестко ответил он и закурил новую папиросу.

…- Вы ужинать собираетесь? – на лоджию вышла мать. - Все – на столе.

- А что, Алина уже пришла? – спросил отец.

- Шляется где-то… Говорю же… Еще и в подоле принесет… - буркнула мать. - Ужин я ей оставлю. Как всем вам всегда оставляю, если шляетесь где-нибудь допоздна…

«Господи, – подумал я, - ну, разве так можно про родную-то дочь?! Это же – как проклятие! Спаси Господи»! Мы прошли на кухню.

- Что это ты? Не в духе? – вдруг спросил отец, - А помнишь, какая годовщина сегодня?

- Что-что? – вскинулась мать.

- Ровно тридцать пять лет назад в этот день я тебя впервые поцеловал…

- Да-да.., - помягчела она, - вроде бы, действительно… Какая же я тогда была добрая и веселая… В Доме офицеров меня тогда называли только «солнышком» и «весной»… А потом… Эх… Правильно дядя Шура говорил, мол, везешь все на себе да на себе, и станешь к старости больной и злой! Как в воду смотрел!

Она промокнула тыльной стороной ладони глаза. Вышла из кухни. А вернулась с бутылкой вина в руке. «Улыбка»! - отметил я про себя – Первое вино, которое я пил»…

- Ну, давайте выпьем за то, чтобы всю оставшуюся жизнь только улыбаться друг другу! – разлив каждому, поднял свой бокал отец.

- Смех без причины.., - ответила мать, но чокнулась с нами. И отпила…

«Инокины Мария умерла… А жизнь продолжается!» - подумал я.

- Да-а-а… Тридцать пять лет, - протянула мать, прикрыв глаза, - А потом – таежные и пустынные гарнизоны… Ночные тревоги… Безконечные переезды… Безконечная нужда…

- Так уж и – нужда?! – хмыкнул отец.

- А что?! Забыл что ли, как мы у матери твоей деньги заняли на первую машину… Договаривались – на три года, а она уже через три месяца всю сумму назад потребовала! А? Забыл, как одной картошкой питались, как я тебе и себе трусы штопала? Она меня всю жизнь ненавидела! По колдуньям бегала…

- Надя! – вскинулся отец, - Зачем при Саше-то?

- А что? Я неправду говорю?! Кто его испортил, когда мы оставили мальчика на год твоим родителям? Кто избаловал? «Го-лу-бо-чек си-зи-кры-лень-кий! Касатик! Родимый внучечек»? Кто настраивал против моей мамы? Против меня? – тараторила она… - Что? Забыл? Сам же говорил, что надо поскорее забрать сына от твоих родителей! Кто говорил, что я Алину не от тебя родила?! Сколько же я терпела?!

- Надя! Надя! Успокойся! – тихо проговорил отец.

- Что мне успокаиваться?! Я люблю, чтобы всё было по правде! У каждого она – своя… Много правд… Но на самом деле, правда – одна! – уже прокричала мать. А я подумал: «Ага, одна… Та, которая – твоя!.. Господи, откуда эта злость»?

- «Так уж и нужда», говоришь? А сколько ты на самом деле получаешь? Сколько в заначку оставляешь? – снова вскинулась мать…

- Может быть, мы телевизор посмотрим? – перебил я.

- О! – снизила тон мать… - Точно! Сегодня - «Веселые ребята»! Уже даже, по-моему, начались… А в десять, Леня, - твоя любимая с детства Жеймо в «Золушке»… Хорошая программа сегодня! Как будто предусмотрели, что у нас в семье – праздник!

Как это не странно, но я увлекся телевизором… Перестал замечать время… Забыл его…

- Ну, где же Алина ходит?! – хлопнула себя ладонями по коленям мать, когда закончились «Веселые ребята». Часы показывали двадцать два-тридцать. Мы с отцом отправились на лоджию покурить…

- Леня! Саша! – через несколько минут послышался голос матери.

Мы бросились в прихожую. Мать стояла в слезах.

- Происходит что-то ужасное! – шепотом, широко открыв глаза, говорила мать. - Только что пришла Алина… Вся – серая! Смотрит в пол… Не говорит ни слова! Прошла к себе и закрылась…

- Алина! – постучал в комнату сестры отец.

- Папа! Я хочу побыть одна! – каким-то каменным голосом ответила та из-за закрытой двери. - Пожалуйста, не трогайте меня…

- Наверное, действительно, не надо ее безпокоить… - пожал плечами отец. - Какие-нибудь девичьи причуды…

«Золушку» смотреть мы не стали. Разошлись по своим комнатам. Вечернее правило я читал, как всегда, на балконе. Но на сердце была какая-то тяжесть… Я улегся, но сон не шел… Вдруг за дверью раздались хриплый крик сестры и звон разбитого стекла… Одновременно с родителями я влетел в прихожую, а оттуда – в кухню. Алина стояла, согнувшись, словно переломанная пополам… Прижав ладони к животу и груди… Ступни босых ног – в крови… Под ними и по полу всей кухни –

рассыпаны осколки разбившегося стакана… А на столе истекала содержимым валявшаяся бутылочка с уксусной эссенцией.

- Саша! «Скорую»! – крикнул отец и, подхватив сестру, повел, почти понес ее в комнату. Бригада «Скорой помощи» позвонила во входную дверь минут через пять. Врач, склонившийся над Алиной, поднял голову. Не по-доброму проговорил: «Отравление… Попытка суицида…»

- Что-что? - не поняла всхлипывающая мать.

- Попытка са-мо-убий-ст-ва! – пояснил он, - Необходима немедленная госпитализация…

- До-о-оченька! – зарыдала мать… - Что ж это такое?! Зачем?! Почему? Что произошло?

Алина, превозмогая боль, прохрипела: «Не хочу жить…»

Мать поехала на «Скорой» вместе с сестрой. А мы с отцом пошли в гараж и по ночной Москве быстро долетели до института имени Склифасовского. Там уже в приемном покое тихо плакала мать. Как же мне захотелось высказать ей все о её неосознанных проклятиях! Но я сдержался. Подумал: «Вот и съездили на дачу… Поработали»… Сигареты у меня закончились. Я курил папиросы отца, - «Любительские». Кислые! Слабые! Словно и не курил… Отец сходил к машине, принес еще одну пачку… Около пяти утра к нам вышла седая женщина-врач. Достала пачку «Беломора». Закурила. Вздохнула: - Вытащили. Жить будет. Шутка ли: полстакана эссенции в себя влила… Всё внутри сожгла! А что ж она так-то? Над собой? Вы не знаете? Хм… Ро-ди-те-ли! Я ее спрашивать ни о чем не стала. А завтра к ней психиатра пошлю…

- Может быть, около нее надо подежурить? – всхлипнув, спросила мать.

- Раньше надо было около нее дежурить! – женщина-врач в сердцах потушила окурок в спичечный коробок. И тот положила в карман. Потом помягчела: «Простите меня! На войне такие же девочки, ой, как жить хотели. Но под танки со связками гранат бросались, через минные поля раненных бойцов раза в два тяжелее себя вытаскивали… А тут! Простите меня…»

И она развернулась, чтобы уйти…

- Доктор, – обратился я, - простите. Не дадите ли папироску… Мои сигареты закончились. А у отца – слабые.

Она вынула из кармана полпачки «Беломора» и протянула мне: «Берите-берите! Берите все. У меня в столе еще пару пачек есть. А вам, действительно, покрепче надо. Вы – муж?»

- Брат.., - глубоко затянулся я.

- А вы, папаша и мамаша, если хотите, приезжайте завтра, - то есть уже сегодня, - после полудня. С ней к тому времени психиатр побеседует. Тогда все вместе и потолкуем.

И она, развернувшись, ушла быстрым, словно военным, маршевым шагом.

- Какие они здесь!.. Грубятина! – вскинулась мать.

- Помолчала бы! Алину с того света выдернули! – вдруг оборвал ее отец. - Ты бы лучше как мать объяснила, почему наша дочь решила жизни себя лишитьты Ведь именно ты должна быть ближе к ней… А ты… не хотела рожать! И сколько раз говорила это при дочери! А?

- А что я?! Опять я во всем виновата? А ты? А мать твоя?.. - повысила она голос.

- А ну, замолчи! – надвинулся на нее отец. Таким я видел его только однажды, когда мне было лет двенадцать… Тогда мать подня на отца руку. Поцарапала ему лицо… Отец сказал, что уходит. А я заявил, что уйду с ним… Мать, видимо, тоже вспомнила и потупилась… Мы ехали домой молча. Отец гнал до визга колес на поворотах.

- Леня, ты бы ехал потише… - совсем мягко сказала мать, на что отец только скрипнул зубами. Я, не стесняясь, курил прямо в машине. Одну за другой.

- Саша, а ты, может быть, позвонишь на работу? Отпросишься? Нам же к двенадцати – в больницу… И тебе – тоже…

- А вот это – ни к чему! – вдруг вступил отец. - Мы не знаем причины… Может быть, и ему пока не надо этого знать.

- Ты только смотри, – неожиданно повысила на меня голос мать, - не вздумай болтать на работе о случившемся! Люди-то, сам знаешь, какие! На словах посочувствуют, а потом разнесут со своими комментариями!..

- Это ты сейчас своей болтовней мешаешь мне вести машину! – опять скрипнул зубами отец. Да, Алину он очень любил. Даже сейчас, то есть в последние годы, он по утрам заходил к ней в комнату разбудить… Садился рядом, гладил по волосам и напевал: «На заре ты ее не буди…»

А голос у отца был красив: бархатный такой баритон! И Алина, чтобы подольше почувствовать на своих волосах его руку, нарочно, даже уже проснувшись, не открывала глаз…

Дома отец сразу прошел к бару. Достал початую бутылку водки. Налил стакан себе, две трети – мне, и полстакана – матери.

- Ты чего это? – вскинулась она, - На будильник посмотри! Тебе через четыре часа опять - за руль! Нам же в двенадцать нужно быть в больнице.

Голос ее начал приобретать обычный накал, не терпящий возражений…

- Поедем общественным транспортом. Или ты хочешь, чтобы я заснул за рулем? - спокойно, но твердо ответил отец, залпом выпил и даже закусывать не стал. И ведь сказал это так, что мать сразу притихла.

- А я сейчас колбаски на закусочку отрежу, - почти пропела она и открыла холодильник.

- Мне – не надо. Пойду, покурю… - бросил отец, выходя, чтобы пройти на лоджию. А я, выпив, закусил. И тоже пошел за отцом. Благо у меня в письменном столе оставалась запасная пачка «Явы». Мы с отцом покурили молча. А потом он сказал: «Тебе через полтора часа – на работу.»

- Не поеду, - мотнул я головой, - сейчас позвоню Жене. Скажу только, что сестра отравилась и сейчас – реанимации. И буду дожидаться вас.

- Добро, - кивнул отец и ушел в свою комнату.

Таким я его не видел никогда… Я прилег, не раздеваясь. Какая-то полудрема окутала меня. Глаза оставались открытыми. Ясно понимая, что не сплю, я положил на них предплечье. А когда поднял его, увидел, что напротив сидит… князь Ляксандр в полном ратном блестящем снаряжении. И почему-то – в красном плаще… Великокняжеском?

- Нет, - качнул он головой, словно прочитал мои мысли, - это означает совсем другое… Что, брат, беда? Беда-а-а! Но давай-ка, прикинем вместе? Разбойник на кресте уверовал, покаялся. Но еще несколько часов промучился, прежде чем попасть в Царствие Небесное. А не разбойники ли все мы? А теперь вспомни свой поход в Екатеринбург. Хорошо, что покаялся… Но… необходимо искупление! Так, искуплением бывает болезнь, когда не радеешь за дар Божий, - здоровье, - и не утепляешь, выходишь на холод и пребываешь там довольно долго…

- Так что же, Алина страдает из-за меня? Из-за моих грехов? – вскинулся я.

- Отчасти… Действительно, наши ближние нередко страдают из-за наших грехов. Но разве ты сейчас не страдаешь за сестру? Разве твои отец и мать не страдают за нее?! И… - тоже из-за своих грехов. Ты, в первую очередь, - за блуд. Почему? После полудня узнаешь. А грехи твоих родителей им могут открыть другие… И не нам с тобой обсуждать это! И здесь грехи – гораздо глубже!

- Моих дедов, бабок, более древних предков?

- Их – тоже… И главный грех – против Бога!

- Это – как?

- Поймешь со временем. Я посетил тебя, чтобы по Божией воле направить на путь раздумий… Кстати, позвони своему другу. Скажи, как хотел. Ты правильно решил…

И он исчез. Растворился в воздухе. А меня разрывало от противоречивых чувств: от радости, - он, действительно, был и есть, близок мне, готов помочь, и от горечи, - что я виноват в беде моей сестренки!

Я достал иконки. Расставил их. Встал на колени. Просил у бога прощения… Стоп! А почему я до сих пор никогда не молился за отца, мать, сестру?! Не в этом ли я тоже виноват?! Не мог ли я своей молитвой спасти Алину?... На часах стрелки показывали половину восьмого утра. Женя должен уже подняться. Я набрал номер. И рассказал, как планировал.

- Ух ты! – выдохнул он в трубку… - Конечно, не выходи на работу. Я все улажу. Помощь нужна какая-нибудь?

- Нет, - ответил я, - вечером созвонимся.

И услышал короткие гудки. Обернулся. За спиной стояла мать с красными глазами.

- Ты что? – спросил я.

- Да вот, хотела послушать, что ты будешь другу своему про Алину рассказывать, - поджав губы, ответила она.

- Послушай, мама, - не выдержал я и заговорил стальным тоном, - ты что же, теперь обо мне хочешь наплакаться? Ведь такого никому не выдержать! Мне что, за Алиной повторить?

- Саша, молчи! – в дверном проеме появился отец. Но мать все равно не унималась: «Конечно! Опять виновата я! Во всем виновата я! Всю жизнь крутилась, вертелась, ночей не спала, чтобы все в доме было, чтобы все были сыты, обстираны… Нет! правильно мне говорили, что лучше бы я пошла учиться. В институт! А не рожать вас! Не мотаться по военным городкам! Не сидеть дома! Сейчас бы жила для себя…»

- Пойдем, покурим, - положил мне на плечо руку отец.

- А может быть, тебе лучше на работу поехать? После обеда отпросишься? - вдруг переменила тон мать.

- Все уже решено. Ты что же, хочешь, чтобы ко мне относились, как к несерьезному человеку, у которго семь пятниц на неделе? - раздражение разрывало мне сердце, голову, тело… А отец, подтолкнув, увел меня на лоджию.

- Ты тоже должен понять мать! - мотнул он головой. - Растила, ночей не спала, лечила, бегала по врачам, больницам, аптекам…

- А к бабкам ездила, бегала? – вдруг неожиданно для самого себя спросил я.

Отец даже отпрянул от меня… Повел глазами… Пожал плечами: «Не.., не знаю даже… Я-то все время – по командировкам и на службе!»

Я потушил недокуренную сигарету и ушел в ванную принять душ. Завтракали молча. Нехотя. Кусок не лез в горло. Мать попробовала начать, было, новый разговор, но отец резко оборвал ее: «Еще одно слово, и я поеду один!»

Мать тут же смолкла… Скоро они уехали. А я встал на молитву. Своими словами. Поначалу, правда, смутился: мол, а есть ли такое православное имя Алина? Но потом вспомнил, что сестра – крещеная, и стал просить за рабу Божию, тяжко болящую, называемую здесь Алиною…

- А Ты, Господи, Сам знаешь ее святое имя, - добавлял я после каждого своего обращения. Через какое-то время усталость буквально сбила меня с ног. Я прилег… А проснулся, услышав поворот ключа в замке входной двери… Родители вошли и

мать тут же бросилась в комнату сестры, откуда послышались ее причитания и рыдания. Я испуганно взглянул на отца.

- Жива? – с трудом выхрипел я это слово.

- Жива-то – жива! Но беда-то какая, сын! Пойдем на кухню… - опустил он голову. Там он опять налил себе и мне водки.

- Папа, – попытался остановить его я, - у тебя же – сердце!

- Как бы оно без водки не остановилось! – мотнул он головой и залпом, не чокаясь, выпил. Закурил.

- Выпей и присядь, - кивнул он на табурет.

- Чтобы не упасть? – горько хмыкнул я. Отец кивнул. Помолчал. Медленно, опустив голову, проговорил: «Алина попыталась покончить с собой, потому что ее… изнасиловали.»

- Что-о-о?! – привстал я с табурета. Кровь ударила мне в голову, волосы, казалось, зашевелились, а в них забегали муравьи.

- Кто? – прохрипел я и не узнал своего голоса.

- Бывшие одноклассники. Психиатр долго беседовал с Алиной. Она рассказала. Потом ей сделали укол, чтобы заснула… Он вышел к нам и пересказал. Оказывается, вчера они встретились на улице с бывшей одноклассницей. Та пригласила Алину в гости к ребятам… Хорошо, что хоть не дали ей выброситься с девятого этажа. А ведь, сопротивляясь, пыталась добраться до окна… Подружка тоже уговаривала ее не сопротивляться…

- А кто эти «ре-бя-та», известно?

- Да, психиатр уже сообщил в милицию. Их задержали. Мы только что оттуда.

- А конекретно: фамилии, адреса? Ты узнал? – мысли в мозгу у меня наскакивали одна на другую.

- Ты что задумал?! – словно очнулся отец.

- Пока ничего.., - медленно произнес я. Хотя мысль уже начала сформировываться… Я попытался вспомнить, где лежит ключ от сейфа, в котором хранится его именной пистолет… Отец, словно прочитал мои мысли.

- Выбрось это из головы! – даже привстал он. - Мне что, на ключ запирать тебя? Пожалей мать, меня! Нам что, еще одной беды не хватает… К тому же, сам знаешь, в отделении милиции у меня свой человек есть… Не даст спустить на тормозах… А пистолет, кстати, я увез на службу… Там ему, в сейфе моем, - спокойнее…

На кухню вошла мать. Лицо ее постарело. Покраснело от слез…

- Хорошо, хоть психиатр сумел разговорить Алиночку… - безсильно опустилась она на табурет и так же опустила руки…

- Рассказал? – кивнула она отцу на меня.

- Рассказал, - ответил он.

Но тут же взорвался: - Ответь мне, пожалуйста: почему с каким-то психиатром, а не с нами, - с отцом и матерью! – разоткровенничалась наша дочь? И только – после трагедии, а не до нее?!

«Потому что Бога нет в семье! И не было! И не в Нем воспитывались и Алина, и я!» - откуда-то ко мне в голову влетела мысль. Мать, опять разрыдавшись, закрыла лицо руками. Отец встал. Подошел к окну. Уперся лбом в стекло.

«Какие же у отца могут быть такие страшные грехи?! – подумалось мне, - Разве что, неверие… Не-ве-ри-е?! Так ведь это же – преступление Первой Заповеди Божией! Самой первой! Для него не было Бога! Богами было все, что угодно, но не Бог! Господи! Прости его! Беда, а не вина: так воспитан… А дед с бабкой? Его родители… Они-то! Не они ли, - пусть худо-бедно, - воспитанные до семнадцатого года, отреклись от Бога»? «Ты на свои грехи смотри!» - кольнула другая мысль.

Вдруг рядом с отцом возник князь Ляксандр. Он по-доброму смотрел на меня. Молчал. Но я и в этом молчании услышал его мысль: «Что можно противопоставить

грехам»? «Добродетели!» - не задумываясь, словно на уроке, тоже мысленно ответил я. «Ладно, - перебила, откуда-то влетевшая в меня, еще одна мысль, - В воскресенье с отцом Валерием обсудишь этот вопрос… Сейчас о другом надо думать…».

«О чем другом?» - спросил я сам себя… Поднял взгляд на князя Ляксандра. Но его уже не было… Растворился.

- Так, - вдруг твердо сказала мать, вставая, - вам обоим завтра – на работу. А я сейчас намолю в кофемолке овсяных хлопьев, сварю для Алины кашки и на ночь поеду к ней. Знаю я, как эти медсестры и нянечки ухаживают за больными! Только за рубли! А кашку ей, я узнавала, можно…

- Кто тебя туда пустит? – оторвался от стекла отец. - Ей – не восемь месяцев!

- Договорюсь. Денег дам и дежурному врачу, и медсестре… Дочка – ведь! А ты, Леня, позвони Павлу из гаража. Он же у нас в отделении милиции уголовным розыском командует. Встреться. Коньячку распейте. Чтобы этих мерзавцев засадить туда, куда Макар телят не гонял! Во всяком случае, разузнай, каковы на сегодня результаты следствия. Только Сашку в это не впутывай. А то он опять дров наломает…

…Так и пошло. Мать утром приезжала из больницы. До обеда спала. Потом готовила ужин и завтрак для нас. По особым рецептам каши и отвары – для Алины. И вечером уезжала снова. Отец приходил поздно. Навеселе, но невеселый… А меня на работе засыпали вопросами Женя, Галина Евсеевна, Людмила Петровна, другие сотрудники инофрмационно-издательского и методического отделов. Я соврал: мол, сестра под вечер съела огромного вяленого леща. А ночью в темноте не разобралась и глотнула уксуса, который мать случайно оставила на кухне для какого-то маринада… Мне казалось, что этой лжи все поверили.

В субботу я поехал на отпевание, похороны, поминки матушки Василиссы, в иночестве Марии. Лица ее, лежащей в гробу, увидеть не удалось: оно было закрыто параманом…

Торжественно служил отец Валерий. Так же подпевал ему хор… Мария стояла, обхватив обеими руками предплечье Василько. У них и у Николая лица были бледны, заплаканы, но тоже торжественны… А я вспоминал самую первую встречу с матушкой в троллейбусе, потом – у нее дома, на поминках Олега Силыча. Перебирал в памяти остальные, памятные о ней, эпизоды жизни….

На куладбище ее положили рядом с мужем. И здесь отец Валерий отслужил панихиду. А потом мы поехали на поминки. Но они проходили не дома, а во дворе храма. Здесь были накрыты несколько длинных столов. Но и за ними не хватило места всем, кто знал матушку Марию, помнил ее и пришел помянуть добрым словом.

Я не стал задерживаться и к пяти вечера, - как раз к концу «тихого часа», - был у сестры в больнице… На лице Алины все еще виднелись следы беды: впалые глаза, синяки под ними, бледность – до голубизны… Я старался развеселить, рассмешить ее. Вспоминал случаи из детства: как я лет в двенадцать нянчил ее двухлетнюю, как водил в детский садик и забирал оттуда, как она не слушалась меня, как пыталась даже драться, прекрасно зная, что я все равно не дам сдачи…

Она слушала-слушала… И вдруг тихо сказала: «Не надо, Саша. Мне сейчас не до этого.»

Я не знал, что ответить, как ответить, чтобы отвлечь ее от тяжелых мыслей…

- Иди. Ты устал сегодня, - как-то совсем по-взрослому, словно старшая младшему, сказала она, погладив меня по голове, - а мне сейчас самой надо – на процедуры. А там – и мама придет. Кстати, вы бы с отцом отговорили ее ночевать здесь. Она же спит на стульях. Да и то, - просыпается каждую минуту…

- Неужели ты забыла, что нашу с тобой маму невозможно отговорить от того, что она решила?! – улыбнулся я. И тут… улыбнулась Алина: «Знаешь, забыла… Но ты иди.»

- Может быть, я дождусь мамы?

- Нет-нет. Не волнуйся. Иди.

Выйдя из палаты, я нашел дежурного врача. Им оказалась пожилая любительница «Беломора», вытащившая Алину из лап смерти.

- Вы, пожалуйста, сегодня повнимательнее посмотрите за моей сестрой… Что-то она сейчас усиленно выпроваживала меня. Даже не захотела, чтобы я дождался матери. А вдруг возникнет повторное желание этого… Ну… Суицида…

Врач посмотрела на меня поверх очков. Задумалась. Сказала: «Спасибо за то, что предупредили. Но я все-таки по-бабски и как врач думаю, что Алиночка просто стесняется вас. И даже более того, ей стыдно за все, что произошло. Хотя и вины-то ее нет… Доверчивая девочка… А вы, действительно, ступайте-ка домой. На вас, на самом, лица нет.»

- Ничего странного. Я сюда приехал с похорон… - мотнул я головой. И действительно, вдруг почувствовал страшную усталость… В троллейбусе задремал, - благо выходить на конечной остановке… Неожиданно, застав дома мать, спросил: «А ты разве не собираешься к Алине в больницу?»

- Ой, – всплеснула она руками, - села с вязанием в кресло и заснула… Все на свете проспала! Я полтора часа назад должна была выехать! Суечусь-суечусь, а все никак не соберусь…

В голосе ее слышались нотки раздражения, и я поспешил в душ… Но, освежившись и выключив воду, услышал громкий голос матери. И это было далеко не раздражение.

- Что?! Опять напился?! – кричала она, как я понял, на отца.

- Да я же в гараже был, щетки менял. Увидел Павла. Ну, мы с ним и поговорили… С коньячком… Ты же сама просила!

- И вчера, и позавчера ты с ним «с конь-яч-ком» разговаривал! Опять врешь?

- Что ты несешь?! Не понимаешь, что ли, что результаты следствия каждый день меняются?! К тому же, такие разговоры дорого стоят: Павел-то разглашает мне тайны следствия!

Мать запричитала: «Дочку с того света едва вытащили! Сейчас – в больнице! Я ночей не сплю! А он каждый день пьянствует!..»

В это время я решил выйти из ванной. А мать, поджав губы, хлопнула входной дверью…

- А что это она сегодня опять так поздно отправилась? – хмыкнул грустно отец.

- Проспала. Я и сам удивился, застав ее дома… - пожал плечами я. - Ну, какие новости?

Отец достал из портфеля две бутылки пива и вяленого леща. Мы сели за стол. Он жадно выпил стакан и вздохнул: «Там та-а-акие силы задействованы! Мало того, что у одного из этих подонков кто-то, - то ли мать, то ли отец, - работает в райкоме КПСС! Звонки уже оттуда, да всяких вышестоящих инстанций пошли! Родители других взятку следователю предлагали. Павел за голову хватается. Ему ведь в этом году подполковника получать! Следователь в понедельник в больницу к Алине поедет… Да-а-а, навалилось на нас! Только-только от твоих неприятностей очухались! А тут!..»

Я, вспомнив, как учил меня князь Ляксандр, подумал: «Вот так и скачут на наших плечах в одной связке блуд, гнев, гордыня, пьянство, человекоугодие… А мы-то думаем, что мы ими управляем! Бедные мы, бедные! Если – без Христа»!

…И мы с отцом разошлись по своим комнатам.

Князь Олег и его люди ускакали. Свежим песком светлел большой курган, под которым упокоилась мордва. Тут даже не скажешь: «Упокой, Господи…».

Язычники… Отдельно под крестом похоронили Макария. И над ним пропели Литию…

Я вздохнул, словно какая-то тяжесть сползла с моих плеч. Руки, ноги, все тело освободились от чего. Облегчились. Но расслабляться нельзя…

- Ну, что? – окликнул меня князь Герасим. Улыбнулся. Подмигнул: - На Коломну? Там – общий сбор!

Мы вскочили в седла. Можно было и не гнать коней. Но душе не терпелось: ведь так исстрадалась наша изможденная, словно изнасилованная нечестивцами, Земля Русьская!..

«Неужели вот-вот будет она – главная сеча, которая освободит Отчину от поганского ига?! Да! Она!» - стучала в висках кровь.

И, словно повторяя эти удары, чеканил дорогу кони… А на ней, словно на торгу в Москве, яблоку негде было упасть: длинные, - в десятки телег! – обозы сменялись толпами мужиков. За их поясами торчали топоры, на плечах лежали сулицы, косы, вилы, самодельные пики. Попадались и конные, - по десять, двадцать, сто всадников… Лица всех были сосредоточены. Губы многих шевелились. А глаза отражали ясное чистое, почти августовское живое небо…

«Молитву творят!» - подсказала мне мысль. Вскоре мы догнали полк с обозом, - ратников в шестьсот. Впереди ехал белобрысый, белобородый, белоресницый веснушчатый веселый молодец.

- Откуда будешь, брат? – кивнул он на мое приветствие.

- На Коломну идем, - ответил я нехотя.

- А цто так мало людей ведешь? Сеца-то, однако, шибко велика будет!

- Да мы – московские. По делу Великокняжескому ходили.

- Ай-ай-ай! С удацей сходили?

- Слава Богу! А вы чьи будете?

- Мы, однако, - зыряне, - засмеялся он, - соленые уши! Я – кинязь Аликей. Кре-е-ещеный! - в доказательство словам вынул он из-под кольчуги большой серебряный крест.

И вдруг озаботился: «Люди-то твои сыты ли?»

- Спаси тя Господи! – улыбнулся я его заботе, - А что ж почти от самой орды идете?

- Батька Софроний повелел. А он – целовек свя-а-атой! Всех нас, зырян, ко Христу привел. Леток сто назад разбили мы, однако, монголов. Да хан Беркай через двадцать пять леток поцти всех нас и вырезал… Теперь, однако, посцитаться надобно! А к этому долгу еще один прибавился: за всех, как говорил батька Софроний, братьев во Христе!.. Однако, одни-то мы не одолеем этого хорька Мамая… Потому идем под руку Великого Кинязя Московского. Вместе ратиться станем, вместе жить после сеци станем, вместе ко Христу идти станем! Он же всех любит! Зырянин ли ты, или русьский, или еще какой…

И так по-детски радостно говорил он, словно шел не на смертную сечу, а на праздник Пасхи! И невозможно было не улыбнуться ему в ответ.

- Спаси тя Господи, князь Аликей! Ангелов-Хранителей, Покрова Божией Матери и помощи всех святых угодников Божиих тебе и твоим людям в дорогу! Прости, нам поспешать надобно! – чуть ли не до слез растрогался я.

- И тебя храни Господь! Как велицать-то? За кого молиться? Я ведь за всех добрых людей поклоны кладу…

- Князь Ляксандр! – крикнул я, пришпоривая коня, а сам удивленно подумал: «Это ж сколько он поклонов кладет? Что и говорить, - Божии дети»!

Так незаметно, радуясь, мы достигли Коломны. Всех ратей, полков, дружин, сошедшихся сюда, город вместить не смог. Костры, - а мы пришли к вечеру, - освещали, казалось, до самого неба окрестности на многие версты.

- Встала Земля Русьская! – вздохнул князь Герасим, обведя плеткой окоем. - Как есть! Вся встала!

На глазах его увидел слезы. И сам не смог сдержаться…

Димитрий Иоаннович сидел во главе стола и что-то говорил незнакомому мне князю. Не увидели и Володимира Ондреевича, и еще иных… Зато с радостью заметил князей Данилу Пронского, Ондрея, еще многих знакомцев. Димитрий Иоаннович взглянул на меня. Узнал. Привстал с лавки. Вскинул брови, как бы спрашивая: «Ну»?

- Все исполнил, Великий Князь! – в поклоне выдохнул я.

- Нечего теперь таиться! - поднял чашу Димитрий Иоаннович. - Все мы теперь - рядовые ратники Христовы…

Сидевшие за столом, как один, обернулись на меня. А Димитрий Иоаннович продолжал: «Это – князь Ляксандр. И сделал он для Русьского дела более, чем полк, чем пять полков. Садись, брат.»

И он поднес мне чару. Я принял с поклоном и отхлебнул… квасу!!! Димитрий Иоаннович улыбнулся: «Я повелел хмельного в рот не брать до победы над погаными. А потом.., потом, - кому – праздновать победу здесь на земле, а кому – пить другое вино… В Чертогах Царя Небесного, за Тайной для нас Его Вечерей… Положив душу свою за други своя.»

Он перекрестился и допил поданную ему чару до дна… Я же присел среди раздвинувшихся пронских князей. Закусил.

- Ну, как мои там? – спросил я князя Ондрея.

- Алла твоя перед походом прибежала. Все просила поберечь тебя в сече… Ольгушка совсем заневестилась… На Петра Джанибековича заглядывается. Малышей твоих Афанасий поначалу пестовал…

- Поначалу?! – вскинул я брови.

- Ты уж прости старика! Не смог он дома усидеть. Так, со всеми твоими мужиками сюда и пришел. Еще и шутил, что в оружейной твоей одни мыши остались! - положил мне руку на плечо князь Ондрей. - А Егорушка твой – тоже здесь. Только нынче – в стороже.

Я крутанул головой… Трапеза подходила к концу. И тут вбежал отрок. Бухнулся перед Великим Князем. Звонко отчеканил: «Князь Володмир Ондреевич Серпуховской остатние Московские полки привел. А вместе с ним – муромцы, ярославцы, угличане, ростовцы… Обихаживаются!»

- Зови сюда его немедля! – вскинулся Димитрий Иоаннович. А я вдруг заметил позади него справа и слева двух схимников. И хотя они сидели, низко склонив головы, оба показались мне очень знакомыми… Толкнул в бок князя Ондрея. Кивнул на схимников.

- Не признал, поди? – хмыкнул тот. - Князья Ляксандр и Ондрей! Брянские! Да-да, ратились рядом с нами на реке Пьяне. Только теперь они – ратники духовные! Сам отче Сергий послал их с Великим Князем! Непрестанной молитвой они его от врагов невидимых ограждают…

В горницу ввалился Володимир Ондреевич и еще несколько князей и боляр. Все – запыленные, загорелые и веселые.

- Поклон тебе, Великий Князь! И вам, честные отцы и братие! – произнес Володимир Ондреевич, опустив правую руку до пола.

- И тебе, брат, - ответил тем же Димитрий Иоаннович, но тут же спросил, - а как Тверь и Новгород?

Володимир Ондреевич опустил голову.

- Понятно, - вздохнул Великий Князь, - но мы будем ждать до последнего… Быть может, в пути замешкались… Или, наконец, Господь вразумит.

- Не замешкались, - выступил из-за спины Володимира Ондреевича незнакомый мне болярин, - за тверичей не отвечу. А вот вече Господина Великого Новогорода порешило не выставлять своих полков.

- Ты кто будешь? – вскинул на него глаза Димитрий Иоаннович.

- Посадник Новогородский Тимофей Микулин. Мы с Иаковом Зиминым привели под твою руку, Великий Князь, охотников постоять за Землю Русьскую, - поклонился в пояс тот.

- Спаси тя Господи! – поклонился в ответ Великий Князь.

- Следом за мной должны были выйти и другие отряды таких же, как мы… А ко мне прибились пять обозов тверских пеших и конных мужиков во главе со своими наменьшими князьями. Сотен пятнадцать-двадцать… А вот по поводу полка ратников – не ведаю.

- Князь Михайла, - повернулся Димитрий Иоаннович к сидящему рядом, - доложи при всех, кто прибыл?

Я много раз видел этого князя среди приближенных, но близко познакомиться не довелось. Знал только, что кличут его Бренком, и что он – друг младенчества и отрочества Великого Князя. Тот на вопрос весело вскинул брови. Поднялся. Перекрестился. Поклонился на три стороны. И заговорил: «Поверите ли, братие, такая радость на душе! Такая радость! Словно – на Пасху! Воскресает Земля Русьская. Собрались здесь полки с дальних Ярославля и Белозерска, Суздаля, Володимира, Мурома, Пронска. Пришли звенигородцы, димитровцы, юрьевцы, переяславцы, стардубчане, костромичи и вологжане… Я перечислил только тех, кто входит в состав полков. Разумею - ратников! А про отдельные отряды из мужиков-ополченцев, наменьших князей говорить еще радостней! Тысячи их! И всё еще подходят!»

По мере того, как назывались полки, их воеводы, сидевшие за столами, вставали и кланялись собравшимся.

- Ну, и задал ты, брат, нам задачу! – улыбаясь и поднимаясь с лавки, Димитрий Иоаннович положил руку на плечо князю Михайле и обратился к собравшимся. - Что ж, братие! Теперь мы должны распределить всех прибывших по полкам. Назначить в них воевод, тысяцких, сотников. С воеводами здесь, сейчас и определимся. А? А те уже пусть сами помощников себе назначают…

- Добро…

- Быть посему…

- Как повелишь, Великий Князь, - раздалось с мест.

Столы тут же были очищены от яств подоспевшими отроками. Великий Князь встал, повернулся к святым образам и сделал три земных поклона. Ему последовали и остальные. Стройно пропели *Царю Небесный*…

- Итак, - заговорил Димитрий Иоаннович, - начнем со сторожевого полка. Он будет самым малочисленным, состоявшим только из конницы. Возглавишь его ты, князь Семион Мелик. Уразумел? Большими воеводами у тебя станут князья Симеон Оболенский, Иоанн Тарусский и Роман Новосильский… Ты и твои люди – мои глаза и уши перед сечей. Ой, как не желает Мамай ее! Но мы должны ему эту сечу навязать!

Назначенные военачальники встали и поклонились. А князь Симеон хмыкнул: «А то мы не видели, каким побитым псом от тебя, Димитрий Иоаннович, этот посол желтомордый выполз!..»

- Из Коломны вы пойдете первыми, - продолжил Великий Князь, - Князья Димитрий и Володимир Ляксандровичи Всеволжи Друцкие, Андрей Саркисович и ты, Иоанн Родионович! Вам я поручаю Передовой полк пешей рати. Вы должны ослабить силу первого удара. Держите, сколько сможете! Вы выходите вслед сторожевому полку. Большой полк возглавлю я. Князь Михайла, собери воевод княжеских дружин отдельных малых городов. Пошли гонцов, - пусть мужики-ополченцы сходятся вместе к Девичьему полю. Их возглавите вы, князья Тимофей Васильевич Вельяминов и

Глеб Брянский. К вам я придаю еще володимирцев и суздальцев… Полк правой руки… А где ж наши псковичи? Где князь Ондрей Ольгердович?

- От них гонец догнал меня на подходе к Коломне… Идут… Замешкались… Посекли немного передовые отряды Ягайлы… - отозвался Володимир Ондреевич.

- Добро. Князь Михайла, отошли гонца. Пусть псковские полки идут прямо к Березуе. На Епифановскую дорогу. Там и свидимся. Полк правой руки будет у князя Полоцкого и Псковского Ондрея Ольгердовича. Самых лучших конных ратников надобно отправить к нему. Задачу поставлю, как свидимся. Полк левой руки поручаю вам, князья Белозерские, Василий Ярославский и Феодор Моложский. У вас, как я разумею, будет особая задача. Но о ней – позже. На месте… Запасной полк дадим кому-нибудь тоже из Ольгердовичей. Это решим позднее… А вот тебе, брат, Володимир Ондреевич, я доверяю засадный полк…

- Как?! – вскинулся тот… - Я – с тобой! В большой полк!

- Нет, брат… Потом отдельно потолкуем, - и Великий Князь снова обратился ко всем, - Завтра на Девичьем поле – смотр всех полков. Посему уразумейте: сюда мы пришли порознь, а выйти должны единым кулаком, сжатыми воедино пальцами! И разбить ворога! Или погибнуть. Мертвые срама не имут! Ступайте. Собирайте свои полки.

- Великий Князь! Дозволь сказать, - раздался голос откуда-то с дальних столов, - сечься-то будем не на своей, не на Русьской Земле!

- Да, дорогие мои! Впервые мы будем сечься с погаными на их земле… На земле, которую они считают своей! Кстати, князь Симеон, - обратился Димитрий Иоаннович к Мелику, - а ты уверен, что Мамай пойдет именно к слиянию Непрядвы с Доном?

- А то! – крутанул тот головой. - Всё разведали точно! Мамай сейчас стоит на реке Воронеж. А оттуда до впадения Непрядвы в Дон – самая лучшая, прямая дорожка! К тому же там – самая удобная переправа через Дон.

- Добро. Итак, завтра – Утреня и Божественная Литургия на Девичьем поле. После службы – смотр. С Богом.

И тут Великий Князь наткнулся взглядом на меня. Кивнул, словно спрашивая причину моей нерешительности.

- А мне в каком полку стоять? – спросил я. Димитрий Иоаннович подумал… Опустил глаза в пол… Пошевелил губами… Выдохнул: «При мне будешь. Стало быть, в большом полку. Вот ведь… Прости. Ты ж – прямо из седла! Ступай, отдохни… Володимир Ондреевич!»

- Великий Князь, - перебил я его, - дозволь сына навестить? Он – в полку самострельщиков…

- Сходи-сходи… Самострельщики здесь же на дворе… Моя личная охрана! Ха-ха! Если он – в стороже, передай мое повеление: подменить!

Я спустился вниз. Казалось, нет места в Коломне и вокруг нее, где бы не горели костры русьских ратников. На площади, перед княжеским теремом расположились самострельщики. Я огляделся. И тут же услышал: - Отец!

Георгий подбежал ко мне. Обнял. Передо мной, казалось, он стоял все тот же, пятнадцатилетний, которого я потерял и нашел четыре года назад. Но, вглядевшись, увидел молодого русьского ратника, уже готового или победить, или умереть. Обнимая его еще раз, я незаметно смахнул слезу. Прошептал языком при сомкнутых губах: «Господи! Дай ему пожить, чтобы здесь, на земле послужить Тебе, Великому Князю и Отчине нашей!..»

- Ты, поди, князя Ондрея ищешь… Так он только что меня со сторожи сменил и пошел дальше, других наших менять… Мы тут лазутчика поймали. Сейчас к дьякам на допрос отправили… Матушка Алла велела кланяться тебе при встрече. Ольгушка просила поцеловать в щеку… Ох! Ты бы видел, как бушевал царевич Петр, когда

узнал, что его не берут в поход! Мелкий еще, а – туда же! – безостановочно говорил сын. Потом пригласил: «Пойдем, отец, к моему костру.»

- Да-да, сынок, - любовался я им, - как раз подумал, что перед смотром вместе отдохнем…

- А тебя в какой полк определили?

- В большой, при Великом Князе.

- Ох! Помоги, Господи…

Мы сидели у костра и, молча, смотрели на огонь…

- Как там княжна Настасья? – нарушил я молчание.

- Проводила.., - мечтательно вздохнув, ответил он, - а я хотел спросить тебя…

- Спрашивай.

- Благословишь ли.., коли жив останусь.., жениться на ней?- опустил голову сын. А подняв, твердо посмотрел мне в глаза.

- А что, погибнуть боишься? – попытался скрыть я чувства, нахлынувшие мне в сердце.

- Я разумею так, как сказал Великий Князь Димитрий Иоаннович: надо бояться не смерти, а позора поражения… А если честно, отец, то мне немного страшновато… Первая сеча! И какая!

- Спасибо за правду, сынок. Кто ж знает, удастся ли еще перед сечей потолковать. Но бояться надо! Только бояться Бога, - а все ли грехи успел исповедать?! Не забыл ли такого, за который… Сам знаешь… Вот, ежели исповедал все, то можно идти спокойно. Потому как, уж коли убьют за други своя, то святые Ангелы подхватят и унесут в Небесные Обители… А коли жив останешься, значит не все на земле этой сделал, предназначенное опять же Богом. Значит, еще должен послужить. И опять же – Богу! А это – высокая честь! Нет ее выше для человека. Так что, благословляю тебя на супружество с Настьюшкой! Вот еще что… Коли я погибну, не оставляй книгини Аллы, Ольгушки, маленьких… Помни о них. Заботься, пока жив ты, или живы они…

- Ты так спокойно говоришь об этом… - пристально взглянул на меня Георгий.

- А вот, поразмысли сам… Младенец лет пяти начинает баловаться. Что делает отец, ежели няньки-мамки не могут унять его?

- Как что? Наказывает. Шлепнуть надо разочек по заду… А ежели и тут не поможет, прутик березовый применить… Я-то помню, как ты меня однажды.., - улыбнулся сын.

- Я – не о том… Сможет ли младенец убедить доброго отца в чем-либо своим баловством, - мотнул я головой.

- Нет, конечно…

- То-то и оно! А если он своим добрым, ласковым лепетом пытается убедить отца? В чем-то правом, конечно…

- Сможет! Я тоже помню, как ты за меня перед бабушкой заступился… Не ведаю только, прав ли я был…

- Так вот, мы все – младенчики перед Богом. И не баловством, то есть злобой, гордыней, своеволием, а со спокойным осознанием, что ты все стараешься делать по Заповедям Его, - значит, и сердце нечего волновать, - молишься Господу! Только так можно добиться Божией защиты! Взгляни на образ своего Небесного Покровителя! Как безстрастен его лик, когда он убивает извивающегося под ним змия, - зло!

- Кажется, я начал уразумевать… - так же, как в детстве, чему-то учась с желанием, сейчас смотрел на меня широко расскрытыми глазами сын.

- Вот и ты так же, как я, говори с Ольгушкой, с маленькими… Коли мне не дано будет, - улыбнулся я.

- Все исполню, отец! – слезы блеснули в его глазах.

- Вот! Голова моя садовая! – хохотнул я, чтобы как-то снять напряжение с сына. - Князя Ондрея забыл спросить, куда подался твой будущий тестюшка?

- И-и-и! Я скажу: он со своей сотней посла Мамаева повел восвояси… Не солоно хлебавши! Димитрий Иоаннович сердцем изболелся: как бы желтомордого поганца на наших дальних и ближних сторожах не подстрелили! – хитро прищурился Георгий. Потом наклонился ко мне поближе и сказал потише: - А проводит до поганских сторож, - глядишь, и «языка» прихватит… Георгий довольно откинулся.

- Давай-ка, сынок, отдыхать. Меня Великий Князь до рассвета отпустил, - потянулся я.

- Так рассвет-то уже – на носу! - не смог удержаться от зевоты и он. Я завернулся в плащ и сразу окунулся в сон… Но мгновенно вскочил на ноги, услышав звон колоколов всех коломенских церквей. Рядом, треся головой, сбрасывал с себя остатки сна Георгий. Отрок протягивал ему кувшин с водой.

«Давно ли сам в отроках ходил!» - грустно улыбнулся я. Но после сына тоже подставил ладони под обжигающую струю колодезной воды… Огляделся. Из терема выходил Великий Князь. Он перекрестился на крест, венчающий главу собора. Обвел взглядом округу. Улыбнулся и вскочил в седло подведенного коня. За ним последовали Володимир Ондреевич, другие князья, боляре, воеводы, самострельщики. И, естественно я. Все двинулись на Девичье поле. И опять по обеим сторонам от Димитрия Иоанновича ехали два схимника. А когда башни и стены Коломенского кремля остались позади, я увидел, как на необъятном для взгляда поле двигалось столь же неисчислимое количество людей. Они переходили с места на место целыми сотнями, выстраивались в ровные квадраты и прямоугольники. А между ними, сверкая золочеными, серебрёными и начищенными медными доспехами скакали верховые… Перед холмом, на котором должен был стоять Великий Князь, был устроен походный Алтарь… А между полками виднелось множество аналоев…

Началась Утреня… Прошла Божественная Литургия… Причащалось всё Русьское войско! Невозможно описать чувство, охватившее при принятии Святых Таин… А когда же молебен?

Великий Князь, - а вслед за ним и мы, - въехал на холм. Оглядел поле. Володимир Ондреевич объяснял: «Все выстраиваются так, как должны выходить их Коломны. Слева – сторожевой полк, за ним – передовой, и дальше, как договорились.»

Димитрий Иоаннович еще раз обвел взглядом Русьское войско.

- Все пришли? – повернул он голову в сторону князя Михайлы.

- Какое?! До сих пор подходят! Малыми дружинками: по сотне-две. Но идут безпрерывно!

Лицо великого Князя было сосредоточенно-суровым. А меня разрывала радость: вот она великая Земля Русьская! Если здесь две трети ратников ее, не считая мужиков-ополченцев, то каково же будет на поле сечи, когда подойдут остальные?! Кроме, конечно, Твери и Великого Новогорода…

«Тоже мне, Ве-е-ели-кий… иуда!» шевельнулась мысль. Но я тут же перекрестился. И заметил, как на меня обернулся один из схимников, - Александр Пересвет… Улыбнулся, как бы ободрил. И, надвинув на глаза куколь, снова, должно быть, ушел в молитву…

- А это что за серый строй? – указал плеткой Великий Князь на дальний участок поля.

- Это – мужики-ополченцы, пришедшие ночью с разных княжеств, - пояснил Володимир Ондреевич и хмыкнул, - серые зипуны!

Димитрий Иоаннович резко зыркнул на него: «Эти «зипуны» будут стоять тверже кованой рати!»

Володимир Ондреевич смутился: «Да я же про них, брат, - с любовью…»

- Ставь их в большой полк. В самую его спину…

В это время со стороны Коломны показались несколько всадников. Они скакали в нашу сторону. Князь Володимир Ондреевич настороженно привстал на стременах. Приложил ладонь ко лбу. Вгляделся.

- Кто там? – не попорачивая головы, спросил Великий Князь.

- Сам не пойму, - ответил Володимир Ондреевич, - впереди два монаха… За ними ратники… Наши…

- Князь Ляксандр, - обернулся ко мне Димитрий Иоаннович, - возьми десяток. Встреть.

Я пришпорил коня и слетел с холма. Жестом показал десятку ратников рассыпаться подковой, чтобы окружить неожиданных гостей… Действительно, скоро к нам подскакали два черенца…

- Кто такие? – спросил я, когда они подскакали.

- Сторожа мы, - крикнул один из ратников, сопровождавших чернецов, - а святые отцы только прибыли… Молят к Великому Князю допустить. Ну, как отказать? Божии слуги…

- Из Володимира мы… Я пономарь тамошний. Отец-наместник благословил меня… К Великому Князю, - отдышавшись объяснил первый монах.

- За каким делом? – оглядывал я земляка.

- Чудо у нас Божие! И меня, недостойного, Господь сподобил видеть его… Но поведаю сперва только Великому Князю.

- Тогда остальные пусть здесь останутся…

И мы, окружив володимирского пономаря, повернули коней назад… Гридни окружили Димитрия Иоанновича. Монах спешился. Земно поклонился: «Дозволь, Великий Князь, о чуде Божием поведать?»

- Говори, - кивнул тот.

- Я – пономарь… У гроба Великого Князя Александря Ярославича Невского… Заснул тут, давича, на паперти… Вдруг, как будто, кто-то толкнул меня в бок. Открываю глаза. Вижу: свечи все пред святыми образами сами собой зажглись. А из Святого Алтаря выходят два старца и – прямо ко гробу солнышка Земли Русьской, Великого Князя… Взывают к нему: мол, вставай! Иди, мол, на помощь правнуку твоему своему, который на пути к сече за освобождение от ига поганского Отчины нашей! И тут, - Господи, помилуй! – восстал он, родимый, Князюшко наш Александр Ярославич, из гроба. Доспех его в ночи, что солнце сияет. Лик – суровый! На поясе - меч!.. И… исчез вместе со старцами… Я – к игумену, наместнику нашему. Он – к епископу. Тот, помолившись повелел вскрыть гроб-то. Ну, вскрыли… А там, - слава Тебе, Господи! – мощией-то нет! Ушел Святой на сечу. Помогать тебе.

Монах часто-часто закрестился. Все, кто был на холме, - от ратника до Великого Князя, - тоже наложили на себя Крестное Знамение. Димитрий Иоаннович соскочил с коня, поклонился в ноги монаху: «Ох! И уважил же ты меня, отче! Спаси тя Господи!»

Потом обернулся на приближенных: «Еще одно знамение! Уж ежели Великий Князь Александр Ярославич Невский идет нам на помощь, одолеем супостата! Как есть одолеем!»

Все мы закричали: «Ур-р-р-ра!»

Полки, даже не ведая о чуде, подхватили. И казалось, что сами Небеса подхватили боевой клич. Димитрий Иоаннович повелел: «Сообщить всем полкам о чуде Божием!»

Потом повернулся ко мне: «Князь Ляксандр! Не твой ли Небесный Покровитель явил свои мощи?! Отведи-ка святых отцов в Коломенский терем! Повели накормить, напоить, устроить отдохнуть, да в обратный путь собрать!»

- Великий Князь! – подал голос пономарь, - брат мой со мной прибыл… Иеромонах Онуфрий… Отпросился он в ополчение! Игумен отпустил! Приими! А? Окажи милость!

- Быть посему, - кивнул Димитрий Иоаннович, - пусть идет в любой полк.

…А я, выполняя Великокняжеское повеление, так и не удостоился присутствовать ни на молебне, ни на смотре. Но даже в Коломне было слышно много тысячное *Господи, помилуй*, взмывавшее в небо. И перекрывавшее звон колоколов! Русьское войско служило молебен!

…Ночь, казалось, так и не наступила. Звезды, заполняя все пространство над головой, вытеснили темноту куда-то в самую глубину неба. Путь предстоял нелегкий… А для кого-то и последний. Но вряд ли кто из русьских ратников и ополченцев спал в эту ночь. Между костров ходили священники во главе с Коломенским владыкой Герасимом: исповедовали всех желающих. А с рассветом началась Божественная Литургия. Она проплывала не только в соборе и коломенских церквях, и в воздухе, прямо на крутом берегу Оки, вокруг города, в каждом полку, в каждой даже небольшой дружине.

Я причащался вслед за Великим Князем, набольшими болярами и воеводами… И тут мне привиделось, что передо мной стоят еще два ратника… Оба в красных плащах… Лики их были знакомы до чувства родства. Но кто они, я так и не смог узнать или вспомнить. Перед тем, как подойти к Чаше оба обернулись ко мне поклонились настолько глубоко, насколько позволяли сложенные крестообразно руки… И тут я узнал их! Первый беседовал со мной, раненным, замерзающим в лесу, перед тем, как меня нашли Афанасий, Филипп и другие мужики. Да-да! У него еще были такие же раны, как у меня: в бедре и плече. Второй тоже несколько раз приходил ко мне на помощь. И – в последнее время! Даже тогда, когда я скакал на встречу с князем Олегом Рязанским, после которой сразу вернулся в Коломну.

Вот… Они причастились Святых Таин… Священник как бы раздвоился: один стоял неподвижно, другой… О, Боже! Другой был облачен в белоснежную, сверкающую ризу. Именно он причащал двух предшествующих мне князей в красных плащах. А они? Они… прошли в Святой Алтарь!..

Слезы брызнули из моих глаз, когда я отошел от Чаши к запивке. Так потянуло меня туда, к незнакомым, но родным князьям в красных плащах…

…Мы выходили из Коломны. Кремль… Посады… Я обернулся, как бы прощаясь с ними, с бревенчатыми стенами, башнями, рвом, крестами на соборе и церквях… Мимо проплывали надолбы, готовящиеся волчьи ямы, железные капканы… В нашу победу, конечно, верилось! Но вдруг? К тому же по Оке мог подняться Ягайло, уже идущий на соединение с Мамаем. Однако, выйдя на самый берег Оки, сторожевой полк, а за ним и все остальные, свернули вправо, в сторону реки Лопасни. Я удивленно взглянул на Великого Князя, в охране которого стоял на высоком, крутом берегу. Тот, обернувшись к Володимиру Ондреевичу, хохотнул: - Пугнем Ягайлу! Пусть подумает, что мы на него идем!

- Да-а-а! Доглядчики и доказчики, поди, уже рванули тайными тропами, чтобы доложить, какая Русьская рать движется! – в тон ответил Серпуховской князь.

- Посылай гонца ко князю Роману в Одоев! Пусть готовится к встрече литвы. Мимо него Ягайло не пройдет. Да скажи, чтоб стояли до конца! До последнего ратника! Нельзя допустить язычников соединиться с Мамаем! Что с переправами?

- Уже три дня, как возводятся. В оговоренном месте: в устье Лопасни.

- Да, брат Володимир, повели-ка напомнить всем воеводам, что пойдем по самой границы Рязанского княжества. Пусть строго-настрого накажут: чтоб ни один волосок с местных не упал! Ежели узнаю, что кто-то из наших обидел рязанца, казню немилосердно!

- Все исполню.

И тут к Димитрию Иоанновичу на взмыленном коне подскакал… князь Герасим. Спешился. Перекрестился. Поклонился.

- Ну, как, проводил желтомордого? – спросил Володимир Ондреевич.

- Проводил, как положено… - хмыкнул князь Герасим. - Только заминочка одна вышла… На обратном пути другая их сотня попалась… Разведка. Пришлось потолковать! И так наша беседа полюбилась ихнему сотнику, что он твердо решил не возвращаться, пока с Великим Князем не поговорит!

Все, зная князя Герасима, засмеялись. А он, обернувшись, махнул рукой. Двое наших ратников приволокли и швырнули под ноги коня Великого Князя ордынца в наборном доспехе. Володимир Ондреевич обернулся и крикнул кому-то: «Толмача сюда!»

Ордынец испуганно водил глазами вдоль берега Оки: похоже, считал и не мог сосчитать ряды русьских ратников, двигающихся под холмом. Поэтому долго ждать себя не заставил: толково объяснил, что Мамай снялся с реки Воронеж и теперь идет к месту слияния Непрядвы с Доном.

- И какое же войско? Сколько ратников ведет с собой Мамай? – довольно хмыкнул Великий Князь.

- Семьдесят туменов! – округлил узкие глаза ордынец… - Еще – косоги, ясы… Эти должны подойти… Литва… Иные…

Димитрий Иоаннович повернулся к Володимиру Ондреевичу: «Будем везти его за Дон… А там отпустим… Только повели побить его хорошенько. Не сильно. Но чтобы побольше синяков и ссадин было. А то ведь свои хребет сломают. К тому же, в малую колодку прикажи заковать… На шею… Чтобы руки свободными были. Пусть за Доном убежит и поведает Мамаю про нашу силу.»

- Так у нас все равно поменьше! - мотнул головой Володимир Ондреевич.

- А ты его ромейским пои! А пока будет дрыхнуть, верни обратно. И еще раз вдоль рати провези, - улыбнулся Великий Князь.

- Так мы ж его раз пять провезем! – засмеялся Володимир Ондреевич.

- Ага! А чем дышать за Доном будем? Прикинь, ежели семьдесят туменов медвежьей болезнью захворают! Вонь-то какая будет?!

Тут уж захохотали все, кто стоял вокруг Димитрия Иоанновича.

- Великий Князь, – уже серьезно поклонился князь Герасим, - а мне-то с моей сотней в какой полк вставать?

- Тебе? – задумался Димитрий Иоаннович… - Тебе с твоими рукопашниками… Во-он… ко князю Володимиру Ондреевичу, в засадный.

- Мне?! – князь Герасим даже попятился… - Мне с моими – в засадный?!

Но Великий Князь так зыркнул на него, то тот только и молвил: «Прости…»

- Бог простит.., - буркнул Димитрий Иоаннович, - ступай.

- Еще одно, Великий Князь… Дозволь с будущим сватом похристосоваться? – кивнул князь Герасим на меня. А у меня аж дыхание перехватило.

- Так ты знал? – спросил я, спешиваясь.

- Еще с весны… Настюха призналась. Я благословил. А ты что? И не ведал даже? – удивился он.

- Как всегда, – улыбнулся я, христосуясь, - как всегда узнаю последним.

- Что? После победы на свадьбе гулять будем? – обернулся к нам Великий Князь. - Дело! Дай-то Бог!

…У истока Лопасни мы обогнали войска. И теперь наблюдали, как идет переправа. Слава Богу, люди русьские шли без спешки, суеты. Лица были молитвенно сосредоточенны. Только на коротких привалах и ночевках то тут, то там слышались песни и шутки. Но и то звучали они в меру.

- Вот что, сынок, - заговорил отец, когда мать уехала к Алине в больницу, а мы с ним сели за ужин, - я хочу, чтобы ты правильно понял меня. И – без обид. Договорились?

- В чем вопрос, папа? – наколол я на вилку пельмень.

- Мы тут с матерью долго говорили…

- Ну, не тяни!

- Послезавтра Алину выписывают. Ей сейчас стыдно и тяжело… Вот, мы и подумали: не мог ли ты устроить себе командировку? Куда-нибудь? Только не подумай: я тебя не гоню! Просто, пойми сестру! Ей, кстати, кроме матери, сейчас никого видеть не хочется… Я сам уезжаю в Бершеть. Уже договорился.

- Ну, что ж.., - чуть не поперхнулся я, считая, что все беды в семье легче переносить сообща, - завтра же поговорю с руководством.

Конечно, мне, ой, как захотелось поспорить, даже обидеться! Но я сдержался. Однако, не преминул съязвить: «Вот, видишь, свобода журналистской и редакторской работы имеет свои оч-ч-чень большие плюсы! Я – хоть и не полковник и не замначальника кафедры, но командировки могу сам себе выбирать…»

Отец опустил голову. А внутри меня, где-то в висках, билась мысль: «Ну, что ты несешь?! Всем итак несладко! Мог бы промолчать! Как мужчина»!

- Пап, – проговорил я, - пойдем-ка, пивка попьем? «Пивняк» еще работает… А?

- Что-то не хочется, - буркнул он, - я пойду, почитаю что-нибудь…

- Пап! Ну, прости! Глупость сморозил, - обнял я его за плечо.

- Ладно-ладно… Иди, отдыхай. Мне еще посуду мыть! - мотнул он головой.

- Э-э-э, нет! Это ты отдыхай! А посуду я помою.

Отец ушел курить на лоджию… А я вдруг вспомнил, что уже давно идет Успенский пост, а я пожираю пельмени, колбасу, сыр! Да, надо действительно отправляться в командировку!..

Утром я выехал из дома в семь. И «полетел» к отцу Валерию. Все ему рассказал. С обидой! А он покачал головой: «Ты же психологией занимался… Хотя и нет такой науки! Заумки человеческие… Но сам бы мог догадаться, что тебе, - ради сестры, ради любви к ней, к родителям, - действительно надо уехать. Посуди сам: чем ты можешь помочь ей? А? Ни-чем! Молись! Господь все управит. Вот это – психология! «

…На работе, в курилке, я тихо сказал Жене: «Как бы мне сейчас уехать в командировку?! И чем длиннее она будет, тем лучше.»

Тот пожал плечами: «Надо найти что-то экстраординарное! Квартальный план по командировкам мы уже выполнили… Думай, голова, думай… Шапку куплю! Ладно, пошли в отдел… Голова, если захочет новую шапку, что-нибудь придумает.»

Мне же было не до шуток… Я сидел за рабочим столом и, не размыкая губ, шевелил языком: «Господи, помилуй! Господи, помоги!»

Так я «поработал» до обеда. А после него к нам в отдел зашел директор. От виска на темя он пригладил волосы. Кашлянул. Раздумчиво проговорил: «Мне вот тут в голову пришла замечательная мысль. Мало мы уделяем внимания интернациональному воспитанию железнодорожников! Давненько не обобщали опыт работы культпросветработников союзных республик. Нет, конечно, в Прибалтику, там, на Кавказ, во Львов, Киев, в Крым или в Одессу любой методист поедет с радостью… А вот, про тот же, к примеру, Казахстан? А про Среднеазиатскую железную дорогу что-то молчим. Ну… Женщин туда посылать опасно… Сами понимаете… А вот вы, дорогие наши мужчины-редактора, вполне могли бы махнуть, накопать интересный материальчик. А? Я даже в сроках вас ограничивать не буду! А? Вобщем так: через час жду ваших предложений. Сразу оформим проездные документы. И давайте-ка, завтра же отправляйтесь!»

Директор вышел. Осторожно и медленно прикрыл за собой дверь. А мы поначалу несколько минут молчали.

- Картина Репина «Не ждали»! – наконец выдохнула Людмила Петровна. А Женя посмотрел на меня, словно именно я подкинул эту идею товарищу Поповкину. Хмыкнул: «Ты колдун?»

- Так, мальчики, - опять заговорила Людмила Петровна, - идите, принесите из библиотеки атлас железных дорог Казахской ССР.

Что мы и сделали. И через десять минут все склонились на толстенным географическим томом…

- Ну что? Нормально! – вздохнул Женя, ведя карандашом по пунктиру, обозначающему железную дорогу… - Приезжаем в Актюбинск… Там работаем. Потом – в Ташкент… С остановками на узлах Саксаульская, Кзыл-Орда… Оттуда – в Семипалатинск…

- Ну, вот и хорошо, - кивнула Людмила Петровна, - не забудьте только из Ташкента дыньку привезти… А сейчас садитесь, пишите план командировки. И через пятнадцать минут – к директору на утверждение. Я к нему не пойду…

Женя удивленно взглянул на нее, но промолчал. Мы сели за его письменный стол и быстро набросали план…

- Нет, товарищи, так дело не пойдет! Надо копать глубже! Вот, смотрите, - указал Поповкин на карту железных дорог Казахстана, - ваш план – только малая толика… Надо съездить с вагоном-клубом… Из Актюбинска. Потом сравнить его работу с коллегами из Ташкента, Семипалатинска… Забываем мы тружеников линейных станций! Ох, забываем. А они – перед нами: Алгуз, например, Талды-Курган… Привезите максимальную иноформацию из Каражала, Кзыл-Джара… Все понятно? Тогда – вперед! Оформляйте проездные документы. Я полагаю, месяца вам на командировку хватит. Можете быть свободны.

Душа моя ликовала! Услышал Господь мои молитвы. Или молитвы отца Валерия?.. Зато Женя был чернее тучи.

- Вот уж «пошлала - так пошлала», - передразнил он главного героя из модного мультика про пластилиновую ворону, - у Танюши – день рождения… У мамы…

- Ну.., давай, я один поеду, - попытался утешить я его.

- Что-что?! Ты представляешь, какой объем работы взвалил на нас этот крашеный?! К тому же, – вздохнул Женя - кто тебя одного-то отпустит… Опыта еще маловато… Да, и как говорил один известный писатель, восток может быть богатым, может быть бедным, но был есть и будет грязным, вонючим и подлым…

- Погоди-погоди! – мотнул я головой, - А как же Авиценна, Навои, Омар Хайям, а в прошлом веке – Велиханов, Абай… А в нынешнем – Ченгиз Айтматов? Ты просто, по-моему, сейчас – на взводе…

- Да-да-да! А вот что я Танюше скажу об этой командировке?!

- Хочешь, я с ней поговорю?

- Нет-нет-нет! Это – дело семейное.

- Жека! А вдруг у тебя напишется «Восточная тетрадь» похлеще, чем у Есенина…

- Да?

- Да!

- Ну, ладно…

И мы пошли оформлять проездные документы. …А вечером, дома я собирал портфель и спортивную сумку. Отец зашел в комнату. Постоял, глядя на меня. Спросил: «В командировку?»

- Как было приказано! - почему-то не глядя на него, ответил я.

- И надолго?

- Постараюсь подольше. Ну-у-у, не меньше месяца…

Мать, еще не успевшая уехать к Алине, и, видимо, стоявшая под дверью в мою комнату, вошла и резко спросила: «Это что ж за командировки такие журналистские? По месяцу! Я понимаю: у военных…»

- В Среднюю Азию, мама! – подчеркнуто выговаривая каждое слово, перебил ее я… - А там: сто километров – не расстояние! Мы с Женей должны объехать весь Казахстан…

- Я ведь позвоню! Проверю! – вдруг вспыхнула мать. И тут уж не выдержал я: - Ты что ж это? В детский садик звонить собралась? Поинтересоваться, как там твой сыночек на горшочек ходит? Или - в начальную школу с подобными вопросами?!

- Саша, молчи! – перебил отец.

- Нет уж! Мне перевалило за тридцать! Ты один раз позвонила! Опозорила! Дураком, дебилом выставила! Шутка ли, мама тридцатилетнего мужика звонит ему на работу, интересуется его делами… Как ма-ма! Поверь, если бы я был моим начальником, то после твоего звонка, постарался бы любым способом и как можно скорее избавиться от меня!

- Это еще почему? – в голосе матери чувствовались истеричные нотки.

- Потому что только у ненормального, у дебила мать может интересоваться о его делах на работе, трезвоня начальству! Ты что, разбираешься в журналистике? В редакторской работе? Можешь дать мне совет? Помочь, если что-то не ладится?!

- Саша! – опять подал голос отец…

- Прошу вас, дорогие мои папа и мама, позволить мне спокойно собраться в командировку. Я купил курицу. Мне ее еще надо прожарить!.. – говорил я, и меня самого бросало в дрожь от холодности своего тона.

- Пойдем-пойдем, – обнял отец мать за плечо, - ему действительно надо спокойно собраться. Чтобы ничего не забыть… Я сейчас и курицу пожарю… А тебе к Алине пора.

Слава Богу, он увел ее. Но из-за двери долго еще слышался разговор родителей… А дрожь внутри меня только усиливалась… Тогда я достал походный складной стаканчик, бутылку коньяку, купленную по уговору с Женей в дорогу, - подумал, мол, завтра докуплю, - и залпом выпил граммов сто пятьдесят. Вышел на лоджию, покурил… И почувствовал, что неимоверно устал. Глаза стали слипаться… И времени-то всего – семь вечера… Но я прилег… А открыл глаза оттого, что отец тряс меня за плечо: «Я ужин приготовил. Тебе во сколько завтра выходить?»

- Мать ушла? – передернул я плечами.

- Давно. Времени-то – полдесятого.

«Слава Богу!» - подумал я. И тут же укорил себя: «Ну, чего я сорвался?! Промолчал бы… И все было бы мирно и нормально»…

Ага! Нормально! Видно, забыл, что если мать заводится, то это может растянуться дня на три с новыми, самыми фантастическими обвинениями, пророчествами, оборотами в ее мыслях… И это было правдой! Я вздохнул. Пошел в ванную. Облился по пояс холодной водой и вышел на кухню. На сковороде вздувался омлет с колбасой. На сале!

«А пост?» - сквозонула мысль. «Эх! Жить бы одному!» - вздохнула другая.

За ужином отец пытался шутить, что-то вспоминать, рассказывать… Но я всего лишь… подыгрывал ему.

- Так, во сколько твой поезд отходит? – спросил он, отхлебывая молоко.

- В одиннадцать двадцать утра. Но я выйду пораньше. Мне надо еще на работу зайти… Документы кое-какие взять… В Казахстан позвонить, чтобы там встретили…

Отец кивнул. Допил молоко. Сказал: «Спокойной ночи.»

- Пап, - окликнул я его, - ты не обижайся на меня! Я просто устал вчера и сегодня. Разбуди меня, когда сам встанешь.

- Спокойной ночи, - повторил отец и ушел в свою комнату.

…До чего же я люблю этот неповторимый запах вокзалов, поездов, это предчувствие смены обстановки, самой дороги, самого движения! Новые знакомства, разговоры, откровения случайных попутчиков, которых видишь, может быть, в первый и в последний раз. Да потому и сам откровенничаешь. Все это похоже на радостный азарт охотника, заметившего дичь или… воина – перед победным сражением…

Мы с Женей встретились перед входом на перрон. Он, как и всегда, был весел и бодр. Его настроение передавалось мне. И только усиливало мою радость. Даже грязный состав, вдоль которого мы шли, на омрачил ее.

У «спального» вагона стоял низенький, толстенький проводник-казах. Он просмотрел документы. Увидев удостоверения с грифом «Министерство путей сообщени», безплатные, служебные билеты, стрельнул из щелок век черными зрачками, расплылся в улыбке, казалось всем лоснящимся от жира лицом: «Дзы-дзы-дзы! Какие высокие, хорошие пассажиры у меня сегодня едут! Ка-а-акие зимечательные! Какая радость! Все сделаем, чтобы такие пассажиры, такие гости нашей республики остались довольны! Проходите, пожалуйста! Проходите, пожалуйста!»

- Спасибо, - кивнул я, улыбнувшись. А Женя, когда мы вошли в свое двухместное купе, вдруг сказал: «Ты с ним особо не миндальничай! Мягко стелет! Вот увидишь! Всю дорогу будет выпытывать: куда, да зачем мы едем? С какой проверкой?… Покупать начнет… Помяни мое слово!

- А по-моему, очень доброжелательный проводник! – пожал я плечами.

- Ты лучше вспомни, как говорил товарищ Сухов в «Белом солнце пустыни»! Восток – дело тонкое, Петруха…

Поезд тронулся. И за окнами поплыло Подмосковье. Мы разложили все необходимое на столике и в сетчатых полках. Переоделись в спортивные костюмы… И тут в купе постучали… Не переставая «дзыкать», проводник взял наши билеты, спросил, не желаем ли чаю, кофе, вина… На отрицательный ответ покачал головой: «Дзы-дзы-дзы! Дорога большая… Трое суток! Если что пожелаете, сей же час будет готово…»

И ушел… Женя достал какую-то папку с бумагами, углубился в них. Я вышел покурить в тамбур. А когда вернулся, Женя кивнул на бумаги: «Интресную темку я накопал. О работе вагонов-клубов, культурно-бытовых поездов… Ты, по-моему, уже писал об этом в «Гудке». И, как говорится, в теме?»

- Да, - кивнул я, - только – на Псковщине.

- Мы едем не на Псковщину, - задумчиво протянул Женя и подал мне стопку бумаг, - поэтому почитай-ка вот эти отчеты. Уверен, здесь половина, если не две трети, - липа! Вот и надо нам поработать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Если накопаешь какой-нибудь негатив, даже виду не подавай! Меня этой предосторожности наши девочки из методического отдела научили… Они в прошлом году в Киргизию ездили… Восток – дело тонкое… Все держи в голове. Давай-давай, знакомься! А через пару часиков можно и пообедать. Я думаю, сегодня мы должны съесть все свое… Чтобы не испортилось. А когда доедим, пойдем в ресторан. Лады?

Я завалился на широкую полку и принялся читать. И так по отчетам все было чисто и гладко, что я… задремал: терпеть не могу этого официоза! Особенно, если не верю ему. А снилось мне… Даже непонятно, что: сражение – не сражение, драка - не драка… Но что-то очень немирное! Потом приснилась мать. Она несколько раз повторила: «Дай Бог нашему теляти волка съесть…»

И я был очень благодарен Жене, когда он разбудил меня. Вскинулся. Протер глаза. Встряхнул головой…

- Ну, и храпанул ты! – весело хохотнул Женя. - Полтора часа! А я вот, и стол накрыл!

Действительно, на фольге лежала уже разломанная курица, хлеб, помидоры, огурцы, вареные вкрутую яйца, сыр, колбаса… Стояла и бутылка «Байкала». Открытая, но полная. И стаканы до половины были наполнены темной жидкостью…

- Конспигация, батенька, конспигация! – опять хохотнул Женя… - Не будем дразнить гусей! Не будем подавать повод для нашей дискридитации…

- Ты бы хоть «Байкальчику» отхлебнул… Для конспирации, - окончательно проснулся я.

- Вот, ты со сна и отхлебни.

Я так и сделал. И в это время в купе постучали. Улыбающийся проводник вплыл с двумя стаканами.

- Время обедать! – заявил он. - Молодой мужчина должен много мяса кушать! У нас в ресторане шашлык готовят… Дзы-дзы-дзы… Пальчики оближешь! Не желаете? Я принесу!

- Спасибо, - делано улыбнулся Женя, - дорога – дальняя. Нам свое надо сначала съесть. А то испортится в дороге. Жарко.

- Зачем испортится?! Я договорюсь в ресторане! Для таких дорогих пассажиров можно и холодильник предоставить.

- Спасибо, - кивнул Женя. - Вот, если не осилим сейчас, попросим вас помочь с холодильником.

- Дзы-дзы-дзы! Что ж это вы водичку пьете? – в ниточку сузил щелки глаз проводник. - В дороге, в большой дороге, вино пить надо, коньяк пить надо… И спать. У нас такое вино узбекское есть! Не желаете?

- Нет, спасибо, - уже более жестко ответил Женя и кивнул на папку с отчетами, - нам еще поработать надо. На трезвую голову.

- Ну, не буду мешать. Не буду мешать, - засуетился проводник. Выскользнул из купе. И откуда в этом толстяке эдакая гибкость? Змеиная какая-то…

Мы пообедали. Выпили коньяку. Открыли окно и покурили прямо в купе. И снова услышали стук в дверь.

- Стаканчики не нужны? Можно забрать? – в проеме появилось, казавшееся вечно улыбающимся, лицо проводника.

- Чай у вас хорош! – похвалил я, протягивая пустые стаканы.

- Дзы-дзы-дзы! Это – мой собственный рецепт. От прадедов достался. Я ведь – из южного джюса… Там у нас все – самое лучшее! – часто-часто закивал проводник.

- Саш, мы хотели работать! – строго перебил Женя.

- Не буду мешать! Не буду мешать! – не снимая с лица улыбки, проводник прикрыл за собой дверь.

- Ты что, с ума сошел? – раздраженно зашептал Женя… - Сам даешь ему повод для болтовни! По-моему, нам с тобой Свердловска хватило!

- Ты чего завелся? – удивился я.

- Чего-чего… Он же липнет, как банный лист к… А нам с тобой здесь этого совсем не надо! Мы же не к русским едем. Восток – дело тонкое! – уже более умиротворенно произнес он.

- А мы с тобой оч-ч-чень легко все можем проверить, - мотнул я головой, - Спрячь-ка наиболее важные документы и коньяк подальше. А папочку дай мне.

Когда Женя исполнил мою просьбу, я забрал у него папку со всякой ерундой и выдрал у себя из головы два волоска. Обмакнул в «Байкал» палец и сладким раствором приклеил их так, что папка как бы оказалась опечатанной.

- Пошли! – подмигнул я Жене. Когда мы вышли из купе, я заглянул к проводнику. Тот пил чай из пиалы.

- Мы до ресторана дойдем, - сказал Женя, - а вы пока закройте наше купе. Там – документы!

- Сейчас! Сейчас! – засуетился проводник. - Мой напарник вас проводит…

- Зачем?! Мы уж сами как-нибудь! – удивился Женя.

- Нет-нет! Здесь люди разные ездят… Мало ли что?! – помотал он головой. И, постучав в служебное купе, крикнул: «Акылжал! Проводи наших дорогих гостей до ресторана.»

Женя выразительно посмотрел на меня: мол, удумал же ты! А из служебного купе вышел молодой, но заспанный, тоже толстый, казах в безрукавной тельняшке. Он достал откуда-то форменную рубашку, надел ее. А наш проводник в это время в чем-то наставлял его, но уже по-казахски… Молодой казах тоже заулыбался и жестом пригласил нас следовать за ним.

Мы шли по составу, переходя из вагона в вагон. Общие… Плацкартные… Купейные… Все они были одинаково грязные и вонючие. Не в пример нашему. По коридорам носились чумазые, сопливые, полуголые, узкоглазые и широкоскулые дети… Мужчины что-то жевали, сплевывая прямо под ноги себе… Или курили… Визгливо перекрикивались женщины. На нас взглядывали поначалу из-подлобья, словно стреляли из щелок глаз. Потом, заметив провожатого, улыбались… Вагонов через пять мы, наконец, достигли ресторана. Акылжал ушел в служебное помещение и что-то громко и долго говорил там по-своему. А я разглядывал прилавок буфета. Увидев незнакомые сигареты, спросил казаха, стоявшего за прилавком: «Они крепкие?»

- Да-да-да, – закивал тот, улыбаясь, - очень-очень крепкие…

- Не надо их покупать, - услышал я голос сзади. Обернулся. Наш провожатый стоял рядом с другим, тоже казахом, голый торс которого прикрывало что-то, похожее на халат. Точнее, что-то бывшее когда-то белым халатом. Но теперь это что-то – серо замасленное. Ему и принадлежал голос.

- У нас есть хорошие казахские сигареты, - продолжил он, - и курят их только наши ба.., простите, вожди, в ЦК, обкомах, горкомах, райкомах КПСС.

Он протянул руку к буфетчику, и тот вложил в нее яркий, блестящий блок. Женя полез за бумажником, но собеседник замотал головой и замахал свободной рукой: «Нет-нет-нет! Это – сувенир! Знак нашего гостеприимства, которым так славятся казахи. Не обижайте! Примите! А вечером я лично для вас бишбармак приготовлю. Начальнику поезда уже позвонили про вас из Актюбинска. Там будут встречать. А сейчас присядьте. Пообедайте.»

- Спасибо, - вступил в разговор Женя, - мы уже пообедали. Жены столько наготовили в дорогу! Боимся: по жаре испортится.

- Дзы-дзы-дзы! Наши холодильники в вашем распоряжении! А там, кстати, у нас пивко свеженькое, холодненькое стоит… Давайте, выпьем по стаканчику?

Я посмотрел на Женю. Тот улыбнулся: «От пива не откажемся.»

- Присаживайтесь… – потер ладони собеседник, - меня зовут Зиятбек. Я – директор вагона-ресторана. А вас как величают?

Мы представились. А он только махнул рукой, и тут же откуда-то появился буфетчик с тремя запотевшими бутылками пива в руках. Хозяин жестом и с поклоном указал на места за столиком, на котором уже светилась белизной свежая скатетрка. И хотя там было четыре места, уселись только мы трое. Наш провожатый остался стоять рядом. Я раскрыл, было, рот, но больно почувствовал каблук Жени на своей ступне. Снова появился буфетчик с плетенкой сыра и какой-то рыбой на блюде.

- Попробуйте! – чмокнул губами директор вагона-ресторана, - Сыр – домашний… Рыбка – тоже наша, казахская. Копченый толстолобик. Мы развели ее для очищения рек и арыков от водорослей. С помощью и по настоянию нашего старшего брата – русского народа. И родной Коммунистической партии. Но так коптится толстолобик только у нас, в Казахстане.

На самом деле, рыба таяла во рту… Но после первой же выпитой бутылки пива я опять почувствовал каблук Жени на своей ступне.

- Спасибо, - улыбнулся он, вставая, - мы хотели бы отдохнуть в своем купе.

- Желание гостя – закон! – приподнялся со своего места и Зиятбек. Что-то строго по-казахски проговорил нашему провожатому, так и стоящему у стола. А для нас добавил: «Простите, что говорю не по-русски… Привычка. Я попросил его проводить вас и устроить по высшему классу. Закон гостеприимства у казахов – всегда главный! Отдыхайте! Только не забудьте: вечером жду вас на бишбармак!»

Он снова чмокнул пухлыми губами: «Дзы-дзы-дзы! Пальчики оближете! Так, кажется, говорят у русских?..»

И, не переставая слегка кланяться, проводил нас до выхода из ресторана. Мы вернулись в купе. Папка с документами лежала на своем месте. Женя взял ее в руки и… убедился: скрепляющих волосков не было.

- Восток – дело тонкое, - раздумчиво проговорил он. Мы открыли окно и закурили. Мимо пролетали уже только лиственные леса.

- Что дальше? – спросил я. - Как вести себя? Ты же мне всю ногу обтоптал! Я что-то не так делал?

- Восток… Я же все детство провел в Улан-Удэ. Поэтому знаю законы у этих народов… За столом у них командует хозяин. Не вздумай кого-нибудь пригласить присесть. Здесь бытует очень четкая граница между людьми…

- Касты, что ли?

- Вроде того. Этот молодой проводник не имеет права сидеть за одним столом с начальством. А директор вагона-ресторана и мы для него – именно начальство. Считают, что едем с ревизией. Пусть считают…

Мы закрыли окно. Завалились на свои полки. Я задремал… А разбудил меня настойчивый стук в дверь. За окном уже совершенно стемнело…

«Осень - на пороге…» - почему-то грустно подумалось мне.

- Войдите! – ответил на стук Женя. В дверях появилось лоснящееся лицо нашего первого проводника.

- Товарищ Зиятбек просил напомнить вам свое приглашение на бишбармак! - улыбался он.

- Прости, дорогой, - тоже улыбнулся в ответ Женя, - сколько мы уже в пути, а все не знаем, как звать тебя… Прости за то, что перешел на «ты».

- Это – хорошо! Это – хорошо! Зовут меня Исмет. Простое имя. Но я – из южного джюса! – его тон стал вдруг очень важным.

- Мы сейчас, Исмет. Только приведем себя в порядок. Умоемся… - кивнул Женя. Когда же проводник вышел, он попросил: «Саха! Давай договоримся: пить помалу. А лучше: только делать вид, что пьем… Лады?»

Я согласно пожал плечами.

…На входной двери вагона-ресторана висела табличка: «Закрыто. Санитарный час». Но Исмет, на этот раз самолично сопровождавший нас, открыл дверь и по-хозяйски вошел. Ближайший к буфетной стойке столик уже был накрыт. Лепешки, зелень, бутылки с наклейками, усыпанными медалями, брынза, холодная баранина с хреном и горчицей, усыпанная еще какими-то специями, дыня, виноград, арбуз совсем не вписывались в вагонную обстановку… Навстречу нам вышел Зиятбек. Теперь он был в серой форменной рубашке с галстуком и фуражке. Раскланялся: «Проходите, дорогие гости! Проходите! Будьте, как дома. Давайте закусим, чем Аллах послал… Выпьем… Поговорим… Дорога большая, - отоспаться успеете…

Он разлил вино: нам с Женей в фужеры, а себе и Исмету, усевшемуся за стол без приглашения, - в рюмки. И пояснил: «Вы – гости. А мы – на работе. Мало ли… Пока не доехали до Казахстана…»

Мы выпили. Закусили.

- Кушайте-кушайте, - приговаривал директор вагона-ресторана, - вам, я понимаю, много работы предстоит… Наша дорога – бо-о-ольшая! Климат – самый разный… А вы, как я понимаю, поедете не только в Ахтубу. А? Впрочем, что я спрашиваю?! Не мое это дело…

- Да нет, - мотнул головой Женя, - ничего секретного здесь нет. Мы едем по железнодорожным культпросветучреждениям Казахской ССР.

- Да-да, - закивал Исмет, - культура и у нас в Казахстане принадлежит народу… Искусство – тоже. Это – оч-чень важное направление идеологического воспитания трудящихся! Так вы, значит, только по культурной части едете к нам?

- Вы правильно заметили про идеологическое воспитание. А я бы добавил еще: в духе интернационализма! – дернул уголком губ Женя. - Культура – часть идеологии… Так что, именно этот аспект нас интересует в первую очередь.

- Что ж мы сидим?! – как-то по-бабьи всплеснул руками Зиятбек. - В сухое горло добрые слова не идут! Сейчас бишбармак принесут!

Он разлил вино и, повернувшись в сторону кухни, крикнул: «Аманжол!..»

Тут же появился буфетчик. У него на подносе парили глубокие глиняные миски с бишбармаком. А я вдруг понял все лицедейство застолья. И мне стало до тошноты противно. Господи! Как же все эти ложь и лицемерие шиты белыми нитками! Вот – и обратная сторона медали, которая называется журнилистикой! – хмыкнула мысль, - Нравится»? Я встряхнул головой…

- Что?! Нехорошо? – участливо наклонился ко мне Исмет… - Проводить до туалета?

- Нет-нет! Что вы? Просто, – застыдился я и соврал, - думаю все время о работе, а здесь – такая добрая беседа! Вот вы, как представители казахского народа, рассказали бы о своей культуре, обычаях.

- Дзы-дзы-дзы! – покачал головой Зиятбек, - всей нашей дороги не хватит, чтобы рассказать об этом. История казахского народа уходит так далеко, что даже ученые не все знают! А уж мы-то – тем более… Хотя… Чувствуем…

- Но все-таки, - поддержал меня Женя.

- О-ох! Погодите, – взглянул на часы и засуетился Исмет, - сейчас будет бо-о-ольшая остановка. Мне надо быть в вагоне. Боюсь, однако, Акулжал, - он еще молодой, - не справится!

И, резко поднявшись, он поспешил к выходу из вагона-ресторана.

- Что же я, простой директор ресторана, могу рассказать о нашей национальной культуре? – как бы отвлек наше внимание на себя Зиятбек… - Я могу сказать о нашей казахской национальной кухне! А в ней, как в зеркале, отразилась душа народа, его традиции, обычаи… Гостеприимство – вот основа нашей культуры! В Казахстане всегда дорогих гостей, - таких, как вы, - угощали и угощают самым лучшим… Кумыс, шубат или айран, чай с молоком или сливками, баур, саками, куртами я не могу вам здесь подать… Пока мы - в РСФСР… Санэпидстанция тут же, как говорят русские, с меня шкуру спустит… А вот, приедем на место… Я приглашу…

Он налил себе полный фужер и опрокинул его в себя: - Уже темно… Аллах не видит… А потом я угощу вас закусками из баранины и конины: казами, мутаком, жалом, жаем, суретом, кабыргом… А как матушка моя сама печет пшеничные лепешки! М-м-м… Вот она – культура!

Я опять почувствовал каблук Жени на своей ступне. Только зачем?! Итак, делаю вид, что внимательно слушаю… «Интересно, а что ел в орде князь Ляксандр?» - вспыхнула мысль. Но я отогнал ее.

- Культура.., - продолжал захмелевший Зиятбек, - это то, когда хозяин режет мясо, угощая гостя самыми лакомыми кусочками… Тазовые кости и голень он отдает старикам, грудинку – зятю или невестке, шейные позвонки – дочкам-девушкам…

Тебе, Женя, как самому почетному гостю, - ты же старший?! – я приподнесу голову барана, и ты…

- Где директор ресторана? А вы, товарищи, что делаете здесь в столь поздний час? – услышали мы сзади. И тут же сбоку от нас всплыл старший лейтенант милиции. За ним стояли женщина в белом халате, сержант и еще кто-то в синей униформе…

- Какие гости! Какие дорогие гости! – вскинулся Зиятбек. - Милости прошу ко мне!

- А эти? – указал милиционер на нас.

- Это – тоже наши гости из Москвы, из Министерства путей сообщений…

- Предъявите документы, - обратился к нам старший лейтенант, упершись кулаками себе в бока.

- А вы? – вспомнил я вдруг отца Валерия. - Согласно Уставу вы обязаны приложить руку к головному убору, представиться…

- Что-а-а? - даже присев, прищурил глаза старший лейтенант.

- То, что слышали. Иначе я позвоню в Москву…

- Если я тебе позволю! Ты - не у себя дома… Здесь я – начальник! Сейчас составлю протокол о тяжелой степени твоего алкогольного опьянения, что подтвердят мои свидетели, о дебоше в вагоне-ресторане, оскорблении представителей органов охраны общественного порядка при выполнении ими служебных обязанностей… И отправлю в Москву. А потом мы посмотрим, каким ты останешься проверяющим…

- Товарищи! – встал Женя. Он взял старшего лейтенанта под руку, отвел его в конец вагона, что-то долго говорил. Женщина в белом халате молчала и как-то укоризненно смотрела на меня. Сержант похлопывал резиновой дубинкой по ладони. «Господи! Сколько же грязи в России!» - вдруг вспыхнула во мне мысль.

- Саша, пойдем, - услышал я голос Жени.

- Нет-нет, - вдруг сказала женщина, - пусть они будут понятыми. И директор вагона-ресторана в их присутствиии откроет холодильники…

Старший лейтенант пожал плечами…

- Прошу, - опустил глаза вниз Зиятбек и жестом пригласил всех в служебное помещение.

- Алла Эдуардовна, - склонил голову набок старший лейтенант, - согласно Процессуальному кодексу мы должны сами поначалу провести досмотр. И в случае нарушений пригласить понятых. Пойдемте…

- Ну, что ж, - поджала губы женщина в белом халате, - пусть товарищи подождут.

- Вася, - почему-то подмигнув, обратился старший лейтенант к сержанту, - постой пока здесь… Поохраняй товарищей понятых.

Я ничего не понимал. Посмотрел на Женю. Тот только пожал плечами. Посмотрел на сержанта, все еще похлопавающего резиновой дубинкой по ладони. И отвернулся к окну. Вскоре и старший лейтенант, и женщина в белом халате, и «кто-то» в синей униформе, и Зиятбек вышли в зал вагона-ресторана… В руках у первого были две большие темные авоськи, раздувшиеся каждая шире его самого. Женщина, улыбаясь, плотно прижимала к себе два больших бумажных пакета. Так же был отоварен и «кто-то»…

- Все в порядке, товарищи, - кивнул нам старший лейтенант, - следуйте дальше… Только остерегайтесь сладкого вина! Оно по мозгам сильно шарахает!..

- Вот так! – плюхнулся за стол Зиятбек после того, как старшей лейтенант и «сопровождающие его лица» ушли. Развел руками: «Все считают, что у директора вагона-ресторана отары больше, чем у Чингизхана! Этому – дай! Тому – дай! А впереди еще пять станций, где для меня возможны такие же «проверки»… Но мне же

не жалко… Тем более, что вы посетили мое скромное заведение… Давайте, будем кушать бишбармак!»

Поезд после этой неприятной, поначалу даже незамеченной мною, остановки набирал ход. В вагон-ресторан влетел Исмет. Буркнул нам: «Простите… Задержался…»

И что-то жарко заговорил Зиятбеку по-своему. Тот так же горячо отвечал. Мне уже не хотелось ни бишбармака, ни зелени, ни фруктов, ни вина… Я вспомнил, что у нас в купе есть и коньяк, и сигареты, и закуска. Умоляюще взглянул на Женю. А он посомтрел на часы и воскликнул: «О-о-о! Дорогие гости, как говорят в России, а не надоели ли вам хозяева? Мы, пожалуй, пойдем! Время-то уже утреннее…»

Действительно, стрелки показывали четыре часа утра… Наши хозяева переглянулись… Зиятбек согласно моргнул, а Исмет весело закивал: «Желание гостя – закон! Пожалуйте! Я провожу вас до купе!»

…Мне снилось как Исмет ругается с Зиятбеком.

- Какие они проверяющие?! – кричал он голосом директора вагона-ресторана…
- Если бы они были такими, этот проклятые лягавые гяуры знали бы про них, и не стали бы дань брать! Ни с тебя, ни с меня!

Зиятбек на таких же высоких тонах, но почему-то голосом Исмета, отвечал: «Ты - хоть и из южного джюса, но глуп, как ишак! Я видел, как они перемигивались с этим лягавым гяуром. Никогда не брал он столько много, как в этот раз! Подумай, фазанья твоя голова, не большая ли проверка на нашей железной дороге начинается?! А проездные их документы? А безплатные билеты?! Это что – «никакие непроверяющие»? Если мы опростоволосимся, нам даже овец пасти не доверят…»

Я встал, Открыл дверь купе. Акылжал, - как я запомнил, - подметал ковровую дорожку, а Исмет что-то шипел ему. Но, увидев меня, тут же надел на лицо улыбку и запел: «Дзы-дзы-дзы! Не спится? Может быть, водички минеральной принести? Или… водочки? А лучше – пивка?!»

- Нет-нет… Спасибо… Я просто вышел покурить… В туалет, - нарочито громко сказал я. За окном бушевал рассвет. Леса сменились лесостепью. Я выкурил сигарету, от которой сердце забилось часто-часто.

«А не подмешали ли они чего-нибудь в вино? Выпил-то совсем чуть-чуть… Или этот старший лейтенант правильно сказал по поводу сладкого?» - возникла мысль. «Не посмеют!» - успокоила другая. Я вернулся в купе. Женя храпел. Но я, едва коснувшись головой подушки, тут же заснул…

Ока осталась позади. Но в стороне то появлялась, то исчезала какая-то мелкая речушка. По-прежнему, по обеим сторонам от Великого Князя ехали схимонахи… Время от времени Димитрий Иоаннович подзывал меня, посылал с тем или иным повелением то в голову, то в хвост Русьского войска, растянувшегося на многие-многие версты. Сам он ехал в середине.

И вот, однажды, когда я подскакал к Засадному полку, идущему позади всех, услышал ругань-не ругань, спор-не спор… Пригляделся и увидел… князя Илгуса, который что-то горячо доказывал Володмиру Ондреевичу. А на обочине дороги стояли более тысячи языческих ратников. Их несложно было узнать по кожаным рубахам с нашитыми на них бляхами их распиленных поперек конских копыт. Выдавали и плащи сшитые из волчьих и медвежьих шкур, ловко скрученные и притороченные к седлам.

- Ну, как, скажи ты мне, как без соизволения Великого Князя я могу принять тебя в полк? – горячился Володимир Ондреевич.

- А ты поезжай и спроси! Мне верные люди сказывали, что Димитрий Иоаннович ждет сторонников древлей славянской веры… Все мы – русьские! Так нечто и нам нельзя постоять за землю Отчую?!

- Князь Волододимир Ондреевич! – крикнул я еще издали и пришпорил коня. Подскакав, спешился, обнял старого язычника… Отстранил его, поклонился Серпуховскому князю: «Я знаю его! И Великий Князь действительно призвал язычников на главную сечу.»

- Ну, тогда ты и веди их к Димитрию Иоанновичу! – недовольно пробурчал Володимир Ондреевич. - Полки-то уже установлены! Этих нехристей тоже надобно ставить куда-то, но не ко мне же в Засадный…

- Князь Володимир Ондреевич! Пусть они покуда с тобой пойдут… Я мигом обернусь с повелением Великого Князя. И отведу их!

- Ну и шебутной ты, князь Ляксандр! Ну и шебутной! Ладно, пусть встают твои язычники в хвост… Но ты на обратном пути все-таки забери их. Отведи к Великому Князю, - умирился и довольно весело сказал Володимир Ондреевич. Князь Илгус по-молодому подмигнул мне и поднял руку, подавая знак своим. А я поскакал дальше. Засадный полк тянулся по дороге и тянулся. И конца ему не было видно. Шли одни конные. Хорошо вооруженные. В новых доспехах, сверкающих на солнце. Все – средних лет: значит, ратники опытные.

«Что ж это такое?! – удивился я про себя, - Словно второе войско Русьское»! Да-а-а! Это была добрая половина всех ратей русьских, собравшихся на главную сечу…

За полком Володимира Ондреевича шли ополченцы, только-только поспевшие к общему войску. Мелкие князья, навроде меня, вели по сотне-полторы своих мужиков. Отдельные отряды конных, тоже не превышающие двух сотен, выходили с проселочных дорог, втекающих в ту, что вела ко главной нашей сече. Их тут же встречали такие же порученцы, как я, и определяли туда, куда повелел Великий Князь ставить вновь прибывших. Конные пришпоривали коней, пешие ускоряли шаг.

Навстречу мне попался князь Симеон Свибло. Крепко сложенный, всегда веселый, но теперь мокрый и красный от жары и скачки, словно вышедший из бани, он кивнул и задорно крикнул: «Поторопи там моих колодничков!»

Я не понял. А он уже ускакал вперед. Но вскоре я увидел… Глеба-поповича! Он ехал верхом вдоль строя мужиков, одетых в мешковину, с сумами через плечо. Глеб о чем-то балагурил с ними. Те гоготали… А позади них виднелись несколько десятков телег с пиками, щитами, мечами, сработанными явно на скорую руку…

- Князь Ляксандр! – узнал меня Глеб-попович и сдернул с головы шелом. Мы, не слезая с коней, обнялись похристосовались.

- Ты как здесь? – удивился я.

- Да вот, мужики чуть не забили меня, когда я отказал им идти на сечу. С каменоломен они! Бывшие колодники. Говорят, мол, ни доспехов, ни кольчуг не надобно. Крест Христов, говорят, - и кольчуги, и доспехи для нас, супротив общего ворога! Ну, я, значит, - к болярину Симеону Свибле. А он мне, мол, веди сам. Сам и отвечать будешь… Мыслю я: грехи свои мужики эти кровью смыть желают, - вдруг посерьезнел он. Мне захотелось встать перед всеми ними на колени… Но куда там… Надобно спешить!

- Поторопись! – только и сказал я Глебу. - Вам к Большому полку пристать надобно. А он – далеко впереди! Увидишь, там все – пешие!

- И мы – такие ж! – хохотнул Глеб и крикнул своим. - А ну, братцы, прибавим шагу! Мы к Большому полку приписаны. Надобно нагнать.

Мужики загомонили, приосанились, подбодрились и вдруг, затянув песню, действительно ускорили шаг. А я поскакал дальше… Надо же, полдня скачу… Ну, наконец-то! Передо мной потянулись телеги со снедью, овсом, сеном. Подсчитав их безконечный ряд, поторопив возниц, я поскакал обратно. И снова шествующим ратям не было видно конца. Надвигались сумерки…

…В стороне остался Киреевск. Прискакал гонец, сообщивший, что Ягайло осадил Одоев.

- Передай своему князю, чтобы задержал литву как можно дольше, - напутствовал его Димитрий Иоаннович.

- Если проберусь в город, - мотнул головой гонец… - Окружен Одоев.

Поклонился и ускакал… Теперь какой-то шум и несколько приближающихся ратников привлекли наше внимание. Среди них мы увидели седого мужика и молодую бабу. Все поклонились.

- Дозволь слово молвить, Великий Князь? - спросил мужик. Димитрий Иоаннович кивнул.

- Сами мы – рязанские. Бортничаем с дочкой, - указал мужик на молодую бабу… - Зятя моего медведь задрал… Сам, поди, ведаешь, как без лишних мужицких рук…

- Ты о деле говори, - перебил его князь Михаил Бренок.

- Вот, я и говорю… Вы, князья, враждуете меж собой, а достается нам, простым мужикам. Мало того, что поганые грабят, насильничают. Теперь, что же? И свои, христиане? А ведь я твоему воинству меду отпустил, почитай, свой годовой запас!

- Кто тебя обидел? – нахмурил брови Великикй Князь. Пришедшие с мужиком вытолкнули к ногам Димитрия Иоанновича связанного ратника.

- Вот этот ирод! – указал на него мужик. - Мало того, что поросенка и двух гусей отобрал, еще и дочку захотел снасильничать… А меня поленом по голове ударил, когда я заступаться стал… Хорошо твой, Великий Князь, разъезд вовремя подоспел! Во-о-он, кровушка еще не запеклась…

Он потрогал рукой затылок. Протянул ее нам. Действительно, на ладони виднелась кровь.

- Что ты скажешь на это? – спросил Великий Князь связанного ратника.

- Прости Христа ради, – бухнулся на колени тот, - Бес попутал…

- Разве не слыхал ты мое повеление: не обижать рязанцев? Голоден? Или забыл: не укради, не пожелай жены другого? Ведь не мужика-бортника ты обидел! Не дочку его вдовую! Не меня и мое повеление! Господа ты обидел нашего Иисуса Христа!

- Слыхал я твое повеление… Но ведь рязанцы с ордой заодно! - вдруг выпрямился ратник.

- Так-то ты покаялся? – горько хмыкнул, крутанув головой, Великий Князь.

- Не погуби.., - ткнулся лбом в землю ратник.

- Повесить! Чтобы другим неповадно было! – зычно произнес Великий Князь. Ратник заголосил. Его оттащили…

- Как баба! – сплюнул князь Михайло. А тут подскакал князь Герасим. Спешился. Поклонился. Выдохнул: «Большая кованая рать идет со стороны Одоева к Березую.»

- Неужто Ягайло?!

- Взял Одоев?!

- Надо бы встретить, - заговорили в окружении Великого Князя.

- Я со своей сотней в дальней стороже был… Издали увидел, - продолжил князь Герасим.

- А стяги какие? – спросил Димитрий Иоаннович.

- Прости, Великий Князь, не приметил! - опустил мой соратник голову.

- Эх, ты! А надо бы… Скачи обратно!

Но скакать не пришлось. В нашем стане поднялся радостный гомон. Сотня кованых ратников со стягом Спаса Нерукотворного неспеша шла между кострами. Передний спешился перед Великим Князем. Снял шелом. Поклонился. И я узнал князя Феодора из Пскова. А тот, перекрестившись на три стороны, молвил: «Князь Ондрей Ольгердович Полоцкий и Псковский велел кланяться тебе, Великий Князь и передал, что завтра к вечеру его полки вольются в Русьские рати.»

- Спаси тя Господи! Порадовал ты меня! – улыбнулся Димитрий Иоаннович.

Подошел. Похристосовался. Обнял. Повелел: «Располагайся на ночлег. Князь Михайло! Выдели псковичам все, что положено.»

- Князь Феодор! – крикнул я, когда тот отошел от Великого Князя.

- И-и-и! Князь Ляксандр! Вот где свидеться-то привелось! – кинулся он ко мне. Мы обнялись. Похристосовались.

- Как сам-то? Как семья? Княгиня Алла? – спрашивал он, не отпуская моих рук.

- Слава Богу за все! Все живы, здоровы. А ты?

- А я - все так же. Служу.

- Думки уйти в монастырь не прошли?

- Погоди, брат! Устрою свою сотню, и потолкуем… - махнул он рукой, словно на прощанье и поспешил, было, к своим ратникам.

- Князь Феодор! – окликнул его теперь князь Герасим. И с ним пскович обнялся, похристосовался.

- А я, не взглянув на стяги, принял вас за Ягайло, - смущенно, опустив голову, пробормотал князь Герасим. - Вот уж опростоволосился! Сле-до-пыт!

- Не горюй! – похлопал его по плечу князь Феодор. - И на старуху бывает проруха. На такое дело идем! Вот, лукавый и пытается ущипнуть побольнее… От вас не уйдешь!.. Простите, братие! Надо ратников обустроить. Да и самому хоть немного облегчиться.

И он похлопал кованой перчаткой по доспеху. Улыбнулся и теперь уж действительно пошел к своей сотне. А вечером мы втроем сидели у костра, вспоминая наши приключения. Я рассказал о засаде, в которую мы попали, возвращаясь из последнего похода на Псков. Князь Феодор перекрестился: - Велик и милостив Господь и Бог наш! Знать, сильные пред Его Престолом стоят молитвенники за вас с князем Герасимом. А про волчицу эту я тоже слыхал… Нечисть! Многих она погубила… Только ведь и она – на службе! И как служит! Отменно… Нам бы с такой ревностию на своих местах служить Вере Православной, Великому Князю и Отчине!

Тут к нам и подошел один из схимников, всюду сопровождавших Великого Князя. Произнес тихо: «Мир вам…»

- Присаживайся, святой отец, - пригласил я, - вот один из соратников моих поведал, что с тобой мы от поганых отбивались на Пьяне-реке…

- А то, князь Ляксандр. Я давно признал тебя. Но не мог нарушить святого послушания, данного мне и брату моему игуменом нашим, отцом Сергием. Тезки – мы с тобой. Как в миру был я Ляксандром, так и – в иночестве. И в схиме Александром остался. А на Пьяне-реке я дал обет Богу, что коли жив останусь, Ему остаток жизни посвящу… Вот, Господь Всемилостивец и сподобил!

- Пе-ре-свет! – даже вскочил я с бревна, на котором сидел.

- Он самый, - одними уголками губ улыбнулся схимник, - вот, хотел, было, проститься с ратным делом… Да Бог по-Своему решил. Великий Князь, как увидел нас с братом в обители, так и выпросил себе в духовные соратники… Да и не один я, худой и грешный, здесь. Почитай сотен пять монахов, диаконов, иереев идут с ратниками русьскими…

- Как же вы-то, святые отцы, - и на смерть?! Вам бы молиться за нас надобно! – молвил князь Феодор.

- Молиться, брат, ты еще за нас будешь. Смерть, говоришь?.. Отец Епифаний, - в нашей обители, - премудрый человек! Много вычитал… Так вот, он говаривал, что смерть для нас – великое благодеяние Божие. О том еще древние старцы египетские учили…

- Как это? – дернулся головой князь Герасим. Я взглянул на него и увидел, что за ним стоит князь Ондрей. Но тот подал рукой знак, мол, молчи, мол, давай послушаем. Оглядевшись, я заметил, что еще несколько князей и ратников подошли

к нашему костру. А схимонах Александр продолжал: «Прости, Господи, по грехам своим запамятовал я имена отцов этих… Помню только одного: авву Максима. Он, страдалец, муки да скорби от своих же православных претерпел. Тех бесы попутали… В ересь завели… И от него того же требовали. Но стоял в вере, аки адамант! Так вот, он учил, как пояснил нам отче Епифаний, что смерть – великое благодеяние Божие! Раньше-то, до вочеловечения Господа нашего Иисуса Христа, как было? Родился человек во грехе. В нем и умер… И – в преисподнюю! Колечко эдакое: из праха - в прах, без прощения, без покаяния, без исповеди, без Святого Причастия и Святого Соборования! А рождать каждый такой продолжал себе подобных. Те – тоже в преисподнюю… А как иначе без Спасителя?! А пришел Христос, всею жизнею Своею разорвал колечко-то… И теперь для Православного Христианина нет смерти… Есть, конечно, - для грешника лютого. А для тех, кто стремится ко Христу – нет смерти! Взвинчивается душа его в Царствие Небесное, что пружина твой самострельная…. Вот вам, дорогие мои, и благодеяние Божие!»

- А как же для того ирода? – кивнул кто-то, из стоящих за нашими спинами, в сторону повешенного ратника-насильника, которого и видно-то в темноте не было, но чувствовался он всеми.

- И для него – благодать! Чтобы спасти душу его, Господь дал малую толику мучений… Дабы через них хотя бы немного очистилась душа от грехов. И по иному – благодать: отобрал Господь у него жизнь земную. Кто ж ведает, на какой еще более тяжкий грех толкнул бы несчастного лукавый?! А уж, коли отобрал Господь жизнь земную, то грядущий грех мог бы стать непрощаемым! Иудин, к примеру… А тут, глядишь, и сродники смогут вымолить… Если, конечно, Господь их сподобит. Вот так-то, братия! Не надо бояться смерти. Тем паче: *за други своя*! Она, коли придет, - награда Божия, возносящая в Царствие Небесное, как учат отцы Церкви, безо всяких мытарств! А уж ежели минует смертушка, не заслужили мы еще Обителей Небесных, не достойны встать пред Светлыми, Святыми Очами Господними. Бояться же не надо еще и потому, что безстрашие предохраняет нас от страстности в сече, от ненависти и злобы к недругу… А коли нет страсти, значит в душе мир, - опять же добродетель! И дабы избежать страстного нападения, ярости, злобы к ворогу, молиться надобно! И за себя, и за ближних, за живых и убиенных, и даже за врагов своих в сече молиться надобно!..

- Что ж?! И за поганых?! – громко хмыкнул кто-то из окруживших наш костер.

- И-и-и, милый, – отвечал схимонах Александр, - поганых бить надобно! Молиться за них нельзя. Потому, как они – вороги Христовы. Монахам можно молиться: это – их ратование! Но молиться не за спасение, но за вра-зум-ле-ни-е поганых! А Господь обязательно вразумит их! Обязательно! Через сто ли, через триста ли, через тысячу лет ли… Господь долго терпит. Но каждая слезинка русьская, пролитая через поганых, вопиет к Нему об отмщении… А молиться надобно о ворогах личных, таких же Христианах Православных, впавших во грех нелюбви к тебе! Обидевших! Ведь не любят-то они не тебя, а образ Христов в тебе! Обижают тоже не тебя… А творение Божие! Так учит и отче Сергий. Что-то многоречив я нынче… Не поучать меня благословили… Простите меня ради Христа!

Он встал. Сделал перед всеми земной поклон и ушел в темноту между тлеющими костерками. А мы долго еще сидели… Молчали… Говорить не хотелось ни о чем. Не знаю про других, но меня вдруг наполнило какое-то новое чувство. Вспомнилась Елена, другие ближние, погибшие от ордынцев… А сколько таких же у каждого из тех, кто пришел на сечу?! Да-а-а… Елена-то, поди, в Царствии Небесном… Молится за меня…

Постепенно от нашего костра все разошлись. Князья Феодор, Ондрей, Герасим, молча, но как-то очень тепло распрощались со мной. После их ухода я решил пройтись по Русьскому стану. Кликнул Ивашку. Шепнул ему: «Мало ли что… Вдруг

понадоблюсь Великому Князю. Посиди здесь. Ежели что, пробегись и найди. Я – недалеко.»

У многих костров сидели священники, монахи. Что-то тихо говорили. Ратники сидели и стояли вокруг. Слушали. Спрашивали… Я прошел поперек стана. И… в ужасе остановился: прямо перед моим лицом покачивались босые человеческие ноги… Уф! Это был повешенный ратник, - разбойник и насильник… «Прости ему, Господи! И, ежели возможно, помяни его во Царствии Твоем. А ежели желаешь, спаси душу его Сам ведаешь, какими путями!» - перекрестился я.

…Ночь приближалась к исходу. Надо бы вздремнуть… Поэтому я вернулся к своему костру. Завернулся в плащ. Прилег. Но сон не шел. Представились лица княгини Аллы, Ольгушки, малышей… Других домочадцев… Они, верно, чего-то ожидая, смотрели на меня. Чего? «Вот и Афанасий, и другие мои мужики дремлют сейчас где-то недалеко, в этом ли, в другом ли стане, растянувшимся вдоль дороги, - тепло подумал я, - Дай им Бог самого доброго Своего»!

…Глаза мои открылись сами. Светало. Ивашка рядом свернулся калачиком, подложив ладони под щеку. Даже слюни пустил… А ведь он – ровестник моего Георгия… А всё – отрок! Я накрыл его своим плащом. Но в этот миг роги и трубы заиграли побудку. Стан ожил. Ратники, спавшие в снаряжении, оправляли его. Кто-то плескал в других из шелома холодной водой. Кто-то напевал… Кто-то, встав на колени, молился на Восток. Наконец, по полкам началась Божественная Литургия. И закончилась она, как во все последние дни, молебном об освобождении Земли Русьской от поганского ига.

…Великий Князь вскочил на коня. Огляделся. Вдруг, заметив что-то, направился в противоположную от намеченного движения сторону. Я, как и все, стронул коня туда же. Мы подъехали к большому отряду… ордынцев. И хотя снаряжены они были по-русьски, не отличить их от наших было невозможно.

- Иоанн Ахметович, – воскликнул Димитрий Иоаннович, обращаясь к седобродому старцу в золоченых доспехах, - а ты как здесь оказался? Сын-то твой Ондрей будет на сече! Тебе-то зачем?

- Старый конь борозды не портит, - с поклоном отвечал тот. - Неужто старый хан Саркиз не пригодится тебе, Великий Кинязь? Рука еще может меч держать. Собрал, вот, всех своих людей и пришел посмотреть, как чингизид Ондрей за новую Отчину свою сечься с самозванцами станет… Мало ли? Бог даст, и пособлю сыночку.

- Ну, что ж! С Богом! – подъехал к нему Великий Князь. Обнял, не слезая с коня. Похристосовался… Старый ордынец гикнул что-то по-своему, и его отряд, весело вздыбив дорожную пыль, проскакал, гарцуя, перед нами.

Русьский стан снялся. Димитрий Иоаннович дождался, пока последний ратник Большого полка не покинул его. И пришпорил коня. Мы обгоняли рати и полки, которые бодро, с песнями шли и шли, и шли… Вдруг впереди началась какая-то суета. Строй остановился. Но оказалось, что ратники радостными возгласами, объятиями и христосованиями встречали кованую рать Ондрея Ольгердовича Полоцкого, князя Псковского, действительно влившуюся в наши ряды, как малая река в большую.

…Скача вдоль этой «реки», я вдруг заметил знакомую фигуру. Точно: среди ратников шел мой староста Афанасий! И как шел! Весело! Словно молодец – на свидание! Я подскакал к Великому Князю. Спросил: «Дозволь со старостой своим и домочадцами словцом перекинуться?»

- Ты что ж, всех своих привел? – хохотнул Димитрий Иоаннович.

- Сами пришли…

- Добре, - кивнул тот, - только недолго. Можешь понадобиться. Догоняй.

Я приостановился. Спешился. Бросил поводья Ивашке. Обнялся и с Афанасием, и с Панкратом, и с другими мужиками.

- Что ж ты, старик, княгиню, да чад моих малых бросил? – делано строго спросил я.

- Ага! Бросил! – хохотнул тот в ответ, - Если бы не малые твои, княгинюшка сама пошла бы на сечу-то! Захожу как-то вечером в оружейную, а она шелом примеряет! Во-он, сколько девок да баб в кольчугах идет! Али не видел? А Ольгушка-то! Огонь-девица! «Убегу, - кричит, - Все одно, убегу! Хоть тятеньку раненого из сечи вытяну»! Под замок пришлось сажать… Под окнами сторожу ставить… Джанибековича отгонять пришлось! Да в терем Великокняжеский отводить! Так нет же! Прискакал ночью! В полном ратном снаряжении! О дву-конь! Да еще одно снаряжение, - для Ольгушки! – в седельном мешке привез! А княжна Настасьюшка-то ко княжичу Георгию сбежала-таки! Где-то здесь сейчас…

- Ох! Отец не ведает! Вожжами бы ее! – непрестанно мотал я головой.

- То-то! – кивнул Афанасий.

- А что, мужики-то наши все пошли? – неуверенно спросил я.

- И-и-и! Даже с подмосковной, как один, явились. Говорят, мол, выдай какую-никакую кольчужку, сулицу, там, рогатинку… А сами – все при топорах, и даже – при мечах, еще дедовых! В оружейной твоей гвоздя не осталось! Одни мыши! – захохотал Афанасий. - А в тереме – одни бабы да младенцы!

- Ты… Это.., - замялся я, - того самого… Ежели что, не бросай моих… А?

- И-и-и! Окстись, князь! Прости, Господи! Чего еще надумал?! Да мы с тобой победу еще отпразднуем! Я еще внучат твоих попестовать должен… Ежели благословишь, конечно… И когда на службу какую Великокняжескую отбудешь…

- Ну, ладно. Храни тебя и всех наших Господь! – обнял я его. Отвернулся, чтобы скрыть слезы, навернувшиеся на глаза. Вскочил на коня. Дал ему шпоры до самых каблуков, чтобы встречный ветер осушил щеки и бороду.

До слияния Непрядвы с Доном оставался один переход. Мосты, должно быть, уже наведены. Князь Свибло, поди, все исполнил, как положено…

Я открыл глаза оттого, что солнце прямиком било в них, - даже сквозь прикрытые веки свет был слишком ярким. «Зачем же я лег ногами к окну?» - метнулась мысль. «Затем, чтобы в голову не надуло! Вспомни, как учил отец!» - раздраженно ответила ей другая. «Да, такое яркое солнце было только в Забайкальских сопках!» - вспомнила военную молодость третья…

Я взглянул на часы. Ого! Стрелки показывали без четверти три! Дня! Вот это я храпанул… «Впрочем, - оправдалась мысль, - Если учесть, что лег только утром»… Я как-то судорожно стал вспоминать вчерашний день, вечер, ночь… Похоже, «проколов» не было… Через купейный столик на своей полке заворочался Женя.

- Утро доброе! – услышал я его голос.

- Скорее, - вечер! – хохотнул я в ответ.

- Иди ты!

- Взгляни на часы.

- Вот это мы «придавили»! Там, с твоей стороны, под полкой коньяк остался. Что-то голова болит… То ли вино слишком сладкое было, то ли подмешали что-то в него…

Я пошарил рукой под полкой. Действительно, бутылка была распита только на две трети. Оттуда же я вытащил авоську. А из нее - несколько бумажных пакетов. А из одного выкатились – два яблока. Женя вскинулся. Разлил коньяк. Мы выпили. Закусили.

- А чем еще в дороге заняться? – засмеялся он. - Спать, есть, слегка выпивать… Ну, что, проведем «планерку» - подведем итоги вчерашнего?

- По-моему, вчера все было очень даже чинно!

- Согласен. Только вот, менты с врачихой смущают меня….

- Успокойся! У них у самих рыльца в пушку. Во-он, с какими пакетами пошли из вагона! А поверят все равно мне, поскольку я выполнял задание не только как редактор ЦДКЖ, но и как внештатный корреспондент газеты «Гудок»… Вот я и подумал: не позвонить ли сейчас с какой-нибудь большой станции Анимаиссе и рассказать обо всем?

- Некрасиво…

- А если они все-таки нас опередят и всю ситуацию перевернут на свою сторону? Красиво? Красиво поборами заниматься?

- Что-то я не пойму тебя… То ты успокаиваешь меня, то сам начинаешь смущаться… Бог не выдаст, свинья не съест…

- Ну, как знаешь? Ты – старший, А то неплохой фельетончик мог бы получиться!..

- Ага! Так мы отблагодарим наших хозяев… Они же тоже тут замешаны. И неизвестно, как поведут себя, если раскрутить… Им же здесь сколько еще ездить?!

- Ну что ж…

Так мы провалялись в купе до сумерек… Но надо было вставать, идти в ресторан, ужинать, - взятые в дорогу припасы есть мы уже не рискнули. Выкинули. Женя вышел умываться, а, вернувшись, доложил: «Исмета не видно. Этот молодой все кивает, улыбается и только здоровается.»

- Исмет спит, наверное. - пожал я плечами. - Пойду, умоюсь. Надо же пообедать. И… поужинать одновременно.

- Лады, - кивнул Женя.

В ресторане мы застали только буфетчика.

- А где начальство? – спросил я.

- Товарищ Зиятбек отдыхает… Он так и не ложился ночью. Вот, часа два-три назад только прилег. А мне велено вас хорошенько накормить. Что желаете? Есть свежий харчо, ромштексы, плов…

- Плов? – взглянул я на Женю.

- Эх, пельмешек бы сейчас! Да с юшечкой!.. Да со сметанкой! Мне, пожалуй, ромштекс…

- На гарнир – только рис.

- Рис – так рис, - кивнул Женя.

- Мне – тоже: ромштекс с рисом… И салатик какой-нибудь… - заказал я.

Когда буфтчик ушел, Женя задумчиво произнес: «Что-то сегодня они не очень гостеприимны…»

- Да-да.., - согласился я. Появился буфетчик с подносом, уставленным тарелками.

- Где мы сейчас едем? – спросил я его.

- О-о-о! Мы уже в Казахстане! – вскинул подбородок тот.

Когда он снова отошел, Женя хмыкнул: «Теперь все понятно: они – хозяева! И не только в поезде.»

- Да ладно тебе, – махнул я рукой, - смотри, какой стол!

Наш обед плавно перешел в ужин. Запили мы все это пивом. Правда на этот раз оно было слегка кисловато… Ни Зиятбека, ни Исмета мы в этот вечер так и не увидели. Решили лечь пораньше. Но в купе стало так душно, что я, ворочаясь, никак не мог заснуть. Наконец, не выдержав, встал и открыл окно. И… был засыпан песком.

- Степи и пустыни! – глубокомысленно произнес тоже неспавший Женя. Он встал. Вышел из купе. А когда вернулся, сообщил: «Попросил включить вентиляцию. Сейчас проветрится.»

И плюхнулся на свою полку… А утром нас разбудил стук в дверь. За ней стоял Исмет. В руках у него был поднос со стаканами, в которых белел какой-то молочный напиток. Не спрашивая разрешения, Исмет вошел в купе. Поставил стаканы на

столик и вместо приветствия произнес: «У великого казахского народа есть замечательный обычай: самых дорогих гостей, ступивших на нашу землю, потчевать нашим национальным напитком. Это – кумыс. Испейте!»

…«Не умылись! Не привели себя в порядок!.. Впрочем, в чужой монастырь со своим уставом не ездят!» - подумал я и, приподняв стакан, провозгласил: «За казахское гостеприимство!»

Женя, поднявшись, последовал мне. «Кефир. Только газированный!» - расценил я напиток.

- А где же вы кумыс взяли? – с наигранным интересом спросил Женя.

- Дзы-дзы-дзы! На станции, дорогой! Мы - в Казахстане! И здесь можно все достать! А уж для таких дорогих гостей…

- И сколько же это удовольствие стоит? – спросил теперь я.

- Зачем стоит?! Это – мое уважение к вам. Был бы я у вас, в Москве, в гостях, разве спрашивал бы, сколько стоит водка, - русский национальный напиток, - которую вы бы выставили на стол?

Исмет поклонился: «Одевайтесь, собирайтесь, завтракайте… К обеду должны быть в Ахтубе.»

И он ушел.

- Ты видал? Слыхал, – крутанул головой Женя, - что водка – наш национальный напиток! А казахи – ве-е-е-еликий народ! Да еще и в гости напрашивается!

- Да ладно! Пусть себе! – махнул я рукой. - Хотя с другой стороны… Его отношение в своему народу – более, чем похвально! Даже завидки берут! Нам бы, русским, не сюсюкать с этими «младшими братьями», а так же и думать, и говорить: Великий Русский народ. А то мы их сделали «великими», а про себя забыли. Кстати, заметь, они говорят: не Казахская ССР, а Казахстан! А мы? Не Русь, не Россия, а – РСФСР! Отсюда и считают всякие Исметы водку русским национальным напитком. А как тебе кумыс?

- Никак! Необычно, конечно, непривычно… А вот как он на наши желудки подействует, еще увидим, - хмыкнул Женя. И действительно, часа через полтора у меня в животе начало бурлить. Я сказал об этом Жене. Он признался в том, что и сам неважно чувствует себя. Достал свою спортивную сумку. Покопался в ней. Извлек какие-то таблетки.

- Замечательная у меня жена! – разорвал он обертку… - Все предусмотрит! Мини-аптеку всякий раз собирает в дорогу. Это – у-го-лек! Сейчас заглотим штучки по три, и все бурление, как рукой, снимет!

- А я знаю другой надежный метод: на сто граммов водки столовую ложку соли…

- Саш! Мы же не знаем, что за люди нас встретят в Актюбинске. Давай, воздержимся, - покачал он головой. Я согласно пожал плечами. И мы заглотили активированный уголь… За окном пролетали полустанки. Прямо рядом со зданиями станций стояли верблюды, ишаки, полуторки военных времен… Кто-то скакал верхом на лошади… И почему-то угрожал плеткой нашему поезду… Мы были уже готовы к прибытию: стояли перед дверью в наше купе в коридоре. Я курил одну сигарету за другой…

- Ты чего нервничаешь? – спросил Женя.

- Не знаю даже… Такое ощущение, что надо идти в бой… Сорваться и – под пули… А потом – в рукопашный!

- Да-а-а… – протянул он неопределенно и добавил - давай так: у меня все-таки опыта общения – побольше. Поэтому все переговоры буду вести я. А ты только делай задумчивое, значительное лицо и поддакивай… Восток – дело тонкое! Сам убедился в дороге. Лады?

Потом Женя задумался. Размял сигарету. Медленно закурил. Вгляделся в колеблющийся, все еще знойный, несмотря август, воздух степи…

- Под пули? Нет, Саха! Мы сюда въехали, как некогда Димитрий Донской первым из русских князей, перейдя Дон, вторгся с войском на территорию Золотой Орды. Ты только представь! Одно это вторжение уже было победой над игом. После битвы на Воже, конечно… Вот и нам надо набраться мудрости князя Димитрия… Интересно, а он признан святым? Ты, вроде как, в этом разбираешься…

Я пожал плечами: «Даже не знаю… Но ты мне сейчас та-а-акое сказал! Спасибо!»

- За что?

- За то, что сказал…

Скоро за окном показались приземистые мазанки, бараки. Около них опять паслись верблюды, лошади, ишаки, овцы, бараны… Бегали собаки, куры, индюки, гуси… Все это сменилось типовыми пятиэтажками, крыши которых были утыканы антеннами, как еж - иголками… Они казались какими-то пыльными, мрачными… Поезд подъехал к серому, как и пятиэтажки, с претензией на произведение архитектуры, вокзалу. По перрону ветер гонял мелкий мусор, обрывки газет…

- Ну, вот и приехали, дорогие гости! – услышали мы голос Исмета. Обернулись. А он указал в окно: «Вас, однако, встречают!..»

Рядом с нашим вагоном, замедлявшим ход, шли четверо в черной железнодорожной форме и с широкими нашивками в генеральских звездах на рукавах кителей. Трое были явно казахами. Один – больше походил на русского. Двое казахов, - такие же толстые, как Исмет, коротконогие, с лоснящимися лицами, жирными, прилизанными, черными в синь волосами, - удивительно были похожи друг на друга. Третий, - худощавый, высокий, с болезненно серым лицом и грустными, почему-то голубыми глазами, - держался поближе к тому, кто походил своим видом на русского.

Исмет уже открыл дверь из вагона, стоял, наполовину выставившись наружу и торжественно выпятив живот, словно железнодорожное начальство встречало именно его. Но он первым спрыгнул на асфальт перрона и по-военному доложил: «Товарищ начальник отделения дороги! Дорогие гости из Москвы доставлены в целости и сохранности.»

Один из железнодорожных генералов, казахов-«близнецов», слегка кивнул и, повернувшись к нам, сменил строгость в глазах на улыбчивость.

- Ну, как доехали? Все ли благополучно? Как вас обслуживали? – спросил он.

- Спасибо. Все на высшем уровне… - ответил Женя. И представился: «Евгений Юрьевич Жмуров, старший редактор информационно-издательского отдела Центрального Дома культуры железнодорожников. А это – Александр Леонидович – редактор, мой коллега, а кроме того, - внештатный корреспондент газеты «Гудок». У него есть и журналистское задание от нашей всесоюзной железнодорожной газеты.»

- Очень приятно. Очень приятно! – сузил в улыбке и без того узкие глаза начальник отделения дороги, - А меня зовут Бейимбет Ерасылович… Но это трудно запоминается и произносится… Русские друзья, когда я учился в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта, называли меня Борис Еремович… Так и повелось… Вы тоже можете так называть.

Он протянул пухлую, мягкую, маленькую, слегка влажную ладошку и, не снимая с губ улыбку, чуть склонил голову. Потом указал на своего «двойника»: «Это – начальник станции, Елеу Бекзатович.»

Мы обменялись рукопожатиями и с ним. А начальник отделения представил нам генерала, похожего на русского: «Это - наш главный инженер Иван Оттович… Его предки немцы нашли в Казахстане вторую родину. Торжество интернационализма!»

Главный инженер, здороваясь, тоже слегка склонил голову. Но сделал так, словно хотел при этом еще и каблуками щелкнуть. А Борис Еремович представлял уже следующего, казаха с голубыми глазами: «А это – наш просоюзный бог, ха-ха, Макзум Жаназарович… Председатель райпрофсожа.»

После такой церемонии, начальник отделения, бросив что-то по-казахски Исмету, предложил нам: «Как вам будет удобнее: сначала устроиться в гостиннице, отдохнуть после утомительного пути или сразу – в отделение дороги? Обсудим ваши планы на командировку?»

- Спасибо за гостеприимство, - улыбнулся Женя, - но мы за трое суток отлежались, отоспались. Давайте, сначала, поработаем?

- Дзы-дзы-дзы! – часто и мелко закивал Борис Еремович. - Желание гостя – закон! Тогда прошу – в машину. Здесь – недалеко.

И действительно, минуты через три черная «Волга» доставила нас к серому зданию, смешавшему в себе все возможные архитектурные стили. В кабинете начальника отделения мы расселись вокруг большого, из орехового дерева, стола, и Женя рассказал о целях нашей командировки.

- Ну-у-у, - облегченно вздохнул Борис Еремович и повернулся к председателю райпросожа, - Макзум! Это – твои гости! Обеспечь все!

Тот хмуро кивнул. А начальник отделения дороги всплеснул ладонями и снова обратился к нам: «Ах! Простите! Чуть не забыл! Вы еще молоды. Наш, тоже молодой, первый секретарь райкома ВЛКСМ, товарищ Ерденбаев, приглашает вас завтра на.., ах, да.., на пикник. В степь! Посмотрите, как живут наши скотоводы… А послезавтра, как вы решили, один поедет на линию, другой займется стационарными культучреждениями… У нас так принято: поначалу прими гостя за столом! А потом уж и дело делать дай. И еще: вечером сегодня прошу вас к себе, на фазенду… Так что, в гостинницу пока и не надо устраиваться. А сейчас Макзум Жаназарович проведет вас по некоторым нашим объектам… Так сказать, обзорная экскурсия. Как раз до вечера управитесь. А тут – и время бишбармака, плова, шашлыка у меня на фазенде подоспеет! Там уже все готовится.»

Тут у него на столе зазвонил телефон. Борис Еремович поднял трубку и что-то закричал в нее по-казахски. А положив ее, снова расплылся в улыбке: «Простите! У нас здесь, можно сказать, фронтовые будни… Ну? По коням?»

…В Доме культуры нас встретила моложавая казашка с испуганными глазами. Когда мы зашли в ее кабинет, председатель райпросожа опустился в ее кресло и выдохнул в ее сторону: «Это – заместитель директора…»

Мы представились. А он строго сказал ей: «Отвечай на все вопросы наших московских гостей.»

Он прикрыл глаза, как будто задремал.

- Меня зовут.., меня зовут.., - постоянно взглядывая на своего начальника, залепетала казашка, - Айбала…

- Отчество! – не открывая глаз, потребовал Макзум Жаназарович.

- Да-да… Отца моего звали Жиренше… Я.., я – заместитель директора Дома культуры.

Я взглянул на Женю. Встретив его взгляд, повел глазами: мол, ничего-то мы здесь не добьемся… Но Женя попросил: «Будьте любезны, дайте нам взглянуть на документацию вашего ДК. Планы. Отчеты. Список коллективов художественной самодеятельности… Журналы проведения занятий в них…»

Казашка продолжала стоять, хлопая длинными ресницами.

- Ты что, не слышала? - открыл глаза председатель райпросожа. А нам болезненно улыбнулся. Как бы пояснил: «Она всего несколько дней занимает свой пост. Волнуется! Директор ДК – в отпуске. Она, бедняжка, одна крутится. Ведь такая комиссия – впервые. Но она – жена нашего начальника отделенческого Управления

внутренних дел на железнодорожном транспорте… Хотя это и не помешает проверке. Милиция – тоже в ведомстве райпросожа… От нас кормятся.»

Тем временем казашка открыла шкафы, схватила в охапку десятка два папок и выронила их на большой стол, стоящий перпендикулярно тому, за которым сидел председатель райпрофсожа.

- Ты иди пока… - опять не открывая глаз, процедил ей Макзум Жаназарович, - наши гости ведь еще не обедали.

И казашка выскользнула за дверь.

- Простите, мне надо выпить лекарство… - рывком вскинулся с кресла председатель райпрофсожа, достал из кармана какие-то таблетки, закинул их в рот и запил прямо из горлышка графина, стоявшего на столе. А Женя сразу начал листать папки и что-то записывать в блокнот. Макзум Жаназарович насторожился: «Что-то не так?»

- Что вы?! По планам все замечательно и методологически правильно. А вот не скажите ли, когда будет репетиция казахского народного ансамбля песни и пляски? Или занятие литературной студии имени Абая?

- У нас все коллективы сейчас в своеобразном отпуске… Лето, знаете ли… - покачал головой председатель райпрофосожа. - Но фотографии их я могу предоставить… Айбала!

Дверь открылась и из-за нее выплыла заместитель директора Дома культуры. Она вошла и сразу опустила вниз глаза.

- Ты все приготовила?.. А теперь принеси нашим дорогим гостям фотоальбомы со снимками коллективов художественной самодеятельности… Танцоров, там, поэтов, еще кого…

Та, не поднимая глаз, вышла. Но не более, чем через пару минут вошла обратно. И опять вывалила на стол десяток толстенных фотоальбомов. Как и донесла-то?! Разглядывая фотоснимки, на которых лихо отплясывали молодые парни и девушки, я вдруг поймал себя на мысли, что где-то уже видел их. Посмотрел на Женю. И мне показалось, что и он думает так же. Однако, проговорил: «А можно нам получить копиии снимков в подарок…»

- Конечно-конечно! Мы даже можем вызвать вам двух-трех участников ансамбля казахских народных инструментов, и еще несколько из разных коллективов… Конечно, тех, которые по нашим сведениям сейчас – в городе, - улыбнулся Макзум Жаназарович… Но тут же скривил лицо… Попытался объяснить: «Простите… У меня приступ…»

Он опять полез в карман и, вынув из него, заглотил сразу несколько таблеток…

- Что вы без меня здесь делать будете?! – крякнул он казашке. - Вызовешь на послезавтра всех, кого сможешь из художественной самодеятельности… Утром. А на произведстве пусть сошлются на меня… Ладно… Где ты стол накрыла?

- Пожалуйста-пожалуйста! – закивала та, улыбаясь. В соседней комнате действительно был накрыт стол. В центре его стояли бутылки с водкой, коньяком, вином. Рядом парили большие куски мяса, уложенные в огромное блюдо. Глубокая и длинная тарелка с жареной рыбой, посыпанной какой-то зеленью, в другое время вызвало бы у меня слюньки… Но теперь – почему-то раздражение… Такое же чувство возникло к разносортицы сыров, брынзы, колбас, овощей…

- Присаживайтесь, дорогие гости, - улыбнулся с поклоном, приложив при этом правую руку к груди, председатель райпрофсожа, - что будем пить?

- А кто еще сядет за стол? – не выдержал я.

- Сейчас все работники Дома культуры – в отпусках… Так что, нас – трое. Но если вы – не против, мы Айбалу Жереншеевну пригласим.

- Да-да, конечно, - кивнул Женя, тоже, очевидно, задумавшись над соотношением количества еды и едоков, - а выпьем мы, пожалуй, немного коньяку…

- Вот это – правильно! А я, простите, по недугу своему, выпью кумыса… - разлил нам по рюмкам, а себе – в стакан председатель райпрофсожа.

- А что с вами? – участливо спросил Женя.

- И сам не знаю… Похудел за год на десять килограммов… Врачи тоже ничего сказать не могут. Ездил в Алма-Ату. Безполезно! Надо бы в Москву слетать! Грудь, живот болят… Только, что ж мы о грустном? Айбала! Чего стоишь? Видишь, гости и тебя пригласили присесть. Чего тебе налить?

- Ой! Нет-нет! – закрутила головой та.

- Да не бойся ты! Я мужу позвоню. Скажу, что сам велел. Для дела! Надо же компанию поддержать, - засмеялся он и, обернувшись к нам, пояснил. - Казахские женщины даже кумыс почти не пьют… И не потому, что мужья им не позволяют! Просто, обычай такой. И я считаю, правильный обычай! Был я как-то в Петрозаводске. Там у моей жены брат живет. Женат на русской. Ну, посидели мы вечерком… Противно было смотреть на пьяную женщину… А ведь – врач! Так она под конец раскомандовалась! Подай ей то, сделай это… Тьфу! Нельзя так женщину распускать! Простите, если обидел… Давайте, за ваш приезд!

Он налил Айбале вина… Мы выпили, закусили. А она лишь коснулась края рюмки губами.

- Люди разные бывают… - как бы продолжая разговор, проговорил Женя. - Моя жена выпьет за праздничным столом рюмочку граммов двадцать пять, и – все! Но голос повысить или покомандовать?! Такого за восемь лет ни разу не было!

- Это хорошо! Это хорошо! – закивал председатель райпрофсожа. - Давайте второй тост поднимем за вашу успешную командировку и за знакомство!

Так мы выпили рюмки по три… Наелись! Казалось, сил не будет, чтобы выйти из-за стола… Брать документов не стали, поверив, что через день можно будет поработать с людьми… А тогда уж – и с бумагами. Выходили мы из Дома культуры, словно из дома с привидениями: так он весь был гулко пуст!.. Сели в черную «Волгу», и она понесла нас из города. За окном мелькала степь… И только минут через сорок вдали показалось что-то похожее на высокую растительность. Мы въехали в небольшой лесок, посреди которого расположились нарядные, добротно срубленные полутора-двухэтажные домики.

- Это, – провозгласил председатель райпрофсожа, - наш отделенческий садоводческий кооператив. Отдыхать приходится редко. Поэтому и отстроились на славу… Пусть хоть дети, внуки отдохнут. Да самим, пусть коротко, но полноценно здесь можно время провести. Во-он, там – моя фазенда! Сейчас на ней внуки резвятся… Сын-то мой военное училище закончил. Тоже – железнодорожное. В отпуске сейчас… В Крыму. Женат на казашке. Как приятно посмотреть…

- Дзы-дзы-дзы! – выйдя из машины, услышали мы голос Бориса Еремовича. - Вы – вовремя!

Он шел к нам в спортивном костюме, подпоясанный белым фартуком:

- Сейчас пойдем в баньку, а потом – за стол! Здесь и переночуете. Если хотите, можете – в отдельном доме. Дачники-то все – свои! Железнодороджники! Из аппарата отделения. Выходные у нас бывают нечасто. Поэтому сегодня почти все дома пустуют. Так что, отдохнем за милую душу. Так, по-моему, русские говорят? А? Ха-ха! Не забыл я студенческие годы в Москве! И баньку здесь только я один построил! Как у русских!

Мы вошли в широкие ворота. «Да-а-а! - подумал я, оглядев участок, конца которому не было видно, - Куда моему отцу, орденоносцу, полковнику, кандидату наук, заместителю начальника кафедры, преподавателю военной академии с его шестью сотками до этого Бориса Еремовича»!

«Зависть - смертный грех!» - кольнула мысль. «Иди ты! – отозвалась другая, - Союз нерушимых, голодных и вшивых кормила извечно Великая Русь»!.. Я даже хмыкнул от шутки, пришедшей в голову.

- Что? Нравится? – заглянул снизу вверх мне в глаза Борис Еремович. Меня подмывало, как в фильме «Республика ШКИД», ответить «Не-а!», но я довольно кивнул.

…Из бани мы раза три выскакивали и прыгали в бассейн, выложенный голубой плиткой и подсвеченный изнутри. А когда, облачившись в широкие халаты, вышли совсем, я заметил, что Иван Оттович и Макзум Жаназарович так и сидят в шезлонгах, о чем-то тихо разговаривая. В баню они не ходили…

- Простите, у меня – сердце, - постучал пальцами по груди главный инженер, обративший внимание на мой взгляд, - мне парилка противопоказана. Макзум Жаназарович – тоже нездоров…

- Да-да! – кивнул я, - Очень жаль! После бани, - как заново родился!

На широкой веранде был накрыт богатый стол. И здесь, при виде всех блюд, у меня вдруг взыграл аппетит. Даже вырвалось: «Сколько всего!»

- Дзы-дзы-дзы! - покачал довольно головой Борис Еремович. Он был уже в белой рубашке, светлых брюках, причесан ухожен… Но кожа на лице все равно лоснилась. Хмыкнул: «Ничего особенного. После баньки хорошо кумысу выпить! А если желаете, вот – айран, чай с молоком. Сейчас закусим. Хоть узнаете, чем казахи потчуют. Вот, попробуйте, казы, мутук, жал, жая, сурет, кабырга, парные конина и баранина. Это вам – не из микояновского завода – давно «свежезамороженное»… Ха-ха! Попробуйте лепешки из пшеничяной муки! Ах! Как я скучал по ним в Москве!

В это время из дома вышли несколько молодых мужчин и женщин.

- Дзы-дзы-дзы! – воскликнул Борис Еремович… - Александр! Евгений! Познакомьтесь! Пока мы были в бане, сынок мой с женой и дочка с мужем приехали!..

К нам подошел молодой, плечистый русский парень.

- Сергей, - протянул он руку и вытянул из-за спины молодую красивую казашку, - а это – Кунке, солнышко мое! Не смейтесь… Ее имя так и переводится. Мы, кстати, из Семипалатинска… Едем в Крым, в отпуск. Но не могли к старикам не заехать. Я-то – сирота. Так что, родители жены и для меня – ближайшие родственники!

- Он у нас – офицер! Ракетчик! – потирая ладони, заворковал Борис Еремович.

- Папа, – вскинулась Кунке, - я же просила! Это же – секретно!

- Не безпокойтесь! – с удовольствием пожал я руку Сергея. - Я сам – бывший офицер. И тоже – ракетчик. Закончил Пермское училище. Ваш муж, наверняка, знает.

- О-о-о! – заулыбался Сергей. - А я в Ростове-на-Дону учился! Но кто ж пермяков не знает?! Ваше училище готовит та-а-аких спецов! У меня – командир группы из Перми. Может быть, знаете: майор Киселев… Анатолий… Та-а-акой мужик!

- Да-а-а? – вскинулся я… - А какого он года выпуска? 75-го? Так мы с ним и в одной группе, и в одном отделении учились!

Я благодарно взглянул на Бориса Еремовича. И почувствовал, что все недобрые чувства куда-то улетучились. А он представлял уже высокого, стройного казаха: «Сынок мой! Ержан! По-нашему, это значит: смелый, храбрый… А это – его супруга, Светлана. Такая девочка! Чудо! А хозяюшка какая! Слава Аллаху: таких деток дал!»

- Отец! Опять ты про Аллаха… - покачал головой Ержан.

- Не мы, сынок, это придумали – не нам и отменять! – положил ему ладонь на грудь отец… Застолье получилось на славу. После закусок Борис Еремович подрубал кости и сам резал парящее мясо большими кусками… «Да-а-а! - подумалось вдруг, - Московские мясники ему в подметки не годятся»! А он передал тазовые кости и голень Иванну Оттовичу, Макзуму Жаназаровичу и Елеу Бекзатовичу. При этом еще и пояснял: «У нашего народа эти лакомые кусочки преподносятся почетным старикам… Ну-у-у, в нашем случае – самым старшим. Грудинку я вручаю зятю и невестке… А вам, дорогие Евгений и Александр, позвольте передать голову барана.

Вы ее и разделите между оставшимися присутствующими… Я подскажу, как… Здесь тоже свой обычай…»

…Было уже темно, когда застолье подошло к концу. Хозяин сам проводил нас в комнату на втором этаже.

- Я подустал, - улыбнулся он, - пойду спать. Хотите покурить, выйдите на веранду. Там сейчас Иван Оттович со свой трубочкой полуночничает… Там же на столе – вино, коньяк, фрукты…

Он поклонился и зашлепал по лестнице вниз.

- Ты пойдешь курить? – спросил я Женю.

- Не-е-ет… Я сейчас, как удав, отвалюсь и во сне буду переваривать это изобилие пищи… - мотнул он головой и, быстро раздевшись, юркнул под одеяло. А я все-таки спустился на веранду. Действительно, там, попыхивая трубочкой, полулежал в шезлонге главный инженер.

- Не помешаю? – спросил я его.

- Ну, что вы, Александр! Бог с вами. Скорее – наоборот: составите компанию… Ну, как вам у нас? – улыбнулся он.

- Ох! Знаете, не могу так сразу переварить изобилие информации. Столько впечатлений! А вобще-то - замечательно! И таким неожиданным оказался ваш начальник отделения!

- О! Да!.. Он – очень неплохой человек. И на первый взгляд всегда воспринимается иным, нежели есть на самом деле. Казахстан, - пыхнул трубочкой Иван Оттович, - странное место! Кого здесь только нет?! Сами казахи, русские, немцы, малороссы, белорусы, молдоване, татары, узбеки, корейцы, уйгуры, даже китайцы! И ведь все уживаемся! Конечно, случаются неприятности, как скажем, в любой семье… Нет одинаковых людей… Простите, - говорю прописные истины… А вы еще не определились по поводу вагона-клуба?

- Не-е-ет, - удивленно от резкой перемены темы разговора протянул я.

- Позволите дать вам совет?

- Бога ради…

- В ваших словах чувствуется цивилизация, которую в Европе да-а-авно потеряли… Что прискорбно. Разумеется – потеря цивилизации… Так вот, постарайтесь проехаться с директором вагона-клуба Карлом Петровичем Вайсманом-Чепурных. Он объективно сможет растолковать все, что увидите у нас.

- Спасибо.

- Что вы, не за что! Если решитесь, я могу посодействовать. Прозит! – кивнул он мне, проподнимая рюмку коньяку. Выпив, встал, слегка склонил голову: «Доброй вам ночи.»

И ушел вверх по лестнице куда-то тоже на второй этаж.

«Что ж, у главного инженерра отделения дороги нет здесь своей дачи?» – мелькнула мысль… Я прикурил от сигареты другую и налил себе еще коньяку… А когда заметно похолодало и опустился туман, поднялся в отведенную комнату. Женя похрапывал. Но это не помешало мне заснуть, как только голова коснулась подушки.

…А утром меня разбудили цокот конских копыт, гул автомобильных моторов, людское гиканье. Я выглянул в окно. Там, вокруг кавалькады черных «Волг», гарцевали всадники в причудливых, но уже где-то виданных мною восточных одеждах, суетились пешие, укладывая что-то в багажники машин. Борис Еремович бурно говорил молодому, рослому, но почему-то очень толстому казаху в черном костюме и белоснежной сорочке с галстуком. Тот, вздернув подбородок, в ответ только мотал головой.

- Женя! Подъем! – гаркнул я… - За нами, кажется, приехали.

- Что? Где? Кто? – вскинувшись на своей кровати, замотал тот головой.

- Взгляни в окно! – кивнул я. Женя встал. Растер лицо ладонями. Но когда высунулся в окно, к нам обернулся Борис Еремович и жестом то ли киноактера, то ли космонавта помахал рукой. Регламентный молодой казах тоже обернулся, улыбнулся и последовал начальнику отделения дороги.

- Похоже, что это - товарищ Едрёнбаев, - вздохнул Женя.

- Ер-ден-баев! – воспользовался я своей памятью, очень редко подводившей меня на лица и фамилии.

- Вот именно… Но все равно: «едрён»… Интересно, здесь есть душ? - потянулся Женя. Но в это время в комнату постучали. И после обычного нашего «да-да» вошел Сергей.

- Товарищи офицеры! – шутливо вскинулся я.

- Товарищи офицеры! - принял и подхватил шутку Сергей. - Ну, что? Поедем, красотка, кататься? Мужики, будьте осторожны! Этот Ерденбаев – та-а-акой фрукт! Его даже тесть мой побаивается!

- Что ж такое? – спросил Женя.

- Восток – дело тонкое! – покачал головой Сергей… - Вы думаете, что здесь – развитой социализм? Судите по фамилиям! Кто был «баем», - читай, барином, - им и остался, будучи на командной должности. И отличается от других окончанием фамилии: «…баев»…

И опять в дверь постучали. Теперь к нам вошел сам Борис Еремович.

- Кунке сказала, что Сережа пошел поднимать гостей. А вы, я гляжу, уже – на ногах. Душ приняли? – бодро проговорил он

- А где он? Простите, я вчера забыл спросить, - вздохнул Женя.

- Дзы-дзы-дзы! Вот! – и Борис Еремович толкнул голую стену.

Дверь открылась. В тусклом пространстве за ней вспыхнул свет. А в нем вырисовались ванна, унитаз, биде…

- Такие удобства у меня в каждой комнате! – вскинул он подбородок. - В вашем распоряжении десять минут! Не будем, как говорят у вас, дразнить… товарища Ердынбаева…

Борис Еремович вышел. А Сергей хмыкнул: «Я же говорил! Честно, мне иногда бывает противно… А ведь в семейной обстановке тестюшко мой – совсем другой человек!»

- Да-да.., - неопределнно кивнул Женя и захлопнул за собой дверь в ванную. А Сергей продолжал для меня: «Такое ощущение, что в нем живут два совершенно разных человека… Вы, Александр, постели не заправляйте. После вас здесь все приберут: белье-то постельное менять будут… Так вот, один мой тесть – добрейший, цивилизованный, умный человек. Другой – бай-дикарь, готовый, если что не по его, - к голодным крысам в огромный котел бросить любого! Кунке совсем на него не похожа! Должно быть, - в покойную мать…»

- В покойную?

- Да. Она умерла сразу после рождения Кунке… А жену мою воспитывала тетушка, родная сестра покойной. Она – кандидат наук, преподает в Алма-Атинском университете и в Пограничном училище… Историю, по-моему, или обществоведение… Мы с женой туда, честно говоря, больше любим ездить. К тому же, Кунке терпеть не может женщину, с которой живет сейчас ее отец… Представьте! Она - директор ресторана на вокзале… Простите, я, наверное, лишнее говорю…

В это время из ванной вышел Женя.

- Идите в душ, а то я заболтал вас… - улыбнулся виновато Сергей и вышел из комнаты. Уже в дверях, обернувшись, напомнил: «Будьте поосторожней с этим комсомольским божком!»

…- Как я рад! Как я рад, что наши благословенные края посетили столь высокие гости! – улыбаясь и раскинув руки в стороны, надвигался на нас секретарь

местного райкома, - Как вы здесь у нас себя чувствуете? Я уже позвонил и в ЦК партии Казахской ССР, и в ЦК ВЛКСМ в Москву… Сообщил, что мы достойно встретили вас.

«На кого он так похож? – вспыхнула во мне мысль, - Где я мог его видеть?! Эта богатырская, не по-восточному, фигура, огромные ладони, которыми впору двуручный меч держать… Эта неискренняя улыбка, похожая скорее на вызов к поединку… Где?! Ведь видел же… Ви-и-идел»! А товарищ Ердынбаев подошел, обнял нас с Женей поочереди, словно мы – старые друзья. Похлопал при этом по спине… Словно оглоблю меж позвонков всадил…

- Ну… Ну, не такие уж и высокие! – безуспешно попытался освободиться из объятий Женя.

- Дорогой гость – выше самого высокого! – продолжал комсомольский вожак. - Мы же не за столом для совещаний! Поэтому зовите меня просто: Акшора.

- Дзы-дзы-дзы! – засмеялся Борис Еремович. - Это имя соответствует вам, товарищ Ердынбаев!

- Да-да, - кивнул тот, даже не взглянув на начальника отделения дороги. И снова обратился к нам: «Не будем терять время, товарищи! Нам надо еще до места добраться… Давайте, - по машинам… А то плов пересохнет…Ха-ха! Московских гостей прошу в мою «Волгу».»

И как хозяин уселся рядом с шофером. Что-то скомандовал ему по-казахски. И мы, выехав из леска, покатили по безкрайней степи.

- Не понимаю я Бориса, - рассуждал секретарь райкома, - зачем ему этот лес? Он же ограничивает пространство! То ли дело – степь! Какой простор! Чувствуешь себя птицей в полете, как сказал наш великий поэт. И, почувствовав это, начинаешь понимать величие нашего народа. Более древнего и великого, чем это утверждают европейские историки! А вот мой один знакомый нашел древнейшую казахскую цивилизацию. Цивилизацию ученых, художников, воинов, мореплавателей… И-и-эх!

Мы с Женей переглянулись. И это не осталось незамеченным для Акшоры в зеркале заднего вида….

- Не удивляйтесь! – хмыкнул он, не оборачиваясь, - но мой знакомый вместе со своим другом филологом сделали в данной области много открытий, с которыми нельзя не согласиться! А другие народы не знают о них, потому что не хватает гласности! Если вам, как журналистам, интересно, я поясню. Так вот. Возьмите, к примеру, название «Италия». Слово «ител» переводится с казахского, как «страна собаки». А ведь всем известно, что Рим основали выкормыши волчицы. Или - дикой собаки… А? Приведу еще один пример. Есть такая страна – Бразилия. Открыл ее не Колумб, а древние казахи. Приплыв на Южно-Американский континент, они встретили там безсчетное множество племен. А в переводе на казахский язык «страна, где довольно много всяких народов» звучит… Как бы вы думали? Ага! Би-ра-зел! Украинский город Харьков тоже основали казахи. Не верите? Вы же – работники слова! В первый же день прибытия казахских первопроходцев на место, где стоит сейчас Харьков, повалил густой снег. И старейшина их воскликнул: «О! Кар! Коп»! Черным - по белому! Баскетбол тоже изобрели мои великие предки! Название игры происходит от трех казахских слов в повелительном наклонении: «бас» - наступай, дави; «кет» - уходи, отходи; «бол» - будь, давай! Это – факты! А они, как говорил великий Ленин, - упрямая вещь. Кстати, многие русские меня поддерживают в этих изысканиях. В Ставрополе, например, живет мой соратник по комсомольской работе, Миша… Фамилия его вам ничего не скажет… Он говорит: молодец, Акшора! Продолжай в том же духе! Процесс пойдет, и мы первым нашим лозунгом выкинем «гласность»!.. Все в нашей стране надо перестраивать… И это - мнение многих комсомольцев, молодых коммунистов… Мирным путем, конечно! Путем реформ!.. Да

и самые прогрессивные западные ученые, - коммунистической направленности, - считают так же. И конечно же поддержат!

Машина летела по степи. Ердынбаев говорил-говорил… А мы с Женей даже перестали переглядываться. И тупо смотрели в однообразие за окнами «Волги». Наконец, вдалеке показались несколько юрт, окруженных колыхающимся морем отар. Отдельно пасся большой табун лошадей. Кое-где стояли верблюды.

- А вот - моя фа-зен-да! – хмыкнул Акшора. И мы остановились рядом с юртами. Секретарь райкома открыл дверь и резко выбросил свое могучее тело из машины. Теперь он казался еще мощнее, выше, шире… «Обман зрения» - подумал я. Акшора сорвал галстук. Расстегнул ворот. Прикрыл глаза. Раскинул руки. Вздохнул. Да так, что пуговицы полетели с его рубашки. К нему, постоянно мелко кланясь, подбежал старик в засмасленном халате с торчащими из него клоками ваты.

- Что ты?! Что ты, ата?! Это я должен кланяться твоим сединам, - вместив в увеличившуюся ладонь полспины старика, громко сказал Акшора. И обернувшись к нам, улыбнулся: «Ну, никак не могу выбить из них колониальное прошлое! Никак не могу внушить, что в эпоху развитого социализма у нас – свобода, равенство, братство!»

Он еще что-то сказал старику, и тот засеменил куда-то за юрты. Акшора подошел к лошадям. Глубоко вздохнул. Пригляделся. Закатил глаза так, что видными оказались одни белки. Что-то пробормотал… Взглядом выбрал не самого маленького жеребенка. Подошел к нему. Резким движением одной рукой, подхватив за брюхо, поднял его над головой. Победно вскрикнул. И… со всей силой швырнул жеребенка оземь… Из головы и живота животного что брызнуло… Я отвернулся… А к убитому жеребенку тут же подбежали трое таких же грязных, оборванных, как недавний старик, казахов с ножами… Акшора же стоял, опустив голову, прикрыв глаза, но блаженно улыбаясь.

- Бейимбет! – крикнул он, не оборачиваясь… - Развлеки гостей! Покажи отары, коней… Там – двое оседланы. А я пока…

И он ушел в одну из юрт, из которой тут же выскочили несколько молодых казашек. Они начали разбегатся, но Ашкора, выбежав за ними, схватил одну и увлек за собой в юрту…

После того, как нам показали овец, табун, верблюдов, мы вернулись к юртам. В животе уже урчало от голода. Но тут к нам подвели коня… Кра-а-асавца: каждая венка на жилистых ногах, шее, груди, крупе пульсировали. Он косил чернослив овым глазом то на меня, то на Женю… Ритмично перебирал ногами… Словно чечетку отбивал!

- Не хотите прокатиться? – хмыкнул Борис Еремович.

- А что? Можно, - вспомнил я молодость, когда еще в училище любил занятия по горной подготовке и конные походы, - жаль, что они длились всего лишь год! Подойдя к коню, я погладил его по морде, по гриве… Тихо проговорил: «Не привык к русскому запаху? И не надо… Прокати, пожалуйста. Немножко.»

Конь, как бы соглашаясь, закивал головой. Через миг я был в седле. Склонившись к прядущему уху, прошептал: «Я не буду бить тебя каблуками. Пройдись сам тихонько, потом рысью, галопом… Только не скидывай меня! Пожалйста… Ради Бога! Ты ведь знаешь Его…»

И конь, словно всё понимая, сделал именно так, как я просил. А когда, сделав большой круг, подъехал к юртам, Борис Еремович захлопал в ладоши: «Дзы-дзы-дзы! А у вас, Александр, в роду не было казахов?..»

Я спешился. Отдышался от непонятных волнения и азарта, вдруг охвативших меня и проникших в самые глубины сердца… Но в это время из юрты вышел Акшора. Теперь он был в синем, шелковом, шитым золотой тесьмой, халате, в такой же шапке

и сапогах. Вытер, выступивший от чего-то на покрасневшем лице, пот… Произнес: «Ну, что, дорогие гости? Прошу к столу! К казахскому столу!»

Казахский стол оказался несколькими, расстеленными прямо на земле, коврами, в которых нога утопала, словно в таежном мху, - по щиколотку. И прямо на этой драгоценности, - с точки зрения любого европейца, - без всяких скатертей были выставлены всевозможные блюда, - в основном, мясные. А метрах в десяти от нас на огне кипели три больших казана, от которых поднимался густой, вкусный, тоже явно мясной пар. Рядом с ними суетились два старика. Они помешивали варево большими деревянными ложками, похожими на лопаты. Водитель нашего хозяина достал из багажника «Волги» ящик водки и поставил его на один из ковров. Акшора важно кивнул: «Такую пьют только в ЦК КПСС и Центральных комитетах партии Союзных Республик! Слеза молодой девушки, только что потерявшей девственность!..»

Я поневоле взглянул на выпивку, на готовящуюся и готовую еду, на нас, десятерых собравшихся за «столом», и подумал: «Как же мы все это осилим»? Акшора же кивнул старику в драном халате, и тот приподнес каждому по полному стакану водки.

- Предлагаю тост, – дернул подбородком Акшора, - за нашу родную Коммунистическую партию и ее верного помощника – комсомол! Да живут они вечно! А под их могучими крыльями и мы поживем!.. А вы, кстати, коммунисты?

Я стушевался. А Женя спокойно произнес: «А разве может быть иначе на идеологическом фронте?»

- Тогда – до дна! – поднял свой стакан Акшора и опрокинул его в рот. Мы с Женей переглянулись… Ну, ладно, я… Все-таки – бывший офицер… А он-то?!

- До дна! – привстал я, чтобы отвлечь внимание всех на себя. Осушил стакан и не почувствовал сивушного привкуса… Водка, действительно, была необычной! Акшора же, вгрызаясь в большой жирный кусок мяса, проговорил: «Вы закусывайте плотнее! И следующие тосты наливайте себе сами… Мы-то народ вольный, природный! А в Москве такой чад… И водка – плохая. К тому же у меня – комсомольская, «цековская» школа…»

После третьего тоста принесли один из казанов.

- Плов, – объявил Акшора, и добавил, - не казахское блюдо. Я полюбил плов в Китае, когда ездил туда в составе партийно-правительственной делегации. Потом остался там по обмену опытом. Два месяца путешествовал по Тибету. Вот, где жизнь! Многому научился. Многому… И наряд мой – подарок тибетских лам! Они полностью одобряют коммунистические идеи. Не зря же в свое время приветствовали великого Ленина. Даже приравняли его себе, назвав «махатмой».

Он ухмыльнулся. Опустил глаза, словно вспоминая что-то приятное… А мне вдруг кто-то провел по губам жирной ладонью. Я поневоле вскинулся, обернулся и увидел старика в драном халате. Мне едва удалось сдержать рвотные спазмы… А старик опять обмакнул свою грязную ладонь в казан с пловом и провел ею по губам Жени. У того рвотным движением дернулся кадык.

- У нас такой обычай! – засмеялся Акшора. - Самым дорогим гостям аксакал мажет губы бараньим жиром. Первым наваром! Ха-ха!

Мы с Женей попытались улыбнуться и тут же безо всяких тостов отглотнули из стаканов. Акшора же налил себе полный стакан, - пятый или шестой, - и опрокинул его в себя. Но даже легкого опьянения ни на лице, ни в глазах, ни в голосе не чувствовалось. Зато остальные, в том числе и мы с Женей, были уже прилично навеселе.

- Обязательно постарайтесь побывать на Тибете! Вам из Москвы – легче! – продолжил Акшора.

- Это уж как Господь даст! – кивнул я.

- Господь?! – скривил вдруг губы Акшора, махнул рукой… - Что он, Господь? Ну, Господь… Ну, и что? Вот Аллах – это – Ал-ла-ах!

И тут он опять закатил глаза и поднял руки вверх, повернув их ладонями к себе. И тут же взглянул на нас черными зрачками из без того узких, но теперь еще и прищуренных глаз. Словно два автоматных ствола нам в сердца наставил. И тихо, медленно проговорил: «Как Аллах даст!..»

Что надо было сказать ему в ответ? Я не находил слов. Похоже, Женя – тоже… Но тут вмешался Иван Оттович: «Пришло время поднять благодарственый тост за хозяина сегодняшнего застолья. Уважаемый Акшора! Я поднимаю этот стакан за твое здоровье, благополучие, всемерное процветание!

Все зашумели, заподдакивали, закивали головами, стали чокаться с Акшорой, приговаривая при этом что-то по-казахски. Принялись за плов. А он действительно оказался необыкновенно вкусным. Акшора, выловив из своей миски большой кусок мяса, закинул его в рот и, прожевывая, проговорил, подтверждая обращение повелительным жестом: «Макзум! Ты у нас – начальник художественной самодеятельности. Возьми кобыз! Сотвори конокаде… Для меня и наших дорогих гостей.»

Повернувшись же к нам, пояснил: «Конокаде – песнь, исполняемая в подарок.»

Но в это время к нему подошел его шофер. Протянул портативную рацию…

- И здесь нашли! Что там опять случилось? – сплюнул в сторону Акшора и что-то проговорил в микрофон по-казахски… Вдруг он весь напрягся и закричал в трубку, вставляя в свою речь русскую матершину. Выключил в сердцах рацию, кинул ее шоферу, и тот подхватил ее на лету.

- Ну, ничего без меня решить не могут! Бездельники! – пояснил он окружающим. - Надо ехать… Что ж… Партия говорит: «Надо»! Комсомол отвечает: «Есть»! А вы продолжайте отдыхать. Можете денька на три остаться. Подышать вольным воздухом казахской степи. Только женщин наших не трогайте. А если есть желание, я пришлю парочку русских девочек из своего аппарата. Если понравится, выпишу им командировочки, чтобы прокатились с вами дальше по Казахстану… Да ублажили… Ха-ха!

- Нет-нет, спасибо! Нам работать надо, а не ублажаться, - покачал головой Женя. Акшора хмыкнул, пожал плечами. Налил себе. Залпом выпил еще один стакан водки и широко зашагал к своей машине. Там он принял из рук шофера новый черный костюм, никого не стесняясь, переоделся и укатил. После его отъезда наше веселье пошло на спад. И Борис Еремович, и Елеу Бекзатович, и Макзум Жаназарович, да и остальные уже «клевали носами». Только Иван Оттович, покуривая трубочку, грустно вглядывался в степь.

А часа через два мы опять катили по пыльной степной дороге. Только теперь в машине Бориса Еремовича. Он, как бы сквозь дрему рассуждал: «Не понимаю я этой бодрой воинственности… Этой исключительности казахского народа… Да и сам Акшора – не казах вовсе! Побывал на Тибете и приехал оттуда каким-то дурным… Корчит из себя средневекового батыра! А ведь все верят! Боятся… Словно он – дух какой… Только – недобрый! А мы, казахи – добрый народ… Со своими чудачествами, недостатками, но и с незлобливостью. Добрые… Да! И Аллах, как я понимаю, - тоже добрый! Он же любви хочет от людей, а не вражды. А если уж совсем строго подходить, то как можно пить вино, водку и одновременно поклоняться тому, кто запретил спиртное употреблять?! Мы всегда с русскими жили в мире… Роднились с ними. А если вспомнить Великую Отечественную войну?! Сколько казахов погибли, защищая общую с русскими Родину?! Взять хотя бы Алию Молдогулову… Снайпер, Герой Советского Союза. А ведь наша она, казашка! Нет-нет… Не понимаю… Не понимаю я этого комсомольского вожака… Его лицемерие… Двуличие какое-то… А может быть, и больше, чем двуличие… Из-за него и нам всем приходится раздваиваться…

Дзы-дзы-дзы! Как же трудно быть разным: на работе – одним, а в семье – совсем другим! В душе своей – еще каким-то…»

Мы опять подъехали к даче. Тут же разбрелись по своим комнатам. Мы с Женей приняли душ и завалились на свои койки.

…Утром, за вполне европейским завтраком, - кефир, вареные «в мешочек» яйца, бутерброды с сыром и ветчиной, - Борис Еремович долго молчал. Смотрел вниз. И вдруг быстро проговорил: «Я что-то такое вам наговорил вчера… Простите и не обращайте внимания. Что может наболтать старый, пьяный казах?! Да еще и обрусевший за пять лет учебы в Москве?! Главное, мне кажется, я не держу камня за пазухой… Только, поймите правильно: вы уедете, а нам здесь оставаться, работать… Жить… Сколько Всевышний отпустит…»

- Мы это прекрасно понимаем, - вздохнув, кивнул Женя, - и можете не сомневаться, никто и ничего в Москве не узнает.

Борис Еремович тоже вздохнул, обвел нас взглядом и, видимо, поверил. Поэтому, повеселев, спросил: «Как самочувствие? Может быть, коньячку?»

- Нет-нет! – мотнул головой Женя.

- Ну, что ж… А я выпью граммов сто пятьдесят. Голова хоть и не болит, но в отделение поеду только к обеду. А вас на моей машине отвезут сейчас, после завтрака. Иван Оттович посадит Александра, - вы ведь так решили? - в вагон-клуб и отправит на линию. Председатель райпрофсожа уехал на совещание… В Управление дороги… Каково ему сейчас после вчерашнего?! Поэтому Евгений сам управится в Доме культуры… Вас тоже туда отвезут. Я правильно говорю?

- Да-да, - кивнул Женя, - У меня к вам только одна просьба: пока я буду работать здесь, в стационарных культучреждениях, обеспечьте, пожалуйста мне связь с Александром… По телефону ли, по радио. Мало ли, какие вводные из Москвы поступят… Надо будет договориться, где и как встретимся. В Ташкенте ли, в Семипалатинске ли. Поможете?

- Конечно. Сегодня же дам команду нашим связистам. Либо по рации свяжетесь, либо по телефону на какой-нибудь линейной станции «выловим» Александра… Ха-ха!

- Вы действительно, не волнуйтесь, - подбодрил я начальника отделения, - потому что «Гудок» не любит негативных материалов. Тем более – из Союзных Республик… Да и цели у меня такой не было.

- Вот, и спасибо на добром слове, как говорят русские! - улыбнулся Борис Еремович.

…Вскоре дачный оазис остался позади. И снова черная «Волга» несла нас по степи. Мы сидели позади казаха-водителя, и мне не терпелось поговорить с Женей обо всем увиденном и услышанном. Тем более, что сегодня нам предстояло разъехаться. Но едва я раскрыл рот, как Женя приложил палец к губам и кивнул на водителя… Вот и поговорили…

У Ивана Оттовича шло производственное совещание, и нам пришлось просидеть в приемной около полутора часов. Женя роптал: ему уже давно надо было быть в ДК. Там могли ожидать его участники художественной самодеятельности. К тому же, нам опять не удалось подвести «итоги» двух последних дней нашей командировки: пожилая русская секретарша, хоть и «стучала» на машинке почти безпрерывно, но время от времени поглядывала на нас. Наконец, из кабинета Ивана Оттовича вывалились десятка два железнодорожников. А по громкой связи на столе секретарши мы услышали голос главного инженера: - Валерия Сергеевна, пожалуйста, пригласите наших московских гостей. И заварите нам по чашечке кофе. Мне – покрепче.

Иван Оттович поднялся из-за широкого стола. Подошел к нам. Пожал руки. Жестом пригласил присесть на кожаный диван, а сам уселся на стул напротив.

- Простите великодушно за то, что заставил вас ждать. Но, мое дело – инженерное обслуживание отделения дороги и решение производственных вопросов. Голодны? Как самочувствие после вчерашней.., гм.., вчерашнего сабантуя? – заговорил он со сдержанной тонкой улыбкой.

- Спасибо. Все нормально… - кивнул Женя и рассказал о наших планах и о том, что Борис Еремович поручил главному инженеру помочь…

- Это – хорошо. Как раз сегодня мой знакомый заведующий вагоном-клубом отбывает на линию в 23 часа. Я сейчас позвоню ему… А вы, Евгений Юрьевич, можете взять мою машину. Используйте ее как вам заблагорассудится… Если что, у водителя есть рация. К тому же я сейчас позвоню в райпрофсож и вызову для помощи вам иструктора по культуре.

- Лады! – кивнул Женя, на что главный инженер опять тонко улыбнулся.

Дверь в кабинет отворилась и вошла секретарша с подносом в руках. Все про ранство вокруг заблагоухало настоящим кофе. Пока расстилались белоснежные салфетки, а на них ставились прозрачные, светящиеся перламутром чашки и такие же тарелочки с крохотными бутербродами, Иван Оттович набрал номер телефона и сказал в трубку: - Сулушат Аяновна, будьте так любезны, подготовьте плановую и отчетную документацию по стационарным клубам и домам культуры отделения дороги. Через полчаса к вам зайдет товарищ из Москвы. На моей машине проедете с ним в наш ДК. Нет-нет… Мы пьем кофе… А это – уже на его усмотрение… Ах, вот как? К пятнадцати часам?..

- Как вы все имена и отчества запоминаете? Казахские… - мотнул я головой и улыбнулся.

- Их здесь не так много… Казахов. В отделениеии работают в основном славяне, немцы. Есть грузин. Латыш… Впрочем, как и на линии. А казахи – на командных должностях… За редким исключением. Национальная политика. Но ведь работаем… Прошу к столу. Кстати, Евгений Юрьевич, позвонили из ДК и сообщили, что участники художественной самодеятельности соберуться к пятнадцати часам.

Когда мы сделали по первому глотку кофе, Иван Оттович раскурил трубку и, улыбнувшись продолжал: «К тому же я родился и вырос в Казахстане. Привык к этим именам.»

- Вы здесь родились? – удивленно перестпросил Женя.

- Да. Моего отца, остзейского немца выслали сюда в самом начале Великой Отечественной. Здесь он встретил матушку, русскую, тоже ссыльную… Он сам был инженером-железнодорожником. Матушка – врачом… Вот они и поженились… Родился я. Пошел по стопам отца. У него никогда не было обиды на советскую власть. Он оправдывал ее. Говорил, что это – трезвая, правильная, необходимая для предвоенного и военного времени мера. И трудился на отделении не за страх, а за совесть. По-немецки. Матушка настояла на том, чтобы меня назвали Иваном… В честь ее отца… Моего деда… Он погиб в двадцатые годы. Тоже был врачом. Кстати, очень известным в Москве. А мой отец, - вдруг улыбнулся главный инженер, - Всегда называл меня Иоганом… Ох, простите, что-то я разговорился. Надо же позвонить заведующему вагоном-клубом. Я полагаю, он сейчас – дома. Готовится в рейс.

Иван Оттович поднял трубку, набрал номер и почти сразу заговорил: «Мариша, здравствуй. Да, это я, Иван. Карл дома? Будь так любезна, пригласи к телефону. А-а-а! Здравствуй-здравствуй, дружище! Я – по делу. С тобой в рейс сегодня отправляется журналист из Москвы. Да-да. Я подвезу его на станцию. Будь здоров. Бархатного пути я тебе еще успею пожелать.»

И он повесил трубку. Задумался о чем-то и снова заговорил: «Карл – тоже немец. Только – по матери. Отец у него – малорсс. История Карла, как две капли воды похожа на историю моей семьи. Правда, отец и мать его были учителями. Он преподавал историю, она – немецкий язык, в Смоленске, по-моему. Мать, как немку,

сослали. Отец, будучи еще женихом, не написал отказа от нее, как от врага народа. И тогда он приехал к ней… Сослали или как-то самому удалось, не знаю… Здесь они поженились. Он и в России хворал, а здесь здоровье совсем ухудшилось. Климат. Карлу было всего пять лет, когда отец отошел в мир иной. Поэтому и детство прошло в крайней бедности. Но мы сдружились. И мои родители помогали Гертруде Генриховне… Вот, такие судьбы… Простите, я опять заговорил вас. О! Время обеда! Пойдемьте-ка в столовую. У нас здесь неплохо кормят.

Мы прошли по коридорам и оказались в чистеньком, небольшом зале. За столами я, действительно, увидел очень немного казахских лиц. Большинство обедающих привставали со своих мест, здоровались с Иваном Оттовичем. Он отвечал каждому легким кивком голову и двумя-тремя словами. Мы встали в очередь.

- Что-то не видно руководства? – спросил Женя.

- Э-э-э! – почему-то отвел глаза Иван Оттович. - Очевидно, заняты. У руководства всегда много дел…

Очередь прошла быстро, а обед оказался почти домашним.

- Вкусно! - мотнул от удовольствия головой Женя, допивая компот.

- У нас – замечательный шеф-повар, - пояснил Иван Оттович, - Отар. Грузин. Молодой, но очень добросовестный. Я попрошу его приготовить вам что-нибудь в дорогу, Александр. Хотя Марина Васильевна, жена Карла, с голоду умереть не даст, поверьте мне!

- Зачем же утруждать повара?! – воспротивился я.

- Нет-нет. Воспользуюсь законом восточного гостеприимства, - улыбнулся Иван Оттович, - и простите мою шутку. Законы гостеприимства у нормальных людей любой нации – всегда одинаковы.

Он отошел от нас, скрылся за какой-то дверью. Но скоро появился и тут же остановил молодого железнодорожника, вошедшего в столовую: «Федор! Почему не заходишь? Как родители?»

- Спасибо, Иван Оттович! Если бы не вы… Маму отправил в санаторий. Папе – тоже получше. Управляемся с сестренкой, - грустно улыбнулся тот.

- Если что, сразу заходи. Я секретаря предупредил, чтобы тебя пускала без задержек, - кивнул ему главный инженер. А когда Федор отошел, пояснил нам: «Свалилось на парня! Отца, - старого машиниста, - парализовало. А тут и у матери его – инфаркт… Ну-с, пойдемте. Евгений Юрьевич, во-он там – райпрофсож. Вас уже ждут. А вам, Александр, я предлагаю заехать ко мне домой. Отдохнуть перед дорогой. Вечером, сегодня у меня – много работы, допоздна. Но я заеду за вами и отвезу в вагон-клуб. Согласны?»

Мы с Женей переглянулись. Я кивнул… И вскоре мы, уже вдвоем, подъехали к обычной пятиэтажке. Поднялись на третий этаж. Иван Оттович открыл дверь, и мы оказались в маленькой однокомнатной квартире. Все в ней блестело… «Словно в операционной!» - мелькнула мысль.

- Располагайтесь. Поспать можете на диване. Вот – плед. В холодильнике – еда. В серванте – напитки.., если пожелаете. Я за вами заеду в двадцать два часа, - кивнул он и вышел, захлопнув дверь.

«Ничего себе! – думал я, оглядывая комнату, - Главный инженер отделения дороги, а живет так скромно: железная кровать, диван, небольшой стол и такие же, какие-то нестандартно узкие книжный и платяной шкафы, сервант»…

Одну полку в книжном шкафу занимала железнодорожная техническая литература и справочники, другую – книги на немецком языке, третью и четвертую – Достовский, Пушкин, Лермонтов, - собраниями сочинений, Лев и Николай Гумилевы, Есенин, Аксаков, Гоголь – отдельными томиками, книги казахских авторов, о которых я не имел ни малейшего понятия…

Взгляд мой скользнул по двум, - в черных рамках, - фотографиям, разместившимся на маленьком клочке открытой стены. С одного снимка на меня смотрели пожилые мужчина и женщина. Сразу было заметно, что Иван Оттович похож одновременно на обоих. «Родители», - понял я. Зато с другой фотографии улыбалась молодая, красивая казашка…

На пятиметровой кухонке едва умещались холодильник, газовая плита, сложенный стол-книжка и шкаф-столбик. Подумалось что-то еще… Но после сытного обеда сон начал обволакивать меня, и я, не раздеваясь, плюхнулся на диван и укрылся пледом с головой… Но заснуть, как мне ни хотелось, не удалось. Портрет казашки вдруг вырос… Она встала передо мной в полный рост. В белоснежном, с розовым переливом, полупрозрачном платье, сверкающем какими-то камнями, росой или звездами… В звонкой по цвету диадеме с вплетенной в нее тканью, спадающей на плечи и ниже… Нет! Драгоценнее всего светились ее глаза цвета… живого неба.

- Лежи-лежи, - тихо сказала она и… перекрестилась.

- Ты.., - попытался спросить я.

- Да, я – Христианка! Рожденная Еркежан, крещеная святым именем Елена… Это было очень давно, еще при твоем Небесном Покровителе, благоверном Великом Князе Александре. Весь наш род во главе с сыном Батыя, ханом Сартаком принял веру в Истинного Бога – Иисуса Христа. Пращур мой, Сартак, заведовал в Орде русскими делами. И, крестившись во Христа, стал побратимом твоего Небесного Покровителя. И не просто стал побратимом, а вызвался выступить против монголов. И не просто монголов, - против тибетских колдунов! И принял там мученический венец, как и все воины его.

«Боже мой! – вдруг вспыхнула мысль, - А ведь я сегодня предал Христа, промолчав на хулу Акшоры»!..

- Не печаль сердца! – послышался сбоку мужской голос. Обернувшись на него, я увидел двух ратников века тринадцатого. Один, - говоривший, - был русским. Другой – черноволосый, узкоглазый. Но – высокий, стройный. Под стать русскому!

- А каково было мне, - продолжал русский, - когда по повелению Батыя пришлось идти к нему на поклон?! А иначе он обещался вновь разорить Землю Русьскую… Пошел я с богатыми дарами. Что ждало там меня и моих соратников? Ведь надо было поклониться идолам или… Или с меня, - живого, - содрали бы кожу, как сделали это со святыми благоверным князем Михаилом Черниговским и болярином его Феодором. Но не за себя была скорбь моя. Ведал я, что есть враг и поопаснее Батыя. На Западе! Казалось бы, там – христиане… Но увы, ведал я и то, что не с крестом и словом Божиим идет Запад на Землю Русьскую… Поэтому и нужен стал союз с Ордой… Временный!

Он задумался, опустив голову. Пошевелил губами… Продолжил, положив руку на плечо другого ратника: «Вот, и помощник был мне – князь Сартак. Он и подсказал многое. А главный наказ получил я на молитве. И потому, когда надо было опуститься на колени перед идолами, - огнем, кустом и солнцем, - я, отвернувшись от них, поклонился Батыю со словами: *Я – Христианин, и мне не подобает поклоняться твари. Я поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу Единому, в Троице Славимому, Создавшему небо, землю и все, что в них*! Почему же Батый не казнил меня, как он делал с любым русьским князем, отвечавшим так же? Вот и подумай! Не было Божией воли на то! Почему? Не мне судить о том. *Царь,* - обратился я далее к Батыю, - *Я кланяюсь тебе, потому что Бог почтил тебя царством*… К чему все это я поведал тебе? Ты правильно поступил, промолчав на оскорбительные для Христианина слова ордыно-тибетского вельможи… Тем самым ты и не поклонился твари… Идолу. Если бы ты вскинулся, стал бы спорить, мог бы разделить мученическую участь сестры Елены, - указал он на казашку, - которая исповедовала Господа нашего Иисуса Христа, когда некий вельможа, - тебе, по нынешней немощи твоей не надобно знать

его имя, - захотел обладать ею. Тогда Елену насильно отвезли в степь. Там, оставшись твердой в вере и целомудрии, она и приняла мученический венец и упокоилась в неведомом для людей месте… А у тебя, по воле Божией, – еще впереди своя Невская сеча, свое Ледовое побоище, свое Куликовоское поле! С кем? Ты считаешь себя Православным Христианином? И совершаешь грехи, свойственные многим Христианам. Они для тебя – тевтоны и ливонцы, ордынцы и ляхи! Победи их внутри себя, чтобы победить врагов внешних, врагов Православия! Побеждай, поначалу, их после каждого вражиего нападения! Как перед Куликовской битвой были сечи на Пьяне, на Воже…»

После этих слов все трое исчезли. Я открыл глаза. За окном разливалась темнота. А в двери повернулся ключ, и в комнату вошел Иван Оттович.

- Как отдыхалось? – с тонкой улыбкой спросил он.

- Спасибо… А где вы курите? - мотнул я головой, отгоняя то ли дремоту, то ли еще что.

- Можно будет сейчас здесь, за чашечкой кофе, который я приготовлю ровно через семь минут, - кивнул он и ушел на кухню. Я прошел за ним.

- Зачем же такие церемонии? – взглянул я на часы… - Полагаю, у меня – всего час.

- Да. Вы успеете принять душ. Кофе к этому времени подостынет. И я угощу вас сигарой. Я не люблю, когда пахнет этими горелыми тряпками под названием «Ява». Про другие сигареты я вообще молчу! Ступайте, дорогой мой, в душ. У вас – дальняя дорога! И там – не самые комфортабельные условия. Поэтому насладитесь цивилизацией здесь. Полотенце – в ванной. То, что - в клеточку.

Душ, действительно, оказался живительным. А когда мы сидели за кофе, - с трубочкой и с сигарой, - я спросил: «Простите мне мое любопытство, Иван Оттович. У вас на стене – две фотографии. На одной, надо понимать, ваши родители…»

- Вы хотите спросить: кто на второй? Это – замечательная женщина! Я потерял ее… Она пропала без вести за три дня до нашей свадьбы… За день до того, как я должен был сменить веру отца. Креститься по восточному христианскому обряду. Это было единственным ее условием, при котором наш брак был возможен. Я ведь никогда не был коммунистом… Веру отца я поначалу разделял… Точнее – безверие… Но она пропала. В одном я уверен: она не предавала меня! Не сбежала. Поэтому и я до сих пор не могу предать ее с другой женщиной.

- И вы не узнали, где она? – вспомнил я то ли сон свой, то ли видение.

- Нет… Как ни пытался, - потемнел он глазами.

- А веру? Сменили?

- Нет… Все как-то времени не достает. Работа! В ней спасаюсь от тоски по Леночке… Хотя… Ради ее любви и любви к ней я это все-таки сделаю в ближайшее время. Где-нибудь в России. В отпуске. Спасибо за то, что напомнили.

- Почему вы со мной так откровенны?

- Даже не знаю… Я однажды уловил в ваших глазах, - понимаете, это, - как интонация, - тот же блеск… Нет! Не блеск… Что-то, чему я не могу найти сравнения… Ладно, пусть блеск. Тот, которым светились ее глаза. Простите, я – немец. К тому же – технарь. Не могу иногда выразить интонацию своих чувств… Ладно. Давайте собираться. Через полчаса – отправление. Мне приятно было с вами познакомиться и пообщаться.

Через полчаса Иван Оттович подвел меня к чистенькому, яркому вагону. На стене были нарисованы люди в разных национальных одеждах и взявшиеся за руки, - представители, как я понял, пятнадцати союзных республик. Они, как бы, все вместе растягивали меха гормони, на которых, словно на обложке детского журнала «Веселые картинки», было написано: «вагон-клуб».

- Оригинально! – хмыкнул я, указав на надпись.

- Карл сам это придумал. Сам и рисовал! – достал трубку Иван Оттович.

Раскурил. Постучал в окно вагона-клуба. Добавил: - Люди на линейных станциях – те же дети! В нашем сером, степном климате яркие краски для них, словно игрушки или цветы. А Карл у нас увлекается историей и психологией. Но это не умоляет его способностей культпросветработника… А вот, - и он сам!

Хлопнула, даже взвизгнула дверь, и с подножки вагона-клуба вывалился почти облысевший, худой, юркий человек, весь испачкавшийся то ли сажей, то ли углем. Даже на бритом лице следы от ладоней были похожи на замысловато подстриженные бороду и усы…

- Ох, простите! – выдохнул он, - Представляешь, Йоган, прости, Иван, у меня «титан» сломался… Вот, с обеда занимаюсь ремонтом… Но! Починил! Представляешь?! По-чи-нил!

Он едва не крутанулся от восторга вокруг своей оси и не захопал в ладоши!

- Простите еще раз! – повернулся ко мне. - Готовился к встрече! Надел новую рубашку… Темную, конечно… Я светлого ничего в рейсы не надеваю. Потом не отстираешь! Но «титан» мне все испортил!

Карл вытер о рубашку черные руки, и правую протянул мне: «Карл… Карл Петрович Вайсман-Чепурных… Заведующий вагоном-клубом…»

- Очень приятно, - улыбнулся я его доброй, как мне показалось, суете и представился.

- А что, Мариша не едет в этот рейс? – спросил Иван Оттович.

- Ага! Жди! Так она и отпустит меня одного. Мариша в вагоне стол накрывает. Еще время есть… Может быть, зайдешь, Иван… Оттович… По маленькой… На посошок…

- Ну, что ж… Время у меня – нерабочее… А ты сам не очень усердствуй! У тебя.., - постучал себя пальцами по груди Иван Оттович.

- У меня, - весело перебил его Карл Петрович, - время рабочее начнется с первой линейной станции

- Нет, мой дорогой! Твое рабочее время начинается с момента отправления вагона-клуба… Ну, ладно-ладно! Я уже привык тебя прикрывать и, кстати, потакать тебе с нашего пятилетнего возраста! Веди! Угощай!

Иван Оттович по-молодому запрыгнул на площадку тамбура. Я, не без опаски опозориться, подскользнувшись, последовал за ним. В вагоне нас встретила стройная лет для сорока, блондинка с голубыми, вполлица, глазами, - все при ней, - в темном, похожем на школьную форму, платье.

- Мариша! – воскликнул Иван Оттович и поцеловал ей руку. Представил меня. А она вдруг неожиданно сделала что-то наподобие книгсена… Представилась: - Марина Васильевна…

А Иван Оттович засмеялся: «Вот, оно, - воспитание мужа! Ну, скажите мне, Алаксандр, где вы увидите, чтобы потомственная казачка-семиречка по-немецки приветствовала гостей?!»

Но в ответ на это Марина Васильевна всплеснула руками и буквально кинулась мимо нас с воплем: «Горе ты мое луковое! Карлуша! Я же тебе только-только новую рубашку надела! Это же надо так угваздать! Ты что, под всеми вагонами на станции пролезал? Во все топки заглядывал?..»

Вдруг она спохватилась… Мотнула головой… Обернулась к нам: «Ванечка, прости! И вы, Александр! Но ведь Карлуша – большой ребенок! Знаете анекдот? Мама спрашивает сына: «Карлуша! Зачем ты надел галоши? На улице нет грязи»! Но тот ей отвечает: «А я найду»! Сейчас я принесу ему свежую рубашку, и прошу вас к столу!..»

Едва мы выпили по первой рюмке, раздался гудок локомотива.

- Ну, вот и все! – встал Иван Оттович. - Берегите Александра… Бархатного вам пути!

Поезд тронулся. Иван Оттович поспешил на выход… Мы – за ним… Я видел, как он легко спрыгнул с подножки и долго шел по насыпи вслед удаляющемуся поезду… Махал рукой… А над уходящей назад станцией опускался туман.

Туман… Казалось, он окутал всю Землю Русьскую… Туман… Тьма… Туман и тьма ордынского ига… И где же то солнце, которое должно развеять их?! И кто еще? Никто! Солнцем этим может быть только Христос! Только Он способен был, простив грехи межусобиц, объедининть всех, - почти всех, - князей, боляр, воевод, иноков, смердов, - на эту, да! - самую главную теперь уже сечу! Именно так я и думал, стоя спиной к догоравшим мостам через Дон. Отступать теперь было некуда. «За Доном для нас земли нет!» - сказал Великий Князь Димитрий Иоаннович. Но мне вдруг показалось тогда, что именно со стороны Земли Русской поднимается стена. Повыше Кремлевской. Что это? В темноте стена светилась! Но не тем светом, который мы можем видеть очами… От нынешнего, нового света, вдруг подумалось мне, глаза любого человека ослепли бы, обоженные им… Но только не сейчас… Только не русьских ратников…

К тому же, темнота оставалась такой, как и была. А светлую стену я почувствовал где-то внутри… *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный*… - услышал я. Встряхнул головой. И понял, что началась ранняя Божественная Литургия во всем Русьском стане. Я поспешил на зов молитвы. Но, остановившись на миг, вдруг как будто услышал, что и за спиной моей со стороны Москвы, Володимира, Пскова, Мурома, Рязани, Пронска, Ярославля, Дебрянска, иных градов Русьских сам воздух вливается в меня этими же словами.

Я добежал до своего стана. Там со свечами в руках, на коленях стояли Димитрий Иоаннович, Володимир Ондреевич, Ондрей Ольгердович… И другие… И еще! И еще! Знакомые и незнакомые! Я огляделся. И сквозь туман виднелись свечи, отраженные высоко в небе незримыми нынче звездами… Или действительно я увидел звезды? Сквозь туман?! Или свечи? Только в небесах? В руках князя мордовского Василия и моего Филиппа, жены моей первой Елены и ратника Квашни, сотен, тысяч безсчетных и безвестных иных, положивших души за други своя в этой, почти трехсотлетней, нескончаемой сече?.. В искупительной сече, венцом и Гологофой которой должна стать нынешняя…

Я огляделся. У Великого Князя, - да и у всех остальных, - из-под расстегнутой кольчуги светилась белизной свежая смертная рубаха. Нательный крест покоился сверху облачения: если убьют, Ангелы Божии сразу заметят своего и вознесут к Престолу… На Суд.

Чего я не заметил, так это – слез! Лица были спокойны, умиротворенны. Кто-то даже улыбался… Чему?.. Епископ, - я не знал его, - поднял над головой крест.

- Господу помолимся! – тихо пропел он. И, словно гром с небес, разнеслось по округе: «*Господи, помилуй!*»

- За Богохранимую Отчину нашу…

- *Господи, помилуй!..*

«Да нет же стольких ратников в стане, чтобы так громко взывать!» - мелькнула, было, мысль… Но в звучании ектинии вдруг послышались голоса Аллы, Ольги, Анастасии, Ирины, Великой Княгини Евдокии, Татианы, матушки Агафии, моих дворовых девушек… Послышались и другие, несравнимые ни с одним голосом на земле…

- *Господи, помилуй*! – казалось, я залился слезами, но, проведя рукой по щеке, не почувствовал влаги… «Слезы?» - спросил я себя. «Радость Господина твоего», -

ответил мне кто-кто внутри меня. Должно быть, судя по выражениям лиц окружающих, они чувствовали то же самое…

Епископ еще раз поднял крест. И, показалось, что туман рассеялся. И этот небольшой напрестольный крест… вырос. Охватил своими крыльями округу. И она выросла. И я увидел всю Землю Русьскую. Словно сам стал птицей и поднялся к Солнцу. Только Солнце тоже изменилось и стало Златокудрым Спасом…

- *Господи, помилуй!* – снова грохнуло над нашим станом. А вскоре округа вздрогнула от тысяч, десятков, сотен тысяч голосов, взывавших: - *Отче наш…*

«А всех ли я простил?» - обожгла меня мысль.

- Все-е-ех! – отозвалось откуда-то сверху.

- Слава Богу! – привычно прошептал я, вставая вслед за другими с колен. Задул свечу. Спрятал ее под кольчугу. И пошел к одному из священников, принимавших исповедь…

Принимавших? И да, и нет… Нет, потому что каждый воевода, болярин, князь, ратник, ополченец, подходили к походному аналою, поворачивались к остальным, крестообразно сложив руки… Просили:

- Простите меня братия, Христа ради!

- Бог да простит тебя! И мы – туда же, - отвечали остальные. Затем исповедник поворачивался к священнику, опускался перед ним на колени и громко произносил: «Грешен! Каюсь! Прости, Господи! И ты, прости, святый отче!»

Священник накрывал его епитрахилью и читал разрешительную молитву. Но я перед тем, как подойти к походному аналою, вдруг увидел перед собой череду детей, женщин, монахов, ратников… Облачение многих из них, особенно первых, показалось мне странным, нерусьским каким-то… Но и они оборачивались ко мне, - да-да, именно ко мне, - складывали руки крестом на груди и просили: «Прости мя, князь Ляксандр!»

И тут я узнал одного… Да-да! Это был тот, когда женщина в сверкающих одеждах и короне, попросила посадить меня и князя Герасима на коня… После литовской засады, когда нас расстреляли из самострелов… И еще назвала его: А-лек-са! А другие?..

- Кто вы? Откуда? – спрашивал я. Но не слышал своего голоса. Это звучало где-то глубоко во мне… Даже не в сердце, – глубже!

- Мы – это ты! – следовал ответ. Но его я слышал не ушами, а тем, что было слишком глубоко во мне… Где? Я не ведал.

- Грешен. Каюсь! Прости, Господи! И ты, святый отче! – проговорил я, опускаясь перед священником на колени. Когда же епитрахиль накрыла меня, я, словно в детстве, почувствовал сладость, которую невозможно передать словами. Тяжелый, хотя и привычный доспех стал легче младенческой распашонки. Какие-то чешуйки слетали с тела из-под него, оголояя… Что?

- Ду-у-у-ушу! Душу Православного Христианина! – шепнул мне кто-то, - Отдав, ты приобретешь ее…

…И снова я стоял в еще более сгустившемся тумане. Снова рядом были едва различимые Великий Князь, Володимир Ондреевич Серпуховской, Ондрей Ольгердович, Псковский, Полоцкий, другие знакомые и незнакомые боляре, князья ратники… Подскакал князь Симеон Мелик. Спешился. Поклонился: - Великий Князь! Здесь Мамай, прямо перед нами! Я пощипал немножно их ближние сторожи… А дальних-то нет!

- Отводите полки по своим местам! – зычно повелел Димитрий Иоаннович. И всё вокруг задвигалось, заговорило, зазвенело доспехами, оружием. Воздух зацвел, словно вокруг зацвела сирень… В августе-то! Но туман все еще стоял над нами.

- А мне куда, Великий Князь? – склонил я перед ним голову.

- Здесь сейчас нет ни князей, ни боляр! - отвечал он ласково… - Друже мой! Коли желаешь, вставай со мной в Передовой, а потом – в Большой полк!

- Как?! Ты же – Великий Князь! Ты должен руководить полками! – дерзнул я.

- Наш Воевода – Господь! И если Он с нами, кто на ны?! – придержал он поводья и позвал… - Князь Михайло!

К нему подскакал Бренок. Димитрий Иоаннович спешился. Земно поклонился ему: «Окажи милость! Возьми на себя подвиг: облачись в Великокняжеские доспехи! Пусть ратники не видят моей смерти, ежели Господь попустит…»

- С радостью! – отвечал тот, разрывая застежку плаща и снимая через голову кольчугу с зерцалом.

На виду у всего Передового полка Великий Князь облачился в снаряжение своего сверстника… Обнял его. Похристосовался. Перекрестил. Повернувшись к ратникам и князьям Передового полка, перекрестился… Сделал перед ними земной поклон. Громко сказал: «Братия! Сам я – грешен… Не ведаю даже, за все ли грехи, - за смертные, - принес покаяние. Вот потому-то и встаю вместе с вами. Рядом с вами. В надежде искупить свои грехи кровию… И стоять буду до конца! Не можем! Не имеем мы права уходить со своего места… Если сдвинемся назад, не смогут братия наши из Большого полка отбить удар ворогов. И нас зарубить не смогут… Пусть же вороги посчитают нас Большим полком… И по нашим телам пройдут обезсиленные, обезкровленные на пики и под мечи главной силы Земли Русьской. Мертвые сраму не имут. Знайте же! Помните же, что я, Великий Князь, рублюсь с вами плечом к плечу! Искупим грехи свои, отдав душу за други своя, а животы - за Веру Православную, за Землю Русскую!»

И он встал в рады ратников Передового полка. Я последовал, было, за ним. Но тут ко мне подскакал Ивашка. Тряхнул кудрями: «Княже, а мне – куда?»

- Держи двух, - ты понял, двух! – коней наготове. Подле себя, - ответил я, - по-о-одле!

Подумал. Что-то дрогнуло во мне.

- Сойди с коня! - повелел я Ивашке. Он исполнил. Я обнял его. Трижды поцеловал. Прошептал: «Прости меня… Ежели что…»

- Да что ты, княже? – вдруг заплакал мой отрок… - Это ты меня прости! Я негоже служил тебе!

- Гоже-гоже! – потрепал я его по плечу. И оттолкнул от себя: «Ступай!»

Ивашка ускакал. А рассвет разгорался вовсю. Туман рассеивался. И когда открылась округа, никто в Передовом полку не смог сдержать громкого вздоха. Перед нами, тысячи в пяти шагах, все пестрело облачениями ордынцев. Земли, травы, кустарника не было видно.

- В муравейнике поменьше будет! - хмыкнул кто-то в стороне от меня.

И вот, Сторожевой полк под водительством князей Симеона Оболенского и Иоанна Тарусского вышел перед нами и кинулся на поганские разъезды, на скаку осыпая их стрелами. Те вступали в мелкие стычки… Наконец, ордынцы сдвинулись с места… Пошли. Казалось, им нет конца… Даже горизонт пестрел пешими и всадниками… И… остановились перед нами. Расстояние между нашими и первыми рядами их главных сил не достигало и тысячи шагов. Тут, от остановившихся ордынцев выехал огромный, краснорожий, рыжий великан. Его золоченый доспех был увешен чьими-то костями, птичьими, детскими, звериными черепами… Конь – тоже выглядел под стать хозяину. Такого рослого жеребца и на Русьской Земле не часто встретишь… Ордынец закатил глаза так, что видны остались только белки… Поднял вверх обе руки… Что-то прорычал, пророкотал… Прорыкал… Затем, помахивая таким же чрезмерно большим копьем, захохотал: «Ну, что, урусы?! Дзы-дзы-дзы! Есть ли среди вас тот, кто осмелится сразиться со мной? Со мной, за которым стоят тьмы духов, способных разметать вас всех, как младенец - кучку обоженных

костей какой-нибудь мелкой пичуги! Вызываю поединщика… Найдется ли такой, однако… Дзы-дзы-дзы! А если и найдется, я из кожи вашего поединщика, повелю плетку себе сплести и буду погонять князей ваших, надев на них колодки… А вы из камней своих церквей, которые сами и разрушите, будете возводить новый великий храм моим богам! А женок и дочерей ваших…»

- Колдун…

- Свят-Свят-Свят…

- С нами Крестная сила…

- Новый храм? Это – бесам, что ли?..

- Нечисть! – раздалось в наших рядах. А у меня желваки заходили у меня под бармицей… Я дернулся было, вперед… Но тут ряды наших ратников заколыхались… И вдруг к Великому Князю подъехал инок Александр Пересвет. Он тоже был с копьем наперевес. Только вместо доспеха – облачен в Великую Схиму.

- Благослови, Великий Князь! – поклонился он. Слезы блеснули в глазах Димитрия Иоанновича.

- Бог тебя благословит, - медленно и глухо проговорил он. Схимонах обернулся к рядам русьских ратников.

- Простите меня, братия! И благословите! – громко крикнул он.

- Бог благословит! – закрестились те. Многие крестили Пересвета… Ордынец-великан поначалу опешил… Но потом злобно хмыкнул и крикнул: «Куда ж ты, урус, без доспеха! Я ж тебя, как куропатку на вертело насажу… И я, начальник личной охраны великого хана Мамая должен драться с тобой, недостойным? Дзы-дзы-дзы… Ах! Как же я не заметил? Ты – монах… Что ж, я – тоже… Только посмотрим, как тебе поможет твой Распятый, когда мои подчиненные духи станут помогать мне…»

Он опять закатил темные, красные по краям, как я вдруг заметил даже издали, глаза до самых век… Поднял руки… Что-то гортанно закричал… Взвыл… И, развернувшись, направился в сторону своих полков, чтобы набрать разбег для поединка.

А Пересвет спрыгнул с седла. Опустился на колени. Сделал три земных поклона: на восток и на две стороны – всему Русьскому воинству. Негромко, но твердо произнес: «Спаси вас Господи, братия! Вас – Помазаника Божиего Великого Князя, Веру нашу Святую и Отчину, в вас ныне явленную здесь, на поле смертной сечи! Аминь!»

Он вскочил в седло. И без разбега пустил коня в сторону поединка. На несколько мгновений наступила тишина: и мы, и ордынцы затаили дыхание. И вот – удар… Треск! Поганый великан с осколком пересветова копья в груди упал с коня… Схимонах Александр остался в седле… Развернулся в сторону нашего полка. Все мы единым гласом облегченно вздохнули… Но тут же увидели, что и из груди Пересвета торчит осколок поганского копья… Въезжая в наши расступившиеся перед ним ряды, он выдохнул: «Слава Тебе, Господи! Приими душу мою с миром…»

И упал… Но это была победа! Мы сможем бить первыми! Погибли оба поединщика. Но наш вернулся в свои ряды, не упав на месте поединка! Однако со стороны Великого Князя и воевод не прозвучало никакого призыва… А Димитрий Иоаннович, не поворачивая головы в мою сторону, тихо произнес: - Нельзя нам уходить с этого места… Все просчитано до сажени…

Опять наступила томительная тишина… Ордынцы тоже застыли на некоторое мгновение… Но вдруг строй их вздрогнул. Конные кинулись вправо и влево от центра. И эти две лавы стремились обхватить нас с двух концов. Но это было невозможно, потому что Передовой полк растянулся на несколько верст от оврага и до леса… А прямо на нас, построенные уступами, двинулись черные квадраты тяжелой генуэзской пехоты. Они шли, гремя доспехами… Земля гудела под ними… Я уже знал, что эти «христиане» ратятся «тройками». После первого удара

трехсаженными пиками, один отбивает противника щитом, другой наносит удар мечом под доспех снизу вверх, - как копьем – под ребра Господу нашему Иисусу Христу на Кресте, - третий отбрасывает убитого и становится на место первого…

Уже слышно было их единогасное придыхание на каждый шаг левой ноги, выступающей перед правой… И придыхание это по мере приближения к нам становилось уже не человеческим кличем, а каким-то многоголосым, сливающимся в единый и от этого усиливающимся, звериным рыком… А перед нами шагах в пяти появились несколько десятков русьских монахов, в надвинутых на глаза куколях. Без оружия. Без щитов. Они встали, подняв вверх правые руки с крестами, связанными из обычных веточек.

- Черная со-о-о-отня! – выдохнули русьские ратники. «Неужели эти генуэзцы-«христиане» пройдут по святым отцам?» - вспыхнула во мне мысль… Но тут перед нами и перед черносотенцами вышла тысяча князя Ондрея… Ах, как опасно! До первого квадрата генуэзцев, шедших уступом, осталось не более тридцати саженей… Самострельщики построились в два ряда. За первым залпом сразу последовал второй… Ай, молодец! Это – я увидел Георгия… Первый ряд генуэзцев упал скошенными колосьями… И еще ряд рухнул в росистую траву. Самострельщики отошли за наши спины… И тут же удар длинных генуэзских пик хрустнул о наши щиты… Началась сеча… Неравная… Генуэзцы лихо прорубались сквозь наши ряды… Но и сами - то здесь, то там, со стонами падали под русьскими мечами… Однако, они уже кое-где дошли до последних рядов Передового полка… Я ни на шаг не отступал от Великого Князя… Впрочем, как и другие князья–воеводы.

«Эх! – вспыхнула мысль, - Князя бы Герасима сюда! С его рукопашниками»! Но тут кто-то крикнул, что ордынская конница врубилась в наши полки справа и слева… Однако, генузцы замешкались…

- Ага-а, – прохрипел Димитрий Иоаннович, - поняли свой промах: не мы – Большой полк!

- Уводите Великого Князя! – послышался голос кого-то из ратников…

- Он должен спастись!

- Ему Русьскую Землю еще поднимать!

- Уводите!.. – вторили другие. И наши ратники окружили нас плотным кольцом, отбиваясь от наседавших пеших генуэзцев и конных ордынцев… Передовой полк погибал весь…

Не зевал мой дорогой Ивашка: оказался рядом с двумя конями. Ратники сами, своими руками буквально закинули Великого Князя верхом… Я последовал за ним… И мы кинулись в Большому полку. Но и его уже атаковали генуэзцы. Правда, теперь они, как и расчитывал Димитрий Иоаннович, сломали свои черные квадраты, не ожидая, что за Передовым полком стоят главные наши силы.

И тут вся лавина ордынцев вонзилась в наш Большой полк… Конные, пешие, пики, мечи, топоры мелькали перед глазами. Мой щит, сразу разбитый, отлетел в сторону, и я схватил чей-то меч, чтобы рубиться двумя руками. Конь подо мной рухнул, проткнутый ордынской пикой… Чужая кровь стекала с моих шелома, доспехов, поручей… Стало душно… Я отстегнул бармицу… Встретился взглядом с кем-то очень знакомым… Но не успел вспомнить…

- Великий Князь? – с придыхом спросил он.

- Здесь, рядышком рубится! – кивнул я в сторону Димитрия Иоанновича.

- Братия! – крикнул спросивший, - Великий Князь жив! Здесь! С нами!

- Ур-р-р-ра! – разнеслось над сечей. А я лихорадочно, нанося удары направо и налево, думал: «Главное – не выпустить из виду Великого Князя! Быть рядом с ним… Прикрыть, ежели что… Быть рядом с ним»…

- Княже, – услышал я сбоку, - садись верхом… И Великий Князь тоже пусть…

Это был Ивашка. Одной рукой он рубился, другой держал в поводу двух коней…

- Димитрий Иоаннович! – крикнул я и вскочил в седло. То же сделал и Великий Князь. Но… тут же упал под ударами нескольких ордынских мечей и топоров.

- Снесите с поля! – бросил я двум ратникам, рубившимся рядом, и крикнул во весь голос… - Русьские! Ко мне! Прикроем Великого Князя!

Несколько десятков ратников окружили нас и так, в живом, смертоносном кольце, вынесли Димитрия Иоанновича до ближайшей опушки. И я снова кинулся в сечу. Теперь уже верхом. Пот и чужая кровь заливали глаза. И вдруг предо мною возникло русьское лицо… Но его обладтель оказался в шеломе с чалмой и ордынском доспехе. А как похож он на моего отца, - Царствие ему… Что за наваждение?!

- Дядя Стефан! – выдохнул я.

- Шайтан – твой дядя! – ответил всадник, рубивший направо и налево своих же, русьских… Вдруг он приостановился… На миг вгляделся в меня… Рассмеялся: «Не дядя, а смерть твоя, плем-м-мянничек!»

- Как ты мог, иуда?! – скрипнул я зубами и ринулся на него.

- Как отец твой и брат мой мог жениться не моей, слышишь, на моей любимой и тебя родить, ублюдок?! – отбил он мой первый удар… - Встретил бы я здесь Леонтия, зубами бы разорвал!

И рубанул так, что один из моих мечей, которым я пытался отбиться, сломался.

- Ты же не меня, не мать, не отца… Ты весь род наш опозорил, - пытался только отбиваться я…

- Плевать мне на род! – непрестанно наносил он мне удары… - Ненавижу и тебя, и весь род! Вы мне жизнь сломали!.. Будьте вы все прокляты!

И тут он изловчился… Как же мог я забыть этот родовой удар! Как не застегнул снова бармицу?! А дядька Стефан не забыл… Щитом раскрутил он мой меч, а свой вонзил сверху, под ворот кольчуги, вниз и внутрь моего тела… По самую рукоять!

Это была не боль, а горечь! Обида какая-то… Истома… Истома смертная! Оттого она, понял я вдруг, что родовое проклятье, бра-то-убий-ства легло теперь на весь мой род… Воздух вокруг стал красным… Руки, ноги, да и все тело не слушались меня…

- Ах ты, гад! – услышал я откуда-то сбоку… И сквозь краснеющую все гуще пелену увидел, как Георгий с размаху мечом снес голову моему дядьке Стефану.

- Отец! – кинулся он ко мне…

- Рубись… Ты убил родного брата своего деда Леонтия! - выдохнул с кровью я… - Но он – иуда!..

И почувствовал, что проваливаюсь в темноту… Но так было лишь мгновение… А потом необычайная легкость наполнила меня. Я не чувствовал ни боли, ни тяжести доспеха, ни тяжести самого себя… Откуда-то сверху я вдруг увидел свое тело, на которое падали другие: русьские, ордынцы, генуэзцы, ясы, косоги, армены… А вокруг летали светлоликие отроки, такие же ратники, как я… Последние были увенчаны золотыми шеломами, похожими на тот что украшал голову князя Алексу… Которого святая жена попросила посадить нас с Герасимом на коня, когда мы попали в литовскую засаду… А вот – и она! И Алекса! Они улыбаются мне! Протягивают руки… Князь Алекса сказал: «Если бы не эта сеча, мы должны бы были во многом помочь тебе добраться до Судии. Но ты пока смотри!»

И я увидел, - сверху, с высоты птичьего полета, - как ордынцы рубят полк Левой руки, а тот отступает…

- Неужели поганые побеждают? – спросил я.

- Нет, дорогой мой! Это – ратная хитрость! Мудер брат Димитрий! Смотри!

И еще я увидел, как в мелком болотце, по колено в воде, рубятся отроки. Их всего – десятка два-три… А вокруг несколько сотен поганых… Падают отроки,

убиваемые один за другим. Да это же – мой Ивашка! Он стоит уже один, истекая кровью, вооруженный мечом и кинжалом. А вокруг – те же сотни ордынцев… От них отделяется крепкий и стройный поганый… Подходит, ухмыляясь, к Ивашке и через два-три удара… отрубает своим кривым мечом ему голову. Поднимает ее за волосы над собой. Дзыкает… Но вдруг, оглядевшись, меняется в лице. Застывает, раскрыв рот… Жестокая, самодовольная, звериная радость на лице искривляется ужасом, смертным страхом! Он видит, как из дубравы вылетает Засадный полк, численностью не намного меньше всей Русьской рати, только что, казалось, побежденной, опрокинутой, обезглавленной… так вот, как мудро задумал Димитрий Иоаннович!

- Урусы воскресают! – хрипит ордынец и, швырнув голову Ивашки в болотце, бросив меч, бежит к Красному холму, где восседает Мамай. Но его настигает князь Герасим и с размаху рассекает от плеча до паха…

И еще я увидел, как бегут поганые! А впереди их - и сам Мамай, с сотней верных нукеров…

И еще я увидел молодого князя Фаддея из-подо Ржева, его соседа Иоанна, лежащих меж двух десятков ордынцев на поле сечи… А недалеко стоял отец Вениамин… Брат Фаддея… Стоял проткнутый несколькими пиками, тупыми концами воткнувшимися в землю и удерживающими его в таком положении… Одна из пик прошла снизу, выйдя через плечо. На нее молодой, убиенный священник и опирался высоко поднятой правой рукой, намертво зажав в ней крест… «Живой храм!» – восхитился я. А еще я увидел, как князь-чингизид Ондрей Иванович Саркисов, прикрывший собой Володимира Ондреевича Серпуховского, тоже поднят на ордынские пики… А рядом с ним лежит порубленный его старый отец, кинувшийся на выручку сыну… Но тут же, словно по чьему-то повелению оглядевшись, увидел их же рядом с собой, на высоте птичьего полета… Только теперь они были в золотых доспехах, красных плащах и со сверкающими крестами в руках…

И еще я увидел, как находят израненного, но слава Богу, живого Великого Князя Димитрия Иоанновича… Как подбирают русьских раненных ратников… Как павших укладывают в дубовые колоды, заливают медом и везут в их малые отчинки… Безвестных же хоронят на опушках рощ и дубрав под крестами. Убитых ордынцев тоже укладывают тысячами в глубокие ямы и засыпают известью, дабы не было мора и заразы какой на этой святой земле…

И еще я увидел мою княгиню Аллу. Только теперь она была не в тереме, а в крохотной келье… И годы пролегли по все еще прекрасному лицу множеством тонких морщинок… И была она вся в черном иноческом облачении на коленях с четками в руках и перед святыми образами. А монахиня, вошедшая к ней, назвала ее матушкой Еленой…

И еще я увидел сына своего Георгия. Уже с сединой в бороде въезжал он в Москву во главе большого войска под победный перезвон колоколов…

И еще я увидел сынов его, - семерых моих внуков! - рожденных княгиней Анастасией, в ратных доспехах, встречаемых женами-красавицами…

И еще я увидел царевича Петра Джанибековича и жену его, - дочку мою, Ольгушку, - окруженных детьми в моей подмосковной.

И еще я видел сына Константина и другого, - от мордовки Татьяны, - Еремея, рубящихся с литвой и… погибающих за други своя, за Веру Православную, Великого Князя и Отчину…

И еще я увидел дочку Евфимию в доме князя Ондрея, - непраздную! – окруженную пятью ребятишками… И мужа ее, Ляксандра, сына князя Ондрея и княгини Ирины…

И еще я увидел скованного цепями и сжигаемого на костре ляхами старого уже князя Герасима…

И еще я увидел псковского знакомца князя Феодора, то же древним старцем в архиепископском облачении, поминающего меня, грешного в Псковском Троицком соборе…

И еще я увидел… Только уже выше меня, над головой огромный храм… Странный… Словно кто-то сказал мне, что он – Поле Куликово, а святые Приделы его – сеча – на Пьяне-реке, где установлен Помин и сеча на реке Воже… И что там мне предстоит быть на всех Божественных службах с другими моими, вечно живыми соратниками…

И еще я увидел… Многое, о чем до времени не велено повествовать… Многое другое… И других… Всю Землю Русьскую! И возблагодарил я Господа за жизнь мою земную, за смерть, за то, что Он дал мне все это увидеть… Подошел к подножию Престола Его. Упал на колени…

И теперь молюсь за всех живущих на земле сродников, за всю Землю Русьскую! Этим и живу! Этим и дышу!

Я открыл глаза. Вагон покачивало в движении… «Значит и за меня князь Ляксандр молится, - мелькнула сладкая мысль, - Слава Тебе Господи»!

…Хорошо мы посидели вчера! Раздвинув занавески на окне купе, я увидел только голую степь. Значит, я все еще – в Казахстане… В дверь постучали. Это был Карл Петрович.

- Как спалось? – весело спросил он.

- Спасибо! – мотнул я радостно головой, но совсем не желая отогнать сон… или очередное видение.

- Все. Казахстан закончился! - хохотнул он.

- Как так?

- А вот так! «Де юре» мы, конечно, - в Казахстане. И встретимся еще с казахами. «Де факто» же, мы – на казачьих землях. Казаки здесь издавна поселились… Но, об этом, ежели интересуетесь, поговорим позднее. Хотя бы – за завтраком. Одевайтесь, умывайтесь! И – прошу к столу.

Когда он вышел, я прочитал краткое правило и, вглядываясь в одноцветную, желто-зеленую степь, прошептал: «Прощайте, дорогие мои, князь Александр и все остальные!»

- Это – не надолго… - словно кто-то ответил мне.

Конец второй книги и Богу – слава!

Закончена на Воздвижение Креста Господня 2008 года
Отпечатана в мае 2009 года

-